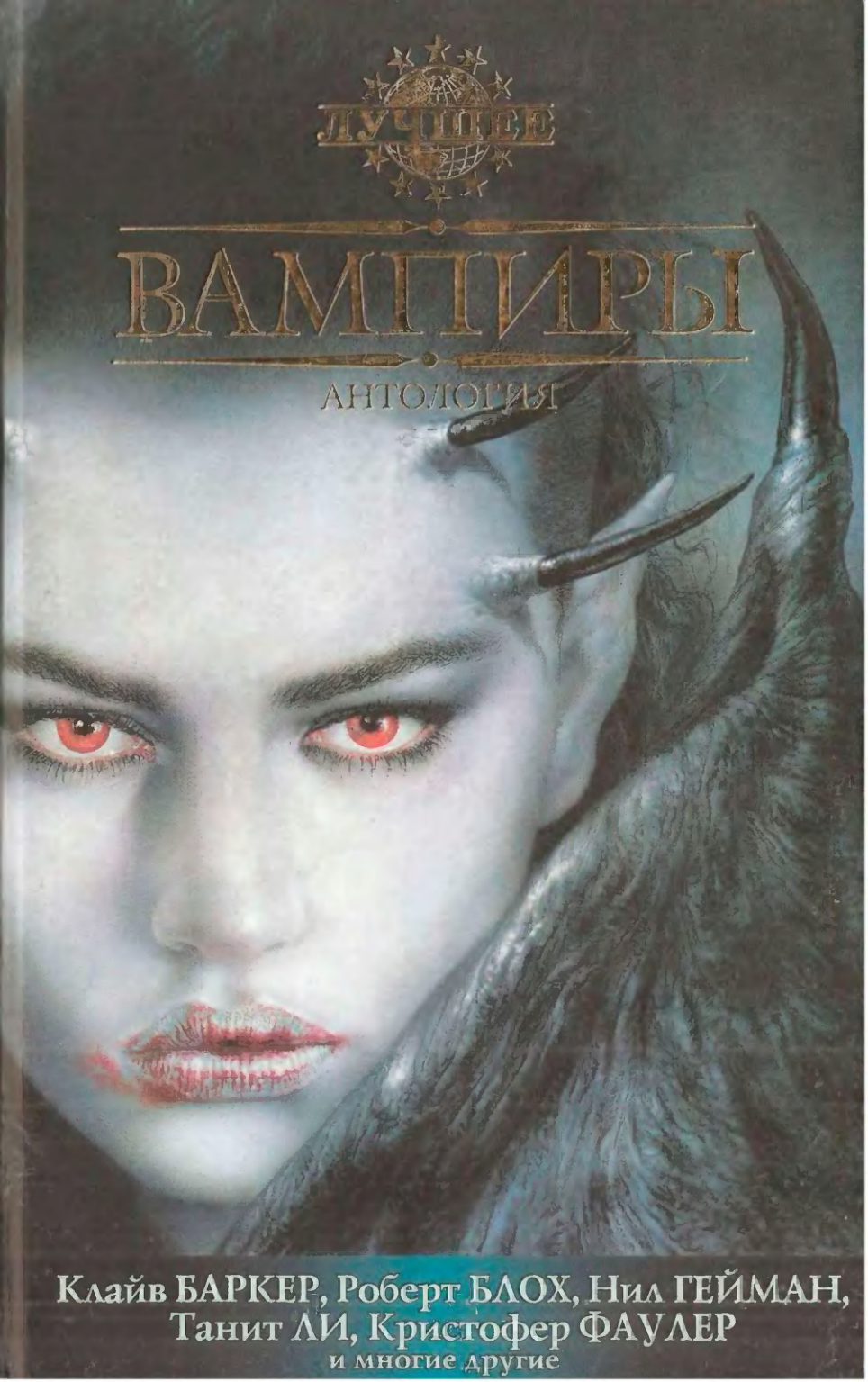

ЛУЧШЕЕ
ВАМПИРЫ
АНТОЛОГИЯ
Клайв БАРКЕР, Роберт БЛОХ, Нил ГЕЙМАН,
Танит ЛИ, Кристофер ФАУЛЕР
и многие другие

Клайв БАРКЕР, Роберт БЛОХ, Нил ГЕЙМАН,
Танит ЛИ, Кристофер ФАУЛЕР
и многие другие

ВАМПИРЫ

АНТОЛОГИЯ

Санкт-Петербург
Издательский Дом «Азбука-классика»
2007

УДК 82/89
ББК 84.7 США
В 16

The MAMMOTH BOOK OF
VAMPIRES
Edited by Stephen Jones
Collection and editorial material
copyright © Stephen Jones, 1992, 2004
First published in the UK by Robinson Publishing Ltd 1992,
an imprint of Constable & Robinson Ltd.

Публикуется по соглашению с издательством CONSTABLE
& ROBINSON LTD (Великобритания) при содействии
Агентства Александра Корженевского (Россия)

Перевод с английского
Д. Бабейкиной, Н. Горелова, А. Гузмана, В. Двининой,
Д. Денисова, Д. Кальницкой, В. Колосовой, Е. Королевой,
Н. Кудрявцева, П. Матвейца, Е. Первушиной,
В. Полищук, О. Ратниковой, Г. Соловьевой, Е. Сытник,
К. Тверьянович, Л. Шушуновой

Оформление Александра Золотухина

Иллюстрация на обложке Луиса Ройо

В 16 **Вампиры**: Антология / Пер. с англ. Д. Бабейкиной, Н. Горелова, А. Гузмана и др. — СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2007. — 896 с.
ISBN 978-5-91181-439-7

В новой антологии собраны тридцать пять классических и современных историй о вампирах, принадлежащих перу таких известных авторов, как Клайв Баркер, Роберт Блох, Нил Гейман, Танит Ли, Ким Ньюмен, Кристофер Фаулер, Брайан Ламли и других.

Загадочные, жестокие, аристократичные, сексуальные, бесстрастные, как сама смерть, и способные на самую жгучую страсть, — вампиры уже не первое столетие остаются притягательной и модной темой мировой литературы и кинематографа.

Исторгнутые извечной тьмой или порожденные человеческими суевериями; исчадия зла или жертвы рокового недуга; звероподобные кровопийцы или утонченные ценители алого вина жизни — вампиры обязательно завладеют если не вашей кровью, то неотступным вниманием.

© Д.Бабейкина, Н.Горелов, А.Гузман,
В.Двинина, Д.Денисов, Д.Кальницкая,
В.Колосова, Е.Королева, Н.Кудрявцев,
П.Матвиец, У.Первушина, В.Полищук,
О.Ратникова, Г.Соловьева, Е.Сытник,
Тверьянович, Л.Шушунова, перевод, 2007
ISBN 978-5-91181-439-7 © Издательский Дом «Азбука-классика», 2007

Дети Тьмы

Живые мертвецы... Носферату... Дети Тьмы... Как бы их ни называли, объединяет этих существ одно — необходимость высасывать жизненные силы из живых людей, только так они могут поддерживать собственное противоестественное существование и размножаться. Для классического вампира кровь — это жизнь.

Однако в последние годы во многих романах и рассказах вампиры предстают в несколько ином свете — как персонажи несчастные и никем не понятые, как жертвы рокового недуга; или же как существа, питающиеся людскими душами или разными соками человеческого тела, не только кровью (например, вампиры все чаще отождествляются с темной стороной сексуальности). Разумеется, все эти подходы имеют полное право на существование, на их основе даже были созданы произведения, ставшие уже классикой жанра.

Хотя лично я отдаю предпочтение более традиционной литературе о вампирах.

В настоящем издании собраны тридцать пять классических и современных рассказов о живых мертвецах, причем созданы многие из них самыми известными авторами, пишущими в жанре ужасов. Для того чтобы выборку можно было считать представительной, мы включили в нее и несколько рассказов, следующих новомодным тенденциям, о которых я говорил выше, и все же по большей части кровопийцы, которых вы встретите под этой обложкой, — классика!

На пути от убойного триллера Хью Б. Кэйва «Страгелла» («Stragella») через заковыристую сказочку Танит Ли «Красный как кровь» («Red as Blood»), в галлюцинацию Майкла Маршалла Смита «Пленник» («A Place to Stay») — вам повстречаются современные рассказы о вампирах, принадлежащие перу таких мастеров жанра, как Клайв Баркер, Брайан Ламли, Рэмси Кэмпбелл, Харлан Эллисон, Нил

Гейман, Роберт Блох, Дэннис Этчисон, Карл Эдвард Вагнер, не говоря уже о прочих.

Есть на этих страницах и произведения Сидни Дж. Баундса, Джона Бёрка, Грэма Мастертона, Тины Рат и Стива Резника Тема; творчество Ф. Пола Уилсона, Леса Дэниэлса и Челси Куинн Ярбро представлено тремя прекрасными новеллами; что касается Кима Ньюмена, то вы сможете ознакомиться с его очередным рассказом из цикла «Anno Dracula», получившего заслуженную популярность и самые восторженные отзывы критики.

Как обычно, все рассказы, вошедшие в этот сборник, были включены в него потому, что очень мне понравились. Кроме того, я старался, чтобы в эту антологию вошли сюжеты относительно неизвестные — даже самым заядлым поклонникам вампиров.

Итак, прежде чем перевернуть страницу, убедитесь, что связки чеснока висят на своих местах, то есть возле всех дверей и окон, что деревянный кол заточен и святая вода под рукой. Так, на всякий случай...

Что ж, приветствую вас!

Стефен Джонс (Stephen Jones)
Лондон, Англия

КЛАЙВ БАРКЕР

Останки человеческого

Клайв Баркер, автор многих бестселлеров, родился в Англии, в Ливерпуле. На литературном поприще он выступил впервые в качестве драматурга; в то время он и сам играл в театре и ставил спектакли. Его первые рассказы были опубликованы в 1984 году в «Книгах крови» («Books of Blood»), после чего он написал подряд несколько романов, получивших широкую известность, например «Явление тайны» («The Great and Secret Show»), «Сотканный мир» («Weaveworld»), «Имаджика» («Imajica»), «Вечный вор» («The Thief of Always»), «Эвервилль» («Everville»), «Таинство» («Sacrament») и «Галили» («Galilee»). Совсем недавно вышел в свет «Каньон Разбитых Сердец» («Coldheart Canyon») — история о голливудском призраке. Кроме того, Баркер написал и сам проиллюстрировал четыре книги для детей: первая из них, «Абарат» («Abarat»), уже опубликована. В 2001 году была издана авторизованная биография писателя под заглавием «Клайв Баркер: Темная фантастика» («Clive Barker: The Dark Fantastic»), составленная Дугласом Е. Винтером. В качестве сценариста, режиссера и продюсера Баркер участвовал в создании таких фильмов, как «Восставший из ада» («Hellraiser») и «Кэндимен» («Candyman»), ставших торговыми марками, а также «Ночной народ» («Nightbreed»), «Повелитель иллюзий» («Lord of Illusions»), «Святой грешник» («Saint Sinner») и оскароносной картины «Боги и монстры» («Gods and Monsters»).

Кроме того, Баркер превосходный живописец и фотограф: его работы выставлялись в Нью-Йорке и Лос-Анджелесе. Живет он в Беверли-Хиллз, штат Калифорния, вместе со своим другом кинооператором Дэвидом Армстронгом.

Рассказ, предлагаемый вашему вниманию, не только один из самых ранних, но и один из самых захватывающих. И вампир, о котором пойдет речь, — совершенно особенный...

Одними ремеслами лучше заниматься днем, другими — ночью. Ремесло, в котором весьма преуспел Гэвин, относилось к последним. В зимнюю стужу или в летний зной, облокотясь о стену или замерев в дверной нише, всегда наготове, с огоньком сигареты, неизменно парящим у губ, он продавал то, что потело у него в штанах, — всем желающим, без разбору.

Иногда — вдовушкам, у которых за душой было больше денег, чем любви. Они снимали его на уик-энд, назначали свидания, дарили кислые, настойчивые поцелуи, а иногда, если им все же удавалось позабыть на срок своих покойных возлюбленных, даже предлагали пощупать свои иссохшие бугорки в постели, источающей запах лаванды. Иногда — брошенным мужьям, жаждущим секса и в отчаянии готовым соединиться на часок с мальчиком, который даже не спросит их имени.

Гэвину было в общем-то все равно с кем. Неразборчивость стала его визитной карточкой, даже своеобразной изюминкой. Она значительно облегчала клиентам момент расставания — после того, как дело было сделано и деньги заплачены. Очень просто бросить «чао» или «пока-пока» или вообще ничего не сказать человеку, которому явно наплевать, существуете вы на свете или уже отдали Богу душу.

И надо отметить, что для Гэвина эта профессия — по сравнению с другими, разумеется, — не была лишена особого шарма. Каждую четвертую ночь ему даже удавалось получить хотя бы капельку физического наслаждения. Худшее, что с ним случалось, — это сексуальная живодерня, когда кожа дымится, а глаза стекленеют. Но с годами он привык и к этому.

Это был просто бизнес. Доход получался неплохой.

Днем Гэвин обычно спал. Для этой цели он выдавливал в кровати теплый желобок, плотно заворачивался в простыни, наподобие мумии, и обхватывал голову руками, защищаясь от света. Около трех он вставал, брился и принимал душ, а потом в течение получаса тщательнейшим образом изучал свое отражение в зеркале. Он был невероятно требователен к себе, никогда не позволяя своему телу отклониться в весе от выбранного им раз и навсегда идеала

более чем на один-два фунта в меньшую или бóльшую сторону, аккуратно увлажняя кожу, если она сохла, или подсушивая ее, если она становилась слишком жирной, и истребляя малейший прыщик, грозивший нарушить идеальную гладкость его щеки. За первыми же признаками венерических заболеваний — единственной разновидности любовного недуга, которым он когда-либо страдал, — тут же устанавливался строгий надзор. От очередного нашествия лобковых вшей избавиться было легко, а вот из-за гонореи, которую он подцепил дважды, ему пришлось остаться без работы на три недели, что на бизнесе отразилось не лучшим образом. Так что *он* всегда инспектировал свое тело с пристрастием и при появлении малейшего намека на сыпь немедленно спешил в клинику.

Но это бывало нечасто. Если не считать тех случаев, когда непрошеные вши требовали к себе внимания, единственным, чему посвящались эти полчаса самолюбования, было восхищение уникальным сочетанием генов, благодаря которому на свет явился *он*. Он был великолепен. Ему об этом твердили постоянно. Великолепен. Лицо, о, это лицо, говорили они, стискивая его в своих объятиях, будто пытаясь урвать кусочек его красоты.

Были, конечно, и другие красавчики. Их можно было найти, например, через агентства, даже на улице, если знать, где искать. Но лица большинства «мальчиков по вызову», с которыми Гэвин был знаком, рядом с его лицом казались совершенно бесформенными. Эти лица напоминали скорее этюды, наспех вылепленные скульптором — экспериментальные, грубые, — нежели законченные произведения. А он — он был совершенен. Здесь уж мастер постарался на славу, оставалось лишь тщательно оберегать этот шедевр от любой порчи.

Закончив осмотр, Гэвин одевался, затем еще немного любовался собою — но не более пяти минут, — и упакованный товар был готов к продаже.

В последнее время он все меньше работал на улице. Слишком уж это было рискованно: блюстители порядка могли нагрянуть в любой момент, к тому же порой попадались психи, горящие желанием очистить Содом. Если

становилось уж слишком лениво, то всегда можно было взять клиента, обратившись в эскортное агентство, но эти сводники каждый раз норовили урвать от суммы, полученной за услуги, кусочек пожирнее.

У Гэвина были, конечно, и постоянные клиенты, которые являлись по записи из месяца в месяц. Одна вдова из Форт-Лодердейла ежегодно нанимала его на пару дней для поездки в Европу; еще одна дамочка, чье лицо он однажды увидел в глянцевом журнале, вызывала его время от времени только для того, чтобы вместе поужинать и поделиться с ним своими семейными проблемами. Еще был мужчина, которого Гэвин звал Ровером, в честь его машины. Этот парень покупал его примерно раз в две недели — на ночь, полную поцелуев и признаний.

Но в ночи, свободные от постоянных клиентов, Гэвин сам выходил на охоту и рыскал по улицам. О, это искусство он знал в совершенстве. На улицах города не было ни одного человека, который так же прекрасно владел бы языком приглашающих жестов. Гэвин умел выразить и различить тонкую смесь поощрения и отчужденности, податливости и игривости. Он умел особым образом перенести массу тела с левой ноги на правую, чтобы продемонстрировать свое мужское достоинство с лучшей стороны: вот так. Не слишком назойливо, не слишком распутно. Просто многообещающе, но как бы невзначай.

Он гордился тем, что, как правило, выкидывал подобные трюки каждую пару минут — и никогда не реже раза в час. Если он разыгрывал свою партию с обычным старанием и глядел при этом в нужную сторону — на нужную разочарованную жену или на нужного раскаявшегося мужа, — они его кормили (иногда даже одевали), тащили в койку и удовлетворенно желали «спокойной ночи» — и все это прежде, чем последний поезд метро успевал доехать по линии Метрополитен до Хаммерсмита. Теперь годы получасовых свиданий, когда за один вечер приходилось трижды отсасывать, а затем еще и трахаться, подошли к концу. Во-первых, он потерял к этому интерес, во-вторых, он намеревался совершить в ближайшее время карьерный рост: от мальчика по вызову до альфонса, от альфонса до жиго-

ло, от жиголо до законного супруга. Он был уверен, что на днях женится на какой-нибудь вдовушке, может быть, на той флоридской матроне. Она как-то сказала, что так и видит его нежащимся на солнышке на берегу ее пруда в Форт-Лодердейле, — и он стал подогревать в ней эту фантазию. Нельзя сказать, что дело было в шляпе, но рано или поздно он своего добьется. Главная трудность состояла в том, что эти пышные цветочки требовали тщательного ухода, и главная беда в том, что частенько они умирали, так и не принеся плода.

И все же — в этом году. О да, в этом году непременно, просто необходимо сделать все в этом году. Подступающая осень несла в себе что-то хорошее, он был уверен.

А пока что он наблюдал, как углубляются складки вокруг его рта (великолепного, вне всякого сомнения), и следил за поединком Времени и Случая, рассчитывая возможные потери.

Был вечер, четверть десятого, 29 сентября. Прохладно, даже в фойе отеля «Империал». Бабье лето в этом году не посетило город: осень крепко зажала Лондон в своих челюстях и мотала его из стороны в сторону, стряхивая все *покровы*.

На этом холоде Гэвин застудил себе зуб — свой бедный, несчастный, дырявый зуб. Пойди он к дантисту, вместо того чтобы проваляться в постели и проспать лишний час, теперь ему не было бы так погано. Ну ладно, поезд ушел, подождем до завтра. Завтра будет полно времени. И никаких свиданий. Он просто подойдет к регистрационной стойке, улыбнется, девушка растает и скажет, что просмотрит листок записи и, может быть, удастся найти для него какое-нибудь «окошко». Она снова улыбнется, покраснеет, и он в тот же момент попадет к дантисту, вместо того чтобы ждать две недели, как какой-нибудь лох, у которого нет великолепного лица.

Сегодняшний вечер должен был стать последним. Оставалось только подцепить какого-нибудь вшивенького клиентишку — к примеру, несчастного мужа, готового оторвать кругленькую сумму от сердца, лишь бы ему вылизали другой

орган. Потом можно будет отправиться в Сохо, засесть в ночном клубе и предаться размышлениям. Если клиент не окажется маньяком, желающим исповедаться, Гэвин наскоро вылижет ему член и освободится к половине одиннадцатого.

Но сегодня была явно не его ночь. За стойкой регистрации в «Империале» стоял кто-то незнакомый — тощий, с постным лицом, на башке какой-то нелепый парик (весь склеенный); этот парень уже с полчаса косился на Гэвина.

Обычно за стойкой стоял Мэдокс, он был парень себе на уме, Гэвин встречал его пару раз, шатаясь по барам; таких легко склонить на свою сторону, если умеешь обращаться с подобными людьми. Мэдокс был податлив как воск в руках Гэвина, а пару месяцев назад даже снял его на час. При желании Гэвин мог предложить гибкую систему скидок, со стратегической точки зрения это очень полезно. Но новичок казался совсем другим — суровым и прямолинейным — и явно просек игру Гэвина.

Гэвин лениво направился через фойе к сигаретному автомату, двигаясь в ритм музыке по красно-коричневому ковру. Долбаная ночь, просто дерьмо, а не ночь.

Когда он отвернулся от машины с пачкой «Winston» в руке, перед ним уже стоял парень из-за стойки.

— Простите.., сэр,— произнес тот с тренированной вежливостью, явно напускной.

Гэвин ответил ему ласковым взглядом:

— Да?

— Вы проживаете у нас в отеле... сэр?

— Вообще-то...

— В таком случае, администрация отеля будет вам признательна, если вы немедленно покинете помещение.

— Я тут жду кое-кого.

— О?

Парень не поверил ни единому слову.

— В таком случае, назовите мне имя человека, которого вы ждете...

— Это ни к чему.

— Назовите мне имя,— настойчиво повторил портье,— и я буду рад сообщить вам, находится ли ваш... знакомый... в здании отеля.

Ублюдок явно собирался гнуть свое, а это изрядно ограничивало пути к отступлению. Гэвину оставалось либо вести себя спокойно и покинуть фойе, либо прикинуться взбешенным завсегдатаем и постараться смутить этого парня. Из двух вариантов он выбрал последний — не столько потому, что это было верно тактически, сколько из кровожадности.

— Вы не имеете права... — принялся он орать, но парня это не тронуло.

— Слушай, детка, — сказал портье, — я знаю, зачем ты пришел, так что не фиг тут шоки разводить, не то полицию вызову.

Красноречие Гэвина тут же иссякло, с каждым словом оно испарялось на глазах.

— У нас тут приличные клиенты, и они не желают находиться в одном помещении с отморозками вроде тебя, усек?

— Козел, — тихо прошептал Гэвин.

— Но это ведь рангом повыше, чем членосос, разве не так?

Сто баллов.

— Ну как, детка, помчишься отсюда на собственных парах или предпочитаешь, чтобы тебя вывели под ручки парни в форме?

Гэвин решил разыграть последнюю карту:

— А где мистер Мэдокс? Я хочу видеть мистера Мэдокса, он меня знает.

— О, я не сомневаюсь, — фыркнул парень, — уверен, что он тебя знает. Его уволили за непристойное поведение... — Тут вновь прорезались неестественные интонации. — Так что на твоем месте я постарался бы не упоминать здесь его имени. Договорились? Всего доброго.

Подняв одну руку вверх, портье отступил на шаг и замер в позе матадора, жестом указывающего быку, чтобы тот пронесся мимо.

— Администрация благодарит вас за содействие. Пожалуйста, больше не приходите.

Итак, гейм, сет и матч в пользу парня в парике. Какого черта, есть и другие отели, другие фойе, другие парни за

другими регистрационными стойками. Не стоит принимать все это дерьмо близко к сердцу.

Толкнув входную дверь, Гэвин с улыбкой бросил через плечо:

— Еще увидимся.

Теперь, может быть, в одну из ближайших ночей эта гнида как следует вспотеет, когда будет идти домой и вдруг услышит у себя за спиной шаги какого-нибудь молодого человека. Жалкая месть, но лучше, чем ничего.

Дверь захлопнулась, заперев тепло внутри и оставив Гэвина снаружи. С тех пор как он вошел в отель, похолодало. Заметно похолодало. С неба сыпалась легкая изморось, которая, впрочем, становилась все более ощутимой. Он торопливо шагал по Парк-лейн в сторону Южного Кенсингтона. На Хай-стрит есть несколько отелей, где можно какое-то время отсидеться — если, конечно, не случится ничего непредвиденного.

Автомобильное море билось о Гайд-парк-корнер, волны мчались в сторону Найтсбриджа или Виктории — сверкающие, целеустремленные. Он представил себя со стороны — стоящего на бетонном острове, омываемом двумя встречными потоками машин, втиснувшего пальцы рук в карманы джинсов (слишком тесных, только первая фаланга пальцев и поместилась), одинокого, несчастного.

Ни с того ни с сего откуда-то, из забытого уголка его души, накатило волной ощущение безысходности. Ему было двадцать четыре года и пять месяцев. Он занимался своим ремеслом, бросал его, снова к нему возвращался с тех пор, как ему стукнуло семнадцать, обещая себе, что к двадцати пяти годам найдет вдовушку, на которой можно будет жениться (статус жиголо и соответствующее пособие), или займется какой-нибудь легальной деятельностью.

Но время шло, а его честолюбивые замыслы все не спешили воплощаться в жизнь. В нем лишь становилось меньше задора, а морщинок под глазами — все больше.

Автомобили продолжали нестись мимо двумя сияющими потоками, их огни зажигались и гасли, отдавая друг другу приказы, а внутри сидели люди, стремящиеся вскарабкаться на собственные вершины и побороть собствен-

ных чудовищ, и эти стремления, идущие поперек намерений Гэвина, отсекали ему путь к берегу — и к безопасности, ибо чувство безопасности возникает только при достижении цели.

Он был не тем человеком, которым хотел бы быть, которым, в глубине души, обещал себе стать.

А юность позади.

Куда же ему лучше направиться? В своей квартире он сегодня будет чувствовать себя как в тюрьме, даже если выкурит косячок, чтобы немного раздвинуть пределы комнаты. Он хотел, он нуждался в том, чтобы сегодня кто-то был рядом. Просто для того, чтобы увидеть собственную красоту чужими глазами. Чтобы услышать о том, как гармонично он сложен, чтобы его напоили и накормили, чтобы ему льстили, пусть по-дурацки, пусть это будет хоть родной брат Квазимодо, более богатый, более уродливый. Сегодня Гэвину нужна была толика внимания.

Клиента он снял с такой легкостью, что почти позабыл о неприятном эпизоде в фойе «Империала». Это был мужчина лет пятидесяти пяти, солидно прикинутый: ботинки от «Гуччи», да и пальто что надо. Короче — качественный тип.

Гэвин стоял у входа в крошечный кинотеатр и изучал расписание сеансов очередного фильма Трюффо, как вдруг заметил, что на него глазеют. Он обернулся и окинул незнакомца быстрым взглядом, чтобы убедиться, что тот действительно собирается его снять. Казалось, этот прямой взгляд окончательно обескуражил мужчину. Он сделал шаг вперед; потом вроде бы передумал, что-то пробормотал себе под нос, вернулся обратно и принялся старательно изображать, что изучает расписание сеансов. «Видимо, не слишком опытный игрок, — подумал Гэвин, — новичок».

Гэвин непринужденно извлек из пачки «Winston» сигарету и закурил, так что огонек от спички, вспыхнувший в его сложенных горстью руках, высветил ему скулы золотым сиянием. Он использовал этот трюк уже тысячу раз, и гораздо чаще, чем перед зеркалом для собственного удовольствия. Он поднял взгляд от крошечного огонька: в этом

была вся соль. И на сей раз, когда они с клиентом встретились взглядами, последний глаз не отвел.

Гэвин затянулся, встряхнул спичку и кинул ее себе под ноги. Таким образом он уже несколько месяцев никого не снимал, но было отрадно, что уловка еще не отжила свое. Мгновенное узнавание потенциального клиента, скрытое предложение в глазах и в изгибе губ,— это можно было бы ошибочно принять за невинные проявления дружелюбия.

Но Гэвин не ошибся: типчик был просто супер. Незнакомец пожирал его взглядом и, казалось, был восхищен до боли. Замер с открытым ртом, будто слова приветствия застыли у него на губах. Не то чтобы сильно хорош собой, но далеко не урод. Часто бывает на солнце и очень быстро загорает: видимо, жил за границей. В целом же Гэвин пришел к выводу, что перед ним англичанин: слишком уж сдержанно себя ведет.

Вопреки обыкновению Гэвин сделал первый шаг:

— Любишь французские фильмы?

Казалось, как только молчание было нарушено, клиент вздохнул с облегчением.

— Да,— ответил он.

— Пойдешь?

Незнакомец скорчил гримасу:

— Я... нет... нет, вряд ли.

— Холодновато...

— Да, верно.

— Я хочу сказать, холодновато стоять тут.

— Ах да...

Клиент схватил наживку.

— Может быть... хочешь выпить?

Гэвин улыбнулся:

— Конечно, почему бы нет?

— Я тут живу неподалеку.

— Здорово.

— Просто, понимаешь, надоело как-то дома сидеть...

— Знакомое чувство.

Теперь улыбнулся незнакомец:

— Так тебя зовут?..

— Гэвин.

Незнакомец протянул ему руку, затянутую в кожаную перчатку. Очень официально, по-деловому. Рукопожатие его было крепким, от прежней неуверенности не осталось и следа.

— А я Кеннет, — сказал он. — Кен Рейнолдс.

— Значит, Кен.

— Так уберемся поскорее с этого холода?

— Отличная идея.

— Тут совсем недалеко.

* * *

Когда Рейнолдс отворил дверь своей квартиры, их волной окатил спертый, прогретый воздух. Пришлось подняться на три лестничных пролета, и у Гэвина перехватило дыхание, Рейнолдсу же было хоть бы что. Наверное, со здоровьем у этого чудака все в порядке. Интересно, чем он занимается? Работает в центре. Рукопожатие, кожаные перчатки. Чиновник какой-нибудь.

— Давай заходи.

Да, здесь пахло большими деньгами. Ковер в прихожей лежал просто роскошный: когда они вошли, он полностью заглушил звук шагов. Коридор был практически пуст: только календарь на стене, маленький столик с телефоном, кипа справочников, напольная вешалка для верхней одежды.

— Тут теплее, — сказал Рейнолдс, стряхивая с плеч пальто и пристраивая его на вешалку. Не снимая перчаток, он провел Гэвина пару ярдов по коридору, затем в большую комнату. — Давай куртку, — предложил он.

— Ах да... конечно.

Гэвин снял куртку, и Рейнолдс выскользнул вместе с ней в прихожую. Когда он вернулся, то все еще сражался с перчатками: их трудно было снять с потных ладоней. Мужчина все еще первничал, хотя был уже на своей территории. Обычно, оказавшись в безопасности, за запертой дверью, клиенты сразу успокаивались. Но только не этот: он был сама суетливость.

— Не хочешь ли выпить?

— Да, было бы хорошо.

— Чем предпочитаешь травиться?

— Водкой.

— Отлично. Что-нибудь к водке?

— Чуть-чуть воды.

— Э, да ты пурист.

Смысла последней фразы Гэвин не уловил.

— Ага, — ответил он.

— Такие люди мне по душе. Подожди чуть-чуть, я схожу за льдом.

— Не вопрос.

Рейнолдс бросил перчатки на стул, стоявший у двери, и оставил Гэвина изучать комнату. Как и в коридоре, здесь было очень тепло, почти до удушья, и при этом комната не казалась ни уютной, ни гостеприимной. Чем бы ни занимался Рейнолдс профессионально, душой он был коллекционер. Вся комната оказалась забита древностями, которые висели по стенам и стояли на многочисленных полках. Мебели почти никакой, а та, что имелась, выглядела странновато: покосившимся стульям, каркас которых сделан из гнутой трубки, в такой дорогой квартире делать нечего. Рейнолдс, наверное, преподавал в университете или заведовал музеем — в общем, занимался чем-то научным. Прямо скажем, на гостиную биржевого брокера не похоже.

Гэвин ничего не понимал в искусстве, а в истории и того меньше, так что экспонаты ему ни о чем не говорили, но он решил разглядеть их повнимательнее, просто чтобы проявить интерес. Наверняка парень спросит, нравится ли ему весь этот хлам. Содержимое полок навевало смертную скуку. Куски и осколки керамики и скульптур. Ничего целого, одни фрагменты. На некоторых осколках сохранились следы орнамента, хотя время стерло почти все цвета. Некоторые скульптуры явно изображали людей: то и дело попадалась какая-нибудь часть торса, или нога (все пять пальцев на месте), или лицо, изъеденное дождями и ветрами, так что непонятно уже, кого оно изображало — мужчину или женщину. Гэвин широко зевнул. Тепло, экспонаты и перспектива секса нагоняли на него сон.

Он перевел свое сонное внимание на экспонаты, развешанные по стенам. Они были более интересными, чем срунда на полках, но тоже, мягко говоря, не целыми. Гэвин

не понимал, откуда у людей возникает желание глазеть на подобные обломки; в чем тут соль? Каменные рельефы, привинченные к стене, были покрыты щербинами и трещинами, так что казалось, будто на них изображены прокаженные. Латинские надписи прочтению почти не поддавались. Во всем этом не было ничего красивого: не может быть красоты в ущербности. У Гэвина возникло такое чувство, что он испачкался, будто он мог заразиться от этих статуй.

Только один экспонат и заинтересовал его: надгробный камень или что-то очень похожее на надгробный камень, более крупный, чем другие рельефы, и немного лучше сохранившийся. На нем был изображен всадник, с мечом в руке, занесенным над обезглавленным врагом. Под изображением — пара слов на латыни. Передние ноги у лошади были отломаны, и колонны по бокам рельефа грубо обезображены временем, в остальном же изваяние было в неплохом состоянии. Топорно сработанное лицо всадника даже носило черты индивидуальности: длинный нос, широкий рот. Да, это был какой-то конкретный человек.

Гэвин протянул руку, чтобы потрогать надпись, но, услышав, что Рейнолдс вошел, тут же отдернул пальцы.

— Ничего страшного, трогай, — сказал хозяин. — Он висит здесь, чтобы доставлять удовольствие. Потрогай.

Теперь, когда ему было разрешено прикоснуться к камню, желание улетучилось. Он чувствовал себя неловко: его застукали.

— Давай же, — настаивал Рейнолдс.

Гэвин потрогал резьбу. Просто холодный камень, шершавый на ощупь.

— Оно римское.

— Надгробие?

— Да. Найдено возле Ньюкасла.

— Кем был этот человек?

— Его звали Флавин. Он был полковым знаменосцем.

И в самом деле то, что Гэвин принял за меч, при ближайшем рассмотрении оказалось древком знамени. На конце у него было изображено что-то совсем неразборчивое: быть может, пчела, или цветок, или круг.

— А ты что, археолог?

— В том числе. Я изучаю места находок, иногда наблюдаю за раскопками, но главным образом реставрирую найденное.

— Вроде этого?

— Римская Британия — моя особая страсть.

Он поставил стаканы, которые принес с собой, и направился к полкам, заставленным керамикой.

— Эти вещи я собирал годами. И до сих пор ощущаю восторг, когда держу в руках предметы, которые веками не видели дневного света. Такое чувство, будто подключаешься к току истории. Понимаешь, о чем я?

— Ага.

Рейнолдс снял с полки черепок.

— Лучшие находки, разумеется, поступают в крупнейшие коллекции. Но если действовать умело, можно и заполучить кое-что. Римляне... влияние их было огромно. Они строили дома, прокладывали дороги, возводили мосты.

Рейнолдс внезапно усмехнулся собственному воодушевлению.

— Черт возьми, — сказал он, — Рейнолдс опять читает лекцию. Извини. Меня порой заносит.

Поставив осколок сосуда на полку, он вернулся к стаканам и принялся разливать напитки. Стоя спиной к Гэвину, он наконец решился спросить:

— Дорого берешь?

Гэвин замялся. Нервозность этого парня оказалась заразной, и внезапное переключение беседы с римлян на расценки за минет потребовала некоторой перестройки мыслей.

— По-разному, — уклончиво ответил он.

— Хм... — отреагировал собеседник, по-прежнему возясь со стаканами. — Ты хочешь сказать, это зависит от... конкретного свойства моих... э-э... потребностей?

— Ну да.

— Разумеется.

Он обернулся и вручил Гэвину приличных размеров стакан, полный водки. Без льда.

— Я буду не слишком требователен, — заверил он.

— В любом случае я обойдусь недешево.

— О, я уверен, — Рейнолдс попытался изобразить улыбку, но она не удержалась у него на лице, — и я собираюсь заплатить тебе щедро. На ночь остаться сможешь?

— А ты хочешь, чтобы я остался?

Рейнолдс насупился и уткнулся в стакан.

— Видимо, да.

— Тогда смогу.

Казалось, настроение хозяина внезапно изменилось: взамен нерешительности явилась какая-то неожиданная уверенность.

— Твое здоровье, — сказал он, ударив своим стаканом с виски о стакан Гэвина. — За жизнь, за любовь и вообще за все, на что не жаль никаких денег.

От Гэвина не укрылась двусмысленность этого тоста: парня явно изнутри так и крутило от того, что он собирался сделать.

— С радостью за это выпью, — ответил Гэвин и отхлебнул из своего стакана.

Водка пошла хорошо, и после третьего стакана у Гэвина на душе стало так легко, как не бывало уже сто лет. Было так спокойно сидеть и вполуха следить за россказнями Рейнолдса об археологических раскопках и о былой славе Рима. В голове у него плыло: приятное чувство. Ясно, он просидит здесь всю ночь или, по крайней мере, до раннего утра, так почему же не выпить с клиентом его водки и не получить удовольствие от сложившейся ситуации? Позже наверное, значительно позже, судя по тому, как парень усердно треплется, будет пьяный секс в полутемной комнате, и на этом все кончится. У Гэвина уже бывали такие клиенты. Они обычно одиноки, например с одной любовницей расстались, а другую еще не завели, и ублажить их нетрудно. Этот парень покупал не секс, а компанию — тело, с которым можно побыть рядом. Легкие деньги.

Вдруг этот шум.

Сначала Гэвину показалось, что звук ударов раздается только у него в голове, но Рейнолдс внезапно вскочил со своего места с перекошенным ртом. Благостное ощущение рассеялось.

— Что это? — спросил Гэвин и тоже встал; голова кружилась от хмеля.

— Ничего страшного, — ответил Рейнолдс и, положив руки Гэвину на плечи, заставил его снова сесть. — Подожди.

Шум усилился. Словно барабан в печи: он горит, а в него бьют.

— Прошу тебя, пожалуйста, подожди меня здесь минуту. Это где-то этажом выше.

Рейнолдс солгал, источник грохота находился не наверху. Грохот раздавался здесь же, в этой квартире, ритмичные глухие удары, то чаще, то реже, то снова чаще.

— Налей себе выпить, — предложил Рейнолдс, остановившись у двери. Лицо его пылало. — Проклятые соседи...

Зов — а это был именно зов — стал понемногу утихать.

— Я только на секунду, — пообещал Рейнолдс и закрыл за собой дверь.

Гэвину уже приходилось попадать в неприятные ситуации: шалуны, чьи любовники появлялись в самый неподходящий момент; парни, готовые избить его, чтобы не платить, — один чувак, которого петух раскаяния вдруг в попу клюнул прямо в номере отеля и который по этому поводу разнес все заведение в щепки. Всякое бывало. Но Рейнолдс казался человеком другого сорта: в нем не было ничего странного, никакого намека на придурь. Где-то в подсознании Гэвина, очень далеко, тихий голос напомнил, что те, другие парни тоже поначалу казались нормальными. А, черт с ним — и Гэвин решил оставить сомнения. Если переживать после каждой встречи с новым человеком, то скоро он вообще прекратит работать. Существовала зыбкая грань, на которой можно было доверять только удаче и собственной интуиции, а на сей раз интуиция подсказывала Гэвину, что этот клиент выпендриваться не будет.

Допив залпом содержимое стакана, он налил себе еще водки и замер в ожидании.

Шум затих окончательно, и стало намного проще найти объяснение тому, что произошло: возможно, действительно куролесили соседи сверху. Во всяком случае, было не слышно, чтобы Рейнолдс ходил по квартире.

Взгляд Гэвина блуждал по комнате в поисках чего-нибудь, чем можно было бы себя занять, и вновь остановился на надгробии, висевшем на стене.

Флавин, знаменосец.

Было все же нечто привлекательное в мысли о том, что твое изображение, пусть грубое, вырежут в камне и установят на том месте, где упокоится твой прах, даже если придет время, когда какой-нибудь историк разлучит камень с прахом. Отец Гэвина настоял на том, чтобы его похоронили в земле, а не кремировали: иначе как же, говаривал он, его будут помнить? Кому придет в голову оплакивать урну, замурованную в стене? Ирония была в том, что на его могиле все равно никто не плакал: Гэйвин посетил ее в лучшем случае дважды за все те годы, что прошли со смерти отца.

А вот Флавина люди помнили; люди, никогда не знавшие ни его, ни даже мира, в котором он жил, знали его теперь. Гэвин встал, протянул руку и прикоснулся к имени знаменосца, грубо вырезанному в камне: «FLAVINVS» — оно было вторым словом в надписи.

И вдруг снова раздались эти странные звуки, но на сей раз в более бешеном темпе. Гэвин отвернулся от надгробия и взглянул на дверь, надеясь отчасти, что увидит там Рейнолдса, который все объяснит. Но в дверях никого не было.

— Черт!

Шум продолжался, похожий на барабанную дробь. Кто-то где-то слишком разозлился. На сей раз обмануться было невозможно: неведомый барабанщик находился здесь, на этом этаже, не более чем в паре ярдов. Гэвина начинало донимать любопытство: это коварная любовница. Он осушил свой стакан и направился в прихожую. Стоило ему закрыть за собой дверь, как шум прекратился. Тогда Гэвин решился и крикнул:

— Кен?

Казалось, звук имени умер, едва сорвавшись с его губ.

Коридор был погружен во тьму, только в дальнем его конце пробивался луч света. Возможно, через открытую дверь. Гэвин нащупал на стене справа от себя выключатель, но тот не работал.

— Кен? — снова позвал он.

На сей раз зов не остался без ответа. Раздался стон, а затем звук переворачивающегося или переворачиваемого человеческого тела. Быть может, с Рейнолдсом что-то случилось? О боже, он может лежать всего лишь в двух шагах от Гэвина, не в состоянии пошевелиться — надо ему помочь. Но почему ноги Гэвина передвигаются так лениво? У него засосало под ложечкой, как происходило всегда в моменты напряженного ожидания. Это осталось у него еще с детства, с игры в прятки — возбуждение оттого, что тебя преследуют. Ощущение почти приятное.

Да и если рассуждать здраво, не говоря об удовольствии, разве может он уйти сейчас, не выяснив, что стряслось с клиентом? Он просто обязан пройти по этому коридору.

Первая дверь была приоткрыта; Гэвин толкнул ее, увидел комнату, сплошь уставленную книгами,— не то кабинет, не то спальню. Уличные огни, беспрепятственно проникая через оконное стекло, не завешанное шторами, освещали рабочий стол, заваленный бумагами. Никаких следов Рейнолдса или неведомого барабанщика. Совершив этот первый шаг, Гэвин почувствовал себя увереннее и двинулся дальше по коридору. Следующая дверь также оказалась открытой: она вела в кухню. Внутри было темно. У Гэвина вспотели руки, и он вспомнил, как Рейнолдс пытался снять перчатки, прилипшие к ладоням. Он-то тогда чего боялся? Нет, этот парень снял его не просто так: в квартире был кто-то еще — кто-то озлобленный, склонный к насилию.

Взгляд Гэвина остановился на смазанном отпечатке чьей-то руки, украшавшем дверь, и у него внутри все перевернулось: это была кровь.

Он толкнул дверь, но что-то мешало ей распахнуться настежь — что-то, лежащее за ней. Он проскользнул в кухню через узкую щель. Здесь воняло — то ли переполненное мусорное ведро, то ли ящик с забытыми овощами. Гэвин ощупал стену в поисках выключателя — люминесцентная лампа задергалась в конвульсиях и ожила.

Из-за двери выглянули ботинки «Гуччи», принадлежавшие Рейнолдсу. Гэвин толкнул дверь, и Рейнолдс выкатился из своего убежища. Он явно заполз за дверь, спасаясь

от кого-то: в позе его измятого тела чувствовалась повадка побитого животного. Когда Гэвин к нему прикоснулся, он вздрогнул.

— Все в порядке... Это я.

Гэвин с силой отодрал окровавленную руку Рейнолдса от лица и увидел, что от виска к подбородку полукругом тянется глубокий разрез, и еще один, той же формы, но менее глубокий, спускается от середины лба к носу — будто по лицу провели острой вилкой.

Рейнолдс открыл глаза. В следующую секунду он уже сфокусировал взгляд на Гэвине и произнес:

— Уходи.

— Но ты ранен.

— Бога ради, уходи. Живо. Я передумал... Понял?

— Я вызову полицию.

Но следующие слова Рейнолдс практически выплюнул Гэвину в лицо:

— Убирайся отсюда к дьяволу, придурок! Пидор хренов!

Гэвин выпрямился, пытаясь понять, что происходит. Парню здорово досталось, вот он и злится. Наплевать на оскорбления и найти что-нибудь, чем можно перевязать рану. Вот именно. Перевязать рану, а потом уйти — пусть сам пасет своих тараканов. Не хочет полицию — дело хозяйское. *Возможно, он просто не желает объяснять, что делает* мальчик по вызову в его башне из слоновой кости.

— Сейчас, только бинты найду...

И Гэвин вновь вышел в коридор.

Из-за кухонной двери раздался голос Рейнолдса:

— Не смей...

Но мальчик по вызову его не услышал. А если бы и услышал, ничего не изменилось бы. Неподчинение было девизом Гэвина. «Не смей» он воспринял бы, как приглашение.

Прижавшись спиной к кухонной двери, Рейнолдс попытался подняться, используя дверную ручку в качестве опоры. Голова его кружилась, настоящая карусель ужасов, круг за кругом, и лошади одна уродливее другой. Ноги подогнулись, и Рейнолдс повалился на пол, как старый дурак, каковым он, впрочем, и являлся. Черт. Черт. Черт.

Гэвин слышал, как Рейнолдс упал, но на кухню возвращаться не стал: он был слишком занят поисками оружия. Он хотел быть готовым к самообороне — на тот случай, если незваный гость, напавший на Рейнолдса, все еще в квартире. Он порылся под научными отчетами, наваленными на столе в кабинете, и обнаружил нож для бумаги, лежащий возле кипы нераспечатанных писем. Благодаря Бога за находку, он немедленно схватил его. Нож был легкий, лезвие тонкое и с зазубринами, но, если правильно взяться за дело, таким можно и убить.

Чувствуя себя несколько спокойнее, Гэвин вернулся в прихожую и помедлил минуту, продумывая тактику дальнейших действий. Для начала следовало найти ванную: там с наибольшей вероятностью можно будет разыскать какой-нибудь перевязочный материал. Подойдет даже чистое полотенце. Тогда, возможно, от парня удастся чего-нибудь добиться или даже убедить его дать объяснения. Сразу за кухней коридор резко поворачивал налево. Гэйвин свернул за угол и увидел прямо перед собой приоткрытую дверь. За ней горел свет и на кафеле блестели капли. Ванная.

Зажав левой рукой правую, в которой был нож, Гэвин подошел к двери. От страха мышцы его рук напряглись. Мелькнула мысль: пойдет ли это ему на пользу в том случае, если придется нанести удар? Он чувствовал себя нелепо, неприятно, даже глупо.

На дверном косяке была кровь, отпечаток ладони, явно оставленный Рейнолдсом. Значит, все произошло именно здесь: Рейнолдс выкинул руку вперед, чтобы подтянуть себя к двери, уворачиваясь от нападавшего. Если этот человек все еще в квартире, то именно здесь. Прятаться больше негде.

Позже, если это «позже» настанет, Гэвин, возможно, обзовет себя идиотом за то, что пнул дверь ногой, отворив ее нараспашку и тем самым провоцируя нападение. И все же, отдавая себе отчет в глупости своих действий, он их совершил, и открытая дверь закачалась на петлях, обнаружив кафельные плитки, залитые водой и кровью. Гэвин ждал, что за порогом вырастет фигура с крючковатыми руками и с воинственным воплем кинется на него.

Но нет. Ничего не произошло. В ванной никого не было; а раз не было в ванной, значит, не было и во всей квартире.

Гэвин испустил вздох облегчения, долгий и медленный. Рука, сжимавшая нож, в котором больше не было нужды, ослабила хватку. Теперь, несмотря на пот и страх, Гэйвин испытал разочарование. Снова жизнь его обманула, подобралась с заднего хода и умыкнула его судьбу, оставив ему вместо почти уже заслуженной медали грязную швабру. Оставалось только сыграть роль няньки для этого старикашки — и убраться восвояси.

Ванная была оформлена в зеленовато-желтых тонах, так что кровь и кафель резко контрастировали. Полупрозрачная занавеска для душа, украшенная стилизованным изображением рыбок и морских водорослей, была наглухо задернута. Все это было похоже на киношное место преступления и выглядело как-то игрушечно. Слишком яркая кровь, слишком равномерное освещение.

Гэвин уронил нож в раковину и открыл зеркальные дверцы небольшого шкафчика. Он был забит полосканиями для рта, витаминизированными добавками, пустыми тюбиками из-под зубной пасты, но единственным лекарственным средством, которое там хранилось, оказалась упаковка лейкопластыря. Закрыв дверцу, он увидел в зеркале собственное отражение: совершенно измученное лицо. Он отвернул до упора кран холодной воды и склонил голову к раковине: немного воды — и водка из головы улетучится, а щеки слегка зарумянятся.

Когда он горстью зачерпнул воду и плеснул себе в лицо, за его спиной раздался какой-то звук. Сердце с силой заколотилось о ребра; он выпрямился и закрутил кран. Вода стекла с его подбородка и ресниц и с бульканьем унеслась в трубу.

Нож остался в раковине, на расстоянии вытянутой руки. Звук доносился со стороны ванны, собственно, *из* ванны — безобидное плескание воды.

Страх вызвал прилив адреналина, и обострившиеся чувства Гэвина принялись заново исследовать обстановку. Резкий запах лимонного мыла, ярко-бирюзовая рыба-ангел,

проглядывающая сквозь лавандовую ламинарию на занавеске для душа, холодные капли на лице, тепло под веками — все те неожиданные подробности и впечатления, на которые он до сих пор просто не обращал внимания, не желая прилагать усилий к тому, чтобы видеть, слышать и чувствовать на пределе своих возможностей.

Мир, в котором ты живешь, — настоящий, так твердил ему разум (это звучало как откровение), и если ты не будешь чертовски осторожен, ты в нем умрешь.

Почему он не заглянул в ванну? Вот жопа! Почему?

— Кто там? — спросил он, надеясь, вопреки разуму, что Рейнолдс держит дома выдру и она тихонько принимает ванну. Но надеяться было глупо. Господи, ведь на полу кровь!

Когда Гэвин отвернулся от зеркала, плеск стих — ну давай же! давай! — и он отодвинул занавеску, легко скользнувшую вбок на пластиковых петлях. Спеша раскрыть тайну, он оставил нож в раковине. Теперь уже было поздно: рыбы-ангелы сложились гармошкой, и Гэвин смотрел на воду.

Воды оказалось много, она лишь на дюйм или два не доходила до края ванны и была мутной. На поверхности кружились по спирали клочки бурой пены. От нее шел одуряюще животный запах — запах мокрой псины. Из воды ничего не торчало.

Гэвин вгляделся внимательнее, стараясь понять, что же лежит на дне. Сквозь пену виднелись нечеткие очертания. Он склонился ниже, чтобы на фоне густого осадка различить форму лежащего в ванне предмета. Внезапно он рассмотрел что-то, отдаленно напоминающее пальцы руки, и понял, что этот предмет имеет очертания человеческого тела, скрюченного в позе зародыша и лежащего совершенно неподвижно в грязной воде.

Он провел рукой по поверхности, чтобы хоть чуть-чуть расчистить все это дерьмо, его собственное отражение тут же разбилось вдребезги, зато обитателя ванны стало видно прекрасно. Это была статуя, изображавшая спящего человека, голова которого, впрочем, вместо того чтобы быть слегка опущенной и плотно прикрытой руками, была повернута

так, будто пыталась разглядеть что-то сквозь грязное пятно, расплывшееся по поверхности воды. На грубо вырезанном лице были нарисованы открытые глаза, похожие на две кляксы; рот изображен в виде прорези, а уши походили на две аляповатые ручки, прилаженные к лысой голове. Анатомические нюансы нагого тела были проработаны ничуть не более искусно, чем черты лица, — работа скульптора-недоучки. Краска кое-где облезла, возможно отмокла, и сползала по торсу серыми неровными потеками. Под ней открывалась темная деревянная плоть.

Бояться здесь было нечего. Objet d'art[1], лежащий в ванне; его положили отмокать от дурацкой раскраски. А плеск, который он слышал у себя за спиной, был звуком всплывающих пузырей, образовавшихся в результате какой-нибудь химической реакции. Ну вот, все и объяснилось. Бояться нечего. Никаких причин для страха. Бейся же, мое сердце, как говаривал бармен в «Амбассадоре», когда на сцене появлялась новая красавица.

Гэвин саркастически усмехнулся: парень, лежащий в ванне, на Адониса не тянул.

— Забудь, что ты это видел.

В дверях стоял Рейнолдс. Рана больше не кровоточила, зажатая какой-то омерзительной тряпкой, кажется носовым платком, который Рейнолдс приложил к лицу. Отсветы кафеля придавали его лицу немного желчный цвет; такой бледности устыдился бы даже труп.

— Ты в порядке? Хотя не похоже.

— Не волнуйся... пожалуйста, уходи.

— Что же все-таки случилось?

— Я поскользнулся. На полу лужа. Я поскользнулся, вот и все.

— А как же шум...

Гэвин обернулся и снова заглянул в ванну. В этой статуе было что-то завораживающее. Возможно, нагота; и этот новый стриптиз, который она показывала под водой, высшая форма стриптиза — со снятием кожи.

— Соседи, я же сказал.

---

[1] Предмет искусства *(фр.)*.

— А это что? — спросил Гэвин, не отрывая взгляда от отвратительного кукольного лица, видневшегося из-под воды.

— А это не твоего ума дело.

— Почему фигура так скрючена? Этот парень что, умирает?

Гэвин обернулся и взглянул на Рейнолдса, получив в ответ на свой вопрос лишь кислейшую из возможных улыбок, которая тут же потухла.

— Ждешь, чтобы я заплатил.

— Нет.

— Чертов выродок! Ты работаешь или нет? Не только постель стоит денег, так что бери столько, во сколько сам оцениваешь потраченное время... — он испытующе взглянул на Гэвина, — и свое молчание.

Опять он о статуе; Гэвин не мог оторваться от нее, несмотря на все ее уродство. Его собственное озадаченное лицо смотрело на него, колыхаясь на поверхности воды, своим соседством наглядно демонстрируя беспомощность древнего художника.

— Хватит пялиться.

— Не могу оторваться.

— Тебя это не касается.

— Ты украл ее... верно? Она, наверное, стоит целое состояние, и ты украл ее?

Рейнолдс задумался и в конце концов, видимо, почувствовал, что слишком устал, чтобы врать.

— Да. Украл.

— И вот, за ней кто-то пришел...

Рейнолдс пожал плечами.

— Я прав? Кто-то приходил за ней?

— Ну да. Я украл ее, — Рейнолдс автоматически повторял слова, — и кое-кто приходил за ней.

— Вот и все, что я хотел знать.

— Послушай, Гэвин как-там-тебя, не приходи сюда больше. И не дури, все равно меня здесь не будет.

— Ты про шантаж?! — возмутился Гэвин. — Я не вор.

Испытующий взгляд Рейнолдса вдруг стал презрительным.

— Вор ты или нет — будь благодарен. Если умеешь.

И Рейнолдс отошел в сторону от двери, уступая путь Гэвину.

Тот не двинулся.

— Благодарен — за что? — спросил он.

В нем поднималась злость; он, как это ни нелепо, чувствовал себя отвергнутым, будто он него пытались откупиться полуправдой, потому что знать всю правду он недостоин.

У Рейнолдса не оставалось сил для объяснений. Совершенно измученный, он сполз вниз по дверному косяку.

— Иди же, — проговорил он.

Гэвин кивнул и оставил парня сидеть возле двери. Когда он выходил из ванной в коридор, от статуи, должно быть, отвалилась очередная блямба краски. Он услышал, как та всплыла, услышал плеск воды о край ванны и представил себе, как преломленный рябью свет заплясал на деревянном теле.

— Доброй ночи, — крикнул ему вдогонку Рейнолдс.

Гэвин не ответил и даже денег по пути к выходу не взял. Пусть себе нянчится со своими надгробиями и секретами.

Прежде чем уйти, он заглянул в большую комнату, чтобы забрать свою куртку. Со стены на него посмотрело лицо Флавина, знаменосца. «Должно быть, этот парень был героем», — подумалось Гэвину. Так могли увековечить только память героя. А вот ему ничего подобного не светит; в память о его пребывании на земле не останется высеченного в камне лица.

Он захлопнул за собой дверь, и тут зубная боль снова дала о себе знать. Вдруг за спиной у него вновь раздался все тот же шум — удары кулаком о стену.

Или хуже того, внезапное неистовство пробудившегося сердца.

На следующий день зубная боль стала невыносимой, и Гэвин с утра отправился к дантисту в надежде убедить девушку в регистратуре, чтобы она тут же направила его к врачу. К сожалению, он был не в лучшей форме и глаза его сверкали не столь лучезарно, как обычно. Девушка ска-

зала, что ему придется подождать до следующей пятницы, если, конечно, он пришел не с острой болью. Гэвин ответил, что с острой; девушка возразила, что нет, не с острой. Неважно начинался денек: зубная боль, лесбиянка в регистратуре, замерзшие лужи, на каждом углу дамочки, чешущие языками, мерзкие дети, мерзкое небо.

И с этого дня за ним стали следить.

За Гэвином и прежде ходили по пятам поклонники, но такого еще не бывало. Никогда еще преследователи не были так хитры и неуловимы. Некоторые сутками таскались за ним повсюду, из бара в бар, из улицы в улицу, как верные псы, и это порой его просто бесило. Каждую ночь — одно и то же истомленное жаждой лицо, пытающееся набраться смелости, чтобы купить ему выпить, подарить ему часы или предложить кокаина, или неделю в Тунисе, или бог знает что еще. Его очень скоро начинало воротить от такого навязчивого обожания, которое закисало быстрее, чем молоко, и тогда уж воняло так, что не приведи господь. Один из его самых пылких обожателей — как говорили, актер, посвященный в рыцари, — так к нему и не подошел. Просто шлялся за ним всюду и глядел во все глаза. Сначала такое внимание казалось лестным, но вскоре удовольствие переросло в раздражение, и однажды в баре Гэвин припер парня к стенке и пригрозил свернуть ему шею. Той ночью он был так взвинчен, так утомлен жадными взглядами, что если бы несчастный ублюдок не понял намека, то схлопотал бы не на шутку. Больше Гэвин этого парня не видел: возможно, бедняга вернулся домой и повесился.

Но эта слежка была далеко не так очевидна — не более чем зыбкое ощущение слежки. Никаких явных доказательств того, что кто-то сидел у него на хвосте. Но когда он оглядывался вокруг, возникало вдруг острое чувство, что кто-то мгновенно прятался в тень. Когда он шел по темной улице, ему казалось, что кто-то крадется за ним след в след, подстраиваясь под стук его каблуков, подлаживаясь под каждый неровный шаг. Это напоминало паранойю, однако параноиком он не был. Будь он параноиком, урезонивал сам себя Гэвин, ему наверняка об этом сказали бы.

Кроме того, происходили странные вещи. К примеру, одна кошатница, жившая по той же лестнице, что и он, только площадкой ниже, полюбопытствовала однажды утром, кто это к нему приходил — смешной такой, явился поздно ночью и простоял несколько часов на лестнице, глядя на дверь его комнаты.

В другой раз, когда он вырвался из толпы, наводнившей одну оживленную улицу, и забился в дверной проем пустого магазинчика, зажигая сигарету, он увидел краем глаза чье-то отражение, расплывшееся на изъеденном чадом стекле. Спичка обожгла ему палец, он уронил ее, посмотрел вниз, а когда вновь поднял взгляд, толпа уже сомкнулась вокруг соглядатая, словно бурное море.

Это было дурное, дурное чувство; и то, что его вызвало, было еще хуже.

Гэвин никогда не беседовал с Приторнусом, хотя они порой кивали друг другу, повстречавшись на улице, и каждый лестно отзывался о другом в компании общих знакомых, так что можно было принять их за близких друзей. Приторнус был чернокожим, лет где-то между сорока пятью и могилой — прославленный сутенер, утверждавший, что ведет свой род от Наполеона. Бо́льшую часть из последних десяти лет на него работала команда девушек и три-четыре мальчика, и дела у него шли хорошо. Когда Гэвин только начинал работать, ему настоятельно советовали просить Приторнуса о покровительстве; но Гэвин всегда был слишком независим, чтобы обращаться за подобной помощью. В результате ни Приторнус, ни его люди никогда особо не жаловали Гэвина. Тем не менее, когда он стал в бизнесе постоянной фигурой, никто не претендовал на его самостоятельность. Ходили слухи, будто Приторнус даже признался, что жадность Гэвина вызывает в нем невольное восхищение.

Восхищение-то восхищением, но когда Приторнус наконец нарушил обоюдное молчание и заговорил с Гэвином, небо тому показалось с овчинку.

— Эй ты, белый!

Дело уже шло к одиннадцати, и Гэвин направлялся из бара по Сент-Мартинс-лейн в клуб, который находился

в Ковент-Гардене. Улица еще не уснула: среди тех, кто возвращался из театров и кино, встречались и потенциальные клиенты, но нынче ночью у него не было настроения. В кармане лежала сотня, заработанная накануне, которую он поленился положить в банк. Пока можно перекантоваться.

Первой мыслью, мелькнувшей в мозгу Гэвина, когда он увидел Приториуса и его лысых как колено отморозков, преградивших ему дорогу, было: «Им нужны мои деньги».

— Эй, белый!

Тогда он внимательно вгляделся в плоское лоснящееся лицо. Приториус не был уличным вором; никогда не был и становиться не собирался.

— Белый, ты мне нужен на пару слов.

Приториус извлек из кармана орех, покатав между пальцами, очистил от скорлупы и звонко раздавил ядро своими тяжелыми челюстями.

— Надеюсь, ты не против?

— Что тебе надо?

— Говорю же, перетереть кое-что. Не слишком большая просьба, а?

— Ну ладно. Говори, в чем дело?

— Не здесь.

Гэвин окинул взглядом Приториусовых подручных. Не то чтобы гориллы, это не в стиле чернокожих, но и не слабаки весом в девяносто восемь фунтов. В целом же такая компания большого доверия не вызывала.

— Спасибо, большое спасибо, но нет, — ответил Гэвин и направился, изо всех сил стараясь выдерживать ровный шаг, прочь от этого трио.

Однако сутенер и его молодчики пошли за ним. Он молил Бога, чтобы этого не случилось, но они пошли за ним. Приториус шел и говорил, обращаясь к его спине:

— Послушай. Про тебя дурные слухи ходят.

— Неужели?

— Боюсь, что так. Говорят, ты напал на одного из моих мальчиков.

Гэвин отреагировал, лишь пройдя шесть шагов:

— Я этого не делал. Зря тратишь на меня время.

— Он узнал тебя, сукин сын! И ты его очень здорово отделал!

— Говорю же тебе: я ни при чем.

— Ты, между прочим, псих. Ты в курсе? Тебя нужно на хрен в клетку посадить! — Приториус повысил голос.

Чтобы не вляпаться в назревающую ссору, прохожие переходили на другую сторону улицы.

Не подумав, Гэвин свернул с Сент-Мартинс-лейн на Лонг-акр и тут же сообразил, что совершил тактическую ошибку. Толпа здесь заметно редела, и для того чтобы снова оказаться в людном месте, ему придется миновать длинные улицы района Ковент-Гарден. Нужно было повернуть направо, а не налево, тогда он вышел бы на Чаринг-Кросс-роуд. Там он оказался бы в относительной безопасности. Черт подери, вернуться он уже не мог: тогда он уперся бы прямо в своих преследователей. Оставалось лишь спокойно идти дальше (ни в коем случае не бежать: никогда не беги от бешеной собаки) и стараться удержать разговор в спокойном русле.

— Я из-за тебя кучу денег потерял, — раздался голос Приториуса.

— Не понимаю...

— Этот мальчик был одним из моих лучших агрегатов, а ты вывел его из строя... Уйма времени пройдет, прежде чем я снова смогу предложить кому-нибудь этого парня. Ты хоть понимаешь, что он напуган до чертиков?

— Послушай... я никому не причинял вреда.

— Какого дьявола ты мне лапшу на уши вешаешь, недоносок? Что я тебе такого сделал, чтоб ты со мной так обращался?

Приториус немного ускорил шаг и поравнялся с Гэвином, оставив своих подручных в двух шагах позади.

— Послушай, — прошептал он Гэвину, — такие ребятки часто вызывают соблазн, верно? Круто. Я все понимаю. Если мне поднесут на тарелке миленького мальчика, я и сам не буду воротить нос. Но ты его поранил, а когда ранят моих ребят, я и сам обливаюсь кровью.

— Подумай сам: если бы я и вправду это сделал, разве шастал бы ночью по улицам?

— Откуда мне знать, может, у тебя с мозгами проблемы? Дружище, ведь я не о паре синяков говорю. Тут речь о другом, ты ведь искупался в его крови. Подвесил его и изрезал с ног до головы, а потом подкинул его на хрен мне на порог в одних долбаных носках. Сечешь, белый, о чем я? Сечешь, а?

Когда Приториус принялся описывать якобы совершенные Гэвином злодеяния, в его голосе послышалась настоящая ярость, и Гэвин не знал, как его утихомирить. Он продолжал молча идти вперед.

— Малыш тебя боготворил, ты в курсе? Считал, что ты как настольная книга для любой задницы по вызову. Что, приятно?

— Не сказал бы.

— Тебе должно быть охренеино приятно, козел, ты понял? Это самое большое, на что ты потянешь!

Спасибочки.

— Да, ты сделал карьеру. Жаль, что она обрывается.

Гэвин похолодел; он надеялся, Приториус ограничится угрозами. Похоже, что нет. Они собираются причинить ему вред. Боже, они сделают ему больно, причем в наказание за что-то, чего он не совершал, о чем он даже понятия не имеет.

— Мы уберем тебя с панели, парень. Раз и навсегда.

— Я ничего не сделал.

— Малыш узнал тебя, хоть ты и напялил на голову чулок. Он узнал твой голос, узнал одежду. Придется смириться, тебя узнали. И будь готов платить.

— Да пошел ты.

Гэвин кинулся бежать. В восемнадцать лет он представлял свое графство в беге на короткую дистанцию; вот бы теперь ту же скорость. Приториус захохотал у него за спиной (да он спортсмен!), и две пары ног загромыхали по мостовой ему вослед. Они были уже близко — еще ближе,— и Гэвин совершенно потерял форму. Уже ярдов через двадцать у него заболели бедра, к тому же слишком узкие джинсы сковывали движения. Он проиграл еще до начала погони.

— Тебя никто не отпускал,— проворчал белый громила, вонзая свои обкусанные когти Гэвину в бицепс.

— Неплохая попытка,— усмехнулся Приториус, вальяжно направляясь к своим гончим и затравленному зайцу. Он едва заметно кивнул второму громиле и произнес: — Кристиан!

В ответ на приглашение Кристиан вмазал кулаком Гэвину по почкам, и тот согнулся пополам, выплевывая ругательства.

— Вот туда, — кивнул Кристиан, и Приториус согласился:

— Давай мигом.

Гэвина поволокли в темный переулок, подальше от фонаря. Его рубашка и куртка порвались, дорогие ботинки волочились по грязи. Наконец его заставили выпрямиться, и он со стоном подчинился. В переулке было черным-черно, и только глаза Приториуса как-то странно маячили перед Гэвином в воздухе.

— Ага, вот мы и снова вместе, — протянул тот. — И в самом лучшем виде.

— Я... не трогал его, — выдохнул Гэвин.

И тут безымянный подручный Приториуса, тот, кто не был Кристианом, засадил мясистым кулаком прямо в грудь Гэвину и толкнул его так, что тот налетел спиной на стену, в которую упирался переулок. Каблук его угодил в какое-то дерьмо, заскользил, и, как Гэвин ни старался сохранить вертикальное положение, его ноги совершенно размякли. Как и его воля: не тот случай, чтоб хорохориться. Он будет их умолять, он упадет на колени и вылижет им подметки, если потребуется, — только бы они оставили его в покое. Только бы они не изуродовали ему лицо.

А это была любимая забава Приториуса, во всяком случае, так твердила молва — он обожал лишать людей красоты. А с ним он, судя по всему, мог поступить особенно жестоко, в три удара бритвой изувечить его безнадежно, заставив жертву запихнуть себе в карман собственные губы в качестве сувенира.

Ноги Гэвина подкосились, и он упал лицом вниз; ладони его уперлись в мокрую землю. Он почувствовал, как под рукой хлюпнуло что-то мягкое — какая-то гниль.

Не-Кристиан переглянулся с Приториусом и издевательски заметил:

— По-моему, парень неотразим, а?

Приторнус пытался раскусить очередной орех.

— А по-моему... — сказал он, — парень наконец обрел свое место в жизни.

— Я никого не трогал, — проскулил Гэвин. Ему оставалось только одно: отрицать и отрицать — но и это было бесполезно.

— Да у тебя все на лбу написано, — сказал Не-Кристиан.

— *Пожалуйста.*

— Я хотел бы покончить с этим дерьмом как можно скорее, — произнес Приторнус, взглянув на часы. — У меня встречи назначены, люди ждут удовольствий.

Гэвин поднял взгляд на своих мучителей. До улицы, освещенной натриевыми фонарями, было двадцать пять ярдов — только бы прорваться через этих громил.

— Позволь мне немного подправить тебе личико. Надругаться, так сказать, над твоей смазливостью.

В руке Приторнус держал нож. Не-Кристиан извлек из кармана веревку, к концу которой был привязан небольшой мяч. Мяч засунут в рот, веревку обмотают вокруг головы — и пикнуть не сможешь, даже если от этого будет зависеть твоя жизнь. Ну вот и все.

Вперед!

Только что распластанный на земле, Гэвин вдруг рванулся, как спринтер со старта, но покрывавшие землю нечистоты прилипли к каблукам, и он потерял равновесие. Вместо того чтобы кинуться по прямой туда, где было безопасно, он шатнулся вбок и свалился прямо на Кристиана, который, в свою очередь, грохнулся на спину.

В полной тишине произошла рокировка, Приторнус вышел вперед и, марая руки о белое дерьмо, поднял его на ноги.

— Никуда ты, сволочь, не убежишь, — прошипел он, приставив острие лезвия к самому подбородку Гэвина.

Именно там кость выступала сильнее всего, и без дальнейших препирательств Приторнус начал резать. Он провел ножом вдоль челюсти, в ярости позабыв о том, что неплохо бы заткнуть сволочи рот. Почувствовав, как кровь заструилась по шее, Гэвин взвыл, но крик застрял у него в

горле, когда чьи-то жирные пальцы ухватили его за язык и крепко сжали.

Кровь застучала у него в висках, и перед ним открылось окно, за ним другое, целая анфилада окон, а он все падал в них и падал, теряя сознание.

Лучше смерть. Лучше смерть. Они изувечат ему лицо — лучше смерть.

Потом он снова услышал свой крик, хотя на этот раз сам не почувствовал, что кричит. В уши ему забилась грязь, но все же он попытался вслушаться в голос и вдруг понял, что кричит вовсе не он, а Приториус.

Чужие пальцы соскользнули у Гэвина с языка, и его тут же стошнило. Обливаясь блевотиной, он отшатнулся назад, прочь от возникшей прямо перед ним кучи дергающихся фигур. Какой-то незнакомец или незнакомцы вмешались и остановили надругательство над его красотой. На земле, лицом вверх, скорчилось чье-то тело. Не-Кристиан. Глаза открыты. Мертв. Боже — кто-то убил — для него. *Для него.*

Он осторожно ощупал рукой лицо, проверяя, насколько велик нанесенный ему ущерб. Вдоль челюсти шел глубокий разрез; он начинался посредине подбородка и заканчивался в паре дюймов от уха. Хорошего мало; но Приториус, как человек педантичный, оставил сладкое напоследок, и когда ему помешали, он не успел еще вырвать Гэвину ноздри или отрезать губы. Шрам вдоль челюсти — штука малоприятная, но не катастрофическая.

Перед ним образовалась куча-мала, из которой вывалилась, шатаясь, одна фигура — это был Приториус, на лице его блестели слезы, глаза выкатились.

Немного позади появился Кристиан и, шатаясь, направился в сторону освещенной улицы; руки его, как плети, бессильно болтались по бокам.

Но Приториус за ним не последовал — почему?

Рот у него разинулся; с нижней губы свисла упругая нить слюны, усаженная жемчугом.

— Помоги,— взмолился он, будто его жизнь была в руках Гэвина.

Его огромная рука потянулась в пустоту, будто пытаясь выжать из воздуха хоть каплю милосердия, но вместо этого

на него обрушилась другая рука; она взвилась у него из-за плеча и всадила грубый тяжелый клинок прямо чернокожему в рот. Раздалось жутковатое бульканье, будто глотка несчастного изо всех сил пыталась вместить длину лезвия, его ширину, но убийца рванул клинок вверх и назад, придерживая Приториуса за шею, чтобы тот не качнулся под силой удара. Искаженное испугом лицо раскололось на части, и из Приториусова нутра хлынул жар, окруживший Гэвина теплым облаком.

Тускло звякнув, оружие ударилось о землю. Непроизвольно Гэвин перевел на него взгляд. Короткий, широкий меч. Он снова взглянул на труп.

Приториус стоял перед ним, поддерживаемый рукой палача. Залитая кровью голова завалилась вперед, и палач, поняв этот поклон как знак, аккуратно опустил тело к ногам Гэвина. Тот наконец оторвал зачарованный взгляд от трупа и оказался лицом к лицу со своим спасителем.

Ему потребовалось не больше секунды, чтобы собрать эти грубые черты воедино: удивленные, безжизненные глаза, прорезь рта, уши, как ручки кувшина. Статуя Рейнолдса. Она осклабилась, показав слишком маленькие для огромной башки зубы. Молочные зубки, которые выпадут, прежде чем появятся коренные. Однако выглядела статуя уже получше — это было видно даже в полумраке. Лоб ее, казалось, стал выше; вообще лицо стало более пропорциональным. Это по-прежнему была размалеванная кукла, но кукла, претендующая на большее.

Статуя неуклюже поклонилась, и было слышно, как заскрипели суставы. И тут Гэвин осознал всю нелепость происходящего. Она поклонилась, черт подери, она улыбнулась, она убила, и все же не может она быть живой, или как? Он поклялся себе, что потом сам в это не поверит. Позже он найдет тысячу причин, чтобы не принять возникшую перед ним действительность, объяснит все потерей крови, растерянностью, паникой. Как-нибудь он убедит себя забыть это безумное видение, и все станет по-прежнему, будто ничего и не было.

Если бы только суметь выдержать все это еще пару минут.

Видение протянуло руку и прикоснулось к челюсти Гэвина, легко скользнув грубо вырезанными пальцами по губам и по нанесенной Приторпусом ране. Кольцо на мизинце вспыхнуло искоркой света — точно такое же кольцо, как у него.

— У нас останется шрам, — произнесла статуя, и Гэвин узнал голос. — Ай-яй-яй, как жаль, — запричитала она. Это был *его* голос. — Ну ничего, могло быть и хуже.

Его голос. Боже Всемогущий! Его, его, его.

Гэвин тряхнул головой.

— Да, — кивнула статуя, поняв, что он понял.

— Только не я.

— Увы.

— Но почему?

Статуя отняла руку от его челюсти и прикоснулась к своей собственной, указав пальцем место, где должна быть рана, и как только это произошло, крашеная поверхность вскрылась и на ней образовался шрам. Но кровь не выступила: у этой твари не было крови.

И все же разве этот лоб не стремился уподобиться его собственному и разве этот пронзительный взгляд не был похож на его взгляд... А этот чудесный рот?

— А мальчишка? — *спросил* Гэвин, *пытаясь собрать* факты воедино.

— Ах, мальчишка... — И статуя закатила свои бесформенные глаза к небу. — Тоже мне, сокровище. Знал бы ты, как он рыпался.

— Ты искупался в его крови?

— Но я иначе не могу. — Статуя склонилась к телу Приториуса и вложила пальцы в его расколотую голову. — Эта кровь старовата, но тоже сойдет. Мальчишка был лучше.

Существо мазнуло кровью Приториуса себе по щекс, как индеец, решивший встать на тропу войны. Гэвин не смог скрыть отвращения.

— Это что, большая потеря? — поинтересовался истукан.

Ответ был, конечно, отрицательным. Смерть Приториуса вовсе не была потерей — и какая уж там потеря, если какой-то накачанный наркотой мальчишка-хреносос потерял немного крови и сна, потому что этому размалеванно-

му чуду нужно есть, чтобы расти. Каждый день повсюду происходят вещи и пострашнее — настоящие кошмары. И все-таки...

— Не можешь найти оправдания моим действиям, — подсказала статуя, — они противны твоей природе? Вскоре и я стану таким же. Я откажусь от прошлого, перестану мучить детей, потому что увижу жизнь *твоими* глазами, получу частицу *твоей* человечности...

Истукан поднялся, и его движениям по-прежнему не хватало упругости.

— А пока что, я буду поступать так, как считаю нужным.

На щеке у него, в том месте, где была размазана кровь Приториуса, кожа обрела уже восковой оттенок и гораздо меньше походила на крашеное дерево.

— У меня нет имени, — объявил он. — Я брешь в теле этого мира. Но я и тот самый безупречный человек, незнакомец, о котором ты молился в детстве. Ты мечтал, что он придет за тобой, назовет красавчиком и унесет тебя, обнаженного, с улицы прямо в окно Небес. Ведь это я, разве не так?

Как оно узнало, это существо, о его детских фантазиях? Как смогло оно догадаться об этом образе, о вознесении из зачумленной улицы прямо в Небесный дом?

— Все просто: я — это ты, — ответило существо на этот немой вопрос, — только стремящийся к совершенству.

Гэвин кивнул в сторону трупов:

— Ты не можешь быть мной. Я б ни за что такого не сделал.

Было неучтиво порицать существо за своевременное вмешательство, но вопрос оставался вопросом.

— Не *правда ли?* — поинтересовалось существо. — А *я* думаю, что сделал бы.

В ушах Гэвина прозвучал голос Приториуса: «Надругаться, так сказать, над смазливостью». Он вновь ощутил прикосновение ножа к подбородку, тошноту, беспомощность. Разумеется, он это сделал бы, тысячу раз сделал бы, и считал бы при этом, что вершит правосудие.

Статуя не нуждалась в том, чтобы он признал это вслух: все и без того было очевидно.

— Я тебя еще навещу, — пообещала размалеванная рожа. — А пока что, на твоем месте... — она усмехнулась, — я бы рванул отсюда.

На мгновение Гэвин испытующе заглянул статуе в глаза, затем двинулся в сторону улицы.

— Не туда. Лучше здесь.

Существо указало на дверь в стене, едва заметную за гниющими кучами мусора. Так вот как ему удалось появиться столь тихо и неожиданно.

— Избегай главных улиц, вообще старайся не попадаться никому на глаза. Когда придет время, я найду тебя.

Гэвин не заставил себя уговаривать. Чем бы ни объяснялись события этой ночи — что сделано, того не воротишь. Не время задавать вопросы.

Не оглядываясь больше, он скользнул в дверной проем, но того, что он услышал у себя за спиной, было достаточно, чтобы все внутренности у него завязались узлом. Хлюпанье грязи, довольное урчание твари — звуки, достаточно красноречивые, чтобы можно было представить себе, какой там совершается туалет.

На следующее утро все произошедшее накануне казалось бессмыслицей. Внезапного прозрения, которое объяснило бы суть этого кошмара наяву, не случилось. Налицо были лишь голые факты.

Фактом в зеркале был глубокий порез вдоль челюсти, запекшийся и ноющий гораздо сильнее, чем дырявый зуб.

Фактом в газетах — репортажи о том, что в Ковент-Гардене были найдены два тела, в которых опознали известных преступников. Оба были жестоко убиты в «бандитской разборке» — так сообщала полиция.

И в его собственном мозгу — неотвратимое сознание того, что его непременно найдут, рано или поздно. Его видели с Приторисусом, и кто-нибудь наверняка настучит в полицию. Может быть, тот же Кристиан, если, конечно, пожелает. И тогда они кинутся за ним, сядут ему на хвост, вместе со своими ордерами и наручниками. И что он сможет им сказать в ответ на обвинения? Что человек, который это сделал, был вовсе не человек, а какой-то истукан,

который постепенно становится его двойником? Вопрос не в том, посадят его или нет, а в том, какая именно дыра ему грозит — тюрьма или психушка?

Впадая то в отчаяние, то в сомнение, он отправился в травмпункт, чтобы показать врачу свой порез. Там он терпеливо прождал три с половиной часа, вместе с дюжиной таких же ходячих больных.

Врач оказался настроен не слишком благожелательно. Он сказал, что накладывать швы уже бессмысленно, слишком поздно: рану можно и нужно промыть и перевязать, но шрам теперь останется наверняка. «Почему вы не пришли ночью, сразу после того, как это случилось?» — спросила сестра. Он только пожал плечами: какое им дело? Напускное сочувствие не утешало ни капли.

Повернув на свою улицу, он увидел возле дома машины, синий свет, кучку соседей, которые шептались, сплетничали, зубоскалили. Слишком поздно претендовать на остатки своей прошлой жизни. Пришли чужие и завладели его одеждой, его расческами, его духами, его письмами — и они прочешут все это, как обезьяны в поисках вшей. Он знал, как тщательно работают эти ублюдки, если им надо, как легко они присваивают и растаскивают по кускам человеческую личность. Пожирают, высасывают — они могут стереть вас с лица земли так же верно, как пуля, с той лишь разницей, что вы остаетесь жить,— ходячее пустое место.

Делать было нечего. Жизнь его досталась им на осмеяние и оплевание, и возможно, пара-тройка из этих отморозков занервничают, когда увидят его фотографию и задумаются, а они сами как-то раз во время ночного приступа похоти не этого ли мальчишку сняли?

Пусть их. Милости просим. Отныне он вне закона, ибо законы защищают собственность, а он ее лишен. Они ободрали его как липку или близко к тому: ему негде жить, у него нет ничего, что он мог бы назвать своим. Даже страха у него не было, что самое страшное.

И он повернулся спиной к улице и дому, где прожил последние четыре года, и ощутил что-то сродни облегчению, радуясь, что у него похитили прежнюю жизнь, вместе со всеми ее грязью, убожеством, подлостью. Он будто стал легче.

Два часа спустя, в нескольких милях от прежнего дома, он наконец остановился и ощупал карманы. Там оказались банковская карта, почти сотня фунтов наличными, небольшая пачка фотографий: несколько — сестры и родителей, но в основном его собственной персоны; кроме того, на нем оставались часы, кольцо и шейная цепочка. Использовать карту опасно: наверняка они уже сообщили обо всем в банк. Самое лучшее — заложить кольцо и цепочку, а потом двинуть на север. У него были друзья в Абердине, у которых можно было ненадолго укрыться.

Но сперва — Рейнолдс.

Гэвин потратил час на поиски дома, где жил Рейнолдс. Он уже почти сутки не ел, и, когда он стоял возле Ливингстон-Мэншенс, его живот громко возмутился. Но Гэвин рявкнул на него, велев заткнуться, и вошел в здание. В дневном свете внутренняя отделка дома выглядела менее впечатляюще. Ковер на ступенях был вытерт, краска на перилах явно засалена.

Не спеша он прошел три лестничных пролета и постучал в дверь квартиры, где жил Рейнолдс.

На стук никто не ответил, и из-за двери не донеслось ни звука. Правда, Рейнолдс сказал ему: «Не приходи сюда больше — меня здесь не будет». Предполагал ли он, каковы могут быть последствия того, что он выпустил эту тварь в мир?

Гэвин снова заколотил в дверь, и на этот раз он был убежден, что услышал чье-то дыхание по ту сторону.

— Рейнолдс... — крикнул он, наваливаясь на дверь. — Я тебя слышу.

Ответа не последовало, но там явно кто-то был, Гэвин в этом не сомневался.

— Ну давай же, открывай. Открывай, говорю, ублюдок несчастный.

Тишина, затем глухой голос:

— Убирайся.

— Я хочу с тобой поговорить.

— Я сказал, убирайся, уходи. Мне нечего тебе сказать.

— Бога ради, ты обязан мне все объяснить! Если ты не откроешь эту чертову дверь, я позову кого-нибудь, кто это сделает.

Пустая угроза, но Рейнолдс забеспокоился:

— Нет! Постой. Погоди.

Ключ скрипнул в замке, и дверь приоткрылась на какие-нибудь пару дюймов. Квартира была погружена во тьму, за исключением потрепанной физиономии, которая выпырнула навстречу Гэвину из мрака. Это был Рейнолдс, вне всякого сомнения, но небритый и вообще какой-то опустившийся. Даже через приоткрывшуюся щель от него несло немытым телом, и на нем были только грязная рубашка и подштанники, подвязанные шнурком.

— Я ничем не могу тебе помочь. Уходи.

— Позволь мне объяснить... — Гэвин уперся в дверь, и Рейнолдс то ли слишком ослаб, то ли слишком испугался, чтобы ее удержать. Он отшатнулся назад, в полумрак прихожей. — Что за хрень у тебя тут творится?

По квартире разливалась вонь гниющих продуктов. Воздух был ею пропитан. Позволив Гэвину захлопнуть за собой дверь, Рейнолдс извлек из кармана засаленных подштанников нож.

— Не держи меня за идиота. — В его голосе звучал гнев. — Я знаю, что ты натворил. Отлично. Просто умница.

— Ты об убийствах? Но это не я.

Рейнолдс выставил руку с ножом навстречу Гэвину.

— И сколько же вани крови тебе потребовалось? — спросил он, и глаза его наполнились слезами. — Шесть? Десять?

— *Я никого не убивал.*

— Чудовище.

Нож, зажатый в руке Рейнолдса, был тем самым ножом для бумаги, который Гэвин нашел в прошлый раз у него в кабинете. И с этим ножом Рейнолдс двинулся на Гэвина. Не было сомнения, что он действительно собирается воспользоваться этим оружием. Гэвин съежился, и Рейнолдса его страх, *казалось*, обнадежил.

— Ты, наверное, уже забыл, каково это — быть человеком из плоти и крови?

Парень, похоже, съехал с катушек.

— Послушай... Я пришел только для того, чтобы поговорить.

— Ты пришел, чтобы убить меня. Я мог бы выдать тебя... и ты пришел, чтобы меня убить.

— Ты хоть понимаешь, кто я?

Рейнолдс презрительно захохотал:

— Не прикидывайся тем гомиком, ты — не он, ты похож на него, но ты — не он.

— Ради всего святого... Я Гэвин... Гэвин...

Слова объяснения, которые могли бы остановить приближение ножа, не шли у него с языка. Он только повторил:

— Гэвин... помнишь?

На секунду Рейнолдс заколебался, вглядываясь ему в лицо.

— Ты потеешь, — промямлил безумец.

Яростный огонек в его глазах потух. У Гэвина так пересохло в горле, что он смог только кивнуть.

— Понятно, — сказал Рейнолдс, — ты потеешь.

Он опустил нож.

— Оно потеть не может. Никогда не умело этого делать и никогда не научится. Ты — мальчишка... а не оно. Мальчишка.

Лицо его расслабилось, и кожа на нем обвисла, как пустой мешок.

— Мне нужна помощь, — прохрипел Гэвин. — Ты должен объяснить мне, что происходит.

— Хочешь объяснений? — пробормотал Рейнолдс. — Ищи: все, что найдешь, — твое.

Он провел гостя в большую комнату. Шторы были опущены, но даже в полумраке Гэвину было видно, что все древности, когда-то аккуратно расставленные по полкам и развешанные по стенам, были разбиты вдребезги. Куски керамики разбиты на более мелкие куски, а те стерты в порошок. Каменные рельефы расколоты, надгробие Флавина, знаменосца, обратилось в горку булыжников.

— Кто это сделал?

— Я, — ответил Рейнолдс.

— Но почему?

Рейнолдс вяло проплелся через все эти руины к окну и уставился в щель между бархатными шторами.

— Понимаешь, оно вернется, — проговорил он, не отвечая на вопрос.

— Почему ты сломал все это? — повторил Гэвин.

— Это болезнь, — был ответ, — когда живешь прошлым.

Рейнолдс отвернулся от окна.

— Бóльшую часть этих предметов я украл, — сообщил он. — Я воровал их в течение многих лет. Мне было оказано доверие, которое я обманул.

Он пнул ногой увесистый булыжник — полетела пыль.

— Флавин жил и умер. И говорить о нем больше нечего. То, что мне известно его имя, не значит ничего или почти ничего. От этого он не воскреснет — он мертв, ну и бог с ним.

— А статуя в ванне?

На мгновение Рейнолдс задохнулся, увидев внутренним взглядом размалеванное лицо.

— Когда я пришел, ты решил, будто я — это она, верно?

— Да, я думал, она уже достигла того, к чему стремилась.

— Она подделывается, имитирует.

— Да, — кивнул Рейнолдс. — Насколько я понимаю природу этого существа, оно имитирует.

— Где ты его нашел?

— Возле Карлайла. Я там руководил раскопками. Мы нашли его в банях, внутри здания. Статуя, свернувшаяся клубком рядом с останками взрослого мужчины. Загадка. Мертвый мужчина и статуя, в банях, лежащие рядом. Не спрашивай, что меня привлекло в этой штуковине: я понятия не имею. Возможно, она умеет управлять не только телом, но и сознанием. Я украл ее и привез сюда.

— И кормил?

Рейнолдс напрягся.

— Не спрашивай.

— Но я *спрашиваю*. Ты ее кормил?

— Да.

— Ты собирался пустить мне кровь, ведь так? Ты ведь для этого меня привел: чтобы убить меня и дать ей искупаться...

Гэвин вспомнил, как тварь колотила кулаками в стенки ванны, грозно требуя пищи, — совсем как дитя, бьющее ку-

лачками о края колыбели. Еще немного, и тварь его пожрала бы, как ягненка.

— Почему она на меня не напала, как напала на тебя? Почему не выскочила из ванны и не сожрала меня?

— Это же ясно как день: она увидела твое лицо.

«Ну разумеется, она увидела мое лицо и возжелала его, а украсть лицо у мертвеца она не может, и она меня не тронула». Теперь, когда причины ее поведения вскрылись, Гэвин пришел в восторг: он ощутил вкус к разоблачению тайн, к этой пагубной страсти Рейнолдса.

— А человек в здании бань? Тот, которого вы обнаружили...

— Что?..

— Он не позволил той твари сделать с ним то же самое, так?

— Именно поэтому его тело оставили там, где оно было, просто законсервировали. Никто так и не понял, что он сражался с существом, *которое пыталось украсть его жизнь.*

Картина, черт ее подери, сложилась почти полная, неудовлетворенным оставался один гнев.

Этот парень чуть не убил его, чтобы накормить какой-то идиотский истукан. Ярость Гэвина прорвалась наружу. Он ухватил Рейнолдса за рубашку, а сквозь нее — и за кожу, и как следует тряхануд. Что это захрустело — его кости или зубы?

— Оно почти уже скопировало мое лицо. — Гэвин заглянул в налитые кровью глаза Рейнолдса. — Что случится, когда оно закончит?

— Не знаю.

— Говори самое худшее — говори же!

— Я только предполагаю, — промолвил Рейнолдс.

— Предполагай вслух!

— Когда оно закончит имитировать тебя физически, я думаю, оно украдет то, что невозможно имитировать, — *твою душу.*

Рейнолдс явно не имел намерения запугать Гэвина. Напротив, его голос смягчился, будто он говорил с приговоренным к смерти. Он даже улыбнулся.

— Дерьмо!

Гэвин притянул лицо Рейнолдса еще ближе к своему. Щеку старикашки покрыли брызги слюны.

— Тебе плевать! Тебе все равно, так ведь?

Он ударил Рейнолдса наотмашь по лицу — раз, другой, потом еще и еще, пока не выдохся.

Мужчина принимал удары беззвучно, после каждого удара поднимая лицо, чтобы поймать следующий, вытирая кровь с отекших глаз только для того, чтобы та снова их залила.

Наконец Гэвин уже не смог больше бить.

Стоя на коленях, Рейнолдс снял с языка осколки зуба.

— Я это заслужил, — прошамкал он.

— Как мне остановить эту дрянь? — спросил Гэвин.

Рейнолдс покачал головой.

— Невозможно, — прошептал он, хватая Гэвина за руку. — Пожалуйста, — выдавил он, взял в руки его кулак, разжал и поцеловал линии на ладони.

Гэвин оставил Рейнолдса на «развалинах Рима» и вышел на улицу. Из этого разговора он не узнал почти ничего нового. Оставалось одно: найти тварь, укравшую его красоту, и как-то расправиться с ней. Проиграв, он проиграет единственное, что принадлежит ему, и только ему, и чего никто другой не смог бы украсть, — свое великолепное лицо. Разговоры о душе и человечности были для него пустой болтовней. Ему нужно было только его лицо.

Когда он пересекал Кенсингтон, в его шаге чувствовалась редкостная целеустремленность. В течение многих лет он был лишь жертвой случайности, и вдруг пред ним явилась сама случайность во плоти. И он добьется своего — или умрет.

Рейнолдс же в своей квартире чуть отдернул штору и теперь наблюдал, как картина вечера накладывается на картину города.

Ему не суждено больше прожить ни одной ночи, пройтись ни по одному городу. Отогнав слабость, он вновь опустил штору и взял в руки короткий острый меч. Приставил острие к груди.

— Ну, давай, — сказал он, обращаясь одновременно и к себе, и к мечу, и с силой надавил на рукоять.

Но как только клинок вошел в его тело на какие-нибудь полдюйма, голова его закружилась от боли — он понял, что потеряет сознание прежде, чем дело будет сделано хотя бы наполовину. Поэтому он подошел к стене и приставил к ней рукоять меча, чтобы тело под собственным весом само насадило себя на клинок. И уловка сработала. Он точно не знал, до конца ли вошло оружие, но, судя по количеству крови, он себя убил, это точно. Падая на меч, он пытался повернуться так, чтобы вогнать его в себя по самую рукоять, но движение получилось неловким, и он только завалился на бок. Упав, он почувствовал меч в своем теле — упрямый, жестокий клинок, пронзивший его без жалости.

Умер он не раньше чем минут через десять, но в эти минуты, если забыть о боли, он был спокоен. Каких бы грехов не натворил он за свои пятьдесят семь лет, а натворил он немало, теперь он чувствовал, что уходит так, как не постыдился бы уйти и его неприглядный Флавин.

Уже перед тем, как жизнь покинула его тело, пошел дождь. Слыша шорох дождя на крыше, Рейнолдс грезил, будто сам Господь засыпает землей его дом, запирая его навеки. И когда пришел последний миг, пришло и чудесное видение: сквозь стену прорвалась рука, несущая свет, и с нею множество голосов — это призраки будущего явились, чтобы извлечь из недр прошлого историю. Он улыбнулся, приветствуя их, и уже было спросил, какой нынче год, — как вдруг понял, что мертв.

Тварь избегала Гэвина гораздо более добросовестно, чем он ее. Прошло три дня, а цепкий глаз преследователя не нашел не только ее убежища, но даже и следа.

Но присутствие ее ощущалось постоянно — близкое, но не слишком. Скажем, в баре кто-нибудь говорил: «Мы встречались прошлой ночью на Эджвар-роуд» — а Гэвин между тем и мимо этого места не проходил. Или: «Ты что это, друзей не узнаешь?»

И боже мой, в конце концов ему стало это нравиться. Подавленность сменилась приятным чувством, которого он не испытывал с двухлетнего возраста, — беззаботностью.

Ну и что с того, что кто-то ходит теперь по его дорожке, одинаково оставляя в дураках и закон государства, и закон улицы; что с того, что его друзьям (каким таким друзьям? жалким паразитам) выпускает кишки его зазнавшийся двойник; что с того, что у него отняли привычную жизнь и теперь пользуются ею на всю катушку? Зато он мог спать, зная при этом, что он, или нечто настолько похожее на него, что нет никакой разницы, бодрствует в ночи и продолжает восхищать людей? Ему уже стало казаться, что эта тварь не чудовище, а его собственное орудие, почти что его официальный представитель. Реально существовала она, а Гэвин был тенью.

Не успев досмотреть сон, он открыл глаза.

Был вечер, четверть пятого, и снизу, с улицы доносился жалобный вой машин. Полутемная комната; воздух был выдышан напрочь и пах его легкими. Уже прошла неделя с тех пор, как он бросил Рейнолдса на развалинах, и за все это время он только трижды выбирался из своей новой берлоги (крохотная спальня, кухня, ванная). Сон стал для него гораздо важнее, чем еда и движение. У него в заначке было достаточно наркоты, чтобы не слишком-то огорчаться, когда не приходит сон, а такое бывало редко, и ему уже начинал нравиться спертый воздух, и вялый ток света сквозь голое окно, и ощущение, что где-то там существует мир, которому он не принадлежит или в котором ему не нашлось места.

Сегодня он сказал себе, что должен выйти наружу и подышать свежим воздухом, но ему никак не удавалось себя заставить. Возможно, позже, намного позже, когда бары опустеют и он не попадется никому на глаза. Тогда он выскользнет из своего кокона и решит, есть ли там на что поглядеть. А пока что — ему снились сны...

Вода.

Ему снилась вода: он сидел на берегу пруда в Форт-Лодердейле — пруда, полного рыбы. И плеск резвящейся рыбы не умолкал, переливаясь за пределы сна — в явь. Или наоборот? Так и есть: во сне он слышал плеск струящейся воды, и его сознание в своих грезах создало картину, со-

ответствующую звуку. Гэвин проснулся, а звук все не умолкал.

Он доносился из ванной, находящейся за стеной, — вода уже не лилась струей, а плескалась. Ясно: кто-то проник сюда, пока он спал, и теперь принимал ванну. Он мысленно пробежал список потенциальных незваных гостей: лишь несколько человек знали, где он находится. Например, Пол — начинающий мальчик по вызову, который пару ночей назад устроился тут спать на полу; или Чинк — наркодилер; и еще девчонка снизу — кажется, ее имя Мишель. Кого он обманывает? Никто из этих ребят не стал бы взламывать замок для того, чтобы сюда войти. Он отлично знал, кто сидит в ванной. Он просто разыгрывал сам себя, наслаждаясь сужением круга подозреваемых, пока тот не сузился до одного.

Гэвину не терпелось увидеться с этим последним, и он выскользнул из своего простынно-одеяльного кокона. Холодный воздух плотно обхватил его тело, и оно тут же обратилось в столб, обтянутый гусиной кожей, — вот облом-то, а ведь так хорошо спалось. Он прошел через комнату к двери, на внутренней стороне которой висел халат, и мельком увидел свое отражение в зеркале — застывший кадр из кровавого ужастика, жалкое подобие человека, съежившееся от холода и освещенное отблесками дождевых потоков. Казалось, его отражение подрагивает на поверхности стекла — настолько он бесплотен.

Тщательно кутаясь в халат — единственный предмет одежды, приобретенный в последнее время, он подошел к двери в ванную. Плеска воды больше не было слышно. Он распахнул дверь.

Покоробившийся линолеум у него под ногами казался ледяным, и Гэвин решил, что просто взглянет на своего приятеля и тут же заберется обратно в постель. Но жалкие клочки, оставшиеся от его любопытства, все же требовали большего: у него еще были вопросы.

С тех пор как он проснулся, свет, пробивавшийся сквозь мерзлое стекло, заметно потускнел: согласный натиск ливня и ночи сгущал тьму на глазах. Ванна, перед которой стоял Гэвин, почти переполнилась; поверхность воды была темна

и так спокойна, что приобрела маслянистую гладкость. Как и в прошлый раз, над поверхностью ничего не высовывалось. Притаившись, оно лежало на дне.

Сколько времени прошло с тех пор, как он вошел в желто-зелсную ванную комнату, приблизился к желто-зеленой ванне и заглянул в воду? Казалось, только вчера: жизнь его с тех самых пор и до настоящего момента была как одна долгая ночь. Он посмотрел в ванну. Оно было там — как и прежде, в позе зародыша; оно спало, даже не сняв одежду, будто ему нужно было срочно спрятаться и времени на раздевание не оставалось. Вместо прежней лысины оно отрастило себе роскошную шевелюру; черты лица казались вполне сформировавшимися. Не осталось и намека на размалеванную харю: оно обладало красотой скульптурного шедевра — и эта красота была его, Гэвина, до последней родинки. Безукоризненной формы руки скрещены на груди.

Настала ночь. Делать было нечего, кроме как сидеть и ждать, когда оно проснется, и в конце концов Гэвину это занятие наскучило. Оно выследило его, убегать вроде больше не собиралось, так что можно было залезть обратно в постель. Жители пригородов возвращались домой. Из-за дождя они ехали очень медленно, почти что ползли. Происходили столкновения. В некоторых гибли люди. Перегревались двигатели, перегревались сердца. Он прислушивался к звукам этой погони. Сон приходил и вновь улетучивался. Уже ближе к вечеру он вновь проснулся: хотелось пить. Ему снова снилась вода, и из ванной доносился уже знакомый звук. Существо сперва тяжело поднялось из ванны, потом положило руку на ручку двери, открыло дверь...

И вот оно предстало перед Гэвином. Спальню освещал лишь свет, проникающий с улицы; гостя едва было видно.

— Гэвин? Ты не спишь?

— Нет, — ответил он.

— Ты не мог бы помочь? — спросило оно.

В голосе существа не было и тени угрозы, оно говорило таким тоном, каким человек обращается с просьбой к родному брату по праву родства.

— Чего тебе надо?

— Время, чтобы поправиться.

— Поправиться?

— Включи свет.

Гэвин включил ночник и взглянул на фигуру, стоящую у двери. Руки ее больше не были скрещены на груди, и Гэвин увидел, что этот жест скрывал страшную огнестрельную рану. Плоть существа в этом месте разверзлась, и под нею открылись бесцветные внутренности. Крови, разумеется, не было — этого у него не будет никогда. И Гэвин не смог, по крайней мере с этого расстояния, различить там хоть что-то, напоминающее человеческую анатомию.

— Боже Всемогущий, — выдохнул он.

— У Приториуса были друзья, — пояснило существо, прикоснувшись пальцами к краю раны. Этот жест вызвал в памяти Гэвина образ стены материнского дома: Христос в нимбе, Сердце Христово, трепещущее в груди Спасителя. И тут гость, указывая пальцами на свою растерзанную грудь, произнес: — Это все ради тебя.

— Почему ты не умер? — спросил Гэвин.

— Потому что я еще не живой.

«*Еще* — это стоит запомнить», — подумал Гэвин. У этой штуковины появились намеки на нравственные переживания.

— Тебе больно?

— Нет, — с грустью призналось существо, будто мечтая о боли. — Я ничего не чувствую. Все проявления жизни во мне только внешние. Но я учусь. — Оно улыбнулось. — Я научился зевать. И пукать тоже.

Это звучало одновременно нелепо и трогательно: оно стремилось научиться пукать, потому что вызывающее всеобщий хохот нарушение в работе пищеварительной системы было для него драгоценным признаком принадлежности к роду человеческому.

— А рана?

— Она заживает. Скоро совсем заживет.

Гэвин в ответ промолчал.

— Я тебе мерзок?

— Нет.

Оно вглядывалось в Гэвина чудесными глазами, *его* чудесными глазами.

— Что наболтал тебе Рейнолдс?

Гэвин пожал плечами:

— Почти ничего.

— Что я чудовище? Что я вытягиваю из человека душу?

— Не совсем так.

— Но примерно.

— Ну да, примерно, — согласился Гэвин.

Оно кивнуло:

— Он прав. Прав, по-своему. Мне нужна кровь, и в этом моя чудовищность. В юности, месяц назад, я купался в ней. Ее прикосновение делало дерево похожим на живую плоть. Но теперь мне кровь больше не нужна: процесс почти завершен. Теперь мне остается только...

Оно запнулось, и, как показалось Гэвину, не потому, что собиралось солгать, но потому, что не могло подобрать слов, способных описать его теперешнее состояние.

— Что тебе остается? — спросил Гэвин с настойчивостью.

Оно тряхнуло головой, глядя на ковер у себя под ногами.

— Видишь ли, я жил уже несколько раз. Порою я крал чужие жизни, и все мне сходило с рук. Жил, сколько положено человеку, потом сбрасывал старое лицо и находил новое. Иногда, как в прошлый раз, встречал сопротивление и проигрывал...

— Что ты вообще такое? Машина?

— Нет.

— А что?

— Я — это я. Не знаю, есть ли на свете кто-то еще вроде меня. Хотя с чего бы мне быть единственным? Возможно, они *есть*, и их много, просто я пока *ничего о них* не знаю. Живу, умираю, и снова живу, и так ничего и не узнаю?.. — Эти слова были произнесены с горечью. — ...Ничего не узнаю о себе. Понимаешь? Ты знаешь, кто ты такой, только потому, что видишь вокруг себе подобных. Был бы ты один на земле, что бы ты знал? Только то, что видел бы в зеркале. Все прочее осталось бы в области мифа, предположений.

Итог был подведен без особых эмоций.

— Можно, я прилягу? — спросило существо.

Оно направилось навстречу Гэвину, и он сумел яснее разглядеть внутренности, трепещущие в пробитой груди, — постоянно плывущие, нечеткие очертания, грибообразные припухлости на том месте, где обычно располагается сердце. С тяжелым вздохом существо упало лицом на кровать, прямо в мокрой одежде, и закрыло глаза.

— Мы поправимся, — прошептало оно. — Лишь дайте нам срок.

Гэвин подошел к входной двери и закрыл все замки. Потом он приволок стол и втиснул его под дверную ручку. Теперь никто не войдет и не нападет на его спящего двойника: они останутся тут вдвоем, в полной безопасности, он и оно, он вместе с собой. Укрепив оборону, он заварил кофе, устроился на стуле, подальше от кровати, и принялся глядеть на спящее существо.

Сначала дождь целый час яростно молотил по стеклу, потом целый час — только слегка. Дождь слепил окно, забивал его влажными листьями, и они льнули к стеклу, как любопытные уши. Когда Гэвину надоедало смотреть на себя, он принимался смотреть на листья. Но вскоре он не выдерживал и вновь переводил взгляд на своего двойника. Любовался небрежной красотой руки, вытянутой поверх одеяла, на эффектно выхваченное светом запястье, на ресницы. Ближе к полуночи он так и заснул на стуле. Где-то на улице жалостливо скулила сирена «скорой помощи». Снова пошел дождь.

Спать на стуле было неудобно, и Гэвин выныривал из забытья каждые пару минут, слегка приоткрывая глаза. Существо уже проснулось. Оно стояло возле окна, потом перед зеркалом, потом прошло на кухню. Вода лилась: Гэвину снилась вода. Оно разделось: Гэвину снилась похоть. Оно стояло над ним. От раны не осталось и следа. Присутствие двойника приносило Гэвину спокойствие. В какой-то момент ему привиделось, что он возносится из мрака улиц прямо в небесное окно. Существо облачилось в его одежду. В полусне Гэвин пробормотал что-то, давая разрешение на эту кражу. Существо насвистывало. День сердито постучал в окно, но Гэвину хотелось спать и дви-

гаться было лень. Его вполне устраивало, что какой-то свистящий молодой человек надел его одежду и живет вместо него.

В конце концов существо склонилось над стулом и поцеловало Гэвина в губы, совершенно по-братски, а затем ушло. Гэвин услышал, как за ним затворилась дверь.

Потом в течение многих дней — он не смог бы точно сказать, как долго, — он не выходил из комнаты и не делал ничего, только пил воду. В конце концов ему уже не удавалось утолить жажду. Жажда и сон, жажда и сон — они нависли над его постелью, как двойная звезда.

Сначала белье было влажным в том месте, где прежде лежало существо, но вставать и менять простыни ему не хотелось. Даже напротив, влажное белье нежно ласкало тело, которое выпило влагу из простынь слишком быстро. Когда это случилось, он принял ванну в той самой воде, где прежде лежал двойник, и вернулся в постель. Вода капала с него на кровать, по коже полз холодок, по комнате разливался запах плесени. Позже безразличие настолько им овладело, что он опорожнил свой мочевой пузырь, не вставая с постели; но со временем и эта влага остыла, а затем испарилась, согретая слабым теплом его холодеющего тела.

Но вот странное дело: несмотря на ледяной холод в комнате, несмотря на наготу, на голод, умереть ему не удавалось.

Поднялся он посреди ночи, только на шестой или седьмой день, и сел на краю кровати, пытаясь сообразить, чем он собирался заняться. Безуспешно. Тогда он принялся бродить по комнате, точно так же, как и его двойник неделю назад. Он остановился перед зеркалом, изучая свое плачевно изменившееся тело, глядя на мерцание снега, который таял на подоконнике.

В конце концов случайно взгляд его упал на фотографию родителей, которую, как он вспомнил, рассматривало существо. Или, может, это был сон? Хотя вряд ли. Ему отчетливо представилось, как оно берет в руки фотографию и смотрит на нее.

Да уж, если он еще не покончил с собой, то только из-за этой фотографии. Нужно было оплатить кое-какие долги: не сделав этого, как мог он надеяться на смерть?

Он шел на кладбище, пробираясь через слякоть, лишь в брюках и футболке, не обращая внимания на возгласы дам средних лет и школьников. Кому какое дело до того, что он идет босиком? Кому, кроме него, может быть от этого вред? Дождь сыпался с неба и снова стихал, временами переходя в снег, но так и не достигая полной силы.

В самой церкви шла служба, перед входом стояла вереница машин — все в пастельных тонах. Гэвин проскользнул мимо, на церковное кладбище. Оно могло бы похвалиться живописным видом — сегодня, правда, заметно подпорченным дымчатой завесой мокрого снега. Но все же отсюда были видны поезда и высотные дома, нескончаемые ряды крыш. Легким шагом он прогуливался среди надгробий, не зная наверняка, где искать могилу отца. Шестнадцать лет уже прошло, да и день похорон мало чем запомнился. Никто не сказал ничего нового ни о смерти вообще, ни о смерти отца в частности. Не произошло даже ни одного светского курьеза, который отложился бы в памяти: ни одна тетушка не пустила ветры за столом, ни одна кузина не отвела его в сторонку, чтобы показать свои прелести.

Интересно, приходил ли сюда хоть кто-нибудь из родных? И вообще: остался ли еще хоть кто-то в стране? Сестрица вечно грозилась уехать — рвануть в Новую Зеландию и начать все с начала. Мамаша, должно быть, как раз разводится с четвертым мужем, стерва несчастная, хотя, возможно, ее стоило бы пожалеть. Эта женщина вечно трещала без умолку только для того, чтобы скрыть патологический страх.

А вот и надгробие, которое он искал. И в самом деле: из урны, стоящей на зеленом мраморном щебне, торчали свежие цветы. Этот старый пердун полеживал тут и любовался видом, не оставаясь при этом без внимания. Видимо, кто-то — наверное, сестра — приходил сюда в поисках утешения. Гэвин провел пальцами по надписи. Имя и дата: какая пошлость. Ничего особенного. Хотя именно так и

должно было быть: ведь и сам отец не отличался ничем особенным.

Гэвин вглядывался в камень, и вырезанные на гладкой поверхности слова стали переливаться через край. Ему показалось, будто отец, свесив ноги, сидит на краю могилы, откидывая волосы рукой на сверкающую лысину и притворяясь, по своему обыкновению, будто ему есть дело.

— Ну, и что скажешь?

Отец был не слишком впечатлен.

— Пустышка, верно? — признался Гэвин.

Ты сам сказал, сынок.

— Зато я всегда был осторожен, как ты меня учил. Никаких внебрачных детей, которые будут потом меня разыскивать.

Чертовски рад.

— Да и что бы они во мне нашли, верно?

Отец высморкался и трижды утер нос. Сперва слева направо, потом опять слева направо и наконец справа налево. Совсем не изменился. А потом он тихонько улизнул.

— Хрен старый.

Игрушечный поезд, проносящийся мимо, издал протяжный гудок, и Гэвин отвел взгляд от могилы. В двух ярдах от него неподвижно стоял он сам — собственной персоной. На нем была та же одежда, что и неделю назад, когда он покинул квартиру. От постоянной носки она измялась и потерлась. Но тело! О, это тело словно светилось изнутри, оно было прекраснее, чем его собственное, даже в лучшие времена. Оно почти сияло в блеклом моросящем свете; и слезы, покрывавшие щеки двойника, только придавали выразительности его чертам.

— Что случилось? — спросил Гэвин.

— Не могу удержаться от слез, когда прихожу сюда, — перешагивая через могильные холмики, оно направилось к Гэвину, с шорохом ступая по гравию и бесшумно — по траве. Так похоже на реальность.

— Ты уже бывал здесь?

— Конечно, множество раз, все эти годы...

«Все эти годы»? Что оно хочет сказать, «все эти годы»? Неужели оно оплакивало здесь свои жертвы?

И будто в ответ:

— Я навещаю отца. Два, иногда три раза в год.

— Но он не твой отец, — возмутился Гэвин, которого эта ложь почти позабавила, — а мой.

— Я не вижу слез на твоем лице, — возразил двойник.

— Зато я чувствую...

— Ничего ты не чувствуешь, — сказало ему его собственное лицо. — Говоря откровенно, ты не чувствуешь ровным счетом ничего.

И это была правда.

— В то время как я... — и тут слезы у двойника полились ручьем, потекло из носа, — я буду скучать по нему до самой смерти.

Существо явно играло, иначе и не могло быть, но почему же тогда в глазах его светилось такое горе и почему его черты так уродливо искажались, когда оно плакало? Гэвин редко давал волю слезам: ему казалось, что, плача, он выглядит глупо и беззащитно. Но двойник его даже радовался слезам, гордился ими. Для него это был момент триумфа.

Но даже теперь, понимая, что двойник обскакал его, Гэвин не испытал ничего, даже отдаленно напоминающее горе.

— Ради бога, — сказал он, — если хочешь, истекай тут соплями. Мне не жалко.

Но существо, казалось, не слышало.

— Ну почему это так больно? — вопросило оно после некоторого молчания. — Почему именно чувство потери делает меня человеком?

Гэвин пожал плечами. Что может он знать о великом искусстве быть человеком? Существо утерло нос рукавом, всхлипнуло и попыталось улыбнуться сквозь слезы.

— Прости, — сказало оно, — я веду себя по-идиотски. Извини, пожалуйста.

Оно глубоко вздохнуло, стараясь взять себя в руки.

— Все в порядке, — ответил Гэвин. Эта сцена привела его в замешательство, и ему не терпелось уйти. — Твои цветы? — поинтересовался он, отворачиваясь от могилы.

Существо кивнуло.

— Он терпеть не мог цветов.

Оно вздрогнуло.

— А-а-а.

— Да ладно, разве он знает?

Гэвин больше не оглядывался на истукана, просто отвернулся и пошел по тропинке, бегущей вдоль церкви. Через пару ярдов существо окликнуло его:

— Дантиста не посоветуешь?

Гэвин усмехнулся и пошел дальше своей дорогой.

Приближался час пик. Церковь стояла возле дороги, ведущей в пригород, которая уже была забита движущимися машинами: наверное, сегодня пятница, и самые первые беглецы спешили по домам. Ярко вспыхивали огни, голосили гудки.

Гэвин вступил в самую гущу потока, не глядя ни налево, ни направо, не обращая внимания на визг тормозов и проклятия, — и пошел навстречу движению так, будто решил прогуляться по открытому полю.

Проезжавшая мимо машина зацепила его ногу на полном ходу, другая чуть не врезалась в него. Их стремление попасть куда-то, приехать туда, откуда им не захочется тут же уехать вновь, было смехотворно. Пусть себе злятся на него, пусть ненавидят его, пусть кидают беглые взгляды на его стершееся лицо и с неспокойным чувством едут домой. Если обстоятельства сложатся удачно, то кто-нибудь из них запаникует, вильнет вбок и задавит его. Будь что будет. Отныне он целиком во власти случая, чьим знаменосцем он вполне смог бы стать.

БРАЙАН ЛАМЛИ

Некрос

Брайан Ламли — автор популярного цикла романов о вампирах «Некроскоп» («Necroscope»). Уроженец северо-восточного побережья Англии, он в начале 1960-х служил в рядах корпуса Королевской Военной Полиции, расквартированного в Берлине. На этот период приходится пик его увлечения творчеством Г. Ф. Лавкрафта. Влияние прославленных мифов Ктулху Лавкрафта ощутимо в ранних рассказах Ламли «The Caller of the Black», «The Horror at Oakdene and Other», а также в романе «Beneath the Moors».

Творчество Г. Ф. Лавкрафта нашло отражение и в последующих, более зрелых произведениях автора, вплоть до появления в 1986 году романа «Некроскоп», в одночасье сделавшего Б. Ламли знаменитым. В скором времени за «Некроскопом» последовали: «Necroscope II, Vamphyri», «Necroscope III, The Source», «Necroscope IV, Deadspeak» и «Necroscope V, Deadspawn». В начале 1990-х Б. Ламли выпустил в свет трилогию «Vampire World», дилогию «Necroscope: The Lost World», а также серию из трех книг «E-Branch». Успех «Некроскопа» спровоцировал появление целой одноименной отрасли в индустрии комиксов, сувенирной продукции и ролевых игр. В Великобритании проводятся ежегодные встречи поклонников творчества Б. Ламли.

На русский язык были переведены следующие произведения Б. Ламли: «Некроскоп», «Вамфири», «Источник», «Голос мертвых», «Тварь внутри тебя», «Из глубины», «Психомех», «Титус Кроу», «Беспощадная война», «Возвращение Титуса Кроу», «Путешествие в мир снов», «Дом дверей», «Дом дверей: второй визит», «Воин древнего мира», «Возвращение Некроскопа», «Сын Некроскопа».

В 1998 году Б. Ламли был удостоен звания Мэтра на Всемирном съезде «World Horror Convention». В 2002 году вниманию читателей была представлена антология «The Brian Lumley Companion».

«Некрос» (1984) — одно из лучших произведений Б. Ламли. Лихо закрученный сюжет, традиционная «вампирская» тема, неожиданный финал — вот составляющие

успеха этого маленького шедевра. По мотивам этого рассказа была снята одна из серий канадского фильма «The Hunger» (1997).

I

Старая женщина в выцветшем голубом платье и черном платке остановилась в тени навеса ресторанчика Марио и кивнула хозяину в знак приветствия. Губы ее растянулись в улыбке, обнажив редкие зубы. Грузный сутулый подросток — дурачок в джинсах и грязной футболке, скорее всего внук, державший ее за руку и, безучастно переминаясь с ноги на ногу, пускал слюни.

Марио добродушно кивнул в ответ и с улыбкой завернул кусочек черствой фокаччи в плотную бумагу, после чего вышел из-за стойки и вручил сверток женщине. Посетительница сердечно пожала руку Марио и направилась к выходу.

Неожиданно все ее внимание обратилось на противоположную сторону улицы. Она разразилась потоком колоритной брани, и, несмотря на слабое знание итальянского, я, во многом благодаря интонациям, уловил нотки ненависти в ее голосе.

— Чертово отродье! — вновь и вновь повторяла старуха. — Свинья!

Указывая пальцами дрожащей руки на то, что так сильно ее возмутило, она еще раз произнесла: «Чертово отродье!» — и уже при помощи обеих рук произвела красноречивый жест, тот, которым обычно итальянцы стараются защитить себя от всякого зла. Соленый хлебец, выпавший из рук разгневанной женщины, был ловко подхвачен дурачком.

Затем, все еще бормоча проклятия низким гортанным голосом и таща за руку шаркающего ногами и смачно чавкающего идиота, она стремительно зашагала по улице и вскоре исчезла из виду в ближайшей аллее. Но лишь одно слово, брошенное этой женщиной на ходу, напрочь засело в моей памяти: «Некрос». Несмотря на то что слово было мне незнакомо, я принял его за ругательство, поскольку

она произнесла его с явным отвращением и неприкрытой злобой.

Я отхлебнул немного «Негрони», сидя за маленьким круглым столиком под навесом у заведения Марио. Любопытство заставило меня взглянуть на объект яростных нападок старой карги. Им оказался автомобиль, белый «ровер» с откидным верхом, модель нынешнего года. Он медленно продвигался в потоке праздничного дня. Единственное, из-за чего стоило посмотреть на эту машину, была девушка, сидевшая за рулем. Ее спутник, сморчок, чью голову украшала обвисшая белая шляпа, также вызывал интерес, однако по-настоящему достойной внимания была лишь она одна.

Мимолетного впечатления оказалось достаточно, чтобы я почувствовал себя ошеломленным. Совсем неплохо. Я думал, что уже и не способен ощутить снова то, что обычно чувствует мужчина, глядя на прелестную девушку. После Линды такое было трудно даже вообразить, и вот...

Она была молода, скажем, двадцати четырех или двадцати пяти лет. Выходило, что между нами была незначительная разница в возрасте. Сидя за рулем, она держалась изящно, сохраняя величественную осанку. Черные как смоль волосы были прикрыты белой широкополой шляпой, плохо сочетающейся с головным убором ее спутника. Лицо было свежим и сочным, словно персик.

Я привстал, чтобы лучше рассмотреть девушку, и, на мое счастье, поток машин приостановился на какое-то время. В тот же миг она повернула голову и взглянула на меня. Черты этого лица поразили меня в самое сердце — я был безнадежно ранен. Девушка оказалась прекрасной, как юная богиня.

Темно-зеленые глаза ее сияли. Правильной миндалевидной формы, они располагались немного наискосок к переносице. Брови — тонкие и прямые, щеки — пухлые, губы — словно алый лук Купидона, длинная белая шея резко контрастировала с ярко-желтой блузкой. И конечно же, улыбка.

Да, она улыбалась.

Ее взгляд, поначалу излучавший холод, наполнился любопытством, затем злобой. Наконец, заметив мое смущение, девушка просияла улыбкой. В тот момент, когда ее внимание вновь переключилось на дорогу и взгляд устремился в беско-

нечность потока машин, мне почудилось, что на ее пухлых сочных щечках вспыхнул яркий румянец. А потом она исчезла.

Чуть позднее я вспомнил о том маленьком сморщенном человечке, сидевшем подле нее. По правде говоря, мне не удалось тогда его хорошо рассмотреть, но то, что я увидел, заставило меня поежиться. Он также проявил интерес к моей персоне, оставив у меня в памяти колючий умный взгляд крошечных, как бусинки, птичьих глаз, глядевших из-под шляпы. Он задержался на мне взором лишь на мгновение, затем отвернулся, уставившись прямо перед собой, однако мне все еще казалось, будто я чувствую на себе вопросительный взгляд этого драного ворона в шляпе.

Я полагал, что сумел верно истолковать выражение его глаз. Скорее всего, он не впервые сталкивался с пялившимися на него, а точнее, на его спутницу, молодыми людьми. Взгляд этого человека был ответной угрозой на угрозу, и, поскольку опыта отпора навязчивым незнакомцам у него было, видимо, более чем достаточно, я ощутил его превосходство в данной ситуации.

Я обратился к Марио, великолепно говорившему по-английски:

— А она имеет что-нибудь против дорогих автомобилей и богатых людей?

— Кто? — не отвлекаясь от своих дел, переспросил Марио.

— Старушка, та женщина с дурачком.

— А... — Он кивнул. — В основном против того маленького человечка в машине, так мне кажется.

— Как так?

— Хотите еще «Негрони»?

— С удовольствием, и налей-ка одну рюмочку себе, я угощаю, но с условием, что ты мне все объяснишь.

— Как вам будет угодно, но вам ведь интересна лишь девушка, я правильно понимаю? Так? — Он осклабился.

Я пожал плечами:

— Она хорошенькая...

— Да, я видел ее. Ну а все прочее — просто предания старины глубокой, не более. Как, например, ваш английский Дракула, верно?

— Трансильванский Дракула, — поправил я.

— Как вам будет угодно. А Некрос — это имя призрака.

— Некрос — вампир?

— Да, привидение.

— И это настоящая легенда? Старинная?

На лице Марио отразилось сомнение. Он развел руками.

— Местная легенда. Лигурийская. Я помню ее с детства. Если я вел себя плохо, этот самый Некрос должен был явиться и сцапать меня. Теперь, — он пожал плечами, — уже никто не забивает себе голову подобной чепухой.

— Как злой Бука. — Я понимающе кивнул.

— Кто?

— Никто. Так что же та старушка никак не угомонится?

Марио опять пожал плечами:

— Может, она полагает, что тот самый человек и есть Некрос. Она есть сумасшедший, понимаешь? Повернутый. Tutta la famiglia!

Мой интерес к происходящему нарастал.

— И о чем говорится в легенде?

— Призрак забирает твою жизнь. Ты стареешь, а он становится моложе. Это как сделка: он дает тебе то, что ты пожелаешь, а взамен получает то, что хочет. А хочет он всегда молодость, только вот расходует ее слишком быстро, и вскоре ему надо еще и еще. Все время требуется молодость.

— Что за сделка такая? Что, собственно, имеет с этого жертва?

— То, что пожелает, — повторил Марио и улыбнулся. Его смуглое лицо покрылось лучиками морщинок. — В вашем случае — девушку. Вот. Если, конечно, тот человек был Некросом...

Он вернулся за стойку, а я остался допивать свой «Негрони». Разговор был окончен, и больше я не думал о рассказанном Марио. До поры до времени.

II

Разумеется, мне следовало путешествовать по Италии с Линдой, но... Я терпел ее «маленького Джона» в течение двух недель, после чего плюнул и напился, чем и привел

в действие механизм разрушения идиллии. Это случилось месяц назад. Поездка в отпуск была забронирована, и я решил не отказываться от жаркого солнца, отправившись в гордом одиночестве. Погода стояла чудесная, купания освежали, а кухня была просто выше всяких похвал. За два дня до окончания отпуска я отметил для себя, что все идет не так уж плохо. Но с Линдой было бы лучше.

Линда... Я по-прежнему думал о ней. Воображение рисовало мне ее сидящей рядом даже в тот вечер, когда я расположился в баре гостиницы возле распахнутой двери на балкон, увитой бугенвиллеей, и любовался видом на залив, освещенный огнями ночного города. В моем сознании она была совсем близко. Я грезил о ней наяву. И, естественно, не обратил внимания на появление прекрасной незнакомки в сопровождении сморчкоподобного спутника. Я заметил их лишь в тот момент, когда они уже усаживались за маленький столик по другую сторону от открытой балконной двери.

Так близко я ее еще не видел...

Похоже, первое впечатление не было досадной ошибкой. Девушка просто сияла ослепительной красотой. Сейчас она выглядела несколько иначе — чуть старше, но по-прежнему была очаровательной.

А старикан годился ей в отцы. Возможно, это прозвучит банально, но женщина вовсе не нуждалась в старике. Точнее, она нуждалась вовсе не в старике...

Чуть позже она заметила меня, и мой восторг перестал быть для нее тайной. Обратив свой взгляд в мою сторону, она одновременно улыбнулась и смущенно покраснела. На мгновение девушка посмотрела в сторону, но только на мгновение. К счастью, ее спутник сидел спиной ко мне, иначе он непременно понял бы, что я чувствовал в тот момент. Когда она взглянула на меня вновь, на этот раз только и только на меня, в ее глазах читался призыв, и все горькие обеты, данные мною прежде, потеряли всякий смысл и были немедленно забыты. Боже, сделай так, чтобы он оказался ее отцом!

Я просидел в баре еще час и, вероятно, немного перебрал с коктейлями, закусывая их оливками и картофель-

ными чипсами из маленьких блюдец, стоявших на барной стойке. Все это время я старался, насколько это было вообще возможно, хотя бы ради приличия, не смотреть в сторону девушки, однако непрестанно думал о том, как лучше ей представиться. В конце концов я понял, что мудрить в этом деле не стоит.

Но вот как быть с этим стариканом? Да и черт возьми, ее призывный взгляд оставался первым и единственным за весь вечер. Неужели я ошибся? Или она просто ждет инициативы с моей стороны? Боже, ну сделай же так, чтобы он оказался ее отцом!

Она с видимым наслаждением потягивала мартини. Старик налегал на красное вино. Я попросил официанта принести им еще выпивки и записать ее на мой счет. Я уже успел перекинуться парой слов с барменом по имени Франческо, дружелюбным, щупльм парнишкой с юга. Но он был *не в состоянии* рассказать мне что-нибудь новое о них, твердя, что эта пара не проживает в гостинице. Обретаясь в отеле, я и сам знал это наверняка.

Как бы то ни было, вскоре мое угощение оказалось у них на столике. Девушка и старик не скрывали своего удивления. Придав лицу по-детски невинное выражение, красотка принялась расспрашивать официанта. Он кивнул в мою сторону и чуть заметно улыбнулся. Затем обернулся ее пожилой спутник. Он впился в меня взглядом пылавших, как раскаленные угли, глубоко посаженных глаз, но я обнаружил, что улыбаюсь в ответ, посматривая в сторону. Время, казалось, остановилось. Но лишь на мгновение. После чего девушка сказала что-то официанту, и он бодрым шагом направился к моему столику.

– Мистер Коллинз, сэр, тот джентльмен и юная леди благодарят вас и настаивают на том, чтобы вы присоединились к ним.

Это было, пожалуй, даже больше, чем то, на что я осмеливался рассчитывать в тот момент.

Встав из-за столика, я окончательно убедился, что выпил лишнего. Усилием воли мне удалось собрать остатки трезвого рассудка и подойти к их столику. Они остались сидеть, как и прежде. Голосом, в котором слышался шелест сухой

травы, старик произнес: «Пожалуйста, садитесь». Официант со стулом наготове уже появился за моей спиной.

— Питер Коллинз, — представился я. — Как поживаете, мистер... э...

— Карпетес, — подхватил он. — Никос Карпетес. А это моя жена Эдриен.

Никто из них и не подумал протянуть мне руки, впрочем, это меня не смутило. Меня смутил, а точнее, ошарашил тот факт, что они были мужем и женой. Должно быть, он очень, очень богат, этот Никос Карпетес.

— Я безмерно признателен за приглашение, — сказал я, пытаясь изобразить улыбку на лице, — но уже вижу свою досадную ошибку. Видите ли, мне показалось, что вы говорили по-английски, и я...

— Приняли нас за англичан, — закончила девушка мою фразу. — Ничего удивительного, весьма частое заблуждение. Я армянка по происхождению, Никос — грек. Я не знаю греческого, Никос не говорит по-армянски, но мы оба говорим по-английски. Вы остановились в этой гостинице, мистер Коллинз?

— Да, но... В общем-то еще один день, ночь, а затем, боюсь, придется вернуться в Англию. — Я произнес это с грустным выражением лица и пожал напоследок плечами.

— Боитесь? — шепотом переспросил старикан. — А какая опасность в том, что вы возвращаетесь домой?

— Это такое выражение, — пояснил я. — Я хотел сказать, что боюсь, мой отпуск уже заканчивается.

Он улыбнулся странной, задумчивой улыбкой, и лицо его сморщилось, напоминая небольшой грецкий орех.

— Но ваши друзья, должно быть, будут рады вашему возвращению. Ваши любимые, близкие люди?

Я покачал головой.

— Лишь горстка друзей, из них близких — ни одного, любимых — тем более. Я одинок, мистер Карпетес.

— Одинок? — Его глубоко посаженные глаза блеснули, а руки, вцепившиеся в край стола, задрожали. — Мистер Коллинз, вы не...

— Мы понимаем, — перебив его, вступила девушка, — несмотря на то что мы супруги, по сути, мы тоже одиноки.

Видите ли, деньги сделали Никоса нелюдимым. Он нездоров, да и жизнь коротка. Он не желает тратить драгоценное время на легкомысленные связи. Что касается меня, то могу вам сказать: люди не понимают наших отношений с Никосом. Им любопытно, но я очень закрытый человек, то есть тоже, можно сказать, нелюдима.

В ее голосе не было ни малейшего намека на осуждение или обвинение, и все же я счел своим долгом сказать следующее:

— В мои намерения не входило совать нос в ваши дела, миссис...

— Эдриен. — Она улыбнулась. — Пожалуйста, называйте меня так. Я совсем не хочу, чтобы вы думали, что мы можем представить себе такое! Вовсе нет! Но я все равно скажу вам, что объединяет нас с Никосом. Чтобы покончить с этой темой раз и навсегда.

Ее муж, поперхнувшись, закашлялся и затопал ногами. Я вскочил и схватил его за руку, но он оттолкнул меня, сделав это, как мне показалось, с некоторым отвращением. В то же время Эдриен позвала официанта.

— Проводите, пожалуйста, мистера Карпетеса в уборную, — распорядилась она на хорошем итальянском, — и, будьте добры, помогите ему вернуться назад, к столику, после того как он придет в себя.

Уходя, Карпетес начал бурно жестикулировать. Возможно, старик пытался выразить таким образом свое сожаление по поводу случившегося, но, вновь зашедшись кашлем, он, попятываясь, вышел, поддерживаемый официантом.

— Мне очень жаль, — произнес я растерянно, так как не знал, что подобает говорить в таких ситуациях.

— У него случаются приступы, — ответила она невозмутимо. — Я уже привыкла к ним.

Некоторое время мы просто сидели молча. В конце концов я не выдержал:

— Вы собирались рассказать мне...

— Ах да... я совсем забыла. Это симбиоз.

— Простите?

— Да, мне нужна эта красивая жизнь, которую он в состоянии обеспечить, а ему, в свою очередь, необходима

моя молодость. Таким образом, мы отвечаем потребностям друг друга.

Значит, старушка с дурачком была вовсе не так уж далека от истины. Сделка здесь явно имела место: сделка между Карнетесом и его женой. В ту же минуту я почувствовал, как по спине забегали мурашки. Черт возьми, да ведь имя Никос даже созвучно Некросу! И вдобавок ко всему это юное создание... Совпадение, конечно. В конце концов, все взаимоотношения — своего рода сделки, одни хуже, другие лучше.

— Однако как долго это продлится? — спросил я. — Сколько еще времени это будет вам интересно?

Она пожала плечами:

— Я обеспечена. А он будет наслаждаться моим обществом до конца своих дней.

Я кашлянул, прочистив горло, и натянуто усмехнулся:

— А тут я — не любопытствующий.

— Нет, вовсе нет. Я хотела, чтобы вы все-таки поняли.

— Хорошенькое дело. — Я пожал плечами. — Но не слишком ли подробно для первого раза?

— «Первого раза»? Вы что, думаете, что, купив мне вышивку, вы приобрели право на дальнейшее общение?

От неожиданности я вздрогнул.

— Вообще-то...

Она очаровательно улыбнулась, и мой мир снова засиял всеми оттенками радуги.

— Совсем не обязательно было тратиться на вышивку, есть ведь и другие способы.

Я вопросительно взглянул в ее глаза.

— Другие способы?

— Узнать, англичане мы или нет.

— Ах так!

— Вот и Никос. — Она опять улыбнулась. — Нам пора идти. Ему нехорошо. Скажите, вы будете завтра на пляже?

— О, разумеется! — сразу же ответил я. — Обожаю плавать, знаете ли.

— И я тоже, вот и поплаваем вместе.

Ее муж вернулся за столик уже без посторонней помощи. Он выглядел немного лучше: уже не таким сморщен-

ным, как раньше. Не садясь, он ухватил спинку стула одной рукой и так крепко сжал ее, что костяшки его пальцев заметно побелели под натянувшейся, сухой, как пергамент, кожей.

— Мистер Коллинз... — с каким-то похрустыванием в голосе начал он. — Эдриен... мне жаль...

— Вам не за что извиняться, — сказал я, вставая со своего места.

Эдриен поднялась следом.

— Нам нужно идти. А ты ведь остаешься, верно, Питер? Спасибо за помощь, дальше, я думаю, мы справимся сами. Возможно, увидимся на пляже!

Не оглядываясь, они зашагали к выходу.

III

Они не были постояльцами этой гостиницы — просто заглянули в бар пропустить по стаканчику. Здесь было все понятно, хотя мне, конечно же, хотелось бы думать, что она появилась тут неслучайно. Моя гостиница была, скорее всего, второсортной по сравнению с тем местом, где жили они. Я представил, что они разместились в одном из тех маленьких, недоступных простым смертным отелей, которые затеряны меж средиземноморских пиний высоко в уступах Лигурийских гор. В таких местах огни, сверкая в ночи, притягивали деньги, а музыка лилась из маленьких дансингов под открытым небом, словно смех небожителей.

Если мой рассказ звучит чересчур поэтично — виной тому она. Выражаясь точнее, та прекрасная девушка, что была вместе с высохшим, сморщенным, как грецкий орех, старикашкой. С одной стороны, мне было искренне жаль его. Но только с одной стороны.

Так вот, если перестать прикидываться и сказать все как есть (на случай, если я до сих пор еще не проговорился), следует признать то, что я безумно желал близости с ней. Более того, состоявшийся между нами диалог давал основания предполагать, что и она не против такого

поворота событий. Подобные мысли не давали мне уснуть в ту ночь.

Я пришел на пляж в девять утра и ждал их появления примерно до одиннадцати. Наконец они прибыли! А после... После она вышла из маленькой пляжной кабинки для переодевания... На пляже не было ни одного мужчины, чья голова не повернулась бы в ее сторону по крайней мере дважды. Но в чем, собственно, их можно было упрекнуть? Девушка в таком пляжном костюме заставила бы обернуться даже сфинкса! Было в ней что-то особенное. Зрелая не по годам. Она держалась, как супермодель, а может, как принцесса. Но для кого? Для Карпетеса или же для меня?

Что касается старикана, то он в это утро казался оживленным несколько больше обычного. Он был в измятой льняной паре, а на голове красовалась все та же шляпа. Похоже, что в отличие от меня прошлой ночью старик спал сном невинного младенца. Пока его жена переодевалась, он нетвердой походкой прошел по пляжу, напрямик к тому месту, где в тени большого зонта за столиком расположился я. Старик уселся напротив и, прежде чем появилась Эдриен, заговорил:

— Доброе утро, мистер Коллинз!

— Доброе утро, — ответил я. — Пожалуйста, называйте меня Питер.

— Питер так Питер! — Он кивнул.

Казалось, он запыхался то ли от прогулки, то ли из-за того, что все его движения были суетливыми. К тому же в его манерах ясно читалось желание немедленно перевести нашу беседу к чему-то более важному.

— Питер, ты сказал, что пробудешь здесь еще один день.

— Совершенно верно, — ответил я, впервые имея возможность изучить своего соперника с такого близкого расстояния. Он сидел, словно садовый гном, половину его согбенного туловища закрывала тень, падавшая от пляжного зонта. — Сегодня — мой последний день в этом раю.

Мой собеседник был похож на вязанку сухого хвороста, на гнилой чернослив и одновременно на маленькое коричневое пугало, а его голос — на шуршание соломы или ше-

лест осенней листвы, гонимой озорным ветром по тенистой тропинке. Живыми были лишь глаза.

— Так ты говоришь, в Англии у тебя никого нет и тебя никто не ждет? Ни семьи, ни друзей?

В моем мозгу зазвенели тревожные колокольчики. Настораживала не столько поспешность действий, выдававшая некую пока не понятную мне цель, сколько ярко выраженное стремление к этой цели любой ценой.

— Да, все верно. Я студент-медик. Когда вернусь домой, хочу найти место и начать работать. Больше ничего. Ни связей, ни знакомых.

Он подался вперед всем телом, птичьи глаза сверкнули. Трясущимися клешнями своих дряхлых рук старик потянулся ко мне через стол и...

Тень, источником которой была Эдриен, легла на этот эпицентр нашего взаимодействия. Привставший было Карпетес резким движением занял исходное положение на стуле. Переживаемое им сильнейшее эмоциональное напряжение отразилось на его лице множеством морщинок. Я почувствовал, что мое сердце вот-вот будет готово проломить грудную клетку и вырваться наружу. Немного успокоившись, я поднял на нее свой взгляд. Она стояла спиной к солнцу, так что, кроме силуэта ее фигуры, я практически ничего не мог разглядеть. Однако темное пятно лица девушки было будто прорезано изумрудным сиянием ее глаз.

— А не искупаться ли нам, Питер?

Эдриен повернулась, бросившись бежать по пляжу, и я, конечно же, устремился вслед за ней. Взяв старт раньше меня, она первой очутилась у кромки воды. И только когда мне удалось догнать ее, я вдруг подумал, что, сорвавшись с места, даже не извинился за столь стремительное исчезновение перед ветхим греком. Но лишь окунувшись в воду, я окончательно пришел в себя, вернулся к реальности, успокоился и осознал... Осознал, что ее чудесное тело нежится, практически касаясь моего. Окончательно восстановив дыхание после этого бешеного забега, я в двух словах описал Эдриен диалог с ее мужем. Она же, как ни в чем не бывало, улыбалась, подставляя лицо солнечным лучам.

Дыхание девушки было ровным, и она не торопилась комментировать рассказанное мной.

— Никос мне не муж в полном смысле этого слова, — произнесла Эдриен в итоге, даже не взглянув в мою сторону. — Я всего лишь его компаньонка. Единственной причиной, почему я не призналась в этом вчера, было мое сомнение в том, что тебе это покажется интересным. А что, если ты только лишь хотел узнать, откуда мы родом? Что же до завуалированных угроз в твой адрес, то ничего удивительного в этом нет. Он, может, и не скачет, как мальчик, но зависть не знает старости.

— Нет, — сказал я, — угроз никаких не было, во всяком случае ничего подобного я не заметил. Зависть? Он прекрасно знает, что сегодня последний день моего отпуска. Чего ему бояться? Чему завидовать?

Ее плечи слегка вздрогнули — самую малость, словно от легкой судороги. Она повернулась ко мне лицом. Наши губы разделяло расстояние какой-нибудь пары дюймов. Ее ресницы, как шелковые занавески, закрывали доступ к изумрудным озерам глаз.

— Я совсем юная, Питер. Ты тоже молод и очень привлекателен. Желание твое безмерно! Да и курортные романы вовсе не редкость.

— Я не богат... Мы живем в разных гостиницах... Он уже заподозрил меня... Это просто невозможно...

— Что именно?

Испытав на себе ее абсолютно невинный взгляд, я чувствовал, что нахожусь в совершенной растерянности. Но вслед за этим она рассмеялась, откинула назад свои волосы и поболтала руками по воде.

— Там, где есть воля к победе... — проговорила она.

— Ты же знаешь, что я хочу тебя. — Слова слетели с моих губ прежде, чем я смог их сдержать.

— Конечно знаю. И я хочу тебя. — Она произнесла это так просто, что я ощутил себя обессилевшим и полетел, как мотылек на свет лампы.

Я поднял голову и поглядел в сторону пляжа. Несмотря на семьдесят пять футов искрившейся водной глади, зонтики, казалось, стояли угрожающе близко. Карпетес сидел

в тени одного из них в той же позе, в какой я его оставил. Лицо старика скрывала тень, но я был уверен, что все это время он пристально следил за нами.

— Ничего не поделаешь. — Голос ее ослабел, а дыхание, как я заметил, сбилось.

— Этот... — произнес я со стоном, — ...собирается убить меня.

Она засмеялась, и смех ее, по-моему, искрился даже больше, чем само море в лучах солнечного света.

— Я сожалею, — успокоившись, сказала Эдриен. — Мне не следовало смеяться, но наш случай отнюдь не безнадежный.

— Вот как?

— Завтра рано утром у Никоса назначена встреча с каким-то специалистом в Генуе. Я отвезу его туда сегодня вечером. В Генуе мы заночуем.

Я застонал от отчаяния.

— В таком случае все напрасно — завтра я улетаю.

— Но если, например, я вывихну запястье, — продолжала Эдриен с вдохновением, — то не смогу вести машину. Тогда ему придется взять такси до Генуи, а я, страдая от головной боли, связанной с травмой, останусь здесь.

Она подплыла к бую, влезла на него, а затем спрыгнула в воду, рассыпав фонтан бриллиантовых брызг. Несколько секунд спустя, когда брызги осели, я поплыл за ней следом, борясь с поднятым ею волнением.

Выходя из воды, Эдриен оступилась и упала. Изображая страдания, она на четвереньках поползла по лигурийской гальке на берег. Одну руку она нарочито держала на весу. Элементарно. Проще пареной репы.

Карпетес уставился на девушку, разинув рот. Он привстал со своего складного стула. Эдриен ковыляла по пляжу, корчась от «боли». Я шел рядом. Здоровой рукой она сжимала «вывихнутое» запястье. То сдавливая его, то, наоборот, встряхивая рукой, она довольно артистично стонала. Капельки соленой морской воды шаловливо стекали по изгибам словно высеченного из мрамора тела девушки. Скажи мне в тот момент старикан: «Я — Некрос и хочу десять лет твоей жизни за одну ночь с этой женщиной»,

я согласился бы не раздумывая и был бы счастлив. Но старикашка не был Некросом. Легенды остаются всего лишь легендами! Он мне ничегошеньки не предложил!

IV

Мне представляется, что самым большим сомнением, терзавшим меня тогда, было то, что для нее все это лишь забава, игра, если хотите. Понятно, что для Эдриен такое развлечение было довольно безопасным: на следующий день я уезжал, и с моим отъездом исчезли бы все следы романа. Очевидно, девушка сильно истосковалась по обществу молодых людей, а потому с легкостью была готова пуститься в любую авантюру. Но почему я? Почему счастливчиком довелось оказаться именно мне?

Был ли я привлекательным? Не думаю. Возможно, она опасалась, что впоследствии все может обернуться не самым лучшим образом, и поэтому выбранный ею характер отношений — «сегодня я здесь, а завтра — где-нибудь еще» — казался наиболее подходящим. Никаких претензий. Да, должно быть, поэтому она выбрала меня. Если только мне не предназначалась роль дурачка из старого польского преферанса. А может, она развлекалась, играя со мной, как кошка с мышью?

Все оказалось гораздо сложнее...

В половине девятого в тот вечер я сидел в гостиничном баре. Уже прошло больше часа. Я изо всех сил старался не злоупотреблять спиртным. Смотреть на еду я был просто не в состоянии. Ко мне подошел официант и пригласил к телефону. Я поспешил к стойке. Портье деликатно удалился, оставив меня один на один с телефонным аппаратом.

— Питер. — Ее низкий голос звучал многообещающе. — Он уехал. Я заказала нам столик на двоих на девять вечера. Ты сможешь?

— Столик? Где? — мой голос срывался.

— Здесь. Где же еще? Да не волнуйся же ты! Все в порядке. Да и в любом случае Никос все знает.

— Знает? — Я был застигнут врасплох и слегка запаниковал: — Что он знает?

— То, что мы будем ужинать вместе. Я сама ему все рассказала. Он ведь не хотел, чтобы я оставалась одна... И поскольку это твой последний вечер здесь...

— Уже еду, — выпалил я.

— Отлично. Жду с нетерпением... нашей встречи. Я буду в баре.

Я повесил трубку, гадая, что предложить ей в качестве аперитива.

Я принарядился. Можно сказать, оделся с шиком: белоснежная рубашка с черным галстуком, единственный в моем гардеробе белый пиджак и черные брюки. Но все же я был уверен, что мой костюм не пойдет ни в какое сравнение с ее нарядом. Ведь все, что касалось Эдриен, представлялось мне абсолютно идеальным.

Она была очаровательна. Черное кружевное платье с короткими, расшитыми серебряной нитью рукавами, в сочетании с бархоткой на шее, отлично подчеркивали красоту ее форм. Все время, пока мы сидели в баре и потягивали напитки, я — виски, она — чинзано, я не сводил с нее глаз. Дважды я пытался, как бы невзначай, коснуться руки Эдриен, но оба раза она резким движением отдергивала ее.

— Им следовало бы вести себя потактичнее. — Своими зелеными миндалевидными глазами она пристально взглянула сначала на толпящихся вдоль барной стойки и мирно беседующих посетителей, а затем вновь на меня. — Но на самом деле не стоит давать им повод для сплетен.

— Прошу прощения, Эдриен, — произнес я сдавленным, почти дрожащим голосом, — но...

— Как получилось, что такой симпатичный парень, как ты, совсем один?

Я откинулся на стул и усмехнулся:

— Нескромный вопрос для юной леди!

— Да ну! Может, ты полагаешь, что и на эту ночь у меня скромные планы?

— А что ты запланировала? — спросил я, окончательно теряя голос.

— Пока мы будем ужинать, — произнесла она низким голосом, — я расскажу тебе все по порядку.

В этот момент появился официант с перекинутой через руку полотняной салфеткой и пригласил нас проследовать за ним в обеденный зал.

Эдриен ела мало, я же, напротив, уплетал за обе щеки. Она медленно пила легкое белое вино, а мне приходилось изрядно стараться, чтобы не отстать от официанта, неустанно наполнявшего мой бокал крепленым красным вином. К счастью, я был голоден как волк, иначе я не осилил бы этой циклопической трапезы. И заметьте, все кушанья — первоклассные, изысканные блюда, приготовленные настоящим мастером, — были заказаны заранее.

— Вот этим ключом можно с легкостью отпереть дверь нашего номера, — сказала Эдриен, сидя в мягком кресле и наслаждаясь ликером и сигаретой. — Комнаты располагаются на первом этаже, и сегодня вечером ты войдешь в одну из них через дверь, а покинешь ее завтра утром через окно. Я думаю, утренний моцион по пляжу освежит тебя. Ну, как тебе мой план?

— Невероятно! — ответил я.

— Не веришь?

— Не могу поверить в свое счастье!

— Скажем так: все дело в потребностях.

— Мне кажется, я могу влюбиться в тебя... Что, если завтра я не захочу уходить?

Она улыбнулась и, пожав плечами, сказала:

— Кто знает, что случится завтра?

Неужели я мог позволить себе думать о ней как об очередной подружке или как о какой-нибудь обычной девушке! Разумеется, она была земной девушкой, женщиной, если угодно, но какой знающей, опытной! Прекрасная, как принцесса, и искушенная, как шлюха! Если байки Марио оказались бы правдой и Никос Карпетес действительно был бы самим Некросом, то лучшей спутницы, чем Эдриен, он и пожелать не мог. В чем я был абсолютно уверен, так это в том, что ни один мужчина на земле не устоял бы перед ее чарами.

С этими мыслями в кружившейся от табачного дыма голове я направился, согласно ее указаниям, в номер, рас-

положенный где-то в глубине гостиницы. Мое воображение рисовало яркие и очень откровенные картины.

Найдя нужный номер, я вошел, оставив дверь приоткрытой. Вам должно быть известно, что главная особенность гостиничных номеров в Италии — это бесчисленное количество комнат в них. К счастью, определить, в какой мне следовало дожидаться Эдриен, не составило труда — она предусмотрительно оставила нужную дверь открытой. Я вошел. От волнения меня лихорадило. Эдриен сказала, что ей необходимы еще пятнадцать минут для пары глотков коктейля и еще одной сигареты. Казалось, что все сотрудники гостиницы и ее постояльцы были уже в курсе происходившего между нами. Но в Италии на такие вещи особый взгляд.

V

Меня опять лихорадило. Предвкушение? Возможно. Я сбросил с себя всю одежду, отправился в ванную и как никогда быстро принял душ. Давая себе обсохнуть, я легкой поступью проскользнул в спальню. Маленькая дверка между ванной и спальней была чуть приоткрыта, и я, приблизившись к ней, застыл, напряженно вслушиваясь. Все мои чувства разом обострились. Я искал малейший намек на какой-нибудь посторонний звук. Звук действительно был. Он доносился из комнаты. Что это? Шелест? Шорох? Шепот? Разобрать не представлялось возможным, но в любом случае тишина была явно нарушена. Эдриен могла появиться здесь с минуты на минуту. Я стоял возле двери, автоматически продолжая тереть себя полотенцем. Прежний звук исчез, и лишь нежный шелест листьев, волнуемых ночным бризом, наполнял комнату сквозь распахнутое окно. Я перекинул полотенце через плечо и направился в спальню. Неожиданно таинственный звук появился вновь. Он напоминал что-то вроде сдавленного хрипа, словно кто-то, задыхаясь, жадно хватал воздух ртом. Карпетес? Какого черта?! Неужели он здесь?

Меня как током ударило. Судорожный спазм тяжелой волной прокатился по всему телу. Нечеловеческим усилием

воли я привел себя в чувство и начал действовать. Забежав в спальню, я быстро оделся, забыв, правда, о галстуке и пиджаке, и, крадучись, вернулся к маленькой двери. Эдриен могла быть уже на пороге, а потому нельзя было допустить, чтобы меня застукали, как школьника, за вынюхиванием чужих секретов. Следовало бы подавить тревожное чувство, нахлынувшее на меня. Конечно, нервный припадок в такой ситуации был вполне объясним, но нельзя позволить душевным слабостям окончательно испортить весь вечер. Я набрал полную грудь воздуха и, открыв дверь, отважно шагнул в окутанную ночным сумраком Неизвестность. Остановившись, я правой рукой нащупал на стене выключатель.

Собравшись с духом, я нажал клавишу.

Комната была наполовину меньше, чем все остальные. Из мебели здесь имелись односпальная кровать, столик возле нее и платяной шкаф. Ничего более, по крайней мере ничего такого, что сразу бросалось бы в глаза. Мое сердце, бившееся в бешеном ритме, начало понемногу успокаиваться. Окно было распахнуто вовнутрь, но наружные ставни прикрыты. Звуки ночи легко просачивались сквозь них, наполняя комнату своей чарующей какофонией. Я задышал глубоко и с наслаждением. Неожиданно мой взгляд скользнул вниз, где на кровати лежала подушка. Из-под нее торчала маленькая темная книжечка в кожаной обложке, походившая на бумажник.

— Паспорт, — пробормотал я.

Верно. Это был паспорт. Греческий паспорт, на имя Никоса Карпетеса. Смущало лишь одно: человек на фотографии в документе был не старше меня! Стоявшая ниже дата рождения не оставляла сомнений. Имя было написано по-гречески, но вполне разборчиво. Может, этот парень — его сын?

Загадочный паспорт напрочь вывел меня из душевного равновесия, нервы были на пределе. Я швырнул документ на кровать и, нахмурившись, уставился на него, пытаясь все же понять, что к чему. Немного успокоившись, я вдруг замер, пораженный жуткой догадкой. Шорох, шипение и похрюкивание за шкафом. Мыши? Или здесь все-таки дело нечисто?

Я начал злиться, так как слишком многое было непонятным. И чего, собственно, я боялся? Россказней Марио? Нет, ведь я прекрасно знал, что итальянцы обожают сгущать краски, в таких делах им нет равных.

Я взялся за ручку шкафа и резко дернул ее на себя. Поначалу я не обнаружил здесь ничего примечательного. Да я в общем-то и не знал, куда мне следует смотреть и что искать. В самом низу стояли туфли из дорогой кожи, две пары. На плечиках висели костюмы, на первый взгляд, совсем детских размеров. И... О боже, жилетка... Господи... Я попятился на подгибающихся ногах. Пронзительная тишина комнаты оглушала, доводила меня до исступления.

— Питер?

Она возникла в дверях номера и медленным шагом стала приближаться ко мне. Ее глаза пылали огнем желания. На губах играла улыбка, но вдруг выражение лица начало меняться. Девушка уже успела правильно оценить ситуацию. Огонь вожделения в глазах Эдриен сменился огнем презрения, а затем гневом и яростью.

— Питер?! — произнесла Эдриен снова, но уже с совершенно иной интонацией.

Я постарался увернуться от ее протянутых ко мне рук, рук, которые никогда меня не касались и которых еще не касался я сам. В мгновение ока я очутился в спальне. Схватив с кровати галстук и пиджак, я с истошным воплем бросился к окну. Когда мне удалось уже наполовину выбраться, Эдриен настигла меня. Я отчаянно пытался оттолкнуть ее, но цепкие пальцы девушки сомкнулись на моем предплечье. С чудовищной силой Эдриен стала втаскивать меня обратно в свою чертову берлогу. Ее глаза горели адским огнем.

— *Питер!*

Упершись ногами в стену, я резким движением оттолкнулся и выпал из окна, обретя таким образом желанную свободу. Мое приземление в заросли кустарника было вполне удачным. Оказавшись внизу, я со всех ног бросился прочь, подальше от этой обители зла. Я бежал наугад, не разбирая дороги, то вверх, то вниз, по холмам и оврагам,

мимо пиний, упиравшихся своими макушками в безмятежно-звездное средиземноморское небо. Где-то далеко мелькали мирные огоньки укрытой чернотой южной ночи деревни.

Утром, оглядываясь на события минувшей ночи, я поражался тому счастливому стечению обстоятельств, которое позволило мне избежать гибели. Я не мог понять, как, упав с такой высоты и скатившись кубарем по обрывистому склону холма, я остался невредимым? Мне удалось пережить ту страшную ночь, удалось улизнуть от Эдриен!

Окончательно придя в себя только на закате дня, я ощупал свои синяки, ссадины и массивную шишку на лбу. Мой путь в гостиницу был непрост. Кое-как доковыляв до места, я забаррикадировался в номере и просидел так, тихо страдая, до глубокой ночи, до самого времени моего отъезда.

Слабак? Может быть...

Лишь по дороге в Геную, в компании окружавших меня попутчиков, я, сидя у окна и пригревшись на солнышке, вновь обрел способность здраво мыслить. Я закатал рукава рубашки и внимательно осмотрел след клешнеобразной пятерни, который оставила ведьма. Ее ногти так глубоко вонзились в мою кожу, что я опасался, как бы на их месте не остались шрамы. Глядя на пострадавшую руку, я вновь вспомнил о том шкафе, а именно о его содержимом. О человеке, точнее, о немногом, что еще оставалось от него и было похоже на высушенную мумию. Однако эта мумия с руками-соломинками и головой, уменьшившейся до размеров детской, все еще дышала. Дыхание было совсем слабым, голова свешивалась на грудь, касаясь ее подбородком. Но самым ужасным было то, что он висел, прикрепленный огромной прищепкой к перекладине в шкафу. Прищепка с бульдожьей яростью впивалась в собранные в складки излишки кожи на его голове. Его топосенькие ноги беспомощно болтались в воздухе. Мне не забыть его глаз, все еще молящих о пощаде.

Но речь в данном случае не о глазах...

А что касается зеленого цвета, то отныне я его просто ненавижу.

БРАЙАН СТЭБЛФОРД

Возлюбленный вампирши

Брайан Стэблфорд опубликовал более пятидесяти романов и двести рассказов; он также является автором нескольких документальных книг, сотен статей в различных журналах и справочниках, сборников переводов с французского языка и антологий. Стэблфорд читает лекции по литературному творчеству в колледже Короля Альфреда в Винчестере.

В числе его произведений — «Империя страха» («The Empire of Fear»), «Свежая кровь» («Young Blood»), «Лондонские оборотни» («Werewolves of London») и серия романов, действие которых происходит в будущем — «Унаследуй Землю» («Inherit the Earth»), «Зодчие бессмертия» («Architects of Emortality»), «Фонтаны юности» («The Fountains of Youth»), «Комплекс Кассандры» («The Cassandra Complex»), «Темный Арарат» («Dark Ararat») и «Экспедиция „Омега“» («The Omega Expedition»). Недавно опубликованы сборник «Сложности и другие рассказы» («Complications and Other Stories»), «Поцелуй козла: История о привидениях из двадцать первого века» («Kiss the Goat: A Twenty-first Century Ghost Story»), перевод книги Вилье де Лиль-Адана «Клер Ленуар и другие рассказы» («Claire Lenoir and Other Stories»), вышедший в издательстве Tartarus Press, и переводы романов Поля Феваля «Графиня Вампир» («The Vampire Countess»), «Тень рыцаря» («Knightshade») и «Город вампиров» («Vampire City»). В настоящее время Стэблфорд работает над Словарем истории научно-фантастической литературы («Historical Dictionary of Science Fiction Literature») для издательства Scarecrow Press.

«„Возлюбленный вампирши“ написан в 1986 году, — вспоминает Стэблфорд, — тогда я увлекся возрождавшейся темой вампиров. Новое течение по-своему раскрывало сексуальный подтекст классической викторианской литературы (особенно сильное впечатление на меня произвели „Вампиры Альфамы“ („Vampires of Alfama“) Пьера Каста). Познакомившись с мнением некоторых критиков, считающих, что вампиризм Дракулы является метафорой сифилиса, я

пришел к выводу о том, что ревизионистская литература о вампирах с таким же успехом может иносказательно описывать СПИД».

Предлагаемый рассказ в трогательно романтической форме воскрешает тему вампиризма и закладывает основу для дальнейшего творчества писателя.

Мужчина, полюбивший женщину-вампира, обретает долголетие, но в конце концов смерть ждет и его.

Валашская пословица

Было тринадцатое июня лета Господня 1623-го. В Великую Нормандию рано пришла прекрасная теплая погода, и лондонские улицы купались в солнечных лучах. Город кишел народом, в порту сновали корабли — в тот самый день в док вошло три судна. Один из кораблей, «Фримартин», прибывший из Мавритании, вез товары из Черной Африки — слоновую кость и шкуры экзотических животных. Ходили также слухи о более заманчивых вещах, провозимых тайно,— драгоценных камнях и магических зельях, однако прибытие кораблей из дальних стран всегда сопровождалось подобными толками. Нищие и уличные мальчишки, как обычно, толпились в доках, привлеченные разговорами, и приставали к морякам, одинаково жадные до новостей и медяков. Единственные равнодушные лица в Лондоне принадлежали казненным преступникам, чьи головы украшали копья на Саутворкских воротах. Лондонский Тауэр эта суета также не трогала, и его высокие грозные башни, возвышающиеся над городом, казалось, принадлежали какому-то иному миру.

Эдмунд Кордери, придворный механик эрцгерцога Жерара, наклонил маленькое вогнутое зеркало в медном приборе, стоявшем на его рабочем столе, и пойманный луч вечернего солнца, преломляясь, устремился через систему линз.

Отвернувшись, он приказал сыну, Ноэлю, занять свое место.

— Взгляни, как он работает, — устало произнес мастер. — Я с трудом могу сфокусировать зрение, уж не говоря о том, чтобы настроить прибор.

Ноэль, прищурившись, приложил правый глаз к линзе микроскопа и повернул колесико, регулирующее высоту предметного столика.

— Прекрасно, — ответил он. — Что это такое?

— Это крыло бабочки.

Эдмунд, осмотрев полированную столешницу, убедился, что остальные предметные стекла готовы к демонстрации. При мысли о предстоящем визите леди Кармиллы его охватила смутная тревога, которую он всячески стремился подавить. Даже в давние дни она редко навещала его в лаборатории, и встреча с ней здесь, на его собственной территории, грозила разбудить воспоминания, дремавшие даже тогда, когда он мельком видел ее в общедоступной части Тауэра или на публичных церемониях.

— Стекло с водой не готово, — заметил Ноэль.

Эдмунд покачал головой.

— Когда понадобится, я сделаю свежий образец, — пояснил он. — Живые существа хрупки, и мир, существующий в капле воды, очень легко разрушить.

Кордери еще раз оглядел рабочий стол и убрал из виду тигель, задвинув его за ряд банок. Навести здесь чистоту не представлялось возможным — да в этом и не было необходимости, — но он чувствовал, как важно поддерживать определенный порядок и систему. Желая отогнать беспокойство, Эдмунд подошел к окну и устремил взгляд на искрящиеся воды Темзы и странное серое сияние, окутывавшее крытые шифером крыши домов на противоположном берегу. Отсюда, с головокружительной высоты, люди выглядели совсем крошечными; Эдмунд казался себе выше ростом, чем крест на церковной колокольне около Кожевенного рынка. Не будучи набожным, Кордери находился во власти такого сильного смятения, так жаждал выразить его каким-нибудь действием, что вид церковной башни заставил его перекреститься и пробормотать слова молитвы. Однако он тут же выругал себя за это ребячество.

«Мне сорок четыре года, — думал он, — я механик. Теперь я не мальчишка, которого знатная госпожа одарила своей благосклонностью, и у меня нет никаких причин для этой вздорной тревоги».

Выговаривая себе таким образом, он сознательно покривил душой. Его тревожили не только воспоминания о любви Кармиллы. Он думал о микроскопе и мавританском корабле и надеялся, что по поведению госпожи сможет понять, нужно ли ее бояться.

В этот момент открылась дверь и появилась сама леди. Слегка обернувшись, она взмахом руки приказала слуге оставить ее, и тот скрылся, прикрыв за собой дверь. Она была одна, без свиты друзей и фаворитов. Леди Кармилла осторожно пересекла комнату, немного приподняв подол, хотя пол был чисто выметен. Взгляд ее скользил по обстановке, останавливаясь на полках, мензурках, горне, многочисленных инструментах механика. На обычного человека эта лаборатория безбожника нагнала бы страх, но леди была холодна и отлично владела собой. Она остановилась у недавно законченного медного инструмента, мельком оглядела его, подняла голову и посмотрела прямо в лицо механику.

— Вы хорошо выглядите, мастер Кордери, — бесстрастно произнесла Кармилла. — Однако вы бледны. Вам не следует столько времени проводить взаперти — в Нормандию пришло лето.

Эдмунд едва заметно поклонился, но не отвел взгляда. Разумеется, она нисколько не изменилась с того времени, когда они были близки. Ей было шестьсот лет — немногим меньше, чем эрцгерцогу, — и годы не имели власти над ее телом. Леди была намного смуглее Эдмунда, обладала прозрачными темно-карими глазами и черными как смоль волосами. Он не оказывался так близко к ней уже несколько лет, и помимо воли его захлестнула волна воспоминаний. Разумеется, она обо всем забыла: он уже поседел, кожа покрылась морщинами, должно быть, для нее он выглядит совсем чужим. Однако, встретившись с ней взглядом, Эдмунд почувствовал, что она тоже перебирает воспоминания, и воспоминания эти ей приятны.

— Миледи, — начал он, вполне овладев собой, — разрешите мне представить вам моего сына и ученика, Ноэля.

Ноэль поклонился гораздо ниже, чем отец, и зарделся от смущения.

Леди Кармилла снизошла до улыбки.

— Он похож на вас, мастер Кордери, — обронила она пустой комплимент. Затем снова обратила внимание на микроскоп. — Его создатель говорил правду? — поинтересовалась она.

— Совершенную правду, — подтвердил мастер. — Это исключительно хитроумное устройство, и я бы с удовольствием познакомился с его изобретателем. Прекрасная вещь — хотя для того, чтобы воспроизвести ее, потребовалось все искусство, на которое способен мой шлифовальщик. Думаю, что мы можем усовершенствовать этот прибор, приложив еще больше старания и мастерства; перед вами самый простой экземпляр, наша первая попытка.

Леди Кармилла опустилась на скамью, и Эдмунд показал ей, как нужно смотреть в микроскоп, как настраивать линзы и зеркало. Она выказала удивление при виде увеличенного крыла бабочки, и Эдмунд продемонстрировал ей серию заготовленных препаратов, включавших части тела насекомых, срезы стеблей и семян растений.

— Здесь необходим более острый нож и более твердая рука, миледи, — объяснил он. — Прибор выдает мою неловкость.

— Отнюдь, мастер Кордери, — любезно заверила она его. — Все это прекрасно. Но нам сказали, что с помощью микроскопа можно увидеть более интересные вещи. Крошечные живые существа, невидимые простым глазом.

Эдмунд с извиняющимся поклоном стал рассказывать о приготовлении препаратов воды. Он изготовил новый, взяв пипеткой каплю грязной речной воды из кувшина и капнув ее на предметное стекло. Затем терпеливо помог леди отыскать на стекле мельчайшие создания, недоступные взгляду человека. Мастер показал госпоже плавающее полужидкое животное и других, более мелких, передвигавшихся при помощи ресничек. Зрелище захватило ее, и некоторое время она не отрывалась от микроскопа, осторожно передвигая стекло накрашенными ногтями.

В конце концов леди Кармилла спросила:

— А вы не смотрели на другие жидкости?

— Какие именно жидкости? — переспросил Кордери, хотя смысл вопроса был ему совершенно ясен и привел его в смятение.

Но она не собиралась смягчать выражения.

— Кровь, мастер Кордери, — очень тихо произнесла она.

Их давнее знакомство научило ее уважать его интеллект, и он почти сожалел об этом.

— Кровь очень быстро свертывается, — объяснил Кордери. — Я не смог приготовить достаточно хороший препарат. Это потребует необыкновенного мастерства.

— Несомненно, — согласилась она.

— Ноэль зарисовал многие вещи, которые мы изучали, — сказал Эдмунд. — Не желаете ли взглянуть?

Она не возражала против перемены темы и дала понять, что согласна посмотреть на рисунки. Подойдя к столу Ноэля, она начала перебирать листы, время от времени поднимая взгляд на юношу, чтобы похвалить его работу. Эдмунд стоял рядом, вспоминая, как остро чувствовал он когда-то ее настроения и желания, и изо всех сил стараясь угадать, о чем она сейчас думает. От одного задумчивого взгляда, брошенного Кармиллой на Ноэля, внутри у Эдмунда все сжалось от ужаса, и его тяжкие мысли и страхи мгновенно отступили на задний план, сменившись беспокойством за сына, — а может быть, простой ревностью? И снова он проклял себя за слабость.

— Могу ли я взять это, чтобы показать эрцгерцогу? — спросила леди Кармилла, обращаясь скорее к Ноэлю, чем к его отцу.

Мальчик кивнул, по-прежнему слишком смущенный, чтобы сформулировать подходящий ответ. Она взяла отобранные рисунки и свернула их в трубку, затем поднялась и снова взглянула в лицо Эдмунду.

— Мы очень заинтересованы в этом приборе, — сообщила леди. — Мы тщательно обдумаем вопрос о предоставлении вам новых помощников, которых вы обучите необходимым навыкам. А пока вы можете вернуться к текущей работе. Я пришлю кого-нибудь за инструментом, чтобы

эрцгерцог смог рассмотреть его на досуге. Ваш сын превосходно рисует, вы должны его поощрять. Вы с ним можете посетить меня в моих покоях в следующий понедельник в семь часов; вы пообедаете со мной и расскажете мне о своих последних работах.

Эдмунд поклонился в знак согласия, — разумеется, это следовало понимать как приказ, а не как приглашение. Опередив ее, он подошел к дверям, чтобы открыть ей, и, в то время как она проходила мимо, они обменялись быстрым взглядом.

Когда Кармилла ушла, внутри у него словно ослабла какая-то туго натянутая струна, оставив слабость и пустоту. Он чувствовал странное спокойствие и отчужденность при мысли о том, что его жизнь находится в опасности.

Когда погас последний луч заката, Эдмунд зажег свечу на верстаке и уставился на пламя, попивая темное вино из оплетенной бутыли. Он не повернулся, когда в дверях показался Ноэль, но после того, как сын пододвинул к нему свой табурет и уселся рядом, предложил ему бутыль. Ноэль принял ее, но отхлебнул с осторожностью.

— Теперь я достаточно взрослый, чтобы пить? — сухо заметил он.

— Достаточно, — заверил его Эдмунд. — Но остерегайся излишества и никогда не пей в одиночестве. Обычный отцовский совет, как ты понимаешь.

Протянув руку через стол, Ноэль погладил тонкими пальцами цилиндр микроскопа.

— Чего ты боишься? — спросил он.

Эдмунд вздохнул:

— Ты уже и для этого достаточно взрослый, я так понимаю?

— Мне кажется, об этом судить тебе.

Бросив взгляд на медный инструмент, Эдмунд начал:

— Подобные вещи лучше держать за семью замками. Какой-то ученый, чтобы доставить удовольствие вампирам, захотел продемонстрировать свои знания и, наверное, горд этим, словно павлин. Болван. Однако теперь все эти развлечения с увеличительными стеклами неизбежно войдут в моду.

— Когда у тебя ухудшится зрение, ты обрадуешься, что на свете существуют очки, — возразил Ноэль. — В любом случае я не вижу в этой новой игрушке никакой опасности.

Эдмунд усмехнулся.

— Новая игрушка, — задумчиво повторил он. — Часы, показывающие время, мельницы, перемалывающие зерно, стекла, помогающие лучше видеть. Их изготавливают люди-ремесленники, чтобы ублажить своих хозяев. Думаю, нам наконец-то удалось доказать вампирам, как мы умны и как многого еще сможем достичь.

— Ты думаешь, вампиры начинают нас бояться?

Эдмунд отхлебнул из бутыли и снова передал ее сыну.

— Их власть основана на страхе и суевериях, — негромко произнес он. — Они подвержены лишь слабым приступам болезней, смертельных для нас, и обладают чудесным даром вечной молодости. Но они не бессмертны, и их гораздо меньше, чем людей. Пока их боятся, они в безопасности, но страх этот поддерживается людским невежеством. За показным высокомерием и самоуверенностью вампиров прячется вечная тревога: а что произойдет, если люди когда-нибудь утратят веру в их сверхъестественные способности? Их нелегко убить, но даже смерти они страшатся меньше, чем разоблачения.

— Восстания против правления вампиров уже происходили. И все они потерпели крах.

Эдмунд кивнул в знак согласия.

— В Великой Нормандии живут три миллиона людей, — сказал он, — и менее пяти тысяч вампиров. Во всей Галлии насчитывается всего лишь сорок тысяч вампиров, и столько же в Византийской империи. Не знаю, сколько их в Валашском ханстве или в Китае, но вряд ли намного больше. В Африке на каждого вампира приходится по три-четыре тысячи человек. Если люди перестанут считать их демонами, полубогами или непобедимыми слугами зла, то их империя вскоре падет. Прожитые века дают им мудрость, но долголетие, по-видимому, неблагоприятно действует на творческую мысль: они могут научиться чему-либо, но не могут ничего *изобрести*. Люди по-прежнему остаются

истинными властителями искусства и науки — этих двигателей прогресса. Вампиры попытались взять науку под контроль, обратить себе на пользу, однако она тревожит их, словно заноза в боку.

— Но они обладают могуществом, — настаивал Ноэль. — Они же *вампиры*.

Эдмунд пожал плечами:

— Долголетие не выдумка, так же как и вечная молодость. Но правда ли, что это результат колдовства? Я не знаю точно, какая сила заключена в заклинаниях и ритуалах вампиров, и думаю, что даже *они* сами не знают. Они цепляются за свои обряды, потому что не осмеливаются отказаться от них, но кто знает, какова природа силы, превращающей людей в вампиров? Дар дьявола? Вряд ли. Я не верю в дьявола — я думаю, что дело здесь в крови. Мне кажется, что вампиризм — нечто вроде болезни, но эта болезнь не ослабляет людей, а делает их сильнее, позволяет им противостоять смерти, вместо того чтобы убить. Представь, что это *правда*, — теперь тебе ясно, почему леди Кармилла спросила, рассматривал ли я под микроскопом кровь?

Ноэль секунд двадцать не сводил пристального взгляда с инструмента, обдумывая слова отца. Затем рассмеялся.

— Если бы мы все превратились в вампиров, — легкомысленно заметил он, — нам пришлось бы пить кровь друг друга.

Эдмунд не мог заставить себя смеяться над подобными вещами. Перспективы, открываемые разоблачением секрета вампиров, представлялись ему гораздо более реальными и весьма безрадостными.

— Неверно считать, что они нуждаются в человеческой крови, — объяснил он мальчику. — Кровь — не пища для них. Пить ее доставляет им... какое-то удовольствие, мы не можем этого понять. И это часть тайны, которая делает их такими ужасными... и, следовательно, такими могущественными.

Эдмунд смолк, почувствовав смущение. Он не знал, что известно Ноэлю о его источниках информации. Они с женой никогда не говорили о его романе с леди Кармиллой, но слухи и сплетни все равно достигали ушей сына.

Ноэль снова взял бутыль и на этот раз сделал глоток побольше.

— Я слышал, — с отстраненным выражением сказал он, — что люди тоже получают удовольствие, когда... у них пьют кровь.

— Нет, — спокойно возразил Эдмунд. — Это неправда. Если не считать удовольствия, которое испытываешь, когда приносишь себя в жертву. Удовольствие, которое мужчина получает в объятиях женщины-вампира, ничем не отличается от любви обыкновенной женщины. Девушки, развлекающие мужчин-вампиров, могут испытывать нечто другое, но я подозреваю, что дело здесь в возбуждении, в надежде, что они и сами могут превратиться в вампиров.

Ноэль в смущении смолк и, возможно, оставил бы эту тему, но Эдмунд внезапно понял, что не хочет прекращать разговор. Мальчик имеет право знать, и, возможно, в один прекрасный день это знание ему пригодится.

— Я не совсем верно выразился, — поправился Эдмунд. — Когда леди Кармилла пила мою кровь, это приносило мне какое-то удовлетворение. Мне нравилось доставлять ей удовольствие. В любви женщины-вампира есть что-то возбуждающее, отличающее ее от обыкновенной женщины... хотя шанс, что любовник вампирши сам превратится в вампира, совершенно ничтожен.

Ноэль покраснел, не зная, как реагировать на это доверительное признание отца. В конце концов он предпочел изобразить чисто академический интерес.

— Почему среди вампиров гораздо больше женщин, чем мужчин? — спросил он.

— Никто точно не знает, — ответил Эдмунд. — Во всяком случае, люди не знают. Я могу поведать тебе свою точку зрения, то, что я узнал из слухов, до чего дошел своим умом, но ты должен понять, что об этом предмете опасно думать, не то что говорить.

Ноэль кивнул.

— Вампиры держат свою историю в тайне, — начал Эдмунд, — они также пытаются контролировать историографию человечества, но отдельные реальные факты до нас дошли. Вампиризм появился в Западной Европе в пятом

веке, его принесли сюда гуннские орды, возглавляемые вампиром Аттилой. Аттила, должно быть, отлично знал, как увеличить число своих собратьев, — он совратил Аэция, который затем стал правителем Галльской империи, и Феодосия Второго, восточного императора, — позднее тот был убит. Из всех существующих в настоящее время вампиров большинство — обращенные. Я слышал о детях-вампирах, рожденных вампирами-женщинами, но подобные случаи крайне редки. Вампиры-мужчины, по-видимому, гораздо менее мужественны, чем люди, — говорят, что они очень редко вступают в брак. Однако они часто берут в любовниц обычных женщин, и эти женщины иногда превращаются в вампиров. Вампиры представляют это как дар, которым они награждают людей по своей воле, с помощью магии, но я не уверен, что они могут контролировать превращение. Мне кажется, что в семенной жидкости мужчины-вампира содержатся крошечные переносчики вампиризма, подобно тому как семя человека делает женщину беременной, — и происходит это так же, по закону случая.

Ноэль некоторое время обдумывал услышанное, затем спросил:

— Тогда откуда взялись правители-вампиры?

— Их совратили другие вампиры-мужчины, — объяснил Эдмунд. — Так же, как Аттила совратил Аэция и Феодосия.

Он не стал вдаваться в подробности, чтобы увидеть, поймет ли Ноэль скрытый смысл сказанного. На лице юноши отразилось отвращение; Эдмунд не мог решить, радоваться или огорчаться тому, что сын в состоянии вести подобные разговоры.

— Такие вещи происходят очень редко, — продолжал Эдмунд, — и вампиры легко могут представить дело так, будто они обладают какой-то особой магией. Но некоторые женщины так никогда и не беременеют, хотя годами живут со своими мужьями. Говорят, что человек может также превратиться в вампира, вкусив его крови, — при условии, что ему известно соответствующее заклинание. Подобные слухи не поощряются вампирами, и они подвергают пойманных за таким преступлением ужасным наказаниям. Разу-

мется, дамы, принадлежащие к нашему двору, в большинстве своем бывшие любовницы эрцгерцога или его кузенов. Нам неудобно рассуждать о происхождении самого эрцгерцога, хотя он, без сомнения, знаком с Аэцием.

Ноэль вытянул вперед руку, ладонью вниз, и сделал несколько пассов над пламенем свечи, отчего огонек заметался из стороны в сторону. Затем он пристально уставился на микроскоп.

— Так ты *рассматривал* кровь? — спросил сын.

— Да, — подтвердил Эдмунд. — И сперму. Разумеется, и то и другое — человеческие.

— И?..

Эдмунд покачал головой.

— Определенно, это не однородные жидкости, — рассказал он, — но инструмент недостаточно точен для настоящего, подробного исследования. Там присутствуют маленькие тельца — те, что в сперме, имеют длинные извивающиеся хвостики, — но есть еще многое... очень многое, что я пока не смог увидеть. Завтра прибор отнимут — и не думаю, что мне представится возможность изготовить другой.

— Не может быть, чтобы тебе угрожала опасность! Ты важная персона, и твоя лояльность никогда не подвергалась сомнению. Люди тебя самого считают чуть ли не вампиром. Черным магом. Девушки с кухни боятся меня, потому что я твой сын, — при виде меня они осеняют себя крестом.

Эдмунд рассмеялся, и в смехе его послышалась горечь.

— Не сомневаюсь, что они подозревают меня в сношениях с демонами и избегают смотреть мне в лицо из боязни дурного глаза. Но для вампиров все это не имеет никакого значения. Для них я всего лишь человек. Как высоко ни ценят вампиры мои знания, они без колебаний прикончат меня, если заподозрят, что я проник в их тайны.

Слова отца явно встревожили Ноэля.

— Неужели... — Он умолк, но, видя, что Эдмунд ожидает продолжения, после едва заметной паузы заговорил снова: — Леди Кармилла... неужели она...

— Не защитит меня? — Отец покачал головой. — Нет, даже будь я по-прежнему ее фаворитом. Вампиры хранят верность лишь своим собратьям.

— Когда-то она принадлежала к роду людскому.

— Это совершенно неважно. Она превратилась в вампира почти шестьсот лет назад, но если бы это произошло совсем недавно, что это меняет?

— Но... она действительно любила тебя?

— По-своему, — печально сказал Эдмунд. — По-своему любила.

Затем он поднялся — настоятельное желание помочь сыну все понять куда-то исчезло. Существуют вещи, которые мальчик сможет постичь лишь на собственном опыте, и, возможно, ему никогда не представится такой случай. Отец взял подсвечник и, прикрывая рукой пламя, направился к двери. Ноэль последовал за ним, оставив на столе пустую бутыль.

Эдмунд покинул крепость через так называемые Ворота Предателей и пересек Темзу по Тауэрскому мосту. К этому времени дома на мосту погрузились во тьму, но прохожие и экипажи еще мелькали: даже в два часа ночи деловая жизнь огромного города не замирала полностью. Ночь выдалась облачная, вскоре начался мелкий дождь. Часть масляных ламп, призванных в любое время дня и ночи освещать проезд, погасла; фонарщика не было видно. Но Эдмунд не боялся темноты.

Еще не достигнув южного берега, он заметил двоих шпионов и замедлил шаг, желая дать им понять, что станет легкой добычей. Но, нырнув в путаницу улочек, окружавших Кожевенный рынок, он ускользнул от преследователей. Кордери был хорошо знаком этот грязный лабиринт — здесь прошло его детство. Здесь он служил в подмастерьях у часовщика и приобрел сноровку в обращении с инструментами, здесь начался тот путь, который в конце концов привел его к богатству и известности. Его брат и сестра по-прежнему жили и работали в этом районе, но Эдмунд очень редко виделся с ними. Родичи нисколько не гордились своим братом, который слыл колдуном, и не простили ему связи с леди Кармиллой.

Эдмунд осторожно выбирал дорогу в темных переулках, перебирался через кучи мусора, не обращая внимания на

возню крыс. Он не выпускал рукоять кинжала, пристегнутого к поясу, хотя нужды в оружии не было. Звезды скрылись за завесой облаков, воцарилась полная темнота; свечи горели всего в нескольких окошках; но Эдмунд ориентировался, время от времени дотрагиваясь рукой до знакомых стен.

Наконец, оказавшись в одном из переулков, он подошел к узкой двери, находившейся на три ступени ниже мостовой, и быстро постучал — три раза, а затем еще два. Ему пришлось подождать, прежде чем дверь подалась под его рукой, и он торопливо вошел. Только сейчас, после того как дверь со щелчком захлопнулась за ним, он расслабился и понял, что находился во власти сильного напряжения.

Эдмунд подождал, пока зажгут свечу.

Наконец вспыхнул свет, и из темноты возникло худое злобное лицо, покрытое морщинами, с необыкновенно светлыми глазами; редкие седые волосы выбивались из-под льняного чепца.

— Да пребудет Господь с тобой, — прошептал он.

— И с тобой, Эдмунд Кордери, — прокаркала женщина.

При звуке собственного имени он нахмурился — это было намеренное нарушение правил, едва заметное, бессмысленное проявление независимого нрава. Она не любила Эдмунда, хотя он всегда был к ней добр. В отличие от многих людей, она не боялась его, но считала испорченным. Узы Братства связывали их почти двадцать лет, но она так и не научилась полностью доверять ему.

Старуха провела Эдмунда во внутреннее помещение, где оставила его разбираться со своими делами.

Из тени выступил незнакомец, невысокий, полный, лысый, не старше шестидесяти лет. Он особым образом перекрестился, и Эдмунд ответил тем же.

— Я Кордери, — представился он.

— За вами следили? — В голосе старика прозвучали почтение и страх.

— Не здесь. Они следовали за мной от Тауэра, но я легко от них отделался.

— Плохо.

— Возможно, но это к нашему делу не относится. Вы вне опасности. Вы принесли то, о чем я просил?

Толстяк неуверенно кивнул.

— Мои начальники недовольны, — сообщил он. — Они велели мне передать вам, что не желают, чтобы вы так рисковали. Вы представляете слишком большую ценность, чтобы подвергать себя смертельной опасности.

— Я уже нахожусь в смертельной опасности. События нас опережают. В любом случае, это не ваша забота и не забота ваших... начальников. Решать мне.

Толстяк покачал головой, но этот жест выражал скорее уступку, чем отрицание. Он вытащил из-за стула, на котором сидел, ожидая Эдмунда, какой-то предмет. Это оказался большой ящик, завернутый в кожу. В продольной стенке был проделан ряд маленьких дырочек; из ящика доносилось царапанье, выдававшее присутствие живых существ.

— Вы действовали в соответствии с моими инструкциями? — уточнил Эдмунд.

Человечек кивнул и дотронулся до плеча механика дрожащей от страха рукой.

— Не открывайте это, сэр, умоляю вас. Не здесь.

— Бояться нечего, — заверил его Эдмунд.

— Вы не были в Африке, сэр, а я был. Поверьте мне, боятся *все* — и не только простые люди. Говорят, что вампиры тоже умирают.

— Да, мне это известно, — рассеянно отвечал Эдмунд.

Он стряхнул с плеча руку старика, удерживавшую его, расстегнул ремни, стягивающие коробку, и приподнял крышку, но совсем немного — лишь для того, чтобы осветить внутреннее пространство и взглянуть, что там находится.

В коробке сидели две большие серые крысы. При виде света они забились в угол.

Эдмунд закрыл крышку и затянул ремни.

— Я не осмелился бы перечить вам, сэр, — нерешительно начал маленький человечек, — но я не уверен, что вы хорошо понимаете, с чем имеете дело. Я видел города Западной Африки; я был также в Корунье, был и в Марселе. В этих местах помнят прошлые эпидемии чумы, а теперь жуткие истории повторяются. Сэр, если одна из этих крыс окажется на свободе...

Эдмунд взвесил на руках коробку, проверяя, сможет ли он легко нести ее.

— Это не ваше дело, — отрезал он. — Забудьте об этой встрече. Я свяжусь с вашими начальниками. Я теперь за все отвечаю.

— Простите меня, — возразил его собеседник, — но я должен сказать вам вот что: какая нам выгода от того, что мы уничтожим вампиров, если сами погибнем вместе с ними? Бессмысленно в борьбе с угнетателями губить половину населения Европы.

Эдмунд холодно смерил толстяка взглядом.

— Вы много говорите, — произнес он. — *Слишком* много.

— Прошу прощения, сэр.

Эдмунд помедлил несколько секунд, не зная, следует ли заверить посланца, что его обеспокоенность понятна, но он давно уже уяснил себе: имея дело с Братством, лучше всего держать язык за зубами. Кто знает, когда этот человек снова заговорит о происшедшем, с кем и к чему это приведет.

Механик взял коробку, убедившись, что ее удобно нести. Внутри шуршали крысы, царапая дерево крошечными когтистыми лапками. Свободной рукой Эдмунд снова изобразил знак креста.

— Господь с вами, — искренне пожелал курьер.

— И со духом твоим, — бесцветно отвечал Эдмунд.

Он ушел, не позаботившись обменяться ритуальным прощанием со старой каргой. У него не возникло трудностей с тайной доставкой ноши в Тауэр — страж одной из дверей не в первый раз смотрел на подобные вещи сквозь пальцы.

Наступил понедельник, и Эдмунд с Ноэлем отправились в покои леди Кармиллы. Ноэлю раньше не приходилось бывать в подобной обстановке, и он с интересом смотрел по сторонам. Эдмунд заметил, как поражен мальчик видом ковров, драпировок, утвари, и не мог не вспомнить тот, первый раз, когда *он сам* вошел в эти комнаты. С тех пор ничего не изменилось; многие вещи здесь будили и обостряли его потускневшие воспоминания.

Более молодые вампиры меняли обстановку часто, они были помешаны на всем новом, словно боялись своей соб-

ственной вечности. Леди Кармилла давно миновала эту стадию. Со временем она привыкла к неизменности, и такие мирские чувства, как скука и тоска, уже не затрагивали ее. Она приспособилась к новой эстетике существования: ее личное жизненное пространство отражало ее собственную неизменность и непреходящую молодость, а новшества допускались лишь в ограниченную часть ее жизни и под строгим контролем — к этим новшествам относились и беспорядочно сменявшиеся любовники.

Великолепие господского стола поразило Ноэля не меньше всего остального. Он готов был увидеть серебряные тарелки и вилки, хрустальные бокалы, резные графины с вином. Но изобилие блюд, поданных за обычной трапезой и предназначенных всего для троих обедающих, действительно ошеломило юношу. Ноэль всегда считал себя членом привилегированного класса; по меркам обычных людей, мастер Кордери и его семья питались весьма хорошо. Обнаружив, что существует следующая ступень богатства, отличающая мир буржуазии от настоящих аристократов, мальчик явно был потрясен.

Эдмунд очень тщательно выбрал наряд — он извлек из сундука самый пышный костюм, не надевавшийся многие годы. В официальных случаях он всегда был вынужден играть роль механика и одевался соответственно. Эдмунд никогда не появлялся в облике придворного, а всегда изображал лишь служащего. Однако в сегодняшнем обличье он показался незнакомым Ноэлю, и, несмотря на то что мальчик не уловил всей тонкости различия, он горько сожалел о том, что его самого заставили одеться просто и скромно.

Эдмунд ел и пил мало и удовлетворенно заметил, что Ноэль, подчиняясь его указаниям, также проявляет умеренность, несмотря на изобилие роскошных яств. Некоторое время хозяйка посвятила обмену общепринятыми любезностями, но довольно быстро, по ее меркам, перешла к делу, ради которого устроила этот прием.

— Мой кузен Жерар, — обратилась она к Эдмунду, — в большом восторге от вашего хитроумного устройства. Он считает его исключительно интересным.

— В таком случае мне доставит удовольствие преподнести микроскоп ему в подарок, — ответил Эдмунд. — И я с радостью изготовлю еще один, чтобы развлечь вашу светлость.

— Не нужно, — холодно ответила леди Кармилла. — У нас другие планы. Эрцгерцог и его сенешаль обсудили несколько поручений, которые вы могли бы выполнить с выгодой для себя. Разумеется, вы получите инструкции в свое время.

— Благодарю вас, миледи, — произнес Эдмунд.

— Придворным дамам очень понравились рисунки, которые я им показала, — продолжала леди Кармилла, оборачиваясь к Ноэлю. — Они изумились, узнав, что в чашке воды из Темзы живут тысячи мельчайших живых существ. Как вы думаете, а может быть, и наши тела служат обиталищем бесчисленным невидимым насекомым?

Ноэль открыл рот, чтобы ответить, поскольку вопрос был адресован ему, но Эдмунд спокойно вмешался:

— Существуют насекомые, которые могут жить на нашем теле, и черви, паразитирующие внутри. Ученые люди говорят, что микрокосм человеческого тела отражает в основе своей структуру макрокосма; возможно, внутри нас существует еще один, меньший микрокосм, невообразимо маленький, воспроизводящий наши тела. Я читал...

— Я читала, мастер Кордери, — перебила леди Кармилла, — что болезни, поражающие людей, по мнению некоторых ученых, переносятся от человека к человеку посредством этих крошечных существ.

— Мысль о том, что болезни передаются от человека к человеку крохотными семенами, возникла еще в античные времена, — ответил Эдмунд, — но я понятия не имею, как можно обнаружить подобные семена, и не думаю, что существа из речной воды являются такими переносчиками.

— Мне становится не по себе при мысли о том, — настаивала леди, — что в наших телах живут существа, о которых мы ничего не знаем, и с каждым вдохом мы вдыхаем в себя семена, переносчики недугов, слишком малые, чтобы увидеть или почувствовать их. Это внушает определенное беспокойство.

— Но вам беспокоиться не о чем, — возразил Эдмунд. — Переносчики болезней разрушают лишь человеческую плоть; ваше тело неприкосновенно.

— Вам известно, что это не так, мастер Кордери, — ровным голосом сказала она. — Вы своими глазами видели меня больной.

— Это было во время эпидемии оспы, погубившей миллионы людей, миледи, а вы перенесли лишь небольшую лихорадку.

— Мы получили сообщения из Византийской империи, а также из мавританских поселений: в Африке появилась чума, она уже достигла южных границ Галльской империи. Говорят, что от этой чумы страдают не только люди, но и вампиры.

— Это досужие сплетни, миледи, — успокаивающе сказал Эдмунд. — Вы знаете, что по дороге новости всегда обрастают мрачными подробностями.

Леди Кармилла снова обернулась к Ноэлю и на этот раз обратилась к нему по имени, чтобы Эдмунд не смог оспаривать у него чести отвечать ей.

— Вы боитесь меня, Ноэль? — спросила она.

Юноша вздрогнул и слегка запнулся, прежде чем ответить отрицательно.

— Вы *не обязаны мне лгать*, — уговаривала *она его*. — Вы меня боитесь, потому что я вампир. Мастер Кордери — скептик; должно быть, он говорил вам, что вампиры не так уж могущественны, как обычно считается; но он также, по всей вероятности, предупредил вас, что в моей власти причинить вам вред. А вы сами не хотели бы стать вампиром, Ноэль?

Ноэль еще не пришел в себя после выговора и не мог сразу придумать ответ, но в конце концов выдавил:

— Да, хотел бы.

— Ну конечно хотели бы, — промурлыкала она. — Все люди превратились бы в вампиров, если бы могли, несмотря на слова, которые они произносят в церкви, стоя на коленях. Все люди могут стать вампирами; бессмертие — это часть нашего дара. По этой причине мы всегда пользовались преданностью и любовью огромного числа поддан-

ных-людей. И мы всегда в достаточной степени вознаграждали эту преданность. В наши ряды вступают немногие, но наше господство принесло людям века порядка и стабильности. Вампиры избавили Европу от Темных Веков, и пока власть в наших руках, варвары остаются под контролем. Наше правление не всегда было милосердным, ведь мы не можем оставлять сопротивление безнаказанным, но без нас жизнь была бы гораздо хуже. И даже после всего этого находятся люди, готовые нас уничтожить, — вам ведь это известно?

Ноэль не знал, что на это ответить, он просто уставился на Кармиллу, ожидая продолжения. Видимо, ее слегка раздражали его неуклюжие манеры, и Эдмунд сознательно не стал прерывать неловкую паузу. Ему хотелось, чтобы Ноэль произвел плохое впечатление.

— Существует подпольная организация, — продолжала леди Кармилла. — Тайное общество, целью которого является открытие секрета превращения людей в вампиров. Они распространяют слухи о том, что могут сделать бессмертными всех людей, но это ложь, и глупая ложь. Члены этого братства ищут могущества лишь для себя.

Леди-вампир прервала свою речь, чтобы отдать приказания относительно перемены блюд. Она также велела принести еще вина. Взгляд ее блуждал от неловкого юноши к его самоуверенному отцу.

— Лояльность вашей семьи, разумеется, не подлежит никакому сомнению, — наконец заговорила она. — Никто не может постичь движущие силы общественной жизни лучше механика; механику хорошо известно, что противоборствующие силы должны находиться в равновесии, а различные части машины — сцепляться между собой и поддерживать друг друга. Мастер Кордери отлично понимает, что мудрость правителей сходна с ремеслом часовщика, не так ли?

— Вы совершенно правы, миледи, — подтвердил Эдмунд.

— Хороший механик, — произнесла она необычным, отстраненным тоном, — за определенные заслуги может удостоиться превращения в вампира.

У Эдмунда хватало ума, чтобы не счесть это предложением или обещанием. Сделав глоток молодого вина, он заметил:

— Миледи, подобные вопросы, как мне кажется, лучше обсуждать без посторонних. Разрешите мне отослать сына в его комнаты.

Леди Кармилла слегка прищурилась, но на ее лице с прекрасными точеными чертами не отразилось никаких эмоций. Эдмунд задержал дыхание, понимая, что подталкивает ее к решению, принять которое она пока не готова.

— Бедный мальчик еще не пообедал, — сказала она.

— Я считаю, что он уже сыт, миледи, — возразил Эдмунд.

Ноэль не стал противиться, и после небольшого колебания хозяйка кивнула в знак согласия. Эдмунд попросил Ноэля оставить их вдвоем. После его ухода леди Кармилла поднялась из своего кресла и направилась из столовой во внутренние покои. Эдмунд последовал за ней.

— Вы забываетесь, мастер Кордери, — заявила она.

— Я увлекся, миледи. Здесь все напоминает мне о прошлом.

— Мальчик будет принадлежать мне, — сказала она, — если я того пожелаю. Вы ведь понимаете это, не правда ли?

Эдмунд поклонился.

— Но я пригласила вас сегодня к себе не для того, чтобы вы наблюдали за обольщением вашего сына. Вы это тоже понимаете. Этот вопрос, который вы хотели обсудить со мной, — он касается науки или предательства?

— Науки, миледи. Как вы сами отметили, моя лояльность не подлежит сомнению.

Кармилла опустилась на кушетку и знаком велела Эдмунду занять стоящий рядом стул. Они находились в будуаре, соседнем со спальней, воздух наполнял сладкий аромат благовоний.

— Говорите, — приказала она.

— Мне кажется, эрцгерцог опасается разоблачений, которые можно сделать с помощью моего маленького инструмента, — начал он. — Он боится, что микроскоп позволит увидеть эти семена, которые переносят болезнь вампиризм-

ма. Думаю, что человек, создавший инструмент, уже казнен, но, как вы понимаете, однажды сделанное открытие можно повторить снова и снова. Вы не уверены, как лучше себя вести, потому что не знаете, откуда следует ждать наибольшей угрозы вашему господству. Существует Братство, посвятившее себя уничтожению вашего рода; в Африке появилась чума, от которой гибнут даже вампиры; и вот перед вами новое орудие, делающее видимым то, что ранее скрывалось от человеческого взора. Не хотите ли послушать моего совета, леди Кармилла?

— А вы *можете* мне что-то посоветовать, Эдмунд?

— Да, могу. Не пытайтесь остановить события с помощью террора и казней. Если ваше правление будет жестоким *сейчас*, как раньше, вы окажетесь на пути к гибели. Если вы уступите власть без сопротивления, то можете просуществовать еще века, но если ударите... ваши враги нанесут ответный удар.

Женщина-вампир откинула назад голову и взглянула на потолок. Ей удалось выдавить слабую улыбку.

— Я не могу передать подобный совет эрцгерцогу, — откровенно призналась она.

— Так я и думал, миледи, — очень спокойно подтвердил Эдмунд.

— Вы, люди, обладаете особым родом бессмертия, — с сожалением заметила леди Кармилла. — Вы утверждаете, что ваша религия обещает вам вечную жизнь. Христианство говорит, что вы не должны стремиться к бессмертию, подобному нашему, а мы, тщательно охраняя свои секреты, лишь подтверждаем это. Вам следует взывать о помощи к вашему Христу, а не к нам. Думаю, вы прекрасно понимаете, что при всем желании мы не смогли бы обратить весь мир. Нашу магию нельзя использовать в широких масштабах. Вы огорчены, потому что этот дар никогда не предлагался вам? Вы обижены? Вы хотите стать нашим врагом, потому что не можете стать нашим союзником?

— Вам нечего бояться меня, миледи, — солгал он, а затем добавил, не зная хорошенько, правду говорит или нет: — Я любил вас от всего сердца. И до сих пор еще люблю.

При этих словах леди выпрямилась и вытянула руку, словно собираясь погладить его по щеке, хотя он сидел для этого слишком далеко.

— Именно так я и сказала эрцгерцогу, — промолвила она, — когда он предположил, что вы предатель. Я пообещала ему, что смогу лучше увериться в вашей преданности у себя в покоях, чем его офицеры — в своих застенках. Я не думаю, что вы сможете предать меня, Эдмунд. Я права?

— Да, миледи, — ответил он.

— К утру, — мягко сказала леди Кармилла, — я узнаю, предатель вы или нет.

— Да, узнаете, — заверил он ее. — Вы это узнаете, миледи.

Он проснулся раньше нее, с сухостью во рту и ныла ющей головой. Он не вспотел — напротив, ему казалось, что тело его иссохло, словно из его органов выжали влагу. Голова болела, и свет утреннего солнца, лившийся в открытое окно, резал глаза.

Эдмунд с усилием сел на кровати, отбросив покрывало с обнаженной груди.

«Уже!» — подумал он. Он не ожидал, что болезнь завладеет им так быстро, но, к своему удивлению, почувствовал скорее облегчение, чем сожаление. Он с трудом мог собраться с мыслями и ощутил извращенную радость при мысли о том, что думать больше не нужно.

Эдмунд опустил взгляд на порезы, которые она сделала на его груди своим маленьким серебряным ножом. Порезы, сочащиеся свежей алой кровью, составляли странный контраст со старыми крестообразными шрамами, воскрешавшими историю их незабываемой страсти. Он осторожно прикоснулся пальцами к ранкам и вздрогнул от резкой боли.

В этот момент Кармилла проснулась и увидела, что он рассматривает отметины.

— Тебе не хватало моего ножа? — сонно спросила она. — Ты тосковал по его прикосновению?

Необходимость лгать исчезла, и сознание этого давало восхитительное чувство свободы. Эдмунд радовался воз-

можности смело взглянуть ей в лицо, наконец сорвать покровы не только с тела, но и с мыслей.

— Да, миледи, — ответил он с легкой хрипотцой в голосе. — Мне не хватало этого ножа. Его прикосновение... снова раздуло огонь в моей груди.

Она снова закрыла глаза, позволив себе роскошь медленного пробуждения. Затем рассмеялась.

— Приятно иногда возвращаться к забытой любви. Ты не можешь понять, как вкус иногда пробуждает воспоминания. Я рада снова встретиться с тобой вот так. Я уже привыкла видеть тебя в обличье незаметного механика. Но теперь...

Он засмеялся, так же легкомысленно, как и она, но смех превратился в кашель, и звук этого кашля встревожил ее: что-то было не так. Открыв глаза, она подняла голову и повернулась к нему.

— Что с тобой, Эдмунд?! — воскликнула Кармилла. — Ты бледен как смерть!

Протянув руку, она дотронулась до его щеки и тут же отдернула ее — щека оказалась неожиданно сухой и горячей. По ее лицу разлилась краска смущения. Он взял ее руку в свои и сжал пальцы, пристально глядя ей в глаза.

— Эдмунд, — тихо спросила она. — Что ты наделал?

— Я не могу сказать с уверенностью, — ответил он, — я не доживу до последствий своего поступка, но я совершил покушение на вашу жизнь, миледи.

Рот ее приоткрылся от изумления, и это доставило Эдмунду удовольствие. Он наблюдал за тем, как на лице ее выражение недоверия сменялось тревогой, за ее попытками сохранить самообладание. Она не стала звать на помощь.

— Ты говоришь чепуху, — прошептала леди.

— Возможно, — согласился он. — Возможно, то, о чем мы говорили вчера вечером, тоже чепуха. Чепуха насчет предательства. Почему вы велели мне изготовить микроскоп, миледи, зная, что посвятить меня в такой секрет — все равно что подписать мне смертный приговор?

— О Эдмунд, — вздохнула она. — Как ты можешь думать, что приказ исходил от меня? Я пыталась защитить тебя, Эдмунд, от страхов и подозрений Жерара. Именно

потому, что я выступала в твою защиту, мне было поручено передать тебе его пожелание. Что ты наделал, Эдмунд?

Он начал было отвечать, но слова заглушил приступ кашля.

Она села прямо, вырвала ладонь из его ослабевшей руки и оглядела тело, рухнувшее обратно на подушки.

— Во имя Господа нашего! — вскричала она с искренностью верующей. — Это чума — африканская чума!

Он хотел подтвердить ее подозрение, но смог лишь кивнуть, с трудом хватая ртом воздух.

— Но ведь они задержали «Фримартин» у побережья Эссекса на двухнедельный карантин, — возразила она. — На борту не было никаких следов чумы.

— Болезнь убивает людей, — объяснил Эдмунд едва слышным шепотом, — но животные могут переносить заразу в крови и оставаться в живых.

— Ты не можешь этого знать!

Эдмунду удалось изобразить слабую усмешку.

— Миледи, — сказал он, — я состою в том самом Братстве, которое интересуется способами убийства вампиров. И я получил нужную мне информацию как раз вовремя, чтобы организовать доставку крыс, хотя тогда я еще не знал, каким образом использую их. Но недавние события...

Он снова был вынужден прерваться, не в силах поддерживать дыхание даже для легкого шепота.

Леди Кармилла приложила руку к горлу и сглотнула, словно ожидая проявления немедленных признаков заражения.

— Ты хотел уничтожить меня, Эдмунд? — спросила она, словно ей трудно было поверить в это.

— Я хочу уничтожить вас всех, — ответил он. — Я готов навлечь на мир катастрофу, перевернуть его вверх ногами, лишь бы сбросить ваше ярмо... Мы не можем и дальше позволять вам подавлять науку, чтобы навеки сохранить вашу империю. Порядок наступает лишь после хаоса, и хаос пришел, миледи.

Когда она попыталась подняться с кровати, он схватил ее, и хотя силы почти покинули его, она позволила себя удержать. Покрывало упало, оставив открытыми ее груди.

— Мальчик умрет, мастер Кордери, — сказала она. — И его мать — тоже.

— Они уже далеко, — возразил Эдмунд. — Ноэль прямо из-за вашего стола отправился под защиту общества, которому я служу. Сейчас они вне пределов вашей досягаемости. Эрцгерцог никогда не сможет их схватить.

Кармилла пристально взглянула на него, и теперь он заметил в ее глазах зарождающийся страх и ненависть.

— Ты пришел сюда прошлой ночью, чтобы дать мне выпить отравленной крови, — сказала она. — В надежде, что эта новая болезнь сведет меня в могилу, ты обрек себя на смерть. Как ты это сделал, Эдмунд?

Он снова вытянул руку и дотронулся до ее локтя; она, вздрогнув, отпрянула, и это было приятно — его начинали бояться.

— Лишь вампиры живут вечно, — хрипло объяснил он. — Но пить кровь может любой, кто имеет желудок. Я взял всю кровь из моих двух зараженных крыс... и молю Бога, чтобы переносчики заразы проникли в мою кровь... и в мое семя. Вам тоже досталась полная мера, миледи... и теперь ваша жизнь в руках Божьих, как жизнь любого простого смертного. Я не уверен, заразитесь ли вы чумой, и если да, то убьет ли она вас, но я, неверующий, не стыжусь молиться. Может быть, и вы помолитесь, миледи, так что мы узнаем, одинаково ли Господь относится ко всем безбожникам.

Она взглянула на него сверху вниз, и с лица ее постепенно исчезли эмоции, искажавшие его: оно сделалось неподвижным, словно маска.

— Ты мог бы перейти на нашу сторону, Эдмунд. Я доверяла тебе, я бы могла завоевать для тебя доверие эрцгерцога. Ты мог бы стать вампиром. Мы бы разделили с тобой вечную жизнь — ты и я.

Это было ложью, и оба знали это. Когда-то он был ее возлюбленным, затем они расстались, и он старел в течение стольких лет, что теперь его сын напоминал ей о тех временах больше, чем он сам. Теперь стало совершенно очевидно, что обещания ее пусты; она понимала, что ее предложения не могут даже осквернить его.

Рядом с кроватью валялся маленький серебряный нож, с помощью которого она надрезала ему кожу. Леди Кармилла схватила его и выставила перед собой, словно кинжал, а не тонкий инструмент, с которым следует обращаться с любовью и осторожностью.

— Я думала, что ты все еще любишь меня, — сказала она. — Искренне думала.

Эдмунд решил, что по крайней мере теперь она говорит правду.

Он запрокинул голову, открыв шею для ожидаемого удара. Он хотел, чтобы она ударила — злобно, жестоко, страстно. Ему больше нечего было сказать, не хотелось ни отрицать, ни подтверждать, что он все еще любит ее.

Теперь он понял, что им двигали различные побуждения, и усомнился, действительно ли преданность Братству заставила его отважиться на этот необычный эксперимент. Это не имело никакого значения.

Она перерезала ему горло, и еще несколько долгих секунд он видел ее — она неподвижно смотрела, как хлещет из раны кровь. И когда она прикоснулась к губам испачканными отравленной кровью пальцами, он понял, что, по-своему, она по-прежнему любит его.

МАЙКЛ МАРШАЛЛ СМИТ

Пленник

Майкл Маршалл Смит, писатель и киносценарист, живет в Северном Лондоне с женой Паулой и двумя кошками. За свою первую книгу «Только вперед» («Only Forward») Маршалл Смит получил премии Philip K. Dick Award и August Derleth Award; роман «Запчасти» («Spares») переведен на множество языков и продается в семнадцати странах; кинокомпания Стивена Спилберга DreamWorks SKG приобрела права на его экранизацию. Последнее произведение Маршалла Смита «Соломенные люди» («The Straw Men») газета Sunday Times называет бестселлером. Рассказы его публикуются в многочисленных антологиях и журналах, шесть из них скоро будут экранизированы и появятся на телевидении. В 2003 году в издательстве Earthling Publications вышел новый сборник Маршалла Смита «Еще одно завтра и другие рассказы» («More Tomorrow and Other Stories»), недавно писатель закончил свой пятый роман «Одинокий мертвец» («The Lonely Dead»).

Маршалл Смит рассказывает: «Сюжет „Пленника" навеян воспоминаниями о городе, декорации здесь являются изначальными; действие наполняет их, словно поток воды, хлещущий в подвал. Когда-то мне самому довелось провести неделю в Новом Орлеане, и я с огромным трудом нашел в себе силы покинуть его. По правде говоря, я все еще вспоминаю muffelettas[1]*, подававшиеся во Французском баре, хотя с тех пор прошло уже около восьми лет. Я бы охотно побывал там снова, но я знаю, что Старый квартал подобен хищному растению: вряд ли мне удастся вырваться из его плена второй раз.*

Однако я считаю, что это не самое худшее место, где можно провести вечность...»

Вниманию читателей предлагается образчик оригинальной творческой фантазии Маршалла Смита; рассказ абсолютно не похож на традиционные истории о вампирах.

---

[1] Muffelettas *(фр.)* — традиционное блюдо кухни Нового Орлеана, сэндвич с сыром, салями и ветчиной, приправленный смесью из рубленой зелени, оливок, красного стручкового перца, сельдерея, чеснока, лука, каперсов, оливкового масла и винного уксуса.

— Джон, ты веришь в вампиров?

Я помедлил минуту, зажигая сигарету. Не потому, что хотел избежать ответа; скорее, чтобы подготовиться к пространному и саркастическому объяснению, которое я намеревался дать — и заодно немного смягчить его. Я едва знал женщину, задавшую вопрос, и понятия не имел, как она относится к кратким, резким ответам. Я не хотел быть с ней грубым, но если в пантеоне всевозможных чудовищ и имеются существа, в которых я определенно *не* верю, то это именно кровожадные вампиры. Да-да, не вру.

Дело было в Новом Орлеане, накануне Хэллоуина. В такое время Дети Ночи обычно выползают из своих нор, подобно тому как в Лондоне начинает капать дождь, стоит лишь вспомнить о нем. Оказавшись здесь, я понял почему. Французский квартал, с его узкими улочками и нависающими сверху балконами, которые, кажется, перенеслись к нам прямиком из прошлого, почти заставляет поверить в вампиров, особенно в сырую теплую погоду, задержавшуюся в тот год, несмотря на наступление осени. Город, где на каждом шагу встречаются напоминания о прошедших веках, вполне подходит в качестве арены действий вкрадчивых монстров, и если бы вампиры существовали, то думаю, что эти темные улицы и переулки, эти зловонные кладбища с пышно разукрашенными склепами понравились бы им больше всего.

Но вампиры не существуют, и после очередного объемистого глотка подсоленной «маргариты» я начал внушать это Рите-Мэй. Устроившись удобнее у меня на груди, она принялась слушать мои разглагольствования.

Мы сидели в баре Джимми Баффета[1] на улице Декатур, и вечер проходил неплохо. В девять я еще торчал в одиночестве у стойки бара, пытаясь установить, сколько «маргарит» я выпил. Уже тот факт, что я считал выпитое, показывает, какое я занудное существо. Далее, следующий факт, что я никак не мог правильно сосчитать, указывает, что в

[1] Бар Джимми Баффета (Jimmy Buffet Margaritaville Cafe) — известный ресторан в Новом Орлеане. Джимми Баффет (р. 1946) — американский певец и продюсер, наиболее известен песней «Margaritaville».

тот вечер я был также в стельку *пьяным* занудным существом. «Маргаритавилль» — нечто вроде ловушки для туристов; вместо того чтобы торчать здесь, я мог бы сидеть в каком-нибудь заведении на противоположной стороне улицы, более оригинальном и более скучном. Но я уже провел там два предыдущих вечера, а кроме того, бар Джимми Баффета мне нравился. В конце концов, я был туристом. В этом месте вы не боитесь каждую минуту, что вас могут убить, и я рассматриваю это как плюс. Здесь, конечно, крутят на музыкальном автомате диски Джимми Баффета, но это естественно, а к тому же я мог не волноваться, что мой вечер внезапно будет испорчен какой-нибудь невыносимой поп-музыкой современной постмелодической школы. Говорите, что вам угодно насчет Джимми Баффета, но его всегда приятно послушать. И наконец, у бармена была такая занятная липкая штука в виде глаза, на вид весьма отвратительная; если швырнуть ее в стенку, то она прилипает — клево, мне это нравилось.

В общем, я прекрасно проводил время. Компания с конференции программистов, на которую я приехал, должна была ждать меня в десять где-то на улице Бурбон, но я начинал думать, что идти туда не следует. Прошло всего два дня, но моя устойчивость к шуткам насчет Билла Гейтса уже колебалась около нулевой отметки. В любом случае для меня, разработчика Apple Macintosh, эти шутки звучали не так уж забавно.

Так вот. Я сидел там, в полной уверенности, что выпил около восьми коктейлей, и у меня начиналась изжога от поглощенной вместе с ними соли, когда в бар вошла женщина. Я решил, что ей за тридцать — возраст, когда наши цветы начинают слегка увядать, но по-прежнему привлекают взгляд. По крайней мере, надеюсь, что привлекают: я и сам разменяю четвертый десяток, и мои цветы уже стремительно сохнут. Она уселась на табурет на углу стойки и обычным кивком подозвала бармена. Через минуту перед ней поставили «маргариту», и по цвету напитка я понял, что это была та же самая разновидность, что и у меня. Называется «Золотой-что-то-там-такое», и когда его пьешь, то мозги твои постепенно превращаются в горький

песок, медленно пересыпающийся в черепе, если повернуть голову.

Не бог весть что. Я отметил ее появление, затем вернулся к бессвязному разговору со вторым барменом. Он когда-то был в Лондоне или хотел побывать — я так и не понял, что именно. Он то ли расспрашивал меня о Лондоне, то ли рассказывал мне о нем; я или слушал, или сам рассказывал — не помню, да и в тот момент я уже не понимал, о чем шла речь. На данном этапе мои реплики в любом случае не отличались бы одна от другой. Наконец я заметил, что оркестр умолк, по-видимому, собираясь уходить. Это означало, что я могу отойти от стойки и сесть за столик. Оркестр был вполне ничего, но играл очень громко, и, не испытывая к его членам никакой личной вражды, я в то же время обрадовался, что они исчезли. Когда я обратил внимание на перемену в музыке, оркестр уже давно ушел, и за это время автомат успел прокрутить целый диск Джимми Баффета.

Я степенно, покачиваясь, направился к столику, тихо и фальшиво мурлыча «Большой налет на заправку» и напоминая себе, что еще только двадцать минут десятого. Если я хочу встретиться со своими, не разыгрывая из себя пьяницу, то нужно немного притормозить. Вот если бы я не выпил последние четыре «маргариты»... Но подобные мысли вовлекали меня в сложную пространственно-временную головоломку, решать которую я был не готов. Достаточно будет притормозить.

Как раз когда я приступил к следующей порции, вечер принял интересный оборот. Кто-то что-то произнес в непосредственной близости от меня, и, подняв голову в попытке уловить смысл сказанного, я увидел перед собой женщину из бара.

— Э? — сказал я с присущей мне обходительностью.

Она стояла за стулом, напротив меня, с застенчивым видом — впрочем, не слишком застенчивым. Она производила прежде всего впечатление добродушия — настороженного, жесткого добродушия. Светловолосая, она была в бледно-голубом платье и синей джинсовой куртке.

— Я спросила, этот стул свободен?

Я задумался, стоит ли отвечать как всегда, когда я хочу показаться занятным, — то есть задушевным голосом спросить, *кто* из нас истинно свободен. И решил, что сейчас мне это не под силу. Я был недостаточно пьян и в глубине души сознавал, что это просто несмешно. К тому же я нервничал. Женщины не имеют обыкновения подходить ко мне в барах и испрашивать позволения присесть за мой столик. У меня в таких делах недостаточно практики. В итоге я удовольствовался прямым ответом.

— Да, — сказал я. — И вы абсолютно свободно можете им воспользоваться.

Женщина улыбнулась, села за стол и заговорила. Я быстро выяснил, что ее зовут Рита-Мэй. Она живет в Новом Орлеане уже пятнадцать лет, переехала сюда из какой-то богом забытой дыры под названием Хоума, в глуши Луизианы. Работает в одном из магазинов, расположенных дальше по улице Декатур, около площади, продает туристам наборы каджунских[1] специй — работа сносная, оплачивается неплохо, но не слишком увлекательная. Она была замужем, но брак распался четыре года назад, закончившись обоюдным равнодушием. Детей у нее нет, и она не считает это большой потерей.

Эти сведения были представлены мне с замечательной краткостью и, что особенно приятно, без отклонений от темы и не относящихся к делу деталей. Я любезно сидел, потягивая коктейль, а она умело вытягивала из меня более скромную порцию аналогичной информации. Мне тридцать два, поведал я ей, я холост. Владею небольшой компанией по разработке программного обеспечения в Лондоне, Англия, живу в компании вялого кота по кличке Колючка. Мне очень нравится традиционная кухня Нового Орлеана, но я плохо знаком с местными заведениями — кроме Французского бара с его muffelettas, которые я обожаю, и кафе Мамы Сэм, где подают po-boys[2], которые, по моему мнению, перехвалены.

---

[1] Каджуны (Cajun) — франкоязычные жители Луизианы.

[2] Po-boys — традиционный сэндвич, изготовляемый в Луизиане; состоит из жареного мяса или морепродуктов на французской булке.

После часа беседы и еще трех «маргарит» наши колени дружески сблизились, а к половине двенадцатого моя рука оказалась на спинке ее стула, и женщина удобно оперлась на нее. Возможно, потому, что мы так быстро покончили со всякой чушью, с Ритой так легко было проводить время. Неважно. Я веселился.

Риту-Мэй, казалось, не оскорбила горячность моих чувств по отношению к вампирам; мне доставила удовольствие ее готовность признать, что все это чепуха. Я уже хотел поднять руку, чтобы заказать еще выпить, когда заметил, что бармены ушли домой, оставив на стойке бумажку, на которой от руки было нацарапано: «Эй вы, двое, почему бы вам просто не свалить отсюда?»

Вообще-то кто-то, конечно, в баре остался, но было ясно, что выпить нам больше не дадут. Несколько минут я напрягал свой недюжинный интеллект, пытаясь решить эту проблему, но передо мной мелькала лишь череда вопросительных знаков. Затем я внезапно обнаружил, что нахожусь на улице, причем не припоминаю, чтобы я вставал из-за стола. Рита-Мэй, обвив рукой мою талию, тащила меня по Декатуру в сторону площади.

— Вот сюда, — хихикая, бормотала она, и я спросил у нее, на что, черт побери, она меня уговорила.

Обнаружилось, что мы направлялись именно в тот бар на улице Бурбон, где я должен был полтора часа назад встретиться со знакомыми. Я взволнованно размышлял об этом совпадении, пока Рита-Мэй не дала мне понять, что мы идем туда по моему предложению.

— Дури не надо? — спросила Рита-Мэй, и я обернулся, чтобы разглядеть ее как следует.

— Не знаю, — отвечала она же. — А что у тебя есть?

Эти слова привели меня в замешательство, но затем я понял, что первый вопрос задало новое лицо, все еще стоящее перед нами. Тощий черный с бегающими глазками.

— Колеса, травка, кокаин, героин, — бубнил парень усталым монотонным голосом.

Пока Рита-Мэй покупала пакетик сигарет с марихуаной, я попытался сообразить, где продавец прячет героин,

пока до меня не дошло, какого дурака я валяю. Я ощущал какое-то беспокойство. Вечер еще не закончился.

Только пять минут спустя, когда мы зажигали сигарету, я сообразил, что встреча с торговцем наркотиками — дело нешуточное. К счастью, к этому времени он исчез, а внимание мое было слишком рассеяно, чтобы я долго мог задерживаться на этой проблеме. Для Риты-Мэй событие, по-видимому, не являлось из ряда вон выходящим, и, поскольку она была местной, я решил, что все в порядке.

Дойдя до площади Джексона, мы свернули направо и пересекли ее в направлении улицы Бурбон, затягиваясь по очереди сигаретой и зигзагами шатаясь от одной стороны тротуара к другой. Рука Риты-Мэй по-прежнему покоилась на моей талии, я обнимал ее за плечи. В мозгу мелькнуло, что рано или поздно мне придется спросить себя, какого черта я делаю, но пока я не был готов к этому.

Я и в самом деле представить себе не мог, что, когда мы наконец доберемся до бара, люди с конференции будут еще там. К тому времени мне казалось, что мы идем по улице по меньшей мере десять дней, хотя пожаловаться на прогулку я не мог. Сигарета здорово дала нам обоим по мозгам, и я чувствовал себя так, словно моя голова была искусно изваяна из горячего бурого дыма. Улица Бурбон все еще кишела народом, и мы неторопливо пробирались сквозь толпу, блуждая между полуодетыми парочками гомосексуалистов, долговязыми местными неграми и облаченными в светлые костюмы туристами из Де-Мойна[1], фигурами напоминавшими груши. В какой-то момент перед нами, словно из-под земли, возник мускулистый блондин, ткнул мне в лицо розу и спросил: «Дама согласна?» — резким, неприятным голосом. Я начал мысленно перебирать подходящие ответы, но тут Рита-Мэй купила розу сама. Она с деловым видом отломила стебелек, оставив лишь четыре дюйма, и засунула цветок себе за ухо.

«А ей идет», — подумал я, восхищенный ее поведением, хотя не смог бы сказать, что, собственно, привело меня в восхищение.

---

[1] *Де-Мойн* (Des Moines) — главный город штата Айова.

Мы почти пришли, но я не в состоянии был вспомнить, какой мы ищем бар — то ли Абсент-бар, то ли *Старый* Абсент-бар, а может быть, *Оригинальный Старый* Абсент-бар. Надеюсь, вы поймете мое смятение. В конце концов мы решили пойти в тот ресторан, из которого доносилась наиболее приемлемая музыка, и, пошатываясь, нырнули в полутемное помещение, наполненное испарениями человеческих тел. Едва мы успели войти, как бóльшая часть толпы зааплодировала, но подозреваю, скорее ансамблю, нежели нашему появлению. К тому времени меня начала мучить сильная жажда, в частности, вызванная тем, что кто-то, видимо, вытер мне рот большим куском промокашки и удалил оттуда всю влагу, и я чувствовал, что не могу ничего ни сказать, ни сделать, пока не промочу глотку. К счастью, Рита-Мэй обо всем догадалась и немедленно устремилась сквозь толпу к бару.

Я терпеливо стоял и ждал ее возвращения, слегка отклоняясь в разные стороны от вертикального положения, словно некая усовершенствованная модель детского волчка. «Ага, — повторял я, обращаясь к самому себе. — Ага». Понятия не имею почему.

Когда кто-то выкрикнул мое имя, я находился в состоянии, лишь отдаленно напоминавшем пристойное. «А меня здесь знают», — пробормотал я, гордо кивая. Затем я заметил в противоположном конце комнаты Дэйва Триндла с необычайно тупым выражением лица; он махал мне рукой. Первой моей мыслью было: он должен немедленно сесть на место, иначе кто-нибудь из ансамбля его пристрелит. В следующее мгновение я уже желал, чтобы он остался стоять — по той же причине. Я разглядел, что он сидит в углу за круглым столом в пестрой компании второсортных программистов — воистину, это было сборище жуликов, глупцов и неудачников. При виде всех этих людишек, двух кошек и новенького экземпляра Гутенберговой Библии сердце у меня упало.

— Это те самые люди?

Услышав голос Риты-Мэй, я радостно обернулся и сразу же почувствовал себя лучше. Она стояла у меня за спиной, совсем близко, держа в обеих руках по большому бо-

калу; на губах у нее играла нежная полуулыбка. Внезапно я осознал, что она очень привлекательна, а также весьма мила. Я смотрел на нее еще минуту, затем наклонился и осторожно поцеловал ее в уголок рта.

Она радостно улыбнулась, и мы сблизились для следующего поцелуя — опять не в губы. На мгновение я почувствовал себя отлично, затем хмель снова навалился на меня.

— И да, и нет, — ответил я. — Они с конференции. Но это не те люди, с которыми я хотел встретиться.

— Они все еще машут тебе.

— Господи.

— Пошли. Будет забавно.

Я с трудом мог разделить оптимизм Риты-Мэй, но последовал за ней через давку.

Выяснилось, что знакомые, с которыми я договорился о встрече, *были* здесь, но мне сообщили, что их компания ушла, отчаявшись меня дождаться. Я подумал, что они, скорее всего, ушли потому, что на пути к бару напоролись на кучу редкостных болванов, но воздержался от высказываний по этому поводу.

Участники конференции были пьяны, то есть разыгрывали из себя богему, раздавив по два пива; от такого поведения лично меня воротит. Почти сразу я понял, что единственный способ уйти отсюда в здравом рассудке — это притвориться, что их здесь нет, и разговаривать только с Ритой-Мэй. Но, судя по всему, это мне было не суждено. Меня засыпали вопросами на такие заумные темы, что я не могу даже вспомнить, о чем шла речь, вдобавок мне пришлось вытерпеть пятнадцатиминутный рассказ идиота Дэйви о каком-то дерьмовом графическом интерфейсе, который он сейчас разрабатывает. К счастью, Рита-Мэй поняла, в чем дело, и мы умудрялись время от времени обмениваться фразами о том, как невыносимо мы проводим время. Общаясь таким образом и не переставая снабжать себя напитками, мы держались.

Прошло около часа, когда мы случайно открыли для себя новое развлечение: притворяясь, что жадно внимаем сидящим перед нами живым мертвецам, мы начали, сначала

ла в виде эксперимента, затем более смело, поглаживать друг другу ладони под столом. Собравшиеся уже здорово превысили свою норму, некоторые из них успели выпить по целых четыре пива и трещали без умолку. Они были так поглощены собой, что через некоторое время я смог повернуться к Рите-Мэй, взглянуть ей в глаза и кое-что сказать:

— Ты мне нравишься.

Я собирался говорить с ней по-другому. Хотел сказать нечто более взрослое и грубое. Но когда я произнес эти слова, то понял, что это правда, что фраза эта наиболее лаконично передает мою мысль.

Она улыбнулась, отчего в уголках ее рта образовались ямочки. Завитки ее волос отсвечивали золотом.

— Ты мне тоже нравишься, — ответила она, сжав мою ладонь.

«Ух ты!» — смутно пронеслось у меня в мозгу. Какое роковое совпадение. Вы думаете, что уже все на свете повидали, но в один прекрасный момент жизнь делает, что называется, обманный бросок. Наступил критический момент.

— Критический момент, — сказал я вслух.

Вероятно, она ничего не поняла, но все равно улыбнулась.

Следующая картина, которую я помню: я стою, прислонившись спиной к стене, и земля уходит у меня из-под ног. Помню, что было холодно. И тихо.

— Эге, да он живой, — произнес чей-то голос, и все начало становиться на свои места.

Я лежал на полу бара, и лицо мое было смочено водой.

Я попытался сесть, но не смог. Обладатель голоса, веселый чернокожий бармен, который смешивал мне коктейли, подхватил меня за плечо и помог подняться. Я понял, что это он вылил на меня воду. Около галлона. Обливание не подействовало, и он проверил мой пульс, чтобы установить, жив ли я, а затем вытер лужу, в которой я лежал. Кроме него и унылого вида парня со шваброй, в баре никого не было.

— А где Рита? — наконец выдавил я. Я вынужден был повторить вопрос, чтобы его расслышали.

Бармен ухмыльнулся, глядя на меня сверху вниз.

— Ну откуда же мне знать это, а? — ответил он. — Во-первых, я понятия не имею, кто она такая, эта Рита.

— А остальные? — еле выговорил я.

Бармен красноречивым жестом указал на пустое помещение. Проследив взглядом за его рукой, я заметил часы. Был шестой час утра.

Я поднялся, дрожащим голосом поблагодарил его за любезное внимание и очень медленно вышел на улицу.

Не помню, как я добрался до отеля, но каким-то образом мне это удалось. Именно там я очнулся на следующее утро в десять, после нескольких часов сна в удушающей жаре. Стоя перед зеркалом в ванной, в резком свете лампочки, я разглядывал свое больное, одутловатое лицо и с ужасом чувствовал, как меня волна за волной окатывает Страх. Я отключился. Это было очевидно. Такое со мной случается, хотя и очень редко. Парни с конференции, мерзавцы, ушли и бросили меня там, без сомнения хихикая себе в бороды. Что ж, справедливо. Я на их месте поступил бы точно так же.

Но куда подевалась Рита-Мэй?

В течение десяти отвратительных минут, проведенных на унитазе, успокаивающих пятнадцати — под душем, во время отчаянной, полной слез борьбы с брюками, я пытался ответить на этот вопрос. С одной стороны, я не мог винить ее в том, что она бросила потерявшего сознание туриста. Но, вспоминая моменты, предшествовавшие наступлению тьмы и Страха, я сознавал, что мы с ней неплохо поладили. Она не казалась женщиной, способной кого-либо бросить.

Кое-как одевшись, я подполз к кровати и уселся на край. Я нуждался в чашке кофе, причем немедленно. Неплохо было бы выкурить штук семьдесят сигарет, но я, видимо, потерял свою пачку. План действий был ясен. Придется выйти из номера и уладить все эти проблемы. Но для этого нужны туфли.

Так где же они?

Их не было на полу, не было и в ванной. Я не нашел их на балконе — от утреннего света у меня так заболели

глаза, что я вынужден был с визгом ретироваться обратно в полумрак комнаты. Я еще раз *пошарил в номере, дошел* даже до того, что стал на четвереньки и заглянул под кровать. Но под кроватью туфель не было. Их не было даже *в* кровати.

Туфли исчезли, и это была катастрофа. Ненавижу туфли, они меня утомляют; по этой причине у меня их всего несколько пар. Кроме стареньких сандалий, завалявшихся в чемодане с предыдущей поездки, те ботинки, которые я *потерял, были единственной имевшейся* у меня с собой парой обуви. Я предпринял еще одну изматывающую попытку найти их, стараясь как можно реже покидать кровать, но безуспешно. Вместо того чтобы просто пойти в кафе и решить насущные проблемы, мне придется надевать сандалии и топать на поиски чертова обувного магазина. Оказавшись там, мне придется истратить на пару проклятых туфель деньги, которые я решил оставить на покупку дешевых дисков и хорошую еду. Я подумал, что Господь излишне жестоко наказывает меня за пьянство, и в течение нескольких минут стены гостиничного номера сотрясались от яростных богохульств.

В конце концов я заставил себя подойти к чемодану и, преисполненный злобы, принялся за археологические раскопки в слоях носков и рубашек, пока не наткнулся на нечто, *напоминавшее* обувь. Сандалия, разумеется, оказалась на самом дне чемодана. Я раздраженно дернул за нее, не обращая внимания на беспорядок, образовавшийся среди аккуратно уложенных шорт и галстуков. На поверхности возникли две пары брюк, которые я еще не надевал, — про одну из них я забыл, что взял ее с собой, — за ними потянулась какая-то рубашка, и наконец у меня в руках оказалась сандалия.

Только это была не сандалия. Это была одна из моих туфель.

Колени у меня подкосились, но мне повезло — я стоял недалеко от кровати. Я резко сел, уставившись на зажатую в руке туфлю. Ее было нетрудно узнать. Это был черный ботинок на шнурке, в довольно приличном состоянии, с немного стершейся на пятке подошвой. Медленно вертя в ру-

ке туфлю, словно какую-то священную реликвию, я почувствовал исходящий от нее запах «маргариты». На носке засохла соль — я обрызгал ногу в баре Джимми Баффета, когда смеялся над какими-то словами Риты-Мэй.

Не выпуская из одной руки ботинок, я осторожно сунул другую в недра чемодана и порылся в нижних слоях, пока не обнаружил второй. Он лежал под полотенцем, которое я спрятал на самое дно по той причине, что оно мне вряд ли могло понадобиться — ведь во всех отелях имеются полотенца. Вытащив туфлю на свет божий, я пристально рассмотрел ее.

Вне всякого сомнения, это был второй ботинок. Внутри что-то лежало. Я осторожно извлек предмет, и в ушах у меня оглушительно защумело.

Это была красная роза, стебель был отломлен в четырех дюймах от чашечки.

Первое, что поражает вас в Cafe du Monde[1], — это то, что оно не соответствует вашим ожиданиям. Оно не скрывается в самом сердце старого города, на Королевской улице или на улице Дофина, наоборот — расположилось прямо напротив площади. И это не какая-то невзрачная маленькая забегаловка, а просторное, крытое тентом заведение, с рядами столиков, среди которых время от времени с театральной печалью проплывают официанты. Однако, придя сюда во второй раз, вы понимаете, что cafe au lait[2] здесь действительно неплохой, а beignets[3] — лучшие во всем Новом Орлеане; что здесь настолько опрятно, насколько это возможно для кафе, открытого двадцать четыре часа в сутки, круглый год; и что любой, кто блуждает по Новому Орлеану, обязательно должен когда-нибудь миновать угол улицы Декатур и площади Джексона, так что заведение расположено вполне удобно.

Полдень застал меня за одним из крайних столиков, так что вокруг не мелькал народ, и я мог с удобством наблю-

[1] Cafe du Monde — известная уличная кофейня в Новом Орлеане.
[2] Кофе с молоком *(фр.)*.
[3] Пирожки, булочки *(фр.)*.

дать за улицей. Я заканчивал вторую чашку кофе и третий стакан апельсинового соку. Пепельницу уже дважды поменяли, и в желудке у меня покоилась порция beignet. Единственная причина, по которой я не заказал еще, — это то, что я берег место для muffelettas. Я рассказал бы вам, что это такое, но я не гид. Поезжайте и узнайте сами.

И конечно, на ногах у меня были туфли. Пришлось еще десять минут просидеть в номере, пока я окончательно не перестал трястись. Затем я потащился прямо в Cafe du Monde. Взял с собой книгу, но не мог читать. Я рассматривал прохожих и пытался привести в порядок свои мысли. Я не мог вспомнить, что со мной произошло, так что единственное, что мне оставалось, — это найти подходящее объяснение и придерживаться его. К сожалению, объяснение никак не шло на ум. Я просто не в силах был представить себе правдоподобную причину, по которой мои туфли могли оказаться в чемодане, под вещами, нетронутыми с тех пор, как я уехал из Роанока.

Около девяти месяцев тому назад, на конференции в Лондоне, я уделил слишком много внимания развлекательной фармацевтике в рассеянной компании старого приятеля по колледжу. На следующее утро я проснулся у себя в номере, в кровати, одетый совершенно не в ту одежду, в которой был накануне вечером. Терпеливая реконструкция событий показала, что я *почти* помню, как поднялся рано утром, принял душ, оделся — и забрался обратно в постель. Странное поведение, согласен, но в моей памяти сохранилось достаточно обрывков и намеков, чтобы убедить меня, что я проделал именно это.

Но на сей раз дело обстояло иначе. Я не мог вспомнить абсолютно ничего в промежутке между выходом из Старого Оригинального Истинного Абсент-бара и пробуждением. Но, как ни странно, Страх не терзал меня по этому поводу.

А затем, конечно, оставалась еще роза.

Страх, для тех, кто с ним не знаком, — это состояние, охватывающее вас после неумеренного употребления наркотиков или алкоголя. Среди прочего, оно включает в себя паническую убежденность в том, что вы совершили нечто

постыдное или неблагоразумное, а что именно, не помните. Страх может также быть более общим: вы думаете, что в какой-то момент накануне вечером произошло нечто, не отвечающее представлениям о приличиях. Страх обычно проходит или вместе с похмельем, или после того, как ваша знакомая подтвердит, что да, вы слегка погладили ее грудь в публичном месте, когда вас об этом не просили.

После чего вы переходите в состояние ужасного смущения — гораздо более сносное чувство.

Я чувствовал легкий Страх по поводу пребывания у Джимми Баффета, но он, вероятно, был порожден лишь неловкостью от разговора с незнакомой женщиной. Немного более сильный Страх мучил меня при воспоминании об Абсент-баре: я подозревал, что, будучи там, назвал генерального директора некой компании, одного из моих клиентов, «бездарным тупицей».

Тем не менее я не волновался насчет путешествия обратно в отель, несмотря на тот факт, что я его совершенно не помнил. В конце концов, я проделал этот путь в одиночестве. Все, включая Риту-Мэй, исчезли со сцены. Единственной персоной, которую я мог оскорбить, был я сам. Но как мои туфли попали в чемодан? Зачем я их туда положил? И когда я умудрился забрать у Риты-Мэй розу? В последний раз, когда я видел цветок, я только что признался женщине, что она мне нравится. Роза еще была у нее за ухом.

Кофе начал оказывать на меня свое действие и в сочетании с похмельем произвел на меня странный эффект: мне начало казаться, будто у меня в голове медленно загораются и гаснут светлые точки. В противоположном углу кафе появился черный парень с трубой и собрался играть; этого парня я знал по предыдущему визиту сюда. Его главным талантом, который он демонстрировал примерно каждые десять минут, было умение исключительно долго выводить громкую, высокую трель. Подобно большинству туристов, в первый раз я аплодировал ему. Второе представление показалось мне уже менее привлекательным. На третий раз я чуть не предложил ему свою кредитную карточку, только бы он ушел.

Я решил, что если услышу это сейчас, то просто рассыплюсь на кусочки.

Необходимо было что-то предпринять. Двигаться. Я вышел из кафе и остановился на улице Декатур.

Через две минуты мне стало жарко и страшно, меня затолкала суетившаяся толпа. Мое место никто не успел занять, и я почувствовал сильный соблазн прокрасться обратно. Я сидел бы тихо, никого не трогал; просто сидел бы там и пил, пил. Я стал бы ценным прибавлением к интерьеру, чувствовал я: рекламный турист, нанятый городскими властями, чтобы продемонстрировать всем и каждому, как здесь прекрасно можно провести время.

Но тут парень с трубой затянул переложение «Smells Like Teen Spirit»[1], и мне действительно пришлось уйти.

Я неторопливо побрел по Декатуру в направлении рынка, стараясь решить, сделать ли мне то, что я замыслил. Рита-Мэй работала в одном из магазинов на этом участке улицы. Я забыл название, но знал, что он имел какое-то отношение к кулинарии. Его будет нетрудно найти. Но нужно ли искать? Может быть, мне следует просто развернуться, уйти из квартала и отправиться в «Кларион», где проходила конференция. Я нашел бы людей, которые мне симпатичны, поболтался бы там немного, выслушивая шуточки о Стиве Джобсе[2]. Забыл бы о Рите-Мэй, провел бы благоразумно оставшиеся несколько дней и улетел бы домой, в Лондон.

Но я не хотел этого. Предыдущий вечер оставил на мне эмоциональные татуировки, моментальные снимки желания, которые не побледнели в утреннем свете. Морщинки у ее глаз, когда она улыбалась; баюкающий южный ритм ее речи; скользящий тон, кончик языка, слизывающий соль с краев бокала. Когда я закрывал глаза, то, кроме легкого тревожного головокружения, я чувствовал кожу ее ладони, словно она еще покоилась в моей руке. Так что я оказался идиотом-туристом. Идиотом-туристом, искренне привязавшимся к ней. Может быть, этого будет достаточно.

---

[1] «Smells Like Teen Spirit» — песня рок-группы «Nirvana».

[2] Стив Джобс (Steven Paul Jobs, p. 1955) — генеральный директор «Apple Computer Inc.», ведущая фигура в компьютерной индустрии.

Первые два магазина я с легкостью отбросил. В одном продавались лоскутные одеяла, изготовленные индейцами-ремесленниками; в следующем — деревянные игрушки для тех родителей, которые еще не поняли, как сильно их дети нуждаются в компьютерных играх. В окне третьего было выставлено несколько наборов специй, но преобладали другие сувениры. Это место не походило на магазин, который описывала Рита-Мэй, но я собрался с духом и спросил о ней. Здесь не работала женщина с таким именем. Следующий магазин оказался кондитерской, за ней тянулось пятьдесят футов незастроенного пространства — двор ресторана, находившегося дальше по улице.

Магазин, располагавшийся после ресторана, назывался «Орлеанская кладовка», под вывеской было выведено кистью: «Все необходимое для приготовления блюд каджунской кухни». Мне показалось, что это именно то самое место.

Я хотел увидеть Риту-Мэй, но при одной мысли о том, чтобы войти внутрь, меня охватил ужас. Я отошел на противоположную сторону улицы, в надежде сначала разглядеть ее через стекло витрины. Не знаю, каким образом это могло бы мне помочь, но в тот момент идея показалась мне неплохой. Я выкурил сигарету и некоторое время понаблюдал за магазином, но безостановочная процессия машин и пешеходов не позволяла мне ничего разглядеть. Несколько минут я спрашивал себя, почему же я не иду на заседание и не слушаю скучные, беззлобные дискуссии, как все остальные. Это не помогло. Докурив сигарету до фильтра, я погасил окурок и снова перешел дорогу. Даже вблизи трудно было разглядеть что-либо сквозь стекло, из-за большой и экстравагантной выставки товаров на витрине. И я ухватился за ручку, открыл дверь и вошел.

Внутри стоял жуткий шум, помещение было забито потными людьми. Блюз-оркестр, по-видимому, пустил в ход второй ряд усилителей, и все зрители за столиками аплодировали и свистели. Перед глазами мелькали красные лица и мясистые руки, и в какой-то момент мне показалось, что лучше будет просто повернуть обратно и укрыться в туалете. Там было тихо и прохладно. Я провел в уборной десять минут, умываясь холодной водой и пытаясь прийти в себя

после выкуренной сигареты с марихуаной. Пока я стоял, стараясь вспомнить, где наш столик, меня охватило наваждение — я представил себе еще несколько заманчивых мгновений у раковины.

Но тут я заметил Риту-Мэй и понял, что должен идти. Частично из-за того, что она попала в затруднительное положение в компании программистов, которые не пощадят и родную мать, но главным образом потому, что возвращение к ней показалось мне еще более заманчивым, чем умывание.

Я осторожно пробрался через толпу, остановившись на полпути, чтобы позвать официантку и заказать еще выпивки. Очевидно, мы нуждались в спиртном. Мы явно выпили недостаточно. Увидев меня, Рита-Мэй бросила мне благодарный взгляд. Я рухнул на стул рядом с ней, нечаянно чуть не просверлил глазами Дэйва Трипдла и зажег очередную сигарету. Затем предпринял неуклюжую, но необходимую попытку освежить унылую атмосферу: повторил последнюю фразу, которую произнес перед тем, как начать марафонский забег в туалет.

— Критический момент, — сказал я.

Рита-Мэй снова улыбнулась, возможно оценив умственные усилия, которые я призвал на помощь.

— В каком смысле? — спросила она, наклонившись ко мне и закрыв собой остальную компанию.

Я моргнул и разразился самым претенциозным монологом, который когда-либо произносил.

Я говорил, что́ жизнь принимает странный оборот, что оказывается, ты можешь встретить кого-то, с кем чувствуешь себя как дома, кто ломает все стереотипы. Кого-то, кто заставляет все банальные, застойные мысли и чувства улетучиться в одно мгновение и дает возможность пережить волшебные моменты: сидеть рядом с незнакомым человеком и понимать, что он нужен тебе больше всего на свете.

Я говорил около пяти минут, затем смолк. У меня превосходно получилось, и не в последнюю очередь потому, что я говорил правду. Я действительно так думал. В первый раз за всю жизнь я нашел верные слова и передал ими то, что хотел передать. Несмотря на хмель, наркотики и поздний час, я высказал это.

И в то же время меня охватило ужасное ощущение: здесь что-то не так.

Например, это не кулинарный магазин.

Быстро оглянувшись на дверь, я увидел, что за окном не день. Небо было темным, улица Бурбон забита ночными гуляками. Мы сидели вместе с программистами в Абсент-баре, на мне была вчерашняя одежда, и роза Риты-Мэй по-прежнему торчала у нее за ухом.

Короче, была вчерашняя ночь.

Продолжая рассказывать Рите-Мэй о своем непреодолимом желании быть с ней, я почувствовал, как ее ладонь скользнула в мою. На этот раз наши руки не прятались под столом, но мне было все равно. Меня беспокоило совсем другое: воспоминание о том, как я стоял напротив Cafe du Monde и желал снова прикоснуться к ее руке.

При свете завтрашнего дня.

Появилась официантка с нашими коктейлями. Триндл и его компания решили, что двум смертям не бывать, а одной не миновать, и заказали еще по одной. Пока они во всех деталях обсуждали этот вопрос с официанткой, я искоса взглянул в сторону бара. За спинами пьяных кутил я заметил того, кого искал. Бармена, который привел меня в чувство.

Он смешивал четыре «маргариты» одновременно, на лице его застыла маска сосредоточенного внимания. Он неплохо получился бы на фотографии, и я сразу же узнал этого человека. Но он меня еще не обслуживал. Я побывал у бара один раз, и коктейль мне подавала женщина. Остальные напитки я заказывал у проходивших мимо официанток. И все же, очнувшись, я узнал этого бармена, *потому что он обслуживал меня*. Это означало, что я купил еще коктейль, перед тем как вырубиться и затем прийти в себя у стойки.

Но это было невероятно. Реальность происходящего была вне всяких сомнений: в воздухе плыл запах свежего пота, исходивший от мужчины средних лет, который сидел за столиком рядом с нами; кожа Риты-Мэй казалась прохладной и гладкой, несмотря на жару. Один из программистов затеял разговор с Ритой-Мэй, и она, казалось, была не силь-

но раздосадована этим, так что у меня выдалась минутка, чтобы привести в порядок мысли. Я не ударился в полную панику, но тем не менее серьезно встревожился.

Ну ладно, я *ударился* в панику. Либо во время пребывания в туалете у меня случилась странная галлюцинация о завтрашнем дне, либо со мной происходило нечто *действительно* странное. Может ли тот факт, что бармен еще не обслуживал меня, указать, какая из гипотез верна? Я не понимал. Я не мог сообразить.

— Какого ты мнения о Дейле Джорджио, Джон? Похоже, он собирается совершить революцию в производстве WriteRight[1].

Я не совсем уловил, о чем меня спросил Тринда, пока не услышал свой ответ, вызванный скорее состоянием духа, чем желанием кого-либо оскорбить.

— Бездарный тупица, — сказал я.

Оказавшись снова на тротуаре, я минуту колебался, не зная, что предпринять. Рита-Мэй действительно работала в «Орлеанской кладовке», но сейчас вышла на обед. Эти сведения я получил от весьма любезной женщины, которая, как я понял, тоже работала в этом магазине. Либо это была на редкость хорошо осведомленная туристка.

Я мог бродить вокруг и подойти к Рите-Мэй на улице, а мог пойти пообедать. Лучше было заговорить с ней вне магазина, но не стоять же мне неопределенное время, переминаясь с ноги на ногу, — мое ожидание вполне могло затянуться на час.

В этот миг мой желудок издал некое непонятное высказывание — странный булькающий звук, который, я уверен, услышали почти все прохожие. Оно могло означать одно из двух. Либо я был голоден, либо мой живот собирался взорваться, прихватив с собой пару ближайших кварталов. Я поразмыслил и решил, что голоден, и, повернувшись, отправился в сторону площади на поиски muffelettas.

[1] WriteRight — защитная пленка для дисплеев карманных компьютеров.

Придя в Cafe du Monde, я заметил, что невероятный трубач все еще там и как раз выводит одну из своих фирменных долгих трелей. Когда я проходил мимо, желая лишь, чтобы моя голова не разлетелась на кусочки, в мозгу что-то щелкнуло.

Я не должен был замечать, что он здесь. Я *знал*, что он здесь. Я только что сидел в Cafe du Monde. Он был одной из причин, почему я оттуда ушел.

Я отошел на достаточное расстояние для того, чтобы трубач не терзал мои нервы, и затем со скрипом остановился. Впервые я до смерти испугался. Я должен был почувствовать себя более уверенно, снова оказавшись в реальном времени. Я мог представить себе завтрашний день. Я мог проследить свой путь сюда. Бо́льшую часть его, по крайней мере. Но я совершенно ничего не помнил из того, что произошло в кулинарном магазине. Я вышел, уверенный в том, что поговорил с кем-то внутри и выяснил, что Рита-Мэй там работает. Но я представления не имел, как выглядит интерьер магазина. Я не помнил. Вместо этого я *помнил* пребывание в Абсент-баре.

Я озабоченно оглядел туристов, обожженных палящим солнцем, и почувствовал, как полуденный зной проникает мне под одежду. Хиппи-портретист с надеждой посмотрел в мою сторону, но, справедливо рассудив, что я не клиент, снова принялся смешивать краски.

Повинуясь внезапному порыву, я поднял правую руку и понюхал ее. Сигаретный дым и сахарная глазурь от beignets, которые я съел полчаса назад. Я чувствовал эти запахи на самом деле, совершенно точно.

Может быть, что-то было неладно с сигаретой, которую я выкурил прошлой ночью. Это объясняло провал в памяти на месте дороги в отель и цветную галлюцинацию, которую я только что видел. Вряд ли это была кислота — скорее какой-то опиат. Но зачем было тому человеку продавать нам такое? Ведь подобная штука стоит гораздо дороже. Дилеры никогда не преподносят маленькие подарки — обычно они стараются тебя обобрать. Конечно, возможно, что Рита-Мэй знала обо всем заранее, сама попросила такую сигарету и заплатила за нее, но это казалось совсем неправдоподобным.

Более того, я просто не верил, что это наркотическое похмелье. Непохоже. Я чувствовал себя в точности так, как должен был чувствовать после неумеренных возлияний и одной крепкой сигареты с марихуаной, за исключением того факта, что я не мог определить, на каком отрезке времени нахожусь.

Закрыв один глаз, вы теряете способность видеть предметы в перспективе. Вид становится плоским, как на картине. Вы знаете (вернее, вам кажется, что знаете), какие предметы находятся дальше, а какие — ближе, но лишь потому, что вы только что видели их обоими глазами. Без этого воспоминания вы растерялись бы. То же самое, похоже, случилось с моим восприятием времени. Я не знал, в каком порядке происходили события. Вопрос о порядке уже казался мне неуместным.

Внезапно почувствовав жажду и скорее услышав, а не ощутив очередной раздраженный призыв своего желудка, я пересек улицу и подошел к окошку в стене, где торговали po-boys и апельсиновым соком. Французский бар находился слишком далеко. Мне требовалось немедленно что-то съесть. Пока я сидел в Cafe du Monde, все было в порядке; может быть, пища каким-то образом привяжет меня к определенному моменту.

Я благополучно сделал заказ и стал напротив «Орлеанской кладовки», вгрызаясь во французскую булку с sauce piquante[1] и наблюдая за дверями. Как и все остальное, резкий вкус лимонного сока на жареных устрицах убедил меня, что происходящее со мной — реальность. Закончив есть, я отхлебнул сока и вздрогнул. Он было гораздо слаще, чем я ожидал. И тут же понял, что это апельсиновый сок, а не «маргарита». Вкус оставил какое-то впечатление незаконченности, как бывает, когда вы убеждены, что́ съели только половину пирожного, но не можете понять, куда же пропала вторая половина. Я знал, что только что купил апельсиновый сок, но знал также, что меньше минуты назад отхлебнул глоток «маргариты».

Дрожа, я выплюнул остатки апельсинового сока. Наверное, у меня что-то не так с сахаром в крови.

[1] Пикантный соус *(фр.)*.

А может быть, я медленно схожу с ума.

Я допил сок, не сводя взгляда с противоположной стороны улицы в ожидании Риты-Мэй. Мне уже стало казаться, что до тех пор, пока я ее снова не увижу, пока наконец не произойдет что-то такое, что привяжет меня к сегодняшнему дню, мне не удастся обрести равновесие. Если я увижу ее на другой день после вчерашнего вечера, то этот день будет завтрашним. Иначе и быть не может, ведь завтра должно как-то наступить.

Разумеется, существовал еще один вариант: я просто сижу в туалете Абсент-бара и в зловещих деталях сочиняю, что приключится со мной на следующий день. Я был уверен лишь в одном — что я хочу видеть Риту-Мэй. Я понимал, что на ней, скорее всего, будет другая одежда, но был уверен, что сразу узнаю ее. Даже не закрывая глаз, я видел перед собой ее лицо. Глаза, слегка затуманенные алкоголем, приоткрытый рот, пряди вьющихся светлых волос, заправленные за уши. А на губах, как всегда, прекрасная полуулыбка.

— Мы уходим! — проорал Триндл, и я, отвернувшись от Риты-Мэй, рассеянно взглянул на него.

В конце концов они меня не бросили: они уходили, а я еще был в сознании. Обычное раздражение, которое вызывал у меня Триндл и его компания, немного смягчилось при виде их лиц. Они явно отлично провели время. В один из редких моментов духовной зрелости я понял, что на самом деле они неплохие парни. Я не хотел портить им праздник.

Я кивал, улыбался и пожимал руки, и кутилы, покачиваясь, друг за другом вышли из бара навстречу несущейся мимо толпе. Должно быть, давно перевалило за два часа ночи, но веселье продолжалось. Я вернулся к Рите-Мэй и понял, что встреча с компанией Триндла была не таким уж несчастьем. Мы пару часов лишены были возможности общаться, и за это время наши чувства, подогреваясь на медленном огне, дошли до кипения. Рита-Мэй бросила на меня взгляд, который я могу определить лишь как откровенный, и, наклонившись к ней, я приник к ее губам долгим поце-

луем. Мой язык словно превратился в какое-то веселое морское создание, слегка подвыпившее, в первый раз встретившее существо противоположного пола.

Через некоторое время мы прервались и отодвинулись на достаточное расстояние, чтобы взглянуть друг другу в глаза.

— Критический момент, — прошептала она, и мы, столкнувшись лбами, захихикали.

Я вспомнил, что уже давно должен был спросить себя, что это такое я делаю, и спросил. Ответ был: «Исключительно приятно провожу вечер», и этого оказалось для меня достаточно.

— Выпьем еще?

Мне не хотелось уходить. Нам необходимо было побыть здесь еще, во власти тех чувств, которые мы испытывали.

— Давай, — согласилась она, усмехнувшись одной стороной рта, я встал, и она взглянула на меня снизу вверх. — А затем возвращайся и сделай это еще раз.

Официантки видно не было, и я направился к бару. К этому моменту я уже понял, что произошел очередной скачок во времени, и не испытал потрясения, обнаружив, что меня обслуживает бармен с безмятежным лицом. Он также не слишком удивился при виде меня.

— Продолжаете? — спросил он, смешивая коктейли, которые я заказал.

Я знал, что не разговаривал с ним до этого, так что, наверное, он просто старался быть любезным.

— Точно, — ответил я. — Как вы думаете, под силу мне это?

— Отлично выглядите, — ухмыльнулся он. — Вас хватит еще на час или больше.

Только когда я неуверенной походкой пробирался к нашему столику, его слова поразили меня как из ряда вон выходящие. Словно он знал, что через некоторое время я отключусь. Я остановился и оглянулся на бар. Бармен все еще смотрел на меня. Он подмигнул мне и отвернулся.

Он все знал.

Я нахмурился. Это не имело смысла. Такого быть не могло. Если, конечно, это не очередная галлюцинация и

весь этот разговор не порождение моего воображения. Значит, сейчас завтрашний день. Но так ли это? Тогда почему я не помню, что произошло дальше?

Я обернулся к Рите-Мэй, и мне наконец пришло в голову спросить у нее, что происходит. Если она не поймет, о чем я, то я притворюсь, что пошутил. Если с ней творится то же самое, то мы выкурили ядовитую сигарету. В любом случае что-то прояснится. Вдохновленный своим планом, я попытался ускорить шаги. К несчастью, я не заметил здоровенного подвыпившего парня в клетчатой рубашке, который, шатаясь, пересекал мне дорогу.

— Эй! Смотри, куда идешь, — проворчал он довольно добродушно.

Я ухмыльнулся, чтобы показать, что безобиден, и отступил от края тротуара. Женщина, которую я принял за Риту-Мэй, оказалась незнакомкой. Просто какая-то туристка спешила по солнечной стороне улицы. Взглянув на часы, я обнаружил, что стою напротив магазина всего двадцать минут. Мне казалось, что прошла целая вечность. Рита-Мэй должна скоро вернуться. Она обязательно придет.

И затем...

«Господи, опять я здесь», — подумал я. С течением времени скачки начали происходить все чаще (если придерживаться гипотезы, что это скачки). Поглощение пищи не помогало.

К тому времени как я добрался до отеля, я начал забывать, что произошло, но у меня хватило ума вытащить розу Риты-Мэй из кармана и засунуть ее в туфлю. Затем я спрятал туфли как можно дальше в чемодан. «Это тебя встряхнет, — бормотал я про себя. — Это заставит тебя вспомнить». Видимо, я понимал, что имею в виду. Было шесть утра, и я, как мог, стащил с себя одежду и упал на кровать. В голове царил сумбур, шея болела. Единственное, что мне оставалось, — это немедленно заснуть, и очутиться на улице Декатур, в ожидании напротив «Орлеанской кладовки».

Признаюсь, этот эпизод застал меня врасплох. Я уже почти привык к происходящему, хотя оно вызывало у меня все усиливающееся чувство ужаса. Я не мог остановить этого, не мог понять, но, по крайней мере, здесь была ка-

кая-то закономерность. Однако рывок в отель, в раннее утро, и тот факт, что я спрятал туфли сам, оказались неожиданностью.

Все начинало перемешиваться, словно порядок не имел значения, а важны были лишь ощущения.

Люди у прилавка с po-boys начинали странно поглядывать на меня, и я, перейдя улицу, стал рядом с самой «Кладовкой». У меня было такое ощущение, что я чуть ли не всю жизнь расхаживаю взад и вперед по дороге. Прямо напротив магазина стоял фонарь, и я обеими руками ухватился за столб, как будто устойчивый материальный предмет мог удержать меня на месте. Единственное, чего я хотел в этот момент, — это встречи с Ритой-Мэй.

Когда она появилась, то подошла прямо к столику, перешагнула через мои ноги и уселась мне на колени, глядя мне в лицо. Она проделала это с невозмутимым видом, не привлекая внимания, и люди за соседним столиком не сочли это чем-то из ряда вон выходящим. А я счел. Протянув руки, чтобы привлечь ее к себе, я почувствовал себя так, словно впервые в жизни испытываю сексуальное влечение. Все клетки моего тела возбужденно подпрыгивали на своих местах, как будто понимали, что затевается нечто необычное и чрезвычайное. Оркестр продолжал завывать на максимальной громкости; обычно это совершенно выводит меня из равновесия, я не переношу подобное издевательство над музыкой. Но сейчас я не обращал внимания на шум. Прижавшись щекой к лицу Риты-Мэй, я поцеловал ее ухо. Она изогнулась, немного приблизившись ко мне, обняв меня за шею, и принялась нежно перебирать волосы у меня на затылке. Чувствительность моей кожи удесятерилась, и если бы в этот момент я резко поднялся, то, подозреваю, кое-что, находящееся у меня в брюках, могло бы сломаться.

— Пошли, — внезапно сказала она.

Я встал, и мы вышли.

Было уже около трех, и на улице Бурбон стало намного спокойнее. Мы немного прошлись, затем развернулись и направились к Джексон-сквер. Мы шли медленно, обняв друг друга, с интересом наблюдая за своими руками и за

тем, что они собирались делать. Не знаю, о чем думала Рита-Мэй, но я от всей души желал, чтобы эта прогулка не кончалась. И все пытался собраться с силами и спросить ее, не сталкивалась ли она с проблемами времени.

Мы добрались до угла площади, и Рита-Мэй остановилась. В темноте тихая и безлюдная площадь выглядела весьма заманчиво. Я поймал себя на мысли, что покинуть Новый Орлеан будет гораздо труднее, чем я ожидал. Не раз за свою жизнь мне приходилось покидать разные места, оглядываться на мгновение и продолжать путь. Но в этом случае все оказалось не так просто.

Рита-Мэй обернулась ко мне и взяла меня за руки. Затем она кивнула в сторону Декатур и рядов лавок.

— Там я работаю, — сказала она. Я привлек ее к себе. — Будь внимателен, — улыбнулась она. — Сейчас произойдет нечто важное.

Я слегка покачал головой, чтобы изгнать оттуда туман. Я знал, что Рита-Мэй права. Мне нужно было знать, где она работает. Минуту я пристально разглядывал «Орлеанскую кладовку», запоминая ее местоположение. Как выяснилось, я все равно забыл это место, но, возможно, это было частью спектакля.

Рита-Мэй, по-видимому, осталась довольна моими стараниями и, протянув руку, привлекла меня к себе.

— Это будет нелегко, — предупредила она после того, как мы поцеловались. — Для тебя, я имею в виду. Но не сдавайся, прошу. Я хочу, чтобы однажды ты догнал меня.

— Обещаю, — ответил я, твердо намереваясь выполнить свое обещание.

Я постепенно начинал понимать. Отняв от фонарного столба одну руку, я взглянул на часы. Прошла всего одна минута. Риты-Мэй по-прежнему не было видно, вокруг, поджариваясь на солнце, неспешно вышагивали толпы туристов в яркой одежде. Издалека донесся долгий монотонный звук трубы, и он показался мне не таким уж отвратительным. Я взглянул на улицу Декатур в направлении звука, размышляя, где же она, долго ли мне еще ждать. И решил спросить.

— Сколько потребуется, — ответила она. — Ты уверен, что хочешь этого?

Через минуту Рита-Мэй должна была дать мне розу, и мне предстояло отправиться обратно в бар и потерять сознание, как множество раз до этого. Но в тот момент я все еще находился на безлюдной площади, где единственными живыми существами были несколько усталых туристов, потягивающих cafe au lait в полумраке Cafe du Monde. Воздух был прохладным и каким-то нежным, словно кожа женщины, которую я держал в объятиях. Я подумал о доме, о Лондоне. Я буду вспоминать о них с любовью, но без тоски. Моя сестра позаботится о коте. Придет день, и я встречу Риту-Мэй и, встретив ее, уже никогда не отпущу.

Здесь хорошо варят кофе, пекут превосходные beignets, а за углом всегда можно найти muffelettas. Будет ночь, будет день, но я буду двигаться в правильном направлении. Я буду чувствовать себя как дома, стану одним из завсегдатаев, буду мелькать на всех фотографиях, где изображается Новый Орлеан и его прелести. И Рита-Мэй будет здесь, с каждым днем она будет все ближе ко мне.

— Уверен, — сказал я.

На лице ее отразилась огромная радость, и это укрепило мое решение. Она поцеловала меня в лоб, в губы и затем склонила голову.

— Я буду ждать тебя, — пообещала она и легонько укусила меня за шею.

РЭМСИ КЭМПБЕЛЛ

Выводок

Рэмси Кэмпбелл — лидер среди авторов, пишущих в жанре хоррор, по количеству полученных премий. Международный съезд профессионалов хоррора (World Horror Convention) присвоил ему титул Мэтра; Ассоциация писателей жанра хоррор (Horror Writers Association) наградила его пожизненной премией.

Среди последних проектов Кэмпбелла — фильм по его роману «Договор отцов» («Pact of the Fathers»), выпущенный в Испании под названием «El Segundo Nombre» («Второе имя»); сборник рассказов «Повесть мертвых» («Told by the Dead») и роман «Ночевка» («The Overnight»). В настоящее время писатель работает над очередным романом «Секреты» («Secret Stories»).

Издательство Британской библиотеки выпустило антологию произведений М. Р. Джеймса[1] «Дела призраков» («Meddling with Ghosts») под редакцией Кэмпбелла, в настоящее время совместно с Джеком Данном и Дэннисом Этчисоном он работает над антологией «Собирание костей» («Gathering the Bones»). Издательство «Liverpool University Press» опубликовало работу С. Т. Джоши[2] «Рэмси Кэмпбелл и современная литература жанра хоррор» («Ramsey Campbell and Modern Horror Fiction»), серия документальных книг издательства PS Publishing «Рэмси Кэмпбелл, вероятно» («Ramsey Campbell, Probably») удостоилась нескольких литературных премий.

Кэмпбелл рассказывает: «Сюжет „Выводка" навеян видом на уличные фонари из окна нашей с Дженни первой квартиры на Принс-авеню. Позднее я поселил там главных героев книги „Лицо, которое должно умереть" („The Face That Must Die"). Недавно мой биограф Дэвид Мэтью хотел сфотографировать меня на фоне здания, но один из жиль-

---

[1] Джеймс Монтегю Родс (1862–1936) — английский писатель, медиевист, автор произведений в жанре хоррор.

[2] Джоши Сунанд (р. 1958) — американский литературовед, ведущий специалист по творчеству Г. Ф. Лавкрафта, А. Бирса и др.

цов возмутился и поинтересовался, что мы замышляем. Это был один из редких случаев, когда мне лично случалось внушать кому-то страх».

Хотя в предлагаемом рассказе встречаются все традиционные атрибуты, присущие литературе о вампирах, его содержание отражает уникальное мироощущение автора; здесь затронута тема духовного разобщения и одиночества, характерных для больших городов.

День выдался почти невыносимый. Он уже шел домой, но привычная маска все еще давила на него, словно ржавые доспехи. Поднимаясь по лестнице, он разорвал конверты: блестящий буклет от фирмы, производящей бинокли, пакет скромнее — от Общества защиты дикой природы. Он раздраженно швырнул бумаги на кровать и присел у окна, чтобы расслабиться.

Пришла осень, дни становились все короче. Процессия автомобилей, напоминающая похороны, двигалась вдоль Принс-авеню под сенью золотой листвы, толпы людей спешили домой. Безостановочное движение безликих масс, казавшихся меньше ростом с высоты третьего этажа, нагоняло на него тоску. Люди с такими же лицами, как у этих смутных, расплывчатых видений, — самовлюбленные, поглощенные собой, уверенные, что они ни в чем не виноваты, — приводили к нему в клинику своих питомцев.

Но куда же запропастились все местные жители? Он наблюдал за ними с удовольствием, это занятие увлекало его. Где мужчина, бегавший по улице, гоняясь за клочками мусора, словно за мухами, и запихивавший их в свой рюкзак? Или другой человек — он шагал по тротуару со свирепым видом, пригнув голову, хотя никакого встречного ветра не было, и кричал что-то, ни к кому не обращаясь? А Радужный Человек, выходивший в самые жаркие дни в нескольких ярких разноцветных свитерах, надетых друг на друга? Блэкбанд уже несколько недель не видел ни одного из них.

Толпа редела; по прозжей части ползли последние машины. Зажглись фонари, окрашивая листья в серебристый

и неестественно золотой цвета. Часто с появлением этого освещения — ах, вот и она, она возникла из боковой улочки, словно по сигналу — приходила и Леди Лампы.

Она передвигалась старческой походкой. Увядшее лицо напоминало лежалое яблоко; голова была закутана в изорванный шарф. Просторное пальто, доходящее до щиколоток, покрытое пятнами неопределенного цвета, развевалось на ходу. Дойдя до пятачка на середине улицы, она остановилась под фонарем.

Хотя рядом находился пешеходный переход, люди сознательно пересекали дорогу в других местах. «Как всегда», — подумал Блэкбанд с горечью. Точно так же они игнорировали стаи бродячих собак, ничто их не касалось, прохожие не замечали животных или надеялись, что кто-нибудь усыпит их. Возможно, они считали, что бездомных людей тоже следует усыпить, возможно, кто-то уже усыпил Радужного Человека и остальных!

Женщина расхаживала, не останавливаясь ни на секунду. Она кружила под лампой, словно расплывчатый круг света на асфальте был сценой. Ее тень напоминала филигранную часовую стрелку.

Разумеется, она слишком стара для проститутки. Может быть, она когда-то работала на панели, а теперь нуждалась в этой прогулке, воскрешающей прошлое? С помощью бинокля он смог подробно разглядеть ее лицо: застывшее, как у лунатика, углубленное в себя, как у нерожденного младенца. Ее голова, искаженная линзами бинокля, раскачивалась вверх-вниз. Она скрылась из поля зрения.

Три месяца назад, когда он поселился в этой квартире, женщин было две. Однажды вечером он увидел, как они ходят вокруг фонарей. Вторая женщина передвигалась медленно, словно во сне. Наконец Леди Лампы отвела свою спутницу домой; они шли, едва переставляя ноги, словно изможденные недосыпанием. Несколько дней у него не выходили из головы эти старухи в длинных выцветших пальто, вышагивавшие вокруг фонарных столбов на пустынной улице, словно боящиеся идти домой сквозь сгущающийся мрак.

Вид одинокой женщины по-прежнему немного нервировал его. Квартира погрузилась в темноту. Он задернул

занавески — фонари окрасили их в оранжевый цвет. Наблюдение за улицей помогло ему немного расслабиться. Пора приготовить салат.

Кухонное окно выходило на дом, где жили старухи. Взгляни На Мир С Чердака Принс-авеню. Перед Тобой Вся Человеческая Жизнь. Задние дворы, окруженные каменными стенами и полуразрушенными кабинками туалетов; дома на противоположной стороне дальнего переулка, похожие на коробки без крышек, наполненные дымом. Дом, стоящий прямо напротив его окна, был безжизненным, как обычно. Как могли две женщины — если вторая еще жива — обитать в подобном месте? Но они, по крайней мере, имели возможность позаботиться о себе, позвать на помощь; в конце концов, они были людьми. Он тревожился за их животных.

Он больше не видел вялую женщину. С тех пор как она исчезла, ее подруга начала приводить домой кошек и собак; он заметил, как она заманивала их к себе. Несомненно, они составляли компанию другой женщине. Но какую жизнь могли вести животные в темном доме, предназначенном на снос? И зачем так много? Может быть, они сбега́ли обратно к хозяевам или снова отправлялись бродить по улицам? Он качал головой: одиночество старух не извиняло их. Им не было дела до животных, как и тем хозяевам, которые приходили к нему в клинику, хныча, подобно своим собакам.

А может, женщина ждет под фонарем, пока кошки посыплются с деревьев, как плоды. Он хотел пошутить сам с собой. Но к тому времени, как он закончил готовить ужин, мысль эта привела его в такое смятение, что он, выключив свет в гостиной, выглянул из-за занавески.

На освещенном тротуаре никого не было. Раздвинув занавески, он заметил женщину: она неуверенной походкой спешила к своему дому. В руках она держала котенка, склонившись над комочком меха, словно обнимая его всем своим существом. Когда он снова вышел из кухни, неся тарелки, то услышал, как ее дверь со скрипом открылась и снова закрылась. «Еще один», — с беспокойством подумал он.

Через несколько дней она привела домой бродячую собаку, и Блэкбанд начал размышлять, не следует ли что-нибудь предпринять.

В конце концов женщинам придется отсюда съехать. Соседние дома пустовали, зияя разбитыми окнами. Но как они повезут с собой весь этот зверинец? Скорее всего, они выпустят животных или, рыдая, понесут их усыплять.

Что-то нужно предпринять, но он ничего делать не собирался. Он пришел домой, чтобы отдохнуть. Его работа — вытаскивать куриные кости из глоток; его утомляли извинения хозяев: «Фидо всегда кушает цыпленка, такого никогда раньше не случалось, я не могу понять». Он кивал сухо, с едва заметной принужденной улыбкой. «Ах вот как? — без выражения повторял он. — Ах вот как?»

Он, разумеется, не думал, что это поможет в общении с Леди Лампы. Но вообще-то он не собирался вступать с ней в спор: что, черт побери, он скажет ей? Что он заберет всех животных к себе? Едва ли. А кроме того, при мысли о разговоре с ней он ощущал смутный страх.

Она становилась более чудаковатой. С каждым днем появлялась все раньше. Часто отходила в сторону, в темноту, но тут же спешила обратно, в плоское озерцо света. Казалось, свет действует на нее, как наркотик.

Люди глядели на нее в изумлении и обходили стороной. Они шарахались от нее потому, что она была не такой, как все. Чтобы угодить людям, думал Блэкбанд, она должна вести себя, как они: закармливать своих животных, пока животы у них не начнут волочиться по земле, закрывать их в машине, где они задыхаются от жары, оставлять их на целый день дома, а потом бить за то, что они портят вещи. По сравнению с большинством хозяев, известных ему, она выглядела святым Франциском.

Он включил телевизор. На экране насекомые ухаживали друг за другом и спаривались. Их ритуальные танцы зачаровывали его, затрагивали в нем какую-то струну: игра цветов, тщательно воспроизводимые образцы поведения — в этом заключалась сила жизни, они инстинктивно разгадывали и разыгрывали ее. Микрофотографии открывали

ему этот мир. Если бы люди были такими же прекрасными и занимательными!

Даже его увлечение Леди Лампы уже не было чистым, как прежде; он сопротивлялся этому. Может быть, она заболела? Она передвигалась мучительно медленно, сутулилась и выглядела какой-то сморщенной. Тем не менее она каждый вечер выходила на свой пост, медленно бродила по озерам света, словно лунатик.

Как она управляется со своими животными? Как она с ними обращается? В одной из этих машин, направляющихся домой, наверняка едет кто-то из социальной службы. Кто-то должен заметить, что она нуждается в помощи. Как-то раз он уже направился было к двери, но при одной мысли о разговоре с ней у него пересохло в горле. Он представил себе, как подойдет к ней, и внутри у него словно сжалась тугая пружина. Это не его дело, у него и без того достаточно проблем. Пружина внутри сжималась все крепче, пока он не отошел от двери.

Однажды вечером полисмен появился раньше, чем обычно. Полиция ежедневно обходила район незадолго до полуночи, отбирала у людей ножи и битые бутылки, запихивала задержанных в фургоны. Блэкбанд напряженно наблюдал за происходящим. Полицейский обязательно должен отвести ее домой, он увидит, что́ скрыто в недрах ее жилища. Блэкбанд перевел взгляд на круг света под фонарем. Там никого не было.

Как она смогла ускользнуть так быстро? Сбитый с толку, он уставился на тротуар. Где-то почти за пределами поля зрения притаилась едва различимая тень. Нервно взглянув туда, он заметил женщину — она стояла в яркой полосе света у столба в нескольких десятках метров дальше по улице, гораздо дальше от полисмена, чем он думал. Как он мог так ошибиться?

Прежде чем он смог осмыслить этот факт, его отвлек какой-то звук: громкий шорох, словно по кухне яростно металась случайно залетевшая птица. Но кухня была пуста. Птица легко вылетела бы в открытое окно. Может быть, это шевелилось что-то внизу, в темном доме? Наверное, птица попала туда.

Полисмен ушел. Женщина с трудом вышагивала по своему светлому островку; полы ее пальто волочились по асфальту. Блэкбанд некоторое время наблюдал за ней, беспокойно размышляя, пытаясь вспомнить, что напомнил ему этот звук,— напомнил что-то еще, кроме хлопанья птичьих крыльев.

Возможно, именно после этих размышлений ближе к рассвету ему приснился какой-то человек: он, спотыкаясь, шел по пустынному переулку. Зубчатые кучи булыжника преграждали ему путь; человек карабкался через них, хватая воздух пересохшими губами, глотая клубы пыли. Сначала он показался Блэкбанду всего лишь изможденным и встревоженным, но затем он заметил преследователя: огромную, широкую тень, скрытно ползущую по крышам. Тень была живой — у нее были лицо и рот, хотя с первого взгляда по цвету и форме ему показалось, что это луна. Глаза мерцали голодным блеском. Когда человек, услышав хлопанье, с криком обернулся, тень с лицом устремилась на своих крыльях прямо на него.

Следующий день оказался необыкновенно изматывающим: пес со сломанной ногой и хозяин-страдалец: «Вы делаете ему больно, пожалуйста, поосторожнее, ах, иди ко мне, мой мальчик, что с тобой сделал этот противный дядька»; дряхлая кошка и ее опекунша: «А где тот врач, что обычно, он так никогда не делал, вы точно знаете, что нужно делать?» Однако вечером, когда он наблюдал за старухой, словно поглощенной навязчивой идеей, ему пришел на ум сон о тени. Внезапно он вспомнил, что никогда не видел эту женщину при свете дня.

«Так вот в чем дело», — подумал он, давясь от смеха. Она же вампир! Непростое занятие, когда у тебя не осталось ни одного зуба. Он покрутил колесико бинокля, и ее лицо приблизилось. Да, она была беззубой. А может быть, она пользуется вставными клыками или сосет кровь деснами. Но он не смог долго смеяться над этой шуткой. Лицо высовывалось из серого шарфа, словно из клубка паутины. На ходу она непрерывно что-то бормотала. Язык тяжело ворочался во рту, словно не помещался внутри. Глаза, неподвижно глядящие в одну точку, походили на серые головки гвоздей, забитых в череп.

Он отложил бинокль и почувствовал облегчение, когда она отошла прочь. Но даже издалека вид ковыляющей фигурки вызвал у него чувство тревоги. По ее глазам он понял, что она занимается этим против воли.

Она пересекла проезжую часть и направилась к его воротам. На какой-то миг у него мелькнула безумная мысль, вызвавшая приступ сильного страха: сейчас она войдет в дом. Но она пристально разглядывала живую изгородь. Руки ее взметнулись, словно отгоняя что-то ужасное; глаза и рот широко раскрылись. Она постояла, дрожа всем телом, затем, спотыкаясь, почти побежала к своему дому.

Он заставил себя спуститься. Рыжие листья на живой изгороди отливали серебром, словно выкрашенные свежей краской. Но среди листьев ничего не было, да и никто не смог бы пробраться сквозь тесно переплетенные ветви, обвитые паутинками, мерцавшими, как золотая проволока.

На следующий день было воскресенье. Он доехал поездом до Мерси и пошел пешком по лесной дороге Уиррел-Уэй. Краснолицые мужчины и женщины с безжизненными от лака волосами оглядывали его так, словно он вторгся в их частное владение. Несколько бабочек перепархивали с цветка на цветок; они осторожно складывали крылья, затем снова взмывали вверх и летали над заброшенной железнодорожной веткой. Они мелькали слишком быстро, чтобы он смог рассмотреть их, даже при помощи бинокля; у него не выходила из головы мысль о том, как близок этот вид к вымиранию. Депрессия отупляла его; казалось, его неспособность подойти к старухе отгораживала его от окружающего мира. Он не может заговорить с ней, не может найти слов, а тем временем ее животные, должно быть, страдают. Он страшился возвращения домой, очередной ночи, заполненной беспомощным наблюдением.

Может быть, заглянуть в дом, пока она бродит по улице? Вдруг она оставит дверь незапертой. В какой-то момент он интуитивно почувствовал, что ее компаньонка мертва. Сгущались сумерки, и это заставило его возвратиться в Ливерпуль.

Охваченный тревогой, он пристально вглядывался вниз, туда, где светили фонари. Лучше что угодно, чем это бес-

силие. Но он уже заранее приговорил себя к неудаче. Действительно ли он сможет спуститься вниз, когда она появится? А если вторая женщина жива и закричит при виде его? Господь милосердный, он может не ходить, если ему не хочется. Пятна света лежали на асфальте, словно ряд тарелок на полке. Он в глубине души надеялся, что старуха уже закончила свою сегодняшнюю прогулку.

Готовя обед, он время от времени раздраженно подбегал к окну, выходящему на улицу. Телевизор уже не занимал его; вместо этого он смотрел за окно. Таяли круги света, окружавшие фонари. Под кухонным окном лежал кусок ночи и темноты. В конце концов он отправился спать, но ему мешал шелест, — без сомнения, это клочья мусора летали по заброшенной улице. Но в его снах эти клочья имели человеческие лица.

Весь понедельник он готов был сорваться, хотел поскорее оказаться дома и покончить со всем и не мог сосредоточиться на делах. «О бедный Чаббле, этот человек делает тебе больно!» Ему удалось уйти с работы раньше. Когда он пришел домой, солнце склонялось к закату. Он торопливо сварил кофе и, потягивая его, уселся у окна.

Караван автомобилей поредел, в сплошном потоке появились просветы. Последние прохожие спешили домой, освобождая сцену. Но женщина не появлялась. Обед он готовил урывками, то и дело подбегая к окну. Где же чертова старуха, у нее что, забастовка? Лишь на следующий вечер, когда она снова не появилась, он начал подозревать, что больше не увидит ее.

Огромное облегчение, охватившее его, длилось недолго. Если немощь, терзавшая старуху, наконец сделала свое дело, то что будет с ее животными? Следует ли ему выяснить, что там случилось? Но отчего он решил, что она мертва? Возможно, она, как перед этим ее подруга, уехала в гости к родственникам. А животные, без сомнения, давно разбежались — он не слышал и не видел ни одного из них с тех пор, как она принесла их в дом. Безмолвная глыба тьмы притаилась под его окном.

В течение нескольких дней в переулках было спокойно; тишину нарушал лишь шорох мусора и хлопанье птичьих

крыльев. Он уже без тревоги смотрел на темный дом. Скоро его снесут; дети разбили все стекла в окнах. И сейчас, когда он лежал в ожидании сна, мысль о доме, погруженном во мрак, утешала его, снимая груз с его души.

В ту ночь он дважды просыпался. Он оставил окно кухни открытым, чтобы проветрить квартиру, — стояла необычная для этого времени года жара. С улицы до него донесся тихий стон: стонал мужчина. Может быть, он пытался сказать что-то? Голос звучал приглушенно, неясно, как из радиоприемника, у которого сели батарейки. Должно быть, пьяный; наверное, упал — послышалось слабое царапанье по камню. Блэкбанд, будто пытаясь спрятаться, закрыл глаза, призывая сон. Наконец смутное бормотание стихло. Воцарилась тишина, нарушаемая лишь едва различимым царапаньем. Блэкбанд лежал и ворчал про себя, пока в сновидениях не встретился с лицом, ползущим через кучи булыжника.

Несколько часов спустя он снова проснулся. Четыре часа утра; безжизненная тишина окружала его, туманный воздух казался тяжелым, неподвижным. Неужели этот новый звук ему приснился? Он послышался снова и заставил его вздрогнуть: тоненькие, плачущие голоса — они доносились откуда-то снаружи, из кухонного окна. На какой-то миг, еще не проснувшись, он решил, что это дети. Откуда могут взяться дети в пустом доме? Голоса были слишком слабыми. Котята.

Он лежал среди давящей темноты, окруженный тенями, которые ночь сделала неузнаваемыми. Он желал, чтобы голоса смолкли и в конце концов наступила тишина. Когда он проснулся, стояло позднее утро, и у него хватило времени лишь на то, чтобы торопливо собраться на работу.

Вечером в доме было тихо, как в клетке, накрытой одеялом. Должно быть, кто-то снес котят. Но ранним утром его снова разбудил плач — раздраженный, растерянный, голодный. Он не мог сразу отправиться туда — у него не было фонаря. Плач звучал приглушенно, словно из-за каменной стены. Он снова не спал полночи и опоздал на работу.

Бессонные ночи измучили его. Улыбка выходила перекошенной и нетерпеливой, он кивал отрывисто и презрительно. «Да», — согласился он с женщиной, которая говорила, что по собственной вине прищемила собаке лапу дверью, и, когда она высокомерно подняла брови, поправился: «Да, я вижу». Он понял по ее лицу, что она решила найти другого ветеринара. Пусть идет, пусть кто-нибудь другой ее утешает. У него свои проблемы.

Он взял из конторы карманный фонарь — лишь для того, чтобы успокоить себя. Разумеется, необязательно заходить в дом, разумеется, кто-то уже... Он шел домой, туда, где темнело вечернее небо. Ночной мрак сгущался, словно сажа оседала на стенах домов.

Он торопливо приготовил ужин. Нет необходимости копаться на кухне, нет смысла пялиться вниз. Он спешил; уронил ложку, и эхо удара пронзительно отозвалось в его мозгу, терзая нервы. Осторожнее, осторожнее. Снаружи, среди камней, не переставая, свистел ветер. Нет, не ветер. Когда он заставил себя поднять раму, то услышал плач, тихий, как шелест сквозняка в расщелине.

Теперь писк звучал слабее, уныло и отчаянно; это было невыносимо. Неужели больше никто ничего не слышит, неужели никому нет дела? Он уцепился за подоконник; ветер слабо попытался схватить его за руки. Внезапно, охваченный смутным гневом, Блэкбанд взял фонарик и неохотно, с трудом направился вниз по лестнице.

По проезжей части ковылял хромой голубь, размахивая обрубком ноги, тяжело хлопая крыльями; мимо проносились машины. Улица была завалена мусором, словно здесь прошло кочевое племя, оставив после себя отбросы — удобрение для плит, покрывающих тротуар. Свет фонарика мелькал по грязной поверхности; Блэкбанд пытался определить, из какого дома доносились тревожащие его звуки.

Лишь отойдя назад и встав напротив своего окна, он смог решить, куда идти, но даже после этого чувство неуверенности не отпустило его. Как могла старуха перебираться через высокую кучу, загородившую вход? Парадная дверь валялась на полу холла, на груде штукатурки, насы-

павшейся с потолка, среди полос обоев. Должно быть, он ошибся. Но пока он водил фонариком по холлу, выхватывая из темноты обломки и снова оставляя их во мраке, он услышал крик, слабый и приглушенный. Звук доносился изнутри.

Он двинулся вперед, осторожно ступая. Прежде чем он смог войти, ему пришлось вытащить дверь на улицу. Доски пола были усыпаны обломками камня. Мелькали блестящие куски штукатурки. Луч фонаря неуверенно дрожал впереди, затем повел его направо, к зияющему дверному проему. Блэкбанд направил фонарь в комнату, разогнав мрак.

На полу лежала дверь. Сквозь штукатурку из потолка торчали планки, словно открытые ребра; развевались клочья обоев. Коробки с умирающими от голода котятами не нашлось — комната была совершенно пуста. Стены покрывали влажные потеки.

Он неуверенно пробрался через холл в кухню. Плита была измазана толстым слоем жира. Обои совершенно отвалились, образовав кучи неясных очертаний, — они шевелились, когда свет фонарика падал на них. Сквозь заляпанное грязью окно Блэкбанд различил смутный оранжевый свет в своей кухне. Как могли две женщины существовать здесь?

Он тут же пожалел, что вспомнил ее. Перед ним словно возникло лицо старухи: глаза, неподвижные, словно металлические, кожа, похожая на слоновую кость. Он нервно обернулся; луч света заплясал. Разумеется, там была лишь дверь в холл, напоминающая разинутый рот. Но лицо присутствовало здесь: оно выглядывало из-за ниспадавших складками теней, окружавших его.

Он уже готов был все бросить — и предчувствовал облегчение, с которым он окажется на улице, — как вдруг до него донесся плач. Почти беззвучный, словно его издавал умирающий: жуткое, слабое свистящее дыхание. Он не мог вынести этого. Он бросился в холл.

Может быть, животные наверху? В свете фонарика Блэкбанд заметил щели почти в каждой ступени; сквозь эти щели он различил на стене огромное, симметричной

формы пятно. Конечно, женщина никогда не смогла бы туда взобраться — значит, оставался лишь подвал.

Дверь находилась рядом. В поисках ручки он посветил фонариком, затем нащупал ее. Лицо скрывалось рядом, среди теней; поблескивали неподвижные глаза. Он боялся найти ее лежащей на ступенях. Но плач молил его. Он потянул дверь, и она зашуршала по камням. Он направил луч в отверстие, из которого тянуло сыростью, и застыл, ошеломленный, с открытым ртом.

Перед ним находилась каменная комната с низким потолком. Темные стены блестели. Помещение было завалено мусором: кирпичи, доски, обломки дерева. С обломков свисали груды старой одежды, одежда валялась и под грудами сора. Какие-то белые нити тянулись через все помещение — когда открылась дверь, они слабо заколыхались.

В углу возвышалась странная светлая куча. Луч фонаря устремился к ней. Это оказался большой мешок из какого-то материала — не из ткани. Его разорвали; он был пуст, за исключением мелких камешков и кучки каких-то кусочков, похожих на картон тусклого цвета.

Плач доносился откуда-то из-под досок. Несколько раз взмахнув фонариком, Блэкбанд убедился, что в подвале никого нет. Хотя лицо с раскрытым ртом преследовало его, он, сделав над собой усилие, спустился вниз. Ради бога, нужно покончить с этим; он знал, что у него не хватит смелости прийти сюда еще раз. По пыли, покрывавшей ступени, протянулась какая-то полоса, словно нечто выползло из подвала или что-то втащили внутрь.

От его движений растянутые нити заколебались; они поднимались, словно щупальца, осторожно вибрируя. Белый мешок ожил, его рваный рот пришел в движение. Сам не зная почему, Блэкбанд старался держаться от мешка как можно дальше.

Плач исходил из дальнего угла подвала. Торопливо пробираясь среди камней, Блэкбанд заметил кучу одежды. Это оказались свитера кричащих расцветок, которые носил Радужный Человек. Они были навалены поверх досок — надетые друг на друга, как будто человек высох внутри или его высосали.

Беспокойно озираясь, Блэкбанд заметил, что одежда запятнана кровью. На всех тряпках виднелись следы крови, хотя и слабые. Потолок, темный, давящий, нависал совсем низко над головой. Ступени и дверь скрылись во мраке. Свет фонарика выхватил их из тьмы, и Блэкбанд, спотыкаясь, направился к выходу.

Плач заставил его остановиться. Теперь голосов стало меньше, казалось, они всхлипывают. До источника звука было ближе, чем до двери. Если бы он смог быстро найти животных, схватить их и убежать... Он карабкался среди преграждающего путь мусора к проходу, образовавшемуся среди обломков. Дыра в мешке зияла; нити хватались за него, едва ощутимо тащили к себе. Когда он направил луч в проход, темнота сразу же окружила его.

Там, за кучей сора, была вырыта яма. Земляные стенки частично обвалились, но он заметил, что из осыпавшейся земли торчат кости. Слишком большие для животных. В центре ямы лежала кошка, полузасыпанная землей. От нее почти ничего не осталось — лишь шкура да кости; тело было покрыто глубокими язвами. Но ему показалось, что глаза слегка шевельнулись.

Он наклонился над ямой, охваченный ужасом, не зная, что делать. Но ему так и не пришлось ничего предпринять: стенки ямы зашевелились. Посыпалась земля, и возникла голова величиной с кулак. За ней еще несколько; беззубые рты и острые языки потянулись к кошке. Когда он бросился бежать, то услышал жуткий плач.

Фонарик метался в поисках лестницы. Блэкбанд упал и поранил колени. Он думал, что лицо с мерцающими глазами встретит его в холле. Он выбежал из подвала, молотя фонариком по воздуху. Спотыкаясь, он понесся на улицу, а перед глазами у него по-прежнему стояли лица, выползающие из земли: полупрозрачная кожа, рудиментарные черты — но в этих лицах уже было что-то человеческое.

Он прислонился к столбу у своих ворот, под фонарем, и его вырвало. В мозгу мелькали беспорядочные образы и воспоминания. Лицо, ползущее по крышам. Видимое лишь по ночам. Вампир. Хлопанье крыльев у окна. Ее ужас при

виде живой изгороди, кишащей пауками. Calyptra, вот что это такое, Calyptra eustrigata[1]. Бабочка-вампир.

Последствия, хоть и смутно представшие перед ним, привели его в ужас. Он бегом устремился в дом, но в страхе замер на ступенях. Этих существ необходимо уничтожить; откладывать это дело — безумие. Он представил, как сегодня ночью они, обезумев от голода, выползают из подвала, направляются в его квартиру... Как ни абсурдна была эта мысль, он не мог забыть, что они наверняка видели его лицо.

Он стоял, нервно хихикая, охваченный смятением. Кому следует звонить в подобных обстоятельствах? Полиции, ликвидаторам? Он не сможет избавиться от ужаса, пока не увидит, что выводок уничтожен, и единственный путь — сделать это самому. Сжечь. Бензин. Он замешкался на лестнице, не решаясь что-либо сделать, размышляя, что не знает ни одного соседа, у которого можно было бы попросить горючего.

Он побежал к ближайшему гаражу.

— У вас есть бензин?

Человек пристально оглядел его, подозревая, что он шутит.

— Вы удивитесь, но есть. Сколько вам?

И правда, сколько? Он заставил себя прекратить хихикать. Наверное, нужно спросить у этого человека совета! Простите, сколько нужно бензина, чтобы...

— Галлон, — выдавил он.

Добежав до переулка, он включил фонарик. Тротуар загромождали кучи мусора. Далеко наверху, над темным домом, он заметил оранжевый свет в своем окне. Он пробрался через обломки в холл. В качающемся свете фонаря лицо приблизилось, встречая его. Разумеется, холл был пуст.

Он заставил себя двинуться вперед. Луч выхватил из мрака дверь в подвал — она бесшумно хлопала. Может быть, просто поджечь дом? Но при этом выводок может остаться в живых. «Не раздумывай, быстро вниз». Над лестницей неясно вырисовывалось пятно.

---

[1] Calyptra eustrigata — кровососущая бабочка, обитающая в Юго-Восточной Азии.

В подвале ничего не изменилось. Мешок зиял, валялась пустая одежда. Пытаясь отвинтить крышку канистры, он чуть не выронил фонарь. Он ногами сгреб в яму доски и начал лить бензин. И тут же услышал снизу стоны.

— Заткнитесь! — закричал он, чтобы они замолчали. — Заткнитесь! Заткнитесь!

Канистра опустела не сразу; бензин казался густым, словно масло. Блэкбанд с грохотом отшвырнул канистру прочь и бросился к выходу. Зажав фонарь между коленей, он неловкими пальцами вытащил спички. Когда он бросил зажженные спички на пол, они погасли. Лишь приблизившись к яме с зажатым в руке комком бумаги, найденным в кармане, он смог разжечь огонь и достиг своей цели. Раздался резкий вой пламени и хор не поддающихся описанию жалобных криков.

Когда, борясь с тошнотой, он карабкался по лестнице в холл, то услышал сверху какое-то хлопанье. Должно быть, влажные обои качаются на ветру. Но ветра не было — вязкий воздух словно сковывал его движения. Он помчался по камням в холл, размахивая фонарем во все стороны. На верхней ступени лестницы маячило что-то белое.

Еще один разорванный мешок. Он не заметил его раньше. Мешок был пуст, стенки его обвисли. Рядом на стене распласталось пятно. Слишком симметричное; оно напоминало вывернутое наизнанку пальто. На какой-то миг он подумал, что это свисает бумага, что зрение обманывает его в неверном свете фонарика — и тут пятно медленно поползло вниз, к нему. С раскачивающегося лица на него яростно уставились глаза. Хотя лицо было перевернуто, он сразу узнал его. Язык высунулся из уродливого рта и потянулся к своей жертве.

Он резко обернулся и бросился бежать. Но тьма за входной дверью ожила и теперь приближалась. Он в панике споткнулся, и камни полетели у него из-под ног. Он упал с подвальной лестницы на кучу кирпича. И хотя почти не чувствовал боли, он услышал, как хрустнул позвоночник.

Мысли беспомощно мелькали. Тело отказывалось подчиняться мозгу — оно лежало на полу, поймав его в ло-

вушку. Он слышал, как по улице едут машины, слышал радио, звон ножей в квартирах, далекий и безразличный. Плач смолк. Блэкбанд попытался крикнуть, но мог лишь вращать глазами. Озираясь, он сквозь щель в стене подвала заметил оранжевый свет в своей кухне.

Фонарик лежал на ступенях, свет его потускнел от удара. Вскоре шелестящая тьма медленно спустилась в подвал, закрыв свет. Он слышал во мраке звуки; что-то бесплотное окружило его. Он выдавил придушенный крик — такой тихий, что сам едва услышал его. Наконец тень с лицом уползла в холл, и в подвал снова упал свет. Уголком глаза Блэкбанд увидел тех, кто окружил его. Они были округлыми, молчаливыми, лишенными черт — и пока еще едва живыми.

НЭНСИ КИЛПАТРИК

Подвал старого дома

Нэнси Килпатрик, лауреат нескольких литературных премий, работает в жанре фэнтези, хоррора и мистики. Среди ее двадцати шести книг — четырнадцать романов (в том числе популярная серия книг о вампирах «Власть крови» («Power of the Blood»)), пять сборников, включающих более ста пятидесяти рассказов, и семь антологий, изданных под ее редакцией, например «В тени горгульи» («In the Shadow of the Gargoyle»), «Идолы» («Graven Images»).

Недавно Килпатрик закончила историческую книгу, посвященную средневековой жизни, «Готическая Библия» («The Goth Bible») и совместно с Нэнси Холдер занимается изданием новой антологии готического рассказа. Килпатрик со своей кошкой Беллой живет в Монреале, в квартире, обставленной в средневековом стиле. Ее хобби — путешествия по разным странам, во время которых она и ее компаньон-фотограф Юг Леблан посещают кладбища, склепы и осматривают мумии.

«Однажды мне пришлось провести около года в особняке, в точности напоминающем тот, что описан в „Подвале старого дома“ („Root Cellar“), — рассказывает писательница. — Это было в городке Напанни, недалеко от Онтарио. Причудливые вещи, описанные в рассказе, взяты мной из жизни. Предметы, обнаруженные в подвале, на самом деле находились на чердаке, но подоконники мы нашли именно в таком состоянии, как я описала.

Старая часть дома всегда вызывала у меня неприятные ощущения, и в конце концов мы почти перестали туда ходить. Это была небольшая тесная пристройка, ступени вели в подвал с земляным полом, полки на стенах вдоль лестницы были уставлены солеными, и эта дверь... За время, проведенное там, особенно в осенние и зимние месяцы, я хорошо поняла, что такое дом с привидениями, дом, полный воспоминаний...»

Изящный рассказ, предлагаемый вниманию читателей, заслуженно включен Карлом Эдвардом Вагнером в двадцатое издание антологии «Лучшее за год — рассказы в стиле хоррор» («Year's Best Horror Stories»).

Пока Вадим выбирался из «тойоты», потоки дождя старались загнать его обратно. У него над головой цеплялись одна за другую ветви клена, с которых ветер оборвал все листья. Январское небо было безжизненно-серым; он заметил на горизонте стремительно приближающиеся черные грозовые тучи — скоро они скроют небо и совсем стемнеет.

Пять шагов, и Вадим очутился на веранде особняка. Как раз в это мгновение разразилась буря. Молния ударила в иву на противоположной стороне дороги, отколов сук. «Недобрый знак»,— решил он, содрогаясь, и возненавидел себя за то, что поддался страху. Страху, которому научила его *она*. Он поспешил внутрь.

«Новая» часть бабкиного дома, выстроенная семьдесят пять лет назад, выглядела по-прежнему. Несоразмерно высокие потолки. Комнаты, похожие на пещеры. Обои с мелким рисунком. Под чехлами, подобно часовым на посту, пряталась мебель — у Вадима не было ни малейшего желания видеть ее. Он вспомнил запах этого дома — запах крови и разложения. Если бы Лола не уехала из страны, ноги его здесь не было бы. Лола, его младшая сестра, в свои двадцать была еще ребенком. Она отчаянно умоляла его привезти ей кое-какие вещи, реликвии, пока дом не заколотят навсегда.

У Вадима не возникало потребности приезжать сюда. В его воспоминаниях о годах, проведенных в этом доме, царило небытие, мертвая тишина, тяжелая, как рука их бабки. Постепенно его душа и тело стряхивали с себя следы ее зловещего влияния. Скоро все это уйдет в прошлое.

Вадим заглянул на кухню. Электричество отключили три месяца назад, но от сверкающих снаружи молний здесь было светло. Все оставалось по-прежнему, и от этого ему стало страшно. Все, кроме того угла. Когда-то там стоял наготове ивовый прут. И все же Вадим нисколько не удивился бы, увидев в дверях суровое лицо бабки или услышав разносящиеся по комнатам разглагольствования больной старухи.

Вадим подошел к посудному шкафчику, висящему слева над раковиной. Вторая полка, сзади. Он достал пус-

тую сахарницу с изображенной на крышке бабочкой, которую хотела получить Лола. Предмет не вызвал у него никаких сентиментальных чувств, он лишь ощутил приступ клаустрофобии — словно прошлое яростно обрушилось на настоящее в отчаянной попытке смести все границы и пожрать его. Он взбежал по ступеням на второй этаж.

В хозяйской спальне, которую делили его бабка и дед до тех пор, как шестнадцать лет назад умер старый Бенц, царила все та же тишина. В ногах постели валялось небрежно брошенное голубое одеяло. Под этим одеялом скончалась его бабка, одна, в зловонной луже испражнений. Одна — пока не обнаружили ее разложившийся труп. «Смерть — утешение для живых», — часто повторяла старуха с апломбом. Часы в углу остановились, и Вадим обрадовался, что не слышит их тиканья.

Миновав короткий коридор, Вадим поднялся на чердак, к тесным, душным каморкам, где когда-то ютились они с Лолой. В своей комнате он нашел те же знакомые трещины в стенах, древние, как неодобрительные складки, пересекавшие лицо бабки. Небольшой комод, покоробившееся от времени зеркало, в котором уже ничего не отражалось. Узкая кровать — когда-то ее пружины звенели так громко, что он боялся вздохнуть. Как часто скрипели они вслед за свистом ивовой розги, с помощью которой древние семейные обычаи вбивались глубоко в каждую клетку его тела.

В спальне Лолы Вадим нашел стеклянную музыкальную шкатулку с фигуркой единорога. Прихватив ее, он направился к узкой черной лестнице, которая вела в старую часть дома. Он очутился в запущенной комнате, обставленной двести лет назад, во времена его жестокого прапрадеда, о котором он столько слышал. Его предки иммигрировали сюда, спасаясь от преследований на родине. В этой части дома Вадим никогда не чувствовал себя в безопасности.

Он замер. Небо за окнами скрыли черные тучи, совершенно стемнело. Вадим дрожащей рукой полез в карман плаща за фонариком. Сахарница выскользнула у него из пальцев и ударилась о твердый, слегка наклонный деревян-

ный пол. Вадиму не понадобился фонарь, чтобы понять — сахарница разлетелась на мелкие кусочки. Его охватил страх, древний, смертельный ужас. Но никакого карающего призрака не появилось. Он испустил вздох; нервы были на пределе.

Вспыхнул фонарик, и его голубой свет выхватил из тьмы нечто странное. Вадим направил лучик на подоконник одного из трех больших окон. «Матерь...» — прошептал он. Все подоконники были покрыты дюймовым слоем мертвых бабочек. Бабочки были и на полу под окнами. И у двери. Тысячи — нет, десятки тысяч. Черные, зеленые, переливающиеся радужными красками. Под ногами хрустели жесткие высохшие хитиновые оболочки. Бабочки собирались у окон и дверей в поисках выхода, но эта комната оказалась для них склепом.

Вадим забыл о сахарнице — его единственной мыслью было бежать прочь, пока эта гробница не захватила в плен и его. Но Лола просила еще кое-что. Еще один предмет — чтобы придать правдоподобия выдуманным воспоминаниям о счастливом детстве и избавиться от реальности, превратить ее в бесплотный призрак. Таких вещей осталось всего две. И она нужна ему, чтобы прочнее встать на ноги в настоящем, изгнать прочь суеверия. «Спокойно, — сказал он себе. — Бабушка Бенц умерла. Через пять минут я уеду отсюда навсегда».

Дверь в подвал была закрыта, как и во времена его детства, но он легко взломал ржавый висячий замок. Заскрипели петли, и дверь, перекошенная от времени и сырости, скопившейся в этой части дома, зашуршала по полу.

В лицо Вадиму ударил запах плесени. Он выставил вперед фонарик, словно оружие в битве с жуткой тьмой, и заметил со стыдом, что рука его дрожит, услышал свое прерывистое дыхание.

«Я не могу», — подумал он. На него обрушились воспоминания о ночах, проведенных здесь, ночах, когда он сидел, скорчившись под лестницей, вдыхая запах земли, каких-то растений, удушливый запах гниения. И эти звуки. С тех пор он не слышал ничего похожего — лишь в кошмарах.

Со временем он научился вполголоса мурлыкать что-то — достаточно громко, чтобы заглушить эти звуки, но не настолько, чтобы услышала сверху бабушка Бенц.

Кукла, которую просила Лола, пятнадцать лет валялась в каком-то сундуке. В сундуке, в подвале. Теперь, когда он разбил сахарницу, ему ничего не оставалось, как добыть куклу.

Вадим сделал шаг вниз, во тьму. Лицо его облепила паутина, и он задохнулся. «Слабак!» — упрекнул он себя, повторяя слово, которое так часто бросали ему в лицо. Должно быть, это слово дошло до него через несколько поколений.

Слева вдоль лестницы тянулись ряды полок, уставленных соленьями и консервами. Он рассматривал полки, читая полусгнившие этикетки: соус «чили», кукурузный соус, маринованная цветная капуста, морковь, укроп — самая старая из банок датировалась 1790 годом. В банке было нечто темное, надпись на пожелтевшей наклейке расплылась. Наверное, свекла. Эти консервы стояли здесь, когда он был ребенком, стояли здесь еще со времен детства его бабки. С каждым поколением запасы пополнялись, и бабушка Бенц заставила банками вторую сверху полку. Она не разрешала трогать припасы и называла их «воспоминаниями». Несъеденная еда. Жизнь, законсервированная навечно.

Заскрипели знакомые ступени, и Вадим спустился на земляной пол. Он посветил в углы. Дорожный сундук стоял у самой дальней стены. Перед металлической дверью.

Он осторожно положил единорога в карман и зажал фонарь под мышкой, собираясь ломать очередной замок. Но сундук оказался открытым, словно кто-то ожидал его прихода. Вадим бросил быстрый взгляд на дверь и прислушался. Ничего.

Он поднял крышку сундука. С левой стороны ему улыбнулась фарфоровая кукла Лолы, словно не подозревая о своем кошмарном окружении.

В сундуке оказалось еще два предмета. Обломок доски с прикрепленными кнопками открытками. Маленький черный гроб.

При виде гроба Вадим затрясся от страха и ярости. Глаза его наполнились слезами, он не смог удержаться от крика:

— Сука!

Она слишком хорошо знала его. Она обманула его. Опять.

За дверью что-то зашуршало, и он вздрогнул. Крыса. Или послышалось. Но он не верил ни в то, ни в другое.

Вадим хотел было схватить куклу и броситься прочь, но десятилетия гнева удерживали его. И любопытство. Он взял доску и осмотрел ее при свете фонаря. Открытки викторианских времен представляли собой наброски пастелью. Восемь картинок складывались в историю:

Женщина весело качается на качелях у веранды.
Приближается мужчина в плаще.
Мужчина целует женщину в шею.
Женщина лежит в гробу.
Женщина встает и присоединяется к мужчине.
Мужчина и женщина целуют мальчика в шею.
Мальчик лежит в гробу.
Мальчик поднимается, присоединяется к мужчине и женщине.

«Старомодная готическая повесть о семейном безумии», — подумал он. Ее, должно быть, передавали из поколения в поколение вместе с серебром. Но он не намерен завещать это своим детям.

Вадим осторожно положил доску обратно в сундук. Он взял куклу, запихнул ее в карман и уже приготовился навсегда покинуть эту тюрьму. Но что-то побуждало его заглянуть в гробик. «Ты когда-нибудь умрешь от любопытства», — часто повторяла бабушка Бенц. И он знал, что старуха намеревалась исполнить свое пророчество.

Он вытащил грубую деревянную коробочку, потряс ее, но не смог догадаться, что находится внутри. Коробка напоминала старомодный гроб, была меньше фута длиной, три дюйма шириной в самой широкой части. Жуткая черная миниатюра. Из глубин памяти к нему крались картины смерти: козодой, похороненный им когда-то точно в таком

же самодельном ящичке; родители, погибшие во время пожара на ферме. Дедушка Бенц — кто знает, как умер он? Тела своей бабки Вадим не видел. Ни он, ни Лола не пришли на отпевание. И на похороны. «Если ты не видел тела, откуда ты знаешь, что человек мертв?» Эти слова бабка Бенц повторяла всякий раз, когда кто-то отправлялся в мир иной, и теперь ее слова не шли у Вадима из головы.

Вадим вставил в щель под крышкой ключ от машины и воспользовался им, как рычагом. Гроб был сделан из твердой березы, и он, осторожно действуя импровизированным ломиком, старался не повредить крышку. Воображение рисовало какие-то смутные образы, отвратительные видения — части тела, отсеченные у живых, сокрытые от дневного света, навеки заключенные во тьму, оставленные медленно разлагаться и засыхать.

Крышка поднялась на четверть дюйма. Он обливался по́том. Внезапно время словно остановилось, и жизнь замерла. Безнадежная бесконечность. Вечность, которой он всегда страшился, выпустила свои когти где-то на границе его сознания.

Смысла медлить не было, и Вадим отбросил прочь всякие сомнения. Напротив, он сделал попытку отвергнуть наследство бабки — последней из череды его предков. Этот дар он оставит гнить здесь, у корней этого дома. Все это закончится на нем и Лоле — последних отпрысках семейства, жизнь которого была пыткой.

Он рванул крышку. Подвал превратился в ледяную могилу.

— А чего ты ожидал? — выругал он себя, и голос его в пустом помещении прозвучал страшно и мертво.

Внутри коробочки лежал заостренный деревянный колышек. Для кого она приготовила это? Она заставила его дойти до этой ступени — точно так же она когда-то заботливо вскармливала в его душе темные, дикие инстинкты. Он запрокинул голову назад и засмеялся — смеялся, пока из глаз не хлынули слезы, а смех не превратился в вой приговоренного к смерти зверя, которым он себя чувствовал. Царапанье за металлической дверью привело его в чувство.

Вадим вытащил колышек и, бросив гроб обратно в сундук, захлопнул крышку с тяжелым, похоронным звуком, мрачно прозвучавшим в тишине. Но он не знал, что теперь следует делать. Он отбрасывал возможности одну за другой — он не знал, какая из них означает подчинение *ее* железной воле, а какая — сопротивление.

В ожидании, погруженный в мысли, прислушиваясь к звукам подвала, Вадим вертел в пальцах колышек, поворачивая острием то к себе, то от себя. К себе. От себя. Но сомнения недолго мучили его. Прошло несколько минут, и металлическая дверь отворилась сама.

РОБЕРТ БЛОХ

Венгерская рапсодия

Роберт Блох родился в Чикаго, но много лет жил в Лос-Анджелесе. Впервые он заинтересовался жанром хоррор в 1925 году, после того как увидел Лона Чейни-старшего в «Призраке Оперы». Узнав о существовании журнала «Weird Tales», Блох начал переписываться с одним из его сотрудников, писателем Г. Лавкрафтом, который посоветовал ему попробовать себя в художественной литературе. Остальное, как говорится, уже история.

Первое произведение Блоха было опубликовано в 1934 году; Блох писал многочисленные рассказы и быстро приобрел известность; к началу сороковых годов он выработал собственный стиль — смесь оригинального психологического ужастика и мрачного кладбищенского юмора. Несмотря на то что он является автором более двух дюжин романов, более четырехсот рассказов и многочисленных сценариев для телепрограмм и кинофильмов, его имя прочно ассоциируется с романом «Психо» («Psicho», 1959) и одноименным фильмом Альфреда Хичкока. В 1993 году, за год до смерти, писатель опубликовал увлекательную автобиографию «Once Around the Bloch» («Однажды в Блохе»).

Блох в течение многих лет писал бесчисленные рассказы о вампирах, и выбрать одно произведение для этого сборника оказалось сложнее, чем я ожидал. В конце концов я остановился на «Венгерской рапсодии» («Hungarian Rhapsody»), которую включали в антологии не так часто, как другие, более известные рассказы. Это прекрасный пример, иллюстрирующий паранойю, царившую в Америке в пятидесятых годах XX века, и знаменитый черный юмор Блоха.

Сразу после Дня труда погода испортилась, и обитатели летних коттеджей потянулись домой. К тому времени как Затерянное озеро начало затягиваться льдом, там остался только Солли Винсент.

Винсент был крупным, толстым мужчиной; ранней весной он купил зимний дом на берегу озера. Он все лето ходил в спортивных шортах кричащих расцветок и, несмотря на то что его никогда не видели охотящимся или ловящим рыбу, каждый выходной приглашал к себе множество гостей из города. Первое, что он сделал, купив дом, — это поставил перед воротами большую табличку с надписью «Сонова Бич». Это возбуждало немалое любопытство у прохожих[1].

Но лишь с наступлением осени он начал появляться в городе и заводить там знакомства. Он взял себе за правило раз-другой в неделю заглядывать в бар Дока, чтобы перекинуться в карты с завсегдатаями в задней комнате.

Даже после этого Винсент полностью не раскрылся. Он неплохо играл в покер, курил хорошие сигары, но о себе ничего не рассказывал. Как-то раз, когда Спекс Хеннесси задал ему прямой вопрос, он ответил собравшимся, что приехал из Чикаго, где занимался бизнесом. Но Винсент никогда не упоминал, что это был за бизнес.

Он открывал рот лишь для того, чтобы задавать вопросы, и делал это весьма редко до того вечера, когда Спекс Хеннесси вытащил золотую монету и бросил ее на стол.

— Видели когда-нибудь такую штуку? — спросил он, обращаясь к народу.

Никто не ответил. Винсент, протянув руку, взял монету.

— Немецкая, верно? — пробормотал он. — Кто этот парень с бородой — кайзер?

Спекс Хеннесси фыркнул.

— Почти угадал, — ответил он. — Это старик Франц-Иосиф. Он когда-то был главным в Австро-Венгерской империи, сорок пять лет назад. Это мне в банке сказали.

— А откуда она у тебя, из игрового автомата? — поинтересовался Винсент.

Спекс покачал головой:

— Из мешка, а в этом мешке была еще, наверное, тысяча таких же.

---

[1] Sonova Bech — созвучно выражению «son of the bitch» (сукин сын).

После этого Винсент, судя по всему, заинтересовался по-настоящему. Он снова взял монету и повертел ее в своих коротких толстых пальцах.

— Ты собираешься рассказать, что случилось? — спросил он.

Большего поощрения Спексу не требовалось.

— Чертовски забавная штука вышла, — начал он. — В прошлую среду сижу я у себя в конторе, как вдруг появляется эта дамочка и спрашивает, правда ли, что я агент по недвижимости и не найдется ли у меня на продажу дом у озера. И я сказал, конечно, найдется, коттедж Шульца на Затерянном озере. Недурная сделка, со всей обстановкой, весьма выгодно — такой дом да за сущие гроши.

Я уже собрался расписать ей все как надо, но она сказала, что это неважно и лучше бы я показал ей дом. Я ответил, конечно, как насчет завтра, а она мне — а почему бы не сегодня, прямо сейчас?

Ну я привез ее сюда, мы прошлись по дому, и она сказала, что берет его прямо так, как есть. Велела мне повидаться с нотариусом и подготовить бумаги, а сама сказала, что придет в понедельник вечером и все подпишет. И правда она объявилась, волоча за собой этот здоровенный мешок с монетами. Мне пришлось вызвать из банка Хэнка Фелча, чтобы выяснить, что это за монеты и не фальшивые ли они. Оказалось, нормальные, все в порядке. Как чистое золото. — Спекс ухмыльнулся. — Вот так я узнал про Франца-Иосифа. — Он забрал у Винсента монету и спрятал ее в карман. — В любом случае, у тебя там, похоже, появится новая соседка. Дом Шульца всего в полумиле дальше твоего по дороге. И на твоем месте я бы пробежался туда и занял у нее чашку сахару.

Винсент моргнул.

— Так ты думаешь, она при деньгах, а?

Спекс покачал головой:

— Может, при деньгах, а может, и нет. Но главное — у нее фигура обалденная. — Он снова ухмыльнулся. — Зовут Хелена Эстергази. Хелена, с «а» на конце. Я видел, как она подписывалась. Разговаривает, как одна из этих венгерских беженцев, — думаю, она тоже одна из них. Графи-

ня, может быть, какая-нибудь аристократка. Вырвалась, наверное, из-за «железного занавеса» и решила найти местечко, где красные ее не отыщут. Конечно, это все только предположения, — она о себе ни словом не обмолвилась.

Винсент кивнул и спросил:

— А как она была одета?

— На миллион баксов, — хмыкнул ему в лицо Спекс. — А тебе-то что, никак собрался жениться по расчету? Ну, я тебе скажу, стоит на эту дамочку только взглянуть, и сразу забываешь о всяких там деньгах. Она разговаривает, вроде как эта За За Габор. И похожа на нее, только волосы рыжие. Парень, если бы я не был женатым человеком, я бы...

— Когда она собирается въезжать? — перебил его Винсент.

— Она не сказала. Но я думаю, сразу, через день-два.

Винсент зевнул и поднялся.

— Эй, ты же не собираешься выходить из игры, а? Мы только начали...

— Устал я, — объяснил Винсент. — Пора на боковую.

И он пошел домой и отправился на боковую, но не заснул. Он не мог отделаться от мыслей о своей новой соседке.

Вообще-то, Винсент был не слишком доволен тем, что кто-то будет жить поблизости, даже если это окажется прекрасная рыжеволосая беженка. Дело в том, что Винсент сам был в некотором роде беженцем, он переехал на север, чтобы скрыться от людей, и не жаждал никого видеть, кроме немногих избранных друзей, которых летом приглашал на уик-энды. Этим людям Винсент доверял — они были старыми деловыми партнерами. Но всегда существовала опасность нарваться на старых деловых соперников — а подобные встречи были совершенно нежелательны. Ни в коем случае. Некоторые из давних знакомых могли иметь на него зуб, а в бизнесе, которым занимался Винсент, это вело к неприятностям.

Вот почему в ту ночь Винсент спал плохо и вот почему он всегда держал у себя под подушкой небольшой сувенир, оставшийся от старых времен. Всякое может случиться.

Конечно, все звучало вполне правдоподобно; дамочка, скорее всего, и впрямь была беженкой из Венгрии, именно так, как говорил Спекс Хеннесси. И, однако, вся история могла оказаться очень хитрой ловушкой: а вдруг кто-то задумал добраться до Винсента так, чтобы никто ничего не заподозрил?

Винсент решил, что, во всяком случае, стоит не спускать глаз с коттеджа старого Шульца, находившегося дальше по дороге, и поглядеть, что из этого выйдет. Обдумав все, он на следующее утро отправился в город и купил себе отличный бинокль; а еще через день воспользовался им, чтобы наблюдать за фургоном, въехавшим во двор дома Шульца, до которого было полмили.

Листья почти облетели, и из окна кухни Винсента открывался прекрасный вид. Фургон был небольшим, вокруг него сновали только водитель и единственный помощник, перетаскивая в дом кучу коробок и ящиков. Винсент не заметил мебели, и это озадачило его, пока он не вспомнил, что коттедж Шульца продавался вместе с обстановкой. Но оставались еще коробки — по-видимому, довольно тяжелые. Неужели вся эта история — правда и ящики полны золотых монет? Винсент не мог прийти к какому-нибудь решению. Он ждал, когда приедет женщина, но она так и не показалась. Через некоторое время мужчины забрались в свой грузовик и уехали.

Винсент провел на своем наблюдательном посту почти весь день, но ничего больше не произошло. Затем он поджарил себе бифштекс и поужинал, наблюдая, как солнце садится в озеро. И тут заметил свет в одном из окон коттеджа. Должно быть, она проскользнула внутрь, пока он стоял у плиты.

Он вынул бинокль и настроил его. Винсент был здоровым мужчиной с мощными руками, но при виде открывшегося зрелища он едва не выронил бинокль.

Шторы в ее спальне были подняты, и женщина лежала на кровати. Она была нагая — за исключением покрывающих ее тело золотых монет.

Винсент устроился удобнее, опершись локтями на подоконник и, пришурившись, уставился в окуляры.

Ошибки не было — он видел обнаженную женщину, нежащуюся на ложе, усыпанном золотом. Свет мерцал, отражаясь от монет, кожа словно светилась, огненный свет струился от ее длинных золотистых волос. На бледном лице сияли широко открытые глаза. Она была безумно соблазнительна; она ласкала свое тело, осыпая его пригоршнями сверкающего золота, и ее овальное лицо с высокими скулами и полными губами казалось какой-то маской необузданного сладострастия.

И Винсент понял, что это не ловушка, что она не подстава. Она была настоящей беженкой, все было в порядке, но это не имело значения. Значение имело то, как застучала кровь у него в висках, а в горле застыл какой-то комок, а он все смотрел на нее, смотрел на это длинное, гибкое тело, белое, огненно-золотое.

Через некоторое время он заставил себя опустить бинокль. Приказал себе задернуть шторы и дождаться утра, пусть даже ему не суждено заснуть в эту ночь.

Но с первыми лучами солнца он уже был на ногах, тщательно побрился с помощью электрической бритвы, надел двубортное пальто, скрывавшее его живот, и полил себя лосьоном, оставшимся с лета, когда он привозил из города шлюх. В дополнение к этому он нацепил новый галстук и широкую улыбку, затем торопливо направился к коттеджу и постучал в дверь.

Никакого ответа.

Винсент постучал дюжину раз, но никто не подошел. Все шторы были задернуты, изнутри не доносилось ни звука.

Разумеется, он мог бы взломать замок. Если бы он считал ее подставой, то сделал бы это за минуту — в кармане пальто он держал наготове свой сувенир. И если бы его единственной целью были монеты, он тоже взломал бы дверь. Момент был идеальный — она куда-то ушла.

Но он позабыл о ловушках и плевать хотел на деньги. Ему нужна была женщина. Хелена Эстергази. Шикарное имя. Настоящий класс. Наверное, графиня. Волны золотистых волос на ложе из золотых монет...

Подождав немного, Винсент ушел, но весь день сидел у окна и наблюдал. Наблюдал и ждал. Скорее всего, она уеха-

ла в город за продуктами. Может быть, зашла в салон красоты. Но она обязательно должна вернуться. Она не может не вернуться. И когда она появится...

На этот раз он упустил ее, потому что вынужден был наконец пойти в ванную — это случилось, когда наступили сумерки. Но, вернувшись на свой пост и заметив свет в ее гостиной, он не сомневался ни мгновения. Он одолел полмили меньше чем за пять минут, выдохся и слегка запыхался. Затем он заставил себя немного подождать на пороге, прежде чем постучать. Наконец его кулак, похожий на окорок, стукнул, и она открыла дверь.

Она стояла на пороге, встревоженно глядя в тьму, и свет, лившийся из комнаты, просвечивал сквозь ее длинный пеньюар, пылал на ее длинных рыжих волосах, рассыпавшихся по плечам.

— Что вам угодно? — пробормотала она.

Винсент проглотил ком в горле. Он не в силах был вымолвить ни слова. Она выглядела как девочка за сотню на ночь; дьявол, какая там сотня — тысяча, миллион. Миллион в золотых монетах, и плащ огненных волос. Он не мог больше ни о чем думать, забыл заготовленные слова, диалог, который так тщательно сочинил заранее.

— Меня зовут Солли Винсент, — услышал он свой голос. — Я ваш сосед, живу немного подальше, у озера. Узнал, что вы приехали, и подумал, что мне следует, ну, словом, представиться.

— Вот как.

Она разглядывала его пристально, без улыбки, не шевелясь, и у него появилось тошнотворное подозрение, что она читает его мысли.

— Вас зовут Эстергази, верно? Мне говорили, что вы из Венгрии, что-то в этом духе. Ну, и я подумал, что вам здесь одиноко, вы еще не устроились как следует, и...

— Я вполне довольна этим местом. — Она по-прежнему не улыбалась и не двигалась. Лишь смотрела, словно статуя; холодная, бесчувственная, чертовски прекрасная статуя.

— Рад слышать. Но я просто хотел предложить зайти ко мне, познакомиться, что ли. У меня есть немного токайского и большой проигрыватель, ну, вы знаете, классичес-

кая музыка. Мне кажется, там даже была эта штука, эта «Венгерская рапсодия», и...

Что такого он ляпнул?

Она внезапно рассмеялась. Смеялись ее губы, ее горло, все ее тело, все, кроме ледяных зеленых глаз.

Затем она прекратила смеяться и заговорила, и голос ее тоже был ледяным.

— Нет, спасибо, — сказала она. — Как я и сказала, я довольна этим местом. Все, что мне нужно, — это покой.

— Что ж, может быть, как-нибудь в следующий раз...

— Повторяю еще раз. Я не желаю, чтобы меня беспокоили. Ни сейчас, ни потом. Спокойной ночи, мистер.

Дверь закрылась.

Она даже не запомнила его имени. Эта самодовольная шлюха не потрудилась запомнить его имя. Или она сказала так нарочно. Чтобы унизить его — как унизила, захлопнув дверь у него перед носом.

Что ж, никто не может безнаказанно унижать Солли Винсента. Он не позволял этого в старые времена, не позволит и теперь.

Он отправился обратно и, придя домой, снова стал самим собой. Он не старомодный дурак, торчащий у ее порога со шляпой в руках, словно торговец щетками. И не ничтожество, подсматривающее за ней в бинокль, как подросток, у которого загорелось в штанах.

Он Солли Винсент, и ей не нужно запоминать его имя, если она не хочет. Он покажет ей, кто он такой. И покажет, дьявол ее побери, скоро.

Этой ночью, лежа в постели, он все обдумал. Наверное, он избежал кучи неприятностей, не став с ней связываться. Пусть она и классная телка, но все-таки настоящая чокнутая. Сумасшедшая иностранка, разъезжающая повсюду с кучей монет. Все эти венгры задрипанные, эти беженцы — все они шизики. Одному богу известно, что случилось бы, если бы он спутался с ней. Ну и пусть — ему не нужна женщина. Мужик всегда может найти себе женщину, особенно если у него есть деньги.

Деньги. Вот что важно. У нее есть деньги. Он видел их. Наверное, эти ящики были полны золота. Неудивительно,

что она тут прячется: если красные пронюхают про ее добычу, они будут тут как тут. Вот как он представлял себе это, так же как и Спекс Хеннесси, агент по недвижимости.

Так почему бы и нет?

Весь план мгновенно сложился в его голове. Он позвонит кое-каким знакомым в город — скорее всего, Карни и Фромкину, они смогут продать все, даже золотые монеты. Обстановка самая подходящая! Женщина совершенно одна, никого вокруг в радиусе трех миль; когда все закончится, никто не станет задавать вопросов. Все будет выглядеть так, будто появились красные, разгромили ее пристанище и унесли денежки. А кроме того, ему хотелось увидеть выражение ее лица, когда он вломится в дверь...

Он мог представить его.

Он представлял ее себе весь следующий день, когда звонил Карни и Фромкину и просил их приехать около девяти.

— Есть для вас небольшое дельце, — сообщил он. — Расскажу, когда увидимся.

И когда они появились, ее лицо все еще стояло у него перед глазами. Он настолько углубился в свои мысли, что Фромкин и Карни заметили, что с ним не все ладно.

— Что тут у тебя? — поинтересовался Карни.

Винсент только рассмеялся.

— Надеюсь, у вашего «кадиллака» хорошие рессоры, — ответил он. — Возможно, вам придется тащить в город немалый груз.

— Ну? — настаивал Фромкин.

— Не спрашивайте. У меня есть кое-какое добро, хочу его продать.

— Где оно?

— Я сейчас за ним схожу.

Больше он ничего не сказал. Велел им тихо сидеть в доме и ждать его возвращения. Они могут угоститься выпивкой, если хотят. Он будет через полчаса или около этого.

Затем Винсент ушел. Он не намекнул им, куда направляется, и специально обошел вокруг дома, на тот случай, если бы они вздумали подсматривать. Затем, пройдя обрат-

но по собственным следам, пошел по улице к коттеджу. В окне спальни мерцал свет — настало время блудному сыну вернуться домой.

Теперь он мог дать себе волю, вообразить все. Как она будет выглядеть, когда откроет дверь, как она будет выглядеть, когда он схватит ее халат и сорвет его, как она будет выглядеть, когда...

Он даже забыл о золоте. Ну что ж, деньги не имеют значения. Дьявол с ними, с деньгами. Он их тоже получит, да, но самое важное — не это. Он покажет ей, кто он такой. Она узнает это, прежде чем умрет.

Винсент усмехнулся. Его усмешка стала еще шире, когда он заметил, что свет в спальне замигал и погас. Она собирается ложиться спать на своем золотом ложе. Тем лучше. Теперь ему не придется даже стучать. Он просто взломает замок, взломает очень тихо и застанет ее врасплох.

Но оказалось, что даже в этом не было необходимости. Дверь была не заперта. Винсент очень осторожно вошел, ступая на цыпочках; в окно светила луна, помогая ему найти дорогу, и в горле его снова появился этот комок, но на этот раз не от растерянности. Он прекрасно понимал, что делает и что собирается сделать. Он задыхался от возбуждения: он представлял ее лежащей там, на кровати, обнаженной, на груде золота.

Он *видел* ее.

Винсент открыл дверь спальни; штора была поднята, и лунный свет падал на кровать, на белое тело, огненные волосы и мерцающее золото, и это было еще лучше, чем он представлял себе, потому что это было настоящее.

Затем ледяные зеленые глаза открылись и уставились на него, как тогда, у двери. Но внезапно что-то переменилось. В зеленых глазах загорелся огонь, и она, улыбаясь, протянула к нему руки. Шизики? Может, и так. Может быть, развлечения с золотом возбудили ее. Это не имело значения. Значение имели лишь ее руки, ее волосы, подобные огненному плащу, и горячие губы, из которых вырывалось тяжелое дыхание. Он знал лишь то, что золото здесь, что она здесь и что он получит и то и другое — сначала жен-

щину, а затем деньги. Он рванул свою одежду и, тяжело дыша, набросился на нее. Она каталась и извивалась, руки его скользили по монетам, а затем ногти его вонзились в грязь.

Грязь...

В ее кровати была земля. Он нащупал ее, почувствовал ее запах — и внезапно женщина набросилась на него и прижала к кровати, и он ткнулся лицом в грязь, а она скрутила ему руки за спиной. Он попытался подняться, но она оказалась очень сильной, и ее холодные пальцы плотно сжали его запястья. Он хотел было сесть, но слишком поздно: она ударила его каким-то предметом. Чем-то тяжелым и холодным, она достала это у него из кармана. «Мой собственный пистолет», — мелькнуло у него.

Должно быть, он на минуту потерял сознание, потому что, очнувшись, почувствовал бегущую по щеке струйку и ее язык, слизывающий кровь.

Она усадила его в углу и очень крепко привязала его руки и ноги к ножке кровати. Он не мог пошевелиться. Он знал, что не может, но пытался, одному богу известно, как пытался. В комнате сильно пахло землей. Запах исходил от кровати и от ее тела. Она, обнаженная, облизывала его лицо. И смеялась.

— Ты все-таки пришел, а? — прошептала она. — Ты не мог не прийти, верно? Что ж, ты здесь. Здесь ты и останешься. Будешь у меня вместо домашнего животного. Ты большой, жирный. Ты протянешь долго, очень долго.

Винсент попытался убрать голову. Она снова рассмеялась.

— Все произошло не так, как ты планировал, не правда ли? Я знаю, зачем ты вернулся. За золотом. Золото и землю я привезла с собой, чтобы спать на них, как делала у себя на родине. Я сплю на них целый день, но ночью бодрствую. И я знала, что, когда я проснусь, ты будешь здесь. Никто никогда не найдет нас, не помешает нам. Хорошо, что ты такой сильный. Много ночей пройдет, прежде чем я покончу с тобой.

Винсент обрел дар речи.

— Нет, — прохрипел он. — Я не думал... Ты издеваешься надо мной, ты беженка...

Она опять расхохоталась:

— Да. Я беженка. Но не *политическая*.

Она убрала язык, и Винсент увидел клыки. Ее длинные белые клыки, сверкающие в лунном свете, приближающиеся к его шее...

Карни и Фромкин, ожидавшие в доме, собирались садиться в «кадиллак».

— Он не появится, точно, — сказал Карни. — Смоемся, пока не началась какая-нибудь заваруха. Что бы он там ни задумал, дело сорвалось. Я понял, что сорвется, сразу, когда увидел его лицо. Он странно выглядел, словно чокнутый.

— Да уж, — согласился Фромкин. — Что-то не в порядке со стариной Винсентом, это точно. Хотел бы я знать, чем он занимался в последнее время.

КРИСТОФЕР ФАУЛЕР

Легенда о Дракуле как телепроект

Кристофер Фаулер живет и работает в центральном Лондоне, он возглавляет расположенную в Сохо коммерческую кинокомпанию Creative Partnership, которая занимается производством сценариев для телевидения и радио, документальных фильмов, анонсов и рекламных киножурналов. В свободное время он пишет новеллы и романы и, кроме того, ведет постоянную колонку, посвященную кино, в журнале Third Alternative.

Среди его книг такие романы, как «Мир крыш» («Roofworld»), «Руна» («Rune»), «Кровавая невеста» («Red Bride»), «Самый мрачный день» («Darkest Day»), «Негодяй» («Spanky»), «Сайковиль» («Psychoville»), «Разлад» («Disturbia»), «Сохо в темных тонах» («Soho Black»), «Кальян» («Calabash»), «Аншлаг в пустом театре» («Full Dark House»), «Пластик» («Plastic»), «Резервуар» («The Water House»), а также сборники новелл «Бюро потерянных душ» («Bureau of Lost Souls»), «Переполох в городе» («City Jitters»), «У кого ножи острее» («Sharper Knives»), «Зияющие раны» («Flesh Wounds»), «Демоны внутри» («Personal Demons»), «Полная версия» («Uncut»), «Дьявол во мне» («The Devil in Me») и «Одержимые» («Demonized»). Его новелла «Рабы окладов» («Wageslaves») получила в 1998 году Британскую премию в жанре фантастики, а вскоре в издательстве Telos Publishing должен выйти его новый короткий рассказ «Дышать» («Breathe»). Кроме того, Фаулер написал сценарий комикса 1997 года «Менц Инсана» («Menz Insana»), иллюстрированного Джоном Болтоном.

«Мне известно, какое это жуткое, изматывающее занятие, пытаться продать свою работу на телевидение, — признается автор. — Вы месяцами преследуете недалекого выпускающего редактора, пытаясь заключить сделку, и в конце концов выясняется, что на этой должности теперь другой человек, который осведомлен еще хуже. У меня больше уважения к водопроводчикам, плотникам и водителям фургонов, потому что они, по крайней мере, понимают, чем занимаются».

«Во время очередной встречи с редакторами „Четвертого канала" по поводу „нового сериала вроде того, что делал Роальд Дал" (никто из руководителей не мог вспомнить, как он назывался, и ни один из них не читал его собственных рассказов), мне внезапно пришла в голову мысль, что это паразитические отношения, напоминающие отношения вампира и его жертвы. Voila, рассказ оправдывает свое название».

Эта поучительная история должна послужить предупреждением для всех честолюбивых сценаристов...

ДНЕВНИК ДЖ. Х.

16 июля, Нью-Йорк

Я подумал, с таким именем, как у меня, это лучшее, чем можно заняться, — что-то типа знака свыше, понимаете? Я начал это еще в школе; наверно, единственное, что я вообще начал в школе, кроме сексмарафонов на вечеринках. Успел закончить страниц семьдесят, семьдесят пять, прежде чем меня вышибли. Большинство ребят моего возраста ходили на бизнес-курсы для продвинутых: рискованная торговля не одобренными правительством химикатами и как увеличить выход продукции, воздействуя на количество дерьма с помощью слабительного порошка. Я так скажу: я этим делом заниматься не стал, потому что я белый парень и у меня нету связей. Так что можете подавать на меня в суд за то, что я не играю по местным правилам; когда я ушел из школы, у меня были планы получше.

Я хотел — я *хочу* — писать, и знал это еще в пять лет. Только не так, как в классике, потому что, скажем прямо, парню вроде меня никогда не поступить в колледж, учитывая то, что, даже если бы моей мамаше удалось раздобыть достаточно денег без того, чтобы нагреть кого-нибудь или ограбить банк (причем сомневаюсь я только насчет банка), она скорее ухнула бы их все на поездку в Вегас, чтобы увидеть Уэйна Ньютона, чем отдала мне. Так что, похоже,

придется сделать наоборот: сначала написать что-то, а потом продать каким-нибудь крутым ребятам. Отсюда мысль про мое имя, а зовут меня Харкер, Джон Харкер, как парня из «Дракулы», значит, про это и надо писать.

Понимаете, даже человек с дыркой в голове сообразит, что будущее за массмедиа. У людей появляется больше свободного времени, больше всяких технических прибамбасов для развлечения: спутниковые антенны, «ящики» с высоким разрешением, куча каналов; значит, нужно выпускать в эфир больше программ. Парни из телекомпаний перерывают архивы в поисках черно-белых комедий, которые в свое время никто не смотрел, такие они убогие; а теперь только и ищут, что бы кинуть в эфир и, подняв рейтинги, привлечь к своему каналу зрителей и рекламодателей, пытающихся забить тридцать вторую рекламную паузу для своей мази от геморроя. Так что у парня вроде меня, которого еще в третьем классе списали в клуб будущих неудачников Америки, есть реальный шанс что-нибудь им продать. Сначала пилотный выпуск, потом сериал, а потом девяносто восемь шоу, которые будут крутиться вечерами по всей стране от побережья до побережья, отражаясь в космос, чтобы идти там до скончания времен. Вот оно, бессмертие.

Но не будем торопить события. Только что я закончил убойный сценарий, новую версию «Легенды о Дракуле», рассказанную с моей точки зрения,— взгляд Джона Харкера на битву с Повелителем неупокоившихся душ. И я хочу сразу объяснить, чего мне стоил этот сценарий: когда я писал его в магазине, меня застукали и выкинули, так что с завтрашнего дня я безработный.

То есть самое время, как сказано в книге из серии «Помоги себе сам», которую я сейчас читаю, критически оценить себя.

У меня в активе здоровье, отличный рост и счастье (если для жизненного сценария, исключающего развлечения, секс и деньги, подходит такое слово). У меня есть квартира в Куинсе. Я снимаю ее с двумя парнями, которых никогда нет дома, и, чтобы платить за жилье, мне приходится полночи надрываться в магазине, где я уже, кстати, не работаю.

Пойду в другой, подумаешь, горе; зато у меня появилось время пройтись по телефонному справочнику и обзвонить каналы, чтобы узнать, кто там в каждой организации самый главный, кому я могу послать свой сценарий. Это второй набросок полнометражного телефильма, в общем, там все сказано, они разберутся, про что сюжет; так что я потратил хренову тучу денег на фотокопии и почтовые расходы и разослал двадцать три конверта по разным адресам в Манхеттене.

А потом сел и стал ждать.

Чем сейчас и занимаюсь.

9 августа, Нью-Йорк

От ожидания с ума сойти можно.

После того как я разослал все эти бандероли, радуюсь, что не потратился еще и на пейджер, потому что, откровенно говоря, мой телефон и не собирается разрываться. Сначала я думал, может, им не нравится сюжет, вся эта дьявольщина, хотя это-то как раз и есть то, что называется подтекст, основанный на человеческой природе, из этого подтекста и родился сценарий.

То есть Дракулу каким только не представляли, и так, и этак, и мужчиной, и женщиной, и черным, и белым, и нормальным, и гомиком, в мюзиклах, комедиях, мыльных операх, детских программах, во всех возможных видах на аудио-, видеокассетах, дисках, пластинках и бетакаме. А у меня своя теория. Времена изменились: мы умираем теперь не в кругу семьи, а на руках у расторопных незнакомцев. Это потому, что мы стали бояться смерти. И чем больше мы боимся, чем больше связываем свое старение с сатаной, тем больше мы стараемся подсластить легенду о Дракуле, чтобы наклеить на смерть приятную картинку.

В общем, из Дракулы сделали что-то вроде продавца высококачественного европейского дерьма. Он везде: на безалкогольных напитках, хлопьях для завтраков, куда ни плюнь. В Нью-Йорке вампиры на каждом столбе, однако темные силы лишены своей мощи. Из них сделали клоунов, и в таком виде смерть, понятно, выглядит совсем не так ужасно.

А мой сценарий, моя собственная «Легенда о Дракуле», возвращает людям то самое ощущение смертности, скоро-

течности жизни, которое и должно быть. Она возвращает этой теме настоящую серьезность и дает нам почувствовать страх смерти так искренне, сильно и глубоко, что приходится принять его и, через катарсис, снова пустить в свою жизнь.

Послушайте, вот я сижу на толчке, думаю, что мой сценарий изменит этот долбаный мир, а на самом деле не могу добиться, чтобы его прочитал хотя бы какой-нибудь начальник с телеканала. До сих пор ни одного ответа, *представляете?*

Пора уже посрать или слезть с горшка. Короче, я «сажусь» на телефон и пытаюсь достать этих ребят.

Нет, я не настолько наивный, чтобы думать, что смогу одним махом продраться сквозь всю цепь инстанций и с ходу выйти на мистера Самого-Главного-Босса. Но, по-моему, то, что я послал им сценарий, дает мне повод для разговоров, даже какое-то преимущество. В конце концов из двадцати трех бандеролей одна должна была попасть на стол нужному человеку. Я беру список и начинаю обзванивать всех по порядку: «Эн-би-си», «Эй-би-си», «Си-би-эс», «Эйч-би-оу», компанию Теда Тернера, «Кабельное телевидение», но не могу не только дозвониться до бесконечно занятых личных помощниц, этих сучек с вечным английским акцентом, я даже не могу пробиться дальше коммутаторов.

Полагаю, мой сценарий дошел до кого-нибудь из ваших рецензентов, слышу я собственный голос, на что какая-то девчонка по своему пластиковому головному телефону спрашивает меня, заказная ли это рукопись, и если нет, не мог бы я прийти и забрать ее, потому что их больше не отсылают обратно, поскольку их приходит слишком много и все вокруг ими завалено.

Просто я решил обзванивать по порядку. Начать с самых крутых, понимаете? Я, в общем, и не ждал, что мной там кто-то заинтересуется. Пора спуститься с небес и попробовать независимые компании поменьше, те, которые берутся за специальный материал. Для такой темы, как моя, не нужны крупные имена, главное — сама идея. Я сел и составил новый список, сделал еще раз фотокопии и разослал свой

сценарий; просто, если я это заброшу, мне впереди абсолютно точно ничего не светит. Правда, на это ушли все деньги, а я все еще в поисках работы. Так что я пошел к Фрэнки на ночной склад «АкьюПак» на Третьей улице, но там ничего не вышло. Я ему: Фрэнки, ты же говорил, у тебя всегда найдется для меня работа, а он сигарету о пол склада затушил и смотрит на меня молча. Повсюду сокращения, Джон, отвечает. Сейчас спад идет, разве не слышал?

Да слышал я, слышал. Поэтому и переехал недавно из Куинса в эту вонючую дыру без кондиционера на Бликер, которая стоит дешевле, поскольку ее хозяин — никчемный конченый наркот, и его подружке нужен кто-то, кто будет следить за ним и не давать ему накалываться всякой дрянью при первой возможности. Так что теперь мне каждую ночь приходится закрывать дверь в спальню, чтобы спастись от голоса Тины Тернер, поющей «Break Every Rule» в четырехмиллионный раз, прежде чем я смогу сосредоточиться на том, как пристроить свой сценарий. На этот раз я пошлю его тому, кому надо.

Я верю.

Может, потому что это все, что мне осталось.

20 сентября, Нью-Йорк

Что это за чушь с именем Роберта Де Ниро? Я не верю своим ушам. По почте снова никаких вестей, но тут никогда не знаешь, не успел ли мистер Маниакально-Депрессивный Диско-Фан добраться до ящика раньше тебя и сжечь содержимое. Я опустошаю все склянки со стимулянтами и депрессантами в шкафчике в ванной, как только он их туда ставит, но что именно он принимает, никогда не известно, потому что он врет про это. В данный момент он скачет в соседней комнате под какой-то старый альбом Дайаны Росс. Это не радость, его просто торкнуло. Сейчас 11 утра. По моим наблюдениям, он отправился в полет часов на двенадцать раньше, чем обычно.

На этот раз я решил: «Сколько можно ждать?» — и стал звонить почти сразу. Теперь у них новый дежурный ответ. Конечно, и ежу понятно, что маленькие телекомпании не

могут позволить себе модный адрес в Верхнем Истсайде, но если Де Ниро и разместил «ТриБеКа Филмз» на улице, где кругом одни склады, это не значит, что начальник любой задрипанной телекомпании может упоминать его имя, как хренов талисман. Да, говорят они, мы скромная компания, но мы очень избирательны, ведь рядом с нами работает сам Бобби (как вам это — *Бобби* Де Ниро, как будто *начальник заходит к нему на коктейли*).

А я про себя думаю: послушайте, вы можете вещать хоть из восточной Турции, мне плевать, лишь бы вы прочитали мой чертов сценарий. Ведь в этом вся проблема: что бы они там ни болтали, как правило, о самих себе и о священном уважении, с которым к ним относятся собратья по цеху, несмотря на этот дружеский тон, выясняется, что ни один из них, ни одна сволочь не прочла текст. Слишком много рукописей к ним приходит. В редакциях кипы непрошитых листков. Каждый урод, у которого есть компьютер и немного свободного времени, считает, что может написать сценарий.

Кстати, может быть, я и сам такой, но я все равно верю в свою работу. Повторяя про себя эти слова, я печатаю список номер три и иду искать, у кого бы занять денег на рассылку. Меня зовут Джон Харкер, и я рожден, чтобы сразиться с Князем тьмы. И я это сделаю.

27 сентября, Нью-Йорк

В общем, Король Диско ушел в отрыв.

Да, мой сосед умудрился поджечь себя, наслаждаясь одурманивающим эффектом каких-то поганых снадобий. В результате он в больнице, а я потерял свой сторожевой пост и остался на улице. Мне кажется, его подружку больше всего *разозлило* то, что сгорела аудиосистема. Теперь даже не на что обзванивать каналы, потому что, когда звонишь в эти компании, попадаешь в режим ожидания ответа, а прождать можно хрен знает сколько. Поэтому я сделал то, что говорил себе, что никогда не сделаю: продал пинту крови. В данных обстоятельствах, *я думаю*, это допустимо.

Непросто вести дела из телефонной будки, но это приносит свои плоды. Я начинаю рано утром и беру их теп-

ленькими, прежде чем они успевают собраться с мыслью. И вы не поверите, кое-кто из них прочитал сценарий, и он ему понравился. На самом деле, даже двоим. Оба говорят, что заинтересованы. У меня наметилась пара встреч. Да, звучит просто отлично. Однако сперва о главном. В настоящий момент у меня нет крыши над головой и нет приличной одежды. Ночью еще жарко, и я могу побродяжничать пару дней, пока что-нибудь подвернется, сходить на встречи (в конце концов, их интересует, хорошо ли я пишу, а не одеваюсь ли я от Армани) и, может быть, получить аванс.

Второй раунд за семейством Харкеров.

Добро победит.

2 октября, Нью-Йорк

Это следовало предполагать.

Первая встреча была в компании под названием «Прайм-тайм продакт», расположенной, понятное дело, рядом с Бобби. Она проходила в офисе размером с баскетбольную площадку, где меня ждал парень, пытающийся бороться с преждевременным облысением, отращивая хвостик. Оглядев меня с ног до головы и сморщив нос, он предложил мне сесть и откопал сценарий. А потом спросил, как мне идея сделать из этого получасовую комедию положений с Дракулой в качестве забавного супергероя. Я хорошенько подумал и ответил, что вряд ли это будет удачно; при этом не забывайте, говоря эти слова, я в мыслях видел себя спящим на парковой скамейке. Но он хочет выкинуть суп и оставить одну кастрюлю, а так *вообще* никуда не годится, это и младенцу понятно. Ну и все — встреча окончена, проводил меня до двери, спасибо, что зашли; мне еще пришлось попросить его вернуть мой драный сценарий, потому что меня-то он выпроваживает, а рукопись засовывает обратно на полочку за столом.

Поспать в парке не проблема: полиция больше не забирает, потому что нас сейчас слишком много, а девать некуда. От алкоголика, которого всю ночь тошнит на соседней скамейке, конечно, радости мало, но в данный момент не

стоит суетится, кроме того, я уже думаю насчет следующей встречи. У меня две рубашки, пара кедов и пара ботинок, одна футболка и отстойные джинсы, плюс нейлоновый рюкзак, в котором бритвенный набор, одеяло и копии сценария. В маминой квартире есть еще кой-какие вещи, но она сама в Атлантик-Сити под каким-то неудачником, а у меня нет ключей.

На другой день была жарища, так что я искупался и на последние пять долларов постирал рубашку. В общем, есть шанс, что я не буду выглядеть полным бомжом.

В компанию «Пауэрвижен» (хотелось бы посмотреть на того парня, который сидит и выдумывает эти названия) я пришел за двадцать минут до встречи; прошло двадцать минут после назначенного времени, а я все сижу. Потом появилась женщина и провела меня внутрь; она была так строго одета, что мне показалось, будто на ней серая картонная коробка. Она кинула на меня странный взгляд, хотя от меня даже не пахло и рубашка выглядела на пять баллов. А потом говорит, что сценарий не читала, но ей поручено его купить. Я уже начинаю прыгать от радости, но тут во мне раздается тревожный звоночек, и я спрашиваю, что она собирается с ним делать.

А она говорит, хочу отдать его нашим авторам, чтобы они его *посмотрели*. Я спрашиваю, что она имеет в виду. Это *я* автор. Если им нравится моя работа, зачем надо, чтоб ее кто-то перекраивал? Похоже, на той стадии мне еще не полагалось открывать рот, потому что она на меня взглянула, как будто я только что нагадил ей в тарелку с фруктами. Ну, говорит, ваше произведение чересчур мрачное. Готическую стилистику можно сохранить, но это должно быть весело. Можно оживить образ Дракулы, придумав ему какого-нибудь закадычного друга со странностями. Я заметил, что мы можем взять одного героя из книги, и увидел, как ее передернуло на слове «мы». Ренфилд, говорю. Интересный персонаж. А какой он, спрашивает. Я объясняю, что сумасшедший и ест мух. А она отвечает: только, мол, не на телевидении, если мы хотим привлечь семейную аудиторию. И еще нужно сменить название. У нас уже есть новое. «Клыки на миллион».

Что было дальше, вы понимаете. По крайней мере, эта встреча длилась дольше, чем первая, в основном потому, что она начала ее позже назначенного времени.

На обратном пути я снова сдал кровь, теперь у меня есть немного наличных, но, скажу вам, мне от этого дела приходится очень туго. Завтра, может, попробую подъехать к паре знакомых ребят и одолжить у них денег. Потом, наверное, снова начну звонить.

Семейство Харкеров в нокдауне, сатана выходит вперед. Где же эта сука Ван Хельсинг, когда он тебе нужен?

19 октября, Нью-Йорк

За последние пару дней погода изменилась. Центральный Парк и в лучшие времена не может похвастаться особо свежим видом. Даже весной зелень выглядит пыльной, а сейчас она просто бурая. Об осени в этом городе невозможно написать ничего лирического. В Новой Англии еще может быть, но не здесь. Не могу поверить, что я все еще сплю под открытым небом. Становится слишком холодно, чтобы проводить всю ночь на улице. Пока было жарко, я делал одну умную вещь — берег лицо от солнца. Стоит в Нью-Йорке приобрести загар, и ты автоматически выглядишь, как бомж, если нет приличной одежды.

Ни у кого из моих знакомых нету лишних денег, но я не собираюсь клянчить. Я Си-Си так и сказал: либо отрабатываю, либо никак. Меня всегда учили, что бесплатно никто катать не будет. Он засмеялся и сказал, что думает точно так же. Си-Си работал в кафе на Бликер, но его уволили, и он снова начал трахаться за деньги. Для того чтобы заниматься этим делом в наши дни, я думаю, нужно быть в полнейшей заднице, а я еще не там. Пока.

Проблема в том, что я не могу получать социальное пособие, потому что недостаточно давно сижу без работы, и теоретически моя мамаша еще может помочь. Она сейчас наверняка в каком-нибудь мотеле, в поясе с подвязками, на коленях отрабатывает свой проигрыш в «блэкджек» в казино «Трамп», но пойди попробуй найти того, кто этому посочувствует. Я тут подредактировал немного свой сценарий, внес кое-какие изменения, которые должны им понра-

виться. Плохо то, что у меня нет доступа к пишущей машинке. Все написано от руки, а в телекомпаниях такое не принимают.

Я довел сдачу крови до уровня высокого искусства: моя карточка участвует теперь в системе очередности. Дело в том, что нельзя снова сдавать кровь, пока она полностью не восстановится, для этого на карточке ставят штамп с датой; но некоторые из нас ходят в разные клиники по карточкам друг друга. Это экономит пару дней и совсем не вредит, если нормально ешь.

Думаю, сейчас моя жизнь достигла самой низшей точки. Теперь может быть только лучше. Позвонил даже как-то своей мамаше, но никого не было дома. Я уже все ноги стер до задницы, ходя по списку из одной уродской компании в другую, чтобы встретиться с кем-нибудь, с кем угодно, кто мог бы помочь. Баста; я побывал везде, кроме порностудий, и из всей этой мутотени вынес единственную стоящую зацепку: я прочел, что какая-то богатая галерея в Нохо только что профинансировала создание новой телекомпании, которая будет заниматься независимыми проектами для кабельных сетей. Я занес им сценарий, через неделю позвонил, и они назначили мне на завтра. Схожу, но особых чудес не жду. Начинает темнеть, и парк все больше напоминает мне Трансильванию.

23 октября, Нью-Йорк

У Макса Баркли столько же букв в имени и фамилии, сколько и у Ван Хельсинга[1], и почти столько же возможностей. Такое ощущение, как будто он только что запрыгнул на трапезный стол и сорвал портьеры, низвергнув чистый утренний свет на распростертую фигуру Князя. В каком-то смысле именно это он и сделал. Просто спас мне жизнь, иначе не скажешь. Отмотаем три дня назад.

«Уорлдвью Ти-Ви» оказалась довольно модным местечком, расположенным в таком районе, где членов правления, одетых как боги, и бомжей, валяющихся в дверях и писающих себе в штаны, разделяет только сантиметров три-

[1] Max Barclay — Van Helsing.

дцать бетона и окно. Служащий в приемной попался нормальный: оглядел меня с ног до головы, но охрану вызывать не стал, и очень кстати, потому что видок у меня был, как будто на меня только что напали в парке. Потом подходит этот мощный парень, наверное бывший футболист, начинает трясти мне руку как сумасшедший и говорить, как ему понравился сценарий.

И как он хочет его поставить.

И безо всяких поправок.

Так что вот такие дела. Еще нужно время, чтобы решить вопрос с контрактом, но все будет в порядке. Есть и плохая новость: пока нет контракта — никаких ссуд, но ничего, перед рассветом всегда бывает самая темень. Этот сценарий — мой осиновый кол, а теперь я нашел человека с кувалдой. Вместе мы пригвоздим подонка.

27 октября, Нью-Йорк

Пока никаких новостей.

Сегодня звонил Максу, обсуждали проблемы со сценарием, так, пустяки. Говорит, что скоро, наверное, сможет пробить мне какой-то аванс. Не хочу, чтобы он знал, что я все еще живу в парке. Это только создаст между нами ненужные напряги, он будет думать, что я придурок какой-то. Я хочу, чтобы все было как надо. В один прекрасный день буду смешивать коктейли в доме под необожженный кирпич на своем ранчо в Бель-эйр и рассказывать детям, как трудно было пробиться в шоу-бизнес; по крайней мере, это будет честно.

Мой день настанет.

11 ноября, Нью-Йорк

Я позвонил Максу и рассказал ему о своих финансовых трудностях. Пришлось засунуть свою гордость на некоторую глубину, но я так долго не протяну. Он радостно предложил мне встретиться и пропустить по стаканчику, но я не мог показаться ему на глаза в своем задрипанном виде, слишком это жалкое зрелище. У меня нет ни денег, ни чистой одежды. На улице стоит такой дубачина, что даже про-

битые парковые бомжи свалили куда-то, бог знает куда. Может быть, они просто замерзли и их завалило листьями. Может, и со мной случится то же самое, если я в ближайшее время не поем пару раз как следует.

Макс сказал, есть одна вещь, о которой он раньше забыл упомянуть: он должен представить сценарий своему руководству. С учетом его рекомендации, они никак не могут его завернуть, но это затянет дело. Он не виноват, он же не в курсе, каково мне тут приходится. А я не собираюсь *говорить ему больше, чем уже сказал.*

18 ноября, Нью-Йорк

Как раз тогда, когда я думал, что «доход» у меня уже ниже некуда, какой-то надутый вонторез в клинике сообразил, что́ мы делаем с донорскими карточками. Пару дней назад температура воздуха выпала из нижнего конца термометра, и мне пришлось переместиться в метро. Воздух здесь теплый и вонючий. В нем чувствуется зараза. Но люди еще хуже. Опасные, как будто обычные законы им под землей не указ.

Си-Си сказал, что я могу пожить у него, квартирка неплохая, он сможет достать мне какие-нибудь тряпки и денег на жизнь. *Все, что от меня нужно, это взять у него пару лишних клиентов.* Он говорит, с таким телом, как у меня, вполне можно было бы зарабатывать двести-триста долларов *за ночь. Я ответил, что дела мои плохи, но я еще* просто не готов пойти на такое.

Говорю себе, что я человек, сильный духом. Настоящий Харкер. Борец за правое дело. Поэтому, вместо того чтобы просыпаться в мягкой постели, смотрю на город через эту долбаную решетку.

30 ноября, Нью-Йорк

Я знаю их номер так хорошо, что набираю его во сне: Ждите. Скажите добавочный. Ждите. Будьте добры Макса Баркли. Ждите. В прошлый вторник я снова разговаривал с помощницей, Стефани из Лондона. Очень вежливая. Макс уехал на Гавайи на две недели, разве он не сказал мне, что берет отпуск?

Нет, твою мать, не сказал.

Я объясняю ей, что не пытаюсь ее достать, все, что мне нужно, это поддержка, какие-нибудь слова, которые подкрепят мою веру. Я верил — и *верю* — в свой сценарий. Макс тоже так говорит, но он и пальцем не пошевелил, чтобы это доказать. Похоже, руководство было не совсем в восторге. Придется внести несколько небольших изменений. Хорошо, я это переживу, только давайте сначала разберемся с контрактом, а потом обсудим изменения.

Изменения. Боже милостивый. Я живу у Си-Си. Когда пошел снег и в метро повалили разные психи, полицейские выкинули нас на улицу, и я понял, что наконец время пришло. Я больше не мог сдавать кровь. Мой вес не превышал 55 килограммов. Я стал похож на соломинку. Си-Си предложил неплохие условия, хотя мне это дорогого стоит. Я обслуживаю не больше одного клиента за ночь; ничего, жить можно. Если кто не хочет надевать резинку, спускаю с лестницы. Когда я *это* делаю, отключаю голову. Боюсь позволять себе думать. Эта часть моей биографии останется в самом дальнем ящике.

В сценарии появилась новая сцена.

В зале, при слабом свете огня, видна фигура Князя, который делает шаг вперед. Ростом он на голову выше, чем библиотекарь. Он осторожно берет Харкера за подбородок своими бледными, клиновидными пальцами и изучает, будто паук, исследующий новый вид мухи. Холод, идущий от его мертвых глаз, пробирает Харкера до костей. Юноша на самом деле находится лицом к лицу со смертью. Он чувствует, как в его организме отмирают клетки от пристального взгляда вампира и мозг постепенно немеет. Он знает, что, если в этот самый миг Князь захочет забрать его жизнь, он и в самом деле умрет. Все тело быстро цепенеет. Воля уходит, как кровь, вытекающая из глубокой раны. Сознание угасает, и вместо него приходит новое захватывающее ощущение, ничего общего не имеющее со страхом: это восторг пробуждения, и Харкер наконец постигает ночь, вечную ночь...

И тут Князь отпускает его, отводя свой пристальный взор. Он даровал своему врагу долгий, безмятежный взгляд в самую бездну. Однако открывшийся Харкеру вид сделал его сильнее, поскольку подарил ему дружбу со смертью. Он дал ему возможность обрести свободу.

Эта мысль поддерживает меня.

22 декабря, Нью-Йорк

Макс говорит, что со мной сложно, что у меня слишком идеалистические взгляды, что никто не может оставаться в первозданном состоянии. Видимо, это он насчет сценария. По крайней мере, он вернулся из отпуска, у меня появилась кос-какая одежда, и мы наконец-то встретились. Пили краснос вино в модной забегаловке для телевизионщиков на Амстердам, вокруг повсюду мигающие телеэкраны. Да, говорю я, за мной еще никогда так долго не ухаживали, прежде чем трахнуть, а он смеется. Обещает, что контракт будет заключен после Рождества, когда юридический отдел «Уорлдвью» наконец уладит все с «Брэм Стокер эстейт» и всеми остальными типами, которые предъявляют претензии к персонажу, считая, что у них эксклюзивные авторские права. Пора бы уже, отвечаю, потому что, если дело пойдет так и дальше, мы не сможем вознаградить всех правообладателей за их доброту. Он снова смеется, говорит, что я сегодня в ударе.

Если Макс и заметил, что у меня потихоньку съезжает крыша, пока я жду, когда все срастется, то не подает виду. Пожелав мне счастливого Рождества, он выходит на заснеженную улицу, шарф свободно лежит у него на плечах — такой весь из себя уверенный. А я не хочу уходить из бара. Уйти отсюда значит покинуть это теплое место и отправиться обратно к Си-Си. Снова за работу. Теперь, по крайней мере, у меня есть силы, чтобы это вынести.

Семейство Харкеров будет отомщено.

16 января, Нью-Йорк

Почему же все перемены происходят у меня? А он остается неподвижен, как силуэт на крепостном валу, как тень в дверном проеме. Я приспосабливаюсь, чтобы выжить.

А он продолжает существовать, не претерпевая никаких изменений, всегда выходя победителем, стоя в своей накидке, облегающей его элегантную фигуру, наподобие доспехов. Несокрушимый. Неподвижный.

Это несправедливо.

Си-Си умер. В сочельник он пошел в какой-то новый модный клуб, и там его видели в последний раз. Полицейские говорят, что его ограбил клиент в «Адонисе» около двух часов ночи на Рождество. По идее, он не должен был умереть, но он слегка набрался, принял пару таблеток, и от удара о землю у него что-то случилось с шеей. Так и не пришел в сознание. Полицейские спрашивали меня, есть ли у него родственники. Мне даже в голову никогда не приходило, что у него ведь были родственники.

Как это одиноко, умереть в рождественское утро.

* * *

Си-Си всегда говорил, что я могу жить у него. Он знал, что я не люблю работать с клиентами. Он хотел помочь мне, поэтому разрешал у него жить. Он больше никому этого не разрешал. Я пошел к нему в спальню собрать его вещи, а там как в детской. Медвежата, плакаты с кинозвездами. На следующий вечер я вернулся и обнаружил, что замки сменили. Хорошо бы, он кому-то там тоже сказал, что мне можно здесь жить.

Я позвонил Максу спросить насчет контракта, но его не было на месте, а помощница-англичанка не хотела давать мне его домашний номер телефона. И тут я услышал, что плачу в трубку. Поганая, жалкая сцена.

Вернуться на улицу было шоком. Когда я доберусь до Макса, я скажу ему, чтобы он занялся делом или пошел на хрен. Я спрошу, можно ли мне пожить у него, пока я работаю над сценарием. Надо назвать мое чертово произведение «Графу на растерзание», потому что скоро я буду примерно в таком состоянии, если он откажет.

Я на что угодно готов, чтобы выбраться из этой ситуации, честное слово.

На что угодно.

24 января, Нью-Йорк

Я нежить. Я так себе это представляю. Человек, увязший в неизвестности. Я живу, хотя на самом деле уже умер. Тьма воцарилась, и Харкер побежден. Теперь и навеки.

Чтоб ты сдох, Макс. Где бы ты ни был, чтоб тебя отымели. Ты мог бы мне сказать, ты должен был знать. Прежде чем уйти с работы, нужно ведь хоть немного подготовиться. Невозможно просто взять и свалить. Помощница говорит, что он уехал в Лос-Анджелес и она не знает, где он сейчас находится. Она не смогла бы сказать правду, даже если бы ее чертова жизнь от этого зависела. Лгать входит в список ее обязанностей.

Нового парня зовут Файнштейн.

Прежде чем мне удалось с ним поговорить, я звонил столько раз, что он наконец вынужден был это сделать. Он сказал мне, что в первую очередь, как только получил должность, заморозил все проекты Макса. Ему нужно определить рамки бюджета на следующий сезон, и он не намерен торопиться. Требуется некоторое время, чтобы установить приоритеты рынка. Это не значит, что у моего сценария нет никаких перспектив. К этому моменту я понял, что либо он раньше был подрядчиком, либо он не в состоянии двух слов связать без тележаргона.

И говорю ему, что в настоящее время я нахожусь в состоянии острого финансового кризиса и могу не дожить до того момента, когда у него появится возможность изучить мой шедевр. Может быть, я смогу позвонить ему через день.

От удивления он согласился. Но не через день. Через неделю.

Неделя. Дни, часы, минуты.

Ночи.

Я больше не работаю над сценарием. Не могу, потому что какой-то засранец подрезал в метро мой рюкзак, а в нем была последняя копия. Сейчас три часа утра, температура сильно ниже нуля, и я бьюсь за клиентов на Сорок второй улице.

Боже мой, это настолько ниже моего достоинства; я в ужасе. У меня насморк, который никак не проходит; еще

у меня есть мечта, которая все не умирает. А лучше бы умерла. Лучше забыть о ней.

Может быть, я все это время сражался не на той стороне. В конце концов, мой тезка в книге нашел свою погибель, а для графа это было только началом карьеры.

Говорят, людей в нем привлекает темнота.

Мне она никогда не казалась привлекательной, до сих пор.

31 января, Нью-Йорк

Еще пару дней, говорит он мне.

Нужно прочесть столько сценариев, а он должен быть беспристрастным ко всем. Сказал позвонить ему в конце недели; обещал, что, так или иначе, даст ответ. Секретарша говорит ему, что мой сценарий лучший из всех, которые она когда-либо читала, а она не первый день в бизнесе.

А я стою в телефонной будке и слушаю все это.

Холод такой, что я не чувствую, где заканчиваются ноги, а где начинается тротуар. У меня в кармане два доллара, на губе герпес, и на улице ни одного клиента. Пару ночей я провел в квартире этого парня, Рэнди, но оказалось, что он действительно хотел избить меня ремнем с шипами, и я сделал ноги. Это стоило хороших денег, но, блин, у меня тоже есть гордость. Это шутка такая. Передо мной на мониторе объявление, какая-то шлюха приглашает парней поработать, и я думаю: ладно, хоть согреюсь. Такое странное чувство, как будто я перешел какую-то грань.

Я больше не могу сдавать кровь. Не берут. Сказали, испортилась. У меня теперь плохая кровь. Я сказал врачу, что меня избили, но он не врубился. Осталось два дня. Тьма перед рассветом. Это будет спасение на краю бездны, скажу я вам.

Не нужно было тягаться с ним, Джонатан.

2 февраля, Нью-Йорк

Вокруг телефонной будки снег на полметра, а у меня руки вспотели.

Заготовил полный карман четвертаков, и, оказалось, не зря, потому что они держали меня в режиме ожидания от-

ста десять минут, за которые я успел прослушать три песни из мюзикла «Саут Пасифик». Потом его не было на месте. Еще пару минут им потребовалось, чтобы его найти. Я стою и думаю: все нормально, это нагнетание напряжения, это добавит смака новостям.

И точно, так и было.

Мне очень не понравилось, говорит он мне. Не «извините за то, что измотал вам нервы в говно» или «может быть, вы еще что-нибудь для нас напишете». Просто: «Мне *очень* не понравилось». Но это еще не самое классное. Он делает паузу, чтобы я мог промычать что-нибудь в знак благодарности за его мнение. А потом говорит, что я не должен забывать ключевые слова канала, а именно «оптимистический» и «ободрение». Зрители, говорит, не хотят видеть такое, эта история чересчур угнетающая. Им нужно внушать, что все хорошо. В следующий раз я не должен упускать это из виду.

Наверное, я мог бы поднять крик, но я только сказал тихо: «Не будет следующего раза», и повесил трубку.

По крайней мере, все кончилось. Я даже вроде лучше себя чувствую. Не знать было более мучительно, чем я предполагал. Да, мне стало лучше. Я выхожу из будки, слегка пошатываясь, зато снаружи светит солнце. Нужно было попросить его вернуть сценарий, но что-то во мне сказало «нет». Битва проиграна. Вот и рассвет.

Нужно раздобыть новую куртку. Эта слишком тонкая. У меня от холода яйца отваливаются. Карманы рваные. Надо привести себя в порядок. Начну с этого. Сначала куртка. Потом все остальное.

По крайней мере, я сразился с этим ублюдком, так ведь?

Пускай я не победил, зато заставил его лишний раз здорово попотеть, без вопросов.

А разве что-нибудь еще можно сделать?..

РИЧАРД КРИСТИАН МЭТСОН

Вампир

Ричард Кристиан Мэтсон — сын ветерана научной фантастики и фэнтези Ричарда Мэтсона. Автор романов и рассказов, он также выступил в качестве сценариста и продюсера более 500 эпизодов телевизионных сериалов, ставших хитами, и стал самым молодым писателем, когда-либо заключавшим контракт с Universal Studios.

Дебютный роман Мэтсона «Создано таким-то» («Created Bg») увидел свет в 1993 году и имел огромный успех, а его рассказы и новеллы составили два сборника, «Шрамы и другие особые приметы» («Scars and Other Distinguishing Marks») и «Дистопия» («Dystopia»). Сейчас Мэтсон закончил второй роман и вовсю работает над третьим.

Помимо разработки нового реалити-шоу для Fox TV за последнее время Мэтсон написал сценарии для нескольких художественных фильмов, для телевизионного пилотного проекта по заказу Showtime Networks и сценарий для фильма «Хроники Амбера» по циклу Роджера Желязны. Мэтсон продолжает играть в качестве ударника в блюз-роковой группе «Smash-Cut» вместе с Грегом Спектором и Престоном Стордженом-младшим. В настоящее время группа работает над дебютным альбомом и выступает в клубах Лос-Анджелеса.

«Я всю жизнь играю на ударных, — объясняет автор „Вампира". — Как и любая иная форма творчества, ударные очень разнообразны. Однако со временем технику оттачиваешь и оживаешь — начинается наплыв эмоций, вступают глубинные, потаенные ритмы твоего „я". Для новичка ударная установка таит поистине завораживающие чары, его парализует и в то же время прельщает бесконечная широта выбора, и в какой-то момент кажется, что под этой туго натянутой кожей барабанов дремлет самая суть „классности", некая тайна универсальной крутизны, которую способны пробудить только кленовые палочки барабанщика. Но понимание приходит с опытом, и постепенно ты неизбежно постигаешь, что самая потрясающая дробь — та, что не прозвучала. Это мистический эффект, несомненный, хотя и алогичный. Лучшее — всегда

то, что ты сыграешь завтра. У меня ушло почти сорок лет на то, чтобы приобщиться к этой тайне, пройти путь от музыкальной гусеницы через куколку к бабочке, и путь этот почти идеально совпал с моим путем писателя, с пониманием того, что самая красноречивая фраза — непроизнесенная. Самые звучные ноты — паузы, умолчания.

И это подводит меня к „Вампиру".

Исходный набросок, не поверите, занимал двенадцать страниц. Потом я переделал его, понимая, что вещь слишком длинная и изобилует подробностями. Я вновь пустился редактировать текст, временами впадая в немилосердный транс, и вот наконец остался только костяк, самое необходимое, текст, где паузы и умолчания говорят больше слов, поток сознания, бегущий галопом, быстрая дробь — первое стаккато барабанных палочек. Костяк, лишенный плоти.

Хотя ярые критики этого рассказа вряд ли согласятся со мной, но я все-таки скажу: „Вампир" — не стихотворение. Богемным жестом я отмел форму, но не создавал диковинку. Скорее, можно сказать, что „Вампир" оказался достаточно жизнеспособным, чтобы выжить под моим суровым пером.

Словом, перед вами каденция, пульс, своего рода соло на ударных — только буквами и на бумаге; соло, двигатель и топливо которого — умолчания, неназванные детали.

Иногда отсутствие и есть присутствие».

«Вампир» — самый короткий рассказ в этой книге. Но в то же время и один из самых мощных.

Ночь. Человек. Дождь.
Жажда иль голод — боль.
Поиск. По следу. Чутье.
Он за рулем. Быстрей.
Лужи. Несется авто.
Скорость. Еще быстрей.
Радиоголос звучит.
Новости. Новости. Где?
Катастрофа. И кровь.

Столкновенье машин.
Неподалеку совсем.
Маленький городок.
Много ли жертв, нет?
Лужи блестят, блестят.
Жажда. Я стражду. Пить.
Скорость прибавить еще.
Как. Минуты. Ползут.
Лужи. Летит авто.
Вот он на месте. Парк.
Спрятаться и смотреть.
Трупы. Кровь. Это кровь.
Черным лаком блестит.
Черная при фонарях.
Вот зеваки — толпа.
Воют сирены вокруг.
Ждать. Затаиться и ждать.
Ждать и страдать. Терпи.
Час. Он сидит и ждет.
Два. Сигарета. Боль.
Дымом голод унять.
Горечью горло набить.
Термос. И кофе жжет.
Горечь. А кровь солона.
И сладковата она...
Вкус смерти чужой
Его ни с чем не сравнишь.
По лбу катится пот.
Ждать. Сигарету еще.
Испарина и тошнота.
Уличные огни.
Вой полицейских сирен.
«Скорая помощь». Здесь.
Блеск у зевак в глазах.
Жадный, голодный блеск.
Носилки и простыни.
Красное белым закрыть.
Плоть. Истерзана плоть.
Смерть. Мурашки. Озноб.

Так, тики-так. Ждать.
Час. И два. Или три.
В горле ком тошноты.
Ждать. Затаиться и ждать.
Вонь в авто — это пот.
Пот и въевшийся дым.
Бесчисленных сигарет —
Цепочкой погасших огней.
«Скорая» едет прочь.
Покореженный автомобиль
Грузовик на себе увез.
Труповозка. Мешки.
Черный полиэтилен.
Черный. Блестит. Блестит.
Вжик. Увозят. И вслед.
Смотрит. Жадно. Толпа.
Кто-то плачет. Не все.
Зеваки. Вспышки. Они
Примчались, чтоб это снять.
Газетчики. Нюх у них.
Ну вот, опять тишина.
Дождь припустил сильней.
Улицы все пусты.
Пьяный, шатаясь, прошел.
Воздух сырой. Туман.
Вновь он остался один.
Так, оглянуться. Тишь.
И тела увезли.
Хлопает дверца авто.
Как затекла спина.
Выйти. Бочком подойти.
Глянуть — сначала вскользь.
Нет, не спешить, не спешить.
Так, постоим. Вперед.
Парк. И вокруг дома.
Спят. И окна молчат.
Мертвый город. Вперед.
Вот оно. Мел и кровь.
Кровь. И как бел мел.

Контур. Мокрый асфальт.
Ближе. Шаг. Еще шаг.
Контур. Перешагнуть.
Внутрь вступить. В кровь.
О, не спешить, впивать.
Взглядом, кожей самой.
Чувствовать. Ощущать.
Ноздри раздув, стоит.
Веки прикрыл, молчит.
Сосредоточься. Что?
Выдох и вдох. Есть!
Женщина. И испуг.
В зеркальце лобовом.
Вспышка чужих фар.
Туша грузовика.
Взрыв и жуткая боль.
Скрежет металла. Вой.
Крик. Столкновенье. Смерть.
Столб огня в темноте.
Время, замри, замри.
Сосредоточился. Так.
Как воду губкой впивать —
Смерть, ужас и кровь.
Голод насытить свой.
Вижу, я вижу смерть.
Я исцеляюсь так.
Чтобы продолжить жить,
Я выпиваю смерть.
Я поглощаю боль.
Ужас я жру и страх.
С каждой секундой сильней.
Кровь с асфальта лизать —
Столько сил не придаст,
Как просто стоять и смотреть
В прошлое. В никуда.
В то, чего уже нет.
Вновь и вновь прокручу.
Ужас. Крики и боль.
Кровь. Столкновенье. Смерть.

Вот он, наркотик мой.
Я. Насыщен. Вполне.
Мне. Тепло. Хорошо.
Дозу. Свою. Получил.
Ломка. Моя. Прошла.
Да, привычка сильна.
Смерть — это жизнь моя.
Кровь чужая — мой хлеб.
Мне на асфальте пир
Приготовила смерть.
Вот облегченье пришло.
Все. До капли. До дна.
Все. Пора уходить.
Обратно садится. Мотор.
Тронул авто. Дождь.
Улицы как блестят.
Черный и мокрый блеск.
Все мерещится кровь.
Спи, городок, спи.
Карту он достает.
Картой в авто шуршит.
В безопасности. Прочь.
Он насыщен вполне.
Сигаретку еще.
Ветер впустить в окно.
Радио что жужжит?
Поиск. Где еще смерть?
Где еще взрыв и кровь?
Удары ножом? Боль?
Он по следу идет.
Чует, что где-то смерть.
Где-то пожива ему.
Где-то смерть — чтобы жить.
Скоро. Чуть потерпеть.
А пока что — он сыт.

ХЬЮ Б. КЭЙВ

Страгелла

Хью Б. Кэйв родился в 1910 году в Честере, Англия, но вместе с семьей эмигрировал в Америку, когда ему еще не исполнилось и пяти. В 1929 году, будучи редактором отраслевых журналов, он продал свой первый рассказ «Остров божьего суда» («Island Ordeal») журналу «сенсационных» рассказов «Короткие истории» («Brief Stories»). Кэйв показал себя изобретательным и плодовитым писателем и вскоре стал постоянным сотрудником таких изданий, как «Strange Tales», «Wierd Tales», «Ghost Stories», «Black Book Detective», «Thrilling Mysteries», «Spicy Mystery Stories», а также в нагоняющих страх «Horror Stories» и «Terror Tales».

Затем он стал проводить зимы на Гаити и Ямайке, и после того, как написал несколько высоко оцененных читателями книг о путешествиях и ряд повелл об этих двух странах Карибского бассейна, его фантастика начала регулярно появляться в «The Saturday Evening Post» (сорок шесть рассказов) и многих других «глянцевых» журналах.

В 1977 году издательство Карла Эдварда Вагнера «Carcosa» опубликовало увесистый том лучших «рассказов ужаса» Кэйва «Марджанстрамм и другие» («Marginstrumm and Others»), получивший Всемирную премию фэнтези как лучший сборник, и Кэйв вернулся к этому жанру с рассказами, напечатанными в «Шепотах» («Whispers») и «Фантастических историях» («Fantasy Tales»), за которыми последовал ряд современных романов ужаса: «Легион мертвецов» («Legion of the Dead»), «Туманный ужас» («The Nebulon Horror»), «Зло» («The Evil»), «Тени зла» («Shades of Evil»), «Апостолы страха» («Disciples of Dread»), «Бездна» («The Lower Deep»), «Око Люцифера» («Lucifer's Eye»), «Остров шептунов» («Isle of Whisperers»), «Рассвет» («The Dawning»), «Зло возвращается» («The Evil Returns») и «Неугомонный мертвец» («The Restless Dead»).

Сборники фантастических рассказов Кэйва выходили во многих издательствах, включая Starmont House, Fedogan & Bremer, Tattered Pages Press, Black Dog Books, Subterranean Press, Ash-Tree Press, The Sidecar Preservation Society, Ne-

cronomicon Press и Crippen & Landru. Arkham House напечатало биографию автора, написанную Милтом Томасом, озаглавленную «Пещера тысячи историй» («Cave of a Thousand Tales»).

За свою писательскую карьеру Кэйв получил немало наград. Тут и Phoenix Award (1987), и Special Committee Award от Всемирного конвента фэнтези (World Fantasy Convention) (1997), и Lifetime Achievement Awards от Ассоциации писателей ужасов (Horror Writers Association) (1991), Интернациональной гильдии ужасов (The International Horror Guild) (1997) и Всемирного конвента фэнтези (1999).

Писательская карьера Кэйва растянулась на восемь немыслимых десятилетий, так что неудивительно, что все, что сам автор сумел припомнить о своей «Страгелле», это: «Полагаю, это один из рассказов, предназначавшихся для „Странных историй" („Strange Tales") и их редактора Гарри Бэйтса».

Нижеследующая новелла относится к наиболее «урожайному» периоду творчества Кэйва, это классический «вампирский ужастик», написанный в экстравагантном стиле бульварного чтива тридцатых годов.

Стояла ночь, черная как деготь, наполненная завываниями умирающего ветра, вязнущего бесформенным призраком в маслянистых водах Индийского океана, великого и угрюмого серого простора, пустого — за исключением одинокого пятнышка, то взлетающего, то падающего, повинуясь тяжелой зыби.

Этой несчастной, заброшенной в океан крошкой была корабельная шлюпка. Семь дней и семь ночей носило ее по необъятной водной пустыне вместе с ее жутким грузом. И вот теперь один из двоих выживших, стоя на коленях, смотрел на восток, туда, где над краем мира уже брезжило красное зарево рассвета.

Рядом с ним на дне лодки лицом вниз лежал второй человек. Он провел в этой позе всю долгую ночь. Даже проливной дождь, хлынувший в сумерках, дождь, наполнивший плоскодонку дарующей жизнь влагой, не заставил его пошевелиться.

Первый человек пополз вперед. Помятой жестяной кружкой он зачерпнул с брезента немного воды, перевернул своего спутника и силой влил питье в щель между пересохшими губами.

— Миггз! — окликнул он товарища надтреснутым шепотом.— Миггз! Господи боже, ты же не умер, Миггз? Я не хочу оставаться тут совсем один...

Джон Миггз приоткрыл глаза.

— Что... что случилось? — пробормотал он.

— У нас есть вода, Миггз! Вода!

— Ты снова бредишь, Йенси. Это... это не вода. Это всего лишь море...

— Это дождь! — прохрипел Йенси. — Прошлой ночью шел дождь. Я расстелил брезент. Всю ночь я лежал вверх лицом, и дождь лился мне в рот!

Миггз прикоснулся к кружке кончиком языка и с подозрением лизнул ее содержимое. А потом с невнятным вскриком проглотил всю воду. И, бессвязно бормоча что-то, пополз, точно обезьяна, к брезенту.

Йенси, рыча, оттащил его назад.

— Нет! Мы должны беречь ее, ясно? Мы должны выбраться отсюда.

Миггз сердито уставился на него с противоположного конца шлюпки. Йенси неуклюже растянулся возле брезента и снова стал вглядываться в пустынный океан, пытаясь разобраться в случившемся.

Они находились где-то в Бенгальском заливе. Неделю назад они плыли на борту «Кардигана», крошечного грузового суденышка, взявшегося перевезти горстку пассажиров из Молмейна в Джорджтаун. Возле архипелага Мергуи на «Кардиган» обрушился тайфун. Двенадцать часов стонущий корабль качался на взбесившихся волнах. Затем он пошел ко дну.

Воспоминания о последующих событиях всплывали в памяти Нелза Йенси спутанной вереницей немыслимых кошмаров. Сперва в этой маленькой лодчонке их было пятеро. Четыре дня дикой жары, без еды, без питья, свели с ума маленького жреца-перса — он прыгнул за борт. Двое других напились соленой воды и умерли в мучениях. Так они с Миггзом остались вдвоем.

Солнце засияло на раскаленном добела небе. Море было спокойным, маслянистую гладь не нарушало ничего, кроме черных плавников, терпеливо следующих за лодкой. Но ночью еще кое-кто присоединился к акулам в их адской погоне. Извивающиеся морские змеи, появившиеся словно из ниоткуда, охотились за шлюпкой, огибая ее круг за кругом: стремительные, ядовитые, мстительные. А над головой вились чайки, они то зависали в воздухе, то пикировали с дьявольскими криками, наблюдая за двумя людьми безжалостными, никогда не устающими глазами.

Йенси взглянул на них. Чайки и змеи могли означать только одно — землю! Наверное, птицы прилетели с Андаманских островов, с тех самых, куда Индия ссылает преступников. Но это неважно. Они были здесь. Эти омерзительные, опасные вестники надежды!

Рубаха Йенси, грязная и изорванная, висела на плечах расстегнутой, не скрывая впалой груди с нелепой татуировкой. Давным-давно — слишком давно, чтобы помнить, — он кутил на одной пирушке в Гоа. Во всем виноват японский ром и японский чудик. В компании с двумя другими матросами «Кардигана» Йенси ввалился в заведение, где делают татуировки, и надменно приказал япошке «намалевать все, что твоей чертовой душе угодно, профессор. Все, что угодно!» И японец, оказавшийся религиозным и сентиментальным, украсил грудь Йенси великолепным распятием, огромным, витиеватым, цветным.

Взгляд Йенси упал на рисунок, и губы его искривились в мрачной улыбке. Но тотчас же внимание его сосредоточилось на чем-то другом — на чем-то необычном, неестественном, приводящем в замешательство, — на том, что маячило у горизонта. Там низко над водой висела узкая полоса тумана, словно приплюснутая туча спустилась с неба и теперь тяжело плывет, наполовину погрузившись в море. И маленькую лодку несло туда.

Довольно скоро плотный туман уже окутал плоскодонку. Йенси встал и огляделся по сторонам. Джон Миггз пробормотал что-то себе под нос и перекрестился.

Серовато-белое, вязкое, липкое на ощупь облако не имело формы. Оно пахло — но не так, как пахнет влажный

морской туман, нет, от него исходила тошнотворная вонь ночлежки или заплесневевшего погреба. Солнечные лучи не могли пробить эту пелену. Йенси видел над собой лишь расплывчатый красный шар, притушенное око светила, заслоненного клубящимся паром.

— Чайки, — прохрипел Миггз. — Они исчезли.

— Знаю. Акулы тоже. И змеи. Мы совсем одни, Миггз.

Секунды растягивались в вечность, а лодку затягивало все глубже и глубже в туман. А потом возникло что-то еще — что-то, вырвавшееся из тумана, точно стон. Приглушенный, неровный, монотонный бой корабельного колокола!

— Слушай! — задохнулся Миггз. — Слышишь...

Но дрожащая рука Йенси вдруг вскинулась, показывая вперед:

— Ради бога, Миггз! Смотри!

Миггз с трудом поднялся, покачнув лодку. Его костлявые пальцы стиснули руку Йенси. Так они и стояли вдвоем, глядя, как бесплотным призраком иного мира вырастает из воды массивный черный силуэт. До корабля оставалась всего сотня футов.

— Мы спасены, — бессвязно пролепетал Миггз. — Слава богу, Нелз...

Йенси пронзительно закричал. Его хриплый голос распорол туман, точно вой запертого в клетку тигра, и задохнулся в тишине. Ни отклика, ни ответного крика — ни даже слабого шепота.

Шлюпка подошла ближе. Двое мужчин не издали больше ни звука. Ничего — и лишь глухой прерывистый звон загадочного колокола.

А потом они осознали правду — правду, сорвавшую стон с губ Миггза. Судно было покинуто, брошено в океане — пустое, зловещее, окутанное саваном неземного тумана. Корма задралась так, что обнажился красный от ржавчины винт, к которому прицепились гнилые водоросли. На баке, почти стертые временем, с трудом читались слова: «Голконда — Кардифф».

— Йенси, это не настоящий корабль! Он не от мира сего...

Йенси с рычанием наклонился и схватил валяющееся на дне шлюпки весло. С потрепанного корпуса корабля черной змеей свисал канат. Неловкими ударами весла по воде человек направил маленькую лодку к тросу; затем, дотянувшись до лина, он пришвартовался к темному борту.

— Ты... ты собираешься подняться туда? — со страхом в голосе спросил Миггз.

Йенси помедлил, глядя вверх изможденным, мутным взором. Он боялся, сам не зная чего. Облепленная туманом «Голконда» пугала его. Шхуна тяжеловесно качнулась на зыби, а колокол продолжал негромко бить где-то в недрах покинутого корабля.

— Что ж, почему бы и нет? — рявкнул Йенси. — На корабле, быть может, найдется еда. Чего тут бояться?

Миггз промолчал. Ухватившись за канат, Йенси принялся взбираться по нему. Тело его моталось, как труп повешенного. Вцепившись в перила, он подтянулся и перевалился через них, оказавшись на палубе; там он и стоял, всматриваясь в густую серую пелену, пока Миггз карабкался на шхуну.

— Мне... мне здесь не нравится, — прошептал матрос. — Это не...

Йенси ощупью двинулся вперед. Доски палубы зловеще заскрипели под ним. Миггз держался за спиной товарища. Так они добрались до шкафута, а потом и до бака. Холодный туман, казалось, скопился здесь вязкой массой, как будто притянутый к нему магнитом. Йенси пробирался сквозь него шаркающими шагами, вытянув вперед руки: слепой человек в страшном мире.

Внезапно он остановился — остановился так резко, что Миггз налетел на него. Йенси напрягся. Расширившиеся глаза вглядывались в палубу. Глухой, неразборчивый звук слетел с приоткрывшихся губ.

Мертвенно-бледный, непроизвольно съежившийся Миггз, взвизгнув, вцепился в плечо Йенси.

— Что... что это? — выдавил он.

У их ног лежали кости. Скелеты, увитые локонами вязких испарений. Йенси с содроганием склонился над ними, изучая останки. Мертвы. Мертвы и безобидны, но круже-

ние тумана дало им новую жизнь. Они, казалось, ползли, извивались, скользили к человеку и от него.

Некоторые походили на части человеческих тел. Другие представляли собой причудливые, бесформенные обломки. Третьи вообще непонятно как оказались тут. Тигриный череп ухмылялся голодно разинутыми челюстями. Хребет гигантского питона лежал на палубе разбитыми кольцами, скрученными, точно в агонии. Йенси опознал останки тигров, тапиров, еще каких-то неизвестных животных джунглей. И человеческие черепа, множество человеческих черепов, разбросанных повсюду, черепов с насмешливыми, живыми в своей смерти лицами, искоса смотрящих на него, следящих за моряком с каким-то адским предвкушением. Этот корабль — покойницкая, морг, склеп!

Йенси отпрянул. Ужас вновь навалился на него с утроенной силой. Холодная испарина выступила на лбу, на груди, липкие струйки потекли по вытатуированному распятию.

Он круто развернулся, стремясь к благословенному одиночеству кормы, но лишь наткнулся на лихорадочно вцепившегося в него Мигтза.

— Надо убираться отсюда, Нелз! Этот проклятый колокол — и эти штуки...

Йенси оторвал от себя руки товарища. Он пытался усмирить собственный ужас. Этот корабль — эта «Голконда» — всего-навсего грузовое торговое судно. Оно перевозило диких зверей, отловленных какой-нибудь экспедицией. Животные взбесились, вырвались, потом шхуна попала в шторм. Здесь нет ничего сверхъестественного!

В ответ ударил скрытый под палубой колокол и мягко плеснула волна, зашуршав водорослями, опутавшими днище корабля.

— Идем, — мрачно буркнул Йенси. — Я намерен здесь осмотреться. Нам нужна еда.

И он зашагал обратно к средней части корабля. Мигтз потащился следом. Йенси обнаружил, что чем ближе вздернутая корма, тем тоньше слой тумана и слабее смрад.

Люк, ведущий вниз, в трюм, оказался открытым. Крышка его висела перед лицом Йенси, как поднятая рука —

израненная, распухшая, застывшая в немом предостережении. А из проема зловеще выползала особенно странная на этом заброшенном судне лоза с пятнистыми треугольными листьями и огромными оранжевыми соцветиями. Точно живая змея, оплелась она вокруг себя, ныряя кольцами в трюм и стелясь по палубе.

Йенси нерешительно шагнул ближе, нагнулся и потянулся к одному из цветков, но тут же отпрянул, невольно зажав нос. Цветы пахли тошнотворно-сладко. Их дикий аромат не притягивал, а отталкивал.

— Что-то, — хрипло прошипел Миггз, — глядит на нас, Нелз! Я чувствую.

Йенси огляделся. Он тоже ощущал близкое присутствие кого-то или чего-то третьего. Чего-то злобного, неземного, чему не подобрать имени.

— Это все твое воображение, — фыркнул он. — Заткнись, ладно?

— Мы не одни, Нелз. Это совсем не корабль!

— Заткнись!

— И цветы — они неправильные. Цветы не растут на борту христианского судна, Нелз!

— Эта лоханка проторчала тут достаточно долго, чтобы на ней успели вырасти деревья, — отрезал Йенси. — Наверное, какие-то семена дали корни в скопившейся внизу грязи.

— Мне это не нравится.

— Иди вперед, посмотри, нет ли там чего. А я поищу внизу.

Миггз беспомощно пожал плечами и побрел по палубе. Йенси же в одиночку спустился на нижнюю палубу. Здесь было темно, полно пугающих теней и странных предметов, потерявших всю свою суть, всю реальность в клубах густого волнующегося тумана. Он медленно шагал по коридору, ощупывая стены обеими ладонями. Моряк забирался в лабиринт все глубже и глубже, пока наконец не отыскал камбуз, который оказался темницей, провонявшей смертью и гнилью. Тяжелый запах, ничем не тревожимый, словно провисел тут целую вечность. Весь корабль пропитала эта атмосфера — атмосфера могилы, — сквозь которую не мог пробиться свежий воздух извне.

Но здесь нашлась еда: жестянки с консервами смотрели на человека сверху вниз с трухлявых полок. Надписи на этикетках размылись, прочесть их Йенси не удалось. Некоторые банки рассыпáлись, стоило только до них дотронуться — распадались сухой коричневой пылью, которая тонкой струйкой стекала на пол. Другие оказались в лучшем состоянии, они сохранили герметичность. Матрос засунул четыре жестянки в карманы и повернулся к выходу.

Обратно по коридору он шагал гораздо бодрее. Перспектива скорого обеда вытеснила из головы рой неприятных мыслей, так что когда Йенси наткнулся на капитанскую каюту, он пребывал во вполне благодушном настроении.

Здесь тоже поработало время. Стены посерели от плесени, сползшей и на разбитый, покореженный пол. У дальней стены возле койки обнаружился одинокий стол — грязный, закопченный стол, на котором стояла масляная лампа и лежала черная книга.

Йенси осторожно взял лампу и встряхнул ее. Круглое основание все еще наполовину заполняло масло. Он аккуратно поставил лампу на место. Она еще пригодиться чуть позже. Нахмурившись, он всмотрелся в книгу.

Это была Библия моряка, маленькая, покрытая слоем пыли. Вид ее оставлял гнетущее впечатление. Вокруг нее, словно какой-то слизняк изучал книгу со всех сторон, оставив след своих выделений, тянулась черная смоляная полоса, неровная, но непрерывная.

Йенси поднял книгу и открыл ее. Страницы скользили под пальцами, и на пол спорхнул клочок бумаги. Человек наклонился и подобрал его, а заметив на обрывке карандашную строчку, пристальнее вгляделся в бумажку.

Тот, кто писал это, явно делал это второпях, грубыми каракулями — бессмысленная записка гласила:

«Крысы и ящики. Теперь я знаю, но слишком поздно. Да поможет мне Бог!»

Покачав головой, Йенси вложил листок между страниц и сунул Библию за пояс — она удобно прижалась к телу, успокаивая уже одним своим присутствием. Затем он продолжил разведку.

В стенном шкафчике нашлись две полные бутылки спиртного — бренди! Оставив их там, Йенси выбрался из каюты и вернулся на верхнюю палубу за Миггзом.

Миггз стоял, опершись на перила, наблюдая за чем-то внизу. Йенси устало шагнул к приятелю со словами:

— Эй, Миггз, я достал еду! Еду и брен...

Он не закончил. Его глаза автоматически последовали в направлении взгляда Миггза, и он невольно отшатнулся, проглотив слова, так некстати нарушившие напряженную тишину. На поверхности маслянистой океанской воды у корабельного борта сновали морские змеи — огромные, плавно скользящие рептилии в черных, красных и желтых полосах, кошмарные и отвратительные.

— Они вернулись, — быстро проговорил Миггз. — Они знают, что это неправильный корабль. Они вылезли из своих адских нор и поджидают нас.

Йенси с любопытством взглянул на товарища. Интонации голоса Миггза звучали странно — это совсем не тот флегматичный тон, которым коротышка обычно цедил сквозь зубы слова. Да он же возбужден!

— Что ты нашел? — пробурчал Йенси.

— Ничего. Все шлюпки висят на своих шлюпбалках. Ничего не тронуто.

— А я нашел еду, — отрывисто бросил Йенси и схватил своего спутника за руку. — Мы поедим и почувствуем себя лучше. Какого дьявола, кто мы такие — пара психов? Как только поедим, отцепим плоскодонку и уберемся с этого чертова корабля смерти и из этого вонючего тумана. Вода у нас есть в брезенте.

— Уберемся? Уберемся ли, Нелз?

— Да. Давай поедим.

И снова Йенси первым спустился вниз, на камбуз. Там, после двадцатиминутных мучений с проржавевшей печуркой, они с Миггзом приготовили еду, принесенную из капитанской каюты, в которой Йенси зажег лампу.

Ели они медленно, жадно, наслаждаясь вкусом каждого глотка, не желая заканчивать трапезу. Свет лампы дрожал на их и без того осунувшихся лицах, превращая человеческие черты в маски голода.

Бренди, извлеченное Йенси из буфета, вернуло товарищам силы, здравомыслие — и уверенность. А еще оно вернуло тот самый неестественный блеск бегающим глазам Миггза.

— Мы будем идиотами, если смоемся отсюда прямо сейчас, — внезапно заявил он. — Рано или поздно туман рассеется. Мне что-то неохота снова лезть в эту маленькую лодчонку и вверять ей свою жизнь, Нелз, тем более что мы не знаем, где находимся.

Йенси вскинул на него взгляд. Коротышка отвернулся, виновато пожав плечами, и, запинаясь, нерешительно произнес:

— Мне... мне вроде как нравится тут, Нелз.

Йенси снова заметил, как странно блеснули маленькие глазки моряка. Он быстро подался вперед.

— Куда ты отправился, когда остался один? — спросил он резко.

— Я? Никуда. Я... я просто немного осмотрелся и сорвал пару тех цветов. Смотри.

Миггз пошарил в кармане рубахи и вытащил зловещий ярко-оранжевый бутон. Когда он поднес его к губам и вдохнул смертельный аромат, лицо человека вспыхнуло порочным, дьявольским светом. В сверкающих по ту сторону стола глазах внезапно отразилась какая-то изуверская похоть.

Йенси на мгновение оцепенел, а потом вскочил со свирепым проклятием и выхватил цветок из пальцев Миггза. Смяв лепестки, он швырнул оранжевый комок на пол и раздавил его сапогом.

— Ты проклятый тупоголовый кретин! — взвизгнул он. — Ты... Да поможет нам Бог!

Он, прихрамывая и бормоча что-то неразборчивое, выбрался из каюты и, запинаясь, побрел по темному коридору на пустую палубу. Привалившись к перилам, он попытался взять себя в руки, превозмогая слабость.

— Боже, — хрипло шептал моряк. — Боже, что я такое сделал? Неужели я схожу с ума?

Ответа не последовало, ничто не нарушило тишину. Но он знал ответ. То, что он сделал там, в капитанской каюте, те бешеные слова, изрыгнутые его ртом, — они вырвались

невольно. Что-то внутри него, какое-то чувство нависшей опасности, швырнуло эти слова в воздух прежде, чем он успел удержать их. Нервы его натянулись, точно готовые лопнуть струны.

Но инстинктивно Йенси понимал, что Миггз совершил страшную ошибку. Что-то потустороннее и нечистое было в этих тошнотворно-сладких соцветиях. На кораблях не растут цветы. Настоящие цветы. Настоящим цветам надо куда-то пускать корни, и кроме того, у них не бывает такого пьянящего, дурманящего запаха. Не стоило Миггзу трогать лозу. Вцепившийся в поручни Йенси *знал* это, хотя и не понимал почему.

Он *простоял* так *довольно долго, пытаясь* все обдумать и прийти в себя. Однако в конце концов матрос почувствовал страх и одиночество и вернулся в каюту.

На пороге он остановился.

Миггз все еще был там — голова его неуклюже лежала на столе возле пустой бутылки. Он напился до беспамятства и пребывал в благословенном неведении относительно всего вокруг.

Йенси секунду сердито смотрел на товарища. Новый страх вцепился в его сердце — страх остаться одному в преддверии наступающей ночи. Он дернул Миггза за руку и яростно потряс его — безрезультатно. Пройдут часы, долгие, тоскливые, зловещие часы, прежде чем к Миггзу вернется сознание.

Расстроенный Йенси взял лампу и отправился исследовать оставшиеся части корабля. Он рассудил, что если найдет судовые документы, они, возможно, развеют страхи. Из них он узнает правду.

С подобными мыслями он отыскал каюту помощника капитана. В капитанской каюте, там, где им и место, бумаг не было; следовательно, они могут оказаться здесь.

Но нет. Тут не нашлось ничего — кроме хронометра, секстанта и других навигационных приборов, разбросанных на столе и траченных ржавчиной до полной непригодности. И еще флажков, сигнальных флажков, валяющихся так, словно ими только что пользовались и бросили. И еще груды человеческих костей на полу.

Сторонясь этой жуткой кучи, Йенси тщательно обшарил все каюту. Очевидно, решил он, капитан «Голконды» умер от неведомой чумы первым. Его помощник перенес все инструменты и флажки к себе — чтобы погибнуть, не успев ими воспользоваться.

Уходя, Йенси взял с собой только одну вещь: фонарь, ржавый, ломкий, но все еще пригодный. Он был пуст, но матрос перелил в него масло из лампы. Затем, оставив лампу в капитанской каюте, где по-прежнему лежал без сознания Миггз, он отправился на палубу.

Взобравшись на мостик, Йенси поставил фонарь рядом. Ночь приближалась. Туман приподнялся, впуская тьму. Йенси был одинок и беспомощен перед неумолимой и зловещей чернотой, стремительно разливающейся в пространстве.

За ним следили. Он это чувствовал. Невидимые взоры, голодные, опасные, ловили каждое его движение. На палубе под ним стелились те самые загадочные лозы, вылезающие из неисследованного трюма. Цветы светились во мраке, точно фосфоресцирующие лица.

— Ради бога, — пробормотал Йенси, — надо убираться отсюда.

Собственный голос напугал человека, заставив тревожно оглядеться вокруг, словно не он, а кто-то другой произнес эти слова. И вдруг взгляд его прилип к далекой точке у горизонта по правому борту. Губы дернулись, открылись и выплюнули пронзительный крик:

— Миггз! Миггз! Огонь! Смотри, Миггз!

Он кинулся вниз с мостика и, лавируя по коридору, добежал до каюты помощника капитана. Йенси лихорадочно схватил сигнальные флажки, но тут же скомкал их, беспомощно застонал и отшвырнул яркие тряпицы. Он сообразил, что в темноте пользы от них никакой. Ругая себя, он принялся искать ракеты. Тщетно.

Внезапно он вспомнил о фонаре. Назад, назад, по коридору, на палубу, на мостик. И вот он уже карабкается с фонарем в руке все выше и выше по черному рангоуту мачты, то и дело поскальзываясь и едва не срываясь. Наконец моряк остановился высоко над палубой, цепляясь ногами и размахивая фонарем взад и вперед...

Палуба под ним перестала быть безмолвной и покинутой. От носа до кормы она дрожала, потрескивала, нашептывала что-то. Человек со страхом взглянул вниз. Расплывчатые тени, появившиеся словно из ниоткуда, шныряли во тьме, уныло прогуливались туда-сюда во мраке. Это они исподтишка следили за ним.

Он слабо вскрикнул. Глухое эхо принесло человеку обратно его голос. Только теперь Йенси осознал, что колокол зазвонил снова и шелест моря стал громче, настойчивее.

Страшным усилием воли он взял себя в руки.

— Проклятый дурак! Сам сводишь себя с ума...

Взошла луна. Она расплывчатой кляксой повисла над горизонтом — как будто грозный желтый указующий перст пронзил сумрак. Йенси, всхлипнув, опустил фонарь. Теперь он ни к чему. В лунном свете этот крошечный огонек будет невидим для людей на борту того, другого корабля. Медленно, осторожно он спустился на палубу.

Человек попытался придумать себе занятие, отвлечь разум от страха. Сперва он вытащил из шлюпки бочонки для воды. Затем расстелил брезент, чтобы на него оседала ночная роса. Неизвестно ведь, сколько им с Миггзом придется торчать на этой скорлупке.

Потом он отправился исследовать полубак. По пути моряк остановился и поднес фонарь к ползучей лозе. Благоухание странных цветов пьянило, отравляло, точно ядовитые испарения. Он проследил за кольцами, исчезающими в трюме, и заглянул вниз, но увидел лишь развалившуюся гору ящиков. Зарешеченных ящиков, когда-то, должно быть, служивших клетками.

Он снова отвернулся. Корабль пытается что-то ему сказать. Он чувствовал это — чувствовал движение досок палубы под ногами. Лунный свет превратил разбросанные на носу белые кости в нечто чудовищное. Йенси посмотрел туда и содрогнулся. А потом взглянул снова, и нелепые мысли ворвались в его сознание. Кости шевелились. Они скользили, собираясь, выстраиваясь, образуя определенные фигуры. Он мог бы поклясться!

Выругавшись, моряк резко отвел взгляд. Проклятый болван, подумать такое! Стиснув кулаки, он двинулся к баку, но, не добравшись до него, снова застыл.

Его остановил звук хлопающих крыльев. Йенси быстро обернулся, испугавшись, что шум этот исходит из открытого трюма. Он решительно сделал шаг — и оцепенел, завопив во весь голос.

Из отверстия появились два жутких силуэта — два немыслимых существа с огромными хлопающими крыльями и горящими глазами. Чудовищные, гигантские. *Летучие мыши!*

Человек инстинктивно вскинул руки, пытаясь защититься. Но адские создания не собирались нападать. Они на миг зависли над люком, взирая на человека с неким дьявольским подобием разума в глазах. Затем они взлетели над палубой, перемахнули через поручни и нырнули в ночь. Чудовища спешно удалялись на запад, туда, где Йенси заметил мерцание огней второго корабля, держась рядышком, точно ведьмы, мчащиеся во весь опор на шабаш. А под ними, в жирном море, хищные змеи плели затейливые золотистые узоры — дожидаясь!..

Моряк не отрывал взгляда от летучих мышей. Они, точно два адских ока, становились все меньше и меньше, сжались в крошечные точки и наконец исчезли. Но человек по-прежнему не шевелился. Губы его пересохли, тело одеревенело. Он облизал губы. А потом до сознания его долетело кое-что еще. Откуда-то из-за спины тянулась тонкая, пульсирующая нить гармонии — прелестный, сладчайший, чарующий напев.

Он медленно повернулся. Сердце неистово колотилось. Внезапно глаза Йенси расширились.

Там, всего в пяти футах от него, стояла человеческая фигура. Не воображаемая. Настоящая!

Но он никогда не видел девушек, подобных ей. Она была так прекрасна! Дика, почти свирепа. Взгляд огромных черных глаз сверлил его. Белая, как алебастр, гладкая кожа. Угольно-черные волосы, волнующиеся завитки которых, точно порванная паутина смоляных нитей, обрамляют лицо. Нелепо большие золотые кольца в ушах. А в волосах, над серьгами, сияют два зловеще-оранжевых цветка с лозы.

Он не заговорил; он будто проглотил язык. Девушка была боса, с голыми ногами. Короткая темная юбчонка едва прикрывала стройные бедра. Изорванная белая блузка, расстегнутая у горла, не скрывала изгиба пышной груди. В одной руке она держала дудочку, что-то вроде флейты, грубо вырезанную из дерева. А пояс ее обвивал, свисая почти до палубы, алый шелковый кушак, яркий как солнце, но не как ее губы, которые разошлись в слабой, вызывающей порочные мысли улыбке, обнажив мраморные в своей белизне зубки!

— Кто... кто ты? — пролепетал Йенси.

Она покачала головой. Но глаза девушки сияли улыбкой, и он почему-то чувствовал, что она поняла его. Моряк попытался спросить снова, на всех известных ему языках. Она все качала головой, а он все так же был уверен, что она насмехается над ним. И лишь когда он, запинаясь, выдавил приветствие на ломаном сербском, она кивнула.

— Добре! — откликнулась красавица сильным голосом, которым, похоже, ей не приходилось слишком часто пользоваться.

Тогда он шагнул ближе. Девушка, несомненно, цыганка. Цыганка с холмов Сербии. Она неуловимым движением своего изящного тела скользнула почти вплотную к мужчине. Вгляделась в его лицо, полыхнула западающей в сердце улыбкой, подняла флейту, словно и не было тут ничего страшного и неуместного, и снова заиграла тот мотив, который привлек внимание Йенси.

Он слушал в молчании, пока она не закончила. Затем девушка лукаво улыбнулась, коснулась пальчиками своих губ и тихо прошептала:

— Ты — мой. Да?

Он не понял. Тогда она схватила его за руку и со страхом взглянула на запад.

— Ты — мой! — яростно повторила она. — Папа Бокито — Серафино — они — не иметь — тебя. Ты — не идти — им!

Теперь он, кажется, понял. Девушка отвернулась и молча пересекла палубу. Йенси видел, как она скрылась в носовом кубрике, и последовал бы за ней, но снова корабль — весь корабль — содрогнулся, силясь предостеречь человека.

Некоторое время спустя девушка вернулась, держа в белоснежной руке помятый серебряный кубок, очень старый и очень тусклый, наполненный до краев алой жидкостью. Мужчина молча принял его. Отказать ей было невозможно, немыслимо. Ее огромные глаза разлились озерами ночи, в которых сверкала жгучая луна. И ее губы, такие мягкие, ищущие...

— Кто ты? — выдохнул он.

— Страгелла, — улыбнулась она.

— Страгелла... Страгелла...

Само имя ее покоряло. Он медленно глотнул из кубка, не отрывая взгляда от прекрасного лица. У напитка был вкус вина — крепкого, сладкого вина. Оно пьянило точно так же, как пьянил таинственный аромат оранжевых цветов в ее волосах, тех самых, сорванных с лоз, что стелились по палубе за ее спиной.

Йенси вяло пошевелился. Он потер глаза, чувствуя внезапную слабость, бессилие, словно кровь его выкачали из вен. С едва слышным стоном моряк попытался отпрянуть.

Руки Страгеллы обвились вокруг него, лаская тело чувственными прикосновениями. Он ощущал их мощь, их неодолимость. Улыбка девушки сводила его с ума. Кроваво-красные губы, дразня, приближались к его лицу. И вдруг они потянулись к горлу мужчины. Эти теплые, страстные, безумно приятные губы стремились дотронуться до него.

Йенси вдруг испугался. Моряк попытался вскинуть руки и оттолкнуть чаровницу. Где-то глубоко-глубоко в его сознании блуждала полуоформившаяся мысль, или, скорее, интуиция, предостерегающая его, кричащая, что он в смертельной опасности. Эта девушка, Страгелла, она не такая, как он: она — создание тьмы, обитательница ее собственного, страшного мира, отличного от мира людей! Эти губы, жаждущие его плоти, — нечеловеческие, слишком уж они горячи...

Внезапно она резко отстранилась от него. Из жарких уст вырвалось звериное рычание. Рука девушки взлетела и застыла, показывая на вещь, заткнутую за пояс мужчины. Скрюченные пальцы дрожали возле Библии, бросившей вызов Страгелле!

Но алая жидкость уже возымела действие. Йенси безвольно рухнул, не в силах даже вскрикнуть. Так он и лежал, парализованный и беспомощный.

Он ощутил, что девушка велит ему подняться. Ее губы беззвучно шевелились, рождая немые слова. Мерцающие глаза гипнотизировали. Библия — она хотела, чтобы он швырнул ее за борт! Она хотела, чтобы он встал и пришел в ее объятия. А потом губы ее найдут...

Но он не мог подчиниться. Он не мог даже поднять руки. А она стояла поодаль, не желая помочь моряку. А потом губы ее сложились в дьявольский изгиб, восхитительный, но хищный, и девушка, развернувшись, отступила. Он видел, как она убегает, видел, как ее фигурка уменьшается, как алый кушак летит за удаляющейся Страгеллой.

Йенси закрыл глаза, уничтожая мучительное зрелище. Но когда он открыл их снова, то открылись они навстречу новому, еще более глубокому ужасу. На палубе «Голконды» Страгелла металась среди груд светящихся костей. Но они не были больше костями. Они собрались, спешились, обросли плотью, налились кровью. На глазах Йенси кости обретали реальность, превращаясь вновь в людей и животных. А потом началась оргия, какой Нелз Йенси никогда еще не видел, — оргия восставших мертвецов.

Обезьяны, гигантские приматы, екакали по палубе. Огромный извивающийся питон вскинул голову. Яростно рычащий снежный леопард припал к крышке люка, изготовившись для прыжка. Тигры, тапиры, крокодилы дрались друг с другом на носу судна. Здоровенный бурый медведь, из тех, что встречаются в высокогорьях Памира, точил когти о поручни.

А люди! Большинство оказались темнокожими — достаточно темнокожими, чтобы прибыть, например, из Мадраса. Среди них виднелись китайцы и несколько англосаксов. Все истощенные. Все худые, мрачные, безумные!

Столпотворение бушевало. Звери и люди взбесились от голода. Люди, обороняясь, сгрудились в одну кучу на втором люке. Они были вооружены пистолетами — и стреляли в упор в беснующуюся массу противника. А между ни-

ми, вокруг них, среди них металась девушка, назвавшая себя Страгеллой.

Они не отбрасывали теней, эти призрачные фигуры. Даже девушка, чьи руки секунду назад обнимали его. В этой сцене не было ничего реального, ничего человеческого. Даже хлопки выстрелов и крики загнанных в угол людей, даже рычание гигантских кошек затухали, словно драка шла в закрытой комнате, а Йенси видел ее сквозь толстое оконное стекло.

Он по-прежнему не мог пошевелиться — так и лежал, будто в каталепсии, наблюдая за пантомимой, не в силах убежать от нее. И чувства его были поразительно остры — так остры, что он вдруг инстинктивно вскинул взгляд — и невольно съежился, обнаружив двух летящих над океаном гигантских летучих мышей...

Они возвращались. Покружив над ним, твари одна за другой с громким хлопаньем крыльев тяжело опустились на палубу возле дикой лозы с оранжевыми цветами. Они, казалось, утратили форму, ночные чудовища превратились в фантастические размытые кляксы, испускающие неземное фантастическое сияние. В мгновение ока они исчезли совсем — а когда странный туман рассеялся, у люка стояли две фигуры.

Не летучие мыши! Люди! Нелюди! Цыгане, облаченные в грязные лохмотья, выдающие в них жителей Балкан. Мужчина и женщина. Костлявый, изуренный старик с всклокоченными седыми усами; и дородная старуха с маленькими черными крысиными глазками, явно непривычными к дневному свету. Они заговорили со Страгеллой — страстно, энергично заговорили. А она повернулась с сердитым лицом и показала на Библию за поясом Йенси.

Но немой спектакль еще не закончился. На палубе стонали и всхлипывали лежащие люди и звери. Страгелла бесшумно развернулась и позвала за собой старика и старуху. Позвала по имени:

— Идем — Папа Бокито, Серафино!

Трагедия, разыгравшаяся когда-то на борту корабля призраков, повторялась. Осознав это, Йенси содрогнулся. Экипаж «Голконды» *обезумел от голода и холеры.* Живот-

ные из джунглей, некормленые, разъяренные, вырвались из своих клеток. И теперь — теперь, когда последний поединок окончился,— Страгелла, Папа Бокито и Серафино выполняли свою страшную работу.

Страгелла вела их. Ее очарование, ее красота покоряли мужчин. Они влюблялись в нее. Она *заставляла* их любить себя — безумно, бессмысленно. Сейчас она переходила от одного к другому, прижимая к себе каждого. И когда она отходила от очередного мужчины, он оставался слабым и вялым, а она свирепо хохотала и направлялась к следующему. Острый розовый язычок жадно облизывал алые губки — он слизывал с них кровь.

Йенси не знал, сколько продолжалось все это. Часы, должно быть, долгие часы. Он вдруг осознал, что в снастях корабля воет ветер, и, вскинув взгляд, увидел, что мачты больше не наги и не прогнили от старости. Серые паруса развернулись на фоне черного неба — фантастические расплывчатые пятна без единой четкой линии. А луна пропала совсем. Визжащий ветер принес с собой шторм, неимоверно раздувший паруса. Корабль застонал, как живое существо, бьющееся в агонии. Волны хлестали шхуну, толкали шхуну, несли ее вперед с немыслимой скоростью.

Внезапно раздался оглушительный скрежет. «Голконду» швырнуло назад — это огромный зазубренный риф пропорол ей днище. Судно накренилось. Корма взмыла высоко в воздух. А Страгелла и два ее спутника стояли на носу, дико хохоча на ураганном ветру.

Йенси видел, как они повернулись к нему, но не остановились. Он почему-то и не ожидал, что они остановятся. Эта сцена, эта сумасшедшая пантомима, не принадлежала настоящему: это разыгрывалось прошлое. Его здесь вовсе не было. Все это происходило много лет назад! Это забыто, похоронено во времени!

Но он слышал, как троица разговаривает на смешанном диалекте, изобилующем сербскими словами:

— Дело сделано, Папа Бокито! Теперь мы останемся тут навсегда. Земля в часе полета отсюда, свежей крови всегда будет вдоволь. Здесь, на этой жалкой скорлупке, никто никогда не найдет наших могил и не уничтожит нас!

Кошмарная троица подошла ближе. Страгелла повернулась, окинула взглядом воду, и рука ее взметнулась в безмолвном предупреждении. Йенси вяло скосил глаза и заметил разгорающееся над морем предрассветное зарево.

Странными, струящимися движениями трое немертвых существ потекли к открытому люку, спустились в него и скрылись из виду. Йенси напрягся, выпрямился рывком и с удивлением обнаружил, что с приближением дня эффект алого зелья ослабел. Он пополз к люку и заглянул в отверстие — как раз вовремя, чтобы увидеть ложащиеся в гробы дьявольские фигуры. Теперь он понял, что это за ящики. В тусклом утреннем свете, пристально всматриваясь, он разглядел то, чего не замечал прежде. Три удлиненных прямоугольных короба были наполнены сырой могильной землей!

Теперь он знал секрет необычных цветов. У них есть корни! Корни, уходящие в грунт, приютивший немертвые тела!

Затем, словно шарящие пальцы, рассветные лучи легли на море. Ошеломленный Йенси привалился к перилам. Все кончилось — совсем. Оргия завершилась. «Голконда» вновь стала заброшенным, прогнившим корпусом.

Почти час стоял он у поручней, блаженно впитывая тепло и сияние солнечного света. Но вновь из воды поднялась стена непроглядного тумана. Тошнотворная пелена окутала корабль, и Йенси содрогнулся.

Он подумал о Миггзе и бросился на нижнюю палубу, но замедлил шаги, пробираясь сквозь сгущающийся влажный туман. Дурное предчувствие закралось ему в душу.

Он окликнул друга еще до того, как добрался до двери. Но ответа не последовало. Толчком распахнув створку, он перешагнул порог — и окаменел, лишь хриплый крик сорвался с похолодевших губ.

Миггз лежал там, навалившись на стол, раскинув руки — с нелепо свернутой набок головой, уставившись невидящими глазами в потолок.

— Миггз! Миггз! — Йенси задыхался. — О господи, Миггз, что случилось?

Он пошатнулся и неверной походкой направился к товарищу. Тело Миггза было ледяным и твердым. Он мертв, дав-

но мертв. В лице, в руках — ни кровинки. Остекленевшие глаза широко открыты. Он был белее мрамора и страшно, чудовищно съежен. А на горле виднелись две параллельные отметины, словно пара острых крюков вонзилась в плоть и отдернулась. Сомнений нет — это следы зубов вампира.

Йенси долго не двигался. Комната вертелась вокруг него. Он остался один. Один! Все жуткие события произошли слишком внезапно.

Затем он покачнулся и опустился на колени, вцепившись в висящую руку Миггза.

— О боже, Миггз, — бессвязно пролепетал моряк. — Ты должен помочь мне. Мне этого не вынести!

Так он и стоял на коленях, бледный, плачущий, пока не обмяк, осел на пол жалкой грудой и потащил за собой тело Миггза.

Нескоро сознание вернулось к нему. Уже перевалило за полдень. Йенси поднялся, борясь с затопляющим его душу страхом. Он должен выбраться отсюда, выбраться! Мысль эта безостановочно стучала в его голове. Выбраться!

Моряк с трудом отыскал путь на верхнюю палубу. Миггзу уже не помочь. Придется оставить его тут. Пошатываясь, он побрел вдоль перил туда, где они пришвартовали шлюпку, чтобы подтянуть ее ближе, загрузить и подготовить к отплытию.

Но пальцы схватили лишь пустоту. Тросы исчезли. Лодка пропала. Человек повис на поручнях, тупо глядя на маслянистую гладь моря.

Он не шевелился около часа, пытаясь подавить ужас и начать думать о способе спасения. Затем Йенси усилием воли оторвался от перил.

Оставались еще корабельные шлюпки. Они — его единственный шанс. Он добрел до ближайшей и принялся лихорадочно трудиться.

Безнадежно. Железная плоскодонка проржавела насквозь. Намертво запутанные, стальные канаты не желали сдвигаться с места. Йенси в кровь ободрал о них руки — и только. Впрочем, он знал, что эти лодки все равно не поплывут. Они сгнили в труху.

В конце концов ему пришлось остановиться от изнеможения.

После этого, осознав, что сбежать невозможно, он решил, что надо делать что-то, все равно что, чтобы сохранить здравый рассудок. Сперва он уберет с палубы эти ужасные кости, потом исследует оставшуюся часть корабля...

Задача была омерзительна, но он заставил себя приступить к ней. Если он избавится от костей, возможно, Стрегелла и два других чудовища не вернутся. Он не знал наверняка. Просто в душе его теплилась слабая надежда — человеку нужно что-то, за что можно цепляться.

Плотно сжав губы, он мрачно подтаскивал выбеленные скелеты к краю палубы и спихивал их за борт, следя, как они тонут, исчезая из вида. Затем, подавив ужас, Йенси направился к трюму и спустился в угрюмые недра корабля. С дрожью отвращения попятился он от ящиков. Вырвав с корнями (к которым прилипли комки могильной земли) кошмарные лозы, он отнес их наверх и тоже швырнул в океан.

После этого он обошел весь корабль из конца в конец, но ничего не нашел.

Йенси поднял якоря, надеясь, что волны сами понесут корабль, вырвут его из кольца мстительного тумана. Затем он принялся расхаживать взад и вперед, бормоча себе под нос и пытаясь собраться с духом для самой кошмарной части дела.

Океан темнел, и чем гуще становились сумерки, тем больше вырастал ужас моряка. Он знал, что «Голконда» дрейфует. И знал, что немертвые обитатели корабля разозлятся на человека за то, что он позволил судну уплыть от их источника пищи. Да, разозлятся — после того как вновь восстанут от своего вынужденного сна.

Есть лишь один способ защититься от них. Кошмарный способ, он *уже* пугал Йенси. Тем не менее он обшарил палубу в поисках шила для плетения каната — и нашел его; после этого моряк вновь медленно спустился в трюм.

Кол, вогнанный в сердце каждого из жуткой троицы...

Шаткие ступени окутали плотные тени. Солнце уже умирало, тонуло в пелене зловещего тумана. Он взглянул

на тусклый багровый шар в кровавом кольце и понял, что должен торопиться. Йенси проклинал себя за то, что тянул слишком долго.

Это было трудно — спускаться в черный как смоль трюм, чувствуя лишь трухлявые доски под ногами и надеясь лишь на удачу. Лестница предостерегающе скрипела под сапогами. Он поднял руки, нащупав настил палубы.

И вдруг поскользнулся.

Нога, вставшая на край нижней ступеньки, неловко подвернулась, и Йенси упал головой вперед. Он закричал. Шило выпало из его руки и стукнулось об один из ящиков внизу. Человек слепо нашаривал опору. От толчка при падении что-то вылетело у него из-за пояса. И в тот момент, когда голова его встретилась с одним из длинных ящиков, он понял, что Библия, защитившая его в прошлый раз, больше уже не с ним.

Но он не совсем потерял контроль над собой. Яростным усилием воли моряк встал на колени, шаря вокруг в поисках черной книги во мраке трюма. Жалкое всхлипывание срывалось с его дрожащих губ.

Негромкий ликующий смех раздался во тьме рядом с ним. Он резко отшатнулся — так резко, что снова растянулся на полу.

Слишком поздно. Она уже стояла рядом, жадно взирая на человека. Странное голубое сияние окружало ее лицо. Девушка была дьявольски прекрасна, когда, пошарив в своем гробу, начала очерчивать Библию кругом, пользуясь куском какого-то мягкого, дегтеобразного вещества, который сжимала в бледных пальцах.

Йенси качнулся к ней, ища силы в отчаянии. Она выпрямилась, подавшись навстречу ему. Губы ее искривились, обнажив белоснежные зубы. Кольцо девичьих рук обвило мужчину, прекращая борьбу. *Господи, как же сильны эти руки.* Он не мог противиться им. На него вновь навалилась апатия, вялая покорность. Йенси упал бы, но девушка держала его.

Держала, но не касалась губами. За ее спиной выступили из мрака две другие фигуры. Свирепый Папа Бокито сердито уставился на человека; и крысиные, тлеющие глаз-

ки Серафино, полные голода, тоже вонзились в него. Страгелла, несомненно, боялась их.

Йенси оторвали от земли и быстро и легко понесли по лестницам, по коридорам, сквозь клубящееся одеяло адского тумана и тьму, в каюту, где лежал мертвый Миггз. Пока вампиры тащили человека, он лишился чувств.

Когда Йенси открыл глаза, он не мог сказать, сколько он пробыл в забытьи. Кажется, долго, очень долго. Рядом с ним сидела Страгелла. Он лежал на койке в каюте, на столе горела лампа, безжалостно освещая обмякшее тело Миггза.

Йенси испуганно ощупал свое горло. Отметин не было — пока не было.

Затем он услышал голоса. Папа Бокито и старуха с лицом хорька спорили с девушкой. Старика явно сердила ее холодная, собственническая улыбка.

— Нас относит от островов-тюрем,— рычал Папа Бокито, с нескрываемой ненавистью зыркая на Йенси.— Это его работа, он поднял якорь. Если ты не поделишься им с нами, мы погибнем!

— Он мой,— пожала плечами Страгелла, снижая голос до убедительного шепота.— Вы получили другого. А этот мой. Я заберу его!

— Он принадлежит нам всем!

— Почему? — улыбнулась Страгелла.— Потому что увидел ночь воскресения? Ах, он первый, кто узнал наш секрет.

Глаза Серафино сузились, превратившись в булавочные головки. Она резко подалась вперед и стиснула плечо девушки.

— Довольно спорить,— прошипела старуха.— Скоро рассветет. Он принадлежит нам всем, потому что увел корабль от островов и раскрыл нашу тайну.

Слова эти, точно сверло, вонзились в мозг Йенси.

Ночь воскресения!

Здесь скрывался зловещий смысл, и он решил, что знает его. Глаза, должно быть, выдали его мысли, поскольку Папа Бокито подался ближе и с победным ворчанием ткнул в лицо человека длинным костлявым пальцем.

— Ты видел то, что не видели больше ничьи глаза, — прорычал старик с горечью. — И поэтому теперь ты станешь одним из нас. Страгелла хочет тебя. Она получит тебя навечно — на долгую жизнь без смерти. Ты понимаешь, что это значит?

Йенси испуганно мотнул головой.

— Мы немертвые, — скосил глаза Бокито. — Наши жертвы превращаются в таких же, как мы, и так же жаждут крови. Ночью мы свободны. Днем возвращаемся в наши могилы. Вот почему, — он с омерзением ткнул пальцем вверх, в сторону палубы, — те, другие, так и не стали подобны нам. Они не были похоронены, у них нет могил, в которые можно спуститься. Каждую ночь мы даем им жизнь, просто развлекаясь, но они не принадлежат братству — пока.

Йенси молча облизнул губы. Теперь он понял. Такое происходит каждый раз. Вновь и вновь повторяется ночная пантомима, в которой мертвые оживают и заново проигрывают события той ночи, когда «Голконда» стала кораблем преисподней.

— Мы цыгане, — торжественно и злобно заявил старик. — Когда-то мы были людьми, жили в прелестном маленьком лагере в тени высоких пиков, в лощине у реки Моравы, что в Сербии. То было во времена Милутина[1], шесть веков назад. Потом вампиры холмов пришли за нами и забрали нас всех. Мы жили жизнью немертвых, пока в ущелье не осталось больше крови. Тогда мы отправились к берегу, мы трое, забрав с собой землю с наших могил. И стали жить там, живые ночью и мертвые днем, в прибрежных деревнях Черного моря, пока не решили отправиться в дальние края.

Хриплый голос Серафино перебил его:

— Торопись. Скоро рассвет!

— Мы раздобыли места на «Голконде» и тайно пронесли в трюм ящики с могильной землей. А на корабле свирепствовали холера и голод. В шторм он сел на мель. И вот — мы здесь. Но на островах нашлось вдоволь крови,

[1] Милутин Стефан Урош II (?—1321) — сербский король с 1282 года, из династии Неманичей.

красавчик, и мы закрепили «Голконду» на рифе, там, где жизнь была под рукой!

Йенси вздрогнул и зажмурился. Он не понимал всех слов, Бокито говорил на цыганском жаргоне. Но тем не менее понял достаточно, чтобы прийти в ужас.

А старик тем временем перестал злорадствовать. Он отступил, глядя на Страгеллу. А девушка расхохоталась — сумасшедшим, квохчущим, победным смехом обладателя. Она наклонилась, и тусклый свет лампы, который она перестала заслонять, упал на распростертое тело Йенси.

И Страгелла отпрянула со злобным рычанием. Глаза ее расширились от отвращения. На груди человека сияло распятие — вытатуированные Крест и Спаситель, несмываемый рисунок, запечатленный на коже навеки. Страгелла отвернулась, заслонив глаза и яростно проклиная моряка. Попятившись, она схватила своих компаньонов за руки и показала дрожащим пальцем на то, что оттолкнуло ее.

В наступившей тишине туман в каюте, казалось, сгустился еще плотнее. Йенси с трудом сел и привалился к стене, ожидая, когда вампиры нападут на него. Он знал, что все кончится в один миг. А потом он присоединится к Мигтзу — на горле его останутся такие же жуткие отметины, а губы Страгеллы заалеют еще сильнее от его высосанной крови.

Но вампиры держались поодаль. Туман поглотил их, сделав почти неразличимыми. Человек видел лишь три пары фосфоресцирующих глаз, которые становились все больше, все шире от разгорающегося в них ужаса.

Он закрыл лицо руками, но вампиры не шли. Йенси слышал, как они бормочут что-то, перешептываясь. А еще он смутно различил еще один звук, очень-очень далекий. Волчий вой.

Койка под ним качалась в такт с кораблем. «Голконда» плыла, и плыла быстро. Поднявшийся откуда ни возьмись штормовой ветер пел панихиду в трухлявых снастях высоко над палубой. Моряк слышал его стоны и свистящее дыхание — словно там, наверху, пытали на дыбе человека.

Три пары мерцающих глаз придвинулись ближе. Шепоток затих, и коварная притягательная улыбка легла на лицо

Страгеллы. Йенси закричал и прижался к стене. Очарование крадущейся девушки околдовывало его. Она заслоняла ладонью глаза, чтобы уберечь их от вида распятия. А другая рука вампирши тянулась к человеку с зажатым в ней комком того самого похожего на смолу вещества, которым она очертила Библию!

Йенси понял, что она сделает. Эта мысль хлестнула его, как ледяной порыв ветра, полный страха и безумия. Она будет подбираться все ближе и ближе, пока рука ее не коснется его плоти. Затем Страгелла обведет черным кругом вытатуированный на груди моряка крест и убьет его силу. Йенси станет беззащитен. А потом — безжалостные губы на его шее...

Бежать некуда. Папа Бокито и толстуха, злорадно усмехаясь, загородили путь к двери. А алебастровая рука Страгеллы тянется, тянется...

В сознание человека проникал рев прибоя, очень близкого, очень громкого, бьющегося о стены наполненной туманом каморки. Корабль кренился, тяжело качаясь на высокой зыби. Должно быть, прошли часы. Долгие часы тьмы и ужаса.

И тут она прикоснулась к нему. Липкая дрянь обожгла грудь и медленно поползла по кругу. Йенси отпрянул, споткнулся, упал, и девушка навалилась на него.

Под его истерзанным телом пол каюты раскололся на куски. Корабль содрогнулся сверху донизу от жестокого удара; погнившие доски разлетались в щепки.

Лампа кувыркнулась со стола, погрузив каюту в полутьму. В иллюминатор сочился серый свет. Обращенное к Йенси лицо Страгеллы превратилось в прекрасную в своей ярости маску. Она отпрянула и злобно заорала на Папу Бокито и старую каргу:

— Назад! Назад! Мы слишком долго ждали! Уже утро!

Она кинулась к старикам и схватила их за руки. Губы девушки искривились, все тело тряслось. Она толкнула своих спутников к двери и последовала за ними по мрачному коридору, но напоследок повернулась к Йенси с гневным нечестивым рыком проигравшего. И скрылась с глаз.

Йенси безвольно лежал в углу. Когда же, собравшись наконец с силами, он поднялся на ноги и вышел на палубу,

солнце сияло высоко в небе, разбухшее, кроваво-красное, пытаясь пробить пелену клубящегося вокруг корабля тумана.

Накренившийся корабль качался на волнах. А всего в сотне ярдов, над поручнями — о благословенное, посланное небесами зрелище! — виднелась земля, полоса пустынного, окаймленного джунглями берега.

И моряк решительно приступил к работе — к работе, которую требовалось закончить быстро, до того, как его обнаружат прибрежные жители и сочтут полным психом. Вернувшись в каюту, он подобрал масляную лампу и отнес ее к открытому трюму. Затем, выплеснув горючую жидкость на древнее дерево, бросил на палубу зажженную спичку.

Развернувшись, он шагнул к перилам. Крик агонии, долгий, потусторонний крик взлетел за его спиной. А потом моряк перемахнул через поручни и погрузился в волны прибоя.

Когда двадцать минут спустя Йенси выбрался на пляж, «Голконда» уже превратилась в ревущую топку. Рычащее пламя рвалось к небесам, пробивая адский покров тумана. Йенси угрюмо отвернулся и побрел вдоль берега.

Оглянулся он лишь через час упорной ходьбы. Лагуна была пуста. Туман исчез. Солнечные лучи заливали теплым сиянием морскую гладь.

Еще через несколько часов он добрел до поселения. Люди подходили к моряку, заговаривали с ним, задавали вопросы. Показывали на белоснежные волосы пришельца. Ему сказали, что он в порте Блэр, на самом южном из Андаманских островов. А после, заметив странный блеск его налитых кровью глаз, отвели в дом губернатора.

Там он рассказал свою историю — рассказал неохотно, потому что ожидал неверия и насмешек.

Но губернатор лишь бросил на него загадочный, покровительственный взгляд.

— Вы не ожидали, что я пойму вас, так? Кто знает, кто знает, сэр. У нас штрафная колония, остров-тюрьма. За последние несколько лет больше двухсот наших каторжников умерли при весьма странных обстоятельствах. У всех обнаружилось по две крошечные ранки на горле. И потеря крови.

— Вы... вы должны уничтожить могилы, — пробормотал Йенси.

Губернатор кивнул — молча, многозначительно.

Йенси вернулся в большой мир. Один. И навсегда остался один. Люди заглядывали в его лицо и шарахались, встретившись с диким, загнанным взглядом его глаз. Они видели распятие на его груди и удивлялись, отчего днем и ночью он носит рубаху распахнутой, выставив напоказ искусную татуировку.

Но их любопытство так и не было удовлетворено. Разгадку знал только Йенси; а Йенси молчал.

ДЭВИД ШОУ

Неделя с нежитью

Дэвид Шоу живет на Голливудских Холмах и собирает все, имеющее отношение к Существу из Черной Лагуны. Его сборник эссе из журналов «Fangoria» и «Wild Hairs» получил в 2001 году Международную премию гильдии писателей в жанре «хоррор» в номинации нон-фикшн. Последние книги автора — это заключительный том трилогии «Потерянный Блох» («Lost Bloch») (озаглавленный «Преступления и наказания» («Crimes and Punishments»)) и «Элвисленд» («Elvisland»), эпохальный сборник коротких рассказов Джона Фэрриса -- и то и другое под его редакцией; возрожденное, доработанное и приукрашенное издание его первого сборника — «Видя красное» («Seeng Red»); изданный в мягкой обложке его четвертый сборник «Загадочные орхидеи» («Cript Orchids»); новый сборник рассказов о живых мертвецах, названный «Зомби Джэм» («Zombie Jam»), и новый значительный роман «Дождевые пули» («Bullets of Rain»).

«„Неделя с нежитью“ („A Week in the Unlife“) — поясняет Шоу, — это возвращение к преготовскому и пострайсовскому взрыву в литературе о вампирах, когда книг о кровососах стало так много, то они могли заполнить в книжном магазине почти стеллаж и стали распадаться на поджанры. Появились вампиры-панки, порновампиры, корпоративные, гомосексуальные, спермовампиры, всяких вариантов понемногу вокруг все того же грошового мотива. Это вампиры -- но зараженные ВИЧ! Это вампиры — но они ненавидят волков-оборотней байкеров. Того и гляди, начнешь от всего этого блевать кровью, как Удо Кайер из „Крови для Дракулы“ („Blood for Dracula“).

Результатом всего этого нескончаемого потока стало преобладание ультраконсервативного, неоригинального, демографичного, пустого и даже болезненного. Не считая „Дракулы“ (или в наше время „Салимова Удела“ („Salem's Lot“)), исходные или эпохальные работы остались по большей части непрочитанными (такие как „Золотой“ („The Golden“) Люциуса Шепарда). Любителям этого жанра следовало бы отыскать и вновь открыть для себя книгу „Я —

легенда" („Am Legend") Ричарда Матесона и „Потомков гадюки" („Progeny of the Adder") Лесли Уиттена. Практически девяносто процентов лексики сегодняшней популярной литературы о вампирах вышло или развилось из того или другого или обоих этих фундаментальных романов.

Как раз желание избавить тему вампиризма от свойственной ей выхолощенности и вызвало к жизни вышеупомянутые книги. Перед писателем, имеющим дело со столь затасканной тематикой, стоит крайне нелегкая задача: „Преодолей меня, если сможешь".

Чрезмерное количество литературы о вампирах и стремление иметь ее все больше и больше — это само по себе уже некая новая форма вампиризма. Охотник за вампирами из „Нежити" умерит ваше желание погружаться в этот мир».

Предлагаемый рассказ, суть которого в несогласии с этим жанром, прекрасно вписывается в данную антологию...

Когда закалываешь кровососа, его кровь извергается густым черным потоком, тягучим, как мед. Я видел, как она пузырится. Тварюга билась и извивалась, стараясь вытащить кол, — они всегда пытаются это сделать, если не довсдешь все до конца, — но, как выразился бы Стокер, с третьего удара с ним было покончено на все сто.

Счет им я потерял давно. Неважно. Я уже даже не рассматриваю их как бывших когда-то человеческими существами и не испытываю по отношению к ним никакого сочувствия. Я не вижу в их глазах ни грусти, ни любви, ни подкупающей мягкости. Лишь похоть, ярость, что его перехитрили, и низменность устремлений.

1

Ведение дневника — занятие традиционное. Пусть так. Хотите, зовите меня несущим вахту, часовым. Когда они погружаются в свой коматозный сон, я подкрадываюсь и

приканчиваю их. Пока они бодрствуют, прячусь я. И успешнее, чем они.

Они вовсе не такие находчивые, какими их пытаются преподнести вам беллетристика и кино. Хитрости у них хватает и звериной смекалки. Но я опытная гончая: распознаю приметы, читаю их следы, сам воздух говорит мне об их присутствии. Невидимое или эфемерное для обычного человека зримо для меня.

И вот вам мой дневник, на случай, если мне вдруг не повезет.

Солнце заходит. Пора вздремнуть.

2

Естественно, полицейские принимают меня за маньяка-убийцу. Это неизбежно; то же самое было и с моими предшественниками. Держаться подальше от глаз. Осторожность стала моей второй натурой. Полицейские действуют рационально и не спеша; они имеют дело с повседневными происшествиями, хватает дел и без кровососов.

Полиция любит останавливать и обыскивать людей. К счастью, молоты, колья и кресты еще не запрещены в этой стране. Поднятые брови, шутки, подтрунивание, но до арестов дело не доходит. Когда они сами поймут, какая чума накрыла их город, они вспомнят меня, возможно, с благодарностью. Мой удел — одиночество. Я знаю, ничего другого не жду. Пускай.

Город за городом. Я неплохо отыскиваю их логова. Для меня их методы убийства — как сигнальный красный огонь. Полицейские обращают внимание только на всяких стебанутых, не знают, что с чем связано; они хватают и сажают за решетку простых смертных, ничего не видят.

Я не так глуп, чтобы просто оставлять кровососов лежать. Хотя вся эта дрянь обычно исчезает сама, орудия могут быть обнаружены. Иногда остается что-то еще. Городские свалки и канализация позволяют надежно и удобно разделаться с отходами, неизбежными в выполнении моей миссии.

Потери во вражеском стане. Быть бы мне советником у властей предержащих, работать бок о бок с ними. Слишком сложно. Чересчур большое разнообразие. Ситуация, где невозможен надлежащий контроль. Кровопийца смывается, используя любую щель, поди тут разберись.

Вывод: никому не доверяй.

3

Сегодняшняя была в женском обличье. Забавно. Таких меньше, чем вы могли бы подумать.

Имелся у нее любовник из числа людей, послушаешь ее — прямо Ромео и Джульетта. Бывать у него могла только по ночам и только после насыщения, ведь и кровососа страсть может завести куда как далеко.

Я думаю, она намекала на свое нездешнее искусство по части плотской любви; наверное, ее слова были просто попыткой не дать мне уничтожить ее.

Чтобы соблазнять смертных, рот ей был ни к чему. Я вонзил кол ей в мозг, через рот. Она была продукцией недавнего розлива: не растаяла и не испарилась. Трахая ее останки, я с удивлением обнаружил, что внутри она тепла, а не холодна, как труп. Тепла. У некоторых из них человеческое тепло сохраняется долго. Но все равно уходит.

4

Прежде я не встречал таких, кто расставался бы с жизнью без борьбы, но сегодняшний вел себя так, как будто сам приглашал меня освободить его от бремени нежизни. Он не отрицал своей сущности и не пытался одурачить меня. Спросил только, может ли сначала со мной поговорить.

В комнате на четвертом этаже, окна в которой были закрашены черной краской, он начал говорить. Сказал, что всегда ненавидел вкус крови; сказал, что предпочитает ана-

пасный сок или даже кофе. Пока мы говорили, он и в самом деле сварил кофе.

Я дал ему допить чашку, прежде чем вонзил ему ясеневый кол глубоко в грудь, откуда брызнула черная жижа, разбавленная выпитым кофе.

5

Сегодня подумалось: надо бы заиметь «Полароид» или что-то вроде того, тогда был бы и визуальный материал на случай, если этот дневник когда-либо станет достоянием общественности. Хорошо бы иметь иллюстрации, свидетельства. Я подумал о тех фразах, которые сплошь и рядом слышишь в кино. Уверен, вам они знакомы: «Нет никаких вампиров!», «Что за чушь!» Или в том же духе: «Бред — но зато эффект налицо!» или «Нам не должны быть препятствием глупые народные суеверия!»

Действительно: пощелкать снимочков на память, пока кровососы не испарились как облачко. Трепотня, что ты не можешь запечатлеть их на снимках, тоже идет из кинематографа. Столько вымысла пущено в оборот, что кровососам — настоящим — ничего не стоит разгуливать в центре города — *безнаказанно*. В то время как мы с вами беседовали, это слово и мне показалось неподходящим. Но, проанализировав его употребление, посмотрев репортажи, интервью с представителями правоохранительных органов в нашей стране и выяснив, что, несмотря на очевидный пафос в восприятии массами коннотации данного слова, его как раз активно употребляют, и для носителя русского языка оно вполне естественно воспринимается в данном контексте, я решил оставить первоначальный вариант. Однако, если у вас возникли другие соображения на этот счет, мне будет очень интересно с ними ознакомиться, говоря языком полицейских сводок.

Неплоха идея записать на пленку звуки, издаваемые ими, когда они умирают. Видеозапись с ними, умоляющими о пощаде. Можете не сомневаться, у всех тех заядлых киноманов глаза полезут на лоб.

6

Как много их в этом городе. Чувствуешь, насколько это не в твою пользу. Я говорил уже, что потерял счет.

Сегодня есть неплохая возможность сделать шаг вперед. Как и они, я становлюсь более уязвимым, если слишком долго ничего не предпринимаю, а наибольшая осмотрительность состоит в том, чтобы менять образ действий и быть непредсказуемым.

Это легко. Мне многого не надо. Бо́льшая часть того, чем я владею, это я сам.

7

Они стопорнули меня на шоссе № 10, на выезде из города, из-за сломанной задней левой «габаритки». Мой факсимильный портрет украсил лобовое стекло патрульной машины. Дневник забрали в качестве свидетельства, так что пока я пользуюсь самодельным пером и клочком студенческой записной книжки, который надеюсь включить в дневник позднее.

В камере, рассчитанной на четверых, я совсем один. В серой литой двери оконце для передачи пищи, не как в наглухо закрытой камере полицейского участка. По пути в камеру я заметил, что и они поймали кровососа. Скорее всего, случайно; наверное, они и не догадываются, кто у них в руках. Тут нет ни восхода, ни заката, и если он выбирается наружу по ночам, они об этом так и не узнают. Но я-то знаю. Пока не буду ничего говорить. Я весь на виду и в невыгодном положении. Вместо одного, ускользнувшего сегодня, я смогу уничтожить десятерых на следующей неделе.

8

Следующая неделя. Я оправдан наконец.

Я успокоился, как только они показали мне фотоснимки. Понятия не имею, как им удалось собрать данные о

нескольких последних кровососах, которых я изловил. Сразу будто гора с плеч. Теперь мне незачем пускаться в объяснения по поводу дневника, который, как вы можете видеть, мне возвратили сразу. У них были тысячи вопросов. Они хотели знать о молотах, кольях, о предпочтительном методе нанесения смертельного удара. Я предупредил их, что следует избегать широких облав, особенно по ночам, когда враг всего сильней.

На этот раз они прислушались к моим словам, это меня очень взбодрило. Теперь борьба сможет выйти на новый уровень.

Они также дали понять, что мне не придется оставаться за решеткой. Привести в порядок кое-какие бумаги, и я снова буду там, среди них. Один чиновник — не полисмен, а врач — поздравил меня с хорошо выполненной нелегкой работой. Он пожал мне руку, от имени всех их, как он сказал, и упомянул, что собирается писать книгу о моей деятельности. Как волнующе!

По моей просьбе кровосос из соседней камеры был переведен в другую. Я сказал им, что для большей надежности им следует пользоваться одним из моих кольев. Это, впрочем, голое тщеславие с моей стороны. Я вытачиваю свои колья из ясеня на токарном станке. Дал им знать, что согласен, чтобы мои колья служили рабочей моделью для надлежащего производства того количества, которое потребуется им вскоре.

В следующий раз надо бы спросить у охраны, откуда у них такое количество кровососов на свежих форматах восемь на десять. Все эти имена и даты. Первоклассная документация.

Кажется, я даже немного завидую.

ФРАНСЕЗ ГАРФИЛД

Сумеречный дом

В конце 1930-х и в 1940-х годах Франсез Гарфилд опубликовала ряд рассказов в таких классических журналах легкого чтения, как «Weird tales» и «Amazing Stories». Но особенно плодовитым автором она никогда не была.

Франсез Обрист родилась в 1908 году в Техасе и была гораздо лучше известна под именем Франсез Уэлман, жены писателя Мэнли Уэйда Веллмана, с которым она прожила 55 лет в счастливом браке.

Закончив работать секретарем в Институте общественного здравоохранения, она занялась созданием и разработкой сюжетов, предназначавшихся для новых произведений ее мужа. Однажды Мэнли Уэйд окрестил эти истории «дамскими» и предложил жене писать самостоятельно. Так, спустя несколько десятилетий, она вновь вернулась к литературной деятельности под именем Франсез Гарфилд.

В 1980—1990-х годах она печаталась в таких журналах и аналогиях, как «Whispers», «Fantasy Tales», «Fantasy Book», «Kadath», «The Tome», «Whispers IV» и «The Year's Best Horror Stories».

Франсез Гарфилд скончалась в 2000 году. «Сумеречный дом» («The House at Evening») — замечательный рассказ, воссоздающий зловещую атмосферу мира вампиров, подтвердивший ее авторитет мастера данного жанра.

Солнце зашло за горизонт, и на землю опустились сумерки. Небо на западе обрело розовый оттенок, но мягкий свет вечерней зари совершенно не проникал в пределы просторной спальни.

Клаудия склонилась над туалетным столиком. Старательно, раз за разом она приводила в порядок свои непокорные черные локоны, продолжавшие, упрямо завиваясь, ниспадать ей на лицо. Это было роскошное и очень чувственное причесывание. Ее волосы сияли в свете масляной лампы.

В противоположном углу комнаты восседала Гарленд. Она уже уложила свои короткие волосы на манер кудряшек эльфа.

— Хорошо, что мне не нужно так беспокоиться о моих волосах, как тебе с твоей пышной гривой, — сказала она.

— Да ладно тебе, — рассмеялась Клаудия в ответ. — Мы обе знаем — она впечатляет.

Девушки не пожалели косметики. Клаудия подвела свои серебристые глаза темно-синим карандашом, а Гарленд — невыразительные брови — каштановым. Накрасив губы алой помадой, они погримасничали, чтобы цвет распределился равномерно.

Завершив свой туалет, они спустились вниз по скрипучей лестнице в просторную гостиную. В комнате постепенно воцарялся сумрак. Взяв кувшинчики с маслом, подруги обошли гостиную, наполняя и зажигая лампы, украшенные стеклянными куполообразными плафончиками старинной работы. Свет отливал желтизной, его блики сияли на столе и полках, причудливо играли на широких досках пола. Клаудия особенно гордилась этими старыми половицами и могла часами натирать их до блеска. Гарленд принесла блюдо с огненно-рыжими тыквами и поставила его на стол из красного дерева, который упирался в спинку обтянутого парчой дивана. Она вставила в подсвечники две ароматические свечи и зажгла их.

Затянутые в атлас, Клаудия — в красном, Гарленд — в темной, сияющей лазури, они замерли, оценивая эффект, производимый мягким светом. Еще раз придирчиво взглянув друг на друга, они успокоились, не обнаружив ни единого изъяна.

— Я хотела бы прогуляться как в старые добрые времена, — сказала Гарленд, бросив короткий взгляд на свои туфли на каблуках — они не были чересчур высокими. — Я не надолго.

— Никто здесь теперь уже не гуляет. Не на что и посмотреть, — посетовала Клаудия. — Много воды утекло с тех пор, как у нас была компания.

— Наверное, я несколько сентиментальна, — улыбнулась в ответ Гарленд. На мгновение в ее глазах вспыхнул

огонек, что-то вроде тайного восторга, — но может быть, мне и удастся вернуться не в одиночестве.

— Я останусь здесь на случай, если кто-то заглянет, — уверила подругу Клаудия.

Массивная деревянная дверь скрипнула, закрывшись за Гарленд. Прошагав по пепельным камням веранды, девушка вприпрыжку спустилась вниз к дорожке, вымощенной старыми плитами. Ветхие, они были укутаны барвинком, пустившим здесь повсюду свои корни. Увитые плющом и жимолостью дубы роняли осенние листья. Мертвый ствол кизилового дерева тяжело накренился у края лужайки. Гарленд шла, внимательно глядя под ноги.

Вдалеке заухал филин. Гарленд улыбнулась сама себе. Она поплотнее закуталась в воротник своего атласного одеяния, который с успехом заменял ей шаль. Девушка глубоко и с наслаждением вдыхала ночной воздух.

Падающие листья шелестели, словно капли дождя. По небу неслись рваные облака. Сияние молодой луны заливало ветхий тротуар и старые полуразвалившиеся дома, стоявшие вдоль дороги, — это были большие дома, выстроенные с претензией, те, что именуются викторианскими. И ни одной живой души вокруг. Когда-то здесь был фешенебельный район города, обитатели которого, ныне покинувшие его, были связаны с Эллерби-колледжем. В преддверии грядущих перемен тут поселилась разруха.

Внезапно Гарленд услышала невнятные приглушенные голоса. Она увидела двоих высоких молодых мужчин, двигавшихся ей навстречу. Лунный свет помог хорошо рассмотреть их. Это были привлекательные, элегантно одетые, похожие на мускулистых юных атлетов парни. Она давно не встречала таких. Приятная теплая волна прокатилась по ее телу.

Но вот они приблизились настолько, что Гарленд могла разбирать смысл слов, достигавших ее слуха.

— Мой дядя Уит бывал здесь еще студентом, — сказал один из молодых людей. — Он рассказывал, что это место называлось Розовый Холм, говорил также, что здесь можно было и поразвлечься.

Они поравнялись, и Гарленд, сделав еще несколько шагов вперед, стремительно развернулась в противоположную

сторону. Ускоряя шаг, она на мгновение засомневалась, стоит ли ей радоваться раньше времени. Она была уверена, что ее крепкое тело еще достаточно привлекательно, вот только не потерять бы былую ловкость! Поравнявшись с ними вновь, она приветственно воскликнула:

— Эй!

— Приятный вечер, не правда ли? — застенчиво пробормотал тот, что был высокого роста и с аккуратной темной бородкой.

Гарленд улыбнулась. Будь у нее ямочки на щеках, она с удовольствием их продемонстрировала бы.

— Приятный, но несколько промозглый. Думаю, следует поспешить домой и выпить чашечку горячего шоколада или чаю.

Слегка покачивая бедрами, она быстро двинулась вперед, стараясь оставаться, однако, в поле их зрения.

Гарленд напрасно беспокоилась, что молодые люди потеряют ее след. Все в порядке — они шли по пятам. Бородатый что-то говорил, и девушка с интересом напрягла слух, чтобы разобрать его слова.

— В конце концов, — сказал он, — мы же собирались поискать новые ощущения.

Его спутник, белокурый атлет, ответил так тихо, что Гарленд не расслышала, но по его виду было ясно, что он не против.

Она продолжала идти, осторожно ступая по предательски ухабистой дороге. Без сомнения, те двое парней увязались за ней. Гарленд вновь ощутила приток внутреннего тепла. Она почувствовала себя так же молодо, как, должно быть, и выглядела. Тщательно следя за своей походкой, Гарленд приблизилась к дому. Просеменив по каменным плитам двора, она взлетела вверх по ступеням к двери.

— Клаудия! У нас будет компания! — воскликнула Гарленд.

Клаудия окинула комнату оценивающим взглядом и холодно улыбнулась.

— Расскажи мне, — коротко бросила она.

— С минуты на минуту здесь появится пара очаровательных молодых мужчин. Уже взяли мой след. У одно-

го — сияющие волосы и тело атлета, у второго — бородка. Он высокий, опрятный, по виду — утонченный и изысканный. На простофилю не похож. Им следует оказать достойный прием.

— Что ж, на этот случай у нас имеется бутылка портвейна и те сырные бисквиты, что я приготовила. — Клаудия пристально разглядывала стол в свете лампы. — Все у нас будет в порядке.

Снаружи послышались шаги, и с крыльца донеслось неуверенное перешептывание.

— Они прекрасны, — сказала Гарленд.

На мгновение все стихло. Затем тишину прорезала сдержанная дробь по дверной панели. «Манера стучать усвоена ими от доброго старого дяди Уита», — отметила про себя Гарленд.

— Итак, начнем, — возвестила Клаудия, одарив подругу взглядом триумфатора. — Веди себя как следует.

Клаудия проскользнула к двери. Ее длинное красное платье плотно облегало пышные бедра и тонкую талию. Оно стелилось по полу и подчеркивало каждый изгиб ее упругого тела. Клаудия могла бы гордиться тем, как двигалась и как выглядела. Одним словом — диплом с отличием. Через распахнутую дверь луч света коснулся стоявших на пороге мужчин.

Гарленд не ошиблась, оценивая их. Оба были одеты в костюмы отличного покроя, воротнички рубашек расстегнуты. Высокий носил коротко подстриженную бороду — темную и лоснящуюся. Понятливый и многообещающий. Его приятель — среднего роста, но с широкими плечами — выглядел могучим. Без сомнения, студенты Эллерби-колледжа, и оба, надо полагать, с блестящими перспективами.

— Добрый вечер, джентльмены. — Клаудия одарила их улыбкой гостеприимной хозяйки.

— Добрый вечер, мэм, — ответил за двоих темноволосый.

«Этот подошел бы для Гарленд», — подумала Клаудия. Для себя она предпочла бы светловолосого крепыша.

— Так вот, — пробормотал высокий, — так вот мы думаем... — И неожиданно замер в смущении.

— Решили... э-э... пройтись этой дорогой, — добавил светловолосый. — Меня зовут Гай, а это Ларри, мы — студенты.

— Первокурсники, — пояснил Ларри, — учимся в Эллерби.

— Понимаю, — успокаивающе кивнула Клаудия. — Так вы разве не зайдете?

— Да, мэм, — с признательностью в голосе ответил Гай.

Парни зашли вместе и остановились плечом к плечу. Их улыбки сильно отличались. Клаудия закрыла дверь.

Блуждающий по гостиной взгляд Ларри выражал интерес и уважение.

— Это отличное место, — начал было он, — замечательно. Это... это пробуждает ностальгию.

— Спасибо, — улыбнулась в ответ Гарленд. — Прошу, садись и попробуй теперь определить, какие чувства вызывает у тебя этот диван.

На секунду задумавшись, он сделал решительный шаг в направлении дивана. У него были отличные лакированные туфли. Ларри и Гарленд уселись рядом, а Клаудия, в свою очередь, протянула руку к Гаю.

— Ты похож на одного человека, которого мне довелось знать, — сказала она, прищуривая свои серебристые глаза. — Играл в футбол за команду штата, иногда бывал здесь.

— Наверное, все футболисты выглядят похожими, — с улыбкой ответил Гай.

Сидевшая за спиной Ларри Гарленд внезапно, словно кто-то нажал кнопку пуска, включилась в разговор:

— Не желаете ли стакан портвейна? Он очень хорош!

— Позвольте мне. — Ларри взял бутылку, наполнил бокал и протянул его Гарленд. Его рука немного дрожала.

— Нет, это для тебя, — отказалась она. — Я выпью после.

Ларри сделал глоток.

— Вкусно!

— Да, только для наших лучших друзей!

— Мы, конечно, весьма признательны вам за это, — сказал он, делая при этом еще один глоток.

— Зовите меня Гарленд.

Клаудия тем временем усадила Гая в массивное мягкое кресло, а сама устроилась на его подлокотнике. Они нежно перешептывались и хихикали.

— Ларри, — сказала Гарленд, — ты держишься так, словно частенько бываешь в местах, подобных этому.

— Пусть мои манеры не вводят вас в заблуждение, — возразил он, подняв на нее взгляд карих глаз. — Ни в каких таких местах я не бываю.

Гарленд придвинулась к нему ближе.

— Расскажи мне немного о себе.

— Я всего лишь первокурсник, первокурсник в Эллерби. Ничего интересного в этом нет.

— Но должно же быть хоть что-нибудь? — Она придвинулась еще ближе. — Жизнь в общежитии наверняка очень веселая. Давай рассказывай!

Ларри с пылом сжал протянутую Гарленд руку.

— Ну, первый год непрост. — Казалось, ему было трудно говорить. — Хотя в Эллерби порку больше не практикуют, но приходится все же попотеть, чтобы перевели на следующий курс.

Она положила его руку себе на плечо и принялась пересчитывать его пальцы, сопровождая счет нежными щелчками по ним. В противоположном углу комнаты Клаудия и Гай уже нашли общий язык. Она сидела, удобно устроившись на коленях Гая, потягивая при этом его за ухо.

— Вот это по-настоящему отличный дом, — медленно выговорил Ларри. — Дом... — Ларри сглотнул. — Дом хорош.

«Здесь было бы уместно, — подумала Гарленд, — если бы он сказал что-то вроде: „Как некстати такой очаровательной девушке ввязываться в такое грязное дело“». Но ничего подобного он не сказал. Подумав, что следует проявить инициативу, она взяла его руку и накрыла ею свою мягкую грудь.

— Нравится? — шепотом спросила Гарленд.

Он не мог не догадываться, к чему все идет, погружаясь в захватывающий мир смешанных чувств. Дядя Уит не потрудился подготовить его к подобному развитию событий. Ларри растерянно смотрел по сторонам плохо освещенной

комнаты. Его бородка, казалось, поникла, а в глазах застыла мольба о помощи.

— Ну что, Ларри? — промолвила Гарленд. — Ступай за мной.

Поднявшись, она потянула его за руку, предлагая и ему встать. Физиономия Ларри расплылась в улыбке. Он сообразил, что им лучше удалиться, оставив наедине Клаудию и Гая, так уютно расположившихся в кресле. Гарленд взяла лампу и увлекла его за собой в холл.

— Ух ты! — не удержался Ларри. — Лестница! Винтовая! Как в историческом фильме!

— Неужели?

Лестница взвивалась и исчезала в темноте. Гарленд осторожно вела его, Ларри очень нравилось быть ведомым. Очарованный своим проводником, он не обратил никакого внимания ни на дыры в ковре, ни на расшатанный отрезок балюстрады, встретившиеся им на пути. Наконец они очутились на самом верху. Лампа в руке Гарленд тускло освещала выцветшие розы на ковре.

— Здесь, — сказала она. — Вот моя комната.

Она отперла тяжелую дверь и распахнула ее внутрь. Переступив порог, они оказались в комнате. Гарленд поставила лампу на стол рядом с окном в нише.

— Клянусь, — тихим голосом сказал Ларри, — это здорово: старинная кровать с пологом, скамья — должно быть, они дорого стоят; они древние.

— Древнее, чем я! — улыбнулась ему девушка.

— Ты не древняя, Гарленд, ты очаровательная!

— Как и ты, — ответила она совершенно искренне.

Они расположились на кровати, покрытой темно-синим бархатом с выцветшими золотыми кисточками по краям. Ларри вновь казался подавленным.

— Не могу выразить, как все это мило, — заикаясь, пролепетал он.

— Вот и не пытайся. Забирайся с ногами.

— Хорошо.

— Сейчас расслабься.

Ларри откинулся назад. Она распахнула как можно шире уже расстегнутый воротничок рубашки.

— Какая у тебя восхитительная шея!

— Это вот у Гая — шея! Он упражняется с гирями.

— Позволь Клаудии заняться Гаем. Ты со мной.

За дверью послышалось мягкое шуршание. Не обращая на него никакого внимания, Гарленд склонилась над затихшим юношей, массируя нежными пальцами его виски и шею. Глаза Ларри были закрыты, он дышал ритмично, словно во сне. Гарленд склонялась все ниже, пальцы ее рук плотно обхватили шею Ларри.

Свет лампы играл холодными бликами на ее алых губах. Приоткрытые, они обнажали длинные острые зубки. Прильнув к молодому человеку, она замерла с открытым ртом.

За дверью звучали плохо различимые нечеловеческие голоса. Гарленд быстро встала и подошла к двери. Открыв ее, она увидела толпящиеся тощие фигуры в рваных обвисших одеждах.

— Что? — яростно зашипела она. — Не можете подождать?

— Дай войти! — прошелестела одна из фигур. Ее глаза тускло светились во тьме.

— Позволь и мне войти! — произнесла другая. — Умираю от голода! Я голоден!

— Не можете подождать? — снова повторила Гарленд. — Когда я закончу, он будет вашим, — все, что останется.

Невзирая на их мольбы, она захлопнула дверь и ринулась туда, где на кровати лежал Ларри, обездвиженный, погруженный в сладкую негу.

САЙМОН КЛАРК

Изгои

Саймон Кларк живет в Донкастере, Южный Йоркшир. Его ранние рассказы были опубликованы небольшими тиражами; первый из них он продал на местный филиал «Би-би-си». Сейчас произведения писателя включаются в многочисленные антологии и транслируются по радио на всю страну.

Первый роман Кларка «Прикованный сердцем» («Nailed by the Heart») появился в 1995 году, за ним последовали «Кровавый безумец» («Blood Crazy»), «Создатель тьмы» («Darker»), «Королевская кровь» («King Blood»), «Вампирика» («Vamptrrhic»), «Падение» («The Fall»), «Древо Иуды» («Judas Tree»), «Чужак» («Stranger») и «Ночь триффидов» («The Night of the Triffids»), за которую автор получил Британскую премию фэнтези. В 2003 году вышли «Обряды вампиров» («Vamptrrhic Rites»), продолжение «Вампирики» — эпического повествования о древненорвежских вампирах, захвативших современный английский город.

Рассказы Кларка объединены в сборники «Кровь и песок» («Blood and Grit») и «Соляная змея» («Salt Snake»); он также писал материал в прозе для рок-группы «U2».

«Чтобы отметить появление „Обрядов вампиров", — объясняет писатель, — я эксклюзивно опубликовал „Изгоев" („Vamptrrhic Outcast") на своем веб-сайте. Предполагалось, что рассказ будет лишь частично связан с романом, но когда я начал писать, то осознал, что тематика и персонажи „Вампиров" и их продолжения снова захватили меня, и спросил себя: являются ли „Изгои" самостоятельным произведением, или это на самом деле начало третьего тома „Вампиров"?

Изначально я не планировал создание третьего тома этой серии. Теперь я уже склонен изменить свои намерения».

Действие рассказа разворачивается в провинции, населенной вампирами; перед нами ищущая спасения одинокая душа...

Ты подобен ночной тьме, озаренной бледным светом луны.
Из Сканда-Пураны (Индия, ок. 1000 г. н.э.)

Ночной Леппингтон спал, залитый лунным светом. После двадцати часов июльского ливня улицы превратились в озера; вода отливала серебром. В каждой луже повторялось изображение луны. На ее четком диске, белом, словно кость, едва виднелись неясные очертания мертвых морей.

По пустынной улице босиком шла девушка, шлепая по лужам, разрушая мерцающие копии далекого светила.

«Я опоздала, — говорила она себе, — слишком поздно; они уедут без меня».

Мучительные мысли терзали ее мозг. Она ускорила шаг — одинокая фигурка, спешащая по улицам глухого йоркширского городка, который в этот час представлял собой безлюдное и зловещее место. За блестящими плоскими крышами, испещренными серебряными штрихами лунного света, она различила гряду темных, грозных холмов, которые образовывали неприступную стену, охраняя Леппингтон, словно приговоренного к пожизненному заключению.

Мысли бешено метались, заставляя ее мчаться бегом.

«Я уезжаю отсюда. Вы не можете вечно держать меня здесь. Когда я найду их, они возьмут меня с собой. Я больше никогда не вернусь на это богом забытое кладбище».

Завернув за угол, она остановилась. Перед ней возвышалось здание Железнодорожного отеля, по сравнению с которым окружающие дома казались карликами; отель напоминал огромный надгробный камень, торчащий из сырой земли. Ни один огонек не оживлял готический фасад здания. Непохоже было, что в гостинице есть постояльцы... В конце концов, кто согласится добровольно остановиться в этом мрачном здании с устрашающими украшениями в виде горгулий и злобными лицами, вырезанными на дверных косяках? Если бы кто-нибудь случайно и оказался здесь, то, вероятно, сбежал бы еще до наступления ночи.

В затененной аллее справа от девушки появилась какая-то фигура. Она разглядела бледно светящиеся обнаженные

руки, кожу холодного голубого цвета, с рисунком из толстых черных вен. Лица не было — по крайней мере, она не видела его, — так плотно сгустился мрак вокруг головы.

Кем бы ни был этот незнакомец, он наблюдал за ней. По ее телу побежали холодные волны страха. Фигура сделала шаг вперед, и девушка отпрянула.

До здания отеля оставалась всего сотня шагов. «Я могу добежать до гостиницы. Может быть, ему не удастся схватить меня...»

Она напряглась, готовая броситься к отелю, когда услышала, что человек заговорил. Слова звучали сипло, как будто голосовые связки были поражены каким-то некрозом.

— Уходи туда, откуда пришла. Ты здесь чужая. Уходи...

В тот момент, когда девушка обернулась, готовая обратиться в бегство, она споткнулась и упала на четвереньки в лужу, покрывающую полдороги. На несколько мгновений она застыла, ошеломленная падением и появлением омерзительного незнакомца. Оцепенев, она взглянула вниз, на воду, где сиял прекрасный лунный диск. И на ее глазах в отражение вплыл еще один бледный образ. Она разглядела лицо — кошмарное лицо, от вида которого у нее перехватило дыхание. Кожа походила на свечной воск, необычно широкий лоб покрывали синие пятна. А глаза...

От этого взгляда ее охватил ледяной холод, кровь словно застыла в жилах. Сбросив с себя оцепенение, она вскочила на ноги и понеслась к Железнодорожному отелю. Камни, усеивавшие дорогу, кололи ее босые ступни, но она не обращала на них внимания.

«Он преследует меня, — думала она. — Это так, я знаю. Оглядываться нельзя». Дорожка вела вдоль стены величественного готического здания к заднему двору. Она побежала туда, расплескивая лужи, шлепая ногами по старинной булыжной мостовой. «Прошу, не уходите. Не уходите без меня...» Лишь завернув за угол, она осмелилась оглянуться. Двор был пуст. Камни блестели в лунном свете. От этого ей чудилось, что она идет по чешуйчатой шкуре какого-то древнего монстра. Она направилась к освещенному окну, выходившему во двор; казалось, что мостовая подергивается у нее под ногами, словно этот воображаемый монстр лишь

ненадолго погрузился в сон и с минуты на минуту может проснуться и яростно зареветь на нее за то, что она разбудила его.

«Еще минута, и человек из переулка найдет меня здесь. О боже, эти глаза...» Желудок свело судорогой, словно в ее внутренностях извивался клубок червей. Эти злобные глаза. Без радужных оболочек — лишь блестящие белки, похожие на вареные яйца. И что самое страшное, из глазных яблок на нее яростно глядели крошечные черные зрачки, глядели с такой ненавистью, что от страха у нее подкашивались ноги. Она знала, что если еще раз взглянет в эти глаза, то никогда не сможет вырваться из-под их власти.

Она оглядела залитый лунным сиянием двор. Незнакомца, который так напугал ее, по-прежнему не было видно. Однако по земле крались тени — словно лужи крови стекались к ногам беглянки. В мозгу мелькнула безумная мысль: «Нельзя, чтобы эти тени прикоснулись ко мне. Они отравлены... Нет...» Голова ее закружилась, она покачнулась. «Нет, это глупости. Безумие. Только...»

Она повернулась спиной к тьме, которая ползла по булыжникам, поглощая светлые блики лунного света. От одного вида этих теней ее бросало в дрожь. Теперь необходимо проникнуть в отель.

Она представила чудесную картину. Она стоит в ярко освещенной кухне гостиницы, дверь надежно заперта, вокруг знакомые лица. Она *не одна*. Она больше не в силах переносить *одиночество*. *Одиночество* пожирает разум, словно раковая опухоль. *Одиночество* истощает... Это безжалостная, разрушительная сила, она перемалывает в порошок уверенность в себе, отнимает физические силы.

На мгновение воспоминания об одиночестве, которое ей пришлось вытерпеть, нахлынули на нее, словно мощная черная волна. Ее мрачные глубины таили в себе сгусток смутного, но неотвязного страха. Каждое утро, просыпаясь, девушка со страхом ожидала, что ее снова охватит это непреодолимое предчувствие. Оно говорило, что скоро с ней произойдет нечто жуткое. И когда разразится гроза, она не в силах будет позвать на помощь... даже найти кого-нибудь, кто смог бы утешить, поддержать ее.

«Может быть, именно этого я боялась? Может быть, дурные предчувствия предупреждали меня о появлении незнакомца, ожидающего в аллее? Я всегда знала, что однажды — однажды ночью! — я окажусь здесь одна и столкнусь лицом к лицу с человеком, который убьет меня».

Внезапно какой-то скрип заставил ее вздрогнуть. Она быстро оглянулась, но ничего не заметила, кроме теней и мрачной пустой арки ворот в стене. За ней находился берег реки. Теперь девушка услышала рев самой реки, которая разлилась от дождей, превратившись в бурный поток. Только теперь плеск воды звучал словно голос, зовущий несчастную к себе.

Нет. Нет! Она зажала ладонями уши. *Во всем виноват этот зловещий городишко. Это он воздействует на тебя. Чем дольше ты остаешься здесь, тем глубже эти дикие идеи проникают в твой мозг.* Почему-то, когда она закрывала глаза, ей представлялось, что под домами тянется лабиринт туннелей. А эти туннели кишат толпами мертвенно-бледных, похожих на личинки мужчин и женщин, жаждущих человеческой крови — и тепла человеческого тела, тела, вокруг которого можно обвить руки, оплетенные венами. Кровь и тепло, скрытые под кожей, — это брат и сестра. Это осязаемое воплощение той *неосязаемой* идеи, которую мы зовем Жизнью...

Закрыв глаза, девушка неверной походкой двинулась вперед, пока не добралась до стены отеля, и прислонилась к ней, прижавшись лицом к холодному кирпичу, похожему на влажную, леденящую руку мертвеца. В мозгу проносились образы бледных, обнаженных фигур, плывущих глубоко под водой. За стеной, огораживающей двор, ревела река Леппинг. И ей представлялись сотни лиц, поднимающихся со дна бурлящего потока, чтобы призвать ее к себе. Гневные голоса требовали, чтобы она уходила отсюда, пока может.

«Нет. Я не позволю, чтобы этот город внушал мне подобные мысли. Я в здравом рассудке. Я разумная женщина. Я не буду думать о вампирах».

Вампирах? Это слово, беззвучно пронесшееся в ее мозгу, заставило девушку резко открыть глаза. «Вампиры? По-

чему именно это слово?» Она содрогнулась всем телом. Она осознала, что если немедленно не отыщет другое человеческое существо, с которым можно поговорить, то сойдет с ума. Пряди облаков, похожие на паутину, закрыли призрачную луну. Даже тот слабый свет, который лился во двор, теперь потускнел. Она должна пробраться в отель. Она должна найти других людей.

Ощупью скользя вдоль стены, она дошла до окна — сверкающего желтого прямоугольника, брени в непроницаемой кирпичной оболочке. И снова странные мысли закопошились в ее голове: «Да, стена — это оболочка. С одной стороны — свет, жизнь, дружба, безопасность. А с другой...»

Она приблизилась к окну. На мгновение сияние электрической лампы, лившееся изнутри, ослепило ее. Потерев глаза, девушка прижала лицо к стеклу и заглянула в комнату. Буфет, уставленный голубыми тарелками. Старинная печь. Йоркширская железная кухонная плита, выкрашенная в черный цвет. Медный чайник. Белфастская раковина. На стенных часах — половина первого ночи. Но где же... Ах, вот они!

Склонив голову, она разглядела огромный кухонный стол, который заполнял почти все помещение. Вокруг стола сидели пятеро — мужчины и женщины. Они вели разговор — напряженный разговор. Те, кто не говорил, торжественно молчали. Комната была полна света — прекрасного яркого света, как и подобает на Троицу. Свет изгонял тени, он не отступал перед существами, выползающими из ночи. Там, внутри, тепло; там приятно пахнет мылом и еще держится слабый аромат свеженриготовленной пищи. Она заметила бутылки с вином. Время от времени мужчины и женщины отпивали по глотку из бокалов.

Замечательная картина. Она страстно захотела сидеть там с ними и пить вино восхитительного бордового цвета. Она представила себе его вкус, его бархатистую мягкость, и облизнула верхнюю губу, обводя взглядом людей за столом. Элегантная женщина в черном: у нее длинные темные волосы с синевато-серым отливом. Она держалась с превосходством, выдававшим аристократическое происхождение. Рядом — мужчина чуть старше тридцати, с выразительными

тельными, внимательными глазами, отмеченными печалью. Трое других, по виду не старше двадцати, сидели через стол от него.

Внезапно беглянка расслышала звук приближающихся шагов. Должно быть, это незнакомец из аллеи. «Это он. Он меня выследил». Девушка бросила взгляд на угол здания, с минуты на минуту ожидая появления отвратительного существа. Никого. Однако шаги становились громче. Она торопливо застучала ногтями по оконному стеклу. Люди, собравшиеся внутри, продолжали беседовать. Они были целиком поглощены какой-то серьезной проблемой. Она постучала снова.

«Почему они меня не слышат?»

Она оглянулась на угол. Шаги приближались. О нет... На мостовую упала странная горбатая тень. Наверное, ее преследователь уже идет по дорожке во двор; в спину ему светят уличные фонари, порождая эту чудовищную тень.

Сердце у нее едва не выпрыгивало из груди; она забарабанила по стеклу. На этот раз достаточно громко — женщины и мужчины в комнате, повернув головы, уставились на нее. Она заметила, как широко раскрылись их глаза. Одна из женщин вскрикнула.

— Пожалуйста, впустите меня. За мной гонятся... пожалуйста, он уже...

И тут ее схватили сзади за плечи. Она в ужасе перевела взгляд на руки, вцепившиеся в нее, — с пальцами, распухшими, словно сосиски, с зазубренными фиолетовыми ногтями. Кожа пестрела тошнотворной смесью серых и голубых пятен. Руки были такими холодными... на ощупь пальцы напоминали сырое мясо, извлеченное из холодильника. Их холод проник сквозь ее одежду к коже, замораживая кровь, текущую по ее жилам, пробираясь во все потаенные уголки ее тела.

Она попыталась закричать, но от потрясения голосовые связки словно одеревенели. Ей удалось выдавить лишь хриплый, полузадушенный звук. Могучие руки оттащили ее от кухонного окна. Еще несколько секунд — и ее выволокли через ворота на берег реки. Здесь царила темнота. Берег представлял собой полоску топкой земли, заросшую

бесформенными кустами и ивовыми деревьями, нависающими над черной водой.

Она сопротивлялась, но пальцы, сжавшие ее плечи, были такими сильными, что она не смогла обернуться, чтобы увидеть лицо напавшего.

Но ей *предстояло* запомнить его навсегда. Это мертвое белое лицо. С белыми глазами, со свирепыми черными зрачками, которые, казалось, прожигают насквозь ее сердце...

Несмотря на свой ужас, она расслышала, как открылась дверь отеля. Голос окликнул:

— Кто здесь?

Жертва снова попыталась закричать, но ей не хватило дыхания — так безжалостно ее протащили к воде сквозь сплетение ветвей. Леппинг ревел, и от оглушительного шума воды она дрожала всем телом.

Но, почти лишившись сознания, она слишком хорошо различила слова, которые прошептал ей в ухо этот ядовитый голос:

— Почему ты не послушала меня? Я сказал, что ты здесь чужая.

— Пожалуйста, — задыхаясь, произнесла она. — Не убивай меня... прошу, не убивай меня.

— Слушай внимательно, что я тебе скажу.

Убийца пригнул ее к темной воде так, что лицо ее почти касалось поверхности. Несчастная увидела там два отражения — оба синевато-бледные, на щеках сетка черных вен. Два лица с безумными белыми глазами, с точками злобных черных зрачков.

— Неужели ты не понимаешь? — прошипел он. — Ты уже мертва.

Он швырнул ее в реку, а слово *«мертва, мертва, мертва»* эхом отдавалось в ее ушах.

Сначала она старалась держать голову над водой, пытаясь доплыть до берега. Затем слова вампира дошли до ее сознания, и она смирилась. *«Ты уже мертва»*.

Бурный поток перевернул ее на спину. Она плыла вниз по течению, глядя на луну сквозь нависшие над рекой ивовые ветви. Высоко в небе парили облака, украшенные се-

ребряной каймой. Ночной ветер нес их, а ее тело несла ночная река. И подобно этим облакам, она плыла туда, куда ее влекло.

«Я уже мертва, — думала она. — Мне не нужно плыть». Истина просачивалась в ее мозг, словно холодная вода. «Мне не нужно дышать. Потому что я мертва...» В конце концов она отдалась во власть реки. Поток нес ее мимо порогов, переворачивал, кружил в своих мрачных водоворотах, затем безжалостные подводные течения затянули ее в черную глубину, на дно реки, покрытое скользкой грязью. Невозможность дышать не имела значения. Она не утонула. Не могла утонуть. Перед ней проплывали бледные призраки. На какое-то мгновение она подумала, что это распухшие рыбины, но затем поняла — это ее собственные руки двигались взад и вперед в холодной толще воды.

«Нет смысла бороться, — сказала она себе. — Пусть река унесет меня в море. Я действительно пропала. Даже если я выберусь отсюда, то никогда не смогу вернуться домой».

И снова она поднялась на поверхность. Милю за милей плыла она на спине, под мостами, мимо деревьев, склонявшихся над водой, мимо лугов, раскинувшихся на берегах. Луна сияла в небесах. Воображению несчастной светило представлялось жестоким круглым глазом; этот глаз бесстрастно взирал на девушку в воде, понимая, что она погибла, холодно ожидая ее конца. Она плыла, словно бревно. Потеряна для своей семьи, для людей, для Бога.

Поток пронес ее мимо дома, стоявшего на берегу. На втором этаже горел свет — крошечный светящийся желтый квадратик. Из дома доносилась музыка. Печальная песня звучала подобно зловещему аккомпанементу этого ночного путешествия; казалось, земля населена призраками тех завтрашних дней, которых ей больше не суждено увидеть.

Но река увлекла ее прочь от дома и музыки. Вскоре они исчезли вдали.

Девушка закрыла глаза. Казалось, прошло лишь мгновение; но неожиданно она обнаружила, что лежит на земле. Открыв глаза, она села и осмотрелась.

В лунном свете она разглядела пляж, на который ее вынесло. Как ни странно, ей ужасно захотелось лечь здесь и

никогда больше не пытаться встать. Но вода отступила — океан находился в дюжине миль отсюда, и отлив унес воду с собой. Девушка поднялась на ноги, двигаясь, как во сне. Там, на берегу, на невысоком холме, стоял полуразрушенный коттедж, почти полностью скрытый зарослями боярышника. Странно, но она почувствовала, что ее тянет туда. «Может быть, река принесла меня сюда, потому что мне необходимо увидеть его, — подумала она. — Может быть, я здесь с какой-то целью».

Луна светила достаточно ярко, чтобы девушка могла различить тропу, извивающуюся в зарослях крапивы и болиголова, доходивших ей до пояса. Тропа, по-видимому, вела прямо к коттеджу, почти невидимому отсюда, с берега одного из рукавов реки.

Шурша босыми ногами по траве, несчастная, как во сне, добрела до ворот, за которыми виднелся одичавший, заросший сорной травой сад — розы на десятифутовых стеблях склоняли к земле огромные головки с розовыми лепестками.

Еще несколько секунд, и она приблизилась к одному из окон. Стекла были разбиты; некоторые из них полускрывал зеленый ковер мха. Медленно, медленно, словно она знала, что кто-то — или *что-то* — ждет ее внутри, она наклонилась и заглянула в окно.

Перед ней была давным-давно заброшенная кухня. Заброшенная людьми.

Вокруг почти сгнившего деревянного стола сидели пятеро. Пятеро существ, когда-то бывших мужчинами и женщинами. Тела троих скрывали лохмотья; двое были почти обнаженными. Длинные спутанные волосы женщин, словно гривы, блестящими потоками падали на спины. Кожа их была мертвенно-бледной, с синеватым оттенком. Холодного, холодного цвета — при виде ее по спине у беглянки пробежал холодок. Они сидели не шевелясь. У мужчин были могучие мускулистые руки, перевитые черными венами. Лица и мужчин, и женщин походили на бесстрастные восковые маски. И лишь по их глазам она догадалась, кто это.

Подобно глазам незнакомца, который швырнул ее в реку, глаза их не имели радужной оболочки — лишь крошечные черные зрачки, придающие им такое свирепое выраже-

ние. Все время, что она рассматривала сборище в покинутом коттедже, ни один из них не шевельнулся. Никто даже не моргнул, не отвел взгляда от голого стола.

Она поняла, что, двигаясь осторожно, сможет покинуть это проклятое заброшенное место, оставшись незамеченной. Но всего на секунду она представила себя сидящей за столом вместе с ними... ожидающей конца света в компании этих разлагающихся трупов — не живых и не мертвых. Это были никчемные отбросы их расы, отвергнутые своими собратьями-вампирами. Им незачем жить. Возможно, даже присущая вампирам жажда крови уже почти угасла в холодных, как камень, комках мышц, которые они называли своими сердцами. Достойные жалости, уродливые, одинокие создания, которым не под силу оказалось даже умереть.

Отступив на шаг, она оглянулась. Сбежать отсюда можно, только бросившись в реку. Река, конечно, не опасна теперь. Но что дальше? В воде ее ждет лишь путь неведомо куда в полном одиночестве. Снова ее захлестнула сильная темная волна отчаяния. Она попятнулась, едва не потеряв равновесие. Сможет ли она снова встретиться с ним? С этим мрачным одиночеством. Как оно сводило ее с ума! Превращало каждую минуту ее существования в невыносимую пытку. И каждый мучительный миг ее жизни сменялся следующим, таким же кошмарным.

До реки всего тридцать шагов... и она спасется от сборища оживших мертвецов в гниющем коттедже. Всего тридцать шагов... она преодолеет это расстояние за двадцать секунд.

На этот раз она не колебалась. Повернувшись к реке спиной, она постучала в окно.

— Пожалуйста,— прошептала она.— Пожалуйста... пустите меня. Я не хочу быть одна.

Ночной ветерок унес ее слова во тьму, где они растаяли в свете холодной луны.

РОНАЛЬД ЧЕТВИНД-ХЕЙС

Лабиринт

Рональд Четвинд-Хейс хорошо известен как британский «князь ужасов». За сорок лет активной писательской деятельности он создал одиннадцать романов, более двухсот рассказов, а также выступил в роли редактора двадцати пяти антологий.

Уроженец Исльворта (западный Лондон), он впервые взялся за перо в начале 1950-х годов. Его дебютный роман (опубликован в 1959 году) был написан в жанре научной фантастики и назывался «Человек из бомбы» («The Man from the Bomb»). Пять лет спустя им был опубликован второй роман «Темный человек» («The Dark Man»). Изучая ассортимент книжных прилавков в начале 1970-х годов, он обнаружил изобилие произведений в жанре хоррор. Следуя моде, он выпустил в свет сборник своих рассказов в этом, популярном тогда жанре. Сборник был издан в мягкой обложке и имел весьма характерное название «Непрошеное» («The Unbidden»). Став профессиональным писателем, Рональд Четвинд-Хейс публиковал один сборник рассказов за другим. Все его произведения имеют не только лихо закрученные сюжеты, но и сдобрены прямо-таки обезоруживающим чувством юмора. Его рассказы были включены в многочисленные тематические антологии, по мотивам его произведений были сняты фильмы «From Beyond the Grave» (1973) и «The Monster Club» (1980). В последнем, основанном, возможно, на самой знаменитой книге Четвинда-Хейса, в роли автора снялся ветеран фильмов ужасов актер Джон Кэррадайн. Многие из произведений автора были использованы для радиопостановок, а его повесть «Housebound» легла в основу телесериала «Rod Serling's Night Gallery» (1973). В 1989 году Рональд Четвинд-Хейс был удостоен наград американского общества Horror Writers и британского Fantasy Society. В 1997 году он был приглашен в качестве почетного гостя на World Fantasy Convention, проходившую в Лондоне. Рональд Четвинд-Хейс умер в 2001 году.

Автор любил повторять: «Мы с вампирами неплохо уживаемся вместе». А в качестве доказательства еще одна любопытная история...

Они заблудились. Розмари поняла это и высказалась, не экономя резких выражений. Брайан также не питал иллюзий относительно их положения, однако все еще отказывался признать его безвыходным.

— Человек не может взять и заблудиться в Англии, — заявил он. — Мы непременно выйдем на шоссе, если все время будем двигаться по прямой.

— А что, если мы просто ходим кругами? — спросила Розмари, в ужасе обводя взглядом окружавший их дартмутский пейзаж. — И в конце концов, что, если мы увязнем в болоте?

— Если будем смотреть в оба, нет повода бояться болот. Довольно нытья. Вперед.

— Нам все-таки не следовало сворачивать с той тропинки, — гнула свою линию Розмари. — Что, если здесь нас застигнет ночь?

— Не говори глупостей, — отрезал он. — Еще только полдень. Мы будем в Принстауне задолго до наступления ночи.

Для Розмари все это звучало неубедительно.

— Ты надеешься? А я, между прочим, хочу есть.

— Я тоже, но не твержу об этом все время.

Дорога, по которой они двигались, пошла в горку.

— Я — не все время. Просто я проголодалась и сказала об этом. Как ты думаешь, мы скоро дойдем до шоссе?

— Мы увидим его за следующим холмом, — пообещал Брайан. — Дорога, которую ищешь, всегда за очередным холмом.

Но он ошибся. Когда они поднялись на вершину очередного холма и осмотрелись вокруг, то увидели лишь узкую тропинку, которая вела к обветшалым воротам в низкой, сложенной из камней стене. За стеной, подобно острову посреди желтого озера, высился окруженный газоном дом. Возведенный из серого камня, он казался порождением самих торфяных болот, — огромным, стелющимся по земле монстром, пристально взирающим на окрестности многочисленными стеклянными глазами окон. Дом выглядел странно. Ряды каминных труб с успехом могли сойти за обломки скал, скругленных веками усердной работы дождя

и ветра. Но вот что было действительно странным, так это то, что солнце как будто обходило дом стороной. Из-за немилосердных лучей палящего солнца трава на лужайке перед домом выгорела и стала бледно-желтой, а краска на стенах расположенной неподалеку беседки потрескалась. Но в силу каких-то необъяснимых причин солнечный свет не признавал существования каменного монстра.

— Чай! — воскликнула Розмари.

— Что?

— Чай. — Она показала пальцем. — Та пожилая леди пьет чай.

И впрямь за маленьким столиком в тени громадного пестрого зонта сидела, удобно устроившись, миниатюрная седая старушка и пила свой чай. Брайан озадаченно нахмурился, силясь понять, как могло получиться так, что старушка или, по крайней мере, зонт до сих пор оставались им не замеченными. Однако она была перед ним — крошечная старушенция в белом платье и панамке, уплетающая сандвичи и запивающая их чаем. Он облизнул пересохшие губы.

— Полагаешь, — начал было он, — стоит решиться на вторжение?

— Следи за мной. — Розмари побежала вниз по тропинке, ведущей к воротам. — Да хоть бы и к самому Дракуле, будь у него наготове чашка доброго чаю.

Едва ступив на усыпанную гравием дорожку, они обнаружили, что попутный ветерок, гулявший по нежившейся в солнечных лучах вересковой пустоши, не осмеливается сопровождать их далее. Вокруг все словно замерло. Стало подозрительно тихо. Единственным звуком, нарушавшим загадочное безмолвие, был шелест гравия под ногами, да и он вскоре исчез, стоило им перейти на выгоревшую на солнце лужайку.

Старушка посмотрела в их сторону, и ее доброе, мудрое лицо осветила лучезарная улыбка, а миниатюрные ручки в это время ловко передвигали стоящие на столе чашки и блюдца и, как бы невзначай, дотрагивались до чайника, пробуя, не остыл ли он.

— Бедненькие мои ребятки, вы выглядите совершенно загнанными, — сказала она слегка резким и надтреснутым

голосом, встречающимся иногда у пожилых великосветских леди. Ее речь звучала безупречно, произношение было идеальным.

— Мы заблудились, — приободрившись, прощебетала Розмари. — Мы прошли уже так много.

— Я должен принести извинения за наше вторжение, — заговорил было Брайан, но старушка отчаянно замахала чайной ложечкой, как бы давая понять, что ни о чем подобном не стоит даже и беспокоиться.

— Мой милый мальчик! Добро пожаловать. Не могу припомнить, когда в последний раз мне доводилось принимать гостей. Но я всегда надеялась, что однажды кто-нибудь, проходя мимо, возьмет да и зайдет ко мне на огонек.

На мгновение показалось, что старушка вздрогнула или ее внезапно залихорадило. Несмотря на то что ее руки и плечи немного дрожали, лицо несло на себе печать беспокойного гостеприимства.

— Да что же это я?! Вы так устали с дороги, а я вам даже присесть не предложила! Карло! Карло! — повернув голову, позвала она высоким, дрожащим от волнения голосом.

Худой долговязый человек вышел из дома и медленным шагом направился к ним. Черный атласный жакет и брюки, видимо, скрывали какое-то уродство, заставлявшее его передвигаться по лужайке странными скачками. Брайан невольно подумал о волке или об огромном псе, преследующем чужаков. Человек остановился в нескольких футах от старушки и замер, как-то чересчур пристально уставившись своими синевато-серыми глазами на Розмари.

— Карло, принеси-ка стулья, — распорядилась пожилая леди. — И добавь кипятка.

Карло издал гортанный звук и ускакал в сторону беседки. Мгновение спустя он вернулся с двумя маленькими складными стульчиками. Удобно устроившись в тени огромного зонта, Розмари и Брайан с наслаждением прихлебывали чай из изящных китайских фарфоровых чашек под аккомпанемент скрипучего голоса старушки.

— Должно быть, я прожила в одиночестве довольно долго. Избави боже, сказать вам, сколько именно. Вы будете

смеяться. Время поистине неистощимое богатство, до тех пор, пока его источник под надежным контролем. А весь секрет времени в том, что состоит оно из мельчайших частиц. Час — это недолго, пока вы не осознаете, что час состоит из трех тысяч шестисот секунд. А неделя? Вам когда-нибудь приходило в голову, что каждые семь дней в вашем распоряжении имеются шестьсот четыре тысячи восемьсот секунд. Это же огромное сокровище. Возьми-ка еще один сандвич с клубничным джемом, детка.

Розмари взяла еще один треугольный сандвич с розовой начинкой и широко открытыми глазами уставилась в сторону дома. Вблизи он выглядел еще более угрюмым. Казалось, что его стены укрылись собственными тенями, будто призрачными плащами. И хотя громадный дом стоял на открытом месте, с солнечным светом он явно не дружил. Розмари незамедлительно вывела соответствующее заключение: «Должно быть, дом очень старый».

— Ему уже многие миллионы секунд, — промолвила пожилая леди. — Он уже порядком хлебнул из бочонка времени.

Розмари не удержалась и хихикнула, но тут же, испытав на себе взгляд Брайана, поспешно придала лицу серьезное выражение. Брайан отпил из своей чашки и сказал:

— Очень мило с вашей стороны приютить нас. Мы были совершенно измотаны и очень напуганы. Торфяным болотам, казалось, не будет конца, и я уже думал, что придется провести ночь под открытым небом.

Пожилая леди кивнула. Ее взгляд перескакивал с одного молодого личика на другое.

— Не очень-то приятно заплутать среди торфяных болот. Но я не сомневаюсь, что, не объявись вы до наступления ночи, ваши близкие подняли бы тревогу и отправились на поиски.

— Ничего подобного, — возразила Розмари с очаровательным простодушием, — никто не знает, где мы. Мы решили провести каникулы как бродяги, путешествуя без определенного маршрута и цели.

— Как заманчиво, — пробормотала старушка, затем, не поворачиваясь, распорядилась: — Карло, кипятка! Пошевеливайся, парень!

Карло все тем же странным манером выскочил из дома, держа серебряный кувшин в одной руке и поднос с горой сандвичей в другой. Когда он достиг стола, из его открытого рта с шумом вырывалось тяжелое прерывистое дыхание. Старушка бросила на него мимолетный сочувствующий взгляд.

— Мой бедный мальчик, — вздохнула она. — Жара утомила тебя? Тебе тяжело дышать? Слишком душно? Не переживай, тебе стоит пойти прилечь где-нибудь в тени.

Пожилая леди обернулась к гостям и одарила их самой что ни на есть любезной улыбкой.

— Карло — смешанных кровей, и поэтому жара для него тяжкое испытание. Я настаиваю на том, чтобы он старался держать себя в руках, но все напрасно — он по-прежнему носится как заводной. — Она вздохнула. — Ничего не поделаешь.

Розмари пристально разглядывала подол своего платья, и ее плечи стали угрожающе подергиваться. Брайан поспешил переменить тему:

— Так вы одна занимаете целиком этот огромный дом? Он выглядит чудовищно вместительным.

— Я занимаю лишь малую часть его, дитя мое. — Старушка залилась мягким чистым смехом, подобным звуку миниатюрного серебряного колокольчика. — Видишь те закрытые шторами окна на первом этаже? Там и есть мое маленькое царство. Все прочее заперто, не считая пустых коридоров.

Брайан еще раз пристально посмотрел на дом с возросшим любопытством. Шесть окон первого этажа выделялись среди прочих относительной свежестью выкрашенных в белый цвет рам и белоснежных штор. Однако сами стекла не отражали солнечного света. Брайан нахмурился и окинул взглядом окна верхних этажей.

Три ряда жутко замызганных грязью окон. Жизнь, некогда существовавшая за теми стеклами, давно угасла, сохранившись, возможно, только в виде самых неприхотливых ее представителей — крыс и мышей. Брайан ощутил странную слабость в коленках и попытался обхватить их руками. В третьем слева окне самого верхнего этажа он

внезапно заметил лицо. Нельзя было разобрать, старое оно или молодое, мужское или женское или даже детское. Это было лишь белое пятно с парой ничего не выражающих глаз и плотно прижатым к стеклу сплюснутым носом.

— Мадам... — начал Брайан.

— Меня зовут, — тихим голосом сказала пожилая леди, — миссис Браун.

— Миссис Браун, там э...

— Имя как имя, без особых претензий, — продолжала она, — хорошо сочетается с домашним очагом, свистящим чайником и горячей выпечкой.

— Мадам, миссис Браун, там, наверху, окно...

— Что за окно, дитя мое? — Пожилая леди с озабоченным видом принялась тщательно изучать содержимое заварочного чайничка. — Этих окон здесь довольно много.

— Третье слева. — Брайан указал на маячившее в окне лицо. — Кто бы это ни был, похоже, этот кто-то дает нам понять, что у него неприятности.

— Тебе показалось, мой мальчик. — Миссис Браун покачала головой. — Там никто не живет, а нет жильцов, откуда ж взяться лицам. По-моему, вполне очевидно.

Лицо исчезло. Окно внезапно оказалось затянутым неким подобием пелены, придавшей ему сходство с невидящим оком мертвеца, уставленным в залитую солнечным светом даль.

— Могу поклясться, лицо там все-таки было, — пытался настоять на своем Брайан.

Миссис Браун лишь улыбнулась в ответ:

— Отражение облака. Легко увидеть лицо, даже если его и в помине нет. Любая трещина на потолке, подтек на стене, лужа в лунном свете — все превращается в лица, если мозг утомлен от перенапряжения. Могу я предложить еще одну чашечку чаю?

— Не стоит. Благодарю. — Брайан поднялся, легким толчком локтя побуждая Розмари последовать его примеру. — Если вы будете столь любезны и укажете нам дорогу до ближайшего шоссе, мы немедленно откланяемся и пустимся в путь.

У миссис Браун был сильно расстроенный вид.

— Не могу себе позволить так поступить. До ближайшего жилья не одна миля пути. Вы наверняка снова заблудитесь. Поэтому я просто обязана оставить вас здесь на ночлег.

— Вы очень добры к нам и, пожалуйста, не считайте нас неблагодарными созданиями, — сказал Брайан, — но ведь где-то неподалеку должна быть деревушка?

— Ах, Брайан, — Розмари вцепилась ему в руку, — мне не выдержать еще нескольких часов блуждания. И что, если мы не успеем до захода солнца?

— Я уже объяснял тебе, что мы будем дома задолго до того, — резко прервал ее Брайан.

Миссис Браун встала. Она была среднего роста, но сутулые плечи делали ее чуть ниже. Как бы шутя, она погрозила пальцем молодому человеку:

— Разве можно быть таким толстокожим? Неужели не понятно, что бедная девушка просто с ног валится от усталости? — Она взяла Розмари за руку и повлекла ее за собой в направлении дома, продолжая резким и четким голосом осыпать Брайана упреками. — Эти большие сильные мужчины вовсе не думают о таких хрупких созданиях, как мы — бедные женщины, не так ли, дорогая?

— Грубое животное. — Розмари через плечо скорчила Брайану рожицу. — Если бы он не решил свернуть с главной тропинки, мы бы не заблудились!

— Все это — дух беспокойства, который неотступно преследует лучших из них, — секретничала миссис Браун. — Они зачем-то должны скитаться по странным и далеким местам, но стоит им попасть в беду, как они тотчас торопятся домой, поближе к юбке.

Они шагнули внутрь сквозь открытое французское окно, оставляя позади знойный летний полдень. Мягкая, всепроникающая прохлада словно влажной простыней укрыла их тела.

— Какая прелесть! — воскликнула Розмари.

Брайана бросило в дрожь.

Ее слова относились к комнате. Там было полно мебели: стулья, стол и очень ветхий буфет. Узорчатый ковер выцвел, впрочем, как и обои на стенах. Ваза с засохшими

цветами стояла на каминной полке. В прохладном воздухе был разлит едва уловимый сладковатый аромат — запах старости, немощи и, наконец, самой смерти. На мгновение Брайан представил открытый гроб, убранный мертвыми цветами. Тут миссис Браун заговорила:

— В задней части дома есть две милые маленькие комнатки. В них вы найдете покой и отдых.

Откуда-то появился Карло и застыл в дверном проеме. Он внимательно следил своим немигающим взглядом за тем, как хозяйка немного мрачновато покачивала головой.

— Следуйте за ним, мои дорогие. Карло в вашем распоряжении. Как только почувствуете себя отдохнувшими, мы пообедаем.

Они шли за своим странным проводником вдоль выкрашенных в мрачные тона стен. Он распахнул две двери, подтолкнув Розмари в одну из них, и затем безразличным взглядом указал Брайану на другую.

— И давно вы у миссис Браун? — спросил Брайан громко, полагая, что Карло глухой. — Вам, должно быть, здесь несколько одиноко?

Карло не ответил, лишь молча повернулся на каблуках и удалился вглубь коридора, все так же странно подскакивая при ходьбе. Розмари хихикнула:

— Скажи честно, ты видел когда-нибудь прежде такое?

— Только в фильмах ужасов, — признался Брайан. — Как думаешь, он глухой?

— Очевидно. — Розмари поежилась. — Давай посмотрим наши комнаты.

Они были одинаковые. В каждой стояли розовая кровать, комод в стиле эпохи Тюдоров и прикроватная тумбочка. Все тот же едва уловимый аромат чувствовался и здесь, но Розмари, казалось, его не замечала.

— Ты думаешь, ванная где-то неподалеку? — спросила она, усаживаясь на кровать Брайана.

Не успел он ответить, как вновь в дверном проеме показалась кособокая фигура Карло, который выразительными гортанными звуками призывал проследовать за ним. Он повел их в глубину коридора, в конце коего обнаружилась дверь. Открыв ее, Карло направил молодых людей внутрь.

Там находилась старинная сидячая ванна. У стены были свалены в кучу кожаные ведра.

Брайан и Розмари корчились от смеха, держась друга за друга, чтобы не рухнуть на пол. Их немой проводник наблюдал за происходящим с явным безразличием. Брайан в конце концов обрел дар речи:

— Задай глупый вопрос — получишь идиотский ответ.

— Я редко ем. — Миссис Браун небольшими глотками пила из стакана минеральную воду, наблюдая за тем, как молодежь налегает на стейк, щедро сдабривая его порциями салата. — В моем возрасте для поддержания пламени в очаге нужно совсем немного топлива — глоток воды, случайный огрызок или несколько завалявшихся крошек.

— Но вы должны есть, — Розмари взглянула на старушку с некоторым беспокойством, — я имею в виду, вам это необходимо.

— Дитя, — миссис Браун кивнула Карло, уже начавшему убирать со стола, — пища — это совсем необязательно только лишь мясо и овощи. Страсть питает душу и кормит тело. Я рекомендую любовь как hors d'œuvre[1], ненависть как entrée[2] и страх — на десерт.

Розмари с испугом посмотрела на Брайана и отпила глоток воды, чтобы скрыть волнение. Молодой человек решил вернуть разговор к более приземленным темам.

— Мне интересен ваш дом, миссис Браун. Жаль только, что используется лишь малая его часть.

— Я не говорила, что он не используется, дорогуша, — мягко поправила Брайана миссис Браун. — Я сказала, что за пределами этих комнат никто не живет. Ведь есть разница, не так ли?

Карло вернулся с блюдом, на котором горделиво возвышалось розовое бланманже. После долгого, но, как и прежде, ничего не выражающего взгляда на молодых людей он поставил десерт на стол.

---

[1] Закуска *(фр.)*.

[2] Основное блюдо *(фр.)*.

— Вы должны извинить Карло, — сказала миссис Браун, разрезая бланманже на части. — Мы давно не принимали гостей, и поэтому он разглядывает то, чего ему не дозволено касаться.

Брайан слегка толкнул Розмари, уставившуюся на бланманже с плохо скрываемым восторгом.

— Миссис Браун, так вы говорите, остальная часть дома необитаема, однако используется? Прошу прощения, но...

— Кто-нибудь живет у тебя в животе? — тихо спросила миссис Браун.

Он было рассмеялся, но, заметив полное отсутствие каких-либо признаков веселья на морщинистом лице миссис Браун, быстро принял серьезный вид.

— Нет, конечно нет.

— Но он используется? — продолжала миссис Браун.

Брайан кивнул:

— Естественно. Еще как.

— То же самое происходит с домом. — Она протянула Розмари тарелку с тремя ломтиками бланманже, на что та пролепетала «спасибо».— Видишь ли, чтобы дом был живым организмом, вовсе не обязательно присутствие в нем людей.

Брайан с хмурым видом принял подаваемую ему тарелку с десертом.

— Почему бы и нет? — Пожилая леди, казалось, была удивлена тем, что ее слова вызвали недоверие. — Вы не допускаете того, что дом может жить сам по себе?

Оба энергично замотали головами, и миссис Браун, по-видимому, была удовлетворена таким сердечным согласием.

— В конце концов, что такое коридоры в обычных домах? Кишки. Внутренности, если хотите. А котел, который дает горячую воду? Сердце — что же еще? В том же роде трубы и цистерны, сосредоточенные на чердаке. Они не что иное, как мозг?

— Вы так считаете?

— Да, я так считаю.— Миссис Браун подложила еще один кусочек в тарелку Розмари.— Однако я говорила об обычных домах, но этот дом — необычный, он по-настоящему живет.

— Хотел бы я встретиться с его строителем, — съязвил Брайан, — должно быть, интересный был парень.

— Строитель! — Миссис Браун засмеялась. — Неужели я упомянула что-нибудь о строителе? Мой дорогой мальчик, дом не был построен, он — вырос.

— Глупее не придумаешь! — Розмари высказалась со всей определенностью, усевшись на кровать Брайана.

— Верно, — кивнул Брайан. — Но сама идея очаровательная.

— Да брось ты, как это дом может расти? Отец ему — архитектор, мать ему — строитель. Все это хорошо, — продолжала Розмари, — но эта старая сарделька имела в виду, что чертов дом вырос, словно дерево. Откровенно говоря, меня уже в дрожь от нее бросает. Знаешь что? Мне кажется, она смеется над нами. И еще эти нарезанные ломтики бланманже...

— Дом является продолжением человеческой индивидуальности, — размышлял вслух Брайан, — в начале жизни он невинен как младенец, но пожив на свете некоторое время... — Он сделал паузу. — Дом обретает атмосферу... даже может обзавестись призраками.

— Ой, замолчи. — Розмари поежилась. — Мне предстоит еще спать здесь сегодня ночью. В любом случае, она ляпнула лишь то, что дом вырос.

— Даже в этом есть своя логика. — Он зловеще ухмыльнулся, передразнивая напускной, по его мнению, страх Розмари. — Посмотрим с другой стороны: вначале была атмосфера, затем уже появился сам дом.

— Я отправляюсь спать. — Она встала и медленно направилась к двери. — Если услышишь крик в ночи — бегом ко мне!

— Зачем тогда вообще уходить? — лукаво спросил Брайан. — Останься здесь, и мне не придется никуда бежать.

— Ха-ха! Шутник. Не в этом доме. — Розмари шаловливо улыбнулась, стоя в дверях. — Мне бы чудилось, что кто-то пялится на меня с потолка.

Брайан лежал в своей огромной кровати под балдахином, держащимся на четырех столбах, и прислушивался к

звукам готовящегося ко сну дома. Деревянные конструкции сжимались из-за наступившей прохлады: половицы скрипели, оконные рамы потрескивали, где-то хлопнули дверью. Сон начал притуплять его ощущения, Брайан балансировал на грани забытья. Вдруг, как после взрыва бомбы, сон полностью улетучился. Протяжный стон, нарушая тишину, надвигался на него со всех сторон. Он сел и оглядел комнату. Насколько он мог видеть в просачивающемся сквозь кружево занавесок свете восходящей луны, комната была пуста. Внезапно стон повторился. Брайан соскочил с кровати, зажег свечу и округлившимися от страха глазами начал разглядывать комнату. Звук шел отовсюду — от стен с их выцветшими обоями бледно-розового цвета, от потрескавшегося потолка, от потертого ковра. Трясущимися руками он закрыл уши, пытаясь защититься от этого звука, который могла издавать лишь стенающая в муках Вселенная, проникавшего, казалось, в самый мозг, в центр всего его организма. Так же внезапно, как и появился, звук исчез. Тяжелая, гнетущая тишина огромным одеялом плотно окутала дом. Брайан мигом натянул на себя одежду.

— С меня хватит, — проговорил он вслух, — пора сматываться отсюда. Немедленно.

Прокатилась новая волна звуков: медленные, нерешительные шаги по скрипящим доскам пола, аккуратное вышагивание босых ног, перемежающееся со скольжением. Тот, чьим шагам сопутствовали эти звуки, очевидно, был обременен вековой усталостью. Не вызывало сомнений, что шагавший находился наверху, — мягкие, глухие шаги мерили потолок. Дом вновь застонал, но сейчас это был экстатический, насыщенный, низкий стон. Брайан приоткрыл дверь спальни и украдкой проскользнул в коридор. Стоны и звук неторопливых шагов слились теперь воедино, превратившись в симфонию ночного кошмара, в двухголосную серенаду ужаса. Затем шум вновь прекратился, и тишина уподобилась фугасному снаряду, готовому разорваться в любой момент. Брайан обнаружил, что, сам того не желая, ждет возобновления стонов и шагов по потолку или чего-нибудь еще более невообразимого.

Он постучал в дверь комнаты Розмари, затем повернул ручку и, держа в высоко поднятой руке свечу, вошел внутрь и позвал девушку:

— Розмари, просыпайся давай, сматываемся отсюда!

Дрожащее пламя свечи проецировало гигантские пляшущие тени на стены и потолок. Ищущий взгляд Брайана обнаружил кровать. Она оказалась пустой. Простыни и одеяла были разметаны и скомканы, подушка валялась на полу.

— Розмари?..

Брайан прошептал ее имя, и дом рассмеялся ему в ответ. Низкий, резкий, булькающий смех заставил его в ужасе выбежать из комнаты, промчаться по длинному коридору, пока он не ввалился в столовую. Оранжевый свет старомодной масляной лампы, стоявшей на столе и едва освещавшей комнату, падал на лицо миссис Браун, восседавшей в кресле и мирно штопавшей носок. Она глянула на внезапно появившегося Брайана и улыбнулась, словно мать ребенку, зачем-то выскочившему из своей уютной постельки морозной зимней ночью.

— Я бы поставила свечу на стол, мой мальчик, — сказала она, — иначе ты заляпаешь воском весь ковер.

— Где Розмари?! — заорал он.

— Нет нужды так кричать. Несмотря на преклонный возраст, я не глухая. — Она перекусила нитку, вывернула носок и с гордостью осмотрела свою работу. — Так много лучше! Карло жестоко обращается со своими носками, — она посмотрела на Брайана с коварной улыбкой, — чего и следовало бы ожидать, конечно. У него такие грубые ноги.

— Где она? — Брайан поставил свечу и придвинулся ближе к миссис Браун, которая уже заканчивала складывать швейные принадлежности в корзину. — Ее нет в комнате, зато там полно следов борьбы. Что вы с ней сделали?

Миссис Браун огорченно покачала головой:

— Вопросы, вопросы... Как охоча до знаний молодость! Ты желаешь знать правду, а скажи я тебе все как есть, ты будешь сильно огорчен. Незнание — благодать, дар богов, так часто ошибочно отвергаемый смертными. Иногда даже мне хотелось бы знать меньше... но... — Ее вздох означал горькое смирение. — Время многое открывает тем, кто жи-

вет достаточно долго. Мне надо идти спать, да и молодости нужен отдых.

Брайан подошел еще ближе и заговорил, пытаясь сдерживать эмоции и тщательно выбирать слова:

— Я в последний раз вас спрашиваю, миссис Браун, или как там ваше имя, ЧТО ВЫ СДЕЛАЛИ С РОЗМАРИ?

Она с упреком покачала головой:

— Угрозы? Как глупо! Воробью не следует запугивать орла. Это лишь напрасная трата времени.

Поставив корзинку для шитья на пол, миссис Браун резким, неожиданно твердым голосом позвала:

— Карло!

За спиной Брайана раздалось грозное рычание. Такого рода наводящий страх звук мог быть извергнут либо из пасти какого-нибудь огромного пса, вставшего на защиту своей хозяйки, либо волчицы, спасавшей собственных детенышей. Но, оглянувшись, Брайан увидел Карло, который стоял в нескольких футах от него. Голова Карло была немного наклонена вбок, и внезапно, обнажив большие желтые клыки, он произвел то самое жуткое рычание. Его поза была нелепой — чуть наклонившись вперед, он будто приготовился к прыжку; пальцы были скрючены так, что вместе с длинными острыми ногтями они были очень похожи на звериные когти; щеки его были втянуты, а волосы на узком черепе откинуты назад, наподобие лоснящейся, черной как смоль гривы.

— Поверь мне, — начала миссис Браун, ее голос зазвучал гораздо мягче и... моложе, — достаточно одного моего слова, и он вцепится тебе в горло.

— Вы ненормальные! — Брайан попятился, преследуемый все ближе подступающим к нему Карло. — Вы оба не в своем уме...

— Ты хочешь сказать, — миссис Браун обошла Брайана и встала рядом с Карло, — что мы ненормальны, по вашим меркам, — в этом я с тобой согласна. Нормальность — это лишь форма безумия, одобренная большинством, но, думаю, пришло время открыть правду, к которой ты так стремился.

— Я хочу всего лишь найти Розмари и убраться отсюда, — сказал Брайан.

— Найти твою маленькую подружку? Возможно. Уйти отсюда? Ах... — Миссис Браун выглядела задумчивой. — Это уже другая проблема. Ладно, идем, тебе еще многое предстоит увидеть. И пожалуйста, без фокусов. Карло начеку. В полнолуние он немного нервный.

Они вышли в холл: миссис Браун впереди, следом Брайан, шествие замыкал хмурый Карло. Справа от лестничного марша находилась маленькая черная дверь. Отперев ее и войдя в комнату, миссис Браун зажгла лампу от свечи Брайана. Свет разгоравшегося фитиля распространился вокруг, освещая дубовые панели на стенах и затянутый паутиной потолок. Комната была пуста, если не считать портрета, висевшего над покрытым слоем грязи мраморным камином. Портрет, подобно действию магнита на булавку, притягивал к себе взгляд молодого человека. На абсолютно черном фоне картины высвечивалось мертвенно-бледное лицо. Огромные темные глаза его светились ненавистью ко всему живому, тонкие губы были плотно сжаты. Портрет был написан настолько живо, что Брайану на миг почудилось, будто эти губы вот-вот разомкнутся.

— Мой последний муж, — сказала миссис Браун, — был любителем крови.

Сказанное не требовало комментариев, и потому Брайан от них воздержался.

— Это было, пожалуй, самое значительное событие за минувшие пятьсот лет, — продолжала миссис Браун. — Я хорошо помню случившееся. Все произошло поздним вечером. Священники, похожие на черных воронов, распевали псалмы. Крестьяне невнятно блеяли и жались друг к другу, словно стадо баранов. Торфяные болота были укрыты пеленой тумана, сгущавшейся над треклятым крестом и тщетно старавшейся защитить нас от исходившей от него угрозы.

Она замолчала, и Брайан вдруг заметил, что теперь миссис Браун выглядит намного моложе. Ее лицо стало более округлым, плечи распрямились.

— Меня не сочли важной персоной, — продолжила миссис Браун, — поэтому просто привязали к дереву и высекли

на радость этим скотам в человеческом обличье, для которых не было ничего приятнее, чем глазеть на страдания избиваемой плетью женщины. Но его участь была куда страшнее... Они вырыли яму и, связав его по рукам и ногам, бросили в нее. Затем вбили кол в его сердце. Глупцы.

Миссис Браун смерила слушавшего ее Брайана проницательным взглядом.

— Они сочли его мертвым. Мертвым! Но его мозг продолжал жить. Кровопролитие было символичным. Он сохранил субстанцию, которая являлась и продолжает являться важнейшей из всех, что нам необходимы. В нем осталась сила, которая позволяет душе достигать высот, молот, что способен выковать красоту из самого черного порока.

Она подошла к портрету и руками, ставшими вдруг изящными и утонченными, коснулась бледного, отмеченного печатью зла лица на картине.

— Когда они похоронили его тело, то посадили в землю зерно, из которого вырос этот дом — проекция человека, сохранившая душу.

— Я вам не верю, — тряс головой Брайан, — и ни за что не поверю. Я просто не могу вам верить.

— Нет?! — Она захохотала, а вместе с нею завыл Карло. — Тогда дотронься до стен и почувствуй, какие они теплые и влажные — плоть от его плоти! Флюиды его тела сочатся из их пор, когда он пробуждается. Смотри! — Она указала на огромную двустворчатую дверь в стене. — Посмотри, ведь это рот! Я даю ему через это отверстие пищу — сочную, живую. Всем нам от этого польза. Мне, Карло — потомку здешних обитателей. Иногда я позволяю бедняжке побродить в окрестностях в полнолуние и, конечно же, Ему — Дому. Ему необходима самая хорошая пища, какую только можно раздобыть. После мяса он засыпает и больше не стонет. Мне не нравится, когда он страдает.

— Где Розмари? — в очередной раз спросил Брайан, уже начиная догадываться, что услышит в ответ.

— Уже прошел час с того момента, когда она вошла в те двери. — Миссис Браун мягко засмеялась, а Карло заскулил. — Если ты хочешь отыскать ее, выбор у тебя невелик: тебе придется отправиться по ее следам по кишкам-кори-

дорам, в самое Его чрево. Скитайся и зови, продирайся по ним до тех пор, пока наконец твоя воля не будет сломлена и ты не станешь Его добычей.

— Вы хотите, чтобы я вошел в эти двери,— с надеждой спросил Брайан,— и отправился бродить по коридорам пустого дома? А когда я найду Розмари, мы сможем уйти отсюда!

Женщина улыбнулась, подойдя ближе к Карло.

— Карло, открой двери.

Кособокий человек, если Карло вообще можно было назвать человеком, двинулся вперед и молча выполнил приказ. Со скрипом, похожим на протяжный стон, двери распахнулись. Взору Брайана открылся мрачный проход, ограниченный двумя выкрашенными в зеленый цвет стенами. Теплый, сладковатый и насыщенный запах вызвал у него приступ тошноты, и юноша попятился.

— Она ждет тебя,— тихим голосом проговорила миссис Браун,— и, думаю, она сильно напугана. Конечно, она не одна блуждает по лабиринту Его внутренностей, но боюсь, что многие из тех, кто теперь составляет ей компанию, уже порядком переварены.

Карло пребывал в ожидании, придерживая рукой одну из створок. Его глаза были похожи на глаза голодного волка, видящего, как его добычу пожирает лев. Не оборачиваясь, Брайан переступил через порог, и двери с лязгом захлопнулись за ним.

Ступеней не было. Местами коридор шел под углом вверх, иногда — винтом вниз. Были участки относительно ровные, но коридор слишком часто менял свое направление. Он извивался, пересекался с другими коридорами, неожиданно разделялся, предоставляя путнику на выбор несколько вариантов продолжения пути. Иногда эти узкие проходы заканчивались тупиками, вынуждая странника возвращаться по своим собственным следам к главному коридору. Стены и потолок, излучавшие жуткое зеленоватое свечение, порой загадочно вибрировали, наводя на мысль, что это свечение порождено некой формой гниения и распада.

Брайан, спотыкаясь, двигался вперед и все время звал Розмари. Эхо передразнивало его, унося прочь и снова

возвращаясь, как бумеранг. Однажды он упал и ударился о стену. В то же мгновение влажная зеленая поверхность ее сжалась, приняв на себя часть веса Брайана. Оттолкнувшись от стены, юноша услышал мерзкий звук, похожий на чавканье. Кусок рукава его рубашки оказался застрявшим в стене, а предплечье украсилось кровоподтеком.

Спустя почти тридцать минут он добрался до стеклянного коридора. Но-другому назвать его было нельзя, поскольку одна его стена состояла из окон, расположенных на расстоянии не более фута друг от друга. У Брайана невольно вырвался радостный возглас: конечно, это то самое место, через которое они с Розмари попытаются сбежать из проклятого Дома! Потом он увидел *их*. Перед каждым окном виднелись очертания страшно худых, чучелоподобных фигур, которые прикасались своими скрюченными пальцами к оконным стеклам и скулили, словно животные.

Брайан подошел к первому окну и мельком глянул сквозь грязное стекло. Он находился, скорее всего, на втором этаже. Брайану были хорошо видны залитые лунным светом ближайшая лужайка и простиравшиеся чуть поодаль торфяные болота. Его внимание привлек огромный скачущий по лужайке пес. Внезапно кто-то коснулся руки Брайана, и, обернувшись, он лицом к лицу столкнулся с одним из существ, молча вползавшим в соседнее окно. Теперь он мог рассмотреть вблизи череп, обтянутый коричневой сморщившейся кожей, и безжизненные глаза, взиравшие на него с выражением немого укора. Судя по остаткам красной рубахи и коричневых вельветовых брюк, это существо прежде было цыганом. Клешнеобразные руки бессильно дергали Брайана за рукав, из открытого беззубого рта вырывался хриплый шепот:

— Старая корова приказала войти.

— Сколько времени ты провел здесь? — спросил Брайан, с неудовольствием замечая, что множество подобных существ, представляющих собою кости, обтянутые кожей, покидают свои прежние места и устремляются, шлепая босыми ногами, к нему.

Снова раздалось шипение:

— Старая корова приказала войти!

— А вы не встречали девушку?! — заорал Брайан. — Кто-нибудь из вас видел девушку?!

Человек в лохмотьях попытался схватить Брайана за руку, но ему это не удалось, и он смог лишь заново повторить единственную фразу:

— Старая корова приказала войти.

Все эти человеческие огрызки столпились вокруг испуганного Брайана. Трое походили на женщин, несмотря на то что волосы их давно выпали. Одна из них, длинная, как бобовый стебель, мямлила: «Милый мальчик», безуспешно пытаясь впиться беззубыми деснами в его шею.

— Разбейте стекла! — крикнул Брайан, осторожно отталкивая их от себя. — Слушайте, разбейте стекла, и я, спустившись, смогу вам помочь!

— Старая корова приказала войти! — Эти четыре зловещих слова звучали снова и снова.

Некое отвратительное создание, ростом не выше ребенка, попыталось укусить Брайана за правую руку, попутно бормоча: «Мясо... мясо».

Безрассудный ужас, охвативший Брайана, заставил его изо всех сил ударить мерзкое существо по лицу. Оно отлетело к противоположной стене. Неожиданно зеленая субстанция стены прогнулась, и дом как будто вздохнул. Последние остатки разума подсказали существам, что этот звук несет в себе опасность, и они бесшумно заскользили прочь, покинув своего маленького собрата, прилипшего к стене, словно муха к клейкой ленте.

Брайан стащил с ноги ботинок и попробовал разбить каблуком оконное стекло. Но тщетно. С тем же успехом он мог бы попытаться расколоть надвое камень. Видя, что попытка эта не увенчалась успехом, он, расстроенный, отправился дальше на поиски Розмари. По прошествии часа, изнуренный блужданиями по зеленым переходам и коридорам, он утратил все ориентиры и уже не мог понять, идет ли он в каком-то определенном направлении или же ходит по кругу. Он еле передвигал ноги и неожиданно для себя отметил, что его шаги стали похожими на те, которые он слышал, еще будучи в своей спальне.

Шум в коридорах не утихал. Постоянно откуда-нибудь издали доносились крики. Пульсирующее свечение, исходившее от стен, сопровождалось глухими звуками, но неожиданно эти звуки перекрыл истошный вопль. Это был вопль отчаяния, зов о помощи, мольба о пощаде. В одно мгновение Брайан узнал ее голос. Он громко позвал Розмари и очертя голову бросился бежать, не зная, чего ему стоит опасаться больше: того, что он не сможет найти девушку, или того, в каком виде он ее обнаружит. Она закричала снова, и только благодаря этому Брайану удалось правильно выбрать направление. Идя на звук ее голоса, он очутился через некоторое время в круглом зале. Существа присосались к Розмари, как пиявки к тонущей лошади. Их костлявые руки разрывали платье девушки, а беззубые рты оскверняли ее тело. Брайан продирался сквозь это подобие стада визжащих от голода свиней, отталкивая и отшвыривая к стенам безжизненные тела, отчего их кости трещали, словно сучья на морозе, а жалобные стенания сливались в дьявольский хор.

Он поднял Розмари на руки. Девушка, рыдая, как потерявшееся дитя, цеплялась за плечи Брайана, будто за самую жизнь, а ее тело содрогалось от ужаса. Он бормотал что-то совершенно невразумительное, чем пытался успокоить не столько ее, сколько себя. Немного отдышавшись, Брайан прокричал вновь надвигающейся толпе существ:

— Неужели вы не понимаете?! Это все не по-настоящему! Это лишь проекция — игра безумного воображения, глупый ночной кошмар! Постарайтесь выбраться отсюда!

Вряд ли они услышали слова молодого человека, не говоря уже о том, что смогли понять их смысл. И те из них, которые все еще могли передвигаться, продолжали наступать, словно стая крыс, чье чувство голода сильнее страха.

— Ты можешь идти? — спросил он у Розмари. Девушка кивнула. — Хорошо, тогда нам следует пробраться вниз. Комнаты старухи находятся в самой нижней части дома, и наша единственная надежда — это взломать дверь и уйти через лужайку.

— Это невозможно! — Розмари вцепилась в его руку. — Это лабиринт. Мы будем блуждать здесь до тех пор, пока не рухнем от усталости!

— Чепуха! Дом не может быть настолько огромным, да и мы с тобой молоды и в отличной форме. Так что, направившись вниз, мы рано или поздно доберемся до выхода.

Сказать это было проще, нежели сделать. Многие из коридоров, встречавшихся им на пути, казалось, вели вниз только лишь за тем, чтобы через какое-то время вновь устремиться вверх. В конце концов они очутились в проходе с окнами и поняли, что находятся где-то в задней части дома, на втором этаже.

— Ну вот, — Брайан поцеловал Розмари, — еще немного спуститься, и мы на месте.

— Но мы на противоположной стороне дома, — грустно проговорила Розмари, — и даже если найдем дверь, то как пройдем сквозь нее?

— Давай решать проблемы по мере их поступления. Сначала отыщем дверь, а затем, возможно, я попробую ее выбить.

У них ушел еще один час на то, чтобы отыскать коридор, ведущий вниз. Несколько раз им пришлось возвращаться назад, пока они не убедились, что наконец действительно нашли то, что искали.

— Становится прохладнее, — повеселевшись, заметила Розмари.

— Да. И к тому же эта чертова вонь все более невыносима. Но ничего, скоро выберемся.

Они спускались вниз еще несколько минут, пока Розмари вдруг не расплакалась.

— Брайан, скоро я не смогу больше идти. По-моему, мы прошли нижний этаж уже лет сто тому назад, а здесь нас ждет что-то ужасное.

— Не ужаснее того, что мы видели наверху, — мрачно констатировал Брайан. — Мы должны идти, пути назад нет, если, конечно, ты не хочешь превратиться в зомби!

— Зомби... — уныло повторила девушка.

— А кем, по-твоему, были все они? Они умерли давным-давно и могут шевелиться только лишь потому, что

Дом обеспечивает им такого рода полужизнь. Миссис Браун и Карло живется, конечно, лучше остальных, но и они умерли несколько столетий тому назад.

— Не могу поверить! — Розмари содрогнулась. — Как же такое место может существовать в двадцатом веке?

— Не может. Думаю, мы находимся в другой системе измерения времени. А это место можно назвать временной ловушкой.

— Не понимаю тебя, — сказала Розмари и, помолчав, добавила: — Впрочем, как и всегда.

Коридор резко начал уходить винтом вниз, и им пришлось идти согнувшись. Затем пол неожиданно выровнялся, а еще через шесть футов уперся в стену.

— Земля, — Брайан потрогал стену, — добрая, честная землица.

— Земля, — повторила Розмари. — Ну и что?

Брайан поднял взгляд к потолку и заговорил, тщательно сдерживая себя и стараясь правильно подбирать слова:

— До сих пор мы шли по полу и вдоль стен, сделанных из какой-то живой гадости, так? Теперь же перед нами стена из обычной, земной, так сказать, земли. Поняла?

Розмари кивнула:

— Да, то есть сейчас мы — у самого основания дома. Только я вот думала... Ведь мы искали двери...

Брайан схватил ее за плечи.

— Ну-ка, повтори это еще раз!

— Повторить? Что именно? Осторожно, мне больно!

Он слегка встряхнул девушку.

— Первую часть.

На мгновение она задумалась.

— Ну... Мы добрались до основания дома. И что из этого?

Брайан отпустил Розмари, подошел вплотную к стене и несколько минут внимательно разглядывал ее поверхность. Затем вернулся и, взяв девушку за подбородок, посмотрел ей в глаза и сказал:

— Мы же будем очень, очень отважными, правда?

Чувство страха вновь овладело ею — Розмари дрожала.

— Почему?

— Потому что я собираюсь сломать эту стену, а за нею, скорее всего, мы обнаружим нечто совершенно ужасное.

Словно застыв на месте, Розмари продолжала таращить на него испуганные глаза.

— А другого способа нет? — шепотом спросила она.

Брайан покачал головой:

— Нет. Никакого другого нет.

После недолгой паузы он добавил:

— Вот только чем же ты будешь копать землю, а? Лопаты-то нет.

Он рассмеялся и, чтобы хоть как-то разрядить обстановку, игриво ткнул ее кулаком.

— Не хочется признавать, что вопрос в точку. Проведем инвентаризацию. Что мы имеем из пригодного для копания и ковыряния? Конечно же, руки. Может быть, обувь? — Он ощупал карманы и извлек оттуда связку ключей и перочинный ножик. — Для начала годится. А осыпавшуюся землю будем выгребать руками.

Брайан вогнал ножик по самую рукоятку в мягкую влажную землю и одним движением очертил абрис двери. Начав с краев, он выковыривал все новые и новые комья земли, падавшие им под ноги, будто куски пережеванного мяса. Затем Брайан углубил вырытое отверстие в стене каблуком снятого ботинка. Он методично рыл еще минут пять, пока внезапно в получившемся отверстии не забрезжил свет и само оно не превратилось в дыру, примерно пятнадцати дюймов в диаметре.

— Видно что-нибудь? — спросила Розмари тоном, ясно говорившим, что она предпочла бы этого не знать.

— Похоже на большую пещеру. Свет тут такой же, как и в коридорах. Вижу сваленные в кучу камни, и ничего более.

Он просунул руку в отверстие и, ухватившись пальцами за его край, изо всех сил дернул на себя. Выломав таким образом приличный кусок, он продолжал уже обеими руками, пока не сокрушил бо́льшую часть земляной стены. Вытерев руки об уже испачканные штаны, Брайан обулся.

— Вот, — сказал он, — наступает момент истины!

Они очутились в пустой круглой пещере, около двадцати футов в диаметре, с ровным потолком. Весь пол был

усеян каменными глыбами. Пещера казалась необитаемой, и Брайан вздохнул с облегчением:

— Не знаю, что именно я ожидал увидеть, но слава богу, что именно этого я и не увидел! Так. Теперь нам следует все-таки поискать выход — я пройдусь вдоль стен, а ты осмотри пол. Где-то должен быть ход, ведущий вглубь.

Он полностью погрузился в исследование кривых стен, предоставив Розмари блуждать среди огромных валунов, образовывавших в центре пещеры некое подобие каменной ограды. Брайан посмотрел вверх и увидел довольно большое отверстие в стене, располагавшееся на высоте примерно двадцати футов от земли. Решив, что это открытие достойно более пристального внимания, он начал взбираться вверх по стене. Задача оказалась намного проще, чем представлялось Брайану вначале. Выступавшие из стены камни облегчали его подъем ввысь, становясь удобными «ступенями» для ног. Через несколько минут он добрался до цели. Отверстие являлось входом в маленькую пещерку семи футов высотой и пяти шириной. Но, увы, здесь был тупик.

Уже собираясь спуститься вниз и попытать счастья в другом месте, Брайан услышал отчаянные вопли Розмари. Он и не подозревал, что человек способен издавать звуки, подобные этим. Крики следовали один за другим, ударяясь эхом о стены и превращаясь в хор вестников Апокалипсиса. Брайан увидел, как девушка, стоявшая в центре огражденного валунами участка земли, застыла, уставившись на нечто невидимое ему, с выражением неподдельного ужаса в глазах.

В мгновение ока Брайан очутился внизу и со всех ног бросился к Розмари. Когда он обнял ее за плечи, до смерти перепуганная девушка, вздрогнув, отскочила в сторону, как если бы она обожглась о раскаленный утюг, и, испустив напоследок еще один душераздирающий вопль, без сознания сползла на пол.

Чуть поодаль Брайан заметил небольшое углубление в стене, маленькое отверстие, и почувствовал огромное искушение не заглядывать внутрь него. Однако он знал, что обязан это сделать, хотя бы по причине непреодолимого любопытства. Он оттащил бесчувственную Розмари в сторону и

оставил, прислонив спиной к стене. Затем он крадучись вернулся к загадочному отверстию. Стоя у края преисподней, Брайан заглянул внутрь. Ужас волнами разливался по его телу, в животе образовался ледяной ком, тошнота подступила к горлу. Чтобы поверить своим глазам, Брайану было необходимо сконцентрироваться и внимательно рассмотрсть увиденное.

Голова имела некоторое сходство с той, что была изображена на портрете в комнате миссис Браун. Она была мертвенно-бледной, раздувшейся, очевидно из-за многовековой невоздержанности в еде. Волосы были по меньшей мере шести футов длиной и покрывали каменный постамент, наподобие чудовищного савана. Туловище вырастало прямо из земли. На руках до самых плеч не было кожи. С костей свисало кровоточащее мясо. Сам торс до того места, где он срастался с каменистой основой, был обтянут неким подобием кожи отвратительного бледно-серого цвета. Но самым мерзким зрелищем были многочисленные зеленоватые отростки, покрывавшие, словно щупальца, бока, шею и спину этого создания. Их гадкие корни расползались во всех направлениях, концами врастая в землю, откуда ветвясь и пульсируя, они питали весь Дом живительными экстрактами.

Глаза чудовища были прикрыты, но все же на лице, покрытом волнообразными складками жира, наблюдалось какое-то движение. Губы шевелились. Брайан отпрянул назад, его вытошнило.

Когда Брайан вернулся к Розмари, он чувствовал себя изможденным стариком. Погладив по голове только начавшую приходить в себя девушку, Брайан спросил:

— У тебя есть силы говорить?

Она судорожно дышала.

— Эта... эта штука...

— Да, я знаю. Послушай меня. Я хочу переправить тебя вон туда. — Брайан указал на вход в пещеру, расположенный на противоположной стене, почти под потолком. — Ты побудешь там до тех пор, пока я не сделаю того, что должен.

— Я не понимаю. — Она тряхнула головой. — Что ты должен сделать?

— Миссис Браун рассказала мне, что ее муж был любителем крови, иными словами — вампиром. Много-много веков назад местные парни расправились с ним по заведенному в старину обычаю, то есть вогнали ему в сердце осиновый кол. Но она рассказала кое-что еще: чтобы извести этого монстра, нужно было убить не только его тело, но также и его мозг. Неужели ты все еще не понимаешь? Этот дом, вся чертовщина, происходящая в нем, — это продукт чудовищного разума мужа миссис Браун?!

— Теперь я готова поверить во что угодно, — проговорила Розмари, поднимаясь на ноги, только бы мы ушли отсюда. Уж лучше бродить по коридорам, чем оставаться еще хоть одну минуту рядом с этой... гадостью.

— Нет. — Брайан покачал головой. — Я должен разрушить этот ужасный мозг. Единственный вопрос: как это сделать. — Он огляделся, бросив взгляд на пещеру и на вход в коридор с зелеными стенами.

— Я уйду, а как же ты? — спросила Розмари.

— Как только закончу, сразу же присоединюсь к тебе. — Ему хотелось добавить: «Если смогу», но вместо этого Брайан молча подвел Розмари к стене и помог ей забраться в пещеру. — Теперь, — инструктировал он, — оставайся там и ни при каких обстоятельствах не высовывай оттуда носа.

— Боже, я столбенею от ужаса, — призналась девушка.

— Я тоже. — Брайан, насупившись, кивнул. — Но не подавай виду.

Он шел к выходу из пещеры, словно узник ада, вдохнувший воздух свободы, но обреченный на возвращение. Чем ближе он подходил, тем сильнее возрастал его страх. Каждый шаг стоил отчаянного усилия воли. Единственным источником, подпитывавшим его мужество, было сознание того, что Розмари уже в безопасности. Он снова оказался лицом к лицу с этим ужасным порождением земли, чей очередной стон сотряс стены пещеры и пронесся по дому. Лицо монстра судорожно подергивалось, искажаясь отвратительными гримасами, а зеленые отростки, отходившие от тела, сплетались в клубок, будто черви. Брайан выбрал камень побольше и, подняв обеими руками, приготовился обрушить его вниз. Мышцы напряглись до предела. Внезапно

существо открыло глаза, похожие на два омута черной ненависти.

Брайан был настолько потрясен, что его пальцы разжались сами собой. Камень полетел вниз, но угодил совсем не туда, куда хотелось юноше. Вслед за глазами существо раскрыло рот, и пронзительный шепот наполнил весь дом:

— Элизабет, Карло...

Слова выходили медленно, но не изо рта, а казалось, стены, потолок и крыша, вздыхая, издавали похожие на слова звуки.

— Ты... желаешь... уничтожить... то... что... не... в состоянии... понять.

Брайан, подыскивающий на ощупь новый камень, замер, в то время как голос продолжал вещать:

— Я... должен... жить... дальше... Я... должен... расти... заполнять... Вселенную... поглощать ее... набирать... силу...

Со стороны входа в коридор донесся шум: шаркающий звук быстро бегущих звериных лап и женский голос, летевший им вслед:

— Петрос, испей его до дна, преврати его в ходячего мертвеца!

В ужасных глазах мелькнул оттенок страха, и вновь отвратительный шепот пронизал весь дом:

— Он... отрицает... он... молод... из другого мира... зачем... ты... впустила его?

Огромный пес мощным прыжком преодолел последнее препятствие, полностью явив себя, — черный как полночь, как тень, соскользнувшая со стены. Он обежал пещеру по кругу, встал лапами на валун, приготовившись к последнему прыжку. Брайан метнул камнем в зверя, угодив в его широкую морду... Пес жутко взвыл и попятился назад. Как раз в этот момент со стороны входа послышался голос миссис Браун:

— Так ты долго не продержишься. Подобные тебе не в силах убить Карло.

Она изменилась до неузнаваемости. Ее волосы превратились в пышную пламенеющую гриву, лицо выглядело моложе самой утренней зари, но яркие глаза светились

злостью миллионов лет ночного мрака. Миссис Браун была одета в черное вечернее платье, спина и руки — полностью открыты. Брайан смотрел на нее, не мигая. Увиденное так поразило его, что все произошедшее с ним и Розмари за последнее время померкло в сознании. Перед взором Брайана стояли лишь аппетитная плоть и зовущие глаза.

— Уйдем отсюда! — произнесла она низким голосом, полным страсти. — Оставь Петроса его видениям. Он не причинит тебе зла. А вот если Карло разорвет твое прекрасное тело на куски, будет весьма досадно. Подумай о моем предложении — вечное блаженство, миллионы лет безмятежного счастья и удовольствий. Идем!

Брайан осторожно сделал один шаг, затем еще один, и с каждым движением, казалось, он приближался к заветной мечте. Все его тайные желания, о существовании которых он даже и не подозревал, вдруг всплыли на поверхность и были готовы с минуты на минуту воплотиться в реальность. Когда Брайан уже почти перестал сопротивляться и практически бросился к миссис Браун, словно ребенок к прекрасной игрушке, его сознания достигли слова:

— Карло... сейчас.

Рыча, пес прыгал по камням, и Брайан, отшатнувшись назад, четко представил, насколько ужасным будет то, что ждет его впереди. Он схватил острый осколок камня и швырнул его в надвигающегося зверя. Камень рассек шкуру пса чуть выше правого уха, и воодушевленный успехом Брайан принялся метать все новые и новые камни, подбирая их как можно быстрее. Чудовище бросалось из стороны в сторону, ревя от боли и ярости. Брайан, однако, понимал, что его усилия лишь ненадолго задержат зверя и что спустя несколько минут он почувствует, как огромные клыки вонзятся ему в горло. Случайно его руки наткнулись на небольшой валун, и тут у Брайана созрел план.

Подняв камень, он сделал вид, будто целится в собаку. Пес отпрянул, и в этот момент Брайан метнул свое «орудие» прямо в отвратительную голову Петроса.

Дом завизжал. Один протяжный вопль, и огромный черный пес исчез, а вместо него появился Карло. Он ки-

нулся к своей хозяйке и, неистово хватаясь за складки ее роскошного одеяния, издавал жалобные гортанные звуки.

Брайан оглянулся, и взгляд его упал на то место, где ранее возвышалась зловещая голова. Теперь она была разбита вдребезги, а останки плоти почернели. Зеленые отростки превратились в жалко свисающие лохмотья. Отныне живительная влага больше не питала тело дома. Откуда-то сверху раздалось громыхание, словно перемалывалась целая гора камней. Брайан побежал к самой дальней стене и быстро забрался в ту пещеру, где оставил Розмари. Девушка протянула к нему руки.

— Подожди радоваться, — сказал он, предупреждая ее, — сам ад вот-вот обрушится на наши головы!

Они улеглись на пол лицом вниз. Брайан приподнял голову, чтобы стать свидетелем финала. Зеленоватое мерцание становилось все слабее. Перед тем как погаснуть вовсе, последняя яркая вспышка его осветила фигуру женщины, взиравшей на то место, где был когда-то Петрос. Одной рукой она поглаживала Карло по голове. В следующий момент потолок обрушился и тьма поглотила все вокруг, оставляя лишь ужасный грохот и скрежет. Фантазии рухнули в пропасть реальности. Через некоторое время, когда пыль осела и воздух немного очистился, луч света, подобно лучу надежды в долине страха и отчаяния, указал на выход из пещеры. Брайан поднял голову и осмотрелся. В двадцати футах над ним сияло голубое небо.

Живые, счастливые и уже позабывшие о синяках и разодранной одежде, Брайан и Розмари выбрались из своего укрытия. Взявшись за руки, они зашагали прочь, в сторону торфяных болот, и, оглянувшись лишь однажды, увидели груду камней, которая с большого расстояния могла быть по ошибке принята за руины некогда стоявшего там дома.

— Мы никогда и никому не расскажем о том, что с нами произошло, — произнес Брайан. — Ведь никто не рассказывает о своих ночных кошмарах, они кажутся смешными при свете дня.

Розмари одобрительно кивнула:

— Мы спали, и нам это приснилось. А сейчас мы уже больше не спим.

Они уходили все дальше, и со временем их фигурки превратились в две крохотные точки на фоне горизонта. Позже и они скрылись из виду.

Свежий утренний бриз резвился в сочной траве, улыбаясь приветливому небу, пара кроликов играла в прятки среди нагромождения камней — по всем признакам на болоте царил мир. Тишину нарушил визг кролика. Горностай поднял перепачканную свежей кроличьей кровью хищную мордочку.

КАРЛ ЭДВАРД ВАГНЕР

Сверх всякой меры

Карл Эдвард Вагнер был одним из настоящих профессионалов жанров хоррор и «мрачная фантастика», и его безвременная смерть в 1994 году лишила эту сферу литературы действительно талантливого человека.

Вагнер родился в городе Кноксвилл, штат Теннесси. Прежде чем стать писателем, редактором, издателем, неоднократным лауреатом Британской и Всемирной премий фэнтези, он учился на психиатра. К его ранним работам относится серия фантастических романов и рассказов о Кейне, бойце-колдуне. Его первый роман «Паутина тьмы» («Darkness Weaves With Many Shades», 1970) знакомит читателя с необычайно умным и свирепым воином-магом, приключения Кейна продолжают «Тень ангела смерти» («Death Angel's Shadow»), «Кровавый камень» («Bloodstone»), «Поход черного креста» («Dark Crusade») и сборники «Ветер ночи» («Night Winds») и «Книга Кейна» («The Book of Kane»). Недавно все романы о Кейне вышли в двухтомнике издательства «Night Shade Books» — «Боги во тьме» («Gods in Darkness») и «Полуночное солнце» («The Midnight Sun»).

В начале семидесятых Вагнер вместе со своими друзьями Дэвидом Дрэйком и Джимом Гросом основал небольшое издательство Carcosa Press. Он редактировал три романа Роберта Э. Ховарда о приключениях Конана-варвара и задействовал двух персонажей Ховарда, Конана и Брэна Мак-Морна, в двух своих книгах — «Дороге королей» («The Road of Kings») и «Легионе теней» («Legion from the Shadows»), соответственно. Он также выступил редактором трех антологий «героического фэнтези» «Эхо бесстрашия» («Echoes of Valor») и сборника рассказов «Интенсивный страх» («Intensive Scare»). В 1980 году он унаследовал от Джеральда У. Пэйджа работу над «Лучшими историями ужаса года» («The Year's Best Horror Stories») и за следующие четырнадцать лет превратил эту антологию в одну из лучших «витрин» жанра.

Собственные рассказы Вагнера собраны в книгах «В уединенном месте» («In a Lonely Place»), «Почему не мы с то-

бой?» («Why Not You and I?») и «Утро им не грозит» («Unthreatened by the Mornint Light»). В 1997 году вышел сборник под заглавием «Экзерсизмы и экстазы» («Exorcisms and Ecstasies»).

Сам автор говорил: «Рассказ „Сверх всякой меры" исследует взаимосвязь эротизма и ужаса. Название новеллы взято из постановки „Шоу ужасов Роки Хоррора" („The Rocky Horror Picture Show") Ричарда О'Брайна:

Забудь приличия, не думай о манерах,
Купайся в волнах плотского греха.
Сверх всякой меры грезь, греши сверх всякой меры,
И похоть, и мечты переживут века.

Рассказ был написан как киносценарий, история содержит отсылки к разнообразным кинематографическим приемам и огромное количество намеков. Поклонники сериала „Мстители" („The Avengers") быстро узнают печально известный эпизод „Прикосновение серы" („A Touch of Brimstone"), лишь недавно повторно показанный американским телевидением...»

Эта чувственная история справедливо завоевала Всемирную премию фэнтези как лучшая новелла.

I

Я сплю и вижу, что в комнате никого. Я слышу монотонный звон — точно играет музыкальная шкатулка или шарманка — и оглядываюсь, чтобы определить, откуда исходит звук.

Я в спальне. Тяжелые портьеры закрывают окна, царит непроглядная тьма, но я чувствую, что вся мебель здесь антикварная — думаю, поздней Викторианской эпохи. Вот огромная кровать с пологом на четырех столбиках, полог опущен. У кровати стоит маленький ночной столик, на нем горит свеча. Кажется, именно отсюда доносится музыка.

Я иду через комнату к кровати, останавливаюсь рядом с ней и вижу золотые часы, лежащие на ночном столике возле подсвечника. Я понимаю, что мелодию музыкальной

шкатулки напирывают часы. Это старинный карманный брегет, у которого открывается крышка. Сейчас она открыта, и я вижу, что стрелки стоят почти на полуночи. Я чувствую, что внутри, на крышке часов, должен быть портрет, и беру их, чтобы посмотреть на него.

Миниатюру скрывает красное пятно. Это свежая кровь.

Я, испугавшись, вскидываю взгляд. Показавшаяся из-за полога рука отдергивает его.

И тут я просыпаюсь.

— Браво! — зааплодировал кто-то.

Лизетт на миг нахмурилась, но тут же поняла, что комментарий обращен не к ней, а к кому-то, стоящему среди болтающей в галерее толпы. Она отпила шампанского. Надо быть чуть сдержаннее, или немного пьянее, или вообще никогда не заговаривать о снах.

— Что вы думаете об этом, доктор Магнус?

«Ковент-Гарден» торжественно открывал новый сезон. Совершенно новый. Почтенный фруктовый, овощной и цветочный рынок, спасенный от сноса, вновь восстал после реставрации в виде просторной аллеи для гуляния со множеством дорогих магазинчиков и галерей: «Новый покупательский опыт Лондона». Лизетт подумала, что смешение викторианской обстановки и ультрамодных «лавочек» породило довольно жалкого ублюдка. Пусть мертвое прошлое хоронит своих мертвецов[1]. Интересно, что могли сотворить из старого рыбного рынка Биллингсгейт, если бы SAVE[2] выиграло борьбу за сохранение этой достопримечательности, что сейчас кажется невероятным.

— А этот ваш сон, мисс Сэйриг, он повторяется периодически?

Она попыталась разглядеть в бледно-голубых глазах доктора Магнуса интерес или скептицизм, но они ничего ей не сказали.

— Довольно-таки периодически.

---

[1] Строка из знаменитого стихотворения Лонгфелло «Псалом жизни». Евангельская цитата.

[2] SAVE Britain's Heritage — британская организация, занимающаяся охраной памятников архитектуры.

«Настолько, что я рассказала о нем Даниэль», — закончила она про себя. Даниэль Борланд делила с ней квартиру — она перестала называть свое жилище апартаментами даже мысленно — в одном из домиков в Блумсбери, откуда рукой подать до Лондонского университета. Галерея была проектом Майтланда Реддинга; Даниэль — тоже. То ли Майтланд действительно хотел превратить роль галерейщика в профессию, то ли просто вознамерился предоставить выставочные места своим друзьям, обладающим не всегда очевидными талантами, — сие не обсуждалось. Но его галерея в Найтсбридже, несомненно, процветала, а это что-то да значило.

— И как часто? — Доктор Магнус поднес бокал к окаймленным светлыми кудрями бороды губам. Он пил только воду «Перье» и пользовался бокалом лишь для вида.

— Не знаю. Он повторялся с полдюжины раз, если вспоминать с самого детства. И еще столько же после моего прибытия в Лондон.

— Даниэль упомянула, что вы студентка Лондонского университета, не так ли?

— Правильно. Изучаю искусство. Я стипендиатка.

Даниэль время от времени подрабатывала моделью — сейчас Лизетт была уверена, что исключительно из тяги демонстрировать кому-то свое тело, а не из-за финансовой необходимости, — и когда приглушенные богохульства по поводу оброненной кисти выявили общее культурное наследие Америки, парочка émigrés[1] закатилась в паб, чтобы обменяться новостями и идеями. Лизетт и помыслить не могла о комнате возле Музея, а соседка Даниэль только что удрала на континент, не заплатив за два месяца. К закрытию пивнушки все устроилось.

— Как поживает твой стакан?

Отыскавшая их в толпе Даниэль насмешливо тряхнула головой и наполнила бокал Лизетт прежде, чем та успела прикрыть его ладонью.

— А ваш, доктор Магнус?

— Спасибо, неплохо.

---

[1] Эмигрантки *(фр.)*.

— Даниэль, позвольте предложить вам руку? — Майтланд очаровал их обеих, обращаясь с девушками как с хозяйками открытия.

— Чушь, дорогой. Когда увидишь, что я начинаю задыхаться от жары, вызывай подмогу. А пока не давай доктору Магнусу прибиться к другой компании.

И Даниэль свинтила вместе со своей бутылкой шампанского и со своей улыбкой. В галерее, окрещенной в честь Ричарда Бартона[1] (а не в честь Лиз Тэйлор, что не уставала подчеркивать Даниэль, каждый раз после этого хохоча) «Всякое бывает», толпились друзья и доброжелатели — как и в большинстве магазинчиков сегодня вечером. Там и тут проходили частные вечеринки с вечерними платьями и шампанским, вытеснившие глазеющих и фотографирующих туристов. Лизетт и Даниэль обе облачились в слишком тесно облегающие тела крепдешиновые платья, в которых могли бы сойти за сестер: зеленоглазая блондинка Лизетт с личиком, припорошенным веснушками, и кареглазая брюнетка Даниэль, привыкшая к излюбленному лондонскими женщинами густому макияжу; обе — высокие, но не кажущиеся нескладными, со схожими фигурами — достаточно схожими, чтобы носить одежду друг дружки.

— Должно быть, довольно огорчительно видеть один и тот же кошмар снова и снова, — напомнил доктор Магнус.

— Я вижу и другие кошмарные сны. Некоторые повторяются, некоторые нет. Одинаково лишь то, что после них я просыпаюсь, чувствуя себя так, словно меня протащили сквозь какой-нибудь старый хаммеровский фильм[2].

— Значит, до недавнего времени подобные кошмары вас не слишком тревожили?

---

[1] Бартон Ричард - знаменитый английский актер. Во время съемок «Клеопатры» между Бартоном и Элизабет Тэйлор завязался роман.

[2] Киностудия «Хаммер» (Hammer, что переводится как «Кувалда») появилась в Великобритании и производила фильмы еще с 1920-х годов. Характерным для компании является оживление «классических монстров» — Дракулы (всего студия «Хаммер» сняла 16 фильмов про вампиров), чудовища Франкенштейна, Оборотня, Мумии и мистера Хайда. Пик расцвета студии пришелся на шестидесятые.

— Не слишком. Мое пребывание в Лондоне как будто привело в действие некий спусковой механизм. Полагаю, это все беспокойство из-за жизни в чужом городе.

Она была подавлена настолько, что даже таскала у Даниэль пилюли, надеясь обрести сон без сновидений.

— Значит, вы в Лондоне впервые, мисс Сэйринг?

— Да. — Но, чтобы не показаться типичной американской студенткой, она добавила: — Хотя моя семья из Англии.

— Ваши родители?

— Родители моей матери из Лондона. Они эмигрировали в Штаты сразу после Первой мировой.

— Тогда ваш приезд сюда можно назвать в некотором роде возвращением домой.

— Не совсем. Я первая из нашего семейства пересекла океан. И я не помню родителей матери. Бабушка Кесвик умерла в то утро, когда я родилась. — «С чем мать так и не смогла смириться», — добавила про себя Лизетт.

— А вы консультировались с врачом по поводу этих кошмаров?

— Боюсь, с вашей Национальной службой здоровья мне не справиться. — Лизетт поморщилась, вспомнив о той ночи, когда она пыталась объяснить интерну-пакистанцу, почему она хочет принимать снотворное.

Внезапно девушка сообразила, что ее слова могли оскорбить доктора Магнуса, хотя, впрочем, он не выглядел человеком, одобряющим систему государственного медицинского обслуживания. Вежливый, изысканный, явно отлично чувствующий себя в официальном вечернем наряде, он напоминал ей чем-то отрастившего бороду Питера Кашинга[1]. «Входит Кристофер Ли[2] в черной пелерине», — подумала она, взглянув на дверь. Если уж на то пошло, она

---

[1] *Кашинг Питер* (1913–1994) — английский актер, известность которому принесли роли барона Франкенштейна в фильме «Проклятие Франкенштейна» (1957) и доктора Ван Хельсинга в «Дракуле» (1958). Среди других ролей Питера Кашинга особого упоминания заслуживают Шерлок Холмс («Собака Баскервилей», 1959) и адмирал Таркин из знаменитой саги Джорджа Лукаса «Звездные войны» (1979).

[2] *Ли Кристофер* (1927) — английский актер; сыграл роль чудовища в фильме «Проклятие Франкенштейна».

не была абсолютно уверена в том, что за тип этот доктор Магнус. Даниэль настояла, чтобы она поговорила с ним, и, весьма вероятно, принудила Майтланда пригласить его на частное открытие: «Он такой *проницательный!* И написал кучу книг о снах и подсознании — написал, а не просто повторил другими словами глупости Фрейда!»

— Долго вы пробудете в Лондоне, мисс Сэйринг?

— По крайней мере до конца года.

— Довольно долго. Я бы не стал уповать на пословицу «поживем — увидим». В Сан-Франциско вы вернетесь не скоро, а исчезнут ли там ваши кошмары или нет — неизвестно, вы согласны? Они не слишком приятны, и вы должны позаботиться о себе.

Лизетт не ответила. *Она* не говорила доктору Магнусу, что приехала из Сан-Франциско. Значит, Даниэль уже беседовала с ним о ней.

Доктор Магнус изящным жестом извлек из кармана визитку и сдержанно предложил ее девушке.

— Я буду только рад в будущем заняться вашей проблемой на профессиональном уровне, если вы пожелаете.

— Не думаю, что это стоит...

— Ну конечно стоит, дорогая моя. Иначе о чем толковать? Итак, возможно, в следующий вторник? Какое время вас устраивает?

Лизетт сунула визитную карточку доктора в сумочку. Ладно, возможно, она хотя бы сэкономит на барбитуратах.

— В три?

— Договорились, значит, в три.

II

В коридоре царил полумрак, и Лизетт шагала по нему с некоторым трепетом, торопливо, приподняв подол ночной сорочки так, чтобы он не соприкасался с зернистой грязью под ее босыми ногами. Отслаивающуюся коросту обоев испещряли проказные язвы штукатурки, а когда она поднесла свечу ближе, выбоины и царапины на стенах показались ей тревожаще неслучайными. Фигура девушки отбрасывала на

пятнистую поверхность двойную тень: одна, искривившись, наклонилась вперед, другая легла за спиной.

Часть коридора занимало большое, в полный рост, зеркало, и Лизетт остановилась, изучая свое отражение — испуганное лицо, растрепанные волосы. Какая странная ночная рубашка — бледная, шелковая, с воланами, старомодная, — девушка не помнила, как надевала ее. Не знала она и того, как очутилась в этом месте.

Отражение озадачило ее. Волосы казались длиннее, чем должны быть, локоны свисали до самой груди. Точеные черты, выступающий подбородок, прямой нос — лицо принадлежало ей, но такого выражения у нее никогда не было: губы полнее, чувственнее, краснее и ярче, чем ее блеск для губ; зубы ровные, белоснежные. Зеленые глаза по-кошачьи жестоки, в них горит острая жажда.

Лизетт отпустила оборки сорочки и удивленно потянулась к отражению. Пальцы ее прошли сквозь стекло и прикоснулись к лицу за ним.

Нет, это не зеркало. Это вход. Вход в склеп.

Пальцы отражения, приблизившиеся к ее лицу, вцепились девушке в волосы, притягивая ее к зеркалу. Холодные как лед губы впились в ее уста. Сырое дыхание могилы потекло в рот девушки.

Лизетт забилась в смертельных объятиях, чувствуя, как рвется из ее груди крик...

...и проснулась — ее трясла Даниэль.

III

Визитная карточка гласила: «Доктор Ингмар Магнус». После имени стояло простое слово «Консультации» и адрес: Кенсингтон. Ну во всяком случае не Харлей-стрит[1]. Лизетт в сотый раз рассматривала ее, шагая по Кенсингтон-Черч-стрит от станции Ноттинг-Хилл-гейт. Ни намека на то, что это за врач, ни какого рода консультации он дает; инфор-

[1] Харлей-стрит — улица, на которой с викторианских времен предпочитают проживать самые лучшие лондонские врачи.

мация смутная, значит, дело темное, — без сомнения, это затеяно, чтобы провести лицензионное законодательство.

Даниэль ссудила ей одну из книг доктора — почитать. Труд назывался «Самоперерождение» и был выпущен одним из мелких ученых издательств, которые сгрудились вокруг Британского музея. Лизетт обнаружила в книге жуткую mélange[1] оккультной философии и экстремистской теории — и то и другое, очевидно, имело отношение к реинкарнации — и захлопнула ее после первой же главы. Она решила не идти на назначенную встречу, но ее воскресный кошмар придал силу настойчивости Даниэль.

Лизетт надела просторную шелковую блузку, французские джинсы и сандалии с ремешками, охватывающими лодыжку и завязывающимися под самыми коленками. Жаркое летнее марево грозило дождем — если серые небеса разверзнутся, придется бежать. Она свернула на Холланд-стрит и миновала недавно закрывшийся книжный магазин «Равноденствие», в котором Даниэль покупала различные труды Алистера Кроули[2]. Ряд задних улочек — она сверилась с картой Центрального Лондона — привел ее к скромным, но респектабельным кирпичным домам девятнадцатого века, теперь переделанным в офисы и квартиры. Она сверила номер на латунной табличке с визиткой, вдохнула поглубже и вошла.

Лизетт даже не предполагала, чего ожидать. Зная кое-кого из друзей Даниэль, она не удивилась бы, встреть ее облака благовоний, восточная музыка, сектанты в балахонах. Однако вместо этого она обнаружила разочаровывающе светскую приемную, маленькую, но богато обставленную, в которой хорошенькая секретарша евразийской внешности поинтересовалась ее именем и передала его кому-то по интеркому. Лизетт заметила, что в приемной не было других — пациентов? клиентов? Она кинула взгляд на часы и убедилась, что на несколько минут опоздала.

— Пожалуйста, проходите, мисс Сэйриг. — Доктор Магнус вышел из своего кабинета и пригласил ее внутрь.

---

[1] Смесь, мешанина *(фр.)*.

[2] Кроули Алистер (Эдвард Александр) (1875—1947) — основатель и лидер учения магического ордена телемитов, писатель и философ. Главный Закон Телема — «Делай, что хочешь...».

Пару лет назад Лизетт по требованию родителей короткое время посещала психиатра, и кабинет доктора Магнуса очень напоминал тот — начиная с изысканной, расслабляющей обстановки, множества полок с научными книгами и кончая традиционной кушеткой психоаналитика. Она села на стул, стоящий возле современного стола, на котором царил полный порядок, а доктор Магнус удобно устроился напротив нее в кожаном крутящемся кресле.

— Я едва не не пришла, — начала Лизетт несколько агрессивно.

— Я рад, что вы решили прийти, — обнадеживающе улыбнулся доктор Магнус. — Не надо быть специалистом и иметь намеганный глаз, чтобы увидеть, что вас что-то тревожит. Когда подсознание пытается заговорить с нами, глупо игнорировать его послания.

— Имеете в виду, что я съезжаю с катушек?

— Уверен, это должно беспокоить вас, дорогая моя. Однако очень часто сны, подобные вашим, являются симптомом появления нового уровня самосознания — вроде растущей душевной боли, если пожелаете, — и их в любом случае не надо рассматривать как негативный опыт. Они причиняют вам страдания только потому, что вы их не понимаете, — так ребенка, которого держат в неведении и в котором подавляют сексуальный инстинкт, пугают перемены половой зрелости. Если вы согласитесь сотрудничать, я надеюсь помочь вам понять перемены вашего растущего самосознания, ибо только лишь через полное осмысление своего «я» личность может достичь совершенства и истинной внутренней гармонии.

— Боюсь, я не могу позволить подвергнуть себя глубинному психоанализу прямо сейчас.

— Позвольте мне подчеркнуть, что я не предлагаю психоанализа; я ни в малейшей степени не считаю вас неврастеником, мисс Сэйриг. Но я настоятельно советую вам *исследовать* ваше бессознательное — и открыть саму себя в полном объеме. Моя задача — лишь вести вас по дороге вашего самооткрытия, и за эту привилегию я не взимаю платы.

— Я и не подозревала, что Национальная служба здоровья настолько всесторонняя.

Доктор Магнус негромко рассмеялся:

— Ну конечно же нет. Мою работу поддерживают частные фонды. Немало людей желает узнать правду о нашем существовании, найти ответы там, где банальные ученые пока еще даже не обнаружили вопросов. В этом отношении я просто еще один наемный исследователь, и результаты моих трудов становятся доступны тем, кто делит с нами стремление увидеть то, что выходит за тесные рамки современной науки.

Он показал на ряды книжных полок позади стола. На множестве корешков значилось его имя.

— Вы намереваетесь написать обо мне книгу? — Лизетт надеялась, что в ее голосе позвучала отчетливая нота протеста.

— Вполне возможно, что я захочу записать кое-что из того, что мы с вами вместе откроем, дорогая моя. Но выборочно и, излишне говорить, только с вашего позволения.

— Мои сны. — Лизетт вспомнила книгу доктора Магнуса, которую она пыталась читать. — Вы рассматриваете их как свидетельство некой предыдущей инкарнации?

— Возможно. Нельзя сказать наверняка, пока мы не исследуем их подробно. А что, идея реинкарнации на ваш вкус, мисс Сэйринг, слишком отдает оккультизмом? В более общепринятых терминах мы можем говорить об архетипах Юнга, генетической памяти или ментальной телепатии. Тот факт, что у этого феномена столько названий, еще раз доказывает, что сны о предыдущем существовании — реальная часть нашего подсознания. Невозможно отрицать, что множество людей имели такой опыт — в снах или под гипнозом в них пробуждались воспоминания, никак не связанные с их личными переживаниями. Верите ли вы в бессмертную душу, покидающую физическое тело после смерти, чтобы возродиться в живом эмбрионе, или предпочитаете приписывать все наследственной памяти, записанной в ДНК, или находите какое-либо иное объяснение — этот феномен весьма реален и не раз наблюдался в ходе истории.

Как правило, память о прошлом существовании целиком похоронена в бессознательном. Почти каждый когда-нибудь испытывал чувство déjà vu[1]. Субъекты под гипнозом гово-

[1] Уже виденное *(фр.)*.

рят на языках и древних диалектах, которые неизвестны их сознанию, они в подробностях излагают детали своих прошлых жизней. В некоторых случаях скрытые воспоминания прорываются в снах; обычно это память о каком-то тягостном эмоциональном опыте, слишком сильном, чтобы оставаться похороненным в глубинах разума. Я полагаю, ваши кошмары именно такого рода — тот факт, что они повторяются регулярно, свидетельствуют о несомненной важности событий, к которым они относятся.

Лизетт захотелось закурить; с этими британскими ценами она почти перестала покупать сигареты, а, судя по отсутствию здесь пепельниц, доктор Магнус принадлежал к стану некурящих.

— Но почему эти кошмары лишь недавно стали проблемой?

— Думаю, я могу это довольно легко объяснить. Ваши предки родом из Лондона. Сны стали проблемой после вашего прибытия в Лондон. Хотя обычно трудно определить взаимосвязь субъекта со вспоминаемым существованием, время и сила ваших возвращений в снах указывает на то, что вы можете являться реинкарнацией кого-то — возможно, вашей прародительницы, которая жила здесь, в Лондоне, в прошлом веке.

— В таком случае кошмары должны прекратиться, когда я вернусь в Штаты.

— Необязательно. Раз уж дверь в подсознание открылась, затворить ее вновь не так-то просто. Более того, вы говорите, что видели такие же сны и до прибытия сюда, пусть и реже. Я бы предположил, что то, что вы переживаете, — это естественный процесс; скрытая часть вашей сущности ищет выход, возможность выразить себя, и неразумно отвергать этого призрачного незнакомца в себе. Я мог бы поспорить, что ваш приезд в Лондон — не просто случайное стечение обстоятельств, что ваше решение учиться здесь предопределено той частью вас, которая прорывается в снах.

Лизетт подумала, что пока не готова принять подобное объяснение.

— И что вы предлагаете?

Доктор Магнус свел руки — аккуратно, точно молящийся епископ.

— Вас подвергали когда-нибудь гипнозу?

— Нет. — И тут же девушка пожалела, что произнесла это короткое слово по буквам.

— В большинстве случаев, подобных вашему, гипноз оказывается необычайно эффективен, дорогая моя. Пожалуйста, попробуйте выбросить из головы нелепые домыслы и абсурдные суеверия, обычно приписываемые гипнозу досужим мнением. Гипноз — не более чем техника, посредством которой мы можем высвободить в полном объеме подсознание, избавившись от бесчисленных искусственных барьеров, которые делают нас чужими для нас самих.

— Вы хотите меня загипнотизировать?! — Британская интонация превратила утверждение и в вопрос, и в протест разом.

— Конечно — но только при вашем добровольном сотрудничестве. Полагаю, так будет лучше. Путем регрессивного гипноза мы сможем выявить значение тревожащих вас снов, найти тень незнакомки внутри вашей личности. Помните — это часть *вас* взывает к вам, стремится к сознательному выражению. Только посредством полного осознания чьей-то индивидуальности, идентичности внутреннего и внешнего «я», достигаются истинное спокойствие и уравновешенность. Узнайте себя — и найдете мир.

— Узнать себя?

— Правильно. Отбросьте ложное чувство вины, мисс Сэйриг. Вами не завладела чужая враждебная сила. Эти сны, эти воспоминания об ином существовании — это все *вы*.

IV

— Сегодня ко мне пристал какой-то чертов извращенец, — доверительно сообщила Лизетт.

— В подземке? — Даниэль стояла на цыпочках, роясь на верхней полке их книжного шкафа.

Она только что приняла душ и расхаживала в одной шнурованной футболочке и трусиках-шортах — кникерах,

как их называют в здешних магазинах, — изящно подчеркивающих ее скульптурной формы ягодицы.

— В Кенсингтоне. После того, как я покинула офис доктора Магнуса.

Лизетт валялась на кровати в старой сатиновой комбинации, которую нашла в лавочке на Черч-стрит. Они пили «Бристол Крим»[1] из рюмок для бренди. Девушки любили такие вечера, которые проводили не в компании всевозможных друзей Даниэль.

— Я шла по Холланд-стрит, а это жалкое ничтожество в полном панковском облачении прижало физиономию к двери бывшего магазина «Равноденствие». Я мельком взглянула на него, проходя мимо, а зря — он, должно быть, заметил мое отражение в стекле, потому что вдруг развернулся, уставился на меня и воскликнул: «Роднуля! Какой приятный сюрприз!»

Лизетт хлебнула хересу.

— Ну вот. Я наградила его самым суровым взглядом, на какой только способна, но, можешь ли ты поверить, этот тип продолжал стоять, лыбясь так, точно знает меня, а когда я заорала: «Отвали!» — с моим американским акцентом, он так и застыл на месте, разинув рот.

— Ага, вот она, — провозгласила Даниэль. — Я поставила ее рядом с «Теряемся из виду» Роланда Франклина — ты обязательно должна это прочесть. Надо как-нибудь не забыть вернуть ее тому симпатичному писателю из Ливерпуля, который мне ее одолжил.

Она уютно устроилась возле Лизетт на кушетке, сунула ей слегка испачканную и помятую книгу в бумажной обложке и снова взяла свою рюмку с хересом. Книга называлась «Новые дворцы: свидетельства бесконечности», автор — доктор Ингмар Магнус, собственноручно оставивший на форзаце трогательное посвящение Даниэль.

— Первое издание. В последующих отсутствуют две главы — понятия не имею почему. В них говорится о сеансах, которые он описывал тебе.

— Он хочет вставить меня в одну из своих книг. — Лизетт посмотрела на соседку с хитрецой. — Может ли жен-

[1] «Бристол Крим» (Harveys Sherry Bristol Cream) — херес.

щина доверять мужчине, который пишет столь пылкие посвящения, когда он желает ее загипнотизировать?

— Доктор Магнус — настоящий джентльмен, — несколько раздраженно заверила подругу Даниэль. — Он выдающийся ученый и полностью поглощен своими исследованиями. И, кроме того, я несколько раз позволяла ему загипнотизировать себя.

— Я этого не знала. А зачем?

— Доктор Магнус вечно ищет подходящих субъектов. Я восхищалась его работой и, когда встретила его на одной вечеринке, сама предложила подвергнуться гипнозу.

— И что произошло?

— Боюсь, ничего, что стоило бы описания. — Голос Даниэль звучал так, как будто она завидовала Лизетт. — Он сказал, что я либо очень цельная личность, либо мои прошлые жизни погребены слишком глубоко. Такое часто случается, объяснил он, вот почему безусловное доказательство реинкарнации так трудно продемонстрировать. После нескольких сеансов я решила не тратить больше его драгоценное время.

— Но на что это похоже?

— Чего ты боишься? Это не опаснее, чем вздремнуть. Никакой Свенгали[1] не заглядывал из-под капюшона в мои глаза. Никаких сияющих опаловых колец. Никакого кружащегося света. Честно говоря, процесс этот довольно скучен. Доктор Магнус просто внушает тебе уснуть.

— Звучит обнадеживающе — в смысле безопасности. При условии, что ко мне никто не будет приставать на обратном пути из его офиса.

Даниэль игриво взъерошила волосы подруги:

— Вряд ли твой вид способен привлечь панка. Ты же не подстригаешься садовыми ножницами и не красишь щетину в зеленый цвет. И в твоих щечках нет ни единой булавки.

— На самом деле он, может, и не был панком. Староват для рокера и недостаточно пестр. Просто он был весь в черной коже, с золотыми сережками в ушах и каким-то медальоном на груди.

---

[1] Свенгали — герой романа «Трильби» Джорджа дю Морье.

— Перед «Равноденствием», ты сказала? Любопытно.

— Так вот, я его, значит, осадила. А потом оглянулась, чтобы убедиться, что он меня не преследует, но он так и стоял там с ошеломленным видом.

— Возможно, он действительно обознался. Помнишь того старикашку на вечеринке у Мидж и Фионы, который настаивал, что знает тебя?

— И который был туп, как башмак. Иначе он мог бы придумать более оригинальный способ заигрывания.

Лизетт принялась листать «Новые дворцы», а Даниэль вытащила из стеллажа альбом «Тангерин Дрим»[1] и негромко включила стерео. Музыка точно легла на серую морось ночи за окном и уют их комнаты. Увидев, что подруга погрузилась в чтение, Даниэль подлила им обеим хереса и стала изучать книжные полки — мешанину из оккультных и метафизических трудов, альбомов по искусству и всевозможных книг в бумажных обложках. Между «Магией в теории и практике» Алистера Кроули и «Как я открыл свою бесконечную суть» некоего «Посвященного» оказалась засунута последняя книга доктора Магнуса, «Тень незнакомца». Она вытащила ее, и с запыленной обложки на девушку задумчиво взглянул сам доктор.

— Ты веришь в реинкарнацию? — спросила Лизетт.

— Верю. Точнее, иногда верю. — Даниэль обогнула кушетку и склонилась над плечом Лизетт, чтобы увидеть, какое место она читает. — Мидж Воган уверяет, что в прошлой жизни меня повесили как колдунью.

— Мидж должна быть благодарна судьбе за то, что живет в двадцатом веке.

— О, Мидж говорит, что мы были сестрами по шабашу и нас повесили вместе; вот почему мы так близки.

— Держу пари, Мидж говорит это всем девушкам.

— А мне Мидж нравится. — Даниэль отхлебнула херес, задумчиво разглядывая ряды корешков. — Ты сказала, тот парень носил медальон? Это не была свастика или что-то подобное?

---

[1] «Тангерин Дрим» («Tangerine Dream») — «Мандариновый сон», немецкая рок-группа, исполняющая электронную музыку.

— Нет. По-моему, подвеска его походила на звезду в круге. А еще у него кольца на всех пальцах.

— Погоди-ка! Сальные черные волосы, забранные назад вдовьим гребешком и закрывающие воротник? И круто изогнутые, словно навощенные, брови?

— Точно.

— А, Мефисто!

— Значит, ты его знаешь?

— Не совсем. Просто видела раз или два в «Равноденствии» и паре других мест. Он напоминает переигрывающего актера, исполняющего роль Мефистофеля. Мидж как-то заговорила с ним, но, полагаю, выяснила, что он не часть ее личного ковена[1]. Возможно, он не слышал, что «Равноденствие» закрылось. Он не производит впечатление сердцееда или похотливого хама, грязно пристающего к женщинам. Весьма вероятно, он действительно тебя с кем-то спутал.

— Что ж, говорят, у каждого есть двойник. Наверное, моя копия бродит по Лондону, и ее принимают за меня, а?

— И без сомнения, она отвешивает твоим ничего не подозревающим однокашникам звучные пощечины.

— А что, если я вдруг встречусь с ней?

— Встретишься со своим двойником — своим доппельгангером?[2] Помнишь Вильяма Вильсона?[3] Беда, дорогая — *беда!*

V

Дела обстояли так себе, средненько. Лизетт слегка нервничала, чувствовала себя глуповато и подозревала, что здесь пахнет мошенничеством.

— Расслабьтесь, — сказал ей доктор Магнус. — Все, что вам нужно сделать, — это просто расслабиться.

---

[1] Ковен *(шотл.)* — сборище; шабаш ведьм.

[2] Доппельгангер — призрачный двойник, дух живого человека вне его физического тела.

[3] Вильсон Вильям — персонаж одноименного рассказа Эдгара Алана По, которому всю жизнь противостоял его двойник. Убив его, он погубил и себя.

Так всегда говорил ее гинеколог, вспомнила Лизетт, внезапно напрягшись. Она лежала на спине на кушетке в кабинете доктора Магнуса: голова покоится на удобной подушечке, ноги аккуратно вытянуты на кожаной обивке (она специально снова надела джинсы), влажные пальцы сцеплены в замок на животе. «Белое платье вместо брюк — и меня, красавицу, хоть в гроб клади», — мрачно подумала девушка.

— Отлично. Вот так. Вы все делаете правильно, Лизетт. Очень хорошо. Просто расслабьтесь. Да, расслабьтесь. Хорошо, хорошо. Расслабьтесь.

Тихий, монотонный голос доктора Магнуса мерно повторял слова ободрения. Он твердил их без устали, терпеливо, постепенно рассеивая ее тревогу.

— Вы чувствуете себя сонной, Лизетт. Расслабленной и сонной. Ваше дыхание медленное и спокойное, медленное и спокойное. Думайте о своем дыхании, Лизетт. Думайте о каждом вдохе, медленном, сонном, глубоком. Ваше дыхание становится глубже, вы засыпаете. Расслабьтесь и спите, Лизетт, дышите и спите. Дышите и спите...

Она *думала* о своем дыхании. Она считала вдохи; медленный, монотонный голос доктора Магнуса вливался в ее сознание как тихая колыбельная. Она засыпала, ей было приятно расслабиться, слушая глубокое, мерное бормотание, раз за разом повторяемые слова. Как же долго еще до конца лекции...

— Теперь вы спите, Лизетт. Вы спите, но слышите мой голос. Вы погружаетесь все глубже, и глубже, и глубже в приятный, расслабленный сон, Лизетт. Все глубже и глубже в сон. Вы слышите мой голос?

— Да.

— Вы спите, Лизетт. Глубоко, глубоко спите. Вы останетесь в этом глубоком сне, пока я не сосчитаю до трех. Пока я буду считать до трех, вы будете медленно выплывать из глубины сна, пока не пробудитесь окончательно. Вы поняли?

— Да.

— Но когда я произнесу слово «янтарь», вы снова погрузитесь в глубокий, глубокий сон, Лизетт, в такой же, как сейчас. Вы поняли?

— Да.

— Слушайте, как я считаю, Лизетт. Раз. Два. Три.

Лизетт открыла глаза. Мгновение лицо ее выражало недоумение, а затем — смущение. Она взглянула на сидящего рядом доктора Магнуса и с сожалением улыбнулась:

— Боюсь, я уснула. Или?..

— Все прошло великолепно, мисс Сэйриг, — ободряюще кивнул доктор. — Вы вошли в простейшее гипнотическое состояние, и, как вы теперь убедились, это все равно что вздремнуть после обеда — ничего страшного.

— Но я уверена, что заснула только что. — Лизетт посмотрела на часы. Ей было назначено на три, а сейчас оказалось почти четыре.

— Почему бы вам просто не откинуться и не отдохнуть еще немного, мисс Сэйриг. Вот так, расслабьтесь. Все, что вам сейчас нужно, — это небольшой отдых, приятный отдых.

Приподнятая рука упала обратно на диванную подушку, глаза закрылись.

— Янтарь.

Доктор Магнус секунду изучал спокойные черты девушки.

— Сейчас вы спите, Лизетт. Вы меня слышите?

— Да.

— Я хочу, чтобы вы расслабились, Лизетт. Я хочу, чтобы вы погружались глубже, и глубже, и глубже в сон. Глубокий, глубокий сон. Дальше, дальше, дальше.

Он прислушался к ее дыханию и затем предложил:

— А теперь думайте о вашем детстве, Лизетт. Вы маленькая девочка, вы еще даже не ходите в школу. Что-то делает вас очень счастливой. Вы помните, что вы счастливы. Почему вы так счастливы?

Лизетт хихикнула, как хихикают дети.

— Это вечеринка в честь моего дня рождения, Ронни-клоун[1] пришел поиграть с нами.

---

[1] Ронни-клоун — клоун Рональд, символ сети ресторанов «Макдоналдс».

— Сколько вам лет?

— Пять. — Правая рука девушки пошевелилась, все пять пальцев растопырились.

— Еще глубже, Лизетт. Я хочу, чтобы ты добралась до самых глубин. Дальше, дальше в воспоминания. Вернись к тому времени, когда ты еще не была ребенком из Сан-Франциско. Дальше, еще дальше, Лизетт. Погрузись во время своих снов.

Он изучал ее лицо. Она оставалась в глубоком гипнотическом трансе, но черты девушки вдруг выразили беспокойство, словно она, спящая, увидела кошмар. Лизетт застонала.

— Глубже, Лизетт. Не бойся вспоминать. Позволь своему разуму достигнуть иного времени.

Ее все еще что-то беспокоило, но настойчивый, успокаивающий голос доктора постепенно разглаживал морщинки тревоги.

— Где вы?

— Я... я не уверена. — Теперь она говорила с благородным английским акцентом. — Очень темно. Горит лишь несколько свечей. Я боюсь.

— Вернитесь к счастливому моменту, — велел доктор Магнус девушке, тон которой стал резким от страха. — Сейчас вы счастливы. С вами случилось что-то очень приятное и восхитительное.

Озабоченность стерлась с ее лица. Щеки вспыхнули; она мило улыбнулась.

— Где вы теперь?

— Я танцую. Я на балу в честь празднования шестидесятилетия царствования Ее Величества[1]. Я никогда не видела столько народу. Уверена, сегодня вечером Чарльз хочет сделать мне предложение, но он всегда так застенчив, а сейчас он просто кипит оттого, что я обещала капитану Стэплдону два следующих танца. В этом мундире он очарователен. На нас все смотрят.

---

[1] Имеется в виду королева Виктория (1819—1901) — королева Великобритании из Ганноверской династии, правившая в 1837—1901 годы. Шестьдесят четыре года ее царствования вошли в историю под названием Викторианская эпоха.

— Как вас зовут?

— Элизабет Бересфорд.

— Где вы живете, мисс Бересфорд?

— У нас дом в Челси...

Выражение ее лица внезапно изменилось.

— Снова темно. Я совсем одна. Я не вижу себя, хотя свечи дают достаточно света. Там что-то есть. Я подхожу ближе.

— Раз.

— Это открытый гроб. — Голос ее дрожит от страха.

— Два.

— *О боже!*

— Три.

VI

— Мы, — торжественно провозгласила Дани эль, — приглашены на вечеринку.

Она извлекла из сумочки изящную открытку, протянула ее Лизетт и отправилась вешать на просушку мокрый дождевик.

— Ох уж эта проклятая английская летняя погода! — услышала Лизетт голос подруги уже из кухни. — Ты варила кофе? Еще осталось? О-о, фантастика!

Она появилась с чашкой кофе и открыла коробку с печеньем — Лизетт так и не привыкла называть печенье бисквитами.

— Хочешь?

— Нет, спасибо. Вредно для фигуры.

— А кофе на пустой желудок вредно для нервов, — многозначительно заявила Дани эль.

— Кто такая Бет Гаррингтон? — Лизетт изучала приглашение.

— Мм... — Дани эль набила полный рот и теперь пыталась протолкнуть недожеванные кусочки в горло с помощью слишком горячего кофе. — Какая-то подруга Мидж. Мидж заскочила утром в галерею и передала мне приглашение. Костюмированная пирушка. Среди гостей — звезды

рока. Мидж обещала, что будет чертовски весело; она сказала, что последняя вечеринка у Бет переросла в разнузданную оргию — гости по кругу передавали друг другу антикварную табакерку с кокаином. Можешь себе представить столько порошка?

— И как Мидж достала приглашение?

— Я так понимаю, мисс Гаррингтон восхитили несколько моих работ, выставленных у Майтланда, — настолько, что она даже купила одну. Мидж сказала ей, что знает меня и что мы двое украсим любой кутеж.

— В приглашении оба наших имени.

— Ты нравишься Мидж.

— Мидж меня презирает. Она ревнива, как кошка.

— Тогда она, должно быть, сказала нашей развращенной хозяйке, какая мы славная парочка. Кроме того, Мидж ревнует всех — даже дорогушу Майтланда, чей интерес ко мне очевидно и несомненно не связан с плотскими утехами. Но не волнуйся насчет Мидж — англичанки всегда злятся на «иностранок». Они все такие правильные и модные, но никогда не бреют свои ноги. Вот почему я больше люблю американок.

Даниэль целомудренно чмокнула подругу в макушку, осыпав волосы Лизетт крошками бисквита.

— Ох, *я замерзла*, промокла и жажду душа. А ты?

— Маскарад? — размышляла вслух Лизетт. — Но в каких костюмах? Не бежать же нам брать их напрокат.

— Насколько я поняла, сойдет все что угодно, лишь бы понеобузданнее. Сотворим что-нибудь божественно-декадентское и приведем всех в восторг. Поразим насмерть. — Даниэль смотрела «Кабаре»[1] раз шесть. — Вечеринка будет в каком-то глухом переулке, в роскошном старом особняке в Майда-Вэйл, поэтому нет никакой опасности, что соседи снизу вызовут копов.

Лизетт молчала, и Даниэль игриво пихнула ее локтем:

---

[1] «Кабаре» — знаменитый фильм Боба Фосса с Лайзой Миннелли и Майклом Йорком, поставленный по мотивам одноименного бродвейского мюзикла, основанного на пьесе Джона Ван Друтена и сборнике рассказов Кристофера Ишервуда «Прощай, Берлин»; заслуженно получил восемь «Оскаров».

— Дорогуша, мы приглашены на вечеринку, а не на похороны. Кстати, как прошла твоя встреча с доктором Магнусом, нормально?

— Полагаю, что так. — В улыбке Лизетт не ощущалось уверенности. — Не могу сказать наверняка: я просто уснула. Но доктор Магнус, кажется, доволен. Я нахожу это все... ну, скажем так, несколько жутким.

— Ты же только что сказала, что отключилась — и все. Что же тут *жуткого*?

— Это трудно выразить словами. Как будто у тебя начался скверный приход от кислоты: объяснить, что не так, ты не можешь, но разум говорит, что надо бояться.

Даниэль села рядом с ней и приобняла подругу за плечи.

— Похоже, доктор Магнус до чего-то докопался. Я чувствовала точно такую же смутную тревогу, когда в первый раз подверглась анализу. Это хороший знак, дорогая. Ты начинаешь понимать все те тревожащие тебя тайны, которые твое эго держит на замке.

— Возможно, эго держит их на замке не просто так, а из благих побуждений.

— Имеешь в виду скрытые сексуальные переживания? — Пальцы Даниэль бережно массировали плечи и шею Лизетт. — Ох, Лизетт. Ты, должно быть, стесняешься узнать себя. А *я* думаю — это возбуждает.

Лизетт свернулась клубочком возле подруги, устроившись щекой на груди Даниэль, а пальцы соседки продолжали настойчиво разминать ее мышцы. Что ж, возможно, она принимает все слишком близко к сердцу. В конце концов, эти ночные кошмары так ее измучили; а доктор Магнус, кажется, абсолютно уверен, что избавит ее от них.

— Какую из твоих картин купила наша будущая хозяйка? — спросила Лизетт, меняя тему.

— Ох, разве я не сказала? — Даниэль приподняла ее подбородок. — Тот этюд углем — твой портрет.

Шагнув в ванну, Лизетт задернула занавески. Это была одна из тех длинных узких и глубоких ванн, которые так любят ставить англичане, — они всегда наводили девушку на мысль о гробе на двоих. Вентили для горячей и холод-

ной воды соединял настоящий механизм Руба Голдберга[1], а к общему крану прикреплялась резиновая кишка с душевой насадкой, которую можно было как повесить на вбитый в стенку крюк, так и держать в руке. Даниэль, въехав в квартиру, заменила обычную насадку на массажную, но оставила на месте, над крюком, зеркало для бритья прежнего арендатора — стеклянный овал в тяжелой старинной эмалированной оправе.

Лизетт вгляделась в свое лицо, отразившееся в затуманенном паром зеркале.

— Я не должна была позволять тебе выставлять его в галерее.

— Почему? — Даниэль мылила голову и жмурилась, чтобы пена не попала в глаза. — Майтланд считает, что это моя лучшая работа.

Лизетт потянулась к душевому шлангу.

— Ну, в портрете есть что-то интимное. На меня все смотрят. Это вторжение в личную жизнь.

— Но там же все совершенно благопристойно, дорогуша. Не то что какие-нибудь гологрудые красотки с рекламных щитов в Сохо.

Рисунок углем и карандашом, изображающий Лизетт, был сделан Даниэль в манере, которую она называла своим

---

[1] *Руб Голдберг* родился в 1883 году в Сан-Франциско. Выучившись по настоянию отца на инженера в Калифорнийском университете, Руб шесть месяцев проработал в городском департаменте водоканалов, пока наконец смог убедить родителя, что способен стать неплохим художником.

Карьеру на новом поприще он начал в качестве курьера в спортивном отделе газеты Сан-Франциско.

Славу Голдбергу принесли рисунки странных механизмов, построенных по принципу «Зачем делать просто, если можно сделать сложно?». «Изобретения» эти были призваны «помогать» человеку в его повседневной жизни, однако выглядели они совсем не повседневно, поскольку собирались из самых непредсказуемых элементов. Так, например, прибор для автоматического мытья магазинных витрин состоял из последовательно задействовавшихся банановой кожуры, грабель, подковы, лейки, швабры, скотч-терьера, рекламного щита и пепельницы. Механизмы Руба Голдберга служили иллюстрацией к странной склонности человека добиваться минимальных результатов максимальными усилиями. «Есть два способа достижения цели — простой и трудный, — говаривал художник. — И вот что удивительно: большинство людей всегда выбирает именно тот, что сложнее».

периодом Дэвида Гамильтона[1]. Позируя для него, Лизетт собрала волосы в высокий шиньон и надела старинную хлопковую кофту с длинными рукавами и кальсоны с кружевными вставками, которые нашла в магазинчике на Вестбурн-Гров. Даниэль назвала картину «Роза во тьме». Лизетт считала, что на ней она выглядит толстой.

Даниэль слепо нащупывала массажную насадку, и Лизетт сунула ее в руку подруги.

— Просто он кажется мне слишком личным, чтобы моим портретом владел кто-то совершенно незнакомый.

Шампунь тек по груди Даниэль, как морская пена. Лизетт поцеловала эту пену.

— Ах, но скоро она перестанет быть совершенно незнакомой,— напомнила ей Даниэль приглушенным шумом душа голосом.

Лизетт чувствовала, как соски Даниэль твердеют под ее губами. Глаза стоящей под тугими струями брюнетки оставались закрытыми, но ее свободная рука поощряюще легла на голову Лизетт. Поцелуи блондинки медленно поползли по скользкому животу подруги. Лаская Даниэль, она осторожно опустилась на колени. Когда язык Лизетт коснулся влажных завитков, Даниэль прошептала что-то и раздвинула бедра, прижавшись коленями к плечам светловолосой девушки. Душевая насадка выпала из ослабевших пальцев.

Лизетт отдалась любви со страстью, ее же саму удивившей, — со стихийным, диким пылом, так отличающимся от их обычной нежности друг с другом. Ее губы и язык вжимались в Даниэль жадно и яростно, и экстаз она испытала даже более бурный, чем вызвала у Даниэль. Одной рукой Даниэль стискивала душевые поручни, а другой мяла занавеску, всхлипывая в трясущем ее долгом оргазме.

— Пожалуйста, дорогая! — взмолилась наконец обессилевшая Даниэль.— Меня больше ноги не держат!

Она отстранилась. Лизетт подняла лицо.

— Ох!

---

[1] Гамильтон Дэвид — режиссер, фотохудожник.

Девушка заторможенно, словно пьяная, поднялась. Ее расширившиеся глаза наконец заметили испуг Даниэль. Она дотронулась до своих губ и повернулась к зеркалу.

— Прости. — Даниэль обняла подругу. — Должно быть, у меня начались месячные. Я не знала...

Из замутненного зеркала на Лизетт смотрело перепачканное кровью лицо.

Даниэль подхватила начавшую оседать подругу.

VII

Холодные капли дождя падали на лицо, вымывая из ноздрей слишком сладкий аромат гниющих цветов. Она медленно открыла глаза навстречу мраку и туману. Дождь шел монотонно, вяло, прикленвая белое платье к мокрому телу. Она снова ходила во сне.

Бодрствование медлило целую вечность, не желая возвращаться к ней, и лишь постепенно, мало-помалу она начала осознавать себя и обстановку. На миг она ощутила себя шахматной фигуркой, поставленной на доску в темной комнате. Повсюду вокруг нее, точно столпившиеся люди, возвышались каменные статуи, по их обветрившимся лицам текли слезы сырости. Она не чувствовала ни страха, ни удивления оттого, что очутилась на погосте.

Она прижала руки крест-накрест к груди. Вода бежала по ее бледной коже так же спокойно и ровно, как по мраморному надгробию, и хотя плоть ее была холодна, как влажный гранит, она не ощущала, что замерзла. Она стояла босая, волосы прилипли к плечам над глубоким вырезом хлопковой сорочки — единственной, что ее прикрывала.

Автоматически шла она сквозь тьму, словно следуя знакомой тропой по лабиринту из поблескивающего мокрого камня. Она знала, где находится: это Хайгетское кладбище. Она не могла сказать, почему уверена в этом, поскольку не помнила, чтобы когда-нибудь посещала это место прежде. Не думала она и о том, откуда знает, что шаги уводят ее все глубже и глубже, а не влекут к воротам.

Яркая капля упала ей на грудь, и под дождем пятно над ее сердцем расцвело красной розой.

Она открыла рот, чтобы закричать, и губы ее изрыгнули хлещущий поток непроглоченной крови.

— Элизабет! Элизабет!

— Лизетт! Лизетт!

Чей голос зовет ее?

— Лизетт! Вы можете проснуться, Лизетт!

Глаза доктора Магнуса вглядывались в ее глаза. Не мелькнула ли за вежливой маской внезапная тревога?

— Вы проснулись, мисс Сэйриг. Все в порядке.

Лизетт несколько секунд смотрела на него, неуверенная в собственной реальности, словно резко пробудилась от бездонного кошмара.

— Я... я думала, что умерла. — В глазах девушки все еще метался страх.

Доктор Магнус успокаивающе улыбнулся ей:

— Сомнамбулизм, дорогая моя. Вы вспомнили эпизод хождения во сне из прошлой жизни. Скажите, вы сами никогда не страдали лунатизмом?

Лизетт прижала руки к лицу, оторвала их и уставилась на пальцы.

— Не знаю. То есть — не думаю.

Она села и принялась рыться в сумочке в поисках пудреницы. Прежде чем открыть зеркальце, девушка мгновение помедлила.

— Доктор Магнус, не думаю, что мне следует продолжать эти сеансы.

Она зачарованно всмотрелась в свое отражение и, не притронувшись к пуховке, защелкнула крышку. Только теперь испуганное выражение начало сходить с ее лица. Жаль, что нельзя закурить.

Доктор Магнус вздохнул и, откинувшись на спинку кресла, свел вместе кончики пальцев; он наблюдал за тем, как она, нервно ерзая на краю кушетки, возится с одеждой.

— Вы действительно хотите завершить наши исследования? Как-никак за несколько последних сеансов мы добились значительного прогресса.

— Неужели?

— Именно так. Вы последовательно вспоминаете случаи из жизни Элизабет Бересфорд, юной английской леди, жившей в Лондоне в конце прошлого века. Судя по тому, что вы знаете об истории вашего семейства, она не является вашим предком.

Доктор Магнус подался вперед, словно стремясь поделиться своим энтузиазмом.

— Вы понимаете, как это важно? Если Элизабет Бересфорд не ваша прародительница, то и речи быть не может о генетической памяти. Таким образом, единственное объяснение — реинкарнация. Это же подтверждение бессмертия души! Чтобы укрепить его, я должен твердо убедиться в существовании Элизабет Бересфорд и доказать, что между вами двумя нет кровных уз. Мы просто обязаны разведывать дальше.

— Обязаны? Я имела в виду, какого прогресса мы достигли в помощи мне, доктор Магнус? Для вас, конечно, очень здорово получать доказательства вашей теории реинкарнации, но мне от этого не легче. Раз уж на то пошло, кошмары стали еще хуже с тех пор, как мы начали эти сеансы.

— Тогда, возможно, не стоит рисковать и останавливаться.

— Что вы хотите этим сказать? — Интересно, что он сделает, если она вдруг бросится вон из комнаты?

— Я хочу сказать, что кошмары будут становиться все хуже и хуже, невзирая на то, решите вы прекратить сеансы или нет. Ваше бессознательное «я» пытается передать вам какое-то важное послание из прошлого существования. И оно продолжит стараться, и неважно, насколько упрямо вы будете отказываться прислушаться к нему. Моя задача — помочь вам услышать этот голос, понять сообщение, и лишь с этим пониманием и самоосмыслением вы обретете внутренний мир. А без моей помощи... Что ж, откровенно говоря, мисс Сэйриг, вам грозит серьезный эмоциональный срыв, если не полный распад нервной системы.

Лизетт шлепнулась обратно на кушетку. Она была на грани паники. Ах, если бы тут оказалась Даниэль и поддержала ее!

— Почему воспоминания всегда приходят ко мне в форме кошмаров? — Голос ее дрожал, и она говорила медленно, стараясь контролировать его.

— Воспоминания не всегда страшны, дорогая моя. Просто память о наиболее травматическом опыте зачастую прорывается вперед. В вашем подсознании похоронено какое-то очень сильное эмоциональное потрясение.

— Ее... смерть?

— Если предположить, что Элизабет Бересфорд в дни празднования шестидесятилетия правления королевы Виктории было около двадцати лет, сейчас ей бы перевалило за сто. Кроме того, мисс Сэйриг, ее душа вновь возродилась уже как ваша. Следовательно...

— Доктор Магнус. Я *не хочу* знать, как умерла Элизабет Бересфорд.

— Естественно,— мягко произнес доктор Магнус.— Разве это не очевидно?

VIII

— Удивительно, погода сегодня забыла о дожде.

— Спасибо Богу за маленькие милости,— отозвалась Лизетт, подумав, что Лондон в июле больше напоминает город муссонов, чем романтическую столицу туманов, прославленную в песнях.— Все, что *было нужно*,— надеть эти дождевики.

Они с Даниэль подпрыгивали на заднем сиденье черного «остина»[1], поскольку их демократичный водитель в равной мере охотно бросал вызов как грузовикам, так и пешеходам, борясь за право проезда по Эйджвер-роуд. Чувствуя себя несколько неловко, Лизетт теребила край своего длинного и просторного непромокаемого кожаного плаща. Они решили облачиться в ярко расшитые шелковые китайские пижамы, которые отрыли в одном из магазинчиков подержанной одежды на Портобелло-роуд, достаточно прозрач-

[1] «Остин» (Austin) — знаменитое лондонское такси весьма консервативного вида, считающееся лучшим в мире. Появилось в 1949 году.

ные для взглядов, но из-под плащей лишь скромно выглядывали штанины.

— Мы едем на маскарад,— объяснила Лизетт водителю, чувствуя, что просто обязана это сделать.

Впрочем, ее беспокойство оказалось излишним, поскольку шофер не удостоил их вторым взглядом. Либо он привык к текущей моде на все китайское, либо годы развозок по клубам и из клубов парочек в нарядах стиля «диско» и «панк-рок» приучили его к любым костюмам.

Такси несколько раз сворачивало на боковые улочки Майда-Вэйл и в конце концов аккуратно вписалось в U-образный поворот. Буйные биения новой волны рока гремели за воротами закрытого дворика: Мевз-что-то там — жестяная табличка на кирпичной стене так проржавела, что расшифровать ее в темноте не представлялось возможным,— но, судя по свету и шуму, адресом они не ошиблись. Множество дорогих на вид машин — Лизетта опознала «роллс» или два и по крайней мере один «феррари» — прижалось к поребрику. Они протиснулись мимо них и оказались возле источника веселья — кирпичного особняка в три — или больше — этажа, разместившегося в глубине двора.

Дверь открыла девушка в сильно укороченном костюме горничной. Она проверила их приглашение, в то время как точно так же одетая девушка приняла их плащи, а третья пригласила выбрать из предложенного ассортимента маски и показала, где можно переодеться. Лизетт и Даниэль взяли обсыпанные блестками полумаски, подходящие к длинным шарфам, которыми они повязали лбы.

Даниэль выгащила из сумочки эбеновый портсигар и с одобрением взглянула на их отражения.

— Божественно декадентски,— произнесла она нараспев, с подчеркнутой медлительностью, и поиграла пальчиками с накрашенными черным лаком ногтями.— Столько времени потрачено на глаза, и теперь приходится прятать их под маску. Возможно, позже — когда пропоет петух и все снимут маски... Вперед, дорогуша.

Лизетт держалась рядом с подругой. Она чувствовала себя не в своей тарелке. Когда они вышли на свет, стало очевидно, что под шелковыми пижамами у них ничего нет.

По наткнувшись на других гостей, девушка решила, что они могут не опасаться оскорбить чью-либо скромность. Как и обещала Мидж, тут годилось все что угодно, лишь бы поеобузданнее — если их костюмы еще могли кое-как сойти за уличную одежду, многим гостям пришлось воспользоваться раздевалками наверху.

Мускулистый молодой человек, облаченный лишь в кожаную набедренную повязку и пояс для меча с висящим на нем *широким палашом, спустился по лестнице*, ведя за собой на цепи покорную девушку со скованными запястьями; не считая кандалов, на ней было лишь несколько лоскутов кожи. Парочка в паиковской упряжи презрительно плюнула им вслед; девушка щеголяла в шортиках, украшенных бритвенными лезвиями, и трико, возможно просто нанесенном на голое тело краской из баллончика. Две красотки в старомодных вечерних платьях стиля «нью лук»[1] от Кристиана Диора бросали с верхней площадки томные кокетливые взгляды на полуобнаженного меченосца; Лизетт заметила их характерно широкие плечи и адамовы яблоки и почувствовала укол зависти — гормоны и хирургия обеспечили им великолепную форму — ей такой ниночем не добиться.

В большой комнате на первом этаже — Лизетт предположила, что на самом деле это бальная зала, хотя первые жильцы дома скорее сочли бы сегодняшний бал *пляской смерти*, — выступала группа новой волны «Игла». Несмотря на то что децибелы сильно перехлестывали за болевой порог, большинство гостей собрались тут. Остальные, разбившись на маленькие группки потише, зависали в других комнатах. А здесь больше половины народу танцевали, а прочие стояли у стен, пытаясь разговаривать. Дымок марихуаны почти терялся в зловонном тумане, сочащемся из британских сигарет.

— Вон Мидж и Фиона, — прокричала Даниэль в ухо Лизетт. Она энергично замахала руками и нырнула в толпу, лавируя между танцующими.

---

[1] «Нью лук» (New Look) — главный стиль 1950-х годов, «новый взгляд» на образ женщины. Автор «нового взгляда» — французский кутюрье Кристиан Диор, отменивший широкие плечи и короткие юбки военной моды и вернувший женственность, романтичность и почти забытую элегантность.

Мидж надела элегантное, искусно сшитое средневековое платье – тяжелая парча ниспадала на пол, подчеркивая обнаженную грудь. Свои светлые волосы она спрятала под конической шапочкой со струящейся сзади вуалью. Фиона прислуживала ей в образе мальчика-пажа.

— Вы только что приехали? — спросила Мидж, окидывая неодобрительным взглядом костюм Лизетт. — Шампанское там, на серванте. Погодите, я позову одну из этих прелестных французских горничных.

Лизетт ловко ухватила два стакана с проносящегося мимо подноса и передала один из них Даниэль. Разговаривать в таком шуме было невозможно, но с Мидж ей и так не о чем беседовать, а Фиона — всего лишь безгласная тень.

— Где наша хозяйка? — спросила Даниэль.

— Еще не спустилась, — ухитрилась провопить Мидж. — Бет всегда выжидает, чтобы устроить грандиозный выход своей мелкой персоны. Ты ее появления не пропустишь.

— Кстати, о появлениях... — Лизетт кивнула на пару, только что ступившую на танцплощадку. Женщина была в фуражке офицера СС, сапогах выше коленей, черных брюках и подтяжках, крест-накрест пересекающих ее голую грудь. Она скакала верхом на своем компаньоне-мужчине, оседланном, с уздечкой во рту и еще несколькими элементами кожаной упряжи на теле. — Не знаю, эксцентрично это или просто вульгарно, — заметила Лизетт.

— Не слишком похоже на чаепития в женском клубе у тебя дома, да? — хмыкнула Мидж.

— А кокс тут где-нибудь имеется? — быстро вмешалась Даниэль.

— Недавно был. Посмотри в библиотеке — ну, в комнате сразу под раздевалками.

Лизетт проглотила шампанское и, прежде чем последовать за Даниэль вверх по лестнице, раздобыла себе вторую порцию. Мужчина в рыболовных сетях, мотоциклетных ботинках и жилете, сооруженном в основном из цепей и нацистских медалей, схватил ее за руку, видимо желая потанцевать. Маску ему заменяло с фунт теней для век и черной губной помады. Лизетт крикнула невнятное, все равно никому не слышное извинение, зажала пальцем

ноздрю, наглядно втянула воздух и кинулась догонять Даниэль.

— Ты только что отшила Элди Зубастика, солиста «Трепанов», — сообщила ей Даниэль. — И почему он не поймал *меня!*

— Ты еще получишь свой шанс, — успокоила подругу Лизетт. — Кажется, он идет за нами.

Даниэль мгновенно остановилась.

— Есть понюшка, крошки. — Элди Зубастик постучал серебряной ложечкой по пузырьку, висящему у него на груди среди цепей.

— Мы просто не могли больше выносить шум в зале, — объяснила Лизетт.

— «Игла» — дерьмо. — Элди Зубастик обвил ручищами талии обеих девушек, подталкивая их вверх по ступеням. — Вы гребаные сестренки? Я бы вам вставил.

Слава богу, в библиотеке оказалось полно народу — Лизетт решила, что ей не хочется уединяться с Элди Зубастиком. Дюжина или больше гостей собрались здесь, энергично нюхая и не менее энергично разговаривая. За столом две из вездесущих горничных деловито заготавливали белые дорожки на зеркалах и раздавали их гостям, чье число оставалось более или менее постоянным, поскольку люди то забредали сюда, то покидали комнату. Сигарный ящик предлагал всем желающим туго свернутые косяки.

— Тайские, — причмокнул Элди Зубастик, стреб пригоршню самокруток, сунул по одной в губы подруг, а остальные запихнул себе под жилет.

Даниэль хихикнула и убрала косяк в портсигар. Отстегнув от цепи серебряную трубочку, Элди втянул в ноздрю две толстые полоски с одного из зеркал.

— Аж глаза на лоб лезут, крошки, — пригласил он девушек.

Когда они закончили, горничная забрала зеркало, заменив его другим, — дюжина кокаиновых дорожек теснилась на гладкой поверхности. Затем девушка начала старательно пропускать кристаллический кокаин через фильтр, чтобы снова наполнить пустое зеркало. Лизетт зачарованно наблюдала за ней. Ей наконец-то открылось, какое богатство демонстрирует

эта вечеринка: все остальное казалось просто вышедшим из какого-то фильма, но раздача порошка больше чем сотне гостей — такую экстравагантность даже представить трудно.

— Даниэль Борланд, не так ли?

Им поклонился мужчина в костюме Мефистофеля.

— Эдриан Треганнет. Мы встречались на одной из вечеринок Мидж Воган — возможно, вы помните.

Даниэль вгляделась в лицо под полумаской.

— О да. Лизетт, это сам Мефисто.

— Значит, это мисс Сэйриг, объект вашего этюда углем, которым так восхищается Бет. — Мефисто поймал руку Лизетт и коснулся ее губами. — Бет ждет не дождется встречи с вами обеими.

Лизетт отдернула руку.

— А вы не...

— Тот грубый парень, который пристал к вам в Кенсингтоне пару дней назад, — извиняющимся тоном закончил Треганнет. — Да, боюсь, что тот. Но вы должны простить мою развязность. Видите ли, я действительно обознался, приняв вас за одну мою близкую подругу. Не позволите ли мне загладить вину бокалом шампанского?

— Конечно.

Лизетт решила, что с нее довольно Эдди Зубастика, а Даниэль вполне способна защитить себя, если ее сиськи устанут от тисканий известной поп-звезды.

Треганнет быстро вернулся с двумя фужерами. Лизетт расправилась с еще парой дорожек и благодарно улыбнулась, принимая бокал. Даниэль пыталась пристрелить Эдди Зубастика из своего портсигара, и Лизетт решила, что сейчас открывается хорошая возможность улизнуть.

— Ваша соседка чрезвычайно талантлива, — заметил Треганнет. — Естественно, она к тому же избрала столь очаровательный объект для своего рисунка.

«Скользкий, как змея», — подумала Лизетт, позволяя ему вновь взять себя под руку.

— Как мило с вашей стороны сказать так. Однако меня приводит в некоторое смущение мысль о том, что незнакомый человек владеет моим портретом, на котором я в нижнем белье.

— Вы очень скромны, дорогая моя, — скромны, как название картины, «Роза во тьме». Бет повесила ее в своем будуаре, так что вряд ли можно сказать, что портрет выставлен на всеобщее обозрение. Ваш наряд на картине наводит на мысль, что вы, как и Бет, питаете склонность к одежде и манерам прошлого века.

«Вот уж чего я никогда бы не заподозрила о нашей хозяйке, судя по этой вечеринке», — подумала Лизетт.

— С нетерпением жду встречи с ней. Я полагала, что наша хозяйка, госпожа Гаррингтон, слишком современна для таких вкусов. Кстати, она мисс или миссис Гаррингтон?

— Ах, я не намеревался внушить вам, что Бет — благородная вдова. Она принадлежит к вашему поколению — быть может, всего на несколько лет старше вас. Я сам нахожу, что обращение «мисс» несколько отдает американизмом, но, уверен, Бет не станет возражать против него. Однако здесь у нас не место подобным формальностям.

— Кажется, вы хорошо ее знаете, мистер Треганнет.

— Это старинный род. Я неплохо знаю ее тетушку, Джулию Везерфорд, у нас с ней общий интерес к оккультизму. Возможно, и вы?..

— О нет! Вам стоит поговорить об этом с Даниэль. Моя область — искусство. Я изучаю его в Лондонском университете. — Она увидела, что Даниэль и Эдди Зубастик отправились в бальную залу, и ревниво решила, что вкусы Даниэль касательно ее знакомых оставляют желать лучшего. — Можно мне еще шампанского?

— Естественно. Я мигом.

Лизетт, дожидаясь выпивки, втянула еще несколько дорожек. Молодой человек, одетый эдвардианским денди[1], предложил девушке табакерку и любезно показал, как ею пользоваться. Когда Треганнет вернулся, Лизетт как раз боролась с приступом чихания.

— Не стоило вам беспокоиться, — сказала она ему. — Эти маленькие французские горничные таскают повсюду подносы с шампанским.

---

[1] Эдвардианский денди — франт времен Эдуарда VII (1841—1910), короля Великобритании и Ирландии (1901—1910).

— Но их бокалы потеряли должную прохладу, — объяснил Треганнет. — За ваше здоровье.

— Будем здоровы! — В голове у Лизетт звенело, и она пообещала себе пока «попридержать лошадей». — Значит, Бет живет с тетушкой?

— Ее тетя обосновалась на континенте; кажется, она не появлялась в Лондоне довольно давно. Бет переехала сюда лет десять назад. Семья у них небольшая, но небедная, как вы могли заметить. Они много путешествуют, и просто удача, что Бет оказалась в Лондоне одновременно с вами. К слову — долго вы пробудете в Лондоне?

— Около года. — Лизетт допила шампанское. — А потом вернусь к моей милой скучной семейке в Сан-Франциско.

— Значит, здесь у вас никого?..

— Определенно нет, мистер Треганнет. А теперь извините, пойду-ка я поищу дамскую комнату.

Кокаин, возможно, и является шампанским среди наркотиков, но кокаин и шампанское явно не стоило смешивать, размышляла Лизетт, занимая ванную после одного из гостей. В голове ее жужжал рой пчел, и она подумала, не лучше ли будет найти где-нибудь спальню и прилечь ненадолго. Но тогда, судя по всему, она рисковала проснуться под взгромоздившимся мужиком. Она решила больше не пить — ну разве что еще дорожка или две, чтобы стряхнуть с себя ощущение прибитости пыльным мешком.

За время ее отсутствия толпа в кабинете сменилась. Сейчас здесь преобладали гости в костюмах из «Шоу ужасов Рокки Хоррора», чей многолетний показ на подмостках Театра комедии на Пикадилли теперь прекратился. Лизетт, которой жутко надоела созданная в Штатах киноверсия постановки, протиснулась мимо группки, энергично танцующей «Искажение времени» и завывающей песни из шоу.

— Забудь приличия, не думай о манерах, — проорал кто-то ей в самое ухо, пока она старательно втягивала в ноздрю белую дорожку с зеркала. — Сверх всякой меры грезь, греши сверх всякой меры. — И так далее.

Лизетт расправилась со второй порцией и решила, что с нее хватит. Она выпрямилась и принялась пробираться

к двери. Высокий трансвестит в костюме Фрэнки[1] театральным жестом преградил ей путь и пылко пропел:

— Не зевай — обладай!

Лизетт послала ему воздушный поцелуй и вильнула в сторону. Хорошо бы найти тихое местечко, где можно собраться с мыслями. Или сперва отыскать Даниэль — если получится продержаться в комнате для танцев требуемое для этого время.

Толпа в танцзале стала еще гуще, чем когда они только что пришли. Все толкающиеся тела в конце концов, кажется, приспособились к орущим из усилителей и громкоговорителей децибелам. Лизетт тщетно высматривала среди танцующих Даниэль. При этом кто-то пролил ей на спину шампанское. Но заметила она лишь Мидж, выделяющуюся из толпы благодаря своему коническому средневековому головному убору, и принялась проталкиваться к ней.

Мидж (которую Фиона в это время кормила бутербродиками с икрой) разговаривала с женщиной, выглядящей точь-в-точь как Марлен Дитрих в мужском смокинге на виденной когда-то Лизетт фотографии.

— Не видела Даниэль? — спросила у Мидж Лизетт.

— В последнее время нет, дорогуша, — улыбнулась Мидж, кончиком языка слизывая с губ икру. — Полагаю, они с этим рок-певцом поднялись вверх по лестнице в поисках более интимной обстановки. Уверена, она подберет тебя, как только они закончат.

— Сука ты, Мидж,— сказала Лизетт со сладчайшей улыбочкой, развернулась и направилась к двери, стараясь не испортить свой уход пошатыванием. К черту Даниэль — ей нужен свежий воздух.

У подножия лестницы тоже толпился народ, и ей пришлось протискиваться в дверной проем, чтобы сбежать из танцзала. За спиной «Игла», слава богу, ушла на перекур.

— Она спускается! — услышала Лизетт чей-то задыхающийся шепот.

Только что суета вечеринки стихла так внезапно, что Лизетт даже вздрогнула.

---

[1] Фрэнки — персонаж «Шоу ужасов Рокки Хоррора».

На вершине лестницы стояла высокая женщина, от горла до щиколоток окутанная черным бархатным плащом. Ее светлые волосы были собраны в высокую сложную прическу — вариант модного когда-то «французского твиста». В волосы вплетены гранатовые ленты, верхнюю часть лица скрывает облегающая черная маска. Она стояла среди молчания, надменно и властно взирая на своих гостей сверху вниз.

Эдриан Треганнет вспрыгнул на нижнюю ступеньку. Он подал знак паре горничных, и они встали по обе стороны от своей госпожи.

— Милорды и миледи! — провозгласил он с величавым поклоном. — Позвольте мне засвидетельствовать всеобщее почтение нашей очаровательной хозяйке, на чьем празднике мы пируем сегодня! Колдунье, преследовавшей Адама в его снах, — Лилит!

Горничные осторожно сняли плащ с плеч госпожи. Толпа у ее ног захлебнулась втянутым в восхищении воздухом. Бет Гаррингтон была облачена в пояс для чулок из блестящей черной кожи, плотно облегающий талию. Остальной ее костюм состоял лишь из узких, высотой до колена сапог на шпильках, перчаток до локтей и стоячего воротничка вокруг горла — все из черной кожи, резко контрастирующей с ее белоснежным телом и светлыми волосами. Сперва Лизетт решила, что стан хозяйки обвивает длинный воловий кнут, но когда кольца зашевелились, она поняла, что это огромная черная змея.

— Лилит! — раздался чей-то благоговейный крик. — Лилит!

Принимая восхищение, плавно кивая, Бет Гаррингтон спустилась по ступеням. Змеиные кольца перетекали с одной руки на другую, обвивали туго затянутую талию. Глаза рептилии хладнокровно взирали на гуляк. Бокалы с шампанским поднялись в честь Лилит, и веселье вечеринки вновь наполнило дом.

Треганнет подхватил Бет под локоток, когда она приветствовала своих гостей у подножия лестницы. Он наклонился к ее уху и зашептал что-то, она любезно улыбнулась, и они пошли вместе.

Видя их приближение, Лизетт ухватилась за стойку перил. У нее кружилась голова, ей отчаянно хотелось прилечь на свежем воздухе, она не доверяла своим ногам. Девушка смотрела в глаза змеи, загипнотизированная подрагиваниями раздвоенного языка.

Комната колебалась, то попадая в фокус, то выпадая из него. Маски гостей, казалось, косятся на нее и злорадствуют, зная какую-то тайну; танцоры в фантастических костюмах превратились в гротескную орду развратных сатиров и резвящихся демонов, кружащихся по комнате, словно на ведьмовском шабаше, непристойно слившись друг с другом. Будто в кошмарном сне, Лизетт приказывала своим ногам развернуться и бежать, но понимала, что тело ее больше не повинуется ее воле.

— Бет, тут есть кое-кто, кого ты так жаждала видеть, — услышала девушка голос Треганнета. — Бет Гаррингтон, позвольте представить вам Лизетт Сэйриг.

Губы под черной маской изогнулись в приятной улыбке. Лизетт заглянула в чужие глаза и обнаружила, что уже не чувствует своего тела. Ей показалось, что где-то далеко Даниэль зовет ее.

Пронзительные глаза висели перед ней ещё долго после того, как она соскользнула по стойке вниз и повалилась на пол.

IX

Паб на Кенсингтон-Черч-стрит назывался «Кувырок». Здесь готовили неплохие закуски, и Лизетт любила останавливаться тут, прежде чем свернуть на Холланд-стрит, на сеанс доктора Магнуса. А поскольку сегодняшний сеанс был последним, и девушке, и доктору показалось естественным закончить вечер здесь.

— Хотя я и не люблю повторяться, — серьезно проговорил доктор Магнус, — я действительно считаю, что мы обязаны продолжать.

Лизетт вытащила сигарету и решительно покачала головой:

— Ни в коем случае, доктор Магнус. Мои нервы и так истрепаны до предела. Только прикиньте — я вырубилась на костюмированной вечеринке, и моей соседке пришлось увезти меня домой и уложить в постель! Так было, когда я, будучи еще неопытной малышкой, наглоталась паленой кислоты: весь мир на недели превратился в чудовищное, зловещее шоу уродцев. Как только моя голова встала на место, я сказала себе: «Больше никакой кислоты!»

— Вы путешествуете по печально известному порочному кругу. К тому же, если я правильно понял, тем вечером вы допустили некоторые излишества.

— Пара бокалов шампанского и чуть-чуть порошка никогда прежде не причиняли мне вреда — они лишь делали меня смешливой и разговорчивой.

Лизетт отхлебнула половину своего лагера, легкого пива; она так и не привыкла ко вкусу английского горького эля, а лагер, по крайней мере, освежал. Они сидели друг напротив друга за столиком под навесом; она — в уголке, на мягкой скамье у стены, он — на стуле, подпираемом стеной стоящих тел. В шаге от девушки трое молодых людей за таким же столиком оживленно беседовали. Но при всем при том они с доктором Магнусом были все равно что одни в помещении. Лизетт не удивилась бы, узнав, что именно переполненный английский паб вдохновил того психолога, который создал чудаковатую концепцию «пространства»[1].

— Я не просто упала в обморок на вечеринке. И на обычный кошмар это не походило. — Она помолчала, подыскивая слова. — Все как будто вышло из фокуса и из-под контроля. Это... да, это пугало.

— Именно поэтому мы и должны продолжать.

— Именно поэтому мы и не должны продолжать, — вздохнула Лизетт.

Это они уже проходили. В момент слабости она согласилась позволить доктору Магнусу купить ей выпить после

[1] Концепцию «пространства» как такового создавали и Демокрит, и Аристотель, и Эвклид, и Ньютон, и Эйнштейн. В данном случае, вероятно, имеется в виду концепция «жизненного пространства» Курта Левина (1890–1947), немецкого психолога, создателя теоретико-полевой концепции личности и группы в психологии.

сеанса, вместо того чтобы отправиться прямиком домой. К тому же он был так огорчен, когда она сказала, что прекращает ходить к нему.

— Я пыталась, как могла, сотрудничать с вами и уверена, вы совершенно искренни в своем стремлении помочь мне. — Хм, она не была *настолько* уж уверена, но углубляться в это не стоит. — Однако факт остается фактом: с тех пор как мы начали сеансы, мои нервы стали ни к черту. Вы говорите, что без сеансов будет хуже. А я говорю, что именно сеансы портят мне нервы, и хотя, возможно, связи тут и нет, а дело только во мне, я собираюсь довериться своей интуиции и жить без сеансов. Достаточно честно?

Доктор Магнус бросил напряженный взгляд на свою едва тронутую рюмку с шерри.

— Хоть я и понимаю ваши логические обоснования и причины, я вынужден тем не менее настоятельно просить вас передумать, Лизетт. Вы рискуете...

— Постойте. Если кошмары прекратятся — отлично. А если нет, я всегда могу собрать вещички и улететь в Сан-Франциско. Так я освобожусь от всего, в чем мы с Лондоном не совместимы, а если нет — я загляну к своему психиатру дома.

— Что ж, хорошо. — Доктор Магнус пожал девушке руку. — Однако, пожалуйста, помните, что я готов продолжить наши сеансы в любое время, если вы вдруг измените свое мнение.

— И это тоже честно, доктор. И очень любезно с вашей стороны.

Доктор Магнус поднял свою рюмку, посмотрел сквозь нее на свет и задумчиво заметил:

— Янтарь.

X

— Лизетт?

Даниэль заперла за собой переднюю дверь и повесила совершенно не спасающий от дождя зонтик в прихожей. Посмотрев на себя в зеркало, она скорчила рожу при виде того, что творилось у нее на голове.

— Лизетт? Ты здесь?

Нет ответа, и нет ее плаща на крючке. Либо подруга припозднилась на сеансе с доктором Магнусом, либо благоразумно укрылась где-нибудь, дожидаясь, когда кончится этот треклятый дождь. После того как Даниэль пришлось везти Лизетт домой в такси с вечеринки, на которой она лишилась чувств, Даниэль начала по-настоящему беспокоиться о состоянии здоровья своей подруги.

Даниэль сбросила промокшие туфли и вошла в гостиную. Занавески задернуты, отгораживая комнату от серости снаружи, и девушка включила лампу, чтобы немного осветить квартиру. Платье прилипло к телу, точно холодный и влажный презерватив; передернувшись, она подумала о чашечке кофе. Если Лизетт еще не вернулась, значит, он еще не сварен. Придется вместо кофе принять горячий душ, а уже после позаботиться о кофе — если Лизетт к тому времени не вернется и не поставит чайник.

— Лизетт?

Их спальня пуста. Даниэль включила верхний свет. Господи, ну и темень! Это слишком даже для долгих английских летних вечеров — ох уж этот чертов дождь, она даже не помнит, когда в последний раз видела солнце. Девушка стянула с себя мокрое платье, разложила его на кровати, смутно надеясь, что, возможно, так оно не слишком помнется, затем кинула на кресло бюстгальтер и трусики.

Скользнув в пижаму, Даниэль босиком пошлепала обратно в гостиную. Лизетт по-прежнему нет, а уже десятый час. Возможно, она задержалась в пабе. Подойдя к стерео, Даниэль поставила новый диск «Блонди»[1] и прибавила громкость. Пусть соседи жалуются, — по крайней мере, это поможет развеять вечернее сумрачное уныние.

Ругая на чем свет стоит проволо́чки, она дождалась, когда температура воды в душе станет подходящей, и влезла в ванну. Наслаждаясь горячими струями, девушка несколько минут простояла под ними просто так — душ воскрешал, неся приятную расслабленность. Сквозь убаюкиваю-

[1] «Блонди» («The Blondie») — американская вокально-инструментальная группа.

щий шум воды она слышала приглушенный ритм стерео и, потянувшись к шампуню, начала приплясывать под него.

Душевая занавеска колыхнулась от сквозняка — это открылась дверь ванной. Намыленная Даниэль приоткрыла глаза и выглянула из-за пленки — она знала, что квартира надежно заперта, но после «Психо»[1]... Это была всего лишь Лизетт, уже раздетая, с распущенными светлыми волосами, падающими на грудь.

— Из-за музыки я не слышала, как ты вошла, — поприветствовала подругу Даниэль. — Залезай, пока не простыла.

Даниэль продолжила намыливать волосы. Занавеска раздвинулась, и в ванну шагнула вторая девушка. Даниэль, снова зажмурившаяся, чтобы мыло не попало в глаза, чувствовала, как соски Лизетт трутся о ее спину, а плоский живот прижимается к ягодицам. Ладони Лизетт нежно легли на груди подруги.

Наконец-то Лизетт забыла их глупую размолвку из-за Эдди Зубастика. Она же объяснила, что бросила грязного грубияна, когда он безрезультатно попытался трахнуть ее прямо на танцполе, но как можно разумно растолковать что-то дурехе, которая падает в обморок при виде змеи?

— Боже, ты промерзла до костей! — воскликнула Даниэль, поежившись. — Становись-ка лучше под душ, погрейся. Ты попала под дождь?

Пальцы второй девушки продолжали ласкать ее груди, а вместо ответа губы Лизетт припали к шее застонавшей от наслаждения Даниэль. Вода смывала пену с ее волос и лилась на их соединенные тела. Слабеющая Даниэль медленно повернулась лицом к своей любовнице и обвила руками плечи Лизетт.

Поцелуи Лизетт скользнули к напряженным соскам, дразня их почти болезненно. Даниэль прижала лицо подруги к своей груди и вздохнула, когда быстрые, клюющие поцелуи взлетели обратно к горлу. Возбуждение делало ее вялой, и только Лизетт не позволяла ей сползти на дно. Губы любовницы невыносимо мучили ее; Даниэль задохнулась и притянула лицо Лизетт к своему.

---

[1] «Психо» (1960) — знаменитый фильм Альфреда Хичкока.

Ее рот приоткрылся, чтобы принять поцелуй ярко-красных губ, и распахнулся еще шире, когда Даниэль заглянула в глаза своей подруги. В первый момент она просто удивилась:

— Ты не Лизетт!

Около полуночи Лизетт открыла своим ключом дверь их квартиры и тихонько вошла. Кое-где горел свет, но Даниэль видно не было — либо она вышла, либо, что более вероятно, отправилась спать.

Лизетт повесила плащ и устало сбросила туфли. Девушка едва успела на последний поезд в метро. Она, должно быть, свихнулась, раз позволила доктору Магнусу уговорить ее вернуться в его кабинет для еще одного сеанса так поздно, но он все-таки прав: ее проблемы серьезны и она действительно нуждается в любой помощи, которую он может оказать ей. Она чувствовала теплую благодарность к доктору Магнусу, который был рядом, когда ей так нужна его поддержка.

Вертушка проигрывателя не крутилась, но огонек на усилителе говорил о том, что стерео включено. Значит, Даниэль не в постели. Наверное, надо все-таки извиниться перед ней за то, что поверила вракам этой дряни Мидж. В конце концов, она испортила Даниэль веселье: бедняжке Даниэль пришлось уложить ее в кровать, покинув вечеринку, даже не встретившись с Бет Гаррингтон, а ведь именно ее в первую очередь пригласила Бет.

— Даниэль? Я вернулась, — позвала Лизетт, не открывая двери в ванную. — Хочешь чего-нибудь?

Ответа не последовало. Лизетт заглянула в спальню, просто на всякий случай — вдруг Даниэль пригласила какого-нибудь дружка. Нет, кровать не разобрана; на одной разложена одежда Даниэль.

— Даниэль? — Лизетт крикнула погромче. Возможно, она просто не слышит из-за шума душа. — Даниэль? — Наверняка с ней все в порядке.

А почему ноги как будто мокрые? Лизетт опустила взгляд. Из-под двери сочилась вода, натекла уже целая лужа. Должно быть, Даниэль плохо задернула занавеску.

— Даниэль! Ты нас затопишь!

Лизетт приоткрыла дверь и осторожно заглянула в ванную. Занавеска висит как положено. Из щели тянется тонкая струйка, но душ, вероятно, работал достаточно долго, чтобы разлилась лужа. Но тут Лизетт сообразила, что за полупрозрачной пленкой она должна видеть силуэт Даниэль.

— Даниэль! — Тревога росла. — Даниэль! С тобой все в порядке?

Она прошлепала по мокрым плиткам и отдернула занавеску. Даниэль лежала на дне, капли падали на ее обращенное вверх улыбающееся лицо с кожей белее фарфора ванной.

XI

Давно уже перевалило за полдень, когда ей наконец позволили вернуться в квартиру. Если бы она была в состоянии думать о каком-то другом месте, куда можно пойти, она наверняка отправилась бы туда. Но вместо этого Лизетт просто плюхнулась на кушетку, слишком поглощенная наливанием себе выпивки, в которой она так отчаянно нуждалась.

Каким-то образом она все-таки позвонила в полицию и, хотя ее колотила истерика, сумела объяснить им, чего хочет. А когда приехала машина, сразу отпала необходимость действовать по собственной инициативе: ее просто подхватил поток полицейского расследования. Так было, пока в Новом Скотленд-Ярде ее не спросили, понимает ли она, что не освобождена полностью от подозрений.

Жертва истекла кровью до смерти, установил медэксперт, и кровь ее смыло в водосток. Безопасная бритва, используемая для бритья ног, лежит открытая, лезвие извлечено. На обеих запястьях трупа наличествуют продольные бритвенные надрезы, рассекающие лучевую артерию, в отличие от неглубоких поперечных ран, которые наносят себе самоубийцы, незнакомые с человеческой анатомией. Кроме того — разрез на левой стороне горла. Итак, здесь имеет место либо тщательно продуманное самоубийство, либо умело замаскированное под него убийство. Ввиду отсутст-

вия каких-либо признаков насильственного вторжения или борьбы вероятнее всего первое. Соседка жертвы признает недавнюю ссору. Лабораторные анализы покажут, была ли жертва пьяна, одурманена или приведена в бессознательное состояние ударом. А после — следствие покажет.

Лизетт пришлось объяснять, что она провела вечер с доктором Магнусом. Тот факт, что она посещает психотерапевта, они, по-видимому, интерпретировали не в ее пользу и поставили на заметку. Попытки связаться с доктором Магнусом по телефону не увенчались успехом, но его секретарша подтвердила, что мисс Сэйриг явилась на назначенную ей дневную встречу. Доктор Магнус перезвонит им, как только вернется в офис. Нет, она не знает, почему он отменил сегодняшний прием, но доктор Магнус часто внезапно срывается с места, когда важные исследования требуют его непосредственного внимания. Нет, здесь нет ничего необычного.

Чуть погодя они позволили Лизетт позвонить. Она позвонила родителям, а потом пожалела, что позвонила. В Калифорнии была еще ночь, так что получилось, что она повернула время вспять — только безо всякой пользы. Они настаивали, чтобы она летела домой первым же рейсом, но, конечно, это было не так-то просто, а никто из них не мог все бросить и махнуть через океан, таким образом родители ничем, в сущности, не могли ей помочь. Она позвонила Майтланду Реддингу, которого *страшная новость* ошеломила и который предложил любое содействие, какое только способен оказать, но Лизетт и думать не могла о том, что он имел в виду под словом «любое». Она позвонила Мидж Воган, которая бросила трубку. Она позвонила доктору Магнусу, который все еще был недоступен. К счастью, полиция сама оповестила ближайших родственников Даниэль.

Врач Скотленд-Ярда коротко поговорил с ней и дал какие-то таблетки — снотворное, чтобы облегчить девушке сон после суровых испытаний. Они отвезли ее назад на квартиру, предварительно внушив необходимость находиться в распоряжении следствия. Она не должна волноваться, что какой-нибудь гипотетический убийца бродит поблизости, поскольку квартира будет находиться под надзором.

Лизетт тупо осмотрелась, все еще не в силах постигнуть то, что произошло. Полиция уже закончила свою работу, все измерив, все засыпав черным порошком в поисках отпечатков пальцев, оставив после себя беспорядок. Лизетт попыталась убедить себя, что это всего лишь очередной кошмар, что в любой момент Даниэль растолкает ее, спящую на кушетке. Господи, а что же делать со всеми вещами Даниэль? Ее мать со вторым мужем живет в Колорадо; ее отец — управляющий нью-йоркской инвестиционной корпорацией. Очевидно, он позаботится о доставке тела в Штаты.

— Ох, Даниэль.

Лизетт была слишком потрясена, чтобы плакать. Возможно, ей следовало бы поехать сейчас в гостиницу. Нет, это было бы невыносимо — остаться совсем одной в незнакомом месте. Как странно вдруг понять, что у нее на самом деле нет близких друзей в Лондоне, нет никого, кроме Даниэль, а ее теперь тоже нет, а те, кто есть, — в большинстве своем люди, с которыми она познакомилась благодаря Даниэль.

Она попросила секретаршу доктора Магнуса передать ему, чтобы он позвонил ей, как только появится, или оставить записку. Возможно, нужно было самой позвонить еще раз, просто на тот случай, если доктор не получил ее сообщения. Лизетт не знала, что мог бы сделать доктор Магнус, но ведь он такой понимающий человек — она ощущала себя много лучше, когда говорила с ним.

Девушка посмотрела на бутылочку с пилюлями в сумочке. Наверное, надо принять парочку и проспать целые сутки. Она ощущала себя слишком опустошенной даже для того, чтобы думать.

Зазвонил телефон. Лизетт несколько секунд непонимающе пялилась на него, потом вскочила с кушетки и схватила трубку.

— Это Лизетт Сэйриг?

Женский голос — незнакомый.

— Да. А кто говорит?

— Это Бет Гаррингтон, Лизетт. Надеюсь, я не потревожила тебя.

— Нет, все в порядке.

— Бедняжка! Майтланд Реддинг позвонил мне и рассказал о трагедии. Не могу передать, как я потрясена. Даниэль показалась мне такой милой во время нашей короткой встречи, и она обладала таким талантом!

— Спасибо. Это я виновата, что вы не успели узнать ее лучше. — Лизетт действительно почувствовала вину и смущение, вспомнив о случившемся на вечеринке.

— Дорогая, ты не можешь оставаться одна в этой квартире. С тобой есть кто-нибудь?

— Нет, никого. Все в порядке. Я в норме.

— Не глупи. Послушай, у меня в этом старом сарае столько пустых спален, что впору гостиницу открывать. Почему бы тебе быстренько не собраться и не приехать прямиком ко мне?

— Это очень любезно с вашей стороны, но я правда не могу.

— Ерунда! Тебе вредно оставаться сейчас в одиночестве. Может, это звучит странно, но когда я не устраиваю одну из этих буйарских вечеринок, здесь тихо, как в омуте, и скучно, как в церкви. Я люблю компанию, так что твой визит принесет огромную пользу и тебе, и мне.

— С вашей стороны действительно очень мило пригласить меня, но...

— Пожалуйста, Лизетт, будь же благоразумна. У меня уже готовы гостевые комнаты, я пошлю машину, чтобы забрать тебя. Все, что тебе придется сделать, — это сказать «да» и сунуть в сумку пару тряпок. Ты хорошенько выспишься, а утром тебе будет легче принять то, что случилось.

Лизетт не ответила сразу, и Бет осторожно добавила:

— Кроме того, Лизетт. Я так понимаю, полиция не исключает возможность убийства. В таком случае, если бедняжка Даниэль не просто забыла запереться, существует вероятность того, что тот, кто это сделал, владеет ключом от вашей квартиры.

— Полиция сказала, что они присматривают за домом.

— Это мог быть кто-то, кого вы обе знали, кому доверяли, кто-то, кого пригласила сама Даниэль.

Лизетт окинула диким взглядом зловещие тени, растянувшиеся по комнате. Ее убежище осквернено. Даже зна-

комые предметы кажутся грязными и чужими. Она проглотила слезы.

— Я не знаю, что думать.

Девушка только сейчас осознала, что уже долго сжимает молчащую телефонную трубку.

— Бедняжка! Не надо тебе ни о чем думать! Теперь слушай. Я у своего адвоката, привожу в порядок кое-какие имущественные вопросы для тети Джулии. Прямо сейчас я позвоню, чтобы за тобой заехала моя машина. Она прибудет как раз к тому времени, как ты упакуешь свою зубную щетку и пижаму, и домчит тебя прямиком до нашего буколического Майда-Вэйл. Горничные взобьют для тебя подушки, и ты славно вздремнешь, а там уж и я заявлюсь домой на обед. Бедняжка, держу пари, ты ничегошеньки не ела. А теперь скажи, что ты приедешь.

— Спасибо. Вы так добры. Ну конечно я приеду.

— Значит, договорились. И ни о чем не беспокойся, Лизетт. До вечера.

XII

Доктор Магнус сидел, сгорбившись, на узком сиденье такси, устало массируя лоб и виски. Может, массаж и не снимет ментальной усталости, но по крайней мере уменьшит напряжение мускулов и чуть-чуть облегчит головную боль. Он взглянул на часы. Десять. Он не спал всю прошлую ночь, и не похоже, что это у него получится сегодня. Если бы только вздорные девчонки отвечали на звонки!

Но совесть все равно терзала его. Он нарушил священное доверие. Он не должен был использовать постгипнотическое внушение вчера вечером, чтобы заставить Лизетт вернуться на сеанс. Это шло наперекор всем его принципам, но другого выхода не было: девушка отказалась категорически, а он должен был знать — ведь он был так близок к окончательному доказательству. Всего один последний сеанс регрессивного гипноза...

После него он провел бессонную ночь, слишком возбужденный, чтобы отдыхать, он работал в своем кабинете,

пытаясь привести в соответствие конфликтующие элементы освобожденной памяти Лизетт с историческими датами, скопившимися у него за время исследований. К утру вытащенные на свет факты лишь углубили загадку. Он позвонил домой секретарше, отменил все назначенные встречи и провел целый день за нудной утомительной работой, копаясь в пыльных муниципальных записях и подборках газет. Он лихорадочно трудился, а прошлое неохотно выдавало один сбивающий с толку секрет за другим.

Сейчас доктор Магнус являл собой человека усталого, голодного и не слишком чистого, но все-таки ему удалось отыскать твердое доказательство своих теорий. Однако он не был воодушевлен. Добившись своего, он раскрыл еще одну тайну, нечто, что и не снилось его философии. Доктор начал надеяться, что работа всей его жизни была ошибочной.

— Мы прибыли, сэр. Это тот адрес.

— Спасибо.

Доктор Магнус очнулся от мрачной задумчивости и увидел, что они добрались до места назначения. Быстро расплатившись с водителем, он заторопился к дому Лизетт. Горело всего несколько огней, и он настойчиво позвонил — дурное предчувствие делало его движения неуклюжими.

— Минуточку, сэр!

Доктор Магнус дернулся от резкого голоса. Двое мужчин в неброских костюмах энергично приближались к нему, свернув с тротуара.

— Спокойно! Полиция.

— Что-то случилось, офицеры? — Очевидно, случилось.

— Можем ли мы спросить, что вы здесь делаете, сэр?

— Естественно. Я друг мисс Борланд и мисс Сэйриг. Я не смог дозвониться им по телефону, а поскольку мне надо обсудить кое-что важное с мисс Сэйриг, я подумал, что могу приехать к ней на квартиру. — Он понял, что слишком нервничает.

— У вас есть какие-нибудь документы, сэр?

— Что-то не так, офицеры? — повторил Магнус, доставая бумажник.

— Доктор Ингмар Магнус. — Один из офицеров, тот, что повыше, вопросительно взглянул на него. — Полагаю, вы не в курсе новостей, доктор Магнус.

— Да в чем дело?!

— Я инспектор Брэдли, доктор Магнус, а это сержант Уортон. Департамент уголовного розыска. Мы хотели бы задать вам несколько вопросов, сэр. Пройдемте.

Когда Лизетт пробудилась от тревожного сна, вокруг нее царила кромешная тьма. Она секунду вглядывалась широко распахнутыми глазами во мрак, размышляя, где же она. Мало-помалу память вытесняла смутные образы из ее кошмара. Включив стоящую возле кровати лампу, Лизетт посмотрела на часы и нахмурилась. Почти полночь. Она проспала.

«Роллс-ройс» Бет пришел за ней, не успела она еще поспешно собрать сумку. В доме в Майда-Вэйл горничная — одетая в более традиционную униформу, чем та, что была на ней во время прошлого визита Лизетт, — проводила ее в просторную гостевую комнату на верхнем этаже. Лизетт приняла снотворное и рухнула в кровать. Она намеревалась вздремнуть и встретиться с хозяйкой за обедом. Вместо этого она проспала десять полновесных часов. Теперь Бет, должно быть, убеждена в ее безнадежной тупости.

Как часто случается после затянувшегося сна, Лизетт чувствовала себя разбитой. Жаль, что она не подумала прихватить какую-нибудь книгу. Дом безмолвствовал. Наверняка уже слишком поздно, чтобы звонить и звать горничную. Несомненно, Бет решила дать ей поспать до утра, а сама уже отдыхает. Наверное, стоит принять еще одну таблетку и снова уснуть.

С другой стороны, Бет Гаррингтон явно не из тех, кто рано ложится в постель. Она вполне может еще бодрствовать, например — смотреть телевизор там, где шум не потревожит ее гостью. В любом случае Лизетт сейчас не хочется спать.

Она выбралась из постели, увидев, что перед сном разделась лишь наполовину. Сбросив лифчик и трусики, Лизетт скользнула в старинную ночную рубашку с кружевами и лентами, которую привезла с собой. Она не сообразила

взять тапочки и халат, но ночи стояли теплые, а белая хлопковая сорочка была достаточно целомудренной, чтобы выглянуть в ней в коридор.

В дальнем конце коридора виднелась дверь, окаймленная полосой света. Остальная часть прохода терялась во тьме. Лизетт тихонько вышла из комнаты. Поскольку Бет не упоминала о других гостях, а помещения для слуг расположены где-то в другом месте, вполне вероятно, что свет горит в спальне хозяйки, указывая на то, что мисс Гаррингтон еще не спит. Лизетт решила, что должна хотя бы попытаться встретиться с Бет, раз уж находится в сознательном состоянии.

Идя на цыпочках по коридору, Лизетт услышала негромкую музыку. Дверь в комнату была приоткрыта, музыка лилась оттуда. Ей повезло: Бет наверняка еще не легла. Она осторожно постучалась.

— Бет? Вы не спите? Это Лизетт.

Ответа не последовало, но дверь распахнулась от прикосновения.

Лизетт хотела позвать снова, но слова встали у нее поперек горла. Она узнала мелодию и узнала комнату. Когда она войдет в эту спальню, она не сможет больше управлять своими действиями, как не могла изменить их в своих снах.

Она видела большую комнату, обставленную по моде Викторианской эпохи. Окна завешаны портьерами, единственный источник света — свеча, горящая на ночном столике возле огромной кровати с пологом на четырех столбиках. Возле свечи на столике лежат старинные золотые часы, часы, которые вызванивают однообразную мелодию музыкальной шкатулки.

Лизетт пересекла комнату, молясь, чтобы все это оказалось всего лишь еще одним отчетливым и ярким повторением ее кошмара. Она потянулась к столику и увидела, что стрелки часов показывают полночь. Звон прекратился. Она подняла часы и наконец разглядела портрет, который — естественно — находился под крышкой.

Это была ее фотография.

Выпавшие из пальцев часы со стуком ударились о ночной столик, а Лизетт в ужасе уставилась на кровать с пологом.

Изнутри высунулась рука и развела занавески.

Лизетт хотелось закричать, хотелось проснуться.

Отбросив полог, лежащая в кровати села и взглянула на нее.

Лизетт взирала на саму себя.

— Нельзя ли ехать немного быстрее?

Инспектор Брэдли, не поддаваясь просьбам, подмигнул сержанту Уортону.

— Сядьте, доктор Магнус. Мы скоро приедем. Думаю, вам стоит отрепетировать извинения, которые вы произнесете, когда мы нарушим покой мирного особняка посреди ночи.

— Я молю Бога, чтобы эти извинения понадобились, — ответил доктор Магнус, по-прежнему сидя подавшись вперед, словно побуждая водителя ехать быстрее.

«Будет непросто», — размышлял доктор Магнус. Он не осмелился рассказать им всю правду. Он подозревал, что Брэдли согласился на поздний ночной звонок Бет Гаррингтон, больше чтобы проверить его алиби, а не из-за того, что хоть сколько-нибудь поверил импровизированной истории Магнуса.

Угробив целый день на бешеные исследования, доктор Магнус не слышал новостей и не придал значения безвкусным бульварным газетенкам с их кричащими заголовками: «Обнаженная красавица зарезана в ванной», «Голую модель прирезали в душе», «Шлюшка-самоубийца или жертва Потрошителя?» За шоком от сообщения о смерти Даниэль последовал шок открытия, что он сам является одной из «серьезных версий» полицейского расследования.

Потребовалась вся сила убеждения психоаналитика, чтобы уговорить их отпустить его — или, по крайней мере, сопроводить к дому в Майда-Вэйл. По иронии судьбы они с Лизетт оказались единственными, способными засвидетельствовать, где находился другой в момент гибели Даниэль. Департамент уголовного розыска мог бы отнестись скептически к позднему сеансу в офисе доктора Магнуса, но здесь имелось несколько подтверждающих их алиби деталей. Бармен «Кувырка» припомнил изысканного джентль-

мена с бородой, покинувшего заведение после того, как леди, его подруга, неожиданно «вырубилась». Уборщица слышала голоса и оставила кабинет нетронутым. Таким образом полиция установила местонахождение Лизетт той ночью. Полдюжины раздраженных клерков дали показания, где доктор Магнус провел сегодняшний день.

Доктор Магнус мрачно прокручивал в уме результаты своего исследования. Существовала Элизабет Бересфорд, рожденная в Лондоне в 1879 году, в состоятельном семействе, проживавшем на Чейни-Роу на набережной Челси. В 1899 году Элизабет Бересфорд вышла замуж за капитана Дональда Стэплдона и вместе с мужем переехала в Индию. В Лондон она вернулась, страдая чахоткой, которой, очевидно, заразилась за границей, и умерла в 1900 году. Похоронена на Хайгетском кладбище. Вот что с некоторыми трудностями разузнал доктор Магнус в самом начале. На этой основе он стал подбирать дополнительные подробности, черпая их как из освободившихся воспоминаний Лизетт, так и из найденных записей того периода.

Особенно тяжело оказалось отследить последующие ветви семьи — а это он обязан был сделать, чтобы подтвердить, что Элизабет Бересфорд не являлась предком Лизетт Сэйрис. Его беспокоило, что он не сумел отыскать надгробия Элизабет Стэплдон, урожденной Бересфорд, на Хайгетском кладбище.

Прошлой ночью он подтолкнул Лизетт так жестко, как только осмелился. Из ее всплывших на поверхность сознания ужасных видений он наконец извлек ключ. Эти образы не были кошмарными снами, не были символическим представлением подавленных страхов. Они были точными воспоминаниями.

Поскольку дело касалось сенсации и знатных семей, официальные записи осмотрительно избегали упоминаний о трагедии, так же как и лучшие газеты. Желтая пресса оказалась менее щепетильна, и здесь-то доктор Магнус и начал узнавать, что такое страх.

Элизабет Бересфорд была похоронена заживо.

В последнем желании она попросила, чтобы ее тело не бальзамировали. Газеты предполагали, что она предчувст-

вовала свою судьбу и цитировали целые абзацы из Эдгара Алана По. Как-то вечером капитан Стэплдон пришел к могиле жены и обнаружил ее ошеломленно бродящей среди надгробий. После похорон прошел почти месяц.

Газетные статьи переполняли псевдонаучные теории, объяснения медиумов и длинные списки индийских йогов, которые неделями поддерживали в себе состояние приостановленной жизни. Никто так и не установил точно, как Элизабет Стэплдон выбралась из гроба и из склепа, но предполагалось, что сила отчаяния вырвала из древесины винты, а благодаря милости провидения после предыдущего визита склеп не был должным образом заперт.

Муж и жена, ясное дело, немедленно уехали за границу, чтобы избежать публичной огласки и дать Элизабет Стэплдон оправиться от выпавших на ее долю суровых испытаний. Что она и сделала довольно быстро, но, очевидно, для капитана Стэплдона шок оказался слишком велик. Он умер в 1902 году, и вскоре после этого его жена вернулась в Лондон, унаследовав все его немалое состояние и имущество, включая их дом в Майда-Вэйл. Позже к ней перешло и фамильное поместье ее семьи — единственный брат Элизабет пал на Бурской войне[1], — и Элизабет превратилась в очень и очень богатую леди.

Да, Элизабет Стэплдон стала одной из самых известных — печально известных — дам эдвардианской эры и далее, вплоть до Первой мировой войны. Она была необычайно красива, она очаровывала мужчин, а ее соперницы стонали, что годы как будто не властны над ней. После войны она покинула Лондон и отправилась в путешествие по экзотическому Востоку. В 1924 году пришло известие о ее смерти в Индии.

Поместье перешло к дочери Элизабет, Джейн Стэплдон, родившейся за границей в 1901 году. Элизабет Стэплдон навещала дочь лишь время от времени, Джейн выросла и получила образование в Европе и, кажется, никогда не приезжала в Лондон до 1925 года. Некоторые предполагали, что мать желала отгородить дочь от своего богемного стиля жиз-

[1] Англо-бурская война 1899–1902 годов.

ни, но когда Джейн Стэплдон появилась, всем показалось, что более вероятной причиной изоляции девочки была ревность. Джейн Стэплдон обладала красотой своей матери — старые поклонники Элизабет клялись, что Джейн — копия Элизабет в молодости. Она унаследовала от матери и вкус к разгульной жизни; с новым кругом друзей-ровесников она подхватила эстафету матери. Газеты пестрели скандальными сообщениями о ее близости с Алистером Кроули и другими, подобными ему. Хотя ее легкомысленные развлечения и поглотили годы Пылающей Юности Потерянного Поколения[1], даже ее врагам пришлось признать, что провела она эти годы великолепно. В 1943 году Джейн Стэплдон исчезла и предположительно погибла во время воздушного налета, сровнявшего с землей тот участок Лондона, куда она отправилась на пирушку с друзьями.

По документам, оставленным у адвоката, имущество перешло к дочери Джейн, Джулии Везерфорд, живущей в Америке, родившейся в Майами в 1934 году. Очевидно, ее мать закрутила типичный роман с американским миллионером, когда проводила зиму во Флориде. Их тайный брак был расторгнут вслед за рождением Джулии, и дочь осталась с отцом, бывшим мужем Джейн. Джулия Везерфорд прибыла из Штатов в начале 1946 года. Любые сомнения в ее аутентичности и подлинности ее требований мгновенно испарились, поскольку она была копией своей матери в ее молодые годы. Она тоже обладала семейным мятежным характером, продолжила традицию диких вечеринок и эксцентричных знакомств — от поколения битников до детей цветов. Ее старые друзья поражались тому, что Джулию в мини-юбке легко принять за одногодку окружающих женщину молодых, курящих «травку» хиппи. Но в конце кон-

[1] Потерянное поколение — поколение, выбитое войной из привычной жизни, не умевшее или не захотевшее примириться с противоречиями окружающего их послевоенного мира. Основными чертами этого поколения были бездеятельность, гедонизм, преклонение перед успехом, заискивание перед богатством. Летописцем «потерянного поколения» стал Фрэнсис Скотт Фицджеральд с его романами «По эту сторону рая», «Прекрасные, но обреченные», «Великий Гэтсби», «Ночь нежна». «Пылающая юность» (1922) — один из романов того времени.

цов ее юность, видимо, все же начала увядать, поскольку с 1967 года Джулия Везерфорд живет более или менее уединенно в Европе, время от времени навещаемая своей племянницей.

Ее племянница, Бет Гаррингтон, родилась в 1950 году, она осиротевшая дочь единокровной американской сестры Джулии и богатого молодого англичанина из ее же коллекции. После гибели родителей в авиакатастрофе в 1970 году, Бет стала *protégée*[1] своей тетушки и погрузилась в безумную лондонскую жизнь. Очевидно, Бет Гаррингтон также унаследует имущество тети. Несомненно и то, что она — точная копия тети Джулии, когда та была в ее возрасте. Интересно было бы увидеть их обеих вместе. А этого, конечно, никому никогда не удавалось.

Сперва доктор Магнус просто не желал принимать истины открытой им страшной тайны. И все же, зная то, что вспомнила под гипнозом Лизетт, он понимал, что иного вывода быть не может.

Поразительно, как женщина, пользующаяся такой известностью (и дурной славой), сумела избежать опубликования своих снимков. Как-никак меняются моды и прически, тщательно подбирается косметика: зрительная память недолговечна, чего не скажешь о линзах камеры. В результате упорных поисков доктор Магнус все-таки отыскал несколько фотографий. При наличии хорошего театрального костюма и грима на всех могла быть запечатлена одна и та же женщина в один и тот же день.

Точно так же на них могла быть снята Лизетт Сэйриг.

Однако доктор Магнус знал, что увидеть Бет Гаррингтон и Лизетт Сэйриг рядом — *возможно*.

И он молился о том, чтобы прибыть вовремя и предотвратить это.

Знание терзало его разум, просто чудо, что доктор Магнус сохранил достаточно здравомыслия, чтобы убедить Скотленд-Ярд совершить эту позднюю ночную «прогулку» в Майда-Вэйл — отчаянную, если то, что он знает, — правда. Он в жизни не испытывал такого потрясе-

[1] Протеже, особа, пользующаяся чьим-либо покровительством *(фр.)*.

ния, как то, когда ему наконец-то сказали, куда отправилась Лизетт.

— С ней все в порядке. Она у подруги.

— Могу я осведомиться где?

— Ес забрал «роллс-ройс». Мы проверили документы, машина принадлежит мисс Элизабет Гаррингтон, проживающей в Майда-Вэйл.

Тогда доктор Магнус обезумел, разъярился и потребовал, чтобы его немедленно доставили туда. Ответившая на телефонный звонок служанка проинформировала их, что мисс Сэйриг приняла снотворное и спит, ее нельзя беспокоить; мисс Сэйриг перезвонит утром.

Стараясь не поддаваться панике, доктор Магнус ухитрился изобрести запутанную историю из полуправды и правдоподобной лжи — только бы уговорить полицию как можно быстрее отправиться к дому Гаррингтон. Они уже знали, что он — один из этих задвинутых чудаков-оккультистов. Что ж, он заверил их, что Бет Гаррингтон входит в тайное общество наркоманов и сатанистов (что было в общем-то правдой), что Даниэль и Лизетт завлекли на их последнюю оргию ради какой-то ужасной цели. Лизетт незаметно одурманили, но Даниэль сбежала и увезла домой свою подругу прежде, чем они успели использовать девушек для какого-либо развратного ритуала — возможно, даже ритуала жертвоприношения. Даниэль убили — либо чтобы заткнуть ей рот, либо это часть того же ритуала, — и теперь Лизетт в их когтях.

Весьма мелодраматично, но тем не менее большинство из этого являлось правдой. Инспектор Брэдли знал о проходящих в особняке сексуальных и наркотических оргиях, но по приказу свыше вынужден был закрывать на все глаза. Знал он кое-что и о некоторых более чем странных лондонских сектах — достаточно, чтобы понимать, что ритуальное убийство вполне реально, тем паче в комбинации с нездоровым разумом и нелегальными препаратами. И хотя это еще не стало (да и не станет) достоянием общественности, медэксперт склонялся к мнению, что порезы на горле и запястьях девицы Борланд нанесены в попытке скрыть тот факт, что вся кровь уже вытекла из нее через два глубоких прокола яремной вены.

Сумасшедший убийца, очевидно. Или ритуальное убийство? Сразу и не скажешь. Инспектор Брэдли приказал подать машину.

— Кто ты, Лизетт Сэйриг, почему носишь мое лицо?

Бет Гаррингтон встала с постели. На ней была старинная кружевная сорочка без рукавов, почти такая же, какую носила Лизетт. Ее зеленые глаза — те самые глаза под маской, которые так потрясли Лизетт во время их прошлой встречи — влекли и околдовывали.

— Когда мой верный Эдриан поклялся, что видел моего двойника, я подумала, что его мозг окончательно сорвался с катушек и докатился до полного безумия. Но после того, как он проследил за тобой до вашей маленькой галереи и привел меня туда, чтобы показать твой портрет, я поняла, что столкнулась с чем-то, что выходит за рамки даже моего опыта.

Лизетт стояла, оцепенев от жуткой притягательности своего воплотившегося в жизнь ночного кошмара. Ее близнец обошла вокруг нее, холодно и оценивающе разглядывая девушку: так змея взирает на загипнотизированную жертву.

— Кто ты, Лизетт Сэйриг, почему твое лицо я видела в своих снах, почему оно преследовало меня в кошмарах, когда я лежала мертвой, — лицо, которое я считала своим?

Лизетт заставила свои губы заговорить:

— *Кто* ты?

— Мое имя? Я меняла их, когда полагала разумным это сделать. Этой ночью я Бет Гаррингтон. Давным-давно я была Элизабет Берсфорд.

— Возможно ли это? — Лизетт надеялась, что имеет дело с сумасшедшей, но знала, что эта надежда напрасна.

— Дух являлся ко мне во снах и медленно похищал мою смертную жизнь, даруя взамен жизнь вечную. Ты понимаешь меня, хотя твой рассудок и настаивает, что подобное невозможно.

Она развязала тесьму на сорочке Лизетт и позволила легкому одеянию упасть на пол, потом то же сделала со своим облачением. Они стояли лицом к лицу, и обнаженные тела казались отражением друг друга.

Элизабет взяла лицо Лизетт в свои руки и поцеловала ее в губы. Поцелуй был долог; чужое дыхание холодило рот Лизетт. Когда же Элизабет оторвалась от ее губ и пристально посмотрела в глаза, Лизетт увидела острые кривые клыки, выступившие из верхней челюсти Бет.

— Будешь кричать? Если так, то пусть это будет крик экстаза, а не страха. Я не стану осушать и бросать тебя, как сделала с твоей глупой подружкой. Нет, Лизетт, моя нежданно обретенная сестра. Я буду забирать твою жизнь крошечными поцелуями, из ночи в ночь — поцелуями, которые продлятся все твое существование. И в конце ты, добровольная невольница, станешь служить мне — как и те немногие, кого я выбрала за эти годы.

Лизетт дрожала под ее прикосновениями, бессильная вырваться. Из глубин подсознания медленно всплывало понимание. Она не сопротивлялась, когда Элизабет увлекла ее в постель и уложила рядом с собой на шелковых простынях. Лизетт была по ту сторону страха.

Обнаженное тело Элизабет распростерлось на теплой плоти Лизетт. Холодные пальцы ласкали девушку; поцелуи прокладывали себе путь от живота к грудям и дальше, к впадинке у горла.

Элизабет остановилась и заглянула в глаза Лизетт. Ее клыки сверкнули, отразив нечеловеческую похоть.

— А теперь я поцелую тебя сладко-сладко, я дам тебе страсть сильнее, чем твой смертный мозг даже осмеливался вообразить, Лизетт Сэйриг, — совсем как ту, что я приняла вместе с поцелуем духа из сна, чьи глаза смотрели на меня с моего лица. Почему ты приходила в мои сны, Лизетт Сэйриг?

Лизетт смотрела на нее молча, без эмоций. Она не дрогнула, когда губы Элизабет прильнули к ее горлу. Раздался лишь тихий, едва слышный звук, словно разорвалась девственная плева, а вслед за ним — мягкий шелест сосущих губ.

Неожиданно Элизабет оторвалась от своей жертвы с невнятным криком боли. С запятнанными алым губами она уставилась на Лизетт в замешательстве и страхе. Лизетт, у которой из раны на горле струилась кровь, смотрела на женщину с улыбкой жестокой ненависти.

— *Что* ты такое, Лизетт Сэйриг?

— Я Элизабет Бересфорд. — Голос Лизетт был суров и неумолим. — В другой жизни ты изгнала мою душу из моего тела и похитила мою плоть для себя. Теперь я вернулась, чтобы получить назад то, что когда-то принадлежало мне.

Элизабет хотела отскочить, но руки Лизетт внезапно обняли ее со страшной силой, притягивая к себе, — их нагие тела сплелись в жуткой пародии на двух любовников в момент наивысшего наслаждения.

Но крик, эхом отозвавшийся в ночи, не был криком экстаза.

При звуке крика — впоследствии они так и не пришли к единому мнению, два голоса кричали или только один — инспектор Брэдли прекратил выслушивать разгневанные протесты горничной и, оттолкнув ее, ворвался в дом.

— Наверх! Бегом!

Но приказ оказался лишним. Доктор Магнус уже пронесся мимо него и бросился вверх по лестнице.

— Думаю, это на следующем этаже! Проверьте все комнаты!

Позже он проклинал себя за то, что не оставил человека у двери, ибо к тому времени, как способность мыслить рационально вернулась к инспектору, в доме не осталось и следа слуг.

В спальне хозяйки в конце коридора третьего этажа, за пологом широкой кровати, они обнаружили два тела. Одно принадлежало только что убитой девушке: оно купалось в крови, вытекшей из разорванного горла, — возможно, крови было слишком много для одного тела. Другое представляло собой иссохшую мумию, мертвую уже очень много лет. Руки и ноги погибшей девушки непристойно обнимали рассыпающийся труп, лежащий на ней, а ее зубы в предсмертном спазме сомкнулись на горле древней покойницы. На глазах задохнувшихся от ужаса людей мумия развалилась клочьями волос и кусками ломкой кожи.

Сержант Уортон отвернулся, и его вырвало на пол.

— Я должен принести вам искренние извинения, доктор Магнус, — мрачно произнес инспектор Брэдли. — Вы

были правы. Ритуальное убийство бандой больных дегенератов. Сержант! Прекратите немедленно и предоставьте мне полную информацию на Бет Гарринтон. И тащите сюда каждого, кого найдете здесь. Пошевеливайтесь!

— Если бы я только вовремя понял, — пробормотал доктор Магнус. Кажется, он находился на грани обморока.

— Нет, это *я* должен был раньше прислушаться к вам! — рявкнул Брэдли. — Мы могли успеть предотвратить это. Эти дьяволы, должно быть, смылись через какой-нибудь черный ход, когда услышали, что мы ворвались. Признаюсь, я напортачил.

— Видите ли, она была вампиром, — сказал доктор Магнус пустым голосом, пытаясь объяснить. — Вампир теряет душу, когда становится немертвым существом. Но душа бессмертна; она живет, даже когда ее предыдущая инкарнация превратилась в бездушного демона. Душа Элизабет Бересфорд жила, пока Элизабет Бересфорд не отыскала ее реинкарнацию в Лизетт Сэйриг. Понимаете? Элизабет Бересфорд встретилась с собственной реинкарнацией, что повлекло разрушение их обеих.

Инспектор Брэдли слушал вполуха.

— Доктор Магнус, вы сделали все, что могли. Думаю, вам лучше спуститься в машину с сержантом Уортоном и отдохнуть до прибытия «скорой».

— Но вы же видите, что я прав! Должны видеть! — взмолился доктор Магнус. Безумие плясало в его глазах. — Если душа бессмертна, то для нее время не имеет значения. Элизабет Бересфорд преследовала саму себя.

БЭЗИЛ КОППЕР

Доктор Портос

Бэзил Коппер, журналист и бывший редактор мелкой газеты, целиком посвятил себя писательской деятельности в 1970 году.

Первое его произведение в жанре хоррор под названием «Паук» («The Spider») было опубликовано в 1964 году в «Пятой панораме ужасов» («Fifth Pan Book of Horror Stories»), и с тех пор его рассказы стали печататься в многочисленных антологиях и с успехом читались на радио. Из них были составлены сборники «Еще не в сумерках» («Not After Nightfall»), «Явление демонов» («Here Be Daemons»), «У изголовья зла» («From Evil's Pillow»), «Дальнейшее — тьма» («And Afterward the Dark»), «Голос рока» («Voices of Doom»), «Под эхо шагов» («When Footsteps Echo»), «Ночные шепоты» («Whispers in the Night») и, наконец, сборник «Холодная длань у меня на плече» («Cold Hand on My Shoulder»), недавно опубликованный издательством Sarob Press.

Кроме того, перу Коппера принадлежат два документальных исследования, посвященных легендам о вампирах и оборотнях, а также романы «Огромное белое пространство» («The Great White Space»), «Проклятие насмешников» («The Curse of the Fleers»), «Некрополь» («Necropolis»), «Черная смерть» («The Black Death») и «Волчий дом» («The House of the Wolf»), вышедший вторым изданием к двадцатипятилетнему юбилею в 2003 году, в издательстве Sarob Press. Помимо этого Коппер написал более пятидесяти захватывающих триллеров о частном детективе из Лос-Анджелеса Майке Фарадее и продолжение приключений Солара Понса, детектива а-ля Шерлок Холмс, созданного Августом Дерлетом. Этому герою посвящены несколько сборников рассказов и роман «Коготь дьявола» («The Devil's Claw»), написанный в 1980 году, но вышедший в свет лишь недавно.

«Доктор Портос» («Doctor Porthos») — это обычная история о вампире, но с совершенно неожиданной развязкой. В 1970-х годах рассказ был куплен студией «Universal» для сериала Рода Стерлинга, однако в отличие от «Камеры

обскура» («Camera Obscura»), другого рассказа Коппера, «Доктор Портос» так и не воплотился в кинематографической форме.

I

Нервное истощение, так сказал врач. А ведь Анджелина никогда в жизни не болела. Нервное истощение, видите ли!.. Нет, тут что-то посерьезнее. Возможно, стоило бы даже обратиться к специалисту. Но мы забрались в такую глушь, и местные жители так лестно отзываются о докторе Портосе. И зачем только мы вообще переехали в этот дом? Прежде Анджелина чувствовала себя превосходно. Невозможно представить, что моя жена могла так измениться всего лишь за пару месяцев.

В городе она была весела, жизнь в ней так и кипела; теперь же, глядя на нее, я с трудом сдерживаю волнение. Бледные впалые щеки, тусклые усталые глаза — ей всего двадцать пять, а красота ее уже увяла. Быть может, все дело в этом доме, в его обстановке, в воздухе, которым мы дышим? Да нет, едва ли это возможно. Иначе почему все старания доктора Портоса ни к чему не приводят?

Перемен к лучшему пока не заметно, несмотря на все его искусство. Если бы не завещание моего дяди, мы ни за что сюда не приехали бы.

Пусть друзья говорят, что я скряга, пусть люди думают, что им угодно, но правда в другом: мне просто нужны были деньги. Я и сам не слишком крепок здоровьем, а работа в семейной фирме (нашей семье принадлежит весьма уважаемая бухгалтерская контора) убедила меня в том, что образ жизни надо менять. Но я не мог позволить себе оставить службу, как вдруг благодаря дядиному завещанию, условия которого изложил мне наш семейный адвокат, решение пришло само собой.

Ежегодная рента — прямо сказать, весьма значительная рента,— но при условии, что я вместе с супругой проживу в доме этого почтенного джентльмена не менее пяти лет, начиная с того дня, как завещание вступит в силу. Я долго

колебался: мы с женой оба любим город, а поместье дяди расположено в глуши, где люди живут просто и скучно. Как я понял со слов адвоката, в дядином доме не было даже газового освещения. Летом это не так важно, но вот долгие зимние месяцы будет невесело коротать при мерцающем свете свечей и тусклом блеске масляных ламп, едва оживляющих сумрак этого старинного уединенного жилища.

Мы с Анджелиной все обсудили, и вот, как-то на выходных, я поехал осмотреть поместье. Еще из города я отправил телеграмму, чтобы известить управляющего о своем приезде, и после долгой поездки в промерзшем поезде, занявшей бóльшую часть дня, я прибыл на станцию, где меня ждал запряженный экипаж. Следующий этап моего странствия занял часа четыре. Когда я наконец понял, в какую даль и глушь мой дядюшка забрался, чтобы обрести себе достойное жилище, меня охватило смятение.

Ночь была темна, но луна порою сбрасывала свою облачную вуаль, высвечивая призрачные очертания валунов, холмов и деревьев. Экипаж качался и подпрыгивал на разбитой дороге, которую прорезáли глубокие колеи, продавленные за многие месяцы колесами тех повозок, что изредка здесь проезжали. Перед моим отъездом адвокат телеграфировал своему старинному приятелю, доктору Портосу, любезности которого я теперь был обязан всеми удобствами своего путешествия. Доктор обещал, что встретит меня в деревне неподалеку от поместья.

И в самом деле, как только наша повозка со скрипом вкатилась в ворота деревянного постоялого двора, доктор тут же выступил нам навстречу из тени огромного балкона. Он оказался худощавым высоким мужчиной; пенсне с квадратными стеклами плотно сидело на его тонком носу; на нем был широкий плащ, какие носят конюхи, а зеленый цилиндр, щеголевато сдвинутый набок, придавал ему вид несколько залихватский. Он шумно приветствовал меня, и все же было в этом человеке что-то отталкивающее.

Я не смог бы сказать, что именно мне не понравилось. Как-то не так он держал себя, да и рука его была такой холодной и по-рыбьи влажной, что от рукопожатия меня

передернуло. Кроме того, его взгляды поверх очков приводили меня в замешательство — взгляды туманно-серых глаз, словно приковывающие к месту и пронзающие насквозь. К своему великому разочарованию, я выяснил, что путь мой еще не окончен. Доктор объявил мне, что до поместья еще нужно доехать, так что ночь придется провести на постоялом дворе. Однако раздражение, которое вызвала во мне эта новость, вскоре улетучилось возле пылающего очага, за хорошей едой, которой доктор меня усиленно потчевал. Проезжающих в это время года обычно немного, и в просторной столовой, обшитой дубом, мы обедали вдвоем.

Несмотря на то что я не видел моего почтенного родственника уже много лет, мне все же хотелось знать, что это был за человек. Доктор Портос состоял при нем личным врачом, и я воспользовался случаем, чтобы его порасспросить.

— Барон был большим человеком в наших краях, — сообщил мне Портос.

Это было сказано столь добродушно, что я осмелился задать вопрос, ответ на который мне хотелось услышать больше всего.

— От чего умер мой дядя? — спросил я.

Бокал доктора время от времени вспыхивал отблесками огня, подобно мерцающему рубину, и вдруг озарил его лицо янтарным светом.

— Малокровие, — спокойно ответил Портос. — Кстати сказать, этот роковой недуг — проклятие всех его предков по отцовской линии.

Эти слова заставили меня задуматься. Возникал новый вопрос:

— Как вы думаете, почему он назначил наследником именно меня?

Доктор Портос ответил мне ясно и напрямик, без малейших колебаний.

— Вы принадлежите к другой ветви рода, — объяснил он. — Свежая кровь, знаете ли. Для барона это имело чрезвычайное значение. Он хотел, чтобы его древний род не прерывался. — Тут Портос резко встал, предупредив тем

самым мои дальнейшие расспросы. — Именно так сказал сам барон, лежа на смертном одре. А теперь надо отдохнуть: завтра нам предстоит проделать значительный путь.

II

Мои теперешние несчастья заставили меня вспомнить слова доктора Портоса: «Кровь, свежая кровь...» Может ли это иметь какое-то отношение к мрачным преданиям, которые местные жители рассказывают о дядином доме? В таких условиях просто не знаешь, о чем и думать. Осмотр дома, проведенный мною вместе с доктором Портосом, оправдал мои худшие опасения: покосившиеся двери и оконные переплеты, осыпающиеся карнизы, стенная обшивка изъедена червями. Всей прислуги — одна супружеская пара, оба средних лет: именно они присматривали за домом с тех пор, как умер барон. Местные жители, по словам Портоса, — народ угрюмый и недружелюбный. В самом деле, когда наша повозка прогромыхала мимо небольшой деревушки, находящейся примерно в миле от дядиного дома, все двери и окна в ней были плотно закрыты, и мы не встретили ни одной живой души. Издалека дом пленяет какой-то готической красотой. Он не очень стар: бо́льшая его часть была заново отстроена на руинах огромного древнего здания, погибшего в огне. По прихоти владельца, при котором проводилась реставрация, — не знаю, был ли то мой дядя или кто-нибудь из его предшественников, — дом украсился всевозможными башенками, подъемным мостом с зубчатыми наблюдательными выпиками и был окружен рвом. Когда мы вышли из особняка, чтобы осмотреть поместье, эхо наших шагов скорбно стенало, разносясь по всему этому великолепию.

Внезапно я увидел мраморные статуи и изъеденные временем обелиски, покосившиеся и словно сбившиеся в кучу. Казалось, это мертвецы, не нашедшие покоя, вырвались из-под земли и перелезли через древнюю, мхом поросшую стену, преграждающую вход во внутренний двор.

Доктор Портос язвительно усмехнулся.

— Старое семейное кладбище, — пояснил он. — Здесь покоится и ваш дядюшка. Он сказал мне, что хотел бы лежать возле своего дома.

III

Ну что ж, дело сделано. Не прошло и двух месяцев с моего первого визита, как мы уже переехали, и тут-то произошла та глубокая и печальная перемена, о которой я сообщил выше. Не только сама атмосфера дома — а ведь казалось, что даже камни здесь злобно перешептываются, — но и его окрестности, темные, словно застывшие деревья, все, вплоть до мебели, будто дышало враждой к привычной нам жизни — к той жизни, которая по-прежнему остается уделом счастливчиков, населяющих города.

В сумерки изо рва поднимается ядовитый туман, и у меня возникает такое чувство, будто между нами и внешним миром вырастает еще одна стена. Присутствие горничной, которую Анджелина привезла с собой из города, и слуги, которого мой отец нанял еще до моего рождения, не в состоянии развеять мрачные чары этого места. Кажется, даже упрямый здравый смысл этих людей начинает слабеть под воздействием ядовитых миазмов, сочащихся из каменных пор дома. В последнее время это стало особенно заметно, и я теперь даже рад ежедневным визитам доктора Портоса, хотя и подозреваю в нем причину всех наших бед.

А начались они неделю спустя после нашего приезда. Тем утром Анджелина, спавшая подле меня на супружеском ложе, не проснулась в обычное время. Я тихонько потряс ее, чтобы разбудить, и мои крики, должно быть, услышала горничная. Потом я, видимо, лишился чувств, и когда пришел в себя, уже наступило утро. Постель была залита кровью; простыни и подушки у изголовья моей дорогой жены покрывали кровавые пятна. В пытливом взгляде Портоса блеснула сталь: таким я его еще не видел. Он дал Анджелине какое-то сильное снадобье, а потом обратился ко мне.

— Я не знаю, кто напал на вашу жену, — сказал он, — но зубы у этой твари острее, чем у собаки.

На шее у Анджелины он обнаружил две крошечные ранки, вполне, впрочем, соотносимые с количеством потерянной крови. А крови было столько, что даже мои собственные руки и белье были ею измазаны. Видимо, это зрелище и заставило меня издать такой нечеловеческий крик. Портос объявил, что этой ночью останется возле больной.

Когда некоторое время спустя я на цыпочках вошел в комнату, Анджелина все еще спала. Портос дал ей снотворного, которое посоветовал принять и мне в качестве успокоительного средства, но я отказался. Мне хотелось подежурить вместе с ним. У доктора возникла некая гипотеза насчет крыс или еще каких-то там ночных тварей, и он засел в библиотеке, изучая старые книги барона по естествознанию. Этот человек меня удивляет: ну что за тварь могла напасть на Анджелину в ее собственной спальне? Когда я ловлю загадочные взгляды Портоса, мои прежние опасения оживают и вдобавок к ним зарождаются новые.

IV

За следующие полмесяца произошло еще три нападения. Моя любимая слабеет прямо на глазах, хотя Портос съездил в ближайший городок за более сильными лекарствами и успокоительными средствами. Я испытываю все муки ада: никогда еще не переживал я таких темных времен. А Анджелина, несмотря ни на что, наотрез отказывается уезжать. Она говорит, что мы должны пройти через этот нелепый кошмар. В первую ночь нашего с Портосом дежурства мы оба заснули, а наутро обнаружили ту же картину, что и накануне. Значительная потеря крови, и повязка на шее сдвинута так, чтобы можно было добраться до ранок. Я не решаюсь даже вообразить себе ту тварь, которая способна проделать такое.

Эти события меня вымотали не на шутку, и на следующий вечер я уступил настояниям Портоса и принял снотворное. Несколько ночей подряд прошли спокойно, и Анджелина начала поправляться, но потом этот ужас снова повторился. В смятении я понял, что конца этому не будет.

Ясно, что Портосу доверять нельзя, и в то же время я не могу обвинить его перед своими домочадцами. Ведь мы отрезаны от внешнего мира, и малейшая ошибка может стать роковой.

В последний раз я почти что поймал его. Проснувшись на рассвете, я увидел Портоса: он растянулся на кровати, его длинный, темный силуэт сотрясала дрожь, а руки подбирались к горлу Анджелины. В полусне не разобрав, кто передо мной, я ударил его, и он обернулся. В полумраке комнаты глаза его светились. В руке он держал шприц, до половины наполненный кровью. Кажется, я выбил шприц из рук Портоса и раздавил каблуком.

У меня нет никаких сомнений в том, что я наконец поймал ту тварь, которая измучила нас, но где взять доказательства? Сейчас доктор Портос по-прежнему у нас. Спать я не решаюсь и постоянно отказываюсь от зелий, которые он пытается влить в меня. Скоро ли он доведет и меня до того же плачевного состояния, до которого довел Анджелину? Может ли человек оказаться в более страшном положении?

Я сижу и наблюдаю за Портосом, который искоса бросает на меня все те же пытливые взгляды. Его бесстрастное лицо как будто говорит о том, что он может позволить себе ждать и наблюдать и что его время настанет. Моя жена, мертвенно-бледная, в те редкие часы, когда приходит в сознание, сидит и со страхом смотрит на нас обоих. И все же я не могу довериться ей, ведь она решит, что я сошел с ума. Я стараюсь привести в порядок свои мысли, несущиеся вскачь. Боюсь, что в конце концов я лишусь рассудка. Ночи так длинны. Господи, помоги мне.

V

Кончено. Перелом наступил и миновал. Я поверг безумного демона, обратившего нас в рабство. Я поймал его с поличным. Портос скорчился от боли, когда мои руки сжали его горло. Я чуть не убил его, застав за этим подлым занятием, со сверкающим шприцем в руке. На сей раз ему

удалось ускользнуть, сбежать от меня — но это не надолго. На мой крик мгновенно собрались слуги, и я дал им четкие указания, как поймать его. Теперь ему от меня не скрыться. Я меряю шагами коридоры этого изъеденного червями особняка, и когда мне удастся загнать врага в угол, я его убью. Анджелина будет жить! Собственными руками я совершу целительное убийство... Но сейчас мне надо отдохнуть. Уже опять светает. Присяду в кресло у колонны, отсюда хорошо виден весь зал. Сплю.

VI

Позже. Просыпаюсь от боли и холода. Я лежу на голой земле. По руке стекает что-то склизкое. Открываю глаза. Провожу рукой по губам. Рука становится алой. В глазах у меня проясняется. А вот и Анджелина. Она будто очень испугана и в то же время как-то по-особому печальна и спокойна. Она держит за руку доктора Портоса.

Он же навис надо мной, и лицо его в полумраке склепа, того, что возле нашего дома, кажется демоническим. Он взмахивает деревянным молотком, и нависшую над могилами тишину раздирают вопли. Боже милостивый, *у меня в груди кол!*

ПОЛ МАКОУЛИ

Прямиком в ад

Прежде чем полностью посвятить себя писательской деятельности, Пол Макоули занимался биологическими исследованиями и шесть лет читал лекции по ботанике в университете Сент-Эндрюс.

Он автор романов «Весь огромный мир» («Whole Wide World»), «Четыреста миллиардов звезд» («Four Hundred Billion Stars»), «Ангел Паскуале» («Pasquale's Angel»), «Земля эльфов» («Fairyland»), «Тайна бытия» («Secret of Life») и «Глаз тигра» («The Eye of the Tyger»), последний включает в себя новеллу «Доктор Кто» («Doctor Who»). Публика высоко оценила трилогию «Книга слияния» («The Book of Confluence»), в которую входят романы «Дитя реки» («Child of the River»), «Старина дней» («Ancients of Days») и «Звездная гробница» («Shrine of Stars»). Его последний роман, триллер «Белые дьяволы» («White Devils»), повествует о возможном будущем Африки, которая претерпела громадные изменения под воздействием вышедших из-под контроля биотехнологий. Издательством PS Publishing опубликован новый сборник рассказов автора «Машинки» («Little Machines»).

За свои романы и рассказы Пол Макоули неоднократно удостаивался премий и наград.

«Каждый раз, когда в детстве я заболевал и оказывался в постели, моя бабушка, которая жила в соседнем доме, приносила мне что-нибудь из своих подборок „Reader's Digest", — вспоминает Пол Макоули. — Там я прочел статью о Распутине. Меня сильно впечатлило, сколько хлопот он доставил своим убийцам (убить его оказалось почти так же сложно, как какого-нибудь мультяшного героя), и спустя некоторое время впечатление обрело форму рассказа».

Прошло двадцать лет с тех пор, когда автор в последний раз видел группу «The Clash», но он по-прежнему полагает, что эта группа, из песен которой он позаимствовал название для символического рассказа, является одним из величайших рок-н-ролльных коллективов всех времен.

Из ревущей темноты начали вылетать бутылки. Одна, еще одна, и вот их уже слишком много, чтобы сосчитать. Бутылки были прекрасны в тот миг, когда лениво кувыркались в черном воздухе, словно отпавшие ступени множества ракет, и, сверкая и искрясь в свете прожекторов, устремлялись к нам.

И вот первая разбилась о сцену, в ярде от того места, где Вор вдруг тяжело осел в черной путанице своего плаща, громко сопя в допотопный микрофон из тех, что похожи на голову маленького робота. Осколки стекла разлетелись во все стороны, но Вор ушел слишком далеко, чтобы замечать, как падают бутылки, ударяясь со звоном перкуссии в помост с барабанной установкой Жабы, прыгая среди змеящихся по сцене проводов, разбиваясь вдребезги о колонки. Одна из них опрокинула прожектор «бэби», луч света упал на задранные вверх лица, еще одна бутылка скользнула по клавишам Дэви и улетела за кулисы. Замысловатые арпеджио Дэви прервались, когда он отшатнулся назад, но закольцованная подкладка продолжала звучать. Я увернулся от бутылки, не переставая играть тягучий циклический риф, на который мы перешли, когда Вор, пять долгих минут назад, вдруг принялся за свою фугу, — икру пронзила резкая боль в том месте, где кожаные штаны проткнул осколок стекла.

Толпа бурлила, ее рев походил на рев штормового океана, по воздуху неслись не только бутылки: пластиковые стаканы, трепещущие ранеными птицами программки, банмаки, костыль. Словно толпа в ярости разрывала себя на куски. Стакан с желтой маслянистой жидкостью выплеснулся мне под ноги, остро запахло мочой.

Кто-то проскочил мимо меня, это оказался Кощей, он пригнулся, когда я развернулся к нему вместе с гитарой, какой-то миг с улыбкой глядел прямо на меня, дреды торчали по сторонам бледного клинка его лица. Он выхватил из воздуха бутылку и метнул ее обратно, затем опустился на колени рядом с Вором и нежно обнял его.

Я уже бросил играть, Жаба тоже слез со своего помоста.

Какой-то миг был слышен только звук сырого сиплого дыхания Вора, птичий щебет закольцованной клавишной подкладки и звон бьющегося стекла.

Толпа снова завопила, когда появились два охранника, огромные мужики в футболках и джинсах, они неуклюже приседали под шквалом воплей и летящих предметов, которые отскакивали от их загривков, потом подхватили Вора под руки и потащили за собой, цепляя подметками его башмаков за провода. Кощей затрусил сбоку, словно пес рядом с хозяином.

Дэви подошел к своему микрофону, с его черного плаща стекало пиво, невидяще сверкали стекла очков для сварки, и произнес в него:

— Идите все на хрен, спокойной ночи!

Я выдернул шнур из гитары и побежал.

Стокгольм, пятнадцатое сентября, 2001 год. Первая и последняя джига, сыгранная во время второго европейского турне «Жидкого телевидения».

Это был уже не первый раз, когда Вор начинал валять дурака. Еще до того, как Вор подпал под чары Кощея, он затевал подобные интеллектуальные игры, с самим собой, с толпой, с нами. Посреди песни отворачивался от микрофона, наблюдая, как мы выкручиваемся без него: руки сложены на груди, по лицу блуждает улыбочка. Выходил на сцену перед началом концерта и принимался читать страницу за страницей «Освобожденного Прометея» Шелли, игнорируя нетерпеливые выкрики публики. Полностью отдавался песне только для того, чтобы вдруг остановиться, начать новую, оборвать и ее, словно в поисках совершенного звучания. Повторял припев раз за разом, пока не срывал голос, потом обращал микрофон к зрителям, позволяя им заканчивать вместо него. Дэви и я, мы с этим мирились, потому что, хотя группу собирали мы, настоящей звездой был этот худосочный низкорослый двадцатилетний юнец, по возрасту годящийся мне в сыновья.

Я никогда не занимался ничем, кроме музыки. Семидесятые провел в совершенной дыре, в Камдене, жил в домишке сторожа при закрытой школе. В одной комнате со своей гитарой, парой бобинных магнитофонов, пластинками в картонных коробках и постелью, сделанной из двух тюфяков. Я был эдаким постхиппи, каждый день принимал

ЛСД, питался батончиками «Марс» и выклянченными на рынке подгнившими фруктами. Получал пособие по безработице, иногда уезжал в Кент подработать на сборе яблок или хмеля. И все время играл, иногда мотался с каким-нибудь коллективом по местным пабам, но в основном делал что-нибудь свое, при помощи магнитофонов экспериментировал с наложением звука. В середине восьмидесятых я познакомился с Дэви, забросившим школу гением от электроники, чей лучший друг основал студию звукозаписи «XYZ». Дэви был долговязый, белобрысый и отличался ужасающей серьезностью, которая стала идеальным дополнением к моей беспорядочной бурной энергии. Мы делали музыку «транс» раньше, чем о ней кто-либо что-либо знал (и мы в том числе, мы-то считали, что играем под Фриппа и Ино). Мы продавали диджеям пластинки с миксами, чтобы заработать на жизнь, одна из записей даже стала хитом в местечковом чарте, главная тема в ней была вариацией на тему вступления ко Второму концерту Рахманинова. «XYZ» загнулась очень быстро, запуталась в бухгалтерских расчетах и прогорела, мы же с Дэви завели собственный лейбл, основали студию, где записывали свои опусы и еще сводили и пересводили записи для других. Мы стали известны в определенных кругах, но так и не добились широкой популярности, пока в один прекрасный день этот охламон, который ошивался у нас на студии, не вывалил на пульт стопку листов и заявил, что он только что написал двадцать песен и хватит нам уже стучать хреном по столу, пора делать из него звезду.

Это был Вор. Это было два года назад.

Он получил желаемое уже через полгода. А потом он познакомился с Кощеем, и вот теперь все шло псу под хвост.

Я даже не помню, когда Кощей возник на сцене. Кажется, во время нашего первого европейского турне, где-то между Берлином и Киевом. Вокруг Вора вечно вертелись какие-то люди, компания внутри компании, которой была наша группа. Мы с Дэви терпели это, но непрерывные попойки в сочетании с бронебойными наркотиками начали сказываться на творчестве Вора. Мы собирались выпустить второй хито-

вый альбом по возвращении с гастролей, а у Вора до сих пор не было новых песен.

— Они придут, — отвечал обычно Вор, когда Дэви начинал давить на него. — Они придут, когда я буду к ним готов. — А как-то раз заявил с застенчивой улыбкой, которая безотказно действовала на девчонок: — Они все время витают вокруг нас. Можно просто выхватывать их из воздуха, когда поймешь как.

Мое первое воспоминание о Кощее: он разговаривает с капитаном-пограничником. Две наших машины и три фургона выстроились вереницей на крутой горной дороге, над ними нависают растущие на склоне сосны, по бокам от пропускного пункта железобетонные постройки; все стоят на дороге, дрожат от пронизывающего ветра и вспоминают, чего незаконного насовали между пожитками, глядя на очень молодых и очень встревоженных солдат с автоматами, которые ходят взад-вперед. И этот высокий человек в шубе со спадающими на спину сальными дредами отводит капитана в сторонку и говорит с ним тихим увещевающим голосом. Кощей говорил с капитаном минуты две, затем он подошел к нашему менеджеру, стоявшему рядом с Дэви и мной, и сказал, что все в порядке, мы можем ехать, ничего платить не надо, никакого досмотра.

— Я очень давно знаком с семьей этого капитана, — сказал Кощей. Улыбка промелькнула по его лицу, быстрая и тонкая, как кинжал убийцы.

Он смотрелся тогда лет на сорок. Временами он казался раза в два старше, а иногда выглядел младшим братом Вора. Он был еще выше, чем Дэви, худосочный, но невероятно сильный, кожа у него походила на бумагу, очень белая и с грубой текстурой, глаза голубые с тонкими красными нитями прожилок, нос крючком. Хотя он поливался одеколоном, это не забивало его природного запаха, запаха прогорклого масла, застоявшейся тины, сырого мяса. Я ощутил тогда этот запах в чистом горном воздухе.

После случая на границе я начал замечать, что Кощей постоянно вьется рядом с Вором. Он сидел в гримерной Вора перед выступлениями, ждал в тени за кулисами, утас-

кивал его куда-то, пока отзвук последнего аккорда еще висел в воздухе, стоял рядом с ним на вечеринках, наклонялся, что-то нашептывая нашему вокалисту на ухо, или показывал фокусы для развлечения Вора и его поклонников. Карточные фокусы, чтение мыслей — у Кощея это здорово получалось, а еще глотание камней и электрических лампочек: он с хрустом разгрызал стекло и показывал всем осколки на высунутом красном языке, прежде чем проглотить их.

Вор выглядел хуже некуда. Он мешал кокс с таблетками и, как мне кажется, экспериментировал с героином. И еще он сильно надирался: бутылка «Джек Дэниелз» в день, не считая того, что он отхлебывал из стаканов соседей. Мы купили в Албании ящик яблочного бренди, так Вор приговорил его за неделю. На сцене он по-прежнему входил в раж, снедаемый мессианской лихорадкой.

Вне сцены он казался выдохшимся и изможденным и частенько засыпал где-нибудь в углу, а Кощей накрывал его своей шубой и нежно массировал ему запястья.

Ближе к концу турне я узнал от Нормального Нормана, одного из поклонников Вора, что тот завязал с кокаином и героином и подсел на какую-то дрянь, которую готовит для него Кощей.

— Такая густая с мерзким запахом, похожа на прокисший йогурт. Вор говорит, эта штука переносит его в разные удивительные места, — сказал Нормальный Норман, поправляя указательным пальцем очки с толстыми стеклами, — но я не знаю какие, потому что Кощей дает ее только Вору.

Что бы это ни было, оно не избавило Вора от пристрастия к выпивке, он по-прежнему выглядел ужасно. У него высыпали прыщи, под глазами вечно лежали чернильные круги, которые он замазывал гримом перед выходом на сцену. И еще его часто рвало, потому что ел он всякую дрянь, но он наотрез отказывался от любой медицинской помощи, упрямо повторяя, что о нем позаботится Кощей.

Как-то раз в Бухаресте один из поклонников зашел в туалет за сценой и увидел Вора, стоящего перед Кощеем на коленях, Кощей мочился ему в рот.

— Мне от этого как-то не по себе, — признался Дэви, пересказав мне эту историю.

— О вкусах не спорят, — сказал я, хотя мне это тоже не понравилось.

— Если бы хоть секс, я бы так не расстраивался, — продолжал Дэви.

— Может, это он и есть. Какое-нибудь там садомазо.

— Это гораздо хуже, — сказал Дэви.

Я пожал плечами. Пусть Дэви был царь и бог над всеми электрическими штуковинами и с микшерским пультом управлялся деликатно, но решительно, он ничего не смыслил в людских пороках. Хотя на этот раз он был прав.

Кощей так и не отставал от нас, когда мы вернулись с гастролей и прямиком отправились в студию, понятия не имея, что собираемся делать. Нас это не слишком беспокоило, мы с Дэви столько лет работали вместе, у нас скопилась куча материала. Но пока мы пытались развить пару главных тем, что-то придумывая, добавляя то, убирая это, Вор либо вырубался где-нибудь на кушетке рядом с Кощеем, либо вообще не являлся. Мы потратили две недели студийного времени, спустили почти сто тысяч фунтов, но так и не добились ни единой строчки, ни единой мелодии от Вора, и вот тогда мы пришли к нему домой и велели взять себя в руки и приготовиться к серьезному разговору, а Вор таращился на нас с сонным недоумением.

Мы находились в похожей на пещеру спальне хозяина. Вор распростерся под балдахином кровати восемнадцатого века, которую он купил, поскольку на ней якобы спал Моцарт. Вор был обнажен до пояса, и на его худом белом теле виднелись свежие царапины и шрамы от заживших сигаретных ожогов. Кто-то спал под тяжелым покрывалом из красного бархата, свернувшись так, что виднелась только шапка светлых немытых волос. Перед зеркалами горели свечи, на столике у кровати стоял стакан, до половины налитый густой белой жидкостью, на туркменском ковре громоздилась гора грязных тарелок.

— Он в состоянии сделать то, что вам нужно, — заявил Кощей, когда мы выговорились. — И даже больше. Вы поразитесь тому, что он может.

— Это наше дело, — резко оборвал Дэви. Вид бесчувственного тела Вора вывел его из себя. — Ты сюда не лезь.

— Этот парень — мое дело, — сказал Кощей. — Я не могу в него не лезть.

— Да пошел ты!.. — бросил Дэви и попытался схватить Кощея за руку.

Было три часа ночи. Воздух спертый и дурманящий, у меня раскалывалась голова от переизбытка наркотиков, никотина и кофе, так что, возможно, мне только показалось, будто рука Дэви просто прошла сквозь рукав меховой шубы Кощея. Может быть, он не рассчитал замах, может быть, Кощей увернулся. Так я подумал тогда.

Дэви выругался и затряс рукой, словно обжегся. Вор захихикал и сказал:

— Он со мной. Он мне нужен. Не лезьте к нему.

— Тебе пора приниматься за работу, — заявил Дэви.

— Я не знаю, готов ли я идти этим путем.

— Ты готов, — заверил Кощей.

Дэви пропустил их диалог мимо ушей и обратился к Вору:

— И как насчет того, чтобы просто вылавливать песни из воздуха?

Вор ответил спокойно:

— Та фигня, которую я делал до сих пор, не просто плоха. Она тривиальна. Она ничто. Я хочу зайти глубже. Я знаю, что могу зайти глубже, но там страшно. Более чем страшно.

— В тебе это есть, ты способен на великие вещи, Клинт, — сказал Кощей.

Клинт было настоящее имя Вора, Клинт Келли. Наполовину ирландец, он вырос странным и дерганым в каменном мешке Хакни, наивный гений, взявший себе псевдоним из какого-то старого фантастического романа.

Вор посмотрел на меня, посмотрел на Дэви.

— Вы не знаете, о чем простите. Дайте мне время, — попросил он.

— Мы обязаны выпустить альбом до сентября, — сказал Дэви. — Тогда начинаются очередные гастроли, а у нас до сих пор нет даже сингла.

— Может, тебе уехать на недельку отдохнуть. Погреться где-нибудь на солнышке вдали от сусты. А потом вернешься, и мы начнем, — предложил я.

Вор засмеялся.

— Ты не понимаешь. Речь идет не о контракте. Не обо всей этой рок-н-ролльной чепухе. Главное здесь, — произнес он, прижимая ладони к глазам. — Вот тут. Я хочу зайти дальше, чем заходил кто-либо до меня. Я уже на самом краю. Я это чую. Но никак не могу оттолкнуться.

— Но ты ведь хочешь. Я знаю, что хочешь, — вмешался Кощей.

Вор поглядел на Кощея, между ними что-то пронеслось.

— Да. Да. Очень хочу. Но я так боюсь, — сказал он.

— Я буду с тобой, — пообещал Кощей с такой нежностью и таким вожделением, что меня передернуло.

Дэви снял очки, потер глаза и спросил:

— Означает ли это, что мы готовы приступить к работе?

Кощей поднялся, очень высокий и очень худой в своей спадающей до самого пола шубе. Кажется, глаза его налились кровью.

— Теперь уходите. Он не нуждается в вас. Я помогу ему. Мы дадим вам то, что вы хотите.

Вор отнял ладони от глаз и посмотрел на Кощея, и первый раз он вроде бы по-настоящему испугался своего странного друга.

Вор исчез на пять дней. Он не приходил в студию, его не было дома. Он пропал. Дэви был готов бросить все, уверенный, что Вор сбежал, когда парень вдруг явился и выложил на пульт DAT-кассету и папку, набитую бумагами. Первый раз за долгие месяцы он был бодрый, очень собранный и очень серьезный, стоял у нас над душой, пока мы с Дэви читали тексты песен и слушали наброски вокальных партий, которые он наложил поверх основного клавишного аккомпанемента. «Вкуси мяса». «Изрыгни меня в пламя». «Гнездо соли». «Разговор с призраком». Вы знаете все эти песни.

— Мне нужен тяжелый ритм, — заявил Вор. — Что-то очень основательное, как сердцебиение самого мира.

Мы принялись за работу. Вор вошел в раж, он ревел и выл свои из ряда вон выходящие стихи в любимый допотопный микрофон, словно студия была сценой, перед которой собралась миллионная аудитория. Он почти не ел, пил только какой-то чай, приготовленный Кощеем из пахучей коры, при этом совершенно замучил нас, снова и снова прослушивая сведенные треки, въедливо выискивая недостатки, предлагая нам добавить барабанов или клавиш, подложить гитару, оркестр или амбиентные звуки. Мы сделали сорок вариантов основной темы для «Короля не-литературы» и столько раз переписывали «Неотвратимый, как рак», что Дэви сбился со счету.

А Кощей все время был рядом, глядел на Вора с вожделеющей нежностью, словно этот парень был для него глубже самого проникновенного звука.

Я промчался через лабиринт закулисного хлама прямо к лимузину. Гитара была со мной, гриф ударял в крышу салона каждый раз, когда лимузин наезжал на выбоину в асфальте. Я ворвался в отель, не прошло и десяти минут, и кинулся на этаж, где располагались наши «люксы». Дэви уже был здесь, прихлебывал из бутылки «Бекс» и метался взад и вперед перед номером Вора, останавливаясь через каждые три-четыре шага, чтобы ударить ладонью по двери. Он, как и я, был в длинном черном плаще, накинутом поверх кожаной куртки, кожаных штанах, серебристых сапогах, волосы выкрашены в белый цвет. Это был наш запатентованный прикид космических ковбоев.

Дэви увидел меня, заколотил по двери и заорал:

— Выходи, ты, говнюк!

— А он там?

— Он там.

— А...

— Он тоже там, этот кусок дерьма. Господи, на этот раз он втянул Вора во что-то по-настоящему скверное.

— Вору не нужен кто-то еще, чтобы вляпаться в говно.

Дэви уставился на меня. Он до сих пор был разгорячен концертом, волосы мокрые от пота, глаза широко раскрыты, пристальный взгляд. Он сказал:

— Вор побывал на другой планете, старик. Он даже говорить не может.

Рой Менторн, наш менеджер, вышел из смежного «люкса», в котором жил я. Он был без пиджака, узел на галстуке ослаблен. При виде нас он сказал:

— Организатор турне собирается вчинить нам иск. — Возможно, он сказал бы больше, но тут зазвонил его сотовый телефон и он ушел обратно в номер.

Дэви допил пиво и заколотил в дверь Вора донышком бутылки.

Я высказал то, что занозой засело у меня в мозгу:

— Ты видел, как Кощей вышел на сцену?

— Я видел.

— Он поймал бутылку и бросил ее обратно.

— Мне плевать, ангел ли он хранитель Вора, его любовник или его гребаная муза. Он должен исчезнуть.

— Точно.

Наши взгляды встретились. Мы оба знали: мы сделаем все возможное, чтобы избавиться от Кощея.

— Я позвоню менеджеру отеля, — сказал я.

— Пусть позвонит Рой. Мы ему за это платим.

Рой Менторн позвонил и сообщил нам, что менеджер подойдет через десять минут, а сам убрался в спальню развлекаться со своим сотовым телефоном. Мы с Дэви метались взад и вперед, совершая опустошительные набеги на бар. Жаба ввалился в номер с двумя девицами, прихватил пару бутылок своей любимой польской водки «Терминатор», наполовину кислота, наполовину ракетное топливо, и свалил. У Жабы докторская степень по астрономии, нездоровое пристрастие к коксу и зарплата, как и у Роя Менторна. Мы походили на коллектив конца двадцатых годов. В самом начале Вор тоже был у нас сессионным музыкантом, но когда пошли проценты с продаж, гонорар как-то потерял свою значимость.

— Помнишь те первые песни, — начал Дэви.

— Написанные карандашами.

— Ага, все разных цветов.

— На газетной бумаге.

— Они до сих пор где-то лежат.

— Он сказал, это была единственная бумага, которую ему удалось найти.

— Наверное, они стоят теперь целое состояние, — сказал Дэви. Он скинул свой залитый пивом балахон и бросил его на диван. — Господи, как все это достало.

— Угу. У меня такое чувство, будто я выбрасывал из окна телевизор.

Дэви поглядел на меня. Пот размыл белый грим у него на лбу, оставив волнистые линии, похожие на следы прибоя на песке.

— Ты так и не врубился, к чему я клоню? — спросил он.

Я приканчивал третье или четвертое пиво.

— Именно это я и имел в виду под телевизором. Если бы внизу был бассейн, я бы его выкинул, — ответил я.

Дэви в самом деле подошел к окну, раздвинул занавески и посмотрел вниз.

— Стоянка, — сообщил он. — Только мы все равно не сможем открыть окна.

Я сказал:

— Он был такой славный парнишка. С приветом, но не псих.

— Думаешь сейчас он уже того? В смысле, псих?

— Не знаю. Возможно. Эта дрянь, которой его пичкает Кощей...

— Говнюк и мне предложил как-то раз, — признался Дэви.

— И ты попробовал? — живо заинтересовался я.

— Черт, нет, конечно! Это ты у нас лопаешь наркотики.

— Вот потому он и предложил это тебе.

— Возможно. Он делает эту штуку сам. Варит какие-то корешки, пережевывает их и оставляет бродить.

— Пережевывает?!

— Он сказал мне, что слюна способствует ферментации.

— Какое-то русское масато, — заметил я.

— Масато?

— Амазонские индейцы делают такую штуку из вареной маниоки.

— А я и не знал, что он русский.

— Кем бы он ни был, мне кажется, он что-то вроде шамана. Помнишь тот случай, когда он мочился Вору в рот? Я потом прочитал, что сибирские шаманы могут летать с помощью неких летучих грибов, и тот, кто пьет их мочу, тоже обретает способность летать. Их тела фильтруют наркотик, и он выходит с мочой.

Дэви пропустил все это мимо ушей и поинтересовался:

— Как думаешь, во сколько нам обойдется избавиться от него?

— Не дороже, чем отказаться от дальнейших гастролей, наверное, Рой должен знать.

— Дело того стоит.

Менеджер отеля пришел с двумя охранниками и настоял на том, что он отопрет номер Вора сам. Дэви протолкнулся внутрь, я вошел вслед за ним. В комнате было очень темно, разило пóтом и благовониями. Единственным источником света была лампа, накрытая шарфом с черепом и костями, из-под двери ванной комнаты пробивалось серебристое свечение.

Вор лежал на диване под кучей шуб, голый и весь в поту. Глаза закатились, видны только белки, но дышал он ровно. Его лицо давно лишилось детской пухлости, и кожа была бескровная, похожая на пергамент: череп с костями от Диора. На полу стоял стакан, наполовину налитый густой молочно-белой жидкостью. Дэви поднял его двумя пальцами, понюхал, поморщился. Мы оба знали, что это такое и что нам нужно делать. Рой все еще любезничал с менеджером, а мы заперли дверь и двинулись в ванную.

Кощей валялся в огромной ванне в форме ракушки, его дреды плавали среди радужных пузырей. Лавандовый аромат пены не особенно помогал заглушить мощный запах его тела. Он смотрел портативный телевизор, подключенный через удлинитель и настроенный на CNN.

Дэви захлопнул дверь, привалился к ней и спросил:

— А где остальные?

— Остальные?

— Близнецы. Нормальный Норман. Остальные... люди Вора.

— Я отослал их. Они отправились по домам или туда, откуда явились. Это мне безразлично.

— Значит, теперь только ты и он, — сказал Дэви. — И ему тепло и уютно под твоими шубами.

Кощей ничего не ответил, его узкое лицо по-прежнему было обращено к экрану.

Дэви продолжал:

— Мы хотим знать, что произошло сегодня вечером.

— Мальчик отдыхает. Когда он проснется, спросите у него.

— Он витал где-то в небесах, — сказал Дэви. — Он не взял ни ноты. Только провыл две песни подряд, а потом свалился.

Кощей улыбнулся.

— Мы хотим, чтобы ты ушел, — сказал я.

— Я сделал его тем, кем он стал, — заявил Кощей. — Вам это известно. Еще вы должны понимать, что вам придется мириться с моим присутствием.

— Хватит уже, — сказал я.

— А по моему мнению, не хватит. Мы едва начали.

— Ты его убиваешь этой отравой, — сказал Дэви.

— Вы получаете то, что хотите, и он пока еще жив.

Дэви начал толкать речь об адвокатах, о содержании под стражей, о незаконном въезде в страну.

— Мы отправим Вора на лечение, — сказал он. — Мы найдем способ освободить его от тебя.

— Я так не думаю.

— Прекрати пялиться в этот сраный ящик и смотри на меня!

— Вряд ли тебе это понравится.

Дэви оттолкнулся от двери и потянулся за пультом, который лежал на краю ванны, но Кощей схватил его первым, мгновение подержал в воздухе, прежде чем уронить в мыльные пузыри и улыбнуться нам.

— Твою мать! — выкрикнул Дэви и сбросил телевизор в ванну.

Ванную комнату осветила голубая вспышка, заполнив собой весь мой разум. Свет вырубился. Где-то завыла пожарная сирена, миг спустя один из охранников вломился

в дверь, луч света от его фонарика бешено заметался по белым плиткам пола и столбу дыма, стоящему над наполненной пеной ванной.

Кощей исчез. Вор тоже.

— Они дома, — сообщил Дэви.

Это было двумя неделями позже. Вор поместил объявление в «NME» и «Роллинг Стоун», одинокую строчку мелким белым шрифтом в центре абсолютно черной страницы, сообщавшую о кончине «Жидкого телевидения». Мы с Дэви из-за этого ужасно поругались, Дэви хотел предъявить иск по поводу расторжения контракта, я же предпочитал оставить все как есть. Я был в Лондоне, у себя дома. Звонок Дэви разбудил меня после обеда.

— Я знаю. Все кончено, Дэви, — сказал я ему.

— Нет. Никоим образом не кончено. Наш альбом в пяти странах держится на первом месте. У нас клип крутится на MTV.

— Мне до сих пор неловко за этот клип.

— Он нас спас, старик.

Я знал, что Вор не захочет, да и не сможет вынести видеосъемки, поэтому исподтишка снимал его за работой в студии с помощью пары дешевых веб-камер. Режиссер нашего клипа, только что получивший награду за рекламный ролик какого-то бельгийского пива, с помощью компьютера наложил отснятое лицо Вора на лицо куклы, похожей на Пиноккио.

— Мне необходима твоя способность предугадывать. Мне нужна твоя помощь, чтобы вырвать его из лап этой твари, — настаивал Дэви.

— Ты пытался убить Кощея. Если он захочет, то сможет выдвинуть обвинение.

— Он не станет этого делать по той же самой причине, по которой Полковник Том не позволял Элвису гастролировать за пределами Штатов. Его не должно было там быть.

Из моего пентхауса был виден Тауэрский мост. Я поглядел на коричневые воды Темзы двадцатью этажами ниже и проговорил в трубку:

— Наш альбом на первом месте. Две недели наш сингл возглавлял хит-парады, прежде чем нас не потеснил тот «бойз-бэнд». Мы неплохо потрудились. Нам нужно забыть обо всем. Идти дальше.

— Тогда зачем же ты за ним следишь?

— Не хочу, чтобы Вор пострадал, — ответил я. Что было равнозначно признанию.

— Я тоже не хочу. А он погибнет, если мы не избавимся от Кощея. Так что же нам делать?

— Я сегодня встречаюсь с Жабой. Пойдешь со мной?

— Какой прок от Жабы?

— Он участвовал в первом проекте Вора. И часто бывает в доме.

Дэви засмеялся:

— Ты не перестаешь меня изумлять, старик. Где и когда?

Мы встретились в ресторане в Челси-Харбор. Дэви устроил Жабе допрос с пристрастием, и Жаба ответил на все вопросы в присущей ему дружелюбной манере. Он рассказал, что жизнь в доме похожа на съемки какого-нибудь «Перформанса» в постановке Элистера Кроули, близнецы живут на нижнем этаже и никогда не поднимаются наверх, Нормальный Норман как-то попробовал белого зелья, у него случился припадок, а потом он исчез.

— Народ все время входит и выходит, ведутся разговоры о некоем загадочном большом проекте, а Вор лежит на кровати. Наркота заканчивается. Он покупает еще.

— И Кощей при нем, — вставил Дэви.

Пока мы с Жабой ели бифштексы, он приканчивал бутылку «Шабли».

— Он приходит и уходит, — сказал Жаба. — Мне кажется, он получил от Вора все, что хотел.

— И что же он получил? — полюбопытствовал я.

Жаба пожал плечами:

— Не знаю. Но он уже не так внимателен к нему. Я знаю, он невысокого мнения о большом проекте Вора. Они даже поссорились.

— Позвони мне, когда Кощей будет там. Нам нужно с ним поговорить, — сказал Дэви.

— Сомневаюсь, что это имеет смысл, — возразил Жаба. — Как я уже сказал, они с Вором сейчас не так близки, как раньше.

Дом Вора представлял собой грандиозный белый особняк в греческом стиле, он стоял в Белсайз-Парке, отгороженный от дороги стеной высоких каштанов. Гравийная дорожка была засыпана их мокрыми, похожими на ладони листьями, дом казался мрачным и заброшенным. Я припарковал древний фургон «эскорт» (Дэви купил его этим утром у «жучка» в Хай-Барнет, за наличные, никаких имен, никакой возни с оформлением), и мы с Дэви, взяв мешок с инструментами, вошли через парадную дверь, которая стояла широко распахнутой.

Мраморная лестница поднималась из холла на три этажа. На полу валялись обломки большого подсвечника, воздух был темный и леденящий, и воняло отвратительно. Что-то закопошилось в дальнем углу, и Дэви, посветив фонариком, обнаружил близнецов. Они жались друг к другу, голые, опутанные сетью собственных свалявшихся волос. Они до костей вгрызались в пальцы друг друга, и поскуливали, и мяукали, пока Дэви не перестал светить на них фонариком.

— У меня какое-то нехорошее предчувствие, — прошептал я.

— Просто прикрывай меня, — предложил Дэви и громко спросил, есть ли кто дома.

Ему ответило только эхо его голоса.

— Он не человек. Человек не может остаться в живых после того, как ему в ванну кинули телевизор, — сказал я.

— Это был фокус, — возразил Дэви.

— Нам нужно дождаться Жабу.

— Все это сплошные фокусы. Ловкость рук. Идем.

Мы начали подниматься по лестнице.

Жаба обнаружился на площадке второго этажа.

Он лежал на спине в круге, начерченном его собственной кровью. Из каждой глазницы торчало по барабанной палочке. При этом зрелище я выронил свой край мешка, и инструменты загрохотали вниз по ступенькам. Дэви под-

хватил оставшееся и зашагал дальше. Я тяжело вздохнул и пошел следом.

В спальне Вора горела только лава-лампа в форме космической ракеты, заливавшая один угол комнаты алым светом. Вор лежал под своим балдахином, укрытый простыней, на которой виднелись пятна от мочи и недонесенной до рта пищи. Должно быть, он лежал так не один день. Ароматические палочки курились снопами, заволакивая воздух вуалью едкого синего дыма, но вонь, идущая от кровати, все равно была сильнее.

Окна были задернуты тяжелыми черными занавесками, стекла замазаны серебряной краской. Когда я попытался открыть окно, оказалось, что оно наглухо заколочено.

Должно быть, шум разбудил Вора. Он захихикал:

— Это мне снится. Он не пустил бы вас сюда.

— Он ушел, — сообщил Дэви. — Он забрал то, что хотел, и теперь ушел.

— Еще нет, — раздался голос Кощея.

Он стоял в дверях ванной, худой, как жертва геноцида, чертовски элегантный в шелковом костюме цвета «электрик» и расшитых блестками ковбойских сапогах. Дым вихрем закружился вокруг него в темноте, когда он, с ловкостью чародея, достал из копны своих дредов живого цыпленка. Он мгновение подержал его на раскрытой ладони, желтый пушистый комок, который отчаянно пищал, глядя блестящими черными глазками, а потом сунул цыпленка в рот и сожрал с чавканьем и хрустом. Тонкая струйка крови сбежала по его подбородку, когда он улыбнулся.

— Я всегда возвращаюсь. Всегда завершаю то, что начал. Мне приятно считать это своим долгом, — объявил он.

— Мы забираем его у тебя, — сказал Дэви.

Кощей стер с подбородка кровь цыпленка черным платком и, встряхнув, отбросил в никуда или же в темный, затянутый дымом воздух.

— Думаю, я останусь. Мальчишка того стоит, — изрек он.

— Мы отвезем его в больницу, — вмешался я. Во рту пересохло и засаднило от запаха благовоний, начала болеть голова.

— О, едва ли. Дело в том, что вы пришли как раз вовремя.

— Ты используешь людей, высасываешь из них все, что у них есть, и что потом? Просто уходишь? На этот раз у тебя не получится. Мы видели, что ты сделал с Жабой. Ты не сможешь отмазаться от убийства, — пригрозил Дэви.

— Его убили близнецы, — спокойно возразил Кощей. — У них в крови потребность охранять. Что касается мальчишки, я признаю: я использовал его, но ведь и вы тоже. Вам важен не он, а только то, что он для вас делает. Вы просто завидуете мне, ведь я подобрался непосредственно к источнику. Но без меня он не зашел бы туда, куда зашел. Без меня он был бы всего-навсего еще одним глупым тщеславным мальчишкой, обладающим талантом с поразительной самоуверенностью порождать плохие стихи. А со мной он побывал в таком месте, которое мало кто видел.

— Я и сам смог бы добраться туда, — заговорил Вор.

Казалось, его голос доносится из глубокой ямы где-то под кроватью. Комнату к этому времени так затянуло дымом, что стены исчезли из виду. У меня перед глазами мелькали красные вспышки, от которых все сильнее болела голова.

— Ты не смог бы попасть туда без меня, — возразил Кощей. — А я не мог бы отправиться туда без тебя. Таковы условия контракта. Всегда заключается контракт. — Он пристально глядел на нас с Дэви сквозь сгущающийся туман. — Я получил так мало по сравнению с тем, что дал. Вам, джентльмены, не стоит мне завидовать.

— Я сам сделал выбор. Я так сильно этого хотел, и он показал мне как. Идите в задницу, вы оба. Вы понятия не имеете, что он для меня сделал! — воскликнул Вор.

— Ты совсем одурел или слишком болен, ты не понимаешь, чего ты хочешь, — сказал Дэви.

— Я больше ничего не хочу, — буркнул Вор, закрыл глаза и натянул простыню до подбородка. Его кровать походила на катафалк, плывущий в подсвеченном алым светом дыму.

— Вот видите, — сказал Кощей. — Вы, джентльмены, ничего не можете...

Дэви выстрелил в него. Вспышка от выстрела осветила комнату, на миг сделав все материальным и ясно различимым. Кощей метнулся к двери, а Дэви выстрелил в него еще раз, и он осел на пол, кровь была на его белом лице и на его руке, когда он отнял ее от груди. Он поднял на Дэви взгляд, улыбаясь, и Дэви выстрелил в него еще пять раз, а затем отшвырнул ружье. Его он тоже купил этим утром, в пабе в Далстоне.

Кощей закашлялся, выплюнув струйку крови, прикрыл рот ладонью и снова закашлялся. Что-то поднималось по его белому горлу: он выплюнул на ладонь пули, подержал, уронил на ковер и захохотал.

И тут мы оба двинулись на него, подгоняемые злостью, страхом и отчаянием. Дэви с такой силой ударил Кощея охотничьим ножом, что лезвие прошло сквозь плечо и воткнулось в раму двери. Я со всего размаху врезал ему снизу в челюсть, и он вырубился.

Мы с Дэви переглянулись, оба дышали тяжело, оба были забрызганы кровью Кощея. Затем я отвернулся, и меня стошнило.

— Надо его прикончить, — предложил Дэви неуверенно. — Перерезать ему глотку. Размозжить ему череп.

— Я к этому не готов, — мотнул я головой. — Кроме того, застрелить его не удалось, так что, наверное, и все остальное не получится.

— Ага. Поэтому приступаем к плану «Б».

Мы выдернули из Кощея нож, затащили тело на кровать и завернули его в пропитанное кровью бархатное покрывало, туго обмотали электрическим проводом. Дым клубился над нами, мы задыхались в едких испарениях. Дэви затолкнул Кощею в пищевод трубку и сунул в зубы пластиковую воронку; я вливал через воронку смесь из гербицида и хлорной извести, пока она не потекла у него из носа, смешанная с кровавой жижей. Затем мы завернули его в черный полиэтилен и покатили тяжелый сверток вниз по ступеням.

От сырого холодного воздуха я начал приходить в себя. Когда мы заталкивали нашу жертву в фургон, я сказал:

— Надо бы вернуться за Вором.

— Я позвоню в «скорую», — сказал Дэви.

Он набрал 999, когда я заводил машину, назвал им адрес Вора, когда я выруливал на дорогу, и вышвырнул мобильный телефон в окно, когда мы застряли в плотном потоке машин перед отелем «Швейцарский Коттедж». Мы ехали с опущенными стеклами, и в голове у меня начало проясняться, пока я полз в пробке на Юстон-роуд.

— Парни из «скорой помощи» увидят кровь, — сказал я. — И еще они найдут Жабу. Найдут его тело.

— Грабители. Была драка, негодяи давно скрылись.

— Вор нас видел.

— У Вора мозги набекрень. Что бы он ни сказал, ему не поверят. Когда мы вернемся, я позабочусь о дальнейшем, привлеку к делу Роя. Но сначала избавимся от этого мешка с дерьмом.

Мы поехали на восток через Шоредитч, через Сити (там был жуткий момент, когда дежурный полицейский на одном из пропускных пунктов пристально посмотрел на наш фургон, но все-таки не остановил), потом по шоссе A13, квадратная башня на Канари-Ворф поворачивалась к нам разными сторонами в сплетении узких дорог под георгианскими террасами; плотный поток машин на освещенной фонарями трассе и объездной дороге вокруг Дагенхема начал редеть, когда мы миновали туннель Блэкуолл и нарыв «Купола Тысячелетия».

Мы разговаривали, вспоминая момент нападения, шутили по поводу сожженных мостов, мы знали, что с «Жидким телевидением» покончено, знали, что с нашей дружбой, скорее всего, тоже. Черный полиэтиленовый сверток в человеческий рост тяжело перекатывался взад и вперед у нас за спиной, как какая-нибудь подгнившая египетская мумия. Мы проехали через Хорн-Черч и свернули на временную дорогу, протянувшуюся по вересковым пустошам Рейнхэма, миновали мрачные склады, обнесенные высоким проволочным забором, выехали на пустынный мол.

Река лежала ровная и темная под низко нависающими облаками, до сих пор подсвеченными догорающим закатом. В свете фар нашего фургона мы подтащили тяжелый сверток к концу бетонного причала и кинули в воду.

Он шумно плюхнулся, пошел вниз, всплыл, увлекаемый течением. И тут воздух, который удерживал сверток на плаву, вырвался наружу, и черный пластик упал с лица трупа, прежде чем тот ушел на дно.

Это был не Кощей. Он показал напоследок еще один фокус. Бледное лицо, погружающееся в толщу мерцающей черной воды, принадлежало Вору.

Мы с Дэви ехали обратно в молчании. Фургон бросили у станции «Бау-Тьюб», ключ зажигания оставили на месте в надежде, что фургоном соблазнятся какие-нибудь подростки, любители покататься на чужой машине, в молчании доехали до города, в молчании расстались.

С того дня я ни разу не видел Дэви.

Я уже больше месяца не выхожу из квартиры, заказанную через Интернет еду и выпивку мне приносят под дверь. Я отважился на вылазку один только раз, до ближайшего угла, где скупил у малолетних торговцев все дозы кокса и героина, которые у них были.

Но вряд ли мне удастся отсидеться.

Я дважды видел Кощея.

Один раз, когда бездумно переключал телевизионные каналы, он мелькнул в новостях MTV, в репортаже о каком-то певце, новой звезде фолк-рока. Он стоял сбоку от сцены в пабе, выделяясь на фоне возбужденной девичьей аудитории.

И второй раз вчера, на площадке перед моей квартирой, его белое лицо блестело в свете дежурной лампочки, когда он улыбнулся мне, прежде чем шагнуть в тьму за перилами.

Я знаю, он вернется. Он всегда возвращается завершить то, что начал.

ДЭННИС ЭТЧИСОН

Оно появляется только ночью

Когда Дэннис Этчисон был подростком, Рэй Брэдбери порекомендовал ему писать каждую неделю по одному короткому рассказу. С пятнадцати лет он следовал этой рекомендации и продолжает следовать ей по сей день. Дважды удостоен Всемирной премии фэнтези и трижды — Британской премии фэнтези. Карл Эдвард Вагнер отозвался о нем как о «лучшем писателе, работающем в жанре психологического триллера, фактическом родоначальнике жанра».

Этчисон родился в Калифорнии в 1943 году. С 1961 года его рассказы стали появляется в периодических изданиях и антологиях. Лучшие из них вошли в сборникм «Темная страна» («The Dark Country»), «Красные мечты» («Red Dreams»), «Кровавый поцелуй» («The Blood Kiss») и «Художник Смерть» («The Death Artist»). Сороковая годовщина его профессиональной деятельности была отмечена выходом в свет обширной ретроспективы его произведений «Разговор во тьме» («Talking in the Dark») (издательство Stealth Press). Недавно в издательстве P. S. Publishing вышел его сборник рассказов о Голливуде в виде отдельной книги.

Этчисон также известен как автор романов «Туман» («The Fog»), «Темная сторона» («Darkside»), «Человек-тень» («Shadowman»), «Калифорния-готик» («California Gothic») и «Двойной край» («Double Edge»). Под псевдонимом Джек Мартин он выпустил сценарии фильмов «Хэллоуин-2» («Halloween II»), «Хэллоуин-3» («Halloween III») и «Видеодром» («Videodrome»). Как популярный редактор он издал антологии «Острый край» («Cutting Edge»), «Мастера тьмы» («Masters of Darkness I—III»), «Метаужас» («MetaHorror»), «Музей ужасов» («The Museum of Horrors») и «Сбор костей» («Gathering the Bones»). Последняя из них — международный сборник мрачных историй, написанных авторами из Австралии, Америки и Соединенного Королевства. Соредакторы — Джек Дэнн и Рэмси Кэмпбелл.

В течение двух последних лет Этчисон пишет сценарии для радиоверсии телесериала Рода Серлинга «Сумеречная

зона» («Twilight Zone»). Эта радиопостановка продолжает идти во многих странах мира, а также записана на аудиокассетах и CD.

По словам автора, «рассказ „Оно появляется только ночью“ („It Only Comes Out at Night“) был написан для антологии „Страхи“ („Frights“), вышедшей под редакцией Керби Макколи и объединившей под своей обложкой всю современную классику этого жанра. Эта книга является единственной из серии, которая переиздается в наши дни. Я горжусь тем, что принял в ней участие. Я был потрясен, когда моему рассказу присудили Всемирную премию фэнтези, хотя он не замышлялся мною как фэнтези. Я полагаю, что странность интонации и искаженная, шаткая реальность, сквозящая за всеми этими полуреальными деталями, сможет навеять на читателя ощущение мистерии. Это был тяжелый, стрессовый период в моей жизни... Ты — это то, что ты пишешь».

Этчисон также признает, что он вряд ли когда-либо написал нечто «вампирическое». Но сама атмосфера рассказа (на что указывает и название) вполне могла бы украсить любую историю о вампирах, и, так как это одно из моих любимых произведений любимого автора, я решил включить его в этот сборник.

Если вы едете из Л. А. через Сан-Бернардино на восток по шоссе № 66, вам нужно пересекать пустыню Моав. Даже после того, как вы миновали Нидлс и границу штата, легче не становится. Чем дольше изнурительный подъем, тем суше воздух. Флагстафф по-прежнему в двухстах милях, а Винслау, Гэллап и Альбукерк — уже далеко позади. Так что поздно переживать по тому поводу, что вам придется обходиться без пищи, отдыха и сна.

Представьте себе картину: корпус автомобиля накален до предела, шины расширяются и сжимаются так, что горы по сторонам шоссе начинают плясать шимми. Колеса катятся по жутким аризонским дорогам, распространяя запах жженого волоса. Ветровое стекло заляпано тем, что осталось от разбившихся о него пчел, ос, стрекоз, мошек, майских жуков,

божьих коровок и прочих тварей. Радиатор, забитый трупиками бесчисленных мотыльков-камикадзе, свистит, как умирающая ящерица на солнцепеке.

Все это означает следующее: если вы решились следовать указанным маршрутом в летнее время, вам лучше ехать по дорогам ночью. Только ночью. К вашим услугам освещенные мотели с надписями над ручками дверей: «Не беспокоить!»; забегаловки, где вам в дневное время предложат завтрак и кофе в бумажных стаканчиках... Там есть круглосуточно работающие автозаправки — ярко освещенные, как цветные сны. Их названия — «Братья Вайтинг», «Коноко», «Террибл Хёрбст» — столь же малоизвестны, сколь и их фирменные знаки. Чего только нет на этих стоянках — автоматы с газированной водой, мороженым, конфетами... А еще есть внезапно появляющиеся у самой обочины шоссе зоны отдыха с кирпичными ванными комнатами, душевыми кабинами и электрическими стоками, построенные специально для тех, кто устал, у кого нет денег, кто не укладывается в расписание...

Макклей должен был знать о тяготах дорожной жизни.

Его руки безжизненно висели на руле, глаза смотрели в темноту, он пытался успокоиться. Руль прилип к пальцам, как подтаявший леденец. Где-то слева на горизонте вспыхивали перламутровые огни, затем все снова погружалось во мрак. В это время он не слишком старался смотреть по сторонам, хотя периодически задумывался о том, как далеко от него ударяла молния: не раз за эту ночь раскат грома настигал его здесь, в машине.

На заднем сиденье постанывала его жена, измученная долгой дорогой. Вместо предполагаемых двух с половиной дней поездка заняла все четыре. Он изо всех сил старался прогнать эту мысль, но она нависала над ним, как грозовое облако. Это было как наваждение, как лихорадочный бред.

Как-то раз на второй день путешествия его обогнал битком набитый автобус, ослепляющий своими сверкающими гранями, и все же он успел заметить мексиканку, сидевшую возле окна и державшую на руках полуживого младенца. В одной руке у нее была пластиковая бутылка, из которой она выцеживала остатки воды на голову ребенка, пытаясь спасти его от смерти.

Макклей вздохнул и повернул ручку радиоприемника, хотя знал, что там, где он сейчас, вряд ли можно поймать какую-нибудь передачу на средних и ультракоротких волнах. Он убавил громкость, чтобы не разбудить Эвви. Затем нажал редко используемую кнопку коротких волн, чуть-чуть усилил звук — так, чтобы шум мотора не заглушал радио. Он медленно крутил ручку настройки, но из приемника доносился только легкий шум, напоминающий шум летнего дождя, отскакивающего от окон.

Он почти похоронил свою мечту настроить приемник, когда тот стал издавать невнятные звуки — то отдаляющиеся, то приближающиеся, словно дрейфующие в волнах эфира. Он резко повернул ручку приемника, как взломщик сейфов в ожидании сигнального щелчка...

Послышалась музыка, затем — голос диктора, возвестивший: «Время по Гринвичу...». Это была радиостанция «Голос Америки». Он промычал что-то нечленораздельное и вырубил звук.

Жена на заднем сиденье пошевелилась.

— Зачем ты это выключил? — пробормотала она. — Я вообще-то слушала... Хорошая передача...

— Да ладно, — ответил Макклей. — Все равно спишь. Скоро сделаем остановку.

— Оно появляется только ночью... — снова послышался ее голос, через мгновение пропавший в складках одеяла.

Макклей открыл «бардачок», достал оттуда путеводитель «Клуба Автомобилистов», уже заложенный на нужной странице. Он включил лампу над головой и, держа одну руку на руле, принялся просматривать — в сотый раз — каталог дорожных мотелей, ожидающих его на пути. Он знал этот список наизусть, но чтение успокаивало нервы. Кроме того, хоть как-то скрашивалось дорожное однообразие...

Это было одно из тех мест, которое никогда не ожидаешь встретить среди ночи. Ярко освещенная площадь с силуэтами домов (или по крайней мере одного дома) и автомобилями, стоящими в стороне от шоссе в круге света, защищающем их от ночного хаоса.

Зона отдыха...

Он узнал бы ее безо всяких опознавательных знаков. Неоновые светильники заливали пространство нежно-персиковым светом, разительно отличающимся от холодных, бледно-голубых дорожных указателей. Он уже видел раньше знаки зоны отдыха, возможно, даже этой... В дневном свете они значили для него только то, что на них написано: «Главная дорога», «Деловой центр — следующий поворот направо». Возможно, странный, теплый свет делал этот маленький асфальтовый островок, выхваченный из темноты, таким манящим. Он убавил скорость и свернул с шоссе № 40. Автомобиль куда-то нырнул, затем резко подпрыгнул на ухабе, издал какой-то странный звук — первый раз за всю поездку.

Макклей нажал на тормоз рядом с припаркованным здесь же «понтиаком-файрбёрд» и выключил двигатель. Он позволил себе закрыть глаза и откинул голову на спинку кресла...

Первое, что поразило его, была тишина. Она была оглушительна. В ушах звенело, звон походил на тот сигнал, который издает телевизор после окончания телевещания. Затем он почувствовал легкое покалывание на кончике языка. Перед мысленным взором возникло зрелище расщепленного змеиного жала. Он словно вобрал все электричество напоенного грозой воздуха. Наконец, третьим сюрпризом было внезапное пробуждение его жены на заднем сиденье. Она потянулась и вяло спросила:

— Мы спим, что ли?.. А откуда эти огни?

Он увидел ее отражение в зеркале заднего вида.

— Мы просто остановились отдохнуть, дорогая. Мне... Машине нужно остыть. Хочешь в туалет? Там, сзади, видишь?

— О боже!

— Что с тобой?

— Нога затекла. Слушай, а мы как, собираемся или не собираемся...

— Скоро остановимся в мотеле.

Макклей не сказал, что они не доберутся до того мотеля, который он отметил в путеводителе, по крайней мере еще два часа: не хотелось спорить. Он знал, что ей необходим отдых, — ну и ему тоже, разве нет?..

— Пожалуй, я выпью еще кофе, — сказал он.

— Больше нет, — зевнула она.

Хлопнула дверца.

Теперь Макклей понял, откуда этот звон в ушах, — это был звон его собственной крови, почти заглушавший равномерный шум мотора. Он повернулся, перегнулся через спинку сиденья, чтобы достать емкость со льдом. Там должна была оставаться пара баночек колы, по крайней мере...

Его пальцы зацепили корзину рядом с емкостью, почувствовали корешки карт и путеводителей, лежащих вперемежку с предметами первой необходимости, которые он сам упаковал перед поездкой. Бинт, хирургические щипцы, эластичный бинт, пластырь, ножницы, дубильная кислота, нашатырь, огнетушитель, запасной блок сигарет, остатки питьевой воды, термос. Эвви сказала, что он пуст, зачем она солгала?

Он открыл крышку. Через боковое стекло он видел, как Эвви скрылась за углом здания. Она закуталась в одеяло до подбородка. Макклей открыл дверь и вышел, чтобы размять затекшую спину, немного постоял... Неестественный свет струился над ним. Он с наслаждением отхлебнул и решил немного пройтись. «Файрбёрд» был пуст. И следующая машина, и машина за ним... Он шел мимо них, и они были абсолютно одинаковыми. Это казалось безумием, пока он не понял, что это, возможно, игра света. Корпуса автомобилей были залиты жутковатым, золотисто-коричневым сиянием, как будто пыльный солнечный луч пробивался сквозь толщу воздуха. Лобовые стекла покрывал тонкий слой пыли. Он почему-то вспомнил о сельских дорогах и вечерних зорях.

Удивительно громким казался звук его собственных шагов, отраженный от корпусов автомобилей. Наконец на него снизошло озарение (и он понял, насколько устал), что в каждом из этих автомобилей могли быть спящие люди. Конечно... «Дьявол, — подумал он, глядя себе под ноги. — Я не хочу никого будить. Черт побери!» Кроме собственных шагов он слышал шелест шин редко, очень редко проезжающих по шоссе автомобилей. Звук был тихим — он походил на шипение прибрежных волн неподалеку, то нарастающее, то стихающее...

Дойдя до конца колонны припаркованных автомобилей, Макклей повернул обратно. Краем глаза он заметил какое-то движение рядом с домом... Это, должно быть, Эвви шла обратно своей шаркающей походкой. Хлопнула дверца автомобиля.

Ему вспомнилось, как во время прогулки по парку в одном из туристических центров Нью-Мексико, в Таосе, где они не раз бывали с женой, он мельком увидел пожилого индейца, таким же манером завернутого в национальное покрывало. Индеец немного постоял в дверном проеме сувенирного магазина, затем нырнул внутрь. Лоскут ткани на его голове напоминал арабскую чалму, или это ему тогда казалось... *(Опять хлопнула дверца!)* Это было в тот самый день на прошлой неделе, когда Эвви удивилась тому, что местные жители ездят с зажженными среди бела дня фарами — в честь какого-то события, возможно, областных выборов. («Мое лицо говорит за себя!» — тянет слова Херман Дж. Труджилло по прозвищу Фашио, кандидат на пост шерифа.) Сначала она доказывала, что это похоронная процессия, но кого хоронили, она не догадывалась... Макклей подошел к машине, помедлил и снова залез внутрь. Эвви уже сидела на заднем сиденье, надежно укутавшись в одеяло.

Он зажег сигарету, ожидая услышать с заднего сиденья знакомый голос, требующий опустить боковое стекло или еще что-то вроде этого. Но, как ни странно, его не беспокоили, и сигарета была докурена до фильтра...

«Пагуа», «Голубые воды», «Торео», — замелькали перед мысленным взором названия автозаправок и дорожных магазинов. Он моргнул, но это не помогло...

«Клагетон», «Город Иосифа», «Пепельная Вилка». Он опять моргнул и попытался перевести взгляд с задних фар несущейся впереди, примерно в полумиле, машины на собственное ветровое стекло, заляпанное насекомыми, затем снова на фары... «Петрифайдский Национальный парк».

Опять моргнул, отвел взгляд. Но и это не помогло. От напряжения стало подергиваться веко. Он сосредоточился на дорожных указателях, но никак не мог отогнать этот навязчивый список.

«Хватит! — подумал он. Усталость сказывалась на нем. Он почувствовал толчок где-то в груди.— Нет никакой возможности добраться до того мотеля, черт побери, я даже не могу вспомнить название. Проверить, что ли, по путеводителю? Но что это! Мои глаза!.. Я не понимаю, что со мной?»

Похоже, у него начались галлюцинации: три ствола дерева, три коровы и три грузовика приближались к нему по ночному шоссе. Корова пошатываясь, широко расставив ноги, шла зигзагами, и ее мычание, глубокое и монотонное, звучало призывно...

Нет, надо попробовать добраться до любого мотеля, какой подвернется! Но как далеко отсюда? Он стиснул зубы, почувствовал пульсацию в висках, стараясь вспомнить последний дорожный знак. Ближайший населенный пункт был, возможно, в одной миле. А может, в пяти. А может, в пятидесяти.

Неожиданно его осенила мысль: а что, если прямо сейчас затормозить и прилечь, хотя бы на несколько минут? Дорога впереди была ровной — ни одной неровности, ни одной рытвины. Какой-то ухаб! Не раздумывая, он сбавил скорость, нажал на педаль тормоза и остановился возле ухаба...

«О боже!» — подумал Макклей, с усилием повернувшись, и потянулся к заднему сиденью. Ящик со льдом был открыт. Он опустил руку в холодную воду, нащупал два кубика подтаявшего льда и принялся тереть ими лоб. Он закрыл глаза, смазывая веки и лицо. От давления на веки перед глазами поплыли красные пятна. Он положил остатки льда в рот, кубик растаял так же легко, как снег.

Макклей глубоко вздохнул и снова открыл глаза. В этот момент огромная цистерна с ревом пронеслась мимо него. Машина качнулась от резкого порыва ветра, как лодка на волнах. Этого еще не хватало!

Впрочем, он мог в любой момент повернуть обратно, что ему мешало, и почему бы и нет? До зоны отдыха, которую они миновали, было всего двадцать пять минут езды. Он мог притормозить, описать букву «U» и повернуть обратно, вот так. А потом спать, спать, спать... Так было бы безопаснее. Если повезет, Эвви даже не узнает... Час-другой

сна — вот о чем он сейчас мечтал. Правда, может, впереди есть еще одна зона отдыха? Но где, как далеко?

Он знал, что этот порыв решимости заглохнет через минуту, и надо было воспользоваться шансом. Мельком взглянув в зеркало заднего вида, он увидел знакомый холмик одеяла. В заднем окне возникли приближающиеся фары чудовищно огромной фуры. Он принял решение. Перейдя на первую скорость, описал широкую дугу прямо перед носом этой машины, включил четвертую скорость... В голове была одна мысль — о теплых, приветливых огнях, оставшихся позади в двадцати пяти минутах езды.

Он остановился возле «файрбёрда» и вырубил свет. Потянулся было за подушкой, лежащей на заднем сиденье, но передумал: это могло разбудить Эвви. Сняв с себя куртку, свернул ее, подложил под голову, откинул спинку кресла и попытался уснуть...

Сначала Макклей скрестил руки на груди. Затем закинул их за голову. Затем сжал их между коленями. Затем снова лег на спину, раскинув руки по сторонам. Стопы упирались в противоположную дверь. Он полулежал с открытыми глазами, глядя на вспышки молнии над горизонтом.

Наконец он глубоко вздохнул. Этот вздох, ничем не отличающийся от когда-либо изданных вздохов... Заставил себя подняться. Выйдя из машины, обогнул ее и заглянул в туалет. Внутри все было отделано белым кафелем, горел свет. Глаза слезились. Он умыл руки, но не лицо, так как и без того было трудно уснуть...

Выйдя наружу, он с отчаянием почувствовал, что с ним происходит что-то не то... Он прислушивался к своим шагам, стучащим по бетону.

— На следующей неделе придется...

Макклей произнес эти слова вслух. Он был уверен в этом, потому что голос отразился от стены с особенным резонансом. Завтра ночью в это время он уже будет дома. Сейчас это казалось маловероятным. Он остановился, наклонился к журчащему фонтану, чтобы глотнуть воды, но шаги не утихали!

«Нет, стоп! — пронеслось у него в голове. — Я ведь еще не настолько далеко зашел! — Он судорожно вздохнул. В ушах был все тот же шум. Затем шаги затихли. — Черт!.. Я слишком перенапрягся... Мы... Она... Нет, это был мой план — ехать ночью и спать днем. Именно так. И так долго, как ты можешь спать... Спокойствие, только спокойствие...»

Он снова пошел, завернул за угол и вернулся к стоянке. За углом он почувствовал, как на периферии его поля зрения что-то двигалось. Быстро обернувшись, он заметил, как что-то — или кто-то? — мелькнуло и мгновенно скрылось в тени.

С другой стороны дома находился женский туалет. Возможно, это была Эвви. Он снова бросил взгляд в сторону своей машины, но ее не было видно отсюда... Он пошел дальше.

Площадка для парковки машин напоминала оазис света среди бесконечной ночи. Или летний лагерь. Машины теснились вокруг, обрамляя ее с трех сторон, как вагоны на разъезде. Их было несчетное количество. И снова каждая машина, мимо которой он проходил, казалась похожей на все остальные. Разумеется, это была игра света... И конечно, это были те же самые машины, мимо которых он шел полчаса назад. И эта слабая подсветка придавала им весьма запущенный и заброшенный вид. Он потрогал крыло автомобиля. Оно было грязным. Но почему, собственно, они должны быть чистыми? Его собственная машина тоже была покрыта слоем грязи после долгой езды по этим дорогам. Он дотронулся до другой машины. И еще до одной... И еще... И все они были покрыты толстым слоем грязи, можно было нацарапать на каждой из них свое имя, не повредив краски.

Вдруг Макклей представил: что будет, если он окажется на этом же месте, скажем, год спустя, и снова будет идти вдоль этого кладбища автомобилей — *тех же самых!* Что, если, устало размышлял он, эти машины оставлены здесь навсегда? Отработавшие свой недолгий век, изношенные, покинутые в один прекрасный день своими бывшими владельцами, которые никогда, никогда не вернутся? А кто знает? Догадается ли дорожная полиция или кто-нибудь еще проверить? Разве может автомобиль, оставленный на обочи-

не дороги, как сброшенная змеиная кожа, в течение многих месяцев и лет сохраниться невредимым?

Впрочем, это была только мысль...

Его голова гудела. Макклей откинулся и глубоко вздохнул — так глубоко, как мог на этой высоте. Но он все же что-то слышал... Слабый стук... Звук напоминал легкие быстрые шаги, пока он не заметил над головой лампу ночного фонаря. Сотни мелких бабочек кружились, метались вокруг нее, их крошечные тела натыкались на стекло и производили этот звук. В слабом ночном свете их крылышки казались прозрачными. Он опять глубоко вздохнул и направился к своей машине.

Двигатель все еще тикал. Обшивка была теплой, переднее колесо — горячим, как свежеиспеченный батон. Ладонь окрасилась в цвет резины, напоминающий цвет сожженной кожи... Потянулся к дверной ручке...

Ночная бабочка упала на крыло автомобиля. Макклей смахнул ее, на грязной поверхности остался след его пальца. Он присмотрелся и увидел странные волнистые линии и пятна, покрывающие грязную обшивку. Вчера во второй половине дня шел сильный дождь. Конечно, эти следы, напоминающие отпечатки пальцев, остались от грязи! Он мельком взглянул на стоящий рядом автомобиль. Тот был покрыт таким же орнаментом из высохших разводов грязи. Однако, присмотревшись, он увидел, что эти пятна намертво въелись в краску. Весь «файрбёрд» был в этих пятнах, как будто только что здесь шел сильнейший ливень...

Он потрогал капот: холодный. Посмотрел на свою ладонь: мертвый мотылек прилип к большому пальцу. Попытался смахнуть его о капот машины, но на его место прилип другой такой же. Весь корпус был облеплен мертвыми, высохшими тельцами. В темноте казалось, что это пласты отслоившейся краски. Его пальцы были покрыты пыльцой.

Он взглянул вверх. На фоне клубящихся кучевых облаков в ярком свете лампы метались стаи ночных насекомых. По-видимому, «файрбёрд» находился здесь уже очень долгое время. Надо побыстрее вернуться в машину, лечь и запереться, отгородиться от всего, забыться... Он мечтал сейчас об одном: уснуть и проснуться в Лос-Анджелесе... Но не мог.

Медленными шагами Макклей обошел вокруг «файрбёрда», остановился перед колонной мертвых автомобилей. Немного поколебавшись, двинулся вперед.

«Лесабра». «Кагуар». «Шеви». «Корвэйр». «Форд». «Мустанг». И каждая машина была покрыта слоем грязи! Он остановился перед «мустангом». Когда-то это была машина цвета яблочного леденца, но как давно это было? Наверняка она принадлежала какому-нибудь тинейджеру. Теперь лобовое стекло помутнело, корпус потускнел до какого-то неопределенного оттенка. С тем же ощущением, с каким любители постельных сцен подсматривают в замочную скважину, он склонился к лобовому стеклу... Через мутное стекло виднелись неясные очертания двух крупных фигур на передних сиденьях. Рука его инстинктивно поднялась... Вдруг эти люди, отделенные стеклянной перегородкой, тоже следят за ним? — мелькнула мысль. Тремя пальцами он провел полосы на грязном стекле. Две фигуры, два подголовника... Он отпрянул. Взгляд случайно упал на заднее сиденье.

Он увидел неясные очертания чего-то длинного... Нога. Задняя часть бедра... Светлые волосы, испещренные полосами тени. Вороник пальто. Между волосами и воротником блестела серебристая паутина. Он отпрыгнул, зацепил ногой старый «форд». Его руки дрожали, в висках стучало...

Он протер дырку в слое грязи и, заглянув внутрь, увидел скукоженную фигуру мужчины на переднем сиденье. Голова этого мужчины лежала на куртке. Нет, это была не куртка, а какое-то большое бесформенное пятно! В бледном ночном свете оно казалось темно-коричневым. Оно тянулось от самого рта. Или нет, не ого рта...

На горле зияла огромная — от уха до уха — рана!

Он начал задыхаться, все плыло перед его глазами: стоянка, тусклый свет, отражающийся от стекол, «корвэйр», грузовик, «кагуар», «лесабра», очертания фигур внутри... В голове стучало так сильно, что этот стук заглушал рев несущегося по шоссе грузовика, стук мотыльков, вибрирующих в соблазнительном свете...

Он пошатнулся. Ему вспомнилось все, что произошло за этот вечер, с самого начала. Звук хлопнувшей дверцы в

пустынном месте, где они остановились в первый раз. Могла ли дверь хлопнуть уже после того, как Эвви вернулась в машину? Если да, то зачем, почему? Он вспомнил, как нечто странное мелькнуло и скрылось из виду. И совсем непонятно, в связи с чем, вспомнил того индейца в дверях сувенирного магазина. Он шел с полуприкрытыми глазами, пока не увидел снова этот магазин, полный жестяных фигурок местных божков и декоративных панно с загадочными надписями на старинных языках. Он ясно понял: индеец не заходил в магазин. *Он крался прочь!*

Макклей еще не понимал, что все это значит. Открыв глаза так, как человек, впервые увидевший мир, он бросился к машине.

«Если бы только суметь сдержать мое чертово дыхание!» — думал он. Он медлил. Он отгонял мысли о жене и о том, что произошло в тот злополучный час, когда хлопнула дверца. Он старался не думать о том, *что* он вез на заднем сиденье автомобиля в течение всего этого времени... Надо было выяснить. Он боролся с приступами ужаса, закипавшего в нем...

Макклей уговаривал себя думать о чем-нибудь другом, о простых вещах, подвластных разуму: о километраже и гостиничных счетах, часовых поясах и сводках погоды, запасных шинах и вспышках света, инструментах для ремонта машин и гидравлических прессах, бумажных полотенцах, покрышках, гаечных ключах... Он думал о рифленых занавесках и лицах туристов, о кредитных картах, о зубных пастах, щетках, дезодорантах, бритвах, безопасных лезвиях, сапожном креме... Он думал о солнечных очках и баллончиках со слезоточивым газом, о портативных радиоприемниках и щелочных батарейках, об огнетушителях и флягах, о машинном масле, о пластиковых картах с идентификационными номерами...

На заднем сиденье его автомобиля, под складками одеяла, ничто не шевельнулось... Даже тогда, когда он, забыв обо всем на свете, потеряв остатки самообладания, разразился диким, душераздирающим криком.

ЧЕЛСИ КУИНН ЯРБРО

Инспекция в Иерихоне

Писатель и профессиональная гадалка на картах таро Челси Куинн Ярбро опубликовала свой первый рассказ в 1969 году. Уделяя все свое время писательству с 1970-го, она стала автором более шестидесяти книг и стольких же рассказов.

Среди ее произведений — романы об оборотнях «Ради всего святого» («Godforsaken») и «Ночи чудовищ» («Beastnight»), квазибеллетристические оккультные серии «Послания от Майкла» («Messages from Michael») и «Еще послания от Майкла» («More Messages from Michael») и литературные версии фильмов «Мертвые и погребенные» («Dead Buried») и «Кочевники» («Nomads»). Трилогия Ярбро «Сестры ночи» («Sisters of the Night») -- «Злой ангел» («The Angry Angel»), «Душа ангела» («The Soul of the Angel») и «Жамени: ангел смерти» («Zhameni: The Angel of Death») — о трех неумерших женах Дракулы. К сожалению, она была существенно переработана редактором.

Однако наибольшую известность писательница приобрела своими циклами исторических романов ужасов о байроническом вампире Сен-Жермене, отдаленно напоминающем действительно жившего в XVIII веке французского графа с тем же именем. Первая книга цикла, «Отель „Трансильвания": Роман о запретной любви» («Hotel Transylvania: A Novel of Forbidden Love») появилась в 1978 году. На настоящий момент за ней последовало более дюжины продолжений, в том числе «Дворец» («The Palace»), «Кровавые игры» («Blood Games»), «Дорога затмения» («Path of the Eclipse»), «Соблазнительная судьба» («Tempting Fate»), «За пределами Дома Жизни» («Out of the House of Life»), «Темные драгоценности» («Darker Jewels»), «Пари вслепую» («Better in the Dark»), «Дворцы тьмы» («Mansions of Darkness»), «Написано кровью» («Writ in Blood»), «Кровавые розы», («Blood Roses») «Кровь причастия» («Communion Blood»), «Приход сумерек» («Come Twilight») и «Пир в изгнании» («A Feast in Exile»).

Ответвление от цикла, посвященное возлюбленной Сен-Жермена Анне Оливии Клеменс, включает «Пламя в Византии» («A Flame in Byzantium»), «Факел крестоносца» («Сти-

sader's Torch») и «Свечу для Д'Артаньяна» («A Candle for D'Artagnan»), в то время как рассказы Ярбро были собраны в «Хроники Сен-Жермена» («The Saint-Germain Chronicles») и «Вампирские истории Челси Куинн Ярбро» («The Vampire Stories of Chealsea Quinn Yarbro»). Она удостоена звания Мэтра на конгрессе «World Horror Convention» в 2003 году.

Автор вспоминает: «Я была на одной секции со Стивеном Кингом более двадцати лет назад в Ноксвилле, штат Теннесси, и Стив сказал, имея в виду „Салимов удел" («Salem's Lot»): он убежден, что маленький городок в глухом уголке Мэна может исчезнуть — и никто этого не заметит. Я не согласилась, но весь полет домой думала, кто заметил бы это первым и больше всех предпринял по этому поводу. И восемь лет спустя раздумья вылились в этот рассказ». Я предоставлю читателю решать, кто был прав...

Бумага выползала из принтера волнами, и Мортон Саймз собирал ее с пола, хмуро глядя на колонки напечатанных цифр. Именно этого он и боялся. Он потащил материал обратно в офис и начал сортировать страницы, раскладывая их по порядку.

Уильям Брустер пребывал в нетерпеливом ожидании, когда Мортон наконец вошел в его офис. Времени на ненужные любезности он не терял:

— Ну?

— Похоже, налогоплательщики взбунтовались, сэр, — сообщил Мортон, протягивая только что собранную папку. — Согласно нашим записям, никто в Иерихоне не подавал налоговых деклараций за последние два года. Никто.

— Иерихон, — повторил Брустер, прищурив глаза за очками в роговой оправе. — Где это?

— К северу от Колбрука, в Нью-Гэмпшире. Возле канадской границы. — Он протянул копию с карты издания Рэнда Макнэлли[1]. — Я там пометил красным.

[1] Дорожный атлас «Рэнд Макнэлли» — географический атлас производства компании «Рэнд Макнэлли энд К°», специализирующейся на картографических изданиях. Издательская марка считается знаком высокой надежности картографических сведений.

— Это шутка? — спросил Брустер с подозрением.

— Нет, — ужаснулся Мортон. — Нет, сэр. Вовсе нет.

Брустер кивнул, удовлетворенный; потом добавил:

— А могла бы быть хорошая шутка.

— Спасибо, сэр, — поспешно сказал Мортон.

Он старался не отвлекаться, пока Брустер листал бумаги и просматривал их, время от времени останавливаясь и прищелкивая языком.

— С виду местечко небольшое, — заметил Брустер, отложив папку минут через двадцать.

— Две тысячи пятьсот семьдесят девять человек, — доложил Мортон. — По данным двухлетней давности.

— На тот момент, когда они перестали платить налоги, — сказал Брустер с тем холодным неодобрением, которое превращало его капризы в закон офиса.

— Ну, видите ли, — указал Мортон как можно дипломатичнее, — в прошлом году несколько человек все же заплатили налоги, хотя и немногие. За прошлый налоговый год ни один житель не подал ни налоговых деклараций, ни сопровождающих документов. Даже те, у кого было право на возврат денег. Бунт налогоплательщиков, не иначе. — Он подождал, пока Брустер обдумает информацию.

— Интересно, почему ушло так много времени на то, чтобы это обнаружить? — процедил Брустер с таким выражением, что было ясно — того, кто был настолько небрежен, чтобы не обратить на это внимания, ожидала очень неприятная беседа.

— Ну, случайная выборка нечасто добирается до таких маленьких местечек. В наш офис подают бумаги из девяти штатов, и компьютеру приходится обрабатывать огромное количество отчетов. А налоговая реформа так все осложнила... — Мортон затравленно улыбнулся. — Видимо, мы следили не так пристально, как следовало. У нас на уме были другие вещи. — Он призвал все свое самообладание, чтобы не крутить концы галстука.

— Городок очень маленький; как вы говорите, он бы не скоро попал в случайную сравнительную выборку. — Брустер спустил Мортона и весь остальной офис с крючка, и

по выражению его лица было видно, что он это знает. — Итак, каковы ваши планы?

На этот раз Мортон все-таки потянул за галстук, но всего лишь один раз.

— Я подумал... Я подумал, мне следовало бы поехать туда, осмотреться, изучить ситуацию, посмотреть, что там происходит. — Не дождавшись ответа, он открыл папку и указал на одну группу цифр. — Видите? Там есть маленький лесопильный заводик, который дает работу паре сотен мужчин и дюжине женщин; никто из них не подал налоговую декларацию, и завод тоже. Это может означать, что завод закрылся; в таком случае в городе мог произойти небольшой спад. Мне надо проверить суды — выяснить, не было ли слушания дела о банкротстве завода. Еще один источник значительного дохода — от иерихонской гостиницы, которая специализируется на спортсменах. Нет указаний на то, что она еще функционирует, так что я подумал... ну, может, имеет смысл поехать туда и посмотреть самому...

Под сердитым взглядом Брустера Мортон умолк.

— Как долго вы намереваетесь отсутствовать?

— Не знаю, неделю, может, две, если ситуация этого потребует. — Мортон переступил с одной ноги на другую. Брустер всегда заставлял его чувствовать себя восьмилетним мальчишкой.

— Какая ситуация могла бы этого потребовать? — резко спросил Брустер.

— Если город окажется процветающим и наотрез откажется сотрудничать с нами, тогда мне может и не понадобиться целая неделя; несколько дней будет достаточно, чтобы составить полный отчет. Но если в городе проблемы с безработицей, тогда мне придется побродить по округе, посмотреть, насколько глубок кризис. — Мортон не мог разобраться в выражении холодных глаз Брустера, увеличенных очками. — Мы ведь должны проявлять сострадание, не так ли, сэр? Не выносить скоропалительных решений, не допускать произвола? После реформы и всех этих изменений нам велели проявлять понимание, не так ли? Если у города нет денег, это могло бы объяснить их поведение.

— Могло бы, — допустил Брустер. Он откинулся назад и разглядывал Мортона вдоль линии своего длинного римского носа; этот маневр был предназначен для запугивания. — Почему я должен посылать вас? Почему не Каллишера или Броуди?

— Ну, ведь я это обнаружил, сэр, — сказал Мортон, как будто у него собирались отобрать любимую игрушку.

Брустер кивнул разок, но вернулся к той же доминирующей позе.

— Это вы сделали. Это ваша заслуга. — Он побарабанил длинными толстыми пальцами по безукоризненно чистой, без единого пятнышка, поверхности стола. — В этом-то и дело. — Его следующий вопрос был таким неожиданным, что Мортон чуть не потерял дар речи. — Откуда вы родом?

— Я живу в Питтсфорде, прямо к югу от... — начал Мортон.

— Я знаю, где вы живете, — сказал Брустер в своей самой снисходительной манере. — Откуда вы родом?

— А... — Мортон испугался, что покраснеет. — Я из Портленда. Это в Мичигане. Между Гранд-Рапидс и Лансингом. — Он боялся, что если скажет что-нибудь еще, то начнет заикаться.

— Семья все еще там? — осведомился Брустер.

— Отец в Чикаго; мать умерла; моя старшая сестра живет в Монтане, управляет какой-то фермой для туристов — я все забываю, как их называют...

— Туристское ранчо, — подсказал Брустер.

Мортон кивнул несколько раз.

— Да. Именно. Там она и работает. Младшая сестра замужем за армейским полковником. Они расквартированы в Техасе. Раньше были в Европе. — Он изо всех сил старался выглядеть уверенно. — Никакой родни в Новой Англии — по крайней мере, насколько мне известно.

Брустер выпрямился.

— Уже что-то. — Он опять опустил взгляд на папку, еще раз пролистав распечатки. — Я могу вас отпустить максимум на десять дней. Я хочу каждые два дня получать отчет по телефону, плюс письменный отчет по окончании инспекции. — Он вернул папку Мортону. — Вам бы лучше

показать все, на что вы способны. Мы ведь не хотим, чтобы в вечерних новостях передали, что Внутренняя налоговая служба США травит невиновных граждан. Прочешите эту деревню поименно.

— Конечно, — заверил его Мортон, изо всех сил стараясь сдержать панику. — Я буду очень внимателен, мистер Брустер, — торжественно обещал он, придав лицу как можно более целеустремленное выражение. — Я буду докладывать каждый день, если вы хотите. Скажите, когда мне звонить.

— Часа в три сойдет, — сказал Брустер неожиданно скучающим тоном.

— В три часа, каждый день, — подтвердил Мортон.

— Через день, — поправил Брустер. — Если меня не будет на месте, мой секретарь запишет ваш отчет, а я просмотрю его позже. И я хочу знать, по какому номеру вас найти, пока вы в отъезде.

— Разумеется. Конечно, — кивнул Мортон, позволив себе робкий намек на улыбку.

Брустер постарался, чтобы долго это не продлилось.

— Я рассчитываю, что в первый же день вы оцените экономическую обстановку и сделаете некоторые наблюдения о политических предпочтениях граждан. — Он указал на панику. — Вы ведь не хотите так же плохо кончить, как Дэн Разер? — Он ясно дал понять, что, если что-то пойдет не так, Мортон будет расхлебывать все сам.

— Нет. — Мортон побледнел.

— Не забывайте об этом, и лучше бы вам сделать все как следует, — пригрозил Брустер, наклоняясь вперед. — Будьте хитроумны, Саймз.

Мортону никогда прежде не советовали быть хитроумным, и он понятия не имел, как следует отвечать.

— Я сделаю, что смогу, сэр. — Он хотел ускользнуть, пока Брустер еще не передумал дать это поручение ему.

— Так держать, Саймз, — сказал Брустер и сразу перестал замечать Мортона, как будто он не вышел из комнаты, а вообще исчез.

Северный Нью-Гэмпшир был довольно симпатичен. Тихим сентябрьским днем дремали обветшалые горы, покры-

вающие их деревья все еще зеленели, хотя уже потеряли глубокие, неистовые краски лета. Поездка была так приятна, что Мортон Саймз корил себя за недостаточно деловой настрой, продвигаясь все дальше на север, его «BMW» шоколадного цвета деловито гудел, из магнитолы доносились любимые роковые хиты. Заминка, вызванная дорожно-ремонтной бригадой, заблокировавшей движение на добрых сорок минут, привела Мортона в Норт-Пойндекстер, неподалеку от Колбрука, уже на закате. Он мысленно бросил монетку и решил найти мотель для ночевки вместо того, чтобы спешить в Иерихон.

— Только на одну ночь? — спросил клерк в невыносимо старомодной гостинице, которую Мортон нашел вдалеке от главной улицы.

— Только на одну.

— Едете на озера? — поинтересовался клерк, ведя светскую беседу, пока Мортон заполнял необходимые формы.

— Нет, в Иерихон. — Мортон взглянул на него поверх очков, надеясь таким образом прервать разговор.

— Иерихон? — Клерк несколько удивился. — А почему туда?

— По делу, — сказал Мортон еще лаконичнее.

— В Иерихон? — Клерк недоверчиво хохотнул.

— А почему нет? — спросил Мортон, не сдержавшись.

Клерк колебался немного дольше, чем следовало бы.

— Да нет, ничего. Просто немногие жители равнин ездят туда, вот и все. Жители Норт-Пойндекстера туда не ездят. — Он протянул Мортону ключ. — Вторая дверь слева, в конце коридора.

— Спасибо, — автоматически сказал Мортон, беря ключ. Он уже собирался поднять чемодан, но не удержался от вопроса: — Почему местные жители не ездят в Иерихон?

На этот раз клерк очень тщательно обдумал ответ.

— Не то место, — проговорил он и отвернулся, не желая вести дальнейшую беседу.

Мортон обдумал сказанное клерком и решил, что его предположение о депрессии в городе, видимо, не лишено

оснований. Если в нем мало развит туризм, а лесопилка не приносит дохода, возможно, весь городок висит на волоске, как в поговорке. Он сделал первые тщательные заметки — включая записи о расстоянии в милях и о деньгах, потраченных на бензин и еду, — а затем пошел в самый многообещающий ресторан города, уверенный, что положил отличное начало делу.

Сидя за печеной курицей в ресторане Норт-Пойндекстера, он решил, что сделает все от него зависящее, чтобы принести пользу жителям Иерихона. Если, как у их библейских тезок, их стены превратились бы в руины, он предложил бы помочь горожанам возвести их снова. Он вспомнил трехмесячной давности семинар, посвященный тому, как реагировать на проблемы налогоплательщиков и быть сострадательным к их нуждам и проблемам. Он мысленно прорепетировал, как правильно разговаривать, чтобы не уподобляться копам или инквизиторам.

К девяти утра он уже покинул Норт-Пойндекстер и направился в Иерихон. Он уделил особое внимание внешнему виду и оделся не так официально, как обычно, — в твидовую куртку и серые слаксы вместо обычного костюма-тройки. Этому он научился на семинаре — большинство людей считает неофициальную одежду менее пугающей, а Мортону не хотелось с самого начала сурово обращаться с жителями Иерихона. Теперь он слушал легкую классику — она казалась более подходящей к этому теплому, ветреному дню — и восхищался пейзажем. Месяцем позже, когда деревья приобретут осеннее великолепие, поездка произвела бы более глубокое впечатление; теперь она была просто приятной, даже освежающей. Мортон пообещал себе сделать несколько фотографий перед отъездом, чтобы увезти с собой то удовольствие, с которым он думал о пункте назначения. Далекий городок вроде Иерихона вполне мог стать его тайным прибежищем на время отпуска; там он мог бы проводить несколько дней вдали от стрессов своей работы в неиспорченном цивилизацией месте. Он позволил себе полет фантазии: своей работой с горожанами он заслужил их уважение и, возможно, даже любовь некоторых и теперь считался их желанным гостем при ежегодных возвращениях. Ежегод-

ных... Он хихикнул над своим мысленным каламбуром[1]. Затем сосредоточился на вождении и дороге, особо отметив несколько зданий, которые виднелись в отдалении, а потом и те, что поближе.

Для Мортона Иерихон начался зрелищем двух высоких викторианских чудовищ у изгиба дороги. Дома были полуразрушенные, с отслоившейся краской и разбитыми окнами, но даже в лучшие свои времена ни один из них не был безукоризненным образцом готического архитектурного стиля, в основном потому, что оба были слишком уж разукрашены — башенками и куполами, площадками с перильцами, и верандами, и вентиляционными окнами в таком невообразимом количестве, что сами основные линии домов казались затерянными среди всего этого вычурного изобилия. Мортон притормозил, проезжая мимо домов, и вообразил, что они склоняются друг к другу, шепчутся — две старые карги, наряженные в тщательно сшитые платья, вышедшие из моды. Он все еще укорял себя за чересчур живое воображение, когда замедлил движение — остальная часть городка как раз появилась в поле зрения.

На главной улице преобладала застройка XIX века, однако было и несколько более старых зданий в дальнем конце города. Две церкви, обе — строгие белые здания, одно со шпилем, другое с башенкой, располагались на противоположных сторонах улицы и на противоположных ее концах; более старое из двух — с башенкой, в дальнем конце, слева — не красили так долго, что дерево внизу под влиянием атмосферы стало напоминать серую чешую. Рядом с этой церковью стояло здание в федеральном стиле[2] с древней выцветшей вывеской, возвещавшей, что это — иерихонская гостиница. Между Мортоном и гостиницей находились: здание муниципалитета; одноэтажное здание с внушительным

[1] Игра слов: *annual returns* — 1) ежегодные возвращения; 2) годовой отчет.

[2] Федеральный стиль — доминирующий стиль в архитектуре и декоративном искусстве в период 1790—1830 гг. Отличается изящными колоннами с каннелюрами, крупными портиками без поддержки, кирпичными стенами, веерообразными надверными окнами, криволинейными декоративными элементами.

викторианским фасадом (позже оказалось, что это банк); почта образца 1930-х; нечто типа кафе — не кафе, а одно название, в здании, которое когда-то было частным домом, а теперь было отдано под офисы; маленький заброшенный парк; здание, похожее на конюшню, с рекламой еды, топлива и льда; скобяная лавка с выставленными в витрине водопроводными инструментами и запчастями; два маленьких деревянных дома, оба датируемых примерно 1850 годом, одно из них с вывеской, прикрепленной гвоздиками к двери: «Вязание и шитье, умеренные цены»; более поздний дом с цветными стеклами в стиле модерн над передней дверью; затем дом 1950-х в фермерском стиле, выглядевший здесь ужасно не к месту. Напротив него возвышалась церковь со шпилем; рядом с ней — открытый квартал, заросший сорняками, судя по табличке — Иерихон-парк, рядом со ржавой детской площадкой, которая оканчивалась у огороженного школьного двора; рядом с ним, напротив двух домов, был среднего размера магазин бакалейных товаров, с пыльными витринами и закрытыми дверями; позади магазина — еще один дом, переделанный под офис, который предлагал услуги Джона Х. Лорера, бухгалтера; затем более позднее здание, в стиле «бетонная плита», с вывеской «Иерихонская лесопильная компания» над входом; наискосок от почты располагался универмаг Уоллеса, чьи витринные выставки устарели по меньшей мере на два года, а манекены выглядели как беглецы из черно-белых фильмов сороковых; подле него два магазинчика, один со сластями, другой — книжный; затем коробка здания напротив муниципалитета, вмещавшего полицейские силы на два человека и тюрьму на три камеры; пространство напротив гостиницы было намного больше, целых полтора квартала, отведенных под сад, теперь буйно разросшийся, — вокруг гротескного особняка, который начали в федеральном стиле, а оставшиеся два этажа достроили явно в викторианском. Вдоль улицы было припарковано пять разношерстных машин: двадцатилетний «чеви-пикап» у скобяной лавки, залапанный грязью «эдсель» перед почтой, четырехлетний «кадиллак» через дорогу от банка, фургон возле универмага и вишневый спортивный «тандерберд» выпуска 1956 года у парка.

Мортон разглядывал город, отметив, что большинство второстепенных улочек были застроены домами на одну-две семьи и что никто, казалось, не проснулся, хотя время было ближе к обеду, чем к завтраку. Он двинулся по главной улице, ища признаки жизни.

В отдалении прозвенел школьный звонок, но это не привело к заметным изменениям на улице.

После краткого размышления Мортон потащился через улицу от городского особняка и принялся обозревать Иерихон, удивляясь, почему школьный звонок, казалось, не вызвал никакой реакции, кроме периодических раскатов смеха из добровольной пожарной части в полутора кварталах отсюда.

Прошел час, два. Мортон всерьез намеревался держать ушки на макушке или уделить внимание главной улице и, когда он это сделал, никаких перемен он не заметил. Неудивительно, что город находился в депрессии: никто здесь, казалось, не работал. Честно говоря, никто здесь вроде и не жил. Несмотря на всю свою решимость, Мортон начал клевать носом.

Он был разбужен на закате стуком в окно: какое-то лицо прижалось едва ли не к самому стеклу. Он выпрямился и привел себя в порядок, стараясь не выглядеть испуганным.

— Какие-нибудь проблемы? — спросил коп в униформе, пока Мортон опускал стекло.

— Нет, — моментально ответил Мортон, после раздумья добавив: Сэр. Вечер... Я задремал.

— Случается, — сказал коп, выпрямляясь. — Вы недавно в городе.

— Да, — сказал Мортон, залезая в карман за бумажником. Он открыл его, чтобы показать удостоверение Внутренней налоговой службы США и водительские права. — Мортон Саймз.

Полицейский пристально изучил оба документа, затем недовольно кивнул:

— Похоже, так и есть.

— А вы?

— Уилсон, Декстер Уилсон, — представился он, однако руки не протянул. — Вы проездом или остаетесь?

Начало было не особенно многообещающим, но Мортон не растерялся:

— У меня тут дело.

— Ну-ну. — Уилсон качнулся назад на каблуках. — Что ж, всяческой удачи в вашем деле. — Он сделал жест, который не очень-то тянул на приветствие, потом легким шагом удалился.

Провожая его взглядом, Мортон отметил, что на улице появились и другие люди, идущие в последнем, угасающем свете дня. Они двигались медленно, парами или поодиночке, не делая попыток остановиться и поболтать. Встречаясь, они едва обменивались кивками, и никто ни разу не окликнул других, шагающих по тротуару. Это озадачило Мортона, хотя он допускал, что у людей, живущих столько лет вместе, в одном и том же маленьком городке, в конце концов, могло и не быть много тем для разговоров друг с другом. Да и характер у жителей Новой Англии неразговорчивый, напомнил он себе, к болтовне они не склонны. Он поднял стекло и запер пассажирскую дверь, прежде чем вылезти из машины.

У стойки дежурного в гостинице никого не было; вид у нее был такой же пыльный и заброшенный, как и у всего остального города. Мортон поколебался, затем обратил внимание на большой старомодный журнал; судя по записям, последний постоялец останавливался здесь больше года назад. Он нахмурился, затем взял ручку и вписал свое имя, адрес и занятие в требуемые строчки. Интересно, если в гостинице нет жильцов, прилично ли будет просто осмотреть комнаты и выбрать ту, что приглянется? Он обдумывал эту идею, когда услышал за спиной голос, скрипучий от долгого молчания:

— Могу вам что-нибудь предложить?

Мортон обернулся и увидел мужчину в летах, довольно костлявого и помятого, стоящего в дверях столовой.

— Вообще-то да, — сказал он, когда оправился от шока, что его застукали. Хотя он и не хотел в этом признаваться, беззвучное появление этого человека на мгновение испугало его. — Я бы хотел комнату. С ванной.

Мужчина не двигался; он оценивал Мортона взглядом.

— Собираетесь остаться надолго?

— Вероятно, на неделю, — сказал Мортон.

— Здесь особо нечем заняться, — заметил мужчина.

— Я здесь по делу, не для удовольствия, — проинформировал его Мортон. — Мне понадобится неделя, чтобы его завершить.

— Дело? — переспросил мужчина. — В Иерихоне? — Он рассмеялся неприятным смехом, приближаясь неуклюжей шаркающей походкой. — У нас здесь с развлечениями негусто.

— Вы имеете в виду — в гостинице? — осведомился Мортон, многозначительно подняв бровь.

— Ну да; и в Иерихоне тоже. — Мужчина уже стоял за стойкой дежурного. — Ваше дело может занять меньше времени, чем вы думаете.

— Я в этом сомневаюсь, — заявил Мортон, намеренный отстаивать свои полномочия и установить с собеседником более приемлемый уровень общения.

— Вам виднее. Вы хотите комнату, не так ли? — Он прочитал подпись, которую Мортон только что поставил в журнале. — ВНС. Так-так-так.

— У нас возникли вопросы насчет Иерихона. — Мортон снова показал удостоверение. — Полагаю, вы принимаете «Мастеркард».

— Наличные, — сказал человек. — Мы тут карточек не держим.

Мортон покачал головой, не уверенный, что привез достаточно наличных, чтобы заплатить за целую неделю. У него началась мигрень при мысли о проверках перевода наличных, если не хватит какой-нибудь сопровождающей бумажки. Интересно, остальной город так же консервативен?

— Сколько за неделю?

— Двести сорок долларов за семь дней, — сказал человек. — Еда не включена. Белье меняют два раза в неделю. Кофе по утрам по требованию, два доллара дополнительно.

Вздыхая, Мортон вытянул из бумажника триста долларов, надеясь, что оставшейся сотни ему хватит. Он рассчитывал, что банк будет готов оказать честь одной из его кредитных карточек, если никто из частных предпринимателей не пожелает этого сделать.

— Я хочу, чтобы мне приносили кофе каждое утро, это будет двести пятьдесят четыре доллара; сорок шесть долларов сдачи.

— Быстро вы с этими цифрами, да? — Человек открыл ящик под стойкой и протянул Мортону четыре потертые купюры.

— Вы хотите квитанцию?

Мортон моргнул:

— Конечно, — сказал он, зная, что не взять ее было бы немыслимо.

— Сейчас или когда будете уезжать?

— Сейчас, — кивнул Мортон.

Человек покачал головой, но принес пачку квитанций и нацарапал на ней дату и сумму.

— Нужно что-то еще?

Мортон начал раздражаться.

— Пожалуйста, укажите, за что уплачены деньги, включая длительность пребывания и утренний кофе.

Клерк нехотя сделал, как его просили. Он оторвал квитанцию и протянул ее Мортону.

— Вы можете занять переднюю центральную комнату, — сказал он, указывая на потолок. — Второй этаж. С эркером. Это «плющевая» комната. У всех наших комнат растительные названия. — Он протянул ключ. — Горячая вода не очень хорошо работает.

Эта информация, при данных обстоятельствах, Мортона не удивила.

— Я буду помнить об этом, — сказал он и поднял чемодан. — В комнате есть телефон?

— Телефон-автомат возле уборной. Это все, что у нас есть. — Человек указал большим пальцем в направлении узкого коридора. — Вон туда.

— Спасибо, — сказал Мортон, сознавая, что звонить уже поздно.

Брустер будет недоволен, но тут уж ничем не поможешь. Мортон стал взбираться по лестнице. Взглянув украдкой на клерка, он заметил, как тот бледен. Может, он болен, тогда это объясняет его грубость. Затем клерк посмотрел на него, и Мортон, смешавшись, отвел взгляд и пошел в свою комнату.

В «плющевой» комнате были старинные обои, покрытые переплетенными ветками плюща. К счастью, они выцвели, иначе выглядели бы отвратительно; а так у комнаты был вид захудалой аристократичности, и Мортон, хотя и не пришел в восхищение, однако и не был так разочарован, как опасался. В ванной находились старомодная раковина на пьедестале и ванна на ножках, длиной, шириной и глубиной напоминающая гроб. В шкафчике над раковиной недоставало зеркала, хотя, судя по виду, оно там когда-то было. Мортон разложил свои бритвенные принадлежности и вытащил зеркало, которое всегда брал с собой в поездки. Когда он остался доволен расположением своих вещей и тем, что огромные полотенца оказались чистыми и свежими, он вернулся в спальню и занялся развешиванием одежды в старинном шкафу, который царил в одном из углов комнаты. Он знал, что сейчас было слишком поздно звонить Брустеру. Когда он сел писать отчет за день, то изо всех сил старался подавить приступ вины. На следующий день он объяснит все Брустеру по таксофону.

К тому времени, когда он закончил свой отчет, уже совсем стемнело. Две сорокаваттные лампочки под потолком едва разгоняли мрак, а настольная лампа была не многим ярче. С глухим раздражением Мортон сменил рубашку и галстук, готовясь к поискам ужина. «Ведь в этих краях *бывает* ужин, не так ли?», — вопросил он стены. Возможно, завтра он потратит еще немного денег на более яркие лампочки. Затем он заколебался. Электропроводка во многих старых зданиях могла не выдержать более сильного напряжения. Он, пожалуй, купит лампочку для чтения на батарейках в скобяной лавке — этого будет достаточно.

К удивлению Мортона, когда он вышел из гостиницы, на улице были люди. Он отметил все то же странное молчание. Он видел, что им любопытно, но никто к нему не подошел, а когда он сам слишком уж приближался к кому-нибудь из пешеходов, те отходили, избегая его. Он подумал, что гостиничный клерк, вероятно, проболтался о его работе. «Как печально, что так много людей не доверяет ВНС», — размышлял Мортон, когда нашел кафе на одной из боковых улочек недалеко от почты.

За прилавком стояла одинокая официантка — женщина средних лет с неопрятным пучком волос. Она глядела искоса, как будто ей нужны были очки, пока Мортон подходил к прилавку.

— У нас сегодня небогато, — сообщила она.

Ее голос был необычно низок и полон волнующих намеков. Это был голос, сотканный из пряностей и сумасшествия, и он превращал ее из старомодно и плохо одетой женщины в замаскированную *femme fatale*.

— Отлично, — сказал Мортон с самой своей искренней улыбкой. — Остальные, видимо, уже поели?

Она бросила на него быстрый взгляд.

— Можно и так сказать.

Мортон был более озадачен, чем когда-либо.

— Что ж, я слыхал, что в таких маленьких городках все рано закрывается. Хотя у вас еще немало народу на улице.

— Ага, — кивнула официантка, доставая столовый прибор и ставя его перед ним, как будто занималась чем-то непривычным. — Это тушеный ягненок — с овощами, крекерами и подливкой.

— Отлично, — сказал Мортон, который ненавидел ягнятину. — Прекрасно.

Он осмотрелся в поисках меню, чтобы понять, что его ожидает назавтра, но не нашел его.

Официантка заметила это и сказала:

— Мы пишем мелом на доске. Обычно я просто рассказываю любому, кто интересуется.

— Понятно, — протянул Мортон, недоумевая.

— Подождите пару минут. — Она прошла сквозь дверь, открывающуюся в обе стороны, а Мортон стал прислушиваться в ожидании разговора или звона кастрюль, но услышал лишь тишину.

«Видишь, — сказал он сам себе в привычной шутливой манере, — будь я более легковерен, чем я есть, это место выглядело бы откровенно зловещим». Он осмотрелся вокруг в поисках часов и увидел, что единственные — на стене над кассовым аппаратом — остановились на неправдоподобных цифрах 2:13. Он все больше убеждался, что экономика города в полном упадке, а те, кто еще держится, висят на

волоске. «Возможно, поэтому я никого и не видел», — продолжал он рассуждать. Может быть, немало горожан уехало. Возможно, многие дома заброшены, а в офисах никого нет. Он принял решение разузнать побольше утром.

Вернулась официантка с белым железным подносом, на котором был расставлен его ужин.

— Кофе? — спросила она чарующим голосом, когда ставила тарелку перед ним.

— Да, пожалуйста, — сказал Мортон, не глядя ей в глаза. — А соль есть?

Официантка снова стрельнула в него быстрым кинжалом взгляда, затем спрятала его за улыбкой.

— Извините. Кончилась.

— Это ничего, — сказал Мортон, добавляя еще один пункт в свой мысленный список покупок.

Он набрал полную вилку слишком горячего тушеного мяса и немедленно обжег нёбо. Он старался не выглядеть слишком потрясенным, но потом еще долго дул на еду, пока не удостоверился, что сможет проглотить ее без печальных последствий. Как странно, подумал он, эта тушеная ягнятина такая на вкус... невыразительная. Похоже скорее на обед из замороженного полуфабриката, побывавший в микроволновке, чем на новоанглийский ужин.

Утро началось с какого-то гостиничного существа, доставившего поднос с кофейником, картонной коробочкой сливок, несколькими пакетиками сахара, чашкой и двумя кусочками пересушенных тостов. Мортон был уже почти одет и зашнуровывал ботинки, когда раздался стук в дверь, и он обнаружил этот спартанский паек, поджидающий его. За кофе — крепким, но невкусным — он просмотрел свой отчет о вчерашнем вечере. Первым пунктом в его утреннем расписании значился визит на лесопилку — выяснить, действительно ли она совсем не работает. После этого, полагал он, придется поговорить с банкиром, не только чтобы узнать побольше о городе, но и с целью пополнить свой истощенный запас наличности.

День выдался яркий, с тонкими, высокими облаками, превращающими солнце в яркую заплату на белом фоне

неба. Мортон прикрыл глаза рукой, обозревая улицу, и взвешивал, следует ли ему поехать на машине или пойти пешком. В таком городке, решил он, прогулка может оказаться более мудрым выбором, чтобы не выглядеть таким уж чужаком, каким, казалось, считали его местные жители. Так что он неторопливо двинулся вдоль главной улицы к той церкви, что постарше, затем свернул направо по изрезанной колеями дороге, направляясь к беспорядочной группе зданий, относящихся к лесопилке. Шагая к маленькой парковке, он заметил, что там было лишь две машины — видавший виды джип и семилетний «понтиак», нуждавшийся в покраске, и что мусоросжигательная печь не горела. По какой-то непонятной причине Мортон начал насвистывать, пока приближался к лесопилке.

Сначала он обратил внимание на пруд, где плавала пара дюжин полузатопленных стволов. Вокруг никого не было. Он пошел к ближайшему зданию; его свист делал тишину еще более всеобъемлющей. Он заглянул в двери, стоящие нараспашку, как будто в ожидании бревен, но ни один механизм не двигался. Заходить внутрь Мортон не отважился. Все еще насвистывая, он пошел обратно к парковке, вынул блокнот из кармана и стал набрасывать свои впечатления, пока они не выветрились из памяти.

Обратно к гостинице он шел обходными путями, по боковым улочкам, где сады были заполонены сорняками и ягодными лозами. Большинство домов нуждалось в покраске, в некоторых зияли битые окна, которые никто и не пытался залатать. «Так я и думал,— заметил Мортон самому себе, продолжая насвистывать.— Этот город пуст. Вот что произошло. Лесопилка закрылась, и большинство людей уехали».

«Но,— возразила другая часть его разума,— у них нет другой работы или других адресов, и они не подавали налоговых деклараций».

Когда Мортон добрался до банка, вывеска на дверях гласила: «ЗАКРЫТО НА ОБЕД. ОТКРОЕТСЯ СНОВА В 1.30». Так вот, решил Мортон, как обстоят дела с расписанием работы банкира. Он проверил часы и отметил, что у него сорок пять минут до того времени, как банк откро-

ется снова. После короткого колебания он решил вернуться в кафе, где ужинал, и перекусить что-нибудь на ланч; завтрака явно не хватит, чтобы надолго поддержать его силы.

К его удивлению и раздражению, кафе было закрыто. От руки написанное объявление в окне обещало, что оно откроется в шесть. Каким же образом могли они сводить концы с концами в городке вроде Иерихона, работая так мало? Пожав плечами, Мортон двинулся по улице к продовольственному магазину, который заприметил раньше. Он купит что-нибудь для сандвичей и еще немного продуктов, чтобы дополнить завтрашний завтрак.

В продовольственном магазине обнаружились два продавца, оба подростки, оба апатичные, как будто проснулись не больше десяти минут назад. Мортон заподозрил, что они были под кайфом — так вяло они двигались и так мало разговаривали.

— Холодильники... — обратился Мортон к более высокому мальчику.

— Пусты. Да, сэр. Отключение электричества. — Он сложил руки. — Есть консервы и все такое.

— Да, — сказал Мортон с сомнением. — А свежих продуктов нет, я вижу.

— У нас есть пара дюжин яиц, — предложил мальчик.

— Хорошо, — согласился Мортон, решив, что попросит официантку сварить их для него вечером. — Я возьму дюжину.

— О'кей.

Мальчик медленно удалился, взгляд его слегка блуждал.

Мортон потряс головой. Для него наркомания всегда ассоциировалась с городскими подростками и стрессами городской жизни. Но, конечно, это было наивно. В депрессивном городе типа этого... неудивительно, что ребята искали забвения в наркотиках. Он подозревал, что копам все известно, но решил, что в любом случае должен об этом рассказать.

Мальчик вернулся с упаковкой яиц.

— Они хорошие. Я проверил.

— Спасибо, — сказал Мортон, протягивая сорок долларов.

Мальчик уставился на деньги, затем, спохватившись, пожал плечами и отсчитал сдачу.

— Ах да, — сказал он с легким смешком, на который неприятным эхом отозвался другой парнишка.

— Управляющий в магазине? — спросил Мортон, собирая свои покупки, сложенные в пакеты.

— Ага, — сказал второй мальчик. — Но он отдыхает.

Это, как полагал Мортон, могло означать что угодно.

— Я бы хотел поговорить с ним. Если не сегодня, то завтра. Вы ему скажете?

— Конечно, — заверил его первый мальчик, опираясь спиной на кассу, как будто полностью обессиленный разговором.

Мортон поблагодарил юного продавца и вернулся в гостиницу — избавиться от своих скудных покупок.

Когда убрали объявление на двери банка и отперли дверь, было уже без четверти два. Мортон, нетерпеливо ожидавший на другой стороне улицы, поспешил распахнуть дверь.

Похожая на пещеру, комната была пуста. Не стояли за своими окошечками кассиры; служащие не сидели за столами позади низкой стойки из точеного дерева, покрытого слоем пыли. Мортон огляделся в изумлении. Затем окликнул:

— Есть здесь кто-нибудь?

Дверь в глубине комнаты открылась, скрипнув петлями.

— Пожалуйста, входите, — раздался звучный голос сухопарой фигуры, стоящей в проеме.

— Вы президент банка? — помявшись, спросил Мортон, глядя вокруг и все более убеждаясь, что видит последние предсмертные судороги Иерихона.

— Да, — подтвердил мужчина. — Пожалуйста, входите, — повторил он.

— Спасибо, — сказал Мортон, начиная чувствовать некоторое облегчение, поскольку, конечно же, сейчас он получит ответ на все вопросы. Он поднял кейс и вытащил свое удостоверение и визитную карточку. — Меня зовут Мортон Саймз. Я из ВНС, как видите. — Он продемонстрировал свое удостоверение, чтобы высокий, худой мужчина мог прочитать документы и разглядеть фотографию.

Президент банка едва на нее взглянул.

— Да, конечно. Пожалуйста, садитесь. — Он указал Мортону на кресло с высокой спинкой и закругленными плечи-

ками, обтянутое темно-зеленым бархатом в тон гардинам (задернутым) на высоких окнах.

Президент занял свое место в обитом кожей кресле за письменным столом, которому было по меньшей мере лет двести.

— Итак, что же вам нужно здесь, мистер Саймз?

— Ну, — начал Мортон, приводя в порядок мысли перед тем, как пуститься в объяснения. — Мы просматривали налоговые декларации из этого округа, как мы делаем время от времени, и обратили внимание на то, что за последние два года почти никто в этом городке не подавал налоговые декларации для ВНС. Наши документы не содержали ни одного указания на причину, а при настоящей экономической ситуации в стране случается, что изолированные общины вроде вашей страдают от более серьезных отклонений в своем развитии, чем другие, городские районы с более широкой экономической базой; и все же из-за нехватки доступной информации мы оказались в затруднительном положении — понимаете? Естественно, мы заинтересовались причинами, по которым весь ваш городок не платит налоги и даже не заполняет формы, свидетельствующие, что жители испытывают недостаток средств, и меня послали для инспекции.

— Понятно, — сказал президент банка.

Мортон подождал, пока тот продолжит, разовьет свою мысль или выразит недоумение, но дождался лишь молчания. Он с неловкостью продолжал:

— С тех пор как я приехал сюда — только вчера, признаюсь, — я заметил, что бóльшая часть города кажется... опустевшей. В школе, похоже, нет учеников...

— Учебный год еще не начался, — любезно подсказал президент банка.

— ...а лесопилка прекратила работу.

— Крайне прискорбно, — сказал президент банка.

— Как вы думаете, это постоянная ситуация? — поинтересовался Мортон, потянувшись за блокнотом.

— Полагаю, что так, — сказал президент банка, аккуратно раздвинув губы, хотя до улыбки так и не дошло.

— Как жаль, — проговорил Мортон машинально. Он так часто выслушивал рассказы об экономических катас-

трофах, что при выражении сочувствия стал отчасти походить на владельца похоронного бюро.

— Это создает проблемы, — сказал президент банка.

— Слишком большая конкуренция со стороны крупных компаний, я полагаю, вроде «Джорджии Пацифик»? — Эта догадка вполне безопасна, сказал себе Мортон, и для импровизированной реплики очень неплоха; теперь он кажется более осведомленным, чем на самом деле.

— Это один из факторов, — сказал президент банка. — Вы понимаете, поскольку этот банк был основан моей семьей... о, поколения назад, а наши основные средства по большей части вложены в необлагаемые налогом облигации — как вы, без сомнения, знаете, — то наше положение позволяет поддерживать многих из тех, кто продолжает здесь жить, еще очень долго. У нас есть обязательства по отношению к этому городку и его жителям. - Он деликатно покашлял. — Вы сказали, почти никто не подавал деклараций за последние два года. Я являюсь исключением?

— Ну... да. — Мортон не нашел этой конкретной декларации при первой своей проверке города, потому что отчет был таким большим и запутанным, что он упустил данные по Иерихону. Теперь он был рад, что, не торопясь, все проверил. — Сейчас у вас больше денег в Норт-Пойндекстере, чем в этом городе. И по всей Новой Англии, раз уж на то пошло. Одни только ваши бостонские вклады могли бы финансировать дюжину Иерихонов. — Он не хотел лебезить или казаться чрезмерно пораженным, хотя и был сильно удивлен тем, что обнаружил. — У вас очень хорошие связи.

— Да. Вот что делает потомственное богатство, — сказал президент банка. — Однако я понимаю, что вы бы предпочли получить объяснения, а я боюсь, что не могу дать их прямо сейчас, — у меня есть другие дела, которым я должен уделить внимание.

«В пустом банке?» — чуть было не сказал Мортон, но придержал язык.

— Если вы не заняты, позвольте мне украсть немного вашего времени чуть попозже. Приходите ко мне домой сегодня вечером на коктейль, скажем, полвосьмого. Просто

стаканчик хереса, или бурбона, или рому, — продолжал он. — Мы тут народ неприхотливый. — Он откинулся назад в своем кресле. — Моя жена будет рада вашей компании. — При этом выражение его лица слегка переменилось, как будто он насмехался над Мортоном.

— Какой-то повод? — спросил Мортон, пытаясь быть вежливым, однако не преуспел.

Президент банка ответил не сразу.

— Миссис Уэйнрайт немного старше меня, — сказал президент банка. — Она происходит из очень старинного и известного европейского рода. Вы, возможно, сочтете ее сдержанной, что называется надменной. Но пусть вас это не беспокоит. Она дитя своего времени и своей культуры, как и все мы.

— Да, конечно, — согласился Мортон. Он помолчал. — Я могу достать необходимые документы, если вы настаиваете, но если вы сочтете возможным позволить мне просмотреть ваши записи, пока я здесь...

Президент банка — его звали Хьюлетт Уэйнрайт — протянул вперед руку:

— Я сожалею, но ради вкладчиков, тайны их вклада и конституционных прав я вынужден настаивать на подтверждении ваших полномочий. — На этот раз он и не пытался улыбнуться. — Вы понимаете, что с моей стороны было бы небрежностью и безответственностью позволить вам проверять счета без необходимых документов.

— Я понимаю, — сказал Мортон, кивая. — Конечно, это предусмотрительно. Я только думал, раз город в таком... упадке, то чем скорее прояснится положение с налогами, тем скорее вы могли бы приступить к улаживанию ситуации.

— Улаживанию ситуации? — переспросил президент банка, как будто Мортон внезапно заговорил по-албански.

— Понимаете, — продолжал Мортон, хотя его уши горели, — к организации федеральной помощи. Нет сомнения, что некоторые из горожан могли бы воспользоваться небольшой поддержкой, организовать сокращение расходов, возможно, какое-то перевооружение...

— Мой дорогой мистер Саймз, — сказал президент банка, изо всех сил пытаясь держать себя в руках. — Мы не

хнычущие, скулящие создания, вверяющие себя сомнительному милосердию федерального правительства. Пока я могу себе это позволить — а у меня есть все причины полагать, что я смогу позволить себе это в течение довольно значительного времени, — я уж присмотрю, чтобы об Иерихоне позаботились. У правительства — федерального, правительства штата или любого другого — нет причин вмешиваться. — Он подал руку. — До вечера, мистер Саймз.

Даже Брустеру не удавалось так эффективно обращать Мортона в беспорядочное бегство. С запинкой бормоча извинения, Мортон вскочил на ноги и направился к двери, не переставая удивляться, что могло требовать внимания президента банка в этом гулком, пустом здании. Он закрыл дверь президентского кабинета и почти на цыпочках пересек главное помещение. Пустые окошечки касс показались ему чуть ли не зловещими.

— Не будь идиотом, — прошептал он себе, идя к двери.

Вечерний воздух был сладок, и пустынная улица влекла его. Было утешением шагать к гостинице, свободно останавливаться и глазеть, когда ему хотелось, или делать заметки, когда никто не мешает. Он начал насвистывать мелодию, которую услышал на прошлой неделе — он полагал, что она из «Призрака Оперы», — и задумался, не пойти ли в полицейский участок, затем продолжил шагать к гостинице. Если он собирался распивать коктейли с Хьюлеттом Уэйнрайтом и его женой, то следует одеться приличествующим образом. Да и перед Брустером надо отчитаться.

К счастью, ему хватило мелочи, чтобы заказать телефонный разговор за счет вызываемого абонента, но за это ему пришлось выслушать замечание от босса. Мортон открыл блокнот.

— Мистер Брустер, — начал он самым своим официальным тоном, — я сожалею, что не смог связаться с вами вчера. Все оказалось немного сложнее, чем мы предвидели.

— Предвидели? — повторил Брустер. В его голосе все еще слышались гневные интонации. — Что вы имеете в виду?

— Здесь есть... проблемы. — Мортон чувствовал, что портье слушает, но решил продолжать, несмотря ни на что. — Лесопилка закрыта, а многие дома кажутся заброшенными.

— Какое это имеет отношение к задержке вашего звонка? — выразил недоумение Брустер.

— Мне потребовалось время, чтобы собрать кое-какую информацию, — сказал Мортон, почти теряя терпение. — Я не хотел занимать ваше время простыми описаниями. Я подумал, что вам бы лучше получить полный отчет, а не список болезней.

Брустер кашлянул; он пока не смягчился, но уже не был так напорист.

— Это я должен был принимать такие решения, Саймз, а не вы. Но если вам пришлось звонить за счет вызываемого абонента, тогда я понимаю, почему вам пришлось подождать. Как получилось, что вы не воспользовались телефонной кредитной карточкой, которую мы вам выдали?

Мортон вздохнул.

— Они здесь, кажется, отказываются брать кредитные карточки. Это еще одна причина, которая заставила меня предположить, что город... становится нежизнеспособным. Они не берут ни чеков, ни кредитных карточек — ничего, кроме наличных. Мне необходимо получить еще к концу недели, иначе мне не хватит на бензин на обратную дорогу. — Он не дал Брустеру времени на комментарии, а поспешил продолжить: — Мне нужно проявить готовность работать с этими людьми на их условиях, мистер Брустер. Я не хочу, чтобы они думали, что мы не сочувствуем их затруднительному положению или применяем карательные меры. Эти люди нуждаются в нашей помощи, сэр. Им нужны социальные службы, дотации на жилищное строительство и фонды для непредвиденных случаев, чтобы все это место не превратилось в кладбище.

— Что, все настолько плохо? — спросил Брустер, проявляя заинтересованность.

— Думаю, это вполне возможно, — осторожно ответил Мортон. — Лесопилка закрыта, бо́льшая часть предприятий выглядит довольно плохо... Я заходил в продовольственный магазин, и, кроме меня, никто ничего не покупал. Не похоже, чтобы они предпринимали большие усилия, чтобы пополнить запасы. — Он деликатно прочистил горло. —

Весь прошлый месяц вы говорили нам, что мы должны уделять внимание экономическим переменам на местах, прежде чем приступать к налоговым воздействиям.

— Так и было, — сказал Брустер — тяжело, как будто теперь он считал это плохой идеей.

— И я хочу быть уверенным, что мы не ухудшаем и без того плохую ситуацию. Нет никакого резона доводить это место до истощения, если нас к этому не вынуждают. Лучше пусть работают за небольшую плату, чем значатся в списке лиц, получающих пособие, ведь так? — Мортон надеялся, что сможет найти способ завоевать поддержку Брустера. — Если мы сможем выработать какую-нибудь программу для всего города, для них это могло бы означать разницу между жизнью и смертью.

— Да, да, — нетерпеливо сказал Брустер. — Что ж, тут есть о чем подумать, не так ли? Последнее, чего мы хотим, так это еще одну из этих историй типа «пожалейте-бедного-налогоплательщика» в программе «Шестьдесят минут». Это в точности та ситуация, которая им бы понравилась. — Он помолчал, и Мортон не посмел прервать его молчание. — Подождите пару дней, Саймз, и позвоните мне снова. Собирайте информацию, делайте выводы. Я прослежу, чтобы для вас перевели в банк некоторую сумму наличными, но вам придется написать расписку по возвращении, и мы посмотрим, что сможем сделать... — Он сам себя оборвал. — Позвоните мне послезавтра, в это же время. И пока не говорите об этом никому, вам понятно?

— Да, — сказал Мортон, предчувствуя, что Брустер найдет способ извлечь всю выгоду, проистекающую из этого рискованного предприятия, себе, а возможную вину свалить на Мортона Саймза. — Конечно, мистер Брустер.

— Хорошо, — смягчил тон Брустер. — Вам перечислят наличные завтра. Я прослежу, чтобы их перевели в банк.

— Простите, сэр, — прервал Мортон. — Не переведете ли вы их в банк Норт-Пойндекстера? Я заеду и заберу; это не займет много времени. Я не знаю, какие запасы наличных в этом банке или даже есть ли они вообще. И там почти нет персонала.

Брустер вновь задумался.

— Хорошо, пусть будет Норт-Пойндекстер. Я дам указание ожидать вас к полудню — устроит?

— Отлично. Это здорово. — Мортон взглянул в свои заметки. — Я не видел детей, за исключением тех двух продавцов в магазине. Школа, кажется, закрыта. Я собираюсь проверить это завтра, но, боюсь, это значит, что несколько семей покинули город. Я постараюсь найти статистику на этот счет сегодня вечером.

— Делайте, как считаете нужным, — сказал Брустер своим самым мирным тоном.

— Да, сэр, — подтвердил Мортон, собираясь закончить разговор. — Мне бы лучше подготовиться к этому коктейлю, а затем попытаться устроить обед в кафе. Я позвоню вам через два дня, когда буду знать больше.

— Проследите, чтобы это все было отражено в ваших ежедневных отчетах. — Брустер откашлялся. — Удачи, Саймз.

— Спасибо, сэр, — сказал Мортон и дал отбой, как только услышал, что Брустер положил трубку.

Он постоял у телефона несколько минут, любопытствуя насчет хозяина гостиницы: как много тот услышал и что понял? Спросить его было невозможно, но Мортон чувствовал, что ему следует предпринять попытку где-нибудь разузнать об этом человеке побольше. Направляясь к себе в комнату, он решил, что ему лучше бы перекусить, прежде чем идти в дом к Уэйнрайтам, потому что за выпивку на голодный желудок он всегда расплачивался головокружением.

К четверти восьмого Мортон был готов. Темно-синий костюм-тройка в тонкую полоску и бледно-голубая рубашка элегантно оттенялись сдержанным шелковым галстуком с орнаментом в виде медальонов. Он прошел бы отбор на любой обед Бостона и Вашингтона, кроме разве что самых модных и изысканных, и, уж конечно, должен сойти для вечеринки с коктейлями в Иерихоне. Он чувствовал неловкость оттого, что у него не было подарка хозяйке дома, но решил, что при таком внезапном приглашении будет простительно не принести цветов, конфет или бутылки французского вина.

На улице он увидел с дюжину прохожих, включая двоих полицейских, которые несли службу в городке. Когда он открывал калитку в когда-то роскошный, а теперь заброшенный сад дома Уэйнрайта, то заметил, что некоторые из этих людей тайком наблюдали за ним, почти — он улыбнулся при этом образе — голодными взглядами.

Хьюлетт Уэйнрайт открыл дверь сам.

— Прошу вас, входите, — сказал он официально, пропуская Мортона. — Добро пожаловать в наш дом.

— Спасибо, — сказал Мортон, шагая в полумрак холла.

Он заметил подлинные светильники от Тиффани[1] и решил, что дом, вероятно, не электрифицировали заново с тех пор, как они были установлены. Неудивительно, что Уэйнрайты пользовались маломощными лампочками: что-либо более мощное могло бы вызвать пожар. И все же, подумал он, пробираясь вслед за хозяином к салону, попытаться стоило: обстановка была определенно мрачной, если принять во внимание всю эту тяжелую темную мебель и приглушенный свет.

— Моя жена вскоре к нам присоединится; она дремлет днем — понимаете, чтобы хорошо выглядеть вечером. — Он указал на салон, который был сокровищницей модерна. — Проходите, мистер Саймз. Устраивайтесь поудобнее.

Мортон сказал несколько слов благодарности и ступил в салон, восторгаясь увиденным. По любым стандартам каждый предмет в помещении был ценным предметом антиквариата, и все содержалось в прекрасном состоянии, если не считать тончайшего налета пыли, давностью не более одного-двух дней. Помимо светильников от Тиффани там были маленькие статуэтки благородного дизайна, три из них, несомненно, из потускневшего серебра. Закончив рассматривать самую большую из них — двух любовников, чьи изящные тела сплелись, как виноградные лозы, — Мортон услышал позади себя звук шагов.

— Ах, вот и вы, моя дорогая, — сказал Хьюлетт Уэйнрайт.

---

[1] «Тиффани» — компания с центром в Нью-Йорке, занимается дизайном, производством и сбытом ювелирных и подарочных изделий. Основана в 1837 г.

Женщина, стоящая в дверях, была элегантно задрапирована в тяжелый черный шелк, с корсажем из густого венецианского черного кружева. Ее густые глянцево-белые волосы струились назад от лица и были схвачены в узел, который подчеркивал ее стройную шею и высокий лоб. Конечно, она была немолода, но так величественна, что у Мортона перехватило дыхание. Она едва заметно улыбалась, ее полные красные губы изгибались; и руку она протянула для поцелуя, а не для рукопожатия. «Добро пожаловать в наш дом», — произнесла она, когда Мортон принял ее руку.

Чувствуя себя невероятно неуклюжим, Мортон тем не менее наклонился и поцеловал ее пальцы, пытаясь выглядеть более искушенным в правилах этикета, чем был на самом деле.

— Рад познакомиться с вами, миссис Уэйнрайт.

— Меня зовут Илона, — сказала она. — Это один из венгерских вариантов имени Хелен. — Она наверняка объясняла это и раньше, и не раз, но стиль ее речи устанавливал какую-то близость с гостями, такую, что каждый из них чувствовал, что ему доверяют особый секрет; Мортон не был исключением.

— Мистер Саймз беспокоится о нашем городке, — поведал Уэйнрайт своей жене. — Он из Внутренней службы. Ты *помнишь, я тебе рассказывал?*

— О да, — сказала Илона, не сводя темного пристального взгляда с лица Мортона. — Это что-то связанное с налогами, не так ли?

— Да. Они беспокоятся, потому что мы единственные в Иерихоне, кто все еще платит налоги. — Он подошел к вычурному застекленному шкафчику напротив камина. — Что бы вы хотели выпить, мистер Саймз? Я должен вас предупредить: у нас нет льда.

— О, — с усилием выговорил Мортон, — что угодно, на ваш выбор. Боюсь, я не очень разбираюсь в таких вещах. — Он знал, что ему не следует разглядывать хозяйку, но было в ней что-то — однако не ее элегантность и красота, совсем не увядшая с годами, — что мешало ему избавиться от чар.

— Ага, — сказал Уэйнрайт. — Что ж, в этом случае я могу порекомендовать канадское виски; оно не очень до-

ступно в этой стране, но, живя так близко к границе, время от времени я приобретаю бутылочку-другую, когда бываю на севере по делам. — Он достал большой низкий стакан со следами гравировки. — Я налью вам немного, а если вам понравится — буду рад снова наполнить ваш стакан. — Он налил виски и принес напиток своему гостю. — Я вижу, Илона вас совершенно очаровала. Она так привлекательна, верно?

— Да,— признался Мортон, заливаясь при этом румянцем.

— Я не виню вас за разглядывание. Я помню первый раз, когда ее увидел; я думал, что умру, если отведу взгляд. Вы были очень милы со мной тогда, моя дорогая, — сказал мистер Уэйнрайт, адресуя последнюю реплику своей жене.

Она подняла плечо; у нее даже такое земное движение вышло невероятно грациозным.

— А вы были милы со мной. Вы были так хороши на вкус...

Мортон моргнул, пораженный таким выбором слов. Потом вспомнил, что английский ей не родной, и предположил, что время от времени в ее речи будут проскальзывать странные обороты. Он пригубил виски и едва сдержался, чтобы не закашляться.

— Очень... необычно.

Хьюлетт Уэйнрайт счел это комплиментом.

— Спасибо. Позвольте налить вам еще. А Мэгги вскоре принесет что-нибудь на закуску. — Он подмигнул Мортону.— Ничего особенного, просто немного сыру и крекеров, но это смягчит виски. Не то чтобы вам пришлось беспокоиться об этом сегодня вечером. Гостиница достаточно близко, и вы все равно не за рулем. — Он хихикнул. — Наслаждайтесь нашим гостеприимством.

— А вы что же? — спросил Мортон, заметив, что только у него был стакан в руке.

— О, Илона так и не приобрела вкус к виски, а мне пришлось его бросить. — Уэйнрайт похлопал себя по животу. — Знаете, как это бывает: после определенного возраста приходится следить за тем, что вы едите и пьете, иначе организм вам отомстит. Вы этого еще не знаете, но однажды это случится и с вами.

— Мне, право же, неловко... — начал Мортон, но Уэйнрайт только отмахнулся.

— Не беспокойтесь, мистер Саймз. Мы бесконечно рады предложить вам наше гостеприимство, и вы бы нас разочаровали, не получив удовольствия от того, что мы предлагаем. — Он указал на стул палисандрового дерева у камина. — Присядьте. Устраивайтесь поудобнее. Илона, помоги мне его уговорить.

Миссис Уэйнрайт взглянула Мортону прямо в глаза.

— Пожалуйста. Садитесь. Пейте свой напиток. Устраивайтесь поудобнее.

Слегка смутившись, Мортон повиновался, думая, что, если ситуация станет слишком неловкой, он всегда сможет извиниться и уйти.

— Спасибо.

— Итак, — сказал Хьюлетт Уэйнрайт, подходя к камину, — я обещал вам объяснить, что случилось в этом городке, из-за чего так переменилась наша судьба. Полагаю, ваше начальство захочет это выяснить независимо от того, чем вы здесь занимаетесь. В известном смысле я об этом сожалею; мне неприятно думать, что Иерихон привлекает к себе внимание в своем настоящем состоянии. Однако, я полагаю, мы должны принять наше затруднительное положение как неизбежность. В конце концов кто-нибудь заметил бы наше... отсутствие.

Мортон пытался не смотреть на Илону Уэйнрайт, но не преуспел.

— Ваше отсутствие, — повторил он, как будто эти слова совсем не имели смысла.

— Разумеется, мы должны бороться с... многими проблемами. С тех пор как лесопилка закрылась, стало не за что держаться, понимаете ли. Лесопилка, прямо или косвенно, имела отношение более чем к половине рабочего населения Иерихона; это означает, что закрытие произвело нечто вроде эффекта домино. Некоторые предприятия смогли удержаться, но в общем и целом у нас нет достаточно широкой экономической базы, чтобы удержать город на плаву. Вот поэтому я предоставлял кредит большому числу горожан из своих собственных средств, которые довольно велики.

— Хьюлетт — человек старой закваски, — сказала Илона, бросив любящий взгляд на мужа. — Я иногда думаю, что именно поэтому он захотел на мне жениться.

— О дорогая! — захохотал Хьюлетт Уэйнрайт. — Я не заботился о том, что ты или кто ты, или вообще о чем-то, что касалось тебя; я беспокоился только, чтобы ты хотела меня так же, как я хотел тебя. — Он сделал паузу и повернулся к Мортону. — Это был мой второй брак; первая моя жена умерла десять лет назад. Она — моя первая жена — была дочерью ближайшего делового партнера моего отца. Можно без преувеличения сказать, что наш брак был предрешен с рождения.

— Ты еще хуже, чем старые аристократы, — ласково сказала Илона.

— Ну и пусть. Во второй раз, мистер Саймз, я женился для собственного удовольствия, и когда я привез жену назад в Иерихон, я был счастливейшим человеком в мире. — Он обвел салон широким жестом. — Это не карпатский замок, но и не лачуга.

— Карпатские замки холодны, — сказала Илона. — Более половины из них лежат в руинах. — Она смотрела на Мортона со странным выражением в гипнотизирующих глазах. — Вы думаете, что это место стало запустелым, — вы просто ничего об этом не знаете. В горах моей родной земли есть места, которые, кажется, уже глубоко в могиле, — настолько они безжизненны.

— Не преувеличивай, моя дорогая, — попросил Хьюлетт Уэйнрайт с игривой ухмылкой. — В каждом уголке Европы найдется какая-нибудь деревня или руины, рядом с которыми Иерихон покажется энергичным и оживленным.

— Полагаю, что так, — неуверенно сказал Мортон. Он пригубил еще виски, надеясь, что сможет сохранить ясную голову. — Должно быть, странно было приехать сюда после жизни в Европе. В Европе так много истории.

На этот раз Илона широко улыбнулась:

— Мы творим свою собственную историю, не так ли? — Она повернула голову, когда маленькая бесформенная женщина поспешно внесла в комнату небольшой поднос. — Вот и сыр. Я надеюсь, вам понравится, мистер Саймз.

Мортон посмотрел на жесткий желтый сыр и сделал вид, что страшно заинтересован.

— Прекрасно. — Он был рад, что немного перекусил перед встречей, и в то же самое время чувствовал себя таким голодным и потерянным в этой странной компании, что почти несъедобный вид сыра едва его озаботил.

— Я отрежу вам ломтик, если хотите, — предложил Хьюлетт Уэйнрайт, жестом отпуская прислугу. Он подцепил сырную лопаточку и принялся за работу. — Вы найдете его очень необычным. В наши дни этот вид сыра можно достать далеко не везде.

— Понятно! — сказал Мортон, принимая длинный осколок сыру, положенный поперек крекера. — Спасибо. — Справиться с сыром и крекером было довольно тяжело; за этим занятием он выпил почти все виски, чтобы только суметь проглотить угощение. В голове у него звенело, но он старательно улыбался, когда отставлял стакан в сторону. — Вы очень великодушны. Прошу вас, расскажите мне еще о том, как город попал в финансовые трудности. Это ведь случилось два года назад?

Хьюлетт наполнил его стакан снова, пока разворачивал перед ним запутанную историю, за которой было бы достаточно сложно следить, даже если бы Мортон был в лучшей форме. А так он обнаружил, что не способен извлечь никакого смысла из большей ее части, хотя и получил общее описание лесопилки, не способной конкурировать с современным большим бизнесом, и города, который жил на доходы с нее. Это была та самая тема с вариациями, которую он уже знал, но рассказанная с бо́льшим количеством сюжетных коллизий. Все же, с украшениями или без, история была по сути своей проста: когда лесопилка закрылась, работа и деньги исчезли, и бо́льшая часть города потерпела крах.

— Мой муж изложил все более схематично, чем оно есть, — сказала Илона, когда Хьюлетт наконец сделал паузу. — Он не упомянул свою собственную роль в поддержке этого места. Его личное участие, его беспокойство о городке обеспечили средства к существованию многим из тех, кто здесь остался.

— Но... но они не подали декларацию о доходах, — сказал Мортон, стараясь отчетливо произнести это заявление.

— У них не было повода, — возразил Хьюлетт. — У большинства из них доходов было очень мало. Нечего было декларировать.

— Но вы ведь не настолько несведущи, — запротестовал Мортон, стараясь удержать мысли достаточно ясными для продолжения разговора. — Нам надо знать, когда не о чем подавать заявку, так же как если есть о чем. Это информация, которая является ключевой, — разве вы не понимаете? Правительство не может обеспечить необходимую помощь, если нет заявки о такой необходимости, — разве вы не понимаете? — Его голова шумела, как раковина, прижатая к уху, — со звуком, который должен был изображать море, но морем не был. — Мы должны показать, что обстоятельства изменились, что вы не... используете ситуацию в своих интересах и не... — Он тяжело сглотнул и предпринял новую попытку. — Если у вас будут новые проблемы, есть и другие последствия, чем... Разве вы не понимаете: если вы не заработали денег, тогда штраф за неподанную декларацию становится меньше. Но вы должны подать документы — разве вы не понимаете? — Он знал, что повторяется, но остановиться был не способен. Одна-единственная фраза: *«Разве вы не понимаете?»* — приклеилась к его мыслям, навязчивая, как аллергический насморк, и он никак не мог от нее избавиться.

— Нет, — сказал Хьюлетт. — О, я читал публикации, но я не вижу, почему для вас так существенно делать бумажную работу безо всякой причины, потому что у нас нет денег, за которые надо отчитываться. Да ведь даже начальник полиции и его помощник получают зарплату с моих личных счетов, а не из городского бюджета, потому что казна пуста. Если хотите знать, они теперь частные силы безопасности городка и как таковые — мои служащие. — Он взглянул на Мортона. — Не хотите ли еще немного виски?

— Не сейчас, — отказался Мортон.

Он был изумлен, когда Хьюлетт тем не менее налил еще чуть-чуть в его стакан.

— Просто на случай, если вы передумаете, — сказал Хьюлетт. — Еще сыру?

Пока они беседовали, в комнате стемнело. Мортон вскоре начал терять нить мысли, а немного спустя это его уже не беспокоило. Он заметил, как хозяин и хозяйка придвинулись к нему, что, решил он, было лестно, поскольку не было типично для жителей Новой Англии. Он чувствовал, как они склонились над ним, и пытался придумать подходящее извинение своим плохим манерам, так как был сильно навеселе. Он знал, что должен извиниться за свое поведение, но не мог связать двух слов. Он просто сознавал, что растянулся на диване — немыслимое поведение! — и что Илона Уэйнрайт хлопотала над его галстуком, ослабляя его, а ее пристальный взгляд смерлил его, пока она этим занималась.

— Не слишком много, моя дорогая, — услышал Мортон голос Хьюлетта. — Помни — не все сразу.

Что бы Илона ни ответила, этого Мортон уже не узнал. Он почувствовал, что им овладела усталость, и был не в силах ни двигаться, ни думать. Он пытался объяснить, как он сожалеет, но, к своему глубокому разочарованию, потерял сознание.

Он проснулся в «плющевой» комнате иерихонской гостиницы, в пижаме, одеяло подоткнуто под подбородок. Его одежда, аккуратно сложенная, лежала рядом. Была уже середина утра, судя по положению квадрата света, падающего из окна. Мортон потер глаза, охая при каждом движении. Он начал было садиться, но остановился, поскольку головокружение заставило комнату вращаться перед его глазами; он опустил голову и вздохнул. Он отчаянно проклинал себя за то, что напился, и передернулся при мысли о том, что должны были подумать Уэйнрайты. Мортон пошевелился снова, медленнее и осторожнее, и на этот раз сумел приподняться на локтях, прежде чем им снова овладело головокружение.

— Вот черт, — пробормотал он. — Черт, черт, черт!

В тех редких случаях, когда он выпивал слишком много, он отделывался пульсирующей головной болью и тош-

потой, но никогда раньше не чувствовал слабости. Пока он заставлял себя встать, его руки дрожали от напряжения, а на груди и шее выступил холодный пот.

— Это абсурд, — сказал он обоям, удивленный тем, как мало у него сил и какого труда стоило просто встать на ноги.

Сосредоточив усилия, он вылез из постели и, держась за стену, пошел к маленькой ванной, дыша как после двухмильной пробежки.

Собственная восковая бледность удивила его, как и темные тени под глазами — как будто его побили. Мортон уставился в зеркало, потрясенный тем, как он осунулся. Его руки тряслись, пока он прилагал все усилия, чтобы побриться, и все же, когда закончил, обнаружил несколько маленьких порезов, включая один на шее, кровоточащий упорнее других. Вытерев лицо насухо, он осмотрел порезы и покрыл их крапинками йода. Как он собирается объяснять это Брустеру, интересно знать? Как он будет оправдываться за свой провал в добыче необходимой информации? Какие объяснения мог он предоставить своему руководству? Эти вопросы мучили его, а мысли двигались медленнее, чем тело, пока он одевался. Он запоздало вспомнил, что ему надо ехать в банк в Норт-Пойндекстере — получить наличные. Мысль о таком путешествии его встревожила, но он знал, что ехать туда необходимо, пока не кончились деньги, и быть там надо сегодня утром, иначе Брустер начнет проявлять любопытство и недовольство.

Когда Мортон спустился по лестнице, в фойе гостиницы никого не было, и улица снова оказалась почти пустой. В окне одного из офисов возле универсама показалось лицо, но больше никого видно не было. Мортон залез в свой шоколадный «BMW» и осторожно завел его, морщась от боли, пока мотор пробуждался к жизни. В обычных обстоятельствах этот звук доставил бы ему удовольствие, но только не сегодня утром. Он двинулся на маленькой скорости, а выехав на двухполосное внутриштатное шоссе, не рискнул ехать быстрее сорока миль в час.

К тому времени, когда он достиг Норт-Пойндекстера, сильное головокружение прошло. В руках еще ощущалась слабость, мысли метались в беспорядке, а глаза щурились

от солнца, но он уже не чувствовал, как будто вот-вот потеряет равновесие. Оживленные узкие улицы радовали его, и он почти получил удовольствие, оттого что пришлось искать место для парковки.

Старшая кассирша взяла поручительство, необходимое для выдачи наличных, и после проверки удостоверения личности и подписи на нужных документах отсчитала ему восемьсот долларов.

— Странно, что вам нужны наличные, — заметила она, раскладывая бумаги по соответствующим папкам.

— Да, странно, — сказал Мортон, добавив: — Не порекомендуете ли хорошее место для ланча? — Сейчас, когда он произнес эти слова, он понял, что очень голоден. Теперь он догадался — его выбила из колеи не просто выпивка, а скудная еда. Виски и никакого ужина, и никакого завтрака. Неудивительно, что он чувствовал недомогание. — Но мне нужен не просто бутерброд, — продолжал он.

— Ну, — ответила кассирша, — не знаю, что вам и посоветовать. В конце квартала есть заведение Эдны; там довольно прилично, но они дают всего лишь суп и сандвич. Еще есть федеральный ресторан. Там дорого, но еда хорошая и у них большие порции. — Она посмотрела на него повнимательней. — У нас в Норт-Пойндекстере не так уж много предложений в смысле изысканной еды.

— Да уж побольше, чем в Иерихоне, — сказал Мортон тоном, который, как он надеялся, звучал шутливо. — Это место было...

— Иерихон... — повторила кассирша. — Вы хотите сказать, что заезжали в Иерихон?

— Да, — кивнул Мортон, сбитый с толку необычным выражением в ее глазах. Осторожно выговаривая слова, он спросил: — А что?

— О, — сказала кассирша, запоздало напустив на себя безразличный вид, довольно неубедительный. — Да ничего — место такое, на отшибе, и лесопилка закрыта, и вообще...

Когда продолжения не последовало, Мортон заинтересовался еще больше.

— В Иерихоне были проблемы? Я имею в виду — кроме закрытой лесопилки и безработицы?

Кассирша передернула плечами:

— Вы знаете, какие истории рассказывают о таких местах. Это сплетни и слухи, которые ходят о каждом маленьком городке Новой Англии. Они рады *вообразить себе* самое плохое о деревне вроде Иерихона, лишь бы их собственное болото казалось получше. — Она понизила голос. — Не то чтобы я верила в то, что они говорят об этом месте, но оно *действительно* жуткое, уж это точно.

— Я бы, возможно, не стал так выражаться, — осторожно сказал Мортон, — но я могу понять, когда это слышу.

— Да. Ну вы понимаете, почему об этом месте ходят истории. Бóльшая их часть похожа на фильмы ужасов, ну, знаете, в стиле Джорджа Ромеро. Вы слышите о фантастических существах или, хуже того, бродящих по улицам, охотящихся на приличных людей. Это глупо. Это просто болтовня. Это потому что это место такое... пустое. — Она сделала отвергающее движение руками. — Мне, наверно, не стоит этого говорить. Это безответственно.

— Понимаю, — сказал Мортон. — Пустынные места всегда приводят в замешательство. Пока я там был, то видел, думаю, не больше десятка людей. Днем вокруг почти никого, а вечером народ на улицах не слишком-то разговорчив. Я думаю, закрытие лесопилки лишило их уверенности в завтрашнем дне, и они не любят говорить об этом.

— Возможно, — сказала старшая кассирша и отодвинулась от него. — Простите, мне надо работать.

Заказав обильный обед в федеральном ресторане, Мортон вернулся к отчету, пытаясь найти оправдание своему вчерашнему отвратительному поведению.

— Я не знаю, — пробормотал он, перечитывая написанное, — как еще это объяснить.

— Вы что-то сказали? — спросил официант, который принес телячью печенку с луком и салат из шпината на гарнир. — Еще кофе?

— Да, пожалуйста, — сказал Мортон, потом добавил: — И стакан томатного соку, будьте добры.

— Конечно, — сказал официант, немедля удаляясь.

Когда он закончил обедать и побаловал себя отличным морковным пирогом с добавочной порцией изюма, Мортон

решил, что ему становится лучше. Еда была именно тем, что ему требовалось. Он уже не испытывал головокружения, и силы отчасти к нему вернулись.

— Это мне урок, как пропускать обед, — сказал он тихонько, пока платил по счету.

Прежде чем вести машину назад в Иерихон, он остановился, чтобы купить белковой пищи: вяленое мясо, несколько ломтиков ветчины и индейки и коробку крекеров. У него были вареные яйца, и это должно скрасить ему жизнь.

Начальник полиции, грузный мужчина, которого все звали Вилли, изучал документы Мортона с подозрением.

— Я все гадал, когда же вы до меня доберетесь, — сказал он, и звенящие гласные в его речи явно выдавали уроженца Новой Англии или Восточного побережья Британии. — Я не знаю, что могу для вас сделать, вот такие дела.

— Может быть, — сказал Мортон, уже оправившись и чувствуя лишь легкую вину за упорное продолжение своего расследования. — У меня есть вопрос. Надеюсь, вы отнесетесь к нему с пониманием.

— Конечно, — смиренно сказал Вилли. — Что вы хотите знать?

— Прежде всего, мне нужно знать, сколько людей уехали из Иерихона за последние полтора года. — Мортон вытянул свой блокнот и изобразил готовность записывать сведения.

— Ну, четверо, может, пятеро, — сказал Вилли, подумав немного. — Не более того.

Мортон воззрился на него:

— Это же абсурд.

— Проповедник Стоункрофт уехал, то есть он и его жена. Они уехали, э-э... больше года назад. Жаль было их терять, но у нас дела обстоят таким образом... — Он указал на окно, как будто зрелище главной улицы предоставляло достаточное объяснение. — Они были люди не нашего сорта, только не они. Так что они уехали.

— Понимаю, — сказал Мортон, пытаясь догадаться, почему этот человек лжет.

— Больше года назад. И священник тоже. Он взял тех двоих осиротевших мальчиков и уехал на запад. Это было до того, как уехали Стоункрофты, может быть, за пару месяцев. — Вилли посмотрел на три пустые камеры, которые виднелись через открытую дверь.

— Тоже люди не вашего сорта, — отважился предположить Мортон.

— Это верно. И мальчикам, вероятно, нужно было уехать, семья-то умерла незадолго до того. — Вилли вздохнул. — Генри и Дина Хилл.

— Это были родители мальчиков? — спросил Мортон, обнаружив, что за репликами начальника полиции немного сложно уследить.

— Да. Они умерли, и преподобный Кингсли их увез. Он сказал — так будет лучше всего. Может, он был и прав, — сказал Вилли.

— Куда они поехали? — осведомился Мортон.

— На запад, — ответил Вилли, махнув рукой в соответствующем направлении.

— Но куда именно на запад? Вы разве не знаете? — Ему придется рассказать Брустеру о преподобном Кингсли. Должен быть какой-то способ проследить передвижения этого человека и двух сирот.

— Он нам не сказал. Думаю, и сам не знал. — Вилли вздохнул. — Не то чтобы мы ставили это ему в вину, вы понимаете. В таких обстоятельствах, как у него, ему просто пришлось уехать.

Мортон нахмурился:

— Что вы имеете в виду — «в таких обстоятельствах, как у него»?

— Ну, как тут все обернулось. У священников должны быть прихожане, верно ведь? — Вилли снова вздохнул, на этот раз медленно выпустив воздух.

— И оттого, что закрылась лесопилка, горожане перестали ходить в церковь? — спросил Мортон и сразу решил: то, что начальник полиции пытается так вежливо объяснить — просто-напросто нехватка денег на поддержку городской церкви. Если Уэйнрайты платят жителям из своего кармана, для двоих священников остается не так уж много.

— Ну, все было не совсем так, но... — Вилли снова указал за окно. — Это не очень большое место; оно никогда таким и не было. В городках вроде нашего жизнь нелегка. Мы знаем, каково быть отрезанными от мира.

— Вы имеете в виду, что ваша изоляция работает против вас? — спросил Мортон, надеясь, что он правильно интерпретировал замечание Вилли.

— Ну, некоторые из нас думают, что она работает *на* нас, но все зависит от того, как на это посмотреть. — Он кивнул дважды. — Я не могу вам больше ничего рассказать, мистер Саймз. Вы сами видели Иерихон; вы знаете, что здесь происходит. Неважно, что сделает правительство, — ничего здесь особенно не изменится, если вы меня понимаете.

— Да, — сказал Мортон, совсем не уверенный, что улавливает, что подразумевал Вилли. — Как вы думаете, у вас найдется время составить список имен и адресов людей, все еще живущих в городке?

— Все еще живущих? — повторил Вилли. — Конечно, я могу это сделать.

Мортон одарил его своей лучшей улыбкой — строгой, но искренней:

— Большое спасибо за помощь, Вилли. Я знаю, что вам приходится нелегко.

— Перебиваемся потихоньку, — сказал Вилли, когда Мортон выходил из участка.

В закусочной Мортон счел нужным заказать вторую порцию запеченной говядины и мороженое на десерт. Он снова обратил внимание на отсутствие посетителей и на этот раз спросил:

— Здесь всегда все так неспешно?

— Большинство предпочитает есть дома, — сказала официантка, не глядя на него. — Понимаете, как оно бывает.

— Да, — кивнул Мортон, думая, что наконец-то понимает.

— Мы здесь замкнулись в себе, особенно с тех пор как лесопилка закрылась. — Она смотрела на него с насмешкой, а лицо отчетливо выражало скуку.

— Это имело серьезные последствия для города, не так ли? — Мортон бросил взгляд на официантку, затем уста-

вился в окно, чтобы она не заподозрила, что он спрашивает ее слишком заинтересованно.

— Это одна из причин, — сказала официантка. — Есть и другие.

— Да, — сразу сказал Мортон. — Конечно есть. — Он заплатил за ужин и оставил двадцать два процента чаевых — больше, чем полагалось, но он хотел дать официантке понять, что ценит ее сведения.

Когда Мортон вышел за дверь, официантка окликнула его:

— Вы еще не все разузнали.

Мортон сделал паузу, держа руку на задвижке.

— Что вы сказали?

— Вы меня слышали, — ответила она. — Подумайте об этом.

— Разумеется, — сказал Мортон, гадая, на что это она намекала.

Он думал об этом, пока выходил на улицу. Темнота вызвала в нем необычное оживление, которого он никогда раньше не испытывал. Он направился назад в гостиницу, но возвращаться в свою комнату желания не было. Он невольно пришел к дому Уэйнрайта, и мысли его заметались в беспорядке, когда он взглянул вверх, на увядающее великолепие особняка.

— Мистер Саймз, — окликнула Илона из окна второго этажа. — Как приятно видеть вас снова.

— Спасибо, — отозвался Мортон, охваченный внезапной и необъяснимой лихорадкой желания, которое почти лишило его дыхания. Его пульс барабанил; его плоть дрожала; он, казалось, горел в лихорадке и одновременно был скован льдом. Было ужасно неприлично стоять, пялясь вверх с таким откровенным желанием на лице на аристократические черты Илоны Уэйнрайт.

— Было очень приятно принимать вас прошлым вечером, — сказала она, и ее красные губы дрогнули в улыбке.

— Вы очень добры, — промямлил Мортон.

Что было в этой женщине такого, что так сильно его возбуждало? Как она сумела его очаровать, что его тянуло к ней так, как раньше бывало только в мечтах? И как он

сможет когда-нибудь объяснить свое предосудительное поведение Хьюлетту Уэйнрайту?

— Вовсе нет, — сказала Илона низким и обольстительным голосом. — Мне бы только хотелось... принять вас снова. — Она вышла на маленький балкон перед окном. — Вы зайдете?

— Я... я не знаю... — Мортон был почти уверен, что краснеет, и это еще больше обострило его замешательство. — А муж дома? — Он едва мог поверить, что может быть таким грубым, таким невежливым, и разговаривать с ней таким образом. Он отступил на несколько шагов назад. — Я так сожалею.

— Почему? — спросила Илона, и одно это слово было волнующим, как целая симфония.

— Это... это все очень неудобно, — начал Мортон. — Видите ли, миссис Уэйнрайт, я не... то есть мне не следует... Было бы предосудительно воспользоваться вашей благосклонностью.

«Будь благоразумен, — сказал он себе. — Эта женщина старше тебя, и она замужем. Ты не имеешь права хотеть ее; ты не имеешь права даже разговаривать с ней. Так поступать нельзя».

— Вас что-то беспокоит, мистер Саймз? — спросила она, и в ее вопросе прозвучал тончайший намек на высокомерную насмешку.

Мортон расправил плечи:

— У меня как инспектора ВНС есть обязательства не злоупотреблять своим положением, что я, возможно, совершил бы, если бы... С моей стороны было бы непростительно использовать свои... возможности, чтобы... скомпрометировать вас. — Пока он говорил, он придвигался ближе к дому.

Илона, казалось, его не слышала.

— В нашем городке так давно не было никого извне; я так взволнована от желания познакомиться с кем-то новым. Вы зайдете? — Она склонилась вниз, протянув длинную бледную руку. — Я была бы вам так признательна, если бы вы зашли, мистер Саймз.

— Но... — Все возражения, которые он собрался было выдвинуть, словно испарились с его губ. — Конечно, если это доставит вам удовольствие.

— Очень хорошо, мистер Саймз, — сказала Илона, и ее улыбка стала более оживленной. — Боковая дверь, там, у зимнего сада, открыта. — С этими словами она покинула балкон.

Мортон только что не ввалился в дверь в своем желании увидеть Илону. Хотя часть разума все еще пыталась урезонить его, заставить сопротивляться благосклонности, которую Илона, казалось, оказывала ему, но и она быстро утихла, когда сама Илона вошла в гостиную, и ее лицо светилось от предвкушения. Мортон предпринял последнюю попытку отделаться от нее.

— Мне бы не следовало находиться здесь. Я обязан вам и вашему мужу...

— Если вы полагаете, что чем-то нам обязаны, тем больше у вас причин остаться, — сказала она, приблизившись и склонившись головой к его плечу. — Как вы энергичны. Как жизнь струится по вашим венам.

Этот странный комплимент озадачил Мортона, но ненадолго; Илона повернула к нему лицо, и ее карминного цвета губы приникли к его губам, и она заключила его в удивительно сильные объятия. Мортон перестал думать и отдался неистовому любовному безумству.

Уже почти наступило время звонить с отчетом, когда Мортон снова проснулся в своей постели. Его головокружение вернулось с утроенной силой, и он чувствовал себя совершенно обессиленным. Мортон положил трясущуюся руку на лоб и попытался привести мысли в порядок, прежде чем звонить Брустеру.

— У вас такой голос, будто вы чем-то заболели, — критически заметил его начальник, стоило Мортону приступить к отчету.

— Очень даже возможно, — признал Мортон. — Я чувствую себя... опустошенным. — Он вздохнул. — Не понимаю, в чем дело.

— Покажитесь врачу, прежде чем возвращаться в офис; я не хочу, чтобы вы заразили чем-нибудь других инспекторов.

— Конечно нет, — сказал Мортон, затем продолжил отчет: — Если верить шефу полиции, город покинули очень

немногие, хотя лично я видел совсем мало оставшихся жителей. Если они все еще живут здесь, то в течение дня работают, должно быть, где-то в другом месте.

— Вы сказали, город пуст? — спросил Брустер. — Выражайтесь яснее, Саймз.

— Да, сэр, — подтвердил Мортон, бегло просматривая свои заметки. — Днем это прямо-таки город-призрак.

— Понимаю, — сказал Брустер своим самым многозначительным тоном. — И где же, вы полагаете, эти люди работают?

— Я хочу это выяснить, — сообщил Мортон, подавляя зевок. — Вряд ли в Норт-Пойндекстере, если вы это имеете в виду. Я совершенно уверен, что они туда не ездят, судя по тому, как жители Норт-Пойндекстера относятся к Иерихону.

— Хорошо, — сказал Брустер. — И как же это?

— Они вроде бы думают, что это очень странный город, что люди здесь странные, со старомодными манерами или что-то в этом роде. — Он прислонился к стене у телефона. — Не похоже, чтобы много народу из Иерихона работало там, верно?

— Наверное, нет. — Это была максимальная уступка, на которую пошел Брустер.

— Судя по тому, что я видел, это место... само себя изживает. Оно в западне. Вы знаете, как поживают некоторые из этих маленьких местечек, когда основное предприятие терпит крах? Помните тот городок в Западной Вирджинии, который опустел после разорения мебельной фабрики?

— Не надо мне напоминать, — сказал Брустер сухо. — И что же, вы думаете, что это еще один Лэмфорд?

— Ну, — промямлил Мортон, — нет, я не уверен, но выглядит очень похоже. Если бы вы могли послать официальный запрос на записи и все остальное, президент банка покажет мне здешние счета, но он не будет этого делать без письменного предписания. Это его право, конечно. Мне нужно еще несколько дней, чтобы собрать все факты и посмотреть, что может мне показать президент банка. — Непрошеный образ Илоны Уэйнрайт ворвался в его созна-

ние. Видение было настолько ярким, что три-четыре секунды он был не способен говорить и ему пришлось закашляться, — и... еще немного времени, чтобы... оценить то, что я найду.

— С вами что-то не в порядке? Пусть о вас позаботятся, пока вам не стало хуже, — потребовал Брустер.

— Аллергия, полагаю. Наверно, это аллергия, — сымпровизировал Мортон. — Думаю, мне надо принять еще одну таблетку.

— Не пренебрегайте этим. Мы же не хотим потом оплачивать ваши больничные счета, — сказал Брустер, разговаривая будто с капризным шестилеткой.

— Я не хочу создавать проблемы, — сразу заверил его Мортон. — Это все из-за пыльцы, осенью бывает пыльца.

— Да, — сказал Брустер тоном, который давал понять, что обо всех проблемах Мортона он наслушался более чем достаточно. — Я позабочусь, чтобы нужные документы были посланы в банк экспресс-почтой или с курьером, если будет такая необходимость. Для ваших целей этого должно быть достаточно.

Мортон кивнул сам себе.

— Я не думаю, что мистер Уэйнрайт проигнорирует запрос, если он будет сделан должным образом и официально, но он обязан защищать интересы своих вкладчиков, и с его стороны такое поведение заслуживает одобрения.

— Это все, Саймз? — Тон Брустера подразумевал, что он не нуждается в том, чтобы Мортон Саймз учил его выполнять свою работу.

— На данный момент — да, — сказал Мортон, потирая голову рукой. — Я позвоню послезавтра. А мои письменные отчеты вы получите, когда я вернусь. — Теперь голова у него звенела, а каждое произнесенное слово раскалывало череп.

— Держите свои медицинские записи отдельно от остальных. Нам понадобится просмотреть их для компенсации. — Брустер помолчал, затем сухо попрощался и повесил трубку без дальнейшей задержки.

После звонка, просидев в пустом холле почти полчаса, Мортон был едва способен пройти недолгий путь от гости-

ницы до закусочной, а когда добрался туда, еще сидел некоторые время, глядя в меню. Предлагавшаяся в нем солонина с капустой настолько его не привлекала, что он, как ни странно, почувствовал легкую тошноту, пока его читал. Солонина и капуста. Без сомнения, ее варили, пока она не развалилась, а капуста стала безвкусной овощной размазней. Наконец, когда официантка пришла принять заказ, он повернул к ней затуманенный взор. — Могу я надеяться, что вы раздобудете мне бифштекс с кровью?

— Бифштекс? — переспросила официантка, украдкой бросив пристальный взгляд.

— Да, бифштекс. Знаете, это такой кусок коровьего мяса, поджаренный, но с кровью. — Мортон положил локти на стол, сам изумляясь своим ужасным манерам. — И поскорее, если можно.

— Как насчет гамбургера, поджаренного, но с кровью? — спросила официантка, и это было не совсем издевкой.

— Отлично, — сказал Мортон, но с ноткой сожаления: он уже предвкушал, с каким удовольствием будет вгрызаться в мясо; с гамбургером это не пройдет.

Он ждал почти пятнадцать минут, прежде чем официантка вернулась с тарелкой сырой рубленой говядины и всеми *ингредиентами для мяса по-татарски*.

— Я подумала, что это вам придется по вкусу немного больше, — пояснила официантка с выражением, которое лишь немного не дотягивало до того, чтобы превратиться в плотоядный взгляд. — Я еще принесу вам немного французского хлеба...

— Ничего, не беспокойтесь, — сказал Мортон. Его голод усилился почти до боли, когда он посмотрел на горку сырой говядины. — Обойдусь. — Эти грубые слова шокировали его самого: он никогда не обращался с людьми так, как сейчас обошелся с официанткой. Он не мог взять в толк, что на него нашло, и решил, что это, возможно, эффект от аллергии или еще от чего-то, что вызвало эту отвратительную слабость. — Вы, наверное, от аллергии не страдаете.

— От аллергии? Только не я. — Официантка неприятно рассмеялась. — Так у вас аллергия?

Ответа она не ждала — повернулась на каблуках и оставила его наедине с «бифштексом».

К утру Мортон чувствовал себя достаточно отдохнувшим. Его взгляд больше не затуманивался при резких движениях, а головная боль стала вполне сносной. Он едва не отказался от двух сваренных вкрутую яиц, которые были доставлены в его комнату угрюмым клерком, затем все же впихнул их в себя, чтобы не напрашиваться на повторение вчерашнего инцидента. Он решил, что сегодня нужно проверить банковские записи; он надеялся, что Хьюлетт Уэйнрайт не будет слишком противиться его требованиям. При воспоминании о своей предосудительной встрече с Илоной Мортон съежился, не в силах представить, как он сможет встретиться лицом к лицу с ее мужем. Он попытался сконцентрироваться на работе, которую ему доверили, но во все это врывалась Илона; ее элегантное чувственное присутствие пробиралось в мир цифр. Наконец Мортон отложил отчеты и решил нанести визит на почту. Если документы, которые он затребовал, уже пришли, он мог продолжать работу. Ему хотелось верить, что одержимость уменьшится, если он с головой уйдет в свою работу. Романы и налоговые формы редко сочетаются, решил он и подумал о тех многочисленных случаях, когда его увлечение угасало — стоило лишь усилиться рвению по выслеживанию налоговых несоответствий. Как же он стремился к своему компьютерному экрану и безопасному прибежищу надежных, осмысленных, бескровных цифр! Впечатление, которое производили на него изгиб рта и блестящие глаза Илоны Уэйнрайт, можно было изгнать колонками цифр.

На почте находился одинокий пожилой клерк, мужчина казенного серого цвета, начиная от волос, глаз и кожи и кончая свитером и брюками. Он односложно отказался сообщить, пришли ли документы из Внутренней налоговой службы для Хьюлетта Уэйнрайта, а когда на него надавили, закрыл заслонку перед своей конторкой.

Мортон неохотно двинулся к банку, и его рвение исчезало с каждым шагом. Он не знал, как сможет, подавленный виной, посмотреть в лицо Хьюлетту Уэйнрайту: ведь

Илона была его женой. Мортон никогда прежде не допускал связи с замужней женщиной, и осознание того, что в таком маленьком городке, как Иерихон, секреты удержать невозможно, приводило его в ужас больше, чем возможная ярость Уэйнрайта.

— Добрый день, мистер Саймз Мортон! — Хьюлетт Уэйнрайт порывисто вышел из своего офиса. Он указал на дежурного кассира. — Как мило с вашей стороны прислать эти письма. Я не могу передать, как это облегчает дело. Ведь таким образом я не скомпрометировал своих вкладчиков, не так ли? — Его голос рокотал в сводчатой комнате. — Проходите в мой офис, и мы сможем внимательно изучить записи.

Мортон пришел в замешательство от этого напора и все еще колебался, пожимая руку президенту банка.

— Что ж, спасибо.

— Сегодня вы выглядите чуть менее здоровым. Ничего, что я об этом говорю? — Он провел Мортона в свой офис.— Вы единственная добыча в городе, и поэтому вы... — Он умолк, когда Мортон воззрился на него.

— «Единственная добыча в городе»? — сказал Мортон, шокированный противоречивыми чувствами.

Хьюлетт сложил руки.

— Шутка, вроде каламбура, Мортон. Вы... пользуетесь спросом из-за этого.

К своей досаде, Мортон покраснел.

— Мистер Уэйнрайт, *я не знаю, что вам сказать. Я никогда* не намеревался делать ничего некорректного, и вы должны верить, что...

Хьюлетт похлопал Мортона по спине.

— Сейчас нас не должна беспокоить «некорректность».— Он указал своему посетителю на стул. — Садитесь же. И позвольте мне достать записи, которые вам нужны. Они очень старомодны. Сейчас у нас в городке не очень много компьютеров.

— С тех пор как лесопилка закрылась, — добавил Мортон.

— Нет, не в этом дело, — сказал Хьюлетт, нахмурясь. — Что вы обычно делали днем в субботу, когда были молоды, Мортон?

Эта внезапная перемена темы заставила Мортона заморгать.

— Ну... я был бойскаутом. Мы ходили на прогулки на природу и все такое.

Хьюлетт покивал:

— А мы в нашей округе ходили в кино. Наши матери, бывало, брали нас в театр в Норт-Пойндекстере и оставляли там, пока сами ходили по магазинам, на обед, в парикмахерскую и так далее. — Он сложил руки. — Разве вы никогда не ходили смотреть «Годзиллу» или «Огненных девушек из космоса»? Или «Дракулу»?

— Нет, — сознался Мортон, гадая, что́ Хьюлетт Уэйнрайт пытался ему сказать. — Иногда мы катались на роликах, но моя семья считала, что дети должны дышать свежим воздухом, занимаясь полезными для здоровья вещами, если мы были не в школе.

— Ага, — сказал Хьюлетт серьезно. — И вы никогда не ускользали тайком, в одиночку?

— Не для этого, но... — сказал Мортон, еще более озадаченный.

Хьюлетт побарабанил пальцами по столу.

— Что вы думаете об Илониных... аппетитах?

Мортон почувствовал, как лицо его пылает жаром.

— Я... я никогда не намеревался делать ничего, что вы...

— Ваши намерения не имеют значения, — величественно сказал Хьюлетт. — Имеет значение то, чего мы хотим.

— Я не намеревался... — Мортон замолчал, пялясь на Хьюлетта и впервые замечая, что президент банка производит внушительное впечатление. — Я немедленно уеду, если вы находите, что я создаю проблемы. Я организую приезд другого инспектора.

— Вы это сделаете в любом случае, — сказал Хьюлетт со спокойной уверенностью. — Ведь именно этого мы и хотим.

— А... — Это единственное слово повисло в воздухе. — Я, пожалуй, пойду, — предложил он, начиная подниматься.

— Я с вами еще не закончил, Мортон, и Илона тоже. Мы можем еще кое-что получить от вас, и мы намерены

это получить. Мы так проголодались. — Хьюлетт наклонился к нему через стол.

— Проголодались? — повторил Мортон, снова теряя нить мысли Хьюлетта.

Впервые Хьюлетт проявил нетерпение.

— Черт возьми, мужик, ты что, действительно так несведущ, как выглядишь? Ты действительно не понимаешь, что с тобой случилось?

— Я... не знаю, о чем вы говорите. И если, — продолжал Мортон, внезапно убеждаясь, что все эти хождения вокруг да около были направлены на то, чтобы помешать его расследованию, — вы планируете утаить те цифры, которые затребовала ВНС, вы будете очень разочарованы.

Хьюлетт потряс головой:

— В этом расследовании нет смысла. Оно к нам больше не относится.

— Правила ВНС относятся ко всем, мистер Уэйнрайт, — завил Мортон с внезапным достоинством, которого он до этого момента никак не мог обрести. — Понимаете ли, даже когда у города затруднения, мы не можем делать исключений. Это не идет на пользу. Каждый должен заявить о подоходном налоге. Таковы правила.

Хьюлетт засмеялся, но на этот раз веселости не было и следа.

— Смерть и налоги, смерть и налоги. Похоже, что нам не дано освободиться от смерти.

— Когда вы умрете, вашим наследникам придется подать декларацию за вас, чтобы мы знали, что вы мертвы. До тех пор, боюсь, все вы в том же положении, что и остальная страна. — Мортон поднялся, покачиваясь. — Если вы не возражаете, я должен проверить записи. Я хочу сделать это в гостинице, если позволите.

— Мортон, придите в чувство! — приказал Хьюлетт, его манеры стали торжественными. Разве вы не понимаете, что с вами случилось? Вы не догадались, с чем столкнулись?

— Я бы хотел, чтобы вы прекратили эти мелодраматические уловки, — произнес Мортон с затвердевшим лицом. Будь его самочувствие чуть получше, он получил бы удо-

вольствие от такой перемены. — Ваш город, возможно, попал в очень затруднительное положение, а способа уладить последствия нет. Вы не можете просто взять и не заявить о налогах на доходы, Уэйнрайт. Не вам принимать такие решения.

— Разве? — Хьюлетт поднялся на ноги, его лицо потемнело. — Мортон, мы же вампиры.

Мортон уставился на него. Он никогда не слышал такого странного оправдания за неподанную декларацию.

— Что? Чушь какая!

— Сначала, — сказал Хьюлетт отчетливо, — были только Илона и я, но здесь, в Иерихоне, мы выбрали, что хотели, а те, на кого пал наш выбор, выбирали других. В последнее время нам приходится пробавляться случайной добычей. Вроде вас, Мортон.

— Вроде меня? — Мортон нервно рассмеялся. — Не усугубляйте свое положение. Просто отдайте записи и позвольте мне делать свою работу. И не пытайтесь подсунуть мне всякую ерунду...

Хьюлетт потряс головой, гнев сделал его лицо более изможденным, чем раньше.

— Вы думаете, я вам лгу, Мортон? Вы полагаете, я это выдумал?

— Это просто смешно, — отчеканил Мортон решительно. — Вам придется придумать что-то получше. И если вы будете настаивать на такой абсурдной истории, то не найдете сочувствия у ВНС. Мы стараемся быть отзывчивыми к проблемам тех налогоплательщиков, которые испытывают финансовые трудности, но вы насмехаетесь над нашими принципами, и это не идет вам на пользу. — Он потер лоб, желая избавиться от головной боли.

— А что вы подумаете, когда вам захочется крови? — спросил Хьюлетт, и в его тоне зазвучали хитрые нотки. — Как вы собираетесь это объяснить?

— Ваши угрозы для меня ничего не значат, — мотнул головой Мортон.

— Подождите до ближайшего полнолуния, — сказал Хьюлетт. — Вот тогда вы будете шокированы. — Он хлопнул ладонью по столу. — Для вашей же пользы, Саймз, не

будьте слишком опрометчивы. Вы сейчас в рискованном положении, а стоит вам присоединиться к нам...

— Да бросьте вы! — воскликнул Мортон, направляясь к двери. — Я не собираюсь подыгрывать вам в этом фарсе, Уэйнрайт. Будь вы откровенны со мной, я бы, возможно, захотел поработать на пользу этому городу, но в данной ситуации — ситуации, которую создали вы, мистер Уэйнрайт, — у меня нет причин делать что-либо сверх положенного: подать рапорт и дать закону идти своим путем. — Не ожидая ответа, он шагнул в дверь офиса и двинулся через вестибюль.

Со своего места за столом Хьюлетт Уэйнрайт крикнул:

— Ждите Илону сегодня вечером, Саймз. В ваших жилах еще осталось немного вина. А потом подождите полнолуния.

Мортон решил было покинуть Иерихон в тот же день, но чувствовал себя таким уставшим, что побоялся вести машину по извилистым узким дорогам при тающем свете дня. В оставшееся время он занялся пополнением отчетов и добавлением собственных наблюдений к тем фактам, которые ему удалось обнаружить. По большей части он относился к своим открытиям довольно отстраненно, но когда дошло до нелепых заявлений Уэйнрайта, Мортон заколебался. Дела в Иерихоне пошли бы, вероятно, достаточно плохо и без дополнительного недовольства насмешками банкира. Мортон решил, что не годится целому городу страдать из-за того, что президент банка нанес ему оскорбление и делал абсурдные заявления. Найдутся и другие способы справиться с Хьюлеттом Уэйнрайтом, а у горожан и так достаточно проблем, с которыми надо бороться.

Сумерки сделали «плющевую» комнату темной, и Мортон наконец отложил работу. Он знал, что ему следует пойти поесть, но усилившаяся головная боль убила всякий аппетит. Он спустился в вестибюль и попросил прислать наверх чайник чаю и булочки. Затем неверной походкой поднялся обратно наверх и тут же рухнул на кровать. Его мысли поплыли, и вскоре он оказался в том странном полусне-полу-

яви, где ощущения были зыбкими и податливыми, как «Силли патти»[1].

В этом состоянии ему привиделось, что он снова встал и спустился на улицу, где увидел десятки горожан, молча ждущих, пока он шел к дому Уэйнрайта. Он узнал начальника полиции и официантку, которая подавала ему ужин, но остальные ничего для него не значили, как будто у них не было лиц. Мортон чувствовал, что за ним наблюдают, хотя лишь немногие осмелились делать это открыто. На их лицах был написан откровенный голод, который мог бы его ошеломить, не будь это сном. Он продолжал путь.

Илона Уэйнрайт находилась в заросшем саду — стояла у бесформенного куста, названия которого Мортон не знал. С его ветвей свисало несколько длинных цветов, испускающих слабый чувственный запах, перенасыщенный, как приторная конфета. Илона, в бледно-лиловом платье со шлейфом, улыбнулась и протянула ему руку — часть сознания Мортона хотела посмеяться над Илоной за то, что она не в черном, — маня его рукой.

Так близко от горожан Мортон едва заставлял себя двигаться. Он компрометировал себя, свое расследование и ВНС этой страстью к замужней женщине. Одно дело, когда об их отношениях можно было строить догадки, потому что тогда у него была возможность все правдоподобно отрицать. Но если об их свидании станет известно, если их хоть раз увидят вдвоем — никакой возможности опровергнуть выдвинутые против него обвинения уже не будет. Он задрожал, когда взглянул на нее; когда она позвала его по имени, он перестал сопротивляться.

Как холодны были ее руки, и как она обнимала его! Единственное, чего недоставало в ее страстных объятиях — теплоты. К тому времени, когда они оторвались друг от друга, Мортон весь дрожал.

— Вы должны зайти в дом. Позвольте мне согреть вас, — сказала Илона своим очень низким чарующим голосом.

---

[1] «Силли патти» (Silly Putty) — товарный знак глины для детского творчества производства компании «Бинни энд Смит».

— Я... — Мортон не мог убежать от нее.

— Проходите же, — упрашивала она, идя к открытой двери, которая вела из сада в комнату, — раньше ее принято было называть утренней.

Мортон пошел за ней и провалился в еще более глубокий сон, чтобы проснуться утром бледным и больным, чувствуя, как будто провел целую ночь в бесконечном кулачном бою, который он проиграл. У него ушло больше пяти минут на то, чтобы встать, и когда он наконец это сделал, то был сбит с толку как никогда раньше. Он глупо моргал и пялился на чудовищные обои, как будто это могли оказаться древние нерасшифрованные письмена, а не дурно изображенные листья плюща. Постепенно его мысли начали собираться вместе, и каждая добавляла свою ленту к ощущению головокружения, растущему в нем, и заставляла его чувствовать тошноту.

— Надо вставать, — сказал он сам себе и умолк, едва услышав писклявый звук своего голоса. «Боже! — подумал он. — Это уже не аллергия. У меня, должно быть, грипп».

Так вот что это было, решил он, когда наконец вытянул себя из кровати и пробирался ощупью вдоль стены. Он подцепил какой-то вирус, и тот нарушил его восприятие. Да, это все объясняло. В городе имелись проблемы, в этом нет сомнения, но из-за болезни они показались ему более серьезными, чем были на самом деле. В ванной он уставился в зеркало на свое изможденное лицо, затем широко открыл рот в надежде, что сможет увидеть, не красное ли горло. Угол был неправильный, и он ничего не увидел, хотя горло болело и голова гудела. Он начал бриться, изо всех сил стараясь обращаться с бритвой с привычной тщательностью.

На этот раз ему удалось не порезаться, но к тому времени, когда он отложил бритву, руки ощутимо тряслись. Его кости казались бесформенными, как будто были сделаны из студня. Он наклонил голову и дотянулся до зубной щетки. «Еще один час, — сказал он себе. — Еще час, и я уеду отсюда, уеду прочь. Завтра я запишусь на прием к врачу». Он обдумал это, потом решил, что лучше найдет другого врача, не имеющего отношения к Службе. Тогда,

если у него что-то серьезное, это не станет известно Брустеру. Когда с зубами было покончено, он начал чувствовать первые признаки удовлетворения.

Клерка с кислым лицом не было за конторкой, и у Мортона ушло какое-то время, чтобы найти его.

— Мне нужно работать, — заявил клерк, выставляя напоказ ручку метлы, чтобы подчеркнуть свои слова.

— Я бы хотел выписаться. — Мортон показал ключ. — Мой багаж в фойе.

Клерк вздохнул, как будто его просили совершить все подвиги Геракла.

— Так вы уезжаете, — сказал он, направляясь к коридору.

— Да, — ответил Мортон, стараясь быть вежливым.

— Собираетесь рассказать этим, из Внутренней налоговой, что Иерихон вылетел в трубу, так ведь? — Его злоба была скорее показной, чем искренней. — Что они с нами сделают?

— Я не знаю, — серьезно ответил Мортон. — Моя работа — инспекция. Решения принимают другие.

Он вытер руки платком, прежде чем просмотрел поданный клерком счет. Все пункты были заполнены неразборчивым мелким почерком.

— Но вы же должны давать рекомендации, — сказал клерк.

— Я должен подать отчет. Выводы сделают другие. — Проверив счет, Мортон кивнул. — Все в порядке. Сколько я вам должен доплатить?

Клерк назвал цифру, и Мортон дал ему причитающуюся сумму, затем оглядел фойе.

— Это место могло бы быть таким приятным. Я не понимаю, почему вы не сделаете что-нибудь ради этого. Города вроде этого могут быть настоящими приманками для туристов, если правильно взяться за развитие.

Это было всего лишь дружеское замечание, но клерк посмотрел на него, сильно удивленный.

— Мистер Саймз, — сказал он, пока Мортон пытался поднять свои сумки. — Что вы имели в виду?

Мортон взмок. Его озадачило, что он не мог всего лишь поднять сумку и при этом едва не упасть в обморок.

— Я имел в виду... это место... подлинное. И помещение... очень красивое. — Он поставил чемодан. — Если бы вы управляли им правильно, вы могли бы так или иначе добиться какого-то сезонного дохода.

Клерк кивнул несколько раз:

— И здесь было бы много людей, вы говорите?

— Со временем.

Мортон еще раз попытался поднять чемодан, теперь значительно успешнее.

— Я вынесу ваши вещи к машине, — заявил клерк бесцеремонно. — Вам нет нужды так пыхтеть. Хотя молодой человек вроде вас... — Остаток реплики он договаривать не стал.

— Спасибо, — сказал Мортон и передал клерку багаж. — Вы знаете, где моя машина?

— Конечно знаю, — кивнул клерк. — Послушайте, когда вы вернетесь в... где там ваш офис, — можете вы выяснить, что бы они для нас сделали, я имею в виду ВНС, если бы мы захотели превратить этот городок в место для туристов?

— Я попытаюсь. Кто знает, — добавил Мортон не столько искренне, сколько для ободрения, — мне, может, и самому захочется вернуться когда-нибудь.

Он поморщился, когда яркий солнечный свет ударил ему в глаза, поспешно вынул из футляра темные очки и надел их.

— Имеет смысл, — сказал клерк, кивая на очки. — Свет иногда доставляет неприятности.

Открывая багажник, Мортон заметил:

— У меня создалось впечатление, что... извините, если я неправ... что люди в Иерихоне не заинтересованы в переменах и они не хотят превращать это место в туристический городок.

Клерк пожал плечами:

— Ну, лесопилки больше нет, и у нас большие затруднения. Я не могу сказать, что стремлюсь сделать это все необычным и привлекательным, но нам надо есть, как и всем.

Он закончил укладывать багаж и захлопнул багажник.

Мортон протянул ему пятидолларовую купюру, которая была отвергнута.

— Найдите способ добиться, чтобы мы получили немного свежей крови — этого будет более чем достаточно.

Он держался позади, пока Мортон забирался в машину.

Мортон завел мотор и уловил легкую нотку удовлетворения в приглушенном реве.

— Кто-нибудь еще из нашего офиса вскоре свяжется с вами.

— Мы будем ждать,— сказал клерк и, к изумлению Мортона, облизнул губы.— Позаботьтесь приберечь нескольких для себя.

Поскольку Мортон не смог придумать подходящего ответа, он переключил передачу и поехал, махнув один раз клерку, прежде чем поднял окно. Возможно, думал он, Иерихон и не будет такой трудной задачей, как он боялся. Возможно, они смогут пойти на необходимые и разумные перемены, лишь бы сохранить свой город. Потрогав маленькие выпуклые рубцы на шее, он круто взял первый поворот на дороге. Что ж, по крайней мере, он сломал лед; он смог найти случившемуся некоторые объяснения — помимо той смехотворной истории, которую рассказал Уэйнрайт,— которые снимут с горожан непосильное налоговое бремя. В целом он был удовлетворен своей работой, хотя происшествия — реальные и воображаемые — с Илоной Уэйнрайт мучили его совесть. Но эта женщина так прекрасна, так неотразима, наверняка многие мужчины время от времени подпадали под ее чары. Как нелепо называть ее вампиром! Останься он там надолго, мог бы и сам в это поверить. Черт, его могли бы убедить, что он и сам вампир. «Чушь»,— сказал он вслух. Рубцы продолжали зудеть, и он машинально поскреб их, когда начал спуск по легкому склону к Норт-Пойндекстеру.

ПИТЕР ТРИМЭЙН

Кресло Дракулы

Питер Тримэйн — псевдоним Питера Берресфорда Эллиса, историка, автора ряда монографий, посвященных кельтской истории и культуре, в том числе таких фундаментальных работ, как «Словарь ирландской мифологии» и «Словарь кельтской мифологии».

Под псевдонимом Тримэйн им опубликовано множество романов в жанре хоррор или героической фэнтези, сюжеты которых зачастую основаны на историях, почерпнутых писателем из кельтской мифологии. Всемирную славу ему принесла серия исторических детективов, действие которых происходит в Ирландии VII века, а главным героем является монахиня, сестра Фидельма, расследующая преступления в соответствии с древнеирландской системой обычаев, вместе со своим помощником братом Эадульфом, саксонским монахом, выросшим в Ирландии. Недавно вышла в свет четырнадцатая книга этой серии «Шепот мертвых» («Whispers of the Dead»), уже переведенная на девять европейских языков. В Соединенных Штатах основано «Международное общество сестры Фидельмы», в котором участвуют представители двенадцати стран мира.

Перу Тримэйна принадлежат более восьмидесяти рассказов, «Кресло Дракулы» («Dracula's Chair») — третий по счету.

«Первоначально он был написан в качестве эпилога для романа „Месть Дракулы“ («The Revenge of Dracula»), — объясняет автор, — второго тома из моей трилогии о Дракуле, в которую входят романы „Дракула Нерожденный“ („Dracula Unborn“)(известный также под названием „Право крови“ („Bloodright“)) и „Дракула, любовь моя“ („Dracula, My Love“). Я решил убрать его, посчитав художественным излишеством, и впервые он был опубликован в антологии в конце 1970-х годов».

Трилогия Питера Тримэйна о Дракуле недавно переиздана издательством Signet в одном томе. Рассматривается возможность ее экранизации.

Может быть, это галлюцинация? Может, я сошел с ума. Как еще это можно объяснить?

Я сижу здесь, беспомощный и одинокий. Я так одинок! Заброшен не в свое время, в чужое тело. Боже мой! Меня медленно убивают или даже хуже! Но что может быть хуже смерти? Только преддверие ада, где томятся язычники, умершие до пришествия Христа и некрещеные, где нет покоя смерти, нет радостей жизни, а есть только кошмар несмерти.

Он высасывает из меня жизнь, но *я ли должен быть его жертвой?* Как мне сказать ему, что того человека, за которого меня принимают, в чьем теле мечется мой разум, уже нет здесь? Я... а я пришел из другого времени, из другой эпохи, из другого мира!

Боже, помоги мне! Он высасывает из меня жизнь, а я ничего не могу сделать!

Когда же начался этот кошмар? С тех пор прошла вечность. Думаю, все началось, когда мы с женой увидели кресло.

Одним жарким июльским воскресным днем мы возвращались в Лондон, проведя уик-энд на пикнике в Эссексе. Было где-то часа два, когда мы проезжали городок Ньюпорт, стоявший на шоссе A11, и вдруг моя жена попросила меня остановиться.

— Смотри, какое потрясающее кресло в витрине того антикварного магазина.

Я не слишком обрадовался, так как хотел пораньше попасть домой, посмотреть по телевизору классический фильм с Хамфри Богартом, которого никогда не видел, хотя и являюсь поклонником Богарта уже много лет.

— Ну и что? — пробормотал я угрюмо, выходя из машины и идя вслед за ней. — Магазин все равно закрыт.

Но он был открыт. Торговля по воскресеньям, когда огромное количество жителей Лондона возвращаются домой после выходных, была очень прибыльной, и поэтому большинство антикварных магазинов здесь открыто во второй половине дня.

Кресло стояло в витрине, подобно одинокому стражу. Оно напоминало квадрат с прямой спинкой и крепкими руч-

ками, сделанный из темного дуба, без обычной резьбы по дереву, о которой вспоминаешь, когда видишь подобные вещи. Вид его был прост и аскетичен. Сиденье было обито выцветшей тканью черного цвета, по всей видимости созданной вместе с креслом. Выглядело оно отталкивающе, наверное, из-за странных голов драконов, изображенных на нем. Такой же рисунок был и на маленькой подушке для спины, полоске в фут шириной, протянутой посреди спинки. Я никак не мог назвать этот предмет мебели потрясающим или изысканным — это было приземистое, уродливое и какое-то агрессивное кресло. И уж точно оно не стоило ста фунтов, как гласила бирка, прикрепленная к одной из ручек.

Но у жены были совершенно противоположные взгляды на него. Она уже решила, что кресло идеально подходит для моего кабинета и даст нам лишний стул, куда мы сможем усадить незваных гостей. Его можно легко обить заново, чтобы оно подходило к общей цветовой, зелено-золотой гамме нашего дома.

— Нам нужно функциональное кресло, — заявила мне жена, — и это оно.

Она была непоколебима, так что я поворчал лишь для порядка, краем глаза поглядывая на часы. Сделку заключили на удивление быстро, хотя моя жена очень любит поторговаться, а продавец магазина, в отличие от обыкновенного антиквара, оказался удручающе болтливым.

— Это очень красивое кресло. Викторианский период, сделано в Восточной Европе. Посмотрите, сзади есть дата и место изготовления. — Он указал на спинку, где маленькими буквами было вырезано слово «Бистриц» и дата «1887». Торговец уверенно улыбнулся. — Его сделали в Румынии. Я купил это кресло в старой Художественной галерее Перфлита.

— Художественная галерея Перфлита? — спросил я, чувствуя, что настало время и мне вступить в разговор. — Это не та старая галерея, по поводу которой прошло несколько акций протеста пару месяцев назад?

— Да. Вам знакомо это место? Городок Перфлит в Эссексе? Галерея располагалась в старинном здании, поместье Карфакс, построенном еще в Средние века. Ее открыли в

викторианское время, но из-за недостатка денег расформировали, а здание отдали под квартиры.

Я кивнул, думая, что, пожалуй, не к месту встрял в разговор и нарвался на целую лекцию.

Не обращая внимания на меня, антиквар беспечно продолжил:

— Когда музей закрыли, множество его экспонатов выставили на аукцион, где я и купил это кресло. Согласно каталогу, оно находилось там еще до открытия галереи и принадлежало бывшему владельцу дома. Говорят, он был иностранцем... румыном, если судить по этой вещице.

Наконец действо свершилось, мою супругу просветили насчет древесных червей и методов обивки мебели, мы передали деньги, прикрутили кресло веревкой к крыше машины и поехали домой.

Наступил понедельник. Жена поехала в офис, а я все утро просидел в кабинете, разрисовывая бумагу, в тщетной надежде написать гениальный сюжет для «мыльной оперы», где работал сценаристом. В середине дня позвонила жена и велела обзвонить обивщиков мебели для сравнения цен. К тому времени я уже совершенно забыл о кресле, все еще привязанном к крыше машины, и, чувствуя себя слегка виноватым, спустился в гараж, снял его, отнес в кабинет и поставил в выбранный женой угол, обозрев новый элемент антуража критическим взглядом. Признаюсь, эта вещь мне не нравилась: она была такой квадратной и, казалось, бросала мне вызов. Трудно описать это ощущение, но вы же видели людей с выставленной вперед челюстью — квадратных и агрессивных? Вот примерно такие впечатления оставляло у меня это кресло.

Через некоторое время, наверное, чтобы ответить на вызов, я сел в него, и по позвоночнику сразу пополз холодок, а в душу закралось странное чувство тревоги, столь сильное, что меня буквально выбросило из кресла. Я стоял, смотрел на этот предмет и чувствовал себя несколько неловко. Смешно! Как прокомментировал бы такое поведение мой друг Филип, психиатр? Конечно, мне не нравилось кресло, но совершенно необязательно было создавать физические иллюзии вокруг своей неприязни.

Я снова сел и как ожидал, холодное чувство тревоги исчезло — всего лишь легкая тень в разуме. На самом деле кресло было потрясающе комфортным. Я устроился поудобнее, положил руки на подлокотники, откинул голову, раскинул ноги. Все было просто замечательно.

Мне стало так хорошо, что потянуло в сон. Признаюсь, люблю поспать минут десять после обеда, это расслабляет и стимулирует разум. Я сел прямо, закрыл и так смыкающиеся веки, позволив нежной дреме унести меня в даль.

Когда проснулся, уже стемнело.

Какое-то время у меня кружилась голова, но затем сон окончательно ушел, и я огляделся вокруг. Который час? За высокими стрельчатыми окнами виднелось темно-голубое небо раннего вечера. Постойте, но в моем кабинете нет высоких стрельчатых окон, их нет во всем доме!

Быстро моргая, чтобы приспособиться к темному комнатному освещению, я неожиданно понял, что нахожусь в каком-то неизвестном мне месте, постарался подняться, но с удивлением обнаружил, что не могу пошевелиться, — все тело было вялым и совершенно не слушалось приказов, хотя разум оставался ясным и твердым. Так что мне пришлось лишь сидеть здесь, обливаясь холодным по́том от паники и страха, широко раскрытыми глазами осматривать незнакомое помещение, стараясь проснуться и осмыслить происходящее.

Я мог пошевелить головой и выяснил, что сижу в своем кресле — в этом проклятом кресле! Правда, выглядело оно поновее. Возможно, это были причуды света. Мои ноги прикрывало шерстяное одеяло, а поверх пижамы накинут вельветовый пиджак. У меня такого точно не было. Я переводил взгляд с одного незнакомого предмета на другой, и с каждой секундой мой ужас нарастал, переполняя кровь адреналином. Это была гостиная, забитая викторианской мебелью. Кресло стояло перед открытым камином, в котором слабо светились угли. В углу находились большие старинные часы, их мерное тиканье только добавляло гнетущую атмосферу к обстановке.

Но самым страшным был странный паралич, приковавший меня к креслу. Я дергался, стараясь подняться, до

тех пор, пока пот градом не покатился по лицу, открывал рот, пытаясь закричать, но издавал только странные, захлебывающиеся звуки. Что, ради всего святого, со мной произошло?

Неожиданно открылась дверь. В комнату вошла девушка лет семнадцати, держа над собой старую медную масляную лампу, одну их тех, которые в наши дни модники переделывают в электрические. Но в этой лампе потрескивало пламя, распространяя вокруг запах горящего парафина. Девушка была в длинном черном платье с высоким воротником на пуговицах и белом льняном переднике. Ее светлые волосы были подоткнуты под маленькую белую шапочку, лихо заломленную набекрень. Она выглядела как служанка из какой-нибудь викторианской драмы, которые мы так часто ставили для телевидения. Горничная подошла поближе, поставила лампу на столик рядом со мной, но затем отшатнулась, увидев мои широко открытые глаза, смотрящие прямо на нее. Я старался заговорить с ней, потребовать, вымолить объяснение, которое помогло бы понять смысл этой чудовищной аферы, но из моего горла вырывались только задушенные хрипы.

Девушка испугалась и сделала реверанс, прежде чем повернуться к двери.

— Мэм! Мэм! — Я с трудом понял, что она зовет хозяйку, так как из-за ее чудовищного акцента рабочих кварталов, это слово прозвучало, как «мама». — Хозяин проснулся, мэм. Что мне делать?

В комнате появилась еще одна женщина, высокая, изящная, в элегантном викторианском платье, не закрывающем плечи и выставляющем практически на полное обозрение грудь. Ее стройную шею обвивала черная лента с камеей, иссиня-черные волосы убраны в узел на затылке, а лицо было маленьким, красивым, в форме сердца. Губы горели ярко-красным цветом, хотя и несколько мрачным для ее хорошенького лица. Глаза сияли глубокой зеленью и казались грустными. Она подошла к креслу, склонилась надо мной и устало улыбнулась. Кожа ее была странной, неестественно бледной.

— Можешь идти, Фанни. Я пригляжу за ним.

— Хорошо, мэм. — Девушка сделала еще один реверанс и ушла.

— Бедный Аптон, — прошептала мне женщина. — Несчастный Аптон. Я бы хотела знать, а болен ли ты? Никто не может понять, что за странный недуг поразил тебя. — Она встала и горестно вздохнула. — Пора принимать лекарство.

Женщина взяла бутылку, ложку и влила в меня пахучую, горькую на вкус жидкость янтарного цвета. Я почувствовал, как у меня занемел пищевод.

— Бедный Аптон, — снова вздохнула она. — Горько, я знаю, но доктор сказал, что это снимет боль.

Я старался произнести хоть слово; сказать ей, что я не Аптон и не хочу принимать ее лекарство, крикнуть, чтобы люди вокруг прекратили разыгрывать спектакль, но услышал только скрежетание своих зубов и нечленораздельные звуки, похожие на вопли дикого зверя. Женщина отошла в сторону, ее глаза расширились от страха, но затем она вновь овладела собой.

— Прекрати, Аптон. Не надо. Постарайся расслабиться.

В дверях вновь появилась Фанни:

— Пришел доктор Сьюард, мэм.

В комнату вошел коренастый, приземистый человек в коричневом твидовом костюме, похожий на персонажа из романа Диккенса, и наклонился поцеловать предложенную ему руку.

— Джон, — улыбнулась ему женщина. — Я рада, что ты здесь.

— Как ты, Клара? Ты выглядишь очень усталой, такой бледной.

— Все в порядке, Джон. Но я беспокоюсь об Аптоне.

Мужчина повернулся ко мне.

— Да, ну и как наш пациент? Клянусь, сегодня он какой-то встревоженный.

Женщина, Клара, развела руками:

— Мне кажется, что ему немного лучше. Даже когда Аптон взволнован, он может только выть как зверь. Я стараюсь, как могу, но боюсь... я боюсь, что...

Мужчина по имени Джон похлопал меня по руке и жестом попросил Клару соблюдать тишину, затем повернулся ко мне и приветливо улыбнулся.

— Странно, — пробормотал он. — Совершенно непонятное заболевание. Но по-моему... по-моему, его взгляд сегодня более осмысленный. Привет, дружище, ты меня узнаешь? Это Джон... Джон Сьюард. Ты понимаешь меня?

Мужчина наклонился так низко, что до меня донесся запах апельсинов в его дыхании.

Я изо всех сил старался сбросить охвативший меня паралич, но преуспел только в очередной серии стонов и нечленораздельного рычания.

— Клара, а что, разве раньше он вел себя столь же воинственно?

— Не совсем, Джон. Антон так развлекается в присутствии гостей. Хотя, скорее всего, он просто хочет нам что-то сказать.

Мужчина хмыкнул и согласно кивнул:

— Единственное, что мы можем для него сделать, — это облегчить боль и давать настойку опия, которую я прописал. Мне кажется, нашему пациенту несколько лучше. Тем не менее я приду завтра, посмотрю, нет ли каких-либо изменений. В худшем случае мне придется попросить твоего разрешения проконсультироваться со специалистом, скорее всего с доктором с Харли-стрит. Есть несколько моментов, которые приводят меня в недоумение, — анемия, видимая нехватка красных телец в крови или гемоглобина. Его бледность и слабость. И эти странные раны на шее, которые ничем не вылечить.

Женщина закусила губу и тихим голосом спросила:

— Ты можешь быть откровенным со мной, Джон. Ты знаешь меня и Антона уже несколько лет. Я понимаю, что его состояние может только ухудшиться. Я боюсь за него. Очень боюсь.

Мужчина бросил нервный взгляд в мою сторону:

— А разве нам следует говорить о подобных вещах в его присутствии?

Женщина вздохнула:

— Он ничего не понимает, в этом я уверена. Бедный Аптон. Только подумать, еще несколько дней назад он был так полон жизни, так оживлен, а теперь его сразила эта непонятная болезнь...

Джон снова кивнул:

— Ты — истинная богиня, Клара, само милосердие, ты столько сил тратишь, ухаживая за ним день и ночь. Я загляну завтра, но если никаких улучшений не будет, то мне придется обратиться за помощью к специалисту.

Клара склонила голову, как будто покоряясь обстоятельствам.

Мужчина повернулся ко мне и натужно улыбнулся:

— Не унывай, мой старый друг...

Я старался крикнуть, отчаянно пытался позвать на помощь, но он ушел.

Минуты складывались в часы, женщина, Клара, которая, судя по всему, была моей женой, сидела у камина, неотрывно смотря на языки пламени, а я был прикован к этому проклятому креслу. Как долго это продолжалось, не могу сказать. Время от времени она печально и задумчиво смотрела на меня, но затем где-то в глубине дома раздался бой часов. Спустя несколько секунд оживились и старые часы в гостиной, наполнив пространство гулкими и какими-то пустыми звуками. Не поднимая головы, я насчитал двенадцать ударов. Полночь.

Клара неожиданно взвилась из своего кресла и встала, выпрямившись, рядом с камином.

Она как-то изменилось, это трудно объяснить. Ее лицо будто стало грубее, каким-то одутловатым. Алый, сверкающий язык нервно метался, облизывая губы, делая их еще более красными на фоне бросающейся в глаза белизны зубов. В глазах появился страшный блеск. Она вяло подняла руку и принялась медленно, чувственно массировать себе шею.

Неожиданно Клара засмеялась. Низко и сладострастно. Так, что волосы у меня на голове встали дыбом.

Она взглянула на меня жарким, иссушающим взглядом, похотливо улыбнувшись.

— Бедный Аптон.— Голос ее был злорадно нежен. — Он уже идет. Тебе же нравится это, правда? Я не могу понять,

почему он предпочел тебя. Почему? Разве я не полна теплотой жизни, разве в моих венах не кипит горячая, молодая, густая кровь? Почему *ты*?

Она непристойно, соблазняюще принялась ласкать свое тело.

То, как Клара напевала, слюна, текущая из уголка ее красных, ослепляюще алых губ, заставили мое сердце биться чаще, но в то же время кровь во мне, казалось, застыла, и по жилам текла обжигающе-холодная, ледяная жидкость.

Что за новый кошмар предстоит мне испытать?

Я не понял, как появился *он*.

Высокий мужчина, по-видимому в возрасте, хотя на его бледной коже и не было признаков старения, только длинные, седые усы, ярко выделявшиеся на его в остальном гладко выбритом лице, говорили об этом. В нем все дышало силой, орлиный нос с характерно изогнутыми ноздрями, высокий лоб. Волосы незнакомца были очень густыми, только около висков они торчали клочками, а брови практически срослись.

Но больше всего в нем привлекал внимание рот, как будто вырезанный на лице, его жесткая, даже жестокая складка, зубы выступали над ярко-красными губами, почти что светящимися на белой коже, делая ее ужасающе бледной. Клыки же незнакомца были белоснежными и острыми.

Глаза мужчины были призрачно-красными от мерцания затухающего огня в камине.

Клара подошла к нему, раскинув руки, как будто умоляя, на ее похотливо изогнутых губах застыл крик радости, грудь тяжело вздымалась, женщина была будто пьяна от дикого, неземного удовольствия.

— Мой Повелитель! — закричала она. — Ты пришел!

Высокий незнакомец не обратил на нее внимания. Взгляд его красных глаз словно пожирал меня.

Клара вскинула руку к своему горлу:

— Повелитель, возьми меня первой! Возьми меня, молю!

Мужчина одним быстрым движением подошел к ней и оттолкнул.

— Я возьму первым его, — с шипением произнес он, говоря по-английски с каким-то страшным акцентом. — Тебе придется ждать своей очереди, но скоро придет и твой срок.

Женщина захотела было возразить, но незнакомец оборвал ее, подняв руку.

— Ты осмеливаешься просить меня? — мягко сказал он. — Не бойся. Ты как бутылка изысканного вина, которому надо вызреть. Но сначала я утолю жажду им.

Мужчина возвышался надо мной, а я был беспомощен, по-прежнему прикован к этому проклятому креслу. Улыбка исказила его лицо.

— Разве это не справедливо? — прошептал незнакомец. — Разве не справедливо, что, помешав мне, ты, Аптон Уэлсфорд, теперь стал тем, чего так боялся и так презирал?

И пока часть моего разума отказывалась верить в эту ужасную галлюцинацию, в глубине меня зрело странное чувство, почти сексуальное наслаждение, пока мужчина склонялся надо мной... все ближе надвигались эти страшные красные глаза, взгляд которых, казалось, проникал на самое дно моей души. Его рот слегка приоткрылся, я почувствовал едва уловимый запах тления. В движениях незнакомца было намеренное сладострастие, одновременно завораживающее и пугающее, — он облизнулся как голодный зверь, алый язык вспышкой мелькнул между белыми острыми зубами.

Его голова опускалась все ниже, и я уже не видел его лица, только слышал причмокивание и чувствовал дыхание на своей шее. И затем обжигающе-холодные губы прикоснулись к моей коже, а два острых клыка погрузились в мою плоть!

На какое-то мгновение я отдался наслаждению, забыв обо всем на свете.

Затем он встал, сардонически улыбаясь, а по его подбородку катилась капля крови. Моей крови!

— Осталась еще одна ночь, — мягко сказал мужчина. — Еще одна ночь, и ты станешь моим братом, Аптон Уэлсфорд.

Женщина крикнула со злостью:

— Но ты обещал! Обещал!!! Когда ты призовешь меня?

Незнакомец повернулся к ней и засмеялся.

— Да, я обещал, мое изысканное вино. На тебе уже горит моя метка. Ты принадлежишь мне и станешь со мной одним целым, не бойся. Скоро ты обретешь бессмертие,

дашь мне вино жизни, и мы разделим нашу жажду. Терпение, ибо лучшие вина надо смаковать. Я еще вернусь.

Затем, к моему ужасу, мужчина исчез. Просто исчез, как будто распавшись в изначальную пыль.

Какое-то время я сидел, не в силах прийти в себя от страха, глядя на женщину, которая погрузилась в некое подобие транса. Затем раздался звон древних часов, и Клара очнулась, как будто пробудившись от глубокого сна. Она в изумлении взглянула на циферблат, а затем в сторону окна, где уже показались первые лучи восходящего солнца.

— Боже мой, Антон. Мы с тобой бодрствовали всю ночь. Надо уложить тебя в постель. Должно быть, я заснула. Прости меня. — Она вздрогнула. — Мне приснился такой странный сон. А, не важно. Надо уложить тебя в постель. Пойду позову Фанни.

Женщина нежно улыбнулась мне, в ее изысканных чертах не осталось и следа от той развратной соблазнительницы.

Клара вышла, оставив меня одного в этом кресле-тюрьме.

Я сижу здесь, беспомощный и одинокий. Я так одинок! Заброшен не в свое время, в чужое тело. Боже мой! Меня медленно убивают или даже хуже! Но что может быть хуже смерти? Только преддверие ада, где томятся язычники, умершие до пришествия Христа и некрещеные, где нет покоя смерти, нет радостей жизни, а есть только кошмар несмерти.

И где сейчас этот человек... Антон Уэлсфорд, в чьем теле я нахожусь? Каким невиданным усилием воли сумел он поменяться со мной и сейчас очнуться от сна где-то в будущем? В моем теле, в моем кабинете, чтобы начать жить моей жизнью? Антон будет жить, когда я уже умру? Что все это значит?

Может быть, это галлюцинация? Может, я сошел с ума. Как еще это можно объяснить?

СИДНИ ДЖ. БАУНДС

Жажда крови

Сидни Джеймс Баундс родился в 1920 году в Брайтоне (графство Сассекс). В начале тридцатых годов он открыл для себя американские бульварные журналы; к концу следующего десятилетия он поставлял «пикантные» истории в ежемесячники издательства Utopia Press. Он также писал «крутые» гангстерские романы для издательства Джона Спенсера под псевдонимами Бретт Даймонд и Рики Мэдисон и печатал рассказы в научно-фантастических журналах этого издательства — «Futuristic Science Stories», «Tales of Tomorrow» и «Worlds of Fantasy».

Продолжая писать научно-фантастические романы в пятидесятые годы, Баундс неизменно поставлял материал в такие журналы, как «New Worlds Science Fiction», «Science Fantasy», «Authentic Science Fiction», «Nebula Science Fiction», «Other Worlds Science Stories» «Fantastic Universe». В шестидесятые писатель заметил, что популярность научно-фантастических журналов упала, возрос спрос на книги в дешевых изданиях. Он вскоре сделался плодовитым и надежным сотрудником издателей таких антологий, как «New Writings in SF», «The Fontana Book of Great Ghost Stories», «The Fontana Book of Great Horror Stories», «Armada Monster Book» и «Armada Ghost Book».

Один из его наиболее известных рассказов, «Цирк» («The Circus»), экранизирован в 1986 году Джорджем А. Ромеро в качестве эпизода популярного телесериала «Рассказы тьмы» («Tales of the Darkside»).

Баундс также является известным детским писателем и автором вестернов. В конце семидесятых он опубликовал в Италии серию научно-фантастических романов, а также несколько новых детективных рассказов и историй о сверхъестественном. Недавно издательство Wildside Press переиздало его роман «Измерение ужаса» («Dimension of Horror»), написанный в 1953 году.

Издательство Cosmos Books впервые выпустило сборник произведений одного автора в виде двухтомника: «Лучшее от Сидни Дж. Баундса: „Странный портрет" и другие рас-

сказы» («The Best of Sydney J. Bounds: Strange Portrait and Other Stories») и «Заблудившийся корабль и другие рассказы» («The Wayward Ship and Other Stories»), который вышел под редакцией Филиппа Харботтла.

«Я давно собирался написать рассказ о вампире, воспользовавшемся банком крови, — вспоминает Баундс, — но не мог заставить себя сесть за него, пока меня не попросили написать новую вещь для этой антологии. Идея уже не оригинальна, так что перед вами лишь вариация на известную тему».

Рассказ публикуется впервые.

Доктор Грегор говорил с акцентом, происхождение которого Вик Фарроу никак не мог определить. По лицу доктора нельзя было догадаться о его возрасте. В голосе, однако, слышалось презрение — болезненно явное.

— Алкоголь, мистер Фарроу? Вы попали в серьезную аварию, перенесли тяжелую операцию и еле выкарабкались с того света, а теперь осмеливаетесь жаловаться, что потеряли пристрастие к алкоголю?

— К водке, доктор. Я криминальный репортер и не в состоянии работать без бутылки в день. А теперь я не могу смотреть на свое любимое спиртное — хуже того, мне кажется, что я хочу выпить крови.

Грегор фыркнул:

— Вот как? Кровь — это жизнь, так что здесь не о чем беспокоиться; вы привыкнете к этому скорее, чем думаете. Но алкоголь — это яд, и, вполне возможно, из-за него вы попали в аварию. Расслабьтесь и смиритесь с тем фактом, что ваша жизнь изменилась к лучшему.

По дороге к выходу Фарроу встретил сестру Терри — вместе с врачами она помогала ему поправляться после операции, которую ему пришлось перенести, когда фургон сбил его мотоцикл.

Это была маленькая блондинка с короткими волосами, с улыбкой наготове, в накрахмаленном белом халате.

Фарроу указал большим пальцем на закрытую дверь приемной:

— Он всегда такой?

Сестра Терри сочла нужным ответить на вопрос серьезно:

— Да, он знает реальную жизнь лучше многих. Попытайтесь понять, Вик, что доктор Грегор старше, чем кажется; он отлично знает, как тяжело приходится пациенту после переливания крови, но иногда забывает это. То, что вы чувствуете, — это побочный эффект, он пройдет. Возьмите это.

Она нацарапала в блокноте несколько цифр, оторвала листок и протянула ему:

— Это телефон местной службы, готовой помочь людям с подобными проблемами. Если станет очень плохо, позвоните им.

— И вы будете там?

— Иногда я звоню, чтобы узнать, не нужна ли моя помощь.

Покинув небольшую частную больницу, — как удачно, что авария произошла почти у самого крыльца! — Фарроу, словно голубь, летящий домой, направился к ближайшему пабу.

Но как только он открыл дверь, от запаха прокисшего пива у него внутри все перевернулось, он ощутил тошноту. С содроганием он развернулся и, чертыхаясь, пошел прочь. «Супермаркет, — решил он. — Куплю бутылку и возьму домой».

Поскольку мотоцикл его был разбит, ему пришлось дойти до автобусной остановки и миновать старомодную лавку мясника, где на белых эмалированных подносах были выставлены куски мяса. Запах чуть не свел его с ума.

Он страстно захотел отведать крови, сочившейся из мяса, и в предвкушении облизнул губы. Свежая кровь. Он сглотнул ком в горле, воображая, что выпивает пинту лучшей крови. Это новое желание встревожило его, и он поспешил прочь.

Выйдя из автобуса, Фарроу купил в ближайшем супермаркете бутылку и газету и отправился домой. Редактор дал ему отпуск по болезни и согласился оплатить больничный счет. В конце концов, он у них лучший криминальный репортер.

И все-таки нельзя позволять себе расслабляться. Открыв бутылку, Фарроу устроился в удобном кресле со стаканом в руке, налил себе водки и поднес напиток ко рту. Но проглотить не смог. Водка, как утверждают все, не пахнет, но что-то с ней было не в порядке.

Фарроу швырнул стакан о стену и взял газету. Заголовок вопил:

МОНСТР НАНОСИТ ТРЕТИЙ УДАР

Маньяк, нападающий на одиноких женщин после наступления темноты, выбрал очередную жертву. Ее тело, из которого выкачали...

Не только на женщин, вспомнил он, — нападали также и на мужчин. Фарроу прочел критическим взглядом. Он работал как раз над этим случаем, и тому, кого они там взяли вместо него, дело оказалось не по плечу.

...кровь.

Стоило ему лишь прочесть это слово, как его охватила невыносимая жажда.

Он пошел на кухню и налил себе стакан воды. Ему удалось проглотить безвкусную жидкость; это помогло, но не принесло удовлетворения. Он запихнул в микроволновую печь замороженный ужин, поел; но и этого оказалось недостаточно. Ему нужно...

Время ползло невыносимо медленно. Когда наступил вечер, он сдался и набрал номер, который дала ему сестра Терри.

— Клуб. У телефона Эдгар Шоу.

— Мне нужна помощь...

— Какая помощь? Кто дал вам этот номер?

— У меня жажда, я хочу пить кровь. Сестра Терри.

— Подождите, пожалуйста. — Он услышал шелест бумаги. — Вы Вик Фарроу?

— Да.

— Она упоминала ваше имя, мистер Фарроу, и, думаю, мы сможем вам помочь. Запишите наш адрес...

По указанному адресу, неподалеку от шумной Хайстрит, когда-то находились элитные конюшни; Фарроу раз-

мышлял, во что обошлась перепланировка. Он нажал на кнопку звонка, и дверь немедленно отворилась.

— Мистер Фарроу? Меня зовут Эдгар Шоу, моя обязанность — встречать гостей. Пожалуйста, не называйте меня Эдом — мне это очень не нравится. Сюда.

Коридоры были задрапированы тяжелой тканью, но Фарроу заинтересовался личностью Шоу.

Встречающий гостей был безупречно выхолен и одет в дорогой темно-серый костюм, волосы его едва заметно вились. Подобный дворецкий мог бы сопровождать Фарроу к королевской особе, и трудно было представить себе кого-нибудь менее похожего на «Эда».

Фарроу очутился в длинном помещении; у дальнего конца находился бар, вокруг стояли большие кожаные кресла. Место напоминало дорогой консервативный клуб. Разумеется, невозможно было представить Эдгара Шоу, отчаянно жаждущего крови.

Мельком оглядев комнату, Фарроу почувствовал себя еще более неловко. Мужчины выглядели преуспевающими и были весьма качественно подстрижены; немногочисленные женщины смотрелись бы вполне уместно на премьере в «Ковент-Гарден». Двое посетителей играли в шахматы, молодой человек пристально смотрел на экран компьютера, некоторые мирно читали.

Эти люди не принадлежали к кругу Фарроу; в каждом из них чувствовалась самоуверенность, даже высокомерие. Он решил, что, наверное, произошла какая-то ошибка.

— Сестра Терри здесь? — спросил он.

— Пока нет, но должна прийти. — Шоу улыбнулся и внезапно показался гораздо моложе. — Думаю, вы ожидали увидеть нечто другое, но случилось так, что членам клуба, которых вы видите сегодня, много лет назад пришлось бороться с подобными склонностями. А теперь позвольте мне налить вам ваш первый стакан.

Он провел Фарроу через всю комнату, остановился у стойки бара и хлопнул в ладони.

— Господа, сегодня мы приветствуем еще одного человека, который чувствует извечную жажду. Прошу вас, тост за мистера Вика Фарроу.

Все прервали свои занятия и собрались у стойки. Бармен, выставив в ряд хрустальные стаканы, осторожно наполнил их. Фарроу получил самый маленький.

— За вечную жизнь, — произнес Шоу и поднял бокал.

Все члены клуба повторили за ним:

— За вечную жизнь.

Фарроу поднял стакан; он был наполнен алой жидкостью, уже начинавшей темнеть. Он вдохнул запах, и желание вернулось к нему. Приложив стакан к губам, он сделал глоток; немного соленое, но утоляет жажду... Остановиться он не смог. Он осушил стакан одним жадным глотком.

Окружающие наблюдали за ним, забавляясь. *Они* пили медленно.

Кто-то положил ему на плечо руку. Это пришла сестра Терри, по-прежнему в униформе.

— Не обращайте внимания, Вик, контроль над собой приходит со временем. Я рада видеть вас здесь.

Бармен подал ей порцию, и она принялась пить маленькими глотками, явно смакуя напиток.

— Это кровь, верно? — спросил Фарроу.

— Да, разумеется. Теперь вы понимаете, в чем преимущества частного клуба?

— Я вступлю в него.

— Но вы уже состоите в нем!

Он подал бармену пустой стакан.

— Пожалуйста...

— Не сегодня, — вмешалась Терри. — Вы потеряли много крови, Вик, а это может послужить причиной страшных и непредвиденных эффектов. Не торопитесь и вы сможете научиться контролировать себя. Итак, пока хватит. В следующий раз завтра, в это же время.

— Как скажете, сестра.

Фарроу был обескуражен, осознав, что интересует ее лишь как пациент. Остальные члены клуба не проявляли желания вступать с ним в разговор.

Он услышал негромкий разговор о «постепенном внедрении наших людей в государственные учреждения» и заметил косой взгляд после того, как кто-то пробормотал слово «пресса». Он решил уйти.

Выйдя из здания, Фарроу почувствовал, что ему не по себе. Он выпил то, что хотел, и еще вернется сюда, как в бар, — по-видимому, его избрали в члены клуба. Но пить кровь? Он почувствовал стыд, прикосновение страха; он совершенно не мог представить себе, с кем связался.

На следующий вечер жажда вернулась — с еще большей силой. Он отправился в клуб рано, в предвкушении облизывая губы, и в автобусе угодил в ссору.

Полная женщина с корзиной для покупок загородила ему дорогу, а когда он попытался проскользнуть мимо, оттолкнула его назад.

— Ты кем себя возомнил? Подождешь, пока я сяду.

Фарроу уставился на ее шею, конвульсивно сжимая кулаки и скрежеща зубами. Он разглядел под кожей вену — она притягивала его словно магнит...

Чья-то твердая рука ухватила его за локоть.

— Сюда, Вик. Я подброшу вас.

Он неохотно отошел, с отчаянной тоской глядя вслед полной женщине.

Машина сестры Терри была припаркована неподалеку.

— Как удачно, что мне понадобилось зайти здесь в магазин. Вы таким образом можете заработать неприятности, Вик. Именно поэтому мы организовали тайный клуб, где можно пить.

Онемев, он сел рядом с ней, и машина, заурчав, двинулась с места. Он хотел вонзить зубы в шею той женщины и высосать ее кровь. Ему необходимо было сделать это — теперь он чувствовал себя так, словно его оглушили кувалдой.

— Вы придете в себя после стакана, — сказала Терри. — Нам всем пришлось пройти через это.

— Так вы тоже?

— Конечно. Нас больше, чем вы думаете.

Когда они приехали в клуб, в голове у Фарроу по-прежнему царила неразбериха, но после одной порции — на этот раз немного более щедрой — нервы его успокоились. Но лишь до той минуты, как он взял последний выпуск газеты, оставленный кем-то на стойке. Он прочел заголовок и покрылся по́том, придя в состояние, близкое к панике.

БОЛЬНОЙ МОНСТР?

Психиатр Министерства внутренних дел настаивает, что преступник, высасывающий кровь у своих жертв, страдает редким заболеванием и должен быть найден и подвергнут лечению. Однако общественность может не согласиться...

Он все еще не мог успокоиться после того, как чуть не напал на полную женщину, и статья повергла его в шок.

Эдгар Шоу с удивленной улыбкой забрал у него газету.

— Чепуха, какую всегда печатают в таблоидах, мистер Фарроу. Подобные вещи не имеют к нам никакого отношения. Это очевидно. Мы надеемся, что в наших интересах вы будете вести себя благоразумно.

Покинув клуб, Вик Фарроу решил, что завтра отправится в больницу и потребует у доктора Грегора объяснений.

Но наутро Грегор отказался принять его, а сестра Терри сообщила:

— Доктор сказал, что не видит смысла тратить на вас время. По правде говоря, его раздражают ваши лживые писания. Вот почему мы устроили эту аварию — чтобы дать вам шанс помочь вашим ближним.

Фарроу, не в силах поверить своим ушам, почти перестал дышать.

— Вам сделали не просто переливание крови, Вик, а полностью заменили ее. Но ведь бессмертие стоит этого небольшого неудобства?

Ошеломленный, Вик Фарроу покинул больницу. Бессмертие? Неужели в этом причина его странных ощущений? Он побродил по забитой народом улице, мимо людей, отныне чужих для него, и свернул в боковой переулок.

Найдя служебный вход, где в ожидании машины стояли баки с медицинским мусором, он начал рыться в них, пока не нашел пустую коробку. Надпись на коробке прояснила положение, в котором он оказался:

ЗАМОРОЖЕННАЯ ЦЕЛЬНАЯ КРОВЬ
СДЕЛАНО В БУДАПЕШТЕ
ПРОДУКТ КОМПАНИИ «ВЛАД-ДРАК ЭНТЕРПРАЙЗ»

МЕЛАНИ ТЕМ

Лучшая половина

По профессии Мелани Тем — социальный агент по усыновлению. Она живет в Денвере, штат Колорадо, вместе со своим мужем, писателем и редактором Стивом Разником Темом. У них четверо детей и трое внуков.

Перу Мелани принадлежат несколько романов: «Мот» («Prodigal»), удостоенный премии им. Брэма Стокера за лучший дебют, «Привидение» («Revenant»), «Черная река» («Black River») и «Течение» («The Tides»). Недавно вышли в свет еще несколько ее произведений: «Погибший в духе» («Slain in the Spirit»), «Мошенник» («The Deceiver»), а также сборник рассказав «Ледяной поток» («The Ice Downstream»).

В 2003 году Тем написала две пьесы — одноактную «Общество утраченных ценностей» («The Society for Lost Positives») и полноформатную «Утешь меня персиками» («Comfort Me with Peaches»).

По словам писательницы, сюжет «Лучшей половины» возник у нее на основе собственного опыта: «В университете у меня была близкая подруга, красивая, разносторонне развитая, энергичная, умная. У нее был роман с парнем, человеком во всех отношениях темным и слабохарактерным, скучным и мелким. В те два года, что они встречались, она выполняла за него все письменные задания, репетировала его по всем предметам, учила достойно одеваться и даже покупала ему одежду, учила прилично держать себя в обществе, внятно выражать свои мысли, даже танцевать. Потом они поженились. Мы с ней перестали общаться.

Спустя много лет наши пути вновь пересеклись. К тому времени она стала нервной, болезненной, изможденной женщиной. Вся жизнь моей бывшей подруги проходила дома, карьеры она не сделала. Муж ее стал адвокатом международного уровня, преподавателем права и офицером высокого ранга.

По-моему, это страшное унижение. И „Лучшая половина" дает подобным ситуациям вполне правдоподобное объяснение».

В приведенном ниже рассказе тема вампиризма затрагивается лишь косвенно. Но история от этого не становится менее захватывающей...

Не успела я еще подойти к дому, как Келли открыла дверь. Вид отворившейся и вновь закрывшейся красной двери в белой стене заставил меня содрогнуться: это было похоже на беззубую улыбку. Я встала как вкопанная, не дойдя до конца квартала. На Келли было желтое платье, на плечи накинуто что-то белое. Прикрыв дверь, она вышла на крыльцо и поднесла ладонь к глазам, защищаясь от яркого июльского солнца.

Сама не знаю почему, но пока что мне не хотелось попасться ей на глаза. Я укрылась за пышным кустом сирени, усыпанным тяжелыми лиловатыми узелками,— только они и остались от опавших цветов. Во дворе через дорогу бегала маленькая коричневая собачка; она тявкнула на меня пару раз, но потом бросила это дело и вернулась в тенек, на свое належенное место.

Мы с Келли не виделись уже пятнадцать лет. Я думала, что давно забыла ее, но нет: я узнала бы ее где угодно. В университете мы какое-то время были очень близки. С тех пор я повзрослела и стала осмотрительнее; казалось бы, тогдашняя привязанность должна теперь вызывать у меня лишь недоумение. К несчастью, недоумения я не ощущала, напротив, былые чувства забились во мне с новой силой, как разгоряченная кровь. Наблюдая за Келли издалека, сквозь лилово-зеленую рябь сиреневого куста, я вдруг почувствовала, что немного ее побаиваюсь.

Позже выяснилось, что не Келли мне следовало бояться. Но той весной умер мой отец, и я жила в постоянном страхе. Боялась любить. Боялась не любить. Боялась прийти домой или завернуть за угол и обнаружить там нечто ужасное, нечто такое, чего в моем присутствии ни за что не случилось бы. Я съежилась за своим сиреневым кустом и страстно желала стать невидимой. Мне было интересно, зачем она позвонила. Я в бешенстве спрашивала себя, за-

чем я сюда явилась. Я хотела убежать по яркому раскаленному тротуару — подальше от этого дома. Я с трудом сдерживалась, чтобы не кинуться опрометью ей навстречу.

Медленно я пошла вперед. Она явно меня не замечала, она смотрела в другую сторону. Высматривала меня. Я специально задержалась на пару минут. Тут она обернулась, и я с испугом почувствовала: что-то не так.

Не потому, что она выглядела как-то неестественно, а на ней было надето элегантное платье, это в субботу-то, в таком квартале, где и деловой костюм в рабочий день кажется нелепостью. И даже не потому, что я чувствовала себя в опасности, несмотря на то что дом Келли находился в двух шагах от забегаловки, где мы с папой частенько завтракали, и от парка, где я временами гуляла, и от квартиры, где мы жили. Дело было в чем-то поважнее. *В ней самой.* Я снова остановилась и пригляделась.

Была середина июля, самый полдень. Яркий зеленый свет, пробиваясь сквозь натянутый над крыльцом тент, заливал ей лицо, все те же густые брови, высокие скулы, с небольшой горбинкой нос. Казалось, она больна. На щеках у нее были красные пятна — то ли румяна, то ли лихорадка. Келли тяжело дышала. Даже издалека я заметила, как сильно она дрожит. И ее плечи в этот жаркий летний полдень были укутаны в белую меховую накидку.

Тут я подумала, что готова сбежать прямо сейчас, но, вероятно, я сама себя обманывала. Я стояла и наблюдала за ней сквозь аккуратную зелень лугового мятлика, который странно смотрелся на этом северном денверском газоне. Стебли были покрыты водяными брызгами, в которых светились крошечные радуги. Меня тянуло к ней, как и всегда. Что-то было не так, и мне предстояло влипнуть в это «не так» по самые уши.

Она заметила меня и улыбнулась, ее лицо исказила слабая гримаса, от которой у меня сжалось сердце. Я отчаянно сожалела о том, что пришла, но инстинкт самосохранения, как и все мои полезные инстинкты, проснулся слишком поздно.

— Привет, Бренда!

Я открыла узорчатую кованую калитку, по высоте едва доходившую мне до пояса, обернувшись, аккуратно закры-

ла за собой задвижку и прошла по дорожке, обсаженной с обеих сторон петуниями.

— Келли, — заговорила я, сделав над собой усилие, чтобы протянуть ей руку, — как я рада тебя видеть!

Рука ее была ледяной. Я до сих пор отчетливо помню, как сильно меня удивило это холодное прикосновение. На какой-то момент я совершенно растерялась, вспомнив о том, что жара стоит почти сорокаградусная. Келли склонилась мне навстречу, перегнувшись через перила, и легкий знойный ветерок заколыхал с полдюжины колокольчиков, так называемой музыки ветра, свисавших с карниза. Они наполнили воздух нежной какофонией. Вокруг Келли буйно вилась сочная зелень, в обрамлении которой ее лицо казалось почти призрачным. Пахло жимолостью — ароматом ее духов, и одновременно до меня доносился болезненный запах ее дыхания. Она сердечно мне улыбалась; ее бледно-розовые, почти бесцветные губы странно соседствовали с желтоватым оттенком зубов. Под глазами лежали темные круги. На мгновение мне с ужасом представилось, что она сейчас перевалится через перила и упадет прямо в мои объятия и что, когда я подхвачу ее, окажется, что весит она не более, чем прерывистая песня «музыки ветра».

Голос у нее почти не изменился: он был все такой же сухой, сдержанный, хорошо поставленный. И все же как будто надтреснутый, можно было подумать, что те два слова, которые она произнесла, исчерпали все ее силы. Она сделала глубокий вдох, обвила ледяной рукой мою талию и пригласила:

— Давай заходи.

В последний раз мы с Келли виделись на ее свадьбе. Я наблюдала за церемонией на некотором расстоянии, гадая про себя, как могла моя подруга дойти до такой глупости и возможно ли, что со мной когда-нибудь случится то же самое. К тому времени мой отец уже был болен, а мать умерла давным-давно. Потом я выстояла огромную очередь только для того, чтобы Келли пожала мне руку и поцеловала в щеку, как будто никогда меня прежде не видела. Или больше не увидит.

Рон, ее новообретенный муж, наклонился, чтобы тоже меня поцеловать. Я ему отомстила, раскашлявшись от мускусного запаха его идиотского лосьона. Рон был высоким и очень светловолосым, его щеки и верхнюю губу покрывала по-младенчески мягкая щетинка. Возложив свои огромные лапы мне на плечи, он очень серьезно посмотрел на меня сверху вниз и сообщил:

— Я *люблю* ее, Бренда. — Он был похож на бойскаута, произносящего свою клятву. — Она стала моей лучшей половиной.

Позже я процитировала это заявление своим подругам; мы дружно смеялись и закатывали глаза к небу. Рон всегда был *очень* искренним. Самое простое бытовое замечание, например о погоде или о еде, которую подают в столовой, он высказывал в такой манере и таким тоном, что можно было подумать, будто он зачитывает декларацию об ограничении распространения ядерного оружия.

Рон был парень *простой*. Частенько бывало, что он вроде бы не улавливал смысла шуток, особенно непристойных, и все равно добродушно посмеивался. Ему было нелегко следить за нашей по-восточному скорой болтовней, но он переводил взгляд с одного собеседника на другого, словно встревоженный щенок, делая вид, будто все понимает. Он был такой легкой жертвой, что мало кто из нашей компании мог противиться искушению подшутить над ним.

Учебу он окончил благодаря талантам Келли. Сперва она буквально все делала за него; его специальностью была политология, а она занималась лингвистикой, так что ей приходилось учиться за двоих. И при этом ночи напролет она просиживала над книгой не чаще, чем любой из нас. В конце концов, Рон смог сам писать черновые наброски, которые Келли потом тщательно редактировала. Этих двоих нередко можно было увидеть за библиотечным столом: они сидели, прижавшись друг к другу, Келли имела вид грозный и решительный, а Рон выглядел и серьезно, и добродушно, и смущенно.

Она научила его всему. Как составить и записать простейшее предложение. Как подготовиться к экзамену. Как прочесть целый абзац от начала до конца без запинки и с

правильной интонацией. Как вести себя за столом, чтобы не вызывать отвращение у окружающих. Как поступить, если в студенческой ассоциации возник конфликт. Когда сама система университетских студенческих ассоциаций стала в нашем маленьком либеральном кампусе предметом для насмешек, в Роне вдруг проявились достоинство и деловитость. На последнем курсе его выбрали королем выпускного бала, и Келли, одетая в золотистый шифон и нарочито застенчивая, не выпускала его руку из своей.

Ходили сплетни, что и о сексе Рон узнал только благодаря Келли. В первый год, еще до того, как многочисленные предписания и правила были смягчены и юношам и девушкам разрешили ходить друг к другу в гости, все занимались любовью прямо во дворе общежития первокурсниц. Келли говорила, что у них очень много работы, поэтому там они бывали реже, чем большинство из нас. В те первые зиму и весну я проводила во дворе бо́льшую часть дневного времени, и даже некоторую ночного, в обществе симпатичного и весьма сведущего молодого человека из Нью-Джерси по имени Джен.

И все же Рон с Келли появлялись там достаточно часто, чтобы мы могли произвести некоторые наблюдения и обсудить их привычки. Спина Рона неуклюже упиралась в стену, руки неловко обнимали девушку за талию; Келли, вытянувшись, нежно терлась о его шею или, по нашим ехидным предположениям, шепотом давала инструкции. Первое время, если кто-нибудь, проходя мимо, вдруг здоровался — а мы здоровались, просто из вредности, — природная вежливость заставляла Рона отвлекаться и кивать в ответ. Келли же не замечала никого, кроме Рона: она полностью в нем растворялась. Вскоре и он научился не замечать нас или, по крайней мере, притворяться, что не замечает.

Келли была человеком настроения, темпераментным и целеустремленным. Она всегда увлекалась всерьез. Я знала ее еще до встречи с Роном: на первом курсе нас поселили в одной комнате в общежитии. В ней было что-то такое — помимо того, что мы были ровесницами и обе переживали жизненный перелом, — что заставляло меня рассказывать ей о вещах, о которых я ни с кем прежде не говорила и

даже никогда не задумывалась; что-то такое, что заставляло и меня выслушивать ее излияния, затаив дыхание, как будто у меня на глазах рождалась гениальная музыка или открывалась какая-то смутная тайна.

Уже тогда Келли восхищалась женщинами, погибшими во имя чего-то высокого, во что они верили, как Жанна д'Арк, о которой она читала французские стихи, или по вине обстоятельств, которые от них не зависели, как Анна Франк, чьи дневники она цитировала на обманчиво грубом немецком языке. Текста я не понимала (я специализировалась по социологии), но сами истории были на слуху, и мне нравилось смотреть на Келли и слушать, как она читает. Когда она замолкала, в комнате повисала восторженная тишина, и затем кто-нибудь из нас или мы обе еле слышно произносили: «Ах, как это *красиво*!»

Когда Келли встретила Рона, наши отношения изменились. Началось с того, что она стала говорить только о нем, но к этому я отнеслась с пониманием. Я и сама очень много говорила о Джене. Но со временем она вообще перестала со мной разговаривать, хотя и выслушивала с неизменной вежливостью, занеся ручку над очередным сочинением, от правки которого я ее отвлекала.

Рон представлялся мне таким же открытым, незамысловатым и скучным, как степи его родной Небраски. По моему убеждению, Келли попросту губила свою жизнь. Он был ее недостоин. Я не могла понять, что она в нем нашла.

Разве что он предоставлял неограниченные возможности желающему поиграть в кукловода, скульптора или изобретателя. Именно в этом духе я высказалась однажды ночью, когда мы с Келли лежали в нашей комнате, тщетно пытаясь отвлечься от шума и заснуть: на нашем этаже кто-то устроил вечеринку. Келли была моим лучшим другом, и я считала, что просто обязана поделиться с ней своим мнением.

— Может, все-таки скажешь мне, что у вас с Роном? — потребовала я неожиданно для самой себя. Мы сонно жаловались друг другу на шум и с презрением обсуждали привычки *некоторых особо прилежных студентов*, и в этом внезапном вопросе, вопреки моему желанию, прозвучали злость и обида. Но делать было нечего, пришлось продол-

жать в том же духе: — Это что, эдакий Пигмалион со сменой ролей, да?

Келли не отвечала так долго, что я уже подумала: не уснула ли она или, может быть, вообще не желает на сей раз со мной разговаривать? Я уже приготовилась повторно бросить ей вызов, а при необходимости даже вылезти из постели, подбежать к ней и трясти ее за плечи до тех пор, пока она не обратит наконец на меня внимание; как вдруг она спокойно ответила:

— Бывают вещи и похуже.

— Келли, ты красавица и умница. Стоит тебе пожелать, и любой парень в кампусе будет твоим. А Рон — он ведь просто серость.

— Он мне очень подходит, Бренда. Я и не жду, что ты поймешь. — Но она тут же попыталась смягчить обидные слова объяснением. — Он помогает мне забыть себя.

Это был наш последний серьезный разговор. Мы с тех пор вообще почти не разговаривали. Остаток первого курса я могла бы с таким же успехом прожить в одноместной комнате. Остались лишь немногочисленные и до боли интимные доказательства существования Келли — ее чулки, оставленные сохнуть в туалете, на круглой дверной ручке, и свисавшие с нее, словно скинутая каким-то животным кожа, да флаконы с духами и тональным кремом, выстроившиеся в ряд на ее ночном столике, как магические амулеты. И все это хозяйство не нарушало границы между нашими половинами комнаты. На другой год она переселилась к своей приятельнице по женской студенческой ассоциации. Я была с этой девушкой незнакома, да и Келли, по-моему, не слишком-то хорошо ее знала.

Получив приглашение на свадьбу, я почувствовала себя удивленной и немного обиженной. Я сказала себе, что вовсе не обязана туда идти. И все же пошла, и ревела как дура, и жала ей руку. Я до сих пор не уверена в том, узнала ли она меня, когда я проходила мимо в длинной веренице поздравляющих. Почти весь банкет я пробеседовала с родителями Келли — с бледной тщедушной женщиной, лицом очень похожей на нее, и высоким светловолосым цветущим мужчиной. Они гордились своей дочерью, ведь Рон

такой замечательный юноша, он наверняка далеко пойдет. Отец Келли оказался человеком веселым и словоохотливым; он танцевал со всеми девушками, а со мной даже несколько раз. Мать ее, напротив, была скупа на слова и почти не вставала со стула; улыбка этой женщины светилась как зимнее солнце.

В тот момент я не отдавала себе отчета в том, что заметила все эти особенности. Потом я не вспоминала о них несколько лет, а может быть, и вообще никогда о них не задумывалась. Но общее впечатление осталось где-то в подкорке, ожидая, когда его оттуда извлекут. Если бы я обратила на это внимание, то была бы предупреждена.

Сама не знаю, что я тогда сделала бы.

После университета мы с Келли почти не общались. Первое время кое-какая информация о ней доходила до меня через общих друзей и бюллетени ассоциации выпускников. Я уехала подальше на запад, поскольку врачи рекомендовали папе сухой климат. Я получила диплом по социальному планированию и поступила на работу в городскую администрацию Орора-сити. Так вышло, что папа слишком часто стал оставаться один, и я наняла ему сиделку, совершенно чужого человека. Мне хотелось жить своей жизнью. Можно подумать, такое бывает.

Из приходивших иногда рождественских открыток я узнала, что Келли с семьей живет в Европе, постоянно переезжая из одной страны в другую. Рон стал адвокатом, специалистом по международному праву и офицером высокого ранга; его работа имеет какое-то отношение к разведке — возможно, он служит в ЦРУ. У них двое сыновей. Во всех письмах, даже самых коротких, Келли неизменно упоминала о том, что ни дня нигде не проработала, что, когда Рон бывает в отъезде, она целыми днями просиживает дома и общается только с детьми, что она начинает забывать все иностранные языки, кроме языка той страны, где живет в данный момент. Мне казалось, даже английским она пользуется неуверенно, как-то по-детски, хотя по нескольким строчкам, которые она мне присылала, понять что-то наверняка было трудно.

В прошлом году я получила рождественское поздравление на официальном бланке, распечатанное на бледно-зеленой бумаге, с венками вдоль полей, составленное, по всей видимости, Роном. Текст оказался настолько выразительным, интересным и изящным, что я была потрясена. Успокоившись, я подумала — с неприязнью, но и с долей облегчения, и эти чувства могли бы стать подсказкой, отдай я себе в них отчет, — что Келли все еще пишет письма за Рона.

Сама не знаю почему, я сохранила это письмо, хотя, насколько помню, не ответила на него. Когда Келли позвонила, я нашла его и перечитала. В письме рассказывалось о поездке всей семьей в Альпы. Описание напоминало выдержки из туристического буклета, но автор явно знал, о чем пишет, и образы возникали яркие. Перечислялись разнообразные занятия и увлечения мальчиков, и затем автор отмечал, что «без Келли, разумеется, они бы не смогли всем этим заниматься». Упоминалось также, что в последнее время Келли болеет и сильно устает. «Сырые и хмурые зимы Северной Европы влияют на нее неблаготворно. Мы очень надеемся, что по возвращении домой она вновь расцветет».

Я не нашла в этом искусном, велеречивом бледно-зеленом письме ничего существенного. Как же я ошиблась...

В доме у Келли было очень чисто, опрятно и душно. Она провела меня через короткий коридор, увешанный темными фотографиями неизвестных мне людей, в гостиную. Огонь потрескивал в камине, выложенном изнутри голым кирпичом, и на мраморных разводах облицовки не было заметно ни пятнышка золы. Тяжелые шторы густого красно-коричневого цвета свисали до самого пола, все лампы были включены; стояла страшная духота.

В удивлении и замешательстве я остановилась у входа под аркой. Келли этого не заметила. Я видела, как она кутается в свою белую меховую накидку, будто мерзнет.

— Мы переехали сюда совсем недавно, — бросила она через плечо. Это прозвучало, как извинение, но я не могла понять, за что она извиняется.

— А здесь мило, — отозвалась я и прошла в комнату.

Казалось, что за окнами зимняя ночь.

Келли приглашающим жестом указала на кресло-качалку:

— Будь как дома.

Я села. Несмотря на то что кресло стояло на другом конце комнаты, уже через несколько секунд та сторона моего тела, что была обращена к камину, нагрелась до невозможности и я начала потеть. Келли приволокла себе пуфик, поставила его почти что в самый камин и устроилась сверху, обхватив руками колени.

Тишина, в которой слышалось только ее тяжелое дыхание да потрескивание дров в камине, вызывала ощущение неловкости.

— Сколько времени вы уже здесь живете? — спросила я, просто чтобы что-то спросить.

— Пару месяцев. С первого апреля.

Ага. Значит, она в курсе, что на дворе лето.

— И надолго вы собираетесь остаться?

Я понимала, что это становится похоже на допрос, но отчаянно пыталась нащупать точку опоры. Со мной такое бывало и прежде, хотя никогда еще я так ясно не отдавала себе отчета в причинах собственного поведения. Меня трясло, и от жары кружилась голова. Мне казалось, что я уже давно плыву куда-то далеко-далеко.

Теперь я понимаю, насколько глупо было с моей стороны смотреть на Келли как на балласт. Она к тому времени стала уже настолько невесомой, что уже никого не обременила бы.

И вдруг — со мной часто такое случалось, стоило мне оказаться во власти какого-нибудь сильного чувства: страха, радости, отчаяния — я ощутила тяжесть отцовского тела у себя на руках и прикосновение тонких словно паутинка волос, щекочущих губы. Я закрыла глаза от боли и прижала руки к груди, будто пытаясь удержать драгоценную ношу.

— Что с тобой, Бренда? — спросила Келли голосом, почти полностью лишенным выражения, и я, сама не понимая, что делаю, закрыла руками глаза.

— Ты мне кое-кого напомнила, — призналась я. Это было удивительно. Почему? И что бы это значило? Пытаясь успокоить себя, как аутичный ребенок, я яростно раскачивалась в громоздком кресле. С усилием заставив себя стиснуть руками жесткие подлокотники, я остановила кресло. — Еще одного человека, который меня покинул.

Она не переспросила, что́ я хочу этим сказать. Не стала спорить с моим пониманием наших отношений. Она просто вопросительно вскинула голову таким знакомым движением, что у меня перехватило дыхание, а ведь я и не подозревала, что еще помню хоть что-то из ее привычек.

Она рассеянно сняла с бежевого ковра, который казался безупречно чистым, две вылезшие ворсинки, переложила их в другую руку и зажала в кулак. И только тут я заметила, что ее ногти покрыты розовым перламутровым лаком. Ее розовато-лиловые чулки были матовыми и плотными, гораздо плотнее нейлоновых. Элегантные туфли на высоких каблуках оторочены мехом. Мне хотелось подсесть к ней, чтобы мы могли обняться и согреть друг друга. Я потела изо всех сил.

Думаю, еще немного, и я рассказала бы ей об отце. Рассказала бы о таких вещах, которые еще не сформулировала даже для себя. Меня до сих пор мучает мысль о том, что, начни я тогда говорить, все могло бы сложиться иначе. И от этой мысли у меня стынет кровь.

Но я так ничего и не сказала, потому что пришли сыновья Келли. Я вздрогнула, услышав, как хлопнула раздвижная дверь, как засмеялись и заспорили друг с другом детские голоса. Их веселость казалась здесь неуместной.

Папа умер, когда меня не было дома. Он не хотел, чтобы я уходила, хотя ни за что не попросил бы меня остаться. Он недолюбливал моих мужчин — всех мужчин, с которыми я встречалась. Когда я вернулась домой — раньше, чем предполагала, и все же слишком поздно, в полной решимости больше не видеться с тем человеком, — то нашла отца на полу. Он был мертв. Если бы я не ушла в тот вечер, то могла бы его спасти или, по крайней мере, он умер бы у меня на руках. Я была у него в долгу. Ведь он подарил мне жизнь.

Пытаясь собрать разбежавшиеся мысли, я сосредоточилась на Келли, с которой произошло волшебное превращение. Позже я неоднократно наблюдала подобные метаморфозы и каждый раз изумлялась, а уж в первый раз это и вовсе показалось мне то ли чудом, то ли происками дьявола.

Она вдруг выросла, как надувная кукла. Щеки ее зарумянились. Плечи поднялись, и спина распрямилась. К тому времени, как мальчики нашли нас и вбежали в гостиную, полные сил, завывая, как автомобильные сирены, и впуская следом за собой свежий воздух, она уже протягивала к ним руки и вся лучилась радостью. Белая меховая накидка соскользнула с плеч Келли и упала прямо на каминную приступку у нее за спиной, так что я даже подумала, как бы не случилось пожара.

В тот день я просидела у Келли довольно долго, хотя и не собиралась. Когда она рекомендовала меня детям как «старую университетскую подругу», Джошуа, тот, что помоложе, взглянул на меня с благоговением и спросил:

— А пану вы тоже знаете?

Я ответила, что знаю или, по крайней мере, знала. Он кивнул. Это был очень серьезный ребенок.

Обедали мы на свежем воздухе, в патио. Я смотрела, как дети балуются с разбрызгивателем и балансируют на батуте, растянутом во дворе; смотрела, как Келли подставляет свое тело солнцу, подобно хамелеону. Она оказалась суетливой хозяйкой. Порхала между нами и очень беспокоилась, не нужно ли чего мне или мальчикам. Все время спрашивала, достаточно ли сладок лимонад и не слишком ли много майонеза в сандвичах. Если кто-нибудь из нас переставал жевать, она явно расстраивалась. Сама при этом ничего не ела, будто ей это было не положено. Она не отбивалась от насекомых, не обмахивалась газетой и не жаловалась на жару. Со мной почти не разговаривала; с детьми была нетерпелива. Она смотрела, как мы едим и играем, и лицо ее выражало тревогу, как будто она не была уверена, что все правильно понимает.

Я чувствовала себя неловко, поскольку не привыкла долго сидеть на одном месте безо всякого занятия — без телевизора, газеты или вязания. В конце концов я встала и пошла играть с мальчиками. Я забросила куда-то новую желтую летающую тарелку, посрамила Клэя в прыжках на батуте, окатила Джошуа водой из разбрызгивателя. Я вела себя неуклюже, и детям это не понравилось: своим вторжением я нарушила привычный ритм их игры.

— Хватит! — закричал Джош, когда в него ударила струя воды, а Клэй просто соскочил с батута и величественно удалился, как только заметил, что я встала рядом.

Я принялась бесцельно бродить по двору. Алые и рыжеватые розы взбирались по ограде; я потрогала их лепестки и шипы, склонилась, чтобы вдохнуть аромат.

— Рону нравятся розы, — послышался голос Келли у меня за спиной. От неожиданности я подскочила на месте: я и не заметила, что она подошла так близко. — Поэтому мы и посадили эти кусты. Вообще-то они очень капризные. Я еще толком не научилась за ними ухаживать. Но Рон покупает мне специальные книги.

— Какая красота, — восхитилась я.

— И масса труда. А сам он ничего не делает. Все висит на мне.

У меня под боком, словно из-под земли, вырос Клэй. В руках он держал семейную фотографию в застекленной рамке — такую большую, что ребенку приходилось держать ее двумя руками.

— Клэй! — грозно воскликнула Келли. Голос ее прозвучал неожиданно резко. — Осторожно, не урони!

— Я отнесу ее на место, — мягко сказал мальчик, пытаясь успокоить мать. Потом обернулся ко мне и сообщил очень серьезным тоном: — Смотрите, вот мой папа.

Не знаю, что я должна была сказать, какой реакции он от меня ждал. Я посмотрела на Клэя, на его брата, стоящего на другом конце двора, на фотографию. Она была сделана несколько лет назад: мальчики были заметно моложе. Келли была бледна и очень мила; она прижималась к мужнину плечу, хотя фотограф наверняка просил ее держаться прямо. Мужчина в форме, стоящий в центре семейной группы,

был выше, румяней и намного представительней, чем тот Рон, которого я знала.

— Ты очень похож на него, — нашлась я наконец. — Вы оба на него похожи.

Мальчик нахмурился, удовлетворенно кивнул и потащил портрет обратно в дом.

Я сидела на детских качелях и наблюдала за серой пичугой, пристроившейся на яблоневой ветке. В это время года, между цветением и созреванием плодов, еще трудно сказать, каким будет урожай. Я праздно размышляла о том, готовит ли Келли яблочное пюре и любят ли Рон и мальчики яблочный пирог.

— Мой папа повесил эти качели для нас! — сердито прокричал Джошуа, плескавшийся в бассейне.

Я взяла кувшин с лимонадом и пошла в дом, чтобы добавить в напиток немного льда, хотя никто и не просил меня об этом.

Оказавшись одна у Келли на кухне, я ощутила то чувство близости, которого мне так недоставало. Наверное, она проводила здесь много времени, готовила еду, и все же во всем помещении не было ничего, что свидетельствовало бы о характере и привычках хозяйки. Я огляделась вокруг.

Картинки на стене над микроволновкой самые банальные: квадратного формата репродукции, изображающие овощи — помидоры, морковь и початок кукурузы, все очень мило. На посудомоечной машине — подставка для специй, на ней — две красно-белые жестянки и две ничем не примечательные стеклянные бутылочки: корица, чесночный порошок, соль и перец. Ничего особенного. Ни тарелки, отмокающей в раковине. Ни куска мяса на стойке, размороженного к ужину.

Я поймала себя на мысли, что, если заглянуть во все шкафы, во все ящики и вглубь холодильника, я непременно найду что-нибудь особенное, но я ни за что не смогла бы решиться на такой циничный обыск. Теперь-то я понимаю, что все равно ничего не нашла бы. Ни припрятанных ею любимых чипсов. Ни посуды, имеющей какое-то особое значение. Ни фирменных рецептов. Возможно, в морозиль-

шке я обнаружила бы эскимо для Клэя и Джоша и, конечно же, упаковку из шести бутылок пива «Coors Lite» на верхней полке холодильника — для Рона. Но как бы внимательно я ни искала и как бы ни задумывалась над каждой находкой, я не нашла бы ничего, относящегося к самой Келли, — только то, что она запасла для других.

Я поставила кувшин на стойку, встала посреди кухни, опустив руки по швам и закрыв глаза. Задержала дыхание. Я чувствовала себя запертой в плавучем ящике. Я слышала визг и крики детей на улице, гудение газонокосилки вдалеке, поблизости тиканье часов — но все эти звуки были как бы вне меня, они меня не касались. На меня наплывали многочисленные кухонные запахи, запахи уюта — кофе, корица, чеснок, — но меня никогда не угощали на этой кухне.

Я открыла глаза. Голова кружилась. Оказалось, что, сама того не замечая, я повернулась и теперь стояла лицом к небольшой комнатке, отделенной от кухни перегородкой. Скорее всего, это была кладовка или буфетная. Я заглянула за цветную перегородку из оргстекла, и у меня перехватило дыхание.

Это было святилище. Все три стены, на треть от пола обшитые деревом, до самого потолка были увешаны фотографиями Рона, Клэя и Джошуа. Черно-белые фотографии в белых рамках контрастировали с пестрыми обоями, которыми была оклеена остальная часть кухни. Здесь висели и одиночные, и групповые снимки: Рон в военной форме, с мужественным и глубокомысленным видом; Клэй, делающий сальто на батуте; Джошуа в форме скаута; все трое в картинной позе, Рон в центре, и каждый из мальчиков положил руку отцу на плечо; дети возле рождественской елки. Всего сорок три фотографии, я посчитала.

Я не могла заставить себя войти в альков. Думаю, я боялась услышать голоса. И на всех этих стенах не было ни одного свидетельства существования Келли.

Позже мне в голову пришла страшная и мрачноватая мысль: если бы какому-нибудь детективу понадобилось узнать что-нибудь важное о Келли, все его усилия пропали бы даром. А жрецу вуду не удалось бы даже соорудить

приличную куклу. От Келли почти ничего не осталось. Пара особенностей — не больше. Еще немного, и можно будет вообще отказать ей в наличии души.

Тем летом и осенью я частенько бывала у Келли. Сперва я обедала у нее по субботам, каждый раз это был пикник в патио, и мальчики тоже участвовали. Мы ели сандвичи и чипсы, запивая их лимонадом. Она не позволяла мне ничего приносить с собой и очень обижалась, если я пыталась настаивать.

— Келли, почему бы нам с тобой не пообедать где-нибудь вдвоем? Найми для мальчиков няню или отведи их в бассейн, придумай что-нибудь.

— В бассейне опасно. Я видела детей, которые туда ходят: они мне не понравились.

По-моему, мы с Келли ни разу не оставались наедине. Ее сыновья всегда находились рядом, в той же комнате, или там, где все равно могли нас слышать, или же вбегали в самый неподходящий момент с очередной просьбой. Я тихо злилась. Эти мальчики мне вообще не слишком нравились: они вели себя нагло и грубо — по отношению ко мне и особенно к собственной матери. К тому же, на мой взгляд, они были уж больно жизнерадостны.

— Редкая мать проводит со своими детьми столько времени, как ты, — похвалила я ее как-то раз, конечно же кривя душой.

Мне хотелось ее понять, хотелось хоть как-то вызвать ее на разговор.

— Мы всегда проводили много времени вместе, — ответила Келли, хотя голос ее звучал немного нерешительно. — Я их обоих кормила грудью почти до двух лет. Джош до сих пор иногда пытается ухватить меня за грудь. В шутку, конечно.

От таких откровений я немного растерялась, но продолжала:

— По-моему, их общество тебя полностью удовлетворяет.

На самом деле мне просто хотелось выяснить, так ли это. Она пожала плечами и усмехнулась:

— Наверное, я унаследовала отцовское отношение к детям. Все будет отлично, если тебе удастся воспитать их, выучить и вообще сделать такими, какими ты сам хочешь их видеть. В противном случае дети — только досадная помеха. — Она снова усмехнулась, поежилась, обхватила себя руками за плечи, провела тыльной стороной ладони по глазам. — Но ведь для того, чтобы быть хорошей матерью, не обязательно *любить* своих детей? Как ты думаешь?

Рона я не видела довольно долго. Каждый раз, как я приходила, он был на работе, и как поздно я ни засиживалась бы, он возвращался позднее.

— Пойдем посмотрим этот фильм. Я уже давно собиралась, а его на днях снимут с проката. Я не хочу идти одна.

— Нет, не могу. Мои мальчики хотят посмотреть один фильм, из этих модных, про кунфу. Я обещала сводить их в эти выходные.

Розы в саду у Келли отцвели, затем настал черед бархатцев и хризантем. Яблок уродилось много. Крошечные плоды теснились на южной стороне яблони: как объяснила мне Келли, на северной стороне все бутоны померзли еще ранней весной. Она очень переживала по этому поводу; когда она рассказывала об этом, глаза ее наполнялись слезами. Каникулы у мальчиков закончились.

— Что ж, теперь у тебя полно времени. Сходим как-нибудь с утра на той неделе в художественную галерею? Думаю, я смогу выкроить пару часиков.

— Что ты, Бренда, у меня тут работы непочатый край. Нет, в самом деле. Нужно провести осеннюю уборку. И с комнатой Клэя пора что-то делать. У него там на стенах обои наклеены в десять слоев! Я прежде всего должна заботиться о Роне и детях. Но ты все равно приходи, когда захочешь. Обедом я тебя всегда накормлю.

Однажды в холодную среду в конце сентября у меня была назначена встреча неподалеку от Келли, и в офис нужно было вернуться только на совещание, то есть к двум часам. Поддавшись внезапному порыву, я свернула в боковую улочку по направлению к ее дому.

Я никогда прежде не бывала у Келли по будням. Я никогда не сваливалась ей на голову без предупреждения. Мне

всегда нужно время, чтобы настроиться. Я прекрасно отдавала себе отчет в том, что в дружеском общении люди ведут себя совсем не так, как при внезапном столкновении с внешним миром, даже если проявлением внешнего мира оказывается такая незначительная и нелепая его часть, как моя персона. Сердце беспокойно трепыхалось у меня в груди. Меня бросало то в жар, то в холод, хотя солнце еще грело и небо было ясным. Старые кварталы, мимо которых я проезжала — дома, деревья, ограды, — обрели особую контрастность, какую осеннее освещение часто придает городским пейзажам. Словно каждый кирпич обведен по контуру, а каждый цветок и лист — творение ювелира.

Я припарковалась возле ее дома, на другой стороне улицы. Я постаралась отворить и прикрыть калитку как можно тише. Немного постояла на крыльце, прислушиваясь к «музыке ветра», глядя на радужные отсветы бумажного осеннего листа с неровными краями, который Джош смастерил в школе и подвесил к окну. Все цветы Келли унесла на зиму в дом, и на крыльце было непривычно пусто. В конце концов я надавила на кнопку звонка и стала ждать. За спиной у меня проехало несколько машин. Я позвонила снова и прислушалась к звукам внутри дома. Там было тихо.

Я толкнула дверь, и та легко подалась. Быстро вошла и захлопнула дверь за собой, чтобы в дом не проник свет и не налетела пыль. Прошла через прихожую, и только на пороге кухни позвала Келли.

— Я здесь, Бренда, — отозвалась она, таким тоном, будто ждала меня.

Удивленная, на секунду я замерла на месте: неужели я предупредила Келли о своем приходе и забыла об этом или, быть может, мы давно договорились увидеться сегодня, а я не записала встречу в ежедневник?

— Где? — переспросила я.

— Да здесь.

Я нашла ее в спальне. Она лежала в постели, плотно укутавшись в одеяло; на шее у нее был шарф, на голове — вязаная шапка; руки в перчатках прижимали край одеяла к самому подбородку.

Вокруг шеи, под шарфом, виднелся воротничок белой меховой накидки. Зубы у нее стучали, а бледное лицо отливало зеленью. Я замерла на пороге и уставилась на нее. Луч света, пробивавшийся сквозь занавешенное окно, был по-зимнему холоден.

— Келли, что с тобой стряслось? Ты больна?

Следовало задать ей этот вопрос несколько месяцев назад, но теперь он сорвался у меня сам собой.

— Мне *холодно*, — слабо сказала она. — У меня... кажется... совсем нет сил.

— Позвать кого-нибудь?

— Не надо, все в порядке. Если я лежу весь день, то обычно к приходу мальчиков это проходит.

— И часто это бывает?

— Не знаю. По-моему, где-то через день.

Я прошла в комнату и остановилась возле кровати. Мне не хотелось к ней прикасаться. Теперь-то я знаю, что Келли не могла меня заразить, что в такой безопасности, как с нею вдвоем, я в этом доме не бывала больше никогда. Но в то утро я знала только то, что мне страшно, что моя подруга в беде и что меня распирает сильнейшее и все возрастающее любопытство.

— А где Рон? — спросила я. — Он еще в отъезде? Он вообще знает, что с тобой происходит?

— Он вернулся вчера поздно вечером, — ответила Келли.

К сожалению, я не могла оценить всей важности этого ответа.

— Что мне делать? Позвонить ему на работу? Вызвать врача?

— Нет.

С *тяжелым вздохом, ценой нечеловеческого усилия* она свесила ноги с кровати и села. При виде этого у меня самой закружилась голова. Я оперлась рукой о стену и потрясла головой, чтобы прийти в себя. Келли встала.

— Лучше отведи меня куда-нибудь, — вдруг попросила она. — Я хочу есть. Давай пообедаем.

Безо всякой помощи с моей стороны она вышла из дому, перешла улицу и села в машину. Она оказалась на солнечной стороне, так что ей должно было быть тепло.

Я слегка поежилась и решила, что в воздухе определенно чувствуется осенний холодок.

— Куда поедем? — поинтересовалась я.

— В какой-нибудь фаст-фуд.

Что мне всегда нравилось в Денвере, как с личной, так и с профессиональной точки зрения, так это его многогранность. И вот одно из ее проявлений: поблизости от тихих жилых кварталов, таких как тот, где стоял дом Келли, всегда есть большие и многолюдные торговые зоны. В пяти минутах езды находилось с полдесятка бистро. Келли было все равно, куда пойти, поэтому я выбрала направление на авось и остановилась возле того фаст-фуда, где было припарковано меньше всего машин. Келли не терпелось войти внутрь.

Там оказалось очень светло, тепло и шумно. Я заметила, что Келли плотно кутается в меховую накидку, а люди смотрят на нее и снова отворачиваются. Она пошла искать место как можно дальше от окон и дверей, и я сделала заказ за нас обеих, не зная, чего она хочет, наудачу. Была большая очередь. Когда я наконец подошла к столику, то обнаружила, что Келли с каким-то болезненным выражением смотрит на женщину средних лет в аляповатой униформе, вытиравшую столы и подметавшую пол.

— Я поговорила с ней, — прошептала Келли, когда я ставила на стол тяжелый поднос. — У нее магистерская степень.

— В какой области? — поинтересовалась я, чтобы поддержать разговор. Я чувствовала, что надо ее как-то отвлечь, хотя и не понимала, что ее беспокоит. — Вот твой коктейль. Надеюсь, ты пьешь шоколадный? Клубничный закончился.

Поскольку она сразу не ответила, я пригляделась к ней повнимательней. Выражение ужаса у нее на лице заставило меня содрогнуться. Глаза у нее выкатились и налились кровью. Воздух с шумом вырывался у нее из груди. Ее руки, обтянутые перчатками, лихорадочно скребли столешницу, словно пытаясь нащупать опору. Она хрипло прошептала:

— Я могу стать такой же через пару лет. Работать в забегаловке за ничтожные гроши. Чтоб иметь хоть какое-то занятие. И никого рядом. Я могу стать такой же.

— Что за чушь?! — воскликнула я. — У тебя жизнь гораздо полнее, чем у этой женщины.

И вдруг Келли закричала:

— Да что ты знаешь?! Откуда тебе знать?! Я разочаровала всех! Слышишь — всех! И учителей, и университетских преподавателей. Ведь они считали меня очень способной! А мой отец? Я обманула его надежды! Ты даже не представляешь, каково это!

И тут, к моему ужасу, она вскочила на ноги и, шатаясь, выбежала за дверь. В первый момент мне даже показалось, что она просто исчезла, будто растаяла в воздухе, таком же бесплотном, как она сама. Сказав себе, что это безумие, я кинулась ее догонять.

Толпа желающих пообедать сомкнулась за Келли сплошной стеной. Я прорвалась сквозь нее, кинулась в дверь, которая, подобно раме, заключала в себе картину оживленной улицы, как плохую фотографию, блеклую и совершенно мне чуждую, — до тех пор, пока я сама не стала ее частью. Я огляделась вокруг. Келли лежала без чувств на горячем тротуаре. Колени ее были подняты, голова на асфальте, темные прямые волосы упали на лицо, поднятый ворот накидки прикрывал уши. Возле нее хлопотали две женщины в шортах и топиках на бретелях. Я поспешила туда, будто для того, чтобы спасти Келли от них, хотя, конечно, она к тому времени в защите уже не нуждалась.

Рона я встретила в больнице. Уже на носилках, высоким бесцветным голосом, сливавшимся со звуком сирены, Келли объяснила мне, как с ним связаться. Мне не хотелось этого делать; не хотелось, чтобы он был здесь. К тому моменту, как я прорвалась наконец через все инстанции и бюрократические синапсы, предусмотренные организацией, в которой он работал, и услышала на другом конце провода его голос, поприветствовавший меня официальным тоном, я была в бешенстве. Но я ничего не пропустила: Келли все еще находилась в отделении реанимации. Судя по голосу, Рон не слишком-то встревожился, и я убедила себя, что все дело в выдержке. Он сказал, что приедет через пятнадцать минут, и приехал.

Когда он вошел, Келли только что отвезли на осмотр. Я стояла у стойки в полной растерянности и ждала; за занавеску меня вместе с ней не пустили, а она была слишком слаба, чтобы меня позвать. Когда мимо меня прошел высокий блондин в форме, я ничего не сказала. Никто ничего не сказал. Вряд ли Келли звала его или разрешила, чтобы его впустили. Вряд ли она даже узнала его. Но это не имело значения. Он был ее мужем. Она была его частью. Он имел право.

Мы с отцом были так же неразрывно связаны. Если бы я претендовала на право быть частью его, радовалась бы этому и ценила — все было бы иначе. Вместо этого я боролась за право быть взрослой, жить своей жизнью. Поэтому я его потеряла. «Потеряла нас обоих», — подумала я, ведь без него — кто я такая?

Я почувствовала приближение Рона еще до того, как открыла глаза и увидела его.

— Келли без сознания, — сообщил он. — И по-прежнему неясно, что случилось. Ты, кстати, тоже выглядишь неважно. Присядь-ка лучше.

Я не дала ему тогда прикоснуться к себе и первая направилась к паре оранжевых стульев из пластика, привинченных к металлической штанге у стены. В полном молчании мы сидели рядом, стулья не двигались, и я не пыталась повернуться к нему лицом. Он был приветлив и серьезен, как того требовал случай. Он взял меня за руку и сжал ее в своих ладонях.

— Бренда, — начал он, и в его устах мое имя прозвучало с таким значением, какого я сама никогда ему не придавала, и — вопреки мне самой, вопреки обстоятельствам, вопреки тому, что сама я считала своим окончательным мнением, — во мне шевельнулась благодарность. — Я так рад увидеть тебя вновь спустя столько лет. Жаль, что наша встреча произошла при таких обстоятельствах. В последние несколько месяцев Келли очень много о тебе говорила.

Я кивнула, не зная, что на это сказать.

— Как это произошло? — спросил Рон.

Он отпустил мою руку, и мне стало холодно. Засунув руки в карманы, я принялась рассказывать:

— Она упала в обморок.

И чем дальше я рассказывала, тем больше злилась и тем ближе становилась к опустошающей, бессильной истерике, которой я так боялась. Теперь-то я знаю: в опустошении нет ничего страшного. Келли так и не поняла этого до конца. Какая-то часть ее сознания так и не прекратила сопротивления. Зато я уже не сопротивляюсь.

— Как это? Расскажи мне, что случилось. Мне нужны подробности.

Чтобы разобраться во всем, он взял командование на себя. В мозгу вспыхнула мысль, что подчиняться нельзя, но с того момента, как он вошел, я чувствовала себя измотанной.

— Я хотела заскочить к ней ненадолго. У меня были дела неподалеку. Она лежала больная. Попросила сводить ее куда-нибудь пообедать. Вот мы и...

— Пообедать? — Его светлые брови приподнялись, потом неодобрительно нахмурились. — Она хотела пообедать в городе? С тобой?

Я с трудом сдержала негодование:

— А почему бы нет?

— Просто... это не похоже на нее. Продолжай.

Я рассказала ему все, что знала. Казалось, разговор наш длился бесконечно, хотя рассказывать вроде бы было почти нечего. Я спотыкалась на каждом слове. Надолго замолкала. Рон внимательно слушал. В какой-то момент он дружески положил руку мне на плечо, а я слишком устала и растерялась, чтобы стряхнуть ее. Когда я закончила, он кивнул, и тут кто-то вышел оттуда, из-за занавески, где горел яркий свет, и я снова осталась одна, чувствуя, что рассказала не все.

Из больницы Келли не вернулась. Она умерла, не приходя в сознание. Позже я часто думала о том, что она сказала бы мне, если бы очнулась, какой совет дала бы, о чем предупредила бы, как вынесла бы эту муку.

Я не присутствовала при ее смерти. Зато там был Рон. Он позвонил мне рано утром и сообщил. Он явно обессилел, говорил тихо и устало.

— Ой, Рон. — Вот и все, что я сказала, глупо, конечно. И замолчала в ожидании указаний.

— Не могла бы ты приехать, — попросил он. — Мальчикам придется нелегко.

Так я и осталась. Даже не вернулась к себе в квартиру за вещами; ничто из моего прежнего имущества не стоило подобных хлопот. У меня не было домашних животных, которых надо кормить, не было растений, которые надо поливать, никаких книг, одежды, мебели или фотографий, которые по-прежнему что-то для меня значили бы.

Келли вела хозяйство аккуратно. Все необходимое я нашла сразу. Распорядок дня у мальчиков был простой, хотя и очень напряженный. Имена и телефоны родителей их друзей, вожатых скаутов, преподавателей фортепиано я обнаружила на ламинированном листе бумаги, приколотом к кухонной доске для записей. В спальне, в той части платяного шкафа, которая принадлежала Келли, я нашла одежду разных размеров; та, что побольше, купленная еще до того, как она похудела, прекрасно подошла мне.

В первую неделю я взяла на работе отгул. В последующие дни, если не забывала, то звонила и говорила, что больна; в последнее время вообще перестала звонить, а они, разумеется, понятия не имеют, куда я делась.

Рон редко бывает дома. У него очень важная и секретная работа; не знаю точно, чем он занимается, но я очень горжусь, что помогаю ему.

И все же первую неделю он провел дома, так что мы немного привыкли друг к другу. Я сказала ему:

— Ты совсем не такой, как тот парень, с которым я была знакома в университете.

Мы беседовали в полутемной гостиной. Говорили о Келли. И оба плакали.

Он сидел возле меня на кушетке. Я заметила, что он кивнул и слабо улыбнулся.

— Келли часто говорила, что я оправдал ее самые несбыточные надежды, — подтвердил он. — А она всех разочаровала.

Я ощутила прилив раздражения против Келли. Ведь она умерла.

— У нее был выбор, — сказала я. — Никто ее ни к чему не принуждал. Она могла бы жить по-другому, если бы захотела.

— Не будь так уверена, — отрезал Рон.

Его тон меня удивил и обидел. Я взглянула на него и сквозь сумерки увидела, как он наклонился вперед, чтобы поставить стакан на кофейный столик. Он забрал у меня из рук пустой бокал, отставил его тоже и быстро склонил лицо к моей шее.

Я почувствовала легкую боль — потом осталось жжение и крошечная ранка. Закончив, он выпрямился, вытер рот носовым платком, торчавшим из нагрудного кармана, и ушел наверх спать. В ту ночь я долго просидела без сна, взволнованная, потрясенная, напуганная. Я больше не одна. Больше не нужно принимать решения, не нужно защищаться от внешнего мира. Той ночью, когда все произошло впервые, мне не было ни холодно, ни тяжело. Потом пришла болезнь, но с нею и радость.

Рон говорит, что любит меня. Он говорит, что я очень нужна ему и мальчикам, что они без меня пропали бы. Мне нравится это слышать. И я понимаю, что он имеет в виду.

ДЖОН БЁРК

Дьявольское трезвучие

Джон Бёрк является автором около 150 книг во всех возможных жанрах. Он родился в Рае, в графстве Суссекс, и провел детство в Ливерпуле, где его отец занимал должность главного инспектора полиции.

В тридцатые годы Бёрк совместно с Чарльзом Эриком Мэйном основал журнал «Спутник», один из первых научно-фантастических журналов Англии. В 1949 году он получил литературную премию «Атлантика» за свой первый роман «Быстрое лето» («Swift Summer»). До 1963 года Бёрк сотрудничал с разными издательствами и одновременно работал в нефтяном бизнесе, пока его не пригласили в издательство «XX век» в качестве редактора серии «Европейские рассказы».

В первой половине 1950-х он написал несколько научно-фантастических романов и приобрел много рассказов для таких известных журналов, как «Новые миры», «Научная фантастика» и «Небьюла».

Бёрк также является автором многих сценариев теле- и кинофильмов, включая «Вечер трудного дня», «Дом ужасов доктора Террора», «Ужас Молота», «Ужас Молота-2», «Привилегия» и «Луна-ноль-два». Два ремейка телевизионного сериала «НЛО» были опубликованы под псевдонимом Роберт Миалл. Бёрк также издал серию антологий, таких как «Страшные сказки» и «Новые страшные сказки». Параллельно с этим в издательстве Ash-tree Press вышло собрание его лучших произведений под общим названием «Мы тебя ждали». Последняя его книга — «Ложный поворот», объединившая многие черты его ранних романов.

«Я всегда верил в то, что музыка способна оказывать более сильное воздействие на эмоции людей, чем какой-либо другой вид искусства, — заявил Бёрк. — Как-то я написал сценарий для фильма „Дьявольский аккорд", который мне удалось продать, но фильм так и не поставили. В этом сценарии я показал, что разнообразные виды истерии, вызванные так называемыми магическими заклинаниями, в основном обязаны своим происхождением их музыкальной составляющей. Собственно, эти заклинания и представляют

собой единство ритма, мелодии и одних и тех же слов... Меня поразила мысль, что этот вампирический элемент, присутствующий в музыке прошлого, обрел новую жизнь в современных вариациях».

Нижеследующий рассказ, развивающий эту идею, был написан специально для этого издания.

Ураган в Оркни явился причиной тому, что концерт, приуроченный к празднику св. Магнуса, пришлось отложить. Ветер был настолько сильным, что стекло из маленького круглого окна собора вылетело наружу. Менее известное выступление трио «Драйздейл» началось позже назначенного времени в связи с тем, что пароход, на котором участники трио должны были прибыть, задержался на коротком, но опасном участке пути между Керкуоллом и островом. Однако само выступление имело успех. Слушатели были вознаграждены за все трудности, которые им пришлось преодолеть на пути к острову, — и даже в тот момент, когда завывание ветра прозвучало в совершенно другой, нежели сама мелодия, тональности.

Это произошло в середине «Вариаций на тему Кэлума из Клачена», которые Роберт Драйздейл написал специально для своего трио. Сам он играл на скрипке, его жена Дейрдре — на ирландской арфе, а их дочь Фиона — на флейте. Несмотря на то что это завывание прозвучало резким диссонансом к основной теме, оно казалось частью музыкальной композиции, ее кульминацией. Слушатели были подготовлены к ней всем развитием темы, и от этого у них мурашки поползли по коже.

На следующий день после заключительного концерта пароход, отплывающий на большую землю, задержался на четыре часа — опять-таки из-за сильного шторма вдоль всего побережья Пентленд-Ферта. Драйздейлы никогда раньше не страдали морской болезнью, но к тому времени, когда Роберт ступил с палубы на твердую землю, он испытывал головокружение от качки и от постоянной необходимости удерживать равновесие. В полумиле от пристани он свернул на обочину дороги.

— Нам придется поискать, где бы остановиться на ночь. Слишком поздно, и мы не успеем добраться до Питлохри к вечеру.

Через два дня им предстояло играть в Гекзаме, в Нортумберленде. Роберт вообще-то планировал сделать привал на одном из гладких спусков Центральной Шотландии и на следующий день не спеша направиться к югу от Бордера.

Дейрдре достала карту и развернула ее на коленях.

— Как насчет Дорноха? — предложила она.

— Немного далековато. Мы могли бы добраться до Бонар-Бриджа или... минутку. — Указательным пальцем Роберт ткнул в одно из названий, — Кёркшиэл! Всего в нескольких милях от главной дороги! Ничего более подходящего не может и быть.

— Почему?

— Кэлум из Клачена, вот почему! Он родом оттуда и в конце жизни туда вернулся.

— Я не думаю, что там есть хотя бы одно настоящее название, — подала реплику Фиона с заднего сиденья, — ведь он назвал себя «из Клачена» только потому, что его родной город был оставлен жителями во времена «огораживаний» и никогда не имел собственного имени...

Пока порывы ветра ударяли в бок «вольво», Роберт думал о той волне жестокости и насилия, которая некогда прокатилась по всему Хайлэнду. Это было в Средние века, когда алчные феодалы и их управляющие выселяли людей с земель для того, чтобы очистить территории под пастбища для своих овец. Одни бежали за границу, другие переселялись на пустынные побережья, совершенно чужие для них. Иные ударились в бродяжничество, как, например, Кэлум — странствующий скрипач, едва сводивший концы с концами.

Роберт бросил взгляд на жену:

— Ты должна чувствовать духовное родство с этим человеком. Твои предки достаточно много перенесли в свое время.

Дейрдре слегка усмехнулась при мысли о духовном родстве с этим музыкантом из Эрискея, который странствовал по свету, неся напев ирландской арфы от одной долины

к другой, от одного туманного холма к другому, через земли и проливы, от острова к острову.

— И в конце концов он вернулся в родной дом, — произнес Роберт.

На пути их лежали две деревни — одна за другой, — там, где железнодорожные пути вплотную подходили к дороге, ведущей через Лэрг. Кёркшиэл была одной из них. Она была маленькой, но в ней, по крайней мере, имелась одна гостиница, отмеченная на карте. Стоило попытаться.

Роберт ехал по берегу неспокойной реки, следуя всем ее изгибам и поворотам. Те населенные пункты, мимо которых он проезжал, были отмечены треугольными знаками. В течение первого часа пути им попался только один фургон, гремящий по ухабам сельской дороги по направлению к месту парковки или в поисках поляны, затерявшейся среди деревьев в стороне от дороги.

Фиона начала что-то напевать себе под нос. Роберт, обычно спокойный в пути, редко обращающий внимание на посторонние звуки, сначала не реагировал. Но пение становилось все более назойливым и постепенно начинало его раздражать...

— Какого дьявола ты поешь?

— Я не знаю. Это сейчас только пришло мне в голову.

Фиона замолчала, но, когда они приближались к Кёркшиэлу, пожаловалась:

— Опять эта мелодия! Она звучит во мне все громче.

В это время года на севере сумерки длятся чуть больше двух часов. Но, несмотря на то что солнце облило вершины деревьев золотисто-розовым светом, небо впереди было мрачным и не предвещало ничего хорошего. Буря уже отшумела, оставив после себя сырость и тишину.

Роберт обогнул крутую излучину реки, и дорога пошла под гору по направлению к маленькому поселению. В некоторых окнах горел свет.

Гостиница называлась «Отдых Крофтера». Одно из ее окон светилось ярче соседних. Роберт оставил женщин в машине и вошел в бар. Это была длинная, низкая комната с четырьмя табуретами, высокой стойкой напротив окна и двумя столами возле дальней стены. В алькове рядом с две-

рью туалета стоял автомат с фруктовой водой — от блеска на его гранях у посетителей начиналась головная боль.

Хозяин, без пиджака, в одной рубашке, стоял за стойкой, облокотившись на нее костлявыми локтями. Его слезящиеся глаза остановились на вошедшем без малейшего участия или приветствия. Его запястья были усыпаны красными прыщами. Седеющие волосы напоминали потемневшее серебро.

— Можно ли найти у вас приют для троих? — спросил Роберт. — Только на одну ночь?

— Для троих?

— Для меня, моей жены и отдельный номер для моей дочери.

— Э-э... — Хозяин не выразил ни особого гостеприимства, ни враждебности, — А есть вы тоже будете?

— Если вы что-нибудь сообразите, будет замечательно.

— У нас дел по горло. Освободимся только к завтрашнему вечеру.

— А что за дела? Какая-нибудь вечеринка?

— Так, ежегодное мероприятие.

Когда Роберт вышел, чтобы помочь женщинам выбраться из машины, хозяин последовал за ним. Он, однако, даже не предложил Роберту помочь перенести два чемодана. Вместо этого он с непристойным любопытством уставился на музыкальные инструменты, лежащие на заднем сиденье фургона.

— А вы что, музыканты?

— Да, мы только что были на празднике святого Магнуса в Оркни. Довольно странно... Мы сыграли несколько вариаций на тему одного из ваших местных героев — Кэлума из Клачена.

— Подходящая музыка для завтрашней вечеринки.

— Что, простите?

— Ночь Кэлума, так мы называем ее. Раз в году. Только один раз. Нужна будет музыка. *Правильная* музыка.

— Боюсь, что завтра нас здесь уже не будет.

— Жаль, очень жаль... Тем более, вас к нам направили...

— Вот это вряд ли. Мы случайно увидели название вашего городка на карте...

— Будем считать, что вас сюда потянуло.

Хозяин проводил их по узкой лестнице на верхний этаж. Там располагались две спальни и ванная комната, выходящая на лестничную площадку. Потолки были низкими, комнаты — темными, через слуховое окно пробивался слабый свет. Но зато в комнатах царила безупречная чистота и пахло свежим постельным бельем. Когда они распаковали вещи, Дейрдре сердито сказала:

— Я думаю, нам придется уехать.

— Почему? Здесь довольно удобно. Вполне мило и тихо.

— Какое-то ощущение, что за нами... следят, что ли.

Роберт обнял ее одной рукой:

— Иди ко мне. Не надо нагонять страх.

Она отвернулась и принялась развешивать в узком шкафу платья.

Когда они спустились вниз, хозяин вышел из-за стойки поприветствовать их.

— Чего-нибудь выпить, сэр? — На сей раз это прозвучало так, как будто он был рад их приезду. — Меня зовут Хэмиш. Хэмиш Макрей.

— Драйздейл. Моя жена Дейрдре, наша дочь Фиона.

Хэмиш кивнул, как будто выражая одобрение. Затем он подал им кружку пенистого пива и два стакана апельсинного лимонада, спросив при этом:

— Что будете есть — форель или бифштекс?

— Форель, — ответили Дейрдре и Фиона в один голос.

— Бифштекс, — сказал Роберт.

Они расположились в баре на табуретках и ждали, когда Хэмиш вернется с заказами. Когда он вышел к ним, он выглядел как будто слегка навеселе и с готовностью принялся играть роль гостеприимного хозяина.

— Стало быть, завтра вечером. А нас тут подвел один местный... Он готовился целый год. Но как-то... э-э... В общем, не смог. Сбежал в последнюю минуту.

— Чего-то испугался?

— Да так, одной глупой байки. И некоторые из этих так называемых профессионалов оказались не лучше. Была у нас одна известная поп-группа, об этом много говорилось... Они назывались «Сыновья Гэйла» или что-то вроде

этого. Играли всякую попсу и якобы народную музыку. Или, может, фолк-рок, но не важно. Некоторым из местных это нравилось. Еще они танцевали ирландскую джигу — ну так они это называли! — тогда же, в Ночь Кэлума... Их скрипач крепко заложил за воротник той ночью. Он еще сказал, что приедет на следующий год, но не приехал. И это не единственный случай. Некоторые говорили, что приедут, а потом — с концами... А еще через некоторое время стали доходить слухи, что они — того... мертвые.

— Знаю я этих рок-исполнителей, — проникся рассказом Роберт. — Наслушаются музыки, наколются наркотиками и что-нибудь с собой сделают на радостях.

— Да, — произнес Хэмиш, но по его виду было понятно, что он не совсем согласен. — Очень может быть.

— Так этот праздник — что он собой представляет?

— Ночь Кэлума, я же сказал. Празднуется каждый год. Так, музыка, танцы...

— Какое странное совпадение, что мы здесь.

— О нет! Это не совпадение. Это было предопределено. То, что вы здесь...

— Я же сказал, что завтра вечером мы уже будем в пути. Мы ничего не можем поделать.

Хэмиш снисходительно улыбнулся с видом человека, знающего все наперед, и принялся обслуживать двух молодых посетителей, которые только что вошли и расположились напротив дальнего угла стойки. Черные, похожие на цыган, они разговаривали между собой, скалили зубы в улыбке и время от времени поглядывали на музыкантов. В основном, на Фиону с ее ярко-рыжими волосами, еще более яркими, чем у матери.

Отвернувшись от них, Фиона сняла с пластмассовой тумбы возле пилона туристический справочник. Роберт наклонился и через ее плечо начал рассматривать мятые, поблекшие страницы. Ничего вдохновляющего в этом справочнике не было. Предлагалось несколько рекомендаций по рыболовству, пешая прогулка длиной в две мили, остатки доисторических каменных лабиринтов...

— И ни слова об их блудном сыне?

— Ни слова.

Хэмиш приподнял занавеску, пропуская пожилую женщину, несущую две большие тарелки, которые она поставила на один из столов. Когда они расположились вокруг стола, официантка вышла, затем снова вернулась с подносом, на котором стояли еще одна тарелка и салатница, полная овощей.

Фиона положила справочник обратно на тумбу.

— Вообще-то можно было бы упомянуть имя Кэлума из Клачена. Хотя бы пару строк. Интересно, есть ли здесь, в вашей деревне, хоть какая-нибудь табличка или памятный знак?

— Те, кто знает, — бросила официантка через левое плечо, склонившись над столом и собирая использованные столовые приборы в салатницу, — в этом не нуждаются.

— А те, кто не знает? — усмехнулась Фиона.

— Прекрасно без этого обходятся.

Хэмиш предупреждающе кашлянул, как будто прочищая горло, и официантка скрылась. Молодые посетители расправились с напитками и покинули гостиницу, мимоходом взглянув на Фиону. Хэмиш подошел и потянулся к тумбе, склонившись над Драйздейлами.

— Сегодня вечером... — начала было Дейрдре с набитым ртом.

— Поберегите себя для завтрашней ночи, — перебил ее Хэмиш, — вот увидите...

Роберт бросил нож на тарелку:

— Мистер Макрей, я сказал вам, нас не будет здесь уже утром. Мы действительно не можем ждать до завтрашнего вечера!

Ночь прошла неспокойно. Роберт чувствовал, что еще не привык к твердой почве под ногами. Ему казалось, что кровать качается, как будто он все еще находился на борту парохода. Дейрдре лежала тихо, не говоря ни слова. Но он знал, что она не спала всю ночь. Утром им предложили обильный завтрак.

— Проводите нас? — спросила Фиона.

Женщина ни слова не сказала, вместо этого она насмешливо цокнула языком.

Когда Роберт вернулся оплатить счет, Хэмиш Макрей что-то напевал себе под нос. Он выразил сожаление по

поводу того, что не знает, как пользоваться кредитной картой. Когда Роберт вытащил свою чековую книжку, Хэмиш пробормотал что-то вроде «да, хорошо» и снова спросил:

— Но почему бы вам не подождать до завтрашнего утра? Я думаю, что в таком случае мы предоставили бы вам комнату без оплаты на две ночи.

— Но это просто смешно!

— Мы были бы вам очень признательны!

— Я сказал, что нам уже надо быть в пути. Прямо сейчас.

Хэмиш взял чековую книжку, но тут же отложил ее, как будто не принял сказанное всерьез. Он палец о палец не ударил, чтобы помочь Роберту и Дейрдре погрузить чемоданы в машину, но, встав в дверном проеме, наблюдал за их действиями со скептической ухмылкой.

Они расселись в машине на своих обычных местах, и Роберт автоматическим движением вставил ключ, как он делал тысячу раз до этого.

Никакой реакции. Двигатель не издал ни звука.

Машина не двинулась с места.

Роберт выругался и попытался еще раз. Наконец он вылез наружу и поднял капот. Масло, вода, горючее... Все было на месте. Через двадцать минут напряженного ожидания он вытащил мобильник и набрал номер службы дорожного сервиса. Телефон безмолствовал. Наверное, трубка была вне радиуса действия.

Роберт вернулся в гостиницу. Хэмиш все еще стоял в дверном проеме.

— Можно позвонить по вашему телефону?

Хэмиш посторонился и махнул рукой в сторону полки, укрепленной в узком алькове.

Бодрый голос спросил у Роберта номер страхового полиса и еще более бодро ответил, что помощь задержится вследствие большого расстояния, но все же кто-нибудь постарается прибыть как можно быстрее.

Роберт бросился к машине. Ни за что на свете он не вернется в эту гостиницу с ее Хэмишем Макреем, гнусно насмехающимся над их затруднениями. Если они вынуждены как-то заполнить это время, лучше пойти посмотреть

на то место, где спит вечным сном Кэлум. В ста ярдах по склону холма стояла небольшая церковь, и оттуда они увидят, когда автосервис прибудет к гостинице.

— Поскольку делать все равно нечего, — сказал он, — пойдем посмотрим на этого типа, из-за которого мы тут застряли.

Они спустились к церквушке с одним маленьким колоколом под самой крышей. Это, видимо, была одна из церквей эпохи Телфорда — ступенчатое сооружение, построенное в суровом, аскетическом стиле.

Во дворе церкви было несколько могил. На каждой из них перед памятником стояли свежие цветы и зеленела аккуратно подстриженная трава.

Роберт убедился в том, что отсюда видно машину, и слегка толкнул дверь церкви. Дверь со скрипом отворилась, и они вошли внутрь.

В церкви было прохладно, несмотря на теплое, солнечное утро. Стены из необтесанного белого камня дышали холодом. Вдоль стен стояли скамьи со строго вертикальными спинками. На доске были косо написаны названия гимнов, исполнявшихся в церкви на прошлой неделе.

Против северной стены находилось нечто похожее на маленький гроб с именем и датой смерти ребенка. У южной стены стояло массивное надгробие, сделанное из дерева, все в мелких трещинах и сучках.

Все трое рассматривали потускневшую роспись на крышке надгробия, которая представляла собой переплетение зеленых и красных полос в виде плюща, обвивающего колонну.

Сзади послышался пронзительный, скрипучий голос:

— Я полагаю, вы пришли сюда ради дешевых острых ощущений?

Священник был человеком маленького роста, с узкими плечами и узким лицом. Он сжал тонкие губы, будто готовился произнести горькую проповедь прямо здесь и сейчас.

— Наша машина сломалась, — пояснил Роберт, — и мы просто решили прогуляться, пока не подоспеет помощь.

— Знаете ли вы, кем был этот человек, похороненный здесь?

— Мы знаем его музыку и сами кое-что исполняем. Вариации на одну из его мелодий для скрипки.

— Да простит вас Бог.

На желтоватом, болезненном лице священника отобразилась гримаса отвращения, пока он рассматривал этот странный деревянный саркофаг.

— Этому существу не следовало бы покоиться здесь. Если он вообще обрел покой. — Голос священника дрожал, дыхание участилось. — Как и его дьяволоподобный учитель. Его нельзя было хоронить в святом месте!

— Его учитель? — переспросила Фиона с удивлением.

— Этот дьявол Паганини. Бродяжничая, он пришел в Шотландию в тысяча восемьсот тридцатом году сеять раздор на нашей земле и отравлять своей музыкой умы слушателей.

— В музыке Паганини есть какая-то пугающая сила, — согласился Роберт, — но сейчас она признана всеми.

— Многие служители зла признаны всеми. Большинство людей относится снисходительно к этим дьявольским оргиям.

— Но ведь Паганини был прощен в конце жизни. И тело его было перезахоронено в...

— Он был прощен своими последователями, такими же адептами зла, как и он сам. Но Кэлум из Клачена не может даже надеяться на прощение. Он жил ради музыки. Можно сказать, он жил только своей музыкой! Он пришел в невинную деревню из бесстыдного города, и его музыка имела такую власть над людьми, что они танцевали под нее до тех пор, пока не падали замертво. Говорят, что по крайней мере три женщины затанцевались досмерти. И он питался этим. Его музыка питалась их энергией и позволяла ему жить.

— Ладно, верю, — сардонически усмехнулся Роберт, — говорят, у вас в церкви будет какое-то шоу в связи с Ночью Кэлума?

— Я не допущу богохульства в этом месте! — Священник устремил полный ужаса взгляд на деревянное надгробие. — Я не позволю им подходить так... так близко. Вам тоже лучше не приближаться, если вы хотите принять участие в этих безобразиях.

— С нами только что произошел курьезный случай, и мы ищем место, где бы остановиться на ночь, — сказал Роберт и подумал: «Наверное, нелегко служителю такого маленького и бедного прихода жить в постоянной конфронтации с местным населением».

— Но послушайте, — осмелился спросить он. — Если вы так осуждаете это ежегодное торжество, почему бы вам не изобличить его официально с кафедры?

— Я научился закрывать глаза и затыкать уши на все, что происходит этой ночью. — Голос священника звучал надрывно. — В остальные дни года они приходят в церковь со смирением. Но эта единственная ночь в году, одна-единственная ночь, в честь... — Он осекся, прерывистое дыхание сотрясало его тело. — Нет, слово «честь» неуместно по отношению... — Тут священник простер дрожащую руку в сторону деревянного надгробия, но не коснулся его. — Этот ящик — вместилище зла, которое продолжает жить до сих пор, хотя должно было умереть вместе с телом.

— Вы действительно в это верите?

— И я прошу верить в то, что является правдой. — Служитель церкви, очевидно, пытался справиться с охватившим его волнением. — Так, стало быть, вы музыканты. И вы будете играть для него сегодня ночью?

— Конечно нет. Мы просто задержались, но через час-другой...

— Вы позволили загнать себя в ловушку.

Священник пошел обратно, но в дверях обернулся к ним:

— Я буду молиться за вас.

Его тон не внушал оптимизма.

* * *

Они поднялись по склону холма и неохотно вернулись в гостиницу, где пожилая официантка приготовила для них кофе с печеньем. В это время мистер Хэмиш протирал прилавок и прогуливался взад и вперед горделивой походкой, заодно разнашивая свои бальные туфли.

— Не нравится мне это как-то. За что мы должны платить этим странным людям? — С этими словами Роберт осушил свою чашку кофе и снова пошел к телефону.

На этот раз ответ был менее обнадеживающим. В это утро произошло очень много происшествий на дорогах, и ближайшая к Кёркшиэлу мастерская вся погрязла в заботах, так как у них у самих сломался грузовик...

— И еще, — голос в трубке звучал предостерегающе, — один из работников выразил что-то вроде категорического нежелания оказаться сегодня в Кёркшиэле. Завтра — другое дело, но сегодня... В общем, есть какие-то причины, по которым люди не хотят туда ехать.

— Но это же смешно! Погода отличная, проблем нет. Не могли бы вы позвонить еще куда-нибудь?

— Мы сделали все, что смогли. Но это место действительно очень страшное. Уверяю вас, к завтрашнему дню мы все организуем как надо.

Когда Роберт вернулся, Фиона и Дейрдре взглянули на него, но ничего не спросили. На их лицах было такое же выражение, как на лице священника.

— Завтра! — в ярости воскликнул Роберт. — Завтра приедут и все починят! Но какой-то дурацкой причине — не сегодня!

— Ваша машина заведется утром, — пообещал Хэмиш и принялся наводить блеск на стаканы, стоящие перед ним в ряд. — Вам не надо ничего бояться. Так что, — он дохнул на стакан и протер его, — вам придется провести здесь еще одну ночь. Вы будете выступать на вечеринке. Так должно быть.

— Мне чертовски хочется свалить отсюда. Хоть пешком! Наверное, не так уж далеко...

— А знаешь что, папа, — произнесла Фиона очень тихо, — мне кажется, нас не выпустят.

— Что ты имеешь в виду? Кто нас остановит?

— В любом случае, — сказала Дейрдре, — не можем же мы уйти и оставить инструменты. Даже просто на прогулку...

— Ваша машина заведется утром, — повторил Хэмиш.

Делать было нечего. Роберту пришлось смириться с тем, что им предстоит позавтракать и как-то провести оставшийся вечер в этой гостинице. Но что дальше?

Ланч был прекрасным, но каждый кусок вставал у него поперек горла. Фиона и Дейрдре ели молча, однако, су-

дя по виду, с удовольствием. Когда они закончили, Дейрдре сказала:

— Не можем же мы только сидеть и злиться. И спать после обеда как-то не хочется.

— Я вообще не сомкну глаз, — печально произнес Роберт.

— Так почему бы нам тогда не принести инструменты и не порепетировать? Когда мы приедем в Гекзам, у нас не будет времени, так почему бы не воспользоваться шансом?

В подобном окружении и настроении Роберт не испытывал ни малейшего желания заниматься любимым делом. Но Дейрдре была права. Игра могла хоть как-то отвлечь их, улучшить настроение.

Они принесли скрипку, арфу и флейту.

Все с той же раздражающе-самодовольной улыбкой на лице Хэмиш Макрей распахнул дверь, ведущую в самый дальний угол гостиницы. Там они увидели комнату, которая казалась намного просторнее, чем все здание, что само по себе весьма озадачивало. Возле одной стены была небольшая сцена, на которой уже стояло три стула.

Дейрдре оказалась права. Через пятнадцать минут они забыли обо всем на свете, полностью погрузившись в детали и тонкости предстоящего концерта в Гекзаме. Правда, за одним исключением. По какому-то негласному соглашению между ними «Вариации на тему Кэлума из Клачена» на этот раз не исполнялись.

Когда они закончили репетицию, Хэмиш уже приготовил кружку пива для Роберта и два стакана апельсинного лимонада для дам, что было весьма кстати после перенесенного стресса.

— Не хотите ли отдохнуть перед предстоящим праздником?

— Вы что, полагаете, что после всего этого сможете заставить нас участвовать в вашем мероприятии?!

— А как иначе вы собираетесь распорядиться оставшимся временем?

— Вы меня не заставите этого делать!

Дейрдре наклонилась к его левому уху:

— Роберт, дорогой, сейчас уже слишком поздно. Мы больше никогда сюда не вернемся, но сейчас нам надо как-то разделаться с этим.

Роберт начал готовиться рано вечером. Сначала народу было немного — так, несколько постоянных клиентов, забегающих сюда каждый день после работы на пару глотков пива. Но было странно то, что все они хранили молчание, как будто берегли для чего-то силы, и время от времени поглядывали на дверь просторной комнаты. Местная молодежь выглядела так же, как и любая молодежь, околачивающаяся на дискотеках. Однако мужчины и женщины солидного возраста неуклюже вваливались в помещение с каким-то остекленелым взглядом, словно находились в состоянии гипнотического транса.

Наконец Хэмиш Макрей открыл дверь, и трое музыкантов заняли свои места на сцене. На другом конце комнаты столы ломились от яств.

Роберт подал знак, и трио заиграло ирландскую джигу. Затем — стратспей, быстрый шотландский танец. Юная пара танцевала живо и весело. Пожилая леди начала тихонько хлопать в такт.

Вообще-то не так уж и плохо все начиналось. Нанятый хор был распущен. Немного скучноватая местная вечеринка, ничего особенного... Поскорее отделаться, выспаться, а завтра утром пораньше встать и отправиться в Гекзам...

Однако, по мере того как они играли, темп стал ускоряться. Роберт чувствовал, что он играет в таком ритме, в каком ему никогда раньше не приходилось. Пальцы просто вышли из-под контроля. Они сами бегали по смычку с дьявольской скоростью и зажимали струны, издающие неслыханные, никогда до этого не существовавшие звуки. Снова и снова в середине очередного вихревого проигрыша смычок ударял по струнам, производя грубые и какие-то насмешливые звуки — проклятое трезвучие, которое в Средние века церковь запрещала исполнять, считая его творением дьявола. Какой-то дух владел его рассудком и пальцами, летал между смычком и струнами, вызывая к жизни эти адские аккорды и сумасшедшие пассажи. Дейрдре аккомпанировала с неистовством, которое передавалось

им всем. Нежная мелодия Фионниой флейты превратилась в жуткий визг.

Движения танцоров становились все более непристойными, а смех — все более громким. Старики, до сих пор сидевшие тихо, начали топать ногами — быстрее и быстрее, воодушевляя музыкантов.

Неожиданно на самой высокой ноте арфа замолчала. Дейрдре сидела, согнувшись в три погибели, тряся головой, и отказывалась продолжать.

Роберт и Фиона развивали каждый свою дьявольскую тему, перебивая друг друга, как джазовые музыканты, пока шум аплодисментов и рев толпы не вынудил их остановиться.

— Он вернулся, — сказал какой-то старик в дальнем углу комнаты, — вернулся именно так, как обещал. Вернулся к жизни.

Роберт снова начал играть, но после двух быстрых шотландских танцев обнаружил, что остался на сцене один. Фиона уже не играла: она сбежала со сцены и упала в объятия одного из танцоров — того самого, чернявого, похожего на цыгана, парня... Они закружились в ритме танца и сделали три головокружительных оборота, пока Дейрдре не очнулась и не бросилась растаскивать их. Обняв Фиону, она взглянула на мужа.

— Роберт, ты должен остановиться.

Роберт знал, что вокруг него недовольно шептались, но решительно оборвал музыкальную фразу. Отложив скрипку и продемонстрировав аудитории, насколько мокрыми были его пальцы, он достал носовой платок и принялся вытирать их, направляясь к стойке бара.

Несколько человек предложили ему выпить. На лбу его блестели капли пота, ему сейчас было необходимо выпить хотя бы пару кружек... Но, не успев одолеть и половины первой, он почувствовал, как вокруг него закружились, замелькали звуки — звуки, которые он скорее видел, чем слышал. И над всем этим стоял победоносный хохот — отнюдь не радостный, а мерзкий и уничижительный.

Голоса приближались, одни говорили что-то лестное, другие угрожали...

— Пожалуй, эти получше будут, чем тот молодой скрипач, которого нам пришлось употребить в дело в прошлом году. Вы согласны, что на этот раз мы услышали настоящий голос? Не обманули бы нас...

Человек средних лет, сидящий слева от Роберта, спросил:

— И вы тоже не вернетесь?

— У нас очень плотная программа — и в этом году, и в следующем...

— Но если вы не вернетесь, что-то важное будет утрачено из этой программы. Что-то... А может быть, кто-то. *Он* не церемонится с теми, кто не хочет поддерживать его существование.

Человек наклонился ближе с видом пьяницы, намеревающегося излить собеседнику душу со всеми подробностями.

— Незадолго до смерти Кэлум из Клачена сказал, что отныне он не сдвинется с места. Но кто-то должен приезжать раз в году, чтобы поддержать традицию. Пусть музыканты приезжают, а он будет незримо присутствовать и водить их смычками. Он будет рад воскреснуть и снова принять участие.

Роберт еле стоял на ногах от усталости. Кто-то — Дейрдре и Фиона, а может, Хэмиш Макрей? — отнес его наверх. Что было дальше, он не знал. Утром, повернувшись на постели, он со стоном обнаружил, что вторая половина его кровати опустела. Он осторожно поднялся и уставился в маленькое окно.

Дейрдре положила арфу на заднее сиденье, обошла вокруг машины и села на место водителя. Роберт услышал знакомое мурлыканье заводящегося мотора. Машина тронулась с места без малейшего затруднения и медленно поехала по направлению к церкви.

Дейрдре осторожно сняла арфу с заднего сиденья, внесла ее в церковь и направилась к месту упокоения Кэлума. На мгновение она почувствовала себя дурно. Старое покосившееся надгробие и поблекшая роспись на нем словно помолодели. Поверхность дерева сияла, как отполированная. Зеленые и красные полосы стали такими яркими, как будто здесь всю ночь шли напряженные реставрационные работы.

Она должна была сделать то, ради чего пришла. Она села на скамью, взяла в руки арфу и заиграла грустную, протяжную колыбельную мелодию, принесенную с самого дальнего из Гебридских островов. Нежные звуки арфы усилились, струны сопротивлялись пальцам. И в это время свист сквозняка внутри помещения превратился в ядовитый смех. Она поборола приступ страха и продолжала играть и петь, пока негодующий голос не обрушился на нее сзади:

— Разве не *достаточно* того, что ты осквернила уши моей паствы этой мерзостью вчера ночью? Теперь ты пришла в мою церковь и играешь эту адскую музыку!

— Я пыталась изгнать нечистую силу.

К горькому смеху священника примешивался другой, свистящий, насмешливый звук. Эхо Кэлума отказывалось умирать. Оно плясало, прыгало, металось между колоннами, отдавалось в трубах органа и заставляло дрожать стекла в окнах. Священник беспомощно смотрел на роспись надгробия. Эти краски снова поблекнут до следующего года. И так каждый раз, пока очередного странника не втянут в это безумие и он своей игрой не вернет их к жизни.

— Вы никогда не пытались, — заговорила Дейрдре, — ну... как бы это сказать... Открыть гроб? Только посмотреть, есть ли...

Она запнулась, смутившись тем, что осмелилась сказать такое священнику. Но ведь интересно: а сам он в глубине души верит или только делает вид?

— Если кто-нибудь когда-нибудь и сделает это, то не я, — был ответ.

Теперь Дейрдре хотела одного: убежать. Скорее на свежий воздух, согнувшись под тяжестью арфы... Положить *инструмент на заднее сиденье машины, сесть за руль*, вернуться к Роберту и Фионе, которые уже ждут ее...

— Чем ты там занималась? — призвал ее Роберт к ответу.

— Мне было *сказано* прийти.

— Кем? Священником? Ему вряд ли было бы приятно слушать языческую музыку у себя в церкви.

— Нет, не им... Что-то в самом здании... в могиле. Мне было сказано прийти, — повторила она. — Я была привезе-

на туда... И еще, — Дейрдре запнулась, — *они* хотят, чтобы кто-нибудь из нас... вернулся.

Когда они были уже на пороге, Хэмиш Макрей вышел, продолжая улыбаться.

— Я же сказал, что машина завсдется утром.

И, достав из кармана чек Роберта, он разорвал его на мелкие кусочки и пустил по ветру. Легкий утренний бриз подхватил обрывки.

— Ну, до следующего года!

— Ни за что на свете мы сюда не вернемся, — заверил его Роберт.

Но голос его дрожал, руки тоже. Он посмотрел на свои руки и удивился, как он мог так отчаянно играть ими прошлой ночью. И сможет ли он играть когда-либо вообще? Это были уже не его руки. Они высохли и пожелтели; выпуклые голубые вены резко выступали на бледной коже. Он был выжат, полностью выжат...

Дейрдре предложила:

— Роберт, прошу тебя! Позволь мне сесть за руль. Ты сейчас не сможешь вести машину.

У него не было сил возражать.

Пока они ехали прочь от Кёркшиэла, Роберт хранил молчание. Он смотрел на дорогу так, как если бы сам вел машину. Вероятно, это была та самая дорога, но он чувствовал себя чужестранцем, не знающим, что ждет его за следующим поворотом.

Первый раз он подал голос, чтобы предложить сделать небольшой привал на берегу крошечного озерца, буквально сдавленного берегами, бурно поросшими разнотравьем. Дейрдре вытащила бутылку со свежей охлажденной водой и достала из бардачка пластмассовые чашки. Это были привычные действия, которые она совершала несчетное количество раз. И в то же время это было чем-то абсолютно новым: каждое движение давалось с трудом

Фиона достала флейту и начала что-то наигрывать. Роберт вздрогнул и расплескал воду, облив свое правое колено.

— Прекрати сейчас же! Откуда это взялось?

— Я не знаю. Само пришло ко мне, как и тогда... Спустилось откуда-то!

Дейрдре сдержанно-спокойным тоном сказала:

— Фиона, выброси это из головы.

— Вряд ли я смогу.

Наконец они миновали Чериотские холмы и устремились к Гекзаму.

Припарковав машину напротив отеля, Дейрдре взглянула на залитый светом фасад аббатства.

— Мы справились с этим. — Роберт говорил таким тоном, как если бы их всю дорогу преследовали дикие горцы и все грабители Бордера. — Благодарите Бога за то, что это ужасное место осталось позади.

Он попытался вернуться к своему нормальному состоянию, превратить кошмар прошлой ночи в шутку:

— Во всяком случае, на следующий год мы постараемся отделаться от этого поручения.

— Да они и не ждут тебя на следующий год, папа. Но один из нас должен вернуться.

Роберт обернулся и посмотрел Фионе в глаза. Это были уже не глаза его дочери. Сквозь матовый блеск их светился мрачный, настойчивый вызов.

— Ты же не хочешь сказать, что...

— Я вернусь на следующий год. Так надо.

— Но это безумие! Я ни за что тебя не отпущу.

— Это неверно, папа! Кто-то должен поддерживать музыку, пульсирующую в *его* сердце.

— Глупости! Ты просто переутомилась!

Жена дотронулась до его руки:

— Роберт, ты вряд ли сможешь ее остановить.

— Один из нас должен вернуться, — повторила Фиона, — и это буду я.

— Только через мой труп!

Дейрдре улыбнулась. В ее глазах светилась бесконечная любовь и бесконечная печаль. Сознание неизбежности происходящего снизошло на нее, как серый туман опустился на западные озера...

— Дорогой Роберт, я боюсь, что это еще не самое худшее.

МЭНЛИ УЭЙД ВЕЛЛМАН

Честель

Известный американский писатель Мэнли Уэйд Веллман скончался в 1986 году. Родился и вырос он в небольшом городке Камундонго в Анголе. В детстве Мэнли несколько раз бывал в Лондоне, позднее переехал в США, получил там высшее образование, некоторое время работал в качестве репортера, а затем в 1930 году оставил это занятие, чтобы стать профессиональным писателем.

В 30-е и 40-е годы Веллман был одним из самых плодовитых авторов, пишущих для популярных литературных журналов, его многочисленные рассказы в самых разнообразных жанрах (ужасы, фэнтези, научная фантастика, детектив, приключения) украшали страницы таких легендарных изданий, как «Weird Tales», «Strange Stories», «Wonder Stories», «Astounding Stories», «Unknown» и многих-многих других.

Веллман — автор более семидесяти пяти книг в самых разных жанрах (начиная от ряда романов, принятых мейнстримом, и заканчивая работами, посвященными Гражданской войне в Америке); он дважды получал Всемирную премию фэнтези. На сегодняшний день лучшие рассказы писателя объединены в сборники «Кому страшен дьявол?» («Who Fears the Devil?»), «Худшее еще впереди» («Worse Things Waiting»), «Одинокие бдения» («Lonely Vigils») и «В низине» («The Valley So Low»); а совсем недавно издательство Night Shade Books под общим названием «Мэнли Уейд Веллман: избранное» выпустило серию из пяти книг в твердом переплете, в которых собраны все его рассказы в жанре фэнтези.

В новелле «Честель» встречаются и объединяют свои силы два наиболее известных веллмановских персонажа: Ли Коббет и судья Кейт Хилари Персивант. Вместе они пытаются одолеть прекрасную соблазнительницу, которой уже не одна сотня лет. Вот как сам автор характеризует этот рассказ:

«В качестве места действия истории о вампирах я выбрал Коннектикут; причиной тому послужили старинные коннектикутские документы, повествующие о некоторых

подобных случаях. Я привожу цитаты из этих источников в самой новелле. Кстати говоря, оба включенных в нее стихотворения подлинные.

Одно из них долго не давало мне покоя. Это стихотворение из загадочной книги Гранта, не упоминаемое более нигде; о нем никто ничего не знает. Как и судья Персивант, я часто размышляю о том, не подделка ли это старинной рукописи, наподобие более известных стихов о вампирах Кларка Сандерса, включенных в работу Монтегю Саммерса».

— Ну почему вы никак не хотите оставить графа Дракулу покоиться с миром? — с ухмылкой на широком лице вопрошал Ли Коббет.

Их было пятеро, они собрались в гостиной номера судьи Кейта Хилари Персиванта на Централ-Парк-Вест. Сам судья восседал в кресле с бокалом вина в крупной старческой руке. Сегодня он отмечал свой восемьдесят седьмой день рождения, но его голубые глаза оставались все такими же ясными и пронзительными, на массивном лице играл румянец, лишь по-прежнему густые шевелюра и усы из некогда рыжевато-коричневых сделались снежно-белыми. В своем сшитом на заказ костюме Персивант все еще выглядел мощным и широкоплечим.

Коренастый Ли Коббет был одет в пиджак и брюки, почти такие же коричневые, как и его лицо, рядом с ним сидела Лорел Парчер, миниатюрная юная девушка с рыжевато-каштановыми волосами. Помимо них в комнате присутствовали щеголеватый Фил Драмм, продюсер летнего театра, и Изабель Аррингтон из телеграфной службы новостей. Одетая в дорогой костюм блондинка Изабель курила темную сигарету с белым мундштуком, а ее перо не останавливалось ни на минуту.

— Дракула жив, так же как и Шерлок Холмс,— не сдавался Драмм.— Все эти вновь появляющиеся пьесы, фильмы...

— Вашему мюзиклу в любом случае придется воскрешать умершего, — прокомментировал Коббет, отпивая из

своего стакана. — И каков коронный номер, Фил? «Час чеснока»? «Кровь, кровь, аллилуйя»?

— Ли, где твое христианское милосердие? — вступился за Драмма Персивант. — Как-никак, мисс Аррингтон пришла сюда, чтобы взять у меня интервью. Налейте даме вина и дайте мне наконец ответить на ее вопросы.

— Замечания мистера Коббета тоже весьма интересны, — произнесла Изабель своим тягучим грудным голосом. — Он известный специалист в области сверхъестественного.

— Возможно, — признал Коббет. — И у мисс Парчер тоже есть определенный опыт. Но настоящий специалист здесь судья Персивант, он автор «Вампирикона».

— Я читала издание в мягкой обложке, — сказала Аррингтон. — Фил, там упоминаются различные коннектикутские легенды, касающиеся вампиров. Вы ставите в этой местности свое шоу. Еще раз — как называется тот город?

— Деслоу, — ответил продюсер. — Сейчас мы как раз превращаем в театр один прекрасный каменный амбар. Я пригласил Ли и мисс Парчер посмотреть.

Журналистка взглянула на Драмма:

— Деслоу — это курорт?

— Пока нет, но, возможно, шоу привлечет туда туристов. В Деслоу, во всяком случае до нынешнего дня, в почете всегда были мир и спокойствие. Стоит вам только чихнуть — все тут же решат, что происходит ограбление банка.

— Деслоу расположен неподалеку от Джеветт-Сити, — резюмировал Персивант. — Около полутора веков назад там обитали вампиры. Точнее говоря, семейство Рэй. А к востоку, в Род-Айленде, последние несколько лет можно встретить весьма яркие образцы фольклора, связанные с этой темой.

— Оставим Род-Айленд подражателям Говарда Лавкрафта, — предложил Коббет. — Как называется ваше шоу, Фил?

— «Земля за лесом», — отозвался Драмм. — Сейчас мы отбираем актеров. В эпизодических ролях заняты местные. Но на роль графини Дракулы у нас есть Гонда Честель.

— А я и не знала, что у Дракулы была графиня, — удивилась Лорел Парчер.

— Я помню театральную звезду по имени Честель, она блистала давным-давно, во времена моей молодости, — откликнулся Персивант. — Только одно это имя — Честель.

— Гонда — ее дочь, она переехала в Деслоу где-то около года назад, — сообщил Драмм. — Там похоронена ее мать. Гонда вложила некоторые средства в наше представление.

— Именно поэтому она получила роль? — поинтересовалась Изабель.

— Она получила роль за талант и красоту, — довольно сердито ответил продюсер. — Старики говорят: она точная копия своей матери. А вот и доказательства.

Он протянул Аррингтон два глянцевых снимка.

— Очень мило, — промурлыкала журналистка и передала их мисс Парчер.

Коббет наклонился посмотреть.

Первая фотография явно была копией, сделанной с более старого фото. На ней можно было разглядеть исполненную внутреннего величия женщину в изящно отделанном туалете, с диадемой поверх волны густых черных волос. На другом снимке красовалась еще одна дама — в современном вечернем платье и с локонами, уложенными в модную прическу. Поразительное сходство бросалось в глаза.

— Ах, она очаровательна, — сказала Лорел. — Правда, Ли?

— Действительно, — согласился Драмм.

— Великолепно, — подтвердил Коббет, протягивая фотографии Персиванту, который уставился на них с мрачным видом.

— Честель оказалась в Ричмонде сразу после Первой мировой, — медленно проговорил судья. — Великолепная леди Макбет. Я был в нее влюблен. Да все были в нее влюблены.

— Вы сказали ей о своих чувствах? — спросила Лорел.

— Да. Мы дважды ужинали вместе. Потом она отправилась на гастроли, а я уехал в Англию, учиться в Окс-

форд, и больше мы не встречались. Наверное, именно из-за этой женщины я так никогда и не женился.

На минуту воцарилось молчание.

— «Земля за лесом», — повторила Лорел. — По-моему, была книга с таким названием?

— Действительно, дитя мое, была, — кивнул судья. — Автор — Эмили де Лазовска Джерард. Там рассказывается о Трансильвании — родине Дракулы.

— Именно поэтому мы использовали это название — «Земля за лесом», ведь так переводится слово «Трансильвания», — вставил Драмм. — В этом нет ничего страшного, книга не охраняется авторским правом. Хотя я удивлен, что кто-то о ней слышал.

— Я сохраню ваш маленький секрет, Фил, — пообещала Аррингтон. — А что это у вас в окне, судья?

Персивант повернулся, чтобы посмотреть:

— Что бы то ни было, это не Питер Пэн.

Коббет вскочил и подбежал к наполовину занавешенному окну. В воздухе июньской ночи парил силуэт — голова и плечи. Ли едва успел разглядеть черты лица, полный рот, яркие глаза, как все тут же исчезло. Он поднял оконную раму и выглянул наружу. Лорел поспешила к нему.

Ничего. Четырнадцатью этажами ниже шумела улица. В отдалении проплывали огоньки машин. Под окном — лишь стена, ряды тусклого кирпича и оконные ниши: справа и слева, снизу и сверху. Коббет, держась руками за подоконник, осмотрел кладку.

— Осторожнее, Ли, — умоляющим голосом попросила Лорел.

Коббет вернулся к остальным, столпившимся у окна.

— Никого там нет, — сказал он ровным голосом. — Да никого и не могло быть. Просто стена — зацепиться не за что. Даже на этом подоконнике устоять — и то трудно.

— Но я что-то видела, и судья Персивант тоже, — проговорила Аррингтон, дрожащими пальцами сжимая сигарету.

— Я тоже видел, — подтвердил Ли. — А ты, Лорел?

— Только лицо.

Изабель снова взяла себя в руки:

— Если это ваша шутка, Фил, то у вас хорошо получилось. Только не надейтесь, что я включу это в свою статью.

Драмм нервно покачал головой:

— Никаких шуток, клянусь.

— Ну не надо так со старыми друзьями, — усмехнувшись, проговорила журналистка. — Сначала фотографии, затем это, непонятно что, в окне. Я, конечно, использую снимки, но ничего не буду писать о странном призраке, явившемся на этот день рождения.

— Как насчет того, чтобы выпить? — предложил Персивант.

Он наполнил стаканы. Арринтон задала еще несколько вопросов, записала ответы, а затем сказала, что ей пора. Фил поднялся, чтобы проводить ее.

— Так вы будете завтра в Деслоу, Ли? — поинтересовался он.

— Да, я и Лорел. Вы говорили, что там есть где остановиться.

— «Клен» — хороший мотель, — ответил продюсер. — Я уже забронировал для вас номера.

— Кстати, — неожиданно вмешался Персивант, — я бы тоже съездил, если для меня найдется местечко.

— Я посмотрю, что можно сделать, судья, — отозвался Драмм, и они вместе с Изабель ушли.

Коббет обратился к Персиванту:

— Не слишком ли это спонтанно? Вот так вдруг решиться поехать с нами?

— Я подумал о Честель, — мягко улыбнулся судья, — о паломничестве на ее могилу.

— Мы выезжаем где-то в девять часов завтра утром.

— Я буду готов к этому времени, Ли.

Коббет и Лорел попрощались и тоже ушли. Они спустились в свои комнаты, расположенные этажом ниже.

— Ты думаешь, Фил Драмм действительно подстроил для нас эту иллюзию? — спросил Коббет.

— Если да, то он использовал лицо той актрисы, Честель.

Ли проницательно посмотрел на девушку:

— Ты все видела.

— Мне показалось, что да; да и ты тоже.

На пороге ее номера они поцеловались на прощание и пожелали друг другу спокойной ночи.

На следующее утро, когда Коббет постучал, Персивант был уже готов. У судьи были с собой только один чемодан и толстая, покрытая коричневыми пятнами тросточка из ротанга, с полоской серебра чуть ниже резного набалдашника.

— Беру с собой лишь самые необходимые вещи; носки и прочее я смогу купить в Деслоу, если мы задержимся больше чем на пару дней, — пояснил он. — Нет, не надо мне помогать, я вполне могу нести его сам.

Когда они добрались до гостиничного гаража, Лорел как раз укладывала вещи в багажник черного седана Коббета. Персивант отказался садиться на переднее сиденье, придержал дверь для мисс Парчер, а затем устроился сзади. Они выехали прямо в солнечное июньское утро.

Коббет вел машину на восток по шоссе № 95: миля за милей вдоль побережья Коннектикута, мимо заправочных станций, рынков, закусочных. Справа то и дело мелькал пролив Лонг-Айленд. Возле шлагбаумов Ли расплачивался четвертаками за проезд, и они ехали дальше.

— Нью-Рошель и Порт-Честер, — почти пропела Лорел, — Норуолк, Риджпорт, Стартфорд...

— Там в тысяча восемьсот пятьдесят первом году в доме министра появился дьявол, — вставил Персивант.

— Не названия, а сплошная поэзия, — откликнулась девушка.

— Такая же поэзия, как если бы ты читала вслух расписание поездов, — сказал Коббет. — Мы пропустили парочку действительно хороших имен: Мистик и Загривок Великана, а ведь они не очень далеко отстоят от нашего маршрута. И Грисволд — Серый Лес — там, согласно книге судьи, родился Хорес Рэй.

— На карте Коннектикута больше нет Грисволда, — отозвался Персивант.

— Исчез? — поинтересовалась Лорел. — Может быть, он теперь появляется только в определенное время дня, например как раз перед закатом.

Она засмеялась, но судья оставался серьезным.

— Сейчас мы проедем мимо Нью-Хейвена, — сказал он. — Я учился здесь в Йельском университете семьдесят лет назад.

Они пересекли реку Коннектикут между Олд-Сайбруком и Олд-Лаймом, после Нью-Лондона повернули на север по государственному шоссе № 82 и неподалеку от Джеветт-Сити съехали на двухполосную дорогу, которая и привела их в Деслоу вскоре после полудня.

Среди вязов и цветочных клумб были разбросаны милые маленькие домики, обшитые вагонкой. На центральной улице красовались яркие магазины, а еще дальше возвышалась прочная старая церковь с колокольней. Коббет подъехал к дорожному знаку «Мотель „Клен"». Их взгляду предстала колоннада с бетонным полом и ряды коттеджей: белые фасады, выкрашенные синей краской двери и оконные рамы. Фил Драмм, стоя за конторкой в главном здании, беседовал с пышнотелой хозяйкой.

— Добро пожаловать, — поприветствовал он их. — Судья, я как раз спрашивал миссис Симпсон о номере для вас.

— В дальнем домике, сэр, — ответила леди. — Хорошо было бы поселить вас рядом с вашими друзьями, но сюда понаехало столько всякого театрального народа.

— Я уже давным-давно научился радоваться любому пристанищу, — уверил ее судья.

Они проводили Лорел до дверей номера, занесли внутрь ее чемоданы и направились к самому дальнему коттеджу, отведенному для Персиванта. Затем Коббет вернулся к своим апартаментам (они с Лорел были соседями). Войдя в комнату, Ли достал из портфеля бутылку бурбона; Фил поспешил за льдом, и чуть позже к ним присоединился судья.

— Очень мило с вашей стороны так нас опекать, — сказал Коббет, глядя на Драмма поверх края стакана.

— О, я буду за это вознагражден, — уверил его тот. — Вы и мистер Персивант — выдающиеся эксперты в области фольклора, о вашем присутствии здесь напишут во всех газетах.

— Как бы то ни было, — продолжал Коббет, — предлагаю пообедать где-нибудь, как только Лорел приведет себя в порядок.

Пока они вчетвером поедали рыбу и яблочный пирог в маленьком ресторанчике, Драмм рассказывал о «Земле за лесом». На роль Дракулы он пригласил не очень знаменитого Каспера Меррика.

— У него прекрасный баритон, — объяснил продюсер, — сегодня днем он будет на репетиции.

— А Гонда Честель? — поинтересовался судья, намазывая булочку маслом.

— Она будет там вечером, — сообщил Фил счастливым голосом. — Днем репетируют массовка и хор. Я не только продюсер, но и режиссер.

Они закончили обед, и Драмм поднялся:

— Если вы не очень устали, пойдемте посмотрим наш театр.

До переоборудованного амбара было недалеко. Их взору предстало массивное здание с новенькой черепичной крышей и старинными стенами, сложенными из тяжелых серо-коричневых камней Новой Англии. Коббет предположил, что строение воздвигли в колониальные времена. Напротив в узкой боковой улочке возвышалась белая церковь с огороженным забором кладбищем.

— Довольно своеобразно. Это старый погост, — пояснил Драмм. — Теперь тут уже никого не закапывают, хоронят в основном на дальней стороне, но могила Честель именно здесь. Весьма живописная, надо заметить.

— Мне бы хотелось на нее взглянуть, — отозвался Персивант, опираясь на свою отделанную серебром трость.

Внутри амбара тянулись ряды складных стульев, их хватило бы на несколько сотен зрителей. В дальнем конце сцены в свете прожекторов сновали туда-сюда рабочие. Драмм поднялся на подмостки вместе со своими гостями.

Высоко под потолком изгибались леса, занавес темнел, словно широкое лезвие гильотины. Фил продемонстрировал друзьям холщовый задник, на котором были нарисованы мрачные крепостные стены. Персивант кивал и задавал вопросы.

— Здесь я не специалист и точно не знаю, на что похожа Трансильвания, — сказал он наконец, — но все это смотрится вполне достоверно.

Кто-то вышел к ним из-за кулис.

— Привет, Каспер, — поприветствовал подошедшего Драмм. — Позволь тебе представить: судья Персивант и Ли Коббет. И конечно, мисс Лорел Парчер.

Все раскланялись.

— Это мистер Каспер Меррик, наш граф Дракула.

Меррик был элегантным высоким мужчиной, привлекательным, с тщательно уложенными черными волосами. Стремительно склонившись над рукой Лорел, он распрямился и улыбнулся всем остальным.

— Я, само собой разумеется, знаю работы судьи Персиванта, — сказал он низким грудным голосом. — Я читаю все книги о вампирах, которые могу достать, ведь мне придется стать одним из них.

— Приготовились, сцена с иллюзией! — провозгласил помощник режиссера.

Коббет, Персивант и Лорел спустились по ступенькам и заняли места в зрительном зале. Вперед выступили восемь молодых людей и восемь девушек. Все они были одеты в летнюю одежду, явно позаимствованную из какого-нибудь местного самодеятельного театра. Кто-то взял аккорд на фортепиано, Драмм с важным видом махнул рукой, вступил хор. Меррит исполнил свою партию, спустившись с подмостков (хор присоединялся на припеве). Затем Фил заставил их повторить все сначала.

После этого последовала сцена с двумя комиками, которые с важным видом путали слова «вампир» и «ампир». Коббет нашел все это весьма утомительным. Извинившись перед своими спутниками, он вышел из театра и, перейдя улицу, очутился на старинном, заросшем деревьями погосте.

На могильных камнях можно было прочитать весьма любопытные эпитафии: не только обычное «О странник, здесь остановись / И я когда-то был как ты» и «Земной бутон, цвети в раю», но и несколько более оригинальных. Одна из надписей оплакивала некоего моряка, который

бесследно сгинул в пучине и, следовательно, едва ли мог здесь лежать. На другом камне под изображением лица на фоне крыльев летучей мыши красовалось: «Смерть оплачивает все долги» и дата — 1907. Коббет решил, что все это имеет непосредственное отношение к тогдашней финансовой панике.

Ближе к центру кладбища под поникшей ивой темнело похожее на сарай строение из тяжелых гранитных глыб. Ли приблизился к двери: на тяжелой металлической решетке висел ржавый замок размером с банку сардин. На притолоке можно было различить высеченную в камне надпись: «Честель».

Значит, именно здесь была похоронена прекрасная актриса, о которой у Персиванта сохранились столь романтичные воспоминания. Коббет внимательно всмотрелся сквозь прутья решетки.

Внутри было темно и пыльно. В глубине, среди мрачных теней, на неровном, вымощенном плитами полу возвышалось некое подобие каменного саркофага, в котором, *должно быть, и находилось тело. Ли развернулся и направился* к выходу с кладбища.

В театре неистово гремело фортепиано, артисты репетировали что-то из последних сил (по всей видимости, это был народный танец).

— Ах, просто потрясающе, — сказала Лорел севшему подле нее Коббету. — А где ты был?

— На могиле Честель.

— Честель? — откликнулся Персиванг. — Мне необходимо увидеть эту могилу.

Актеры из хора и массовки продолжали петь и танцевать. Посреди представления появился оживленный репортер из Хартфорда, желающий взять у Персиванта и Коббета интервью. В конце концов Драмм громовым голосом отпустил артистов со сцены и присоединился к своим гостям.

— Ведущие исполнители репетируют в восемь вечера, — объявил он. — Будет и Гонда Честель, она обязательно захочет вас увидеть. Могу я рассчитывать на ваше присутствие?

— Можете. По крайней мере, на мое,— подтвердил Персивант. — А сейчас мне и, я думаю, Лорел необходимо немного отдохнуть перед ужином.

— Да, я бы прилегла ненадолго,— призналась девушка.

— Почему бы нам не встретиться вечером и не поужинать в том ресторанчике, где мы сегодня завтракали? — предложил Коббет.— Вы тоже приходите, Фил.

— Спасибо, но у меня встреча с финансистами из Нью-Лондона.

Когда они выходили из театра, было полшестого.

Коббет отправился в свои апартаменты, растянулся на кровати и задумался.

Он оказался в Деслоу вовсе не из-за музыкальной интерпретации легенды о Дракуле. Ли очутился здесь потому, что знал: этот край был и, возможно, до сих пор остается краем вампиров. Лорел поехала вслед за ним, а судья Персивант подчинился неожиданному порыву, за которым могло скрываться нечто большее, чем просто желание посетить могилу Честель.

Коббет вспомнил истории о вампирах из Джеветт-Сити, пересказанные в книге Персиванта, в которой тот цитировал газету «Норвичский курьер» 1854 года. Хорес Рэй, родом из ныне исчезнувшего Грисволда, умер от «изнурительной болезни». Вскоре за ним последовал его старший сын, затем средний. Когда заболел третий отпрыск, друзья и родственники выкопали Хореса и двух мертвых братьев из могил и сожгли тела. Выживший молодой человек быстро пошел на поправку. Нечто подобное произошло ранее в Эксетере, неподалеку от городка Провиденс в Род-Айленде. Прекрасно, но зачем же тогда ставить мюзикл о Дракуле здесь, в Деслоу, в непосредственной близости от тех мест?

С Драммом Коббет первый раз повстречался годом раньше, на юге. Блестящий и непоседливый продюсер, обожающий истории о дьяволе и блуждающих по ночам мертвецах, Фил был достаточно искушен в сценической магии, чтобы устроить представление с призраком в окне отеля в Нью-Йорке. Если это и вправду было лишь представление и лицо не было настоящим. Могло ли невозмож-

ное произойти на самом деле? Коббет повидал на своем веку немало такого, что разумные люди считали невозможным, невероятным, и потому сейчас испытывал некоторые сомнения.

В дверь негромко постучали: на пороге стояла Лорел, облаченная в зеленые брюки и зеленую же куртку. Как всегда при виде Коббета, она улыбнулась. Вместе они отправились на поиски коттеджа Персиванта. Записка на двери его номера гласила: «Ищите меня в кафе».

Когда молодые люди вошли в ресторанчик, судья окликнул их от дверей кухни.

— Ужин готов, — поприветствовал он пришедших. — Я лично руководил процессом и хорошо заплатил за эту привилегию.

Официант принес нагруженный поднос и расставил на столе миски с салатом и тарелки с политыми красным соусом спагетти. Персивант собственноручно посыпал их сыром пармезан.

— Не солите и не перчите, — предупредил он. — Я сам добавлял приправы, и поверьте мне на слово, это как раз то, что надо.

Коббет разлил по бокалам красное вино. Лорел, попробовав спагетти, воскликнула:

— Восхитительно! Что вы туда положили?

— Ну, помимо молотой говядины, помидоров, лука и чеснока, — отозвался Персивант, — я добавил майоран, зеленый перец, перец чили, тимьян, лавровый лист, ореган, петрушку и еще несколько важных ингредиентов. И еще немного итальянской ветчины.

Коббет ел с большим аппетитом.

— Я не буду заказывать десерт, — объявил он, — хочу сохранить этот вкус на языке.

— Если вам так понравилось, на кухне осталась добавка, как раз вместо десерта, — уверил его судья. — Кстати говоря, у меня для вас два небольших подарка на память.

Он вручил молодым людям по маленькому серебристому свертку. Ли внимательно изучил свой: небольшой пред-

мет, аккуратно завернутый в фольгу. Коббет решил, что это орешек.

— Я полагаю, у вас есть карманы? — поинтересовался Персивант. — Положите их туда. И не открывайте, а то желание, которое я загадал для вас, не сбудется.

Когда ужин закончился и они отправились в театр, в темнеющем небе уже всходила полная луна.

В зале сидело несколько посетителей, ярко светили софиты. Драмм стоял у фортепиано и беседовал с двумя тучными людьми в летних деловых костюмах. Когда Персивант с друзьями появились в проходе между кресел, Фил энергично помахал им рукой, а затем представил своим собеседникам — финансистам, с которыми он недавно отужинал.

— Мы весьма заинтересованы, — признался один из них. — Легенды о вампирах всегда увлекают, если не принимать во внимание тот факт, что мотивация здесь — простое насыщение.

— Не совсем, здесь нечто большее, — отозвался Персивант, — это скорее социальная мотивация.

— Социальная мотивация? — повторил один из бизнесменов.

— Вампир жаждет общества себе подобных, ведь его жертва становится вампиром, копией его самого. В противном случае любой кровопийца был бы всего лишь несчастным отчаявшимся одиночкой.

— В этом что-то есть, — признал впечатленный Драмм.

Потом последовала беседа, касающаяся финансовой стороны постановки; Коббет не мог принимать в ней участие на равных. Неожиданно из-за кулис к ним вышла женщина, и оба бизнесмена изумленно уставились на нее.

Высокая, невероятно грациозная дама с черными с рыжинкой волосами, уложенными в прическу, она обладала потрясающей фигурой и внешностью. Красавица была одета в синее платье до пола с украшенным оборками воротником. Наряд подчеркивал стройную талию. На белых, красивой формы обнаженных руках сверкали драгоценными камнями браслеты. Драмм едва ли не кинулся ей навстречу, чтобы подвести к гостям.

— Гонда Честель, — объявил он почти благоговейно. — Гонда, вы обязательно должны познакомиться с этими людьми.

Двое финансистов представились, запинаясь от восхищения. Персивант поклонился, а Лорел улыбнулась. Мисс Честель протянула Коббету свою тонкую холодную руку.

— Вы так много знаете об этом, о том, что мы пытаемся здесь изобразить, — произнесла она своим бархатистым голосом.

Драмм наблюдал за ними с жалобным выражением лица.

— Многому меня научил судья Персивант, мисс Честель, — ответил Коббет. — Он, кстати говоря, знал вашу мать.

— Я помню ее, хоть и не очень ясно, — отозвалась Гонда. — Она умерла, когда я была совсем малышкой, тридцать лет назад. Я приехала сюда вслед за ней, и теперь здесь мой дом.

— Вы очень на нее похожи, — сказал Персивант.

— Я горжусь любым сходством с ней, — улыбнулась актриса.

«Перед ней невозможно устоять», — подумал Коббет.

— Мисс Парчер, — продолжала Гонда, поворачиваясь к Лорел, — вы такая миниатюрная. Вы должны участвовать в нашем шоу — не знаю, в какой роли, но вы просто обязаны. — И снова эта головокружительная улыбка. — Мне пора, Фил хочет, чтобы я поднялась на сцену.

— Эпизод со стуком в дверь, Гонда, — сообщил Драмм.

Актриса грациозно взлетела по ступенькам. Зазвучало фортепиано, Гонда запела. Коббет понял, что это лучшая песня из всех, что он когда-либо слышал.

— «Ищут ли они прибежище в ночи?» — пела Честель глубоким голосом.

Каспер Меррит появился на сцене, чтобы присоединиться к ней на речитативе. Затем вступил хор, голоса певцов звучали пронзительно и резко.

Персивант и Лорел расположились в зале. Коббет покинул их и снова оказался на улице, залитой серебристо-голубым лунным сиянием.

Он направился к кладбищу. Деревья, которые днем манили приятной прохладой, теперь отбрасывали неясные тени. Когда Ли подходил к могиле в центре погоста, ветви над его головой, казалось, опускались ниже, склонялись, словно распростертые крылья.

Зарешеченная дверь, раньше запертая на огромный замок, была распахнута настежь. Коббет всмотрелся в царивший внутри мрак и спустя мгновение шагнул через порог на вымощенный плитами пол.

Ему пришлось идти на ощупь, касаясь одной рукой шершавой стены, пока наконец он не натолкнулся на огромный каменный саркофаг в глубине, тоже раскрытый: откинутая крышка прислонена к стене.

Внутри, конечно, было совершенно темно. Ли щелкнул зажигалкой. Язычок пламени осветил высеченный из цельного камня саркофаг длиной почти в десять футов. Точно подогнанные стенки из серого мрамора скрывали гроб: роскошное темное дерево, серебряная отделка и снова — открытая крышка.

Низко склонившись к испещренной пятнами шелковой обивке, Коббет уловил резкий душный запах, похожий на аромат сухих трав. Он погасил зажигалку и нахмурился в темноте, затем на ощупь пробрался обратно к двери, вышел наружу и направился назад к театру.

— Мистер Коббет, — послышался прекрасный голос Гонды.

Актриса стояла на краю кладбища, около поникшей ивы. Она была почти одного с ним роста, ее глаза сияли в лунном свете.

— Вы пришли, чтобы узнать правду о моей матери, — почти виновато сказала Честель.

— Я был обязан попытаться, — отозвался Ли. — С того самого момента, как увидел известное вам лицо в окне одного нью-йоркского отеля.

Красавица отодвинулась от него.

— Вы знаете, что она...

— Вампир, — закончил за нее Коббет. — Да, я знаю.

— Умоляю вас, помогите, будьте милосердны! — воскликнула Гонда, однако в ее голосе не было мольбы. —

Я поняла это уже много лет назад. Именно поэтому и живу здесь, в маленьком Деслоу. Я хочу найти какой-нибудь способ подарить ей покой. Ночь за ночью размышляю, как это сделать.

— Я вас понимаю, — отозвался Коббет.

Гонда глубоко вздохнула:

— Вы знаете об этом все. Мне кажется, в вас есть что-то такое, что может устрашить даже вампира.

— Если и так, я не знаю, что это, — правдиво ответил Коббет.

— Дайте мне клятву, поклянитесь, что не будете возвращаться к ее могиле, что не расскажете остальным о том, что знаем вы и я. Я... мне хочется надеяться, что вдвоем нам удастся что-нибудь для нее сделать.

— Если таково ваше желание, я ничего никому не скажу, — пообещал Ли.

Честель стиснула его руку.

— У нас был пятиминутный перерыв, наверное, уже пора возвращаться на репетицию, — сказала она неожиданно веселым голосом. — Пойдемте.

Они покинули кладбище.

Актеры собирались на сцене. Драмм с несчастным видом наблюдал за тем, как Гонда и Коббет вдвоем идут по проходу. Ли сел рядом с Лорел и Персивантом и досмотрел представление до конца.

Это была весьма своеобразная (если не сказать больше) версия романа Брэма Стокера. Осуществлению зловещих планов Дракулы очень мешало наличие графини, мертвой красавицы, которая прилагала все усилия, чтобы сделаться воплощением доброты. Артисты исполнили несколько песен в интересных минорных тонах, затем танец, в котором мужчины и женщины прыгали, как кенгуру. Наконец Драмм объявил об окончании репетиции, и усталые исполнители столпились за кулисами.

Мисс Честель задержалась, чтобы поговорить с Лорел.

— Дорогая, скажите мне, есть ли у вас какой-нибудь театральный опыт? — спросила она.

— Я участвовала в школьных постановках у себя на родине, на Юге, когда была маленькой.

— Фил, — сказала Гонда, — мисс Парчер... у нее такой прекрасный типаж, такая внешность. Для нее просто должна найтись роль в нашем шоу.

— Вы очень добры, но боюсь, это невозможно, — улыбаясь, ответила Лорел.

— Может быть, вы еще передумаете, мисс Парчер. Зайдете с друзьями ко мне на стаканчик вина перед сном?

— Спасибо, — включился в разговор Персивант, — но нам нужно сделать кое-какие записи, для этого необходимо присутствие всех троих.

— Тогда увидимся завтра вечером. Мистер Коббет, не забудьте про наше соглашение.

И она ушла за кулисы. Друзья направились к выходу. Драмм поспешил за Коббетом и схватил его за локоть.

— Я видел вас, — резко проговорил он, — видел, как вы вдвоем вошли в театр.

— А мы видели вас, Фил. И что с того?

— Вы ей нравитесь. — Это было почти обвинение. — Она перед вами чуть ли не заискивает.

Коббет ухмыльнулся и высвободил свою руку.

— В чем дело, Фил, вы в нее влюблены?

— Да, будь я проклят, влюблен. Я в нее влюблен. Она знает об этом, но ни разу еще не звала меня к себе. А вы... вы встречаетесь с ней первый раз и уже получили приглашение.

— Полегче, Фил, — сказал Ли. — Если это вас хоть както утешит, я люблю совсем другого человека, и ни на что другое у меня просто нет времени.

Он поспешил выйти из театра, чтобы нагнать своих компаньонов.

Дорогу заливал лунный свет. Пока они шли обратно в мотель, Персивант с почти беспечным видом размахивал своей тросточкой.

— О каких записях вы говорили, судья? — спросил его Коббет.

— Я все расскажу в своем номере. Как вам шоу?

— Возможно, мне понравится больше, когда они еще немного поперетируют, — ответила Лорел. — Пока я не очень понимаю замысел.

— Есть довольно слабые места, — добавил Ли.

Они устроились в коттедже судьи. Персивант налил всем выпить.

— А теперь перейдем к делу, — сказал он. — Мы столкнулись здесь с совершенно определенными явлениями. Явлениями, о которых я более или менее подозревал.

— Это какая-то тайна, судья? — спросила Лорел.

— Не совсем, ведь о многом я уже догадывался. Как далеко мы сейчас находимся от Джеветт-Сити?

— Двадцать или пятнадцать миль по прямой, — предположил Коббет. — Джеветт-Сити — это то место, где жила семья вампиров, Рэй? Там они умерли?

— Умерли дважды, можно и так сказать, — кивнул Персивант, поглаживая седые усы, — где-то около ста двадцати пяти лет назад. И здесь мы, возможно, встретимся с осколками их семейной истории. У меня есть определенные подозрения насчет Честель, той самой, которой я когда-то так восхищался. Насчет ее полного имени.

— Но у нее было только одно имя, ведь так? — спросила Лорел.

— Да, на сцене она пользовалась только одним именем. Так же как и Бернар, Дузе, а позднее Гарбо. Но у всех этих актрис были полные имена. Перед тем как мы сегодня отправились на ужин, я сделал два телефонных звонка: связался с моими знакомыми театральными историками и навел справки о полном имени Честель.

— Так у нее все-таки было полное имя, — откликнулся Коббет.

— Да, было. Ее полное имя — Честель Рэй.

В комнате воцарилась глубокая тишина.

— Не похоже на простое совпадение, — продолжил судья. — Теперь о тех небольших подарках, которые я вручил вам сегодня.

— Вот мой, — откликнулся Коббет, доставая из кармана рубашки завернутый в фольгу «орешек».

— А свой, — сказала Лорел, прижав руку к груди, — я положила в маленький медальон на цепочке.

— Пусть он там и остается, — предупредил ее Персивант, — ни за что не снимайте цепочку. Ли, пусть твой по-

дарок тоже всегда будет с тобой. Это дольки чеснока, вы знаете, зачем они нужны. И вы, наверное, уже догадались, почему я добавил так много чеснока в спагетти сегодня за ужином.

— Вы думаете, что где-то здесь прячется вампир, — предположила Лорел.

— Довольно необычный вампир. — Судья набрал в грудь побольше воздуха. — Честель. Честель Рэй.

— Я тоже так думаю, — ровным голосом проговорил Коббст.

Лорел кивнула. Ли посмотрел на наручные часы.

— Полвторого ночи, — объявил он. — Наверное, нам пора расходиться, если мы хотим хоть немного поспать.

Пожелав судье спокойной ночи, Лорел с Коббетом отправились в свои, расположенные по соседству коттеджи. Девушка вставила ключ в замочную скважину, но повернула его не сразу. Внимательно вглядываясь в залитую лунным светом улицу, она прошептала:

— Кто это там? Или лучше спросить — что это там?

Ее спутник посмотрел в ту сторону.

— Ничего, ты просто немного взволнована. Спокойной ночи, дорогая.

Лорел вошла в номер и заперла дверь. Ли быстро пересек улицу.

— Мистер Коббет, — прозвучал в темноте голос Гонды.

— Интересно, что вам понадобилось здесь в столь поздний час, — сказал он, подходя ближе.

Актриса распустила свои темные волосы, которые теперь свободно струились по ее плечам. «Это самая прекрасная женщина из всех, что я когда-либо видел», — подумал Коббет.

— Я хотела еще раз вас проверить, — сказала она, — удостовериться, что вы не забудете про свое обещание и не пойдете на кладбище.

— Я всегда держу слово, мисс Честель.

Он почувствовал, как вокруг них сгустилась гнетущая тишина. Замерли даже листья на деревьях.

— Я надеялась, что вы не будете рисковать, — продолжила актриса. — Вы с друзьями только недавно в городе и можете вызвать у нее особый интерес. — Она подняла на Коббета взгляд своих вспыхнувших в темноте глаз. — И это совсем не комплимент.

Гонда повернулась, чтобы уйти. Ли шагнул вслед за ней.

— Но сами вы ее не боитесь.

— Бояться собственной матери?

— Она принадлежала к семейству Рэй, — ответил Коббет, — а все Рэй пили кровь своих родственников. Мне рассказал об этом судья Персиваит.

И снова взгляд ее прекрасных темных глаз.

— Этого никогда не случится со мной и моей матерью.

Они оба остановились. Своей тонкой сильной рукой Гонда схватила его за запястье.

— Вы мудры и отважны, — сказала она. — Мне кажется, что вы приехали сюда с добрыми намерениями, и совсем не ради нашего шоу.

— Я всегда стараюсь руководствоваться добрыми намерениями.

Над их головами сквозь ветви пробивался лунный свет.

— Вы зайдете ко мне? — пригласила актриса.

— Я прогуляюсь до кладбища, — отозвался Коббет. — Я обещал вам, что не буду туда заходить, но я могу постоять у ограды.

— Не заходите внутрь.

— Я же дал вам слово, мисс Честель.

Гонда направилась обратно к коттеджам, а Ли, минуя ряд молчаливых вязов, зашагал к погосту. Пятна лунного света испещряли могильные камни, между ними, словно черная вода, разлились глубокие тени. Казалось, из-за ограды за ним наблюдают.

Присмотревшись, Ли заметил какое-то движение среди могил. Он не мог ничего точно разглядеть, но там определенно что-то было. Коббет различил (или ему показалось?) очертания чьей-то головы, неясные, словно существо было завернуто в темную ткань. Затем еще один силуэт. И еще один. Они собирались в небольшую группу и как будто следили за ним.

— Вам лучше вернуться в ваш номер, — произнес голос Гонды где-то совсем рядом.

Оказывается, она последовала за ним, неслышная, словно тень.

— Мисс Честель, — сказал Коббет, — ответьте мне, если это возможно, на один вопрос. Что произошло с городом или деревней Грисволд?

— Грисволд? — отозвалась актриса. — А где это? Грисволд означает «Серый Лес».

— Ваш предок или родственник, Хорес Рэй, родился в Грисволде, а умер в Джеветт-Сити. Я уже говорил вам, что ваша мать была урожденная Рэй.

Ему казалось, что он тонет в этих сияющих глазах.

— Я не знала об этом, — сказала Гонда.

Ли посмотрел на кладбище, где двигались невидимые тени.

— И руки мертвых тянутся к живым, — промурлыкала Честель.

— Тянутся ко мне? — спросил он.

— Возможно, к нам обоим. Наверное, сейчас, кроме нас, в Деслоу не бодрствует ни одна живая душа. — Она снова посмотрела на Коббета. — Но вы можете себя защитить.

— Почему вы так думаете? — удивленно спросил он, вспомнив о дольке чеснока в кармане рубашки.

— Потому что эти существа на погосте лишь наблюдают, но не пытаются на вас наброситься. Вы их не привлекаете.

— Как, по всей видимости, и вы, — ответил Ли.

— Я надеюсь, вы не смеетесь надо мной, — едва слышно проговорила Гонда.

— Нет, клянусь своей душой.

— Своей душой... — повторила Честель. — Спокойной ночи, мистер Коббет.

И она ушла, высокая, гордая, грациозная. Ли наблюдал за ней до тех пор, пока женщина не скрылась из виду, а затем направился назад в мотель.

На пустой улице ничто не двигалось, только кое-где светились огоньки в закрытых на ночь магазинах. Коббету

померещилось позади негромкое шуршание, но он так и не оглянулся.

Подойдя к своему номеру, Ли услышал, как закричала Лорел.

Судья Персиваит, сняв куртку, сидел в спальне и изучал потертую коричневую книжку. «Скиннер» — было написано на корешке, «Мифы и легенды нашего края». Он уже столько раз перечитывал этот отрывок, что мог повторить его почти наизусть: «Чтобы победить чудовище, его необходимо схватить и сжечь, по крайней мере, сжечь его сердце. Выкапывать из могилы его нужно днем, пока оно спит и не ведает опасности».

«Есть и другие способы», — подумал Персиваит.

Должно быть, было уже очень поздно, или, вернее сказать, очень рано, однако судья не собирался ложиться. Только не тогда, когда снаружи кто-то крадется, тихо ступая по бетонной галерее перед коттеджем. Ему показалось, или неизвестный замер, как раз перед его дверью? Большая, с набухшими венами рука Персиваита потянулась к воротнику, где под рубашкой висел мешочек с чесноком, его амулет. Будет ли этого достаточно? Судья любил чеснок — такая сочная вкусная приправа для салатов и соусов. Неожиданно Кейт увидел свое отражение в зеркале комода: старое широкое лицо, усы, белеющие, словно полоска снега на темной земле. Ясное четкое отражение, выражение лица не умиротворенное, но полное решимости. Персиваит улыбнулся сам себе, обнажив неровные, но все еще свои собственные зубы.

Он поправил манжет и посмотрел на часы: около половины второго. В июне, несмотря на летнее изменение времени, рассвет наступает рано. Перед восходом солнца вампиры отправляются в свои гробницы, печальные убежища, где они, согласно Скиннеру, «спят и не ведают опасности».

Судья отложил книгу в сторону, налил себе бурбона, добавил несколько кубиков льда и немного воды, сделал глоток. Это был уже не первый стакан за сегодня, хотя обычно, по совету врача, он позволял себе лишь одну пор-

цию виски с содовой в день. В эту минуту Персивант был благодарен за резкий вкус, чем-то напоминающий вкус грецкого ореха. Если не злоупотреблять, виски могло быть естественнейшей в мире вещью, самым добрым товарищем. Судья взял со стола папку с исписанными неразборчивым почерком листами — свои выписки из трудов Монтегю Саммерса.

Саммерс утверждал, что вампиры обычно происходят из одного источника: эта зараза распространяется от короля или королевы, чьи кровавые пиры доводят жертв до могилы, после чего те в свою очередь восстают из гроба. Если найти и уничтожить первопричину, остальные упокоятся с миром, превратятся в обычные мертвые тела. Брэм Стокер придерживался этой же теории, когда писал «Дракулу», а Брэм Стокер, без сомнения, знал, что делал. Персивант обратился к следующей странице, содержащей стихотворение из «Загадок и тайн разных народов» Джеймса Гранта. Это была баллада, написанная архаичным языком, повествующая о мрачных событиях, произошедших в «городе Пешта» — возможно, имелся в виду Будапешт?

> И мертвые тела, заполонившие кладбища,
> Зловещий пир устраивали, пили кровь,
> В полночный час вторгались к нам в жилища,
> Страх иссушал живые души вновь и вновь...

И несколькими строками ниже:

> И вот погост огорожден решеткою железной,
> Засовы запоры, чтоб мертвых удержать,
> Но против нечисти когтей усилья бесполезны,
> Разбиты все замки, и беззащитны мы опять.

Персивант много раз пытался узнать, кто автор стихов и когда же было написано это замысловатое произведение. Возможно, баллада вовсе не была старинной, может быть, она появилась только в 1880 году, незадолго до того, как Грант опубликовал свою книгу. В любом случае, судья чувствовал: он знает, что скрывается за этими строками, что за переживания отражены в них.

Он отложил листы в сторону и взял свою испещренную пятнами прогулочную трость. Сжав ее левой рукой, правой он ухватился за набалдашник, повернул его и потянул. Из полого стержня выскользнуло тусклое лезвие, тонкое, наточенное, обоюдоострое.

Персивант позволил себе улыбнуться. Одно из его самых ценных сокровищ — серебряное оружие, которое, согласно легенде, выковал тысячу лет назад святой Дунстан. Судья наклонился и прочитал по слогам выгравированную на клинке латинскую надпись: «Sic pereant omnes inimici tui, Domine». Это были заключительные строки неистовой победной песни Деворы из «Книги Судей»: «Так да погибнут все враги Твои, Господи!» Действительно ли клинок принадлежал святому Дунстану или нет... В любом случае, серебряное лезвие и молитва воина, запечатленная на нем, уже не раз в прошлом доказывали свою действенность в борьбе против зла.

Неожиданно снаружи раздался громкий, леденящий душу крик, исполненный смертельного ужаса.

В ту же секунду Персивант вскочил со стула. Он распахнул дверь, едва не высадив ее, и с клинком в руке выбежал наружу. Около коттеджа Лорел судья увидел Коббета и поспешил туда с невероятной скоростью, словно помолодев на пятьдесят лет.

— Лорел, открой! — кричал Коббет. — Это Ли!

Когда Персивант добежал до коттеджа, дверь подалась внутрь, и они вместе ворвались в освещенную комнату.

На полу лежала Лорел, сжавшись в комочек и указывая дрожащей рукой на окно.

— Она пыталась войти внутрь, — запинающимся голосом произнесла девушка.

— В окне ничего нет, — попытался успокоить ее Коббет, но там совершенно точно кто-то был.

Бледное, словно восковое, лицо прильнуло к стеклу. Они увидели расширившиеся, вытаращенные глаза, открытый рот, шевелящиеся губы, сверкающие острые зубы.

Коббет подался вперед, но Персивант схватил его за плечо.

— Позвольте мне, — сказал он, направляясь к окну и подняв вверх острие своего клинка.

Когда серебряное оружие с легким стуком коснулось стекла, лицо исказила судорога. Рот раскрылся в беззвучном крике. Существо отпрянуло и скрылось из виду.

— Я уже видел это лицо раньше, — хрипло сказал Коббет.

— Да, — отозвался Персивант, — в окне отеля. И позже.

Он опустил лезвие. Снаружи послышался звук, стремительный и торопливый, похожий на топот ног — множества ног.

— Мы должны разбудить людей в главном здании, — сказал Ли.

— Сомневаюсь, что мы сможем разбудить хоть кого-нибудь в этом городке, — спокойным голосом ответил судья. — Я полагаю, кроме нас, не бодрствует ни одна живая душа, все спят глубоким, зачарованным сном.

— Но там снаружи... — Лорел показала на дверь, на которую, казалось, кто-то давил.

— Я же сказал: ни одна живая душа.

Он перевел взгляд с нее на Коббета и повторил:

— Живая.

Судья пересек комнату и кончиком клинка начертил на двери перпендикулярную линию. Затем аккуратно провел еще одну поперек, образовав таким образом крест. Давление снаружи неожиданно прекратилось.

— Вон оно, снова там, — выдохнула Лорел.

Персивант широкими шагами вернулся к окну, в котором застыло угрожающее лицо, обрамленное струящимися черными волосами, и провел по стеклу серебряным лезвием, сверху вниз, а затем слева направо. Лицо исчезло. Он повернулся и нарисовал такие же кресты на остальных окнах.

— Вот видите, — в тихом голосе судьи слышалось торжество, — это старое, очень старое волшебство.

Он с трудом уселся на стул и, устало посмотрев на Лорел, сумел улыбнуться:

— Возможно, если нам удастся пожалеть эти несчастные создания там за дверью, это немного облегчит наше положение.

— Пожалеть? — почти выкрикнула девушка.

— Да, — отозвался судья и процитировал:

...Помысли, как печально может быть
Томиться вечной жаждой; каждый день,
Как в приступе, желать напиться крови.

— Я знаю эти стихи, — вмешался Коббет, — это Ричард Уилбер, несчастный проклятый поэт.

— Как в приступе... — повторила Лорел.

— Приступе, повторяющемся изо дня в день, — откликнулся Ли.

— Да, словно при малярийной лихорадке, — добавил Персиваит.

Лорел и Коббет уселись на кровать.

— Я бы сказал, что здесь мы пока в безопасности, — провозгласил судья. — Не совсем на свободе, но, по крайней мере, в безопасности. На рассвете, когда они отправятся спать, мы сможем открыть дверь.

— Но как же так? Почему только мы в безопасности? — воскликнула девушка. — Почему мы бодрствуем, тогда как все остальные в городе спят и совершенно беспомощны?

— Очевидно потому, что у нас с собой чеснок, — терпеливо объяснил Персиваит, — и потому, что мы съели достаточно чеснока на ужин. И еще потому, что здесь начертаны кресты, довольно условные, но тем не менее они защитят нас, если кто-нибудь попробует войти. Я не прошу вас сохранять спокойствие, прошу лишь быть решительными.

— Я решителен, — процедил Коббет сквозь стиснутые зубы, — я готов выйти и встретить их лицом к лицу.

— Выходите, — отозвался судья, — и даже при наличии чеснока вы продержитесь не дольше, чем пинта виски во время удачной игры в покер. Нет, Ли, расслабьтесь, если можете, и давайте побеседуем.

И они беседовали, пока снаружи бродили странные существа (их можно было скорее почувствовать, нежели услышать). Они беседовали о многих вещах, ни словом не упоминая о своем опасном положении. Коббет вспомнил о тех необычных случаях, с которыми сталкивался в городах, среди гор, на пустынных дорогах, о том, как он выходил из

сложных ситуаций. Персивант рассказал о нью-йоркском вампире, которого он одолел, и о вервольфе, жившем неподалеку от одного южного поместья. Лорел, поддавшись уговорам Ли, спела несколько песен, старых песен Юга, ее собственной родины. У девушки был чудесный голос. Когда она закончила «Водим хоровод по кругу», в окне опять появились лица, они маячили, словно пятна сажи, поверх стекол с начертанными там крестами. Лорел увидела их и запела снова, старую веселую аппалачскую песню «Ночью услышала Мэри стук в дверь». Лица медленно отступили от окна. Медленно проходили часы, один за другим.

— Там на улице, видимо, целое полчище вампиров, — наконец не выдержал Коббет.

— И они усыпили жителей Деслоу, сделали из них беспомощных жертв, — согласился с ним Персивант. — Кстати говоря, это шоу, «Земля за лесом»... Может быть, все было затеяно как лишняя возможность для распространения этой чумы? Даже город, полный спящих людей, уже не может накормить возросшую компанию кровопийц.

— Если бы только добраться до источника всего этого, до носителя этой заразы... — начал Коббет.

— До их повелительницы, до королевы, — закончил за него судья. — Да. Она одна, блуждающая в ночи, способна поднять их из могил. Если удастся ее уничтожить, все эти создания наконец смогут умереть по-настоящему.

Он посмотрел в окно. Лунный свет приобрел оттенок серого сланца.

— Утро почти наступило, — заключил Персивант. — Самое время наведаться на ее могилу.

— Я дал слово не ходить туда, — сказал Коббет.

— А я не давал таких обещаний, — отозвался судья, поднимаясь. — Оставайтесь здесь вместе с Лорел.

Сжав в руке серебряный клинок, он шагнул за порог в темноту, где уже почти померк лунный свет.

Звезды над головой гасли одна за другой. Близился рассвет.

Персивант уловил быстрое движение напротив коттеджа, почти неслышный, едва различимый звук. Твердыми шагами он пересек улицу, но ничего не увидел и не услы-

шал. Решительной походкой судья направился к кладбищу, держа оружие наготове. Темнота постепенно сменялась серым светом.

Персивант пробрался сквозь живую изгородь, ступил на траву и на минуту задержался возле одной из могил. Над ней свивался в небольшую воронку сгусток легкого тумана, напоминающий по форме водоворот воды, стекающей в кухонную раковину. Судья наблюдал, как туман впитывается в землю, исчезает. «Так, — сказал он сам себе, — видится душа, возвращающаяся в свой гроб».

Он отправился дальше по направлению к склепу в центре кладбища, шаг за шагом, усталый, но полный решимости. Ранний луч солнца, проскользнувший сквозь покрытые густой листвой ветви, осветил его путь. Этим утром Персивант найдет то, что должен найти. Он точно это знал.

Решетчатая дверь склепа была заперта на тяжелый висячий замок. Судья внимательно его рассмотрел, а затем вставил кончик клинка в заржавленную скважину, не спеша надавил, повернул и снова надавил. Скрипнула пружина, он медленно открыл дверь и, затаив дыхание, вошел внутрь.

Крышка большого каменного саркофага была закрыта. Персивант ухватился за край и потянул. Жалобно застонали петли, и тяжелая крышка подалась. Внутри стоял темный закрытый гроб. Судья открыл и его.

Она лежала там; лицо выражало умиротворение, глаза были полузакрыты — женщина словно прилегла вздремнуть.

— Честель, — обратился к ней Персивант, — не Гонда, нет. Честель.

Ее веки дрогнули. Ничего более, но он знал, что его слова были услышаны.

— Теперь ты наконец сможешь отдохнуть, покойся с миром, наконец-то с миром.

Судья поднес острие серебряного лезвия к ее левой груди и, взявшись своими большими руками за резной набалдашник, нажал изо всех сил.

Честель чуть слышно вскрикнула.

Когда он вытащил оружие, из раны хлынула кровь. Стало еще светлее. Капли темной жидкости исчезали с лезвия, словно испаряющаяся роса.

Гордое лицо Честель усыхало, сморщивалось, темнело. Быстрым движением Персивант захлопнул крышку гроба, закрыл саркофаг и торопливо вышел. Он снова запер дверь, защелкнул неподатливый старый замок и зашагал к воротам кладбища. Судья шел среди могил, над его головой щебетала птица, в отдалении послышался приглушенный шум мотора. Город просыпался.

В усиливающемся солнечном сиянии Персивант брел по улице. Теперь его походка была походкой старика, очень усталого старика.

В коттедже Лорел и Коббет готовили в пластиковых кружках растворимый кофе. Их вопрошающие взгляды обратились к судье.

— С ней покончено, — сказал он отрывисто.

— Но что вы скажете Гонде? — спросил Коббет.

— Честель и была Гондой.

— Но...

— Это была Гонда, — повторил Персивант, усаживаясь на стул. — Честель умерла. Эта чума подняла ее из могилы, она назвалась Гондой, и, разумеется, жители города ей поверили. — Он устало ссутулился. — Теперь, когда с ней покончено, когда она покоится с миром, остальные — те, чью кровь она пила, блуждающие по ночам, — успокоятся тоже.

Лорел отпила кофе, ее побледневшее лицо склонилось над кружкой.

— Почему вы считаете, что Честель и Гонда один человек? — спросила она. — Откуда вы знаете?

— Я догадывался об этом с самого начала. И совершенно уверился в этом сейчас.

— Уверились? — переспросила Лорел. — Но как вы можете быть в этом уверены?

Персивант улыбнулся ей едва заметной улыбкой.

— Дорогая моя, вы не думаете, что мужчина всегда узнает ту, которую любил?

Казалось, к нему вернулась его обычная нарочитая энергичность. Он поднялся, подошел к двери и взялся за ручку.

— А сейчас, прошу прощения, мне необходимо ненадолго вас покинуть.

— Вы не считаете, что нам лучше как можно скорей уехать отсюда? — спросил его Коббет. — До того, как люди заметят ее исчезновение и начнут задавать вопросы?

— Совсем наоборот, — ответил Персивант своим вновь окрепшим голосом. — Если мы уедем сейчас, они начнут задавать вопросы касательно нас, возможно, довольно неприятные вопросы. Нет, мы останемся. Мы с аппетитом позавтракаем или, по крайней мере, сделаем вид. И мы будем не меньше остальных удивлены исчезновением ведущей актрисы.

— Я буду стараться изо всех сил, — торжественно пообещала Лорел.

— Я знаю, дитя мое, — отозвался Персивант и вышел из коттеджа.

ГОВАРД УОЛДРОП

Der untergang des abendlandesmenschen

Рассказы Говарда Уолдропа наполнены образами современной американской культуры: рок-н-ролл, скверные фантастические фильмы, комиксы, реальные личности — все они тем или иным образом проникают в его уникально трагикомическую прозу.

Уолдроп родился в 1946 году на Миссисипи и с четырех лет живет в Техасе. Он заядлый рыбак. А также лауреат премии Небьюла и Всемирной премии фэнтези, автор романов «Техасско-израильская война 1999 года» (с Джейком Сондерсом), «Кости сухие», «Двенадцать напрягов», «Домой возврат есть» и «Поиск Тома Пердю».

Его неповторимые рассказы собраны в книгах «Возвращение домой», «Какой-какой Говард?», «Все о странных чудовищах недавнего прошлого», «Странные вещи ближним планом: Почти полный Говард Уолдроп», «Ночь черепах: Новые занятные рассказы», «Фабрики грез и радиокартины», «Последний прыжок Кастера и другие совместные сочинения» (с Э. Э. Джексоном, Ли Кеннеди, Джорджем Мартином, Джозефом Пумильей, Бадди Сандерсом, Брюсом Стерлингом и Стивеном Атли).

Следующий рассказ — это типичный Уолдроп...

Они скакали через мерцающий пейзаж под музыку органа. Бронко Билли, коренастый, как бывалый моряк, и Уильям С., высокий и гибкий, как сосна на ветру. Их лица, их лошади, окружающий пейзаж постепенно светлели: были сперва неразборчивыми, потом стали ясными и четкими, когда ковбои перевалили через хребет и начали спускаться в долину.

Перед ними зловеще темнел немецкий город Бремен.

Не считая органной и фортепьянной музыки, по всей Европе царила тишина.

В пещерах под Гранд-опера в Городе света призрак Эрик играл «Токкату и фугу», а мимо несла свои черные воды клоака.

В Берлине спал сомнамбула Чезаре. Его наставник Калигари читал лекции в университете и ждал возможности натравить свое чудовище на мирных бюргеров.

Также в Берлине доктор Мабузе умер и не мог больше править преступным миром.

Но в Бремене...

В Бремене кто-то рыскал в ночи.

В города китайских яиц и кукол, во времена хлеба из отрубей и спичек по шесть миллионов дойчмарок за коробок явились Бронко Билли и Уильям С. Двое суток они провели в седле, кони их были в мыле.

Они спешились и привязали коней к фонарю на Вильгельмштрассе.

— Как насчет промочить горло, Уильям С.? — спросил ковбой-коротышка. — У меня от этого чертового мерцания голова раскалывается.

В трех шагах от него Уильям С. драматически замер, покрутил головой и направился к дверям ближайшего гастхауза[1].

В своем стетсоне и клетчатой рубашке Уильям С. напоминал потрепанное пугало или еще безбородого Абрахама Линкольна с детского рисунка. Глаза его были как блестящее стекло, сквозь которое будто просвечивало из глубины адское пламя.

Бронко Билли подтянул брюки. Он носил «левисы», выглядевшие на нем великоватыми, темный жилет, рубашку посветлее и большие кожаные чапсы с тремя кисточками — у бедра, колена и лодыжки. Его шляпа казалась на три размера больше, чем надо.

В таверне все было мутно-серым, черным и ярко-белым. Плюс неизменное мерцание.

Они уселись за столик и принялись разглядывать посетителей. Бывшие солдаты в лохмотьях мундиров через семь

[1] Gasthaus *(нем.)* — гостиница, таверна.

лет после окончания Великой войны. Безработные, завсегдатаи спустить последние несколько монет на пиво. В воздухе висел серый дым от трубок и дешевых сигарет.

Немногие заметили появление Уильяма С. и Бронко Билли.

Но двое заметили.

— Арапник! — сказал американский капитан, не снимая руки с плеча своего собутыльника сержанта.

— Чего? — спросил сержант, не снимая руки с плеча кельнерши.

— Гляди, кто там.

Сержант уставился в облако мерцающего серого дыма, окутывавшее ковбоев.

— Черт побери! — сказал он.

— Может, пошли подсядем? — спросил капитан.

— Вот уж &%#*! — выругался сержант. — Это же не наш фильм, ##%&сь оно все конем!

— Пожалуй, ты прав, — сказал капитан и снова стал потягивать вино.

— Помни, мой друг, — сказал Уильям С. после того, как официант принес им пиво, — что нет и не может быть отдыха в борьбе со злом.

— Ну да, да, но, Уильям С., мы же так далеко от дома.

Уильям С. чиркнул спичкой, поднес ее к вересковой трубке, заправленной его любимой махоркой. Попыхал секунду-другую, затем глянул на своего спутника поверх кружки с откинутой крышкой.

— Мой дорогой Бронко Билли, — произнес он. — Не бывает «слишком далеко» для того, чтобы противостоять силам зла. Со здешней проблемой доктор Гелиоглабул сам управиться не смог, иначе он не стал бы вызывать нас.

— Ну да, но, Уильям С., моя задница стерта до крови после двух дней в седле. Надо хотя бы чуток соснуть, прежде чем встречаться с этим твоим доктором.

— Увы, мой друг, но в этом ты и ошибаешься, — проговорил высокий ковбой с ястребиным носом. — Потому что зло не спит никогда. В отличие от людей.

— Но я-то человек, — отозвался Бронко Билли. — Я бы сказал — давай придавим.

Тут в таверну вошел доктор Гелиоглабул.

Он был одет как горный проводник-тиролец — в ледерхозен[1], шляпу с пером, горные ботинки и подтяжки. В руке он держал альпеншток, громко клацавший об пол при каждом шаге.

Пробившись через мерцающую темноту и дым, он встал перед столиком с двумя ковбоями.

Уильям С. поднялся.

— Доктор... — начал он.

— Уленшпигель, — перебил его тот, предостерегающе вскинув палец к губам.

Бронко Билли закатил глаза.

— Доктор Уленшпигель, познакомьтесь, пожалуйста, с моим помощником и хронистом, мистером Бронко Билли.

Доктор щелкнул каблуками.

— Присаживайтесь, — сказал Бронко Билли, ногой выпихнув из-под стола свободный табурет.

Доктор в своем опереточном наряде сел.

— Гелиоглабул, — пропентал Уильям С., — что это за дела?

— Мне пришлось явиться инкогнито. Есть... кое-кто, кому нельзя знать о моем здесь присутствии.

Бронко Билли перевел взгляд с доктора на Уильяма С. и обратно и снова закатил глаза.

— Значит, поднят зверь? — поинтересовался Уильям С., и глаза его полыхнули пуще прежнего.

— Совершенно небывалый зверь, — ответил доктор.

— Понимаю, — сказал Уильям С. и затянулся трубкой; глаза его сузились. — Мориарти?

— Берите выше. По сравнению с этим злом Мориарти — жалкий щенок.

— Выше? — переспросил ковбой, сведя кончики пальцев домиком. — Не представляю, как такое возможно.

— Я тоже не представлял до прошлой недели, — произнес Гелиоглабул. — Но с тех пор город захлестнула волна

[1] Lederhosen *(нем.)* — кожаные штаны на помочах.

кошмаров. По ночам улицы полны крыс, они наводняют дома. Когда стемнеет, в этой таверне не останется ни души. Люди запирают двери покрепче и молятся — в наш-то век. Они вернулись к старым предрассудкам.

— И с должным на то основанием? — спросил Уильям С.

— Неделю назад в гавань вошел корабль. На борту был один-единственный человек! — Доктор сделал драматическую паузу. Бронко Билли эффекта не оценил. — Экипаж, пассажиры — все пропали, — продолжил Гелиоглабул. — Оставался один лишь капитан, примотанный к штурвалу. И он был совершенно обескровлен!

Бронко Билли заинтересовался.

— Вы хотите сказать, — склонился над столом Уильям С., — что нам предстоит иметь дело с нежитью?

— Боюсь, что так, — подтвердил доктор Гелиоглабул, покручивая кончики усов.

— Значит, нам потребуется соответствующий боезапас, — сказал высокий ковбой.

— У меня все с собой, — отозвался доктор, доставая из рюкзака патронные коробки.

— Отлично! — сказал Уильям С. — Бронко Билли, револьвер при тебе?

— Чего?! Это ты о чем? «При тебе ли револьвер, Бронко Билли?» — это ты о чем? Уильям С., ты видел меня когда-нибудь без моих стволов? Ты что, совсем офонарел?

— Прости, Билли, — произнес Уильям С., должным образом пристыженный.

— Вот, возьмите, — сказал доктор Гелиоглабул.

Бронко Билли, разломив пару своих «миротворцев», высыпал на стол горку патронов сорок пятого калибра. Уильям С. отстегнул свои флотского образца кольты тридцать шестого калибра и принялся стержнем экстрактора выщелкивать патроны из барабанов по одному.

Билли стал было заряжать, но присмотрелся к новым патронам повнимательней и поднял один к свету.

— Черт возьми, Уильям С.! — возопил он. — Деревянные пули! Деревянные пули?

Гелиоглабул лихорадочными жестами пытался заставить его умолкнуть.

Вся пивная услышала Бронко Билли. Повисла оглушительная тишина, все до единого посетители развернулись к их столику.

— Ну черт возьми, — сказал Бронко Билли. — Деревянная пуля не пролетит и пятнадцати футов, а если пролетит, черта лысого куда-нибудь попадет. В кого это мы собрались стрелять деревянными пулями, а?

Таверна стала стремительно пустеть. Посетители разбегались, бросая через плечо исполненные ужаса взгляды. Все, кроме пяти человек за дальним столиком.

— Боюсь, мой дорогой Бронко Билли, — произнес Уильям С., — ты распугал всех здешних клиентов и предупредил силы зла о нашем появлении.

Бронко Билли огляделся.

— Это вон их, что ли? — Он кивнул на дальний столик. — Да ладно тебе, Уильям С., как-то мы, помнится, и с дюжиной управились на пару.

Доктор Гелиоглабул вздохнул:

— Нет-нет, вы не понимаете. Эти пятеро просто революционеры, безобидные дурачки. Мы же с Уильямом говорим о носферату...

Бронко Билли продолжал на него таращиться.

— ...о нежити...

По-прежнему никакой реакции.

— ...об, э-э, вампирах...

— В смысле, — спросил Билли, — как Теда Бара?

— Не о женщинах-вамп, мой дорогой друг, — произнес крючконосый скотогон. — А о вампирах. О тех, кто встает из могил и пьет кровь живых.

— Ого. — Бронко Билли посмотрел на патроны. — И это их убивает?

— Теоретически, — ответил Гелиоглабул.

— В смысле, вы не уверены?

Доктор кивнул.

— Тогда, — решил Бронко Билли, — я лучше в пополаме.

Он принялся заряжать свои револьверы, чередуя обычные пули с деревянными.

Уильям С. уже зарядил свои — только деревянными.

— Отлично, — произнес Гелиоглабул. — Теперь наденьте это на шляпы, поверх тесьмы. Надеюсь, вы никогда не сойдетесь с ними так близко, чтобы проверить, насколько это эффективно.

Он вручил им серебряные тесьмы, украшенные рядом крестиков. Они натянули их на свои шляпы.

— Что дальше? — спросил Бронко Билли.

— Как что? Ждем ночи, когда нападут носферату! — ответил доктор.

— Ты слышал их, Герман? — спросил Йозеф.

— А как же. Думаешь, нам надо сделать то же самое?

— И где мы найдем кого-нибудь, чтобы изготовил деревянные пули для таких пистолетов, как наши? — спросил Йозеф.

Пятеро мужчин за дальним столиком посмотрели на доктора и ковбоев. Все пятеро были одеты в потрепанные военные мундиры. Тот, кого звали Германом, по-прежнему щеголял рыцарским крестом.

— Мартин, — сказал Герман, — ты не знаешь, где бы нам достать деревянные пули?

— Да наверняка можно найти кого-нибудь, кто бы сделал их под наши автоматические, — ответил тот. — Эрнст, сгоняй-ка к Вартману, спроси.

Эрнст поднялся, хлопнул ладонью по столу.

— Каждый раз, когда слышу слово «вампир», я хватаюсь за свой браунинг! — сказал он.

Все расхохотались. Мартин, Герман, Йозеф, а громче всех Эрнст. Даже Адольф немного хохотнул.

Вскоре после наступления темноты в таверну вбежал кто-то с лицом белым как смерть.

— Вампир! — крикнул он, махнул рукой в общем направлении улицы и вывалился наружу.

Бронко Билли и Уильям С. вскочили из-за стола. Гелиоглабул остановил их.

— Я слишком стар и буду только лишней обузой, — произнес он. — Попробую нагнать вас позже. Помните о крестах! Стрелять прямо в сердце!

По пути к двери они чуть не сшибли Эрнста; уйдя час назад, он вернулся с двумя патронными коробками.

— Йозеф, быстро! — сказал он, когда ковбои выбежали на улицу. — Давай за ними! Мы нагоним. Твой пистолет!

Йозеф швырнул Герману автоматический браунинг и выскочил за дверь; на улице прогрохотали копыта.

Четверо остальных принялись перезаряжать пистолеты.

Двое ковбоев скакали туда, откуда слышался гам.

— Н-но! — пришпорил своего коня Бронко Билли.

Они неслись по аккуратно мощенным улочкам, копыта их коней выбивали искры из булыжной мостовой.

Они обогнали полицейских и прочих, также спешивших на звук воплей и смертельного ужаса. Фрайкоровцы, студенты и бывшие солдаты наводнили улицы. На фоне мерцающего черного неба горели факелы.

Город пытался одолеть носферату силой.

Бронко Билли и Уильям С. вылетели на площадь. Посреди ее стоял запряженный четверкой экипаж, весь затянутый траурным крепом. Возница, мертвенного вида толстяк, натягивал вожжи. Вздыбившиеся перед толпой вороные кони угрожающе били копытами.

Впрочем, удерживали толпу вовсе не кони.

В окне второго этажа гостиницы появилась тварь из ночного кошмара. Лысый, с остроконечными ушами и крысиными зубами, блестя в мерцающем свете глазками-бусинками, вампир вылез из спальни на балкон. Лацканы его длинного сюртука, его лицо и руки были вымазаны кровью. Из окна неподвижно торчала мужская рука, на занавеске виднелась россыпь черных пятен.

Носферату спрыгнул на землю, и толпа раздалась в стороны, когда он метнулся от гостиничных ступеней к поджидавшему экипажу. Возница взмахнул бичом — совершенно беззвучно, — и карета рванулась с места, расшвыривая людей в стороны, как ветер — листву.

Ковбоям, поскакавшим следом, казалось, будто экипаж не едет, а плывет. Спереди не доносилось ни стука подков, ни звона упряжи, ни скрипа колесных осей. Словно они преследовали по ночным улицам Бремена сам ветер.

Они неслись галопом по мерцающим штрассе. Однажды Бронко Билли оглянулся, и ему показалось, что сзади ма-

ячат мотоциклетные фары. Но он не мог позволить себе отвлечься от экипажа.

Бок о бок с ним скакал Уильям С. Они нагоняли.

Бронко Билли выхватил револьвер из левой кобуры (он владел левой рукой ничуть не хуже, чем правой) и выстрелил в широкую спину возницы. Деревянная пуля с треском отрикошетировала от борта экипажа. Затем катафалк вошел в поворот.

Бронко Билли чуть не размазало на повороте по садовой ограде, но он успел свеситься из седла в противоположную сторону, как будто под ним не лошадь, а парусная лодка и он — моряк, откренивающий на остром курсе.

И вот он с Уильямом С. уже нагоняет катафалк на прямом участке широкого проспекта. Они поравнялись с возницей.

И когда Бронко Билли скакал вровень с черным экипажем, волосы у него на загривке впервые встали дыбом. Он слышал себя, слышал своего коня — и ничего больше. Возница в черном щелкнул длинным бичом, но Бронко Билли не слышал ни щелчка, ни топота вороных лошадей, ни скрипа колес.

Оцепенев от страха, он увидел, как с той стороны экипажа на одном уровне с ним появился Уильям С. Возница, развернувшись к высокому ковбою, снова щелкнул бичом. Шляпа Уильяма С., рассеченная пополам, улетела во мрак.

Бронко Билли тщательно прицелился и выстрелил переднему коню в голову, дважды. Тот рухнул как подкошенный, и на фоне мерцающей тьмы вспыхнул беззвучный, неистовый образ: четыре коня, возница, экипаж, он, его лошадь и Уильям С.— все летят, кувыркаясь в воздухе. Потом борт катафалка зацепил Бронко Билли, и неизменное мерцание погасло.

Пришел в себя он, должно быть, через несколько секунд. Он лежал, придавленный своей лошадью, но все кости, кажется, были целы. Привстав, он высвободился из-под конского трупа.

Из груды обломков, шатаясь, поднялся возница. «Странно, — удивился Бронко Билли. — Теперь я слышу скрип вращающихся колес, крики умирающих лошадей». Возница выхватил нож и направился к ковбою.

Бронко Билли нашарил правую кобуру. Револьвер был на месте. Выхватив тот, он выстрелил толстяку прямо в сердце. Возница переломился в поясе, отлетел на шаг, но тут же выпрямился.

Билли нажал на курок.

Возница рухнул недвижной грудой, когда деревянная пуля разнесла его сердце в клочья.

Бронко Билли выкинул из барабана все обычные пули и забил высвободившиеся гнезда деревянными.

Пока он перезаряжал, рядом с визгом затормозили мотоциклы. Из седел и колясок выпрыгнули пятеро мужчин из таверны.

Билли огляделся в поисках Уильяма С., но не увидел его. Затем с крыши донеслась канонада — двенадцать выстрелов подряд, быстрые, как летний гром.

Один из револьверов Уильяма С. пролетел четыре этажа и упал рядом с Бронко Билли.

Ковбой бросился вверх по лестнице, впереди уже бежали пятеро немцев.

При столкновении с катафалком Уильяма С. выбросило из седла. Он вскочил на ноги как раз вовремя, чтобы увидеть вампира, забегающего в жилой дом напротив. Уильям С. рванул следом — пока возница выкарабкивался из обломков экипажа, а Бронко Билли из-под своей лошади.

Он устремился по лестнице. Сверху доносился стук каблуков живого мертвеца — в отличие от погони, звук появился. Перед Уильямом С. замерцал сумраком коридор, в дальнем конце которого затворялась дверь.

Он врезался в нее, покатился по полу. Сзади клацнули зубы, и буквально в нескольких дюймах сомкнулись крысиные челюсти. Он вскочил, направив револьверы на вампира.

Лысая тварь метнулась к открытой двери, захлопнула ее за собой.

Уильям С. изготовился, расставил ноги пошире и принялся стрелять. Вытянув кольты на уровне глаз, он снова и снова палил в дверь, глядя, как деревянные пули тридцать шестого калибра разносят ее в щепу. Вампир взвизгнул,

будто крыса за мусорным бачком, но Уильям С. продолжал стрелять, пока барабаны не опустели.

Изрешеченная дверь покосилась на петлях.

Носферату оскалился и тщательно притворил ее. Зашипев, изготовился к прыжку.

Уильям С. потянулся за своей шляпой.

И вспомнил, что возница сшиб ту у него с головы перед столкновением.

Тварь прыгнула.

Один из выбитых револьверов улетел за ограждение крыши.

И закипела схватка не на жизнь, а на смерть.

Пятеро немцев с воплями врезались в дверь в конце коридора. Из-за двери доносились звуки возни, хриплое дыхание, треск рвущейся ткани.

За ними прибежал Бронко Билли.

— Дверь! Ее заклинило, — сказал один из немцев.

— Шляпа! — выкрикнул Бронко Билли. — Он потерял шляпу!

— Шляпу? — переспросил по-английски один из них, по имени Йозеф. — При чем тут шляпа?

Остальные четверо пытались тем временем вышибить дверь. Сквозь прорехи за ней виднелись лихорадочное движение и мерцающие проблески ночного неба.

— Кресты! — выкрикнул Бронко Билли. — Вот такие! — ткнул он в тесьму на собственной шляпе.

— А, — сказал Йозеф, — кресты.

Он выдрал что-то у Адольфа, державшегося позади, и швырнул в пробоину в двери.

— *Cruzen!* — выкрикнул Йозеф.

— Крест! — завопил Бронко Билли. — Уильям С., крест!

Звуки возни прекратились.

Йозеф швырнул через пробоину свой пистолет.

Они продолжили ломиться в дверь.

Когда послышались крики, тварь сидела на груди Уильяма С., обхватив его горло когтями. Перед глазами у ковбоя плыли черные круги. Чудовище пахло застарелой гря-

зью, сырым мясом, смертью. Его крысиные глазки пылали ненавистью.

Потом до Уильяма С. донесся вопль «Крест!», и что-то порхнуло на периферии его зрения. Одной рукой выпустив тварь, он сгреб это что-то.

На ощупь — ткань. Он сунул ее вампиру в лицо.

Когти разжались.

Не опуская обрывка ткани, Уильям С. перевел дыхание. Шатаясь, поднялся на ноги. Носферату стоял, зажимая руками лицо. Ковбой шагнул к нему.

Тут возле его ноги упал автоматический браунинг, а из-за двери донесся шум.

Все так же держа кусок ткани перед собой, Уильям С. поднял пистолет.

Вампир зашипел, как радиатор.

Уильям С. прицелился и выстрелил. Пистолет был полностью автоматическим.

Деревянные пули вскрыли тварь, словно разошлась застежка-молния.

Дверь слетела с петель, на крышу вырвались пятеро немцев и Бронко Билли.

Уильям С. прислонился к косяку и перевел дыхание. Внизу на площади, вокруг разбитого экипажа и мертвых лошадей, собиралась толпа. В свете факелов их тени колыхались на стенах домов напротив. Это напоминало сцену из Данте.

На крыше появился Гелиоглабул, бросил один взгляд на вампира и вогнал тому в развороченную грудь свой альпеншток.

— На всякий случай, — пояснил он.

Бронко Билли хлопал по спине Уильяма С.:

— Уж думал, тебя на последнюю перекличку вызвали.

Пятеро немцев возились с трупом вампира.

Уильям С. по-прежнему стискивал обрывок ткани. Он разжал кулак. Это была нарукавная повязка.

Красная, с кривым черным крестом в белом круге.

Крест напоминал орнаменты на индейских одеялах, только был развернут в другую сторону.

Уильям С. поглядел на немцев. Четверо из них носили повязки; у пятого, в старой форме капрала, был разодран рукав.

Они натягивали на рукав пальто вампира другую повязку, желтую. Закончив, подняли его и отнесли к краю крыши. Тот напоминал свинью на вертеле.

На желтой повязке были изображены два перекрещивающихся треугольника — как нагрудный узор на костюмах, которые Уильям С. носил в бродвейской постановке «Бен-Гура». Звезда Давида.

Труп полетел вниз, и толпа на площади взорвалась воплем.

Крики не стихали.

Безработные, изувеченные войной, молодые, ожесточенные, лишившиеся иллюзий. Наконец крики стихли — и перешли в скандирование.

Пятеро немцев стояли у края крыши, глядя вниз на толпу, и о чем-то переговаривались.

Бронко Билли удерживал Уильяма С., пока тот не перевел дыхание.

Они услышали, как толпа рассеялась, вновь собралась, разбилась на кучки, откатилась в сторону, организовалась, перестроилась, разрослась.

— Ну что, напарник,— сказал Бронко Билли,— пошлика в гостиницу и придавим как следует.

— Было бы неплохо,— ответил Уильям С.

К ним присоединился Гелиоглабул.

— Лучше выйти черным ходом,— сказал он.

— Не нравится мне эта толпа,— кивнул Бронко Билли.

Уильям С. подошел к ограждению и обвел взглядом город.

Под темным мерцающим небом появились новые огоньки. Тут и там замерцали синагоги.

А потом — запылали.

От переводчика

Из вступления, которое предпослал Уолдроп данному рассказу при публикации в авторском сборнике «Какой-какой Говард?» (1986):

Этот рассказ был написан в начале 1975 года (так зафиксировано в моем гроссбухе). Я точно помню, что меня подтолкнуло: фотография Уильяма С. Харта в театральной поста-

новке «Бен-Гура» (1908). Я тогда читал много Конан Дойля и, взглянув на фотографию, тут же сказал: «Это прирожденный Шерлок Холмс». Одно зацепилось за другое — немые фильмы немецкого экспрессионизма, книги о Веймарской республике, образ мерцающего неба. Так обычно и бывает, когда тобой овладевает идея рассказа.

Название — это вариация на тему безотказного снотворного от Освальда Шпенглера «Der Untergang des Abendlandes», философско-псевдоисторического труда, почему-то ставшего бестселлером в Америке 1920-х годов под заглавием «Упадок Запада»[1]. Говорят, мое название переводится как «Гибель мужчин страны заходящего солнца», или «Конец ковбоев», если угодно.

А теперь — некоторое количество примечаний:

С. 551. *Они скакали через мерцающий пейзаж под музыку органа.* — Характерное для старого кино мерцание объясняется скоростью проецирования картинки — 16 кадров в секунду; современные проекторы работают с частотой 24 кадра в секунду, обеспечивающей непрерывность изображения, причем шторка открывается дважды на кадр. Именно от слова «мерцание» (flicker) происходит старое разговорное название кинофильма — flick.

Бронко Билли — ковбой, персонаж Гилберта М. Андерсена (Макс Аронсон, 1880—1971) — американского актера, режиссера, сценариста и продюсера, стоявшего у истоков жанра вестерна.

Уильям С. — Уильям С. Харт (1864—1946) — знаменитый актер, режиссер, сценарист и продюсер, снимавшийся преимущественно в ранних вестернах (больше 70 фильмов в 1914—1925 гг.).

С. 552. *В пещерах под Гранд-опера в Городе света призрак Эрик играл «Токкату и фугу», а мимо несла свои черные воды клоака.* — Имеется в виду экранизация романа Гастона Леру «Призрак оперы» (1910), причем скорее не самая известная — фильм Руперта Джулиана 1925 г. с Лоном Чейни в главной роли, а предыдущая, немецкая, Эрнста Матрея с Нильсом Олафом Хриссандером (1916).

В Берлине спал сомнамбула Чезаре. Его наставник Калигари читал лекции в университете и ждал возможности натравить

[1] По-русски известен как «Закат Европы».

свое чудовище на мирных бюргеров. — Имеется в виду классика кинематографического экспрессионизма — фильм Роберта Вине «Кабинет доктора Калигари» (1920).

Также в Берлине доктор Мабузе умер и не мог больше править преступным миром. — Имеется в виду экспрессионистский триллер Фрица Ланга «Доктор Мабузе, игрок» (1922).

С. 553. *Великая война* — так в 20—30-е гг. называли Первую мировую войну.

С. 554. *Уленшпигель* — Тиль Уленшпигель — герой нидерландских и немецких плутовских народных легенд XIV—XV вв., бродяга, плут и балагур.

Значит, поднят зверь? — В русском переводе коронную фразу Шерлока Холмса «Game is afoot» принято передавать как «Игра началась» («Убийство в Эбби-Грейндж», пер. Л. Борового). Но у Конан Дойля здесь цитируется шекспировский «Генрих V» (акт III, сц. 1): «Стоите, вижу, вы, как своры гончих, / На травлю рвущиеся. Поднят зверь» (пер. Е. Бируковой).

С. 556. *Мы же... говорим о носферату...* — «Носферату, или Симфония ужаса» (1922) — классика кинематографического экспрессионизма, фильм Фридриха Вильгельма Мурнау с Максом Шреком в главной роли, «пиратская» экранизация «Дракулы» Брэма Стокера (поэтому граф-вампир носит фамилию Орлок, а не Дракула).

Теда Бара (Теодосия Бёрр Гудман, 1885—1955) — архетипическая женщина-вамп, снявшаяся в этом амплуа в 1915—1919 гг. в 40 фильмах; сам термин возник после картины «Жил-был дурак» (1915), где она исполнила главную роль.

С. 558. *Фрайкоровцы* — Фрайкор (Freikorps) — добровольческий корпус, общее название полувоенных организаций, созданных в Германии после Первой мировой войны; в 1918—1919 гг. использовались для подавления коммунистических выступлений.

С. 563. *«Бен-Гур»* (1880) — знаменитый бестселлер американского писателя Лью Уоллеса (1827—1905). Был неоднократно адаптирован для театральной сцены и киноэкрана, причем вышеупомянутый Уильям С. Харт играл Мессалу как в театре, так и в самой первой, пятнадцатиминутной попытке экранизации «Бен-Гура» (1907).

ТАНИТ ЛИ

Красны как кровь

Танит Ли родилась в 1947 году в Лондоне. Писать она начала в девять лет, а профессиональным писателем стала в 1975 году, когда DAW Books издало ее роман «Восставшая из пепла» («The Birthgrave»).

С тех пор она опубликовала около шестидесяти романов, девять сборников и более двухсот рассказов. В конце 70-х — начале 80-х вышло четыре ее радиопостановки. Танит Ли также выступила сценаристом двух эпизодов культового сериала Би-би-си «Блэйк-7» («Blake's 7»). За свои рассказы она дважды получала Всемирную премию фэнтези, а в 1980 году за роман «Владыка смерти» («Death's Master») Британское общество фантастики наградило ее премией Августа Дерлета. В 1998 году Танит Ли номинировали на Guardian Award в категории «Детская фантастика» за роман «Закон Волчьей башни» («Law of the Wolf Tower»), первую книгу из серии «Дневники Клайди» («Claidi Journal»).

Издательство Tor Books опубликовало ее «Белая как снег» («White as Snow»), авторский пересказ истории Белоснежки, а Overlook Press выпустило «Ложе Земли» («A Bed of Earth») и «Сохраненная Венера» («Venus Preserved»), соответственно третий и четвертый тома серии «Тайные книги Рая» («Secret Books of Paradys»). Среди недавних работ писательницы — «Отбрось светлую тень» («Cast a Bright Shadow») и «Здесь, в холодном аду» («Here in Cold Hell»), первые две книги «Львиноволчьей трилогии» («Lionwolf Trilogy») и «Пиратика» («Piratica»), роман для детей старшего школьного возраста о подвигах женщины-пирата. Для Bantam Books она написала продолжение своего «Серебряного любовника» («The Silver Metal Lover»). В 1981 году права на постановку первой книги были проданы Miramax Film Corp.

Вот что говорит автор о нижеследующей мрачной волшебной сказке:

«Здесь чувствуется сильное влияние восхитительного Оскара Уайльда — особенно его рассказов; именно Уайльд

сподвиг меня серьезно изучить спиритуалистическую литературу.

Между тем, смею предположить, мой персонаж была вампиром многие годы. Как и ее мать — которая, не будем забывать, не просила о розовощекой светловолосой дочурке с губками как розы или вино — нет, она просила белокожее, чернокудрое дитя с губами цвета свежей крови...»

Прекрасная Королева-Колдунья откинула крышку шкатулки из слоновой кости с магическим зеркалом. Из темного золота было оно, из темного золота, подобного волосам Королевы-Колдуньи, которые струились как волна по ее спине. Из темного золота, и такое же древнее, как семь чахлых и низких черных деревьев, растущих за бледно-голубым оконным стеклом.

— Speculum, speculum, — обратилась Королева-Колдунья к волшебному зеркалу. — Dei gratia[1].

— Volente Deo. Audio[2].

— Зеркало, — произнесла Королева-Колдунья. — Кого ты видишь?

— Я вижу вас, госпожа, — ответило зеркало. — И все на земле. Кроме одного.

— Зеркало, зеркало, кого ты не видишь?

— Я не вижу Бьянку.

Королева-Колдунья перекрестилась. Она захлопнула шкатулку, медленно подошла к окну и взглянула на старые деревья по ту сторону бледно-голубого стекла.

Четырнадцать лет назад у этого окна стояла другая женщина, но она ничем не походила на Королеву-Колдунью. У той женщины черные волосы ниспадали до щиколоток; на ней было багровое платье с поясом под самой грудью, ибо она давно уже вынашивала дитя. Та женщина распахнула оконные створки в зимний сад, туда, где скорчились под снегом старые деревца. Затем, взяв острую костяную

[1] Зеркало, зеркало. Божией милостью *(лат.)*.

[2] Если Господу будет угодно. Слушаю *(лат.)*.

иглу, она воткнула ее в свой палец и стряхнула на землю три яркие капли.

— Пусть моя дочь получит, — сказала женщина, — волосы черные, подобно моим, черные, как древесина этих искривленных согбенных деревьев. Пусть ее кожа, подобно моей, будет бела, как этот снег. И пусть ее губы, подобно моим, станут красны, как моя кровь.

Женщина улыбнулась и лизнула палец. На голове ее возлежала корона; в сумерках она сияла подобно звезде. Женщина никогда не подходила к окну до заката: она не любила дня. Она была первой Королевой и не обладала зеркалом.

Вторая Королева, Королева-Колдунья, знала все это. Она знала, как умерла в родах первая Королева. Как ее гроб отнесли в собор и отслужили заупокойную мессу. Как ходили меж людей дикие слухи — мол, когда на тело упали брызги святой воды, мертвая плоть задымилась. Но первую Королеву считали несчастьем для королевства. С тех пор как она появилась здесь, землю терзала чума, опустошительная болезнь, от которой не было исцеления.

Прошло семь лет. Король женился на второй Королеве, столь же не похожей на первую, как ладан на мирру.

— А это моя дочь, — сказал Король второй Королеве.

Возле него стояла маленькая девочка семи лет от роду. Ее черные волосы ниспадали до самых щиколоток, ее кожа была бела как снег. Она улыбнулась — красными точно кровь губами.

— Бьянка, — произнес Король, — ты должна любить свою новую мать.

Бьянка лучисто улыбалась. Ее зубы сверкали как острые костяные иглы.

— Идем, — позвала Королева-Колдунья, — идем, Бьянка. Я покажу тебе мое волшебное зеркало.

— Пожалуйста, мама, — тихо промолвила Бьянка. — Мне не нравятся зеркала.

— Она скромна, — заметил Король. — И хрупка. Она никогда не выходит днем. Солнце причиняет ей страдания.

Той ночью Королева-Колдунья открыла шкатулку с зеркалом.

— Зеркало. Кого ты видишь?

— Я вижу вас, госпожа. И все на земле. Кроме одного.

— Зеркало, зеркало, кого ты не видишь?

— Я не вижу Бьянку.

Вторая Королева дала Бьянке крошечное золотое распятие филигранной работы. Бьянка не приняла подарка. Она подбежала к отцу и зашептала:

— Я боюсь. Мне не нравится думать, что наш Господь умер в мучениях на кресте. Она специально пугает меня. Скажи ей, пусть заберет его.

Вторая Королева вырастила в своем саду дикие белые розы и пригласила Бьянку прогуляться после заката. Но Бьянка отпрянула. А отец ее услышал шепот дочери:

— Шипы уколют меня. Она хочет сделать мне больно.

Когда Бьянке исполнилось двенадцать, Королева-Колдунья сказала Королю:

— Бьянке пора пройти обряд конфирмации, чтобы она принимала с нами причастие.

— Этому не бывать, — ответил Король. — Я не говорил тебе, девочку не крестили, ибо моя первая жена, умирая, была против этого. Она умоляла меня, ведь ее религия отличалась от нашей. Желания умирающих надо уважать.

— Разве плохо быть благословенной Церковью? — спросила Королева-Колдунья Бьянку. — Преклонять колени у золотой алтарной ограды перед мраморным алтарем? Петь псалмы Богу, вкусить ритуального Хлеба и отпить ритуального Вина?

— Она хочет, чтобы я предала свою настоящую маму, — пожаловалась Бьянка Королю. — Когда же она прекратит мучить меня?

В день своего тринадцатилетия Бьянка поднялась с постели, оставив на простыне алое пятно, горящее, точно распустившийся красный-красный цветок.

— Теперь ты женщина, — сказала ее няня.

— Да, — ответила Бьянка. И направилась к шкатулке с драгоценностями своей истинной матери, вытащила из нее материнскую корону и возложила на себя.

Когда в сумерках она гуляла под старыми черными деревьями, эта корона сияла подобно звезде.

Опустошительная хворь, которая на тринадцать безмятежных лет покинула землю, внезапно вспыхнула вновь, и не было от нее исцеления.

Королева-Колдунья сидела на высоком стуле перед окном, в котором бледно-зеленые стекла чередовались с матово-белыми. В руках она держала Библию в переплете из розового шелка.

— Ваше величество, — отвесил ей низкий поклон егерь.

Ему было сорок лет, он был силен и красив — и умудрен в потаенных лесных практических науках, в сокровенном знании земли. Умел он и убивать, убивать без промаха — такова уж его профессия. Он мог убить и изящную хрупкую лань, и луннокрылых птиц, и бархатных зайцев с их грустными всезнающими глазами. Он жалел их, но, жалея, убивал. Жалость не останавливала его. Такова уж его профессия.

— Посмотри в сад, — велела Королева-Колдунья.

Охотник вгляделся в мутно-белое стекло. Солнце утонуло за горизонтом, и под деревьями прогуливалась девушка.

— Принцесса Бьянка.

— Что еще? — спросила Королева-Колдунья.

Егерь перекрестился:

— Ради нашего Господа, миледи, я не скажу.

— Но ты знаешь.

— Кто же не знает?

— Король не знает.

— Может, и знает.

— Ты храбр? — вопросила Королева-Колдунья.

— Летом я охочусь на кабанов и убиваю их. Зимой я уничтожаю волков десятками.

— Но достаточно ли ты храбр?

— Если прикажете, леди, — ответил охотник, — я сделаю все возможное.

Королева-Колдунья открыла Библию и взяла вложенный между страницами плоский серебряный крестик, ле-

жавший на словах: «Не убоишься ужасов в ночи... язвы, ходящей во мраке...»[1]

Егерь поцеловал распятие и повесил его на шею, под рубаху.

— Приблизься, — велела Королева-Колдунья, — и я научу тебя, что нужно сказать.

Некоторое время спустя охотник вышел в сад — в небе уже загорелись звезды. Он направился к Бьянке, стоящей под кривым карликовым деревом, и преклонил колени.

— Принцесса, — произнес он, — простите меня, но я должен донести до вас дурные известия.

— Так доноси, — ответила девочка, играя с длинным стеблем сорванного бледного цветка, распускающегося ночью.

— Ваша мачеха, эта проклятая ревнивая ведьма, замыслила погубить вас. Тут ничего не поделаешь, но вы должны бежать из дворца нынче же ночью. Если позволите, я провожу вас в лес. Там найдутся те, кто позаботится о вас, пока вы не сможете вернуться без опаски.

Бьянка взглянула на него — покорно, доверчиво.

— Тогда я пойду с тобой, — сказала она.

И они зашагали по тайной тропе, потом по подземному ходу, потом миновали запутанный фруктовый сад и выбрались на грунтовую дорогу, бегущую между запущенных кустов живой изгороди.

Ночь пульсировала фиолетово-черным, когда они наконец достигли леса. Ветви над головой хлестали друг друга, переплетались, точно морозный узор на окне, а небо тускло просвечивало меж ними, словно синее стекло.

— Я устала, — вздохнула Бьянка. — Можно мне немножко отдохнуть?

— Конечно. Вон на ту полянку ночью приходят поиграть лисы. Смотрите туда — и увидите их.

— Ты такой умный, — заметила Бьянка. — И такой красивый.

Она села на поросшую мхом кочку и принялась глядеть на поляну.

---

[1] Библия, Псалом 90: «Не убоишься ужасов в ночи, стрелы, летящей днем, язвы, ходящей во мраке, заразы, опустошающей в полдень».

Егерь бесшумно вытащил нож, спрятал его в складках плаща и склонился над девушкой.

— Что вы шепчете? — спросил он сурово, кладя ладонь на ее угольно-черные волосы.

— Всего лишь стишок, которому научила меня мама.

Охотник сгреб в кулак ее густые пряди и развернул девушку так, что ее белое горло оказалось перед ним, открытое, готовое для ножа. Но мужчина не ударил, ибо в руке он сжимал сейчас золотистые локоны смеющейся Королевы-Колдуньи, которая, хохоча, обвила его руками.

— Добрый мой, сладкий мой, это была всего лишь проверка. Разве я не ведьма? И разве ты не любишь меня?

Охотник вздрогнул, ибо он любил ее, а она прижалась к нему вплотную, так что, казалось, ее сердце стучит в его собственном теле.

— Отложи нож. Отбрось глупый крест. Нам не нужны эти вещи. Король и на четверть не такой мужчина, как ты.

И егерь повиновался ей, отшвырнув нож и распятие, — они упали далеко, где-то среди корявых корней. Он сжал ее в объятиях, лицо женщины уткнулось в его шею, и боль ее поцелуя стала последним, что почувствовал мужчина в этом мире.

Небо окрасилось угольно-черным. Лес был еще чернее неба. Никакие лисы на поляне не играли. Взошла луна и украсила белым кружевом сучья и пустые глаза егеря. Бьянка утерла рот мертвым цветком.

— Семеро спят, семеро нет, — произнесла Бьянка. — Древо к древу. Кровь к крови. Ты ко мне.

Раздался звук, подобный семи гигантским разрывам, — далеко, за деревьями, за щебеночной дорогой, за фруктовым садом, за подземным ходом. А затем — семь тяжелых шлепков босой ноги. Ближе. И ближе. И ближе.

Гоп, гоп, гоп, гоп. Гоп, гоп, гоп.

Во фруктовом саду — семеро черных, встрепенувшихся.

На щебеночной дороге, между кустов живой изгороди — семеро черных, крадущихся.

Кусты шуршат, ветки трещат.

Через лес, на поляну — семеро корявых, согбенных, низкорослых существ. Древесно-черная мшистая шерсть, дре-

весно-черные лысые маски. Глаза — сверкающие щели, рты — сырые пещеры. Бороды — лишайник. Пальцы — сучковатые хрящи. Ухмыляются. Падают на колени. Прижимают лица к земле.

— Добро пожаловать, — сказала Бьянка.

Королева-Колдунья стояла перед окном со стеклом цвета разбавленного вина. Но смотрела она в магическое зеркало.

— Зеркало. Кого ты видишь?

— Я вижу вас, госпожа. Я вижу человека в лесу. Он вышел на охоту, но не на оленя. Его глаза открыты, но он мертв. Я вижу все на земле. Кроме одного.

Королева-Колдунья зажала ладонями уши.

За окном лежал сад, пустой сад, лишившийся семи черных и корявых карликовых деревьев.

— Бьянка, — выдохнула Королева.

Окна были завешены, и свет не проникал в них. Свет лился из полого сосуда — сноп света, точно копна золотистой пшеницы. Свет горел на четырех мечах — мечах, показывающих на восток и на запад, на юг и на север.

Четыре ветра свистели в покоях, играя серебристо-серой пылью Времени.

Руки Королевы-Колдуньи покачивались подобно трепещущим на ветру листьям, сухие губы Королевы-Колдуньи читали нараспев:

— Pater omnipotens, mittere digneris sanctum Angelum tuum de Infernis[1].

Свет померк и вспыхнул еще ярче.

Там, меж рукоятей четырех мечей, стоял Ангел Люцифиэль, весь золотой, с укрытым тенью лицом, с раскинутыми, полыхающими за спиной крыльями.

— Ты взывала ко мне, и я знаю твою беду. Желание твое печально. Ты просишь о боли.

— Ты говоришь мне о боли, Владыка Люцифиэль, ты, который претерпел самую мучительную боль на свете.

[1] Всемогущий Отче, ниспошли святого Ангела своего из Преисподней *(лат.)*.

Боль худшую, чем причиняют гвозди в ступнях и запястьях. Худшую, чем причиняют терновые шипы, и горькая чаша, и острие копья в боку. Тебя призывают для злых целей, но только не я, ведь я понимаю твою истинную природу, сын Божий, брат Сына Божия.

— Значит, ты узнала меня. Я дам тебе то, что ты просишь.

И Люцифиэль (которого называли Сатаной, Царем Мира, и который тем не менее являлся левой рукой, зловещей рукой замыслов Господа) выдернул из Эфира молнию и метнул ее в Королеву-Колдунью.

Молния попала женщине в грудь. Женщина упала.

Сноп света взметнулся и воспламенил золотистые глаза Ангела, и были глаза Ангела ужасны, хоть и лучилось в них сострадание, но тут мечи рассыпались, и Ангел исчез.

Королева-Колдунья тяжело поднялась с пола — не красавица более, но морщинистая, растрепанная, слюнявая старуха.

В самом сердце леса солнце не светило никогда — даже в полдень. В траве мелькали цветы, но бледные, бесцветные. Под черно-зеленой крышей царили вечные густые сумерки, в которых лихорадочно мельтешили мотыльки и бабочки-альбиносы. Стволы деревьев были гладкими, точно стебли водорослей. Летучие мыши порхали днем, летучие мыши и птицы, считавшие себя летучими мышами.

Здесь стоял склеп, поросший мхом. Выброшенные из него кости валялись у корней семи искривленных карликовых деревьев. Или того, что выглядело деревьями. Иногда они шевелились. Иногда во влажных тенях поблескивало что-то вроде глаза или зуба.

В прохладе, даруемой дверью гробницы, сидела Бьянка и расчесывала волосы.

Какое-то движение всколыхнуло плотный полумрак.

Семь деревьев повернули головы.

Из леса вышла старуха — сгорбленная, со склоненной головой, хищная, морщинистая и почти безволосая, словно гриф.

— Ну вот наконец и мы, — прошамкала карга хрипым голосом стервятника.

Она подковыляла ближе, бухнулась на колени и поклонилась, ткнувшись крючковатым носом в торф и блеклые цветы.

Бьянка сидела и смотрела на нее. Старуха поднялась. Во рту ее редким частоколом желтели гнилые зубы.

— Я принесла тебе почтение ведьм и три подарка, — сказала карга.

— Почему ты это сделала?

— Какая торопыга, а ведь всего четырнадцать годков. Почему? Потому что мы боимся тебя. Я принесла подарки, чтобы подлизаться.

Бьянка рассмеялась:

— Покажи.

Старуха сделала пасс в зеленом воздухе. Раз — и в руке у нее оказался затейливый шнурок, сработанный из человеческих волос.

— Вот поясок, который защитит тебя от штучек священников, от креста, и от потира, и от поганой святой воды. В него вплетены локоны девственницы, и женщины не лучшей, чем ей положено быть, и женщины умершей. А вот, — второй пасс — и старуха держит лакированную — синь по зеленому — гребенку, — гребешок из недр морских, русалочья пустяковина, чтобы очаровывать и покорять. Расчеши ею волосы — и океанский запах наполнит ноздри мужчин, ритм приливов и отливов забьет им уши, оглушит и скует точно цепями. И вот, — добавила старуха, — последнее, старый символ греховности, алый фрукт Евы, яблоко красное как кровь. Откуси — и познаешь Грех, коим похвалялся змий, да будет тебе известно. — Старуха сделала третий пасс и выудила из воздуха яблоко. Плод, шнурок и гребень она протянула Бьянке.

Девушка взглянула на семь корявых деревьев.

— Мне нравятся ее подарки, но я не вполне доверяю ей.

Лысые маски высунулись из лохматых бород. Глазные щели сверкнули. Сучковатые лапы щелкнули.

— Все равно, — заявила Бьянка, — я позволю ей самой повязать мне поясок и расчесать мои волосы.

Старая карга жеманно повиновалась. Точно жаба, вперевалочку, приблизилась она к Бьянке. Она завязала пояс на ее талии. Она разделила на пряди эбеновые волосы. Зашипели искры — белые от пояска, радужные от гребня.

— А теперь, старуха, откуси кусочек от яблока.

— Какая честь, — кивнула ведьма, — ох и покичусь же я, рассказывая моим сестрам, как разделила сей плод с тобой.

И старая карга впилась кривыми зубами в яблоко, шумно чавкая, отгрызла кусок и проглотила, облизываясь.

Тогда Бьянка взяла яблоко и тоже откусила.

Откусила, закричала — и задохнулась, подавившись.

Прыжком вскочила она на ноги. Волосы взметнулись над ней подобно грозовой туче. Лицо стало синим, затем серым, затем вновь белым. Она упала в мертвенно-бледные цветы и осталась лежать — не шевелясь, не дыша.

Семь карликовых деревьев замахали скрипучими конечностями, замотали косматыми башками, но тщетно. Без искусства Бьянки они не могли прыгать. Они вытянули когти и вцепились в реденькие волосенки и плащ старухи. Но карга пробежала меж ними. Она пробежала по залитым солнцем лесным землям, по шебеночной дороге, по фруктовому саду, по подземному ходу.

Во дворец старая карга вошла через потайную дверь и поднялась в покои Королевы по потайной лестнице. Она согнулась почти вдвое. Она хваталась за ребра. Одной костлявой рукой старуха открыла шкатулку из слоновой кости с волшебным зеркалом.

— Speculum, speculum. Dei gratia. Кого ты видишь?

— Я вижу вас, госпожа. И все на земле. И я вижу гроб.

— Чей труп лежит в гробу?

— Этого я не вижу. Должно быть, Бьянки.

Карга, бывшая совсем недавно прекрасной Королевой-Колдуньей, опустилась на свой высокий стул у окна с бледно-огуречным и матово-белым стеклом. Снадобья и зелья ждали, готовые прогнать страшный облик, снять жуткие чары возраста, наложенные на нее Ангелом Люцифиэлем, но она пока не прикасалась к ним.

Яблоко содержало частицу плоти Христа, освященную облатку — Святое Причастие.

Королева-Колдунья придвинула к себе Библию и открыла ее наудачу.

И прочла — со страхом — слово: *Resurgat*[1].

Он был словно хрусталь, этот гроб, молочно-белый хрусталь. Образовался он так. Белый дымок поднялся от кожи Бьянки. Она дымилась, как дымится костер, когда на него падают капли гасящей пламя воды. Кусок Святого Причастия застрял у нее в горле. Причастие — вода, гасящая ее огонь, — заставляло ее дымиться.

Потом выпала ночная роса, похолодало. Дым вокруг Бьянки заледенел. Иней расписал изящными серебряными узорами туманную ледяную глыбу с Бьянкой внутри.

Холодное сердце Бьянки не могло растопить лед. И зеленая дневная полночь оказалась бессильна.

Ее, лежащую в гробу, можно разглядеть сквозь стекло. Как прелестна она, Бьянка. Черная как смоль, белая как снег, красная как кровь.

Деревья нависают над гробом. Идут годы. Деревья разрослись и укачивают гроб на своих руках. Из глаз их сочатся слезы — плесень, грибок, зеленая смола. Зеленый янтарь, как изысканное украшение, твердеет на хрустальном гробу.

— Кто это лежит там, под деревьями? — спросил Принц, выехавший на поляну.

Он, казалось, привез с собой золотую луну, чье сияние разливалось вокруг его золотой головы, золотых доспехов и белого атласного плаща, расшитого золотом и чернью, кровавыми рубинами и небесными сапфирами. Белый конь топтал белесые цветы, но, как только копыта отрывались от земли, бледные головки поднимались вновь. С луки седла Принца свисал щит, страшный щит. На одной его стороне скалилась морда льва, но на другой белел смиренный ягненок.

Деревья застонали, головы их треснули, раскрыв огромные рты.

— Это гроб Бьянки? — промолвил Принц.

[1] Восстань, поднимись, возродись *(лат.)*.

— Оставь ее с нами, — взмолились деревья.

Они качнулись и поползли на корнях. Земля содрогнулась. Гроб из ледяного стекла тряхнуло, широкая трещина расколола его.

Бьянка закашлялась.

Кашель выбил частицу Причастия из ее горла.

Тысячью осколков рассыпался гроб, и Бьянка села. Она взглянула на Принца. Она усмехнулась.

— Добро пожаловать, желанный мой, — сказала она.

Бьянка поднялась, тряхнула головой, разметав волосы, и направилась к Принцу на белом коне.

Но вошла она, казалось, в тень, в багровую комнату; затем — в малиновую, чье свечение пронзило ее, точно безжалостные ножи. Дальше — желтая комната, где она услышала плач, терзающий уши. С тела ее словно содрали всю кожу; сердце ее забилось. Биения сердца превратились в два крыла. Она полетела. Она была вороном, затем совой. Она летела в искрящемся стекле. Стекло опаляло ее белизной. Снежной белизной. Она стала голубем.

Голубка села на плечо Принца и спрятала голову под крыло. В ней не осталось больше ничего черного, ничего красного.

— Начни все сначала, Бьянка, — сказал Принц.

Он поднял руку и снял птицу с плеча. На запястье его виднелась отметина, похожая на звезду. Когда-то в эту руку входил гвоздь.

Бьянка взмыла ввысь, легко пройдя сквозь зеленую крышу леса. Она влетела в изящное окошко вишневого цвета. Она была во дворце. Ей было семь лет.

Королева-Колдунья, ее новая мать, повесила ей на шею тонкую цепочку с распятием филигранной работы.

— Зеркало, — произнесла Королева-Колдунья. — Кого ты видишь?

— Я вижу вас, госпожа, — ответило зеркало. — И все на земле. И я вижу Бьянку.

ГРЭМ МАСТЕРТОН

Лэрд Дунайн

За последние годы Грэм Мастертон опубликовал несколько новых романов в жанре хоррор. Среди них — «Привратники» («The Doorkeepers»), «Снежный человек» («Snowman»), «Пловец» («Swimmer»), «Травма» («Trauma»), также известный под названием «Прекрасная зима» («Bonnie Winter»), «Неописуемый» («Unspeakable») и «Жестокая красавица» («A Terrible Beauty»). Действие последней книги происходит в Корке (Ирландия), где автор жил несколько лет до возвращения в Англию в 2002 году.

Как раз в этом году вышло специальное издание первого романа Мастертона, «Маниту» («The Manitou»), приуроченное к двадцатипятилетию его творческой деятельности, а также были переизданы многие другие произведения, в том числе «Плоть и кровь» («Flesh and Blood») и романы «Ритуал» («Ritual») и «Бродяги» («Walkers»), вышедшие в одном томе. Недавно в Соединенных Штатах впервые опубликованы романы «Дух» («Spirit») и «Избранное дитя» («The Chosen Child»).

«Идея рассказа „Лэрд Дунайн" родилась во время уик-энда в Инвернессе, — объясняет Мастертон, уроженец Эдинбурга. — По каким-то причинам рассказ стал очень популярен в Европе и много раз издавался на разных языках. Это первое мое произведение, послужившее основой для книжки комиксов; она появилась в Польше под названием „Наследник Дунайна" („Dziedzic Dunain")».

Рассказ написан специально для этой антологии...

В альков портной прокрался, оставил лоскутки,
Подушки были мягки, и простыни тонки,
В альков портной прокрался, оставил лоскутки...
Р. Бернс. «Портной»

В далеке, среди лугов, окутанных золотистым утренним туманом, появился лэрд Дунайн, облаченный в шотландскую юбку и толстый серо-желтый свитер, с меховой кожаной сумкой на боку. Его бледное худощавое

лицо привлекало взгляд художника, ярко-рыжая борода походила на языки пламени, волосы спутались, словно заросли чертополоха.

Типичный шотландец — такими их изображают на банках с печеньем и бутылках виски. Но этот человек выглядел таким суровым и печальным, и на лице его отражался духовный голод.

Клэр увидела его в первый раз за все время, проведенное здесь. Она вытянула руку с кистью и постучала Дункана по плечу:

— Гляди, вон он! По-моему, он смотрится *потрясающе*!

Все девять учеников художественной школы обернулись и уставились на лэрда, который с надменным видом шагал по усыпанной галькой тропе позади замка Дунайн. Сначала он делал вид, что не замечает их, и выступал, сцепив руки за спиной и высоко подняв голову. Очевидно, он был занят лишь тем, что вдыхал чудесный летний воздух, осматривал свои владения и размышлял о вещах, о которых обычно размышляют шотландские горцы: сколько оленей убить на охоте и как убедить членов Комитета по развитию Северного нагорья провести в замок электричество.

— Интересно, он согласится нам позировать? — спросила Марго, толстушка с кудрявыми волосами, приехавшая из Ливерпуля. Марго призналась Клэр, что занялась рисованием потому, что блуза художника скрывает ее полные бедра.

— Можно попробовать попросить его, — предложила Клэр, обладательница прямых темных волос, собранных в пучок, и серьезного лица с ясными чертами.

Ее муж, ее *бывший* муж, часто повторял, что она похожа на «школьную учительницу-атеистку». Ее рабочая блуза, обруч на волосах и круглые очки лишь усиливали это впечатление.

— Он так романтично выглядит, — вздохнула Марго. — Как Роб Рой. Или Добрый Принц Чарли[1].

[1] Добрый Принц Чарли — Чарльз Эдуард Стюарт (1720—1788), внук английского короля Якова II, претендент на английский престол, руководитель восстания шотландских горцев против англичан (1745—1746).

Дункан принялся рыться в своей коробке с акварелью, пока не обнаружил обкусанный окурок. Затем зажег его при помощи пластиковой зажигалки с переводной картинкой, изображавшей полуголую девицу.

— Проблема с занятиями живописью в Шотландии, — начал он, — в том, что *все вокруг* выглядит так дьявольски романтично. Вы вкладываете сердце и душу в пейзаж с видом Гленмористона, а затем обнаруживаете, что получился какой-то коврик для кошки от Вулворта.

— И все же мне хотелось бы, чтобы он позировал нам, — сказала Марго.

Художники расположились со своими мольбертами на поросшем травой склоне к югу от замка Дунайн, как раз над обнесенным каменной стеной огородом. За огородом луг медленно, плавно понижался и достигал берегов Каледонского канала, соединяющего северо-восточную оконечность озера Лох-Несс и залив Инвернесс, переходящий дальше в залив Мари-Ферт. Вчера на канале проходила регата, целый день по воде скользили парусники, и отсюда казалось, что они, как в странном сне или кошмаре, плывут среди полей и изгородей.

Мистер Моррисси крикнул:

— Обратите особое внимание на освещение, сейчас свет золотистый и очень ровный, но это ненадолго.

Мистер Моррисси, лысый суетливый человечек с покатыми плечами, был их преподавателем; он первым приветствовал учеников в замке Дунайн и показал им спальни («Вы будете в *восторге*, миссис Брайт... такой вид на сад...»); сейчас он руководил их занятиями по пейзажной живописи. Он был неплохим педагогом, в своем роде. Наброски его отличались строгостью, рисовал он монохромные работы. Он не потерпел бы сентиментальности.

— Вы приехали в Шотландию не для того, чтобы изображать сцены из «Гленского монарха»[1], — сказал он, собрав группу на железнодорожной станции в Инвернессе. — Вы здесь, чтобы писать жизнь и природу в освещении, равного которому нет во всем мире.

---

[1] «Гленский монарх» («The Monarch of the Glen») — популярный телесериал производства телекомпании Би-би-си.

Клэр вернулась к наброску углем, но, продолжая уголком глаза наблюдать за хозяином замка, заметила, что лэрд медленно направляется через луг к ним. Почему-то это взволновало ее, движения ее стали более быстрыми и небрежными. Неожиданно она обнаружила, что лэрд стоит всего в двух-трех футах от нее, по-прежнему сложив за спиной руки. От него исходили какие-то мощные флюиды — она словно почувствовала, как его густая рыжая борода покалывает внутреннюю сторону ее бедер.

— Что ж, неплохо, — в конце концов произнес он с сильным шотландским акцентом. — Я бы сказал, что у вас есть задатки художника. Вы отличаетесь от остальных хохотушек Гордона.

Клэр покраснела и почувствовала, что не в состоянии продолжать работу. Марго хихикнула.

— Ну же, — сказал лэрд, — я вам не льщу. Вы хорошо рисуете.

— Это не совсем так, — возразила Клэр. — Я начала заниматься всего семь месяцев назад.

Лэрд подошел ближе, и Клэр ощутила исходящий от него запах твида, табака, вереска и чего-то еще приторно-сладкого — она никогда прежде не слышала такого запаха.

— Вы неплохо рисуете, — повторил он. — Ваш рисунок хорош; и могу побиться об заклад, что и кистью вы владеете не хуже. Мистер Моррисси!

Мистер Моррисси поднял на лэрда взгляд — лицо его стало совершенно белым.

— Мистер Моррисси, вы не будете возражать, если я похищу у вас эту необъезженную кобылицу?

Преподаватель явно колебался:

— Мы собирались посвятить сегодняшнее утро пейзажу.

— Да, конечно, но сейчас ей не повредит немного портретной живописи, не правда ли? А я умираю от желания получить собственный портрет.

Мистер Моррисси с большой неохотой ответил:

— Нет, думаю, это не повредит.

— Тогда решено, — объявил лэрд и тут же принялся складывать мольберт Клэр и собирать ее коробку с красками.

— Минуточку,— начала Клэр, готовая рассмеяться при виде подобной наглости.

Лэрд Дунайн устремил на нее пристальный взгляд своих зеленых глаз — зеленых, словно изумруды.

— Простите,— извинился он.— Вы ведь не возражаете?

Клэр не смогла удержаться от улыбки.

— Нет,— ответила она.— Я не возражаю.

— Вот и отлично,— сказал лэрд Дунайн и повел ее в замок.

Марго негодующе фыркнула им вслед.

Он позировал в полутемной комнате на верхнем этаже; высокие стены до самого потолка были обшиты дубом. Главным источником освещения служило окно со свинцовыми переплетами, расположенное почти под потолком, и падающий из него свет походил на луч прожектора. Лэрд Дунайн сидел на огромном, окованном железом сундуке, высоко подняв подбородок, и ухитрился сохранять полную неподвижность все то время, пока Клэр набрасывала эскиз.

— Вы приехали сюда не только за тем, чтобы рисовать и писать красками, у вас есть какая-то цель,— произнес он через некоторое время.

Клэр проворно набрасывала палочкой угля его левое плечо.

— Вот как? — отозвалась она, не улавливая смысла его слов.

— Вы хотите найти здесь душевный покой, не так ли, и все расставить по своим местам?

Она мельком вспомнила об Алане, и о Сьюзан, и о хлопнувшей двери. Подумала о том, как милю за милей шла по Пастушьему лугу под апрельским ливнем.

— Именно в этом и состоит назначение искусства, не так ли? — парировала она.— Расставить все по своим местам.

Лэрд Дунайн криво усмехнулся.

— Так говорил и мой отец. Вообще-то он свято верил в это.

В его тоне было нечто такое, что заставило Клэр на минуту прервать работу. Что-то очень серьезное; какой-то

намек, словно он пытался дать ей понять, что подразумевает нечто большее.

— Я вынуждена вас оставить. Мы продолжим работу завтра, — сказала она.

Лэрд Дунайн кивнул:

— Отлично. У нас впереди целая вечность.

На следующий день, когда остальные ученики поехали на микроавтобусе в Форт-Огастес рисовать спускавшиеся ступенями шлюзы Каледонского канала, Клэр, сидя с лэрдом Дунайном в его мрачной комнате с высокими потолками, начала писать его портрет. Она предпочла масляным краскам гуашь, потому что писать гуашью было быстрее. К тому же она чувствовала в лэрде Дунайне нечто изменчивое — она знала, что не сможет передать это при помощи масла.

— Вы очень хороший натурщик, — сказала она после нескольких часов работы. — Не хотите сделать перерыв? Я могу сварить кофе.

Лэрд Дунайн не переменил своей неудобной позы, не сдвинулся с места ни на дюйм.

— Я бы хотел, чтобы вы закончили работу, если не возражаете.

Клэр продолжала писать, выдавив на палитру полтюбика красной краски. Она обнаружила, что не может придать его лицу определенный цвет. Обычно для лиц она использовала чуть меньше палитры желтой охры, серо-зеленой краски, ализаринового красного и кобальтового синего. Но сейчас, сколько бы красного она ни добавляла, лицо оставалось анемичным — почти смертельно бледным.

— Мне никак не удается правильно подобрать тон для кожи, — призналась она, когда часы внизу в холле пробили два.

Лэрд Дунайн кивнул:

— Дунайнов из Дунайна всегда называли бескровной семьей. Но заметьте, у Каллодена[1] мы доказали обратное.

---

[1] В битве при Каллодене (16 апреля 1746 г.) войска шотландцев под предводительством Чарльза Стюарта потерпели поражение в битве с англичанами, после чего восстание было окончательно подавлено.

В тот день лэрда Дунайна поймали в ловушку полдюжины солдат герцога Камберлендского; его так сильно изранили, что четверть акра земли пропиталась его кровью.

— Звучит ужасно, — отозвалась Клэр, выдавливая на палитру еще ализаринового красного.

— Это произошло очень давно, — сказал лэрд Дунайн. — В шестнадцатый день апреля тысяча семьсот сорок шестого года. Почти двести пятьдесят лет назад. Какая память может сохранить события подобной давности?

— Вы рассказываете так живо, словно это случилось вчера, — заметила Клэр, занятая смешиванием красок.

Лэрд Дунайн в первый раз за утро повернул голову.

— В тот день израненный лэрд поклялся, что отомстит Англии за каждую каплю пролитой им крови. Он сказал, что вернет ее, вернет сторицей, а затем прольет еще столько же. Вы, может быть, слышали, что труп его так и не нашли, хотя в долинах ходило множество легенд о том, что тело было укрыто Дунайнами и Макдуффами. Это послужило одной из причин жестокости, с которой герцог Камберлендский прочесывал горную страну. Он дал обет, что не вернется в Англию до тех пор, пока не увидит своими глазами труп Дунайна из Дунайна и не скормит его собакам.

— Дикие времена, — откликнулась Клэр.

Она откинулась на спинку стула. Лицо лэрда по-прежнему было ужасающе бледным, хотя на него пошло почти два тюбика алой краски. Она не могла понять этого. Проведя рукой по волосам, она сказала:

— Я вернусь к работе завтра.

— Разумеется, — согласился лэрд Дунайн.

Направляясь в столовую ужинать, Клэр в обшитом дубом коридоре встретила Марго. Та была странно возбуждена и агрессивна.

— Ты не поехала с нами вчера, не поехала и сегодня. Сегодня мы делали зарисовки овец.

— Я была... — начала Клэр, бросив взгляд в сторону комнат лэрда Дунайна.

— Ах да, — кивнула Марго. — Я так и подумала. Мы *все* так и подумали.

И она направилась прочь, покачивая бедрами.

Клэр была изумлена. Но тут ее осенило: «Она же ревнует. Ревнует всерьез».

Весь следующий день, пока лэрд Дунайн невозмутимо и недвижно сидел перед Клэр, она продолжала сражаться с портретом. Она израсходовала шесть тюбиков красной краски и восемь — бордовой, но лицо на полотне оставалось белым, словно кость.

Постепенно ее охватывало отчаяние, но она не собиралась сдаваться. Каким-то образом — Клэр и сама не поняла, как это получилось, — картина превратилась в поле боя, на котором художница вела борьбу с лэрдом Дунайном — молчаливую, но смертельную борьбу. Возможно, это была лишь борьба с Аланом и со всеми мужчинами, которые относились к ней с таким пренебрежением.

Вскоре после полудня свет в верхнем окне постепенно потускнел, начался дождь. Она слышала, как стучат по крыше капли и тихо журчит вода в водосточных желобах.

— Вы уверены, что вам достаточно света? — спросил лэрд.

— Я все вижу, — возразила она, упорно продолжая выдавливать очередного жирного, блестящего червяка из тюбика с красной гуашью.

— Вы в любой момент можете отказаться, — предупредил он. Его голос звучал почти коварно.

— Я все *вижу*, — настаивала Клэр. — И я закончу этот чертов портрет, даже если он меня убьет.

Она взяла скальпель, чтобы разрезать целлофановую обертку на очередной коробке с красками.

— Мне жаль, что я оказался таким непростым объектом, — улыбнулся лэрд. Казалось, его забавляет быть «непростым».

— Искусство — это всегда вызов, — парировала Клэр.

Она все еще была занята коробкой. Внезапно раздался удар грома необыкновенной силы, так близко от крыши замка, что Клэр показалось, будто зашатались стропила. Рука, державшая коробку, дрогнула, и скальпель резанул Клэр по пальцу.

— Ой! — вскрикнула она, уронив краски и сжимая палец. Капли крови одна за другой заканали на полотно.

— Что-нибудь случилось? — спросил лэрд, даже не пошевелившись на своем окованном железом сундуке.

Клэр моргнула, беспомощно глядя на кровоточащий палец. Она уже хотела сказать ему, что порезалась и не сможет продолжать работу, как вдруг заметила, что кровь смешалась с влажной краской на лице лэрда *и на щеках его вспыхнул неестественно яркий румянец.*

— Вы ведь не поранились? — спросил лэрд.

— О нет, — ответила Клэр.

Она выдавила на полотно еще крови и начала размазывать ее кистью. Постепенно лицо лэрда приняло розоватый, более живой оттенок.

— Со мной все в порядке, совершенно все в порядке.

«Теперь я тебя раскусила, хитрый ты ублюдок. Теперь я тебе покажу, как я умею писать. Я поймаю тебя, навсегда, изображу тебя таким, каким вижу, таким, каким я хочу».

Лэрд продолжал сидеть неподвижно и ничего не ответил, но на лице его появилось странное удовлетворенное выражение, как у человека, отведавшего тонкого вина.

Той ночью, лежа в своей спальне, выходившей окнами на дальние луга, Клэр видела во сне людей в потрепанных плащах и шляпах с перьями, людей с худыми лицами и запавшими глазами. Ей снились дым, кровь и крики. Она слышала резкий, угрожающий грохот барабанов — этот грохот следовал за ней из сновидения в сновидение.

Когда она проснулась, было еще пять часов утра. Шел дождь, и оконный шпингалет дребезжал в такт барабанам в ее кошмарах.

Она надела джинсы и голубую клетчатую блузку и, тихо ступая, поднялась по лестнице в комнату, где стоял портрет лэрда. Она уже знала, что увидит там, но тем не менее зрелище повергло ее в шок.

Лицо на портрете было таким же белым, как прежде, словно она не писала его своей собственной кровью. Даже еще бледнее, чем раньше, если это возможно. И выражение

лица, казалось, изменилось — в пристальном взгляде горела безмолвная ненасытная ярость.

Клэр, охваченная ужасом и любопытством, не могла отвести взгляд от картины. Затем медленно опустилась на стул, открыла коробку и начала смешивать краски. Снежно-белый, алый и желтая охра. Когда все было готово, она взяла скальпель и протянула над палитрой руку. Колебания длились всего мгновение. Лэрд Дунайн смотрел на нее так злобно, что в ней вспыхнуло негодование. Она не позволит подобному человеку издеваться над собой.

Она сделала на запястье длинный диагональный разрез, кровь из артерии брызнула на палитру, и коробочка с красками наполнилась густой, липкой алой жидкостью.

Когда кровь полилась с палитры на пол, Клэр как можно туже перевязала запястье тряпкой для кистей и, схватившись за конец зубами, затянула узел. Дрожа, задыхаясь, она начала смешивать гуашь с кровью и наносить ее на холст.

Она работала около часа, но чем быстрее она делала мазки смесью краски и крови, тем быстрее, казалось, испарялась алая влага с белого как мел лица лэрда.

В конце концов, чуть не плача от разочарования, Клэр откинулась назад и уронила кисть. Лэрд смотрел на нее с портрета — насмешливо, обвиняюще, словно отрицая ее талант и ее женственность. Совсем как Алан. Как все другие мужчины. Ты отдаешь им все, а они по-прежнему презирают тебя.

Но не на этот раз. Не на этот раз. Она поднялась и расстегнула блузку, обнажив грудь перед портретом лэрда Дунайна. Затем она сжала в кулаке скальпель и прикоснулась острием к мягкой бледной плоти пониже пупка.

Прекрасная девица лежала там одна, вреда не ожидала от юноши она, мела метель за окнами, а девушка спала, гостей к себе той ночью бедняжка не ждала.

Она рассекла себе живот. Рука ее дрожала, но она была спокойна и знала, что делает. Лезвие прошло сквозь кожу и слои белого жира и проникало все дальше, пока ее внут-

ренности не испустили глубокий теплый выдох. Ее ждало разочарование — крови не было. Она воображала, что из нее будет хлестать, как из поросенка. Но рана просто заблестела, и наружу потекла желтоватая жидкость.

Но что это за шорох? Пробрался враг сюда, склонилась тень над ложем, грозит ему беда... Портной уж не поднимется с подушек никогда.

Клэр рванула нож вверх, к грудинной кости; скальпель был таким острым, что застрял в одном из ребер. Она потянула его, и эта новая боль оказалась сильнее боли от пореза. Ей нужна была кровь, но она не думала, что будет так страдать. Боль была такой ужасной, что оглушила ее подобно удару грома. Она хотела закричать, но не знала, поможет ли крик, и тут же позабыла об этом.

Она засунула окровавленные руки в рану на животе и схватила горячие, липкие, тяжелые внутренности. Она вытащила все наружу, швырнула на портрет лэрда Дунайна и принялась тереть кишками картину, терла и терла, пока весь мольберт не покрылся кровью и изображение лэрда не исчезло за алым пятном.

Затем она повалилась набок, ударившись головой о дубовый паркет. За высокими окнами вспыхнул свет, затем снова стемнело; свет еще раз зажегся и потом погас навсегда.

Ее отвезли в Риверсайдский медицинский центр, но по дороге она скончалась. Множественные ранения, потеря крови. Дункан на стоянке машин яростно курил сигарету за сигаретой, обхватив себя руками. Марго сидела в приемной на диванчике, покрытом кожезаменителем, и рыдала.

Потом они вернулись в замок Дунайн. Лэрд стоял на лужайке позади дома, наблюдая за игрой солнечного света.

— Значит, она умерла? — спросил он, увидев Марго. — Отвратительное происшествие, вне всякого сомнения.

Марго не знала, что ответить. Она лишь стояла перед ним и тряслась от гнева. Он выглядел таким самоуверенным, таким невозмутимым, таким довольным; его глаза напоминали изумруды с красными прожилками.

— Смотрите, — сказал лэрд Дунайн, указывая на круживших в небе птиц. — Серые вороны. Они всегда чуют смерть.

Марго ворвалась в комнату, где всего два часа назад нашла умирающую Клэр. Там было светло, как в церкви. И на мольберте стоял портрет лэрда Дунайна, чистый и сверкающий, без единого пятнышка крови. Улыбающийся, торжествующий, розовощекий лэрд Дунайн.

— Самодовольная шовинистская свинья, — выругалась она, схватила холст и разорвала его пополам сверху донизу. Ею владел гнев. Ее феминистские взгляды были оскорблены. Но сильнее всего ее жгла ревность. Почему *ей* ни разу не встретился человек, из-за которого она смогла бы покончить с собой?

Над садом, над спускающимися к воде лужайками разнесся крик. Этот крик был таким пронзительным, таким жутким, что художники едва могли поверить, что его издал человек.

У них на глазах лэрда Дунайна буквально разорвало на куски. Взорвалось лицо, вывалилась челюсть, высунувшиеся наружу ребра распороли свитер, на землю хлынули потоки крови. Крови было так много, что брызги ее долетели до стен замка Дунайн, и по оконным стеклам побежали вниз алые струйки.

Они сидели, открыв рты, с поднятыми кистями, а лэрд рухнул на гравий, забился в агонии и затем стих, а кровь текла во все стороны, и в небе кружили и кружили серые вороны — они всегда чуют смерть.

Дай мне, дружок, на память, немного серебра, зимою ночи долгие, далёко до утра, но скоро, друг мой милый, прощаться нам пора...

В альков портной прокрался, оставил лоскутки...

ТИНА РАТ

Игра тьмы

Тина Рат продала свой первый рассказ в жанре «темной» фантастики в 1974 году в «Catholic Fireside». С тех пор ее рассказы появлялись и в маленьких, и в известных изданиях, в том числе в «Ghost & Scholars», «All Hallows», «Women's Realm», «Bella» и «The Magazine of Fantasy & Science Fiction».

Антологии ее рассказов публиковались в «The Fontana book of Great Ghost Stories», «The Fontana Book of Horror Stories», «Midnight Never Comes», «Seriously Comic fantasy», в «The Year's Best Horror Stories: XV» Карла Эдварда Вагнера и в «The Mammoth book of Vampire Stories by Women».

В соавторстве с мужем она писала рассказы для «Royal Whodonnits» и «Sheakesearean Detectives» под редакцией Майкла Эшли. Они вместе участвуют в группе живого чтения и инсценировок «Голоса из гостиной».

Сравнительно недавно Рат получила степень в Лондонском университете за работу «Вампиры в популярной литературе» («The Vampires in Popular Fiction») и издала сборник «Съезд вампиров» («Conventional Vampires») — тринадцатое ежегодное собрание историй о вампирах для «Общества Дракулы».

«На этот рассказ меня вдохновила обложка бумажного издания „Дракулы" (самый знаменитый роман ужасов в истории), — признается автор. — Иллюстрация, видимо, была навеяна фильмом с Белой Лугоши и изображала графа в вампирском плаще, угрожающе склонившегося над спящей Люси. На ней была кружевная ночная рубашка: на постели кружевное покрывало, у кровати — лампа с цветочным абажуром.

Контраст между уютом спальни и темной, угрожающей (но эротичной) фигурой вампира очаровал меня, и я попыталась передать его атмосферу в своем рассказе. Надеюсь, это удалось».

«Игра тьмы» («A Trick of the Dark») публикуется здесь впервые.

— Кто заканчивает работу на закате?

Маргарет чуть вздрогнула.

— Что за странный вопрос, милочка. Ну, может, сторожа в парке.

Что-то заставило ее обернуться к дочери. Та сидела, опершись на подушки, и выглядела, виновато подумала Маргарет, ну никак не старше десяти. Нельзя забывать, *одернула она себя, что Мэдди уже девятнадцать. Это* «сердечное недомогание», как они всегда говорили, приковало ее к постели на гораздо больший срок, чем они ожидали, но взрослеть она от этого не перестала... Надо слушать ее и говорить с ней как со взрослой.

Именно с таким намерением Маргарет подошла и присела на краешек кровати. Постель была покрыта блестящим розовым пуховым одеялом, расшитым густо-розовыми и лиловыми пионами. Абажур на лампочке у кровати был розового оттенка. На Мэдди была розовая пижамная кофточка, любовно связанная бабушкой, а волосы перехвачены розовой ленточкой, — но среди всего этого розового сияния лицо самой Мэдди казалось бледным и чахлым. Маргарет вспомнились слова сказочки, которую она когда-то — сколько же лет назад? — читала Мэдди: «Чах да сох, чах да сох». Что-то про ребенка-подменыша, который никак не хотел расти, а все лежал в колыбельке, плакал и кричал, чах да сох... В конце бедняга вернулся к своему народу, и, надо думать, здоровый ребеночек тоже вернулся к матери, только она позабыла. Маргарет содрогнулась. Непонятно, почему такие ужасные истории считаются подходящим чтением для детей?!

— Почему ты задумалась о том, кто заканчивает работу *на закате? — спросила она Мэдди.*

— О... просто так. — Та вдруг застеснялась, будто мать спросила ее, с каким это мальчиком она гуляла или ходила на танцы. Если бы такое бывало. Она играла с розовой ленточкой на шее, и ее щеки капельку — о, совсем капельку — порозовели. — Просто... знаешь, не могу же я весь день читать или...

Она зашнулась, и Маргарет мысленно закончила за нее. Вышивка, вязание, огромные сложнейшие головоломки-паз-

лы, которые так прилежно находят для нее подружки, блокнотик, куда записываются те странноватые стишки, насчет публикации которых кто-то собирался поговорить с чьим-то дядюшкой... Но всего этого мало, чтобы занять день.

— Иногда я просто смотрю в окно, — сказала Мэдди.

— Ох, милая... — Маргарет стало больно от мысли, что ее дочь просто лежит здесь... просто глядя в окно. — Почему ты не позовешь меня, когда заскучаешь? Мы могли бы чудесно поболтать. Или я могла бы позвонить Банти, или Сисси, или...

Дело к осени, думала она, и подружки Мэдди скоро меньше будут гулять, играть в теннис, плавать... Но нельзя же требовать, чтобы они часами сидели с больной. Они влетают в спальню, загорелые, еще не отдышавшись после игры или катания на велосипеде или раскрасневшиеся от прогулки по морозу, забрасывают новый пазл или свежий роман... и уходят.

— Это ничего, мамочка, — говорила Мэдди. — Просто поразительно, сколько интересного можно увидеть на тихой улочке вроде нашей. Я ведь потому и люблю эту комнату. Потому, что из нее видна улица.

Маргарет взглянула в окно. Верно: виден клочок мостовой, кусочек изгороди миссис Кресвелл, фонарный столб и калитка миссис Монктон. Не слишком заманчивый вид — и она снова воскликнула: «Ох, милая!»

— Ты не поверишь, кто захаживает вечерами к миссис Монктон, — как бы между прочим заметила Мэдди.

— Господи, кто же... — начала Маргарет, но Мэдди, к ее радости, проказливо хихикнула:

— Не буду сплетничать! Но ты сама можешь вечерком посидеть у окна и увидишь.

— Пожалуй, — согласилась Маргарет. Только вот разве у нее есть время? Внизу столько дел: ответы на письма, покупки, и надо следить за прислугой, ведь жизнь продолжается. Она осознала вдруг, что и сама заскакивает к Мэдди на минутку, только чтобы оставить новое занятие или развлечение. И уходит.

— Может, стоит переселить тебя вниз, милочка, — сказала она.

Но с этим будут такие сложности! Доктор строго запретил Мэдди подниматься по лестницам, и как же тогда справиться с тем, что Маргарет даже про себя скромно называла «гигиеной». Мэдди будет неловко каждый раз просить кого-то отнести ее наверх, когда ей понадобится... Да и кто будет делать это днем? Мэдди легонькая — весит гораздо меньше, чем следовало бы, — но мать знала, что не сможет сама поднять ее и тем более носить на руках.

— Но ведь из гостиной ничего не видно, — возразила Мэдди.

— Ох, милая... — Маргарет сообразила, что ей придется снова оставить Мэдди одну. Скоро должен вернуться муж, а у нее появились серьезные сомнения, стоит ли разогревать вчерашний рыбный пирог... Надо поскорей договориться с кухаркой насчет сырного омлета. Если бы только она не умудрялась портить все блюда из яиц... — Так что там с закатом? — торопливо спросила она.

— Смеркается каждый день чуточку позже, — отозвалась Мэдди, — но один мужчина каждый раз проходит по улице сразу после заката.

— Каждый вечер один и тот же? — спросила Маргарет.

— Тот же мужчина, и всегда после заката, — подтвердила Мэдди.

— Может быть, почтальон? — предположила Маргарет.

— Тогда бы он был в форме, — терпеливо возразила дочь. — И сторож из парка — они ведь тоже носят форму, правда? К тому же он не похож на почтальона.

— Вот как... На кого же он похож?

— Трудно объяснить... — Мэдди медленно подбирала слова. — Но... можешь себе представить красивый череп.

— Как? Что за жуткая мысль! — Маргарет вскочила, собрав в кулак серый фуляр у себя на груди. — Мэдди, если ты будешь такое болтать, я вызову доктора Вистона. Пусть даже он не любит приходить после обеда. Мужчина с черепом вместо головы каждый вечер гуляет по улице — это надо же!

Мэдди надулась:

— Я этого не говорила. Просто у него такое лицо... скульптурное. Как будто видишь все кости под кожей, осо-

бенно скулы. Потому-то я и подумала: должно быть, у него красивый череп.

— И как он одет? — спросила Маргарет безнадежно.

— Белая рубашка и что-то вроде широкого черного плаща, — поведала Мэдди. — И у него довольно длинные черные кудри. Наверно, он студент.

— Без шляпы? — Мать была неприятно поражена. — По описанию больше похож на анархиста! Право, Мэдди, я думаю, следует поговорить с полисменом на углу и рассказать ему, что у нашего дома болтается какая-то подозрительная личность.

— Не надо, мама! — вскрикнула Мэдди с такой мукой, что мать торопливо опустила прохладную руку ей на лоб.

— Ну-ну, милая, не волнуйся. Помни, что говорит доктор. Конечно, я не стану его вызывать, если ты не хочешь, и не буду говорить с полисменом. Я просто пошутила. Но ты не должна так возбуждаться... Ох господи, даже лоб влажный. Вот, прими-ка свою таблеточку. Я принесу воды.

И в неподдельном беспокойстве за дочь, раздумывая о рыбном пироге и воистину сомнительной замене его омлетом, Маргарет почти забыла о незнакомце. Почти, но не совсем. Столкнувшись однажды вечером с миссис Монктон — обе спешили перехватить вечернюю почту и встретились у почтового ящика, — она вспомнила и спросила, не заметила ли миссис Монктон, что в округе «кто-то болтается».

— Молодой человек? — воскликнула миссис Монктон, заинтересовавшись, по мнению Маргарет, почти до неприличия. — Но, милочка, здесь вовсе не осталось молодых людей. — Маргарет не успела возразить — миссис Монктон отмахнулась от ее немого протеста. — Во всяком случае, бродить тут некому. Этот, я полагаю, ухаживает за Элси.

Элси работала и на миссис Монктон, и на Маргарет — заходила несколько раз в неделю, чтобы сделать «грязную» работу, до которой не опускалась ни кухарка Маргарет, ни надменная горничная миссис Монктон. Девица была красивая и, по слухам, не слишком строгих нравов — из тех, кого и на порог приличного дома не пускали, когда Маргарет была моложе. Но нынче... Догадка миссис Монктон

успокоила Маргарет. Молодой человек без шляпы... Ну конечно, он ухаживает за Элси. Надо бы сказать девушке словечко насчет того, как недопустимо позволять молодым людям ждать ее на улице; а с другой стороны, пожалуй, не стоит... Маргарет поспешила домой.

Мать Банти заглянула на чай, — ее переполняли новости. Старшая сестра Банти обручилась с кем-то, кого ее мать описала как «немножко ККК» — прозрачная аббревиатура, скрывавшая выражение «не нашего круга». Отец молодого человека, кажется, очень, очень богат, хотя никто точно не знает, на чем он составил состояние. Он собирается подарить, вот именно, подарить! — молодой чете большой дом в Сурре. И заранее обставил его — к сожалению, в своем, несколько... оригинальном... вкусе.

— Хром, дорогая, сплошной хром. Столовая — прямо как молочный бар. А уж спальня — это Джек говорит! — по его словам, точь-в-точь авангардистский бордель в Берлине. Я, разумеется, не стала спрашивать, когда он познакомился с берлинскими борделями. Но все это не относится к помолвке, — добавила она, пригубив чай, как чашу с цикутой. — Я хотела спросить, дорогая: милая малютка Мэдди сможет быть подружкой невесты? Если она достаточно окрепнет к концу июня. Не раньше — я уж постараюсь подольше не отпускать от себя Пэмми... — Она промокнула глаза платочком.

— Да, конечно, — пробормотала Маргарет с сомнением и продолжила с большей решимостью: — Я спрошу доктора.

И, удивив самое себя, спросила. После его очередного посещения Мэдди она заманила доктора в гостиную стаканчиком шерри и позволила ему порокотать немного о том, как хорошо сказывается на Мэдди его лечение. Потом она задала вопрос, которого до сего времени задать не осмеливалась.

— Но когда же Мэдди... совсем поправится? Сможет она — скажем, следующим летом — быть подружкой невесты?

Доктор остолбенел, не донеся стакан шерри до рта. Он не привык к расспросам. Маргарет осознала, что, как видно, допустила ужасающую бестактность.

— Подружкой? — прогудел доктор. И вдруг на глазах оттаял. Он знал, что для женщин такие вещи бывают важны. — Подружкой! Что ж, почему бы и нет? Если она будет поправляться, как сейчас... Главное, не позволяйте ей перевозбуждаться. Не слишком много примерок, знаете ли, и после венчания пораньше заберите ее домой. Никаких танцев, и разве что глоточек шампанского.

— А сможет она когда-нибудь поправиться настолько... чтобы... чтобы самой выйти замуж и... — Но этого Маргарет не могла выговорить перед мужчиной, даже перед доктором.

— Замуж... Ну, я бы не советовал. А детишки? Нет, нет и нет! Но она ведь у вас современная девушка. Кому в наше время нужны мужья и дети... — И, продолжая гудеть и рокотать, он покинул дом.

Маргарет вспомнила, что доктор взял в жены женщину много моложе себя и, по-видимому, не был слишком счастлив в браке... Она позволила себе задуматься о Мэдди. Хотелось бы знать: поменялась бы с ней местами мать Банти? Маргарет ни за что не отдала бы дочь сынку какого-то нувориша, нажившегося на войне. Ни за что... И она присела в свое изящное, обитое ситцем кресло и немножко поплакала — как можно тише, чтобы Мэдди не услышала. Чуть позже она вошла к дочери, храбро улыбаясь.

— Доктор тобой доволен, Мэдди, — начала она. — По его мнению, ты достаточно окрепла, чтобы быть подружкой на свадьбе Пэмми! Тебе придется поспешить, чтобы вовремя закончить подарок.

Маргарет купила шесть полотняных салфеток и шесть квадратиков канвы с отпечатанным на них рисунком: женская фигура в остроконечной шляпке и в пышном кринолине, в окружении цветов. Мэдди должна была к свадьбе вышить их тонкими цветами розовых, нежно-лиловых и зеленых оттенков, но она не проявляла рвения к работе. Маргарет взглянула на дочь, утонувшую в гнездышке из подушек. «Чах да сох! Чах да сох!» — твердил кто-то у нее в голове.

— Видела ты еще этого молодого человека? — спросила она, чтобы отвлечься от преследовавших ее мыслей.

— Ах нет, — ответила Мэдди, поднимая к ней взгляд обведенных тенями глаз. — Да его, пожалуй, вовсе и не было. Это была просто игра тьмы.

— Игра света, ты хочешь сказать, — поправила Маргарет и добавила, едва ли не против воли: — Помнишь сказку, которую я тебе когда-то читала? О маленьком подменыше?

— О том, который лежал в колыбельке и кряхтел: «Я очень стар, ах, как я стар»? — отозвалась Мэдди. — Почему ты его вспомнила?

— Сама не знаю, — пролепетала Маргарет. — Но знаешь, как иногда слова застревают и крутятся в голове, — вот и я не могу избавиться от слов из той сказочки: «Чах да сох» — повторяю все снова и снова. Ну вот, — она сказала это вслух. Теперь, конечно, она от них избавится.

— Да это вовсе не из сказки о подменыше, — сказала Мэдди. — Это из «Кристабель» — знаешь, стихотворение Колриджа об ужасной леди Жеральдине. Это она сказала духу своей матери: «Прочь, бесприютная мать! Чахни и сохни!» Мы его читали в школе, только мисс Браунридж велела нам пропустить тот отрывок про грудь Жеральдины.

— Правильно сделала, — устало кивнула Маргарет.

Осень перешла в зиму, хотя мало кто замечал, как мало-помалу дни становились все короче и короче и закат теперь наступал около четырех дня. Кроме, может быть, Мэдди, сидевшей опершись на свои подушки и ждавшей молодого человека, по-прежнему каждый день проходившего по улице, что бы она ни говорила матери. И даже она не взялась бы сказать, когда он впервые, вместо того чтобы пройти мимо, остановился в глубокой тени между фонарным столбом и почтовым ящиком и взглянул прямо на нее...

— Где твой серебряный крестик, милочка? — спросила вдруг Маргарет, вспоминая, когда она в последний раз видела его на дочери.

— Ох, не помню, — слишком рассеянно отозвалась Мэдди. — Должно быть, застежка сломалась и он упал.

— О, но ведь... — Маргарет беспомощно смотрела на дочь. — Надеюсь, его не подобрала Элси. Я иногда думаю...

— Найдется, — равнодушно бросила Мэдди. Ее взгляд скользнул мимо лица матери и вернулся к окну.

— Как дела с подарком для Пэмми? — полюбопытствовала Маргарет, обращаясь к бледному отражению в темном стекле, в надежде, что дочь обернется к ней.

Она подняла мешочек с рукоделием. И опешила. Одна вышивка оказалась совсем готовой. Но фигура дамы была вышита разными оттенками черного, и стояла она среди алых роз и высоких пурпурных лилий. Прекрасная работа: видны были все тени и блики... но Маргарет почему-то стало не по себе. Она порадовалась, что остроконечная шляпка скрывает лицо дамы. Оторвав от вышивки взгляд, она увидела, что Мэдди смотрит на нее и, похоже, с лукавством.

— Тебе нравится? — спросила дочь.

— Очень... очень современно...

— Да ну, что современного в цветочках и кринолинах?

Давно ли в голосе Мэдди появились эти ленивые насмешливые нотки? Так взрослый, познавший весь опыт мира, может говорить с очень маленьким и глупым ребенком.

Маргарет отложила вышивку.

— Тебе правда ничего не нужно, милая? — спросила Маргарет, врываясь в комнату дочери холодным декабрьским днем. — Я должна купить кое-что к Рождеству, просто никак...

— Конечно иди, мама, — сказала Мэдди. — Мой список у тебя? И постарайся найти что-нибудь посимпатичнее для Банти, она такая добрая...

«А по правде сказать, — думала Мэдди, — я бы подарила ей полный мешок пазлов... и чтоб ей всю жизнь их собирать... Хотела бы я посмотреть, как *ей* это понравится!» Она откинулась на подушку, проводила взглядом пробежавшую под окном мать. У церкви она сядет в автобус,

метро, ее ждут шумные улицы и переполненные магазины, предрождественская суета лондонского Вест-энда. Времени хватит. Мэдди знала (в отличие от матери), что кухарка в половине третьего уйдет пить чай к своей приятельнице в дом миссис Кресвел, и по крайней мере один счастливый час Мэдди будет в доме совсем одна.

Она подтянулась повыше на подушках, порылась в ящике тумбочки в поисках контрабанды, которую пронесла к ней Элси. От Элси оказалось гораздо больше проку, чем от Банти, и Кресси, и прочих подружек. Она отложила алую помаду, тушь и тени, пудру и принялась рисовать на чистой канве своей бледной кожи то лицо, которой ей всегда хотелось увидеть в зеркале. Через двадцать минут она осталась довольна плодами своих стараний.

— Я так стара, я так стара! — пропела она сама себе.

Распустила неизбежную розовую ленточку и перекинула волосы волной через плечо. Потом сняла кружевную кофточку и белую фланелевую ночную рубашку и, наконец, надела наряд, добытый для нее бесценной Элси (бог знает где, хотя Мэдди подозревала, что она стянула его у кого-то из своих клиентов,— может, у этой противной миссис Монктон). Это была шифоновая черно-багряная ночная рубашка. Она оказалась великовата, но тем соблазнительнее спадала с плеча.

Все эти приготовления отняли немало времени, тем более что Мэдди то и дело приходилось останавливаться, чтобы перевести дыхание, а один раз — чтобы принять таблетку... Но к закату все было готово. Она выскользнула из постели, крадучись пересекла комнату и села в кресло под окном. Ловушка почти готова. (Или это не ловушка, а только приманка?) Оставалось одно.

Мэдди достала ножнички для вышивания и, стиснув зубы, воткнула острые концы себе в запястье.

Автобус пришлось ждать долго, а когда он подошел, то оказался переполнен. Маргарет протиснулась к дверям, стараясь не выронить сумки и пакеты. Она почти бежала по своей улице, мимо церковной стены, мимо кирпичной виллы миссис Монктон, мимо почтового ящика — и вдруг

остановилась. На миг ей показалось, что впереди кто-то есть — не странный ли незнакомец Мэдди с красивым, похожим на череп лицом?

Но нет, там, в тени, два бледных лица... нет... ничего. Игра тьмы.

В прихожей она бросила пакеты и бросилась наверх.

— Вот и я, милая. Извини, что задержалась... Ох, Мэдди... Мэдди, милая, что ты делаешь тут в темноте?

Она включила свет.

— Мэдди, Мэдди, где ты? — прошептала она. — Что ты натворила?

Ф. ПОЛ УИЛСОН

Полуночная месса

Во многих странах мира напечатано более семи миллионов экземпляров книг Ф. Пола Уилсона; он является автором таких бестселлеров, как «Сторожевая башня» («The Keep»), экранизирован в 1983 году, и «Могила» («The Tomb»). В 1998 году он «воскресил» своего популярного антигероя Ремонтника Джека и недавно опубликовал седьмой роман из серии о Джеке, «Врата» («Gateways»). Студия «Beacon Films» в настоящее время занимается «раскруткой» этого персонажа на телевидении.

В 2003 году студия «Lions Gate» выпустила на кассетах малобюджетный фильм по мотивам рассказа «Полуночная месса» («Midnight Mass») (сам автор сыграл эпизодическую роль в одном из первых эпизодов). «Отзывы были самыми разнообразными, от „плохо" до просто „ужасно"», — рассказывает Уилсон. Впоследствии он скомбинировал рассказ с двумя произведениями-предшественниками, «Дело рук Господних» («The Lords's Work») и «Страстная пятница» («Good Friday») и создал на их основе остросюжетный роман, описывающий битву людей с нежитью.

В предлагаемой вниманию читателя новелле, динамичном триллере, который перекликается с книгами «Я — легенда» («I am Legend») Ричарда Мэтсона и «Салимов удел» («Salem's Lot») Стивена Кинга, Уилсон выступает с новой вариацией на известную тему, в то же время изображая своих кровопийц в строго традиционном стиле...

I

Прошла почти целая минута с того момента, как он стукнул медным молотком по тяжелой дубовой двери. Дверь, должно быть, достаточно прочна. В конце концов, ведь и дверной молоток здесь в форме креста. Но нет, они считали нужным, щурясь, рассматривать гостя сквозь замочную скважину и выглядывать из боковых окошек, расположенных справа и слева от двери.

Равви Зев Вольпин вздохнул и позволил осмотреть себя. Он не мог осуждать людей за меры предосторожности, но эти показались ему чересчур предусмотрительными. Закатное солнце ярко светило в спину раввину; на фоне сияющего неба вырисовывался его силуэт. Что им еще нужно?

«Может быть, мне раздеться догола и станцевать?»

Он мысленно пожал плечами и глубоко вдохнул влажный морской воздух. По крайней мере здесь прохладно. Он приехал на велосипеде из Лейквуда, находившегося всего в десяти милях отсюда, дальше от побережья, но там было по меньшей мере на двадцать градусов жарче. Величественная громада дома-убежища, выстроенного в стиле тюдор, отгораживала его от Атлантического океана, но повсюду чувствовался соленый морской воздух и доносился ритмичный грохот прибоя.

Спринглейк. Морской курорт, населенный ирландцами-католиками, посещаемый еще с конца прошлого века. Зев огляделся вокруг, обозревая тщательно отреставрированные викторианские здания, огромные особняки, тянущиеся вдоль пляжа, дома поменьше, выстроившиеся аккуратными рядами на улицах, идущих прочь от океана. Многие из них еще обитаемы. Не то что в Лейквуде. Лейквуд стал городом-призраком.

«Неплохое убежище, — решил он и подумал: — Сколько таких домов находится в собственности Католической Церкви?»

Серия щелчков и стуков снова привлекла его внимание к двери — кто-то в спешке отодвигал один за другим бесчисленные засовы. Дверь отворилась внутрь, и на пороге возник молодой человек нервозного вида в длинной черной сутане. Взглянув на Зева, он скривил губы и потер рот тыльной стороной запястья, чтобы скрыть улыбку.

— И что показалось вам таким смешным? — поинтересовался Зев.

— Простите. Я просто...

— Понимаю, — кивнул Зев, отметая объяснения, и взглянул на деревянный крест, свисавший на веревке с его шеи. — Понимаю.

Бородатый иудей в мешковатом саржевом костюме, ермолке и с крестом на шее. Весело, правда?

Ну так что, ну[1]? Этого требовали нынешние времена, все вынуждены были делать это, если хотели выжить. А Зев хотел выжить. Кто-то должен продолжать жить, чтобы сохранить традиции Талмуда и Торы, даже если во всем мире не останется ни одного еврея.

Зев в ожидании стоял на залитом солнцем крыльце. *Священник молча наблюдал за ним.* Наконец Зев спросил:

— Так как, можно Вечному Жиду войти?

— Я не могу вас прогнать, — сказал священник, — но вы, конечно, не думаете, что я приглашу вас.

Ах да. Очередная предосторожность. Вампир не может переступить порога дома, если его не попросят войти, следовательно, не приглашайте в дом никого. «Добрый новый обычай», — подумал он.

Равви ступил внутрь, и священник тут же захлопнул за ним дверь, один за другим заложил все засовы. Когда он обернулся, Зев протянул ему руку:

— Равви Зев Вольпин, отец. Благодарю, что впустили меня.

— Брат Кристофер, сэр, — представился тот, улыбаясь и тряся руку Зева. Его подозрения, по-видимому, полностью улетучились. — Я пока не священник. Мы не можем предложить вам многого, но...

— О, я не задержусь у вас. Я пришел лишь поговорить с отцом Джозефом Кэйхиллом.

Брат Кристофер нахмурился:

— Сейчас отца Кэйхилла здесь нет.

— А когда он вернется?

— Я... я точно не знаю. Видите ли...

— У отца Кэйхилла очередная пьянка, — раздался из-за спины Зева зычный голос.

Обернувшись, Зев увидел пожилого священника, который глядел на него из дальнего угла вестибюля. Седовласый, тучный, в черной сутане.

— Я равви Вольпин.

---

[1] Итак, что ж *(идиш)*.

— Отец Адамс, — назвался священник, выступая вперед и протягивая руку.

После того как они обменялись рукопожатием, Зев спросил:

— Вы сказали, что у него «очередная» пьянка? В первый раз слышу, что отец Кэйхилл — пьяница.

— Очевидно, существует много вещей, которых мы не знали об отце Кэйхилле, — сухо ответил патер.

— Если вы имеете в виду грязную историю, случившуюся в прошлом году, — возразил Зев, чувствуя, как в нем поднимается давний гнев, — то я, например, ни минуты в это не верил. Удивляюсь, что кто-то может принимать на веру хотя бы слово.

— Его виновность или невиновность в конечном итоге не имеет никакого значения. Ущерб репутации отца Кэйхилла — fait accompli[1]. Отец Пальмери вынужден был требовать его удаления ради блага прихода Святого Антония.

Зев понял, что причины подобного отношения скрывались в «очередной пьянке» отца Джо.

— Где я могу найти отца Кэйхилла?

— Я думаю, он где-то в городе, выставляет себя на посмешище. Если вы каким-либо образом сможете его немного вразумить, постарайтесь, прошу вас. Он не только губит свое здоровье алкоголем, он позорит духовенство и Церковь.

«И последнее беспокоит вас больше?» — хотел было спросить Зев, но придержал язык.

— Я попытаюсь.

Он дождался, когда брат Кристофер откроет все замки, и вышел навстречу солнечному свету.

— Попробуйте зайти к Моргону, это вниз по Семьдесят первой, — шепнул молодой человек, когда Зев проходил мимо него.

Зев ехал на велосипеде по Семьдесят первой. Было странно видеть на улицах людей. Их было немного, но больше, чем когда-либо будет в Лейквуде. И он знал, что

[1] Свершившийся факт *(фр.)*.

вампиры сжимают мир в своих тисках, проникают в католические общины и здесь тоже с каждым днем будет становиться все меньше и меньше жителей.

Ему показалось, что он проезжал мимо забегаловки с именем Мортона, когда направлялся в Спринглейк. И тут он увидел ее впереди, у железнодорожного переезда — белая одноэтажная коробка с оштукатуренными стенами, на одной из которых висела вывеска, написанная большими черными буквами: «Мортон. Алкогольные напитки».

В ушах его прозвучали слова отца Адамса: «Очередная пьянка»...

Зев подвел велосипед к двери и подергал за ручку. Заперто крепко. Заглянув внутрь, он увидел хаос, валяющийся мусор, пустые полки. Окна были забраны решетками, стальная задняя дверь закрыта так же надежно, как и парадная. Так где же отец Джо?

Затем он заметил подвальное окошко на уровне земли, рядом с переполненным мусорным баком. Окошко оказалось незапертым. Зев опустился на колени и распахнул его.

Вглядываясь в могильную тьму, он ощутил на лице дуновение прохладного, затхлого воздуха. Ему пришло в голову, что он может нарваться на неприятности, если просунет голову внутрь, но необходимо было попытаться. Если отца Кэйхилла здесь нет, Зеву придется пуститься в обратный путь в Лейквуд, и все путешествие окажется напрасной тратой времени.

— Отец Джо? — позвал он. — Отец Кэйхилл?

— Опять ты, Крис? — ответил кто-то слегка заплетающимся языком. — Иди домой, а? Со мной все будет в порядке. Я попозже вернусь.

— Это я, Джо. Зев. Из Лейквуда.

Он услышал, как кто-то волочит по полу ноги, и затем в луче света, лившегося в окно, показалось знакомое лицо.

— Ну, черт меня побери. Это и *впрямь* ты! Я уж подумал, что это брат Крис пришел, чтобы отволочь меня в убежище. Он все боится, что меня сцапают, если я не вернусь засветло. Ну, и как у тебя дела, ребе? Рад видеть тебя живым. Давай заходи!

Зев заметил, что глаза у отца Кэйхилла остекленели, а сам он едва заметно раскачивается, словно небоскреб на ветру. На священнике были выцветшие джинсы и черная майка с рекламой тура Брюса Спрингстина «Tunnel of Love»[1].

Сердце у Зева сжалось при виде друга, находящегося в таком состоянии. Такой mensch[2], как отец Кэйхилл, не должен вести себя, словно shikker[3]. Наверное, он зря сюда пришел. Зев пожалел, что они встретились таким образом.

— У меня не так уж много времени, Джо. Я пришел сказать тебе...

— Пропихивай сюда свою бородатую задницу и выпей со мной, а не то я выйду и сам тебя притащу.

— Хорошо, — согласился Зев. — Я войду, но пить не буду.

Он спрятал велосипед за мусорным баком и протиснулся в окно. Отец Джо помог ему спуститься на пол. Они обнялись, хлопая друг друга по спине. Отец Джо был выше ростом, гигант по сравнению с Зевом. При росте шесть футов с четвертью он казался выше на десять дюймов, в свои тридцать пять выглядел моложе на много лет; у него были мускулистая фигура, густые каштановые волосы и — в лучшие дни — ясные голубые глаза.

— Ты поседел, Зев, и похудел.

— Сейчас не так уж легко доставать кошерную пищу.

— Любая пища сейчас становится редкостью, — дотронувшись до креста, свисавшего с шеи Зева, он улыбнулся.— Изящный штрих. Хорошо гармонирует с цицитами[4].

Зев пощупал бахрому, высовывающуюся из-под рубашки. Старые привычки легко не умирают.

— Знаешь, я даже немного привязался к нему.

— Так чего тебе налить? — спросил священник, обведя жестом ряды ящиков с алкогольными напитками. — Мой личный запас. Назови свой яд.

---

[1] Спрингстин Брюс (Springsteen Bruce) (р. 1949) — американский рок-певец.

[2] Хороший, достойный человек *(идиш)*.

[3] Пьяница *(идиш)*.

[4] Цицит — кисти, прикрепляемые к четырем углам талиса — полотнища, в которое облачаются евреи во время утренней молитвы.

— Я не хочу пить.

— Ну, давай, ребе. У меня здесь есть самая настоящая «Столичная». Ты обязан выпить хотя бы *один* глоток...

— Зачем? Потому что ты решил, что нельзя пить в одиночку?

Отец Джо улыбнулся:

— *Туше!*

— Ладно, — согласился Зев. — Bissel[1]. Я выпью *один* глоток при условии, что ты не сделаешь *ни одного*. Потому что я хочу поговорить с тобой.

Священник мгновение обдумывал это предложение, затем потянулся за бутылкой.

— Договорились.

Он щедро налил водки в бумажный стаканчик и протянул Зеву. Тот отхлебнул. Он редко пил спиртное, а когда все же решал выпить, предпочитал ледяную водку прямо из холодильника. Но эта оказалась вкусной. Отец Кэйхилл уселся обратно на ящик виски «Джек Дэниелс» и сложил руки на груди.

— Nu? — спросил патер, пожав плечами, словно Джеки Мейсон[2].

Зев не мог не рассмеяться:

— Джо, я по-прежнему подозреваю, что у кого-то из твоих предков в жилах текла еврейская кровь.

На минуту он ощутил легкость, почувствовал себя почти счастливым. Когда же он в последний раз смеялся? Наверное, целый год назад; да, за их столиком в задней части гастронома Горовица, как раз перед историей в приходе Святого Антония и задолго до появления вампиров.

Зев вспомнил день их знакомства. Он стоял у прилавка Горовица и ждал, пока Юссель завернет ему заказанную stuffed derma[3], когда вошел этот молодой гигант. Он был намного выше всех присутствовавших раввинов, выглядел чистокровным ирландцем, словно один из членов

---

[1] Чуть-чуть, немного *(идиш)*.

[2] Мэйсон Джеки (Mason Jackie) (р. 1931) — американский комик.

[3] Мясное кошерное блюдо.

«Paddy's Pig»[1], и носил воротничок католического священника. Он сказал, что, по слухам, это единственное место на всем побережье Джерси, где можно достать приличный сандвич с солониной. Он заказал порцию и весело предупредил, что лучше бы ему оказаться хорошим. Юссель осведомился, что он знает о хорошей солонине, на что священник ответил, что он вырос в Бенсонхерсте[2]. А около половины присутствовавших в тот день у Горовица — да и во все остальные дни, если уж на то пошло — были родом из Бенсонхерста, и не успел священник оглянуться, как все принялись расспрашивать его, знает ли он такой-то магазин и такой-то гастроном.

Затем Зев сообщил патеру — со всем должным уважением к стоявшему за прилавком Юсселю Горовицу, — что лучшие в мире сандвичи с солониной делают в иерусалимском магазине деликатесов Шмуэля Розенберга в Бенсонхерсте. Отец Кэйхилл ответил, что он там бывал и согласен на сто процентов.

И тут Юссель подал ему сандвич. Когда священник откусил огромный кусок солонины с ржаным хлебом, tumel[3], обычный в магазине кошерной еды в обеденное время, смолк, и у Горовица стало тихо, словно в shoul[4] воскресным утром. Все смотрели, как ирландец жует и глотает. Подождали. Внезапно на его лице появилась эта широченная ирландская улыбка.

— Боюсь, что мне придется изменить свое мнение, — сказал он. — Горовиц из Лейквуда делает самые лучшие в мире сандвичи с солониной.

Под звуки аплодисментов и дружеского смеха Зев отвел отца Кэйхилла к заднему столику, который затем стал их обычным местом, и сел рядом с этим сдержанным и притягательным иноверцем, который с такой легкостью завоевал симпатию полного зала незнакомых людей и доставил такую mechaieh[5] Юсселю. Он узнал, что молодой священ-

[1] «Paddy's Pig» — американский ансамбль ирландской музыки.
[2] Бенсонхерст — рабочий квартал в Нью-Йорке, в Бруклине.
[3] Шум, суета *(идиш)*.
[4] Синагога *(идиш)*.
[5] Радость, удовольствие *(идиш)*.

ник — новый помощник отца Пальмери, настоятеля католической церкви Святого Антония, находившейся в северной части Лейквуда. Отец Пальмери служил здесь многие годы, но за это время Зев всего лишь пару раз видел его. Он принялся расспрашивать отца Кэйхилла — который хотел, чтобы его называли Джо, — о жизни в Бруклине, и они проговорили целый час.

В течение последующих месяцев они так часто сталкивались у Горовица, что решили регулярно встречаться и обедать вместе по понедельникам и четвергам. Эти встречи продолжались не один год; они обсуждали религию — о, эти богословские дискуссии! — политику, экономику, философию, жизнь вообще. Во время этих обедов они решали бóльшую часть мировых проблем. Зев был уверен, что они решили бы их все, если бы скандал в церкви Святого Антония не привел к изгнанию отца Джо из прихода.

Но это было в другом измерении, в другом мире. В том мире, который существовал до вампиров.

Зев покачал головой, размышляя о нынешнем положении отца Джо в пыльном подвале винной лавки Мортона.

— Это насчет вампиров, Джо, — начал он, сделав еще глоток «Столичной». — Они захватили Святого Антония.

Отец Джо фыркнул и пожал плечами:

— У них теперь численный перевес, Зев, не забывай об этом. Они захватили все. А почему приход Святого Антония должен отличаться от всех прочих приходов мира?

— Я не имел в виду приход. Я имел в виду церковь.

Глаза католического священника слегка приоткрылись.

— Церковь? Они захватили само здание?

— Каждую ночь, — ответил Зев. — Они приходят туда каждую ночь.

— Это же святое место. Как им это удалось?

— Они осквернили алтарь, уничтожили все кресты. Церковь Святого Антония — больше не святое место.

— Очень плохо, — отозвался отец Джо, опустив взгляд и печально качая головой. — Это была красивая старая церковь. — Он снова взглянул на Зева. — А откуда ты знаешь, что происходит в приходе Святого Антония? Это не так уж близко от твоей общины.

— У меня больше нет общины в прямом смысле этого слова.

Отец Джо протянул огромную ладонь и схватил его за плечо.

— Прости, Зев. Я слышал, как сильно пострадал ваш народ. Ничего не стоило их захватить, а? Мне правда очень жаль.

«Ничего не стоило». Точное выражение. О, они отнюдь не глупы, эти кровопийцы. Они знали, кто наиболее уязвим. На какой район они ни нападали бы, они всегда выбирали в качестве первых жертв евреев, а среди евреев — прежде всего ортодоксальных. Умно. Где еще существовала такая низкая вероятность наткнуться на крест? Это сработало в Бруклине, и они пришли на юг, в Нью-Джерси, распространяясь, словно чума, они направлялись прямо в город с самым большим скоплением yeshivas[1] в Северной Америке.

Но после холокоста в Бенсонхерсте члены общин Лейквуда быстро поняли, что происходит. В реформистских и консервативных синагогах по субботам начали выдавать кресты — для многих было уже слишком поздно, но часть людей спаслась. Последовали ли ортодоксы их примеру? Нет. Члены общин укрывались в домах, shoule и yeshivas, читали и молились.

И были уничтожены.

Крест, распятие — они обладали властью над вампирами, отгоняли их прочь. Его собратья-раввины не желали принимать этот простой факт, потому что прикосновение к кресту несло за собой разрушительные последствия. Взять в руки крест означало отринуть две тысячи лет истории еврейского народа, признать, что Мессия приходил, а они его не замстили.

Правда ли это? Зев не знал. Об этом можно будет поспорить потом. А в тот момент гибли люди. Но раввины хотели спорить об этом сейчас же. И пока они спорили, их паству уничтожали, словно скот на бойне.

---

[1] Система школ по изучению Торы и Талмуда для верующих всех возрастов *(идиш)*.

Как бранил их Зев, как умолял их! Слепые, упрямые дураки! Если дом твой горит, неужели ты откажешься тушить пожар водой потому лишь, что тебя всю жизнь учили не верить в воду? Зев пришел на совет раввинов с крестом, и его вышвырнули вон — буквально выбросили за дверь. Но по крайней мере ему удалось спасти немногих прихожан. Слишком мало.

Да, он вспомнил своих братьев, ортодоксальных раввинов. Всех тех, кто отказывался взглянуть в лицо реальности и признать страх вампиров перед распятием, тех, кто запрещал своим ученикам и прихожанам носить кресты, тех, кто смотрел, как эти самые ученики и прихожане умирали десятками лишь затем, чтобы снова восстать и обратиться против своих наставников. А вскоре и сами раввины принялись блуждать по своему району, выслеживать выживших, охотиться в других yeshivas, других приходах, пока вся община не была ликвидирована и не присоединилась к армии вампиров. Великий ужас пришел и ушел: люди ассимилировались.

Раввины могли бы спастись, могли бы спасти свой народ, но они не желали понять происходящее. Что, размышлял Зев, было вполне естественным. Разве поколение за поколением не учили они людей отворачиваться от остального мира?

Те дни начала войны, дни беспорядочной бойни, закончились. Теперь, когда власть принадлежала вампирам, кровопролитие приняло более организованную форму. Но урон народу Зева был нанесен — и урон этот оказался непоправимым. Гитлер остался бы доволен. Нацистское «окончательное решение» было воскресным пикником по сравнению с делом рук вампиров. То, что гитлеровский рейх не смог сделать за годы Второй мировой войны, вампиры закончили в несколько месяцев.

Нас осталось так мало. Так мало, и мы так рассеяны. Последняя Диаспора.

На какое-то время горе почти сломило Зева, но он запрятал его вглубь, закрыл на замок в том месте, где хранил свои печали, и думал, как повезло его жене Шане — она умерла от естественных причин до того, как начался этот

кошмар. У нее было слишком нежное сердце, она не пережила бы того, что произошло с их общиной.

— Мне жаль гораздо сильнее, Джо, — произнес Зев, усилием воли возвращаясь к настоящему. — Но, поскольку мой народ уничтожен и у меня почти не осталось друзей, я использую дневные часы для скитаний. Так что можешь называть меня Вечный Жид. И во время этих скитаний я встречаю кое-кого из твоих старых прихожан.

Лицо священника застыло. Голос зазвучал ядовито:

— Неужели и в самом деле? И как поживает мое любящее стадо?

— Они потеряли всякую надежду, Джо. Они хотят, чтобы ты вернулся.

Он рассмеялся:

— Хотят, разумеется! Так же сильно, как гоготали мне в спину год назад, когда мое имя смешивали с грязью. Да, они хотят моего возвращения. Бьюсь об заклад!

— Этот гнев, Джо. Это не подобает тебе.

— Дерьмо собачье. Был когда-то такой Джо Кэйхилл, наивное ничтожество, верившее, что преданные прихожане поддержат его. Но нет. Пальмери сообщает епископу, что поднялся слишком большой шум, епископ убирает меня, а люди, которым я посвятил свою жизнь, молча стоят и смотрят, как меня вышвыривают из моего прихода.

— Простым людям нелегко противиться воле епископа.

— Возможно. Но я не могу забыть, как они тихо стояли в стороне, пока у меня отнимали положение, достоинство, доброе имя, все, что у меня было в жизни...

Зеву показалось, что сейчас у Джо сорвется голос. Он уже хотел протянуть к нему руки, когда священник кашлянул и распрямил плечи.

— А тем временем я превратился в нарию там, в убежище. Долбаный прокаженный. Некоторые из них и впрямь верят... — Он с рычанием оборвал себя. — А, какая разница? Все кончено. В любом случае, как я предполагаю, бóльшая часть прихожан мертва. И если бы я остался там, то сам бы погиб. Так что, наверное, все было к лучшему. И вообще, кому какое дело.

Он потянулся к стоявшей рядом бутылке «Гленливета».

— Нет-нет! — воскликнул Зев. — Ты обещал!

Отец Джо отдернул пальцы и скрестил руки на груди.

— Продолжай, бородатый. Я слушаю.

Отец Джо явно изменился к худшему. Мрачный, язвительный, апатичный, полный жалости к себе. Зев начинал удивляться, как он мог называть этого человека *другом*.

— Они забрались в твою церковь, осквернили ее. Каждую ночь они продолжают марать ее кровопролитиями и богохульствами. Неужели для тебя это ничего не значит?

— Это приход Пальмери. Я отстранен. Пусть он позаботится об этом.

— Отец Пальмери — их лидер.

— Разумеется. Он же их настоятель.

— Ты не понял. Он руководит вампирами в непристойностях, которые они совершают в церкви.

Отец Джо напрягся, и отсутствующее выражение исчезло из его глаз.

— Пальмери? Он один из них?

Зев кивнул:

— Хуже того. Он лидер местной ячейки. Он организует их ритуалы.

Зев увидел по глазам священника, как в нем разгорается гнев, увидел, как руки его сжались в кулаки, и на мгновение подумал, что сейчас вырвется на волю прежний отец Джо.

«Давай же, Джо. Покажи мне этот старый огонь».

Но тот лишь тяжело осел обратно на ящик.

— Это все, что ты хотел мне сообщить?

Зев, скрывая разочарование, кивнул:

— Да.

— Отлично. — Джо схватил бутылку виски. — Потому что мне необходимо выпить.

Зев хотел уйти, но нужно было остаться, прощупать немного глубже и увидеть, что еще осталось от его старого друга, сколько места занимает в нем этот новый, ядовитый, чужой Джо Кэйхилл. Может быть, еще есть надежда. И они продолжали беседовать.

Внезапно он заметил, что за окном стемнело.

— Gevalt![1] — воскликнул Зев. — Я не заметил, как время пролетело!

Отец Джо тоже казался удивленным. Он подбежал к окну и высунулся наружу.

— Проклятие! Солнце село! — Он обернулся к Зеву. — О Лейквуде и речи быть не может, ребе. Даже убежище слишком далеко — мы не станем рисковать. Похоже, мы застряли здесь до утра.

— Тут безопасно?

Отец Кэйхилл пожал плечами.

— А почему нет? Насколько мне известно, за последние несколько месяцев здесь бывал только я, и то днем. Будет весьма странно, если одна из этих пиявок в образе человеческом надумает бродить тут сегодня.

— Надеюсь, что ты прав.

— Не беспокойся. С нами все будет в порядке, если мы не привлечем внимания. У меня есть карманный фонарик, если понадобится, но нам лучше всего просидеть здесь в темноте и проболтать до восхода солнца. — Отец Джо улыбнулся и взял с одного из ящиков огромный серебряный крест, по меньшей мере в фут длиной. — Кроме того, мы вооружены. И честно говоря, это не самое худшее место для ночевки.

Он подошел к ящику «Гленливета» и открыл новую бутылку. Его способность поглощать спиртное была невероятной.

Зев тоже считал, что уголок неплохой. Вообще-то со времен холокоста ему приходилось проводить ночи в гораздо более отталкивающих местах. Он решил не терять времени даром.

— Итак, Джо. Наверное, я должен рассказать тебе еще немного о том, что происходит в Лейквуде.

Спустя несколько часов они утомились, и разговор иссяк. Отец Джо, снабдив Зева фонариком, вытянулся на ящиках и уснул. Зев попытался устроиться поудобнее, чтобы вздрем-

[1] *О нет! (идиш)*

нуть, но сон не шел к нему. И он слушал, как друг храпит в темноте подвала.

Бедный Джо. Столько гнева в человеке. Хуже того — боли. Он чувствует, что его предали, обошлись с ним несправедливо. И у него есть на то причины. Но теперь, когда мир разлетелся на куски, это зло не исправить. Джо должен забыть о прошлом и продолжать жить, но, очевидно, не в состоянии. Какой стыд. Необходим какой-то толчок, чтобы вырвать его из депрессии. Зев думал, что новости о происходящем в приходе Святого Антония разбудят в священнике интерес, но это, казалось, лишь привело к тому, что он стал пить еще больше. И Зев боялся, что отец Джо Кэйхилл безнадежен.

Зев закрыл глаза и постарался отдохнуть. Нелегко было устроиться с болтавшимся на груди крестом, и он его снял, но положил поблизости. Он уже начал засыпать, когда услышал снаружи какой-то шум. У мусорного бака. Металлический звук.

«Мой велосипед!»

Соскользнув на пол, он на цыпочках подкрался к спящему отцу Джо, потряс его за плечо и прошептал:

— Кто-то нашел мой велосипед!

Священник всхрапнул, но не проснулся. Громкий лязг заставил Зева обернуться, и неловким движением он задел бутылку. Он попытался подхватить ее на лету, но в темноте промахнулся. Звон бьющегося стекла разнесся по подвалу, словно пушечный выстрел. Чувствуя, как запах виски заглушает запахи плесени, Зев прислушался к звукам, доносящимся снаружи. Ничего.

Наверное, это было какое-то животное. Он вспомнил енотов, совершавших набеги на контейнер с мусором у его дома... когда у него еще был дом... когда у него был мусор...

Зев подошел к окну и выглянул наружу. Да, скорее всего животное. Он открыл раму на несколько дюймов и почувствовал на лице прикосновение прохладного ночного воздуха. Вытащив из кармана пальто фонарик, он направил в отверстие луч света.

И чуть не выронил фонарик при виде бледного, оскалившегося дьявольского создания — обнажив клыки, вампир зашипел. Зев отпрянул, а чудовище рывком просунуло

голову и плечи в окно; в воздухе мелькнули скрюченные пальцы, но промахнулись. Затем вампир прыгнул в окно и бросился на Зева.

Тот попытался увернуться, но вампир был проворнее. При столкновении фонарик вылетел у Зева из рук и покатился по полу. Он вскрикнул, и рычащее чудовище подмяло его под себя. Невозможно было сопротивляться его мощному натиску. Вампир уселся на Зева, отбросил в стороны его молотящие воздух руки, разорвал когтистыми пальцами воротник, обнажив горло, и вытянул шею жертвы, открыв уязвимую плоть. Вампир наклонился, приблизив к шее клыки, и его тлетворное дыхание ударило Зеву в нос. Он отчаянно закричал.

II

Отца Джо разбудили вопли, полные ужаса.

Он потряс головой, чтобы прогнать сон, и тут же пожалел, что не остался лежать спокойно. Голова весила по меньшей мере фунтов двести, рот был полон отвратительной на вкус ваты. Зачем он это с собой делает? После этого он чувствует себя больным; к тому же ему начинают сниться кошмары. Как сейчас.

Он услышал еще один испуганный крик — всего в нескольких футах от себя.

Он взглянул в ту сторону. В слабом свете фонарика, валявшегося на полу, он увидел Зева, лежащего на спине, отчаянно отбивающегося от...

Проклятие! Это не сон! Сюда забрался один из кровососов!

Одним прыжком Джо очутился рядом с тварью, которая тянулась клыками к горлу Зева. Схватив вампира за шиворот, он оторвал его от пола. Тело оказалось странно тяжелым, но это его не остановило. Джо чувствовал, как нарастающий гнев делает его сильнее.

— Гниль поганая!

Схватив вампира за шею, он швырнул его о стену. Тварь ударилась о бетон с силой, от которой у человека

переломались бы все кости, но чудовище лишь сползло вниз, одним движением прокатилось по полу и вскочило на ноги, готовое к атаке. Джо знал, что как он ни был бы силен, ему никогда не одолеть вампира. Обернувшись, он схватил свое большое серебряное распятие и бросился на врага.

— Голоден? Вот этого пожри!

Тварь, обнажив клыки, зашипела на него, и Джо ткнул нижним, более длинным концом креста ему в глотку. По серебру побежал бело-голубой свет, отразившийся в полных ужаса глазах, и плоть врага начала с шипением трескаться. Вампир испустил полузадушенный крик и попытался увернуться, но Джо не собирался его отпускать. От ярости он покраснел: гнев забил фонтаном из какого-то скрытого источника и бурлил внутри него. Джо проталкивал крест все дальше в глотку твари. Глубоко в горле вампира сверкнула вспышка, осветив бледное тело изнутри. Он попытался ухватиться за крест и вытащить его, но стоило ему прикоснуться к серебру, как пальцы его загорелись и начали дымиться.

Наконец Джо отступил, позволив извивающемуся врагу вскарабкаться по стене и уползти через окно в темноту. Затем он обернулся к Зеву. Если с ним что-то произошло...

— Эй, ребе! — окликнул он, опускаясь на колени рядом со стариком. — С тобой все в порядке?

— Да, — ответил Зев, с трудом вставая на ноги. — Благодаря тебе.

Джо рухнул на ящик: как только испарился гнев, его охватила слабость. «Я и не предполагал, что со мной может такое случиться», — подумал он. Но оказалось так чертовски приятно сорвать злобу на этом вампире. Слишком приятно. И это беспокоило его.

«Моя душа разрушается... как и все в этом мире».

— Было уже близко, — сказал он Зеву, в порыве радости сжимая плечо старика.

— Да уж, точно, ближе не бывает, — согласился Зев, надевая ермолку. — У меня к тебе просьба, отец Джо: если когда-нибудь у меня высосут кровь и я превращусь в вам-

пира, будь добр, напомни мне, чтобы я держался подальше от тебя.

Джо впервые за долгое время разразился смехом. Было так хорошо посмеяться.

С первыми лучами солнца они выкарабкались наружу. Оказавшись на свежем воздухе, Джо потянулся, расправляя сведенные судорогой руки, а Зев проверил, на месте ли велосипед.

— *Ой,* — *воскликнул* Зев, вытаскивая велосипед из-за бака. Переднее колесо было так помято, что несколько спиц сломалось. — Посмотри, что он наделал. Похоже, мне придется возвращаться в Лейквуд пешком.

Но Джо гораздо больше, чем велосипед, интересовало местонахождение их ночного гостя. Он знал, что вампир не мог далеко уйти. Он и не ушел. Они нашли врага, вернее, то, что от него осталось, за мусорными контейнерами; разлагающийся, скорченный труп, покрытый черной коркой и дымящийся в свете утреннего солнца. Между зубами у него все еще торчало серебряное распятие.

Джо, приблизившись, осторожно вытащил свой крест из отвратительных останков.

— Судя по всему, сосать кровь тебе уже не придется, — сказал он и тут же почувствовал себя глупо.

Перед кем он здесь изображает мачо? Зев уж точно на это не купится. Слишком не похоже на него. Тот знал, что подобные высказывания не в характере отца Джо. Но в конце концов, а *какой* у него сейчас характер? Когда-то он был приходским священником. Сейчас он никто. Даже меньше, чем никто.

Выпрямившись, он взглянул на Зева:

— Пойдем в убежище, ребе. Я куплю тебе что-нибудь на завтрак.

Джо повернулся и направился прочь, но Зев остался стоять, глядя на тело у своих ног.

— Говорят, они не уходят далеко от мест, где провели всю жизнь, — заметил Зев. — Если он жил где-то поблизости, значит, он не еврей. Вероятно, католик. Скорее всего, ирландец.

Джо остановился и оглянулся, уставившись на свою длинную тень. Восходящее солнце, скрытое дымкой, светило ему в спину, порождая гигантскую фигуру с темным крестом в руке; на земле образовалась янтарная клякса в том месте, где свет проходил сквозь непочатую бутылку виски, которую Джо держал в другой руке.

— Ты это к чему? — спросил он.

— Думаю, Kaddish[1] для него не совсем подойдет, так что я просто размышляю, кто бы мог прочесть над ним заупокойную молитву, или что вы там делаете, когда умирает кто-то из ваших людей.

— Это не один из наших людей! — огрызнулся Джо, чувствуя поднимающуюся в душе горечь. — Он вообще не был человеком.

— Да, но ведь когда-то раньше он был им, до того, как его убили и он превратился в одного из них. Так что, может быть, сейчас ему не помешает скромная помощь.

Джо все это не нравилось. Он чувствовал, что на него давят.

— Он этого не заслуживает, — возразил он и тут же сообразил, что угодил в ловушку.

— А я думал, что этого заслуживает даже последний грешник, — заметил Зев.

Джо понял, что потерпел поражение. Зев был прав. Он сунул крест и бутылку в руки другу — возможно, немного грубо, — подошел к скрюченному трупу, опустился на колени и совершил над ним последние обряды. Закончив, он вернулся к Зеву и вырвал у него свое имущество.

— Ты лучше меня, Гунга Дин[2], — бросил он, направляясь прочь.

— Ты говоришь так, словно, став вампирами, они отвечают за свои действия, — задыхаясь, упрекнул его Зев, спеша рядом и стараясь догнать широко шагавшего Джо.

— А ты думаешь, нет?

— Нет.

— Ты в этом уверен?

---

[1] Молитва, часть заупокойной службы в иудаизме *(идиш)*.

[2] Цитата из поэмы Р. Киплинга «Гунга Дин».

— Ну, не совсем. Но они совершенно точно перестают быть людьми, так что, наверное, мы не должны подходить к ним с человеческими мерками.

При звуках убеждающего голоса Зева Джо вспомнились споры, которые они вели в лавке Горовица.

— Но, Зев, мы же знаем, что-то от старого характера остается. Я имею в виду — они живут в родных городах, обычно в подвалах своих бывших домов. Они охотятся за людьми, которых знали при жизни. Это не просто безмозглые хищники, Зев. Они обладают остатками сознания. Почему же они не могут подняться над собой? Почему они не... сопротивляются?

— Не знаю. По правде говоря, это мне никогда не приходило в голову. Забавно было бы: немертвые отказываются от пищи. Я предоставил отцу Джо придумать что-нибудь в этом духе. Мы должны обсудить этот вопрос на пути в Лейквуд.

Джо невольно улыбнулся. Так вот в чем все дело.

— Я не собираюсь в Лейквуд.

— Отлично. Тогда обсудим это сейчас. Возможно, жажда крови слишком сильна, чтобы сопротивляться.

— Возможно. А возможно, они просто не пытаются.

— Ты слишком суров, друг мой.

— Да, я парень жесткий.

— Ты когда-то был другим.

Джо ожесточенно взглянул на собеседника:

— Ты не знаешь, какой я сейчас.

Зев пожал плечами:

— Может, ты прав, а может, и нет. Но неужели ты и правда думаешь, что сможешь сопротивляться?

— Разумеется, черт подери.

Джо не знал, говорит ли он серьезно. Возможно, он просто морально готовился к тому дню, когда ему предстояло действительно оказаться в подобной ситуации.

— Интересно, — проговорил Зев, когда они начали подниматься по ступеням парадного крыльца убежища. — Ну что ж, я лучше пойду. У меня впереди долгий путь. Долгий, *одинокий* путь до самого Лейквуда. Долгий, одинокий, возможно, *опасный* путь для несчастного старика, который...

— Хорошо, Зев! *Хорошо!* — перебил его Джо, сдерживая смех. — Я все понял. Ты хочешь, чтобы я отправился с тобой в Лейквуд. Зачем?

— Просто мне нужна компания, — с невинным видом ответил старик.

— Нет, неправда. Что там творится в твоих иудейских мозгах? Что ты затеял?

— Ничего, отец Джо. Совершенно ничего.

Джо пристально уставился на друга. Пропади все пропадом, если он не преследует какую-то цель. Что у Зева на уме? Хотя, какого черта. Почему бы и не пойти. Ему больше нечем заняться.

— Ладно, Зев. Ты победил. Я пойду с тобой в Лейквуд. Но только на один день. Просто чтобы составить тебе компанию. И я не собираюсь подходить к церкви Святого Антония, ясно? Ты понял меня?

— Понял, Джо. Прекрасно понял.

— Отлично. А теперь убери с лица эту улыбочку, и мы раздобудем себе поесть.

III

Солнце поднималось к зениту; они шли на юг вдоль кромки прибоя, ступая босыми ногами по сырому песку заброшенного пляжа. Зев никогда не делал такого. Ему понравилось чувствовать песок между пальцами ног, прохладу воды, заливавшей его щиколотки.

— Знаешь, какой сегодня день? — спросил отец Джо. Он закинул кроссовки за плечо. — Веришь или нет, но сегодня Четвертое июля.

— Ах да. Ваш День независимости. Мы никогда не обращали большого внимания на светские праздники. Слишком много у нас религиозных. А почему ты думаешь, что я тебе не поверю?

Отец Джо расстроенно покачал головой:

— Это Манаскван-бич. Знаешь, как обычно выглядело это место Четвертого до прихода вампиров? Сплошные тела, ступить было некуда.

— В самом деле? Да, думаю, сейчас солнечные ванны не такая распространенная прихоть, как когда-то.

— Ах, Зев! По-прежнему образец лаконичности. Но я скажу тебе одно: пляж чище, чем когда-либо. Ни одной пивной банки, ни одного шприца. — Он указал вперед. — Но что это там?

Когда они подошли поближе, Зев разглядел два обнаженных тела, вытянувшиеся на песке: это были мужчина и женщина, оба молодые, с короткими стрижками. Бронзовая кожа блестела на солнце. Подняв голову, мужчина пристально взглянул на них. Посреди лба его красовалась татуировка — голубое распятие. Потянувшись к лежащему рядом рюкзаку, он вытащил огромный сверкающий никелированный револьвер.

— Просто идите! — приказал он.

— Ладно, ладно, — ответил отец Джо. — Мы просто идем мимо.

Когда они проходили мимо парочки, Зев заметил на лбу у девушки такую же татуировку. Он успел разглядеть и остальные части тела, и где-то глубоко внутри шевельнулось полузабытое чувство.

— Очень популярная татуировка, — заметил он.

— Неплохо придумано. Такой крест нельзя выронить или потерять. В темноте, наверное, он не поможет, но при свете может дать кое-какое преимущество.

Повернув на запад, они покинули побережье, добрались до шоссе № 70 и направились вдоль него через мост Бриэль в графство Оушен.

— Помню, какие здесь были кошмарные пробки каждое лето, — сказал отец Джо, когда они трусили по пустому мосту. — Никогда не думал, что буду скучать по дорожным пробкам.

Срезав угол, они оказались на шоссе № 88 и придерживались его всю дорогу до Лейквуда. По пути им иногда попадались люди — в Бриктауне, в Оушен-Каунти-Парке, где они собирали ягоды, но в самом Лейквуде...

— Настоящий город призраков, — сказал священник, когда они шагали по пустынной Форест-авеню.

— Призраки, — согласился Зев, печально кивая. Они шли долго, и он устал. — Да. Полный призраков.

Перед его мысленным взором возникли тени погибших раввинов, студентов yeshivas, бородатых, в черных костюмах, черных шляпах, целеустремленно вышагивающих туда-сюда в будние дни, гуляющих с женами по субботам, детей, тянувшихся за ними, словно выводки утят.

Погибли. Все погибли. Пали жертвами вампиров. Теперь они сами стали вампирами — большинство из них. У него заныло сердце при мысли об этих добрых, мягких мужчинах, женщинах и детях — сейчас, днем, они скорчились в подвалах своих бывших домов, но с наступлением темноты они выйдут, чтобы охотиться на других, распространять заразу дальше...

Зев стиснул в пальцах свисавший с шеи крест. *Если бы только они послушали!*

— Я знаю одно место недалеко от церкви Святого Антония, где можно спрятаться, — сказал он священнику.

— Ты уже достаточно прошел сегодня, ребе. И я повторяю: мне нет дела до церкви Святого Антония.

— Останься на ночь, Джо, — попросил Зев, схватив молодого священника за локоть. Он уговорил его прийти сюда; нельзя позволить ему уйти теперь. — Посмотри, что натворил отец Пальмери.

— Если он стал одним из них, он больше не священник. Не называй его отцом.

— *Они* по-прежнему называют его отцом.

— Кто?

— Вампиры.

Зев увидел, как сжались челюсти Джо. Он сказал:

— Может быть, я сам быстро схожу к церкви...

— Нет. Здесь не так, как у вас. В городе их полно — наверное, в двадцать раз больше, чем в Спринглейк. Они сцапают тебя, если ты не успеешь. Я отведу тебя.

— Тебе нужно отдохнуть, дружище.

На лице отца Джо отразилась искренняя забота. Зев заметил, что добрые чувства в нем начинают брать верх со времени их вчерашней встречи. Может быть, это хороший знак?

— Я отдохну тогда, когда мы доберемся до нужного места.

IV

Отец Джо Кэйхилл смотрел, как луна восходит над его бывшей церковью, и размышлял, разумно ли было приходить сюда. Мгновенное решение, принятое этим утром при свете дня, сейчас, с наступлением темноты, показалось ему безрассудным и авантюрным.

Но пути назад не было. Вслед за Зевом он поднялся на второй этаж двухэтажного офисного здания, находившегося через дорогу от церкви Святого Антония, и здесь они дождались ночи. Должно быть, раньше здесь размещался офис какой-то юридической фирмы. Здание было разгромлено, оконные стекла выбиты, мебель разнесена на куски, но на стене все еще висел старый диплом Юридической школы университета Темпль, и один диван остался более или менее целым. Зев прилег вздремнуть, а Джо уселся, отхлебнул немного своего виски и углубился в тяжелые мысли.

Главным образом он думал об алкоголе. В последнее время он пьет слишком много, он понимал это; так много, что уже боялся, что не сможет вовремя остановиться. Так что сейчас он выпил совсем чуть-чуть, только для того, чтобы снять напряжение. Он выпьет остальное позже, когда вернется оттуда, из этой церкви.

Он не сводил взгляда с церкви Святого Антония с тех пор, как они пришли. Ее тоже сильно покалечили. Когда-то это была небольшая красивая каменная церковь, скорее, миниатюрный собор, напоминавший о готике своими островерхими арками, крутыми крышами, башенками, украшенными лиственным орнаментом, стеклянными окнами-«розами». Сейчас стекла были разбиты, кресты, венчавшие колокольню и фронтоны, исчезли, и все в гранитном здании, напоминавшее крест, было изуродовано до неузнаваемости.

Как он и предчувствовал, при виде этого здания ему вспомнилась Глория Салливан — молодая хорошенькая женщина, добровольно работавшая в приходе. Ее муж служил в Нью-Йорке, в компании «Юнайтед Кемикал Интернэшнл», каждый день ездил туда и слишком часто отправ-

лялся в заграничные командировки. Джо и Глории нередко приходилось встречаться по церковным делам, и они стали добрыми друзьями. Но Глории почему-то взбрело в голову, что между ними уже существует нечто большее, чем дружба, и однажды ночью, когда Джо был один в доме, она заявилась к нему. Он постарался объяснить ей, что, как бы привлекательна она ни была, она не для него. Он принял некие обеты и не намеревался их нарушать. Он сделал все, что мог, чтобы смягчить ее разочарование, но отказ уязвил ее. И разозлил.

Все могло бы остаться по-прежнему, но вскоре ее шестилетний сын Кевин вернулся из церкви, где он был служкой, с рассказом о священнике, который заставил его снять штаны и трогал его. Кевин так и не сказал, какой именно священник сделал это, но Глория Салливан знала это точно. Ошибки быть не могло — это сделал отец Кэйхилл: человек, который отверг искреннее предложение ее любви и ее тела, мог быть только гомосексуалистом, если не хуже. И совратитель несовершеннолетних был хуже.

Она сообщила это в полицию и в газеты.

Джо еле слышно застонал, вспомнив, как внезапно его жизнь превратилась в ад. Но он твердо решил выдержать бурю, уверенный, что настоящий преступник рано или поздно будет выявлен. У него не было доказательств — да и сейчас нет,— но если кто-то из священников церкви Святого Антония был педерастом, то, очевидно, не он. Оставался отец Альберто Пальмери, пятидесятипятилетний настоятель прихода Святого Антония. Однако прежде чем Джо смог докопаться до истины, отец Пальмери потребовал, чтобы отца Кэйхилла удалили из прихода, и епископ согласился на это. Джо ушел, но дурная слава последовала за ним в убежище, находившееся в соседнем графстве, и тяготила его до сегодняшнего дня. Единственным источником недолгого утешения от бессильного гнева и горечи, сжигавших его и отравлявших ему каждое мгновение жизни, была бутылка — а это, он знал наверняка, был тупик.

Так зачем он согласился вернуться сюда? Чтобы помучить себя? Чтобы посмотреть на Пальмери и полюбоваться, как низко тот пал?

Возможно, и так. Может быть, вид Пальмери, оказавшегося наконец в своей стихии, заставит его выбросить из головы весь этот эпизод в приходе Святого Антония и присоединиться к остаткам человеческого рода — которым он сейчас нужнее, чем когда-либо.

А возможно, и нет.

Мысль о возвращении к прежней жизни была заманчивой, но за последние несколько месяцев Джо все меньше волновали окружающие люди и события.

Кроме, может быть, Зева. Друг не бросил Джо в самую трудную минуту, защищал его перед всеми, кто соглашался выслушать его. Но поддержка ортодоксального раввина значила в приходе Святого Антония слишком мало. А вчера Зев на велосипеде проехал до самого Спрингдейла, чтобы увидеться с ним. Старина Зев оказался прав.

Он был также прав насчет числа вампиров здесь. Лейквуд *кишел* этими тварями. Завороженный отвратительным зрелищем, Джо наблюдал, как вскоре после заката улицы наполнились ими.

Но его больше беспокоили те, кто вышел наружу *до* заката.

Люди. Живые люди.

Предатели.

Если и существовало что-то более низкое, воистину заслуживающее смерти больше, чем сами вампиры, то это были живые люди, сотрудничавшие с ними.

Кто-то дотронулся до его плеча, и он подскочил. Это был Зев. Он протягивал ему что-то. Джо взял предмет и поднял его, разглядывая в свете луны: крошечный полумесяц, свисающий на кольце с цепочки.

— Что это?

— Серьга. Местные вишисты[1] носят такие.

— Вишисты? Как во Франции?

— Да. Именно так. Рад видеть, что ты не настолько невежествен, как все ваше поколение. Люди-вишисты —

[1] Режим Виши — коллаборационистский режим во Франции, существовавший во время ее оккупации нацистами во время Второй мировой войны. Название — от курортного города Виши, где в июле 1940 г. Национальное собрание передало власть маршалу А. Петену.

так я называю коллаборационистов. Эти серьги — отличительный знак для местной группировки вампиров. Их не трогают.

— Где ты это достал?

Лицо Зева было скрыто в тени.

— Прежний владелец... потерял их. Надень.

— У меня не проколоты уши.

В луче лунного света показалась старческая рука, и Джо заметил длинную иглу, зажатую между большим и указательным пальцами.

— Это я могу исправить, — сказал Зев.

— Может быть, тебе не следует смотреть на это, — прошептал Зев, когда они, припав к земле, притаились в густой тени западного крыла церкви Святого Антония.

Озадаченный, Джо прищурился на него в темноте:

— Ты пробуждаешь во мне чувство вины, приводишь меня сюда, а теперь у тебя такие мысли?

— Это так ужасно, что я не могу передать словами.

Джо поразмыслил. В мире за стенами этой церкви столько ужаса. Зачем еще смотреть на то, что происходит внутри?

«Потому что когда-то это была моя церковь».

Несмотря на то что был всего лишь викарием и так и не был полностью введен в должность, несмотря на то что его бесцеремонно вышвырнули отсюда, приход Святого Антония был его первым приходом. Он пришел. И он должен узнать, что они там делают.

— Покажи мне.

Зев подвел его к куче обломков камня под разбитым грязным окном и указал вверх: изнутри лился слабый свет.

— Загляни туда.

— Ты не идешь со мной?

— Спасибо, одного раза мне хватило.

Джо вскарабкался на кучу так осторожно, как только мог, ощущая усиливающееся зловоние, подобное запаху гнилого, разлагающегося мяса. Зловоние исходило изнутри, из разбитого окна. Собравшись с силами, он выпрямился и высунулся из-под подоконника.

На мгновение он был ошеломлен, подобно человеку, который выглянул в окно городской квартиры и увидел бесконечные холмы канзасской фермы. Это не могла быть церковь Святого Антония.

В мерцающем свете сотен церковных свечей он рассмотрел голые стены, с которых сняли все украшения и декоративные тарелки с картинами крестного пути; темная дубовая обшивка была исцарапана и выдолблена в тех местах, где изображалось хоть что-то, отдаленно напоминающее крест. Пол тоже был в основном голым, скамьи, когда-то стоявшие аккуратными рядами, были вырваны и изрублены на куски, острые обломки кучей возвышались в задней части помещения, под хорами.

И огромное распятие, находившееся за алтарем и доминировавшее над церковью, — от него осталась лишь часть. Поперечины креста были отпилены, и безрукое изображение Христа в человеческий рост висело вниз головой у задней стены санктуария.

Джо охватил все это одним взглядом, затем его внимание привлекло нечестивое сборище, занявшее этой ночью церковь Святого Антония. Предатели — вишисты, как назвал их Зев, — находились на периферии. Они выглядели как нормальные, обычные люди, но в ухе у каждого болталась серьга в виде полумесяца.

Но другие, те, кто собрался в санктуарии, — Джо почувствовал, как при виде их в нем разгорается ярость. Они плотным кольцом окружили алтарь. Их бледные звериные лица, лишенные всяких признаков человеческого тепла, сочувствия, порядочности, были обращены вверх. Гнев Джо вспыхнул с удвоенной силой, когда он увидел объект их пристального внимания.

Обнаженный подросток со связанными за спиной руками был подвешен за щиколотки над алтарем. Он задыхался и всхлипывал, его пустые от ужаса глаза были широко раскрыты, он явно лишился рассудка. Со лба его содрали кожу — по-видимому, «вишисты» нашли подходящее средство против татуировок с крестом, — кровь из только что отсеченных гениталий медленно стекала вниз по животу и груди. И рядом с ним, у алтаря, стояло чудовище в длин-

ной сутане с окровавленным ртом. Джо узнал узкие плечи, седые волосы, свисающие с лысоватого черепа, но был потрясен при виде кровавой лисьей улыбки, с которой оно обратилось к своим собратьям, столпившимся внизу.

— Пора,— произнесла тварь высоким голосом, который Джо сотни раз слышал с кафедры церкви Святого Антония.

Отец Альберто Пальмери.

Снизу протянулась рука с отточенным лезвием и перерезала мальчику горло. Кровь хлынула ему на лицо, и вампиры принялись пихаться и пробиваться вперед, подобно птенцам стервятника, стремясь поймать открытыми ртами капли и алые струйки.

Джо отшатнулся от окна, и его вырвало. Он почувствовал, как Зев схватил его за руку и повел прочь. Он смутно помнил, как они пересекли улицу и направились к разгромленному офису.

V

— Зачем, во имя Господа, ты заставил меня смотреть на это?!

Зев взглянул через комнату в ту сторону, откуда доносился голос. Он различал смутные очертания фигуры отца Джо — тот сидел на полу, прислонившись к стене, с открытой бутылкой виски в руке. Со времени их возвращения священник выпил всего один глоток, не больше.

— Я решил, что тебе следует знать, что происходит в твоей церкви.

— Ты это уже говорил. А какова истинная причина?

Зев пожал плечами в темноте:

— Я слышал, что у тебя не все в порядке, что еще до того, как все рухнуло, ты уже почти погиб. И когда настал безопасный момент, я пришел проведать тебя. Как я и ожидал, я нашел человека, озлобленного на весь мир и отдавшегося этой злобе. Я подумал, что неплохо бы указать этому человеку какой-то более конкретный предмет для ненависти.

— Ублюдок ты! — прошептал отец Джо.— Кто дал тебе такое право?

— Наша дружба дала мне на это право. Как, по-твоему, я должен жить спокойно, зная, что ты опускаешься и сидишь без дела? У меня больше нет собственной паствы, так что я обратил внимание на тебя. Я всегда был несколько навязчивым раввином.

— Ты и сейчас такой. Вышел спасать мою душу, да?

— Мы, раввины, не спасаем души. Направляем их — возможно, с надеждой указываем им правильный путь. Но лишь ты сам можешь спасти свою душу, Джо.

На некоторое время в воздухе повисло молчание. Внезапно серьга-полумесяц, которую Зев дал отцу Джо, упала в лужу лунного света на полу между ними.

— Почему они это делают? — спросил священник. — Эти виниисты — почему они пошли на предательство?

— Первые предатели делали это неохотно, поверь мне. Они согласились потому, что вампиры взяли в заложники их жен и детей. Но прошло немного времени, и оставшиеся в живых люди начали выползать из нор и предлагать вампирам свои услуги в обмен на бессмертие.

— Зачем затруднять себя работой на них? Почему бы просто не пойти и не дать себя укусить первому же кровососу?

— Я сам вначале задавался подобным вопросом, — ответил Зев. — Но, наблюдая за холокостом в Лейквуде, я понял тактику вампиров. Они сами выбирают тех, кто вступит в их ряды, так что, получив полный контроль над населением, они изменили образ действий. Видишь ли, они не хотят, чтобы в одном месте сосредотачивалось слишком много их сородичей. Это как в лесу, где слишком большая популяция хищников, — когда стада дичи истреблены, плотоядные умирают с голоду. Так что у вампиров теперь иной способ убивать. Ведь только тогда, когда вампир высасывает кровь из горла, пронзив его клыками, жертва становится одним из них. Человек, из которого выпустили кровь, как из того мальчика в церкви, умирает навсегда. Он мертв, как если бы его переехал грузовик. Он не восстанет завтра ночью.

— *Понял,* — *сказал отец Джо.* — *Виниисты торгуют* своей возможностью выходить при свете дня и выполняют для вампиров грязную работу в обмен на бессмертие, которое получат потом.

— Верно.

В негромком смехе отца Джо, разнесшемся по комнате, не было слышно веселья.

— Превосходно. Я никогда не перестану удивляться, глядя на своих ближних. Способность человека творить добро меркнет лишь в сравнении с его способностью пасть в бездну зла.

— Отчаяние делает с нами странные вещи, Джо. Вампирам это известно. И они лишают нас надежды. Таков их метод. Они превращают наших друзей, соседей, лидеров в наших врагов, оставляя нас в одиночестве, в полной изоляции. Некоторые люди не в силах вынести отчаяние — они кончают с собой.

— Отчаяние, — повторил Джо. — Мощное оружие.

После долгой паузы Зев спросил:

— Так что ты собираешься предпринять теперь, отец Джо?

Очередная горькая усмешка.

— Предполагаю, мне следует объявить, что я нашел новую цель жизни и отныне стану бродить по свету в качестве бесстрашного истребителя вампиров.

— Это было бы неплохо.

— К черту! Я собираюсь всего лишь перейти эту улицу.

— И пойти в церковь Святого Антония?

Зев увидел, что отец Джо сделал большой глоток из бутылки и плотно завернул крышку.

— Да. Посмотрим, что я смогу предпринять.

— Отцу Пальмери и его банде это может не понравиться.

— Я тебе сказал, не называй его отцом. И пошел он к дьяволу! Никто не может проделать то, что сделал он, и остаться безнаказанным. Я верну мою церковь.

В темноте Зев улыбался себе в бороду.

VI

Остаток ночи Джо бодрствовал, давая Зеву поспать. Старику нужен отдых. А Джо все равно не смог бы уснуть. Он был слишком возбужден. Он просидел до утра, глядя на церковь Святого Антония.

Они ушли перед рассветом — темные фигуры показались из парадных дверей и спустились по ступеням, словно прихожане после ранней службы. Джо заметил, что скрежещет зубами, разыскивая среди них Пальмери, но в полумраке не смог найти его. Когда солнце показалось над крышами домов и верхушками деревьев на востоке, улица внизу была уже пуста.

Он разбудил Зева, и они вместе направились к церкви. Тяжелые дубовые, окованные железом двери, каждая из которых представляла собой половину остроконечной арки, были закрыты. Джо распахнул их и закрепил крючками, чтобы они не закрывались. Затем он, пройдя через вестибюль, очутился в центральном нефе.

Несмотря на то что он был готов к зловонию, миазмы заставили его отшатнуться. Когда судороги в желудке прекратились, священник заставил себя идти дальше, между двумя кучами разломанных и разнесенных в щепки скамей. Зев шел рядом, прижав ко рту носовой платок.

Прошлой ночью Джо понял, что церковь превратилась в руины. Теперь он увидел, что все гораздо хуже. Дневной свет, заглянув во все уголки, осветил то, чего нельзя было разглядеть при слабом мерцании свечей. Полдюжины разлагающихся трупов свисало с потолка — прошлой ночью он не заметил их, — еще несколько валялось на полу вдоль стен. Некоторые тела были разрублены на куски. За алтарной оградой, поперек кафедры свешивалось обезглавленное женское тело. Слева от алтаря возвышалась статуя Девы Марии. Кто-то прилепил на нее резиновые груди и огромный пенис. И у задней стены санктуария стоял крест, с которого вверх ногами свисал безрукий Христос.

— Моя церковь, — шептал Джо, проходя там, где когда-то был центральный проход, по которому отцы вели к алтарю своих дочерей. — Посмотри только, что они сотворили с моей церковью!

Джо приблизился к массивному каменному блоку, который когда-то был алтарем. Раньше алтарь стоял у дальней стены санктуария, но отец Джо передвинул его вперед, чтобы служить мессу, находясь лицом к прихожанам. Сейчас нельзя было узнать алтарь, вырубленный из цельного

куска каррарского мрамора. Он был так густо запятнан засохшей кровью, спермой и фекалиями, что под слоем этого вполне мог быть и пенопласт.

Отвращение Джо постепенно ослаблялось, таяло в разгоравшемся огне ярости, тошнота проходила. Он хотел очистить помещение, но здесь было слишком много работы, слишком много для двух человек. Безнадежно.

— Одец Джо?

При звуке незнакомого голоса он обернулся. В дверном проеме неуверенно маячила тощая фигура. Человек примерно пятидесяти лет робко двинулся вперед.

— Одец Джо, эдо вы?

Теперь Джо узнал Карла Эдвардса. Подергивающийся всем телом человечек, который помогал носить корзину для пожертвований во время воскресной мессы в 10.30. Выходец из Джерси-Сити — почти все местные жители были оттуда родом. Он уставился на Джо; лицо его сильно исхудало, глаза лихорадочно блестели.

— Да, Карл. Это я.

— О, благодаредие Богу! — подбежав, он упал перед Джо на колени и заплакал. — Вы вердулись! Благодаредие Богу, вы вердулись!

Джо поднял его на ноги.

— Ну-ну, хватит, Карл. Возьми себя в руки.

— Вы вердулись дас спасти, правда? Бог послал вас сюда покарать его, да?

— Покарать — кого?

— Одца Пальмери! Од один из их! Од замый худжий изо всех! Од...

— Я знаю, — прервал его Джо. — Знаю.

— О как хорошо, что вы здесь, одец Джо! Мы здадь не здали, что дедадь, с тех пор как эди кровососы пришли. Мы все молились, чдобы кто-то вроде вас пришел, и вот вы здесь. Эдо чудо, черт возьми!

Джо хотел было спросить Карла, где был он и все эти люди, которые теперь так нуждались в нем, когда его выпроваживали из прихода. Но это была старая история.

— Это не чудо, Карл, — возразил Джо, мельком взглянув на Зева. — Равви Вольпин привел меня сюда.

Когда Карл и Зев пожимали друг другу руки, Джо прибавил:

— Вообще-то я просто проходил мимо.

— Проходили мимо? Дет. Эдого не можед быдь! Вам дада остаться!

Джо увидел, как гаснет огонек надежды в глазах маленького человечка. Что-то сжалось, перевернулось у него внутри.

— Что я могу сделать здесь, Карл? Я всего лишь человек, и я один.

— Я помогу! Сделаю все, что ходиде! Только скажиде!

— Ты поможешь мне убраться здесь?

Карл огляделся и, по-видимому, впервые заметил трупы. Он съежился и заметно побледнел.

— Да... кодечно. Все, что надо.

— Ну? Что скажешь? — обратился Джо к Зеву.

— Почему я должен говорить тебе, что делать? Это не моя церковь.

— И не моя.

Зев махнул подбородком в сторону Карла.

— Думаю, он другого мнения.

Джо медленно обернулся. В сводчатом нефе царило полное молчание — лишь жужжали мухи вокруг мертвецов.

Огромная уборка. Но если работать целый день, они смогут многое сделать. А тогда...

А тогда — что?

Джо не знал. Он соображал на ходу. Он подождет и посмотрит, что принесет ночь.

— Можешь достать нам что-нибудь поесть, Карл? Я бы продал душу за чашку кофе.

Карл взглянул на него как-то странно.

— Это просто такой оборот речи, Карл. Нам нужно подкрепиться, если мы хотим поработать здесь.

Глаза человечка снова загорелись.

— Дак, здачит, вы осдаедесь?

— Ненадолго.

— Я добуду поесть! — возбужденно крикнул Карл и побежал к двери. — И кофе. Я здаю кое-кого, у дее еще есдь кофе. Она поделидся с одном Джо. — У двери он остано-

вился и обернулся. — А, и еще, одец, я дигогда не верил дому, чдо говорили про ваз. Нигогда.

Джо попытался сдержаться, но не смог:

— Было бы гораздо лучше, если бы ты сказал это год назад, Карл.

Тот опустил взгляд.

— Да-а. Думаю, лудьше. Но я все изправлю, одец. Обязадельдо. Можеде на медя положидься.

И он исчез за дверями. Обернувшись к Зеву, Джо увидел, что старик закатывает рукава.

— Nu? — произнес Зев. — Тела. Прежде всего, думаю, следует убрать отсюда тела.

VII

Вскоре после полудня Зев почувствовал, что устал. Жара и тяжелый труд сделали свое дело. Ему необходимо было остановиться и отдохнуть. Присев на алтарную ограду, он огляделся. Почти восемь часов работы — а они едва сделали самое необходимое. Но церковь выглядела и пахла лучше.

Уборка облепленных мухами тел и отрубленных конечностей оказалась самым неприятным. Отвратительная работа, от которой все внутри переворачивалось, заняла почти все утро. Они вынесли трупы на маленькое кладбище за церковью и похоронили их там. Эти люди заслуживали настоящих похорон, но сегодня для этого не было времени.

Когда с трупами было покончено, отец Джо сорвал оскверняющие предметы со статуи Девы Марии, и они обратили все внимание на огромное распятие. Через некоторое время им удалось найти в куче ломаных скамей гипсовые руки Христа. Руки по-прежнему были приговождены к отпиленным кускам распятия. Пока Зев с отцом Джо сооружали из подручных средств скобы, чтобы прикрепить обратно руки, Карл нашел швабру и ведро и приступил к длительной, трудоемкой процедуре уборки нефа.

Теперь распятие приняло первозданный вид — гипсовый Иисус в натуральную величину снова обрел руки

и был закреплен на восстановленном кресте. Отец Джо и Карл поместили крест на старое место. Несчастный человек висел как раньше, над санктуарием, во всем своем мучительном великолепии.

Неприятное зрелище. Зев никогда не мог понять пристрастия католиков к подобным мрачным изображениям. Но пока вампиры их боятся, Зев был полностью «за».

В желудке у него заурчало от голода. По крайней мере они неплохо позавтракали. Карл вернулся из утренней экспедиции с хлебом, сыром и двумя термосами горячего кофе. Сейчас Зев жалел, что они ничего не оставили про запас. Может быть, в рюкзаке завалялась корка хлеба. Он отправился в вестибюль, чтобы проверить это, и обнаружил у дверей алюминиевую кастрюлю и бумажный пакет. Кастрюля была полна тушеной говядины, а в мешке лежало три банки пепси-колы.

Он высунул голову наружу, но на улице никого не было. Так продолжалось весь день — иногда Зев замечал одну-две фигуры, заглядывающие в парадную дверь; задержавшись у входа на мгновение, словно желая убедиться, что слышанная новость верна, они бросались прочь. Зев взглянул на оставленную еду. Должно быть, группа местных пожертвовала часть своего запаса консервов и напитков. Зев был тронут.

Он позвал отца Джо и Карла.

— Похоже на «Динти Мур»[1], — сказал отец Джо, проглотив кусок тушеного мяса.

— Точно, — подтвердил Карл. — Узнаю маленькие картошки. Женщины прихода, должно быть, сильно обрадовались, чдо вы вернулись, езли достали дакие консервы.

Они устроили пир в ризнице, небольшом помещении недалеко от санктуария, в которой хранились облачения священников, — так сказать, Зеленой комнате[2] клириков. Зев нашел, что мясо приятно на вкус, но слишком пересолено. Однако жаловаться он не собирался.

---

[1] «Динти Мур» (Dinty Moore) — марка американских консервов и продуктов быстрого приготовления.

[2] Зеленая комната (Green Room) — театральная уборная.

— Мне кажется, я такого никогда не пробовал.

— Я бы весьма удивился, если бы ты ел подобное, — сказал отец Джо. — Сильно сомневаюсь, что какие-либо из продуктов марки «Динти Мур» являются кошерными.

Зев усмехнулся, но внезапно его охватила сильная грусть. Кошерный... какими бессмысленными казались сейчас все обряды, которые когда-то регулировали его жизнь. До лейквудского холокоста он был таким страстным поборником строгих ограничений в еде. Но те дни остались позади, подобно тому, как исчезла община Лейквуда. Зев тоже изменился. Если бы он не изменился, если бы по-прежнему соблюдал обряды, то не мог бы сидеть здесь и ужинать с этими двумя людьми. Он должен был бы находиться где-то в другом месте и есть особую пищу, приготовленную особым образом, из отдельной посуды. Но какой цели в действительности служили в современном мире законы о пище? Это была не просто традиция. Эти обычаи воздвигали еще одну стену между верующими евреями и инородцами, отделяли их даже от тех евреев, которые не соблюдали обрядов.

Зев заставил себя проглотить большой кусок тушеного мяса. Пора сломать все преграды между людьми... пока еще есть время и остались люди, ради которых имеет смысл делать это.

— С тобой все в порядке, Зев? — спросил отец Джо.

Зев молча кивнул — он боялся расплакаться. Несмотря на все анахронизмы, он тосковал по жизни в старые добрые времена, которая закончилась год назад. Она прошла. Все исчезло. Богатые традиции, культура, друзья, молитвы. Он чувствовал, что его уносит куда-то далеко — во времени и в пространстве. Он нигде не сможет чувствовать себя как дома.

— Ты уверен? — Молодой священник казался искренне озабоченным.

— Да, все в порядке. Настолько в порядке, насколько можно ожидать после почти целого дня ремонта распятия и поглощения некошерной пищи. И осмелюсь заметить, не так уж это приятно.

Старик отставил в сторону свою миску и поднялся со стула:

— Все, поели. Надо продолжать работу. У нас еще много дел.

VII

— Солнце почти зашло, — заметил Карл.

Джо, чистивший алтарь, выпрямился и пристально взглянул на запад через одно из разбитых окон. Солнца не было видно — оно скрылось за домами.

— Теперь ты можешь идти, Карл, — сказал он маленькому человечку. — Спасибо тебе за помощь.

— А куда вы пойдете, одец?

— Я останусь здесь.

Карл сглотнул, и его выпирающий кадык судорожно задергался.

— Да? Чдо ж, хорошо, я доже осданусь. Я сказал, что исправлю все, верно? И потом, думаю, что кровососам не слижком понравидся новая, улучшенная церковь, когда они сегодня почью вернудся, а? Не думаю, чдо они смогут в дверь войти.

Джо улыбнулся Карлу и оглядел церковь. К счастью, был июль, дни стояли длинные. У них хватило времени, чтобы навести порядок. Пол был вымыт, распятие починено и водружено на свое место, как и бо́льшая часть картин с изображением стояний крестного пути. Зев обнаружил их под скамьями, взял те, которые не были испорчены до неузнаваемости, и повесил на стены. Стены были усеяны множеством новых крестов. Карл нашел молоток и гвозди и соорудил несколько дюжин крестов из обломков скамей.

— Нет. Не думаю, что им понравятся новые украшения. Но ты можешь достать для нас кое-что, если удастся, Карл. Огнестрельное оружие. Пистолеты, винтовки, дробовики, все, из чего можно стрелять.

Карл медленно кивал:

— Знаю несколько парней, которые с эдим могут помочь.

— И немного вина. Немного красного вина, если у кого-то осталось.

— Получите его.

Он поспешил прочь.

— Ты что, планируешь последний бой Кастера[1]? — поинтересовался Зев, прибивавший к восточной стене кресты Карла.

— Скорее битву при Аламо[2].

— Результат тот же, — ответил Зев с характерным пожатием плеч.

Джо вернулся к чистке алтаря. Он занимался этим делом уже больше часа. Он взмок от пота и знал, что от него пахнет, как от медведя, но не мог бросить работу, пока алтарь не станет чистым.

Прошел еще час, и он был вынужден сдаться. Бесполезно. Это никогда не отчистить. Вампиры, должно быть, что-то проделали с кровью и прочей гадостью, и смесь эта глубоко впиталась в камень.

Джо сел на пол, прислонился спиной к алтарю и позволил себе отдохнуть. Ему не нравилось отдыхать, потому что в это время он мог размышлять. А когда он начинал размышлять, то осознавал, как ничтожны его шансы дожить до завтрашнего утра.

По крайней мере он умрет сытым. Их тайный поставщик оставил им на обед у дверей свежего жареного цыпленка. При одном воспоминании о еде рот Джо наполнялся слюной. Кто-то явно *очень* обрадовался его возвращению.

Но, по правде говоря, каким бы он ни был несчастным, он не был готов к смерти. Ни сегодня ночью, ни когда-либо еще. Он не жаждал Аламо или Литл Бигхорн. Все, чего он хотел, — это задержать вампиров до рассвета. Одну ночь не

---

[1] Кастер (Custer) Джордж Армстронг (1839–1876) — генерал кавалерии США во время Гражданской войны и войны с индейцами. Потерпел поражение и был убит во время битвы против союза индейских племен на реке Литл Бигхорн.

[2] Битва при Аламо (1836) — сражение, происшедшее во время Техасской революции, борьбы техасцев за независимость от Мексиканской Республики. Осада миссии в Аламо мексиканскими войсками закончилась поражением и гибелью ее защитников.

позволить им войти в церковь Святого Антония. И все. Это будет посвящением — *его* посвящением. Если он найдет возможность воткнуть кол в гнилое сердце Пальмери, тем лучше, но на это он не рассчитывал. Одну ночь. Просто чтобы дать им понять, что они не могут делать все, что им угодно, где угодно и когда угодно. Сегодня ночью на его стороне внезапность, так что, возможно, это сработает. Одну ночь. А потом он отправится своей дорогой.

— Что, мать вашу, вы *сделали?*

Услышав вопль, Джо поднял голову. Тучный длинноволосый мужчина в джинсах и фланелевой рубашке стоял в вестибюле, уставившись на частично восстановленный неф. Когда *он подошел поближе*, Джо заметил серьгу в форме полумесяца.

Предатель.

Джо сжал кулаки, но не пошевелился.

— Эй, я с вами говорю, мистер. Это ваших рук дело?

Ответом ему был лишь ледяной взгляд, и он обернулся к Зеву.

— Эй, ты! Жид! Ты какого дьявола тут делаешь? — Он начал наступать на Зева.— А ну давай снимай эти поганые кресты...

— Только тронь его, я и тебя пополам разорву, — тихо предупредил Джо.

Вишист внезапно остановился и уставился на него:

— Ты, козел! Ты что, чокнутый? Ты знаешь, что сделает с тобой отец Пальмери, когда придет?

— *Отец* Пальмери? Почему ты продолжаешь звать его так?

— Он хочет, чтобы его так называли. И он назовет тебя *трупом*, когда появится здесь!

Джо поднялся на ноги и взглянул на вишиста исподлобья. Человек отступил на два шага, внезапно потеряв свою самоуверенность.

— Передай ему, что я буду его ждать. Скажи, что отец Кэйхилл вернулся.

— Ты *поп*? Не похож.

— Заткнись и слушай. Скажи ему, что отец Кэйхилл вернулся и зол как черт. Скажи именно так. А теперь выметайся отсюда, пока цел.

Человек развернулся и шмыгнул в наступающую тьму. Джо взглянул на Зева и увидел, что тот улыбается себе в бороду.

— Отец Кэйхилл вернулся и зол как черт. Мне нравится.

— Сделаем наклейку на бампер с такой надписью. А пока давай закроем двери. Сюда начали забредать криминальные элементы. Я пойду еще свечей. Темнеет.

IX

Он облачился в ночь, как в смокинг.

Одетый в свежую сутану, отец Альберто Пальмери свернул с Каунти-лейн-роуд и зашагал к церкви Святого Антония. Ночь была прекрасна, особенно потому, что принадлежала ему. Теперь все ночи в этой части Лейквуда принадлежали ему. Он любил ночь. Он чувствовал единство с нею, ощущал всю ее гармонию и диссонансы. Темнота заставляла его почувствовать себя таким живым. Странно — ему пришлось умереть, чтобы по-настоящему стать живым. Но это было так. Он нашел свою нишу, свое призвание.

Какой стыд — на это потребовалось так много времени. Все эти годы он пытался подавить свои наклонности, пытался быть членом их общества, проклиная себя после того, как давал волю своим аппетитам, как это все чаще происходило в конце его бренного существования. Он должен был полностью отдаться им давным-давно.

Лишь приход немертвых освободил его.

Подумать только — он боялся немертвых, каждую ночь в страхе прятался в подвале церкви, огородившись крестами. К счастью, он прятался не настолько тщательно, как ему казалось, и один из тех, кого он сейчас зовет братьями, смог подкрасться к нему в темноте, когда он задремал. Теперь он знал, что в результате этой встречи не потерял ничего, кроме крови.

А взамен получил весь мир.

Ведь теперь это был его мир! По крайней мере, этот уголок мира принадлежал ему, уголок, в котором он мог

свободно делать все, что ему угодно. Кроме одного: у него не было выбора относительно крови. Это было новое стремление, более сильное, чем все остальные, и от него нельзя было избавиться. Но он не имел ничего против жажды крови. Он даже находил любопытные способы ее утоления.

Впереди показалась дорогая, осквернённая церковь Святого Антония. Он полюбопытствовал: что припасли для него сегодня его слуги? У них было довольно богатое воображение. Они еще не успели утомить его.

Но, приблизившись к церкви, Пальмери замедлил шаг. По коже его побежали мурашки. Здание изменилось. Что-то было не так, что-то внутри. Что-то было неладно со светом, струившимся из окон. Это был не прежний, знакомый свет свечей, это было что-то еще, что-то другое. От этого у него внутри все задрожало.

По улице к нему устремились фигуры. Живые люди. Ночное зрение позволило ему различить серьги и знакомые лица нескольких из его слуг. Когда они приблизились, он ощутил тепло их крови, пульсирующей под кожей. Его охватила жажда, и он подавил желание вонзить клыки в одного из них. Он не мог позволить себе такое удовольствие. Необходимо держать слуг в подвешенном состоянии, заставлять их работать на себя и свою группу. Вампиры нуждались в услугах живых предателей, чтобы устранить препятствия, которые «дичь» ставила на их пути.

— Отец! Отец! — кричали они.

Ему нравилось, когда они называли его «отцом», нравилось, будучи немертвым, одеваться, как один из врагов.

— Да, дети мои. Что за жертву приготовили вы для нас сегодня?

— Жертвы нет. Отец, у нас неприятности!

В глазах у Пальмери потемнело от гнева, когда он услышал о молодом священнике и иудее, которые осмелились попытаться снова превратить церковь Святого Антония в святое место. Услышав имя священника, он взорвался:

— Кэйхилл?! Джозеф Кэйхилл снова в моей церкви?!

— Он чистил алтарь! — сказал один из слуг.

Пальмери большими шагами направился к церкви, слуги засеменили следом. Он знал, что ни Кэйхилл, ни сам Папа Римский не смогут отчистить этот алтарь. Пальмери лично осквернил его; он научился проделывать это, став главарем группировки вампиров. Но что еще осмелился вытворить этот щенок?

Что бы это ни было, все необходимо исправить. *Немедленно!*

Пальмери взбежал по ступеням, распахнул правую створку — и завизжал от мучительной боли.

Свет! *Свет!* Свет! Белые копья пронзили глаза Пальмери и обожгли его мозг, словно две раскаленные кочерги. Его затошнило, и, заслонив лицо руками, он, шатаясь, отступил в прохладную, уютную темноту.

Прежде чем утихла боль, отступила тошнота и вернулось зрение, прошло несколько минут.

Он этого никогда не поймет. Он всю жизнь провел рядом с крестами и распятиями, окруженный ими. Но, превратившись в немертвого, он не может выносить их вида. Вообще-то с тех пор, как *он стал вечно живым, он не видел ни одного* креста. Крест перестал быть предметом. Это был свет, мучительно яркий свет, ослепительно белый свет, и смотреть на него было просто пыткой. В детстве, в Неаполе, мать запрещала ему смотреть на солнце, но однажды, во время солнечного затмения, он взглянул прямо на сияющий диск. Боль при взгляде на крест оказалась в сотню, нет, в тысячу раз хуже. И чем больше было распятие, тем сильнее была боль.

Сегодня ночью, заглянув в церковь, он испытал жуткую боль. Это могло означать лишь одно: этот Джозеф, этот молодой ублюдок, восстановил огромное распятие. Это было единственное возможное объяснение.

Он набросился на своих слуг:

— Идите туда! Уберите это распятие!

— У них ружья!

— Тогда идите за подкреплением. Но *уберите* его!

— Мы тоже достанем ружья! Мы можем...

— *Нет!* Он мне нужен! Священник нужен мне живым! Я хочу оставить его для себя! Тот, кто его убьет, умрет очень мучительной смертью, и умрет не скоро! Ясно?

Все было понятно. Слуги, не ответив, поспешили прочь.

Пальмери отправился за остальными членами своей группы.

X

Джо, облаченный в сутану и стихарь, вышел из ризницы и направился к алтарю. Он заметил Зева на посту у одного из окон. Священник не стал говорить другу, как смешно тот выглядит с дробовиком, принесенным Карлом. Старый раввин держал ружье осторожно, словно оно было наполнено нитроглицерином и могло взорваться при малейшем движении.

Зев обернулся и улыбнулся при виде его:

— *Вот теперь* ты выглядишь как прежний отец Джо, которого мы все знаем.

Джо слегка поклонился ему и подошел к алтарю.

Все в порядке: у него было все, что нужно. У него был требник, найденный днем среди обломков скамей. У него было вино; Карл добыл около четырех унций кислого красного babarone. В одном из шкафов в святилище он обнаружил грязный стихарь и пыльную сутану и надел их. Облаток, однако, не нашлось. Придется обойтись коркой хлеба, оставшейся от завтрака. Потира тоже не было. Если бы он знал, что ему придется служить мессу, он запасся бы всем *необходимым*. В качестве последнего средства Джо воспользовался открывалкой, найденной в доме священника, и отрезал верхнюю часть от одной из банок пепси, оставшихся от обеда. Никакого сравнения с золотым потиром, которым он пользовался со дня посвящения в сан, но более похоже на чашу, которой пользовался Иисус во время той первой мессы — Тайной Вечери.

Ему не нравилось присутствие оружия в церкви Святого Антония, но выбора он не видел. Они с Зевом представления не имели об огнестрельном оружии, а Карл знал не многим больше; вероятно, попытайся они воспользоваться им, они причинят больше вреда себе, чем врагам. Но, может быть, вид оружия немного отпугнет вампистов, заставит

их поколебаться. Все, что ему нужно, — это пробыть здесь еще некоторое время, чтобы успеть провести освящение.

«Это будет самая необычная месса за всю историю», — подумал он.

Но он намеревался довести ее до конца, даже если потом его убьют. А это было вполне возможно. Эта месса может оказаться для него последней. Но Джо не боялся. Он был слишком возбужден, чтобы бояться. Он глотнул виски — лишь для того, чтобы унять дрожь, — но это не помогло утишить гул адреналина, от которого трепетала каждая клетка его тела.

Он разложил предметы на белой скатерти, принесенной из дома священника, чтобы закрыть грязный алтарь. Затем взглянул на Карла:

— Готов?

Карл кивнул и заткнул за пояс пистолет тридцать восьмого калибра, который проверял.

— Уже давно, одец. Мы это учили на уроках латыни, когда я был маленьким, но думаю, я смогу это провернуть.

— Просто постарайся как следует и не беспокойся насчет ошибок.

Месса. Осквернённый алтарь, сухарь вместо облатки, банка из-под пепси — потир, пятидесятилетний служка с пистолетом за пазухой, и паства, состоящая из одинокого еврея-ортодокса с дробовиком.

Джо поднял взгляд к небесам.

«Ты ведь понимаешь, Господи, не так ли, что все это устроено второпях?»

Время начинать.

Он прочел Евангелие, но обошелся без проповеди. Он попытался вспомнить, как обычно служат мессу, чтобы лучше согласовываться с запоздалыми ответами Карла. Во время приношения даров главные двери распахнулись и вошла группа людей — десять человек, у всех в ушах болтались серьги-полумесяцы. Уголком глаза он заметил, как Зев отошел от окна и двинулся к алтарю, направив на них свой дробовик.

Оказавшись в главном нефе и миновав сломанные скамьи, вишисты рассыпались по сторонам. Они начали срывать со стен изображения сцен крестного пути и самодельные кресты Карла и ломать их на куски. Карл, стоявший

на коленях, поднял взгляд на Джо; во взгляде его был вопрос, рука потянулась к пистолету за пазухой.

Джо покачал головой, не прерывая хода богослужения.

Когда все маленькие кресты были сорваны, вишисты устремились за алтарь. Джо, бросив быстрый взгляд через плечо, заметил, что они начали ломать починенное распятие.

— Зев! — негромко произнес Карл, кивая в сторону вишистов. — Останови их!

Зев взвел курок ружья. Звук разнесся по церкви. Джо услышал, что возня у него за спиной прекратилась. Он приготовился к выстрелу...

Но выстрела не последовало.

Он посмотрел на Зева. Старик встретился с ним взглядом и печально покачал головой. Он не мог сделать этого. Под аккомпанемент возобновившегося шума и язвительного смеха за спиной Джо едва заметно кивнул Зеву, показывая свое одобрение и понимание, и поспешил закончить мессу и провести освящение.

Подняв вверх корку хлеба, он вздрогнул — гигантское распятие с грохотом рухнуло на пол, и сжался, услышав, как враги снова отрывают от креста недавно прикрепленные поперечины и руки.

Он воздел к небу руку с банкой из-под «пепси», полной вина, а в это время вишисты с угрожающими криками и ухмылками окружили алтарь и нагло сорвали у него с шеи крест. Зев и Карл попытались было спасти свои кресты, но их одолели.

И тут появилась новая группа, и по коже Джо побежали мурашки. Их было по меньшей мере сорок, и все они были вампирами.

Во главе их шел Пальмери.

XI

Пальмери, скрывая неуверенность, приблизился к алтарю. Распятие и невыносимый белый свет, исходивший от него, исчезли, но что-то по-прежнему было не в порядке. Что-то пугало его, побуждало спасаться бегством. Что?

Возможно, это просто остаточный эффект распятия и всех этих крестов, которыми они облепили стены. Должно быть, так. К утру это тревожное ощущение пройдет. О да. Его ночные братья и сестры позаботятся об этом.

Он сосредоточил внимание на человеке у алтаря и рассмеялся, когда понял, что́ тот держит в руках.

— Пепси, Джозеф? Ты пытаешься превратить пепси в Кровь Христову? — Он обернулся к своим собратьям-вампирам.— Видели вы это, мои братья и сестры? Неужели мы должны бояться этого человека? И посмотрите, кто с ним! Старый еврей и приходской юродивый!

Он услышал их свистящий смех — они образовали полукруг у него за спиной, широкой дугой окружая алтарь. Еврей и Карл — он узнал Карла и удивился, каким образом ему удавалось так долго скрываться от них,— отступили за алтарь, став по бокам Джозефа. А Джозеф... его смазливое ирландское лицо так побледнело и исказилось, рот образовал жесткую, прямую линию. Он выглядит напуганным до смерти. И у него есть на это все основания.

Пальмери при виде отваги Джозефа подавил свой гнев. Он был рад, что молодой священник вернулся. Он всегда ненавидел его за легкость в обращении с людьми, за то, что прихожане толпами шли к нему со своими проблемами, — а ведь у него не было и сотой доли опыта их старшего и более мудрого настоятеля. Но с этим было покончено. Тот мир рухнул, и на месте его возник новый, ночной мир — мир Пальмери. И когда Пальмери покончит с отцом Джо, никто больше не сможет приходить к нему за советом. «Отец Джо» — как он ненавидел это имечко, с которым прихожане начали обращаться к этому сопляку. Что ж, сегодня ночью их отец Джо послужит неплохим развлечением. Похоже, это будет *забавно*.

— Джозеф, Джозеф, Джозеф,— произнес он, остановившись и улыбаясь молодому священнику, стоявшему по другую сторону алтаря.— Этот бесполезный жест так характерен для твоего заносчивого нрава.

Но Джозеф лишь окинул его яростным взглядом, и на лице его отразилась смесь пренебрежения и отвращения. И от этого гнев Пальмери вспыхнул с новой силой.

— Я вызываю у тебя неприязнь, Джозеф? Мой новый облик оскорбляет твою драгоценную ирландскую чувствительность, взращенную в пивной? Мое бессмертие тебе отвратительно?

— Тебе удалось вызвать у меня эти чувства еще при жизни, Альберто.

Пальмери позволил себе улыбнуться. Джозеф, вероятно, думает, что выглядит храбрецом, но дрожь в голосе выдала его страх.

— Всегда наготове быстрый ответ, Джозеф. Ты вечно считал себя лучше меня, всегда ставил себя выше.

— В качестве совратителя несовершеннолетних — ни на дюйм выше.

Ярость Пальмери достигла предела:

— Великолепно. Какая самоуверенность. А как насчет *твоих* пристрастий, Джозеф? Тайных страстей? Каковы они? Тебе всегда удавалось справляться с ними? Неужели ты настолько совершеннее всех нас, что никогда не поддавался соблазну? Могу поклясться: ты думаешь, что, даже став одним из нас, сможешь победить стремление пить кровь.

По изменившемуся лицу Джозефа он увидел, что угодил в цель. Он подступил ближе, почти касаясь алтаря.

— Думаешь, верно? Ты и в самом деле считаешь, что сможешь с этим справиться? Что ж, мы об этом позаботимся, Джозеф. К рассвету у тебя в жилах не останется ни капли крови, а когда взойдет солнце, тебе придется прятаться от его света. Снова придет ночь, и ты станешь одним из нас. А тогда все правила исчезнут. Ночь будет принадлежать тебе. Ты сможешь делать все, что угодно, все, что ты когда-либо желал. Но жажда крови будет преследовать тебя. Тебя не удовлетворит глоток крови твоего бога, которую ты так часто пил, ты будешь сосать *человеческую* кровь. Ты будешь жаждать горячей человеческой крови, Джозеф. И прежде всего тебе придется удовлетворить эту жажду. И я хочу быть рядом, когда это произойдет, Джозеф. Я хочу быть рядом, чтобы рассмеяться тебе в лицо, глядя, как ты пьешь алый нектар, и смеяться каждую ночь, глядя, как кровавая жажда уводит тебя в бесконечность.

Так оно и будет. Пальмери был уверен в этом так же твердо, как в своей собственной жажде. Он страстно желал дождаться того мгновения, когда сможет окунуть дорогого Джозефа лицом в грязь его собственного отчаяния.

— Я как раз собирался закончить богослужение, — холодно ответил Джозеф. — Ты не возражаешь, если я доведу мессу до конца?

На этот раз Пальмери не смог удержаться от смеха.

— Ты и впрямь думаешь, что эта тарабарщина сработает? Ты решил, что сможешь служить мессу на *этом*?

Протянув руку, он сорвал с алтаря скатерть; требник и хлебная корка полетели на пол, и открылась замаранная мраморная плита.

— Неужели ты возомнил, что сможешь провести Пресуществление[1] здесь? Ты веришь во всю эту чушь? В то, что хлеб и вино на самом деле превращаются в... — Он попытался произнести имя, но оно не давалось. — В тело и кровь Сына?

Один из членов банды вампиров, Фредерик, выступил вперед и с усмешкой склонился над алтарем.

— Пресуществление? — произнес он самым что ни на есть елейным голосом, выхватив из рук Джозефа банку из-под пепси. — Это значит, что здесь кровь Сына?

Предупреждающий импульс пронесся в мозгу Пальмери. Что-то было такое в этой банке, что-то такое, из-за чего он не мог как следует сфокусировать на ней взгляд...

— Брат Фредерик, я считаю, тебе не следует...

Ухмылка Фредерика стала еще шире.

— Всегда мечтал отведать крови Бога.

Члены ячейки засмеялись свистящим смехом, глядя, как Фредерик подносит банку к губам и пьет.

И тут изо рта Фредерика возник столб невыносимо яркого света, сразив Пальмери. Внутренность черепа вампира засветилась, из его ушей, носа, глаз — изо всех отверстий в его голове — хлынули лучи чистого белого света. Свечение распространилось по его телу, проникло вниз: в глотку,

[1] Пресуществление — превращение хлеба и вина в Тело и Кровь Христову, которое происходит во время мессы.

грудь, брюшную полость, осветив изнутри ребра, и затем просочилось сквозь кожу. Фредерик расплавился на месте, его плоть задымилась, размякла и растеклась, словно горячая светящаяся лава.

Нет! Этого не может быть! Только не сейчас, когда Джозеф у него в руках!

Банка выпала из растворяющихся пальцев Фредерика и угодила на алтарь. Ее содержимое вытекло на грязную поверхность, и взгляду предстал еще один всплеск нестерпимого сияния, более мощный, чем предыдущий. Ослепительно яркий свет быстро распространялся по алтарю, стекал по бокам, двигаясь, словно живое существо, охватил весь камень и заставил его сиять, словно частичку огня, оторванную от самого Солнца.

И от света исходил обжигающий жар, который заставил Пальмери отступать все дальше и дальше, пока он не вынужден был повернуться и вслед за своими собратьями сломя голову бежать из церкви Святого Антония в прохладную, приятную, безопасную тьму за ее дверями.

XII

Пока вампиры спасались бегством в ночь, а вслед за ними — подхалимы-вишисты, Зев с любопытством, смешанным с отвращением, рассматривал лужу гниющих останков, которые только что были вампиром по имени Фредерик. Взглянув на Карла, он заметил на его лице застывшее выражение изумления. Зев дотронулся до алтаря — он стал чистым, сверкающим, отчетливо была видна каждая прожилка на мраморной поверхности.

Здесь действовала страшная сила. Невероятно могущественная сила. Но это открытие не ободрило его, а, напротив, привело в уныние. Давно ли это происходит? Неужели так бывало во время каждой мессы? Как получилось, что он прожил целую жизнь, не имея об этом понятия?

Он обернулся к отцу Джо:

— Что произошло?

— Я... я не знаю.

— Чудо! — произнес Карл, проводя ладонью по поверхности алтаря.

— Чудо и переплавка, — сказал отец Джо. Подняв с пола банку из-под «пепси», он заглянул внутрь. — Представь себе: ты заканчиваешь семинарию, принимаешь рукоположение, служишь бесчисленное количество месс — и веришь в Пресуществление. Но после всех этих лет *увидеть* его на самом деле...

Зев увидел, как он провел пальцем по банке и попробовал его на вкус. Он скорчил гримасу.

— В чем дело? — спросил Зев.

— Все равно это кислое barbarone... с привкусом пепси.

— Неважно, какой у него вкус. Если Пальмери и его приятели скрылись, то это стóящая вещь.

— Нет, — слегка улыбнувшись, отозвался священник. — Это кока-кола.

И они засмеялись. Шутка была не такая уж и смешная, но Зев обнаружил, что хохочет вместе с этими двумя. Это была скорее реакция после напряжения. Бока у него болели. Он вынужден был прислониться к алтарю, чтобы не упасть.

Однако возвращение вишистов умерило их веселье. Враги бросились в атаку, держа перед собой тяжелое пожарное одеяло. На этот раз отец Джо не стал безмолвно стоять и смотреть, как захватывают его церковь. Он обошел алтарь и встретил их лицом к лицу.

Он был величествен и ужасен в своем гневе. Его высокая фигура и поднятые кулаки на несколько мгновений остановили негодяев. Но затем они, должно быть, вспомнили, что их двенадцать, а он один, и ринулись в атаку. Взмахнув массивным кулаком, он ударил первого из нападающих прямо в челюсть. От удара человек взлетел в воздух и повалился на следующего. Оба рухнули на пол.

Зев упал на одно колено и потянулся за дробовиком. На этот раз, поклялся он себе, он воспользуется ружьем и перестреляет этих паразитов!

Но тут кто-то прыгнул ему на спину и придавил его к полу. Попытавшись приподняться, он увидел отца Джо

в окружении врагов — он размахивал кулаками, и с каждым ударом один из вишистов летел на землю. Но их было слишком много. Священник скрылся под грудой нападавших, и в этот момент тяжелый сапог ударил Зева в висок, и он провалился в темноту.

XIII

...Пульсирующая боль в голове, резь в щеке, и голос, свистящий, но грубый:

— Ну-ну, Джозеф. Очнись. Просыпайся. Не хочу, чтобы ты пропустил это!

Перед глазами возникло землистое лицо Пальмери; оно парило над ним, и улыбка его была похожа на оскал черепа. Джо попытался пошевелиться, но обнаружил, что связан по рукам и ногам. Правая рука ныла и раздулась вдвое: должно быть, он сломал кисть о челюсть вишиста. Подняв голову, он увидел, что растянут за руки и ноги на алтаре, покрытом пожарным одеялом.

— Мелодраматично, согласен, — произнес Пальмери, — но подходяще, как ты думаешь? Я хочу сказать: мы с тобой когда-то символически приносили в жертву нашего бога каждый будний день и по нескольку раз по воскресеньям, так что этот алтарь вполне может служить *твоим* жертвенником.

Джо закрыл глаза, борясь с приступом тошноты. Этого не может быть.

— Думал, ты победил, верно? — Не дождавшись ответа, Пальмери продолжал: — Даже если бы тебе удалось навсегда изгнать меня отсюда, чего бы ты этим добился? Сейчас нам принадлежит весь мир, Джозеф. Хозяева и стадо — вот какова расстановка сил. Мы — хозяева. И сегодня ночью ты присоединишься к нам. А *он* — нет. Voilà![1]

Отступив, он картинным жестом указал в сторону балкона. Джо оглядел полутемное, освещенное лишь свечами помещение церкви, не зная еще, что он должен увидеть.

[1] Вот так! (фр.)

Затем он различил фигуру Зева и застонал. Ноги старика были привязаны к перилам балкона; он висел головой вниз, налитое кровью лицо и полные ужаса глаза были обращены к Джозефу. Священник откинулся на спину и попытался натянуть веревки, но они не поддавались.

— Отпусти его!

— Что? И дать пропасть всей доброй, густой жидовской крови? Что ты! Ведь эти люди — избранники Божии! Они — лакомство!

— Ублюдок!

Если бы только он мог добраться до Пальмери, всего на минуту.

— Тсс, Джозеф. Только не в доме Божием. Еврею следовало быть поумнее и бежать вместе с Карлом.

Карл сбежал? Это хорошо. Бедняга, наверное, ненавидит себя за это и всю оставшуюся жизнь будет считать себя трусом, но он сделал все, что мог. Лучше остаться жить, чем умереть так, как Зев.

«Мы квиты, Карл».

— Но ты не волнуйся за своего раввина. Ни один из нас не дотронется до него. Он не заслужил права вступить в наши ряды. Чтобы выпустить из него кровь, мы воспользуемся бритвой. И когда он умрет, то умрет навсегда. Но ты — дело другое, Джозеф. О да, с тобой все будет по-другому. — Его улыбка стала еще шире. — Ты мой.

Джо хотел плюнуть Пальмери в лицо — не столько затем, чтобы выразить свое отвращение, сколько затем, чтобы скрыть страх, волнами накатывавший на него, — но не смог, во рту у него пересохло. При мысли о превращении в вампира он ослабел. Провести вечность, как... он бросил взгляд на сосредоточенные лица собратьев Пальмери, столпившихся под телом Зева... как *они?*

Он *не станет* таким, как они! Он этого не допустит!

Но что делать, если выбора у него нет? Что будет, если превращение сведет на нет жизнь, полную самопожертвования, и все подспудные страсти сорвутся с цепи, уничтожат все его представления о том, как нужно жить? Честь, справедливость, чистота, истина, порядочность, честность,

любовь — вдруг эти основы его жизни превратятся в бессмысленный набор звуков?

Внезапно в мозгу родилась мысль.

— Предлагаю тебе сделку, Альберто, — сказал он.

— Едва ли возможно торговаться в твоем положении, Джозеф.

— А почему бы и нет? Ответь мне на такой вопрос: немертвые когда-нибудь убивают друг друга? То есть случалось ли одному из вас протыкать колом сердце другого вампира?

— Нет. Разумеется нет.

— Ты уверен? Лучше бы ты убедился в этом наверняка, прежде чем привести в исполнение свой сегодняшний план. Потому что если меня насильно превратят в вампира, в голове у меня останется только одна мысль: найти тебя. И когда я тебя найду, то не стану загонять кол тебе в сердце; я прибью тебя за руки и ноги к сваям на Пойнт Плезент, и там ты увидишь восход солнца и почувствуешь, как оно медленно превращает тебя в головешку.

Улыбка Пальмери погасла.

— Это невозможно. Ты изменишься. Тебе захочется благодарить меня. Ты будешь удивляться, зачем сопротивлялся мне.

— Лучше убедись в этом как следует, Альберто... ради своего же блага. Потому что у меня будет целая вечность на то, чтобы выследить тебя. И я тебя найду. Я клянусь в этом на своей могиле. Подумай об этом.

— Думаешь, меня испугают пустые угрозы?

— Вот мы и посмотрим, пустые ли они, верно? Но вот мое условие: отпусти Зева, и я оставлю тебя в покое.

— Тебе так дорог старый еврей?

— Он приходится мне тем, кого у тебя никогда не было при жизни и никогда не будет: он мой друг.

«И он вернул мне мою душу».

Пальмери наклонился ближе к нему, и Джозефа обдало смердящим тошнотворным дыханием.

— Друг? Как можно дружить с мертвецом? — С этими словами он выпрямился и обернулся к балкону. — Кончайте с ним! *Немедленно!*

Под яростные угрозы и мольбы Джозефа один из вампиров вскарабкался на кучу обломков, к Зеву. Зев не сопротивлялся. Джо увидел, как старик в ожидании конца закрыл глаза. Вампир протянул к нему руку с лезвием, и Джо подавил рыдание, полное горя, ярости и беспомощности. Он уже собирался зажмурить глаза, как вдруг заметил огненную арку, возникшую в одном из окон и пронесшуюся по воздуху. Огненный шар ударился о пол, раздался звон бьющегося стекла, ухнуло вырвавшееся на свободу пламя.

Джо приходилось слышать о подобных вещах, и он сразу же догадался, что видит перед собой «коктейль молотова» в действии. Брызги горящего бензина попали на одежду ближайшего вампира, и тот принялся с воплями кружить по церкви, хлопая себя по пылающей одежде. Но его крики потонули в реве новых голосов — их была сотня, если не больше. Оглядевшись, Джо заметил людей — мужчин, женщин, подростков, — они карабкались в окна, прорывались через главную дверь. Женщины держали над головой кресты, мужчины вооружились длинными деревянными кольями — это были остро заточенные ручки от швабр, черенки грабель и лопат. Джо узнал бо́льшую часть лиц — эти люди годами посещали мессы, которые он служил здесь.

Прихожане церкви Святого Антония вернулись, чтобы потребовать обратно свою святыню.

— Да! — вскричал он, не зная, смеяться или плакать. Но при виде бешенства во взгляде Пальмери он рассмеялся: — Ты проиграл, Альберто!

Пальмери рванулся было к горлу своей жертвы, но, сьежившись, отшатнулся: к алтарю подбежали женщина с высоко поднятым распятием и мужчина с колом — это был Карл и женщина, которую, как вспомнил Джо, звали Мэри О'Хара.

— Говорил же я, чдо вас не брошу, верно, одец? — воскликнул Карл, ухмыляясь и вытаскивая швейцарский нож с красной ручкой. Он начал перепиливать веревку у правого запястья Джо. — Верно?

— Именно так, Карл. Кажется, я сейчас при виде тебя обрадовался, как никогда в жизни. Но каким образом?..

— Я им сказал. Я обежал весь приход, из дома в дом. Я говорил, что у отца Джо неприятности, что мы его бросили один раз, но вторрой раз не должны бросать. Он вернулся за нами, и мы должны вернуться за ним. Все просто. И тогда они начали бегать из дома в дом, и не успел я оглянуться, как у нас уже была маленькая армия. Мы пришли поддать им как следует, отец, извини меня за выражение.

— Поддайте всем, кому сможете, Карл.

Джо взглянул в остекленевшие от ужаса глаза Мэри О'Хара, которая поворачивалась из стороны в сторону, глядя вокруг; он заметил, как дрожит в ее руках распятие. В таком состоянии она мало кому может наподдать, но она *здесь*, Господь милосердный, она пришла сюда спасать его и церковь Святого Антония, несмотря на очевидный страх, переполнявший ее. Сердце его наполнилось любовью к этим храбрым людям и гордостью за них.

Освободив руки, Джо сел и взял у Карла нож. Перерезав веревки, стягивавшие его ноги, он оглядел церковь.

Самые старые и самые молодые из прихожан стояли на постах у окон и дверей, держа перед собой кресты, чтобы отрезать вампирам путь к отступлению, а в центре помещения царил хаос. Вопли, крики, время от времени выстрелы эхом отдавались от стен церкви Святого Антония. Люди втрое превосходили вампиров по численности; по-видимому, твари были ослеплены и приведены в замешательство присутствием такого количества крестов вокруг. Несмотря на сверхчеловеческую силу, им, похоже, действительно наподдали как следует. Несколько монстров, наколотых на деревяшки, уже корчились на полу. Джо наблюдал, как две женщины с распятиями в руках загнали вампира в угол. Тварь скрючилась, закрыв руками лицо, и какой-то мужчина с заостренной ручкой от граблей наперевес набросился на него и пронзил насквозь, словно копьем.

Но и часть прихожан, окровавленные, неподвижно лежали на полу — вампиры и вишисты тоже унесли с собой немало жертв.

Джо высвободил ноги и спрыгнул с алтаря. Он осмотрелся, ища Пальмери, — ему *необходимо* было найти Паль-

мери, — но жрец вампиров затерялся в суматохе. Джо поднял взгляд к балкону и увидел, что Зев по-прежнему висит там, пытаясь освободиться. Джо бросился через неф на помощь старику.

XIV

Зева раздражало, что он болтается здесь, словно салями в витрине гастрономического магазина. Он снова попытался согнуться вдвое, чтобы достать веревки, связывавшие его ноги, но не смог дотянуться. Он никогда не был силен в физических упражнениях; сидение прямо на полу всегда давалось ему с трудом, так неужели он решил, что сможет проделать такой сложный маневр, вися в воздухе вверх ногами? Он упал вниз, утомленный усилиями, и почувствовал, как кровь снова устремляется ему в голову. Перед глазами возник туман, в ушах зашумело, и ему показалось, что кожа на лице сейчас разлетится в клочья. Еще немного — и с ним случится удар или что похуже.

Вися вниз головой, он наблюдал за битвой, происходившей под ним, и с радостью видел, что вампиры терпят поражение. Эти люди — заметив среди них Карла, Зев понял, что они принадлежат к приходу Святого Антония, — были полны ярости, с дикой злобой нападали на вампиров. Месяцы сдерживаемого гнева и страха перед мучителями вылились в свирепую вспышку жестокости. Зрелище выглядело почти пугающим.

Внезапно он почувствовал, что его схватили за ногу. Кто-то развязывал узлы. Спасибо Тебе, Господи. Скоро он снова встанет на ноги. Веревки ослабли, и он решил, что должен по крайней мере попытаться помочь своему освободителю.

«Еще раз, — подумал Зев. — Попытаюсь еще раз».

Со стоном он приподнялся, напрягшись, вытянул руки, чтобы за что-нибудь схватиться. Из темноты возникла рука; он потянулся к ней. Но радость Зева сменилась жутким страхом, когда он ощутил ледяной холод пальцев, сжимавших его ладонь, с нечеловеческой силой тянувших его вверх,

через балконные перила. Его едва не стошнило при виде ухмыляющегося лица Пальмери, показавшегося меньше чем в шести дюймах от его собственного.

— Это еще не конец, еврей, — негромко произнес он, и его зловонное дыхание проникло в нос и горло Зева, чуть не удушив его. — Мы еще посмотрим, кто кого!

Он почувствовал, как свободная рука Пальмери ткнула его в живот и ухватилась за пряжку пояса, а другая рука вцепилась в рубашку у шеи. И прежде чем он смог пошевельнуться или вскрикнуть, его подняли над полом и перебросили через перила балкона.

И дьявольский голос зашептал ему в ухо:

— Джозеф назвал тебя своим другом, еврей. Посмотрим, правду ли он говорил.

XV

Джо преодолел половину пути через неф, когда над творившимся внизу безумием разнесся голос Пальмери:

— Останови их, Джозеф! Останови их немедленно, или я сброшу твоего друга вниз!

Джо, взглянув вверх, обмер. Пальмери стоял, перегнувшись через ограждение балкона, отводя взгляд от нефа и появившихся в нем крестов. В вытянутых руках он держал Зева, и старик висел в воздухе над торчащими вверх обломками скамей, как раз над особенно длинной и острой щепкой, направленной прямо ему в спину. Зев переводил испуганный взгляд с Джо на гигантское копье внизу.

Джо услышал, что шум схватки вокруг него немного стих, затем бой прекратился — все взгляды были прикованы к сцене на балконе.

— Человек, напоровшись на деревянный кол, умирает точно так же, как и вампир! — крикнул Пальмери. — И так же быстро, если кол пронзает ему сердце. Но если проткнуть живот, то его ждет многочасовая агония.

В церкви Святого Антония воцарилась тишина; враги отступили в противоположные углы, и посредине остался один Джо.

— Чего ты хочешь, Альберто?

— Во-первых, уберите все эти кресты, чтобы я смог видеть!

Джо обернулся вправо, туда, где столпились его прихожане.

— Спрячьте их, — велел он. Поднялся недовольный ропот, и он добавил: — Не выпускайте их из рук, просто уберите из виду. Прошу вас.

Медленно, сначала один, затем остальные, люди спрятали кресты и распятия за спины и под пальто.

Слева послышалось облегченное шипение вампиров, вишисты радостно зашумели. Услышав эти звуки, Джо почувствовал себя так, словно ему под ногти загоняли раскаленные иглы. Наверху Пальмери повернулся лицом к Джо и улыбнулся:

— Так-то лучше.

— Что тебе нужно? — спросил Джо, и внутри у него все перевернулось — он отлично знал, какой последует ответ.

— Предлагаю сделку, — отвечал Пальмери.

— Меня в обмен на него, я так полагаю? — произнес Джо.

Пальмери улыбнулся еще шире:

— Совершенно верно.

— Не надо, Джо! — вскрикнул Зев.

Пальмери грубо тряхнул старика. Джо услышал его слова: «Сиди тихо, еврей, не то я сломаю тебе позвоночник!» Затем вампир снова взглянул вниз, на Джо.

— Следующее, о чем я тебя попрошу, — вели своему сброду отпустить народ мой[1]. — Он рассмеялся и снова обратился к Зеву: — Слыхал, еврей? Цитата из Библии — Ветхий Завет, ни больше ни меньше!

— Договорились, — не задумываясь ответил Джо.

Справа от него прихожане все, как один, задохнулись от изумления, и церковь Святого Антония наполнилась

---

[1] *Цитата из Ветхого Завета, Исход 5:1. «...Моисей и Аарон пришли к фараону и сказали [ему]: так говорит Господь, Бог Израилев: отпусти народ Мой, чтоб он совершил Мне праздник в пустыне».*

криками «Нет!» и «Вы не можете сделать этого!» Кто-то поблизости от него выкрикнул особенно громким голосом: «Это всего лишь вшивый еврей!»

Джо резко обернулся и узнал Джина Харрингтона, плотника. Он указал большим пальцем себе за спину, в сторону вампиров и их прислужников.

— Если судить по твоим словам, тебе скорее место среди них, Джин.

Харрингтон отступил на шаг и уставился себе под ноги.

— *Простите, отец,* — *произнес он голосом, в котором* слышалось рыдание. — Ведь вы только что вернулись к ним!

— Со мной все будет в порядке, — мягко ответил Джо.

И он был уверен в своих словах. Где-то глубоко в его сознании таилось убеждение, что он пройдет через это; если он сможет обменять себя на Зева и встретиться лицом к лицу с Пальмери, то выйдет победителем из этой игры или, по крайней мере, сыграет вничью. Теперь, когда он уже не был привязан, подобно жертвенному ягненку, когда он был свободен, снова мог распоряжаться своими руками и ногами, он не мог представить себе смерть в руках собратьев Пальмери.

А кроме того, один из прихожан дал ему небольшое распятие. Он крепко сжимал его в пальцах.

Но сначала нужно освободить Зева. Это превыше всего. Он поднял взгляд на Пальмери.

— Хорошо, Альберто. Я иду к тебе.

— Подожди! — остановил его Пальмери. — Кто-нибудь обыщите его.

Джо заскрежетал зубами, когда один из вишистов, жирный, немытый грубиян, вышел вперед и начал рыться у него в карманах. Джо уже подумал было, что сможет скрыть распятие, но в последний момент его заставили показать руки. Вишист ухмыльнулся в лицо Джо, выхватив у него из ладони крест и пряча его в карман.

— Теперь он чист! — крикнул толстяк и толкнул Джо в направлении вестибюля.

Джо помедлил. Ему предстояло спускаться в змеиную яму безоружным. Взгляд в сторону прихожан показал ему, что пути назад тоже нет.

Он продолжил идти, на ходу сжимая и разжимая напряженные, потные пальцы. У него есть еще шанс выбраться живым отсюда. Он слишком рассержен, чтобы умирать. Джо молился, чтобы, когда он окажется вблизи от бывшего настоятеля, тлевший внутри гнев на то, что Пальмери делал, когда еще был настоятелем, и на то, что совершил с церковью Святого Антония с тех пор, как перестал им быть, вырвался наружу и дал ему силы разорвать врага на кусочки.

— Нет! — крикнул сверху Зев. — Забудь обо мне! Ты начал здесь дело, ты должен довести его до конца!

Джо не обратил внимания на слова друга.

— Я иду, Альберто.

Отец Джо идет, Альберто. И он зол как черт. Действительно зол.

XVI

Зев чуть не свернул себе шею, наблюдая, как отец Джо скрывается под балконом.

— Джо! Вернись!

Пальмери снова встряхнул его.

— Брось это, старик. Джозеф никогда никого не слушал, а теперь он не будет слушать тебя. Он все еще верит в добродетель, честь и преданность, в победу добра и правды над тем, что он считает злом. Он придет сюда, полный готовности пожертвовать собой ради тебя, но в глубине души он уверен, что в конце концов победит. Но он ошибается.

— Нет! — вскрикнул Зев.

Но он сердцем чувствовал, что Пальмери прав. Как сможет Джо противостоять Пальмери, наделенному чудовищной силой, вампиру, который может держать Зева в воздухе так долго? Неужели его руки никогда не устанут?

— Да! — прошипел Пальмери. — Ему суждено проиграть, а мы победим. Мы победим по той же причине, что и всегда. Мы не позволяем такой глупой и преходящей вещи, как чувства, мешать нам действовать. Если бы там,

внизу, мы побеждали, а ситуация была бы обратной, — если бы Джозеф держал одного из моих собратьев над этой деревянной палкой, — неужели ты думаешь, что я сомневался бы хоть одну минуту? Секунду? Никогда! Вот почему Джозеф и эти люди боролись напрасно.

«Напрасно...» — подумал Зев. Видимо, бóльшая часть прожитых им лет была напрасной. И все его будущее. Сегодня ночью Джо умрет, а Зев останется жить, еврей с крестом на шее; все традиции его прошлого растоптаны и преданы огню, а впереди — ничего, кроме огромной пустой бесконечной равнины, где ему суждено блуждать в одиночестве.

Со ступеней балкона послышался какой-то шум, и Пальмери повернул голову.

— Ах, это ты, Джозеф, — произнес он.

Зев не видел священника, но все равно крикнул:

— Уходи, Джо! Он обманет тебя!

— Кстати, об обмане, — сказал Пальмери, перегибаясь еще дальше через перила, в качестве предупреждения для Джо. — Надеюсь, ты не собираешься натворить каких-нибудь глупостей.

— Нет, — раздался усталый голос Джо откуда-то из-за спины Пальмери. — Никакого обмана. Втащи его на балкон и отпусти.

Зев не мог допустить этого. И внезапно он понял, что нужно сделать. Он изогнулся, схватил Пальмери за ворот сутаны, одновременно поднял ноги и уперся ступнями в один из столбиков перил. Пальмери обратил к нему встревоженное лицо, и Зев, собрав все свои силы, судорожным рывком оттолкнулся от перил, потянув за собой Пальмери. Священник-вампир потерял равновесие. Даже его огромная сила не могла помочь ему, и ноги его оторвались от пола. Зев увидел, как расширились от ужаса его бессмертные глаза, когда нижняя часть его тела перевалилась через ограждение. Они полетели вниз, и Зев обхватил Пальмери руками и прижал к себе его холодное и странно худое тело.

— Что случится со старым евреем, то случится и с тобой! — крикнул он в ухо вампиру.

На мгновение перед ним возникло лицо пораженного ужасом Джо, стоявшего на вершине лестницы, он услышал

его прощальное «*Нет!*». Этот крик заглушил раздавшийся рядом вопль Пальмери, выкрикнувшего то же слово, затем все его тело содрогнулось от удара, позвоночник сломался, и рвущая на части, не поддающаяся описанию, невыносимая боль обожгла грудь. В какой-то миг он увидел, как деревянное острие пронзило его и Пальмери тела.

А потом он больше ничего не чувствовал.

Пока над ним смыкалась ревущая тьма, он думал: удалась ли его попытка, этот последний отчаянный, неразумный поступок. Он не хотел умирать, пока не узнает этого. Ему необходимо было знать...

Но затем все исчезло.

XVII

Джо кричал, сам не зная, что, свесившись через перила и глядя, как падает Зев, и подавился собственным криком, увидев, как окровавленный обломок скамьи прошел сквозь облаченную в сутану спину Пальмери прямо под ним. Он видел, как Пальмери извивался и вертелся, словно пронзенная острогой рыба, затем безвольно упал на неподвижное тело Зева.

Радостные крики смешались с воплями ужаса, и церковь снова огласилась шумом битвы, а Джо отвернулся от этого зрелища и упал на колени.

— Зев! — вслух простонал он. — Господь милосердный, Зев!

Заставив себя подняться на ноги, он, спотыкаясь, направился к лестнице, прошел через вестибюль и очутился в церкви. Вампиры и вишисты спасались бегством, настолько же пораженные и деморализованные смертью своего лидера, насколько эта смерть вдохновила прихожан. Медленно, но верно они отступали перед бешеным натиском людей. Но Джо едва обращал на все это внимание. Он пробрался к тому месту, где лежал Зев, пронзенный деревянным колом, под уже начинавшим разлагаться трупом Пальмери. Он поискал в остекленевших глазах старого друга признаки жизни, намек на пульс на его горле, под бородой, но все было напрасно.

— О Зев, тебе не нужно было делать этого. Не нужно было.

Внезапно его окружила толпа ликующих прихожан церкви Святого Антония.

— Мы сделали эдо, одец Джо! — выкрикнул Карл; его лицо и руки были запятнаны кровью. — Мы их всех поубивали! Мы отвоевали нашу церковь!

— Благодаря человеку, который лежит здесь, — ответил Джо, указывая на Зева.

— Нет! — воскликнул кто-то. — Благодаря *вам*!

Слушая радостные крики, Джо покачал головой и ничего не ответил. Пусть порадуются. Они это заслужили. Они отвоевали крошечный кусочек своей планеты, клочок земли, не более. Небольшая победа, в этой войне она имеет так мало значения, но тем не менее, это победа. Их церковь снова принадлежит им, по крайней мере сегодня ночью. И они намерены удерживать ее.

Хорошо. Но одну вещь нужно изменить. Если они хотят, чтобы их отец Джо остался с ними, им придется согласиться переименовать церковь.

Церковь Святого Зева.

Джо понравилось, как это звучит.

НЭНСИ ХОЛЬДЕР

Кровавая готика

Нэнси Хольдер живет в Сан-Диего с семилетней дочкой Белл, которая только что закончила свою последнюю новеллу: «Сикрет приведения».

Хольдер опубликовала около шестидесяти повестей и двухсот рассказов, статей и эссе. Она четырежды награждалась премией Брэма Стокера и была номинирована на пятую.

Ее работы попали в «Los Angelos Times», «USA Today», «Locus» и другие собрания бестселлеров и переведены на две дюжины языков.

Она автор многих успешных беллетризаций, среди последних ее книг «Buffy the Vampire Slayer/Angel:Heat» и тетралогия «Wicked» о двух враждующих семействах колдунов: «Witch», «Curse», «Legacy» и «Spellbound», изданные Саймоном и Шустером. Ее новая повесть о предшественнике Баффи, Индиа Когене, вышла в «Tales of the Slayer 3».

«„Кровавая Готика" („Blood Gothic") — первый из написанных мной рассказов, — поведала писательница. — Я получила несколько отказов, но в одном имелась ободряющая приписка, и это позволило мне продержаться еще пару лет.

Потом я встретилась с Чарли Грантом, и мы позавтракали в Карнеги-Дели в Нью-Йорке. Он сказал, что ищет рассказы для серии антологий „Shadows". Я сказала: „Ох, а у меня есть рассказ про вампира", — и у него стало такое лицо, будто он проглотил таракана. Я так смутилась, что почти решила не посылать ему рассказ. Но рассказ ему понравился, и он за него заплатил. Это был мой первый гонорар».

Памятный дебют Хольдер может быть определен как «темная» романтика...

Она мечтала о любовнике-вампире. Так мечтала, что в самом деле стала ждать его. Однажды ночью, уже скоро, ее разбудит шорох крыл за окном, а потом она станет носить на тонкой бледной шее бархотку или цепочку с камеей. Она знала, так будет.

Она погрузилась в мир своего возлюбленного вампира: она глотала готические новеллы, упивалась ночными фильмами ужасов. Видение шелкового плаща и горящих огнем глаз укрывало ее от пронзительного дневного света, от смертности, и тщеты, и бессмысленности мира солнца. Дни воспитательницы детского сада и вечера с очередным случайным знакомым не отвлекали ее от тайной жизни: какая-то часть ее сознания всегда готовилась и ждала.

Она тратила свои скромные сбережения на мрачную антикварную мебель и причудливые наряды. Ее платяной шкаф был забит белыми пеньюарами и кружевным бельем. И никаких крестов и зеркал, тем более в спальне. Белые восковые свечи горели в подсвечниках, и она до поздней ночи читала в их мерцающем полумраке, благоухая духами и шурша кружевами, свободно распустив волосы по плечам. И то и дело поглядывала в окно.

Она презирала любовников — хотя и принимала их, ради кипевшей в них жизни, жизни и крови, — которые упрямо оставались до утра, пережаривали тосты и варили горький кофе. На кухне у нее, конечно, водились только свежие продукты, а вся посуда была медной или чугунной. Обойтись без плиты с духовкой и холодильника, как ни досадно, не удалось. Но наедине с собой она зажигала свечи и принимала холодные ванны.

Она ждала, готовилась. И наконец любовник-вампир стал являться ей во сне. Они плыли над каменистыми пустошами, скользили над зарослями вереска. Он увлекал ее в свой ветхий замок, раздевал, стягивал лавандовый пеньюар, любовно ласкал ее тело, пока наконец, на вершине страсти, не впивался в открытое горло, выпивая из нее жизнь и заменяя ее вечным проклятием и вечной любовью.

Она пробуждалась от этих сновидений, купаясь в поту и изнемогая. Дети в детском саду удивлялись ее необычной молчаливости и рассеянности и пугались, видя, как она поглаживает свое безупречное горло и мечтательно улыбается. «Скоро, скоро, уже скоро», — пела кровь в ее жилах. Молитва и предвкушение: «Скоро, скоро, скоро».

Сожалела она только о детях. Она не станет скучать по любопытной родне, по друзьям, которые рассматривали ее,

нахмурившись, словно портрет, напоминающий кого-то знакомого. О тех, кто зазывал ее заглянуть на часок, или вместе сходить в кино, или поехать с ними на взморье. О тех, кто был связан с ней — или считал себя связанным — лишь по случайному мановению тонкой и белоснежной руки Судьбы. О тех, кто пытался отвлечь ее от единственной истинной страсти; о тех, кто хотел бы проникнуть в тайну этой страсти. Потому что она, храня верность своему любовнику-вампиру, ни разу не проговорилась о нем ни единой живущей в оковах земли душе. Она знала: им не понять. О, им не понять святости добровольно наложенных на себя уз.

Но о детях она будет скучать. Никогда дитя их любви не залепечет в темноте; никогда его гордые благородные черты не смягчатся при виде матери с ребенком у груди. Лишь это одно печалило ее.

Близилось время отпуска. Июнь наплывал как туман, и дети в детском саду повизгивали от нетерпения. Для них настоящая жизнь начиналась только в июне. Она с пониманием смотрела на их блестящие глазенки и раскрасневшиеся личики, сознавая, что ожидание так же мучительно для них, как для нее. С приближением последнего дня она безмолвно прощалась с ними, прижимая к себе, когда они закидывали ручонки к ней на шею и осыпали ее щеки горячими поцелуями.

До Лондона предстояло плыть морем. Оттуда в Румынию, в Болгарию, в Трансильванию. Наследственные земли ее возлюбленного: огненные яростные картины на заднем плане ее видений. Чемоданы приняли в себя ее длинные пышные юбки, ее колье и бархотки. Укладывая туда же ручное зеркальце, она мельком глянула в него.

«Я стала бледнее», — подумала она, и эта мысль напугала и обрадовала ее.

Она бледнела, худела и слабела на всем протяжении поездки. Разочарованная современным круизным лайнером, она промчалась по континенту, ища спасения в скрипучих вагонах и гостиницах, о которых так долго мечтала. Сердце трепетало в ней, когда в своих скитаниях она замечала вдали черные силуэты полуразрушенных замков или старинных особняков. Она часами просиживала в тумане, умоляя

завывающего волка возникнуть перед ней, ожидая летящего к ней нетопыря.

Она привыкла пить вино в постели: густое, ароматное, красное как кровь бургундское, мерцавшее в отсветах свечей. Она целыми днями сливалась с этими землями и вздрагивала, словно от прикосновения распятия, когда перед глазами вспыхивали на миг воспоминания прошлой жизни, лживого американского существования, нарушавшие торжественность минуты. Она не вела дневник, не считала ускользавших от нее летних дней. Она только радовалась, что слабеет с каждым днем.

Она отсчитывала монеты, расплачиваясь за цыганскую шаль, когда осознала, что время истекло. Завтра ей ехать во Франкфурт, а оттуда лететь в Нью-Йорк. Продавец тронул ее за плечо, осведомился, не заболела ли она, и она ушла, унося свое сокровища и трепеща.

Она бросилась ничком на гостиничную койку.

— Так нельзя, нельзя! — умоляла она темноту. — Ты должен прийти за мной этой ночью. Я все сделала для тебя, *любимый, я люблю тебя больше всего на свете*. Ты должен меня спасти. — Она рыдала до боли в груди.

Она пропустила последний ужин: телятину с паприкой и тихо сидела в своем номере. Хозяин гостиницы принес ей бутылку бургундского и, выслушав ее заверения, что она вполне здорова, просто немножко устала, пожелал счастливого возвращения на родину.

Ночь уходила; раскрытая книжка лежала перед ней, но взгляд все обращался к окну и руки стискивали стакан с вином, из которого она лакала понемногу, как зверь. О, почувствовать его в своих жилах, опустошающего и наполняющего.

Скоро, скоро, скоро...

И вот это случилось... Стукнула, распахнувшись внутрь, оконная рама. Огромная тень, словно черный занавес, пала на постель, и комната начала вращаться, все быстрей и быстрей: а ее наполнял пронзительный, леденящий холод. Она слышала, но уже не увидела, как зазвенел, разбившись, стакан, и, силясь открыть глаза, ощутила, как ее сметает, поглощает, уносит...

— Это ты? — сумела она прошептать сквозь стучащие от восторга, холода и ужаса зубы. — Наконец сбылось?

Ледяная рука гладила все ее тело: лицо, грудь, отчаянно запрокинутое для жертвоприношения горло. Ледяная, сильная, бессмертная. Уходя в глубину, она улыбалась застывшей улыбкой смертного ужаса и восхищения. Вечное проклятие, вечная любовь. Ее возлюбленный вампир наконец пришел.

Снова открыв глаза, она взвыла и спрятала лицо от ослепительного солнечного света. Они поспешно задернули занавески и объяснили ей, где она: снова дома, где все вокруг тепло и приятно, и болезнь, чуть не убившая ее, отступила.

Она заболела еще до того, как покинула Штаты. В Трансильвании анемия обострилась. Разве она сама не замечала своей бледности, истощения?

Анемия. Она утаила улыбку на белых губах. Так думают они, но *он* приходил к ней снова и снова. Во снах. И в ту ночь он хотел забрать ее навсегда, унести в свой замок навечно, назвать своей избранницей, возлюбленной туманных пустошей.

Надо только ждать, и он закончит начатое.

Скоро, скоро, скоро.

Она позволила им хлопотать над ней, кутать в одеяла в последние жаркие дни. Она сносила вымученное веселье родственников, позволяла им кормить ее питательной пищей и крепкими бульонами, в надежде вернуть ей силы.

Но ее желудок не принимал больше их пищи. Они заламывали руки и говорили, что необходимы более действенные средства, — было ясно, что она тает.

По совету врача она стала гулять. Сперва понемногу, на болезненно исхудавших ногах. Она куталась в шаль, пряталась за темными очками, семенила мелкими шажочками, как старуха. Солнце невыносимо обжигало ей шею, и боль не унималась, пока она не пряталась в тень. Ее тошнило от вида бакалейной витрины, зато у лавки мясника она останавливалась и облизывала губы при виде сочного сырого мяса.

Но она не уходила к нему. Ей не становилось ни хуже ни лучше.

— Я в ловушке,— шептала она ночами, уставившись на огонек свечи у кровати. — Я растворяюсь между твоим и моим миром, мой любимый. Помоги мне. Приди за мной.

Она терла горло, в котором билась боль, хотя на коже не осталось знака его любви. Ее мучила жажда, но вода не утоляла ее.

Прошло много дней, и она снова увидела сон. Любовник-вампир пришел к ней, как прежде, торжествуя воссоединение. Они носились над искривленными деревцами у подножия холмов, черными полотнищами устремлялись из горных расщелин к замку. Он был ненасытен, лаская ее, поклоняясь ей, и в диком порыве он унес ее в ее лавандовом пеньюаре к воротам замка. Но у ворот он горестно покачал головой: он не мог впустить ее в свое темное царство. Его огненные слезы обожгли ей горло, и она затрепетала, еще ощущая их прикосновение, когда он растворился в тумане, послав ей молящий взгляд темных пылающих глаз.

Чего-то не хватало: нужно было что-то еще, чтобы он смог связать ее сердце со своим. Она должна дать ему что-то...

Она гуляла в солнечном свете, чахлая, дрожащая. Ее мучили жажда, голод, нетерпение. Она каждую ночь видела его во сне, а он все не мог забрать ее к себе.

Дни, ночи и дни. Наконец ноги принесли ее к школьному двору, туда, где когда-то, всего месяц или два назад, она обнимала и целовала детей, думая, что больше не увидит их. Все они были здесь — они, покрывавшие поцелуями ее щеки. Серебристый смех звенел бубенцами, и пыльные смерчики кружились вокруг их мелькающих в игре ножек. Какими свободными виделись они ей, какими мирными и радостными!

Дети.

Она прошаркала к ним, глаза ее расширились за шорами дымчатых очков.

То, чего он требовал от нее. Ее тоска. Ее единственная печаль.

Она жаждала. Ожоги на горле бились болью.

Глаза ее наполнились слезами благодарности за то, что откровение пришло не слишком поздно. Плача, она толк-

нула калитку и, тонкая, как скелет, потянулась к ребенку, стоящему в стороне от других, поглощенному одинокой игрой в веревочку. Пушок на голове, румяные щечки, полные кровью и жизнью.

Для него, в залог их любви.

— Ты помнишь меня, мой маленький? — тихо спросила она.

Мальчик обернулся. И неуверенно улыбнулся в ответ, доверчиво и невинно.

И тогда она склонилась над ним, как огромная крылатая тварь, и глаза сверкнули сквозь стекла очков, и зубы блеснули, раз, другой...

Скоро, скоро, скоро.

ЛЕС ДЭНИЭЛС

Желтый туман

Лес Дэниэлс — писатель, композитор, киноманьяк и музыкант. Он играл в таких группах, как «Soop», «Snake and The Snatch», «The Swamp Steppers» и «The Local Yokels». Недавно вышел компакт-диск с записями группы, в которой Лес в шестидесятые годы играл вместе с актером Мартином Маллом, — «The Double Standard String Band».

Первая его книга называлась «История комиксов в Америке» («Comix: A History of Comic Books in America»), после чего он написал несколько книг исследовательского характера: «Жить в страхе: история ужасов» («Living in Fear: A History of Horror»), «Чудо: величайшие комиксы мира за пять легендарных десятилетий» («Marvel: Five Fabulous Decades of the World's Greatest Comics») и «Комиксы компании DC Comics: шестьдесят лет из жизни самых популярных в мире героев комиксов» («DC Comics: Sixty Years of the World's Favorite Comic Book Heroes»). После этого он стал автором нескольких томов «Полной истории» («The Complete History»): «Супермен: жизнь человека из стали и его эпоха» («Superman: The Life and Times of the Man of Steel»), «Бэтман: жизнь Темного Рыцаря и его эпоха» («Batman: The Life and Times of the Dark Knight») и «Чудо-Женщина: жизнь принцессы амазонок и ее эпоха» («Wonder Woman: The Life and Times of the Amason Princess»). Сейчас Дэниэлс работает над новой книгой, посвященной самым ранним этапам в истории «DC Comics».

В романе «Черный замок» («The Black Castle»), написанном им в 1978 году, автор впервые знакомит нас с таинственным героем-вампиром, доном Себастианом де Виллануэва, рассказ о приключениях которого продолжается в книгах «Серебряный череп» («The Silver Skull»), «Городской вампир» («Citizen Vampire»), «Желтый туман» («Yellow Fog») (более пространный вариант повести, представленной в нашем сборнике) и «Кровь не пролита» («No Blood Spilled»). Время от времени от пишет рассказы, которые публикуются в различных антологиях, последней из которых был сборник «Темные ужасы 6» («Dark Terror 6»); кро-

ме того, он стал редактором сборника «Тринадцать ужасных повестей» («Thirteen Tales of Terror») (вместе с Дианой Томпсон) и «Умирая от ужаса: мрачные шедевры» («Dying of Fright: Masterpieces of the Macabre»).

«Толчком к созданию этой повести, как и еще нескольких написанных мною историй, стало сновидение, — поясняет Дэниэлс. — На этот раз мне приснилась пугающая картина, которую я представил в кульминационном моменте повести, в десятой главе («Винный погреб»). Конечно, в том или ином виде подобную сцену можно найти в нескольких других произведениях в жанре хоррор. Но мое подсознание внесло в эту тему такие изменения, что образ показался мне достаточно выразительным, и я положил его в основу повести. После этого мне оставалось просто-напросто развернуть ход событий, двигаясь от конца к началу».

1. Черные плюмажи

Пареньку, стоявшему на ступеньках, велели сделать несчастную мину, и он старался изо всех сил, но как же трудно было скорбеть по совершенно незнакомому тебе покойнику, тем более если благодаря смерти этого старика удавалось подзаработать. Но все же работа есть работа, и Сиду совершенно не хотелось ее терять. Подавив ухмылку, он бросил взгляд на своего напарника, сидевшего с другой стороны от двери, задрапированной черной тканью, но тот в своем дурацком наряде и со слезами на глазах выглядел так, что Сиду было уже не сдержаться. Он знал, что и сам выглядит точно так же глупо — в этом цилиндре с траурным крепом и с жезлом в руках, обмотанным той же тканью, — и все же его просто распирало от смеха, и Сид чуть было не рассмеялся — вместо этого он заставил себя закашляться. Траурный креп зашуршал, и на мгновение на лице напарника Сида вместо величавой меланхолии показалось выражение грозного гнева. Мистер Каллендер заплатил фирме «Энтвистл и Сын» приличную сумму за подобающие похороны, а это означало, что наемные скорбящие должны хранить молчание.

Сид напряженно ждал: поскорее бы прибыла процессия, и тогда он наконец покинет пост. У него чесался нос, левая ступня, казалось, совсем онемела. Сид нес свою вахту перед домом Каллендера все утро, так что долгий путь пешком на кладбище Всех Душ начинал казаться ему делом несомненно приятным. По крайней мере, можно будет размять ноги, а потом наконец наступит долгожданный момент, когда Сиду удастся получить хоть какую-то выгоду от своей должности. У похоронных дел мастеров ученики работают бесплатно, даже в такой фирме, как «Энтвистл и Сын». Теперь, собственно, остался один Сын, думал Сид, да и тому, пожалуй, недолго жить осталось, и Сыну невыносимо и подумать, что свои собственные похороны придется доверить кому-то другому. «Энтвистл и Сын» были в своем деле лучшими, подтверждением чему служил и катафалк, который уже показался из-за угла с Кенсингтон-хай-стрит.

Катафалк был запряжен шестеркой отлично подобранных одна к другой вороных. Над головой каждой покачивались крашеные в черный павлиньи перья, крупы покрывали попоны из черного бархата. На стеклянных стенках низкого черного катафалка были выгравированы цветочные узоры; на ложе из лилий стоял дубовый гроб, над которым также колыхались черные перья. Лошади шли размеренным шагом — кучер сдерживал их, чтобы от катафалка не отстали наемные плакальщики, которые, не поднимая глаз, шагали возле медленно вращающихся позолоченных колес. Вслед за катафалком появилась первая карета похоронного кортежа, а затем вторая; когда процессия приблизилась к дому, Сид потрясенно понял, что это и все. Просто не верилось, что на таких пышных похоронах может быть так мало скорбящих. Сид поразился тому, что у человека, который мог позволить устроить себе самые пышные похороны от фирмы Энтвистла, так мало друзей.

Из второй кареты вышел сам Сын; траурный креп с его шляпы трепетал от порывов осеннего ветра и то и дело закрывал лицо. Сид тут же вытянулся по стойке «смирно», как гвардейцы, охранявшие королеву, которых он видел у Букингемского дворца, и глядел прямо перед собой, пока мимо него скользнул вверх по ступеням похоронных дел

мастер, бледное морщинистое лицо которого то скрывалось за черной тканью, то вновь показывалось. Сид давно уже научился не бояться покойников, а вот тот, кто обслуживал их нужды, вызывал у мальчика ужас, так что плакальщик и не взглянул в сторону дверей, когда раздался удар латунного дверного молотка. С той стороны кто-то прошаркал к дверям, и щелкнула задвижка.

— Мистера Каллендера, пожалуйста, — сказал Энтвистл.

— Мистер Каллендер просит вас подождать у входа, — раздался ответ.

Дверь тихо закрылась.

Сид так старался стоять смирно, что его уже начала бить дрожь, а мистер Энтвистл чопорно спустился по ступеням и прошел ко второй карете. Сид был потрясен, но вместе с тем почувствовал и восторг; он увидел, что на лице его напарника-плакальщика отразилась на этот раз уже неподдельная скорбь. Для Сида было полной неожиданностью, что существуют семейства настолько важные, что и самого Энтвистла не пускают в дом, и плакальщик от удивления только и уставился во все глаза. Тут дверь снова открылась и вышли те, кто собирался проводить покойного в последний путь.

Показались толстый дворецкий, молодой джентльмен с рыжеватыми бакенбардами и невысокая седоватая леди, но внимание Сида привлекла та, что стояла позади остальных в тени. Глаза этой светлокожей девушки были голубые, необыкновенно светлые, а волосы выглядели почти белыми. Девушка казалась чуть ли не бесцветной, красотой напоминая статую. Все были в черном, и невысокая леди держала девушку под руку.

— Тебе незачем идти, Фелиция, — сказала она. — Это зрелище не для юной леди.

— Но ты же идешь, тетя Пенелопа.

— Я уже не юная леди, и нельзя же нам отправлять мистера Каллендера одного вершить столь печальное дело.

— Но мое место, конечно же, возле Реджиналда, тетя Пенелопа.

— Ты и так сделала для него более чем достаточно, и, если он тебя любит, ему не придет в голову подвергать тебя

такому тяжкому испытанию. Кроме того, тебе нужно остаться здесь, чтобы присмотреть за слугами, иначе к нашему возвращению с поминального стола все растащат.

Ни дворецкий, ни его хозяин ни на это, ни на все остальное ничего не сказали, а когда пожилая дама заявила: «Не хочу больше слушать об этом», молодой джентльмен взял ее под руку, и дворецкий закрыл за ними дверь. Сид, которого не интересовал никто, кроме оставшегося за дверьми бледного ангела, пришел в себя и приступил к исполнению своих обязанностей, то есть сопроводил Реджиналда Каллендера и ту, кого девушка-ангел называла тетей Пенелопой, к первой карете. Одна из лошадей, хотя и была в шорах, шарахнулась; в остальном же все проходило спокойно, не считая языка тети Пенелопы.

— Пасмурный день отлично подходит для похорон, как мне кажется. Мрачно, как раз как полагается, но и не так уж неприятно. В день, когда мы хоронили родителей бедняжки Фелиции, шел проливной дождь, почти буря, а малышка плакала громче грозы, и мне, пожалуй, никогда в жизни больше не случалось так вымокнуть. Я совершенно уверена, что на нее все это очень повлияло. Она с тех самых пор такая ранимая. Так ведь и солнечный день тоже не годится. Помню, как похороны одной моей кузины просто испортила ясная погода, совершенно неуместная. Нет, мне кажется, что лучше всего хоронить при пасмурной погоде.

Она сделала решительный жест своим веером из черных перьев и подождала, пока Сид откроет дверь кареты.

— День выбирал дядя Уильям, а не я, — заметил Реджиналд Каллендер, помогая тете Пенелопе подняться на ступеньку.

— Чепуха! Если бы ваш дядя Уильям мог выбирать, этот день так бы никогда и не наступил. Он бы предпочел растратить все свое состояние, а не оставлять его вам, мистер Каллендер. Оно вам, правда, не так уж и нужно, ведь скоро у вас будет весьма богатая жена. А все же приятно видеть, как состояния двух семей объединяются благодаря союзу наследников, да?

— Несомненно, — ответил Каллендер, когда дверь за ними закрылась и он уселся возле тетушки своей невесты.

Голова у него уже раскалывалась, он понимал, что похороны дяди превращаются в более тяжкое испытание, чем он был готов вынести в качестве скорбящего родственника. Накануне вечером он перебрал виски, пытаясь успокоить нервы и заглушить неуместные мысли о том, что теперь, благодаря этой утрате, он счастливейший человек на свете. А чего еще мужчина может себе пожелать, если не богатства и не красавицу жену? Разве что избавиться от головной боли и от болтливой тетки, которая, похоже, в восторге от всего, что связано со смертью.

— Как печально, что похоронная процессия так немноголюдна, да? Все, конечно, сделано по последнему слову моды, но как жалко, что некому это оценить.

— Всех своих партнеров мой дядя пережил на несколько лет, а я последний его родственник, как вам известно. Последний из рода Каллендеров. Никого из тех, кто мог бы скорбеть по нему, уже просто не осталось.

— А как же идет Фелиции этот черный шелк! Ей нельзя носить это постоянно, вы понимаете; она, собственно говоря, не в трауре, но нужно же показаться в таком славном платье. Я, знаете ли, отвела ее в салон траурных нарядов от Джея, что на Риджент-стрит, там нам обсим и сшили платья для похорон вашего дяди.

— Они и правда очень красивые, — пробормотал Каллендер, поднеся руку к голове. Он надеялся этим жестом обратить внимание на свое состояние и при этом потереть гудевший висок. От хода кареты его уже начинало слегка укачивать.

— Конечно, я и раньше заказывала платья от Джея; так много друзей и родственников умерло за эти годы. Мне кажется, самые красивые траурные платья шьют для вдов, но ведь нельзя остаться вдовой, не побывав замужем, верно?

Каллендер мог бы на это ответить, но тетя Пенелопа отвернулась от него и устремила взор на лондонские улицы.

— Вы, как я вижу, решили поехать мимо парка, — сказала она. — Уверена, это очень правильная мысль. Я думала, что вы выберете короткий путь, а там нас почти никто не увидел бы.

— Так пожелал мой дядя, — поведал Каллендер. — Он сделал распоряжения по поводу собственных похорон и оставил их у своего поверенного, мистера Фробишера.

— Как же он предусмотрителен! Я о таком никогда и не задумывалась, но теперь при первой возможности обязательно составлю планы касаемо моей собственной кончины. Я, конечно, не владею состоянием, которое компенсировало бы моим наследникам такие расходы...

— Фелиция, я уверен, рада будет о вас позаботиться, — со вздохом ответил Каллендер.

— Вы так полагаете? Да, думаю, она так и сделает. Такая щедрая девушка, возвышенная натура. Все ее мысли высоко, там, где ангелы.

Каллендер про себя искренне пожелал, чтобы высоко с ангелами оказалась и тетя Пенелопа. Он закрыл глаза и стал думать о Фелиции. Если бы его сейчас хоть на мгновение оставили в покое, он тут же провалился бы в сон.

— Значит, и Кенсал Грин тоже выбрал ваш дядюшка?

— Что, простите? — переспросил Каллендер, заставив себя выйти из забытья.

— Я говорю, Кенсал Грин. Кладбище Всех Душ. Где мне и самой, несомненно, хотелось бы с миром покоиться. Я иногда там бываю и до сих пор считаю его самым приятным кладбищем Лондона, хотя за последнее время открыли несколько новых. В любой сфере то, что было первым, часто так и остается самым лучшим, вы согласны? Да, конечно же, *нет ничего хуже старых церковных кладбищ*. Вы наверняка слышали, в какой рассадник заразы превратились эти безобразные места и что скелеты там выкапывают и сваливают в сараях, чтобы освободить место для новых могил. Содрогаешься от одной мысли об этом.

Каллендер поднял взгляд, чтобы посмотреть, не задрожала ли она сама, и ему показалось, что она махнула ручкой кому-то из прохожих, — впрочем, он усомнился, что такое могло быть. Ее восторги по поводу похоронной церемонии приводили Каллендера в глубокое уныние, но он решил, что ему остается лишь смириться. Выбора у него в любом случае не было, кроме того, его ожидала такая счастливая жизнь, что он готов был внести скромную пошли-

ну — позволить тетушке своей любимой девушки отлично провести день. Каллендер откинулся на спинку сиденья, а карета продолжала путь.

Фелиция Лэм закрыла книгу и мгновение еще сидела, устремив взгляд в пространство. Этот роман неизвестной писательницы Эллис Белл[1] критики встретили разгромными рецензиями, и Фелиция про себя признавала, что иногда ее приводили в ужас жестокость ситуации и неотесанность героев. Но все же кое-что в этой повести пробуждало в ней интерес: образ бессмертной любви, для которой не могла стать преградой даже сама смерть. Мысль о такой страсти завораживала ее и вместе с тем пугала; половиной своего существа она жаждала пережить нечто подобное, но разум говорил, что судьбою ей уготован союз с человеком весьма прозаичным. У Реджиналда Каллендера, как не уставала повторять тетя Пенелопа, имелись свои достоинства, но даже представить было невозможно, чтобы кто-то обвинил его в увлечении сверхъестественными материями. «Возможно, это и хорошо», — думала Фелиция. Она понимала, что и она сама, и, без сомнения, тетушка, сестра отца, натуры впечатлительные, так что, может быть, жених ей послан для того, чтобы помочь твердо стоять ногами на земле.

Вздохнув, она положила томик «Грозового перевала» на полированный столик, стоявший посреди гостиной. Сквозь тяжелые шторы еле-еле пробивался дневной свет, блеклый и угрюмый; в углу часы своим маятником как будто подталкивали время, приближая наступление темноты. Реджиналду и тете Пенелопе уже, конечно, давно пора вернуться. Против ее воли Фелиции виделись картины ужасного происшествия, способного разом лишить ее тех единственных двух человек, чьи жизни соприкасались с ее собственной. Она понимала, что это лишь глупая игра ее воображения, но ведь двенадцать лет назад Фелиция в один миг потеряла обоих родителей, и кому, как не ей, знать, что в жизни бывает и такое. В другой мир она верила сильнее, чем в то, что в мире этом на ее долю может выпасть счастье.

[1] Псевдоним Эмилии Бронте.

Она устремила взгляд на внушающий почтение портрет дяди Реджиналда, Уильяма, висевший над камином, и задумалась о том, где сейчас этот человек. Само собой, его тучное тело и круглое красное лицо лежат сейчас в гробу, зарытом на шесть футов под землей, но где же сам Уильям Каллендер? И где ее отец и мать? Духи умерших преследовали ее, ни разу не явившись в образе призраков; приди к ней, наверное, такое видение, и она тревожилась бы о них меньше. Фелиция только и желала, чтобы Реджиналд скорее вернулся и заставил ее забыть эти тягостные мысли, хотя каждый раз, когда он делал это, она чувствовала смутную обиду.

— Не разжечь ли мне камин, мисс?

И привидение, появись оно в тот момент перед Фелицией, не смогло бы перепугать ее сильнее, чем этот голос, но в следующее мгновение она поняла, что это всего лишь пришел дворецкий. Ей не верилось, что огонь сможет избавить ее от холода, жившего внутри ее существа, но все же радостные огоньки обрадуют всех, кто в этот промозглый осенний день придет сюда с похорон.

— Спасибо, Бут. Думаю, мистер Каллендер будет признателен.

Она услышала, как скрипнули его колени, когда он склонился перед портретом своего покойного господина, и горько пожалела, что не взялась за дело сама, ведь ей было бы намного легче, чем старику. Чувство вины заставило ее выйти из комнаты, и она пошла присмотреть за тем, как готовят номинальный ужин, хотя и там вполне могли обойтись без нее.

— Элис, у нас все готово? — спросила она хорошенькую темноволосую горничную. Девушка в черном форменном платье (в этот печальный день оно было без кружевных манжет и воротничка) сделала Фелиции реверанс и едва заметно улыбнулась.

— Готово, мисс, благодарю вас. Люди мистера Энтвистла сами обо всем позаботились, и все сделано отлично, вне всяких сомнений.

Буфет был весь заставлен съестным: там имелись ветчина и ростбиф, хлеб и пироги, кексы, бутылки шерри и

портвейна. Припасов хватило бы на несколько дюжин гостей, а ведь за столом будет всего трое.

— Так много? — поразилась Фелиция, не успев даже задуматься о том, насколько уместно обсуждать вопросы этикета с прислугой.

— Да-да, мисс. Я спросила у них, не может ли тут быть какой ошибки, но тот джентльмен заверил меня, что все это было оговорено в завещании мистера Каллендера. Можно мне вас чем-нибудь покормить, мисс?

— Нет, спасибо, — ответила Фелиция, которой еще никогда в жизни не случалось настолько утратить аппетит. — Я дождусь остальных, Элис. Ты слышишь, не они ли это пришли?

— Пойду посмотрю, мисс, — ответила горничная и поспешно вышла.

Через мгновение возле Фелиции уже была тетя Пенелопа в черном чепце, чьи глаза при виде столь щедро накрытого стола так и засияли.

— Что же, Фелиция, — сказала она, — все было очень красиво. Так и должно быть, как я полагаю. Свадьбы и похороны — дело важное. Не нальешь ли мне бокал шерри, дорогая моя? Совсем чуточку.

Тетя Пенелопа отправила в рот небольшое пирожное, а Реджиналд Каллендер прошел в комнату и взял бутылку портвейна. Он наполнил себе бокал и поглотил его одним залпом.

— Славные вышли похороны, мистер Каллендер, — сказала тетя Пенелопа. — И склеп просто роскошный. Ваш дядя не завещал, чтобы и вас положили покоиться там же, когда вас призовет Всевышний?

Единственным ответом Каллендера на этот вопрос было то, что он вновь наполнил свой бокал. Ему удалось вполне взять себя в руки и предложить выпить и Фелиции, но она отказалась и уселась в углу, на небольшом стуле с совершенно прямой спинкой.

— Только вот закрытые гробы я не одобряю, — сказала тетя Пенелопа.

Лицо Каллендера внезапно приняло неприятное выражение.

— Неужели вы так и не насмотрелись на моего дядю, когда тело было выставлено для прощания?

— Да что вы, мистер Каллендер. Я вовсе не собиралась ничего критиковать. Иногда, как мне кажется, последний раз взглянуть на покойного может оказаться невыносимо больно. Будьте так добры, отрежьте мне чуточку от того куска ветчины. Благодарю. А как ты провела день, Фелиция?

— В размышлениях о тех, кто ушел раньше нас, тетя.

— Вот как? И какие же выводы ты для себя сделала, дорогая?

— Лишь то, что об этом можно узнать многое, а нам известна лишь самая малость, — ответила Фелиция.

— Возможно, после нашего визита к мистеру Ньюкаслу завтра вечером ты почувствуешь себя более сведущей в данном вопросе.

Фелиция испуганно распахнула глаза и несколько раз перевела взгляд с тетушки на своего жениха и обратно.

— Ньюкасл? А кто, скажите мне на милость, этот мистер Ньюкасл, что посещать его необходимо ночью? — настоятельным тоном спросил Каллендер, передавая тарелку с ветчиной тете Пенелопе и потрясая при этом ножом.

— Да что вы, это же медиум, — сказала она, принимая тарелку. — По пути на Кенсал Грин мы проезжали мимо его дома.

Под осуждающим взглядом Каллендера Фелиция еще дальше забилась в угол.

— Медиум! — проревел он и повернулся к тете Пенелопе. — Это вы до такой чепухи додумались?

— Это была моя идея, Реджиналд, — тихо сказала Фелиция.

— Я решительно это запрещаю.

— Ты ничего не запретишь мне, пока я не стала твоей женой. Ты знаешь, как я желаю знать то, что лежит вне нашей земной жизни. Зачем тебе мешать мне в этом?

— Потому что все это мошенничество, чепуха и суеверия. Как может такая разумная девушка, как ты, в наши-то дни, в этот век верить в эти старомодные выдумки? На дворе тысяча восемьсот сорок седьмой год, мы живем

в эпоху прогресса, и пора раз и навсегда забыть о подобных вещах.

— Прогресс происходит во многих областях, Реджиналд; так почему же он не мог затронуть и наши знания о потустороннем мире? Ты наверняка слышал о достижениях мистера Дэвида Хоума, а мистер Ньюкасл, как мне рассказывали, обладает еще более выдающимися способностями. Я уверена, что существуют люди, умеющие видеть то, что для нас, остальных, невидимо.

— Из того, что тебе невидимо, они способны увидеть только то, что ты — доверчивая девушка, и при этом весьма обеспеченная. Мертвецы мертвы, Фелиция, и нам о них лучше всего забыть.

Вскочив со стула, она с горячностью сложила ладони, будто для молитвы.

— Но ведь и мертвые продолжают жить, Реджиналд. Как ты можешь в этом сомневаться, ведь ты же христианин?

Каллендер начал с яростью кромсать на куски ветчину.

— Да, я христианин. Каждое воскресенье я бываю в англиканской церкви и оставляю пожертвования. А что, по-твоему, сказал бы его преподобие мистер Фишер, если бы узнал, что ты решила потревожить усопших? И что вы, собственно, знаете об этом субъекте, Ньюкасле? Он, должно быть, умалишенный. Все это опасно, и я еще раз прошу вас забыть это ваше сумасбродство.

— Я пообещала моей племяннице выступить в роли ее дуэньи, — сообщила тетя Пенелопа, наливая себе еще шерри. — А она в ответ на это согласилась сопровождать меня в Мертвую Комнату музея мадам Тюссо. Нам обеим не хватает храбрости осуществить задуманное в одиночку, но мы твердо намерены удовлетворить свои интересы, мистер Каллендер.

— Что? Вы пойдете в то самое место, которое «Панч» прозвал Комнатой ужасов? Милое, скажу я вам, местечко для утонченной девушки, но, как я полагаю, там вам по крайней мере ничего не грозит. А вот этот ваш заклинатель домовых — это уже совсем другое дело. Он либо шарлатан, либо сумасшедший, и тот факт, что вы, беспомощные барышни, отправитесь к нему вдвоем, а не в одиночку, ни в

малейшей степени меня не успокаивает. Готов поспорить, что и за вход он берет далеко не пару шиллингов, верно?

Тетя Пенелопа придвинулась к племяннице и положила ей руку на плечо, и Фелиция встретила этот жест с благодарностью.

— Отговорить нас вам не удастся, — произнесла тетя Пенелопа.

Каллендер печально улыбнулся.

— Тогда, пожалуй, мне придется составить вам компанию, — сказал он.

— Ах, Реджиналд, правда? — пылко проговорила Фелиция. — Прошу тебя, пожалуйста, пойди с нами. Я надеюсь, что смогу снова говорить с матерью и отцом, а тебе, возможно, мистер Ньюкасл даст возможность пообщаться с дядей Уильямом.

— Я надеюсь, что дяде Уильяму неплохо там, где он сейчас находится, Фелиция, и я не захотел бы заставлять его вновь явиться к нам, даже если бы верил, что это возможно. Я полагаю, что не следует мешать ему покоиться с миром.

Он обнял Фелицию и повел ее в другой конец комнаты, к двухместному диванчику, чтобы оказаться как можно дальше от пиршества, приготовленного по воле покойника.

— Не могла бы ты забыть о мертвых? — спросил он ее. — Мы с тобой сейчас обитаем среди живых, а на любые вопросы, которые мы должны задать нашим предкам, мы в положенное время получим ответы. А до того времени наш долг состоит в том, чтобы как можно лучше прожить собственную жизнь. Не могла бы ты жить для меня, а не ради этих пустых мечтаний?

Пальцы Фелиции гладили его по лицу, но ее глаза оставались холодны.

— Откуда нам знать, что мы должны делать, — спросила она, — если нам неведомо то, что ждет нас впереди? Много ли удовольствия мы можем получить здесь, если знаем, что это всего лишь школа, где мы должны усвоить урок?

— *Возможно, мы родились ради того, чтобы умереть,* — ответил Каллендер, — но ведь не только для этого. Радости, которые преподносит нам жизнь, не сделают нам ничего

дурного. Мы молоды и богаты, Фелиция. Мы счастливы. Давай не будем отказываться от подарков судьбы.

— А ведь он прав, — сказала тетя Пенелопа, разрезая пирог. — Отрекаясь или нет от этого мира, мы все равно весьма скоро его покинем. Но все же, мистер Каллендер, мы обязательно отправимся туда, куда собрались.

— И если вам это так необходимо, — ответил он, — я пойду с вами.

Он, возможно, сказал бы что-то еще, если бы не подошел дворецкий.

— Да, Бут? — пробормотал Каллендер, и старик, склонившись над ним, стал шептать ему на ухо. Каллендер поднялся, поклонился дамам и поспешил в холл.

А там в сумерках виднелась тощая фигура Энтвистла.

— Я знаю, как все это бывает, сэр, — сказал он, — и не хотел бы томить вас ожиданием. — Энтвистл отдал Каллендеру носовой платок, в который было завернуто несколько мелких предметов. — Вот его кольца, булавки и часы, — сказал он.

Каллендера передернуло, но он тем не менее поблагодарил похоронных дел мастера.

— Я отлично вас понимаю, — сказал мистер Энтвистл. — Не так уж редко молодые джентльмены испытывают временные затруднения, дожидаясь оглашения завещания. Можете не сомневаться, состояние вашего дядюшки вполне компенсирует нам наши хлопоты. — Он поклонился и скользящей походкой удалился в сгущавшуюся темноту.

Реджиналд Каллендер стоял, держа в руке украшения дядюшки, и его будто волной захлестнуло омерзение. Фелиция вот беспокоится о чьих-то душах, а ему в это время приходится думать о том, как раздобыть денег на содержание хозяйства. Его поступок вряд ли приличествовал джентльмену; по сути, он практически ограбил покойного. Да ладно, все видели дядюшкины украшения, пока гроб был открыт, просто потом кто-то вынул их из могилы. Каллендер, которого брат матери с самого детства так и содержал на свои деньги, не имел ни малейшего представления о том, как обеспечить себе средства к существованию, и мог лишь продать то, что случайно попало к нему в руки. Он

оступился, но это лишь временно, — говорил себе Каллендер; скоро он получит наследство и станет богатым.

Но при всем при том он был зол на себя самого и еще больше — на Фелицию, увлеченную бесплотными духами в то самое время, когда он так отчаянно жаждал утешений плотского характера. Тут он увидел спешившую по коридору горничную и подозвал ее.

— Элис, — сказал он, — зайди на секундочку.

Девушка медленно подошла к нему.

— Устраивает ли тебя твоя работа в этом доме?

— Да, сэр, — ответила Элис.

— А было ли тебе хорошо с моим дядей?

Элис, покраснев, кивнула.

— Значит, тот же договор останется в силе и теперь, когда хозяин — я?

— Как вам будет угодно, сэр, — ответила Элис.

— Отлично. Мои гости скоро уйдут. Чуть позже вечером я буду тебя ждать, Элис. Все будет так, как прежде. Приходи в десять. И захвати с собой дядюшкин кнут.

II. Кладбищенские воришки

Парень, к ноге которого был пристегнут ломик, заказал еще одну пинту пива. Пиво он пил редко, поскольку оно было ему не по карману, да и пьянел слишком быстро, но этим вечером он сильно нервничал, кроме того, он не сомневался, что денег у него хватит хоть на целый бочонок. Как бы то ни было, говорил он себе, если он нажрется, виноват будет Сид. Они договорились еще час назад встретиться вот в этом пабе, под названием «Земля перевернулась», а поскольку Сид так опаздывал, приходилось брать одну кружку пива за другой. Генри не позволят тут засиживаться, если он не будет тратить деньги, хотя уже сейчас то и дело кто-то подшучивает по поводу его возраста; ну и пусть, до них Генри Донахью и дела нет. Ему, в конце концов, уже пятнадцать, так что он вправе пить, сколько влезет, в его возрасте можно и пить, и могилы грабить. Но все же ему хотелось, чтобы Сид поторопился.

Генри сам выбрал это место, хотя внутрь до этого никогда не заходил, — отчасти из-за близости заведения к кладбищу Кенсал Грин, отчасти оттого, что ему всегда нравилась вывеска. Он точно не знал, перевернут ли нарисованный на ней земной шар или нет, но сама мысль о перевернутой земле почему-то была для него очень привлекательна. Кроме того, внутри было достаточно тихо, что, по его мнению, было хорошо, правда, он предпочел бы, чтобы народу было побольше, а то, казалось ему, он слишком на виду. И вот, как раз когда он обводил взглядом темный зал, не сомневаясь, что все остальные посетители только на него и смотрят, дверь открылась, и в нее заглянула хитрая прыщавая физиономия Сида. Генри залпом допил свою кружку и торопливо зашагал к двери. Сид уже почти вошел, но Генри вытолкал его обратно на улицу.

— Дай же мне хоть на минуту зайти, а? — возмутился Сид.

— Тебе не кажется, что ты и так слишком припоздился, хочешь еще и здесь застрять?

— Знаю, знаю, но я же так замерз. Я ведь не виноват, что мне было никак оттуда не смыться, да?

— А если мы выйдем не сейчас, а еще позже, виноват будешь уже ты, Сид. Знаешь же, что я не могу всю ночь провести вне дома.

— А разит от тебя так, как будто ты сидишь здесь уже целую ночь, приятель. Милая привычка — напиваться, выходя на дело. Как же ты теперь будешь вскрывать замки, а?

Генри схватил Сида за руку, чтобы тот заткнулся. По пустой улице шаркающей походкой к ним приближался фонарщик, держа в руке небольшой светильник, огонь которого еле мерцал сквозь желтый туман Лондона. Оба парня с напускным равнодушием прислонились к стене — Генри уставился на вывеску, а Сид стал читать объявление, гарантирующее, что в заведении всегда подается «Courage», — интересно, сколько же успел влить в себя Генри. Старик вскарабкался по приставной лесенке, повернул газовый кран, поднес свой светильник, а потом слез, но света возле входа в паб прибавилось разве что самую малость. Мальчишки дождались, пока шаги фонарщика совсем не стихли вдалеке,

— А ты его не на шутку испугался, что, скажешь, нет? — с издевкой заметил Сид. — Может, тебе лучше улепетывать домой и забыть все, что мы тут собирались делать, Генри.

— Ничего я не боюсь. Но нам незачем никому сообщать, что мы задумали сделать. Берка и Хэйра повесили, так ведь?

— Они же были убийцы, болван ты эдакий, а мы даже не воруем трупы. На них теперь и спроса нет. Мы всего-навсего избавим пожилого джентльмена от парочки побрякушек, о которых он уже никогда не будет жалеть. Было бы преступлением оставить такие вещи гнить вместе с ним, а?

— Но за такое преступление никто не попадает под суд, — заметил Генри.

— Слушай, приятель, если тебе не нужны деньги, то проваливай.

Но Генри уже шагал к кладбищу, натянув шапку так, что под ней спрятались его рыжие вихры; от холода и от взглядов прохожих его скрывал еще и поднятый воротник.

— Ты уверен, что все эти штуки там, на нем, ты точно знаешь, а, Сид?

— Я же сам это видел. Когда работаешь у похоронных дел мастера, только и остается делать, что смотреть на усопших. А ученику мастера по замкам — учиться вскрывать всякие штуки. Генри, я только и ждал, когда же отыщу себе такого напарника, как ты. Теперь у нас свое дело, понимаешь, и нас ждут блестящие перспективы.

Чем ближе они подходили к Кенсал Грин, тем неуютнее чувствовал себя Генри. Дома здесь стояли поодаль друг от друга, фонарей было меньше, а пространство между домами наполнял туман. Генри уже казалось, будто он заблудился где-то за городом, и он с радостью бы повернул обратно, но ему было как-то неловко позориться перед Сидом: проще заставить себя не бояться трупов, чем признаться мальчишке, который всего на год тебя старше, что больше всего в жизни ему хотелось бы оказаться у себя в мансарде, в собственной кровати.

Генри смотрел вниз, чтобы не поскользнуться на влажных булыжниках, и, кроме собственных ног, почти ниче-

го не видел. От одной темноты уже было весьма скверно, а тут еще туман.

— Мы его никогда не найдем, — сказал Генри.

— Как это, никогда не найдем? Мы уже пришли!

Генри поднял голову и увидел, что в тумане маячит нечто похожее на храм. Виднелись колонны, стены и решетки, но все это напоминало ему кладбище не более, чем, скажем, Английский банк. За огромными, явно запертыми воротами было ничего не разглядеть, лишь непроницаемой стеной стоял туман.

— Я не хочу открывать эти ворота, — сказал он. — Вдруг кто будет проходить мимо.

— Не стоит волноваться, — уверил его Сид. — Мы просто перелезем через ограду.

— Все будет без толку, — сказал Генри. — Мы ничего не сможем там найти. Такой туман.

— Я же знаю, где оно находится, верно? Знаешь, сколько раз я тут бывал? Это же моя работа. Просто подсади меня. Иди-ка сюда.

Генри чуть было не бросился прочь, но удержался. Он поспешил туда, откуда доносился голос Сида, и почувствовал почти что облегчение, когда прикоснулся к нему, пусть тот и был лишь соучастником в преступлении, которое он сейчас был бы весьма рад не совершить. По крайней мере, он здесь не один. Генри присел на корточки. Воздух над самой землей был чуть прозрачнее. Он сложил ладони, чтобы Сид мог поставить на них ногу.

Сид вскарабкался наверх, а Генри на мгновение показалось, что у него сломалось запястье. Он крякнул от боли и потерял Сида из виду, оставшись среди тумана.

— Где ты? Ты уже залез?

Сверху к нему свесилась рука.

— Держись. Давай, хватит торчать на улице!

Генри уцепился за запястье Сида, и тот стал затаскивать его наверх. Генри царапал стену и извивался всем телом, и вот наконец он оказался наверху.

— Залез? — сказал Сид. — Теперь прыгай.

И Генри снова оказался один.

Увидев какой-то мутный свет, он вздрогнул от мысли, что может быть замечен, и спрыгнул в темноту. Приземл-

лился он на Сида, и оба кубарем покатились по мокрой траве кладбища Всех Душ.

— Вот молодец. Чуть нас обоих не угробил.

— Мы уже на месте? Где мы, Сид?

— На Кенсал Грин, мой мальчик. Да, мы на кладбище. Следуй за мной.

— Подожди минутку, Сид! Где ты? Тебе же не найти дорогу.

— Я же говорил, что это место я знаю, как мать родную, пусть я ее столько лет и не видел.

— Тогда дай руку. Я же ничего не вижу.

— Ну, держи. Когда разберемся с нашим делом, сможешь подержать ручки и понежнее моей.

Генри цеплялся за Сида, и они брели сквозь море тумана, таившего в себе то ли рай, то ли ад. Кое-где маячили памятники, шпили, фигуры ангелов, надгробные плиты. Некоторые просто огромные. Генри позволил Сиду тащить себя сквозь клубы тумана. От холода у него потекло из носа, и внезапно захотелось есть.

— Мы никогда не найдем то место, Сид. Пошли-ка по домам.

— Как это не найдем?

В тумане что-то виднелось. Генри пару раз моргнул и сел.

— Да он большущий, — отметил Генри.

— Зато замок маленький.

Среди желтого тумана виднелось серое сооружение. Каменный склеп с островерхой крышей, с колоннами возле двери. По обеим сторонам стояли мраморные статуи, напоминавшие, с точки зрения Генри, женщин в ночных рубашках. Он мало что мог разглядеть, но того, что увидел, ему было достаточно.

Сид постучал в дверь, и Генри вздрогнул.

— Эй, это квартира мистера Каллендера?

— Не смей так себя вести, Сид.

— Почему же? Полагаешь, он проснется, да? Не волнуйся, я же сам выкидывал его кишки. Если бы он и поднялся, то тут же и упал бы обратно.

— Не смешно.

— Ну и не смейся. Просто открой эту дверь.

— Я не могу!

— Ты же даже не пробовал. Слишком ты перепугался, вот в чем твоя беда.

— Я ничего не вижу. Как я, по-твоему, должен работать?

— У меня есть несколько шведских спичек, а какой тут замок, я тебе уже рассказывал. Давай работай. Чем быстрее ты приступишь к делу, тем раньше мы отсюда выберемся.

Сид зажег спичку, и от одного вида его глаз, освещенных ее огоньком, Генри поспешил приняться за замок. Он порылся в кармане и вынул несколько инструментов.

— Как бы мне хотелось научиться со всем этим работать.

— Я тебя научу. Тогда ты сможешь все сделать сам.

— Да брось ты. Еще пару минут, и мы богачи, Генри. Ты занимаешься замком, я — телом, верно?

— Отлично, — пробормотал Генри.

Негнущиеся пальцы плохо его слушались. Потом он услышал, как что-то щелкнуло, и был совсем не рад, когда Сид толкнул его на металлическую дверь и она распахнулась вовнутрь, открыв перед ними пугающую темноту. Генри дернулся и поглядел на небо, но увидел у себя над головой лишь высеченное на мраморной плите имя «Каллендер». Сид пихнул его прямо в жилище мертвых, и Генри потерял равновесие и, раскинув руки, налетел на влажную стену. От запаха увядающих цветов он почувствовал тошноту; он сел в углу и наблюдал за тем, как Сид чиркнул другой спичкой и зажег свечу. Ее огонек трепетал и отражался в каменных стенах. Генри посмотрел наружу и заметил какую-то тень.

— Снаружи кто-то есть, Сид.

— Это призраки.

— Не остри, я заметил собаку.

— Тогда закрой дверь, и она нас не увидит.

— Поздно спохватились, — ответил он, но все же толкнул железную дверь, чтобы она закрылась.

Генри тут же почувствовал себя будто в западне. Он поскорее ухватился за край двери, чтобы не дать ей захлопнуться, вытащил из-под своей обтрепанной брючины ло-

мик и припер им косяк. Благодаря образовавшейся щели ему стало чуточку не так страшно, хотя в нее и просачивалась туманная дымка, только вот Сид уловкой Генри остался недоволен.

— Что это ты там вытворяешь с ломом, а? Ты что, весь вечер шаркал негнущейся ногой ради того, чтобы было чем просто подпереть дверь? Дай сюда.

Генри неохотно отдал лом; его совсем не радовало то, что теперь он оказался дальше от выхода и ближе к зловещему продолговатому каменному предмету, стоящему в середине этого маленького темного склепа. Сид покапал горячим воском и прилепил свечу к полу, а потом повернулся к саркофагу и поддел его крышку. Генри попятился, услышав отвратительный скрежет железа, царапавшего по камню, и ступил одной ногой за порог склепа, с облегчением отметив, что их еще не замуровали здесь какие-нибудь сверхъестественные силы. Сид толкал массивную плиту, кряхтя от натуги, а Генри молился про себя, чтобы напарник не смог сдвинуть крышку.

— Мог бы мне помочь,— проговорил, тяжело дыша, Сид.

— Уговор есть уговор. Я взялся разобраться с замком, а ты — с телом.

— Там внутри — всего лишь гроб, он тебе ничего дурного не сделает.

— Не сомневаюсь, поскольку буду держаться от него подальше.

— Ну и ладно!

Сид яростно налег на рукоятку лома, и каменная плита угрожающе наклонилась. На мгновение он завис в воздухе, а потом крышка заскрежетала и упала на пол с грохотом, заставившим Генри подумать, что настал конец света. И в ту же секунду Сид осел с другой стороны саркофага, загасив при этом свечу. Эхо повторяло грохот, и в склепе стало черным-черно.

— Боже мой, — прошептал Генри.

— Вряд ли он тебе поможет, когда ты занят таким делом, а, приятель?

В темноте чиркнуло, и загорелась еще одна спичка. В свете пламени лицо Сида казалось красным, как у черта,

но Генри все же почувствовал себя спокойнее. Он с удивлением заметил, что не убежал, но потом понял, что просто оцепенел от потрясения. Сид зажег сломанную свечу и протянул ему.

— Держи, — велел он.

— Я не хочу на это смотреть.

— Да хочешь, хочешь. Готов поспорить, ты наполовину ради этого и пришел.

Генри не ответил, но и не стал отворачиваться, когда Сид приблизился к дубовому гробу на каменном ложе. В дрожащей руке Генри свеча мерцала. Он не сомневался, что, когда откроется гроб, оттуда вылезет омерзительный полуразложившийся мертвец и утащит его за собой прямо в ад. Ему показалось, что где-то снаружи завыла собака. Генри закрыл глаза. Дерево треснуло, а потом он услышал, как Сид простонал, а потом громко взвыл:

— Нас обокрали!

— Что? — Генри открыл глаза, но какое-то мгновение он видел лишь красное свирепое лицо Сида.

— Сам погляди! Наверняка это сделал старик Энтвистл, хапуга, ублюдок проклятый. Он все забрал. Кольца, часы и в придачу булавку для галстука. Ничего не осталось, кроме этого проклятого трупа!

Не желая верить своим ушам, Генри, со свечой в руке, подошел настолько, чтобы заглянуть в гроб. Быстро взглянул на бледные пальцы и черный галстук. Там ничего не поблескивало. Он начал браниться, а потом понял, что во все глаза смотрит в лицо покойнику.

А тот был вовсе не так ужасен, как воображал Генри. Упитанный старикан с розовыми щеками, и ничего страшного в нем не было; казалось, он прилег вздремнуть. Но затем ноздрей Генри коснулась смесь запахов цветов, химикатов и мертвого тела, и тогда он почувствовал тошноту.

А потом железная дверь за его спиной с лязгом распахнулась.

Генри заорал, выронил свечу и повернулся на звук. На фоне ночного тумана показался огромный силуэт человека, который, широко расставив руки, преграждал выход из склепа. Генри остолбенел, позабыв, какие замысловатые

страхи вызывало у него только что мертвое тело, — внезапно он ясно понял, что обречен. Кровь отхлынула от лица Генри, когда он представил себя на виселице, а в голове крутилась только одна мысль: «Я попался, попался, попался». Он едва расслышал тихий, спокойный голос стоявшего у входа:

— Нашли то, что искали?

Генри был изумлен, услышав наглый ответ Сида:

— Не, ничего тут нету. Кто-то его уже обобрал.

Зажглась еще одна спичка. У Сида вовсе не дрожали руки, а выражение его лица было нахальным.

— Принеси-ка сюда ту свечу, слышишь, Генри?

Генри потрясенно подчинился, почти поверив в то, что наглость Сида может помочь им освободиться. Но даже вторая спичка не помогла разглядеть лица темного человека у входа. А он заговорил снова:

— Эти мертвецы мои.

— Ну так милости просим к ним, — ответил Сид, подходя к двери с ломом за спиной.

Генри, будто лунатик, зашагал следом, но остановился как вкопанный, увидев лицо высокого мужчины. Бледная кожа. Длинные черные волосы спадают слипшимися прядками; губы скрыты обвисшими черными усами; вместо глаз зияют темные дыры, левую из которых рассекает шрам, идущий от брови до подбородка. Лицо было настолько лишено всякого выражения, что казалось маской.

— Это же не сторож, — услышал Генри собственный голос, — это тип из дома напротив кладбища, который говорит с призраками.

— Все равно, ему кранты, — отозвался Сид и замахнулся ломом, целясь незнакомцу в голову.

Но удар не достиг цели. Генри, замерший на месте, наблюдал, как белая продолговатая кисть руки метнулась вперед и схватила Сида за запястье, а другая рука вцепилась ему в лицо, и пальцы ее закопошились, как будто лапки белесого паука. Человек возле входа вытянул руки, как будто раскрыл дружеские объятия, но тут рука Сида оторвалась от запястья, брызжа потоком крови, и в тот же момент плоть его лица была сорвана с костей.

Генри снова уронил свечу и нырнул в темноту, в сторону двери.

Охваченный безумной паникой, он кувырком вылетел на землю и пополз сквозь желтый туман. Генри подумал о Боге. И побежал.

Дорогу преградило дерево. Генри разбил нос, и пошла кровь; два пальца у него были сломаны, но все же он встал и снова побежал.

На пути оказалось невысокое надгробие, и он налетел на него коленкой. Он покатился по мокрой траве и захныкал. Потом поднялся и, хромая, побрел дальше.

Генри не видел, куда идет, но продолжал шагать, пока его не заставила остановиться острая боль в сломанной ноге. Рухнув под памятником в виде мраморного ангела, он стал ждать своей смерти.

И она прилетела на черных крыльях.

III. Медиум

Дом возле кладбища, где обрел последний приют дядя Уильям, был настолько неприметен, что Реджиналд Каллендер и не помнил, что уже дважды проезжал мимо. Он даже почувствовал себя слегка разочарованным. Реджиналд ожидал увидеть здание либо кричаще-безвкусное, либо живописно обветшавшее и зловещее, но жилище мистера Себастиана Ньюкасла оказалось непритязательным домиком из добротного английского кирпича, построенным лет пятьдесят назад. В высоких кипарисах вокруг дома чудилось что-то траурное, но в остальном все выглядело совершенно обыденным. Все окна были темны, кроме одного, бледным огоньком маячившего сквозь туман.

Каллендер отправился сопровождать Фелицию и ее тетю Пенелопу, несмотря на преследовавшие его дурные предчувствия. Он терпеть не мог спорить с женщинами, и тем более с той девушкой, на которой рассчитывал жениться, и ему казался весьма подозрительным интерес Фелиции к этому медиуму, ведь тот, конечно же, шарлатан, а может, и преступник, умеющий сыграть на чувствах дам, потерявшихся

ших своих родных. Но Каллендера привел в замешательство тот факт, что человек, которого он уже считал своим врагом, жил так скромно. Изысканность всегда вызывала у него раздражение.

Он помог выйти из кареты тете Пенелопе, а потом Фелиции, с одобрением выслушал, как она велела кучеру подождать. Скоро он сам будет отдавать приказы ее слугам, но, пока не решены все вопросы касаемо дядюшкиного имущества, наличных денег у него было так мало, что Реджиналду пришлось уволить своего кучера, а ведь без домашней прислуги ему не обойтись, особенно без Элис. «Ей все равно скоро придется уйти»,— говорил он себе, но один лишь взгляд на Фелицию подсказывал, что жертва будет оправданной. Иногда он задавался вопросом, почему это леди сначала нужно привести под венец, а потом уже уложить в постель, но так уж в мире принято, тем более вокруг всегда найдутся девки, готовые отдаться.

Пока они приближались к дому (Реджиналд вел обеих дам под руки), за окном промелькнула бесформенная тень, один вид которой вызвал у него почти тошноту, но дамы, похоже, ничего не заметили. Он открыл было рот, чтобы снова высказать свои доводы по поводу того, насколько глупое и безрассудное предприятие они затеяли, но передумал. Он уже решил, что покажет им все сам, вот для этого он и пошел с ними. Пожилая дама была просто падка на всякие сенсации, и ее ничуть не огорчит, если обнаружится, что медиум — мошенник, но вот Фелиция увлекалась данным вопросом с некоторым фанатизмом, а это уже совсем недопустимо. Что же, сегодня ночью он будет трудиться над тем, чтобы с этим разобраться, а потом он потрудится ночью после свадьбы, и у нее появятся в жизни новые интересы. Полный решимости взяться за дело собственными руками, Каллендер постучал в дверь кулаком.

Пока он нетерпеливо дожидался, Фелиция протянула руку из-за его спины и дернула за тонкую дребезжащую цепочку, которую он до этого вовсе не заметил.

— Это звонок,— пояснила она.— Наверху ему может быть не слышно, как ты стучишь.

— Наверху не горит свет, — возразил Каллендер. — Кроме того, я видел, как кто-то спускается вниз, хотя, возможно, это лишь один из его сообщников.

— Мистеру Ньюкаслу не нужны сообщники, и свет ему тоже не нужен.

Тетя Пенелопа на время замолкла от того трепета, который вызывало у нее приближение к границам загробного мира; она лишь тихонько взвизгнула, когда дверь перед ними внезапно распахнулась.

На пороге стоял высокий мужчина с серебряным подсвечником в руке, и одинокий огонек освещал бледное худое лицо с длинными усами, обрамленное черной шевелюрой. Каллендер было содрогнулся, увидев шрам на этом лице, но потом успокоил себя тем, что это не что иное, как ловкий актерский прием, и следующие несколько минут размышлял, может ли такой шрам быть настоящим. Человек, который явно был самим Ньюкаслом, а не его слугой, молча шагнул назад и жестом пригласил последовать за ним в пустой холл, где лежал пыльный ковер с неброским узором.

В конце этого коридора располагалась двустворчатая дверь, за которой обнаружилась комната. Даже после того, как хозяин дома осветил ее своей одинокой свечой, там по-прежнему оставалось неестественно темно. Каллендер увидел, что и пол, и потолок окрашены в черный цвет, стены полностью скрыты черным бархатом, а маленький круглый стол и четыре стула с высокими спинками, стоящие вокруг него, были, похоже, сделаны из черного дерева. Медиум поставил подсвечник в центр стола и тихо стоял, ожидая, когда посетители пройдут вслед за ним в его сумрачные покои. Одежда его была такой же черной, как траурный костюм Каллендера, поэтому ясно виднелись только его руки и лицо, которые, казалось, парили в воздухе как нечто бестелесное. Когда вошли леди в своих черных плащах и чепцах, они произвели такое же впечатление, и у Каллендера не было причин полагать, что сам он выглядит как-то иначе. Как просто ввести в заблуждение с помощью обмана зрения.

Женщины сели за стол друг напротив друга, но Реджиналд Каллендер остался стоять, искоса поглядывая в сум-

рак, скрывавший глаза Себастиана Ньюкасла. Он надеялся, что под его пронзительным взглядом заклинатель духов вздрогнет, но тот оставался невозмутим, и в конце концов Каллендер сам отвернулся, причиной чего, как он пытался себя убедить, было исключительно презрение к медиуму. Реджиналд чувствовал внутри нарастающее негодование, и оно в конце концов вынудило его нарушить долгое молчание:

— Ну что же, подайте нам сюда ваши привидения, или, может, нам нужно сначала с вами за них расплатиться?

— Реджиналд!

Никогда еще он не слышал, чтобы Фелиция разговаривала таким резким тоном, и, еще не успев понять, что случилось, он уже сидел возле нее, чувствуя себя совсем как наказанный школьник. И впервые в голову ему закралась мысль, что женатая жизнь может приносить не только одни удовольствия. Тетя Пенелопа нервно хихикнула, хотя и пыталась сдержаться. Каллендера так и подмывало кого-нибудь выбранить, но он никак не мог решить, кого именно. Себастиан Ньюкасл сел за стол напротив него.

— С вас я платы за визит не возьму, мистер Каллендер, поскольку, как мне представляется, удовольствия вы не получите.

— Не знаю, мне всегда нравились фокусы иллюзионистов, но меня вам будет не так просто одурачить, как некоторых ваших посетителей.

— Мисс Лэм и ее тетушка вовсе не глупы, мистер Каллендер, но они стремятся обрести еще большую мудрость. А вам самому никогда не хотелось знать, что ждет вас в загробном мире?

— Для того чтобы нам об этом рассказали, существуют церкви, и там это делается не за деньги.

— Церкви ваши намного богаче меня, и сейчас, и в будущем, скорее всего.

— Что же, мистер Ньюкасл, сегодня вечером у вас будет возможность изменить такое положение вещей. Вот десять гиней. — Каллендер сунул руку в карман плаща и положил деньги на стол, хотя лишиться их для него было бы непозволительно. — Они ваши, если я увижу здесь что-либо, че-

му не найду объяснения. — Он выразительным жестом указал на десять гиней, но заметил, к своему изумлению, что они исчезли. — Ей-богу! — воскликнул он. — Как же меркантильны эти самые духи, сэр!

— Вы обнаружите, что они вернули деньги вам в карман, мистер Каллендер.

Каллендер пошарил в кармане и чуть было не выругался, забыв о приличиях.

— Они там? — спросила тетя Пенелопа.

— Мне кажется, что на твой вопрос за Реджиналда уже ответило его лицо, — холодным тоном отметила Фелиция. — Серьезно, Реджиналд, мы пришли сюда не для того, чтобы оскорблять человека, у которого мы в гостях, а чтобы учиться у него. Веди себя тише, хотя бы ради меня. Мистер Ньюкасл обещал, что сегодня он вызовет духов моих родителей.

— Твои родители погибли в железнодорожной катастрофе двенадцать лет назад, Фелиция, и если бы твой отец не был одним из главных акционеров той железной дороги, этого человека не интересовали бы сейчас ни ты, ни твой отец.

— Он, несомненно, ничего не сможет узнать, если ты не успокоишься и помешаешь ему проникнуть сквозь завесу.

Каллендер вспомнил о своем решении придержать язык и с сожалением осознал, что напрасно не последовал этому плану. Ведь даже тетя Пенелопа не произнесла почти ничего.

— Тишина помогает сосредоточиться, — ровным тоном сказал Ньюкасл.

Каллендер кивнул, почти незаметно, и с радостью обнаружил, что Фелиция тут же поблагодарила его, взяв за руку. Однако он был весьма опарашен, когда то же самое сделала тетя Пенелопа, а потом догадался, что на спиритических сеансах так принято. Тем не менее ему понадобилась большая сила воли, чтобы промолчать, видя, как нежные пальчики его невесты стиснула бледная рука человека с сумеречными глазами.

Четверо тихо сидели в черной комнате, и Каллендер не отрывал взгляда от медиума, постепенно оседавшего на сту-

ле. Тот уронил голову на грудь и был похож на пожилого человека, дремлющего после сытного обеда, и Каллендеру вспомнился дядя Уильям. Через несколько минут воздух стал прохладнее, и Каллендер был почти уверен, что мимо него пронесся влажный бриз, хотя видел, что ветру совершенно неоткуда попасть в эту комнату. Все же уже от одного этого он начал тревожно поглядывать по сторонам, и как раз тогда, когда он ненадолго оторвал взгляд от медиума, произошло что-то странное.

На мгновение Каллендеру почудилось, что медиум загорелся. Казалось, что из головы его поднимаются рассеянные клубы дыма, хотя они больше напоминали туман. Они как-то неестественно переплетались в воздухе, рисуя узоры. Каллендер поворачивал голову то направо, то налево, но обе женщины не испугались, и похоже было, что они наблюдают за происходящим с пониманием и одобрением. Медиум испустил стон, а голова его оказалась теперь почти скрыта плывущими язычками тумана. Казалось, он растворяется во тьме. Каллендер невольно вздрогнул и привстал со стула, но тут над столом прошумел порыв холодного ветра. Свеча погасла.

Он почувствовал, что Фелиция сжимает его пальцы все сильнее, до боли, и у него вдруг подкосились колени, так что пришлось снова сесть. Ничего не было видно, кроме извивающихся клубов тумана, который будто излучал бледное сияние. Каллендер старался убедить себя, что это трюк, какая-нибудь химическая реакция, но от вида этого дыма ему становилось не по себе, особенно после того, как из дымки начали вылепливаться черты, и был это уже не Себастиан Ньюкасл.

Это было лицо женщины. Ее губы слабо шевелились, как будто у нее не хватало сил заговорить. Непонятно откуда раздавался звук, напоминавший то шепот, то крысиную возню. Лицо двигалось и трепетало, иногда казалось, что это не женщина, а мужчина с окладистой бородой. Теперь шептали уже два голоса, один ниже, чем другой, и Каллендеру начало чудиться, что он разобрал этот шепот. Голоса снова и снова повторяли одно лишь слово: «Фелиция».

Каллендер чувствовал, что у него дрожат руки, и надеялся, что дамы этого не заметят. Фелиция подалась вперед, наискосок стола, и ее глаза излучали сияние, подобное тому, каким светился туман, и Каллендер с огорчением отметил, как пылко она устремилась навстречу этому кошмару, чем бы он там ни был, трюком или реальностью. Реджиналд надсялся, что перед ними лишь иллюзия, и ему не хотелось верить в реальность происходящего, но вместе с тем он бесился от мысли, что его смогло напугать какое-то мошенничество. Он закрыл глаза, но, не видя больше источника прерывистого шепота, ощутил еще большую тревогу от этого звука. Каллендеру уже хотелось уйти.

— Фелиция,— хором шептали свистящие голоса.— Опасайся, дочка. Опасайся ложных друзей. Здесь сидит тот, кому тебе нельзя доверять.

— О ком вы? — завороженно спросила Фелиция. И она, и ее тетя во все глаза глядели в меняющий очертания туман.

— Это мужчина! — крикнули голоса.

— Который?

— Мужчина, который тебе внушает эту проклятую ложь! — крикнул Каллендер.

Он оттолкнул назад стул и высвободил кисти рук, а колыхавшиеся в воздухе лица рассыпались сверкающим светом, а потом исчезли, оставив за собой непроглядную тьму. Реджиналд стал искать спички, а тетя Пенелопа завопила.

Каллендер чиркнул спичкой о край столешницы и поскорее зажег свечу. Женщины стояли позади него, крепко сжимая друг друга в объятиях, а на стуле медиума ссутулилась какая-то неопределенная фигура. Каллендер ожидал очередного трюка, опасаясь, что огонь может снова погаснуть, но в черной комнате лишь царило молчание. Тело Себастиана Ньюкасла оставалось зловеще неподвижным.

— Он умер? — спросила тетя Пенелопа.

— Надеюсь, да,— пробормотал Каллендер.

Он быстро подошел к сидящему на стуле и, резко схватив опущенную голову за волосы, поднял лицом к свету. И узнал черты дяди Уильяма.

Восковые веки были закрыты, но полные губы шевелились.

— Умер, — ответил дядя Уильям.

Тетя Пенелопа разинула рот, пошатнулась и оказалась в объятиях племянницы, которая ловко и проворно вывела теряющую сознание даму из комнаты, а Каллендер все стоял в оцепенении, вперив взгляд в лицо покойного родственника. Пальцы Реджиналда медленно соскользнули с головы дяди, губы которого тут же изобразили довольную ухмылку. Открывшиеся глаза тоже были глазами Уильяма Каллендера, совсем такими, как при жизни.

— Ты потрясен, не так ли, мой мальчик? Что же, вскоре тебя ждет еще несколько потрясений. Подожди, завтра тебе еще предстоит поговорить со стариной Фробишером по поводу моего завещания!

Каллендер почти не слушал, хотя весьма скоро ему пришлось припомнить эти слова. Кем бы ни было то существо, которое восседало перед ним на стуле, но своей непринужденностью и общительностью оно убедило Каллендера сильнее, чем целая армия привидений.

— Это на самом деле ты? — спросил он.

— Само собой, я!

— Ты вернулся из загробного мира?

— Да тут не так далеко и добираться, по правде сказать. Только времени много занимает, знаешь ли. Особенно у таких, как я: духовно развитым меня не назовешь. Но этот Ньюкасл очень смышленый тип, и он мне помогает. С ним шутить нельзя, мой мальчик.

Каллендер почти забыл, что беседует с привидением. Все было так правдоподобно, да и раздражал его покойный не меньше, чем при жизни.

— Фелиции опасно иметь дело с этим человеком, — сердито возразил племянник. — Ей и духи ее родителей сказали то же самое.

— Да нет же, мой милый мальчик. Они говорили о тебе.

— Обо мне? Почему это она должна меня остерегаться?

— Ты и сам не отличаешься духовным развитием, верно, Реджиналд? Слишком тебя увлекают плотские удовольствия, к тому же у тебя очень крутой нрав. И властный, конечно же. Бедной девочке ты, несомненно, принесешь одни

страдания. И, как мне ни грустно об этом говорить, на самом деле тебя интересует лишь богатое приданое. Серьезно, тебе стоит быть осторожнее. Смотри.

Дядя Уильям указал на дверь, и Реджиналд Каллендер обернулся и увидел стоявшую там Фелицию. Она, несомненно, все слышала. Каллендер почувствовал, как в горле у него поднимается кипящий поток гнева, и метнулся было, чтобы броситься на дядюшку. Но на стуле сидел Себастиан Ньюкасл, скалившийся в улыбке своими острыми зубами. В руке у него была колода карт.

— Не хотите ли вы перед уходом узнать свою судьбу, мистер Каллендер? Нет? Тогда желаю вам приятно провести вечер. — И с этими словами медиум соскользнул со стула и ушел сквозь черные бархатные занавеси, скрывавшие стены.

Каллендер торопливо подошел к невесте:

— Ты его видела? Ты видела дядю Уильяма?

Фелиция кивнула:

— Да, как и тетя Пенелопа. Мне пришлось отвести ее в карету, но, как она утверждает, для нее этот вечер прошел не зря, и все было великолепно, как никогда в жизни.

— И ты слышала, что он сказал?

— Только то, что тебе сказал мистер Ньюкасл. И поскольку он удалился, я считаю, что нам стоит последовать его примеру.

В первый, но далеко не в последний раз Каллендер задумался, не глумится ли она над ним. Но все же он был настолько сбит с толку, что взял ее под руку и почти вышел с нею из холла, но потом отпрянул от Фелиции.

— Он мошенник, говорю тебе, и я могу это доказать. — Он побежал обратно в черную комнату, не имея в голове никакого плана, но полный решимости доказать свою правоту. Бросив свирепый взгляд в пустоту, он понесся к стене. — Все это фокусы, — говорил он сам себе. — Там же занавеси!

Вцепившись обеими руками в бархат полуночной черноты, он рванул занавеси в стороны и яростно устремил взгляд в открывшийся просвет. Реджиналд был готов увидеть любое зрелище, кроме того, которое открылось ему.

Не было там ни механизмов, ни потайной дверцы. Не было даже стены. Только ночь, черная как смоль, зияющая пустота и клубы желтого тумана, скрывшие собой звезды. Каллендер покачнулся, и устоять на ногах ему помогло только то, что он держался за портьеры. На мгновение он почувствовал, будто лежит на земле, устремив взгляд в небо. У него закружилась голова.

Потом Реджиналд развернулся на каблуках, с чопорным видом вышел из дома и направился к карете, где его дожидались дамы.

IV. Наследство

Каллендер и без того не стал бы откладывать визит к стряпчему своего дядюшки, но предупреждение, услышанное от призрака, растревожило его настолько, что он встал, оделся и задолго до полудня явился в контору Фробишера и Джарндайса. Он пытался убедить себя, что ему все приснилось или это был фокус, а может, гипноз — говорят, гипнотизеры способны заставить человека увидеть все, что угодно, — но, как бы то ни было, увеселений вчерашнего вечера вполне хватило бы, чтобы любого наследника заставить задуматься о характере завещания, от которого зависит все его будущее.

Но, как оказалось, вставать рано было не нужно, поскольку ожидали Каллендера только во второй половине дня и Кларенс Фробишер решил провести утро в Канцлерском суде. Конторский служащий оставил законного наследника в полном одиночестве дожидаться в пыльной приемной Фробишера, где не было ничего интересного, — хотя, возможно, кого-то заинтересовали бы юридические издания в кожаных переплетах, стоявшие на полке. Каллендер не раз порывался выйти и пропустить рюмочку, но не попасть на прием к стряпчему было недопустимо. К тому же, по правде говоря, Каллендер суеверно полагал, что судьба окажется к нему благосклонна, если он продержится трезвым до того момента, пока не состоится эта чрезвычайно важная для него встреча.

Дремать ему, однако, ничто не мешало, и в мозгу у него было не менее туманно, чем на улицах Лондона, в тот момент, когда Каллендер, что-то почуяв, открыл один глаз и увидел, что стряпчий уже заходит. Величественность его появления нарушило лишь покашливание, предназначенное, скорее всего, для того, чтобы разбудить клиента.

Кларенс Фробишер, как Каллендер ранее уже имел возможность заметить, обладал чрезвычайно сухими манерами и в не меньшей степени потным лицом. Говорил он скрипучим голосом, отрывисто; с людьми вел себя холодно и отстраненно; при этом на лбу у него всегда блестели капли пота, глаза слезились, как будто он собирался всплакнуть, а испачканный платочек никогда не убирался слишком далеко, поскольку из носа стряпчего вечно капало. Каллендеру Фробишер никогда не нравился, но он готов был не обращать внимания на личные недостатки стряпчего ради того, чтобы поскорее заполучить имение дяди Уильяма.

Фробишер кивнул и, поправив свой выцветший черный костюм, опустился в старое, плетеное из конского волоса кресло, стоявшее за массивным столом из красного дерева, заваленным бумагами и обломками сургуча. Он глянул на документ, потянулся за гусиным пером, а потом, будто придя в себя, пристально посмотрел поверх своих золотых очков на Каллендера.

— Да, мистер Каллендер?

— Я пришел к вам по поводу имения моего дяди Уильяма.

— Что же, сэр. Вы явились незамедлительно. Даже раньше того, я бы сказал.

— Надеюсь, с завещанием никаких затруднений не возникло?

— Затруднений?

— Не было ли каких-то изменений?

— Изменений? Разумеется, нет.

Реджиналд Каллендер, человек теперь уже со средствами, позволил себе облегченно вздохнуть. Но что-то все же не давало ему покоя. Возможно, его настораживало то, что

изобразилось на влажных губах Фробишера. Будь на месте стряпчего другой человек, Каллендер заподозрил бы, что это улыбка.

— Значит, я — единственный наследник?

— Единственный наследник? Да, если можно так выразиться, да. Но придется учесть и некоторые моменты. Мой гонорар, например.

— Что же, — ответил Каллендер, преисполненный щедрости, — полагаю, ваш труд будет достойно оплачен.

— Я позаботился о том, чтобы ваш дядюшка расплатился со мной по составлении завещания.

— И больше ничего, да?

— Похороны, в соответствии с распоряжениями вашего дядюшки, должны были пройти по высшему классу. Он желал, чтобы ни на чем не экономили. «Энтвистл и Сын» выставили счет на внушительную сумму, но это мелочь по сравнению со стоимостью мраморного склепа.

Каллендер, который даже и не задумывался прежде о таких вещах, почувствовал, как сквозь пальцы утекают тысячи фунтов.

— Но, конечно же, имение достаточно велико, чтобы покрыть эти расходы, — предположил он с тревогой.

— Совершенно верно.

— И больше ничего, да?

— Ничего.

В последних произнесенных репликах было что-то, отчего Каллендер ощутил внутри пустоту. Он никак не мог избавиться от ощущения, что Фробишер с ним играет. Реджиналд смотрел на платок и думал, не прикрывает ли им стряпчий усмешку.

— Когда я сказал «больше ничего», — начал Каллендер, — я имел в виду, что на состояние моего дяди больше никто не претендует.

— Совершенно верно.

— А когда вы говорите, что имение достаточно велико...

— Я выражаюсь настолько понятно, как только умею, мистер Каллендер.

Фробишер высморкался и то ли закашлялся, то ли захрипел.

— Тогда выражайтесь еще понятнее, или чтоб вам провалиться, сэр! Сколько остается мне? Говорите же!

Фробишер убрал платок в карман и взял какой-то лист бумаги. Он бросил на него взгляд, моргнул и передал лист Калленде́ру.

— Вам, — сказал он и замолчал, чтобы откашляться, — не осталось ровным счетом ничего.

Калленде́р посмотрел на стол и начал вглядываться в структуру древесины. Узор странным образом показался ему любопытным, и внимание Реджиналда некоторое время оставалось полностью сосредоточено на столешнице; собственно, это продолжалось так долго, что стряпчий немного забеспокоился:

— Мистер Калленде́р?

— Что?

— Не хотите ли бокал портвейна?

Калленде́р издал смешок. Затем он понаблюдал, как стряпчий подошел к серванту и налил вина. Он подумал, что это очень мило со стороны старика. В голову ему ничего не приходило, только благодарность за то, что наливают выпить, но, как только он залпом проглотил портвейн, алкоголь привел его в почти вменяемое состояние. И тогда все его мысли понеслись так быстро, что у него чуть не закружилась голова.

— Ничего не осталось? — спросил он. — Что же со всем этим стряслось?

— Свои средства он растратил.

— Все? Но у него же, черт возьми, было огромное состояние!

— Так оно и было, мистер Калленде́р. Даже его неудачные инвестиции в Индии не могли бы оставить его нищим — или, лучше сказать, оставить нищим вас? В этом отношении необходимо произвести некоторые бухгалтерские расчеты, но я сомневаюсь, что прибыли, которую вы сможете получить из колоний, хватит хотя бы на приличный ужин.

— А что случилось с остальным состоянием?

— То, о чем я уже говорил. Вы и не представляете, как много пожилых предпринимателей просыпаются в один

прекрасный день и понимают, что дни их сочтены, а деньги, доставшиеся с таким трудом, почти не принесли им никакого удовольствия. Встав перед выбором, порадовать ему вас или себя, ваш дядя без колебаний предпочел последнее. Он, можно сказать, угас, на славу перед этим просияв. Женщины, само собой, а еще он много играл. Мне кажется, что если бы он выиграл, он вынужден был бы вам что-то оставить...

— Но растратить так много... — начал было Каллендер.

— На закате своих дней он стал весьма щедрым человеком. Немало денег ушло на бриллианты, и я сам помогал оформить дарственную на славный особнячок, который он преподнес одной из своих любовниц. Кроме того, он пожаловал солидные суммы некоторым слугам, и единственным условием для них было служить в доме до дня его похорон. Одного из слуг звали Бут, еще у него была горничная, ее звали, кажется, Элис. Сейчас они, должно быть, уже оставили службу.

Каллендер вспомнил, каким пустым стал его дом, — а он этого почти и не заметил, спеша посетить контору Фробишера и Джарндайса.

— Жалко, что я не выпорол ее еще сильнее, — пробормотал он.

— Что-что, прошу прощения?

— Так, ничего. Как бы то ни было, остается дом.

— Боюсь, он полностью заложен. Мне кажется, что дом он намеревался оставить вам, но ваш дядя, на удивление докторам и самому себе, прожил дольше, чем полагал, и средств у него оставалось совсем мало. Тем не менее вы сможете что-то получить, если успеете продать дом до того, как будет вынесен запрет на продажу заложенного имущества, что неизбежно произойдет. Еще, возможно, остался какой-то капитал после катастрофических убытков в Индии; как мне кажется, представитель вашего дяди уже сел на корабль, который держит курс на Англию. Некий мистер Найджел Стоун.

— Кузен Найджел! Этот полудурок! Неудивительно, что все прогорело.

Фробишер заглянул в еще один документ.

— Как я понимаю, эта должность предлагалась вам, но вы предпочли остаться в Лондоне и жить за счет вашего дяди. Или у меня неверные сведения?

Каллендер встал со стула и зашагал к двери. Распахнув ее, он обернулся, чтобы сказать свое последнее слово перед уходом.

— Я непременно буду оспаривать это завещание, — заявил он.

— И я с удовольствием взялся бы представлять вас, но настоятельно советую отказаться от этой затеи, потому что вы на самом деле единственный наследник. Проблема только в том, что все имущество было растрачено до того, как вы вступили в права наследования. Потратить на судебные издержки то малое, что вам досталось, было бы неразумно.

— Надеюсь, этот совет вы дали бесплатно, не так ли? — Каллендер в отчаянии осмотрелся. — Мне кажется, что старый выродок устроил все это мне назло.

— Ну, я бы не стал выражаться настолько резко, — высказал свое мнение Фробишер. — Мистер Каллендер! Вы забыли трость.

Каллендер развернулся в дверях и бросился обратно в приемную за своей тростью из черного дерева. Его так и подмывало с размаху сломать ее о стол Фробишера, но он вовремя остановил себя, понимая, что приобрести новую трость ему будет не по карману.

Реджинальд Каллендер отправился в ближайший паб и выпил, один за другим, три бокала чистого джина, но даже это не помогло ему избавиться от дрожи в руках. Выйдя из заведения, он зашагал к дому, где жила Салли, надеясь, что по пути успеет разобраться в своих мыслях.

Салли Вуд была, в некотором смысле, его любовницей, хотя он не питал глупых иллюзий насчет того, что лишь он один пользуется ее благосклонностью. Тем не менее он весьма гордился при мысли, что является, скорее всего, единственным из ее мужчин, с которого она никогда не брала плату. Он ей явно нравился. Каллендер испытывал удовлетворение, сознавая, что является самым изысканным кавалером из всех, с кем она встречалась в мюзик-холле. Однако, весьма вероятно, Салли видела в нем скорее пле-

мянника богатого пожилого джентльмена. Каллендер пытался представить, что она сказала бы, узнав о его бедственном положении. Говорить он ей об этом, конечно, не намерен, но весьма скоро ему будет уже непросто делать ей небольшие подарки и даже изредка водить ее в ресторан. На самом же деле сложнее всего ему будет с Фелицией; именно панические мысли о том, как ему скрыть от нее свою нищету, и толкали Реджиналда к дверям Салли.

У Каллендера был свой ключ от дома, где она жила, но, поднявшись по неосвещенной лестнице, он счел необходимым немного переждать перед тем, как заходить в ее комнату. Он осторожно прислушался — Каллендер никак не мог забыть тот случай, когда он, явившись без предупреждения, стал свидетелем сцены, которую предпочел бы не видеть; но на этот раз изнутри раздавался только женский голос, мурлыкавший обрывки песни. Каллендер постучал. Изнутри послышалось шуршание, а потом в дверях показалась Салли, *неодетая*, если не считать черного корсета, отороченного алым шелком. В руке у нее была щетка для волос с перламутровой ручкой.

— Реджи! Привет, дорогой.

Это уменьшительное имя Каллендер терпеть не мог, но раздражение вскоре растаяло в ее жарких объятиях. Окутанный облаком ее духов, он увлек Салли обратно через порог, закрыл за собой дверь и стал жадно ее целовать, а его руки медленно исследовали открытые части ее тела. Через несколько секунд Салли оттолкнула его, одновременно смеясь и пытаясь отдышаться.

— Девушки, знаешь ли, тоже *дышат воздухом*, — сказала она, — кроме того, с леди следует сначала побеседовать.

Она улыбнулась ему через плечо и села возле туалетного столика, уставленного баночками краски и пудры. Некоторое время Каллендер довольствовался тем, что, прислонившись к стене, наблюдал, как она расчесывает свои блестящие каштановые волосы. Как же Салли не похожа на Фелицию: румяная, а не бледная, пышная, а не худенькая, и начало в ней преобладало плотское, а не духовное. И он с удивлением понимал, что почему-то Салли его не устраивает, хотя и готова дать ему все, чего он только ни

пожелает; Каллендер был убежден, хотя никаких на то доказательств у него не было, что, овладев своей невестой, он сможет пережить нечто большее, чем способна ему дать Салли. Вообще-то это почти не имело значения: одно уже принадлежащее Фелиции состояние делало ее намного более подходящей спутницей жизни. Каллендеру достаточно было окинуть взглядом комнату, чтобы убедиться в этом.

Милый беспорядок, который в доме любовницы может показаться очаровательным, для жены был бы совершенно неприемлем. Покрытый пылью пол, кровать не застелена, и на всех предметах обстановки валялись груды торопливо сброшенной одежды. В целом картина напоминала, как ему представлялось, ателье портного, развороченное взрывом.

Внимание Каллендера привлекла книжонка, наполовину закрытая скомканной простыней. Реджиналд взял ее в руки и расправил мятую обложку, украшенную аляповатой картинкой: скелетоподобная фигура в плаще нависала над спящей женщиной. Летучие мыши и надгробные камни украшали собой пугающее название: «Вампир по имени Барни, или Кровавое пиршество».

— Что, Салли, читаешь дешевые страшилки?

— Девушки иногда скучают. И рассказ такой славный.

— Да это же просто дрянь.

— Может, и так, но читать увлекательно. Это про одного типа, который умер, но по ночам возвращается и пьет человеческую кровь. Он пробирается прямо к ним в комнаты, да-да, и высасывает из них кровь до капли, пока они спят. Он прокусывает им горло. — Для выразительности Салли коснулась собственной шейки.

— По мне, все это редкая пакость, — заметил Каллендер, листая книгу в поисках других иллюстраций.

— И сами они становятся вампирами после того, как он с ними расправится.

— Еще он, похоже, вколачивает в людей поленья, — произнес Каллендер, обнаружив особенно страшную картинку.

— Да нет же, Реджи. Это делается для того, чтобы раз и навсегда уничтожить вампира. В сердце ему вбивают деревянный кол, так-то. — Салли артистично положила руку на свою пышную грудь.

— Но ты же не веришь в эту чепуху, да?

— Не знаю, но тут есть о чем подумать, верно? А еще мне нравится то, что я чувствую, пока читаю. Я вся покрываюсь гусиной кожей.

— Тогда я советую тебе зажечь камин.

— А ты мне не поможешь, милый Реджи? Мне столько всего надо успеть сделать.

— Собираешься на выход?

— Вот-вот, ухожу, дорогой. А почему ты спросил?

— Потому что я знаю лучший способ тебя согреть.

Каллендер бросил книжку обратно на кровать и решительно шагнул к туалетному столику. Он зарылся лицом в кудрявые надушенные волосы Салли и взял ее обеими руками за грудь. Она выгнула спинку, прикрыла глаза и улыбнулась, почувствовав его дыхание на своем лице.

— Ты был в пабе и пил джин, да?

— А что в этом дурного? — спросил Каллендер, пытаясь расстегнуть ее корсет.

— Ты мог бы и с собой немного принести.

— Неужели сам я опьяняю недостаточно?

— Ты прав, Реджи. Так чудесно иметь богатого любовника. Чувствуешь себя особенной.

Каллендер сорвал с себя галстук.

— Но ты любила бы меня и без этого, да?

— Конечно, любила бы. Да, мои соболезнования, я слышала, у тебя умер дядя. — Она освободилась от его неуклюжих рук и быстро разделась сама.

И вскоре они оказались на кровати, и на забытую книжку про вампира по имени Варни обрушились два трепещущих тела.

V. Мертвая Комната

Короли, построившись, как на параде, стояли смирно, а человек простого сословия шагал мимо. Он был гидом, но униформа делала его похожим на солдата, и его хриплый голос, называвший каждую коронованную особу Европы, все больше раздражал Каллендера. Реджиналду уже вконец

опротивел этот назойливый человечек и тянувшиеся бесконечной вереницей восковые фигуры; эти мягкие статуи с фальшивыми украшениями начали вызывать у него отвращение еще до того, как он вошел в музей мадам Тюссо, поскольку в связи с легкой воспламеняемостью экспонатов ему пришлось выбросить последнюю из импортных сигар дяди Уильяма.

И ни до, ни после этого публичного оскорбления не случилось ничего, что могло бы смягчить гнев Каллендера. Поход в музей мадам Тюссо, на Бейкер-стрит, начался самым ужасным образом: наняв кэб, Каллендер приехал к Фелиции Лэм, но обнаружил лишь ее отсутствие. Зато тетя Пенелопа присутствовала самым навязчивым образом и кокетливо заявляла свои права на Каллендера в качестве сопровождающего, пояснив, что Фелицию четверть часа тому назад посадил в свою карету мистер Ньюкасл, тот самый медиум. Охватившее было Каллендера негодование быстро сменилось почти что паникой: он никак не мог отделаться от беспричинных опасений, что его невесту похитили и теперь ему ее больше не видать. Добираться до музея восковых фигур пришлось под аккомпанемент непрекращающейся болтовни тети Пенелопы, так что поездка превратилась в пытку.

Кульминация, которая, к удивлению Каллендера, вызвала у него лишь раздражение, оказалась сущим пустяком. Фелиция, с притворной скромностью потупив глаза, стояла в освещенном газовыми фонарями вестибюле универсального магазина на Бейкер-стрит, держась за длинную, тонкую руку Себастиана Ньюкасла. Не приходилось сомневаться в близких отношениях между ними, и Каллендер, пусть и ощущая, что дальше ничего столь значительного уже не произойдет, закипел от злости. А когда тетя Пенелопа потащила его осматривать выставку, ему показалось, что Фелиция улыбнулась ей с благодарностью. Было понятно, что за все билеты заплатил Ньюкасл, и Каллендер, по правде говоря, в этом отношении не мог предпринять решительно ничего.

Экскурсия по галерее восковых фигур для Каллендера превратилась в кошмар задолго до того, как он оказался

возле Комнаты ужасов. Экспонатов он почти не замечал, зато от его внимания не ускользнул ни один из тех взглядов, которыми обменивались его невеста и Себастиан Ньюкасл. Они, казалось, намеренно отставали от остальных, увлеченно беседовали на личные темы, в то время как Каллендер шагал вперед под напором толпы, а также тети Пенелопы — эту женщину он рад был бы удавить. Лицо Каллендера пылало, галстук душил его: может, Фелиция сознательно над ним издевается? Он так напряженно следил за идущей позади группы парой, что чуть было не сбил с ног экскурсовода, когда процессия неожиданно остановилась у двери, вход в которую преграждал шнур из алого бархата.

— Здесь мы завершим нашу экскурсию, — объявил человечек в синей форме. — То есть вы увидели основную экспозицию. Но за моей спиной, леди и джентльмены, за этим шнуром, за этой дверью, находится Мертвая Комната. Или, как ее еще выразительно называют, Комната ужасов в музее мадам Тюссо. Те из вас, кто приобрел билеты на эту необычную выставку, могут сейчас последовать за мной, но предупреждаю вас, что этот зал содержит изображения пороков и инструментов уничтожения. Здесь представлены самые отъявленные душегубы и злодеи прошлого и настоящего, а также подлинные орудия пыток и казни, в том числе и та самая гильотина, на которой расстался с жизнью король Франции. Кроме того, вы увидите изображения отрубленных голов короля и его королевы, Марии-Антуанетты, а также таких известных деятелей, как мистер Робеспьер, — все это подлинные слепки, которые непосредственно после казни выполнила своими умелыми руками мадам Тюссо, тогда совсем юная девушка, и было это более полувека тому назад. Эта выставка не для пугливых, да, леди и джентльмены, но вы предупреждены, и тех из вас, кто отважился посетить Мертвую Комнату, прошу следовать за мной.

Каллендер с некоторым удивлением наблюдал, как толпа постепенно растаяла: то ли побаиваясь, то ли жалея денег на билет, британская публика, по крайней мере в этот вечер, не склонна была любоваться ужасами. В итоге оста-

лось всего четверо посетителей, и все они были из компании Каллендера, хотя, конечно же, возглавляла группу тетя Пенелопа. Она подчеркнула этот момент, вскрикнув от восторга, когда дверь в Комнату ужасов открылась и ее пригласили внутрь.

В зале было темно, — так и задумано, решил Каллендер, — и в первый момент ему показалось, что в сумерках их поджидает толпа. Когда глаза его привыкли к потемкам, он понял, что фигуры расположены группами, как заключенные, ожидающие приговора на скамье подсудимых. Он заметил, что среди экспонатов попадаются и женские фигуры; особенно привлекла его внимание весьма пожилая дама в сером платье. В целом же все они не производили особого впечатления, тем более это были всего лишь скульптуры.

— Так вот она, знаменитая Мертвая Комната, — громко произнес Каллендер, зная, что за ним идет Фелиция. — На вид не так уж и страшно. За вознаграждение в сто гиней я с удовольствием провел бы ночь среди этих оцепеневших злодеев.

— Простите, сэр, — с улыбкой ответил гид. — Эту награду предлагает Госпожа Молва, а не мадам Тюссо, которая вовсе не хочет, чтобы после десяти часов вечера, когда музей закрыт, здесь ходили посетители. Единственным живым человеком, которому позволено проводить ночь среди этих фигур, является сама мадам Тюссо.

— И вы и вправду на такое пошли бы, Реджиналд? — потрясенно спросила тетя Пенелопа, и Каллендер почувствовал некоторое удовлетворение, хотя ему было бы приятнее услышать реакцию Фелиции. Он осмелился посмотреть назад и с удовольствием отметил, что взгляд ее бледно-голубых глаз направлен на него.

— Конечно, этот приз кто-то просто выдумал, — сказал он. — Здесь и школьника ничем не напугаешь. Что это за два типа вот там? — Он указал тростью на парочку лохматых бандитов, в кепках и рваных шарфах.

— Что же, сэр, вы начали не в том порядке, как это принято, но посетителей сегодня так немного, что последовательность, думается, значения не имеет. Это Берк и Хэйр. Подонки, обворовывавшие могилы и убивавшие лю-

дей. Они крали трупы для изучения в анатомических лабораториях, а потом начали убивать, когда свежих трупов на кладбищах не хватало. Берк был казнен в тысяча восемьсот двадцать девятом году, по доносу своего подельника. Они оскорбляли мертвых и губили живых. Подлейшие типы, и эта композиция — одна из наиболее популярных у посетителей.

Эта история, напомнившая Каллендеру кое-что из его собственного прошлого, не особенно его позабавила.

— Конечно, такие пакости давно ушли в прошлое, — отметил он. — Теперь в медицинские школы поступают все необходимые им материалы.

— Но и сейчас находятся подонки, готовые грабить мертвых, — вмешался Себастиан Ньюкасл.

Рука Каллендера против его воли потянулась к карману жилета, где лежали часы дяди Уильяма. Он снова призадумался, насколько большой силой может обладать этот медиум, но потом отбросил все свои подозрения, а также воспоминания о спиритическом сеансе. То видение было вызвано гипнозом или усталостью, а может, каким-нибудь наркотическим препаратом, но со сверхъестественными силами, конечно же, не имело ничего общего.

— Как же люди могут быть способны на такие презренные поступки, — тихо проговорила Фелиция, и Каллендер снова почувствовал, что вот-вот покраснеет от стыда. А вдруг они что-то знают?

Тут ему вспомнилась строчка из старинной пьесы, на которую однажды его затащил дядя, — что-то насчет того, что совесть делает людей трусами, — и он решил не тревожиться. Все же он забеспокоился, когда отметил, что ни Себастиан Ньюкасл, ни Фелиция Лэм не сказали ему ни слова, если не считать формальных приветствий, пока не затронута была тема ограбленных покойников. Он в отчаянии начал искать, на что можно было бы переключить внимание, и тут случилось как раз то, что нужно, хотя вряд ли он рассчитывал на нечто подобное: тетя Пенелопа заверещала.

Он посмотрел туда, куда она показывала пальцем, и глаза его ошеломленно распахнулись, увидев то, что она заметила первой. Та самая женщина в сером, почти скрытая

фигурами убийц. Она встала! Ее морщинистое лицо обратилось к неяркому газовому светильнику, глаза блеснули, и дама улыбнулась. Теперь, когда она стояла, за ней нависла гигантская тень, и Каллендер неуверенно шагнул назад, а тетя Пенелопа рухнула ему на руки. И они упали бы на пол, если бы не холодный неподвижный корпус Ньюкасла. Каллендер почувствовал, как сомкнулись на запястье его взлетевшей вверх руки пальцы медиума, и тут же понял, что ожившей фигуры боится меньше, чем этого ледяного существа у себя за спиной. Перед глазами его промелькнуло застывшее лицо Ньюкасла, суровое и полное презрения личико Фелиции и сморщенные черты пожилой дамы, будто скользившей в его сторону. Все эти лица были бледны.

— Мадам Тюссо! — произнес гид, поспешно шагнув назад, и в его поклоне отразилось раболепие. — Я не предполагал, что вы здесь!

— Вот вы меня и представили, Джозеф. Где же мне, старушке, встретить своих друзей, как не среди мертвых? Сегодня вы можете уйти пораньше, Джозеф; я сама займусь нашими гостями. Один из них меня очень заинтересовал.

Джозеф буквально бегом удалился, и Каллендер, проследив взглядом за исчезающим из виду гидом, резко повернул голову, ожидая, что пожилая ваятельница восковых фигур смотрит на него. Вместо этого он тут же обнаружил, что мадам Тюссо, моргая, всматривается в лицо Себастиана Ньюкасла.

— Мы раньше не встречались, сэр?

— Мне представляется, что я вряд ли мог, где-то встретив мадам, не запомнить ее.

— Вы любезны. Но насколько вы правдивы?

Хотя по-английски мадам Тюссо говорила бегло, все же можно было догадаться о ее французском происхождении, да и в речи Ньюкасла слышалось что-то иностранное, но Каллендер не мог понять, что это за акцент.

— Ваше лицо, как мне кажется, забыть невозможно, — сказала пожилая дама.

— А теперь вы мне льстите, — ответил Ньюкасл.

— Едва ли я имела такие намерения, но ваш шрам, простите за грубость, совершенно незабываем.

— Извините, если мой прам оскорбил ваши чувства.

— Что вы, сэр. Это я должна просить прощения, но мне кажется, что я вас помню. Тот, кто дожил до восьмидесяти семи, как я, многое успел повидать. И мне кажется, что я помню человека с таким же лицом, как ваше, или, по крайней мере, слышала о нем. Но это было так много лет назад, что едва ли вы и были тем человеком.

Себастиан Ньюкасл лишь поклонился в ответ. В Мертвой Комнате было так темно, что лиц было почти не разглядеть, так что Каллендер никак не мог догадаться, о чем думают двое беседующих, зато он прекрасно видел, как Фелиция переводит взгляд с мадам на Ньюкасла и обратно. Однако настоящим потрясением для него стало то, что тетя Пенелопа, придя наконец в себя, вырвалась у него из рук и поинтересовалась, знакомы те двое или нет.

— В Париже, в те времена, когда бушевала революция, поговаривали, — сказала мадам Тюссо, — что один чародей нашел способ жить вечно.

— Неудивительно, во времена общего смятения рассказывают много таких историй, — ответил Ньюкасл.

— Само собой, — согласилась мадам Тюссо. — А человек, о котором я говорю, был бы сейчас старше меня. Все это произошло более пятидесяти лет назад. Должно быть, это всего лишь совпадение.

— И такое, говорят, бывает, — сказал Ньюкасл.

— Он был испанцем, — продолжала мадам Тюссо, — и я многое отдала бы за то, чтобы изваять его портрет из воска, но теперь все это уже позади. Не хотите ли взглянуть на реликвии, напоминающие мне о революции? Я дорого за них заплатила.

— Чем же? — спросила Фелиция.

Увлеченно следивший за разговором Каллендер о ней почти забыл.

— Тем, что руки мои были в крови, юная леди, а еще тем, что воспоминания не покинут меня, пока еще живо мое старое тело. Я училась мастерству у моего дяди, и по приказу вождей революции мне приходилось делать восковые слепки с голов, только что брошенных палачом в корзину. Только что отсеченных вот этим орудием!

Мадам Тюссо выразительным жестом протянула руку и дрожащим пальцем указала на мрачные очертания сооружения из деревянных брусьев и веревок. Даже при таком слабом освещении скошенное стальное лезвие тускло поблескивало.

— Гильотина! — ахнула тетя Пенелопа.

Она слегка качнулась в направлении орудия казни, как будто в трансе, и уставилась на острый край. Можно было подумать, что она опасается, не рухнет ли нож гильотины на плаху, подойди она чуточку ближе. Сначала она опускала взгляд все ниже и ниже, а потом наклонилась, разглядывая экспонаты у подножия гильотины. Тетя Пенелопа напоминала Каллендеру хозяйку, разглядывающую куски в мясной лавке.

Восковые головы с упреком глядели вверх. Для негодования у них было три причины: когда отсекают головы, и так хорошего мало, но еще хуже, когда с твоей головы снимают слепок, и уже совершенно невыносимо, когда зеваки покупают билеты, чтобы на этот слепок поглазеть. Тетя Пенелопа как-то сникла под пристальными взглядами слепков. И издала странный звук.

— Мне очень нехорошо,— проговорила она.— Мне, я думаю, лучше отправиться домой.

— Нам всем пора по домам,— сказал Каллендер.

— Нет-нет, мой мальчик, я вовсе так не считаю. Мистер Ньюкасл — давнишний приятель мадам Тюссо. Отвезите меня, а остальные пусть побудут здесь еще.

Тетя Пенелопа снова начала пошатываться, вот-вот готовая упасть на руки Каллендеру; эта ее манера все больше его раздражала.

— Очень мило с твоей стороны, Реджиналд,— тактично завершила обсуждение Фелиция.— Со мной здесь будет мистер Ньюкасл, а значит, мне ничего не грозит.

Каллендеру ужасно хотелось возразить, но он понимал, что спорить тут бесполезно. Тому, кто хочет выглядеть джентльменом, ничего и не остается, кроме как вывести старую дуру на улицу и нанять для нее кэб. Стараясь сохранять хладнокровие, он неуклюже попятился к выходу, а трое оставшихся в Мертвой Комнате улыбались ему; вряд

ли ему удалось бы сдержаться, заметь он, как тетя Пенелопа подмигивает своей племяннице.

— Похоже, с возрастом разума прибавляется даже у таких, как она, — заметил Ньюкасл.

— Она на самом деле такая душка, хотя частенько и трещит без умолку. Она знала, как мне хочется остаться здесь еще немножко, но Реджиналд обязательно устроил бы какую-нибудь сцену.

— Так вы желали бы увидеть другие мои работы? — спросила мадам Тюссо.

— Нет, — поторопилась ответить Фелиция. — То есть, я хотела сказать, конечно же, но сейчас мне хотелось бы побольше узнать о том джентльмене, который, как вы рассказывали, был так похож на мистера Ньюкасла.

— Возможно, это был один из моих предков, — предположил человек со шрамом.

— Такие раны тоже передаются от отца к сыну? — спросила пожилая дама. Она протянула руку к Ньюкаслу и погладила его по щеке. — Я с удовольствием изобразила бы такое лицо в воске.

— Для Мертвой Комнаты в вашем музее, мадам? — спросил Ньюкасл.

— Мистер Ньюкасл имеет некоторое отношение к мертвым, — сказала Фелиция. — Он разговаривает с ними. Он медиум.

Ей казалось, что она должна что-то сказать, пусть ей и мешали задать интересовавший ее вопрос отчасти обыкновенная вежливость, отчасти — необычайный страх. Тех двоих объединяло некое взаимопонимание, к которому ей не терпелось приобщиться.

— А этот джентльмен из Парижа, — спросила она наконец. — Вы не помните, как его звали?

— Он был испанским грандом... дон Себастиан... не поможете мне, мистер Ньюкасл?

— Думаю, да. Конечно же, я же изучал подобные явления. Его звали дон Себастиан де Виллануэва[1], кроме того,

---

[1] Эта фамилия в переводе с испанского значит примерно то же, что в переводе с английского — Ньюкасл: «новый замок».

я припоминаю, что все его заявления по поводу собственного бессмертия не имели под собой оснований. Разве так и не было обнародовано известие о его смерти?

Пожилая дама на мгновение задумалась.

— Нашли одну девушку, почти сумасшедшую, и она рассказала, что видела, как он то ли рассыпался, как разбитое стекло, то ли рассеялся, обернувшись облачком дыма, или что-то в этом роде, так что я полагаю, что он умер. С другой стороны, знаток черной магии вполне мог устроить подобные фокусы, если ему было необходимо на какое-то время исчезнуть...

— Совершенно верно, — согласился Себастиан Ньюкасл, и Фелиция Лэм вздрогнула. Она услышала, как где-то неподалеку звонит колокол.

— Час уже поздний, — сказала Мадам Тюссо, — а я стара. Я вынуждена просить вас оставить меня одну, среди моих друзей.

— Конечно же, мадам, — ответил Ньюкасл. Из жилетного кармана он достал серебряные часы и глянул на циферблат. Корпус часов имел форму черепа. — Время позднее, музей закрывается, а человеку моей профессии недопустимо навлекать на себя обвинения в том, что задержал юную леди до неприлично позднего часа. Мы должны удалиться, мисс Лэм. Доброй ночи, мадам.

Ваятельница восковых фигур сделала реверанс, медиум поклонился, и Фелиция почувствовала, как ее торопливо уводят из Мертвой Комнаты, но, как только она вышла, Ньюкасл остановился.

— Прошу вас, подождите меня здесь. Мне нужно на пару секунд вернуться. Я забыл заплатить нашей провожатой за экскурсию.

В полумраке возле гильотины его ожидала мадам Тюссо.

— Дон Себастиан, — обратилась она к нему.

— Мадам, — ответил он. — Я надеюсь, что вы сохраните в тайне мой секрет.

— Вряд ли вам стоит рассчитывать, что о нем вскоре не узнает эта девушка.

— Это почти не имеет значения. Она станет моей ученицей. Она этого желает.

— Это она вам так сказала?

— Ей не нужно говорить, я и так все знаю.

— А много ли у вас было таких учеников за те полвека, что вы обитаете в Лондоне?

— Ни одного, — признался дон Себастиан. Он обвел пристальным взглядом восковые фигуры вокруг. — Но у меня, как и у вас, есть свои мертвецы, и находятся те, кто готов заплатить, чтобы увидеть их. Доход небольшой, но и потребности мои скромны.

— Мне кажется, что вам нужно то, чего не купишь ни за какие золотые, не так ли?

— За золотые можно порой купить больше, чем мы полагаем. А когда кое-что купить оказывается невозможно, я стараюсь ограничиться легким перекусом, так что моя жертва лишь несколько дней чувствует недомогание и вскоре обо всем забывает. И дважды из *одного ключа* я не пью никогда. Я крайне редко забываюсь настолько, что пренасыщаюсь на своем пиршестве, а когда такое случается, что же, и это поправимо.

— Для этого, наверно, нужно лекарство из дерева, да?

— Как вы проницательны, мадам.

Старушка шаркающей походкой подошла к креслу-качалке, стоявшему в углу.

— Если я за восемьдесят семь лет не научилась проницательности, то на что мне остается надеяться?

— Простите, совсем забылся, мадам. Я дважды возвращался в мир бестелесных духов, так что на земле я провел лишь на несколько лет больше, чем вы.

— И вы никогда не могли обрести покой?

— Однажды, когда в древнем мире наступил конец света, боги забрали меня к себе в рай, но через несколько столетий я воспользовался заклинанием, которое сам же и придумал, и оказался в вашем Париже. И, зная, как много существует менее приятных сфер, где случается обитать духам, я с удовольствием пребываю здесь.

Старушка откинулась на спинку кресла.

— Тогда я желаю вам доброй ночи, сэр, и — bon voyage[1].

[1] Доброго пути! *(фр.)*

— Я забыл сделать одну вещь, — сказал дон Себастиан.

Он поднял руку, и из пустой ладони покатился поток золотых гиней. Они упали в корзину, где лежало восковое изображение отрубленной головы Марии-Антуанетты.

— Красивый жест, сэр, — сказала мадам Тюссо, — только хорошо бы, голова в корзине не пострадала!

— Да как бы я мог осмелиться ее повредить, мадам. Вы же настоящий художник!

VI. Гость из Индии

Реджиналд Каллендер сидел в дядюшкином кабинете, и на столе перед ним стояла последняя бутылка бренди из запасов дяди. Реджиналд по-прежнему считал то немногое, что у него еще было, дядюшкиным, поскольку самому ему в наследство не досталось ничего. Из дома уже вынесли почти все, что оставалось. Обстановку продали торговцу мебелью, чтобы добыть хотя бы немного наличных. У Каллендера не было способностей ни к какому делу, он только понимал, что его обвели вокруг пальца, но ему было уже все равно. Работники, выносившие проданную мебель, оставили ему его кровать да еще убранство вот этой комнаты, где он прятался, пока опустошали дом, принадлежащий ему по праву рождения.

Он совершенно не представлял, который час. Тяжелые бархатные шторы не давали проникнуть в комнату солнечным лучам, а дядюшкины часы он уже успел заложить, как и все остальные вещи, вытащенные из гроба. Выгода от совершения преступления, если его все же таковым считать, оказалась для Каллендера огорчительно малой. Он налил себе еще. Бокал был грязный, бутылку, долго хранившуюся в погребе, покрывал слой пыли. Он лишь терялся в догадках, как же чистят такие вещи. Это, как и загадочные процессы приготовления пищи и стирки одежды, было для него так же неведомо, как тайна загробной жизни. Он умел только курить и браниться, напиваться и мечтать, но даже из этих занятий на два требовались денежные средства, которыми он не располагал.

А в мечтах, как бы его это не бесило, ему виделась Салли Вуд. Он проклинал себя за это. Отныне, памятуя о собственной выгоде, он должен, как никогда, плясать на задних лапках перед Фелицией Лэм, в чьих изящных ручках, несомненно, находилась теперь его судьба. И все же в сумерках перед его глазами возникало лицо Салли, и ее глаза с тяжелыми веками, ее пухлые губы привлекали его не столько красотой, и тем более не искренней любовью, но тем ощущением власти, которое наполняло его, когда она стонала в его объятиях. С ней он мог бы снова почувствовать себя мужчиной, а не дрожащей тварью, насквозь пропитанной алкоголем, — а именно таким он становился, видя, как ускользают от него его невеста и его состояние. Все же пойти к любовнице означало рискнуть всем остальным, так что он предпочел вместо этого выпить еще бокал.

Бутылка чуть не выпала из его дрожащей руки, когда он услышал громкий стук, раздавшийся в доме. Он так и оцепенел на стуле, ошеломленно теряясь в догадках, но тут звук донесся снова, и он понял, что кто-то громко стучит на улице в его дверь. Сначала он решил не обращать на это внимания, но посетитель был так настойчив, что Каллендер наконец заставил себя подняться и на отказывающихся подчиняться ногах спуститься в холл. Пустой дом, лишенный привычного убранства, напомнил ему жилище Себастиана Ньюкасла, и Каллендер почти не удивился бы, увидь он на крыльце зловещего медиума со шрамом на лице.

Но у входа стоял незнакомец, полный, краснолицый тип с седеющей шевелюрой, одетый по моде десятилетней давности. Кроме того, сшито все это было на человека значительно более стройного. В левой руке он держал небольшую дорожную сумку, а правой как раз собирался снова постучать, и тут Каллендер распахнул тяжелую дубовую дверь.

Двое уставились друг на друга сквозь туманную серую дымку — Каллендер с трудом догадался, что на улице сумерки, — и незнакомец наконец заговорил:

— Реджи?

Каллендер был еще не настолько пьян, чтобы позабыть собственное имя, так что из этой реплики не извлек для себя ничего интересного.

— Как меня зовут, я, черт возьми, знаю, сэр, а вы-то кто такой?

— Ты не узнаешь меня?

— Я же уже сказал, чтоб вам неладно было! Проваливайте!

Человек, стоявший среди тумана, выглядел теперь искренне обиженным.

— Я же твой кузен! — воскликнул он. — Найджел! Найджел Стоун!

Каллендер покачнулся в дверном проеме и заморгал, глядя на посетителя.

— Стоун? Из Индии?

— Правильно. Вот я и вернулся наконец. Как там дядя Уильям?

— Умер.

— Умер? О боже. Мои соболезнования.

— Да, — сказал Каллендер. — Что же, заходи.

Каллендер, пошатнувшись в дверном проеме, неуверенно шагнул назад в дом. Кузен последовал за ним, и Каллендер наконец заметил, что в доме царит непроглядная тьма. Найджел Стоун с минуту молча осматривался.

— Послушай, приятель! Здесь же остались только голые стены!

— Да. Да. Это все слуги.

— Слуги?

— Они самые. Слуги. Пока я был на похоронах, они и их сообщники обобрали весь дом и все вывезли.

— Господи! Что же за твари эти слуги! У нас там были такие темнокожие типы, за которыми нужно смотреть соколиным глазом, а иначе обворуют. И останешься гол как сокол, да? Почти скаламбурил.

— Мне не смешно, кузен.

— Ну да, конечно же, прости.

— Пойдем лучше в кабинет. Следуй за мной, сюда.

Первым, что бросилось в глаза Стоуну в этой комнате, была бутылка бренди, по обеим сторонам от которой горе-

ли две свечи, прилепленные воском прямо на столешницу массивного стола. Каллендер уселся на стул, стоявший за столом, и поднял бокал. Он так торопился занять место, что неучтиво позабыл предложить сесть кузену.

— Скажи мне, кузен Найджел, как идут дела в Индии?

— Не особенно удачно, к сожалению. Поэтому дядя Уильям и вызвал меня сюда.

— Да? Но насколько все плохо?

— Просто отвратительно, если хочешь знать, дорогой приятель. У меня нет ни фартинга[1].

— И не осталось совсем ничего? — спросил Каллендер. Глаза его блеснули в свете свечей, и он осушил бокал.

— Есть несколько ящиков с тканью, они прибыли на моем корабле. Их должны доставить сюда утром, но это все, что мне удалось спасти. Все до последнего пенса потратил на обратную дорогу. Ах нет, вру. У меня еще есть полкроны[2]. Видишь?

— Да ты просто болван!

Каллендер выскочил со стула и через стол схватил Стоуна за воротник. Он потащил кузена на себя, так что погасла свеча, а бутылка полетела на пол и разбилась. Стоун сначала от потрясения только замычал, но когда его стали бить об столешницу, старший из кузенов вырвался и оттолкнул пьяного агрессора так, что тот полетел в другой конец комнаты. Каллендер упал на пол и так и остался лежать, закрыв лицо руками и всхлипывая.

Его кузен стоял, опираясь на край стола, и тяжело дышал. Ему очень хотелось выпить, и он жалел, что бутылка разбилась.

— Все равно она уже пустая, — пробормотал он. — Послушай, Реджи! С тобой все в порядке?

Он неуверенно направился к телу, трепыхавшемуся на ковре.

— Это же не моя вина, на самом деле. Так сложились обстоятельства. Ты же понятия не имеешь, что там творит-

---

[1] $^1/_4$ пенни.

[2] Крона составляла 5 шиллингов, шиллинг равен 12 пенсам. То есть у Стоуна монетка в 30 пенсов.

ся. То бунты, то грабежи, то убийства. В этой стране кругом одни сумасшедшие и фанатики. Мне еще повезло выбраться оттуда живым!

Каллендер вдруг сел на полу, так внезапно, что его кузен отпрянул.

— Какое мне дело до твоей жизни? — завопил он. — Мне деньги нужны!

— Как это? О чем ты говоришь, старина? Ты-то, должно быть, купаешься в золоте. Ты же его наследник, верно? Мне, я не сомневаюсь, он не оставил ничего, я же принес ему такие убытки!

Каллендер как-то странно посмотрел на Стоуна.

— Что? Его наследник? Ну конечно же, я его наследник. — Он гаденько хихикнул. — Но деньги... деньги я еще не получил. Эти проклятые стряпчие все затягивают, так что я смогу хоть что-то получить только через несколько недель. Ты же видишь, в каком я состоянии.

— Ты и правда выглядишь не очень хорошо, дорогой приятель, — сказал Стоун, помогая Каллендеру снова сесть на стул. — Мне грустно все это слышать, понимаешь. У нас обоих такие неприятности. А я так надеялся, ну, что смогу здесь немного пожить, пока не удастся снова встать на ноги, и вот... Я могу дать тебе взаймы полкроны...

Оба кузена рассмеялись, Стоун с искренним весельем, Каллендер — хрипло и с горечью, которая послышалась и в предложении, которое он затем сделал:

— Думаю, ты можешь у меня остаться, кузен, если готов обходиться малым.

— Обходиться малым? Да я только этим и занимался последние десять лет. Мы же отлично поладим, да? Так что выше голову! Все же решится через несколько дней.

— Дней? — спросил вдруг Каллендер. — А какой сегодня день? И который час?

— Что? Сегодня четверг, да. А на последних часах, мимо которых я проходил, было шесть с небольшим, по крайней мере, насколько мне удалось разглядеть в этом чертовом тумане.

— Четверг, шесть часов! Проклятие! Через час я должен ужинать с моей невестой.

— С твоей невестой! Да ты везунчик. Подумать страшно, я вот тебя застал в таком состоянии. — Стоун замолчал и подверг кузена внимательнейшему рассмотрению. — Знаешь ли, старина, ты сейчас не готов встречаться с леди, что там, даже и с констеблем. Тебе надо по крайней мере умыться и побриться.

— Побриться? — рявкнул Каллендер. — Такой-то рукой? Проще сразу перерезать себе горло, и все.

Он протянул руку к лицу Стоуна, и тому стало видно, как дрожат у кузена пальцы.

— Понятно. Это у тебя трясучка. Что же, мы найдем другой выход. Я, пожалуй, с работой брадобрея справлюсь, и у меня в сумке лежит бритва. Вода у тебя есть, да? И полено в камин. Мы должны вернуть тебе бодрость духа, кузен. Я намерен потанцевать у тебя на свадьбе.

— Если свадьба будет.

— Что? А тут не все гладко?

— Весьма и весьма. Я почти что боюсь потерять ее. Этот чертов спирит!

— Неужели? Кто-то пытается ее у тебя увести? Мы этого не допустим.

— До этого, как мне кажется, дело не дошло, — сказал Каллендер. — Пока не дошло, по крайней мере. Но он в некотором роде имеет над ней власть, забивает ей голову историями о привидениях, духах и потусторонних мирах. Я не знаю, как с этим бороться, но чувствую, что из-за него она переменилась.

Каллендер и представить не мог, что лицо Найджела Стоуна способно принять настолько мрачное выражение.

— Плохи дела, — сказал Стоун. — Худо, когда балуются с духами.

— Ты-то об этом что можешь знать? — с издевкой спросил Каллендер.

— Я не зря провел десять лет в Индии, кузен. Пусть я и не заработал на этом денег, но зато кое-что узнал. Вся эта страна так и кишит всякими суевериями, но кое-что может быть и не просто пустыми предрассудками. Люди с ума сходят, все потому, что верят в призраков и демонов.

Они убивают друг друга и самих себя, а некоторые становятся жертвами чудовищных заклятий.

— Чепуха.

— Вовсе не чепуха, скажу я тебе! Такие вещи действительно случаются, кузен, но даже если бы их и не было, уже от одних только мыслей о них душа и тело могут пострадать самым ужасным образом. Мы должны как-то помочь этой девушке, пока еще не поздно.

— Тогда это сделаешь ты, — сказал Каллендер. — Когда я пытаюсь об этом говорить, она только смеется надо мной.— Он помолчал, разглядывая Стоуна с внезапно пробудившимся интересом.— Смотрю на тебя, и кажется, что от хорошего ужина ты бы не отказался.

— Это верно.

— Тогда составь мне сегодня компанию, а? Посмотрим, может, тебе и удастся выбить у Фелиции из головы эту ерунду, пока не поздно. А я всегда лишь достаюсь на растерзание ее несносной тетке.

— Так у нее есть тетя?

— Да. Это старая дева, она примерно твоего возраста, кузен, но ни о чем таком даже и не думай. Она совершенно несносна. Занимайся племянницей. Но, пока мы еще здесь, ты помнишь, где расположен винный погреб дяди Уильяма?

— Где-то внизу, да?

— Вот что я придумал. Спустись за бутылкой портвейна, а? А потом очередь дойдет и до камина, воды и бритвы, как ты считаешь?

— Как скажешь.

Найджел Стоун на мгновение замялся, поскольку Каллендеру вино было уже явно ни к чему, но пришел к выводу, что самому ему не помешает капельку выпить, и это послужило достаточным оправданием для похода в погреб. Оглянувшись напоследок, он приступил к выполнению первого из заданий.

Стоун взял на себя роль бесплатной прислуги обедневшего кузена, надеясь при этом, что родственник вскоре станет богат.

Во время ужина, который мог бы получиться очень приятным, Стоун упорно твердил самому себе, что та малая

толика спиртного, которую они распили с кузеном, не сыграла почти никакой роли. Реджиналд Каллендер, наливавший себе из каждого графина, попадавшегося ему на глаза, напился в стельку и вел себя все более и более сумасбродно, что мешало Стоуну в полной мере насладиться едой, напитками и общением.

Фелиция Лэм показалась Стоуну хорошенькой, как картинка, но при этом и не более, чем картинка, общительной. А вот тетя Пенелопа, бойкая дамочка, похожая на птичку, не только следила за тем, чтобы его тарелки и бокал не оставались пустыми, но и из вежливости, а может, и благодаря своему отличному вкусу не оставляла без внимания ни одного его слова. Для человека, долго прозябавшего вдали от изысканного общества, встретить за ужином такую даму было огромной радостью, а обстановка оказалась воплощением его мечтаний о роскоши, которой он в доме дяди Уильяма не увидел. Стоуна тянуло на откровенные разговоры, но он не забывал и об обещании, которое дал кузену.

— Как я понимаю, вы интересуетесь спиритизмом, — сказал он Фелиции.

— Да, — спокойно ответила она.

— Не приходило ли вам в голову, что это может быть опасно?

— Опасно? Чувствуется, что вы в родстве с мистером Каллендером, сэр. Я отказываюсь признать, что в моем стремлении к познанию таится угроза для меня.

— Отказываетесь? Возможно, вы и правы. Мне не хотелось бы возражать леди, но я в Индии повидал кое-что такое, отчего любой станет осмотрительнее. Да и любая тоже.

— Расскажите же нам об этом, мистер Стоун, — проворковала тетя Пенелопа. — Это должно быть очень увлекательно.

— Да, — вмешался Каллендер. — Еще и познавательно. И ты послушай, Фелиция.

Было заметно, что его невеста напряглась, видя, как он неловко наливает себе еще бренди. На скатерть попало не меньше, чем в его бокал.

— Так вот, — смущенно начал Стоун, — Мне не хотелось бы придавать всему этому излишнюю важность. Кое-

что из того, что там творится, просто шутовство, наверное. Вот, например, подбросят в воздух веревку, а потом по ней залезают вверх. И в этом нет ничего дурного, если, конечно, веревка не порвется, да? — Он засмеялся, но присоединилась к нему лишь тетя Пенелопа. — Мне кажется, что это не более чем фокус. Я хочу сказать, что некоторые, начав с таких вот штучек, переходят к другим вещам, которые могут оказаться весьма опасными. Они решают, что им помогают их боги, ju или духи, и спокойно расхаживают по раскаленным углям и ложатся на скамьи, утыканные железными шипами. Своими глазами видел! Похоже, что эти люди остаются невредимыми, но что будет, если что-то пойдет не так? Если духов не окажется поблизости, когда этот тип решит прилечь вздремнуть? Что тогда?

— Меня определенно не интересуют железные шипы, мистер Стоун, — сказала Фелиция.

— Конечно, моя милая юная леди, не интересуют, я и не сомневаюсь. Но и этих людей когда-то шипы не интересовали. Понимаете, к чему я веду? Никто не рождается с такими мыслями в голове, но потом некоторых постепенно к этому подводят.

— Он прав, Фелиция, — сказал Каллендер. Говорил он невнятно.

Она не удостоила его своим ответом.

— Так, значит, такие вещи случаются на самом деле? — спросила тетя Пенелопа.

— Откуда мне знать, черт меня побери. Ах, простите. Собственно, я имею в виду, что не так и важно, случается это или нет, поскольку есть люди, которые в такие вещи верят. Взять, к примеру, душителей.

— Душителей? — заинтересовалась тетя Пенелопа. — Это какие-то чудовища?

— Всего лишь люди, но я полагаю, что их можно назвать и чудовищами. В эту секту убийц входят мужчины, женщины и дети. Целые семьи, целые деревни, а может, и целые города, и все помешались на своей вере в духов мертвых и в какую-то богиню, которая толкает их на убийства. Они нападают на путешественников. Однажды уничтожили большой караван, в котором и я бы находился, если бы перед

этим не приболел; он будто сквозь землю провалился. Лорд Бентинк[1], как я слышал, повесил немало этих душителей, но их, можно не сомневаться, осталось еще больше. Вот что бывает, когда слишком много думают о мертвых!

— Я всего лишь хочу научиться у мертвых их тайному знанию, — сказала Фелиция, — а не приумножить их ряды.

— Мертвые ничего не знают! — проревел Каллендер. — Учись у меня! Жизни!

— Право, Реджиналд, — спокойно проговорила Фелиция. — А учиться надо на твоем примере?

— На примере? А какой пример подают мертвые? Лечь и умереть самой, так я понимаю? — Каллендер, пьяный и рассерженный, уже начал подниматься со стула, когда тактично вмешалась тетя Пенелопа.

— Прошу вас, мистер Каллендер. Давайте дослушаем мистера Стоуна. И ты помолчи, Фелиция. Неучтиво пререкаться с гостем, который проехал полмира, чтобы рассказать нам о своих приключениях. Продолжайте же, мистер Стоун.

— Благодарю вас, милая леди. Я хотел сказать, что если духи существуют и нам удастся их вызвать, то неизвестно, что из этого выйдет. Если есть духи, то некоторые из них наверняка злые, вам не кажется? В Индии ходят легенды об одном злом духе. Его зовут Байтал, или Ветала, что-то в таком роде. Он каким-то образом проникает в трупы и заставляет их двигаться и вытягивает жизненную силу из всякого живого существа, к которому прикасается. Что, вам хочется вызвать что-то подобное? А получится ли уложить его потом обратно?

— По описанию похоже на вампира, — предположила Фелиция.

— На вампира? А, вы имеете в виду ту старую книгу, написанную лордом Байроном. Я читал ее мальчишкой. Волосы дыбом вставали. Мне кажется, там почти о том же.

— Простите, я вам возражу, — сказала Фелиция чрезмерно любезно, — «Вампира» написал врач лорда Байрона, док-

[1] Губернатор Индии. Секта была уничтожена в 1825 году, то есть за 22 года до описываемого разговора.

тор Полидори. Я знаю одного джентльмена, который был знаком с ними обоими.

— Да? Вы, без сомнения, правы. Я не особенно разбираюсь в литературе.

— Она слишком много читает, — пробормотал Каллендер, но на него никто не обратил внимания.

— Или взять, к примеру, расхитителей гробниц, — продолжал Стоун.

— Кого? — возмутился Каллендер.

— Расхитителей гробниц. Не таких, как у нас здесь, не простых кладбищенских воришек. Индийские расхитители гробниц — это такие твари, которые раскапывают могилы и поедают то, что в них находится.

— Какой ужас! — Тетя Пенелопа жизнерадостно вздрогнула.

— Конечно же, мы и сами едим мертвых существ, не так ли? Я надеюсь, что барашек, из которого приготовлено вот это великолепное блюдо, погиб не зря, а?

— Ах, мистер Стоун, — засмеялась тетя Пенелопа. — Какой же вы нехороший, нехороший человек.

— К чему все эти разговоры о расхитителях гробниц? — Реджинальд Каллендер уже стоял, держа в руке бокал, до краев наполненный бренди. — Видите, чем она занимается? — крикнул он. — Она превращает всех нас в расхитителей гробниц! — Он резко повернулся к Фелиции и расплескал бренди прямо на ее платье.

— Проклятие! — воскликнул Каллендер, схватил салфетку и энергично приложил ее к корсажу своей невесты.

— Руки, сэр! — закричала Фелиция.

— Мистер Каллендер! — ахнула тетя Пенелопа.

— Вот так раз! — произнес Найджел Стоун.

Фелиция Лэм вскочила и подобрала юбки.

— Мне кажется, нам всем пора уже быть в постели, — сообщила она. Ее лицо, обычно бледное, сейчас порозовело.

— Отлично! — проревел Каллендер. — Пойдем же все вместе спать!

Фелиция, высоко подняв голову, с достоинством удалилась из комнаты. Каллендер грубо рассмеялся и откинулся на стуле, плохо понимая, где находится.

— О боже, — проговорила тетя Пенелопа.

— Пора домой, старина, — сказал Стоун, поднимая на ноги отключившегося Каллендера. — Прошу прощения, мисс Пенелопа. Он так тяжело пережил кончину нашего дяди.

— Доброй ночи, мистер Стоун. Надеюсь, вы к нам еще зайдете.

— С преогромным удовольствием, — ответил Стоун, крякнул и, пятясь, потащил свою тяжелую ношу к выходу. — Доброй ночи.

Найджел Стоун сам не заметил, как оказался на улице. Казалось, они идут по морю. В этом густом желтом тумане Лондон походил на потусторонний мир, и в неясном свете уличных фонарей ничего не удавалось разглядеть, кроме самих этих светящихся точек. Его кузен держался на ногах, но почти ни на что другое был не способен. Из дома дяди Уильяма они пришли сюда на ужин пешком, и Стоун понимал, что идти им недалеко, но он и сам был в некотором подпитии, так что не вполне ориентировался.

Он просто мечтал взять кэб, сомневаясь, что сможет отыскать обратную дорогу. Каллендер несколько раз произнес имя Салли, но это лишь еще больше сбило с толку его кузена.

Переводя Каллендера через перекресток, Найджел Стоун услышал лошадиное фырканье и потащил свою ношу назад, так что они оказались всего в нескольких футах от дома Фелиции Лэм. Позже он внушил себе, что не заговорил с кучером потому, что вспомнил: им нечем расплатиться. Но на самом деле его решение было принято еще до того, как он подумал о кошельке, и остановила Стоуна зловещая внешность кучера. Тот был худощав и бледен, глазницы его казались темными дырами, а по левой половине лица шел чудовищный шрам.

VII. Обрученная со смертью

Фелиция Лэм дождалась, пока старые часы на первом этаже не пробили полночь, и лишь тогда она решилась встать с кровати, скрытой балдахином, и начать одеваться.

На сборы ей пришлось потратить некоторое время, но Фелиция желала сделать все с особой тщательностью, в преддверии долгожданной встречи с неведомым.

Не взяв ни лампы, ни свечи, она тихо открыла дверь своей спальни и прокралась в темный холл: прожив в этом доме столько лет, она могла найти дорогу и в темноте. Фелиция боялась лишь того, что ее могут услышать и что тетя или даже прислуга могут попытаться оградить ее от того, что кому-то представляется опасным, тогда как сама она понимала, что желала познать это с самого рождения. Чтобы ничем не нарушить тишину, она шла босиком.

Она поспешно спустилась на цыпочках по покрытым ковром ступенькам, держась за перила, чтобы ступать как можно легче, а затем уверенными шагами прошла через холл к двери, через которую можно было попасть в мир, лежавший за пределами родительского дома. Нащупав задвижку, она давно отработанным движением отодвинула ее и открыла дверь. Навстречу ей устремился желтый туман, и она шагнула в его объятия. Вытащив спрятанный на груди ключ, она заперла за собой дверь, чтобы не подвергать опасности тех, кто остался в доме. После этого она шагнула на укрытую саваном тумана улицу и укуталась в плащ с капюшоном.

Карета ждала в условленном месте. Ни Фелиция, ни кучер не произнесли ни слова, и обернутые войлоком копыта лошадей ступали беззвучно. Ни малейший шум не потревожил спящего Лондона, пока по улицам катилась эта карета, безошибочно державшая курс в море непроницаемого тумана.

Фелиция по-прежнему сжимала в руке ключ, но после того, как экипаж несколько раз свернул за угол, она швырнула его в сточную канаву. Никто не узнает, от какой он двери, а сама она никогда более не собиралась им пользоваться.

Спокойно откинувшись на сиденье, она стала ждать, когда приедет, не глядя даже в окошко. И вот карета мягко остановилась. Фелиция не колебалась ни мгновения. Она тут же вышла и оказалась в непроглядных клубах тумана, то ли сошедшего из рая, то ли поднявшегося из ада. Будто

материализовавшись из тумана, возле нее возникла фигура, которая повела ее к дверям и внутрь, в темноту. За спиной Фелиции закрылись двери.

Вдвоем они прошли вперед по коридору, в конце которого виднелась светящаяся сфера. Фелиции казалось, что она видит все это во сне. Сфера оказалась сияющим хрустальным шаром, стоявшим на столе из черного дерева, на противоположных концах которого располагались два стула. Бледный желтый свет падал на шторы из черного бархата. Фелиция находилась в кабинете Себастиана Ньюкасла, а сам он стоял возле нее.

Отойдя от девушки, он уселся за дальним концом стола, и слабый огонек осветил его лицо.

— Не могли бы вы снять плащ и сесть за стол, мисс Лэм?

Фелиция не сделала ни того ни другого. Она колебалась, внезапно что-то заподозрив.

— Разве вы это мне обещали? — сказала она. — Всего лишь еще один сеанс?

— А не лучше ли будет поступить именно так? Вы еще многому можете научиться, оставаясь такой, как вы есть, но предостаточно и вещей, которые вы и сами предпочтете не знать.

— Значит, вы мне солгали, сэр?

Огонек, освещавший лицо Себастиана Ньюкасла, задрожал и померк.

— Не лучше ли вам еще подождать, Фелиция? То, чего вы ищете, придет достаточно быстро, а длиться будет вечно.

— Ну что ж, тогда другой сеанс? Вы вызовете для меня мертвых? Сможете ли вы вызвать тень любого, кого я назову?

— Я сделаю, что смогу.

— Тогда вызовите для меня дух мага. Повелителя тьмы, научившегося быть могущественнее самой смерти и не думавшего о том, какую цену за это придется платить. Вызовите мне дух своего двойника, дона Себастиана де Виллануэва. Можете ли вы сделать это, мистер Себастиан Ньюкасл? Осмелитесь ли вы?

— Я могу сделать это, но осмелитесь ли вы мне позволить?

— Разве я не сама об этом попросила?

— Это так, — сказал он. — Вы просили об этом так часто, что отказать вам уже нельзя. Но при всем при том виноват буду только я.

— Я освобождаю вас от ответственности, — заверила Фелиция Лэм.

— Вы говорите совсем как ангел, которым так пылко желаете стать, — произнес Себастиан, и в голосе его послышалась чуть ли не жестокость. — Садитесь, окажите мне такую любезность.

— Не стоит надеяться, что ваш резкий тон сможет отпугнуть меня, ведь мы уже зашли так далеко, — сказала Фелиция.

— Нет, вас не устрашит ничто, кроме того, что вы не в силах изменить. Но когда этот ужас придет, хватит ли у вас храбрости выносить его или же положить ему конец?

— Я, несомненно, смогу сделать либо одно, либо другое, — ответила она, садясь за стол. — Начнем же.

— Я предостерегаю вас, потому что волнуюсь за вас, — сказал Себастиан.

— Я вам верю, — ответила она. — А теперь покажите мне, кто так обо мне волнуется.

Она потянулась, чтобы коснуться его холодной руки, но он отодвинулся. Себастиан не произнес ни слова. Он скрестил руки перед лицом, и свет в хрустальной сфере моментально погас. В комнате, и без того темной, стало чернее смоли.

Фелиция пристально смотрела вперед, положив руку на сердце, и ей было очень страшно, но в этом она не призналась бы даже под пытками. Что-то должно было произойти, и она этого давно желала, но вместе с тем ей почти с ужасом думалось, что сейчас ее изнасилуют в темноте и убьют. Но не об этом ли она просила?

Она предполагала, что ей будет видение, но вместо этого услышала голос. Он, пожалуй, мог бы быть человеческим, да почти им и был, если бы не напоминали так звериный предсмертный вой эти бессмысленные слоги, разда-

вавшиеся низким эхом. В конце прозвучал крик — глухая песнь страдания.

Внезапно из мрака возникло лицо Себастиана. Плоть излучала бледное голубое сияние гниения. Пожирающий огонь разгорался все ярче и наконец стер все черты, оставив лишь сияющий серебристый череп. Он заговорил с ней:

— Что может быть хуже смерти, о любимая? Спасайся от нее!

Во рту, который произносил это, сверкали сверхъестественно острые зубы, похожие на острия мечей. Череп издал вопль, а потом вспыхнул. Тусклый, заржавевший клинок обрушился с потолка и отсек череп от чего-то, на чем он до этого держался. Огонь вспыхивал теперь холодным голубым пламенем, а череп катился по столу к Фелиции; в пустых глазницах запузырилась какая-то блестящая масса, а на сияющей поверхности серебряного черепа прорастали прядки черных шелковистых волос.

Голова упала Фелиции на грудь. Вдруг оказалось, что девушка обнимает Себастиана. Черная комната начала переливаться серебром.

— Я тот, кого ты ищешь, — сказал он. — Отвернись.

Фелиция отпрянула от него и встала, а он так и остался стоять на коленях, положив голову на подлокотник черного стула. Он повернулся к ней, надеясь уже, что она убежит от всего того, что он ей может предложить. Она же глубоко вдохнула, откинула с лица темный капюшон, а потом сбросила скрывавший ее фигуру плащ.

— Я та, кого ты ищешь, — произнесла она. — Неужели ты воспротивишься моему желанию, да и своему собственному?

На ней было белое свадебное платье, но даже этот шелк не мог, кажется, соперничать в бледности с ее кожей, светлой, как слоновая кость.

В этом платье сорок лет назад венчалась ее мать; в те времена мода была изящнее и вместе с тем проще. Руки Фелиции были обнажены, плечи тоже, да и груди были почти что открыты, — шелк был уложен под ними в сборки и ниспадал мягкими складками; подол слегка касался пола из черного дерева. Фелиция не осмелилась бы так одеться

никогда, и лишь в свою брачную ночь она решилась; сейчас она наслаждалась собственным бесстыдством. Свечение вокруг нее посеребрило и шелк, и ее кожу, и ее светлые глаза, и пепельные волосы.

Черный силуэт Себастиана скользнул к ней.

— Судьба, — тихо проговорил он.

Он схватил ее почти жестоко. Она почувствовала, как ее шеи коснулось его холодное дыхание, а его ледяные пальцы погрузились в струящиеся пряди ее волос. Она выгнула спину, так что перед ним оказалась ее бледная шея, но Себастиан прижал ее к себе и отвернулся.

Он заговорил, не глядя на нее:

— Я стал тем, что я есть, ночным обитателем, вкушающим кровь, потому что не мог умереть. Но зачем тебе, молодой женщине, у которой впереди еще столько лет жизни, отвергать самый драгоценный дар, данный всем земным тварям?

— Для того, чтобы побольше узнать о творце. — Протянув руку, она коснулась его плеча.

— Пусть ты не тревожишься о самой себе, но подумай о своих друзьях. Подумай о своей семье.

— Друзей у меня нет, — ответила Фелиция. — Что касается родных, то те, кого я больше всего люблю, ушли раньше меня. А тетя Пенелопа, как мне кажется, утешится тем, что ей достанется мое состояние.

— А молодой человек?

— Ты же видел, каков он на самом деле. Жаль, что Господь не дал мне этого понять раньше.

— Так неужели тебе нечего желать от этого мира?

— Я хочу лишь избавиться от него.

— Тогда хотя бы прими настоящую смерть, — сказал Себастиан, — и я поведу твой дух так же, как и души тех, кого ты видела, тех, кто сбился с пути. Прими яд, перережь себе горло, прыгни с высокой башни, сделай все, что хочешь, только не навлекай на себя это проклятие. Я много веков нес его один, и лучше ничего не менять.

— Но ты не стал отвергать своей судьбы. По правде сказать, мне кажется, ты ею доволен. Тебе так нравится быть властелином жизни и смерти, стоять меж ними и хо-

лодно взирать на ту и на другую. Неужели из-за того, что я женщина, ты решил, что у меня не может быть моих собственных желаний? Ты думаешь, что я не так храбра, как ты? Но, может быть, я послана навсегда положить конец твоему одиночеству?

Себастиан резко повернулся и посмотрел на нее. Лицо его было искажено гневом.

— Одиночеству? Зачем же мне быть одиноким, когда меня могут утешить вот такие существа?

Черная комната все еще переливалась серебром. Светившиеся занавеси за спиной Себастиана затрепетали, и за ними показался силуэт. В нем было что-то бессмысленное, неловкое, злобное и невыразимо печальное. Белая рука нерешительно показалась между штор, и Фелиция невольно ахнула. Существо, вошедшее в комнату, прежде было мальчишкой. Его патлатые волосы были рыжими, но вот лицо, с полуоткрытым ртом, казалось почти серым, взгляд выдавал слабоумие. С губ капала слюна, зубы были остры. Он проковылял к Себастиану. Одна нога у мальчишки была сломана и перекручена.

— Пожалуйста, сэр, — пролепетал он.

— Боже, Себастиан! — воскликнула Фелиция. — Кто это?

— Кладбищенский воришка. Он сказал, что зовут его Генри Донахью. Я застал его с товарищем за работой и второго парня убил там же, на месте, но к моменту, когда я догнал юного Донахью, во мне разгорелась такая ярость, я так взалкал крови, что набросился на него и утолил жажду. И вот во что он превратился: один из живых мертвецов, совершенно безумный. Мне стоило его уничтожить, и это я обязательно сделаю, но теперь я доволен, что не поторопился с этим. Посмотри на него. В такое существо ты хочешь превратиться?

Мертвый мальчик повернулся на голос Фелиции и зашагал к ней, волоча по черному ковру искалеченную ногу; он не сводил взгляда с ее горла. Девушка вдруг почувствовала себя голой и беззащитной.

— Пожалуйста, мисс, — сказал мальчик.

И прикоснулся к ней.

Тут же руки его потянулись к ее горлу; она попыталась оттолкнуть его, а он уже лязгал в воздухе своими грязными зубками. Пальцы у него оказались невероятно сильные. Фелиция закричала.

Мальчик почти уложил ее на черный стол, но тут Себастиан схватил его за рыжие вихры и вышвырнул вон из комнаты. Половина скальпа мальчишки осталась в руке у Себастиана, так что голова его превратилась в сплошную рану, из которой, правда, не показалось ни капельки крови; Генри снова пополз по полу в неумолимом стремлении добраться до намеченной жертвы.

Себастиан опять бросился на него, схватил за изуродованную ногу и поташил сердито рычащую тварь прочь из комнаты, за бархатный занавес.

Фелиция осталась одна. Сердце ее колотилось, она бешено ловила ртом воздух. Она испытывала ужас, но вместе с тем и радость. Фелиция слезла со стола и рухнула на стул черного дерева. Из какого-то дальнего уголка дома донесся пронзительный вопль боли; он становился все громче и громче, а потом внезапно прекратился. Фелиция поняла, что этого мальчишку больше никогда не увидит.

Она стала ждать.

Когда Себастиан вернулся, его волосы свисали, закрывая лицо, а одежда была порвана. Пятна крови покрывали руки. Он посмотрел на них и перевел взгляд на Фелицию.

— В нем оставалось совсем немного, — сказал Себастиан. — Ему пришлось поголодать. Видишь теперь, от чего я тебя хочу спасти.

Фелиция, пусть и дрожа, оставалась на том же месте.

— Между тобой и этим мальчишкой существует огромная разница, как это и должно быть, — ответила она. — И я не уподоблюсь ему.

— Уходи! — прокричал Себастиан, но в тот момент он уже шагал к ней, а губы его неудержимо подергивались.

Фелиция скрипнула зубами и изо всех сил вцепилась в подлокотники деревянного стула. Она высоко подняла голову и почувствовала биение пульса в своей длинной белой шее, и тут Себастиан обнял ее.

А потом они оказались на ковре, на сумрачный ворс которого заструились пряди ее тщательно уложенных светлых волос, и платье ее было сброшено, а тело затрепетало от радости и ужаса. Она переживала восторженный страх, ошеломление скорее от собственных плотских вожделений, а не от едва заметного укуса, который она почувствовала в тот момент, когда он вошел в нее и жизнь стала перетекать из одного тела в другое. Она дрожала и стонала, ощущая над собой любимого мужчину. Взяв жизнь, любовь и смерть, она слила их воедино.

А когда все закончилось, Себастиан поднялся один. Она же осталась лежать, непринужденно и изящно раскинув руки и ноги, а лицо отражало только что владевшие ею страсти, к которым почти не был примешан испуг. Ее мраморную бледность нарушали лишь несколько капель девственной крови. Так она спокойно лежала, но Себастиан знал, что после того, как на следующий день зайдет солнце, она поднимется, полная темного желания.

Даже слезы, которые покатились у него из глаз, были окрашены алым цветом ее крови.

VIII. Заключительная нота

По пустынным комнатам эхо разносило шаги Найджела Стоуна, остановившегося пожить у кузена. Проведя в доме менее суток, он уже чувствовал, что его гнетет здешняя атмосфера. Он знал, что Каллендер где-то наверху и отсыпается, ведь у него наверняка ужасно трещит голова, но при всем при том особняк казался совершенно заброшенным — призракам было бы тут уютнее, чем живым. Совсем отчаявшись, Стоун хотел было уже и сам прикорнуть на диванчике в кабинете, где он ночевал, но он все же перебороль этот соблазн, хотя в Лондоне человеку, у которого нет ни денег, ни друзей, заняться почти что нечем. К сожалению, день не располагал к прогулке по старому городу: с самого утра почти не переставая лил дождь, а временами слышались далекие раскаты грома и тускло вспыхивали молнии.

Тем не менее Стоун решил, что лучше терпеть грозу, чем бродить по дому, в котором только что не завелись привидения. Он подошел к двери, распахнул ее и взглянул на улицу. Дождь стучал по мостовой и с плеском падал в сточные канавы; ветер швырнул Стоуну в лицо несколько капель. На другой стороне улицы какой-то мужчина старался укрыться от дождя, а на лице его была такая гримаса, что Стоун понял: не так уж плохо вообще-то оставаться сейчас дома. И все же мощь стихии почему-то заставила его самого ощутить себя сильным и полным жизни; он вспомнил, как мальчишкой носился в грозу с криками под дождем.

Созерцая буйство природы, Стоун заметил, как из-за угла показалась карета; она остановилась как раз напротив двери, возле которой он стоял. От лошадей валил пар, и они подрагивали под струями ливня. Стоун почувствовал, что как-то глупо вот так стоять, но нырнуть обратно в дом, как напуганный мальчишка, было бы уже совсем позорно, тем более что кучер слез с козел — вода так и лилась с полей его цилиндра — и торопливо направился вверх по ступеням, к нему. Стоун изо всех сил старался вести себя так, чтобы его приняли за состоятельного домовладельца.

— Мистер Найджел Стоун? — спросил кучер.

— Кто? Я? — с трудом произнес Стоун. — Да, конечно, это я. Чем могу вам помочь, любезнейший?

— Вам записка от леди, сэр. Она велела дождаться ответа.

Откуда-то из-под насквозь промокшего пальто он достал листок бумаги и протянул Стоуну. Чернила уже расплывались от влаги.

Дорогой мистер Стоун,

Прошу Вас, немедленно приходите, и, если это возможно, не приводите с собой мистера Каллендера. Прошлой ночью пропала моя племянница Фелиция, и я опасаюсь за ее безопасность. Я верю, что могу положиться на вас, как ни на кого другого.

На подпись упала капля дождя, и на ее месте расплылась серая клякса, но сомневаться по поводу имени автора

записки не приходилось. Стоуну стало так приятно, что к нему обратились за помощью, что он даже слегка устыдился, ведь нельзя же радоваться, когда с юной девушкой стряслась беда.

— Я отправлюсь туда немедленно, — сказал он.

— Тогда поезжайте со мной, сэр. Я подожду, пока вы сходите за пальто.

— Это вовсе не нужно, — пробормотал Стоун.

Ему было неловко признаваться, что такого предмета в его гардеробе не было, но при этом он еще не докатился до того, чтобы утащить одежду кузена. Найджел понадеялся, что в скромности его костюма кучер увидит самоотверженное стремление помочь ближнему, а не крайнюю нищету. Раздался гром, и небо рассекла молния, но Стоун уже сбегал вниз с крыльца.

Этот самый раскат грома разбудил наконец Реджиналда Каллендера. Он выругался и так поспешно сел, что у него тут же заныла спина. Простыни были пропитаны его потом и начинали попахивать. Все тело у него чесалось, с самого момента пробуждения его била дрожь. Шум дождя вызвал у Каллендера дикое желание пробежаться по Лондону голышом, чтобы ливень отмыл его дочиста, но рассудительности все же хватило на то, чтобы счесть эту затею не вполне разумной.

Каллендер забрался под стеганые одеяла, закрылся с головой простыней, безуспешно пытаясь спрятаться от мира. Но теперь, придя в сознание, он не мог больше лежать без сна, наедине со своими мыслями. Мысли о злой своей судьбе не покидали его даже в собственной постели. Оставаться в ней было уже невозможно.

Он вылез из кровати. Воздух был прохладен, и Каллендер задрожал. Он позвал слуг, хотя и понимал, что их здесь больше нет. Потом он стал звать кузена Найджела, но тот не отзывался. Реджиналд ощутил себя совершенно заброшенным.

Дом казался ему слишком большим. Ему внезапно, без всякой причины, стало страшно. Быть крошечной частицей, затерянной в огромном пространстве... Это было невыносимо.

Он натянул одежду, которая попала под руку, и глотнул из бутылки, стоявшей возле кровати. Каллендер благодарил небеса за дядюшкин погреб, который достанется ему, пусть даже весь дом продадут за долги, и с ужасом думал о том дне, когда вино закончится. Он снова выпил и услышал, как по стеклам стучит дождь.

Но какое ему дело до погоды, когда в душе такое смятение. Ему хотелось убежать от этих стен и от собственных воспоминаний. По сравнению с ними гроза казалась сущим пустяком.

В голове у него звучала песня, и ее мелодия, при всей своей бессмысленности, многое ему говорила. Контрапунктом к ней тяжко звенели обиды и взаимные упреки, воспоминания о вечере, когда он совершил и сказал столько непростительных вещей. Будет разумнее, решил он, позволить увлечь себя нотам сладенькой и пустой песенки, а об остальном забыть. Пошарив в карманах, он нашел несколько шиллингов, а потом нетвердой поступью спустился по лестнице и вышел под потоки дождя. На кэб у него денег не хватало, но в «Хрустальный башмачок» он и пешком мог найти дорогу.

Путь туда был похож на галлюцинацию. Со всех сторон падал занавес из воды, а возле бордюров она взлетала сверкающими фонтанами. У каждого газового фонаря сияла радуга, в тумане мерещились призраки. Дорога утомила его, но он был слишком измотан, чтобы позволить себе отдохнуть. То и дело его окатывали водой колеса проезжавших мимо экипажей, но он и без того промок до нитки. Наконец, мокрый и растрепанный, Реджинальд Каллендер добрался по пустынным улочкам к заветной цели.

Стеклянные шары над колеблющимися огоньками, обрамлявшие вход в «Хрустальный башмачок», показались Каллендеру райскими звездочками. Пройдя по грязи, окуркам сигар и апельсиновым коркам, он оказался возле арки, уплатил шиллинг и вошел в бар.

— Не возьмете для нас бутылочку шампанского?

Каллендер отпихнул от себя проститутку и стал подниматься на балкон. В этом заведении порядка не было никогда, но сейчас ему показалось, что вокруг царит просто

чудовищный хаос. Все лица напоминали ему искаженные дьявольские физиономии, в каждом голосе слышалась издевка. Он смутно осознавал, что кое-кто поглядывает на него с презрением, как на промокшую небритую тварь, в какую он и превратился, но разве это имело значение теперь, когда он понимал, что где-то совсем близко находится Салли Вуд.

— Джентльмены, прошу вас, делайте заказы! — раздавался неприятный голос среди табачного дыма, запаха несвежего пива и дешевых духов.

В благополучной своей жизни Каллендер мог бы на такой призыв не обратить внимания, но теперь, оказавшись нищим, он чувствовал себя просто обязанным взять бокал пива. Девица с пышными руками и неинтересным лицом предложила ему купить конфет из стеклянной банки, но понятливая, увидев выражение его лица. Оркестр заиграл простенькую мелодию, и Каллендеру она оказалась знакома. Боги были все же на его стороне. Это была песенка Салли.

Девицы устанавливают цены
И защищают девственность, пока
Цена их не устроит — и девица
Устроит хоть какого мужика!
Они на вас не взглянут, хоть могли бы,
А если и могли бы — не дадут!
Но жить на свете все же легче, ибо
В округе всем известна Салли Вуд!

Да, это была она, развязно вышагивающая туда-сюда по сцене в алом платье вызывающего фасона. Салли выкрикивала свой гимн, задрав юбки так, что видны были подвязки чулок, и Каллендер стал мечтать о том, что находилось выше подвязок. Он спросил себя, сколько еще мужчин лелеют те же мечты, а может, и те же воспоминания; Каллендер всех их ненавидел.

Кто-то похлопал его по спине и дал ему бокал бренди; он даже не заметил, кто это был. Когда Салли пропела заключительную ноту и сделала низкий реверанс, — каким же глубоким было декольте ее платья, — он так и

остался стоять, во все глаза глядя на нее, тогда как все остальные мужчины, находившиеся в «Хрустальном башмачке», разразились неистовыми криками и аплодисментами. Он не шевельнулся и тогда, когда Салли соскочила со сцены, ловко прошла между музыкантами оркестра, пробралась сквозь толпу, кого оттолкнув, а кому игриво дав пощечину, и поспешила на балкон с барной стойкой. Пройдя в нескольких футах от Каллендера, она остановилась возле какого-то мужчины с желтоватым лицом и седыми бакенбардами. Возле него на стойке стояла бутылка шампанского, и, когда подошла Салли, он налил ей бокал. Лицо ее разрумянилось, каштановые волосы были распущены.

Каллендер очнулся от оцепенения и неуверенной походкой направился к Салли. Она обернулась только тогда, когда он схватил ее за руку.

— Реджи! — сказала она и рассмеялась. — Ну у тебя и вид!

— Попал под дождь.

— Шел бы ты домой, дорогой, а то простудишься насмерть. Поговорим в другой раз. — Она повернулась к нему спиной.

— Салли! Поговорим прямо сейчас! — Он снова потянулся к ней, но незнакомец встал между ними.

— Вы видите, леди занята, — сказал он таким тоном, каким Каллендер привык обращаться к прислуге.

Каллендер попробовал оттолкнуть его, но мужчина стоял твердо, как скала. Каллендер замахнулся на него, а тот без колебаний уклонился от удара и врезал в лицо противнику своим костлявым кулаком.

Каллендер с удивлением обнаружил себя сидящим на полу. Нос и рот его были какие-то горячие и влажные. Вокруг смеялись.

Он пытался решить, что ему следует делать, но его ожидало новое потрясение: он увидел, как Салли отвесила пощечину своему кавалеру. Толпа при этом снова заревела и разразилась аплодисментами, более бурными, чем Салли когда-либо удостаивали за ее песенки. Она опустилась на колени возле поверженного Каллендера и обняла его.

— Брось, Реджи, — сказала она. — С тобой же все в порядке.

— Салли? — Ему было никак не придумать, что еще можно сказать.

— Верно, дорогой. Пойдешь со мной. Не могу же я позволить убить своего мужа, да?

Ее слова лишь смутно отложились в памяти Каллендера, а она помогла ему встать и увела его из «Хрустального башмачка».

Дождь все еще лил, и Каллендер подставил лицо под его потоки, чтобы смыло кровь. Он шел, почти не разбирая пути, при этом ясности сознания еще хватило на то, чтобы вспомнить: Салли живет совсем недалеко от мюзик-холла, за углом. Он, как ребенок, волочил ноги по лужам и ему это почему-то доставляло удовольствие. Гроза ему тоже начинала нравиться. Когда гремел гром, он тоже издавал очень похожие урчащие звуки. Салли лишь взглянула на него и улыбнулась.

Она провела его вверх по лестнице в свою комнату, настолько же загроможденную всякой чепухой, насколько пустым было сейчас его собственное жилище, а потом усадила его на неубранную кровать, где громоздилась гора одежды. Он заметил торчавший из-под одного из брошенных платьев краешек книжки и вытащил ее.

— По-прежнему читаешь дешевые страшилки, Салли?

— А, ты про вампира. Возьми себе, Реджи. Я уже прочитала, и было ужасно интересно.

Каллендер, пожав плечами, сунул книжонку в карман. В его одурманенной голове проблесками всплывала какая-то мысль. И еще кое-что он хотел бы не забыть.

— Послушай. Что это ты мне тогда сказала в «Башмачке», а?

— Это ты о чем, дорогой? Снимай пальто. Оно все мокрое.

— Не трогай меня. Лучше я останусь мокрым.

— Как тебе будет угодно, — ответила Салли, сняла платье и встала перед ним в корсете. — Я просто хотела тебя согреть.

— Согреть, значит? Так что ты там мне говорила насчет мужа?

Она села возле него и провела языком по губам.

— Я лишь сказала, что девушке нужно заботиться о своем суженом, Реджи.

Он обратил на нее затуманенный взор.

— Ты, должно быть, сошла с ума, — сказал он.

— Вовсе нет. Ты же обещал на мне жениться, мы были как раз на этой самой кровати, и я намерена добиться, чтобы ты это сделал, мистер Реджи Каллендер.

— Приснилось, — сказал он.

— Что?

— Кто-то из нас просто грезит. Кто это тебе сказал, что я на тебе женюсь?

— Ты сам, дорогой. Ты говорил, что, когда умрет твой дядюшка и ты сможешь распоряжаться состоянием, ты поможешь мне стать честной женщиной. А теперь он умер, верно? Ты, я вижу, очень тяжело перенес его кончину, у тебя ведь такое доброе сердце, но все пройдет, и тогда мы поженимся. Ты же любишь меня, правда, дорогой? Ведь другой у тебя нет?

Он обнял ее скорее по привычке, чем в порыве страсти.

— Конечно же, у меня нет другой, — сказал он.

— Нет? — Салли толкнула его на кровать и дала ему пощечину посильнее, чем тому человеку в «Хрустальном башмачке». — Как насчет мисс Фелиции Лэм?

От потрясения Каллендер ничего не смог ответить.

— Держи, — сказала Салли. — Выпей джина.

Она достала бутылку из-под вороха платьев и протянула Каллендеру. Он вытащил пробку и влил себе в глотку полбутылки.

— Вот-вот, — сказала Салли. — Привыкай к этой мысли. Ты думал, я просто глупенькая девчонка. Да вы все о нас так думаете, да? Ну вот и мы делаем все возможное, чтобы защитить себя. Помнишь девицу по имени Элис? Горничную твоего дяди? Мы с Элис были подругами. Она мне все про тебя рассказала. Ну что же, я не буду бранить тебя за твои маленькие забавы, Реджи. У меня ведь тоже что-то было. Забудем Элис, пусть ей и перепало больше денег твоего дядюшки, чем мне за все это время. Но я не дам тебе жениться на этой Фелиции Лэм.

Каллендер отхлебнул из бутылки еще и закрыл лицо руками. Спирт обжигал его кровоточащие десны. Вечер складывался вовсе не так, как он рассчитывал.

— Я, знаешь ли, однажды ее видела, — сказала Салли. — Девственница голубых кровей, с большущими глазами и крошечным ротиком. Такому мужчине, как ты, она не пара. Она, могу поспорить, и по малой нужде не поднимет юбки!

На этот раз Каллендер дал пощечину Салли. Потом он взял шляпу и трость и заковылял к выходу.

— Я люблю эту женщину, — сказал он.

— Любишь, значит? — заорала Салли. — Посмотрим, сколько любви вам достанется после того, что произошло сегодня, мистер Каллендер! Теперь она не захочет иметь с тобой ничего общего! Ты мой! Думаешь, я два года ложилась под тебя ради одного удовольствия? — Она бросилась вслед за ним, крича ему в ухо.

Каллендер, как это умеют делать пьяные, с достоинством ответил:

— Ты ничем не сможешь помешать этому браку. Мы с тобой больше никогда не встретимся.

— Я вам уже помешала! — завопила Салли. — Я послала ей записку, вот что я сделала. Письмо, в котором я рассказала, кем ты мне был. Сейчас она все уже наверняка прочитала, так что никакой любви между вами теперь быть не может!

Каллендер отпрянул к двери. Он не мог вынести мысли, что за столь недолгое время лишился целых двух состояний. Не задумываясь, даже и сам того не желая, он ударил Салли в лицо своей тростью из черного дерева.

Она как-то растерянно всхлипнула. В свете свечи он увидел, что своим ударом превратил ее правый глаз в кровавое месиво.

Салли поднесла руку к лицу, и что-то упало и осталось у нее в руке. Она упала на колени и завыла.

Каллендер пришел в ужас. Он наклонился, чтобы поднять ее, но она оттолкнула его и поползла по полу, громко вопя.

Это было невыносимо. Он снова ударил ее, на этот раз по макушке, но она только закричала еще громче.

Каллендер нанес ей еще два удара. Трость сломалась, и Салли рухнула на пол. Вопли прекратились.

Каллендер сбежал вниз по ступеням и выскочил на улицу. Он встал в проходе между домами, под дождем, и его несколько раз вырвало. Сначала ему показалось, что он вот-вот помрет, но после рвоты в голове у него начало проясняться. Гроза уходила, молнии, казалось, сверкали где-то в нескольких милях.

Уже почти возле собственного дома он понял, что держит в руке только половину трости. Не веря своим глазам, он уставился на обломок. Каллендер попробовал было убедить себя, что вторую половину он обронил где-то на улице, но с мрачной уверенностью осознал, что она так и лежит возле Салли Вуд. А ведь по ней, наверное, его смогут опознать. Каллендер слыхал о том, что в Скотленд-Ярде с недавнего времени работают сыщики, которые самыми хитроумными способами ловят любых преступников. Он не мог рисковать: нельзя было оставлять за собой следов.

Обратный путь стал для него мукой. Он готов был сделать все, что угодно, только бы не идти снова к Салли Вуд, но понимал, что нужно поторопиться, поскольку ее тело обязательно обнаружат. И до этого момента он должен успеть вернуться туда и снова уйти. Ему было страшно подумать, что случится, если его застанут там, возле трупа, но он никак не мог избавиться от этой мысли. Ему хотелось выпить. Его уже тянуло зайти домой за бутылкой, но ноги несли его обратно к «Хрустальному башмачку». В голове у него был такой сумбур, что он дошел до места, так и не успев собраться с мыслями.

Несколько гуляк стояли возле входа, изнутри доносились приглушенные звуки музыки. Все было так, будто ничего и не произошло. Они точно ничего не знают, а?

От этой мысли Каллендер на мгновение оцепенел, а потом попятился в темный переулок. Впервые в жизни он опасался быть замеченным. Но все же было безумием оставаться в нескольких футах от места преступления и никак не пытаться замести следы. Он поглубже надвинул шляпу и поднял воротник, будто от дождя, и с непринуж-

денным видом вышел на улицу и быстрым шагом повернул за угол.

Он взглянул на одинокое окошко Салли, где все еще горел свет. Никто не поднял тревоги, вокруг все явно спали. Он осторожно толкнул входную дверь, благодаря неведомые силы, заставившие его второпях не закрыть за собой дверь. Прислушиваясь к любому шороху, он прокрался вверх по ступеням. «Тихо как в могиле», — мрачно подумал он.

И так он вслушивался в тишину до самой двери Салли. И тут он расслышал звук, заставивший его похолодеть сильнее, чем под дождем. Каллендер понимал, что это всего лишь его собственное воображение, воспаленное чувство вины, но все же он мог поклясться, что узнает мелодию. Эту самую песню исполняла в «Хрустальном башмачке» Салли менее часа тому назад. Кто-то будто напевал вполголоса.

Может, привидение? Еще один фокус, подстроенный этим чертовым медиумом? Он не мог в это поверить. Не может быть. Пожалуй, это игра его собственного воображения. На самом деле, это такая мелочь, а вот обломок трости надо обязательно забрать.

Он открыл дверь.

То, что он увидел, превзошло наихудшие его опасения. С лицом, залитым кровью, со слипшимися роскошными волосами Салли ползала по комнате на четвереньках, распевая свои куплеты, насколько позволяла стекавшая по губам кровь. Она вовсе не умерла, но мертвой ей было бы явно лучше.

Салли опрокинула стол, но по-прежнему продолжала петь. Каллендер понял, что безнадежно изувечил ее. Его присутствия она не замечала.

Губы у него сами собой задергались, и Каллендер поднял ногу и со всей силы обрушил ботинок на шею Салли. Он услышал, как хрустнул ее позвоночник.

Ему понадобилось допить остатки джина из той бутылки, которую он взял у нее.

Забрав вторую половину своей трости, Каллендер поспешил домой, в свою кровать, где и провел следующие трое суток, стараясь убедить себя, что никуда и не выходил.

IX. Наследница

Перед высоким кирпичным домом возле ворот кладбища Всех Душ собрались трое мужчин в синем. На их цилиндрах были крупные металлические бляхи, на коротких шинелях — латунные пуговицы. На поясе у каждого висел деревянный жезл. Один из мужчин постучал жезлом в дверь.

Они ждали, а вокруг было темно и сыро. Один из них дрожал от холода.

— Здесь никого нет, — сказал он. — Нужно было приходить днем.

— Кое-кто из нас как раз днем и приходил, но никто не отозвался, как и сейчас.

— Можно взломать дверь.

— Мы всего лишь пришли получить у джентльмена некоторые сведения. Люди и так не желают обращаться в Скотленд-Ярд, не хватало нам еще заслужить репутацию взломщиков.

— Тогда постучи еще раз.

— Распоряжаться здесь буду я, — ответил тот, но все же еще раз постучал.

В одном из окон зажегся огонек.

— Мы кого-то разбудили.

— Стой тихо, а?

Дверь медленно и бесшумно открылась; на пороге появился высокий мужчина с черными усами, держа в руке черную свечу. В се неровном свете жутко блеснул шрам, рассекавший левую половину лица.

— Добрый вечер, сэр. Надеюсь, мы вас не потревожили.

— Я уже спал, констебль. Что привело вас ко мне?

— Одна женщина, сэр. Мисс Фелиция Лэм.

— Не вижу ее с вами.

— Нет, сэр. Ее нигде не видели, вот в чем дело. Это вы — мистер Ньюкасл, сэр?

— Да, это я.

— Так вот, сэр, у нас имеются сведения, что мисс Лэм часто у вас бывала, и, поскольку она пропала, мы проводим расследование. Будем крайне признательны за любую помощь.

— Понятно. Скажите, констебль, как давно она пропала?

— Ее не было всего три дня. Сегодня воскресенье, а в последний раз ее видели в четверг вечером, за званым ужином.

— Я не видел мисс Лэм много дольше, констебль. Вы поговорили с теми, с кем она ужинала?

— С двумя из них, сэр. С ее теткой, которая в разговоре с нами упомянула вас, и с другом семьи, неким мистером Найджелом Стоуном. Третьим был ее жених, некий мистер Каллендер. Мы несколько раз приходили к его дому, но никого не могли застать.

— Возможно, они вместе сбежали.

— Да. Мы тоже об этом думали. Но зачем им убегать, они же и так помолвлены?

— Мистер Каллендер, как мне показалось, когда я его видел, чрезвычайно упрямый молодой человек.

— Нам говорили о нем то же самое. Вы с ним знакомы, сэр?

— Мы встречались дважды. И даже после столь недолгого общения у меня сложилось не самое благоприятное мнение о его характере.

— Это ваше мнение, сэр. У нас имеются сведения о том, что он сильно выпивал.

— Верно. Я могу быть вам еще чем-то полезен, констебль? Не желаете ли поискать мисс Лэм в доме?

Себастиан Ньюкасл шагнул в сторону и жестом пригласил их в темные закоулки своего жилища.

Трое из Скотленд-Ярда глянули в темноту, а потом посмотрели друг на друга.

— Что ж, сэр, — сказал их начальник. — Раз уж вы сами предлагаете, значит, нам незачем больше вас тревожить. Понятно, что скрывать вам нечего.

— То есть я могу пожелать вам доброй ночи, джентльмены? Час уже поздний.

— Вы правы, сэр. Спасибо за помощь, доброй вам ночи.

Себастиан закрыл дверь и несколько мгновений стоял, и был с ним лишь огонек его свечи. Когда он понял, что полицейские уже ушли, он повернулся в глубокую темноту дома и позвал Фелицию, заранее зная, что никто не отзо-

вется. Ночью удержать ее было невозможно: она, теряя последние силы, бродила по каменной долине, где спали мертвые.

Себастиан вышел на почную улицу. Он рассеялся в воздухе радужной дымкой и просочился в ворота кладбища Всех Душ, где влился в густой туман, бурлящие клубы которого делали это место похожим на неведомое море, будто поглотившее все, кроме обломков вывороченных из земли деревьев и заброшенных надгробий. Пейзаж напоминал скорее место скитаний несчастных духов; кладбище будто и не находилось на зеленой планете.

Фелицию он отыскал у памятника в виде мраморного ангела. Она сидела, обхватив скульптуру бледными руками и устремив в туман взгляд своих светлых глаз.

— Тебя приходили искать трое мужчин, — сказал он.

— А ушли тоже трое?

— Поскольку они были из Скотленд-Ярда, задерживать кого-либо из них было бы неразумно.

— Полиция, — проговорила Фелиция. — Из-за меня ты лишился неприкосновенного убежища, да, Себастиан?

— Возможно, но какое это имеет значение, когда я вижу тебя в таком состоянии.

— Я такая, какой желала стать.

— Так что же, оно того стоило, увидеть, что жизнь и смерть — две стороны одной монеты, и подержать эту монету в собственных руках?

— Я многое узнала, — ответила Фелиция.

— Ты узнала больше, чем просила. А цена этой монеты — кровь.

Фелиция обхватила себя руками и устремила взор в землю.

— Я не могу, Себастиан, — сказала она.

— Но ты должна, — возразил он, — и ты обязательно это сделаешь. Жизни других должны стать твоей, и их кровь превратится в твою. Это твоя судьба, и ей никто не в силах противиться.

— А я не покорюсь ей. Клянусь. Ты, как никто другой, знаешь, кто я теперь, но, кем бы я ни была, кровью я себя не запятнала. Я не стану обагрять ею свою душу.

Себастиан отвернулся от нее. Она поднялась и взяла его за руку.

— Я сказала это не в упрек тебе, — проговорила она.

— Тогда мне остается самому себя упрекать. Как ты сказала, я знаю, во что ты превратишься. Ты ослабеешь, а жажда будет становиться все сильнее, и наконец ты сама превратишься в жажду. Ты же видела, как недолго я продержался, я, который так хотел устоять перед тобой.

— Ты совершил со мной то, чего я сама желала, — сказала Фелиция.

— Даже если бы не желала, я сделал бы это!

Себастиан взял в свои холодные ладони ее прекрасное бледное лицо.

— Ты пришла ко мне моей невестой, — сказал он, — а я так долго был одинок. Теперь я должен позаботиться о том, чтобы ты выжила.

— Неужели нет никакого другого выхода?

— Если ты не поддашься жажде, она станет твоим приговором. Силы покинут тебя, и твое тело не сможет шевельнуться, но душа по-прежнему будет в нем находиться. Дух твой навсегда утратит свободу устремляться в миры за пределами этого. Он будет томиться в безжизненном панцире, и это станет настоящим проклятием.

Она глянула в глубину его темных глаз, а потом он почувствовал, как она напряглась: неподалеку раздался чей-то голос.

Сквозь желтый туман блекло пробивался свет фонаря.

— Там трое, — сказала она задолго до того, как их стало возможно разглядеть.

— Те самые полицейские, — произнес Себастиан.

— Поприветствуем же их и покончим с этим делом. — Она рассмеялась, громко и с горечью.

Из тумана показались три темные фигуры. Они держались поближе к фонарю, как будто боялись его лишиться.

— Мистер Ньюкасл, — заговорил один из них.

Себастиан чуть заметно поклонился, но ничего не ответил.

— И мисс Фелиция Лэм?

— А какое вам до этого дело? — резким тоном спросила Фелиция.

— Ваша тетя сообщила, что вы пропали, мисс.

— А теперь я нашлась.

— Верно, мисс. Но посмотрите, где мы вас обнаружили. На кладбище, ночью, одетую в одну лишь ночную сорочку.

— Это подвенечное платье моей матери.

— А, понятно. Подвенечное платье, значит? Сбежавшая наследница и иностранный джентльмен. Вы с нами были не вполне откровенны, верно, мистер Ньюкасл?

— Иногда, констебль, джентльмен обязан промолчать, — отвечала Фелиция. — Но вы, похоже, об этом и понятия не имеете.

— Да, мисс, я вовсе не джентльмен, вы правы. Я неотесанный парень, и я стараюсь выполнять свои обязанности. Но все же мы готовы взять вас под свою защиту, если вы попросите. Здесь не место для юной леди, да и компания не самая подходящая, насколько я могу судить.

— Ты мог бы стать судьей, только, может статься, не доживешь, — сказал Себастиан.

Он гляпул на фонарь в руке констебля, и тут же слабый огонек полыхнул красным. Раскалившийся металл обжег полицейскому руку, тот завопил от боли и бросил фонарь. Внезапно стало совсем темно, запахло горелым мясом.

— Темнота таит опасность, — продолжил Себастиан и двинулся вперед.

Он почувствовал, что Фелиция вцепилась ему в плечо, и увидел в ее ясных глазах мольбу: «Остановись!» Вместе они наблюдали, как трое полицейских неслись прочь, еле находя дорогу среди надгробий и деревьев. Наконец воцарилась тишина.

— Теперь они станут угрозой для нас, — произнес наконец Себастиан. — Мы могли бы подкрепиться, а теперь нам надо скрыться. Разумно ли было меня останавливать?

— Я остановила тебя, потому что очень хотела пустить тебя туда. И присоединиться к тебе. Справа стоял такой молодой. Вот его-то я и хотела.

— Он был твой, Фелиция. Всего мгновение, и он может стать твоим.

— Нет, Себастиан. Этого случиться не должно. Я не могу делать то, что сделал ты. Я никогда этого не хотела.

Я мечтала лишь о смерти, мире и свободе. Я хотела обрести знание, а не силу уничтожать других.

— Ты еще многое сможешь узнать, — увещевал ее Себастиан, — и времени у тебя будет достаточно, но только если ты вкусишь жизни.

Она отшатнулась от него и оперлась о мраморное надгробие, на котором было высечено имя кого-то, давно умершего. Никогда еще Фелиция не казалась Себастиану такой прекрасной и такой любимой, как теперь, когда отвергла все, что он мог ей дать.

— Ты отказалась от земной жизни, для которой была предназначена по рождению, — сказал он. — Если ты не воспользуешься и второй данной тебе возможностью, ты будешь обречена на бесконечную пустоту.

— А разве это намного отличается от того, что приходится терпеть тебе?

— Я, по крайней мере, существую. Я хожу по земле. Разве есть что-то более драгоценное?

— Так это все, что может дать тебе твое чародейство? Возможность ходить по земле, подобно любому другому человеку?

— Другие умирают, — напомнил ей Себастиан.

Фелиция протянула к нему руку, сделала один шаг и упала на колени.

— Помоги мне, — пролепетала она.

Он посмотрел на нее с состраданием.

— Ты не должна преклонять колени ни передо мной, ни перед кем другим.

— Я не хотела, — произнесла она. — У меня нет сил стоять.

— Тебе нужно насытиться кровью, и сделать это ты должна немедленно.

— Нет, — ответила она. — Слишком поздно. Не надо крови. Не надо жизни.

Она упала на мокрую траву. Себастиан склонился над ней; он попытался поднять ее на ноги. Целовал и кричал на нее.

Ничего не помогало. Ее охватил беспробудный сон.

Себастиан взял Фелицию на руки и двинулся в сторону своего дома, но тут же понял, что там его поджидают те

трое. Он повернулся к камням, к могилам, стражем которых он был на протяжении половины столетия, но они не даровали ему утешения. Себастиан вгляделся в лицо любимой, надеясь увидеть хотя бы робкий проблеск жизни, но увидел лишь холодную безупречность. Но все же он знал, что душа ее заточена в этом мертвом теле и обречена остаться там до скончания времен.

Он положил ее в каком-то склепе и понесся в ночь. Выли псы, мрамор рассыпался на осколки, как стекло, и трое полицейских, дрожавших среди ночного тумана, решили, что расследование им лучше продолжить при свете дня.

X. Винный погреб

Реджиналд Каллендер проснулся оттого, что где-то настойчиво стучали. Звук доносился издалека, вплывал в сознание постепенно и перед тем, как разбудить Каллендера, вплелся в сюжет сновидения. Во сне Реджиналд вновь и вновь наносил кому-то удары тростью.

Тогда он уставился в потолок. Каждый стук в дверь с силой отдавался у него в голове, но Каллендер лишь бранился вполголоса и ждал, когда же настанет тишина. Он спрашивал себя, какой сейчас день и даже какое время суток. Разлепив на одном глазу слипшиеся веки, он увидел, как сквозь задернутые шторы пробивается одинокий солнечный лучик. И тут же уснул.

Когда его потревожили снова, не обращать внимания уже не получилось. Кто-то держал его за плечи и встряхивал так сильно, что это было никак не принять за похмельную дрожь. В лицо плеснули холодной водой. Каллендер заорал, брызжа слюной, поднял взгляд и увидел красноцекую физиономию своего кузена.

— Черт тебя побери, сэр! — проревел Каллендер. — Ты совсем с ума спятил?

— Это ты-то меня считаешь сумасшедшим? Сейчас уже утро понедельника. Где ты пропадал четыре дня, а? Ты знаешь, что случилось с девушкой, на которой ты собираешься жениться?

— Что? С Салли?

— Какая такая Салли? Что ты несешь? Я говорю о мисс Лэм!

— Фелиция. Конечно же. Я пошел навестить ее... когда это было, а? Но слуги сказали, что для меня ее нет дома.

— Ее ни для кого не было дома, дорогой приятель. Ее разыскивают уже больше половины недели.

Каллендер подтянулся и оказался в сидячем положении.

— Как давно ее нет?

— С четверга. С того вечера, когда мы ужинали у них. Я тогда еще приехал к тебе в гости.

— Как-то недолго ты у меня гостил, получается! Где же ты с тех пор пропадал? И где моя бутылка? Голова, моя голова!

Каллендер порылся под кроватью и достал то, что искал.

— А я думал, что ты уже допил весь запас бренди, — заметил Стоун.

— Так и есть. Но портвейна еще много осталось. А теперь еще имеется повод выпить. Фелиция наверняка не читала то письмо, да?

— Письмо? Какое письмо?

— Записку, которую послал кое-кто, желавший нас разлучить. Не нашли ли это письмо?

— Да кому нужны письма, когда такие дела творятся? — возмутился Стоун.

— Само собой, никому. — Каллендер отпил вина. — Так ты говоришь, Фелиция пропала?

— Ну, мы кое-что о ней разузнали.

— Мы?

Лицо Стоуна стало еще более красным.

— Я был у ее тети. У мисс Пенелопы. Она, разумеется, места себе не находит.

— Да? А ты время даром не теряешь. Богатая племянница пропала, и ты тут же поселился в роскошном доме у ее тетки, старой девы.

— Я делаю то, чем должен был заниматься ты, — оскорбленным тоном ответил Стоун. — А ты так и просидел все эти дни взаперти в пустом доме?

— Конечно,— ответил Каллендер.— Где же я еще мог быть?

— Я так тоже подумал в конце концов, хотя те ребята из Скотленд-Ярда приходили сюда не раз и не два, и, по их словам, здесь не было ни души.

Каллендер чуть было не уронил бутылку, но подхватил ее и как следует к ней приложился.

— Из Скотленд-Ярда?

— Мы, естественно, вызвали их, когда нигде не смогли найти девушку, и они, что тоже естественно, захотели расспросить того, за кого она собиралась замуж. Мне кажется, что они тебя чуточку подозревали, но только до тех пор, пока кое-чего не узнали.

— Слава богу! — произнес Каллендер и откинулся на подушки.— Значит, я вне подозрений.

— Конечно же! Послушай, кузен, что с тобой творится? Тебе будто и дела нет до того, что случилось с Фелицией. Тебе разве не хочется знать, что с ней? Ее видели.

Стоун негодующе шагал туда-сюда по комнате, а Каллендер пытался собраться с мыслями.

— Так она в безопасности? — спросил он.

— Полагаю, что с точки зрения закона это, пожалуй, и так, но мне лично кажется, что ей угрожает смертельная опасность. Ее видели с тем типом, с Ньюкаслом.

Каллендер вскочил с кровати. На нем были расстегнутые брюки и несвежая рубашка.

— Ньюкасл! — воскликнул он. Схватив кузена за воротник, он уставился ему прямо в глаза безумным взглядом.— Что он с ней сделал?

— Я, разумеется, не могу знать,— отвечал Стоун, высвобождаясь из рук кузена.— Но полицейские сказали, что на ней было надето что-то, что сама она называла свадебным платьем.

— И они не остановили ее? И не забрали с собой? Боже мой!

— Так вот. Они сказали, что ни один закон не запрещает девице, находящейся в здравом уме, выйти замуж, а также прогуливаться ночью вместе с мужем на свежем воздухе, если они того пожелают. Пусть даже и на кладбище. А мне кажется, он их чем-то напугал.

Каллендер схватил валявшееся на стуле пальто и начал рыться в его карманах. На пол полетел обломок трости, но он не обратил на него внимания. Наконец он отыскал замызганную книжонку и с ликующим видом махнул ею перед глазами кузена. Плюхнувшись на стул, Каллендер всецело погрузился в перелистывание страниц.

— Он погубил мою жизнь, — пробормотал он. — А теперь я погублю его.

— Слушай, Реджи, — начал было Стоун.

— Помолчи, дурак! Не видишь, что ли, я читаю?

— Вижу, что я здесь ничем не смогу помочь, — произнес Стоун, еще более ошарашенный от того, что кузен поднял с пола обломок трости и с победоносным видом его держит. — Я пошел. Когда придешь в чувство, если такое вообще случится, ты, пожалуй, сможешь что-нибудь сделать, чтобы помочь спасти мисс Лэм.

Он неторопливо вышел из комнаты и уже почти спустился, когда услышал, как Каллендер яростно вопит, обращаясь то ли к кузену, то ли ко всему миру:

— Спасти ее? Ее спасу я! Я единственный, кто может это сделать! Только я знаю как!

Найджел Стоун ни разу не оглянулся. Он запер за собой входную дверь и вышел навстречу солнечным лучам, которые сияли для него впервые с момента его прибытия в Лондон. Он радостно посчитал, что это добрый знак. Пусть кто-то убегает, пусть даже кого-то похитили, а кто-то явно спятил, но какое это имеет значение? Он спешил на встречу с мисс Пенелопой Лэм и собственной судьбой был совершенно доволен.

Несколькими минутами позже из той же двери вышел Реджиналд Каллендер и сощурился от солнечного света. Волосы его были растрепаны, галстук сбился набок, шагал он нетвердой походкой. Он попробовал остановить кэб, но первые два кучера, лишь взглянув на него, предпочли не останавливаться. Третий остановился в нескольких ярдах, и Каллендер, шатаясь, бросился к нему. Кучер глянул на него с козел.

— Перед тем как сесть, покажи-ка свои денежки, — сказал он.

Каллендеру пришлось снова перебрать содержимое своих карманов. Он вытащил книжонку Салли, одну половину сломанной трости, потом другую. Перечень его имущества завершала небольшая фляжка.

— Похоже, тебе придется идти пешком, — сказал кучер, и лошади порысили дальше.

Каллендер швырнул вслед удаляющемуся кэбу «Вампира по имени Варни».

— Это мне больше не нужно, — закричал он. — И ты мне больше не нужен!

Вдруг он понял, что привлек внимание нескольких прохожих и что стоит он посреди тихой улочки и орет, как базарная торговка. Он узнал соседа, который всегда дотрагивался до полей шляпы в знак приветствия, а сейчас старательно отводил взгляд. Каллендер увидел, что размахивает сжатыми в кулаке обломками трости и фляжкой. Он запихал их обратно под пальто и поспешил прочь.

До кладбища Всех Душ путь был неблизкий.

Мысли Каллендера неслись много проворнее его ног, но по замкнутому кругу. Он все потерял: свое состояние, любовницу, невесту и ее состояние. Этот список крутился у него в голове, как молебен, и его начали посещать подозрения: а не теряет ли он заодно и рассудок. Собственно, он подумал, что было бы неплохо сойти с ума окончательно, поскольку иначе оставалось лишь выдерживать осаду демонов, окруживших его в этом мире.

Теперь он хотя бы знал, кого винить. Ньюкасл ведь даже вызвал призрак его дяди, и теперь Каллендер готов был поверить, что и имение дяди медиум каким-то образом ухитрился присвоить. Но Ньюкасл, конечно, никакой не медиум. Он вампир.

Это объяснение казалось Каллендеру теперь таким простым. Ведь и Фелиция перед самым своим исчезновением рассуждала о вампирах, да? И все же он должен был быть благодарен Салли Вуд, поскольку именно она дала ему аляповатого вида книжонку по интересующему его вопросу, в которой он нашел не только причину своих бед, но и путь к спасению. Пусть даже и не к спасению, но хотя бы к отмщению.

Теперь Каллендер вспоминал о Салли и чувствовал угрызения совести; он сожалел, что не смог сделать ее смерть мгновенной.

Следующую свою жертву, хочется ему того или нет, он должен будет прикончить сразу. Подходя к дому Ньюкасла, он увидел, что солнце вот-вот скроется за деревьями кладбища Всех Душ. Неужели и правда скоро восстанут из могил мертвецы?

Он помчался к дому Себастиана Ньюкасла, но там его взору предстало нечто встревожившее его посильнее заходящего солнца. Перед входом стоял человек в синей шинели с латунными пуговицами. Было ясно, что дом взят под наблюдение Скотленд-Ярдом.

Каллендер колебался. Он собирался обыскать дом, найти труп Ньюкасла, на самом деле не умершего, и всадить в него обломок трости, но обстоятельства едва ли этому благоприятствовали. Он мог бы что-нибудь разузнать у констебля, охранявшего дом, но ему не хотелось иметь дела со служителями закона, ведь теперь он сам был убийцей. Рискнуть или убежать?

Во рту у него пересохло. Найдя в кармане фляту, он выпил большую часть портвейна, а остатки разлил себе на пальто. Спиртное придало ему решимости приблизиться к дому и узнать то, что ему было нужно. Он осторожно подбирался к логову врага, стараясь при этом выглядеть достойно. В нескольких шагах от дома он решил для себя, что нападение будет предпочтительнее, чем мольбы.

— Что здесь происходит? — спросил он. — Где мистер Ньюкасл?

— Вот это мы и хотели бы выяснить, сэр. По какому делу вы к нему пришли?

— Он убежал с моей невестой. По-вашему, этого недостаточно?

— Так вы мистер Каллендер? Мы с вами хотели поговорить. Что вам обо всем этом известно?

— Лишь то, что мне рассказали. Я повздорил с мисс Лэм, без всяких на то оснований, а теперь этот тип ее околдовал и увел. Вы что-либо о ней знаете?

— Не более того, что вы сказали, сэр. Ее видели с ним на этом кладбище, вот там, но только один раз, и говорили с ними всего какое-то мгновение.

— А его дом вы обыскали? — спросил Каллендер требовательным тоном.

— Сверху донизу, сэр.

— Вы уверены? Дом этот, знаете ли, странный, — сказал Каллендер. — Однажды ночью, когда я там находился, сами стены будто рассеивались туманом.

— Бывает, сэр! У меня тоже случались такие ночи. Да и сейчас вы, с позволения сказать, как раз в таком состоянии, пусть ночь еще не наступила.

Каллендер провел тыльной стороной ладони по пересохшим губам.

— А что бы чувствовали вы? — спросил он. — Как бы вы поступили на моем месте? Если я разыщу этого Ньюкасла, я убью его.

— Что же, сэр, на вашем месте, то есть если бы нашелся мужчина, который убежал бы с моей старухой, я бы ему поставил выпить! Верно? Не стоит к таким вещам относиться слишком серьезно. — Констебль замолчал и, прищурившись, посмотрел на Каллендера, как будто только что увидел его. — Вы не смогли бы убить леди, а, сэр?

Каллендер с трудом сглотнул.

— Что вы такое говорите? — пролепетал он. — Конечно же я на такое не способен!

— Иногда джентльмену случается потерять голову, фигурально выражаясь. А мисс Лэм нигде не могут найти, как вам известно.

— Ну вы и болван, — сказал Каллендер, развернувшись на каблуках.

— Может, и так, сэр! — крикнул констебль в спину удаляющемуся Каллендеру. — А мы сможем вас застать дома, если нам что-либо станет известно?

Каллендер поспешил прочь, не утруждая себя ответом. Он был уже не в силах сдержаться ни секунды. После слов насчет того, мог бы он убить женщину... Этот простолюдин, судя по всему, ничего и не подозревал, но кто знает...

Снова проходя мимо кладбища, Каллендер заметил, что ворота открыты. Он остановился и заглянул туда. Еще несколько часов назад здесь была Фелиция. Если ее и Ньюкасла не нашли в доме, может, они все еще здесь? Каллендер вошел на кладбище Всех Душ.

В сумраке все казалось очень красивым, было похоже, что вокруг на пологих холмах раскинулся парк, поросший зеленой травой. Птицы пели на деревьях, садились на памятники из белого мрамора. Здесь был целый город мертвых, и Каллендер едва угадывал, куда нужно повернуть. Во все стороны тянулись ряды каменных фигур и надгробий, вдалеке виднелись многочисленные белые склепы.

Почти без сил брел он по улицам из мраморных надгробий к склепу дяди Уильяма. Здесь начались его страдания; возможно, здесь они и закончатся. Каллендера не покидала мысль, навеянная, по большей части, той книжонкой, взятой у Салли: вот сейчас он ворвется в этот мрачный склеп и найдет томящуюся там Фелицию, жертву злодея, которого он одолеет одним ударом своей трости из черного дерева. Стремление совершить подвиг было в нем так же сильно, как и желание еще чего-нибудь выпить. Он молил небеса избавить его от этого кошмара.

Но, дойдя до цели, он обнаружил перед склепом некоего ангела-мстителя. Перед местом последнего пристанища его дяди сидел человек в синем. Левая рука у него была забинтована.

— Мистер Каллендер, — обратился он. — Отдаете последние почести?

— Я вас не знаю, — сказал, пятясь, Каллендер.

— Значит, нам с вами следует познакомиться. Что привело вас сюда в этот вечер?

Каллендер не сразу обрел дар речи.

— Я слышал, что здесь видели мисс Лэм, — сказал он наконец.

— На этом самом месте? Кто вам это сказал? Никак не мои люди, могу вас уверить.

— Это единственное место, которое мне здесь знакомо, — сказал Каллендер. — У вас за спиной склеп, где покоится мой дядя.

— Понятно. А лежит ли он там один?

— Что, там есть кто-то еще? — спросил Каллендер поражённо. — Фелиция? Ньюкасл?

— Нет, сэр, — ответил главный констебль.

— Так где же они?

— Этого мы пока не знаем. — Главный констебль встал. — Но зато нам известно, что в склепе находятся два трупа, которым там быть не полагается, и оба чудовищно изуродованы. Это тела двух мальчишек. Что вы на это скажете, мистер Каллендер, а, сэр?

Каллендер понятился, почти уверенный в том, что все происходящее просто привиделось ему спьяну. Полицейский из Скотленд-Ярда лишь посмотрел на него. Каллендер развернулся и побежал.

«Как здорово бежать»,— думал Каллендер. Легкие обжигало, сердце колотилось, а в желудке бурлило, но он несся прочь, все дальше и дальше. Оглянувшись, он увидел, что неподвижная фигура человека в синем стала совсем крошечной и нестрашной, похожей на оловянного солдатика.

Но все же, видя, как быстро темнеют небеса, Каллендер пустился бежать. Он мчался мимо памятников и гробниц, сквозь железные ворота, а потом по улицам, и прохожие шарахались в стороны от одного его вида. Разок он свалился в сточную канаву, а когда стал подниматься, то столкнулся лицом к лицу с фонарщиком, уже вышедшим на работу.

— Так скоро? — вскрикнул Каллендер и побежал дальше.

Он понимал, что должен вернуться домой до наступления ночи.

Он никак не мог поверить в собственную удачу, когда оказался наконец в безобразном пустом доме, в своем убежище. Каллендер поискал в карманах ключ и застонал от досады, не найдя его. В панике он начал стучать в дверь, а потом с изумлением понял, что она открылась. Он смутно припомнил, что вообще не брал с собой ключ и не запирал дом. Каллендер вошел, захлопнул дверь — солнце уже заходило. Замок щелкнул. Теперь он в безопасности.

Каллендер упал на колени в темном коридоре. Для него все было кончено, и он это понимал. Он шатался по пустым комнатам, а за окнами гасли последние лучи солнца.

На глаза у Каллендера наворачивались слезы, и за это он себя ненавидел. Стоило бы плакать о Фелиции Лэм или о Салли Вуд, даже о дяде Уильяме, но все эти люди его обманули. И Каллендер плакал о себе самом.

Но все без толку.

Он бил ладонями о голые стены; он проклинал вселенную, но ей до него дела не было.

В конце концов отчаяние заставило его обратиться к самому себе, ведь больше никого и не оставалось. Но себя ему было мало. Ему нужно было раздобыть бутылку, чтобы хоть она составила ему компанию.

За прошедшую неделю он успел отлично выучить дорогу в винный погреб. Он уже подумывал, не переселиться ли ему туда жить, среди пыльных бутылок и ящиков с тканями, которые кузен привез из Индии. Из этих дешевых тряпок он сможет устроить себе там постель, и вино будет всегда под рукой. Эта мысль ему понравилась. Он прошел через кухню и в кладовке с продуктами отыскал огарок свечи, чтобы осветить себе путь.

Темные ступеньки стали ему верными друзьями, а мрачный подвал, где он оказался, — прибежищем. Отыскав полку с портвейном, он выбрал из оставшихся бутылок вино самого лучшего урожая. Отбив горлышко, он стал лить себе в глотку ароматный красный напиток. Пришлось выплюнуть осколок стекла, что ж, ничего страшного, он всего лишь порезал губу.

Каллендер сел на пыльный пол и осмотрелся. Он выпил еще и заметил, что в подвале что-то изменилось. Один из тяжелых индийских ящиков стоял не в общем штабеле, а в середине подвала. И крышка была не прибита.

Каллендер с опаской подошел к ящику. Поставил свечу, чтобы освободить обе руки. Стоило ему прикоснуться к крышке, и она с грохотом упала на каменный пол.

Казалось, что внутри лишь разноцветные хлопковые ткани, но Каллендер не успокоился и отбросил рулоны в сторону. И под ними увидел лицо Себастиана Ньюкасла.

От потрясения Каллендер лишь через мгновение обрадовался своей находке. Вот он и обнаружил логово вампира, причем в подвале своего же собственного дома. Где и в

каком состоянии ни находилась бы сейчас Фелиция, но тот, кто обманул ее, обманулся и сам. Каллендер усмехнулся: хитрый план сорвался, а как отлично все было придумано. Вампир, несомненно, полагал, что спрятался весьма изобретательно; он и не догадывался, что Каллендера мучает такая же неутолимая жажда, как и его самого. Каллендер швырнул на пол еще несколько рулонов хлопковой ткани и увидел, что Себастиан Ньюкасл раздет до пояса. Один вид полуголого совратителя привел Реджиналда в исступление.

Вокруг царил сумрак. Каллендер понимал, что солнце уже зашло. Он знал, что чудовище уже может броситься и уничтожить его. Он вытащил из-под одежды обломок трости; один из концов был острым, как игла. Теперь необходимо что-то, чем он нанесет решающий удар, и найти это нужно немедленно. Подойдет и винная бутылка: можно ударить донышком.

Каллендер почувствовал, как заколотилось сердце в его собственной груди, и это подсказало ему, куда именно нацелить удар. Он прикоснулся сломанным концом трости к холодной и гладкой коже. И ударил по другому концу тяжелой бутылкой.

Черное дерево вонзилось в податливую плоть, и с губ трупа сорвались стенания, и голос был очень высокий. Потрясенный Каллендер вбивал палку все глубже и глубже. После каждого удара раздавался слабый стон, от которого у него мурашки ползли по спине. В предсмертной агонии было что-то сверхъестественное. Что-то здесь было не так.

Тело вампира задрожало. Сначала оно заметалось из стороны в сторону, а потом рассыпалось, будто пустой панцирь. Куски тела полетели в разные стороны. По полу погреба покатился стеклянный глаз. Кожа раскрошилась. И нечто начало вырываться на волю.

Обломки тела Себастиана летели во все стороны, некоторые падали там же, в ящике. Большая часть его лица легла возле другого лица, которое до того было скрыто внизу.

Среди кусков воска лежала Фелиция Лэм, и в ее груди торчал глубоко вонзившийся обломок трости Каллендера.

Каллендер не мог понять, почему из раны не идет кровь. Откуда ему было знать, что в теле девушки не осталось ни капельки крови. Она была бледна, как мраморная статуя. Золотистые волосы, которые он впервые видел распущенными, рассыпались вокруг ее головы, будто нимб. А вокруг нее лежали куски восковой фигуры, напоминавшие о жестокой последней шутке Ньюкасла.

Каллендеру показалось, что ресницы Фелиции затрепетали, губы приоткрылись, а пальцы потянулись к разорванному сердцу. А потом она замерла. И на ней было платье из белоснежного шелка. Она походила на спящего ангела.

На мгновение его свеча ярко вспыхнула.

Каллендер засмеялся, не в силах сдержаться. Брал в руки куски воска и топтал их ногами. Найдя еще одну бутылку, он отбил ей горлышко и стал пить из этого стакана, который острой кромкой резал ему губы.

Услышав шаги у себя над головой, он понял, что пришли за ним, и снова засмеялся.

Реджиналда, изо рта у которого капала кровь, обнаружили возле пробитого насквозь тела его возлюбленной. Найти его удалось по бессвязным звукам, которые он издавал.

Это были трое мужчин в синей форме, и один из них держал в перевязанной руке фонарь. Позади них показался Найджел Стоун, с извиняющимся видом показывавший ключ. В свете фонаря винный погреб наполнился пляшущими тенями.

— Мистер Каллендер,— обратился к нему главный констебль.— Что вы сделали с мисс Лэм?

XI. Добросовестный кузен

Мистер и миссис Найджел Стоун сидели рядышком на диванчике, за бутылочкой великолепного старого шерри.

Их свадьба, возможно, и была поспешной, но, как заметила миссис Стоун, лучше пожениться в спешке, чем не сделать этого вообще. Кроме того, их союз должен был развеять грусть, которая могла бы испортить жизнь им обоим.

— Подумать только, я вышла замуж за героя! — прощебетала миссис Стоун.

— Какой же я герой, — пробормотал мистер Стоун. — Я просто впустил в дом полицейских, чтобы его схватили.

— Но ты мог погибнуть! — воскликнула она.

— Да, пожалуй, мог. У него под одеждой оставалась вторая половина трости.

— За одну неделю я обрела отважного жениха и унаследовала состояние, — сказала миссис Стоун. — Разве я не самая счастливая из женщин?

— Ах, я и не знаю, — отвечал мистер Стоун. — Я вернулся после стольких лет в глуши, и тут же нашел очаровательную невесту. Так что мне повезло еще больше.

Новобрачные обменялись целомудренными поцелуями.

— Ты слышал, в музее мадам Тюссо выставят фигуры бедняжки Фелиции и твоего кузена? — спросила миссис Стоун. — Они будут представлены в Мертвой Комнате, там ожидается много новых поступлений. Мне приятно думать, что бедная девочка не будет забыта.

— Конечно, — согласился мистер Стоун.

— Прилично ли нам будет посетить эту экспозицию?

— Это тебе решать, Пенелопа.

Миссис Стоун задумчиво отпила капельку шерри.

— А что с мистером Ньюкаслом? — спросила она. — Его разыскали?

— От него, боюсь, не осталось и следа, — ответил мистер Стоун. — Полиция полагает, что Реджи мог и с ним разделаться, тем более что этот придурок заявил, что убил как раз Ньюкасла, когда вонзил свою трость в сердце бедной Фелиции!

— Да, — согласилась миссис Стоун. — Там было много крови?

— Что? Мне, по правде говоря, очень не хотелось смотреть на Фелицию. Вообще-то она показалась мне вполне чистой, а вот у бедняги Реджи весь рот был вымазан кровью.

— А он правда потерял рассудок?

— А чем еще можно объяснить столь неблагородное поведение? — ответил мистер Стоун, наполняя оба бокала. —

Интересно, будут ли его держать в сумасшедшем доме или просто повесят. Жаль, что я не могу ему чем-то помочь.

— Мне вовсе не кажется, что тебе стоит утруждать себя ради человека, так варварски поступившего с моей племянницей.

— Как скажешь, Пенелопа. Как бы то ни было, я оказал ему одну услугу.

— Это какую же?

— В общем-то, сущую мелочь. На следующий день после того, как все это случилось, я пришел в его дом и увидел в холле решетчатый упаковочный ящик.

— Решетчатый ящик?

— Да, причем довольно большой. Он был запечатан, и этикетки с адресами уже наклеены, поэтому я и решил сам его отослать, хотя одному Богу известно, какие дела могли быть у Реджи в Индии.

— В Индии?

— Там был указан адрес в Калькутте какого-то человека, имя я не запомнил, но мне оно показалось вроде бы испанским.

— Испанским? — переспросила миссис Стоун. — О боже мой!

НИЛ ГЕЙМАН

Пятнадцать карт вампирского таро

«Когда-нибудь я покончу со старшими арканами, — признался Гейман, — осталось еще семь карт, семь небольших историй. Потом подойдет черед и младших арканов». Первоначальная версия была опубликована отдельной книгой и сопровождалась иллюстрациями нескольких художников. Автор предлагает читателям нарисовать свои собственные карты.

0 — Шут

— ЧТО ТЕБЕ НАДО?

Вот уже месяц, как юноша приходил на кладбище каждую ночь. Он наблюдал, как в лунном холодном свете изменяются шершавый гранит и отшлифованный мрамор, покрытые мхом камни могильных плит и застывшие статуи. Он начал с теней и сов. Он подсматривал за влюбленными парами, пьяницами, подростками, решившими пойти короткой дорогой и теперь дрожащим от страха, — словом, за всеми, кого ночь приводила за кладбищенскую ограду.

Днем он спал. Никто не обращал на это внимания. А по ночам в полном одиночестве он дрожал на холоде. Наконец в его голове появилась мысль, что он стоит на краю пропасти.

Из окружающей со всех сторон ночи прозвучал голос. Этот голос, словно эхо, раздался в его голове, как будто родился внутри, а не пришел снаружи:

— Что тебе надо?

Юноша попытался решить, хватит ли ему смелости оглянуться и посмотреть. Но понял, что не хватит.

— Итак, я тебя видел: каждую ночь ты приходишь сюда, где живым не рады. А зачем?

— Я хотел увидеть вас, — ответил юноша, но сил обернуться так и не появилось, — я хочу жить вечно.

При этих словах его голос надломился, словно хрустнула ветка. Вот, он шагнул в пропасть. Пути назад уже нет. Ему даже показалось, что острые, словно иглы, клыки впились в шею, — это она, жестокая прелюдия вечной жизни. И тут раздался звук, тихий и печальный, словно журчание подземной реки. Потребовалось несколько секунд, чтобы распознать в этом звуке смех.

— Жизнь тут ни при чем! — произнес голос.

Воцарилась тишина, и по прошествии времени юноша осознал, что находится на кладбище в полном одиночестве.

1 — Маг

Кто-то спросил слугу графа Сен-Жермена, действительно ли его хозяин прожил тысячу лет, как о том говорят. «Где мне знать, — ответил он, — ведь я служу ему всего три столетия».

2 — Верховная Жрица

Бледная кожа, темные глаза, волосы, выкрашенные под воронье перо. Она появлялась на дневных ток-шоу и представлялась королевой вампиров. Показывала перед камерами клыки — искусную работу дантиста, приводила с собой бывших любовников, которые кто от стыда, кто от возбуждения сознавались, будто она пила их кровь и даже вскрывала им вены.

— Но все же вас можно увидеть в зеркале? — поинтересовалась ведущая, стяжавшая у газет звание самой богатой женщиной в Америке и сколотившая состояние, терзая перед телекамерами уродов, исповедуя фриков и выворачивая души болванов наизнанку.

Смех в студии.

Женщина пришла в легкое замешательство.

— Конечно. Что бы там люди ни говорили, вампиров вполне можно видеть и в зеркале, и на экране.

— Милочка, на этот раз тебе удалось рассказать правду, — произнесла ведущая, но дневное шоу так и не узнало об этом: она закрыла микрофон рукой, чтобы реплика не попала в эфир.

5 — Верховный Жрец

Две тысячи лет назад он сказал: «*Сие есть Тело Мое. Сие есть Кровь Моя*».

Так появилась единственная религия, дававшая на деле именно то, что обещано: вечную жизнь для своих адептов. Сегодня мы живем, чтобы помнить о нем. Некоторые считают его мессией, другие говорят, будто он был человеком, наделенным исключительными способностями. Дело вовсе не в этом. Чем бы он ни был — это он изменил мир.

6 — Влюбленные

После смерти она стала посещать его по ночам. Он стал бледен, под глазами появились круги. Поначалу в деревне считали, что дело в трауре. И вот однажды ночью он исчез. Разрешение раскопать могилу получить непросто. Как только оно оказалось на руках, время было приступать к действиям. Могилу вскрыли, гроб подняли, крышку отвинтили. Содержимое превзошло их ожидания. Дно было покрыто водой — шесть дюймов жидкости, позаимствовавшей свой мерзкий цвет у ржавого железа. В гробу лежали два трупа: ее, что было естественно, и его. В отличие от нее, его тело обнаруживало явные следы разложения. Никто не мог взять в толк, каким образом два тела смогли уместиться в гробу, предназначенном для одного. В особенности если принять во внимание ее состояние: женское тело демонстрировало явные признаки беременности. Последнее было особенно удивительно, поскольку на похоронах ничего подобного люди не приметили. По требованию церковных властей, до которых дошли слухи, могилу пришлось вскрыть повторно. Живот оказался плоским, ее живот, разумеется. Местный доктор пришлся объяснять, что вздутие вызывает газ, наполняющий утробу в процессе разложения. Селяне в задумчивости кивали — так, как будто они вправду ему поверили.

7 — Колесница

Инженеры-генетики показали, на что способны: им удалось вывести породу людей для межгалактических экспедиций. Были сделаны необходимые улучшения: максимально увеличена продолжительность жизни — расстояния между звездами немалые, дефицит пространства потребовал минимизировать потребность в питании. Кроме того, этот вид должен был обладать механизмами приспособления, чтобы адаптироваться к новым условиям и колонизировать достигнутые миры посредством заселения их себе подобными. Отправители пожелали колонистам всего наилучшего. Старт был дан. Незадолго до вылета инженеры стерли из бортовых компьютеров координаты точек отправления — так, на всякий случай.

8 — Правосудие

— Это не человек, — провозгласил магистрат, — и не подлежит людскому суду.

— Раз так, — ответил адвокат, — мы не можем назначить казнь, не проведя заседания. Кроме того, имеются прецеденты. Свинья сожрала младенца, упавшего к ней в стойло: ее признали виновной и повесили. Рой пчел изжалил старика до смерти, городскому палачу было приказано сжечь улей. Адское отродье заслуживает не менее сурового наказания.

Улики против младенца были бесспорны. Дело было так: из деревни пришла женщина с ребенком, она утверждала, что дитя — ее собственное и что у нее умер муж. Вдова нашла приют в доме колесника и его жены. Вскоре колесник стал жаловаться на усталость и меланхолию, пока наконец слуга не обнаружил его мертвое тело — заодно с бездыханными женой и постоялицей. Младенец, вполне живой, находился в колыбели, вид у него, правда, был очень бледный, глаза выпучены, а на лице и губах остались следы крови.

Присяжные сочли комочек плоти, вне всякого сомнения, виновным и приговорили его к смерти. Совершить

казнь было поручено городскому мяснику: на глазах у всего города он разрубил младенца пополам и бросил обе части в костер.

Его собственное дитя умерло пятью днями ранее — нелегкая, но весьма обыденная утрата. Жена мясника казалась безутешной. Накануне казни она даже уехала из города, собиралась повидать сестру. Прошла пара дней — и мясник отправился вслед за нею. Теперь они были вместе: мясник, его жена и младенец — вряд ли вам доводилось видеть семью счастливее этой.

10 — Колесо Фортуны

— Куда вы дели доктора? — спросила она и улыбнулась. — Мне казалось, что он вошел сюда минут десять назад.

— Простите, я был голоден... — Шутка мне удалась, и мы оба рассмеялись.

— Пойду разыщу для вас.

Ожидая в пустом кабинете, я принялся ковырять в зубах. Наконец медсестра вернулась.

— Прошу извинить. Доктор отлучился на какое-то время. Может быть, дать вам номерок на следующую неделю?

Я покачал головой:

— Я позвоню. — Впервые за целый день я ей солгал.

14 — Воздержание

Она называла себя вампиршей. Врала, это сразу можно было прочесть в ее глазах. Черных как уголь. Впрочем, она никогда не смотрела прямо на тебя, все мимо, сосредоточив свой взгляд на чем-то невидимом, — прямо за твоей спиной, чуть повыше, чуть пониже, чуть ближе, чуть дальше.

— И как оно на вкус? — Я спросил ее об этом прямо на автостоянке, расположенной за баром. Она работала в

ночную смену, отлично смешивала коктейли, но никогда не пила сама.

— Сок «Восемь овощей»[1], не нынешний, «с пониженным содержанием соли», а настоящий. Или что-то вроде соленого гаспачо.

— Что такое гаспачо?

— Овощной суп[2], подается холодным.

— Не вешай мне лапшу.

— А я и не вешаю.

— Так что же, я пью «Восемь овощей», а ты кровь — и никакой разницы?

— Не совсем — если тебя вспучит от овощного сока, можешь попробовать что-нибудь другое.

— Твоя правда, мне «Восемь овощей» никогда не нравился.

— Видишь? В Китае мы пьем не кровь, а спинномозговую жидкость.

— И как оно?

— Ничего особенного, чистый бульон.

— А ты пробовала?

— Я знаю тех, кто...

Я попытался разглядеть ее отражение в боковом зеркале грузовика, к которому мы прижались, но было темно и ничего не видно.

15 — Дьявол

Вот вам его приметы. Обратите внимание, ему присущ специфический запах, этого портрет не передает, кроме того, характерная желтизна зубов и румянец на лице. Несомненно, он рогоносец, в одной руке у него деревянный кол, а в другой — деревянная колотушка.

Разумеется, всем известно: никакого дьявола на самом деле не существует.

---

[1] Соки компании «Балтимор» не имеют к данному рассказу никакого отношения. Американский сок «V8» используется для приготовления «Кровавой Мэри» в домашних условиях.

[2] В состав гаспачо входит целый ряд ингредиентов, противопоказанных вампирам, в том числе и чеснок.

16 — Башня

Незрима, безмолвна, из камня она
И злобы людской сложена.
Горчащий укус и разящее жало...
А ночью на воздухе лучше, пожалуй[1].

17 — Звезда

Те, кто постарше и побогаче, любят зиму, странствуют вслед за нею, наслаждаясь длинными ночами. И они предпочитают Северное полушарие Южному.

— Видите вот ту звезду, — повторяют они, показывая на сияющую точку в созвездии Дракона, — мы пришли оттуда. И когда-нибудь мы снова окажемся там.

Те, кто помоложе, поднимают их на смех и никак не могут относиться к подобным вещам серьезно. Но годы превращаются в столетия, и они начинают тосковать по дому, мечтать о месте, где они никогда не были. А холодный климат Северного полушария, там, где Дракон извивается между Большой и Малой Медведицами, кажется им бодрящим.

19 — Солнце

Она начала: «Представьте, что в небе парит нечто, способное причинить вам боль, даже убить. Нечто вроде огромной птицы, коршуна, охотится на вас только при дневном свете. Стоит выйти наружу — и оно вас схватит».

И подытожила: «Вот так происходит и на самом деле. Убивает не хищник, а яркий, прекрасный, несущий смерть солнечный свет, которого я не видела уже несколько столетий».

---

[1] Перевод Веры Полищук.

20 — Праведность

Это способ рассуждать о соблазне, не впадая в соблазн,— так он учил. Рассуждать о сексе и избегать секса, рассуждать о смерти и бояться смерти, а о чем вообще еще можно рассуждать?

21 — Мир

— Знаешь, что самое печальное? — сказала она.— Самое печальное, что мы — это вы.

Я промолчал.

— Вы воображаете наших такими похожими на себя. Только лучше. Мы не умираем, не стареем. Не страдаем от боли, холода или жажды. Даже в одежде мы перещеголяли вас. Мы сопричастны мудрости веков. А если мы жаждем крови, так что с того: разве ваши не жаждут пищи, или любви, или дневного света. Кроме всего прочего, это не дает сидеть на месте. Или лежать в гробу. Или покоиться в склепе. Что бы там ни было. Короче, все — сказки.

— А что же на самом деле?

— Мы — это вы, со всеми вашими человеческими проблемами и слабостями, страхом, одиночеством и замешательством... Поверь, это не проходит. Даже с годами. И все же мы холоднее вас. Или мертвее. Я скучаю по солнечному свету,— сказала она,— по еде. Мне так не хватает человеческого тепла. Я помню жизнь, я помню, как встречалась с людьми вовсе не ради того, чтобы насытиться или поиграть ими. Я помню, что значит чувствовать и переживать — не важно даже, счастье или печаль, просто переживать... — Тут она смолкла.

— Ты плачешь?

— Мы не плачем.

Я ведь вам говорил — она была лгуньей.

СТИВ РЕЗНИК ТЕМ

Домашнее вино

Стив Резник Тем живет в Денвере, штат Колорадо, со своей женой, писательницей Мелани Тем, автором романов в жанре хорор.

Стив Резник Тем опубликовал более 250 рассказов в различных журналах и антологиях. В 1988 году его рассказ «Утечка» («Leaks») получил Британскую премию фэнтези. Несколько лет назад сборник его рассказов вышел во Франции под названием «Omdres sur la Route». Позднее вышли прославившие автора сборники «Городская рыбалка» («Citi Fishing»), получившая премию The International Horror Guild, и «Дальняя сторона озера» («The Far Side of the Lake»). Книга «Человек на потолке» («The Man on the Ceiling»), написанная в соавторстве с Мелани Тем, получила премии им. Брэма Стокера и Всемирную премию фэнтези, роман «Последние дни распродажи» («In These Final Days of Sales») — премию Брэма Стокера.

Автор продолжил сотрудничество со своей женой романом «Дочери» («Daughters»), написанным в жанре хай-фэнтези и экспериментальным фэнтези-романом «Книга дней» («The Book of Days»).

«Рассказ „Домашнее вино" порожден моим страстным желанием исследовать семейный аспект легенд о вампирах, — говорит Тем. — Классический вампир — фигура весьма гламурная. Но те из нас, кому довелось жить в больших семьях, прекрасно понимают, что семейная жизнь и родственные отношения быстро ставят крест на гламуре».

Эта впечатляющая история была написана специально для нашей антологии.

Прежде она говорила ему, что их семья всегда жила в этом доме и когда-нибудь его унаследуют их дети. Когда Джек будет уже слишком стар и слаб для того, чтобы выходить на улицу, и не сможет сам прокормиться, она станет о нем заботиться, кормить его из собст-

венного рта, давать ему пищу вместе с поцелуями. И он всегда верил, что она сдержит свое обещание.

Но когда ее состояние стало ухудшаться, когда изменения стали заметными, он понял, что она будет просто не в силах исполнить обещанное. Роли поменялись: теперь уже ему приходилось с каждым поцелуем вливать в нее новые жизненные силы, отдавать ей пищу, кровь и свою любовь. Словно он поил ее сладким домашним вином.

Когда они только поженились, жена рассказала ему, что в ее семье и прежде бывали случаи тяжелой депрессии. Это было проклятием их рода: неисцелимая печаль, меланхолия, постоянная слабость. Поначалу он не вслушивался в эти рассказы, не принимал их всерьез, поскольку никогда не видел свою жену печальной или слабой. И только когда их старшим детям исполнилось по десять лет, он стал замечать, что она все чаще выглядит грустной и подавленной, что ее движения становятся медленными и неуверенными. Потом ее глаза стали чужими и холодными, а лицо неподвижным, будто она надела глиняную маску с вставленными в прорези для глаз черными камнями. Теперь она больше не рассказывала ему истории о своей семье и их фамильном недуге, а когда он спрашивал ее, что происходит, она лишь пожимала плечами, говоря, что не понимает, о чем идет речь.

Перемены сделались заметны и для окружающих, и постепенно об их семье стали говорить как о «возможно дисфункциональной». Начались визиты социальных работников и дефектологов, и вскоре ярлык «психическая дисфункция» появился на истории болезни, которая с каждым днем становилась все толще и толще. Врачи и психологи снова и снова исследовали состояние его жены, поведение его детей и общую семейную динамику. Тогда он решил бороться, и в конце концов ему удалось отвадить от дома всех посторонних. Его семье удалось устоять под градом обвинений. Он смог защитить жену и детей, и он готов был заботиться о них до конца дней. Люди просто перестали посещать их, и священная мистерия, происходящая в доме, была скрыта от чужих глаз.

Дом постепенно дряхлел, но его жена и дети старились гораздо быстрее.

* * *

— Ты все время чертовски весел, — говорила она. — От этого впору заболеть.

Поначалу это звучало как шутка. Но сейчас, глядя в ее серые глаза, он понимал, что она не шутит.

— Я просто пытаюсь поддержать тебя, — отвечал он. — Вот и все.

Джек подумал, что зрение все чаще подводит ее. Он был уверен, что прошли уже месяцы с тех пор, как он в последний раз улыбался. Он поставил на столик перед нею чай и крекеры. Она, вытянув шею, попыталась поймать его губы своими зубами, мгновение ему казалось, что сейчас она наконец рассмеется, но она не рассмеялась.

— Любишь меня? — Даже ее голос давно стал тусклым и безжизненным.

Он ухватил крекер губами и отдал ей изо рта в рот. В соседней комнате их десятилетние дочери-близняшки заворочались в своих кроватях. Они не вставали по меньшей мере два месяца, а может быть, еще дольше.

— Они пошли в меня и последуют за мной, ты знаешь? — Жена потерлась щекой об его щеку и засмеялась, но смех тут же перешел в сухой кашель.

На первом этаже их семилетний сын, играя, гудел как мотоцикл.

«Слава богу, хоть он пошел в меня и останется со мною», — подумал Джек. Это тоже прозвучало как шутка, но смеяться ему не хотелось. Он видел, что губы жены стали совсем сухими и потрескались. Она тихо застонала, и Джек увидел кончик языка, белый, как уголок накрахмаленного платка.

Он до боли закусил губу, прокусил нежный рубчик на слизистой рта. Ощутив на языке соленый вкус, он сделал языком несколько всасывающих движений, смешивая во рту кровавый коктейль, целительный бальзам, содержащий так необходимые его жене соль и железо.

Он накрыл ее губы своими, их языки встретились, он втянул клыки и, целуя, напоил ее своей кровью. Так он кормил ее день за днем, теперь, когда она не могла больше охотиться и целые дни проводила в постели, в своей

комнате, в доме, где большие хлопья пыли тихо парили вокруг них.

— Девочки, — прошептала она, отстраняясь, и он заметил, что ее язык вновь стал влажным, а губы порозовели.

Но у него пока не было сил пойти в детскую, и он лишь сидел на краешке ее кровати и слушал, как их дочери стонут от голода в своих кроватях, стонут и пищат, словно новорожденные крысята.

— Расскажи мне, Джек, — вновь зашептала его жена. — Расскажи мне еще раз, как прекрасна жизнь.

Больше она не произнесла ни слова.

Открыв дверь, он увидел молодого парня в синей форме посыльного. В каждой руке парень держал по объемистому коричневому мешку. Он улыбнулся, и Джек ответил на улыбку, хоть живот подводило от голода, а голова кружилась все сильнее.

— Ваш заказ, сэр!

Слух Джека обострился настолько, что он слышал сухой шорох кожи в доме за своей спиной, сдавленные стоны, топоток тараканьих ножек. А когда парень протянул ему мешок и на миг их руки соприкоснулись, Джек почувствовал живое тепло, молодую кровь, наполняющую сосуды, увидел на тыльной стороне рук посыльного крошечные царапины, трещинки, в которых проглядывало свежее мясо.

Когда-то, когда его дочери еще были здоровы, он брал их с собой на охоту, но в последние месяцы ему приходилось кормить их слизняками, червями, насекомыми и мелкими зверьками. Глядя на мальчишек-посыльных, приносивших корм, Джек спрашивал себя, долго ли его семья сможет протянуть на таком пайке. Он старался растягивать запасы живого корма, которые доставлял посыльный, однако часто случалось так, что еды не хватало, и девочки, лежа в своих постелях, плакали и просили, чтобы он их накормил. Тогда у Джека перехватывало горло, а глаза наполнялись слезами бессилия. Однако плакать он тоже не мог.

Вечерами он пытался поговорить со своей семьей, как в прежние времена. Он рассказывал им о своем одиноче-

стве, о мечтах, в которых им не было места. Жена и дочери не всегда ему отвечали, и ему казалось, что они специально от него отгораживаются, что они переселились в свой мир, куда ему нет ходу.

Иногда он обнаруживал их в самых неподходящих местах. Однажды его жена забралась в шкаф и сидела там, перебирая свои платья и блузки. Как-то раз он застал дочерей, когда они сжимали друг друга в объятиях, словно лесбиянки. «Поцелуй нас!» — зашептали они бледными сухими губами, и как ни любил Джек своих детей, он не смог исполнить их просьбу.

В конце концов он стал на ночь брать малыша в свою постель.

Джек приносил дочерям пойманных им мышей и тараканов. Они хрустели насекомыми словно конфетами, а затем выплевывали пустые шкурки.

Вскоре менструальная кровь у девочек стала светло-розовой и совсем жидкой. Джеку приходилось протирать им промежности мягкой ветошью. Потом месячные прекратились.

Однажды вечером его сын выбрался из кровати и отправился бродить по дому. Джек нашел его в чулане, где мальчик стоял у стены, сжав пальцы, словно когти, и не отрывал взгляда от вьющихся под потолком ночных мотыльков. Такие отлучки стали повторяться. Мальчик забирался в чуланы и шкафы, приходил в комнаты матери и сестер, иногда прятался в пустой коробке из-под игрушек. На игрушки он давно уже не обращал внимания и играл только со своим телом — грыз клыками большой палец.

Джек по-прежнему кормил свою жену изо рта в рот. Иногда слизистая отекала и становилась такой болезненной, что он не мог собрать ее в складку.

Изредка он пытался передать жене с поцелуем кусочек хорошо прожеванного свежего мяса крысы или птицы. Но она всегда выплевывала мясо. Такую пищу она больше не могла усваивать и питалась только его кровью.

Постепенно их сын начал охотиться. Иногда Джек слышал, как он крадется в зарослях на заднем дворе. В соседних домах стали пропадать мелкие животные, и Джек перестал вызывать посыльных.

Теперь и его дочери начали отказываться от еды. Когда Джек открывал дверь в их комнату, они прятались под одеялами. Однажды Джеку удалось, надкусив язык, влить немного своей крови в их пересохшие рты. Это было не просто — девочки упрямо сопротивлялись попыткам накормить их, однако со временем они научились слизывать кровь с его языка. Они так старались, что едва не раздирали отцовский язык своими зубами, но Джек всякий раз успевал отстраниться.

Иногда он спрашивал себя, неужели они до сих пор считают его хорошим мужем и отцом. Он пытался петь детям колыбельные, читать жене стихи. Они кивали головами, он чувствовал, как изменяется ритм их дыхания, но они по-прежнему не произносили ни слова.

Теперь Джек оставлял всю добычу себе. Кормя жену, он пытался сохранить для себя немного крови. Он пытался вспомнить ощущение ее рук на коже в те времена, когда они были нежными и мягкими, а дыхание свежим.

Он слышал, как в домах, окружающих его, бьются сотни сердец, как потоки крови текут по венам сотен живых существ. Он пытался заглушить собственный голод. Он пытался вспомнить лица своих соседей, но и это ему не удавалось.

Тела жены и детей становились все легче, и теперь он мог носить их по дому без всяких усилий. Они были не тяжелее пачки полотенец. Он носил их на плечах и иногда, забывая об этом, садился в кресло и задремывал, а потом вскакивал в панике и в первые мгновения не знал, где их искать.

Но чем легче они становились, тем больше крови им требовалось. Теперь Джек беспрерывно чувствовал боль во рту, и ему приходилось растравлять старые трещины, прокусывать молодую кожу, разыскивать кровеносные сосуды

в мышечном слое, пока наконец его рот не наполнялся кровью и он не припикал губами к их губам. Кровь стекала им на грудь, и казалось, будто они нарядились в темно-красные слюнявчики.

Их кости становились все тоньше, замещались фиброзными волокнами. Их плоть таяла и растворялась. Джек делал глубокие надрезы на внутренней стороне локтей, на внутренней поверхности бедер, на икрах и заставлял жену и детей пить его кровь. Но кровь словно проходила сквозь их тело, лишь ненадолго возвращая цвет их коже, и в полутьме дома они казались призраками, тенями ушедших людей.

Как быстро они снова бледнели, как быстро они таяли, превращаясь лишь в смутное воспоминание о себе самих!

Тогда он стал отрезать куски своего тела и кормить семью своей плотью и кровью. К счастью, теперь одного куска им хватало надолго: их маленькие и острые как у крыс зубы отщипывали крохотные порции. Его жена и дочери уже давно не пользовались словами, а потому не могли выразить ему свою признательность. Но Джек в этом и не нуждался. Это была семья, о которой он всегда мечтал. Ему достаточно было видеть благодарность, светившуюся в их глазах.

Его одежда давно порвалась в клочья и пропиталась кровью. Однажды Джек увидел, как его сын сосет один из таких кровавых ошметков, и решил, отбросив последнее смущение, отказаться от одежды. Теперь он ходил по дому обнаженным, его наготу прикрывали только хрупкие тела его жены и детей. Они висели на его теле, прижимаясь ртами к его открытым ранам.

Так шло время. Месяц за месяцем они были неразлучны, и Джек чувствовал, что сердца всей семьи бьются в унисон. Однажды он проснулся около полуночи от причмокивания их сосущих губ, от тихого скрежета их зубов, вгрызавшихся в его плоть. Под эти звуки он снова заснул, а несколько часов спустя, когда серый утренний свет проник в комнату, Джек увидел, что его жена и дети наконец насытились, опьянели, осоловели от сытости, а их глаза полны восхищением и обожанием. Он почувствовал себя бесконечно счастливым оттого, что смог позаботиться о своей семье, накор-

мить их, вернуть им жизнь. Теперь, наевшись, они отвалились от его тела.

Постепенно они снова обживали дом, и Джек видел, что теперь они сильнее и здоровее, чем были когда-либо.

Правда, они больше не благодарили его, но разве хороший муж и отец нуждается в благодарности?

Он лишь следил за тем, как они росли, становились тоньше, гибче, прозрачнее.

Год спустя он уже не видел их. Иногда ему казалось, что он различает чье-то лицо на обивке мебели, видит круглый глаз или рот, раскрывающийся в беззвучной мольбе, среди покрытых густым слоем пыли цветов на подоконниках.

Еще пять лет спустя затих и невнятный шепот. По привычке Джек продолжал присматривать за домом. По привычке он готовил домашнее вино из своей крови. Но теперь, прокусив слизистую и собрав целебный бальзам во рту, он проглатывал его сам.

ХАРЛАН ЭЛЛИСОН

Попробуй тупым ножом

За свою карьеру, растянувшуюся почти на пятьдесят лет, Харлан Эллисон получил больше наград в области художественной литературы, чем любой другой из живущих писателей. Среди этих наград: Хьюго, Небьюла, приз Гильдии американских писателей Серебряное перо, Британская премия фэнтези, премия имени Брэма Стокера и Всемирная премия фэнтези. Он также получал приз за достижения всей жизни от Мирового конвента фэнтези и Ассоциации писателей ужасов.

Эллисон — автор и редактор более семидесяти пяти книг, он написал около двух тысяч рассказов, юмористических историй, эссе, статей и газетных колонок, плюс две дюжины телепостановок и дюжину киносценариев. Washington Post назвала его «одним из величайших живущих американских писателей».

Профессиональный дебют Харлана Эллисона состоялся в 1956 году, когда он выступил редактором «Бесконечной научной фантастики» («Infinity Science Fiction»). Затем он опубликовал множество восторженно встреченных читателями новелл и таких сборников, как «Рассказы птицы смерти» («Deathbird Stories»), «Чужое вино» («Strange Wine»), «День вдребезги» («Shatterday»), «Бродя среди кошмаров» («Stalking the Nightmare»), «Злая Кэнди» («Angry Candy»), «Спад» («Slippage») и серию «На грани» («Edgeworks»). Он также редактировал играющие заметную роль в литературе антологии научной фантастики «Опасные видения» («Dangerous Visions») и «И снова опасные видения» («Again, Dangerous Visions»).

В настоящее время Эллисон завершает редактирование сборника «Мыслящая машина» («The Thinking Machine»), в который вошли детективные рассказы Жака Фатрелла. Книга выйдет в серии «Современная библиотека» («The Modern Library»). Его собственный сборник «Чужое вино» будет переиздан (причем в него войдет и совершенно новый рассказ «Последний эксперимент сына доктора Моро» («The Final Experiment of the Son of Dr Moreau»). У того же издателя недавно появился комикс «Вик и кровь: Продолжение приключений

мальчика и его пса» («Vic and Blood: The Continuing Adventures of A Boy and His Dog»). В него входят постапокалиптические рассказы Эллисона с иллюстрациями Ричарда Корбена.

«Ужасы, как узнаваемый поджанр литературы, появились уже в 1764-м вместе с „Замком Отранто“[1], — объясняет автор, — и тем не менее я предпочитаю считать, что первым проявлением их были более ранние записи, подробно излагающие, как Гильгамеш охотился за Гренделом[2], что являлось высшей степенью леденящего мозг ужаса — до тех пор, пока не появилась Бритни Спирс.

Некстати. Вот в чем проблема: почти каждое слово из тех, которые обычно употребляются по канонам жанра ужасов, было написано и переписано, обсосано, разжевано и повторено столько раз, что сложенные из этих слов фразы набивают оскомину читателю и буквально доводят его до изнеможения. По мне, тема почтенного замшелого вампира — вне зависимости от того, обозначен ли четко его пол, или он отнесен к существам бесполым, среднего, так сказать, рода, — и стандартного кровососания содержит примерно столько же крупиц истины, сколько наберется в тарелке с лимской фасолью. (Кстати об ужасах. Покажите мне кого-нибудь, кто съест лимскую фасоль без приставленной к его лбу пушки, и я покажу вам растлителя малолетних, серийного убийцу или политика.)

Так что я не могу заставить себя тратить хоть частицу того, что осталось от моей жизни, хоть мельчайшую искорку моего необъятного таланта, выросшего как на дрожжах лишь благодаря моей безмерной скромности, на то, чтобы написать жуткую историю, которая убого прохрипит знакомую всем мелодию, блестяще напетую Стокером, Чарнас[3], Матесоном[4] и автором сценария «Любви с первого укуса»[5].

---

[1] Замок Отранто — первый в истории готический роман британского эксцентрика Хораса Уолпола (1717—1797).

[2] Гильгамеш — герой шумерского эпоса; Грендел — монстр из древнескандинавского эпоса.

[3] Чарнас, Сюзи Мак-Ки — американская писательница-фантастка.

[4] Матесон, Ричард Бартон — американский писатель, исследователь «темных сторон души».

[5] «Любовь с первого укуса» — комедийный фильм 1979 года режиссера Стэна Драготи о злоключениях графа Дракулы в современном мире.

Тем не менее однажды, лет этак тридцать назад, мне в голову пришла одна идея. Это случилось во время короткого шестимесячного перерыва, когда меня захватило безумие работы в киноиндустрии и я «отъехал в Голливуд». Меня тут же окружили идиоты, подхалимы, неудачники, попрошайки, вымогатели, растратчики времени, липовые знатоки и жулики-артисты четырех или пяти сексуальных ориентаций. Словно пацанёнок, которому еще не стукнуло и тринадцати, я по-собачьи барахтался в их грязных водах, и меня прибило к берегу в виде ничуть не лучшем, чем если бы я наступил на противопехотную мину. Осталась лишь идея для этого рассказа, которая — надеюсь — по-новому раскроет тему кровососания.

Моя история о вампиризме, пусть и отложенная на тридцать лет, систематизирует досье на этих неистовых кровожадных созданий. Они присутствуют в жизни всех нас. Они есть у меня, они есть у вас; здесь говорится о том, каковы они».

Как и можно ожидать от Харлана Эллисона, нижеследующая история повествует о весьма необычных вампирах...

Эта ночь в «Пещере» была ночью *пачанги*[1]. Три испанские группы надрывались хором, в каждой потрясала потными телесами жирная тетка и вопила: «Вай-яяя!» Звук можно было увидеть без всякого напряжения — казалось, что в зале под завывания духовых отчаянно трепыхаются полотнища серебристой парчи; музыка просто насиловала уши. Звук висел в воздухе, плотный, точно дымовая завеса, благоухая мускусным ароматом тысячи косяков с отборной травкой без всяких там стеблей и семян. Тьму то и дело пронзали яркие сполохи — то открывались рты, выплескивая сияние золотых зубов и грязные слова. Пошатывающийся Эдди Бирма привалился к стене, чувствуя, что в горле у него засел плотный ватный ком тошноты.

Из глубокой, горящей огнем раны на правом боку медленно сочилась кровь. Она уже начала запекаться, рубаха

[1] Пачанга — быстрый кубинский танец.

прилипла к телу, но Эдди не обращал внимания: по крайней мере, кровища больше не хлестала из него, как из заколотой свиньи. Но вляпался он по-крупному — это чистая правда. Если бы вас нырнули так же серьезно, как Эдди Бирму, то и вы оказались бы в полном дерьме.

Где-то там, в ночи, они приближались к нему, они шли за ним. Надо связаться с... с кем? С кем-нибудь. С тем, кто сможет помочь ему; потому что только теперь, после пятнадцати лет того, что творилось с ним, Эдди Бирма наконец узнал, через что ему пришлось пройти, что с ним сделали... что с ним *делают*... и что с ним неизбежно сделают.

Он доковылял до короткой лестницы, ведущей в «Пещеру», и мгновенно потерялся в дыму, запахе и извивающихся тенях: *экзотическом дыму, пуэрто-риканском запахе* и буйных тенях чужой земли. Он впитывал все это; пусть силы его и иссякали, но он впитывал все это.

В этом-то и была проблема Эдди Бирмы. Он был эмпатом[1]. Он *со-чувствовал*. Глубоко внутри себя, на уровне, о существовании которого большинство людей даже не догадывается, он со-чувствовал вместе со всем миром. Им двигало соучастие. Даже здесь, в этом захудалом ночном клубе, где энергия истинного наслаждения подменялась пустым шиком и неуклюжестью городских окраин, здесь, где его никто не знал и, следовательно, не мог навредить ему, он ощущал, как бьется в нем пульс мира. Снова потекла кровь.

Он побрел назад, прокладывая себе путь сквозь толпу, разыскивая телефонную будку, разыскивая туалет, разыскивая пустую кабинку, где можно укрыться, разыскивая неизвестного человека — или людей, — который спас бы его от полуночной тьмы души, неумолимо крадущейся за ним.

Эдди наткнулся на официанта: усы Панчо Виллы[2], грязно-белый фартук, поднос, уставленный кружками с разливным пивом.

---

[1] Эмпат — человек, способный воспринимать эмоции людей, животных и даже растений.

[2] Панчо Вилла — урожденный Хосе Доротео Аранго Арамбала, мексиканский революционер. Убит реакционерами в 1923 году.

— Эй, где тут *gabinetto*[1]?

Вопрос он промямлил невнятно. Слова скользили в его собственной крови.

Официант-пуэрториканец уставился на него. Непонимающе уставился.

— *Perdyn?*[2]

— Туалет, писсуар, горшок, сортир, клозет. Я истекаю кровью, где параша?

— О-о-ох! — На официанта снизошло озарение. — *Excusados... atavio!*[3]

Он показал. Эдди Бирма хлопнул разносчика по плечу и неуклюже двинулся дальше, по пути чуть не ввалившись в кабинку, в которой мужчина и две женщины украдкой тискали друг дружку.

Эдди нашел дверь в туалет и пинком распахнул ее. Какая-то шваль, словно вылезшая из фильма о кубинском супермене, прилизывала свои длинные сальные волосы перед мутным зеркалом, старательно укладывая их в замысловатую прическу а-ля мадам Помпадур. Недоносок мельком взглянул на Эдди Бирму и вернулся к изучению топографии своей башки. Бирма протиснулся мимо него в крохотную каморку и скользнул в первую же кабинку.

Оказавшись внутри, Эдди запер дверь и тяжело опустился на голый унитаз. Он вытянул рубашку из брюк и расстегнул ее. Ткань прилипла к коже. Тогда Эдди осторожно потянул, и материя с хлюпаньем отошла от тела — точно грязь чавкнула под ногами. Ножевая рана бежала от правого соска аж до пояса. Глубокая. Да, плохи дела.

Он встал, повесил рубашку на прибитый к двери крючок и отмотал побольше туалетной бумаги от серого хрустящего рулона. Скомкав бумагу, Эдди макнул ее в бачок и обтер рану. О боже, и впрямь глубокая!

Нахлынула тошнота, и он снова сел. Странные мысли заворошились в голове, и Эдди позволил им заполнить его сознание.

---

[1] Уборная *(ит.)*.

[2] Прохтите? *(исп.)*

[3] Отхожее место... там! *(исп.)*

Этим утром, когда я вышел за дверь, на кустах цвели желтые розы. Это удивило меня; я забыл срезать их прошлой осенью и был уверен, что сморщенные, сухие, побитые тлей увядшие бутоны на концах веток — они все еще там, чернеют немым укором моей небрежности — не дадут больше распуститься красоте. Но когда я вышел подобрать газету, цветы были там. Яркие, светло-желтые, почти канареечные. Они дышали влагой, дышали нежностью. Я невольно улыбнулся и спустился по ступенькам на нижнюю площадку за газетой. Парковку снова засыпало листьями эвкалипта, но отчего-то именно сегодня утром это придало маленькому участку возле моего уединенного дома в холмах более живой и праздничный вид. Во второй раз, без всякой разумной причины, я поймал себя на том, что улыбаюсь. Денек обещал быть славным, я ощущал, что все проблемы, которые я сам на себя взвалил, — все эти бесплатные пациенты — Алиса, и Барт, и Линда, живущая по-соседству, — все эмоциональные калеки, пришедшие ко мне за помощью, — все обустроится, и все мы к концу дня будем улыбаться. А если и не сегодня, то наверняка в понедельник. Самое позднее — в пятницу.

Я подобрал газету и поспешно сдернул с нее резиновое колечко. Бросил его в большой железный короб для мусора, стоящий у подножия лестницы, и зашагал наверх, к дому, наслаждаясь ароматом флердоранжа и прохладой утреннего воздуха. На ходу я развернул газету, и вдруг окружавший меня утренний покой развеялся со всей внезапностью автокатастрофы. Я застыл, занеся ногу над очередной ступенькой, глаза словно засыпало песком, как будто я не выспался минувшей ночью. Но я выспался.

Заголовок статьи гласил: «ЭДВАРД БИРМА ПАЙДЕН УБИТЫМ».

Но... ведь это я — Эдвард Бирма.

Он очнулся от воспоминаний о желтых розах и покореженном железе на шоссе и обнаружил, что сполз с толчка, что голова его прижата к деревянной стенке, что руки его висят плетьми, а в штаны натекла кровь. В голове пульсировало, а боль в боку была такой, что Эдди затрясло от страха. Нельзя тут рассиживаться и ждать.

Ждать, что подохнешь, ждать, что они придут и найдут тебя.

А они найдут. Эдди чувствовал это.

Телефон. Можно позвонить...

Он не знал, *кому* можно позвонить. Но должен ведь быть хоть кто-то. Кто-то, кто поймет, кто примчится сюда и спасет его. Кто-то, кто не заберет то, что осталось от него, как забрали бы те, другие.

Им не нужны ножи.

Как странно, что та маленькая блондиночка с глазками-пуговками как у тряпичной куклы не знала этого. А может, и знала. Возможно также, ее одолело безумное исступление, и она просто не сумела насыщаться медленно, не спеша, как другие. Она ранила его, отхватила от него кусок. Сделала то же, что все остальные, но напрямик, бесхитростно, без лишних уловок.

Клинок ее оказался остер. Прочие действовали окольными путями, и оружие их было куда изощреннее и коварнее. Ему даже захотелось сказать ей: «Попробуй тупым ножом». Но она слишком нуждалась, слишком голодала. Она не услышала бы его.

Эдди с трудом поднялся и натянул рубашку. Движения причиняли боль. На ткани расплылось бурое кровавое пятно, пятно цвета тикового дерева. Эдди едва держался на ногах.

Нетвердой походкой он покинул туалет и побрел прочь из «Пещеры». Ритм «Мамаситы Лизы» барабанил в голове — точно рука в перчатке стучала по оконному стеклу. Он привалился к стене, видя лишь силуэты, мечущиеся, мечущиеся, мечущиеся во мраке. Они уже здесь? Нет, еще нет; они не стали бы заглядывать сюда в первую очередь. Его тут никто не знает. И его сущность сейчас ослабела, она становится тем слабее, чем ближе он к смерти, так что никто из толпы не подойдет к нему со своей трепещущей нуждой. Никто не почувствует, что можно пить из этого хлюпика, подпирающего стену.

Возле входа на кухню он заметил телефон-автомат и побрел к нему. Девушка с длинными темными волосами и затравленным взглядом уставилась на проходящего мимо

мужчину и уже раскрыла рот, чтобы заговорить, но Эдди собрался с силами и зашагал быстрее, пока эта брюнетка не сообщила ему, что она беременна неизвестно от кого, или что ее терзает эмфизема и нет денег на врача, или что она скучает по матушке, оставшейся в Сан-Хуане. Он не мог больше выносить чужую боль, не мог впитывать страдания, не мог позволить другим пить из себя. У него самого почти не осталось сил на выживание.

«Мои кончики пальцев, — думал он на ходу, — покрыты шрамами от прикосновений к людям. Плоть помнит эти касания. Иногда я чувствую себя так, словно ношу толстые шерстяные перчатки, такие же тяжелые, как память. Они изолировали меня, отделили от остальных людей. Но, видит Бог, не людей от меня, потому что они проникают сквозь эти перчатки без задержек и затруднений. Частенько я днями не мыл рук, только чтобы сохранить слои прикосновений, не дать воде и мылу уничтожить их.

Лица, голоса, запахи людей — все это уходит. Но мои руки все еще несут память о них. Слой за слоем ложится на ладони. В здравом ли я уме? Не знаю. Я еще подумаю об этом, я стану думать долго, очень долго, когда у меня будет время.

Если оно вообще у меня будет».

Он добрался до телефонной будки, но достать монетку из кармана ему удалось не так-то скоро. Четвертак. А нужно всего десять центов. Отправиться обратно? Но он может просто не суметь вернуться. Эдди сунул в прорезь автомата двадцатипятицентовик и набрал номер человека, которому верил, человека, который мог ему помочь. Теперь он вспомнил его и знал, что это его единственное спасение.

Он вспомнил, что встречался с ним в Джорджии, на религиозном бдении секты возрожденцев, в кругу деревенских болванов с угольно-черными лицами или красными шеями, которые они тянули к возвышающемуся на помосте Престолу Божиему, вопя «Аллилуйя!», что в их устах звучало как «А! Л! Л! И! Л! У! Й! Я!». Он вспомнил человека в белой безрукавке, наставляющего толпу, и снова услышал его вдохновенные слова:

— Воздайте должное Господу, пока *Он* не воздал должное *вам*! Не страдайте больше от своих тайных грехов! Вытащите на свет правду, несите ее в ладонях, отдайте ее мне, отдайте мне все свое уродство, опустошите выгребные ямы ваших душ! Я омою вас кровью агнца, кровью Господа нашего, кровью истины! Нет иного пути, и великий день не придет, если вы не исповедуетесь, если не очистите дух свой! Я приму всю боль, что бурлит в черных колодцах ваших душ! Услышьте меня, как слышит меня Господь Бог мой... Аз есмь ваши уста, ваш язык, ваше горло, я та труба, что провозгласит ваше спасение на Небесах! Зло и добро, тревоги и горести — все это мое, я приму их, я снесу их, я избавлю от них ваш разум, вашу душу, ваше тело! Здесь и сейчас, сейчас и здесь, отдайте мне вашу скорбь! Христос знал, Господь знает, я знаю, и вы должны узнать! Известь и мастерок, кирпич и цемент — так воздвигается стена ваших нужд. Дайте мне снести эту стену, позвольте выслушать все, впустите меня в свой разум, разрешите снять с вас бремя! Аз есмь сила, я полноводен... приходите испить из моей силы!

И люди кинулись к нему. Они облепили его, как муравьи, пожирающие падаль. Тут воспоминания рассеялись. Вместо религиозного сборища он увидел диких зверей, рвущих настигнутое мясо, стаи стервятников, кружащихся над павшим мясом, косяки мелких рыбешек с острыми зубами, стремящиеся к беспомощному мясу, и руки, руки, руки и зубы, погружающиеся в кровавое мясо.

Номер оказался занят.

Он набрал снова — и снова занято.

Эдди крутил диск телефона почти час, но так и не дозвонился. Танцоры с мокрыми от пота лицами хотели пробиться в будку, но он прорычал, что тут вопрос жизни и смерти, и танцоры вернулись к своим партнерам, ругая его, Эдди Бирму, на чем свет стоит. Но линия не освобождалась. Тогда он взглянул на номер таксофона и понял, что все время звонил самому себе. Эта линия будет всегда — *всегда* — занята, а его яростная ненависть к человеку на том конце провода, который не отвечает ему, обернулась ненавистью к звонящему. Он пытался связаться сам с со-

бой, и в этот мог Эдди вспомнил, кем был тот человек на религиозном сборище. Он вспомнил, как вспрыгнул на помост, как уговаривал всех больных и страждущих положить конец их боли, как убеждал их пить из своего естества. Он вспомнил — и испытал несказанный страх. Эдди кинулся обратно в туалет, чтобы ждать, когда его найдут.

Эдди Бирма прятался в сортире в непроглядном мраке ада вселенной, наградившей и проклявшей его подлинной сущностью. Эдди Бирма был особенным. Он был личностью. Он был богат и духовным, и материальным содержанием. В мире блуждающих теней, в мире дыхания зомби, в мире широко раскрытых горящих глаз, подобных холодной мертвой плоти луны, Эдди Бирма был настоящим. Он родился со способностью принадлежать своему времени, с тем пылом, с тем внутренним зарядом, который одни называют харизмой, а другие — душевностью. Он умел глубоко чувствовать; он шел по миру и прикасался; и к нему прикасались тоже.

Жизнь его была предопределена, ибо он был не просто экстравертом, открытым для любого общения, а действительно умным, необычайно находчивым, преисполненным юмора и наделенным способностью слушать человеком. Поэтому-то он миновал стадии эксгибиционизма и поисков награды и славы, перейдя к тому уровню, на котором его подлинная сущность оказалась обеспечена. Он обрел собственную реальность — свою, и только свою. Когда Эдди входил в комнату, люди знали это. Он обладал лицом. Не поддельной маской, которую можно натянуть, общаясь с людьми, но истинной сутью. Он — Эдди Бирма, только Эдди Бирма и никто иной, — человек, которого не спутаешь с кем-то еще. Он шел своим путем, и в глазах всякого, с кем он встречался, он был Эдди Бирмой. Да, он стал одной из запоминающихся личностей. Ну, из тех, кого так любят обсуждать обыватели, лишенные собственной жизни. Частенько он вдруг слышал: «А знаешь, что сказал Эдди?..» или «Представляешь, что случилось с Эдди?» И никто никогда не переспрашивал, о ком, собственно, идет речь.

Эдди Бирма был фигурой не большей, чем жизнь, ибо жизнь сама по себе достаточно велика, в мире, где боль-

шинство тех, кого он встречал, не имели индивидуальности, не являлись личностями, не обладали подлинной сущностью и истинным бытием.

Но цена, которую он платил, была ценой гибели. Потому что те, кто ничего не имел, шли к нему, подобно созданиям тьмы, и кормились за его счет. Они пили из него. Они были суккубами, они осушали его духовную энергию. А у Эдди Бирмы всегда находилось, что отдать. Подобно бездонному колодцу, дно у которого все же есть. И вот оно наконец достигнуто. Все люди, чьи беды он взял на себя, все неудачники, чьи жизни он попытался наладить, все вымогатели-бездельники, прокравшиеся к нему по золе своего небытия, чтобы отхлебнуть из его души, утолить жажду своей пустоты, — все они нанесли ему тяжкий урон.

И теперь Эдди Бирма делал последние нетвердые шаги в своей жизни — бивший в нем родник почти иссяк. Ему оставалось лишь ждать, когда придут они, все его бесплатные пациенты, все его трудные дети, — придут и прикончат его.

«Я живу в голодном мире», — осознал вдруг Эдди Бирма.

— Эй, парень! Вылазь-ка из сортира! — Оглушительный рев и грохот кулаков по дверце кабинки раздались одновременно.

Эдди встал на дрожащие ноги и отодвинул щеколдочку, ожидая увидеть одного из них. Но это оказался всего лишь таннор из «Пещеры», желающий отлить избыток дешевого вина и дешевого пива. Эдди, пошатываясь, выбрался из кабинки и едва не рухнул на руки мужчине. Крепыш-пуэрториканец увидел кровь, увидел мертвенную бледность кожи и закаченные глаза Эдди и слегка смягчился:

— Эй... ты в норме, приятель?

Эдди улыбнулся ему, тихо поблагодарил и покинул туалет. Ночной клуб все еще бурлил, все еще вопил, и Эдди вдруг понял, что не может позволить *им* найти это славное место, где все эти добрые люди так и кипят жизнью. Потому что для *них* эта дискотека станет благословением Божиим, и они осушат «Пещеру», как осушили его.

Он отыскал заднюю дверь и шагнул в безлунную ночь, чужую, как грот на глубине пяти миль, как потустороннее искривление иного измерения. Этот проулок, этот город,

эта ночь вполне могут быть Трансильванией, или темной стороной луны, или дном бушующего моря. Он побрел по аллее, думая...

У них нет собственных жизней. О, как ясно теперь я вижу тот отравленный мир. Они обладают лишь смутными образами чужих жизней, даже не настоящих жизней — жизней кинозвезд, выдуманных героев, книжных клише. Поэтому они берут у меня взаймы и не собираются отдавать долгов. А ставка высока. Ставка — моя жизнь. Они лакают из меня, они отрывают от меня куски. Я — тот гриб, который нашла Алиса, гриб со словами «СЪЕШЬ МЕНЯ» на кроваво-красной шляпке подсознания. Они суккубы, они выкачивают меня, опустошают мою душу. Иногда я чувствую, что должен найти некий волшебный колодец и снова наполниться индивидуальностью. Я так устал. Так устал.

Они шатаются по городу — люди, движимые энергией, высосанной ими из Эдди Бирмы, движимые его жизненными силами. Они носят мою улыбку, мои потертые мысли — точно старую одежду, отданную бедным родственникам, у них мои жесты и мое выражение на лицах, и не надо обладать большой проницательностью, чтобы сказать, что все это принадлежало мне, а они наклеили это на себя скотчем. Я — пазл, головоломка, а они воруют кусочки. Теперь из меня ничего не сложится, я неполон, картинка потеряла смысл — слишком много они забрали.

Они пришли на его вечеринку, все до единого. Те, кого он называл своими друзьями, и те, с кем был едва знаком, те, кто использовал его как личного чародея, знахаря, гуру, психиатра, личную Стену плача, личного исповедника, духовника, доверенное лицо, склеп своих горестей, скорбей, недугов, своей недостаточности. Алиса, которая боялась мужчин и нашла в Эдди Бирме последние крупицы веры в то, что не все мужики сволочи, не все самцы — звери. Барт, разносчик из супермаркета, заика, чувствовавший себя отвергнутым еще до того, как его отвергли. Линда, жившая по соседству, видевшая в Эдди интеллектуала, того, кому она может поведать все свои теории о строении мироздания. Сид, пятидесятитрехлетний неудачник и банкрот. Нэнси, которой изменял муж. Джон, хотевший служить адвокатом,

но так и не ставший им из-за постоянных мыслей о своей косолапости. И все остальные. И новенькие, которых они, кажется, всегда приводили с собой. Да, вокруг него вечно толпилась куча новеньких, незнакомых. А особенно — та маленькая блондинка с пуговичными глазками тряпичной куклы, которая взирала на него с таким голодом.

Сразу же, еще вечером, он понял, что что-то не так. Их собралось слишком много. Слишком много, чтобы он мог справиться с ними... И все слушали его рассказ о том, что произошло, когда они с Тони в шестидесятом колесили по Нью-Орлеану на «корвете» и заработали плеврит из-за того, что у машины не до конца опускался верх, и как они попали в снежную бурю в Иллинойсе.

Все они развесили уши — так висит сохнущее на веревке белье, так висят гирлянды плюща. Они всасывали каждое слово, каждый жест подобно голодному, высасывающему мозг из говяжьих костей. Они смеялись, они следили за ним, глаза их блестели...

Эдди Бирма чувствовал, как силы медленно покидают его. Он устал от собственной речи. Такое случалось и раньше, на других вечеринках, на других сборищах, когда он захватывал всеобщее внимание, а потом уходил домой опустошенным. И никогда не понимал, отчего это происходит.

Но сегодня силы не вернулись. Люди продолжали наблюдать за ним, они, казалось, поглощали его, это продолжалось и *продолжалось*, пока он наконец не заявил, что ему пора спать, а им — по домам. Но они умоляли, просили рассказать еще один анекдот, еще одну шутку — рассказать его безукоризненным языком, с его искусными жестами. И Эдди Бирма тихонько заплакал. Глаза его покраснели, он чувствовал себя так, словно из тела его извлекли все кости, все мышцы, оставив лишь мягкую резиновую оболочку, которая в любой момент может осесть, провалиться в себя.

Он попытался подняться; попытался уйти, лечь; но они стали еще настойчивее, они требовали, они приказывали — отвратительные, злобные. А потом к нему подошла блондинка и всадила в него нож, а остальные лишь отступили на шаг. Каким-то образом в суматохе, последовавшей вслед

за этим, в толпе друзей и знакомых, рвущих друг дружку, чтобы добраться до него, он сбежал. Сбежал, не зная как. Боль выползала из раненого бока и блуждала по всему телу. Он нырнул под деревья узкой горной долины, скрывшие его дом, он промчался по лесу, пересек водораздел, скатился вниз к шоссе и там поймал машину. А потом — в город...

Увидьте меня! Увидьте меня, пожалуйста! Почему вы всегда приходите и берете? Не надо купаться в моей душе и уходить, чувствуя себя очистившимися. Останьтесь, пусть немного вашей грязи осядет на меня. Я словно невидимка, словно поилка для скота, словно прилавок с сочащимся кровью парным мясом... О господи, неужели все это пьеса, а я — невольная звезда спектакля? Как мне сойти со сцены? Когда опустят занавес? Пожалуйста, Господи, где человек с крюком?..

Я совершаю обходы, подобно честному лекарю. Каждый день я провожу немного времени с каждым из них. С Алисой, с Бартом, с соседкой Линдой; и они забирают частицы меня. И ничего не дают взамен. Это не сделка, это кража. И хуже всего то, что мне это необходимо, я сам всегда разрешал им грабить меня. Что за болезненная нужда — впускать чужаков в свою душу? Даже крыса, воруя, что-то да оставляет. Я не отказался бы ни от чего: самый бородатый анекдот, самая негодная мыслишка, самая затхлая идея, самый тривиальный каламбур, самое отвратительное откровение — ни от чего! Но они лишь сидели и смотрели на меня, разинув рты, развесив уши, поглощая все, высасывая из моих слов цвет и запах... я чувствовал, как они вползают в меня. Я не мог больше этого выносить... правда не мог.

Выход из переулка оказался перекрыт.

Там двигались тени.

Барт, разносчик. Нэнси. Алиса. Линда. Неудачник Сид. Хромоногий Джон. И доктор, и мастер по ремонту музыкальных автоматов, и повар из пиццерии, и продавец подержанных автомобилей, и парочка, предпочитающая групповой секс, и дискотечный танцор — все они.

Они пришли за ним.

И впервые Эдди заметил их зубы.

Они тянулись к нему, безмолвные и вечные, как гниль, разъедающая его мир. Времени для самосожаления не осталось. Эдди Бирму не просто пожирали каждый день в году. Каждый час на дню, каждую минуту каждого часа каждого дня каждого года. В это мгновение безвременья внезапно навалилось горькое осознание — он сам позволял им делать это с собой. Он ничем не лучше их, он просто другой. Они — едоки, он — еда. Но нет никакой чести в том, что ты принадлежишь к тем или другим. Он нуждался в людях, ценящих его, восхищающихся им. Он нуждался в любви и внимании масс, нуждался в поклонении обезьян. С этого понимания началась смерть Эдди Бирмы. Смерть его бескорыстия, гибель его невинности. С этой секунды он стал осознавать те умные вещи, которые говорил и делал,— осознавать не рассудком, а на клеточном уровне. Он осознавал. Осознавал, осознавал, осознавал!

И это осознание притянуло их к нему — к месту, где можно кормиться, к их пище. Осознание приводит к рефлексии, жалкой претенциозности, хвастовству и показухе — тому, что лишено содержания, подлинной сущности, реальности. А если чем прихлебатели Эдди и не могли питаться — так это позирующей, дутой, *пустой* человеческой особью.

Они должны были осушить его, пока не поздно.

Безвременье дошло до высшей точки, и они повалили его, погребли под своим весом и начали трапезу.

Когда все было кончено, они бросили его в проулке. И отправились искать дальше.

Сосуд опустел, и вампиры шагали к другим пульсирующим артериям.

КИМ НЬЮМЕН

Дракула Энди Уорхола

Anno Dracula 1978—1979

Ким Ньюмен — лауреат Премии Брэма Стокера, премий British Fantasy Award, British Science Fiction Award, Children of the Night Award, Fiction Award of the Lord Ruthven Assembly и International Horror Critics Guild Award.

Его перу принадлежат романы «Ночной мэр» («The Night Mayor»), «Дурные сны» («Bad Dreams»), «Ягo» («Jago»), «Кворум» («The Quorum»), «Назад в СССР» («Back in the USSR», в соавторстве с Юджином Бирном), «Жизнь — игра» («Life's Lottery»), а также получившая громкую известность серия «Anno Dracula», включающая одноименный роман, «Кроваво-красный барон» («The Bloody Red Baron») и «Суд слезный» («Judgement of Tears»), известный также под заглавием «Дракула ча-ча-ча» («Dracula Cha Cha Cha»). Кроме того, снимается фильм по «Английской истории о привидениях» («An English Ghost Story»), сценарий к которому был написан самим Ньюменом. «Дело Британии» («The Matter of Britain») — еще одно произведение, созданное в соавторстве с Бирном.

Помимо этого Ньюмен опубликовал несколько произведений под псевдонимом Джек Йовил. Все они были написаны отчасти под впечатлением ролевых игр — героико-фэнтезийной игры «Молот войны» («Warhammer») и апокалиптической «Мрачное будущее» («Dark Future»): это «Drachenfels», «Твари в бархате» («Beasts in Velvet») и «Бессмертная Женевьева» («Genevieve Undead»). К числу недавних произведений Ньюмена принадлежит цикл «Серебряные гвозди» («Silver Nails»). В него вошли пять рассказов, действие которых происходит в мире Games Workshop и развивается вокруг вампирши по имени Женевьева Дьедонне — героини нескольких произведений писателя.

Необычайно остроумные и увлекательные рассказы Ньюмена, многие из которых связаны сквозными темами и персонажами, были собраны в целый ряд сборников, опуб-

ликованных под собственным именем писателя: «Необыкновенный доктор Тень и другие рассказы» («The Original Dr Shade and Other Stories»), «Знаменитые чудовища» («Famous Monsters»), «Семь звезд» («Seven Stars»), «Непростительные рассказы» («Unforgivable Stories») и «Мертвые ходят быстро» («Dead Travel Fast»). В книгу «Там, где закопаны тела» («Where the Bodies Are Buried») вошли четыре новеллы, связанные друг с другом теснейшим образом, а «Время и относительность» («Time and Relative») представляет собой предысторию героев телесериала Би-би-си, опубликованную издательством Telos Publishing в серии «Новеллы доктора Икс» («Doctor Who Novellas»). Кроме того, Ньюмен вместе с Полом Дж. Мак-Оли (Paul J. McAuley) является составителем альтернативной антологии по истории музыки.

Его рассказ «Женщина недели» («Week Woman») был положен в основу сериала «Голод» («The Hunger»), снятого канадским телевидением, а в 2001 году Ньюмен выступил одновременно как сценарист и режиссер, создав по заказу кабельного телеканала «The Studio» 100-секундный короткометражный фильм «Пропавшая девушка» («Missing Girl»).

Изначально Ньюмен предложил нам включить в эту антологию рассказ «Багровая власть» («Red Reign»), которым открывается серия «Anno Dracula», столь любимая читателями. Однако, желая доставить удовольствие истинным ценителям этой серии, мы решили поместить на страницах нашей антологии один из самых свежих рассказов, продолжающих все ту же альтернативную историю.

«Я получил одновременно заказы на две новеллы, от двух разных издателей — Эллен Датлоу и Питера Кроутера, — вспоминает Ньюмен, — кроме того, я собирался написать еще одну, впоследствии получившую название „Джонни Алукард" („Johnny Alucard"). В общем, я договорился, что каждый из издателей получит свою долю за публикацию этого рассказа, прочитал много всего об Энди Уорхоле — и вот, написал».

Читателям, желающим узнать побольше о знаменитостях, выступающих здесь в качестве эпизодических персонажей (кстати, это один из самых сильных приемов серии, как в фильмах Джона Лэндиса, где режиссеры сами появ-

ляются на экране), — советую зайти на <www.pjfarmer.com/woldnewton/AnnoDracula.htm>.

«Дракула Энди Уорхола» — по первоначальному замыслу автора, самостоятельный рассказ, который — вместе с еще семью небольшими произведениями и другими сопутствующими материалами — должен в конце концов составить четвертую и, возможно, последнюю книгу из серии «Anno Dracula».

Посвящается Саре и Рэнди

Энси сопела, кровь сворачивалась. Его рот заполнял мерзкий привкус засохшей крови. Он оттолкнул ее, выдрав клыки из развороченных ран. Нити кровавой слюны свисли с ее шеи к нему в пасть. Он вытер рот тыльной стороной руки, разорвав эту жидкую цепь. Их тела сотряс последний электрический разряд, связав их в одну дугу. Ее сердце остановилось.

Какое-то время назад он швырнул ее спиной на постель, крепко прижал своим телом, присосавшись к ее горлу, пока руки девушки слабо царапали ему бока. Теперь же, опустошенная, она лежала на нем мертвым грузом. Он с досадой заметил, что в постели полно постороннего мусора: журналы, погнутые ложки, иглы от шприцев, использованные «Kleenex», шмотки — рваные и заколотые английскими булавками, банковские купюры, окаменевшие бутерброды, куча мятных конфет, какие бесплатно раздаются на улицах. Пачка синглов — «My Way» Сида — треснула под ними, превратив измазанный черт-те чем матрас в утыканное гвоздями ложе факира. Виниловые осколки вонзились ему в кожу.

Джонни Поп был бы совершенно голым, не будь на нем трусов леопардовой расцветки, носков и ювелирных изделий. Он слишком ценил свои новые тряпки, чтобы марать их кровью, так что и костюм и рубашку он аккуратно сложил и повесил на стул на безопасном расстоянии от кровати. Его лицо и грудь были липкими от крови и прочих выделений.

Как только багровая волна блаженства ударила ему в глаза и уши, в нем вдруг с удесятеренной силой вспыхнуло множество ощущений. Снаружи, где-то в бархатной ледяной октябрьской ночи, полицейские сирены выли так, что, казалось, стенают осиротевшие матери всей Европы. Далекие выстрелы громыхали так, будто их произвели тут же, в этой комнате, — и все эти острые звуки пробивали его череп насквозь. Неверный свет телевизора озарил на аляповатых обоях неоновый городской пейзаж, населенный какими-то психоделическими тараканами.

Он чуял присутствие ду́хов отеля «Челси» — уличных королев и вампиров-убийц, наркоманов и порнографистов, художников и просто чудаков, проницателей и пофигистов. Протискиваясь в его сознание, они пытались обратить его бессмертное тело в коридор, через который они могли бы прорваться обратно, на этот уровень бытия. Их протестующие вопли настойчиво требовали внимания. Выброшенные вон из Манхэттена, они жаждали вернуться в свой мощеный камнем парадиз.

Горло его яростно запротестовало, но Джонни заставил себя проглотить то, что было во рту. Живая кровь Нэнси была не многим лучше, чем эта отвратная мертвая жижа. Американцы заживо гноят свои тела. Даже не пригласи она вампира в № 100, этот образ жизни все равно ее вскоре прикончил бы. И вообще Джонни не особенно мучила совесть. Есть люди, которые сами ищут своих вампиров, всю жизнь моля о смерти. Он же — носферату, и его связь с этим миром очень хрупка. Единственное, что ему остается, — смириться со своей долей. Без отданного другими тепла он зачахнет от холода и умрет. Они сами его кормят. Так что винить следует их самих — не его.

Мертвая кровь, насыщенная туиналом и дилаудидом, ударила ему в голову, выбив оттуда духов. Следовало быть осторожным: этот город кишел истинными мертвецами, которым было чуждо само понятие тепла и которые отчаянно искали хоть кого-то, способного понять их. И стоило ему дорваться до пищи, как они собирались вокруг. Сам мертвый, хоть и не так давно, он был для них как маяк в ночи.

Он взвыл и сбросил с себя этот мешок с мясом. Нервы были взвинчены до предела; он сел на кровати и взглянул на мертвую девушку. Ее тело, затянутое в черное нижнее белье, отливало призрачной белизной. Алая рана, распустившаяся на шее, была на нем лишь одной из множества отметин. Втянутый живот Нэнси был исполосован вдоль и поперек. В ее боках, подобно жабрам, открывались пульсирующие разрезы, из которых сочились жалкие остатки жидкости. Отметины, оставленные когтями Джонни, — они напоминали мертвые рты, все еще алчущие его поцелуев.

Приехав в Америку, он неизменно брал только тех, кто сам просил его об этом, кто уже был жив только наполовину. Вампиров здесь было немного. Трупы, выжатые до последней капли, привлекали внимание. Он знал, что его уже заметили. Чтобы жить здесь припеваючи, ему придется совершенствовать навыки, которым обучил его Темный Отец: во-первых, оставаться в тени; во-вторых, повелевать.

Отец никогда его не покидал, он был первым из духов. Он присматривал за Джонни и никогда не давал ему влипнуть по-настоящему.

Сид, по-бельзенски тощий[1], за исключением пуза, раздутого, как у Биафры, неуклюже развалился на замызганном стуле перед заросшим пыльной пленкой допотопным телевизором. Он пялился на Джонни и Нэнси, не в состоянии сфокусировать взгляд. Какое-то время назад он сделал себе укол прямо в глазное яблоко. Цветные пятна вспыхивали и скользили по его голой груди, покрытой шрамами и паршой, по рукам. Там, где предполагалась голова, у него сидел череп, покрытый колючим, жутковатого вида ворсом; когда «Josie and the Pussycats» проецировались на его физиономию, как на экран, в огромных глазах начинало что-то копошиться. Парень порывался смеяться, но получалось у него только трястись. В его левой руке болтался какой-то дурацкий крошечный ножик, даже не серебряный.

Джонни прижал ладони ко лбу и с силой зажмурился. Сквозь веки пробивался кроваво-красный свет. Такое бы-

[1] Берген-Бельзен — в 1943–1945 годах нацистский концлагерь вблизи г. Ганновера. — *Здесь и далее примеч. пер.*

вало и прежде. Через пару секунд все пройдет. Ад бушевал у него в мозгу. А потом судорожным рывком жидкость хлынула в горло, будто черный кулак сплющил ему желудок. Он открыл рот, и тончайшая струйка черной жидкости выплеснулась на ковер и растеклась по стене.

— Какая очаровательная блевотина, — удивленно заметил Сид.

Ну вот, вся гадость вышла. Теперь Джонни был полон чистейшей крови. В нем уместилась вся недолгая жизнь Нэнси. Это была мировая девчонка. Она дала ему все.

Он внимательно оглядел парня на стуле и девушку на кровати. Панки. Их племена враждовали — его племя и их. Одежда была как боевая раскраска: его итальянские шмотки — и их синтетические тряпки, подколотые английскими булавками. Встреча в отеле «Челси» стала перемирием, которое закончилось вероломством, отступлением и резней. Отец гордился стратегией Джонни.

Сид взглянул на лицо Нэнси. Глаза ее были открыты — пронизанные венами белки, ничего больше. Он сделал своим ножичком неопределенный жест: понял — что-то случилось. Этим вечером, в какой-то момент, Сид пару раз всадил ножик в собственное тело. Комнату наполнял резкий запах его гнилой крови. Клыки Джонни, притаившиеся в мягкой десне, оскалились, но он еще не успел проголодаться. Уж слишком насытился.

Он думал, эти панки — американцы, но Сид оказался англичанином. Музыкантом, не умеющим в общем-то играть на гитаре. Певцом, умеющим только вопить.

Америка — это странный, совершенно новый мир. Более странный, чем казалось Джонни, когда он жил в Прежней Стране; более странный, чем он когда-либо мог вообразить. Если он будет пить больше крови, скоро станет американцем. Тогда страх ему будет неведом, он станет неприкосновенным. Именно этого желал для него Отец.

Джонни спихнул труп со своих ног и принялся прихорашиваться, подобно коту, ловко выгибая спину и шею, высовывая из пасти длиннющий язык и слизывая им малейшие кровяные пятна. Он откленл от себя виниловые треугольники и выкинул их прочь. Довольный собой, он

соскочил с постели, натянул белые тренировочные штаны, нескромно обтягивающие пах и зад, а ниже колена — свободные, как матросские брюки. Темно-багровая рубашка покрыла его спину и грудь, прилипая к телу в тех местах, где не высохли еще потеки слюны. Он забрякал гроздью золотых цепей и медальонов — трансильванских талисманов, знаков почета и побед, — которые болтались в просвете между длинными, с ладонь, концами воротничка.

Во всем этом и в белом пиджаке, подбитом кроваво-красным шелком, Джонни представлял ослепительное зрелище. Чтобы сиять во тьме, ему не нужны были софиты. Сид поднял руку с ножом, прикрыв ею глаза. Джонни реакция этого парня сказала больше, чем любое зеркало.

— Панк — отстой, — заявил Джонни, провоцируя ответ.

— Диско — для лохов, — насмешливо отозвался Сид.

У Сида скоро будут проблемы. Джонни придется подставить этого парня, чтобы не замараться самому.

Он *обнаружил в постели* неиспользованный шприц. Сжав пальцами головку, напоминающую сосок, он вонзил иглу себе в запястье, безошибочно попав в вену. Потянул за поршень, и часть его крови — или крови Нэнси? — перетекла в стеклянную ампулу. Он вынул иглу. Крошечная ранка затянулась на глазах, пока он стирал с кожи кровяную каплю и слизывал отпечаток большого пальца. Джонни кинул шприц Сиду, который явно знал, что делать дальше. Парень всадил его в привычное место на руке и надавил на поршень. Вампирская кровь влилась в жилы Сида — не то зараза, не то наркотик. Джонни почувствовал, что крючок уже засел у Сида в мозгу, — и кинул ему наживку.

Сид поднялся, в мгновение ока став непобедимым, его зубы заострились, глаза налились кровью, уши стали чуткими, как у летучей мыши, движения — стремительны. Джонни поделился с ним ощущением силы — можно сказать, по-отцовски. Это опьянение вампиризмом долго не продлится, зато Сид останется рабом на всю жизнь — которая, по всей видимости, вечной не будет. Чтобы стать носферату, кровь надо отдать и получить; в течение веков большинство смертных ее только отдавало; теперь же нарождалась

новая форма взаимодействия между настоящими живыми — «тепленькими» — и «живыми мертвецами».

Джонни кивнул в сторону опустошенного существа, которое лежало на кровати. Ничья кровь уже не способна была ей помочь. Усилием воли он направил команду через удочку — леску — крючок — прямо Сиду в мозг. Парень мгновенно подчинился: одним прыжком перелетел через комнату, приземлившись на колени, прямо на постель, он вонзил свой нож в уже мертвое тело девушки, превратил с его помощью рану на горле в сплошное месиво и разодрал ей кожу еще в дюжине мест. Вспарывая плоть, Сид сердито рычал: сквозь его десны прорезались черные клыки.

Джонни вышел из комнаты.

Его называли вампиром задолго до того, как он им сделался.

Люди-кроты, обитающие на «Фабрике» серебряных грез, вечно бодрые, будто под воздействием возбуждающих препаратов, бодрствующие «от заката до рассвета» в вечном поиске крови, прозвали его «Драколушкой» — полу-Дракулой, полу-Золушкой. Этот ведьминский шабаш любил посплетничать о «жертвах» Энди: сперва об отбросах, чьи жизни были оприходованы во имя Искусства и у которых почти никогда не бывало денег на поддержание своей грошовой славы (очень многие из них теперь уже действительно умерли); потом — о богачах, изображенных на портретах, или о тех, кто давал рекламу в «Интервью»[1] *и потому обихаживался столь же старательно, как какой-нибудь меценат эпохи Возрождения (очень многим из них действительно стоило бы умереть). Энди, как пиявка, присасывался ко всем этим людям, опустошал их или ломал, используя их и не позволяя при этом прикасаться к собственной персоне, без разбору присваивая все то, что он мог приобрести только одним способом — вытянув из других: деньги, любовь, кровь, вдохновение, преданность, смерть. Те, кто чтил его как гения, и те, кто почитал его за мошенника, радостно хватались — слишком уж радостно — за эту метафору.*

[1] «Interview» — журнал, основанный Энди Уорхолом.

Она липла к нему так упрямо, что просто должна была в конце концов реализоваться.

В книге «Движение в авангарде: Мои годы на „Фабрике" Уорхола» («Swimming Underground: My Years in the Warhol Factory», 1995) супервамп Мери Воронов (Mary Woronov; фильмы «Хеди / Магазинный вор» — «Hedy/The Shoplifter», 1965; «Девушки из Челси», 1966) пишет: «Люди звали нас живыми мертвыми, вампирами — меня и моих младших ночных братьев, — наши губы плотно присосались к горлу города, выкачивая энергию из его кварталов, одного за другим. Каждый светский прием мы покидали, как опустошенное тело, изнасилованное и небрежно отброшенное в сторону... Энди был самым неугомонным, он успевал на пять-шесть вечеринок за одну ночь. Он даже внешне был похож на вампира: бледный, опустошенный, жаждущий наполнения и никогда не получающий окончательного удовлетворения. Он был как белый червь — вечно голодный, вечно холодный, вечно неспокойный, непрестанно вертящийся». Когда Лу Риду сказали, что художник стал вампиром, он дугой изогнул лохматую бровь и насмешливо полюбопытствовал: «А Энди что, был живым?» Ни в одном из множества воспоминаний, словесных или музыкальных портретов, пытающихся дать описание человеку по имени Энди Уорхол, никто ни разу не употребляет по отношению к нему эпитета «теплый».

Валери Соланас (Valerie Solanas), которая заметила произошедшее с Энди превращение, следуя суеверию, попыталась застрелить его самодельными серебряными пулями. Она обернула патроны тридцать второго калибра в фольгу так, чтобы они входили в патронник, а затем покрыла их краской из распылителя, в стиле Билли Нейма (Линича) (Billy Name (Linich)), декоратора студии «Фабрика», который на два года похоронил себя в крошечной комнатухе, покидая ее только в самые глухие ночные часы, чтобы добыть пропитание. Имена — лишь согласные, которых маловато для анаграмм: Энди Уорхол — Влад Дракула; Валери Соланас — Ван Хельсинг. И обвинение Валери, лозунг бесстрашного победителя вампиров: «Он имел слишком большую власть надо мной». На операционном столе, в 4 часа

51 минуту вечера, в понедельник 3 июня 1968 года — сердце Энди Уорхола остановилось. Была констатирована клиническая смерть, но он снова ожил, и продолжал жить. Его представления о смерти и катастрофе полностью оправдались и остались неизменными. Прикованный к мясу призрак, каким стал он в последние годы, казался порою пародией на него настоящего, живого — ходячий экспонат из коллекции Дианы Арбус (Diane Arbus), со шрамами на животе, напоминавшими застежки-молнии, с мертвенной кожей, в неизменных солнечных очках «Ray Ban».

Уорхола-вампир, вооруженный когтями носферату, скатился с горы семидесятых, как и прежде оставаясь законодателем моды, а тем временем — уже век в открытую просуществовав в Европе — вампиризм (своего рода) обосновался в конце концов и в Америке. Сам Энди никого не обращал — просто он был фонтаном, бьющим из кровеносной жилы. Их по-прежнему можно встретить — в галереях, в журнале «People» или на улице после наступления темноты, в клубах и на чердаках. Отпрыски Энди — клонированные твари, подобные бесчисленным отпечаткам его портретов знаменитых людей, вытесненным на ярких полотнах, и лица эти повторяют друг друга бесконечное число раз, пока не становятся лишь бессмысленными цветными пятнами, нанесенными по шаблону. Еще при жизни Энди сказал как-то, что желал бы стать машиной и что все должны к этому стремиться. Что же чувствовал он, когда мечта его воплощалась в жизнь? Что вообще он чувствовал? И чувствовал ли вообще? Хоть когда-нибудь? Если хоть какое-то время занимаешься этим человеком, изучаешь его личность и творчество, невольно ловишь себя на том, что начинаешь беспокоиться: а не тянется ли он к тебе из своей могилы, пытаясь обратить тебя в Валери?

Проанализируйте знаки, символы, симптомы: бледное лицо альбиноса, одновременно младенческое и древнее, съеживающееся под солнцем, как бадья личинок, в которую кинули горсть соли; острые или оплывшие контуры черной одежды, жесткой от лежания в могиле; темные очки с круглыми линзами, эти гипнотизирующие черные дыры на месте глаз; славянская монотонность шепчущего голоса и какой-

то урезанный, детсадовский лексикон; скрытая религиозность, пристрастие к священным и серебряным предметам; стремление заначить в своей берлоге побольше денег и вещей на долгие века; даже неестественная копна серо-бело-серебристых волос. Не является ли все это характерными признаками классического вампира, самого Дракулы? Взгляните на фотографии, снятые до и после июня 1968 года, и вы не сможете сказать, где он вампир, а где — нет. Подобно мургатройдам 1890-х, еще не будучи вампиром, Энди был преданным учеником. Обращение стало для него снятием последней завесы, последнего кусочка хитинового покрова с куколки, последним шагом к становлению тем, чем он всегда стремился стать, признанием того, что это всегда сидело у него внутри.

Вся его жизнь вращалась вокруг мертвецов.

Кэтлин Конклин (Kathleen Conklin) [1]*, «Убить Драколушку» («Destroying Drella»), доклад, прочитанный на «Мирах Уорхола» («Warhol's Worlds»), конференции, посвященной открытию Музея Энди Уорхола (21–23 апреля 1995 г.); опубликован под заглавием «Уорхола-вампир» («Warhola the Vampire») в сборнике «Кто такой Энди Уорхол?» («Who is Andy Warhol?») под редакцией Колина Мак-Кейба, при участии Марка Френсиса и Питера Уоллена (Colin MacCabe, Mark Francis, Peter Wollen) (Британский институт кинематографии и Музей Энди Уорхола, 1997; The British Film Institute and The Andy Warhol Museum).*

Он вышел из отеля «Челси» на тротуар Двадцать третьей Вест-стрит и вдохнул Нью-Йорк. Время было безлюдное, сумрачный предрассветный час, когда все, за исключением самых отпетых сов, покоились дома, в своих кроватях или по крайней мере лежали, вырубившись, на полу, и по жилам их вяло бежала очумевшая от кофе, сигарет и наркоты кровь. Для вампиров это был вечер, и Джонни почувствовал, как он одинок. В этом городе были и другие вампиры, и он готов

[1] Кэтлин Конклин – вампирша, выпускница философского отделения Нью-Йоркского университета – персонаж фильма ужасов «Зависимость» («The Addiction», 1995; реж. Абель Феррэра (Abel Ferrara).

был уже кинуться на их поиски — но ни одного подобного ему, с которым можно было найти общий язык.

Америка огромна, она налита сочнейшей, жирной кровью. И эта свежая страна кормила лишь несколько жалких паразитов, которые осторожно тыкались своими хоботками в толстую шкуру, пробуя, но не насыщаясь. В сравнении с ними Джонни был просто голодным чудовищем. Спустя несколько минут после того, как он насытился Нэнси, он уже был готов брать еще и еще. Необходимого ему было мало. Он смог бы обработать с дюжину тепленьких тел за одну ночь — и при этом не лопнуть и не задохнуться в толпе духов. Со временем он создаст себе Темных Детей, рабов, которые станут служить ему, прикрывать его. Он обязан передать им кровь Отца. Но время еще не пришло.

Он не собирался присзжать в этот город башен, окруженный рвом, полным бегущей воды. Он хотел затесаться в компанию киношников, с которыми познакомился в Прежней Стране, и отправиться в сказочный Голливуд, что на Тихоокеанском побережье. Но в Международном аэропорту Кеннеди произошла какая-то путаница, и его задержали в иммиграционной службе, а остальной компании, размахивающей американскими паспортами, словно спасительными знаменами, сделали знак отправляться дальше, согласованным рейсом до Лос-Анджелеса или Сан-Франциско. Он застрял в аэропорту, в толпе слишком уж рьяных просителей, темнокожих и тепленьких, между тем как угрожающе близилась заря. Отец сопровождал его, когда он проскользнул в мужскую уборную и пустил кровь канадскому стюарду, который пригласил его жестом, привлеченный вдруг чем-то новым и необузданным. Кипя свежей кровью, первым глотком этой новой земли, он направил всю мощь своего восторга на то, чтобы осилить представителей власти, преградивших ему путь. Он был выше того, чтобы давать взятки людям, с которыми можно справиться усилием воли.

Америка сбивала его с толку. Чтобы выжить, придется приспосабливаться быстро. Шаг перемен в этой стране гораздо расторопнее, чем ледниковые разломы долгих лет, проведенных Отцом в его карпатской твердыне. Чтобы дви-

гаться вперед, Джонни придется превзойти Отца — впрочем, кровь ему подскажет. Хотя в жилах его и течет древняя кровь, все же он — дитя XX века, обращенное лишь тридцать пять лет назад, взятое тьмой, не успевшее окончательно сформироваться в человеческой жизни. В Европе он был лишь мальчишкой, который прятался в тенях, выжидая. Здесь же, в сверкающей Америке, он мог реализовать свои способности. Здесь люди его считали молодым человеком, а не ребенком.

И вот Джонни Поп явился.

Он знал, что его заметили. Он очень старался вести себя подобающе, но уже понимал, каким желторотым был всего лишь пару недель назад. В первые свои ночи в Нью-Йорке он, конечно, наломал дров. Кровь, пущенная в воду, привлекла акул.

Кто-то стоял на углу, наблюдая за ним. Трое черных, в длинных кожаных плащах. Один из них, несмотря на время суток, носил темные очки; на другом была шляпа с узенькими полями, с крошечным перышком, торчащим из-под ленты. Не вампиры, но было в них что-то хищное. Хорошо вооружены. Пряжки на ботинках и пуговицы — из серебра, плащи топорщились из-за спрятанных под ними пистолетов. Сами тела их были оружием, отточенными клинками, черенками стрел. Чернокожий парень в темных очках извлек из-под плаща темный нож. Не серебро — полированное дерево.

Джонни напрягся, приготовившись сражаться и убивать. Он только что насытился и был силен как никогда.

Человек с ножом улыбнулся. Он установил оружие у себя на ладони, на кончик клинка, и поднес рукояткой к собственному лбу — воинское приветствие. Нападать он пока не собирается. Он явился, чтобы известить его, дать предупреждение. Он дал о себе знать. Этот человек увидел Джонни прежде, чем позволил ему увидеть себя. Он отлично владеет ночными искусствами.

Потом парень с ножом удалился, вместе со своим компаньоном. Казалось, они просто исчезли — скрылись в тени, которую не могли пронизать даже глаза Джонни, прекрасно приспособленные к темноте.

Он подавил дрожь. Этот город пока еще не стал его джунглями, и он здесь на виду — посреди улицы, в белоснежном костюме, сияющем, подобно маяку; в Прежней Стране он не бывал так заметен.

Этим чернокожим следовало прикончить его. Пока у них была такая возможность. Джонни сделает все, что в его силах, чтобы второго шанса они не получили.

Надо было поторапливаться, смешаться с толпой.

По улице ехало такси горчично-желтого цвета. Оно появилось, подобно дракону, из рыжевато-розовых клубов пара. Джонни окликнул шофера и скользнул в похожую на клетку внутренность машины. Сиденье было крест-накрест перетянуто изолентой — бинты, наложенные после битвы на смертельную рану. Шофер, белый, сухопарый, в мешковатой военной куртке, инстинктивно посмотрел в зеркало заднего вида, ожидая встретиться взглядом со своим пассажиром. Джонни заметил удивление, отразившееся на лице молодого человека, когда тот не увидел в зеркале ничего, кроме пустого сиденья. Парень обернулся, уставился в полумрак у себя за спиной и, обнаружив там Джонни, сразу понял, что за клиент ему достался.

— Проблемы? — поинтересовался Джонни.

После секундного колебания, таксист пожал плечами:

— Черт! вовсе нет. Многие призраков даже в машину не пустят, а мне что, я любого отвезу. Они все по ночам выползают.

За прицельными взглядами водителя перед Джонни вставали сумеречные джунгли, расцвеченные пурпурными соцветиями напалма. В его ушах звенящим эхом зазвучали выстрелы, прогромыхавшие многие годы назад. Ноздри опалил давно сгоревший порох.

Ему стало неприятно, и он оборвал связь.

Джонни велел шоферу отвезти его в «Studio 54».

Даже в это время, глубокой ночью, возле клуба тянулась беспокойная очередь. Выдыхаемый ждущими пар сгущался в мерзлое облако, и они притоптывали безвкусно обутыми ногами, пытаясь согреться. Эти безнадежные неудачники лестью и мольбами умащивали Бериса и Стью,

мордоворотов-вышибал, но бархатный канат не поднимался перед ними, по-прежнему преграждая им путь. Лбы их были помечены невидимым клеймом. Эти люди были не мертвы, но хуже того: они были неинтересны.

Джонни рассчитался с таксистом липкими купюрами, извлеченными из кошелька Нэнси, и ступил на тротуар, прислушиваясь к пульсу музыки, доносившейся из клуба. «Pretty Baby», группа «Blondie». К нему взывал голос Дебби Хэрри — ни живой, ни мертвый.

Такси не двинулось с места. Быть может, шофер надеялся заработать на одном из этих прокаженных? Нет, он старался надежно запечатлеть в своей памяти Джонни. Человека без отражения лучше запомнить.

— До скорого, Джек, — попрощался таксист.

Этот парень был опасен так же, как те двое чернокожих возле «Челси». Джонни взял его на заметку. Хорошо, когда знаешь, кто за тобой придет: можно приготовиться. Имя таксиста было указано в лицензии, и его намерения не менее отчетливо были отпечатаны на его лице. Трейвис. Во Вьетнаме он научился смотреть чудовищам в лицо — даже через зеркало, в котором они не отражаются.

Такси ожило, сердито огрызнулось и крадучись двинулось прочь.

Приплясывая в такт музыке, Джонни пересек тротуар и направился к двери, за которой царила преисподняя, одновременно пытаясь сконцентрироваться и установить связь с вышибалами, мускулистыми парнями в кожаных куртках и кепках с надписью «Tom of Finland». Бернс был коп по совместительству, печальноокий и весь в синяках; Стью — сынок владельца доверительного фонда, носивший в себе свое личное чудовище — постоянную мысль об отце. Крючочки, заброшенные Джонни, зацепились за обоих, прилаженные к тончайшим лескам. Эти ребята не были и никогда не станут его потомством, но они были все же *его*. Сперва он заведет себе тепленьких невольников, а потомство подождет.

Наслаждаясь причитаниями и жалобами неудачников, Джонни продефилировал вдоль очереди, словно воплощая собой «открытый сезам», который этим уродам и во сне не

снился. Стью прищелкнул коваными каблуками своих мотоциклетных штиблет и отдал честь; пальцы четким австро-венгерским движением подлетели к козырьку черной кожаной кепки. Берис ловко приподнял канат и отступил в сторону; на тихий лязг крюка, извлекаемого из металлической петли, отозвались завистливые вздохи. Желая насладиться мгновением, Джонни помедлил в дверях: он знал, что в струях света, льющегося изнутри, костюм его сияет, подобно ангельским одеждам, — и окинул взглядом тех, кому войти не суждено. Отчаяние, отразившееся в глазах этой публики, едва не вызвало в нем сочувствие.

Еще пару недель назад он был одним из них: так же стремился к свету, но к пламени допущен не был. Как и некоторые более древние представители его племени, он не мог прорваться внутрь, не получив приглашения переступить порог. К тому же и одежонка его — найденная в чемодане, наугад снятом с транспортера в аэропорту, — была так себе. Носферату здесь были редкими птицами, и на него обращали внимание. Стив Рабелл, проходя мимо двери, с любопытством взглянул на тонко очерченное, красивое лицо Джонни. Владея даром видеть себя чужими глазами, Джонни понял, что владелец и управляющий клуба заинтересовался стоящим в дверях молодым вампиром. Но даже сам Блестящий Люцифер не смог бы проникнуть в «54» в допотопной рубашке и ковбойских сапогах, с черными волосами, прилизанными наподобие влажной китовой шкуры, плотно льнущими к черепу.

На другой вечер он вернулся в классном прикиде: костюм «Halston» — в темноте чернющий, на свету вспыхивающий пурпурной искрой — и рубашка от «Ralph Lauren» со свежими пятнами крови на отложном воротничке. Они все еще слегка попахивали своим прежним владельцем, неким Тони из Бруклина. Вышибалы, даже не спросив разрешения у Стива, легко пропустили Джонни, который, воспользовавшись случаем, поближе к ночи, в одной из задних комнат запятнал обоих громил своей кровью — якобы в знак благодарности, на деле же в знак своего господства. Джонни приберегал этих двоих на будущее, чуя, что они пригодятся.

Едва Джонни нырнул под занавеску и проскользнул в «54», как вдруг ощутил, что в его руки и ноги проник дух Тони. У Тони Манеро, обескровленного им на Бруклинском мосту, Джонни позаимствовал многое. Из крови этого парня он извлек ритмы, бьющие в такт самой хитовой музыке. Тони был танцором, и Джонни унаследовал от него этот дар — заодно со взбитым чубом, откинутым назад, и одеждой, которая не только прикрывала и защищала, но и утверждала стиль, выражала личность.

И теперь Тони сопровождал его почти каждую ночь — в виде духа. При жизни парню не удалось пробиться в «54», и все же он стоил большего, чем Бруклин, — он стоил Манхэттена. Джонни подумалось, что Тони, чью опустошенную оболочку он сбросил с моста, был бы счастлив узнать, что по крайней мере какая-то часть его проникла в то место города, которое существовало лишь для избранных. Пока кровь в нем была свежа, Джонни следовал ее зову: совершил обратный путь к квартире Тони и проскользнул внутрь — никто из родных мальчишки его не заметил, даже поп-расстрига, — с тем, чтобы опустошить гардероб, забрать ту самую одежду, что стала теперь его броней.

Он отдался во власть музыки, кровью ловя ее ритмы. Тень Нэнси возмутилась, ее сотрясали рвотные позывы при звуках диско, презираемого всеми истинными панками. Подавив ее, Джонни одержал великую победу в войне стилей. Ему нравилось «мочить» панков. Их гибели никто не замечал. Они и так совершали медленное самоубийство — вот в чем дело, у них не было будущего. А любовь к диско — это мечта о вечной жизни, стремление потреблять, не считаясь с моральными ограничениями. Панки же не верили ни во что, кроме смерти, и не любили ничего и никого — даже себя самих.

Интересно, куда подевался Сид.

Тряпичный лунатик, забивая нос коксом, отвалился от стены, одарив толпу благословением 1978 года. Когда Джонни ступил на освещенный пол и гоголем прошелся среди танцующих, костюм его вспыхнул белым пламенем. Он ловил ритм каждым движением. Даже сердце его билось в такт музыке. Узнав песню, он улыбнулся, его клыки

засияли неоновым светом, глаза обратились в мерцающие алые шары. Он присвоил эту музыку; ни одна другая песня не была исполнена для него такого значения.

«Staying Alive», «The Bee Gees».

В припеве ему слышались стенания тепленьких, умирающих от его поцелуев, ах-ах-ах-ах, и все же не умирающих. Ему казалось, в песне говорилось о нем — о любовнике, у которого нет времени на болтовню.

Он танцевал, и люди расступались, оставив его в центре круга.

Очень похоже на кормежку. Он хотя и не сосал, но все же притягивал к себе кровь этой толпы, освобождая от тела дух каждого, кто танцевал вместе с ним. И эти материализовавшиеся духи протягивали свои щупальца через рты и носы, прирастая к нему, наподобие эктоплазменных трубочек. Танцуя, он всем телом всасывал, смаковал множество сознаний и сердец, затмевая их все своим блеском. И никто не осмелился подступить к нему, чтобы бросить вызов. Отец им гордился.

Властью песни он стал *живым*.

Эндрю Уорхол родился в Питсбурге 6 августа 1928 года, он был американцем — в отличие от своей семьи. Виктор Бокрис (Victor Bockris) в «Жизни и смерти Энди Уорхола» («The Life and Death of Andy Warhol», 1989) цитирует его слова: «Я — ниоткуда», — указывая, однако, точное расположение этого места: «Уорхолы были русинами, они приехали в Америку из славянской деревни Микова, расположенной в Карпатских горах на пограничье России и Польши, на землях, которые в начале века принадлежали Австро-Венгрии». Бокрис, как человек внимательный, уже тогда ввел тему, ставшую доминантой биографии Уорхола, отмечая, что «Карпатские горы широко известны как место обитания Дракулы, и селяне, которых описывает Джонатан Харкер, преклоняющие колени перед святынями, стоящими возле дорог, и крестящиеся при упоминании Дракулы, напоминают дальних родственников Энди Уорхола».

Третий сын Ондрея и Джулии Уорхолов вырос в Сохо, в замкнутом этническом сообществе, почти что в гетто.

С юных лет он казался не от мира сего, был бледнее и субтильней других членов семьи. Глядя на него, было смешно подумать о том, что в будущем его ждет работа сталевара. Талант проявился в мальчике, как только он впервые смог удержать в руке карандаш. Другой на его месте вообразил бы себя осиротевшим принцем, которого воспитал дровосек, но Уорхолы приехали — сбежали? — из земли вампиров. Не прошло и пятидесяти лет с тех пор, как граф Дракула явился с Карпат и основал в Лондоне свою мимолетную империю. В те годы Дракула был еще значительной фигурой, самым известным вампиром в мире, и его имя частенько звучало в доме Уорхолов. Годы спустя у Энди в одном фильме актриса, игравшая его мать, утверждала, что в детстве стала жертвой графа и что в ее жилах течет кровь Дракулы, которая во чреве ее перейдет к младшему сыну. Как и многие подробности автобиографии Энди, которые постоянно менялись, эту историю не стоит целиком и полностью принимать на веру, но герой ее многие годы пытался силой мечты воплотить эту фантазию — и возможно, в конце концов преуспел в этом. Прежде чем окончательно принять имя «Энди Уорхол», он порой подписывался как Эндрю Алукард[1].

Наклонности малыша Эндрю приводили Джулию в ужас. У нее вампиры вызывали не восхищение, а страх. Будучи набожной православной христианкой, она постоянно таскала детей за шесть миль в деревянную церковь Святого Иоанна Златоуста, что на Салин-стрит, и заставляла исполнять бесконечные ритуалы очищения. И несмотря на это, уже среди самых ранних рисунков Энди есть изображения летучих мышей и гробов. В 1930-х годах, когда Дракула находился в очередном изгнании, американская «желтая» пресса сходила с ума по вампирам не меньше, чем по кинозвездам. Существовал целый ряд популярных периодических изданий — «Таинственные истории» («Weird Tales»), «Пикантные истории о вампирах» («Spicy Vampire Stories»), — посвященных

[1] Алукард, он же Адриан Фаренгейтс Тепес (Adrian Farenheits Tepes), — сын Дракулы, взявший себе имя отца, но переставивший при этом буквы в обратном порядке. Персонаж серии японских видеоигр «Castlevania».

почти исключительно светской жизни вампиров. Просматривая вслед за маленьким Энди эти журналы, понимаешь, каково это: знать, что праздник, на который достать приглашение ты не имеешь ни малейшего шанса, продолжается, даже когда ты уже давно спишь в своей постели. Чтобы получить приглашение, нужно было в буквальном смысле умереть. В Вене, Будапеште, Константинополе, Монте-Карло и в поместьях и замках, полумесяцем разбросанных по Европе, короли и королевы вампиров правили свой бал.

Юный Эндрю вырезáл из журналов портреты и фотографии, которые хранил потом всю свою жизнь. Ему больше нравились фотографии, особенно смутные и расплывчатые отпечатки тех избранных, чей образ с трудом улавливали фотокамеры и зеркала. Он сразу понял, что существа, лишенные возможности видеть себя в зеркале, должны высоко ценить портретистов. Он писал, вполне в жанре «писем от поклонника», таким звездным вампирам, как де Лионкур Парижский (de Lioncourt of Paris), Эндрю Беннетт Лондонский (Andrew Bennett of London), Белорус Розоков (the White Russian Rozokov). Но всем прочим живым мертвецам он, понятное дело, предпочитал вампиров-детей, бессмертных, навечно застрявших в детстве, о которых Ноэль Ковард (Noel Coward) поет в «Бедной мертвой крошке» («Poor Little Dead Girl»). Его ценнейшим сокровищем в детстве был портрет с автографом, изображавший умершую в мучениях Клаудию, подопечную элегантного де Лионкура. Среди себе подобных она считалась образцом совершенства, архетипической фигурой. Позже Энди использовал этот образ — предмет с подписью, полученный в дар от Ночной Жизни, — в одной из своих шелкотрафаретных работ, названной «Кукла-вампир» («Vampire Doll», 1963).

Это увлечение живыми мертвецами ставило Энди в авангарде моды. В Америке было еще очень мало вампиров, и даже те, кто здесь родился или обратился, стремились сбежать в Европу, которая была им все же более сродни. В конце Первой мировой войны среди вампиров поднялась настоящая паника: вернувшиеся солдаты принесли в своих жилах порченую кровь, и в 1919 году вспыхнула эпидемия. Народилось потерянное поколение, все представители кото-

рого вынашивали в своих телах палящий недуг, в несколько месяцев пожиравший их изнутри без остатка. Они были страшным доказательством того, что вампиры никогда не приживутся в Новом Свете. Конгресс принял акты против распространения вампиризма: исключение делалось только для строжайше регламентированных ситуаций. Дж. Эдгар Гувер считал, что наибольшую угрозу американскому образу жизни представляют коммунисты, вампиры же стояли в его списке на втором месте, и только третье место отводилось организованной преступности. В 1930-х окружной прокурор Нью-Йорка Томас Дьюи организовал настоящий крестовый поход против наплыва итальянских вампиров; в результате глава клана Никколо Кавалапти и его приспешники были успешно депортированы. На Юге воскресший Ку-Клукс-Клан жестоко пресек возможное возрождение союза вампирских кланов в Новом Орлеане и по всей дельте Миссисипи.

Америка, подобно Джулии Уорхол, считала всех без исключения вампиров отвратительными чудовищами. И все же был в них особый, жутковатый блеск, который притягивал Энди. Во времена Великой Депрессии мимолетные проблески светской жизни, которую вели иные существа на другом континенте, впечатляли и соблазняли. Первым голливудским актером, который специализировался на живых мертвецах, стал венгр Пол Лукас (Paul Lucas) — начиная с «Лица со шрамом» («Scarface», 1932) и до «Дома Рутвена» («The House of Ruthven», 1937). Снимались в кино и несколько настоящих вампиров: Гарбо, Малакаи (Malakai), Шевалье Футен (Chevalier Futaine). С расцветом фашизма и началом Второй мировой войны в Америку потянулась вереница вампиров-беженцев из Старого Света. Законы были пересмотрены, в результате чего некоторые действия были объявлены «временно» допустимыми, а пока по приказу Гувера ФБР, постоянно понукаемое американскими «охотниками на ведьм» — кардиналом Спеллманом и отцом Колином, — составляло досье толщиною с пару кирпичей на каждого вампира — и на старших, и на вновь родившихся. Сам Дракула, поскольку нацистская евгеника попыталась вычистить из рейха носителей его крови, присоединился к союз-

никам, и вампирское подполье в оккупированной Европе сотрудничало с освободительными силами.

По окончании войны ситуация снова изменилась: последовали «черные списки», аресты и казни на скорую руку — в мясорубку попали все, кроме тех, кому удалось вернуться в Европу, прикинувшись «тепленькими». Эти преследования были в значительной степени спровоцированы предательством родившегося и обращенного в Америке вампира Бенджамина Латема (Benjamin Lathem), которое совершил Роберт Ф. Кеннеди. Настала эпоха фильмов ужасов, где чиновники в фетровых шляпах идут на крестные муки и финансируют каких-то темных личностей, просочившихся из-за границы: «Я женился на вампире» («I Married a Vampire», 1950), «Я служил вампиром в ФБР» («I Was a Vampire for the FBI», 1951), «Кровь Дракулы» («Blood of Dracula», 1958). Уорхол к этому времени был уже в Нью-Йорке, рисовал туфли для рекламных проектов, компоновал витрины для универмага «Бонуит Теллер», зарабатывая сотню тысяч долларов в год, и при этом злился, что его не принимают всерьез. Одних лишь денег ему было недостаточно, он жаждал славы, будто над ним тяготело проклятие, описанное Фрицем Лейбером (Fritz Leiber) в «Гробовом демоне» («The Casket Demon», 1963): о нем должны были знать, о нем должны были говорить — без этого ему грозило полное исчезновение. Он, как и вся Америка, так и не перерос свое болезненное увлечение вампирами — только научился хранить его в тайне.

В 1956-м, когда «Вокруг света за 80 дней» получил «Оскар» как лучший фильм года, Энди предпринял большое путешествие вместе с Чарльзом Лисанби (Charles Lisanby), человеком на редкость недружелюбным: они посетили Гавайи, Японию, Индию, Египет, Рим, Париж, Лондон. В пути он встречал вампиров, которые жили открыто, среди «тепленьких», у которых они вызывали не меньше обожания, чем страха. Так ли уж нелепо было бы предположить, что во дворце какого-нибудь магараджи или на нильском судне его, брошенного Чарльзом и вынужденного унижаться перед каким-нибудь экзотическим персонажем, укусил вампир?

Конклин. Там же.

— Эй, а это что за малый? — безо всякого выражения в голосе поинтересовался Энди. — Он просто супер.

Такое определение привычную Пенелопу не смутило: это было одно из немногих характеризующих слов, входивших в лексикон Энди. Все и вся могли быть либо «супер», либо «отстой» или вроде того, причем ударный гласный всегда растягивался. Все, что показывали по телевизору, было «су-у-упер», Вторая мировая война была «отсто-о-ой». Старые жестяные коробки из-под печенья были «про-сто потряса-а-а», подоходный налог — «фигня-а-а». Знаменитости были «обалде-е-еть», дневной свет — «ерунда-а-а».

Она обернулась и посмотрела вниз, на танцпол. Они сидели на балконе, возвышаясь над человеческой массой, которая сбивалась в пену. На столе перед ними стояли бокалы с прохладной кровью — таинственно оттененные в полумраке, и все же достаточно освещенные, чтобы их содержимое могло вызвать сомнения.

В «Studio 54» стоило приходить только с одной целью — чтобы тебя увидели, заметили. Завтра на закате, когда они пробудятся от дневного сна, Пенни должна будет пробежать взглядом колонки светской хроники, вычитывая все упоминания об их появлении на публике, чтобы Энди мог покудахтать и посмаковать то, что о нем говорят, и посокрушаться о том, что было упущено журналистами.

В ту же секунду она сообразила, кто именно привлек внимание Энди.

Да, на сей раз он не ошибся. Танцор в белом костюме был супер. Более того — су-у-упер. Она сразу поняла, что этот парень — такой же, как она: носферату. Весь его облик, его повадки были американскими, но она чувствовала повеявший от него запах европейской могильной плесени. Это был не новообращенный, не nouveau[1]: это было опытное существо, поднаторевшее в своем мрачном ремесле. Только вампир, оставивший за своими плечами многие ночи, мог выглядеть так *молодо*.

Это должно было случиться. Она не первая перебралась сюда. Она знала, что нашествие неизбежно. Америка не

[1] Новый *(фр.)*.

могла вечно оставаться в стороне. Она приехала не для того, чтобы быть единственной, исключительной, а для того, чтобы отделиться от своего рода, забыть свои прошлые жизни. И хоть она была нерасторжимо связана с Энди, она не хотела, чтобы ее засосало обратно, в мир живых мертвецов. Но ее желания уже не имели почти никакого значения — все решала судьба. Что бы ни случилось, она готова это принять. Такова ее доля, ее долг.

Она снова взглянула на Энди. Для того чтобы определить, является ли его воодушевление истинным или напускным, нужно уметь чувствовать очень тонко. Он много сил положил — кстати, не стоило недооценивать работоспособность этого апатичного чучела — на то, чтобы выглядеть настолько невыразительно, бесчувственно; в Америке эта тщательно сработанная маска сходила за простую рассеянность. Его покрытые штукатуркой щеки и холодная складка рта не выдавали ровным счетом ничего. Его шевелюра сегодня была серебристой, густой и жесткой, как связка лисьих хвостов. Образ дополнял спокойный, темный итальянский костюм с однотонным галстуком.

На обоих — на Энди и Пенни — были темные очки с круглыми стеклами, защищавшие глаза от пульсирующего клубного света. Но в отличие от некоторых прежних подруг Энди, Пенни в общем-то не пыталась ему подражать.

Она наблюдала за танцором: он завертелся, крутанул бедрами, вскинул руку в жизнерадостном heil[1], как делают поклонники диско; полы его белого пиджака взвились, обнаружив алую подкладку. На его холодном красивом лице застыл сосредоточенный оскал.

Разве мог Энди не обратить внимания на другого живого мертвеца? К тому же на такого.

По крайней мере присутствие танцующего парня означало, что эта ночь прошла не совсем зря. До сих пор все шло как обычно: две презентации, три вечеринки и один прием. Одно большое разочарование: Энди надеялся привести Миз Лиллиан, мамашу президента, на прием в честь принцессы Ашраф, сестры-двойняшки иранского шаха, но

[1] Привет! *(нем.)*

в Белом Доме об этом пронюхали, и план провалился. Люси Арназ, прежняя пассия Энди, вряд ли могла ее заменить, и Пенни была вынуждена весь вечер пробеседовать с этой несчастной девушкой, о которой прежде никогда даже не слыхала, — в то время как Энди молчаливо замкнулся в себе, что большинство публики восприняло как тщательно продуманную позу. На самом же деле он просто-напросто дулся. Принцесса, этот бесценный бриллиант в ожерелье одного из немногих еще уцелевших родов вампирской аристократии, в тот день явно встала не с той ноги или, возможно, была встревожена неприятностями своего царственного брата, который как раз возвратился домой в окружение исламских фанатиков, громко выражавших желание посадить его на кол.

В автомобиле, по пути из «Чайных», где проходила вечеринка Бианки Джаггер, в Галерею фотографии, на вернисаж Л. Б. Джеффриза, Палома Пикассо довольно занудно принялась трендеть о тонизирующих свойствах человеческой крови и о том, как она полезна в качестве крема для лица. Пенни с радостью разъяснила бы этой тепленькой безмозглой кукле, как глупо с ее стороны рассуждать о вещах, о которых она не имеет ни малейшего понятия, но Энди и без того уже был холоден со своей верной спутницей-вампиршей, так что не стоило подкалывать в его присутствии такую известную персону, хотя Пенни никак не могла взять в толк, *чем*, собственно, дочка художника известна, — ведь она неизбежно наследовала его имя на ярмарке тщеславия.

У Бианки Энди показалось, что он раскусил интрижку Дэвида Боуи с Катрин Денев. Но эта парочка оказалась гораздо менее интересной, чем можно было подумать, — еще одно разочарование.

Боб Колачелло, редактор журнала «Интервью» и посредник между Энди и представителями династии Пехлеви, принялся болтать о том, как прекрасно держится принцесса, и пытался уломать его, чтобы он принял участие в выставке в новом Музее современного искусства, который был открыт шахом в Тегеране. Пенни показалось, что Энди эта идея не понравилась: видимо, он рассудил — и вполне

справедливо, — что негоже связываться с тем, кто стоит на пороге краха. Энди старательно избегал Боба — следовательно, все присутствующие делали то же самое. Он пришел в восторг, узнав от Пенни, что эту старую школьную пытку называют «послать в Ковентри», — от этого она показалась ему еще более смешной, и оттого действенной. В болтовне Боба слышалась отчаянная обида, но он сам был всему виной, и Пенни ничуть его не жалела.

В Галерее фотографии, в окружении снятых крупным планом солдатских сирот и разоренных азиатских селений, Энди вдруг обуял очередной приступ любопытства, и он учинил Пенни допрос об Оскаре Уайльде. Каким он был, вправду ли он всегда жил припеваючи, испугался ли он, когда над ним вдруг сгустились тучи, сколько он зарабатывал, насколько он был знаменит на самом деле, узнавали ли его повсюду, куда бы он ни пошел? Теперь, почти сотню лет спустя, Уайльда она помнила хуже, чем многих других, с кем общалась в 1880-е. Поэт, как и она сама, принадлежал к первому поколению современных новорожденных вампиров. Он был одним из тех, кто после обращения протянул не более десяти лет, пожранный изнутри болезнью, полученной еще в бытность тепленьким. Пенни не любила вспоминать о пережитых ею современниках. Но Энди настаивал, приставал, и она была вынуждена выдавать анекдоты и афоризмы — лишь бы он угомонился. Она даже сказала Энди, что он напоминает ей Оскара, что отчасти было правдой. Пенни боялась перейти из разряда «супер» в разряд «отстой», за чем логически следовало изгнание в кромешную тьму.

Всю свою жизнь — всю свою вторую жизнь — она добровольно провела в тени целой вереницы деспотов. Сама она полагала, что казнит себя за грехи. Даже от Энди это не укрылось: на «Фабрике» ее звали Пенни Епитимья или Покаянная Пенни. И все же, сходя с ума по титулам и прочим дворянским атрибутам, чужакам Энди обычно представлял ее как Пенелопу Черчвард, леди Годалминг. Она никогда не была супругой лорда Годалминга (впрочем, ничьей вообще), но Артур Холмвуд был ее Темным Отцом, а некоторые вампиры-аристократы действительно передавали титулы своим потомкам.

Она была не первой английской розой, распустившейся в саду Энди. Ей говорили, что она похожа на модель Джейн Форт, которая снималась у него в фильмах. Пенни отлично знала, что стала для Энди «девушкой года» только после того, как Кэтрин Гинесс покинула «Фабрику», чтобы стать леди Нидпат. Впрочем, у нее было неоспоримое преимущество перед предшественницами — вечная молодость. И как «девушка года», она была обязана сопровождать его по вечерам и в значительной степени брать на себя организационные и светские хлопоты, связанные с деятельностью «Фабрики», «Энди Уорхол Интерпрайзиз, Инкорпорейтед». Эти обязанности были привычны ей еще с Викторианской эпохи, когда женщина должна была играть роль «домашнего ангела», и с ночного периода ее жизни, когда она была последней хозяйкой замка Дракулы. Она даже неплохо справлялась с финансами.

Пенни потягивала кровь, нацеженную из какого-то местного повара или официанта, который «на самом деле» был актером или моделью. Энди к своему напитку не притронулся, как и всегда. Кровь, налитая в стакан, не вызывала у него доверия, и никто никогда не видел, как он кормится. Пенни даже подозревала в нем вегетарианца. Сейчас две красные точки, блестящие за темными очками, были четко нацелены. Он продолжал наблюдать за танцором.

Впрочем, вампир в белом костюме завладел и ее вниманием. На долю секунды ей показалось, что это *он*, вернувшийся, несмотря ни на что, юный и смертельно опасный, полный решимости осуществить кровавую месть.

И она выдохнула имя: «Дракула».

Острый слух Энди уловил его даже сквозь жуткую какофонию, которая нынче зовется музыкой. Это было одно из немногих имен, неизменно пробуждавших в нем интерес.

Энди ценил Пенни за ее причастность к Королю Вампиров. Ведь она была в Палаццо Отранто, в самом конце. Она была одной из немногих, кто знал все о последних минутах il principe[1], но ревниво умалчивала об этом. Хватит с нее и того, что воспоминания не исчезают бесследно.

[1] Государь, властитель *(ит.)*.

— Мальчишка похож на него, — пояснила она. — Возможно, он один из потомков графа, или носитель его крови. Вампиры, обращенные Дракулой, в большинстве своем стали похожи на него. Его двойники расселились по всему миру.

Энди кивнул: ему понравилась эта идея.

У танцора были красные глаза, орлиный нос, полные губы — все, как у Дракулы. Однако он был чисто выбрит, и голову его украшала шапка взбитых, начесанных черных волос: он напоминал не то актера с Бродвея, не то подросткового идола. Внешность его была в равной степени римской и румынской.

Уже с первой встречи Пенни поняла, что Энди Уорхолу мало быть просто вампиром. Он хотел быть Вампиром с большой буквы, Дракулой. Еще до его смерти и воскресения приятели звали его Драколушкой. Это прозвище свидетельствовало о жестокости: он был Графом ночной тьмы, но на рассвете вновь обращался в девушку, выгребающую золу.

— Выясни, кто он такой, Пенни, — сказал Энди. — Нам надо встретиться с ним. Его ждет слава.

О да, она и не сомневалась.

Раскрасневшийся от танца и все еще окрыленный кровью Нэнси, Джонни отправился на ночной промысел. Первые пару раз он располагался в мужском туалете, подобно наркодилерам, у которых он просто на глазах отнимал хлеб. Одна беда: он едва отражался в зеркалах и потому решил перебраться из ярко освещенных сортиров в заштореные задние комнаты, где происходило совсем иное действо. В любом клубе бывали такие места.

Войдя в темную комнату, он почувствовал жар, исходящий от движущихся тел, и присутствие духов, выбрасываемых, на манер катушек «йо-йо», на струнах эктоплазмы во время оргазма. Меж сплетенных рук и ног он просочился к своему привычному месту в кожаном кресле. Выскользнул из пиджака, бережно повесив его на спинку, и, расстегнув запонки, по локоть закатал рукава рубашки. Его белоснежные предплечья и кисти рук сияли в темноте.

Первым пришел Бернс: его ломало. От крючка, засевшего в его мозгу, исходила пульсация; жажда сотрясала кости, подобно глухим барабанным ударам. Первый укол *драка* был бесплатным, но теперь каждая доза стоила сотню долларов. Вышибала вручил Джонни хрустящую купюру. Ногтем мизинца Джонни провел по своей левой руке, сделав на коже сантиметровый надрез. Бернс опустился возле кресла на колени и слизнул заструившуюся кровь. Он принялся сосать ранку, и Джонни оттолкнул его прочь.

В глазах бедняги отразилась мольба. Он получил свою порцию драка, но ему было мало. Он обрел физическую силу и остроту чувств, но вместе с ними и голод.

— Пойди укуси кого-нибудь, — посоветовал Джонни, посмеиваясь.

Крючок в вышибале засел глубоко. Парень одновременно любил Джонни и ненавидел его, но готов был исполнить любое его приказание. Изгнание, лишение этих ощущений, стало бы для Бернса адом.

Вышибалу сменила девушка в блескучем платье с бахромой. Ее волосы отливали оранжево-фиолетовым цветом.

— Это правда? — спросила она.

— Что — правда?

— Что ты можешь делать других людей подобными себе?

Его губы изогнулись в мгновенной улыбке. Он мог делать так, чтобы другие считали его бесподобным.

— Сотня баксов — и все узнаешь, — ответил он.

— Идет.

Она была совсем молоденькая, еще ребенок. Едва наскребла нужную сумму, однодолларовыми бумажками вперемежку с двадцатицентовиками. Обычно у Джонни в подобных случаях не хватало терпения, и он, с грубостью автобусного водилы, посылал таких несерьезных клиентов ко всем чертям, и на смену им приходили другие, способные расплатиться по-человечески. Но мелкие деньги ему тоже были нужны — на чаевые.

Когда ее рот присосался к свежей ране, Джонни почувствовал, как его щупальца погружаются в тело и сознание девушки. Она была девственна — во всех смыслах. В не-

сколько секунд она стала его рабой. Когда она вдруг поняла, что может теперь видеть в темноте, ее глаза широко распахнулись. Кончиками пальцев она прикоснулась к внезапно заострившимся зубам.

Это продлится лишь ничтожно короткое время, но сейчас — сейчас она принцесса теней. Он нарек ее Поктюрной и удочерил до рассвета. Она выплыла из комнаты — на охоту.

Он сделал еще несколько надрезов у себя на руке, получил еще денег, отдав взамен еще драка. Через комнату прошла целая вереница порабощенных им чужаков. С каждой ночью их становилось все больше.

Час спустя у него было 8500 долларов наличными. Дух Нэнси исчез, оторванный от него по кускам, по клочкам и унесенный его ночными детьми. Запавшие вены ныли. Его сознание было переполнено впечатлениями, которые таяли без следа так же быстро, как шрамы на его молочно-белой коже. А кругом, во тьме грызли друг друга его временные потомки. Он смаковал визгливую музыку боли и наслаждения.

И его опять мучила жажда.

На модных рисунках 1950-х годов вампирская тема зашифрована и выступает на поверхность только через символы: угловатые фигуры, задрапированные в плащи с ободранными краями, напоминающие крылья летучей мыши; на черно-белых лицах — губы, накрашенные ярко-алой помадой; крошечные, почти неприметные клыки, выглядывающие из растянутых в улыбке ртов. Эти подспудные шутки — не что иное, как самоирония, свидетельствующая о боязливом приятии того, что должно было случиться. Чтобы стать «Энди Уорхолом», оформитель витрин и иллюстратор должен был умереть и возродиться Художником. Те, кто утверждает, будто кроме заработка его ничто не интересовало, — справедливости ради упомянем: именно это он сам твердил каждому, кто готов был слушать, — забывают о том, что он отказался от весьма значительного дохода, чтобы отдать все силы работе, изначально приносившей массу убытков.

Незадолго до того, как серии «Бутылка Кока-Колы» («Coca-Cola Bottle») и «Банка супа Кэмпбелла» («Campbell's Soup Can») принесли ему известность, в период, когда он опасался, что оправился от одного нервного срыва только для того, чтобы сорваться снова, Уорхол написал картину — синтетический полимер, пастель, холст, — изображавшую Бэтмана (1960), единственного вампира, которого Америка встретила с распростертыми объятиями. Пусть он, вне всякого сомнения, уступает Лихтенстайновым заимствованиям из «страничек юмора», «Бэтман» все же является в своем роде значительным произведением, недовоплотившим идею, пойманную художником, но брошенную на полпути, — первой вспышкой того, что позже станет называться поп-артом. Как и многое из созданного еще до того, как Уорхол догадался использовать повторы и штампы в качестве художественных средств выражения, эта работа напоминает детские карандашные каракули, нашкрябанные поверх окутанного сутаной силуэта Боба Кейна (Bob Kane), классической фигуры неусыпного вампира. Произведение было выставлено в Галерее Кастелли (Castelli Gallery) и стало первым творением Уорхола, за которое частный коллекционер выложил весьма приличную сумму (картину приобрел анонимный покупатель, действовавший по поручению Фонда Уэйна), что, вполне вероятно, и вдохновило художника на продолжение собственных исканий.

В период творческого подъема, который начался в 1962 году и продолжался как минимум до тех пор, пока его не подстрелили, Уорхол арендовал помещение бывшей шляпной фабрики на Сорок седьмой Ист-стрит, 231. Он обратил чердачные помещения в собственную «Фабрику», где намеревался поставить искусство на конвейер. По совету своего помощника Натана Глюка (Nathan Gluck) Уорхол использовал трафаретную печать («как мошенник, подделывающий документы») и выпустил целую серию долларовых купюр, суповых жестянок и Мэрилин Монро. Казалось, для него не имеет значения, что изображать, — лишь бы это «что-то» было общеизвестным. Когда Генри Гельдцалер (Henry Geldzahler), заместитель заведующего Отделом американского искусства XX века в музее «Метрополитен», сказал Уорхолу, что ему

стоит обратиться к более «серьезным» темам, тот принялся за серию, посвященную «смерти и катастрофам», изображавшую автомобильные аварии, самоубийства и электрический стул. На грани банальности и смысловой глубины балансируют созданные им портреты вампиров: «Кармилла Карнстайн» («Carmilla Karnstein», 1962), «Кукла-вампир» («Vampire Doll», 1963) и «Люси Вестенра» («Lucy Westenra», 1963). Лица бессмертных, с красными глазами и зубастыми ртами, множество раз воспроизведенные на листах, — наподобие марок без перфорации, с кожей ярко-зеленых и оранжевых тонов: эта серия будто возрождает жанр вампирского портрета XIX века. Вампиров, изображенных Энди, объединяло одно: их гибель получила широкую огласку. Параллельно, с помощью той же трафаретной печати, он создал полотна, изображавшие их истинную смерть: протыкание кольями, обезглавливание, расчленение. Возможно, именно эти картины и стали его первыми великими работами — искореженные трупы, плавающие в алой крови, безжизненные тела, разорванные на части жестокими пуританами.

В 1964 году Энди привез черно-белую стенную роспись 20×20 под названием «Тринадцать вампиров» на Всемирную выставку в Нью-Йорке, в Американский павильон, где ее должны были выставить вместе с работами Роберта Раушенберга и Роя Лихтенстайна. Среди этих тринадцати, между прочим, был первый созданный Уорхолом портрет Дракулы, хотя все остальные знаменитости, представленные там, были женщинами. Архитектор Филип Джонсон, заказавший это произведение, сообщил Уорхолу, что директор выставки высказал пожелание, чтобы фреску убрали, поскольку существуют опасения, что она может оскорбить чувства богобоязненных посетителей. Когда предложение Уорхола перечеркнуть портреты огненными крестами, символизирующими триумф божественного, было отклонено, он явился на выставку вместе с Гельдцалером и еще одним своим помощником, Джерардом Малангой (Gerard Malanga), и закрасил картину толстым слоем серебряной краски, изгоняющей бессмертную нечисть, провозгласив при этом: «Вот каким будет мое искусство». Насчет этого утраченного портрета Дракулы нам остается лишь строить пред-

положения, ибо ни один из немногих очевидцев не может дать ему подробного описания. Какое именно из огромного множества изображений Короля Вампиров — с настоящей смерти которого к тому моменту прошло всего пять лет — воспроизвел Уорхол? Самым соблазнительным является предположение, основанное на свидетельстве Маланги, который позже взял свои слова обратно, будто это был единственный случай за всю художническую карьеру Уорхола, когда он скорее позаимствовал образ из собственного воображения, нежели скопировал откуда-то или воспроизвел с натуры. Лгал Энди постоянно, но, за исключением этого случая, никто никогда не обвинял его в вымысле.

Первые киноэксперименты Уорхола проводились «в реальном времени», при совместном участии всех, кому случалось околачиваться на «Фабрике», и атмосфера их насквозь пропитана вампиризмом. В «Сне» («Sleep») камера так нависает над беззащитным горлом Джона Джорно (John Giorno), будто готова кинуться на него. Фильм, снятый с расчетом на двадцать четыре кадра в секунду, демонстрируется в замедленном режиме, при шестнадцати кадрах в секунду, и это сообщает шестичасовой ночи, проживаемой Джорно, оттенок вампирической апатии. Белые вспышки межкадровых полос обращают засаленные простыни в белоснежное погребальное покрывало, и мертвенное дребезжание проектора заменяет собой саундтрек (на который накладываются разве что нарочито комические зевки да «верните-деньги-за-билеты» — требование, неизменно предъявляемое зрителями, ненароком попавшими на показ этого фильма в настоящем кинотеатре). В том же году Уорхол снял еще несколько фильмов, откровенно затрагивающих тему вампиризма: так, в «Поцелуе» («Kiss») последовательно показаны несколько целующихся пар; люди впиваются друг в друга, подобно насекомым, не в состоянии разделить свои присосавшиеся друг к другу рты. В «Еде» («Eat») Роберт Индиана (Robert Indiana) набивает себе рот каким-то непонятным мясом. «Сосание» («Suck-Job») представляет собой затяжной (на тридцать минут) крупный план лица молодого человека, которого покусывают неизвестные существа, то ли остающиеся за кадром, то ли про-

сто не фиксируемые пленкой. Уорхол договорился с Алексом Фордом, настоящим вампиром, о том, что тот «снимется» в «Сосании», но Форд не принял это дело всерьез и в день съемок на «Фабрику» не явился, вынудив художника удовольствоваться в качестве замены бледным как смерть, но «тепленьким» нахалом, подобранным на улице.

Когда Уорхол навел свою камеру на Эмпайр стейт билдинг, снимая «Эмпайр» (1964), это здание предстало как огромнейший в мире гроб, выпирающий из земли, будто выброшенный наружу землетрясением. Затем постепенно наступает ночь, включаются прожекторы — и здание превращается в закутанного в плащ хищного гиганта, нависшего над Нью-Йорком: плечи его согнулись под гнетом лет, а на голове вырос рог — мачта авиамаяка. Затем в ныне утраченном «Бэтмане-Дракуле» («Batman Dracula», 1964) Уорхол снял своего коллегу, режиссера-авангардиста Джека Смита, который размахивает черным плащом над Бэби Джейн Хадсон (Baby Jane Hudson). Только жутковатые фотоснимки, запечатлевшие рот Смита, полный пластиковых зубов, и вытаращенные глаза Лон Чейни (Lon Chaney), остались от этого фильма, который — как и покрытые серебряной краской «Тринадцать вампиров» — получился, похоже, именно таким, как хотелось Энди. Как и в случае с фильмами «Сон» и «Эмпайр», важно здесь даже не конечное произведение, но сама идея. Достаточно того, что эти фильмы существуют; ведь в общем-то и не предполагалось, что кто-нибудь будет смотреть их от начала до конца. Джонас Мекас (Jonas Mekas), включив «Эмпайр» в 1965 году в список показов Ассоциации кинематографистов (Film-makers' Co-Op), заманил Уорхола в проекционный зал и крепко-накрепко примотал его толстой веревкой к одному из стульев, намереваясь заставить создателя целиком просмотреть собственное творение. Когда же два часа спустя он зашел проверить, все ли в порядке, то обнаружил, что Уорхол разгрыз путы — вылитое воплощение Бэтмана-Дракулы — и растворился в ночи. В начале шестидесятых Уорхол взял за привычку обтачивать себе зубы напильником, делая их острыми, как у пираньи.

Конклин. Там же.

Рыжеволосая девушка-вампир наскочила на нее со всего размаху и зашипела, обнажив жемчужные клычки. Пенелопа слегка опустила темные очки и одарила девчушку огненно-неоновым взглядом. Мелкая тварь испуганно попятилась. Пенни схватила девушку за голое плечо и с любопытством заглянула ей в рот — совсем как дантист. Клыки были настоящими, но стоило крошке забиться от страха, зажатой железной хваткой носферату, как они начали уменьшаться. Алые круги в ее зрачках потухли, и она снова стала тепленькой, бедняжка.

И Пенни сообразила, чем юный вампир занимался в задних комнатах. Она пришла одновременно в ужас и восхищение. Она слыхала о том, что тепленькие могут временно обретать вампирские способности, не будучи при этом укушенными: для этого достаточно было отведать крови вампира. Что-то такое болтали про Кэти Рид и летчика времен Первой мировой войны. Но подобные вещи случались очень редко и были опасны.

То есть *прежде* они случались редко.

Вокруг нее буквально роились вампиры-однодневки. Один молодчик, споткнувшись, упал ей на руки и тут же попытался укусить. Она резко отшвырнула его в сторону, в отместку сломав ему пальцы на правой руке. Они, конечно, тут же заживут, но когда он вновь обратится в обычного подростка — болеть будут адски.

В сердце ее проросло семя страха. Чтобы делать такие вещи, нужно иметь способность видеть. А вампиры, ставшие за долгие века консерваторами, редко решались на что-либо новое. Она снова вспомнила о Дракуле, который вознесся над всеми носферату благодаря своему мужеству и решимости найти новый путь, ведущий в новые, обширные сферы, которые предстояло покорить. Такие вампиры всегда вызывали страх.

Стоит ли Энди встречаться с этим юношей?

Она нашла взглядом белый пиджак, сияющий во мраке. Вампир стоял возле бара, вместе со Стивом Рабеллом, местным конферансье и киноактрисой Изабель Аджани. Стив, как всегда, порхал между посетителями; его прическа была разделена на две половинки, между которыми блес-

тела плешь. Его оттопыренные карманы были под завязку набиты наличностью, извлеченной из переполненных кассовых аппаратов.

Стив заметил Пенни, уловил ее заинтересованный кивок и сделал приглашающий жест.

— Пенни, догогуша, — залопотал он, — только взгляни на меня, я такой же, как ты.

У него тоже были клыки. И губы испачканы кровью.

— Я — тепегь — вампиг!

Стив считал это удачной шуткой. У Аджани на шее красовался след от укуса, который она промокала салфеткой.

— Это пгосто потгясающее ощущение!

— Сказочное, — согласилась она.

Пенни вперила взгляд в приезжего вампира. Тот его выдержал. Она уже поняла, что перед нею не новичок, но он был явно и не из старших. И в нем, без всякого сомнения, текла кровь Дракулы.

— Представь же меня, — мягко потребовала она.

Красные глазки Стива сузились.

— А что, Энди им заинтегесовался?

Пенни кивнула. Несмотря на кашу в мозгах, Стив был проницателен.

— Пгелопа, это Джонни Поп. Он из Тгансильвании.

— Теперь я американец, — поправил его Джонни, лишь с легким намеком на акцент.

— Джонни, мальчик мой, эту ведьму зовут Пенни Чегчвагд.

Пенни протянула руку для поцелуя. Джонни Поп пожал ей пальцы и слегка поклонился, как это принято в Старом Свете.

— Вы были сногсшибательны, — сказала она.

— Вы из старших?

— К сожалению, нет. Я восемьдесят восьмого года выпуска. Одна из немногих, кто выжил.

— Позвольте выразить мое восхищение.

Он отпустил ее руку. На стойке перед ним возвышался огромный стакан кровяного концентрата. Судя по количеству его эфемерных отпрысков, юноше не помешает пополнить свой запас крови.

Какой-то чудак взлетел над танцполом, неуклюже махая своими недолговечными кожистыми крылышками. Остервенело лупя ими, он сумел подняться на пару футов. Потом сорвался и рухнул в толпу, пронзительно воя и обливаясь кровью.

Джонни улыбнулся и поднял стакан за здравие Пенни.

Надо будет ей на досуге обдумать это нововведение.

— Мой приятель Энди хотел бы поболтать с тобой, Джонни.

Стив в восторге шлепнул Джонни по руке.

— Энди Уогхол — это фегзь сгеди нью-йогкских вампигов, — объявил он. — Добго пожаловать, дгужище!

На Джонни это не произвело большого впечатления — или же он изо всех сил старался не показать виду, что произвело. Он лишь вежливо ответил:

— Мисс Черчвард, я хотел бы поболтать с вашим приятелем мистером Уорхолом.

Итак, это пепельнолицее существо правит весь нью-йоркский шабаш. Джонни уже видел Энди Уорхола — и здесь, и в клубе «Mudd» — и знал, кто он такой: человек, рисующий суповые банки и снимающий похабные фильмы. Он и не подозревал, что Уорхол — вампир, но теперь, когда ему сказали, это казалось очевидным. Кем же еще мог он быть?

Уорхол был не из старших, но Джонни не понимал, что это за фрукт: подобных ему он прежде не видел. Придется соблюдать осторожность, оказывая местному хозяину должное почтение. Не стоит делать своими врагами тех немногих вампиров, что живут в этом городе; по крайней мере не сейчас. Женщина Уорхола — супруга? любовница? рабыня? — тоже явно непроста. Она балансировала на грани враждебности, излучая колкую подозрительность, но Джонни знал, чем можно зацепить таких, как она. Рожденная, чтобы идти по чужим следам, она затрусит за ним так же преданно, как нынче следует за своим хозяином-художником. Он уже встречал подобных ей: выброшенные бурными волнами вон из своего времени, они пытались скорее нащупать тропинку в этом мире, нежели перестроить его в

соответствии с собственными потребностями. Эту даму не стоило недооценивать.

— Эй, — сказал Уорхол, — приходи к нам на «Фабрику». Для тебя найдется работенка.

Джонни в этом не сомневался.

По знаку Стива появился фотограф. Джонни заметил, что Пенелопа тихонько выскользнула из кадра еще до того, как вспышка успела потухнуть. Энди, Стив и Джонни оказались зажаты в ярко освещенном углу. Стив скалил свои новообретенные зубы.

— Скажи-ка, Джонни, — поинтересовался Стив, — мы ведь будем на снимке? Я хочу сказать, у меня еще осталось отгажение?

Джонни пожал плечами. Он понятия не имел, повлияет ли драк, принятый Стивом, на его отражение. В случае с Нэнси он тоже этого не знал.

— Дождись проявки и посмотри, что получится, — посоветовал Джонни.

— Чему быть, того не миновать.

Не стоит слишком серьезно задумываться над тем, что говорят американцы.

— Эй, — восторженно воскликнул Энди, — это просто су-у-упер, отличная идея!

Джонни предстояло не один месяц править этим городом.

С 1964 по 1968 год Энди забросил живопись — если трафаретная печать может считаться таковой — ради кинематографа. Многие полагают, что такие работы, как «Диван» («Couch», 1964) или «Тринадцать самых красивых мальчиков» («The Thirteen Most Beautiful Boys», 1965), — не более чем движущиеся портреты; разумеется, гораздо больше людей восприняли их как отголосок «Exploding Plastic Inevitable»[1], которое они с благоговением выстрадали на показе Ассоциации. «Киношки», а не фильмы, они были предназначены для показа аудитории, занятой танцами, беготней или

[1] «Exploding Plastic Inevitable» — театрализованный ансамбль Энди Уорхола.

затыкающей свои вянущие уши, — словом, не готовой воспринимать голливудские сюжеты.

К этому времени «вампирские киношки Энди» перестали уже считаться эстетской шуткой — восемь часов созерцать Эмпайр стейт билдинг!!! — и были приняты всерьез настоящими режиссерами-авангардистами, такими как Стен Брэккейдж (Sten Brakhage) (считавший, что идея замедленного показа не лишена гениальности). В помещении Ассоциации кинематографистов регулярно устраивались «Фестивали Уорхола»; при этом намекалось, что фильмы, как бы это выразиться, «грязноватые», что, разумеется, привлекало целые толпы. Вероятно, даже самые отчаянные нью-йоркские зрители не видели ничего более близкого к вампиризму, чем фильм «Сосание», — несмотря на то что картина была немой, черно-белой и слегка не в фокусе. Изабель Дюфресн (Isabelle Dufresne), в будущем «супервамп» по кличке Ультра Вайолет (Ultra Violet), видела «Сосание» на «Фабрике», где фильм проецировался на большую простыню, — и тут же оценила прием незавершенности, когда самая суть вещей остается за кадром. В книге «Пятнадцатиминутная смерть: Моя жизнь с Энди Уорхолом» («Dead for Fifteen Minutes: My Years With Andy Warhol», 1988) Ультра Вайолет пишет: «Хотя ваш взгляд постоянно устремлен на лицо молодого человека, которому делают минет, внимание ваше постоянно устремлено к пустому месту на простыне под экраном. Вы подвергаетесь одновременно визуальному насилию и оскорблению. Это выводит из себя: хочется встать, схватить камеру и направить ее вниз, чтобы заснять само действие. Но этого вы сделать не можете и оттого испытываете раздражение».

Ультра Вайолет также сообщает, что во время показа некоторые из присутствовавших завсегдатаев «Фабрики» срывали свое раздражение, покусывая друг друга, повизгивая от боли и пуская друг другу тоненькие струйки быстро засыхавшей крови. Такие опыты псевдовампиризма были обычным делом среди Людей-кротов, этого ночного народа. Энди собрал их, чтобы они помогали снимать «его» фильмы, и составил из них собственный клан, собиравшийся в одной из задних комнат «Max's Kansas City». Настоящих живых

мертвецов в его команде не было, и Энди работал с домо-рощенными «супервампами», которые могли не являться на репетиции, но в фильмах снимались: Поуп Ондайн (Pope Ondine) (который пил настоящую кровь), Бриджид (Берлин) Полк (Brigid (Berlin) Polk), Бэби Джейн Хадсон (которая когда-то была настоящей кинозвездой), муза Маланги — Мери Воронов, Кармилла Карнстайн, Ингрид Супервамп (Ingrid Supervamp). Позже Брайан Стейблфорд (Brian Stableford) припечатает этих ребят, назвав их «фантастами по жизни» — подогнав под этот штамп и их новоявленных аватар, готических мургатройдов. Как и Энди, Люди-кроты вели жизнь, типичную для вампиров: избегали дневного света, ночи напролет носились туда-сюда, обтачивали себе зубы, обретали сероватый цвет лица и пробовали друг у друга кровь, отравленную наркотиками.

Однако уже вскоре пришлось считать потери. Танцор Фредди Херко (Freddy Herko), который снимался в «Поцелуе» (1963) и «Фильме-танце/Роликовых коньках» («Dance Movie/Roller Scates», 1963), прочел в «Montague Summers» статью, озаглавленную: «Вампир: его друзья, знакомые и родня» (1928). Там говорилось, что тот, кто совершил самоубийство, причем сделал это эффектно и «без страха», возрождается «могучим вампиром». В 1964 году, накануне Хэллоуина, Херко протанцевал по квартире одного из своих друзей в Гринвич-вилледже, волоча за собой десятифутовый плащ, как у Бэтмана/Дракулы, и на этом парусе элегантно выплыл в окно шестого этажа. Прочитав «Саммерс» по диагонали, Херко не позаботился о том, чтобы составить договор с дьяволом, что является непременным условием гамбита, имеющего целью обретение бессмертия через самоубийство,— и в результате из мертвых не воскрес. Весть о выходке Херко едва не привела Энди в раздражение. «Эх,— вздохнул он,— ну почему он не предупредил меня, что собирается это сделать? Мы бы пришли и все засняли». Херко оказался лишь первым из сподвижников Уорхола, унесенных смертью: за ним последовали Эди Седжвик (Edie Sedgwick, 1971), Тайгер Морс (Tiger Morse, 1972), Андреа Фельдман (Andrea Feldman, 1972), Кэнди Дарлинг (Candy Darling, 1974), Эрик Эмерсон (Eric Emerson, 1975), Грегори Бэттком

(Gregory Battcock, 1980), Том Бейкер (Tom Baker, 1982), Джеки Кертис (Jackie Curtis, 1985), Валери Соланас (1989), Ондайн (1989). А также и сам Уорхол (1968). Хотя Энди, разумеется, вернулся. Он должен был стать вампиром, которым хотели бы быть они все, даже Валери.

В 1965 году термин «вампирское кино» несколько изменил свое значение. Произошло это вместе с появлением на «Фабрике» Рональда Тэйвела (Ronald Tavel) — драматурга, который был нанят для изобретения отдельных сюжетных ходов (или даже целых сценариев), и Эди Седжвик — блондинки голубых кровей, которая по многим признакам соответствовала в представлении Энди образу «супервамп». Такие фильмы, как «Смерть Раду Прекрасного» («The Death of Radu the Handsome», 1965), с Ондайном в роли Дракулы-младшего — педерастического братца Влада Закалывателя, и «Бедная мертвая крошка» (1965), где Эди сыграла вампиршу Клаудию, — продолжаются по семьдесят минут (в два приема по тридцать пять минут — по длительности это два киножурнала, показанные подряд), сопровождаются пульсирующими саундтреками и настолько подражают Голливуду, что почти обретают сюжет. Если бы сами вампиры не были яркими личностями — один прекрасен, другой проклят, — эти опусы скорее напоминали бы «кино про зомби», неуклюжие потуги на подражание, постоянно запинающиеся, почти застывающие образы (камеру Энди поручил самому обкуренному из всех Людей-кротов), которые то попадают в фокус, то нет, то вдруг импровизированные «жертвы» не могут найти, что бы еще сказать или сделать. Ондайн, Эди и некоторые другие считали, что этими фильмами вносят собственный вклад в борьбу с безнравственностью, свойственной вампирам. С пластиковыми клыками, купленными в грошовой лавочке, закутанные в саваны, извлеченные из старых сундуков, — они скачут по экрану, живые, бережно сохраненные пленкой, — в то время как тела их давным-давно лежат в могилах — они мелькают перед нами, так и не умершие до конца. Кинокамера для Энди была своеобразным вампирическим станком точно так же, как трафаретная печать или «полароид» — машинкой, обращающей живое в мертвое, завершенное и поддающееся

воспроизведению. Ведь делать людям больно — это так интересно, и потом на бумаге остаются совершенно потрясающие образчики чернильных пятен для теста Роршаха.

Эди обрезала волосы под стать вихрам Энди и стала подражать ему в одежде — особенно это заметно на фотографиях и светских мероприятиях. Они были похожи на бесполых близнецов или на клонов, но на самом деле стремились следовать во всем самым жутким из обитателей мира тьмы, древней чете вампиров. Р. Д. Ленг (R. D. Laing) в своем исследовании, озаглавленном «Хельга и Генрих» («Helga and Heinrich», 1970), предполагает, что, прожив вместе века, супруги-вампиры начинают терять свою индивидуальность и у них формируется единое сознание, которое оказывается разделено между двумя немощными на вид телами: каждый из них может закончить предложение, начатое другим, стоит только сознанию, мелькающему между ними, перенестись из одного черепа в другой; на жертву они набрасываются хищным рефлекторным движением. Если один из супругов гибнет, другой разлагается от горя. Возможно, Эди и была готова зайти так далеко — в конце концов она совершила самоубийство, — но Энди был слишком независим, чтобы что-либо совершить или намертво привязать себя к кому или к чему бы то ни было. Он видел в ней лишь зеркало, в которое не хотел смотреться — потому что отражение напоминало ему о том, что он все еще живой, — и частенько демонстрировал ей трюк, позаимствованный у Харпо Маркса (Harpo Marx): победоносно изрыгал изо рта молоко или извлекал из кулака грецкий орех — и все это для того, чтобы показать ей, кто здесь копия, а кто оригинал. Заявив, что он хотел бы, чтобы все были одинаковы, Энди сформулировал идею солипсизма, а не равноправия: все должны быть как он, но именно он должен быть образцом.

Конклин. Там же.

Он стал кормиться чаще — не столько, чтобы утолить голод, сколько для дела. Жертва, пойманная им перед самым рассветом, была последней из трех, схваченных им за эту апрельскую ночь. Он подстерег молодую гречанку, швею, работающую в квартале, где много мастерских по пошиву

одежды: она возвращалась домой после долгого трудового дня. Она пришла в такой ужас, что не издала ни звука, когда Джонни впился ей в горло. Кровь хлынула в его разверстую пасть, и он сделал глоток. Он утолял свою страсть, свою нужду. Это была не просто кровь — это были деньги.

У девушки, которую он затащил в темный проулок, были огромные, испуганные глаза. Когда он пустил ей кровь, ее дух тут же вошел в него. Ее звали Тана — Смерть. Это имя застряло у него в горле, преградив путь змееподобному течению его мыслей, которое начинало бурлить каждый раз, когда он кормился. Ей скорее подошло бы имя Зоя — Жизнь. Но что с ее кровью? Там не было ни наркотиков, ни болезни, ни безумия. Она вдруг начала мысленно бороться с ним. Девушка управляла своим духом, она могла сопротивляться Джонни на уровне более высоком, чем физический. Он был потрясен ее непредвиденным мастерством.

Джонни прервал свое кровавое причастие и швырнул тело девушки на груду картонных коробок. Он был возбужден и напуган. Дух Таны вырвался из его сознания и рухнул обратно в нее. Она беспомощно всхлипнула, разинув рот.

— Смерть, — произнес Джонни, словно заклиная ее.

Кровь девушки переполнила его так, что он был готов лопнуть. Запавшие вены у него во рту и на шее забились в болезненной эрекции. После обильной кормежки у него появлялся уродливый второй подбородок, под нижней челюстью набухал зоб, а щеки и грудь вспыхивали бордовым цветом. И он не мог до конца закрыть рот, до отказа набитый огромными, острыми клыками.

Джонни даже подумал, не прикончить ли ему Тану, в соответствии с пророчеством, содержащимся в ее имени.

Но нет, он не должен был убивать во время кормежки. Джонни брал от каждой жертвы лишь понемногу, хотя жертв ему требовалось немало,— стараясь по возможности не убивать. Если ему придется убить человека, он сделает это, но не возьмет его крови — что во многом противоречило отцовскому инстинкту воина, в соответствии с которым победу над поверженным противником необходимо отпраздновать по крайней мере одним полным глотком горячей крови. Но это Америка, здесь все по-другому.

Кто бы мог подумать, что из-за Нэнси и Сида поднимется такой шум? Джонни очень удивился, когда увидел в газете пространную статью, сообщавшую о еще одной страшной смерти в «Челси». Сида — да попробуй он пальцем тронуть Джонни, его мозг выгорел бы дотла — этого раба обвинили в убийстве. Его выпустили под залог, но потом вновь посадили за решетку за то, что он огрел бутылкой брата Патти Смит. На Рикерс-айленд Сид узнал, что в тюрьме слово «панк» имеет другое значение[1]. Снова выйдя на свободу, он вдруг умер от передозировки, причем свидетели были глубоко потрясены его загаром, несколько необычным для февраля. Причиной послужила то ли политическая ситуация в Иране, то ли деятельность Джонни: за то время, как Сид был под замком и в завязке, героин стал не в пример чище, чем прежде. Видимо, персы стали вкладывать больше денег в наркоторговлю, чтобы тем самым вывезти наркотики за рубеж, или дилерам пришлось конкурировать с драком. Поскольку Сид был человеком известным, то его нелепая кончина стала предметом тщательного полицейского расследования. Тайное могло стать явным: кто-нибудь вроде Рокетса Редглэра, который торговал наркотой в № 100, мог вспомнить, что видел Сида и Нэнси в ночь убийства в компании вампира. Джонни и представить себе не мог, что певец, не умеющий петь, может быть знаменит. Газетные заголовки произвели впечатление даже на Энди, который раздумывал, не сделать ли ему портрет Сида, чтобы запечатлеть момент.

Джонни опустился возле Таны на колени и шарфом зажал ей рану на горле. Он взял ее руку и поднес к импровизированной повязке — чтобы она поняла, где прижать. В ее ненавидящих глазах он не увидел своего отражения. Для нее его не существовало.

Отлично.

Джонни оставил девушку и отправился ловить такси.

Он теперь жил в пентхаузе, в Брэмфорде, в викторианском доме из бурого песчаника, имеющем добрую славу. За

[1] Punk — молодой гомосексуалист *(англ., устар.)*.

аренду он платил ежемесячно, наличными. Для него было важно иметь хорошее жилье, ведь требовалось где-то хранить одежду и гроб, испещренный потеками трансильванской грязи. В глубине души Джонни был традиционалистом. Как и Энди, который весьма ценил американскую старинную мебель — американская старина, ха-ха! — и безделушки в стиле ар-деко; он заполнял свой дом трофеями прошлого, а на «Фабрике» тем временем спускал в сортир искусство будущего.

У Джонни было более 11 500 000 долларов на разных счетах и заначки наличными в банковских сейфах по всему городу. Он намеревался вскорости заплатить с части этих денег подоходный налог. В момент откровенности он обсудил свое предприятие с Черчвард. В этом городе она была единственным по-настоящему опытным вампиром, разумеется, после Энди, который вдруг замыкался, стоило спросить его про кормежку, хотя Джонни было известно, что тот кусает всех своих помощников. Джонни и Пенелопа так и не смогли понять, является ли его деятельность законной или нет, но рассудили, что лучше об этом помалкивать. Продажа собственной крови — это законный «серый» бизнес, чего не скажешь о нападении на людей и убийстве. От этих способов ему пришлось отказаться полностью, хотя он признал, что нормы поведения, принятые в Америке, по всей видимости, отличаются от тех, что характерны для его захолустной европейской родины. Не то чтобы нападения и убийства случались здесь реже, чем в Румынии, но власти поднимали вокруг них значительно больше шума.

Впрочем, такие как Тана, выжившие после его ласк, могли бы возразить, что сила его обаяния — это то же принуждение, и что он применил к ним особый вид насилия или ограбил их. Сюда можно было бы даже притянуть статью о запрете на изъятие органов. Как выразилась Пенелопа, скоро нельзя будет безо всяких опасений поймать какого-нибудь мистера Закускера и спокойно высосать его, не получив от него предварительно подпись на специальной форме, подтверждающую добровольное согласие.

Первую серьезную попытку уничтожить Джонни предприняли не церковники и не стражи закона, а преступники.

Он мешал их торговле героином и коксом. Странновато одетая парочка чернокожих явилась за ним с серебряными бритвами в руках. В нем вдруг проснулась отцовская безжалостность, и он растерзал обоих, в клочья разодрав их одежду и лица, чтобы другим было неповадно. Из «Дэйли Багл» он узнал их имена: Янгблад Прист и Томми Гиббс. Джонни задумался, не были ли те чернокожие, которых он встретил возле «Челси» в ночь своего знакомства с Энди, как-то связаны с этими гарлемскими отморозками. Он еще несколько раз бросил мысленный взгляд на тех парней — на обоих вместе и на каждого в отдельности. Они были похожи на близнецов, хотя у одного из них кожа была темнее. Один был с ножом, у другого под плащом скрывался арбалет. С ними справиться было бы сложнее.

«Триады Мотт-стрит» завели себе собственного вампира — этакого китайского болванчика, связанного молитвами, написанными на бумажке и приклеенными ему на лоб. Они стали откармливать его и получать собственный драк. Оказавшись в таком унизительном положении, через месяц их питомец выдохся окончательно, его тело рассыпалось в прах и разошлось по рукам. Вскоре невольники-носферату, взятые в рабство и вскоре угасшие от истощения, стали обычным явлением. Другие вампиры принялись сами продавать собственный драк — и в Америке, и в других странах. Уж коли мода на что-то пошла в Нью-Йорке — она всюду просочится.

Джонни неоднократно отклонял предложения о «партнерстве», поступавшие от крупных поставщиков наркотиков. Шесть миллионов долларов наличными, выплаченные семье Приццы, практически полностью избавили людей Джонни от уличных столкновений. Гарлемские бандиты его вообще не трогали. Он был похож на итальянца — а значит, до поры до времени его следовало уважать. Главы мафиозных группировок, такие как Коррадо Приццы и Майкл Корлеоне, имели дурную славу, зато ребята помоложе и похитрее, такие как Джон Готти и Фрэнк Уайт, — которые только выигрывали от того, что их доны теряют свое влияние, — были уже людьми другого пошиба. Либо сам Готти, либо кто-нибудь вроде него рано или поздно

подключится к торговле драком. Джонни надеялся к тому времени уйти на покой и переехать в другой город.

Полицейские начали проявлять любопытство. Джонни сразу заметил их, когда от нечего делать слонялся поблизости с местами преступлений, болтал со свидетелями, находящимися в полуневменяемом состоянии, внимательно к ним присматриваясь. Он всех их хорошенько запомнил: один, в шерстяной фуфайке, косил под хиппи; другой был в хорошем костюме и лыс как колено; третий — шофер-самоубийца в приплюснутой шапочке лирожком. Джонни, как и его Отец, прекрасно чувствовал, когда лучше поосторожничать, а когда стоит рискнуть. Полиция в этих местах не играла никакой роли. В отличие от Securitate[1] в Прежней Стране, полицейские здесь даже не были вооружены серебряными пулями.

Собственные чада Джонни — дампиры — не сидели сложа руки. Его кровь, бьющаяся в их жилах, на какое-то время меняла их. После нескольких первых доз они лишь наслаждались новыми ощущениями, появлением клыков во рту, ускорением рефлексов. Но потом их начинала мучить багровая жажда. Им нужно было утолить ее, пока действие драка не иссякло.

Похоже, жертв они себе начали подыскивать в полуподпольных гей-клубах, среди тех парней, что одеваются в кожу и носят цепочки. Джонни полагал, что зачинщиком этого дела стал один из выпивал «Studio 54». И Берис, и Стью были завсегдатаями этих злачных мест. Несколько месяцев — и укусы стали совершенно обычным делом. Еженедельно возрастало число погибших: дампиры, охваченные багровой лихорадкой, не в силах были себя контролировать и требовали слишком многого от своих мимолетных любовников.

Прибыль тем не менее пока не иссякала.

В холле, уже разгорающемся в свете зари, один довольно неприятный двенадцатилетний подросток лупил

[1] Securitate — безопасность *(рум.)*, полное официальное название Departamentul Securitii Statului — Департамент государственной безопасности, тайная полиция в коммунистической Румынии.

друг о друга двумя яйцами из плексигласа, связанными бечевкой. Если Джонни правильно понял, мальчишка пытался попасть в «Книгу рекордов Гиннесса». Это был не ребенок, а просто бич божий, которому родители, во всем ему потакавшие, а также их верные приспешники, позволяли гулять на свободе. Многие жители Брэмфорда выражали желание оказаться где-нибудь неподалеку, когда юный Адриан Вудхаус «получит заслуженную взбучку», но Джонни понимал, что мальчишку обижать не стоит. Если собираешься жить вечно — не обращай детей в своих врагов.

Джонни поспешно направился к решетчатому лифту, намереваясь удалиться на безопасное для слуха расстояние от эпицентра этой акустической китайской пытки.

— Джонни, Джонни...

Он обернулся — и голова его закружилась от избытка крови. Он почувствовал, как кровь забродила по телу; все было полно ею: желудок, сердце, вены, мочевой пузырь, легкие. Еще немного — и она выдавила бы наружу его глазные яблоки.

В отступавшие тени боязливо вжималась дампирша.

— Джонни, — произнесла она, выходя на свет.

Ее кожа тут же потемнела и сморщилась, но она этого не замечала. В руке девица сжимала потрепанные бумажки — грязные деньги. Джонни догадывался, что ей пришлось сделать, чтобы получить их.

Это была та самая девушка, которую он некогда нарек Ноктюрной. Девственница из «54». От ее невинности — во всех смыслах — не осталось и следа.

— Пожалуйста, — взмолилась она, вульгарно выпятив губы.

— Кое-что изменилось, — ответил Джонни, вошел в лифт и задвинул за собой решетку.

Перед ним возникли ее глаза с красным ободком.

— Возьми же их, — клянчила она, сворачивая купюры трубочками и проталкивая их сквозь решетку. Деньги упали к его ногам.

— Поговори с Руди или с Эльвирой, — посоветовал Джонни. — Они дадут тебе дозу.

Она отчаянно замотала головой. Ее волосы торчали в полном беспорядке и были выжжены в белый цвет с подпалинами. Она вцепилась в решетку, и ее пальцы пролезли меж прутьев, как черви.

— Не нужна мне доза, мне нужен *ты*.

— Нет, милочка, я тебе не нужен. У тебя денег не хватит. А теперь втяни-ка коготки, а то останешься без них.

По щекам ее струились слезы цвета ржавчины.

Джонни дернул за рычаг, и лифт пошел вверх. Девушка отпустила прутья. Лицо ее стало тонуть и в конце концов исчезло. Она уже и прежде ему докучала. Надо с ней что-то делать.

Не то чтобы Джонни совсем забросил прежний бизнес, просто ему приходилось тщательнее выбирать клиентов. Самый крошечный глоток из вены стоил теперь десять тысяч долларов. Далеко не в каждый рот он был готов выпустить свою кровь.

Все прочие могли просто купить себе дозу.

Руди и Эльвира ожидали его в прихожей; глаза их покраснели с наступлением ночи, которая медленно опускалась на город. Эти двое, разумеется, тоже были дампирами. Отец недаром ценил тепленьких рабов, своих цыган и юродивых, и Джонни тоже приложил некоторые усилия, чтобы подобрать себе вассалов. Когда он вошел в квартиру, стянув с себя бирюзовый замшевый плащ до пола и отшвырнув прочь белую широкополую шляпу с черным пером, Руди вскочил с кушетки, как по команде «смирно». Эльвира, затянутая в черное узкое платье с вырезом по самый пупок, приветственно изогнула бровь и отшвырнула в сторону журнал «Sensuous Woman». Руди подобрал плащ и шляпу и повесил их на вешалку. Эльвира поднялась, как змея из корзины, и поцеловала воздух возле щек своего хозяина. Она прикоснулась черными ногтями к его лицу, прислушиваясь к пульсации крови.

Потом они прошли в столовую.

Руди Паско — карманник, которого Джонни поймал в поезде подземки, — мечтал об обращении: он хотел стать таким же, как Джонни. Первый, откровенно амбициоз-

ный, к тому же американец, он превратился бы в настоящее чудовище, мстящее всем и каждому за то, что при жизни его не оценили по заслугам. Джонни не вполне комфортно чувствовал себя рядом с таким зацикленным человеком, как Руди, но пока что от него был прок.

Эльвира, бесспорная «Драковая Ведьма» года, имела больше оснований претендовать на бессмертие. Она знала, когда следует подпустить холода, а когда вспылить, и внимательно следила за тем, чтобы никогда не выставлять свои чувства напоказ, — даже когда вдыхала целые горы драка и облизывалась на каждого встречного юношу. Она любила закусывать геями, утверждая при этом, — со свойственным ей жутковатым пристрастием к словесной игре, — что вкус у них лучше, чем у натуралов. Энди привел ее со своей «Фабрики».

Деньги лежали на обеденном столе из полированного дуба, в кейсах. Они были уже пересчитаны, но Джонни сел и пересчитал заново. Руди называл его «графом», чуть ли не с издевкой. Парню было невдомек, что деньги переходили в собственность Джонни только после пересчета. Эта навязчивая ритуальность была одной из особенностей, свойственных каждому, в чьих жилах текла кровь Дракулы. Некоторых четверокородных выродков, живущих в горах, можно было даже отвлечь от добычи с помощью пригоршни тыквенных семечек: они не могли пройти мимо, не пересчитав их все. Но это, конечно, было абсурдно, а вот в случае с деньгами — крайне важно. Энди понимал Джонни в том, что касалось денег: что они необходимы не из-за тех вещей, которые можно на них купить, — но сами по себе. Цифры завораживали.

Пальцы у Джонни были настолько чутки, что он мог сосчитать деньги, просто перетасовав пачку, как карточную колоду, разделив ее пополам, — словно лаская купюры. Он извлекал из пачек грязные банкноты, рваные, заклеенные скотчем или залитые чем-нибудь, и кидал их Руди.

На столе был 158 591 доллар — для одной ночи неплохой барыш. Личный заработок Джонни составит ровно сто тысяч.

— Руди, а откуда взялся девяносто один доллар?

Парень пожал плечами. Доза стоила пятьсот долларов, и торговаться не разрешалось. Никакой мелочи оставаться не должно было.

— У ребят есть расходы, — сказал Руди.

— Они не должны совать нос куда не следует, — возразил Джонни, используя недавно усвоенное выражение. — Весь навар они должны отдавать вам. Есть расходы — пусть попросят вас их покрыть. У вас ведь хватит средств на любой непредвиденный случай, не так ли?

Руди взглянул на груду бумажек, беспорядочно наваленных на столе, и кивнул. Приходилось порой напоминать ему, что он на крючке.

— Ну а теперь — за работу.

Руди проследовал за ним в гостиную. Гостиная находилась в самом сердце пентхауса; в ней не было окон, но стеклянный потолок зрительно расширял пространство. Солнце как раз вставало, и освещенное небо прикрывали роликовые металлические жалюзи, которые опускались с помощью лебедки, приводимой в движение специальной ручкой.

Мебели в комнате не было, полимерная пленка покрывала пол из твердой древесины. В обязанности Руди входило к наступлению рассвета готовить эту комнату для Джонни. Он расставлял рядами мелкие металлические подносы — как клумбы в оранжерее.

Джонни расстегнул ширинку и пустил в первый поднос аккуратную струйку крови. Лужица растекалась, пока не достигла краев. Джонни оборвал струю и перешел к следующему подносу, затем к следующему. Таким образом он наполнил тридцать семь подносов, каждый глубиной примерно в четверть дюйма. Его отекшее тело приобрело нормальную форму, кожа на лице подтянулась и стала гладкой, одежда села по фигуре.

Стоя в дверях, Джонни наблюдал, как Руди вращает ручку, поднимая жалюзи. Лучи света, как копья, пронзили стеклянный потолок и тяжело рухнули на подносы. Утреннее солнце подходило лучше всего, было самым чистым. Подносы слегка задымились, будто сковородки с томатным супом. Появился запах, который Джонни казался отврат-

ным, но тепленькие — даже дампиры — его не различали. Как старый вампир, которого вытолкнули на беспощадный дневной свет, кровь стала сворачиваться в гранулы. Через пару часов она превратится в красную пыль, подобную марсианским пескам. В драк.

После полудня, пока Джонни спал в своем белом гробу, выложенном атласом, к нему в квартиру явилась команда благочестивых католических мальчиков. Их страх перед ним был сильнее, чем кровавые крюки, засевшие в их мозгах. Под руководством Эльвиры они разобрались с подносами, зачерпывая кровяную пыль и по строгой мере засыпая ее в конвертики из фольги («понюшки» или «уколы»), каждый из которых в розницу стоил по пятьсот долларов. После заката мальчики (а также и пара девочек) занимались распространением, продавая драк в клубах, на вечеринках, прямо на улице или в темных закоулках парков — везде, где собирались дампиры.

Этот порошок, в городе известный под названием «драк» или «кровь летучей мыши», можно было вдыхать, глотать, курить или растапливать до жидкого состояния и затем вкалывать в вену. У новичков эффект от дозы длился всю ночь, перегорая лишь с восходом солнца. Пару недель спустя клиент уже крепко сидел на крючке, становился дампиром, и для того, чтобы оставаться в форме, ему нужны были уже три-четыре дозы за ночь. О более отдаленных последствиях еще никто не знал, хотя дампиры со стажем, такие как Ноктюрна, часто страдали от серьезных солнечных ожогов и даже проявляли некоторые признаки склонности к самопроизвольному возгоранию. Помимо багровой жажды — неодолимого желания выпить глоток-другой крови, дампиры, разумеется, испытывали острую потребность в дополнительных доходах, которые позволили бы им удовлетворять свою зависимость. Джонни эта сторона дела не слишком волновала, а вот «Дейли Багл» в статьях от редакции постоянно сообщал об учащении случаев хулиганства, мелкого грабежа, взлома автомобилей и прочих мелких мероприятий по сбору средств.

Пока что Джонни по-прежнему оставался единственным поставщиком качественного продукта. «Триады» в период своей неудачной авантюры разбавляли иссякающий драк острым перцем, томатной пастой и стертыми в порошок кошачьими фекалиями. Благочестивые католики и сами поголовно были дампирами, хотя стоило кому-нибудь из них превысить свою дозу, как Джонни вышвыривал его вон и к драку больше не подпускал, — поэтому они были предельно честны во всем, что касалось денежных расчетов. Основной статьей расходов у Джонни были откаты мафиозным кланам, владельцам клубов, вышибалам, полицейским патрулям и другим отчасти заинтересованным лицам.

Скоро Джонни Пон уйдет на покой. Одних денег ему было мало, он жаждал большего. Энди убедил его в том, что не менее важна известность.

Уорхол и Тэйвел сняли «Лоск» («Veneer», 1965), первую экранизацию «Дракулы» Брэма Стокера (1897). Стефен Кох (Stephen Koch) в книге «Звездочет: Мир Энди Уорхола и его фильмы» («Stargazer: Andy Warhol's World and His Films», 1973) сообщает следующее: «Уорхол вручил Тэйвелу экземпляр романа, сказав при этом, что, возможно, проще будет составить сценарий на основе художественного произведения, чем вымучивать его из собственной фантазии. Он также сообщил, что приобрел права на книгу Стокера за три тысячи долларов; фильм должен был получиться хороший. И он получился. Нетрудно предположить, почему „Дракула" произвел на Уорхола такое впечатление. (Надо сказать, что вопреки мифу, который он сам распространяет, Уорхол человек весьма начитанный.) Эта книга пропитана сексуальностью насилия; она рисует образ бескомпромиссного, эротичного франта-вампира, безмятежно повелевающего сворой верных слуг; она рассказывает об унижении, которое творится в мире одновременно фантастическом и отвратительном; это история, которая является и правдой и вымыслом; это — намеренная ложь. Попутно поднимается и классовая проблема... Думаю, Уорхол очень глубоко проник в сокровеннейшую тайну Америки — болезненное, вызывающее глубочайший протест ощущение классовой при-

надлежности. Не следует забывать, что мы говорим о сыне полуграмотных иммигрантов, что его отец был сталеваром в Питсбурге. И Уорхолу пришлось пройти через американское классовое унижение и через американскую бедность — причем его переживания во многом определялись спецификой его мировосприятия. И хотя „Дракула" был написан британцем, в этой книге многое сказано о проблеме классовой сексуальности, граничащей с духовным превосходством».

Пробуя Эди на роль юношески озабоченного, сребровласого Дракулы (настоящего Драколушки), Джерарда Малангу на роль умеющего сражаться, но униженного Харкера, а Ондайна — на роль хитроумного Ван Хельсинга, Энди населил свою «фабричную» Трансильванию и Карфаксское аббатство (декорации одни и те же — полотнища черной ткани, увешанные серебристой паутиной) заблудшими душами. Уорхол понял, задолго до Френсиса Форда Копполы, что сложности, связанные с экранизацией романа, можно обойти волевым усилием. И он подошел к этому делу с недоверчивой осторожностью, желая быть полностью уверенным в том, что у него получится «настоящий» фильм. Рони Тэйвел прочел по меньшей мере половину книги; потом ему это надоело, и он состряпал сценарий за свои привычные три дня. Поскольку съемки должны были идти нонстоп, с перерывами только на замену бобины, Тэйвел рассудил, что нужно организовать настоящие репетиции и что актерам придется снизойти до того, чтобы выучить свой текст наизусть. Смертельно боясь бунта на корабле, Уорхол попросту саботировал назначаемые Тэйвелом репетиции и даже съемки фильма, приглашая на «Фабрику» представителей прессы и прочих паразитов, которые за всем наблюдали и во все вмешивались, отсылая Малангу с какими-то ничтожными поручениями или таская его по вечеринкам, продолжающимся ночь напролет, чтобы он не высыпался и не имел возможности даже прочесть сценарий (как и в книге, Харкер говорил больше, чем остальные). Еще раз процитируем Коха: «Все возможное было сделано для того, чтобы отогнать ощущение, будто съемки фильма — это работа, что это требует такой же концентрации внимания, как любая работа, и в день съемок „Фабрика" ока-

залась просто очередным „местом действия" для очередной вечеринки».

Стокеровский замысловатый сюжет сведен к цепочке ситуаций. Харкер, одетый в черные кожаные штаны и викторианскую охотничью шляпу, приезжает в Замок Дракулы, сжимая в руках распятие, которое смастерила мать Уорхола; там его сердечно принимают, берут на службу, а затем на него нападают — сам граф (огромные клыки все время выскальзывают у Эди изо рта) и три его выразительно жестикулирующие невесты-вампирши (Мари Менкен (Marie Mencken), Кармилла Карнстайн, Интернешнл Велвет (International Velvet)). Позже, в Карфаксском аббатстве, Харкер — привязанный к «Дивану» с «Фабрики» — наблюдает за тем, как Дракула очаровывает Мину (Мери Воронов) и превращает ее в вампира, кружась с нею в танго, в самый напряженный момент коего Мина пьет томатный суп Кемпбелла из жестянки, которую Дракула открывает ногтем большого пальца, объявляя, что в ней — его вампирская кровь. Тут появляется Ван Хельсинг вместе со своими бесстрашными охотниками на вампиров — лордом Годалмингом (Чак Вейн — Chuch Wein), Квинси Моррисом (Джо Даллесандро — Joe Dallesandro), доктором Сьюардом (Пол Америка - Paul America) — их притащил с собой Ренфилд (молодой, опустошенный Лу Рид), бегающий на поводке, как ищейка.

Происходит легкая потасовка, в ходе которой распятия, колья, плетки и освященные облатки беспорядочно летают туда-сюда, что вызывает у части актеров приступы безудержного хохота, а остальных — и особенно связанного Малангу — повергает в яростное отчаяние. По сценарию Тэйвела, как и в романе Стокера, команда Ван-Хельсинга, загнанная в угол, тем не менее побеждает Дракулу: его покрывают слоем серебряной краски из баллончика, и он задыхается, — но внимание Ондайна отвлекла девушка, которая случайно, безо всякой видимой причины, вдруг оказавшись на диване, — похоже, это просто посетительница, пришедшая поглазеть на съемки и залезшая в кадр, — называет его «обманщиком», и он делает вид, что не замечает, как Король Вампиров набрасывается на эту наглую девчон-

ку и тянется к ее лицу своими накладными когтями. Напыщенная наркоманская тирада, которую выдал при этом Ондайн, сначала набирает темп, достигая апогея, а затем затухает: «Да простит тебя Бог, о обманщица, о маленькая мисс Обманщица, ты мерзкая обманщица, убирайся вон со съемочной площадки, ты — позор человечества, ты — свой собственный позор, ты — жалкая дура, ты — жалкий позор своего несчастного мужа... Ой, простите, просто я больше не могу, просто это уже слишком, не хочу больше, хватит». Камера, находящаяся на сей раз в руках Бада Виртшафтера (Bud Wirtschafter), пытается уследить за неожиданным развитием событий, и дважды в кадр ненадолго попадает смертельно бледное лицо самого Энди, который, в состоянии шока, застыл в полумраке; эти кадры стали, возможно, единственным на все фильмы Уорхола фрагментом, который был вырезан — до появления Пола Моррисси (Paul Morrissey). Безутешный Ван Хельсинг одиноко стоит в стороне и пытается взять себя в руки, а фильм между тем продолжается.

Внимание Виртшафтера привлекает Эди, которая, выплюнув клыки, тем не менее выглядит по-прежнему царственно и во всем как положено Дракуле: она швыряет в оператора суповую жестянку, отчего брызги летят в объектив, и, упершись руками в бедра, целиком занимает собой кадр те пару секунд, что остались до конца пленки. «Я — Дракула», — заявляет она, и это единственная реплика (хотя и непреднамеренная), представляющая собой прямую цитату из книги. «Я — Дракула!» — повторяет она, в последний раз в жизни зная о себе что-то с уверенностью. Стокер хотел нанести Дракуле поражение, которого тот на самом деле избежал, но Эди вытянула фильм Уорхола обратно к реальности. На «Фабрике» Драколушка побеждает перессорившихся между собой охотников за вампирами и воцаряется навеки.

Конклин. Там же.

Этим летом Джонни Поп был в самом центре внимания. «У торговца Вика» он появился под руку с Маргарет Трюдо. Пенелопа не удивилась, а Энди пришел в тихий экстаз.

Мысль о том, что какой-то трансильванский жулик спелся с «бывшей» премьер-министра, привела в восторг этого неутомимого коллекционера людей. Марго Хемингуэй придет в ярость; она призналась Энди и Пенни, что ей кажется, с Джонни все серьезно. Пенни сказала бы ей, что именно может быть серьезно с Джонни, но вряд ли хоть одна из тепленьких смогла бы ее понять.

Когда все обернулись, чтобы полюбоваться на эту парочку, Пенни, стоявшая в другом конце комнаты, внимательно вгляделась в Джонни, в который раз уже пытаясь понять, почему никто, кроме нее, не видит его таким. От него за версту веяло очарованием Старого Света, и голодное раздражение, делавшее его похожим на грубое животное, полностью исчезло. Волосы его были уложены самым невероятным образом, всячески завиты и взбиты, а такие губы украсили бы лицо любой девушки. Но глаза его были глазами Дракулы. Это она заметила не сразу, поскольку познакомилась с *il principe* в ту пору, когда огонь его уже потускнел. Именно таким был, должно быть, *юный* Дракула, едва только ставший носферату. Существом из бархатной ночи, облаченным в плащ, напоминающий крылья летучей мыши, покорившим своим пьянящим и всевластным магнетизмом и ветреную Люси, и целомудренную Мину, и неприступную Викторию — существом, одолевшим Ван Хельсинга и похитившим империю. Теперь, оказавшись в центре внимания всего города, он танцевал все реже, но каждое его движение было танцевальным, каждый жест выверенным, а облик — безупречным.

Он несколько раз рассказывал о своей жизни, и всегда по-разному, неизменно настаивая лишь на том, что он — потомок Дракулы, возможно последний из обращенных лично Королем Вампиров за пятьсот лет правления. Джонни не любил называть даты, но Пенни предполагала, что его обращение произошло незадолго до Последней Войны. Другой вопрос, кем он был среди тепленьких. Он утверждал, что является не только приемным, но и прямым потомком Дракулы последним отпрыском Закалывателя, детенышем последнего помета; именно поэтому умирающий род вновь возродился в его лице и поэтому именно он —

истинный сын Дракулы. Пенни готова была ему поверить. Джонни с неизменной гордостью называл имя своего Темного Отца, но не любил рассказывать о Прежней Стране и о том, что привело его в Америку. Пенни дала бы руку на отсечение, что там было о чем послушать. Рано или поздно все выйдет наружу. Кто знает, быть может, он пустил кровь дочери какого-нибудь комиссара и едва унес ноги от «красных» охотников на вампиров.

И теперь в Карпатах было неспокойно. Трансильванское Движение, требующее объявить древнюю вотчину Дракулы новой родиной для всех обездоленных вампиров мира, вступило в открытый конфликт с армией Чаушеску. Обо всех этих беспорядках Джонни высказался лишь в том духе, что предпочел бы остаться в Америке, а не в Румынии. В конце концов, новая история вампиризма — столь презираемая жителями Трансильвании — началась именно в тот момент, когда Дракула покинул свои владения и направился в город, который в 1885 году был самым впечатляющим и современным из всех городов мира. Пенни вынуждена была признать: Джонни Поп рассуждал вполне в духе Дракулы, чего не скажешь о реакционерах из ТД, таких как барон Майнстер и Антон Крейник, которые мечтали запрятаться в свои замки и делать вид, будто Средневековье еще не прошло.

Энди занервничал, когда Джонни принялся обходить комнату, здороваясь и с невзрачным Труменом Капоте, и с почтенной Полетт Годдард, и с проницательным Иваном Боеским, и с бедной Лайзой Миннелли. Он явно пытался оттянуть неизбежный момент приближения к столику Энди. Пенни подумала, что вся эта сцена напоминает королевский двор эпохи Возрождения. Постоянное перераспределение власти и привилегий, милостей и пренебрежения. Еще три месяца назад Джонни не мог нигде появиться без Энди; теперь же он так высоко взлетел, что держался сам по себе, заявляя о своей независимости. Она еще ни разу не видела, чтобы кто-то так играл с Энди, и была готова признать, что получает от этого некоторое удовольствие. Наконец-то кто-то господствует над господином.

И вот Джонни подошел и предъявил свой трофей.

Пенни пожала руку миссис Трюдо и почувствовала веющий от нее холодок. Алая бархотка, украшавшая ее шею, не слишком шла к темно-красному вечернему платью. Пенни ощутила исходящий от нее мускусный запах запекшейся крови.

Вот уже несколько ночей Джонни отлично кормился.

Энди и Джонни сели вместе, совсем рядом. Но сказать им было нечего, и, возможно, поэтому их устраивало такое количество людей вокруг.

Миссис Трюдо нахмурилась, не в силах скрыть укол ревности. Пенни не могла объяснить ей, что связывает Энди и Джонни, почему стоит им оказаться вместе, как все прочие становятся лишними. Ведь вопреки всем перепадам в их отношениях — они были единым существом с двумя телами. Джонни мог сказать какую-нибудь ерунду — и Энди задыхался от хохота, не в силах остановиться. Его лицо альбиноса вспыхивало розоватым отливом.

— Не обращайте на них внимания, — посоветовала Пенни миссис Трюдо. — Они всего лишь летучие мыши.

— Тебе, наверное, от этой штуки ничего не будет, — предположила девушка из «Звездных войн».

Ее настоящего имени Пенни не помнила. Девица выложила на кофейный столик дорожку из красного порошка, подровняв ее лезвием серебряного ножа.

Пенни лишь пожала плечами.

Вообще-то вампиры друг друга кусали. Например, на вампира, получившего смертельную рану, кровь другого вампира могла оказать целительное действие. Младшие вампиры предлагали свою кровь главе клана в доказательство преданности. Пенни понятия не имела, как подействовал бы на нее драк, если бы вообще подействовал, и ей не слишком-то хотелось это выяснять. В целом же зрелище наводило на нее скуку.

Принцесса Лейла явно была опытным дампиром. Она втянула в себя драк через стадолларовую бумажку, скрученную трубочкой, и запрокинула голову. Глаза ее покраснели, зубы заострились.

— Потягаемся в арм-рестлинге? — предложила она.

Пенни скучала. У всех дампиров бывали подобные приливы вампирской силы, но они понятия не имели, на что ее тратить. Только и знали, что кусаться. Даже кормиться по-настоящему не умели.

Большинство присутствующих на вечеринке были дракоманами. Они играли всерьез: черные плащи с капюшонами, руки в нитяных митенках, викторианские камеи под самым горлом, уйма бархата и кожи, маленькие мешковатые платьица с высоченными ботинками.

Добрая половина этого народа хорошенько накачалась драком к полночному показу «Жесткого шоу ужастиков» у «Уэверли» и теперь понемногу теряла драйв, так что многие ходили по залу, приставая к каждому, у кого, по их подозрениям, могла остаться заначка, отчаянно стремясь вернуть себе потерянные ощущения. По воздуху расплывались параноидальные миазмы, от которых Пенни никак не удавалось отвлечься.

— Вот погоди, доберется это зелье до побережья — мало не покажется, — пообещала принцесса Лейла.

Пенни была вынуждена согласиться.

В «BCBG» она потеряла Энди и Джонни и смешалась с этой толпой. Пентхаус принадлежал какой-то политической «шишке», о которой она прежде и слыхом не слыхивала, — Хэлу Филипу Уолкеру, но его в городе не было, и квартиру занимали Брук Хейвард и Деннис Хоппер. Пенни показалось, что Джонни знал Хоппера по какой-то скандальной истории, приключившейся еще за границей, и постарался избежать встречи с ним. Если она права, это странно.

Как поняла Пенни, ей здесь были рады просто потому, что она — вампир.

Вдруг ей пришло в голову, что на случай, если драк кончится, в комнате есть непосредственный его источник. Она, конечно, сильнее любого тепленького, но ей уже давненько не приходилось драться. Коллективного натиска дампиров ей не выдержать. Они могут скрутить ее, вскрыть и высосать досуха, так что останется лишь растерзанная апельсиновая мякоть. Впервые со дня обращения она ощутила тот страх, что испытывают тепленькие перед ей подобными. Джонни навсегда изменил соотношение сил.

Принцесса Лейла, когтистая и клыкастая, бросила лукавый взгляд на ее горло и уже протянула руку.

— Прошу прощения, — сказала Пенни и ретировалась.

Стрекотание голосов отзывалось у нее в голове. Она была настроена на ту же длину волны, что и эти дампиры, не умеющие толком общаться. Это был просто фоновый шум, но многократно усиленный — так, что череп трещал.

В спальне, где она оставила свой плащ, девушка месяца журнала «Playboy» и какой-то рок-н-роллыцик неуклюже пытались изобразить по-дампирски позу «69» — жадно глотая кровь из взрезанных запястий друг у друга. Пенни уже покормилась, и кровь не вызвала у нее никаких эмоций.

С ней попытался завести беседу бродвейский режиссер. Да, «Тихие увертюры» она видела. Нет, вкладывать деньги в «Свини Тодд» она не собирается.

И с чего только они взяли, будто она богата?

Жирный албанец из фильма «Дом животных», с клыками, похожими на заостренные орешки кешью, заявил, будто он настолько продвинулся в вампирском искусстве, что смог даже собрать кубик Рубика. На нем был широкий черный плащ с отстегивающимся капюшоном, надетый прямо поверх мешковатого белья марки «Уай-франт». Глаза его вспыхивали красным с золотом, как глаза кошки в свете автомобильных фар.

У Пенни разболелась голова.

Она вошла в лифт и спустилась вниз, к выходу.

Пока Пенни ловила такси, к ней привязалась ведьма-дракоманка. Это была та самая девушка, которую Джонни назвал Ноктюрной: она стала просто страшилищем, с белоснежными патлами, желтыми глазами и гнилыми зубами.

Это жалкое существо совало ей деньги — ворох скомканных купюр.

— Ну ненаглядная моя, ну всего глоточек, — клянчила она.

Пенни почувствовала тошноту.

Деньги выпали из рук дампирши и улетели в канаву.

— Думаю, тебе лучше пойти домой, дорогая, — посоветовала Пенни.

— Всего глоточек.

Ноктюрна положила руку ей на плечо, сжав с неожиданной силой. Все-таки ей передались некоторые свойства носферату.

— Джонни по-прежнему любит меня, — сообщила она, — просто у него много дел. Понимаешь, у него нет на меня времени. Но мне нужен глоток, один короткий поцелуй, сущий пустяк.

Пенни схватила Ноктюрну за запястье, но освободиться не смогла.

Глаза дампирши имели оттенок яичного желтка с кровавыми крапинками. Изо рта воняло. От ее одежды, некогда модной, теперь же поношенной и ободранной, несло тухлятиной.

Пенни бросила взгляд вдоль улицы: направо, налево. Можно позвать на помощь полицейского или Человека-Паука. Прохожие виднелись, но вдалеке: этого маленького инцидента никто не замечал.

Ноктюрна извлекла из сумочки какой-то предмет. Нож «Стэнли». Когда лезвие коснулось ее щеки, Пенни почувствовала холодок, потом ядовитый укус. Серебряное покрытие. Она задохнулась от боли, а дампирша тем временем присосалась к надрезу.

Пенни попыталась сопротивляться, но свежий чистый драк придал Ноктюрне еще больше сил. Ясно было, что она не остановится, будет резать дальше и пить.

— Вы с ним друзья, — сказала Ноктюрна. Губы ее были красны от крови. — Он не рассердится. Ведь я ему не изменила.

Пенни подумалось, что она это заслужила.

Но как только на Ноктюрну обрушилась багровая лихорадка, Пенни вырвалась из ее рук. Эта тварь порезала ей щеку. Из-за серебра порез не закроется, может даже остаться шрам. У Пенни их и так более чем достаточно, но этот будет на самом видном месте.

Невдалеке стояли люди, они следили за происходящим. Пенни заметила, что глаза у них красные. Тоже дампиры, тоже жаждущие драка, жаждущие ее крови. Она попятилась к двери в вестибюль, проклиная Джонни Попа.

Ноктюрна, пошатываясь, двинулась за нею следом.

Раскидывая дампиров, по улице пронеслось такси. Пенни вскинула руку и помахала. Ноктюрна взвыла и кинулась к ней. Пенни рванула дверь машины и плюхнулась внутрь. Она велела водителю ехать, все равно куда, да поживее.

Ноктюрна и другие с шипением липли к окну, царапая стекло когтями.

Машина набрала скорость и унеслась прочь.

Пенни приняла решение. Возмездие есть возмездие, но она свое получила. Она уедет из этого города. «Фабрика» обойдется и без нее. Энди останется с Джонни: вроде бы они друг друга вполне устраивают.

— Однажды прольется дождь, — сказал водитель, — и смоет грязь с улиц.

Хотела бы она с ним согласиться.

Значение Нико для творчества Уорхола конца 60-х легко переоценить. В конце концов, она была его первым «настоящим» вампиром. Немка, блондинка, с каркающим голосом, она была бледной копией Эди, а значит, и Энди. Обращение Нико Отзак (Nico Otzak) произошло где-то в пятидесятых; в 1965 она приехала в Нью-Йорк вместе со своим похожим на куколку сыном по имени Ари (Ari) и заявилась на «Фабрику».

Весьма отдаленным образом она была связана с самим Дракулой, оказавшись в 1959 году случайной гостьей на том самом последнем вечере в Риме, который завершился окончательной гибелью Короля Вампиров. «Она была загадочной и очень европейской, — говорил Энди, воздерживаясь от любого упоминания слова на букву „в", — настоящая лунная богиня». Казалось, что она, подобно Дракуле, извлекла уже все возможное из Старого Света и двинулась дальше, на поиски «полнокровной страны».

В своей работе под названием «Эди: Американская биография» («Edie: An American Biography», 1982) Джин Стейн (Jean Stein) убедительно опровергает распространенную версию о том, что холодная европейская покойница выжила «тепленькую» американку, заняв ее место. Еще до приезда Нико Эди Седжвик уже готова была обратиться из вампи-

ра в жертву; ее главная ошибка состояла в том, что она считала себя важной персоной, настоящей звездой, и Энди втайне был уязвлен тем, что она все больше стремится к известности, причем скорее сама по себе, нежели в качестве его двойника. Она уже несколько отошла от «Фабрики» и прибилась к кругу Боба Дилана, привлеченная более серьезными наркотиками и гетеросексуальностью. Она с полным правом обижалась на Энди за то, что некоторый коммерческий успех его фильмов принес выгоду только ему; Энди считал, что она и так уже богата — «наследница», одно из его любимых словечек, — и деньги ей ни к чему, хотя более или менее обеспеченные люди трудились не меньше, а порой и больше, чем она, — и над фильмами, и над шелкотрафаретными работами — за такое же ничтожное вознаграждение. Ответственность за саморазрушение Эди нельзя целиком возложить на Энди и Нико — тусовка Дилана тоже не очень-то помогала, поспособствовав тому, что она перешла от амфетаминов к героину, — но несомненно одно: без Уорхола Эди никогда не стала бы «dead famous»[1]*, как говорят англичане.*

С появлением Нико Энди наконец-то заполучил себе вампира. В подтексте их отношений наверняка подразумевалась возможность — или обещание? — его обращения, но с этим Энди не спешил. Восприняв кровь вампира, он стал бы его потомком и тем самым уступил бы ему центральное место в собственной жизни — условие неприемлемое. Обстоятельства его обращения неизвестны, но произошло оно в результате анонимного пожертвования крови: Уорхол сделал себя — как всегда — своим собственным потомком, сам же себя создав. Кроме того, вряд ли кто захотел бы иметь такую Темную Мать, как Нико: по ночам она брала кровь у Ари, своего собственного чада, и этот вампирический инцест способствовал постепенному разложению, от которого со временем и мать, и сын должны были погибнуть.

В особенный восторг Энди приводили взаимоотношения Нико с зеркалами и пленкой. Она была одной из тех вампиров, которые не имеют отражения, — как ни старался Энди пре-

[1] Очень известный (букв.: смертельно известный; *англ.*).

вратить ее в сплошное отражение при полном отсутствии личности. Например, он заставлял ее петь «I'll Be Your Mirror»[1]*. В «Хай-Эшбери» («High Ashbury»), самом странном фрагменте «****/Двадцатичетырехчасового фильма» («****/Twenty-Four-Hour Movie», 1966), Ондайн и Ультра Вайолет помещены по сторонам пустого места и ведут беседу, казалось бы, с бестелесным голосом. Однако во время съемки заметны некоторые признаки физического присутствия Нико: перемещение подушек, сигарета, мелькнувшая, как стрекоза, струйка дыма, очертившая контур пищевода. Но вампирши там попросту нет. Возможно, именно в этом все дело. Энди снимал стены, оклеенные серебристой фольгой, и пустые стулья, выдавая их за фотографии Нико. Для обложки одного альбома он даже сделал шелкографию с изображением пустого гроба.*

Когда Энди обрел свою вампирическую музу, ему нужно было что-то с ней делать, и он пристроил ее к «Velvet Underground» — группе, которая вряд ли была так уж заинтересована в солистке, пьющей человеческую кровь, — в рамках «Exploding Plastic Inevitable», клубных вечеров, которые он устраивал в 1966 году в клубе «Дом» на улице Сейнт-Маркс-плейс. Все вокруг были облачены в черную кожу, и Энди нарядил Нико в одежды фарфоровой белизны, направляя на нее прожектор, создававший вокруг ее фигуры ангельское сияние — особенно в те минуты, когда она не пела. Лу Рид купил себе распятие и стал думать, как ему выкрутиться. Вполне возможно, что успех «EPI» был в значительной степени обеспечен теми многими нью-йоркцами, что заинтересовались Нико: в 1966 году большинство американцев не имели опыта пребывания в одном помещении с вампиром — с настоящим вампиром. Энди это прекрасно понимал и сделал все, чтобы вне зависимости от того, насколько затемнена бо́льшая часть клуба, Нико было видно всегда — краснооко видение, не переводя дыхание бормочущее слова песни «Femme Fatale». В песне этой содержатся и обещание, и угроза: «Think of her at nights, feel the way she bites...»[2]

[1] «Я буду твоим отражением» *(англ.)*.

[2] «Думай о ней по ночам, чувствуй, как она кусает...» *(англ.)*

Пока «Velvet» выступали, Уорхол прятался меж стропил, как Призрак Оперы, настраивая лампы и прожектора, регулируя звук. Подобно Улиссу, он залил себе уши воском, чтобы пройти сквозь мрак ночи. За спиной у группы он снимал свои фильмы. Порою, когда его настоящая вампирша чересчур зазнавалась и выставляла себя напоказ, он запускал фильм «Лоск», проецируя при этом изображение Эди на Нико — точно так же, как он проецировал себя на них обеих.

Никто не спорит: между 1966 и 1968 годами Энди был настоящим монстром.

Конклин. Там же

Джонни стал одним из немногих допущенных в дом Энди, на его придворные приемы. В середине лета дожидаться заката и только потом выбираться на улицу смысла не имело, поэтому Джонни приказывал, чтобы из Брэмфорда на шестьдесят шестую Ист-стрит, которая была неподалеку, его отвозили в узком лимузине со стеклами «Polaroid», а затем, защищаясь от солнца зонтиком, спешил к двери с № 57.

С исчезновением Черчвард в гладком течение социальной жизни Энди произошел сбой, и он искал себе новую Девушку Года. Джонни побаивался, как бы его не заставили взять на себя уж слишком большую часть прежних обязанностей Покаянной Пенни. У него и так ни на что не хватало времени, особенно после того, как эта полоумная Белла Абцуг обрушила шквал обвинений на полицейское управление Нью-Йорка, и они, словно взбесившись, принялись кричать о «проблеме драка». Бизнес Джонни пока еще не был признан незаконным, но у его дилеров каждую ночь бывали неприятности, и откаты «семьям» и полицейским накручивались каждую неделю; из-за этого ему пришлось поднять цену за дозу, и в результате дампирам приходилось еще чаще заниматься проституцией и всячески сбиваться с ног, чтобы наскрести требуемую сумму. Газеты постоянно сообщали о новых убийствах, совершенных способом, типичным для вампиров, — и при этом настоящих вампиров никто даже не подозревал.

Пронизывающий два этажа холл дома № 57 был украшен царственными бюстами — Наполеона, Цезаря, Дракулы — и стеллажами, набитыми всевозможными скульптурами и живописными полотнами. Повсюду были произведения искусства — собранные, но не каталогизированные, некоторые даже не вынуты из упаковки.

Джонни уселся в обтянутый тканью шезлонг и принялся листать мужской порнографический журнал, верхний в целой кипе периодических изданий, репертуар которой варьировался от «The New York Review of Books»[1] до «The Fantastic Four»[2]. Откуда-то сверху послышались шаги Энди, и Джонни взглянул на верхнюю площадку лестницы. Энди соизволил выйти: лицо, похожее на череп, — маска, изрытая впадинами, — венчало красный бархатный халат до пят, который волочился по лестнице за ним вслед, как шлейф у какой-нибудь Скарлетт О'Хара.

Во время этой короткой сцены, в неофициальной обстановке — когда вокруг не было посторонних, — Энди позволил себе улыбнуться, как маленький, тяжелобольной мальчик, обожающий наряжаться и потакающий этой своей слабости. Дело даже не в том, что Энди был позером, но он ни перед кем этого не скрывал и, несмотря ни на что, находил в подделке что-то настоящее, обращая позерство себе в достоинство. Играя, Энди на самом деле просто ненавязчиво показывал, что все вокруг занимаются тем же самым. За месяцы, проведенные в Нью-Йорке, Джонни понял, что быть американцем — почти то же самое, что быть вампиром: кормиться мертвецами и идти все вперед, и вперед, и вперед, превращая заурядность в добродетель, а мертвое лицо трупа — в идеал красоты. В этой поверхностной стране никому не было дела до той гнили, что кроется глубоко внутри — за улыбкой, деньгами и блеском. После преследований, пережитых в Европе, эта страна казалась сущим раем.

Энди протянул руку с длинными ногтями к столику возле шезлонга. На нем лежала целая стопка приглашений

[1] «Нью-Йоркское книжное обозрение» *(англ.)*.

[2] «Фантастическая четверка» *(англ.)*.

на ближайший вечер — столько вечеринок, вернисажей, премьер и торжественных приемов, что даже такой человек, как Энди, не смог бы поспеть всюду до рассвета.

— Выбирай, — сказал он.

Джонни взял пригоршню карточек и вкратце огласил суть приглашений, в то время как Энди высказывал одобрение или, напротив, отказывался. Шекспир в Парке, Пол Тумс в «Тимоне Афинском» («Фу-у, мизантропия»). Благотворительный бал против какой-то новой тяжелой болезни («Фу-у, грустно»). Выставка металлических скульптур Андерса Уоллека («О-о, обалде-е-еть»). Премьера нового фильма Стивена Спилберга, «1941» («О-о, отли-и-ично»). В «Max's Kansas City» показ незавершенной работы Скотта и Бет Би, в главных ролях Лидия Ланч и Тинейдж Джизес («У-у, андегра-а-аунд»). Дизайн, перформанс в ночном клубе («Фу-у, похабе-е-ень»). Вечеринки по приглашению, а также в честь: Джона Леннона, Тони Перкинса («Тьфу, „Психоз"»), Ричарда Хелла и Тома Верлена, Джонатана и Дженнифер Харт («Блин!»), Блонди («Девица из мультика или группа?»), Малкольм Маклорен («Ой, не на-а-адо»), Дэйвид Джо Хансен, Эдгар Аллан По («Бо-о-ольше ни за что»), Фрэнк Синатра («Старый пердун, крыса, кляча, осел!»).

Что ж, некоторые перспективы вырисовывались.

Энди был в дурном расположении духа. Трумен Капоте, пришепетывая из-за своих дурацких клыков, злорадно рассказал ему о пародии Александра Кокберна на беседу, произошедшую за ланчем между Уорхолом, Колачелло и Имельдой Маркос, и процитированную в «Интервью». Энди, разумеется, пришлось прямо в разгар вечеринки сесть и внимательно изучить это произведение. Согласно версии Кокберна, Боб и Энди пригласили графа Дракулу на ужин в ресторан Мортимера, что в Верхнем Ист-Сайде, и принялись подкалывать его, задавая вопросы вроде: «Не жалеете ли вы, что не можете поехать на Рождество в Трансильванию?» или «Вас по-прежнему заставляют заботиться об имидже и вести себя определенным образом?»

Джонни прекрасно понимал, что на самом деле якобы невозмутимый художник расстроился из-за того, что его

обскакали. Теперь Энди не сможет взять интервью у Дракулы. Он надеялся, что Джонни сможет выступить в качестве медиума между ним и духом своего Отца — ведь другие прежде помогали ему заполучить для журнала таких персонажей, как ассирийский демон ветра Пазузу и Гудини. Энди ценил Джонни не просто за то, что он вампир; было важно, что он — прямой потомок Дракулы.

Джонни уже не ощущал присутствие Отца так отчетливо, как прежде, хотя и знал, что отец всегда рядом. Казалось, он полностью поглотил собой этого великого духа, прислушиваясь к советам графа и продолжая его земную миссию. Прошлое подернулось дымкой. Он едва помнил Европу, как он там жил и умер, и рассказывал об этом разные истории именно потому, что каждый раз вспоминалось разное. Но в тумане неизменно маячила фигура красноглазого Дракулы, облаченная в черный плащ с капюшоном; она тянулась к нему, тянулась сквозь него.

Порой Джонни Попу казалось, что он и *есть* Дракула. Черчвард однажды почти поверила в это. Окажись это правдой, Энди пришел бы в восторг. Но Джонни был не *просто* Дракулой.

Он больше не был единственным. В этой стране, в этом городе, на этой вечеринке были и другие вампиры. Уже не феодалы Старого Света, члены Трансильванского Движения, высокомерные и жалкие одновременно, но американцы — не по рождению, так по призванию. Их экстравагантные имена были безлики, как копия с копии, и словно выражали идею мимолетности: Соня Блу, Сатанико Пандемониум, Скитер, Скумбалина. Едва лишь восстав из мертвых, эти метафорические (или реальные?) темные чада Энди Уорхола первым делом — как актеры, прошедшие первое прослушивание, — меняли имена. По их жилам струился золотой драк, и они продавали себя дампирам, наводняя собою Нью-Йорк, где было больше всего дракоманов. Денег у них было немало, не в пример большинству старших, которые сидели по своим замкам и участвовали в ТД, но жили они в туристских трейлерах или в приютах и одевались в зловонные лохмотья.

Энди воспрянул духом. Юный вампир, представившийся как Ничто, заверил его в своей вассальной преданности

и в знак почтения предложил ему свою руку, изрезанную вдоль и поперек. Энди ласково прикоснулся к ранам, но не стал пробовать кровь на вкус.

Джонни показалось, что он почувствовал укол ревности.

Джонни и Энди развалились на заднем сиденье лимузина. Люк в крыше был открыт, и они играли в кошки-мышки с первыми отсветами зари.

После многочисленных светских мероприятий, которые они посетили этой ночью, у Джонни голова шла кругом, и от болтовни звенело в ушах — как от кутерьмы, которую устраивали духи, проглоченные вместе с человеческой кровью. Ему захотелось, чтобы гул голосов наконец сменился тишиной; он заставил свой мозг успокоиться. Облако тишины тут же накрыло город.

Джонни весь раздулся от избытка крови: на каждой вечеринке к нему подходили юноши и девушки и подставляли свои шеи. Энди тоже выглядел весьма оживленным: видно, и ему удалось сделать за ночь пару осторожных глотков. Джонни чувствовал, как им овладевает усталость, и понимал, что, облегчившись и поставив благочестивых католиков за работу, он будет вынужден весь день провести в летнем холодильном гробу — роскошном агрегате, которым он обзавелся в Нью-Йорке.

Прямоугольник беззвездного неба у него над головой отливал серо-голубым предзакатным светом. Через стекло пробивались красноватые отблески, отраженные зеркальными фасадами на Мэдисон-авеню. Легкий туманный холодок раннего утра выгорел в мгновение ока, как старый вампир. Наступал еще один убийственно жаркий день, грозящий загнать их обоих в логова на ближайшие двенадцать часов.

Они и не возражали: возразить было нечего.

Валери Соланас была основательницей и единственным членом Общества Уничтожения Всех Вампиров (Society for Killing All Vampires), а также автором «Манифеста ОУВВ» («SKAV Manifesto»). Из «Манифеста» можно выдернуть некоторые довольно забавные цитаты, например: «Просве-

щенные вампиры, желающие продемонстрировать свою солидарность с нашим Движением, могут это сделать, убив себя сами», — но в целом это довольно тоскливое чтиво, не в последнюю очередь потому, что Валери никогда толком не отдавала себе отчета в том, что именно она разумеет под словом «вампир». Конечно, как ученый, я прекрасно понимаю, сколь нетерпимо она должна была относиться к тому, что считала неважным: например, к составлению программы действий и к четким дефинициям научного стиля. В конце концов, Валери была психопаткой-параноиком, и вампиры для нее были врагами, дружно преследующими ее и ставящими ей палки в колеса. Первое время, говоря о вампирах, она имела в виду даже не самих носферату, но угнетавших ее патриархальных личностей определенного типа. А под конец она стала считать вампирами всех на свете.

Она снялась в одном малоизвестном фильме — «Я, вампир» («I, Vampire», 1967) — и во время съемок близко сошлась с Томом Бейкером, сыгравшим вампира лорда Эндрю Беннетта, и с Ультра Вайолет, а также с носительницей чудного имени Беттиной Коффин[1] и силуэтом Нико, проявлявшемся на пустом экране. У нее имелся не один зуб на Энди Уорхола: он потерял сценарий, который она прислала ему; он так и не опубликовал ее книгу; не сделал ее знаменитой — но ведь еще у дюжины Людей-кротов было не меньше причин на него злиться. Билли Нейм как-то сказал, что у него никогда не было полной уверенности в том, кого именно ему следует убить, себя самого или Энди, и он постоянно откладывал принятие окончательного решения.

Фильм Оливера Стоуна «Кто стрелял в Энди Уорхола?» («Who Shot Andy Warhol?») — это всего лишь кульминация целого тридцатилетия догадок и домыслов. Но повторяю: теории Стоуна и прочих, предполагавших наличие заговора, не имеют или почти не имеют реальных оснований, и Валери Соланас действовала в одиночку, от начала и до конца, ни с кем не сообщаясь и не сговариваясь. Главный и вполне разумный тезис Стоуна состоял в том, что в июне 1968-го кто-то непременно должен был стрелять в Энди Уорхола;

[1] От *англ.* «*coffin*» — гроб.

если бы Валери не вышла к барьеру, нашлась бы еще дюжина человек, готовых переплавить семейное серебро на пули. Но сделала это именно Валери.

К 1968 году на «Фабрике» произошли некоторые изменения. Она переехала в другое помещение, и у Уорхола появились новые партнеры — Фред Хьюз, Пол Моррисси, Боб Колачелло, — которые попытались создать более деловую атмосферу. Люди-кроты, потеряв желание появляться на студии без необходимости, изливали свою желчь на ассистентов Энди, будучи не в состоянии смириться с тем, что их изгнали по желанию самого Уорхола, — хотя он и не отдавал прямого распоряжения. Валери появилась внезапно, когда Энди беседовал с искусствоведом Марио Амайя (Mario Amaya), одновременно разговаривая по телефону с очередной «женщиной-супервамп» — Вивой, — и всадила две пули в него и еще одну — случайно — в Амайю. Фред Хьюз, прирожденный дипломат, по всей видимости, смог уговорить ее, чтобы она его не добивала, и Валери ушла, воспользовавшись грузовым лифтом.

В течение пятнадцати минут это событие было сенсацией, но как только врачи в Коламбас-Хоспитал констатировали клиническую смерть, из Чикаго пришла весть об убийстве Роберта Кеннеди. Все газеты Америки перекроили свои передовицы, спихнув художника в рубрику «Другие новости».

Кеннеди из мертвых не восстал. В отличие от Энди.

Конклин. Там же.

По поводу Хэллоуина в «54» была устроена вечеринка, шикарная до безрассудства. Стив объявил его почетным гостем, величая генеральным привидением праздника.

Прошел всего год — и Джонни стал любимым чудовищем этого города. Энди был вампирским владыкой Нью-Йорка, но Джонни Поп стал принцем тьмы, породившим и продолжавшим пестовать поколение дампиров, бандитов и вампиров. О нем слагались песни («Fame, I'm Gonna Live Forever»[1]), он снялся в фильме (по крайней мере, там

[1] «О слава, я буду жить вечно» *(англ.)*.

есть смазанное изображение его головы) вместе с Энди «Драковые королевы» Улли Ломмела, нахальства у него было больше, чем у верблюда слоны, и на побережье им уже очень интересовались.

В зал «Studio 54» на тележках вкатили торты в форме гробов и замков, а к вывеске «Man in the Moon» в знак уважения к Джонни приладили красные глаза и клыкастые челюсти. Либерейс и Элтон Джон затеяли фортепьянный поединок, в то время как парни из группы «Village People», переодетые в чудовищ: индеец — в оборотня, ковбой — в тварь из Черной Лагуны, строитель — в чудовище Франкенштейна, мотоциклист — в Дракулу, полицейский — в Нечто из другого мира, солдат — в горбуна из Нотр-Дам, — изображали обложку к «Куче монстров» Бобби «Бориса» Пикетта.

В тот день, когда Конгресс принял закон о признании драка лекарственным средством, Джонни перестал производить его лично и взял себе на замену нескольких нищих носферату, которые стали неиссякаемыми источниками драка.

Цены на препарат снова взлетели, как и размеры сумм, выплачиваемых полиции и криминальным группировкам, но личные доходы Джонни возросли до невообразимых высот. Он понимал, что пузырь должен вскоре лопнуть, и был готов к переменам, к борьбе за то, чтобы дожить до следующей эры. Уже на носу восьмидесятые. И это будет совсем другое время. В цене будет уже не драк, не известность и не приглашения на светские рауты — но деньги. Эти чудесные цифры станут его щитом, его замком, защитными чарами, неуязвимостью и обаянием.

Он теперь уже почти не танцевал. Он уже разыграл эту карту. Но на сей раз его попросили. Стив принялся скандировать: «Джонни Поп, Джонни Поп» — и с этим призывом обратился к толпе. Валери Перрин и Стив Гуттенберг дружески подтолкнули его вперед. Настасья Кински и Джордж Бернс похлопали по спине. Питер Богданович и Дороти Стреттен поцеловали в щеку. Он выскользнул из своей куртки «Versace», отдаленно похожей на плащ с капюшоном, отшвырнул ее прочь, расчистил себе место и

принялся танцевать — не для того, чтобы вызвать у окружающих благоговение или восхищение, как бывало прежде, но для себя самого и, возможно, в последний раз. Никогда еще не было у него столь полного ощущения своего могущества. Он больше не слышал отцовского голоса, потому что сам был Отцом. Все духи этого города, этого девственного континента, были целиком в его власти.

На этом закончился Век Америки. И снова наступили Anni Draculae[1].

Огромные, прекрасные глаза отвлекли его от толпы. Монахиня в полном облачении. Ярко-алые губки в форме сердца и белоснежные гладкие щеки. Наперсный крест из литого серебра, висевший у нее под белым воротничком, ударил ему в глаза с такой силой, что он пошатнулся. Разумеется, это была ненастоящая монахиня — точно так же, как «Village People» были ненастоящими чудовищами. Эта девушка была гостьей клуба, одетой в маскарадный костюм и пытающейся нащупать крайние пределы области дурного вкуса.

Она затронула сознание Джонни, и вдруг в нем вспыхнул свет.

Он вспомнил ее. Девушка по имени Смерть, та самая, которую он укусил и оставил на улице с шарфом, прижатым к кровоточащей ране. Он кое-что взял у нее, но теперь он отчетливо понял, что и она у него кое-что взяла. Она не стала вампиром, и все же он обратил ее, изменил, сделал воительницей, охотницей.

Изящным движением она сняла у себя с шеи распятие и подняла вверх. Ее лицо оставалось царственно бесстрастным.

Вера девушки сообщила символу власть, и Джонни почувствовал удар, который сбил его с ног и проволок через весь танцпол, между спотыкающимися танцорами. Смерть скользнула за ним следом, как балерина, подсознательно сторонясь людей; ее лицо становилось то красным, то зеленым, то фиолетовым, то желтым в свете пляшущих прожекторов. Оказавшись в самом центре танцпола, она под-

[1] Годы Дракулы *(лат.)*.

няла крест еще выше над головой. Он отразился в зеркальном шаре — миллион сверкающих распятий заплясал по толпе и по стенам.

Каждый отраженный крестик, попадавший на Джонни, действовал на него как удар хлыста. Он огляделся вокруг в надежде на спасение.

Здесь были все его друзья. Энди — наверху, на балконе или где-то еще, откуда можно было горделиво смотреть вниз. И Стив, который устроил эту вечеринку только для него. Именно здесь начался его взлет, здесь он продал первую дозу драка, заработал первые доллары. Но даже здесь он не был в безопасности. Смерть обратила весь «Studio 54» против него.

В толпе были и другие вампиры — они корчились от боли. Джонни увидел панк-принцессу, называвшую себя Скумбалиной, всю в шнурках и лохмотьях: она закрывала руками лицо, и на щеках и подбородке у нее дымились крестообразные ожоги. Даже дампиры чувствовали себя неважно: изо ртов и ноздрей у них лилась зловонная кровь, которой они пятнали пол и всех окружающих.

Смерть явилась за ним, остальные ей были не нужны.

Шатаясь, он протолкался сквозь толпу и кинулся на улицу. Восход был уже недалек. И по пятам шла смерть.

Его дожидалось такси.

Сев в машину, он велел шоферу ехать в Брэмфорд.

Как только такси тронулось, Джонни увидел, как из «54» вышла монахиня. Он обратился внутрь себя, пытаясь отыскать там Отца, чтобы тот помог ему усмирить подступивший ужас. Бегства с вечеринки ему не забудут. Не стоило показывать свою слабость.

Но что-то по-прежнему было не так. Что же именно?

Появление монахини потрясло его. Неужели эта девушка и вправду стала монахиней? Быть может, кто-то в Ватикане специально направил ее уничтожить Джонни? У Церкви всегда были свои убийцы для вампиров. А может быть, она работает на мафию? Может быть, крупные мафиозные «семьи» решили устранить Джонни от созданного им бизнеса, чтобы присвоить себе огромные доходы от продажи

драка? Или эта монашка — пособница его собственных собратьев, пешка Трансильванского Движения? Как раз на днях барон Майнстер обратился в ООН с просьбой о помощи, а старшие члены ТД считали Джонни выскочкой, который профанирует вампиризм слишком активным его распространением.

В течение нескольких веков Дракула сражался с бесчисленным множеством врагов и побеждал их. Толпа неизменно враждебна к провидцам. Джонни ощутил в себе присутствие Отца и откинулся на спинку сиденья, пытаясь сообразить, как ему быть дальше.

Ему нужны были солдаты. Вампиры. Дампиры. Потомство. Армия, готовая его защищать. И разведка, способная доставить ему информацию, которая позволит предусмотреть появление новой опасности. Надо будет начать с Руди и Эльвиры. Настало время дать им то, чего они хотят, — обратить их. Еще одна перспективная кандидатура — Патрик Бейтман, его консультант по инвестициям. Такие, как Бейтман, да еще обращенные в вампиров, — вот идеал настающей эпохи. Денежного Века.

Такси остановилось возле Брэмфорда. Ночь была пасмурной, и на тротуарах лежала тонкая корка застывшего снега. В лужах снег превратился в кашицу.

Джонни вышел из такси и расплатился с шофером.

Знакомый взгляд слегка безумных глаз. Еще один человек, которого Джонни уже встречал в этом году. Трейвис. Парень изменился: по бокам голова его была выбрита, а на макушке торчком стоял роскошный «прокез».

Таксист вышел из машины.

Если этот тепленький придурок позволит себе хоть что-нибудь лишнее, Джонни легко разорвет его на части. Он готов к любым неожиданностям.

Трейвис вытянул руку вперед, как будто для пожатия. Джонни опустил взгляд и вдруг увидел в руке Трейвиса — выскочивший из рукава на пружине — пистолет.

— Глотни-ка этого, — сказал Трейвис, ткнув пистолетом Джонни в живот и спуская курок.

Первая пуля прошла сквозь него, как сквозь воду, не причинив боли. Это был просто ледяной укол, безболезнен-

ный и безвредный. Старомодный свинцовый заряд. Джонни громко рассмеялся. Трейвис снова спустил курок.

На сей раз это было серебро.

Пуля вошла Джонни в бок, под ребра, и вырвалась наружу со спины, разрывая мясо и печень. В этом тоннеле, пробитом сквозь его тело, вспыхнул яростный ураган. Он упал на колени, сраженный такой чудовищной болью, какой еще не испытывал за всю свою бытность носферату. Внезапно он *почувствовал* холод: его куртка осталась в «54», и морозная снежная влага покусывала ему ноги, проникая сквозь ткань брюк, и обжигала вытянутую вперед руку.

Еще одна серебряная пуля — в сердце или голову, — и ему конец.

Возле скрюченного Джонни, возвышаясь над ним, стоял таксист. И рядом с ним, полукругом — другие. Целая толпа бесстрашных Истребителей Вампиров. Молчаливая монахиня. Чернокожий с деревянными ножами. Чернокожий с арбалетом. Полицейский, поклявшийся разбить Трансильванское Братство. Архитектор, выступивший в свой собственный крестовый поход, чтобы отомстить за семью, убитую дампирами. Стареющий битник, вышедший вместе со своей вонючей собакой-ищейкой из ярко раскрашенного фургона. Краснокожий дьяволенок-перебежчик с хвостиком и отпиленными рожками. Человек-истребитель с черепом на груди и огнеметом в руках.

Эта странная компания волков-одиночек собралась с единственной целью — прикончить Джонни Попа. Он слышал о каждом из них, но и предположить не мог, что они могут объединиться. Совершенно непостижимый город.

Дойл, полицейский, сжал руками голову Джонни и заставил его взглянуть на Брэмфорд.

На ступенях лежала мертвая Эльвира: из отверстия у нее в груди торчал кол, руки и ноги раскинуты, как лучи свастики. Из предутренней тени выскочил Руди; стараясь не смотреть Джонни в глаза, он переминался с ноги на ногу, держа в руках увесистый портфель. Арбалетчик отпустил его жестом, и Руди ринулся прочь, прихватив всю наличность, которую смог унести. Истребителям Вампиров

не пришлось даже тратить собственные деньги, чтобы подкупить его.

Раздался оглушительный взрыв, прокатилась волна обжигающего воздуха, и из всех окон верхнего этажа рванули языки пламени. Дождем посыпались осколки стекла и горящие обломки. Убежище Джонни, его помощники, его «Фабрика», весьма значительная сумма денег, его гроб, в конце концов. В одно мгновение он лишился всего.

Истребители Вампиров испытывали мрачное удовлетворение.

Джонни увидел, как люди наводняют вестибюль и вырываются на улицу.

Что ж, опять не обойдется без зрителей.

Джонни отчетливо почувствовал присутствие Отца — гордый дух разросся, укрепил его силы, приглушил боль. Клыки Джонни вытянулись до трех дюймов в длину, челюсть потяжелела. Остальные зубы стали твердыми как камень и острыми как бритва. И побеги свежих клыков, подобных зубам пираньи, распустились из почек, о существовании которых он прежде не подозревал. Ногти его обратились в отравленные кинжалы. Рубашка порвалась на спине, и за плечами стали расправляться черные крылья. Его ботинки развалились, и швы по бокам брюк затрещали.

Он медленно поднялся. Рана у него в боку заросла, покрывшись драконьей чешуей. Навстречу Джонни метнулся деревянный нож, но он отбил его на лету. Волны пламени бились о его ноги, растапливая снег на тротуаре, сжигая одежду, изодравшуюся в лохмотья, но ему самому не причиняя ни малейшего неудобства.

Даже бесстрашные Истребители оторопели.

Он внимательно вгляделся в эти лица, чтобы хорошенько их запомнить.

— Что ж, потанцуем, — прошипел Джонни.

Теперь, когда Энди действительно стал вампиром, мы все поймем наконец — и скептики, и поклонники, — чего он все это время добивался. В западной культуре было принято считать, что вампир не может быть художником. Целое столетие вокруг этой проблемы шли ожесточенные споры.

В целом сошлись на том, что многие поэты и живописцы после смерти становились другими людьми, их посмертная деятельность превращалась в подражательную автопародию, не становясь истинным выражением впечатлений от удивительной, новой ночной жизни, обретенной ими в результате обращения. Существует даже предположение, что этот феномен не является недостатком вампиризма, но, напротив, доказывает его превосходство над обычной жизнью; вампиры — существа слишком занятые, чтобы пускаться в рассуждения, они слишком погружены в свой внутренний мир, путешествуя по нему, чтобы тратить время на путевые дневники, давая простым смертным пищу для размышлений.

Рассказывать о трагических судьбах подробно нет смысла: они и так хорошо известны. Возродившийся Ио сражался с собственными стихами, не желавшими воспарить ввысь; Дали разбогател как никогда, подделывая собственные работы (или платя другим, чтобы они их подделывали); Гарбо, по-прежнему оставшись прекрасной, на пленке выглядела как гниющий труп; Диван, когда возродился, стал скучен как смерть; де Лионкур своим поступком в стиле «готического рока» разочаровал всех носферату. Но Энди был прирожденным вампиром — еще до обращения. У него все должно было сложиться совершенно иначе.

Но увы.

Между первой и второй смертью Энди постоянно работал. Портреты «голубых» и перевернутые тихуанские распятия. Бесчисленные заказные шелкотрафаретные портреты всех, у кого было достаточно денег, чтобы нанять его, — по 25 000 долларов каждый. Портреты известных на весь мир боксеров (Мохаммеда Али, Аполло Крида — Mohammed Ali, Paul Creed) и футболистов (О. Дж. Симпсона, Роя Рейса — O. J. Simpson, Roy Race), о существовании которых он даже не слышал. А чего стоят до неприличия льстивые портреты шаха, Фердинанда и Имельды (Ferdinand and Imelda), графини Элизабет Батори (Elizabeth Battory), Виктора фон Доома (Victor Von Doom), Ронни и Нэнси (Ronnie and Nancy) — ведь их невозможно трактовать иронически. И при этом он посещал множество светских мероприятий — и приемы в Белом Доме, и вечеринки в самых злачных дампирских клубах.

Все это ерунда.

Поверьте мне, я проверяла. Как ученый, я прекрасно понимаю, в каком сложном положении оказался Энди. Меня ведь тоже подозревали в вампиризме еще задолго до того, как я обратилась. Считается, что научная дисциплина, которой я занимаюсь, — не что иное, как хитроумный способ поживиться за счет покойников, продлевая тем самым свое никчемное существование от одной заявки на грант до другой. И никто еще не обвинял старших вампиров в недостатке знаний. Чтобы прожить века, нужно выучить не один десяток языков и, насколько это возможно, прочесть все литературные произведения, написанные на вашем родном языке. Среди нас, возможно, мало художников, зато мы все меценаты.

В нашей среде всегда шли поиски настоящего художника-вампира; с наибольшей вероятностью это могло быть существо, обращенное еще в детстве, пока у него не сформировалось мироощущение, свойственное «тепленьким». И я надеялась, что, внимательно изучив танец с Дракулой, который Уорхол исполнял всю свою жизнь, я смогу выдвинуть обоснованное предположение о том, что Уорхол — именно такая находка, что он обратился не в 1968-м, а, скажем, в 1938-м, и время от времени ненадолго подставлял себя солнцу, создавая тем самым эффект старения. Это объяснило бы, кстати, и его проблемы с кожей. К тому же никто еще не признался в том, что обратил Уорхола. Энди попал в больницу живым человеком, а вышел из нее вампиром — после того, как была засвидетельствована его смерть. Большинство из тех, кто пытался найти объяснение этому факту, полагают, что ему перелили вампирскую кровь, намеренно или случайно, однако администрация больницы категорически отвергает такую возможность. Как это ни печально, но приходится признать: лучшие произведения Энди создал еще при жизни, все остальное — лишь черная кровь мертвеца.

Конклин. Там же.

Изувеченный, Джонни лежал на тротуаре — снежный ангел с ярко-алыми крыльями из разлившейся крови, похожими на атласный плащ. Тело его было пробито серебряными пулями и деревянными ножами и дымилось после

огненного душа. Он был лишь духом, запертым в груде совершенно бесполезного мяса, которое разлагалось на глазах. Отец вышел из него и стоял теперь над останками Джонни: глаза его потускнели от стыда и печали, а за плечами вставали предрассветные сумерки.

Все Истребители Вампиров либо погибли, либо были ранены, либо спаслись бегством. Окончательная смерть Джонни досталась им нелегко. У них с Джонни было кое-что общее: они запомнили урок *Дракулы*, который сказал, что только семья сможет его одолеть. Ведь он знал, что на хвосте у него сидят охотники; он должен был предвидеть, что они объединятся, и позаботиться о том, чтоб их разделить. — Отец поступил бы именно так: так он и в самом деле поступал со своими преследователями.

Когда в Нью-Йорк придет рассвет, Джонни рассыплется в труху, в драковую пыль, которая растворится в снежной слякоти.

Вокруг двигались какие-то существа, ползали на карачках, лизали лицами к мокрому камню, что-то лакали. Дампиры. Джонни от души посмеялся бы. Он умер — и вот его пьют дракоманы, втягивая в себя его дух.

Отец велел ему протянуть руку, схватить их.

Но Джонни не мог. Он отдавался на милость холода. Он оставлял Отца и предавал себя в руки Смерти. Этой липовой монашке с огромными глазами.

Но Отец настаивал на своем.

Ведь умирал не только сам Джонни. Он был последним звеном, связывающим Отца с миром. Когда Джонни погибнет, настанет конец и Дракуле.

Правую руку Джонни свела судорога: пальцы щелкнули, как крабьи клешни. Она была перебита в запястье, почти насквозь, и даже вампирский трюк с быстрым заживлением не мог помочь делу.

Отец объяснил, что нужно сделать.

Джонни вытянул руку, и пальцы его коснулись воротника, скользнули по шее, и ноготь большого пальца уперся в самое основание горла — оно ритмично колыхалось, как шланг, сквозь который прокачивают воду. Джонни повернул голову и сфокусировал взгляд обожженного глаза.

Руди Паско, предатель, дампир.

Джонни с радостью убил бы ублюдка, чтобы последним своим деянием в этом мире оставить месть.

Нет, — сказал Отец.

Багровые глаза Руди превратились в огненные шары, светящиеся ужасом. Он до отказа накачался кровью Джонни, передозировка драка была очевидна, выражение его лица непрестанно менялось, мышцы вздувались и скручивались под кожей, как клубок танцующих змей.

— Помоги мне, — выдавил Джонни, — и я убью тебя.

Руди вскрыл чью-то машину, собрал все, что осталось от Джонни, и сложил на заднее сиденье. Для дампира настал наконец звездный час, и он увидел свет в конце тоннеля. В его теперешнем состоянии быть укушенным Джонни — значит умереть, обратиться, покончить с жалким существованием дампира. Как и всякий дампир, больше всего на свете он мечтал о большем, о том, чтобы стать настоящим вампиром.

А это было не так просто, как полагали некоторые. Требовался укус именно того вампира, чью кровь человек пробовал сам. Драк, который продавался на улицах, был разбавлен настолько, что процесс сбивался, шел неправильно, и дампиры погибали. Но Руди знал, что за кровь течет в жилах его хозяина. Джонни вдруг понял, что этот иуда продал его не за одни только сребреники: Руди надеялся, что, пролив его кровь, сможет совершить вожделенное чудо самостоятельно. По выражению англичан, которое Джонни слышал от Сида, Руди был просто wanker[1].

К дому Энди они подъехали перед самым рассветом. Если Джонни удастся попасть в дом — он получит шанс выжить. Но это было непросто, даже с помощью Руди. За время боя он слишком много раз менял свой облик, получил слишком много тяжелейших ран, даже лишился некоторых частей тела. Он отрастил крылья, и их изрешетили серебряными пулями, а потом оторвали прямо у основания. В спине не хватало костей. Одна из его ступней была от-

[1] Болван, идиот *(англ.)*.

рублена и потерялась где-то на улице. Джонни надеялся, что она поскакала за одним из его врагов.

Кое-кого из них, из этих Истребителей Вампиров, он отведал на вкус. Кровь Дойла оказалась сюрпризом: полицейский, ведущий ожесточенную борьбу с драком, был тайным дампиром и, готовясь к встрече с Джонни, явно принял дозу. Человек с ножами, в котором частица вампирской крови присутствовала с самого рождения, откуда — неизвестно, накачался чесноком, чтобы организм вампира не принял его крови.

Эта кровь была просто нечто. И Джонни испытывал тяжелые последствия.

Руди заколотил в дверь Энди, громко крича. В последний раз Джонни видел Энди в «54», на вечеринке, с которой сбежал. Энди должен был уже вернуться или вернется вот-вот. Восход приближался, и Джонни чувствовал, как его тело дымится. Стояло морозное утро Дня Всех Святых, но в его груди поднимался жар, настойчивый, как муссонный ветер, и грозящий вырваться наружу языками пламени.

Будет ли Джонни жить — зависело от того, вернулся ли Энди домой.

Дверь отворилась. Из-за нее вышел Энди собственной персоной, еще не переодевшийся после вечеринки, ослепленный розовеющим началом нового дня. Джонни почувствовал волны ужаса, изливающиеся из художника, и отчетливо представил себе свой внешний облик.

— Ну да, красный. Ты ведь часто используешь красный.

Руди помог ему войти в холл. Сумрак подействовал на него, как приветливая прохлада в палящий летний полдень. Джонни упал в шезлонг и умоляюще взглянул на Энди.

Спасти его могло только одно. Кровь вампира.

В первую очередь он обратился бы к Черчвард, она ведь была, можно сказать, почти что старшей. Она прожила около столетия, и кровь в ней была не испорчена. Но Пенни исчезла, сбежала из города, оставив их всех в смертельной опасности.

Пришлось обратиться к Энди. Тот понял, чего от него хотят, и отпрянул назад, вытаращив глаза.

Джонни вдруг понял, что не знает, чья кровь течет в жилах Энди. Кто обратил его?

Энди пришел в ужас. Он терпеть не мог, когда к нему прикасаются. Он терпеть не мог ничем делиться, тем более собственным телом.

Но у Джонни не оставалось выбора. Он направил то, что осталось от его сознания, на Руди и завладел его волей. Он заставил дампира, по-прежнему возбужденного сильнейшей дозой драка, скрутить Энди и силой приволочь его на другой конец холла, подтащить к шезлонгу и отдать во власть своего хозяина.

— Прости, Энди, — сказал Джонни.

И тут же взял быка за рога. Руди подставил ему шею Энди, жилистую и белую как мел, и Джонни впился в нее, как кобра, вонзив клыки в вену, готовый впустить в себя поток живительной, умопомрачительной вампирской крови. Ему нужна была не только кровь, ему нужен был таящийся в ней дух, который вернул бы ему растерянные силы.

Джонни едва не задохнулся.

Но он не смог удержать эту кровь в себе. Желудок его взбунтовался, и она сгустками хлынула изо рта и носа.

Как Энди это удалось? Как удавалось все эти годы?

Руди смотрел на них сверху вниз, не понимая, почему Джонни пытается рассмеяться, почему Энди скулит и держится за шею и что вообще за хрень творится в этом долбаном городе.

Энди не был — никогда не был — вампиром.

Он был живым человеком.

Джонни наконец-то понял, в какой мере Энди был собственным созданием.

Но теперь Энди умирал, и Джонни тоже.

Кровь Энди отчасти оказала на Джонни благотворное действие. Он смог встать. Смог схватить Руди, поднять его над землей, разорвать ему горло зубами и жадно высосать его дампирскую кровь, отравленную драком. Он смог отшвырнуть труп Руди на другой конец холла.

Когда с этим делом было покончено, он приподнял голову Энди, пытаясь привлечь внимание умирающего. Зрач-

ки его еще двигались, но и только. На шее у него зияла кровоточащая рана, по краям которой поблескивала слюна Джонни. Он угасал.

Джонни всадил ноготь большого пальца в собственное запястье и влил свою кровь Энди в рот, возвращая ему то, что взял. Губы Энди стали красными, как у Риты Хейворт. Джонни принялся ласково его уговаривать, и через несколько минут Энди сглотнул, расслабился и отключился, отправляясь в первое и последнее свое путешествие, руководимое драком.

Как это порой бывает, Энди Уорхол умер и вернулся в одно мгновение. Но было уже поздно. Валери Соланас нанесла ему слишком тяжелый ущерб, да и другие проблемы сказались. Он обратился, но не смог удержаться в новом состоянии.

Ослабевший Джонни не в силах был больше ничего сделать.

Энди, наконец-то Уорхол-Вампир, бродил по холлу своего дома, наслаждаясь новыми ощущениями. Жалел ли он о том, что перестал быть великолепной подделкой?

Потом он забился в судорогах и начал рассыпаться на части. Копья солнечного света, проникшие сквозь стеклянные оконца по периметру входной двери, проткнули его насквозь, и он растаял, как Злая ведьма с Запада[1].

Энди Уорхол был вампиром не более пятнадцати минут.

Джонни будет скучать по нему. Он забрал себе часть его духа, но это был очень тихий дух. Он никогда не станет оспаривать превосходство Отца.

Джонни подождал немного. В дальнем углу что-то зашевелилось.

Разумеется, он сам сочинил себе эпитафию. «В будущем все будут жить вечно, пятнадцать минут».

Прощай, Драколушка. В конце концов, он перестал быть Дракулой и остался Золушкой — девушкой, выгребавшей из печки золу.

Остальное же — его наследие — досталось нам.

Конклин. Там же.

[1] Злая волшебница из сказки Ф. Баума «Волшебник страны Оз».

Руди мог бы стать могучим вампиром. Он поднялся, огляделся, полный сил носферату, жаждущий первой кормежки, полный надежд на основание собственного клана, драковой империи, на собственное место под луной.

Джонни ждал его.

Собравшись с последними силами, он повалил Руди на пол и выгрыз в его теле дюжину ран, жадно глотая его кровь — кровь вампира. Закончил он тем, что пожрал сердце незадачливого американского парня. Руди так и не понял, что произошло. Джонни выплюнул его истомившийся дух — дух печального убогого человечка.

Он подставил его дважды мертвое тело солнечным лучам, и оно рассыпалось в прах. Позже в доме Энди будут обнаружены останки двух вампиров — художника и дракодилера. Джонни Попа официально признают погибшим. Он был лишь очередным звеном в непрерывной цепи его превращений.

Пора было убираться из этого города. На сей раз его привлекал Голливуд. Энди это понравилось бы.

С наступлением ночи, когда его кости срослись и лицо пошло на поправку, он покинул дом Энди и отправился на вокзал Грэнд-сентрал. Там, в сейфе, у него лежала небольшая заначка — сумма вполне достаточная, чтобы выбраться из города и доехать до побережья.

Отец им гордился. Теперь он мог с полным правом взять себе имя, соответствующее своему происхождению. Он больше не был ни Ионом Проческу, ни Джонни Попом; он был Джонни Алукардом.

И он получил в наследство империю.

О редакторе и составителе

Стивен Джонс живет в Лондоне. Он является трижды лауреатом Всемирной премии фэнтези, трижды получал премию им. Брэма Стокера и трижды — Международную премию гильдии писателей в жанре хоррор. Кроме того, он пятнадцать раз завоевывал Британскую премию фэнтези и был номинирован на «Хьюго». Телевизионный продюсер и режиссер, журналист и консультант по жанровому кино (первые три части фильма «Восставший из ада», «Ночная жизнь», «Ночное племя», «Потрошитель разума», «Последний вздох» и др.), он также является редактором, соредактором и составителем множества сборников и антологий — как авторских, так и тематических,— посвященных различным аспектам и персонажам литературы и кино жанра хоррор.

INTRODUCTION: THE CHILDREN OF THE NIGHT copyright © Stephen Jones 1992, 2004.

HUMAN REMAINS copyright © Clive Barker 1984. Originally published in *Books of Blood Volume 3*. Reprinted by permission of Sphere Books.

NECROS copyright © Brian Lumley 1986. Originally published in *The Second Book of After Midnight Stories*. Reprinted by permission of the author and the author's agent, The Dorian Literary Agency.

THE MAN WHO LOVED THE VAMPIRE LADY copyright © 1988 by Brian Stableford. Originally published in *The Magazine of Fantasy & Science Fiction*, August 1988. Reprinted by permission of the author.

A PLACE TO STAY copyright © Michael Marshall Smith 1998. Originally published in *Dark Terrors 4: The Gollancz Book of Horror*. Reprinted by permission of the author.

THE BROOD copyright © Ramsey Campbell 1980. Originally published in *Dark Forces*. Reprinted by permission of the author.

ROOT CELLAR copyright © Nancy Kilpatrick 1991. Originally published in *Vampire's Crypt* No. 4, 1991. Reprinted by permission of the author.

HUNGARIAN RHAPSODY copyright © Ziff-Davis Publishing Co. 1958. Originally published in *Fantastic*, June 1958. Reprinted by permission of the author and the author's estate.

THE LEGEND OF DRACULA RECONSIDERED AS A PRIME-TIME TV SPECIAL copyright © Christopher Fowler 1992. Originally published in *Sharper Knives*. Reprinted by permission of the author.

VAMPIRE copyright © Richard Christian Matheson 1986. Originally published in *Cutting Edge*. Reprinted by permission of the author.

STRAGELLA copyright © The Clayton Magazines, Incorporated. Originally published in *Strange Tales*, June 1932. Reprinted by permission of the author.

A WEEK IN THE UNLIFE copyright © David J. Schow 1991. Originally published in *A Whisper of Blood*. Reprinted by permission of the author.

THE HOUSE AT EVENING copyright © Stuart David Schiff 1982. Originally published in *Whispers* No. 15–16, March 1982. Reprinted by permission of the author and the author's estate.

VAMPYRRHIC OUTCAST copyright © Simon Clark 2003. Originally published on *Nailed by the Heart*, 17–31 July, 2003. Reprinted by permission of the author.

THE LABYRINTH copyright © Ronald Chetwynd-Hayes 1974. Originally published in *The Elemental*. Reprinted by permission of the author and the author's estate.

BEYOND ANY MEASURE copyright © Stuart David Schiff 1982. Originally published in *Whispers* No. 15–16, March 1982. Reprinted by permission of the author and the author's estate.

DOCTOR PORTHOS copyright © Basil Copper 1968. Originally published in *The Midnight People*. Reprinted by permission of the author.

STRAIGHT TO HELL copyright © Paul McAuley 2000. Originally published in *The Third Alternative* Issue 24, 2000. Reprinted by permission of the author.

IT ONLY COMES OUT AT NIGHT copyright © Kirby McCauley 1976. Originally published in *Frights*. Copyright Dennis Etchison 1982. Reprinted by permission of the author.

INVESTIGATING JERICHO copyright © Chelsea Quinn Yarbro 1992. Originally published in *The Magazine of Fantasy & Science Fiction*, April 1992. Reprinted by permission of the author.

DRACULA'S CHAIR copyright © Peter Tremayne 1979. Originally published in *The Count Dracula Fan Club Book of Vampires*. Reprinted by permission of the author.

A TASTE FOR BLOOD copyright © Sydney J. Bounds 2004.

THE BETTER HALF copyright © Melanie Tem 1989. Originally published in *Isaac Asimov's Science Fiction Magazine*, mid-December 1989. Reprinted by permission of the author.

THE DEVIL'S TRITONE copyright © John Burke 2004.

CHASTEL copyright © Manly Wade Wellman 1979. Originally published in *The Year's Best Horror Stories: Series VII*. Reprinted by permission of the author and the author's estate.

DER UNTERGANG DES ABENDLANDESMENSCHEN copyright © Howard Waldrop 1976. Originally published in *Chacal*. No. 1, Winter 1976. Reprinted by permission of the author.

RED AS BLOOD copyright © Tanith Lee 1979. Originally published in *The Magazine of Fantasy & Science Fiction*, July 1979. Reprinted by permission of the author.

LAIRD OF DUNAIN copyright © Graham Masterton 1992.

A TRICK OF THE DARK copyright © Tina Rath 2004.

MIDNIGHT MASS copyright © F. Paul Wilson 1990. Originally published in *Midnight Mass*. Reprinted by permission of the author.

BLOOD GOTHIC copyright © Nancy Jones Holder 1985. Originally published in *Shadows 8*. Reprinted by permission of the author.

YELLOW FOG copyright © Les Daniels 1986. Originally published in *Yellow Fog*. Reprinted by permission of the author.

FIFTEEN CARDS FROM A VAMPIRE TAROT copyright © Neil Gaiman 1998. Originally published under the title 'Fifteen Painted Cards from a Vampire Tarot' in *The Art of Vampire: The Masquerade*. Reprinted by permission of the author.

VINTAGE DOMESTIC copyright © Steve Rasnic Tem 1992.

TRY A DULL KNIFE copyright © Harlan Ellison ® 1968. Renewed © The Kilimanjaro Corporation 1996. Originally published in *The Magazine of Fantasy & Science Fiction*, October 1968. Reprinted by arrangement with, and permission of, the author and the author's agent, Richard Curtis Associates, New York, USA. All rights reserved. Harlan Ellison is a registered trademark of The Kilimanjaro Corporation.

ANDY WARHOL'S DRACULA: ANNO DRACULA 1978–79 copyright © Kim Newman 1999. Originally published in *Andy Warhol's Dracula*. Reprinted by permission of the author.

Содержание

Пролог. ДЕТИ ТЬМЫ. *Пер. К. Тверьянович* 5

Клайв Баркер. ОСТАНКИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО
Пер. К. Тверьянович 7

Брайан Ламли. НЕКРОС. *Пер. П. Матвейца* 63

Брайан Стэблфорд. ВОЗЛЮБЛЕННЫЙ ВАМПИРШИ
Пер. О. Ратниковой 85

Майкл Маршалл Смит. ПЛЕННИК. *Пер. О. Ратниковой* . . . 112

Рэмси Кэмпбелл. ВЫВОДОК. *Пер. О. Ратниковой* 140

Нэнси Килпатрик. ПОДВАЛ СТАРОГО ДОМА
Пер. О. Ратниковой 157

Роберт Блох. ВЕНГЕРСКАЯ РАПСОДИЯ
Пер. О. Ратниковой 165

Кристофер Фаулер. ЛЕГЕНДА О ДРАКУЛЕ КАК
ТЕЛЕПРОЕКТ. *Пер. Д. Денисова* 177

Ричард Кристиан Мэтсон. ВАМПИР. *Пер. В. Полищук* 196

Хью Б. Кэйв. СТРАГЕЛЛА. *Пер. В. Двининой* 202

Дэвид Шоу. НЕДЕЛЯ С НЕЖИТЬЮ. *Пер. Е. Сытник* 232

Франсез Гарфилд. СУМЕРЕЧНЫЙ ДОМ. *Пер. П. Матвейца* 239

Саймон Кларк. ИЗГОИ. *Пер. О. Ратниковой* 248

Рональд Четвинд-Хейс. ЛАБИРИНТ. *Пер. П. Матвейца* . . . 259

Карл Эдвард Вагнер. СВЕРХ ВСЯКОЙ МЕРЫ
Пер. В. Двининой 290

Бэзил Коппер. ДОКТОР ПОРТОС. *Пер. К. Тверьянович* . . . 352

Пол Макоули. ПРЯМИКОМ В АД. *Пер. Е. Королевой* 361

Дэннис Этчисон. ОНО ПОЯВЛЯЕТСЯ ТОЛЬКО НОЧЬЮ
Пер. Л. Шушуновой 383

Челси Куинн Ярбро. ИНСПЕКЦИЯ В ИЕРИХОНЕ
Пер. В. Колосовой 396

Питер Тримэйн. КРЕСЛО ДРАКУЛЫ. *Пер. Н. Кудрявцева* . 454

Сидни Дж. Баундс. ЖАЖДА КРОВИ. *Пер. О. Ратниковой* . 466

Мелани Тем. ЛУЧШАЯ ПОЛОВИНА. *Пер. К. Тверьянович* . 474

Джон Бёрк. ДЬЯВОЛЬСКОЕ ТРЕЗВУЧИЕ
Пер. Л. Шушуновой 500

Мэнли Уэйд Веллман. ЧЕСТЕЛЬ. *Пер. Д. Кальницкой* 520

Говард Уолдроп. DER UNTERGANG DES
ABENDLANDESMENSCHEN. *Пер. А. Гузмана* 551

Танит Ли. КРАСНЫ КАК КРОВЬ. *Пер. В. Двининой* 566

Грэм Мастертон. ЛЭРД ДУНАЙН. *Пер. О. Ратниковой* 579

Типа Рат. ИГРА ТЬМЫ. *Пер. Г. Соловьевой* 591

Ф. Пол Уилсон. ПОЛУНОЧНАЯ МЕССА
Пер. О. Ратниковой 602

Нэнси Хольдер. КРОВАВАЯ ГОТИКА. *Пер. Г. Соловьевой* . . 666

Лес Дэниэлс. ЖЕЛТЫЙ ТУМАН. *Пер. Д. Бабейкиной* 673

Нил Гейман. ПЯТНАДЦАТЬ КАРТ ВАМПИРСКОГО ТАРО
Пер. Н. Горелова 774

Стив Резник Тем. ДОМАШНЕЕ ВИНО. *Пер. Е. Первушиной* 782

Харлан Эллисон. ПОПРОБУЙ ТУПЫМ НОЖОМ
Пер. В. Двининой 790

Ким Ньюмен. ДРАКУЛА ЭНДИ УОРХОЛА
Пер. К. Тверьянович 805

О редакторе и составителе 891

Литературно-художественное издание

ВАМПИРЫ

Руководитель проекта Денис Лебанов
Ответственный редактор Екатерина Дубянская
Редактор Татьяна Бурмыкина
Художественный редактор Александр Золотухин
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Татьяна Никонова, Анна Быстрова, Галина Тимошенко
Верстка Алексея Соколова

Директор издательства Максим Крютченко

Подписано в печать 10.04.2007.
Формат издания 84 × 108¹/₃₂. Печать офсетная. Гарнитура «Петербург».
Тираж 10 000 экз. Усл. печ. л. 47,3. Изд. № 439. Заказ № 2810-2.

Издательский Дом «Азбука-классика».
196105, Санкт-Петербург, а/я 192. www.azbooka.ru

Отпечатано с готовых фотоформ в ОАО «Ленинздат»
191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 59.

В новой антологии собраны тридцать пять лучших классических и современных историй о вампирах, принадлежащих перу таких известных авторов, как Клайв Баркер, Роберт Блох, Нил Гейман, Танит Ли, Ким Ньюмен, Кристофер Фаулер, Брайан Ламли и других.

Загадочные, жестокие, аристократичные, сексуальные, бесстрастные, как сама смерть, и способные на самую жгучую страсть, — вампиры уже не первое столетие остаются притягательной и модной темой мировой литературы и кинематографа. Исторгнутые извечной тьмой или порожденные человеческими суевериями; исчадия зла или жертвы рокового недуга; звероподобные кровопийцы или утонченные ценители алого вина жизни — вампиры обязательно завладеют если не вашей кровью, то неотступным вниманием.

ISBN 978-5-91181-439-7

www.azbooka.ru